IZVESTIJA OTDELENIJA RUSSKAGO JAZYKA I SLOVESNOSTI IMPERATORSKOJ AKADEMII NAUK

XVI/1911
3/4

1965

AKADEMISCHE DRUCK- u. VERLAGSANSTALT
GRAZ - AUSTRIA

Photomechanischer Nachdruck der
Akademischen Druck- u. Verlagsanstalt
Graz / Austria

Printed in Austria
103.65

Матерьялы для изслѣдованія

«Фёдоръ Ивановичъ Тютчевъ и его поэзія» *).

На смерть Наполеона (Пятое мая).

I. Онъ былъ. (Его не стало). Кàкъ неподвижно, издавши смертельный вздохъ, пребывало непомнящее тѣло, лишонное такого духа,—тáкъ, поражена, ошеломлена, стоитъ земля при извѣстіи; II. Нѣма, думая о послѣднемъ часѣ рокового человѣка, [она] и не знаетъ, когда подобный слѣдъ смертной ноги придётъ топтать ея кровавую пыль [1]). III. Геній мой видѣлъ его мечущимъ перуны на престолѣ, и молчалъ,—когда онъ, съ постоянной перемѣной, падалъ, возставалъ и лежалъ, къ звукамъ тысячи голосовъ не примѣшалъ своего: IV. Не запятнанный рабскимъ восхваленьемъ и трусливымъ оскорбленіемъ, онъ поднимается теперь, при внезапномъ исчезновеніи такого луча, и урнѣ воспѣваетъ пѣснопѣніе, которое можетъ-быть не умрётъ. V. Отъ Альпъ до пирамидъ, отъ Мансанареса до Рейна, вѣрный громъ этого (мужа) шолъ вслѣдъ за молніей; разражался отъ Сциллы до Танаиды, отъ моря до моря. VI. Была ли тò истинная слава?... Потомкамъ (принадлежитъ) трудный приговоръ;

---

*) См. Извѣстія (1911), т. XVI, кн. 2.

1) Въ подлинникѣ эти двѣ первыя строфы звучатъ такъ:

Ei fu. Siccome immobile,
Dato il mortal sospiro,
Stette la spoglia immemore,
Orba di tanto spiro,—
Così, percossa, attonita,
La terra al nunzio sta;

Muta pensando all'ultima
Ora dell'uom fatale,
Nè sa, quando una simile
Orma di piè mortale
La sua cruenta polvere
A calpestar verrà.

мы (же) склонимъ чело передъ Величайшимъ творцомъ, пожелавшимъ отпечатлѣть на нёмъ широчайшій слѣдъ своего зиждительнаго духа [1]). VII (I). Бурную и трепетную радость великаго предпріятія, стѣсненіе сердца, служащаго непокорно, думая о владычествѣ, и достигающаго его, и обладающаго наградой, ожидать которую было безуміе,—VIII (II). Всё онъ испыталъ: бо́льшую славу послѣ опасности, бѣгство и побѣду, царскія палаты и печальное изгнаніе — дважды въ пыли, дважды на алтарѣ. IX (III). Онъ назвался, и два столѣтія, вооружонные другъ противъ друга, смиренно къ нему обратились, какъ-бы ожидая своего рока; онъ установилъ молчаніе и посредникомъ сѣлъ между нихъ. X (IV). И (онъ) исчезъ, и кончилъ дни въ бездѣйствіи, въ столь тѣсномъ предѣлѣ, въ знакъ безмѣрной зависти и глубокаго благоговѣнія, неугасимой ненависти и неукротимой любви. XI (V). Ка́къ на голову потерпѣвшаго крушеніе накатывается и тяготѣетъ волна, волна, надъ коей за мигъ предъ тѣмъ взоръ несчастнаго, поднятый и напряжонный, напрасно искалъ отдалённыхъ коримъ, XII (VI). Та́къ на эту душу спускалась груда воспоминаній! О, сколько разъ (онъ) потомкамъ хотѣлъ разсказать самого себя, а на вѣчныя страницы падала усталая рука! XIII (VII). О сколько разъ при молчаливомъ умираньи бездѣйственнаго дня, потупивъ молніеносныя очи, руки скрестивъ на груди, онъ стоялъ, и на него нападало воспоминаніе былыхъ дней! XIV (VIII). И перебиралъ онъ подвижныя палатки, и оглашонныя долины, и сверканіе отрядовъ, и волну коней, и возбуждённыя повелѣнія, и быстрое послушаніе. XV (IX). Ахъ! можетъ-быть при такомъ терзаніи падалъ изнывавшій духъ и отчаивался; но пришла мощная рука съ неба и милосердно перенесла его въ болѣе вдыхательный воздухъ [2]). XVI. И направила его, по цвѣтистымъ тропамъ надежды, къ вѣчнымъ полямъ, къ наградѣ, превышающей желанія, гдѣ минувшая слава является молчаньемъ и тьмою. XVII. Прекрасная, безсмертная, благодѣтельная Вѣра, привыкшая къ торжествамъ! запиши ещо это! Радуйся, такъ-какъ

---

1) Со слѣдующей строфы начинается тютчевскій переводъ.

2) На этомъ кончается тютчевскій переводъ. Отъ опущенья трёхъ послѣднихъ строфъ эта ода, по моему, выигрываетъ; однако начальныя опущены напрасно.

болѣе гордое величіе никогда не склонялось передъ безчестіемъ Голгофы. XVIII. Ты отъ утомлённыхъ останковъ устрани всякое дурное слово: тотъ Богъ, который низвергаетъ и возстановляетъ, который огорчаетъ и утѣшаетъ, на одинокой подстилкѣ покоился рядомъ съ нимъ.

IV. «Одиночество (Изъ Ламартина)». Это — первое изъ «Первыхъ поэтическихъ размышленій» (Premières méditations poëtiques) — L'isolement. Переводъ появился впервые въ «Сочиненіяхъ въ прозѣ и стихахъ»: Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Часть вторая. Москва 1822, стран. 231—232, съ подписью «(Изъ Ламартина) Тютчевъ». Повторено въ слѣдующемъ году, въ альманахѣ, гдѣ нѣсколько пріятелей перепечатали моя лучшіе стихи, появившіеся въ предыдущемъ году: «Новыя Аониды» на 1823 годъ. Москва. 1823. Стран. 92; подпись Ѳ. Тчвъ, въ оглавленьи же полностью Ѳ. Тютчевъ. Въ третій разъ напечатано только Флоридовымъ. — Варьянты. Ст. 2. «въ тѣни деревъ густой» Труды, вм. «древесъ»; ст. 3. «разкрываются предъ мной» вм. «развиваются передо мной» Тр.—чтенье флоридовское и аонидское ближе къ подлинному «se déroule»; ст. 5. «Здѣсь пѣнится рѣка, тамъ дола красота» вм. «долины кр.» Тр.; «Тамъ дремлетъ озеро, разли́тое широ́ко, И мирно свѣтитъ въ нёмъ вечерняя звѣзда!» вм. «Т. -млющая зыбь лазурнаго пруда Свѣтлѣетъ въ тишинѣ глубокой» Тр.: «дремлющая зыбь» — странная обмолвка, такъ-какъ это contradictio in adjecto, да къ тому-же вторая редакція значительно измѣняетъ подлинникъ, очень близко переданный первою («Là le lac immobile étend ses eaux dormantes Où l'étoile du soir se lève dans l'azur»); стр. 9—10. «Зари послѣдній лучъ во сумракѣ блуждаетъ По тёмной зелени луговъ» вм. «По тёмной зелени дерёвъ Зари послѣдній лучъ ещо примѣтно бродитъ» Тр., въ подлинникѣ: «На вершину этихъ горъ, увѣнчанныхъ тёмными лѣсами, Сумерки бросаютъ ещо послѣдній лучъ» (Au sommet de ces monts couronnés de bois sombre, le crépuscule encor jette un dernier rayon», — «луга̀», замѣняющіе по первой редакціи, весьма некстати, лѣсистыя вершины, думается мнѣ, появились лишь по опискѣ или по опечаткѣ («лу» вмѣсто «лѣ»), вызванной предшествующимъ «лучомъ» и послѣдующей «луною», взамѣнъ «лѣсовъ»; ст. 11. «Луна медлительно

по небу возтекаетъ» На колесницѣ облаковъ, вм. «Л. м. съ полуночи восходитъ» Тр.—въ подлинникѣ: «И туманная колесница царицы тѣней подымается и убѣляетъ уже края горизонта» (Et le char vaporeux de la reine des ombres Monte, et blanchit déjà les bords de l'horizon»); ст. 13—14. «Всё тихо, всё мертвò, лишь колоколъ священный Протяжно раздался въ окрестности нѣмой», вм. «И съ колокольни одинокой Разнёсся благовѣстъ протяжный и глухой» Тр. (обѣ передачи далеки отъ подлинника); стр. 15. «и звукъ его смиренный (Съ послѣднимъ шумомъ дня сливаетъ голосъ свой)», вм. «и колоколъ далёкой»; ст. 17. «Прелестный край!» вм. «Прекрасенъ міръ!» Тр. — ни тò, ни другое не передаётъ «нѣжныхъ картинъ» (ces doux tableaux) подлинника; ст. 21. «Съ холма на холмъ влачится взоръ унылой», вм. «скользитъ мой вз. ун.» Тр. (обѣ передачи не близкія); ст. 23. «Увы!», вм. «Но, ахъ!» Тр. (въ подлинникѣ нѣтъ междометія); «гдѣ стрѣчу» вм. «встр.» Н. Аон.; ст. 24. «Весь міръ передо мной, но счастіе—нигдѣ!», вм. «И счастья нѣтъ, при всей природы красотѣ» Тр. — у Лам.: «пробѣгаю всѣ точки огромнаго пространства, и говорю, «нигдѣ счастье меня не ждётъ» («Je parcours tous les point de l'immense étendue, Et je dis: nulle part le bonheur ne m'attend»); ст. 26. «Вы мертвы!... жизни духъ отъ всѣхъ васъ улетѣлъ», вм. «Вы м.! И отъ васъ. д. ж. ул.» Тр.—въ подл. прелесть (le charme); ст. 27. «И чтó вы всѣ теперь, бездушныя картины?», вм. «И чтó мнѣ въ васъ т.» Тр. (первая редакція была лучше—въ подл. «Que me font»); ст. 28. «Нѣтъ въ мірѣ *одного*— и міръ весь опустѣлъ»: тáкъ во всѣхъ трёхъ текстахъ, хотя подъ ламартиновскимъ «единственнымъ существомъ (un seul être)», конечно, надо понимать любимую *женщину*; ст. 29. «нощныя ль сходятъ тѣни», вм. «ночныя» Н. Аон.; ст. 30. «И свѣтъ, и мракъ равно противны мнѣ», вм. «И м., и св. пр. м.» Тр. (тò и другое далеко); ст. 32. «Вся вѣчность горести въ душевной глубинѣ» Тр., «И горесть вѣчная въ д. гл.» Н. Аон., вм. «И г. всякая въ д. гл.»—чтенье «всякая» довольно странно; ст. 33. «И долго ль страннику томиться въ заточеньѣ?», вм. «Но» Тр.; ст. 34. «Когда на лучшій міръ смѣню я дольній прахъ?», вм. «К. на л. м. покину дальній пр.» Тр. (до- вм. безсмысленнаго здѣсь да- и въ Н. Аон.); ст. 38. «Надеждъ спасительныхъ таинственный предметъ», вм. «Н. т-хъ

с-й пр.» Тр.—чтенье это лучше, хотя тоже туманно и не передаётъ подлинника, гдѣ сказано: «о чомъ я столько мечталъ, явилось бы моимъ глазамъ» (Ce que j'ai tant rêvé paraîtrait à mes yeux); ст. 40. «Но токмо тамъ, въ своей отчизнѣ обоймётъ» вм. «И т. т. въ отчизнѣ» безъ мѣстоименія Тр.; ст. 45. «Встаютъ гроза и вихрь, и листъ крутятъ пустынный» вм. «Встаётъ» и «крутитъ» Тр.—Переводъ вообще довольно далёкъ отъ подлинника, и измѣнилъ его не къ лучшему. Послѣ 30-го стиха выпущена цѣлая строфа, гласящая: «Если бъ я могъ послѣдовать за нимъ (за солнцемъ) по его обширному поприщу, Глаза мои увидали бы повсюду пустоту и пустыни; Я не желаю ничего изо всего того, что̀ оно освѣщаетъ; Я не прошу ничего у пространной вселенной»—«Que je pourrais le suivre en sa vaste carrière, Mes yeux verraient partout le vide et les déserts: Je ne désire rien de tout se qu'il éclaire; Je ne demande rien à l'immense univers». Въ Трудахъ не было ещо строкъ 41—44: «Какъ свѣтло сонмы звѣздъ пылаютъ надо мною, Живыя мысли Божества! Какая ночь сгустилась надъ землёю, И какъ земля, въ виду небесъ мертва!», представляющихъ полную передѣлку (въ общемъ недурную, если отрѣшится отъ неумѣстнаго пыланія звѣздъ); у Л-на читается: «Отчего я не могу, носимъ колесницей Зари, Вознестись къ тебѣ, неясный предметъ моихъ желаній! Зачѣмъ я остаюсь ещо на изгнанnической землѣ? Нѣтъ ничего общаго между землёй и мною»—«Que ne puis-je, porté sur le char de l'Aurore, Vague objet de mes vœux, m'élancer jusqu'à toi! Sur la terre d'exil pourquoi resté-je encore? Il n'est rien de commun entre la terre et moi».

V. «Пѣснь радости. (Изъ Шиллера)»—Шиллеровское заглавіе «An die Freude». Впервые въ «Сѣверной лирѣ на 1827 годъ. Изданной Раичемъ и Ознобишинымъ. Москва 1827», стран. 30—36, съ подписью Ѳ. Тютчевъ и съ помѣтой: «Минхенъ, 1823. Февраль». (Именно 23, а не 22, какъ сказано въ Рус. Арх. 74, X, 397). Въ 35-мъ году, по словамъ Флоридова, было перепечатано въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», № 9, коего мнѣ достать не удалось. Въ изданьи «Стихотвореній» не включалось. — Переводъ далёкъ отъ подлинника и значительно слабѣе: не могу, такимъ образомъ, присоединиться къ словамъ Я. М. Невѣрова, съ коимъ видимо согласенъ Валерій Брю-

совъ, что это *прекрасный* переводъ [1]). — Варьянты изъ Сѣв. лиры: стрф. V. «Всѣ созданья, всѣ народы За собой она влечётъ» вм. «ведётъ»; стрф. XI. «Кто постигнетъ Провидѣнье? Кто явитъ стези Его? Въ сердцѣ сыщем*ъ* откровенье, Сердце скажетъ Божество!», вм. «сыще*тъ*» — чтенье это надо внести въ текстъ. Замѣчу здѣсь, что эти четыре стиха — можетъ-быть по цензурнымъ соображеніямъ — совершенно измѣнены противъ подлинника, гдѣ сказано: «Богамъ нельзя воздать — Прекрасно быть равенъ имъ. Пусть скорбь и бѣдность заявятъ о себѣ, (и) Радуются съ радостными» (Göttern kann man nicht vergelten; Schön ist's ihnen gleich zu sein. Gram und Armuth soll sich melden, Mit den Frohen sich erfreun») — Шиллеръ, правда, выразился не совсѣмъ точно, но всёжъ можно понять, что ввиду невозможности отплатить Богу, надо, подобно ему, призирать на меньшую братью.

VI. «Къ Нисѣ. — Ниса, Ниса, Богъ съ тобою!» Впервые, съ подписью Θ. Тютчевъ, въ 1826 году, въ Ураніи: «Уранія. Карманная книжка на 1826 годъ для любительницъ и любителей русской словесности. Изданная М. Погодинымъ. Москва. Стран. 47. Съ подписью Θ. Тютчевъ. Но тамъ нѣтъ указанья, чтобы это былъ переводъ; каковаго указанья нѣтъ и въ Соврем. т. XLV, и 54, и 68. (83, 86 и 99 самая пьеска отсутствуетъ) [2]). Подлинникъ для этой вещи мнѣ не извѣстенъ, развѣ что считать таковымъ шиллеровское стихотвореніе «An Minna» — тогда однако слѣдуетъ говорить лишь о довольно далёкомъ подражаніи. Общее сходство у «Нисы» съ «Минною» несомнѣнно есть, одинаковъ также размѣръ; но какъ велика разница, видно ужъ изъ того, что у Т-ва всего 12 стиховъ, а у Шиллера — 48.

VII. «Пѣснь скандинавскихъ воиновъ». Впервые появилась тамъ же, гдѣ и предыдущее стихотвореніе, на стран. 70, съ подписью «Тютчевъ». Опять-таки ни тамъ, ни въ Соврем. XLV, ни 54, ни 68, не указывается на переводность, а мнѣ подлинникъ (если таковой былъ) совершенно не извѣстенъ. Варьянтъ. (Подъ конецъ). «Но васъ, обновлённыхъ прохладою

---

1) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1836 (іюнь), стр. 618. Брюсовъ «Лѣтопись». Рус. Арх. 1903, III, 496.

2) Есть ли такое указанье въ «Розѣ Грацій на 1831 г. М. 1830», гдѣ она, по словамъ Флоридова, появилась вторично, сказать не могу.

сна, Кровав*ая* битвы подыметъ волна» вм. «Кровав*ыя*» всѣ тексты, кромѣ флоридовскаго (54—и Соврем.,—68, Соч[1]., Ур.).—Замѣчу еще, что въ стихѣ (Гдѣ битва мрачнѣе, воители чаще)... «Туда онъ ударитъ, перунъ вседробящій» (строфа III) слово «перунъ», употреблённое въ смыслѣ «громовой стрѣлы», конечно надо писать со строчной буквы, какъ въ Соврем., 68, Соч[1].

VIII. «Саконталà (Изъ Гёте)»: «Что юный годъ даётъ цвѣтамъ,— Ихъ дѣвственный румянецъ». Впервые въ Сѣверной лирѣ на 1827 годъ (Срв. № V), съ подписью «Ѳ. Тютчевъ». Это перепѣвъ Гётевскаго четырехстишія (двухъ дистиховъ), коимъ тотъ привѣтствовалъ, весьма преувеличенными, похвалами извѣстную древнеиндійскую драму «Шякýнтала», появившуюся въ нѣмецкомъ переводѣ Георга Форстера: «Sakontala oder der entscheidende Ring, ein indisches Schauspiel von Kalidasas. Aus den Ursprachen Sanskrit und Prakrit ins Englische und aus diesem ins Deutsche übersetzt. Wien 1800» (Подъ предисловьемъ значится «Mainz, den 3-ten April 1791). Вотъ эти дистихи въ буквальномъ переводѣ и въ подлинникѣ: «Хочешь ли ты цвѣтъ ранняго, плоды болѣе поздняго года, Хочешь ли ты, что̀ прельщаетъ и восторгаетъ, Хочешь ли, что̀ насыщаетъ и питаетъ, Хочешь ли ты небо, землю, однимъ именемъ обнять—Тогда я тебя назову Саконталой, и этимъ всё сказано»—Willt du die Blüten des frühen, die Früchte des späteren Jahres, Willt du, was reizt und entzückt, willt du, was sättigt und nährt, Willt du den Himmel, die Erde in einem Namen begreifen — Nenn ich Sakontala dich, und so ist alles gesagt». Неточную передачу заглавнаго имени Т-въ, конечно,взялъ изъ подлинника; акцентовку же «Саконталà», вѣроятно, допустилъ совершенно произвольно, для стиха и для рифмы: едвали онъ гдѣ-нибудь слышалъ, что санскритское названіе драмы не есть «Çakúntalā», а производное отъ этого имени слово — средняго рода — «Çākuntalám». — Изъ нѣмецкаго текста ясно (довольно ясно это, впрочемъ, и безъ того), что въ Соч[2]. послѣ «цвѣтамъ» и еще въ двухъ мѣстахъ напрасно поставленъ «?», котораго нѣтъ въ другихъ изданіяхъ.

IX. «Подражаніе арабскому»: «Клянусь коня волнистой гривой». Впервые въ 1827 году, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» Дельвига, съ подписью «Тютчевъ»; перепечатано въ Біографіи (Рус. Арх. 1874, X,

397—398) и въ обоихъ изданіяхъ Сочиненій; а 83, 86, 99 его нѣтъ.—Это—стихотвореніе въ духѣ Корана, съ заимствованьемъ оттуда нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженій, то-есть однородное восьми пушкинскимъ «Подражаніямъ Корану» (девятое у Пушкина представляетъ перепѣвъ одной цѣльной притчи) [1]). Такъ-какъ арабскія стихотворенья Пушкина относятся къ 24-му году, то можно думать, что Тютчевъ взялъ ихъ себѣ въ образецъ. Срв. особенно 1-ю строфу 1-го пушкинскаго подражанія. Коранъ же Т-въ, вѣроятно, читалъ во французскомъ переводѣ Савари́, въ изданіи 1826 года [2]). —1-ая строфа тютчевскаго стихотворенья соотвѣтствуетъ С-ой главѣ, «Скакуны» (Les coursiers; Seconde partie, 397), гдѣ содержится клятва, что̀ люди неблагодарны и алчны и подвергнутся за это суду всевѣдущаго Бога; но близкое сходство представляетъ лишь выраженіе: «(клянусь) брызгомъ искръ его копытъ», чему въ Коранѣ соотвѣтствуетъ: «конями, которые, ударяя въ землю ногою, заставляютъ сыпаться искры» (Par les chevaux, qui, frappant la terre du pied, font jaillir des étincelles) [3]). Далѣе могу указать слѣдующія параллели изъ другихъ мѣстъ. Стрф. II, ст. 1. «Клянусь вечернею зарёю» — «Не буду клясться краснотою неба при заходѣ солнца» (Je ne jurerai point par la rougeur du ciel au coucher du soleil») глава LXXXIV, II, 377; стрф. II, ст. 3—4. «Онъ семь небесъ своей рукою Одно воздвигнулъ надъ другимъ» — «Онъ образовалъ семь небесъ, вознесённыхъ одни надъ другими» (Il a formé les sept cieux élevés les uns au-dessus des autres), LXVII, II, 334; Стрф. III, ст. 1—2. «Не Онъ ли яркими огнями Зажогъ сей безпредѣльный сводъ» — «Онъ украсилъ твердь яркими звѣздами» (Il orna le firmament d'astres lumineux), XLI, II, 234, «Ближайшее къ землѣ небо мы украсили яркими свѣтиль-

---

1) См. «Сочиненія А. С. Пушкина. Съ объясненіями и сводомъ отзывовъ критики. Изданіе Льва Поливанова для семьи и школы». Томъ II, стран. 133.

2) У меня въ рукахъ было 4-ое изданіе: Le Coran, traduit de l'arabe, accompagné de notes, et précédé d'un abrégé de la vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés. Par M. Savary. Paris 1821.

3) Что (по устному сообщенью Агафангела Ефимовича Крымскаго) «скакуны» или «бѣгуны» могутъ, и вѣроятно даже должны, пониматься не какъ лошади, а какъ верховые верблюды — не имѣетъ для насъ большого значенія; подтверждаетъ однако, что соотвѣтствіе «волнистой гривѣ» не найдено мною въ Коранѣ потому, что о гривѣ тамъ не упоминается.

никами, коихъ пламенные лучи отталкиваютъ демоновъ» (Nous avons orné le ciel le plus proche de la terre de flambeaux lumineux, dont les traits enflammés repoussent les démons»), LXVII, II, 335; стрф. III, ст. 3—4. «И Онъ же лёгкими крылами Парящихъ птицъ хранитъ полётъ» — «Не видятъ развѣ они, какъ птицы парятъ у нихъ надъ головами, какъ распускаютъ, складываютъ свои крылья? Кто ихъ поддерживаетъ въ воздухѣ, если это не Милосердый?» (Ne voient-ils pas les oiseaux planer sur leurs têtes, déployer, resserer leurs ailes? Qui les soutient dans les airs, si se n'est le miséricordieux?») LXVII, II, 336. Стрф. IV. «Когда же пламенной струёю Сверкаютъ гордо небеса Надъ озаренною землёю, — Не Бога ли блеститъ краса? — срв. выше «пламенные лучи»; впрочемъ нашъ авторъ, хотя вѣроятно и примыкалъ къ этому выраженію, но очевидно говоритъ здѣсь о молніяхъ; замѣчу ещо, что 3-ій стихъ, посредствомъ знаковъ, долженъ быть болѣе приближенъ ко 2-му, чѣмъ къ 4-му, чтò сдѣлано не во всѣхъ текстахъ.

X. «Съ чужой стороны (Изъ Гейне)» — «На сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ». Впервые въ Сѣверной лирѣ на 1827 годъ, стр. 338, съ подписью «Θ. Тютчевъ» и съ помѣтой «Минхенъ». Гейневское «Ein Fichtenbaum steht einsam», Lyrisches Intermezzo, XXXIII, особенно извѣстно въ переводѣ Лермонтова «Сосна» (1840 г.); имѣется также переводъ Фета (Стихотворенія. Москва 1863. Ч. I, стр. 370) и перепѣвъ Майкова (1867 г.), гдѣ слышатся отзвуки и изъ Лермонтова, и изъ Тютчева, и который служитъ первой частью «Романа въ пяти (гейневскихъ) стихотвореніяхъ». Тютчевская передача положительно лучше майковской и лермонтовской. Впрочемъ и она нѣсколько растягиваетъ и тѣмъ ослабляетъ подлинникъ. (Фетъ отъ этого упрёка свободенъ). Въ частности у Т-ва удаченъ (заимствованный изъ него Майковымъ) сибирскій «кедръ» въ соотвѣтствіе гейневскому Fichtenbaum, какъ я уже отмѣтилъ въ статьѣ «Объ Ивиковыхъ журавляхъ въ переводѣ Жуковскаго» (Филолог. Зап., 1905), стр. 30—31.—Варьянты изъ Сѣв. л.: Ст. 2. «Кедръ, подъемлясь, подъ снѣгомъ бѣлѣетъ» вм. «Кедръ одинокій». Ст. 6. «Чтò въ краю отдалённомъ Востока» вм. «въ дальнихъ предѣлахъ». Ст. 7. «Подъ мирной лазурью, на свѣтломъ холму» вм. «Подъ пламеннымъ небомъ, на знойномъ холму».

XI. «Въ альбомъ друзьямъ (Изъ Байрона)» — «Какъ медлитъ путника вниманье». Впервые появилось тамъ же, гдѣ предыдущая вещь, на стр. 441; тоже съ полной подписью «Ѳ. Тютчевъ». Это стихотвореніе, переведённое также Лермонтовымъ (въ 1836 году: «Какъ одинокая гробница»), у Байрона озаглавлена «Строки, писанныя въ альбомъ на Мальтѣ» (Lines written in an album at Malta) и въ дословномъ переводѣ звучитъ такъ: «Ка́къ на холодномъ могильномъ камнѣ какое-нибудь имя останавливаетъ вниманіе прохожаго, та́къ пусть, когда ты смотришь на эту одинокую страницу, моё привлекаетъ твой задумчивый глазъ! И, когда тобой будетъ прочитано это имя можетъ-быть въ какомъ-нибудь послѣдующемъ году, подумай обо мнѣ, какъ объ умершемъ, и считай, что моё сердце похоронено здѣсь». — Варьянтъ изъ Сѣв. лиры. Ст. 7. «Его нѣтъ болѣ въ вашемъ кругѣ» вм. «Его ужъ нѣту въ вашемъ кругѣ».

XII. «Изъ Шиллера» — «Съ озера вѣетъ прохлада и нѣга». Впервые въ 54-мъ году: Современникъ XLIV, какъ № LXXXIV, и Стихотворенія, какъ № LXXXVI. Это пѣсня рыбачка́ (Fischerknabe), съ которой начинается Wilhelm Tell: Es lächelt der See, er ladet zum Bade. — Для стиховъ «Блаженные звуки Онъ слышитъ во снѣ: То̀ ангеловъ лики Поютъ въ вышинѣ», на первый взглядъ, напрашивается вмѣсто «звуки», ради рифмы, коньектура, «клики», или же «лики» въ смыслѣ «ликованія»; но таковая неумѣстна, ибо и у Шиллера въ соотвѣтственныхъ стихахъ нѣтъ рифмы, такъ же, какъ и въ послѣднемъ куплетѣ.

XIII. «Завѣтный кубокъ» (Изъ Гёте). Только въ Соч., значитъ впервые Соч[1]., а именно на стр. 392, какъ № XV. Это знаменитая пѣсня, которая поётся въ Фаустѣ Гриткою (Фаустъ, I, Вечеръ. Маленькая опрятная комната), а въ отдѣльности озаглавливается «Царь въ Фулѣ» (Der König in Thule). Thule, или Thyle, у древнихъ какой-то дальній островъ, въ коемъ видятъ Исландію или Менлендъ (наибольшій изъ шетлендскихъ острововъ) или же Норвегію: «tibi serviat ultima Thule» Vergilius, Georgica, I, 30. Заглавіе и начальный стихъ «Es war ein König in Thule» переносятъ дѣйствіе за тридевять земель въ тридесятое царство; но это столь несущественно, что Т-въ, кажется, хорошо сдѣлалъ, вовсе не упомянувъ о малоумѣстной въ простенькой пѣсенкѣ классической Фулѣ и подобравъ болѣе характерное заглавіе. Въ общемъ однако пере-

водъ слабѣе подлинника; особенно неудаченъ предпослѣдній стихъ «Забилось ретивое» вм. «Глаза у него опустились» (т. е. закатились). Два раза (въ строфахъ II и III) не хватаетъ рифмы. И самъ Т-въ, видимо, былъ недоволенъ этимъ переводомъ, почему его и не пускалъ въ печать.

XIV. «Вопросы (Изъ Гейне)». — «Надъ моремъ, дикимъ полуночнымъ моремъ»: Heine, Die Nordsee (Нѣмецкое море), 2-r Cyklus, VII. Fragen. Впервые въ Галатеѣ 1830 года, № 40, стр. 133; воспроизведено лишь въ обоихъ изданіяхъ «Сочиненій». Варьянты изъ Галатеи. Ст. 3. «Въ груди тоска, въ умѣ сомнѣнья» вм. «въ душѣ сомнѣнье». Ст. 7. «сотни, тысячи головъ» вм. страннаго «сотенъ тысячи», въ подлинникѣ: «немало головъ» (manche Häupter). Послѣдніе 4 стиха: «За нашимъ вѣкомъ мы идёмъ, Какъ шла Креуза за Энеемъ: Пройдёмъ немного — ослабѣемъ, Убавимъ шагу — отстаёмъ», не ладящіе съ предыдущими по размѣру, и по рифмованности, представляютъ особую, беззаглавную пьеску; гейневскіе «Вопросы» дѣйствительно кончаются словами «Глупецъ стоитъ и ждётъ отвѣта» — Und ein Narr wartet auf Antwort. Не зная для него подлинника, я наше четверостишіе (не очень, мимоходомъ сказать, замѣчательное) склоненъ считать оригинальнымъ.

XV. «Кораблекрушеніе (Изъ Гейне)» — Die Nordsee, II, III: Der Schiffbrüchige, такъ сказать, «крушенецъ» — потерпѣвшій крушеніе, кораблекрушеніе. Только въ Соч. (впервые Соч[1]., 407, какъ № XXII). Что Тютчевъ не воспроизвёлъ трудно-переводимаго заглавія — понятно; понятна и замѣна кипариса (die Cypresse жен. р.), съ коимъ сравнивается женщина, — пальмой (стр. 22); но не видно, зачѣмъ поэтъ вмѣсто «чаекъ» разъ (ст. 16) поставилъ «морскую птицу», а другой разъ (подъ конецъ) — просто «птицы». Въ стихѣ 16 измѣнены и глаголы, тогда какъ гейневское «Die Wogen murmeln, die Möwen schrillen» можно было перевести дословно: «Валы бормочутъ, чайки верещатъ». (У Вейнберга «Cypressengestalt», въ 22-мъ стихѣ точно переведено «кипарисный станъ»; а также являются и «чайки»).

XVI. «Конь морской». Впервые въ «Новонайденныхъ стихотвореніяхъ». Р. Арх., 79 г., II, 136. Стихотвореніе, кажется, не переводное, а своё: оригинала къ нему нигдѣ не указано и мнѣ тоже неизвѣстно; въ Соч[1]., стр. 38, № XXIV, оно помѣщено въ числѣ ориги-

нальныхъ, а кромѣ того внесено также въ Стихотворенія 83 г., куда «не вошли переводы и подражанія». 2-ой стихъ: «Съ блѣднозелёною гривой», конечно, долженъ звучать «Съ блѣднозелёной гривой», какъ и читается Арх., Соч¹., 83, 86 и 99.

XVII. «(Изъ Гёте)»: «Западъ, Нордъ и Югъ—въ крушеньи». Только въ Сочиненіяхъ. Это изъ Гётева «Западно-Восточнаго Дивана» (Соч¹.), а именно West-östlicher Divan. 1. Moganni Nameh, Buch des Sängers, Hegire. II-ая строфа: «Тамъ проникну, въ сокровенныхъ, До истоковъ потаенныхъ Первородныхъ поколѣній, Гласу Божіихъ велѣній Непосредственно внимавшихъ И ума не подрывавшихъ», въ буквальномъ переводѣ съ нѣмецкаго, звучитъ такъ: «Тамъ въ чистомъ и правомъ, Хочу я человѣческимъ поколѣніямъ Проникнуть въ глубь возникновенія, Гдѣ они ещо отъ Бога получали Небесное ученіе въ земныхъ языкахъ И себѣ головы не ломали» — полагаю, въ виду этого, что «подрывали» дурно напечатано или дурно прочтено вмѣсто «надр.» Стрф. III, ст. 1—2: «Память праотцевъ святившихъ, Иноземію претившихъ» передаютъ гётевское выраженіе: «Гдѣ они отцовъ (Väter) высоко чтили, Всякому чужому служенію препятствовали». Въ стрф. V: «Пѣсни Гафиза святыя Усладятъ стези крутыя: Ихъ, вожатый голосистый, Распѣвая, въ тверди чистой, Въ позднемъ небѣ, звѣзды будитъ И шаги верблюдовъ нудитъ» неумѣстный на первый взглядъ эпитетъ «святыя» — объясняется гётевскимъ выраженіемъ «Святой Гафисъ (Heilger Hafis) и выражаемымъ здѣсь сочувствіемъ проповѣдуемому Гафисомъ эпикурейству. 4 остальныхъ стиха довольно далеки отъ подлинника, гдѣ дословно говорится: «Когда вожакъ съ наслажденіемъ, Съ высокой спины мула, Поётъ, чтобы разбудить звѣзды И чтобы напугать разбойниковъ». Впрочемъ гётевскій «высокій мулъ» нѣсколько страненъ.

XVIII. «Фаустъ. (Гёте). 1». Это изъ 2-ой сцены — «За воротами» (Vor dem Thor), слова Фауста; по общему счоту стиховъ — стихи 715 и слѣд. Впервые въ Галатеѣ 1830 года—часть XI, стр. 283; подписано «Ѳ. Тютчевъ». Разночтенія изъ Галатеи: «крылá таинственная мощь», а вмѣстѣ съ тѣмъ въ рифмѣ: «Передо мною день, за мною нощь»; «Прелестный сонъ» вм. «Прекрасный»; «Но сей порывъ, сіе и ввыспрь (такъ!) и вдаль стремленье» вм. «вверхъ».

XVIII, 2. Изъ Фауста же,—явленіе Земного духа: картина 1-ая, 482—509. Только Соч². Отрывокъ этотъ, конечно, слѣдовало бы поставить впереди предшествующаго ему.

XIX. «(Изъ Гейне)»: «Какъ порою свѣтлый мѣсяцъ». Это изъ «Книги пѣсенъ», отдѣлъ «Возвратъ», № XL, «Какъ мѣсяцъ, свѣтя, тѣснится» (Buch der Lieder, Die Heimkehr, XL. Wie der Mond sich leuchtend dränget). Впервые въ Галатеѣ: кн. XII, 1830 г., стр. 76; вскорѣ перепечатано въ Весеннихъ Цвѣтахъ: «Весенніе Цвѣты или собраніе романсовъ, балладъ и пѣсенъ А. Пушкина, Жуковскаго, Козлова, Баратынскаго, Туманскаго, Ѳ. Глинки, Ознобишина, Раича, Маркевича, Вяземскаго и проч. Москва 1835, № CVIII, стр. 209. Оба раза съ подписью «Ѳ. Тютчевъ». Въ «Стихотворенія» не включалось. Неточности перевода: «Такъ одинъ, въ ночи былого, Свѣтитъ мнѣ отрадный лучъ» вм. «Такъ изъ тёмныхъ времёнъ выплываетъ («выныряетъ») мнѣ ясная картина»; «Вдоль по Рейну неслись, — Зеленѣющіе бреги Передъ нами раздались» вм. «Гордо ѣхали внизъ по Рейну И лѣтнезелёные берега Рдѣютъ въ вечернемъ солнечномъ свѣтѣ»; «Дѣти пѣли, въ бубны били» вм. «Лютни звучали, мальчишки пѣли (Lauten klangen, Buben sangen); Сновидѣньемъ пролетѣли Góры, зáмки на горахъ, И свѣтились, отражаясь Въ милыхъ спутницы очахъ» вм. «Сказочно плыли мимо Góры и зáмки, лѣсъ и лугъ, И всё это, видѣлъ я, блестѣло Въ глазѣ прекрасной женщины». Понятно, такой дословный переводъ въ стихахъ не только невозможенъ, но и нежелателенъ; однако желать бóльшей близости можно.

XX. «Привѣтствіе духа. (Изъ Гёте)». Это его «Geistesgruss»; переводъ—прекрасный. Впервые появился въ Галатеѣ, кн. XVIII, 1830 г., стр. 39, съ подписью «Ѳ. Тютчевъ». Варьянтовъ нѣтъ ни въ Галатеѣ, ни въ Совр. XLV, ни 54, ни 68, ни Соч¹.

XXI. «(Изъ Гейне). Другъ, откройся предо мною». Это—изъ Лирической интермедіи, XVI: «Милая, ты должна мнѣ сегодня сказать» (Lyrisches Intermezzo, XVI: Liebste, sollst mir heute sagen). По Аксакову, Р. Арх. 74 г., X, 397, появилось въ Сѣверной лирѣ на 1827 годъ (Сѣверная лира..., изданная Раичемъ и Ознобишинымъ. Москва 1827); но я его тамъ не нашолъ; а есть оно въ Галатеѣ, XVIII, 1830 г., стр. 196. Варьянты изъ Галатеи: къ строф. III, звучащей «Василиски и вампиры,

Конь крылатъ и змѣй зубастъ, Вотъ мечты его кумиры, — Ихъ творить поэтъ гораздъ» — «змій» и запятая передъ «кумиры», нѣсколько мѣняющая рѣчь, правда, не къ лучшему. Къ строф. IV: «Но тебя, твой станъ эфирный, Сихъ ланитъ волшебный цвѣтъ, Этотъ взоръ лукаво-смирный Не создастъ никакъ поэтъ» — «сего» вм. «никакъ». Въ буквальномъ переводѣ приведённыя строфы звучатъ: «Василисковъ и вампировъ, Змѣевъ-червей (Lindenwürm) и чудовищъ, Такихъ лихихъ сказочныхъ животныхъ, Тѣхъ создаётъ пылъ поэта. Но тебя и твоё коварство, И твой умильный ликъ (dein holdes Angesicht), И лживые, кроткіе взоры (die falschen frommen Blicke), Этого поэтъ не создастъ».

XXII. «Пѣвецъ. (Изъ Гёте)». Впервые въ Галатеѣ 1830 года — № 42, часть XVIII, стр. 227. Кромѣ нея только въ Сочиненіяхъ. Переводъ не особенно хорошій.

XXIII. «(Изъ (Виктора) Гюго. Hernani. Ac(te) IV, sc(ène) II)». Это монологъ Карлоса (Карла V), въ мавзолеѣ Карла Великаго, передъ избраніемъ въ императоры. Только Соч[2]. Переводъ довольно близкій. Временемъ написанія, со значительной вѣроятностью, можно считать 32-й годъ, когда Гюговская драма вышла въ печать: Victor Hugo. Œuvres. T. XI. Marion de Lormes. Hernani. Drames par Victor Hugo. Bruxelles 1832. Написана же она въ сентябрѣ 1829.

XXIV. «Поминки. (Изъ Шиллера)». Это шиллеровское «Побѣдное торжество» (Das Siegesfest). Впервые въ 1851 году, съ подписью «Ѳ. Т...въ», въ «Раутѣ». Раутъ. Литературный сборникъ въ пользу Александровскаго дѣтскаго пріюта, изданіе Н. В. Сушкова. Москва 1851, стр. 75. Издатель сопроводилъ переводъ такимъ примѣчаніемъ: «Мы имѣемъ два прекрасныхъ перевода этой піэсы: одинъ Мансурова, другой Жуковскаго, подъ заглавіемъ «Торжество побѣдителей». Знатоки нѣмецкой литературы удостовѣряли насъ, что этотъ, новый, переводъ самый близкій къ подлиннику. «Поминки» случайно попались намъ, — и мы рѣшились помѣстить ихъ въ нашемъ «Сборникѣ» безъ вѣдома автора, да ужъ, видно, такова участь его: князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ собралъ стихотворенія Ѳ. Тютчева и Пушкинъ напечаталъ ихъ въ «Современникѣ»; а Тютчевъ, живя тогда въ Баваріи и не подозрѣвалъ (!), что Петербургъ читаетъ его произведенія». Мансуровскій переводъ (Новыя

Аониды на 1823 годъ. Москва 1823. Стр. 22) не очень-то хорошъ; да и Жуковскій значительно ослабилъ подлинникъ. Четвёртаго же перевода, о коемъ Сушковъ не зналъ, — А. Писарева «Пиршество грековъ-побѣдителей», Труды Вольнаго Общества Соревнователей Просвѣщенія» 1828, ч. XVII,—оцѣниваемаго Венгеровымъ (Полное собраніе сочиненій Шиллера, т. I, стр. 458) какъ «литературный», т. е. вѣроятно вяловатый, мнѣ разыскать не удалось. — Варьянты. Стрф. II, а. «Жены, дѣвы падшей Трои» вм. «дѣти» 54, Соч[1]. Это слѣдуетъ, повидимому, внести въ текстъ: у Шиллера «Trojerinnen». Тамъ же, вмѣсто «И съ побѣднымъ, буйнымъ кликомъ Дико воплъ сливался ихъ», вѣроятно надо, наперекоръ всѣмъ текстамъ, читать «Тихо»—срв. «тихій стонъ» у Жуковскаго. Стрф. III, а. «И воздвигся, жертвы ради, Приноситель жертвъ, Калхасъ, Градозиждущей Палладѣ, Градорушащей, молясь» 54, 68 вм. «предсталъ передъ святыней» и «Градозиждущей Афинѣ». Стрф. IV, а. «Грозныхъ полчищъ воевода, Агамемнонъ, царь царей, Обозрѣлъ толпы народа, Уцѣлѣвшія отъ прей» Раутъ, вм. «Царь царей, Атреевъ сынъ» и «Уцѣлѣвшій строй дружинъ». «И внезапною тоскою Омрачился царскій взглядъ» 54, 68, вм. «И поникъ онъ головою, Грустной думой одержимъ»; «Мало ихъ пойдётъ назадъ» тж., вм. «вернётся съ нимъ». Стрф. V, б. «Гдѣ семейный святъ уставъ» Совр. (и 54), 68, вм. «твёрдъ». Стрф. VI, а. «И супругой, взятой съ бою, Снова счáстливый Атридъ, Пышный станъ обвивъ рукою, Страстный взоръ свой веселитъ» 54, 68, вм. «возвращенной» и «Красотой ея священной» — варьянтъ ближе къ подлиннику. Стрф. VII, б. «Счастье жеребія сѣетъ Своевольною рукой» 54 (и Совр.), 68 вм. «жеребіи» [1]). Стрф. IX. Здѣсь 8 шиллеровскихъ стиховъ растянуто на 12, и опущены слѣдующіе 4, правда, отчасти представляющіе повтореніе другими словами уже сказаннаго: «Храбрецъ! отблескъ твоей славы Будетъ безсмертенъ въ пѣсни, Такъ-какъ земная жизнь убѣгаетъ, А мёртвые пребываютъ всегда». Стрф. X, ст. 6. «Сынъ Тизеевъ провѣщалъ» Соч[1]., Раутъ, «Тид-» Совр. (и 54), 68, вмѣсто «Тез-»; правильно Тид-: рѣчь о Діомедѣ. Стрф. XI. «Ста-

---

1) Даль, рядомъ съ «жéребьи» указываетъ форму «жерéбья» или «жеребья́», схожую, хотя не тождественную, съ тютчевскою формой на -я.

рецъ Несторъ, днесь маститый Братникъ, кубокъ взявъ, встаетъ» Соч[1]. и Раутъ, 54 (и Совр.) и 68 — тоже Брашникъ»; нужно, разумѣется, взамѣнъ этихъ безсмысленныхъ словъ, какъ точный переводъ шиллеровскаго «Zecher», — «Бражникъ»; въ 1-ой строкѣ запятую должно-быть слѣдуетъ поставить не впереди слова «днесь», а сзади, такъ какъ «днесь», правда съ нѣкоторою натяжкою, передаётъ нѣмецкое «теперь (jetzt)», относящееся не къ маститости, а къ подачѣ кубка: «Несторъ теперь, старый бражникъ, Который три человѣческихъ поколѣнія видѣлъ, Подаётъ увѣнчанный листьями кубокъ Ослезённой Гекубѣ»—«Nestor jetzt, der alte Zecher, Der drei Menschenalter sah, Reicht den laubumkränzten Becher Der bethränten Hecuba». Стрф. XI, ст. 5. «Выпей, мать!» 54, Раутъ, вм. «Мать, вкуси!». Стрф. XII, 6. «Всемогучее вино» 54 (и Совр.) вм. «Всемогущее».

XXV. «(Изъ Гёте): Ты знаешь край, гдѣ миртъ и лавръ растётъ»? Знаменитая пѣсня, озаглавливаемая, какъ отдѣльная «баллада», «Mignon» и входящая въ «Вильгельмъ-Мейстерово ученичество» (Wilhelm Meisters Lehrjahre), часть III, гл. 1. Впервые въ Раутѣ на 1852 годъ, стр. 201, какъ одно изъ «Стихотвореній Ѳ. И. Тютчева». Строфа II и III (не знаю, случайно ли, или нарочно) въ переводѣ помѣнялись мѣстами. Варьянты: Стрф. I. «И цѣлый годъ, въ зелёныхъ листьяхъ скрытъ, Цвѣтётъ лимонъ и апельсинъ горитъ?» Раутъ, вм. «Цвѣтётъ лимонъ, и апельсинъ златой Какъ жаръ горитъ подъ зеленью густой?»; «Ты знаешь край?» 54, 68, Соч[1]., вм. «Ты былъ ли тамъ?». Стрф. II. «Лошакъ бредётъ въ туманѣ по скаламъ» 54, 68, Соч[1]., вм. «по снѣгамъ», въ подлинникѣ: «Das Maultier sucht im Nebel seinen Weg»; «Въ ущельяхъ горъ отродье— змѣй живетъ» Раутъ, т. е. съ чертой послѣ «отродье», каковая черта можетъ-быть есть недосмотръ вм. короткой, соединительной, а во всякомъ случаѣ превращаетъ «змѣй» изъ множнаго родника въ одинный назывникъ, причомъ, безъ грамматической неточности («змѣй вм. «змѣевъ»), получается соотвѣтствіе гёгевскому «Drachen», — впрочемъ, пожалуй, Тютчевъ (или же его издатели) вм. сказочныхъ змѣевъ нарочно поставили дѣйствительныхъ змѣй; «Ты знаешь путь?.. Туда и намъ съ тобой Слѣдъ проложонъ» 54, 68, Соч[1]., вм. «Ты былъ ли тамъ?.. Туда, туда съ тобой Лежитъ намъ путь» (въ Раутѣ: «Намъ путь лежитъ»). Стрф. III.

«на мраморныхъ столпахъ» Раутъ, вм. «столбахъ»; Сіяетъ даль» Раутъ, вм. «Сіяетъ залъ», конечно, лишь чудная опечатка; «Ты знаешь домъ?» 54. 68, Соч[1]., вм. «Ты былъ ли тамъ?».

XXVI. «(Изъ Гёте): Кто съ хлѣбомъ слёзъ своихъ не ѣлъ». Это 3-я пѣсня арфиста: «Harfenspieler, III», «Wilhelm Meisters Lehrjahre», II, 13. Напечатано, вмѣстѣ со слѣдующимъ стихотвореніемъ, съ подписью «Тютчевъ», въ 31-мъ году: Сиротка, литературный Альманахъ на 1831 годъ, изданный въ пользу заведенія призрѣнія бѣдныхъ сиротъ. Москва 1831. По суду Московскаго Телеграфа того же года, № 4, стран. 538, относящемуся къ настоящей и къ слѣдующей вещи, это «переводъ столь плохой, что досадно читать». Хула преувеличенная: и подлинникъ—особенно второй пьески—можно расхаять, если быть очень строгимъ насчотъ стихосложенія и забыть, что выводимый арфистъ вовсе не долженъ быть великимъ поэтомъ.—Варьянты. Ст. 3. «Стеня, на ложѣ не сидѣлъ» 54, 68. Соч[1]., Сир.; стихи 5—7: «Онѣ (высшія власти) насъ въ бытіе манятъ, Заводятъ слабость въ преступленья, И послѣ муками казнятъ», появившіеся лишь Соч[2]., очевидно раньше были опускаемы, какъ вольнодумные.

XXVII. «(Изъ Гёте): Кто хочетъ міру чуждымъ быть». Это 1-я пѣсня арфиста. Срв. предыдущее примѣчаніе. Варьянты. Стрф. II. «Такъ! что вамъ до меня!» Соч[1]., Сир.—знаки не тѣ, и болѣе подходящіе; «Что вамъ бѣда моя!» Сир.—опять-таки «!» умѣстнѣе «?»,—эта, дѣйствительно нескладная, строфа (3 и 4 стихъ звучатъ: «Она лишь для меня—Съ ней не разстанусь я!) въ подлинникѣ сильнѣе, но довольно странна и вычурна, такъ-какъ звучитъ, въ буквальномъ переводѣ: «Да! предоставьте меня моей мукѣ! И, если я когда-нибудь буду мочь Быть вполнѣ одинокимъ, Тогда я не буду одинъ». Стрф. III. «Такъ бродитъ ночію и днёмъ Кругомъ меня тоска» Сир., вм. «и ночью и днёмъ». Заключительные стихи, гласящіе у Тютчева: «Ахъ, развѣ лишь въ гробу Отъ нихъ укрыться мнѣ, Въ гробу, въ землѣ сырой, Тамъ бросятъ и онѣ», буквально звучатъ такъ: «Ахъ, когда я буду разъ наконецъ Одинокъ въ могилѣ, Тамъ она (мýка—die Qual) оставитъ меня одного».

XXVIII. «(Изъ Гейне)»: «Въ которую изъ двухъ влюбиться»—«In welche soll ich mich verlieben», Neue Gedichte, Verschiedene, Yolante und

Marie, II. Впервые напечатано въ Соч². Примѣчаніе къ строф. III: «Въ раздумьи, хлопая ушами, Стою, какъ Буридановъ другъ Межъ двухъ стоговъ стоялъ, глазѣя, Который лакомѣй изъ двухъ». Буриданъ (Jean Buridan)—французъ, философъ-схоластикъ XIV вѣка, номиналистъ. Впрочемъ этого осла между двумя стогами или же вёдрами (въ доводъ, что не существуетъ полной свободы воли) нѣтъ у него въ сочиненіяхъ — значитъ, онъ идётъ или изъ устныхъ разсужденій, или не его. Шопенгауеръ указываетъ, что это ещо древній, доаристотелевскій доводъ. Энциклопедическій словарь Брокгауза-Эфрона.

XXIX. «Ночныя мысли (Изъ Гёте)» — Nachtgedanken. Появилось въ 1832 году, въ «Телескопѣ»: Телескопъ. Журналъ современнаго просвѣщенія, издаваемый Николаемъ Надеждинымъ. Часть девятая. Москва 1832, стран. 154. Подпись «Ѳ. Тютчевъ». Ещо только Соч².

XXX. «Весеннее успокоеніе (Изъ Уланда)». Телескопъ, часть десятая, Москва 1832, стран. 297. Срв. предыд. примѣчаніе. Подпись «Ѳ. Тютчевъ». Вошло во всѣ изданія «Стихотвореній», такъ-какъ до Флоридова сходило за оригинальное. Вещица эта, при вольной передачѣ, съ перемѣной размѣра, даже выиграла. Вотъ буквальный переводъ и самый подлинникъ: «Весенній покой. О, не кладите меня въ тёмную могилу, Не подъ зелёную землю внизъ! (Если) долженъ я быть похороненъ, Лягу я въ глубокую траву внутрь. Въ травѣ и цвѣтахъ лежу я охотно, Когда флейта звучитъ издалека, И когда высоко по верхамъ Свѣтлыя весеннія облака плывутъ». (Frühlingsruhe. O legt mich nicht in's dunkle Grab, Nicht unter die grüne Erd' hinab! Soll ich begraben sein, Lieg' ich in's tiefe Grass hinein. In Grass und Blumen lieg' ich gern, Wenn eine Flöte tönt von fern, Und wenn hoch obenhin Die hellen Frühlingswolken ziehn).

XXXI. «Пѣсня. (Изъ Шекспира)». Эту пѣсню поётъ во «Снѣ въ лѣтнюю ночь» (Midsummer-Night's Dream), дѣйствіе V, сцена 2, эльфъ Робинъ-добрый-малый (иначе Пуккъ). Впервые въ «Молвѣ», въ 1833 г.: Молва. Газета модъ и новостей, издаваемая при Телескопѣ. Часть пятая. (№ 8). Москва 1833. Стран. 30. Передача — близкая. Вотъ буквальный переводъ и подлинникъ: «Теперь голодный левъ ревётъ И волкъ воетъ на мѣсяцъ, Межъ тѣмъ какъ усталый пахарь храпитъ, Весь докучнымъ трудомъ разбитый. Теперь прогорѣвшія головешки тлѣютъ, Межъ

тѣмъ какъ сова, крича громко, Приводитъ больному, который лежитъ въ мукахъ, на память саванъ. Теперь то́ время ночи, Что могилы, всѣ зіяя широко, Каждая выпускаютъ вонъ своего духа, Чтобъ скользить по дорожкамъ кладбища»—«Now the hungry lion roars, And the wolf behowls the moon, Whilst the heavy ploughman snores, All with weary task fordone. Now the wasted brands do glow, Whilst the screech-owl, screeching loud, Puts the wretch, that lies in woe, In remembrance of a shroud. Now it is the time of night, That the graves, all gaping wide, Every one lets forth his sprite, In the church-way path to glide» [1]).

XXXII. «(Изъ Шекспира) — Любовники, безумцы и поэты». Изъ той же пьесы и дѣйствія, сцена 1-ая, слова Тезея. Срв. предыд. №. Появилась одновременно съ предшествующей «пѣсней»: Молва 1833 (№ 8), стран. 29; также въ Соч[1]., стран. 410, занимаетъ первое мѣсто,—въ «Стихотворенія» не вносилась. Вотъ буквальный переводъ и подлинникъ: «Сумасшедшій, влюблённый и поэтъ Изъ воображенія цѣликомъ составлены. Одинъ видитъ больше чертей, чѣмъ обширный Адъ можетъ вмѣстить, То есть безумецъ; влюблённый, столь же бѣшенный, Видитъ Еленину красоту на челѣ цыганки. Глазъ поэта, вращаясь въ утончонномъ безуміи, Сверкаетъ съ неба на землю, съ земли на небо, И, какъ воображеніе воплощаетъ Очертанія вещей неизвѣстныхъ, перо поэта Обращаетъ ихъ въ образы, и даётъ воздушному ничтожеству Мѣстное пребываніе и имя»—«The lunatic, the lover and the poet Are of imagination all compact: One sees more devils then vast hell can hold; That is, the madman; the lover, all as frantic, Sees Helens beauty in a brow of Egypt: The poets eye, in a fine frenzy rolling, Doth glance from heaven to earth, from earth to heaven; And as imagination bodies forth The forms of things unknown, the poets pen Turns them to shapes, and gives to airy nothing A local habitation, and a name».

XXXIII. «Сонетъ. (Микель-Анджело)—Молчи, прошу, не смѣй меня будить! О, въ этотъ вѣкъ, преступный и постыдный, Не жить, не чув-

1) За указанье этого, а также и слѣдующаго текста, приношу благодарность Матв. Никан. Розанову, а за содѣйствіе къ лучшему ихъ уразумѣнію—Владим. Карл. Мюллеру.

ствовать, удѣлъ завидный, Отрадно спать, отраднѣй камнемъ быть!» Впервые 68, съ помѣткой «1855», повторённой Соч[1]. Это, конечно, не сонетъ, а «четверостишіе», какъ и сказано Соч[1]., стран. 413. 68 представляютъ варьянтъ «распутный» вм. «постыдный»—по настоящему, должно-быть, вм. «преступный», такъ-какъ при этомъ чтеніи пропадаетъ рифма. Подлинникъ, въ буквальномъ переводѣ и поитальянски, звучитъ такъ: «Милъ мнѣ сонъ, а болѣе — быть изъ камня, Пока бѣда и позоръ длится; Не видѣть, не слышать, для меня великое счастье, Потому не буди меня — ахъ! говори тихо!» — «Grato m'è il sonno, a più l'èsser di sasso, Mentre che'l danno e la vergogna dura; Non veder, non sentir m'è gran ventura, Però non mi destar—deh! parla basso!» Это—отвѣтъ Микель-Анджела Буонаротти на стихи Джованъ-Баттисты Строцци, въ честь его статуи Ночи: «Ночь, которую ты видишь въ столь сладкомъ видѣ Спящею, была ангеломъ изваяна Изъ этого камня, а такъ-какъ она спитъ, то имѣетъ жизнь—Разбуди её, если этому не вѣришь, и она проговоритъ къ тебѣ»—«La notte, che tu vedi in sì dolci atti Dormire, fu d'un angelo scolpita In questo sasso, e, perchè dorme, ha vita—Destala, se no'l credi, e parleratti». Строцци, видимо, подражалъ Греческой Антологіи», IV, 103: «Сатира Діодоръ усыпилъ, а не изваялъ; Если тронешь, разбудишь — серебро спитъ» — «Τὸν σάτυρον Διόδωρος ἐκοίμησεν, οὐκ ἐτόρευσεν. Ἢν νύξῃς, ἐγερεῖς. ἄργυρος ὕπνον ἔχει».

XXXIV. «Въ Римѣ. Въ альбомъ княгини Т...ой». (Съ французскаго). Фамилію едвали можно читать иначе, какъ «Трубецкой». Впервые 68, съ помѣткой «Декабря 1866 г.», въ Соч[1].—только годъ. Соч[2]. помѣтка опущена. Варьянты. Ст. 1. «Средь Рима древняго сооружалось зданье» 68, Соч[1]., вм. «Когда громадное здѣсь воздвигалось зд.». Ст. 2. «То Нéронъ воздвигалъ дворецъ свой золотой» 68, Соч[1]., вм. «То Н-ня царя дв. былъ з.». Ст. 3. «Подъ самою дворца гранитною пятой» 68, вм. «Подъ с. его гр. п.». Ст. 5. «царь земной» 68, Соч[1]., вм. «богъ з.». Ст. 8. «Весь міръ тебѣ слугой» 68, Соч[1]., вм. «слуга». Отыскать подлинникъ этого восьмистишія, гдѣ-то, какъ-будто, мнѣ встрѣчавшійся, не удалось.

XXXV. «Egmont. (Изъ Гёте): Радость и горе въ живомъ упоеньи». Это — пѣсенка Клярочки, дѣйствіе III, сцена 2 (Klärchens Wohnung), въ отдѣльности озаглавливаемая «Восторгъ любви (Wonne der Liebe)».

Только въ сочиненіяхъ, въ I-мъ изданіи съ помѣткой «1870». Переводъ не особенно хорошо передаётъ подлинникъ; правда, чрезвычайно трудный для передачи.

XXXVI. «(На мотивъ Гейне)»: Если смерть есть ночь, если жизнь есть день — только Соч². Это взято изъ книги пѣсенъ, Возвратъ (Buch der Lieder, Die Heimkehr), LXXXVII. 1-ая строфа представляетъ довольно близкій переводъ, а II-ая значительно измѣнена. Вотъ буквальный переводъ подлинника: «Смерть это прохладная ночь, Жизнь—знойный день (der schwühle Tag). Темнѣетъ, меня клонитъ ко сну: День меня утомилъ. Надъ моею постелью подымается дерево, Въ нёмъ поётъ молодой соловей; Онъ поётъ объ одной любви, Я слышу это даже въ сновидѣньи (im Traum)».

XXXVII. «Фортуна и Мудрость (Изъ Шиллера)». У Никол. Вас. Гербеля, въ его Шиллерѣ: «Полное собраніе сочиненій Шиллера, въ переводѣ русскихъ писателей, 1-е изд. — Спб. 1857, т. II, стран. 247, затѣмъ Соч². и у Венгерова; «Библіотека великихъ писателей. Шиллеръ. Собраніе Сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціей С(емёна) А(фанасьевича) Венгерова. Съ историко-литературными комментаріями, эстампами и рисунками въ текстѣ. Изд. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Петербургъ 1901». Томъ I, стран. 14. Довольно точный переводъ стихотворенія «Счастье и Мудрость (Das Glück und die Weisheit)».

XXXVII б. «Перемѣна» (=Göthe, Wechsel). Н. В. Гербель. Собраніе сочиненій Гёте, въ переводѣ русскихъ писателей. Т. I. С.-Петербургъ 1878. Второе изданье, подъ редакціей Петра (Исаевича) Вейнберга, 1892, стр. 59.—Вотъ тютчевская передача и буквальный переводъ подлинника:

Перемѣна.

Лежу я въ потокѣ на ка́мняхъ... какъ радъ я!
Идущей волнѣ простираю объятья —
И дружно тѣснится она мнѣ на грудь;
Но, лёгкая, снова она упадаетъ,
Другая приходитъ, опять обнимаетъ...

Та́къ радости быстрой чредою бѣгутъ!
Напрасно влачишь ты (въ) печали томящей [1])
Часы драгоцѣнные жизни летящей
Затѣмъ, что своею ты милой забытъ.
О, пусть возвратится пора золотая!
Та́къ нѣжно, та́къ сладко цѣлуетъ вторая —
О первой не будешь ты долго тужить.

Ѳ. Тютчевъ.

Буквальный переводъ. *Смѣна* (или *Чередованіе*). На камушкахъ въ ручьѣ, тамъ лежу я; какъ свѣтло! Расширяю руки приходящей волнѣ, И сладострастно [2]) жмётъ она алчущую грудь [3]); Потóмъ ведётъ её легкомысліе въ потокѣ долу [4]); Приближается вторая, она гладитъ меня опять: Такъ чувствую я радости мѣняющагося удовольствія. И всё-таки, и столь печально, влачишь ты [5]) тщетно Восхитительные [6]) часы спѣшащей жизни, Такъ-какъ тебя любимѣйшая дѣвушка забываетъ! О, призови ихъ обратно, прежнія времена! Цѣловать такъ сладко губу второй, Какъ едва-ли было цѣловать губу первой.

Замѣтки къ стихотвореніямъ французскимъ.

I. Un rêve. Напечатано только въ Соч[2]., стр. 3, съ помѣткой «17 (29 octobre 1847») [7]). Вотъ буквальный переводъ этой пьесы: Мечта. Какой ей сдѣлать подарокъ при склонѣ года? Зимній вѣтеръ опалилъ дёрнъ, Цвѣтка уже нѣтъ, и листъ завялъ, Ничего живого въ мёртвое время года. И, совѣщаясь рукою многолюбимою Не съ однимъ

---

1) Предлогъ, очевидно, опущенъ по недосмотру.
2) Сладострастно—buhlerisch.
3) Алчущую—sehnend.
4) Долу—darnieder.
5) Влачишь ты—verschleifst du.
6) Восхитительные—köstlich.
7) Какъ первое изъ «Шести стихотвореній» (3-хъ французскихъ и столькихъ же русскихъ), посвящонныхъ Эрнестинѣ Фёдоровнѣ Тютчевой,—въ помѣткѣ я поставилъ 29 вмѣсто явной погрѣшности 19.

сладкимъ и дорогимъ листкомъ своего гербарія, Вы будите въ его благовонномъ ложѣ Цѣлое прошедшее дремавшей любви. Цѣлое прошедшее юности и жизни, Цѣлое прошедшее, котораго нельзя забыть, И пепелъ котораго на-мигъ, собранный, Блеститъ еще въ этомъ вѣрномъ гербаріи. Вы тамъ ищете какого-нибудь обломка стебля, и вдругъ вы тамъ находите два цвѣтка, и въ моей рукѣ, тайнымъ дивомъ, Вы видите, какъ они вновь принимаютъ свои цвѣтà. Это были два цвѣтка: и тотъ, и другой былъ прекрасенъ, Красноты живой, блеску далеко не обыкновеннаго... Роза блеститъ, а гвоздика сверкаетъ, Обѣ орошонныя пламенемъ и благовоніемъ... А теперь этого таинства страннаго Вы хотѣли бы провѣдать смыселъ. Зачѣмъ нужно вамъ его объяснять, дорогой ангелъ?... Вы настаиваете? Ну, пускай, я на то соглашаюсь. Когда цвѣтокъ, это хрупкое и сладкое очарованіе, Теряетъ свои цвѣтà, чахнетъ и блёкнетъ, Пусть къ жаровнѣ приближатъ его стебель, (И) бѣдный цвѣтокъ тотчасъ вновь расцвѣтаетъ. И вотъ какъ всегда исполняются въ роковой день и мечты, и судьбы... Когда въ нашихъ сердцахъ воспоминанія блѣднѣютъ, Смерть заставляетъ ихъ вновь расцвѣсти въ своихъ рукахъ».

II. (Promenade avec ma femme). Только Соч[3]., стран. 5, съ помѣтой «23 août 1850». Эта «Прогулка съ женой», которую естественно бы было озаглавить «Звѣзды», мнѣ представляется столь прекраснымъ стихотвореньицемъ, что я почувствовалъ потребность пересказать его русскими стихами:

О звѣзды, слава вамъ! Порою полунóчной,
На нéбѣ голубомъ, въ эфирной высотѣ,
Вы выступаете, въ чудесной, безпорочной
И вѣчной красотѣ.
А человѣкъ, чтò, вмигъ расцвѣтши и отцвѣтши,
Во мглѣ, случайный гость, проходитъ черезъ свѣтъ,—
Онъ вамъ, безсмертнымъ, шлётъ, на нéбо взоръ возвёдши,
Предсмертный свой привѣтъ.

Въ той же мѣрѣ эта вещь, видно, понравилась и Брюсову, который напечаталъ переводъ ея въ «Новомъ пути», 1903 года, ноябрь, стр. 4,

въ слѣдующемъ видѣ, выдержавъ, какъ въ подлинникѣ, александрійскіе стихи, мною превращонные въ александрійскія строфы:

Огни, блестящіе во глуби свѣтло-синей,
О, непорочный блескъ небеснаго вѣнца,
О, звѣзды! слава вамъ! Божественной святыней
Зажглись вы надъ землёй,—и длитесь безъ конца!
А люди, жалкій родъ, несчастный и мгновенный,
Которому дано единый мигъ дышать,
Въ лазурь глаза вперивъ, поютъ вамъ гимнъ священный—
Восторженный привѣтъ идущихъ умирать.

А вотъ буквальный переводъ: «Вы, у коихъ видно, какъ блеститъ въ ночи лазуревыя Сіянье незапятнанное, божественное начало, Звѣзды! слава вамъ. Блески всегда святые! Слава вамъ, которые пребываете неисказимо. Человѣкъ, племя недолговѣчное и живущее подъ облакомъ, Которое одинъ и тотъ-же мигъ видитъ рождающимся и отцвѣтающимъ, Проходитъ, глаза (возведши) къ небу. — Онъ проходитъ и васъ привѣтствуетъ. Это безсмертный привѣтъ тѣхъ, которые собираются умереть».— Въ послѣднемъ стихѣ имѣется, вѣрно понятый и воспроизведённый Брюсовымъ, намёкъ на гладіаторское привѣтствіе: «Ave, Caesar imperator, morituri te salutant»; намёкъ, представляющійся мнѣ, по общему настроенію, не совсѣмъ умѣстнымъ.

III. «Des premiers ans de votre vie». Только Соч[2]., стран. 6. Какъ одно изъ Шести стихотвореній, посвящонныхъ Эрнестинѣ Ѳёдоровнѣ Тютчевой (съ помѣтой «12 avril 1851»), а передъ тѣмъ въ Русскомъ Архивѣ, 1892 года, кн. I, стран. 537, какъ послѣднее изъ «Трёхъ новыхъ стихотвореній Ѳ. И. Тютчева». Другія — «Я встрѣтилъ васъ» (выше, № CCXLII) и «Не знаю я» (выше, № CCIV в). Поясненій въ Архивѣ—никакихъ, но прибавленъ русскій переводъ даннаго стихотворенія: «О, какъ люблю я возвращаться», принадлежащій Фету. Переводъ (Сочиненія 1901 года, томъ II, стран. 551) — близкій и хорошій. А вотъ буквальный переводъ: «Первыхъ лѣтъ вашей жизни Какъ я люблю восходить по теченію, Слушая съ восхищонною душой Эти разсказы, всегда тѣ же самые. Сколько свѣжести и таинственности, Восходя по

этимъ берегамъ счастливымъ, Какой сладкій и нѣжный свѣтъ Орошалъ это небо столь туманное! Какъ берегъ былъ цвѣтущъ, Насколько небо было чище! Сколько милыхъ мечтаній Отражалось въ его лазури!... Когда о Вашемъ непонятомъ дѣтствѣ Вы мнѣ нѣкоторое время говорили, Мнѣ кажется, будто я чувствую, что въ дуновеніи Вкрадывается словно весна подъ дымкою».

IV. (№ I, на стран. 445), «Un ciel lourd que la nuit avant l'heure assiège». Только Соч[2]., съ помѣтой «6 Novembre 1848. St.-Pétersbourg». Опять вещь, красота которой побудила меня къ переводу, въ слѣдующемъ видѣ:

Нависли небеса, безвременно темнѣя,
Льдяною глыбою рѣка у насъ стоитъ, —
И снѣгъ, по воздуху густою сѣткой рѣя,
Засыпалъ кучами береговой гранитъ.
И море стынетъ—да! И Божій міръ уходитъ,
Сей міръ живыхъ существъ, гдѣ душатъ и творятъ—
А полюсъ сумерки и тяжкій сонъ наводитъ,
Прижавъ къ своей груди возлюбленный свой градъ.

И опять-таки тою же пьескою вдохновился и Брюсовъ, передавшій её та́къ (Новый путь, ноябрь 1903 г.):

Безвременная ночь восходитъ безнадежно
На небо низкое; рѣка, померкнувъ, спитъ,
Какъ груда мёртвыхъ льдовъ; и нити пыли снѣжной
Кружа́тся и звѣздятъ береговой гранитъ[1]).
Нѣтъ выхода! весь міръ исчезъ въ туманѣ этомъ,
Тотъ міръ, гдѣ мѣсто есть живымъ, грозѣ, борьбѣ!
И, убаюканный тѣмъ смутнымъ полусвѣтомъ, —
О, Полюсъ!—городъ твой влечотся вновь къ тебѣ!

Буквальный же переводъ будетъ такой:

---

1) «Береговой гранитъ» и Брюсовымъ, и мною, независимо другъ отъ друга, взятъ у Пушкина, изъ вступленья къ «Мѣдному всаднику», на какое данные стихи являются въ нѣкоторомъ смыслѣ пародіей.

«Небо тяжолое, которому ночь гораздо раньше времени докучаетъ, Рѣка—глыба льду и которую зима дѣлаетъ тусклой, И нити снѣжной пыли, вихремъ кружащіяся на гранитныя набережныя... [1]). Наконецъ, море закрывается. Міръ отступаетъ назадъ, міръ живыхъ, бурный, взволнованный... И, убаюканный при свѣтѣ неопредѣлённыхъ сумерекъ, Полюсъ притягиваетъ къ себѣ свой вѣрный городъ».

V. (II, стран. 446) «Е. Н. Анненковой». Только въ Соч². И эта вещица вызвала у меня стихотворный отголосокъ:

У сѣверяночки, зачахшей и безцвѣтной,
Возросшей средь дубравной темноты,
Отбросивъ весь свой блескъ, и пѣснь, и смѣхъ привѣтный,
Хотите Вы заимствовать черты?
Тутъ склоненъ думать я—Вы мнѣ простите это,—
Что люди всѣ, дивясь, Вамъ зададутъ вопросъ:
«Оранжникъ можетъ ли, въ цвѣту и въ морѣ свѣта,
Стремиться стать подобіемъ берёзъ?».

Буквальный переводъ слѣдующій: «У дочери Сѣвера, жалкой и чахлой, Распустившейся въ тѣни лѣсовъ, Вы, въ которой всё сіяетъ, и всё смѣётся, и всё поётъ, Хотите позаимствовать черты? Ну, простите мнѣ моё невольное сомнѣніе, Боюсь, чтобы не сказали, видя эту картину: «Это оранжникъ въ цвѣту, весь облитый свѣтомъ, Который хочетъ притвориться берёзой».

Употреблённый здѣсь образъ напоминаетъ объ одномъ мѣстѣ у Мицкевича, гдѣ, наоборотъ, стройной берёзѣ отдается предпочтеніе передъ чопорными итальянскими деревьями. Pan Tadeusz, книга III. Срв. мою статью «Адамъ Мицкевичъ и основные мотивы его поэзіи», примѣч. 18. (Сборникъ «Подъ знаменемъ науки», Москва, 1902, стран. 327).

V 6. Къ французскимъ стихотвореньямъ Тютчева, вслѣдъ за Аксаковымъ, причислимъ ещо слѣдующее анонимное, одновременное моіъ

---

1) Во Флоридовскомъ текстѣ настоящее время: «Tourbillonnent sur des quais de granit»; но при этомъ получается невозможный стихъ—очевидно, нужно причастіе «Tourbillonnant».

съ № CCXXXVIII, «четверостишіе, ходившее по рукамъ въ высшемъ обществѣ» (Рус. Арх. 1874, X, стлб. 356, прим.), гласящее приблизительно такъ:

Когда въ безумный часъ Подвязки орденъ данъ
Христьянскимъ королёмъ губителю христьянъ,
Кто по старинному твердить при этомъ будетъ:
«Позоръ тому, кто насъ осудитъ?».

А въ буквальномъ переводѣ: «Когда благородный государь, въ эти дни безумія, Украсилъ своею рукою палача христьянъ, Можно ли бы говорить ещо, какъ во времена старинныя: «Позоръ тому, кто дурно объ этомъ думаетъ». (Заключительныя слова—извѣстный девизъ англійскаго ордена «Подвязки»).

Подлинникъ звучитъ такъ:

Lorsqu'un noble prince [1]), en ces jours de démence,
Décora de sa main le bourreau des chrétiens,
Pourrait on dire encore, ainsi qu'aux temps anciens:
«Honny soit qui mal y pence?»

Кое-что о мотивахъ Тютчевской поэзіи, его языкѣ и стихѣ.

Тютчевъ поэтъ неплодовитый и только *лирикъ*; но лирикъ онъ достаточно разнообразный.

Мы встрѣчаемъ у него любовь въ разныхъ видахъ: и какъ свѣтлое, радостное чувство («Я помню время золотое») и какъ губительную страсть, оставляющую по себѣ жгучее раскаяніе («О, какъ убійственно мы любимъ»).

Находимъ у него изображенья человѣческой жизни, почти всегда мрачныя, печальнымъ итогомъ которыхъ можетъ считаться, что жизнь наша есть дымъ, и даже не дымъ, а «тѣнь, бѣгущая отъ дыма». («Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ»).

---

1) Здѣсь не хватаетъ одного слога—догадываюсь, что надо читать un prince chrétien или un noble monarque. Можно бы поставить также une noble reine: вѣдь дѣло идётъ о королевѣ Викторіи.

Нѣсколько стихотвореній могли бы составить рубрику поэтъ и поэзія, напр. «Ты зналъ его въ кругу большого свѣта».

Очень выдвигается въ поэзіи Тютчева патріотизмъ: любовь къ отечеству и вѣра въ его великое призваніе, сопряженная съ любовью къ славянству [1]. Поэтъ говоритъ про русскій народъ, что

> Онъ чуетъ надъ собою
> Звѣзду въ незримой высотѣ,
> И неуклонно за звѣздою
> Идётъ къ таинственной метѣ»;

говоритъ также, что этотъ народъ:

> «лучшихъ будущихъ временъ
> Глаголъ, и жизнь и просвѣщенье».

Поэтъ полагаетъ, что

> «Не вѣрь въ святую Русь, кто хочетъ,
> Лишь вѣрь она себѣ собой —
> И Богъ побѣды не отсрочитъ
> Въ угоду трусости людской».

Особенно сильно упованье на могущество Россіи выражено въ аллегорическомъ стихотвореньи «Море и утёсъ»:

> «Стой же ты, утёсъ могучій!
> Обожди лишь часъ, другой:
> Надоѣстъ волнѣ гремучей
> Воевать съ твоей пятой» [2].

---

1) Славянофильскія стихотворенія Тютчева слѣдующія: Олеговъ щитъ, Альпы, На взятіе Варшавы, «Смотри, какъ западъ загорѣлся», Къ Ганкѣ (съ Приппискою), Русская Географія, Разсвѣтъ, Пророчество, «Тогда лишь въ полномъ торжествѣ», «Нѣтъ, карликъ мой, трусъ безпримѣрный», «Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами», Восходъ солнца, Два единства, Славянамъ («Привѣтъ вамъ задушевный, братья»), Славянамъ («Они кричатъ, они грозятся), Князю А. М. Горчакову («Когда свершится искупленье»), «Нашъ всѣхъ, собравшихся на общій праздникъ снова», Чехамъ, въ годовщину Гуса, А. Ф. Гильфердингу, Гусъ на кострѣ, Памяти А. Ф. Гильфердинга.

2) Три предшествующія цитаты выписаны изъ стихотвореній «На взятіе Варшавы», «Теперь тебѣ не до стиховъ» и «Нѣтъ, карликъ мой». — Сравнимъ еще «Разсвѣтъ», «Русская географія» и «Умомъ Россіи не понять».

Иногда, правда, въ обращеньяхъ поэта къ Россіи звучитъ и нотка сомнѣнія — во время критскаго возстанія 1866 года онъ тáкъ обращается къ «русской звѣздѣ»:

«Ты ль долго будешь за туманомъ
Скрываться, Русская звѣзда?...
«Ужель на встрѣчу жаднымъ взорамъ,
Къ тебѣ стремящимся въ ночи,
Пустымъ и ложнымъ метеоромъ
Твои разсыплются лучи?
Всё гуще мракъ, всё пуще горе,
Всё неминуемѣй бѣда!
Взгляни, чей флагъ тамъ гибнетъ въ морѣ:
Проснись теперь, иль никогда...

Съ вѣрою въ русскій народъ у Т-ва сопряжена и вѣра въ его державнаго вождя. Такъ въ стихотвореньѣ «Хотя бъ она сошла съ лица земного», относящемся къ только-что упомянутому возстанію, онъ восклицаетъ:

Опять Востокъ дымится свѣжей кровью[1]):
Опять рѣзня... повсюду вой и плачъ,
И снова правъ пирующій палачъ,
А жертвы преданы злословью! ....
Но есть еще одинъ пріютъ державный,
Для правды есть одинъ святой алтарь:
Въ твоей груди онъ, Царь нашъ православный».

Однако въ рѣчахъ Т-ва нѣтъ ни тѣни позорнаго пресмыканія, а имѣется ввиду разумная служба царю, и вмѣстѣ съ тѣмъ народу — въ стихахъ «На взятіе Варшавы» говорится:

---

1) Не могу воздержаться здѣсь отъ замѣчанія, что мы, когда, какъ здѣсь Тютчевъ, называемъ Турцію, Болгарію, Грецію—«Востокомъ», или «Ближнимъ востокомъ», хотя онѣ лежатъ отъ насъ къ югозападу, то становимся на западноевропейскую точку зрѣнія, и наивно переводимъ слово orient, Orient (не est, Osten!), которое въ сущности значитъ «страна восточныхъ полудикарей».

«Прочь отъ насъ вѣнецъ безславья,
Сплетённый рабскою рукой:
Не за коранъ самодержавья
Кровь русская лилась рѣкой.
Нѣтъ, насъ одушевляло къ бою
Не чревобѣсіе меча,
Не звѣрство янычаръ ручное
И не покорность палача!»

Карамзинъ (На юбилей Н(иколая) М(ихайловича) Карамзина) представляется Т-ву достойнымъ восхваленія, какъ человѣкъ,

Умѣвшій, не сгибая выи
Предъ обаяніемъ вѣнца,
Царю быть другомъ до конца
И *вѣрноподданнымъ Россіи*.

Въ стихотвореніи «Наполенъ III» онъ называетъ Русь

«семьёй народной,
Гдѣ съ властью высшею живая связь слышна,
И гдѣ она закрѣплена
Взаимной вѣрою и совѣстью свободной».

Сердечная любовь къ отчизнѣ и упованье на его внутреннюю, духовную силу, конечно, всего художественнѣе вылилась въ томъ дивномъ стихотвореньи, которое онъ могъ бы озаглавить «Русь» — «Эти бѣдныя селенья, Эта скудная природа»!

По поводу упоминанія о природѣ естественно вспомнить, что Т-въ считается, и вполнѣ справедливо, особеннымъ мастеромъ въ изображеніи именно природы — вспомнимъ его знаменитыя картины осени, весны, грозы...

Чтобы однако Т-въ, этотъ *лирикъ-мыслитель*, нерѣдко давалъ однѣ картинки, — съ такимъ утвержденьемъ я согласиться не могу; напротивъ того, мнѣ кажется, что едва-ли не вездѣ имѣется по крайней мѣрѣ аллегорія, или хоть вѣетъ явственнымъ настроеніемъ, намѣчаю-

щимъ аллегорію [1]). Укажу (отчасти повторяя сдѣланныя уже выше замѣчанія), что «Альпы» изображаютъ будущее величіе славянства, «Утро въ горахъ» — серьёзность высшихъ умовъ, «Снѣжныя горы» — возвышенье такихъ умовъ надъ толпою, «Осенній вечеръ» — страданіе, «Что ты клонишь» — стремленье къ недостижимому идеалу, «Полдень» — сладость отдыха, «Подъ дыханьемъ непогоды» проблески мощи (или отрады) среди старческаго упадка силъ, «Весенніе воды» — бодрость и надежду, «Песокъ сыпучій по колѣни» — тоску и удрученность, «Въ дорогѣ» — застой [2]).

Не всё, конечно, одинаково хорошо. Притомъ тутъ нерѣдко возможны споры. Такъ иное, что̀ особенно нравилось Владиміру Соловьёву, мнѣ кажется менѣе удачнымъ, по нѣкоторой туманности или вычурности: таковы — «День и ночь», «О чомъ ты воешь, вѣтръ ночной»? Послѣднее стихотворенье счолъ нужнымъ привести, какъ одно изъ лучшихъ, также Некрасовъ. Послѣдній цитуетъ ещо, по моему нѣсколько странное, стихотворенье, гдѣ выражено желаніе стать выше суетнаго міра — «Душа хотѣла бъ быть звѣздой». Не объявилъ бы я также съ Арк. Георг. Горнфельдомъ перлами, не лишонныя, правда, достоинствъ, стихотворенія «Сумерки» и «Фонтанъ». Напротивъ, «Итальянскую виллу» я ставлю выше, нежели Фетъ, такъ-какъ вижу въ ней ясную мысль, что человѣкъ самъ отравляетъ себѣ жизнь своими страстями.

Прямо слабоваты (недостаточно поэтичны) слѣдующія вещи: «Ватиканская годовщина», «Надъ этой тёмною толпой (На освобожденіе крестьянъ)», «Императору Александру II», «Русская географія» (послѣдняя притомъ крайне шовенистична), «Тогда лишь въ полномъ торжествѣ» (хотя мысль о русско-польскомъ примиреніи высоко симпатична), «Умомъ Россіи не понять»; «Напрасный трудъ, нѣтъ, ихъ не вразумишь» даже совершенная проза. Неудачно, уже по своей растянутости, шуточное стихотворенье «Въ деревнѣ» (случай нападенія на гусей собаки). — Отдѣльныхъ «блѣдныхъ, вялыхъ стиховъ», каковые, по Тургеневу,

---

1) Названія «картинокъ» пожалуй заслуживаютъ «Вечеръ» и Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ».

2) Ср. также ниже, подъ «неясностями».

часто попадаются, я не подбиралъ; по общему же впечатлѣнью склоненъ утверждать, что они есть, но въ количествѣ небольшомъ. Указать могу слѣдующія выраженія: «Или оптическимъ обманомъ (Ты обличишься навсегда)» CCXVIII; [Онъ стройно жилъ, онъ стройно пѣлъ]. «И этотъ-то души высокій строй» CXXXIX, IV; «Кто всю отвѣтственность, весь трудъ и бремя Взялъ на себя» CLXXXV, 9—10; «И та, и тотъ равно неотразимы И безотвѣтственны и тотъ, и та—Пощады нѣтъ, протесты нетерпимы» CCXXXI, II; «Пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ минуло, Прошолъ событій цѣлый рядъ» CCXLVIII, 1—2; «Что́ уцѣлѣло, что́ дошло до насъ?» CCXLIX, 3. См. также выше примѣчанье къ CXXVII.

Въ противоположность блѣдноватымъ вещамъ, иныя напротивъ того отличаются, при нѣкоторой красотѣ, декадентскимъ излишествомъ, по словамъ Фета, «дерзновенною отвагой», притомъ, по моему, даже безъ «чувства мѣры». Такъ, красивы, но странны «Вечеръ», «Вчера въ мечтахъ обворожонныхъ», «Видѣніе» и «Лѣтній вечеръ», а въ меньшей мѣрѣ «Подъ дыханьемъ непогоды». Крайне странны, къ тому-же даже написанные не особенно размашисто, «Близнецы», гдѣ съ извѣстной парой «сонъ и смерть» сопоставлена другая — «любовь и самоубійство».

Странностью этого рода, нѣсколько разъ повторяемою, является пѣніе, слышимое поэтомъ тамъ, гдѣ оно другому врядъ-ли послышится:

День догоралъ; звучнѣе пѣла
Рѣка въ померкшихъ берегахъ. IX, 19—20.
И вѣтры свистѣли, и пѣли валы. XXIV, 6.
Мѣсяцъ слушалъ, волны пѣли. LXXV, 9.
Всё звучнѣй колёса пѣли,
Разгребая шумный валъ. CI (Плаваніе), 11.
Фонтанъ..... поётъ въ углу. CXIX, 9—10.
Словно буря дождевая
Въ купахъ зелени поётъ. CCII, конецъ.
Поютъ деревья, блещутъ воды,
Любовью воздухъ растворёнъ. CXXVIII, 5 [1]).

1) Срв. выше, въ Замѣткахъ къ стихотвореніямъ.

Можно усмотрѣть у Т-ва также нѣсколько стихотвореній, смыслъ которыхъ недостаточно ясенъ, хотя объ отсутствіи мысли и написаніи одной лишь картины не можетъ быть и рѣчи. Такъ Некрасовъ сказалъ про «Душа моя — Элизіумъ тѣней», что это стихотворенье производитъ неотразимое впечатлѣніе, но «странно по содержанію», хотя мнѣ—какъ высказано на своёмъ мѣстѣ — въ нёмъ представляется вполнѣ ясною мысль, что поэтъ чуждается безчувственной толпы и живётъ одними свѣтлыми воспоминаньями. Высóко поэтичные «Сны» (Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной) съ достаточною наглядностью изображаютъ намъ, что полжизни проходитъ въ мечтахъ, и что въ нихъ дивное наслажденіе, откуда естественное заключенье къ законности поэзіи. «Безуміе» изображаетъ жизнь пустыней, гдѣ только безуміе можетъ надѣяться, что пробьётся живительный родникъ. Также не особенно мнѣ нравящееся, по нѣкоторой туманности, «О чомъ ты воешь, вѣтръ ночной» всётаки достаточно ясно рисуетъ ничтожность всего человѣческаго и вѣчность нѣкихъ высшихъ началъ. «Смотри, какъ западъ загорѣлся» я также смѣло понимаю — какъ желаніе примирить два міра: греко-славянскій и романо-германскій. Шестистишье про тó, что никакъ не сообразишь, откуда взялся лежащій въ долинѣ камень («Съ горы скатившись») какъ-будто имѣетъ ввиду изобразить загадочность для людей Природы, а можетъ-быть, нѣсколько иначе, неразрѣшимость иногда самаго простого вопроса. Насчотъ довольно-таки туманнаго «Видѣнія», срв. выше, подъ его номеромъ.

Въ одномъ стихотвореньи мнѣ представляется отдѣльная неясность; это — «Хоть я и свилъ гнѣздо въ долинѣ», гдѣ читается: «на недоступныя громады Смотрю по цѣлымъ я часамъ—Какія росы и прохлады Оттуда съ шумомъ льются къ намъ». Можно впрочемъ догадываться, что здѣсь рѣчь о водопадѣ. Въ «Проблескѣ», какъ онъ обыкновенно печатался, есть даже совершенная нелѣпица: «ангельская лира грустить въ пыли на небесахъ»; однако она выше объяснена недосмотромъ издателей.

Тургеневъ утверждалъ, что Т-въ нерѣдко *грѣшилъ противъ языка*. Постараюсь Тургеневскій голословный упрёкъ отчасти оправдать, отчасти опровергнуть.

Прямо ошибочными я считаю слѣдующія выраженія. «Нѣтъ вѣры къ вымысламъ чудеснымъ» III, вм. «въ чудесные вымыслы», «Дагмарова недѣля» CCXIII, VIII вм. «-нна», и «Мы были двое» IX, вм. «насъ было двое», да ещё «*На* равнинѣ водъ лазурной Шли мы вѣрною стезёй» CI, гдѣ слѣдовало поставить «*По*»[1]). Грамматически неправильно, хотя меня не особенно смущаетъ: «Давно минувшній вторился напѣвъ» LXXX, 10 вмѣсто «вторили напѣву». Совершенно неумѣстнымъ славянизмомъ должно считать, что у возлюбленной поэта «блестащая выя» LXIII, III. Срв. выше, замѣчанье къ этому номеру.

Однако въ другомъ мѣстѣ (CXLVII, 21), гдѣ рѣчь идётъ о караемыхъ судьбою горделивыхъ головахъ, то-же слово должно признать весьма умѣстнымъ:

Одна ли выя,
Народъ ли цѣлый обречонъ?

А насчотъ третьяго мѣста можно недоумѣвать, такъ-какъ тамъ шея, правда, гордая, но не строптивая. Рѣчь идётъ о Карамзинѣ (CCXVI, конецъ), какъ не гнувшемъ «выи предъ обаяніемъ вѣнца».

Неумѣстнымъ представляется мнѣ слово «наипаче» въ стихотвореньи на провалъ Гильфердинга въ Академіи Наукъ, № CCXXXIX: Неудача... «для васъ почотна наипаче», хотя неумѣстность славянизма, пожалуй, смягчается тѣмъ, что поэтъ обращается къ славяту.

Уже несомнѣнно удачнымъ должно признать глаголъ «ринуться» (вм. чего ничто не мѣшало поставить обиходныя «кинуться, броситься») въ стихотв. LXXXI, стрф. V:

И ринься, бодрый, самовластный,
Въ сей животворный океанъ!

---

1) Въ число ошибокъ я поставилъ-было выраженіе «день... *Замѣченный* отъ вѣка Великою Господней благодатью» (CLXXII), но послѣ нашолъ у Даля для глагола замѣтить, замѣчать опредѣленье «помѣчать, отмѣчать, класть мѣтки, мѣтить» и примѣръ «Бѣльё замѣчаютъ клеймомъ и шитой мѣткой», а въ Словарѣ Второго Отдѣленія, томъ II (Е—Ж—З) есть примѣръ: «Я замѣчу её,— сказалъ я, поднимая раму». Л. Толстой Юность. — Нѣсколько насильственно употребленье множнаго числа, когда Т. говоритъ про родникъ подъ деревьями, «обвѣянный ихъ мглами». CLVIII, 7.

Весьма также кстати, кажется, въ № CCXXXVIII, строфа V, поставлено, съ шуточнымъ оттѣнкомъ, слово «мусикія» вм. обыденнаго «музыка»:

Пушекъ громъ и мусикія!
Здѣсь Европы всей привалъ,
Здѣсь всѣ силы міровыя
Свой справляютъ карнавалъ.

Нарѣчіе «поднесь» вполнѣ согласуется съ общимъ тономъ въ стихахъ:

Гдѣ Первозваннаго Андрея
Еще поднесь сіяетъ крестъ (CCXXXIV, 6),

но представляется несовсѣмъ удачнымъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Для нихъ — законъ и равноправность,
Для насъ — насилье и обманъ....
И закрѣпила стародавность
Ихъ, какъ наслѣдіе Славянъ.
И то́, что̀ дѣлалось вѣками,
Не оскудѣло и поднесь (CCXXIII, VI),

и въ № CCXLIX, 1:

Отъ жизни той, что̀ бушевала здѣсь,
Отъ крови той, что̀ здѣсь рѣкой лилась,
Что́ уцѣлѣло, что́ дошло до насъ?
Два, три кургана видимъ мы поднесь.

Выраженье «толикое бремя», въ переводѣ Манцоніевской оды «Наполеонъ» (III⁶, IX), я склоненъ бы былъ оправдать, если бъ не диссонансъ этого опредѣленія со сказуемымъ, отзывающимся простонародностью:

О, подъ толикимъ бременемъ
Въ нёмъ сердце истомилося.

Удачнымъ готовъ я признать архаичное употребленье народнаго названія для обозначенія соотвѣтственной страны (у другихъ Славянъ, напр. у Чеховъ, донынѣ обычное), въ № CCXXXIX, IV:

Въ Балканахъ, Чехахъ, на Дунаѣ.

Не особенно нужнымъ, но вполнѣ допустимымъ, я назвалъ бы (правда, еще и плеонастичное) «вспять» въ № CLXIII, IV:

Спѣшатъ, бѣгутъ струи....
За ними тщетно мы слѣдимъ:
Имъ не вернуться вспять.

Рѣшительно, вдвойнѣ, или даже втройнѣ, неисправнымъ считаю выраженіе «презрѣть дружній гласъ» въ стихотвореніи «Къ Нисѣ» (VI[б]):

Ниса, Ниса, Богъ съ тобою!
Ты презрѣла дружній гласъ,
Ты поклонниковъ толпою
Оградилася отъ насъ.

Въ Гётевскомъ «Пѣвцѣ (№ XXII[б], 3), гдѣ говоритъ король, а не царевна, и дѣйствіе происходитъ въ Германіи, а не на Руси, крайне некстати выраженіе:

Въ высокомъ теремѣ моёмъ.

Въ иныхъ случаяхъ я сильно колеблюсь между похвалой и осужденіемъ. Таковы стихи, содержащіе слова «выспренній» и «храмина» (CXVII, 17 и CXIX, 3):

«Какъ надъ этимъ дольнимъ чадомъ,
Въ чорномъ, выспреннемъ предѣлѣ,
Звѣзды чистыя горѣли», и
«Въ этой храминѣ спокойной,
Гдѣ всё тихо и темно».

Съ одной стороны подстановка здѣсь другихъ словъ, вродѣ «высокій» и «комната» понизило бы некстати тонъ, а съ другой — «храмина» для насъ слово несовсѣмъ даже понятное и напоминающее о совсѣмъ не идущемъ къ дѣлу храмѣ, а «выспренній» пріобрѣло (но можетъ-быть позднѣй, чѣмъ написаны данные стихи?) ироническій оттѣнокъ.

Тотъ же хронологическій вопросъ возникаетъ насчотъ слова «пресловутый», звучащаго теперь прямо комично, но смѣло употреблённаго

Т-вымъ (LXXV), тогда какъ можно было сказать «знаменитый» или «многославный»:

Тамъ, гдѣ горы убѣгая,
Въ свѣтлой тянутся дали,
Пресловутаго Дуная
Льются вѣчныя струи[1]).

Подъ сомнѣньемъ остаётся также достоинство выраженія

Лазурный *сонмъ* Женевскихъ водъ (CLXXXIX).

Самое слово «сонмъ»—по звукамъ препротивное, а сочетанье «сборище, толпа волнъ»—довольно смѣлое; но данное слово достаточно извѣстное и, можно сказать, кратко и сильно указываетъ на многочисленность волнъ широкаго воднаго простора.

Невѣрное пониманіе словъ я подозрѣваю въ двухъ случаяхъ:

Безпомóщный и *убогій*...
Къ вамъ пишу, съ одра привставъ (CCII)

и, во-вторыхъ:

Тотъ день *годины* роковой (CXLIV, II).

Впрочемъ прикладокъ «убогій», будучи по-книжному синонимомъ къ «бѣдный», по-народному чуть-ли не всегда обозначаетъ именно калѣку, чтò должно-быть основано на невѣрно понятомъ почти тавтологичномъ выраженіи «для нищихъ и убогихъ», а также на томъ, что наиболѣе извѣстный нищій, «убогій Лазарь», былъ не только нищъ, но и увѣченъ.—«Година», повидимому, употреблённая здѣсь ошибочно въ смыслѣ не «часа», а «года» (случайное совпаденье съ языками сербскимъ и болгарскимъ не можетъ служить тому оправданіемъ), пожалуй, можетъ быть понята также въ болѣе общемъ смыслѣ «пора, время».

А вотъ еще рядъ своеобразныхъ словъ — отчасти необычныхъ, отчасти являющихся въ необычномъ значеніи, причомъ я бы ихъ всегда, въ той или иной мѣрѣ, одобрилъ:

---

1) Подобнымъ же образомъ, я не рѣшаюсь прямо осудить употребленіе въ серьёзъ, для меня всегда ироническаго, глагола «честить»:

Что русскаго честимъ мы людоѣда (CLXXXV).

Набресть на свѣжій духъ *синели*. XIX, подъ конецъ[1]).
Но прочь отъ насъ вѣнецъ *безславья!* L, II.
Въ сладкій сумракъ полусонья. CXIX, 7.
Много славы, много горя
Эта нить порой *вѣстит*. CLIII.
Свѣтъ не таковъ! борьбы, *разноголосья*,
Ревнивый властелинъ, не терпитъ онъ. CCXXXI, IV.
Неба южнаго дыханье
Какъ *врачевство* лишь пьётъ она. CCLII, IV.
Душа его возвысилась до *строю* —
Онъ стройно жилъ, онъ стройно пѣлъ. CXXXIX, III.
Умѣвшій всё совокупить
Въ ненарушимомъ полномъ *строѣ*,
Всё человѣчески-благое. CCXVI, VII.
Замысловъ *событіе*
Несбыточныхъ, какъ сонъ. III², I.
Весь этотъ міръ былъ такъ *сочувственъ* ей. CLXX, 6.
Пусть, *сочувственный* поэтъ,
Тебѣ хоть молча скажетъ онъ.
Какъ дорогъ былъ мнѣ твой привѣтъ. CLXXIV, I.
Подъ *обительской* стѣною,
Озарённые луною,
Богомольцы мирно спятъ. CLXXIX, II.
Опять зовётъ и къ дѣлу *нудитъ*
Родную Русь твоя волна. CCXLVIII, VI.
Живи и бодрствуй — для примѣра,
Намъ заявляющаго вновь,
Чтò можетъ *дѣйственная* вѣра
И непреклонная любовь. CCXXXIV, конецъ.
Такъ! *гармоническихъ* орудій
Власть безпредѣльна надъ душой (т. е.

---

1) Народная форма «синель» представляетъ очень милое осмысленіе пришлаго «сирень».

впечатлѣнье, производимое музыкальными инструментами). CCXL, 1.

Здѣсь всѣ *силы міровыя*
Свой справляютъ карнавалъ (великія державы). CCXXXVIII, V.
Фонтаны брызжутъ *тиховѣйно,*
Прохладой сонной дышетъ садъ,
И какъ надъ вами *юбилейно*
Петровы липы здѣсь шумятъ! CLXXV, конецъ.
Вдругъ просвѣтлѣютъ *огнецвѣтно*
Ихъ непорочные снѣга̀. CLXXVII, 13.
Гдѣ битва мрачнѣе, воители чаще, ...
Туда онъ ударитъ, перунъ вседробящій,
И слѣдъ *огнезвѣздный* и кровью горящій
Пророетъ дружинѣ въ желѣзной ночѝ. VII[a], III.

Необычный *родъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ необычное окончаніе получило слово **укоръ**:

О, не тревожъ меня укорой справедливой. CXXXV.

Однако форма «укора» значится и у Даля, и въ Словарѣ II Отдѣленія, правда, безъ примѣровъ.

Книжной нашей выправкѣ можетъ не понравиться, хотя и согласное со свойствами русской рѣчи, но расходящееся съ теперешнимъ литературнымъ обычаемъ, сокращеніе приставокъ «со» и «во»:

Какъ связанъ, съединёнъ отъ вѣка . . .
Разумный геній человѣка
Съ живою силой Естества. XC, III [1]).
Союзъ души съ душой родной —
Ихъ съединенье, сочетанье. CXXVI, 3.
Ей оставались вспоминанья. CXXXVII, 27.

Непріятно дѣйствуетъ на меня чуть-ли не одно

---

1) Здѣсь — мимоходомъ замѣчу — крайне странно выраженіе «разумный геній».

Духовъ безплотныхъ *сладострастья*,
Твой вѣрный сынъ (Земли) не жажду я. XIX[1]).

Еще смущають меня:

Капли дождевыя
Зачинающей грозы. LXV, конецъ,

вмѣсто «начинающейся» (чего, правда, ни въ какой стихъ не уложишь[2]).

Нехорошо также:

Спокойный и *надменный* XCIII, II,

вм. «гордый» (благородно-гордый).

Отмѣчу еще *два эпитета*, которые сами по себѣ не вызываютъ на упрёкъ, но слишкомъ ужъ часто повторяются: это слова *огневой* и *роковой* (особенно второе)[3]). Перечислю случаи ихъ употребленія, у второго изъ нихъ подчасъ даже не совсѣмъ умѣстнаго:

Преломясь о капли огневыя. VI, V.
Съ лазурью неба огневой. LXII, конецъ.
По младенческимъ ланитамъ
Струились капли огневыя. LXIII, конецъ.
Вечеръ. . . .
Сѣетъ розы огневыя. CXXII, II.
Однѣ зарницы огневыя,
Воспламеняясь чередой,. . .
Ведутъ бесѣду межъ собой. CCV, 5.
Въ послѣдній разъ упился
Онъ влаги огневой. XIII[2], V.
Мозгъ поэта огневой. XXI[2], 4.
На камень жизни роковой. IV, начало.
. . . .судебъ посланникъ роковой. XLIII, 13.

---

1) Ср. выраженіе Батюшкова: Душъ великихъ сладострастье, Совѣсть. Колесница.

2) Поэтъ, кажется, могъ бы сказать «наступающей».

3) Иные, впрочемъ, не признаютъ слова «огневой», а только «огненный».

. . длань незримо-роковая. LXX, 14.
. . на приступъ роковой. XCIII, III.
(Всѣ льдины) — малыя, большія, —
Утративъ прежній образъ свой, . . .
Сольются съ бездной роковой. XCV, III.
Какъ дремлютъ праведныя тѣни
Во мглѣ Стигійской роковой. CXXIV, 16.
И роковое ихъ сіянье,
И поединокъ роковой. CXXVI, 4—5.
При первой встрѣчѣ роковой. CXXXVII, IV.
. . . въ минуту роковую. CXXXVIII, посл. стрф.
Взоръ. . ., какъ страданье, роковой. CLXII, 12.
Тотъ день годины роковой. CXLIV, II.
Клеймо . . . . роковое. Тамъ же, конецъ.
Въ послѣдней, въ роковой борьбѣ. CXLVI, 18.
Слова неясны роковыя. CXLVII, 23.
О, въ эти дни, дни роковые. CLIV, начало.
. . въ страшную минуту роковую. CLXX, въ концѣ.
. . въ этомъ роковомъ бою. CLXXVI, II.
Вамъ выпало призванье роковое. CLXXXVI, начало.
Съ того блаженно-рокового дня. CCIII[б], [2].
Завтра утро рокового дня. CCIII[в], 10.
Ихъ тяжкій гнётъ, ихъ бремя роковое. CCVI, 3.
Свѣти въ нашъ сумракъ роковой! CCXVI, VI.
Въ тѣ дни кроваво-роковые. CCXXV, начало.
Двѣ силы есть, двѣ роковыя силы. CCXXXI, начало.
Когда она при роковомъ сознаньи
Всѣхъ правъ своихъ, съ отвагой красоты, . . .
Идётъ сама на встрѣчу клеветы. Тиж., VI.
Внезапный натискъ роковой. CCXXXV, IV.
Костёръ сооруженъ, и роковое
Готово вспыхнуть пламя. CCXLI, начало.
На роковой стою очереди. CCXLV, конецъ.
Бываютъ роковые дни. CCLX, начало.

Лишній разъ читается эпитетъ «роковой» въ 1-омъ изданіи Сочиненій, CXIII, конецъ:

И въ чуждомъ, неразгаданномъ, ночномъ,
Онъ узнаётъ наслѣдье роковое»,

гдѣ остальные тексты представляютъ «родовое».

Погрѣшности *противъ школьной грамматики*, но не противъ свойствъ Русскаго языка, являются въ слѣдующихъ мѣстахъ:

По небу много *облакъ* бродитъ. LXXXI, III.
Въ ея душевной глубинѣ
Ей оставались вспоминанья,
Но измѣнили и *онѣ*. CXXXVII, 28.
Есть много мелкихъ, безымянныхъ,
Созвѣздій въ горней вышинѣ,
Для нашихъ слабыхъ глазъ туманныхъ
Недосягаемы *онѣ*. CLXVIII, начало.
Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ, и зайдутъ *онѣ*. LXVII, I[1]).

Смутиться можно также «усѣчонностью» прилагательныхъ въ стихахъ:

. . . мы не звуки — душу *живу*,
Въ нихъ вашу душу слышимъ мы. CCXL, конецъ.

Не вдаваясь здѣсь въ вопросъ, не напрасно ли мы отказались отъ такихъ формъ, столь удобныхъ въ стихахъ, обычныхъ въ народной поэзіи, нечуждыхъ народной рѣчи, и къ тому же допускавшихся Пушкинымъ, отмѣчу, что въ данномъ мѣстѣ естественно видѣть славянизмъ и намёкъ на выраженіе библейское. См. выше, въ Замѣчаніяхъ.

Отступленья отъ обыкновенной акцентовки можно указать въ

1) Примѣры эти допускаютъ толкованіе, что для Т-ва извѣстное школьное правило имѣло такой видъ, что «они» принадлежитъ одному мужескому роду, а «онѣ» — женскому и среднему.

слѣдующихъ мѣстахъ, которыя привожу для полноты, хотя вольности насчотъ ударенія, по свойствамъ русской рѣчи, должны считаться наиболѣе допустимыми вольностями.

Надъ вами безмолвные звѣздные кру́ги. CVI, III.
(Лѣсъ) Весь опу́шенъ, весь окованъ. CXL, 9 [1]).
Онъ къ свѣту рвётся изъ ночной тѣнѝ. CXLIII, 3.
И столько милыхъ, милыхъ тѣ́ней. CLIV, конецъ.
Звонъ, литіи, псалмопѣнья. CLXXIX, 8.
Безпомо́щный и убогій. CCII, начало.
И сердце какъ ни по́лно ранъ. LXXXI, 4.
Какъ по́лно всё душевной теплоты. CCXX, 4 [2]).
Часъ отъ ча́су жаръ сильнѣй. CCXXVIII, 5.
Но часъ проби́лъ, — насилье пало. CCXLVIII, V.
Но часъ насталъ, проби́лъ. LVI, 11.

Разсмотрѣніе языка нашего поэта приводитъ меня къ убѣжденью, что нельзя согласиться съ Тургеневымъ насчотъ обычности у Тютчева язычныхъ неправильностей, ни съ Алдр. Афан. Потебнёй [3]), находившимъ, что слишкомъ хорошее значеніе иностранныхъ языковъ у Т-ва вредно отразилось на родномъ; ни, тѣмъ не менѣе, съ Андр. Іоак. Шемшуринымъ [4]), обвиняющимъ его въ грубомъ невѣжествѣ по части этого языка.

Хотя Т-въ, помимо прямыхъ переводовъ и единичнаго подражанія «Колумбъ», поэтъ вполнѣ оригинальный, у него можно найти нѣкоторые *отзвузки* чужихъ выраженій.

---

1) Такова же акцентовка «упра́зднен» въ стихѣ «Упразднен умъ и мысль осиротѣла», № CXIII, читаемомъ однако (вмѣстѣ съ тремя другими) лишь въ одномъ изданіи.

2) Второй случай какъ-будто говоритъ за нормальность такой акцентовки для нашего поэта, такъ-какъ тамъ было бы легко переставить два слова и сказать: «Какъ всё полно̀», при чомъ, правда, выходило непріятное стеченіе согласныхъ.

3) «Языкъ и народность». Вѣстникъ Европы. 1895. Т. V, стр. 19.

4) См. выше, подъ «Книгописными замѣтками», IV.

Таковы стихи:

Ту нѣгу стройную движеній. CLXXXI, 11;
Преданье ожило святое
Первоначальныхъ, лучшихъ дней. CCXLIV, III;
Та́къ, въ жизни есть мгновенія. CL, начало.

Они напоминаютъ, первыя два — Пушкинскіе стихи, а третій — Шиллеровскій:

Стройность робкую движеній. «Не плѣняйся бранной славой»;
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней. Возрожденіе;
Es giebt im Menschenleben Augenblicke,
Wo er dem Weltgeist näher ist als sonst,
Und eine Frage frei hat an das Schicksal. Wallensteins
Tod, II, 3 [1]).

Прямою *цитатой* изъ Пушкина, даже и вводимою словами «Сказалъ бы нашъ поэтъ родной», является нѣсколько стиховъ изъ Пушкинскаго стихотворенія «Къ морю» — въ «Чорномъ морѣ».

Такою же цитатой, на этотъ разъ изъ самого себя, звучитъ стихъ:

Я вспомнилъ время золотое (CCXLII, 3),

почти равный началу № IX-го:

Я помню время золотое [2]).

Что̀ касается внѣшней формы Тютчевскихъ стихотвореній, въ нихъ мы видимъ *значительное разнообразіе размѣровъ*. Чаще всего, какъ и вообще у русскихъ поэтовъ, ямбъ, и притомъ ямбъ 4-хстопный,

---

1) Бываютъ въ человѣческой жизни мгновенія, когда онъ ближе къ Міровому духу чѣмъ обыкновенно, и ему предоставлено задать вопросъ Судьбѣ. — Еще нѣсколько отзвуковъ изъ Шиллера указано ниже, въ Примѣчаніяхъ къ гимну «Уранія», 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и 5-мъ.

2) Объ одномъ сходствѣ съ Лермонтовымъ рѣчь была выше (Замѣтка къ XLIV).

въ двухъ видахъ: обыкновенно какъ девятисложно-восьмисложный, напр. «На взятіе Варшавы»:

Другая мысль, другая вѣра
У Русскихъ билася въ груди,

и, рѣже, какъ восьмисложно-семисложный:

На камень жизни роковой
Природою заброшенъ. IV.

Нерѣдокъ и 5-тистопный ямбъ (одиннадцати-десятисложный), напр. «Римъ ночью», «Я лютеранъ люблю богослуженье». Рѣдокъ ямбъ шестистопный (тринадцати-двѣнадцатисложный александрійскій стихъ), напр.

Всё та-жъ высокая, безоблачная твердь,
Всё также грудь твоя легко и сладко дышетъ. Mal'aria.

Своеобразна по части размѣра его, въ иныхъ случаяхъ, невыдержанность: допущеніе того, что не разъ встрѣчается у нѣмецкихъ поэтовъ (Гёте, Гейне), и понѣмецки называется *дубинными* стихами (Knüttelverse). Ср. выше, подъ № XXIV, а также начальный стихъ «Завѣтнаго кубка»: «Былъ царь, какъ мало ихъ нынѣ» (равно подлинному, гётевскому «Es war ein König in Thule») и «Весеннее успокоеніе» (съ неправильностями, подобно уландовскому подлиннику, но иными).

Своеобразна также двоякость размѣра въ стихотвореніи «Послѣдняя любовь», гдѣ, по словамъ Фета [1]), «гармонически сливаются два различныхъ размѣра»:

О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
Нѣжнѣй мы любимъ и суевѣрнѣй.
Сіяй, сіяй, прощальный свѣтъ
Любви послѣдней, зари вечерней!

На мой слухъ, впрочемъ, въ такомъ сліяніи гармоничности мало.

Употребленіе *рифмъ*, односложныхъ, двусложныхъ, а иногда и трех-

---

1) Русское Слово, 1859, февраль, одт. II, стр. 78.

сложныхъ, то въ чередованіи, то съ выдержкой одного типа, съ различною разстановкой, у Тютчева довольно разнообразное[1]).

Болѣе-менѣе усложнённую рифмовку представляютъ слѣдующія стихотворенія. Строфы III и IV «Весны (Любовь земли и прелесть года)»— аБа Ва и ВВгВг; III строфа стихотворенія «А(ндрею) Н(иколаевичу) М(уравьёву), съ рифмовкой аБааБввБв; первыя 6 и послѣднія 6 строкъ стихотворенія «Друзьямъ» (схемы аБаБаБ и ВВгВгг), «Люблю глаза твои, мой другъ» (аБаБа и ВгВгВ); «Что ты клонишь надъ водами» (схема АбААб); «Вечеръ мглистый и ненастный» (АбАбАбАб); стихи 5—9 въ девятистрочной строфѣ стихотворенія «Море и утёсъ» (ВгВВг); «Русская географія» (аББаа); «Пророчество» (ААбАб); Вдали отъ солнца и природы» (АБвАБв); «Слёзы людскія» (Аб*вв*Аб)[2]) «Венеція (Дожъ Венеціи свободной)»—схема АбАААб; «Обвѣянъ вѣщею дремотой» (АбААб); «Предопредѣленіе» (АбААб); «Недаромъ милосердымъ Богомъ, строфы III и IV (АбААб); «Не остывшая отъ зною» (АБААБ); «Въ разлукѣ есть высокое значенье» (АбААб); «Чародѣйкою зимою» (АбААб); «Н. Ѳ. Щербинѣ» (АбААб); «Е. Н. Анненковой (АбААб); «Я зналъ её еще тогда» (аабаб); А(фанасію) А(фанасіевичу) Фету», стрф. I (аббаба); «Играй, покуда надъ тобою» (АбААб); «Телеграмма въ Петергофъ князю П(етру) А(ндреевичу) Вяземскому» (ААбАб); «Два единства» (АбАббВВб); «Насъ всѣхъ, собравшихся на общій праздникъ снова» (ААбАб); «Какъ, насажденія Петрова» (АБвАБв) и «Чорное море» (АбААб). Есть, затѣмъ, у Т-ва одинъ *сонетъ:* «Ужъ третій годъ бѣснуются языки».

Слѣдуетъ однако оговорить, что своеобразная рифмовка у нашего поэта не всегда пріятна; это особенно относится къ тѣмъ случаямъ, когда рифмующіеся стихи слишкомъ удалены другъ отъ друга, такъ, что рифма для слуха пропадаетъ. Такова I строфа стихотворенія «А. Н. М(уравьёву)», съ рифмовкой АбАВббВА; «Тогда лишь въ полномъ торжествѣ» (аБВВааБ); «Поэзія» (ааБввББа); «Конченъ пиръ, умолкли хоры» (ААБББВВГГГБ и ДЕЖЖЕДЗЗДЕ) и «Первый листъ» (абВабабВбагдЕЕдг).

Къ строфамъ сложной рифмовки здѣсь не отнесены такія мѣста,

---

1) Одни мужескія рифмы представляетъ напр. Silentium, одни женскія — «Эти бѣдныя селенья».

2) Курсивомъ обозначена рифма 3-хсложная.

гдѣ естественно видѣть лишь случайное повторенье того же созвучія; напр. -эл, -иной, -эл, -иной, -ою, -эл, -ою, -эл («На кончину В. А. Жуковскаго»), -ой, -орѣ, -ой («Дума за думой»).

Благозвучіе у Т-ва не разъ страдаетъ отъ нарушенья правильнаго чередованія женскихъ и мужескихъ окончаній. Таково столкновеніе въ только что указанныхъ рифмахъ III-й строфы стихотворенія «На кончину Жуковскаго» женскихъ окончаній -иной и -ою, и тамъ же мужеская рифма -эт въ концѣ II-й строфы передъ начальнымъ -эл III-й. Такой же «столкъ» встрѣчается два раза и въ стихотвореніи «Сентябрь холодный бушевалъ» и еще кое-гдѣ. При этомъ, на особомъ положеніи тѣ случаи, когда столкъ вызванъ самимъ строеніемъ примѣняемой строфы, какъ аББа («Восходъ солнца»).

Въ довольно значительномъ числѣ у нашего поэта встрѣчаются *рифмы нечистыя*. Не считаю такихъ, какъ «языки-крики-владыки-дики» CV, такъ-какъ чуть-ли ни всѣ русскіе стихотворцы смѣло рифмуютъ «и» на «ы»; но у него встрѣчаются «небесный-желѣзный XXII, «повседневный-волшебный» CLXV, I, «неповинный-сѣдины» CCXXVI, III. Особое положенье занимаютъ такіе случаи, какъ «духъ-заслугъ» CCXXV, конецъ: поэтъ, по родному южновеликорусскому нарѣчію, можетъ-быть признавалъ вполнѣ допустимымъ, или даже нормальнымъ произношеніе «заслух». Ср. помѣтку «Овстухъ», черезъ «х» подъ № CLX, въ 68, и подъ № CCV, 68 и 83, должно-быть воспроизводящую написанье самого Т-ва. Встрѣчаются впрочемъ, хотя рѣже, у нашего поэта и такія рифмы, какъ «залогъ-цвѣтокъ», II.

Не разъ тютчевская рифма предполагаетъ церковное произношеніе «е» вмѣсто гражданскаго «ё», т. е. появляются созвучія, изъ коихъ одно побудило Аксакова (Р. Арх. 74, X, 397) сказать про стихотвореніе «К. Н.» (№ X), что «эта прекрасная пьеса обезображена неправильною рифмою въ духѣ тогдашнихъ нашихъ классиковъ» — а именно «свѣтъ-жжетъ». Отмѣчу при этомъ, что, въ противоположность такимъ рифмамъ, можно указать несомнѣнно ёкальскія: «звонъ-оживлёнъ» XXVIII, IV, «народъ-сосётъ» LXXXIII, IV, «водъ-плывётъ XCV, I. Оговорю еще, что къ ложноклассическимъ рифмамъ я не причисляю «рѣкъ-вѣкъ-предрекъ» XCIV, конецъ, такъ-какъ врядъ-ли кто произноситъ высоко-книжное

«рекъ» съ ёканьемъ, и выскажу лёгкое сомнѣніе насчотъ неправильности (для моего чутья, правда, тоже непозволительныхъ) рифмъ

При первомъ утра юномъ свѣтѣ, . . .
Какъ зёфиръ, въ радостномъ полетѣ, II, и
съ восхищенною душёй . . . . .
Онъ пилъ за здравіе людей. V.

Вѣдь это случаи, когда, передъ слѣдующей мягкостью, «е» должно было уцѣлѣть, и ёканье появилось путёмъ подражательнымъ, почему спрашивается (на что̀, по винѣ нашего архаизующаго правописанія едва-ли удастся отвѣтить), когда, гдѣ и въ какой мѣрѣ стало обязательнымъ примѣненье такихъ фонемъ къ другимъ падежамъ собственнаго склоненія (полётъ,-ёта и т. д.) и къ окончанію другихъ словъ (рукой, женой и т. п.). Вопросъ этотъ, кажется, даже для Т-ва не рѣшается вполнѣ убѣдительно тѣмъ, что у него можно указать ёкальскія рифмы «землёю—порою» LXXXV, 6—8, «зарёю—рукою» IX[2].

Не могу воздержаться, наконецъ, отъ замѣчанія, что книжное эканье, пока отъ него не отвыкли въ такой мѣрѣ, какъ мы теперь, представляло прекрасное и простое средство нѣкоторою церковною примѣсью приподнять тонъ рѣчи. Съ этой точки зрѣнія можно даже одобрить выговоръ «полётъ» въ слѣдующихъ стихахъ:

Пускай орелъ за облаками
Встрѣчаетъ молніи полётъ
И неподвижными очами
Въ себя впиваетъ солнца свѣтъ. LXXXIV (Лебедь).

Высокостью стиля, а именно выдержкою этой высокости, можно оправдать даже осуждённую нѣсколько раньше, словами Аксакова, рифму «свѣтъ—жжётъ», такъ-какъ заключительный стихъ № X-го звучитъ:

Сей чистый огнь, какъ пламень адскій, жжетъ.

То же самое можно сказать и про стихъ:

(Но, о камень неизмѣнный
Бурный натискъ преломивъ),
Валъ отбрызнулъ сокрушённый. XCIII, III.

Т-въ однако, видимо, не пользовался этимъ пріёмомъ сознательно, или, по крайней мѣрѣ, его не выдерживалъ, а допускалъ живое ёканье и въ мѣстахъ патетическихъ:

Она (вода) между двойною бездной
Лелѣетъ твой всезрящій сонъ,
И полной славы твердью звѣздной
Ты отовсюду окружонъ. Лебедь, конецъ.
О, какъ въ нёмъ сердце пламенѣетъ!
Какъ онъ восторженъ, умилёнъ!
Пускай служить онъ не умѣетъ,
Боготворить умѣетъ онъ. LXXXVI, конецъ.

Вытекающее изъ сказаннаго о внѣшней формѣ тютчевской поэзіи общее сужденіе, кажется, должно быть такое, что поэтъ не особенно увлекался внѣшнимъ блескомъ, а больше всего дорожилъ мыслями и образами.

Романъ Брандтъ.

Оглавленье-указатель къ Тютчевскимъ стихотвореніямъ.

1. Оригинальныя.

№№

Абазѣ, Ю. Ѳ. CCXL

Акинфовой, Н. С.

1) И самый домъ какъ будто ожилъ CLXXXI

2) Какъ лѣтней иногда порою. CLXXX

3) Какъ ни бѣсилося злорѣчье CLXXXII

Александра II, Рожденіе: 17 апрѣля 1818 года CCLVIII

Александра Феодоровна, Императрица: Memento CLXX

Александру II:

1) Такъ! Онъ спасёнъ! CCVIII

2) Ты взялъ свой день CLXXII

3) Царь благодушный CCLVII

«Аллахъ, пролей на насъ твой свѣтъ!»: Олеговъ щитъ XXXI

Альпы XLII

Анненковой, Е. А.

1) D' une fille du Nord . . . . II[a]

2) И въ нашей жизни повседневной. CLXV

Арфа скальда. LXXX

«Безпомощный и убогій»: Телеграмма въ Петергофъ кн. П. А. Вяземскому CCII

Безсонница:

1) Ночной порой въ пустынѣ городской CCLIX

2) Часовъ однообразный бой XXXV

Безуміе LV

Бирюлёвой, Марьѣ Фёдоровнѣ: Дочери. CCLII

Близнецы. C

Блудова, графа Димитрія Николаевича, На кончину. CLXXXVII

Блудовой, Графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ:

1) Какъ жизнь ни сдѣлалась скуднѣе CCVII

2) Какъ этого посмертнаго альбома CCXX

«Братъ, столько лѣтъ сопутствовавшій мнѣ»: На кончину брата . CCXLV

«Британскій леопардъ». CCLVI

*Бросаемая [1]): Не говори: меня онъ, какъ и прежде, любитъ . . CXXXVI

«Бываютъ роковые дни»: А. В. Никитенко CCLX

---

[1]) Звѣздочкой отмѣчены заглавія, подобранныя авторомъ настоящей работы, какъ опредѣляющія во возможности точно содержаніе пьесы.

	№№
«Былъ день, когда Господней правды молотъ»: Encyclica	CXCIII
«Былъ день суда и осужденья»: Ватиканская годовщина	CCLI
Вакару: Экспромптъ	CCXLIII
«Вамъ выпало призванье роковое»: Князю А. М. Горчакову . . .	CLXXXVI
«Васъ развратило самовластье»: Декабристамъ	XVI
Варшавы, На взятіе	L
Ватиканская годовщина	CCLI
«Вдали отъ солнца и природы»	CXI
«Велѣнью высшему покорны»: Экспромптъ Вакару	CCXLIII
Венеція:	
1) Дожъ Венеціи свободной.	CXVI
2) По зеркалу зыбкаго дола.	CXLI
Весеннія воды.	LII
Весенняя гроза	XXV
Весна:	
1) Зима не даромъ злится.	XIV
2) Какъ ни гнетётъ рука судьбины	LXXXI
3) Любовь земли и прелесть года	II
«Весь день она лежала въ забытьи».	CLXXXVIII
Вечеръ: Какъ тихо вѣетъ надъ долиной	XL
Вечеръ мглистый и ненастный	LXXI
Видѣніе.	XXX
Вилла, Итальянская	LXXVIII
Вильна: Надъ русской Вильной стародавной	CCXLIV
*Власть звуковъ: Ю. Ѳ. Абазѣ	CCXL
«Вновь твои я вижу очи»	CVIII
Волна и дума: Дума за думой	CXXX
«Востокъ бѣлѣлъ, Ладья катилась»	LXIII
*Востокъ и западъ: Смотри, какъ западъ загорѣлся	LXXIX
Восходъ солнца	CCIII
«Вотъ арфа ея въ обычайномъ углу»: Cache-cache	XXVIII
«Вотъ бреду я вдоль большой дороги»: Наканунѣ годовщины 4 августа 1864 года	CCIIIв
Вотъ отъ мóря и до мóря.	CLIII
*Впередъ!: Изъ края въ край	LVII
«Вполнѣ понятно мнѣ значенье»: Н. Ѳ. Щербинѣ	CLVI
«Врагъ отрицательности узкой»: На юбилей М. П. Погодина . .	CCL
«Всё рѣшено, и онъ спокоенъ»: На кончину Наслѣдника	CXCVIII
«Всё отнялъ у меня казнящій Богъ», Э. Ѳ. Тютчевой, V . . .	CCLVб
«Всё, чтò сберечь мнѣ удалось»: Э. Ѳ. Тютчевой, IV	CLVв
«Вчера, въ мечтахъ обвороженныхъ»	XII
Вщижъ, По дорогѣ во	CCXLIX
Въ деревнѣ: Чтò за отчаянные крики	CCXXXV
Въ дорогѣ:	
1) Здѣсь, гдѣ такъ вяло сводъ небесный	XXII
*2) Песокъ сыпучій по колѣни	XLIV
«Въ душномъ воздухѣ молчанье»	LXV

	№№
«Въ небѣ таютъ облака»	CCXXVIII
«Въ разлукѣ есть высокое значенье»	CXXXII
«Въ толпѣ людей, въ нескромномъ шумѣ дня»	VIII
«Въ тѣ дни, кроваво-роковые»: На юбилей кн. А. М. Горчакова	CCXXV
«Въ часы, когда бываетъ»	CLXI
«Вы не родились полякомъ»: Издателю газеты «Вѣсть»	CXCV
*Высокія зрѣлища: Цицеронъ	XXXVI
«Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?»: Къ Ганкѣ	LXXXIX
Вѣсть, Издателю газеты	CXCV
Вяземскому, князю П(етру) А(ндреевичу):	
1) Когда дряхлѣющія силы	CCXIV
2) Теперь не тó, чтò за полгода	CLXXV
3) Телеграмма въ Петергофъ кн. П. А. В.	CCII
4) На юбилей кн. П. А. В.	CLXXI
Ганкѣ, Къ	LXXXIX
Географія, Русская	XCIV
Гёте, На смерть: На древѣ человѣчества высокомъ	LI
Гильфердингъ:	
1) А. Ѳ. Гильфердингу	CCXXXIX
2) Памяти А. Ѳ. Гильфердинга	CCLXI
Глазà: Люблю глаза твои, мой другъ	XVIII
«Глядѣлъ я, стоя надъ Невой»	XCI
Годовщина, Ватиканская	CCLI
Годовщина, Гусова: Чехамъ, въ год. Гуса	CCXXXVII
Годовщины 4 августа 1864 г., Наканунѣ	CCIIIв
Голосà: Два голоса	CVI
Горы, Святыя	CLXXIX
Горы, Снѣжныя	LXII
Горы утромъ: Утро въ горахъ	XXXIX
Горчакову, князю Александру Михайловичу:	
1) Вамъ выпало призванье роковое	CLXXXVI
2) Да, вы сдержали ваше слово	CCXLVII
3) Когда свершится искупленье	CCXXVII
4) На юбилей кн. А. М. Г.: Въ тѣ дни кроваво-роковые	CCXXV
Гроза, Весенняя	XXV
Гроза дорогой	XCIX
«Гроза прошла»	XXXVII
«Грозою, Предъ: Въ душномъ воздухѣ молчанье	LXV
«Грустный видъ и грустный часъ!»: На возвратномъ пути, I	CLXVI
«Гуманный внукъ воинственнаго дѣда»: Кн. Александру Аркадьевичу Суворову	CLXXXV
Гусъ на кострѣ	CCXLI
Гуса, Чехамъ въ годовщину	CCXXXVII
«Давно-ль, давно-ль, о югъ блаженный»	LXXVII
«Да, вы сдержали ваше слово»: Кн. А. М. Горчакову	CCXLVII
*Дагмарина недѣля: Небо блѣдно-голубое	CCXIII
Два голоса	CVI

	№№
«Два демона ему служили»: Наполеонъ, 2	LXXXVIII
29 января 1837 года (На смерть Пушкина)	LXXIII
23 ноября 1865 года	CCV6
Два единства	CCXVII
*Два міра: Смотри, какъ западъ загорѣлся	LXXIX
«Два разнородныя стремленья»: Къ портрету	CCIX
Двумъ сестрамъ	LX
«Двѣ силы есть, двѣ роковыя силы»	CCXXXI
Декабристамъ	XVI
Декабрьское утро	CLXVII
«День вечерѣетъ, ночь близка»	CXXXIII
День и ночь	LXXXII
«День православнаго востока»: Дочери	CCLII
«Дожъ Венеціи свободной»: Венеція	CXVI
Дочери (М. Ѳ. Бирюлёвой)	CCLII
Дочери (Дарьѣ Ѳ. Тютчевой)	CXCVII
Друзьямъ	V
«Дума за думой, волна за волной»	CXXX
*Дунай: Тамъ, гдѣ горы, убѣгая	LXXV
«Душа моя—Элизіумъ тѣней»	LXXII
«Душа хотѣла бъ быть звѣздой»	XXIII
«Душой весны природа ожила»: Могила Наполеона	XXVI
Дымъ	CCXXII
Encyclica	CXCIII
«Есть въ осени первоначальной»	CLX
«Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ»: Осенній вечеръ	LXXXV
«Есть и въ моёмъ страдальческомъ застоѣ»	CCVI
«Есть много мелкихъ, безымянныхъ»: N. N.	CLXVIII
«Есть нѣкій часъ»: Видѣніе	XXX
«Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ»: Весеннія воды	LII
«Еще земли печаленъ видъ»	VII
«Еще томлюсь тоской желаній»	XCVII
«Еще шумѣлъ весёлый день»	XXXIV
«Ея послѣдніе я видѣлъ взоры»: Momento	CLXX
*Желаніе: Душа хотѣла бъ быть звѣздой	XXIII
Женева: «Утихла буря»	CLXXXIX
«Живымъ сочувствіемъ привѣта»	LXXXVI
Жуковскій: На кончину Ж-го.	CXXXIX
Завѣта, При посылкѣ Новаго	CLXXVI
*Закатъ: Подъ дыханьемъ непогоды	CXXII
«За нашимъ вѣкомъ мы идёмъ»	XIV²
Зарницы:	
1) Не остывшая отъ зною	CXXXI
2) Ночное небо такъ угрюмо	CCV
«Здѣсь, гдѣ такъ вяло сводъ небесный»: Въ дорогѣ	XXII
«Здѣсь нѣкогда, могучій и прекрасный»: Дымъ	CCXXII
«Зима не даромъ злится»: Весна	XIV

№№

*«И бунтуетъ, и клокочетъ»: Море и утёсъ XCIII
*Ива: «Чтó ты клонишь надъ водами». LXVI
«И вотъ въ редахъ отечественной рати»: Памяти Е. П. Ковалевскаго CCXXIX
«И въ Божьемъ мірѣ то-жъ бываетъ». CCX
«И въ нашей жизни повседневной»: Е. Н. Анненковой CLXV
«Играй, покуда надъ тобою» CLXXVIII
«И гробъ опущенъ ужъ въ могилу» LXVIII
Издателю газеты «Вѣсть» CXCV
*Измѣна: Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюблённой LXXXVII
«Изъ края въ край, изъ града въ градъ» LVII
«Изъ переполненной Господнимъ гнѣвомъ чаши»: Два единства. . CCXVII
«Изъ чьей руки свинецъ смертельный»: 29 января 1837 года . . LXXIII
«И море и буря качали нашъ челнъ»: Сонъ на морѣ XXIV
Императору Александру II:
1) Такъ! Онъ спасёнъ! CCVIII
2) Ты взялъ свой день CLXXII
3) Царь благодушный CCLVII
Императрицѣ Маріи Александровнѣ:
1) Какъ неразгаданная тайна CXCI
2) Кто бъ ни былъ ты CXC
*Иней: Чародѣйкою зимою CXL
*Иностранничанье: Напрасный трудъ, нѣтъ ихъ не вразумишь. . CCXXI
«И опять звѣзда играетъ»: На Невѣ CXX
«И распростясь съ тревогою житейской»: Итальянская вилла . . LXXVIII
«И самый домъ какъ будто ожилъ»: Н. С. Акинфовой CLXXXI
*Искаріотъ: На пріѣздъ австрійскаго эрцгерцога на похороны Императора Николая I. CXLVIII
*Источникъ: Потокъ сгустился и тускнѣетъ LXI
Итальянская вилла LXXVIII
«Итакъ опять увидѣлся я съ вами» XCII
«И тихими послѣдними шагами»: На кончину гр. Д. Н. Блудова . CLXXXVII
«И ты свершилъ свой подвигъ роковой»: Наполеонъ III CCLIV
«И ты стоялъ, передъ тобой Россія!»: Наполеонъ, 3. LXXXVIII
«И чувства нѣтъ въ твоихъ очахъ» CLXIX
Іюнь 1868 года . . . . CCXXVIIб
«Какое дикое ущелье!». XXXII
«Какое лѣто, чтó за лѣто» CXLV
«Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь» CXXIX
«Какъ вѣрно здравый смыслъ народа» CXCIX
«Какъ дочь родную на закланье»: На взятіе Варшавы L
«Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ» CIX
«Какъ жизнь ни сдѣлалась скуднѣе»: Графинѣ А. Д. Блудовой. . CCVII
«Какъ лѣтней иногда порою»: Н. С. Акинфовой CLXXX
«Какъ надъ горячею золой» LIX
«Какъ, насажденія Петрова» CCXXXIII
«Какъ неожиданно и ярко». CCIV

	№№
«Какъ не разгаданная тайна»: Императрицѣ Маріи Александровнѣ.	CXCI
«Какъ ни бѣсилося злорѣчье»: Н. С. Акинфовой	CLXXXII
«Какъ ни гнетётъ рука судьбины»: Весна	LXXXI
«Какъ ни дышетъ пóлдень знойный»	CXIX
«Какъ ни тяжолъ послѣдній часъ»	CCXXVб
«Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной»	XLVIII
«Какъ онъ любилъ родныя ели»: О Ламартинѣ	XCVI
«Какъ подъ сугробомъ снѣжнымъ ліпи»: Графинѣ Ростопчиной .	CXXIV
«Какъ птичка раннею зарей»	XL
«Какъ сладко дремлетъ садъ темно-зелёный»: Ночные голоса . .	LIII
«Какъ тихо вѣетъ надъ долиной»: Вечеръ	XV
«Какъ хорошо ты, о море ночное».	CXCIV
«Какъ этого посмертнаго альбома»: Графинѣ А. Д. Блудовой. . .	CCXX
*Камень: Съ горы скатившись	LIV
Карамзина, На Юбилей Н. М.	CCXVI
Катаклизмъ, Послѣдній: Когда пробьётъ.	XXXVIII
Cache-cache	XXVIII
*Кирилло-Меѳодіевскій праздникъ: Насъ всѣхъ, собравшихся . .	CCXXXII
*Ключъ: Потокъ сгустился и тускнѣетъ	LXI
Ковалевскаго, Памяти Е. П.	CCXXIX
Ковно, Проѣзжая черезъ.	CXLIV
«Когда въ кругу убійственныхъ заботъ».	CX
«Когда дряхлѣющія силы»: Кн. П. А. Вяземскому.	CCXIV
«Когда на то нѣтъ Божьяго согласья»: Дочери Д. Ѳ. Тютчевой. .	CXCVII
«Когда пробьётъ послѣдній часъ Природы»	XXXVIII
«Когда свершится искупленье»: Кн. А. М. Горчакову	CCXXVII
«Когда, что̀ звали мы своимъ»	CLXIII
Колумбъ	XC
*Конституція: Москвичамъ	CXCVI
«Кончен пиръ, умолкли хоры».	CXVII
Конь морской	XVI²
*Коршунъ: Съ поляны коршунъ поднялся	XXXIII
«Костёръ сооружонъ»: Гусь на кострѣ.	CCXLI
*Критское возстаніе:	
1) Ты ль долго будешь за туманомъ	CCXVIII
2) Хотя бъ она сошла съ лица земного	CCXIX
«Кто бъ ни былъ ты»: Императрицѣ Маріи Александровнѣ . . .	CXC
«Куда себя морочите вы грубо»: Москвичамъ.	CXCVI
Къ Ганкѣ.	LXXXIX
Къ Н.: Твой милый взоръ	X
Къ N. N.: Ты любишь, ты притворствовать умѣешь	XLI
Къ одѣ Пушкина: «На вольность».	IIб
Къ портрету	CCIX
«Лазурь небесная смѣётся»: Утро въ горахъ	XXXIX
Ламартинъ: О Ламартинѣ	XCVI
Лебедь	LXXXIV
*Ледоходъ: Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ	XCV

№№

*Легко!: Такъ! Въ жизни есть мгновенія CL
Лерхенфельдъ, Графинѣ: Я помню время золотое IX
*Ливонія: Черезъ Ливонскія я проѣзжалъ поля XLV
Листъ, Первый CXXV
«Листъ зеленѣетъ молодой»: Первый листъ. CXXV
Листья XLVI
*Льдины: Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ XCV
«Лѣниво дышетъ полдень мглистый»: Полдень XXI
*Лѣсъ:
1) Дымъ CCXXII
2) «Обвѣянъ вѣщею дремотой» CXXIII
3) Первый листъ CXXV
Лѣтній вечеръ XXIX
*Лѣтнія бури: Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь CXXIX
Лѣто, Какое лѣто, что за CXLV
«Люблю глаза твои, мой другъ» XVIII
«Люблю грозу въ началѣ мая»: Весенняя гроза XXV
«Люблю, друзья, ласкать глазами»: Слёзы VI
«Люблю сей Божій гнѣвъ»: Mal' aria XLIII
*Любовь: Предопредѣленіе CXXVI
«Любовь земли и прелесть года»: Весна II
*Любовь къ земному: Нѣтъ! моего къ тебѣ пристрастья. XIX
Любовь, Послѣдняя CLVII
*Любовь — сонъ: Въ разлукѣ есть высокое значенье CXXXII
Mal' aria XLIII
Маріи Александровнѣ, Императрицѣ:
1) Какъ неразгаданная тайна CXCI
2) Кто бъ ни былъ ты CXC
Маріи Николаевнѣ, Къ Великой княжнѣ (?): Живымъ сочувствіемъ привѣта LXXXVI
Memento CLXX
*Мечты: Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной XLVIII
«Многозначительное слово»: Памяти М. К. Политковской CCLIII
Mobile, comme l'onde: Ты, волна моя морская! CXXXVIII
Могила Наполеона. XXVI
Молчи, скрывайся и таи: Silentium! LXVII
«Молчитъ сомнительно Востокъ»: Восходъ солнца. CCIII
Море и утёсъ XCIII
Море ночное! Какъ хорошо ты, о CXCIV
«Москва и градъ Петровъ»: Русская географія XCIV
Москвичамъ CXCVI
«Мужайтесь, о други»: Два голоса CVI
Муравьёвъ, Андрей Николаевичъ:
1) А. Н. Муравьёву: Тамъ, гдѣ на высотѣ обрыва CCXXXIV
2) А. Н. М.: Нѣтъ вѣры къ вымысламъ чудеснымъ III
Муравьёвъ, Михаилъ Николаевичъ:
1) Князю А. А. Суворову CLXXXV

	№№
2) На смерть графа М. Н. Муравьёва	CCXI
Мѣста немилыя, хоть и родныя: Итакъ опять увидѣлся я съ вами, М. н., х. и р.!	XCII
«На ваши, братья, празднества»: Чехамъ, въ годовщину Гуса . .	CCXXXVII
На взятіе Варшавы	L
На возвратномъ пути:	
1) Грустный видъ и грустный часъ!	CLXVI, I
2) Родной ландшафтъ	CLXVI, II
«На гробовой его покровъ»: На смерть графа М. Н. Муравьёва. .	CCXI
«На древѣ человѣчества высокомъ»: На смерть Гёте	LI
«Надъ виноградными холмами»	LXXIV
«Надъ русской Вильной стародавной»	CCXLIV
«Надъ этой тёмною толпой»	CLIX
На затѣи Москвичей: Москвичамъ	CXCVI
«На камень жизни роковой»	IV
Наканунѣ годовщины 4 августа 1864 года	CCIIIв
На кончину графа Д. Н. Блудова	CLXXXVII
На кончину брата (Н. И. Тютчева)	CCXLV
На кончину В. А. Жуковскаго	CXXXIX
На кончину Государя Наслѣдника Николая Александровича . .	CXCVIII
«На міръ таинственный духовъ»: День и ночь.	LXXXII
«Намъ не дано предугадать»	CCXXXIб
«На небѣ мѣсяцъ»: Декабрьское утро	CLXVII
На Невѣ	CXX
На новый 1855 годъ	CXLVII
Наполеонъ	LXXXVIII
Наполеонъ: Могила Наполеона	XXVI
Наполеонъ III	CCLIV
«Напрасный трудъ! Нѣтъ ихъ не вразумишь!»	CCXXI
На пріѣздъ австрійскаго эрцгерцога на похороны Императора Николая I	CXLVIII
«На равнинѣ водъ лазурной»: Плаваніе	CI
«На ранней дней моихъ зарѣ: 17 апрѣля 1818 г.	CCLVIII
Народный праздникъ: Надъ этой тёмною толпой	CLIX
«Насилу добрый геній мой»: Посланіе къ А. В. Шереметеву . . .	XVII
На смерть Гёте	LI
На смерть графа М. Н. Муравьёва	CCXI
«Насъ всѣхъ, собравшихся на общій праздникъ снова»	CCXXXII
Нашъ вѣкъ	CXLIII
На юбилей князя Петра Андр. Вяземскаго	CLXXI
На юбилей князя А. М. Горчакова	CCXXV
На юбилей Н. М. Карамзина	CCXVI
На юбилей М. Петр. Погодина	CCL
«Небо блѣдно-голубое»	CCXIII
«Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ»: Разсвѣтъ	CII
Невѣ, На	CXX
«Невѣрныя преодолѣвъ пучины»	I

	№№
«Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва!»	LXXXIII
«Не говори: меня онъ какъ и прежде любитъ»	CXXXVI
«Не гулъ молвы прошолъ въ народѣ»: Пророчество	CIII
«Недаромъ милосердымъ Богомъ»	CXXVII
*Недостижимое: Что ты клонишь надъ водами	LXVI
*Незнаніе: Увы, что́ нашего незнанья	CXLIX
«Не знаю я, коснётся-ль благодать»: Эрн. Фёд. Тютчевой, VI	CCLVв
«Не лёгкій жребій, не отрадный»: При посылкѣ Новаго Завѣта	CLXXVI
«Не остывшая отъ зною»	CXXXI
«Неохотно и несмѣло»: Гроза дорогой	XCIX
«Не плоть, а духъ растлился»: Нашъ вѣкъ	CXLIII
«Не разсуждай, не хлопочи!»	CXVIII
Нессельроде, Графу: Нѣтъ, карликъ мой, трусъ безпримѣрный	CXIV
«Не то́, что́ мните вы, Природа»	LXIX
*Нивы: Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ	XCVIII
Никитенко, Александру Васильевичу	CCLX
Николая Александровича, На кончину	CXCVIII
Нисѣ, Къ	VI[2]
Ницца: О, этотъ югъ, о эта Ницца!	CXCII
Новый годъ (1855), На	CXLVII
Норову, Абр. Серг.	CLVб
«Ночное небо такъ угрюмо»	CCV
*Ночной вѣтеръ: О чомъ ты воешь, вѣтръ ночной?	LXIV
«Ночной порой, въ пустынѣ городской»: Безсонница	CCLIX
Ночные голоса	LIII
*Ночь: Святая ночь на небосклонъ взошла	CXIII
Ночь въ дорогѣ: Не остывшая отъ зною	CXXXI
Ночь, День и	LXXXII
«Нѣтъ болѣ искръ живыхъ»: Я. Петр. Полонскому	CCI
«Нѣтъ вѣры къ вымысламъ чудеснымъ»: Андр. Н. Муравьёву	III
«Нѣтъ дня, чтобы душа не ныла»	CCVб
«Нѣтъ, карликъ мой, трусъ безпримѣрный!»	CXIV
«Нѣтъ! Моего къ тебѣ пристрастья»	XIX
«Нѣтъ! Мѣра есть долготерпѣнью»: На пріѣздъ австрійскаго эрцгерцога	CXLVIII
N. N.: Есть много мелкихъ, безымянныхъ	CLXVIII
«Обвѣянъ вѣщею дремотой»	CXXIII
*Обездоленные: Пошли, Господь, свою отраду	CXXI
*Обрядность: Я лютеранъ люблю богослуженье	LVI
«Обѣихъ васъ я видѣлъ вмѣстѣ»: Двумъ сестрамъ	LX
«О, въ эти дни, дни роковые»: Граф. Ростопчиной	CLIV
«О, вѣщая душа моя»	CLV
«Огнёмъ свободы пламенѣя»: Къ одѣ Пушкина «На вольность»	IIб
*Однообразіе: Какъ надъ горячею золой	LIX
«О, какъ на склонѣ нашихъ дней»: Послѣдняя любовь	CLVII
«О, какъ убійственно мы любимъ»	CXXXVII
О Ламартинѣ	XCVI

	№№
Олеговъ щитъ	XXXI
*Она полюбила: Сей день, я помню, для меня	XLVII
«Она сидѣла на полу»	CLXII
«О, не тревожь меня укорой справедливой»	CXXXV
«Они кричатъ, они грозятся»: Славянамъ	CCXXIV
«Онъ родомъ былъ не славянинъ»: Памяти А. Ѳ. Гильфердинга	CCLXI
*Опошленье: Чему молилась ты съ любовью	CXXXIV
«Опять стою я надъ Невою»	CCXXVIIб
«Ораторъ римскій говорилъ»: Цицеронъ	XXXVI
*Освобожденіе: Надъ этой тёмною толпой	CLIX
«Осенней, позднею порою»	CLXIV
Осенній вечеръ	LXXXV
*Осень:	
1) Есть въ осени первоначальной	CLX
2) Обвѣянъ вѣщею дремотой	CXXIII
«Открылось! Не мечта ль?»: Уранія	0
*Отсталость: Какъ птичка раннею зарей	XV
«Отъ жизни той, что̀ бушевала здѣсь»: По дорогѣ во Вщижъ . . .	CCXLIX
*Охладѣлость: О, не тревожь меня укорой справедливой	CXXXV
*Очи: Я очи зналъ — о, эти очи!	CXLII
«О чомъ ты воешь, вѣтръ ночной?»	LXIV
«О, этотъ югъ, о, эта Ницца!»	CXCII
Памяти А. Ѳ. Гильфердинга	CCLXI
Памяти Е. П. Ковалевскаго	CCXXIX
Памяти М. К. Политковской	CCLIII
*Папа: Свершается заслуженная кара	CCXXVI
Первый листъ	CXXV
«Песокъ сыпучій по колѣни»	XLIV
*Письма: Она сидѣла на полу	CLXII
Плаваніе	CI
«Пламя рдѣетъ, пламя пышетъ»	CLI
Плетнёвой, Алдр. Вас.	CCXLVI
Погодинъ:	
1) М. Петр. Погодину	CCXXX
2) На юбилей М. П. Погодина	CCL
*Подвижность: Ты, волна моя морская	CXXXVIII
По дорогѣ во Вщижъ	CCXLIX
«Подъ дыханьемъ непогоды»	CXXII
«По зеркалу зыбкаго дола»: Венеція	CXLI
Полдень	XXI
Политковской, Памяти М. К.	CCLIII
Полонскому, Я. Петр.	CCI
Польскій мятежъ: Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами	CLXXXIII
Портретъ: Къ портрету	CCIX
Посланіе къ Алексѣю Вас. Шереметеву	XVII
Послѣдній катаклизмъ: Когда пробьётъ послѣдній часъ Природы .	XXXVIII
Послѣдняя любовь	CLVII

№№
*Послѣ пира: Конченъ пиръ, умолкли хоры CXVII
«Потокъ сгустился и тускнѣетъ» LXI
«Пошли, Господь, свою отраду» CXXI
Поэзія CVII
*Поэтъ:
1) Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва! LXXXIII
2) Ты зналъ его въ кругу большого свѣта XLIX
Предопредѣленіе CXXVI
Предъ грозою: Въ душномъ воздухѣ молчанье LXV
*Прелесть музыки: Ю. Ѳ. Абазѣ CCXL
«Привѣтъ вамъ задушевный, братья»: Славянамъ CCXXIII
*Призракъ: День вечерѣетъ, ночь близка CXXXIII
При посылкѣ Новаго Завѣта CLXXVI
Природа:
1) Не тó, что мните вы, Природа LXIX
2) Природа — сфинксъ CCXXXVI
*Проблескъ: Когда въ кругу убійственныхъ заботъ CX
Проблескъ: Слыхалъ ли въ сумракѣ ночномъ XIII
Пророчество CIII
Проѣзжая черезъ Ковно CXLIV
*Прятки: Cache-cache XXVIII
*Птичка: Недаромъ милосердымъ Богомъ CXXVII
«Пускай орёлъ за облаками»: Лебедь LXXXIV
«Пусть сосны и ели»: Листья XLVI
Пушкина, На смерть: 29 января 1837 года LXXIII
«Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ» CC
*Пѣніе: «Сентябрь холодный бушевалъ» CLXXXIV
Пѣснь скандинавскихъ воиновъ . . . . VII[a]
15-го іюля 1865 года. . . . . CCIIIб
«Пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ минуло»: Чорное море CCXLVIII
*Радуга: Какъ неожиданно и ярко CCIV
*Раздвоенность: О, вѣщая душа моя! CLV
*Раздумье: Сижу задумчивъ и одинъ XXVII
*Разладъ:
1) «Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ» CC
2) «Смотри, какъ западъ загорѣлся» LXXIX
*Разлука:
1) Въ разлукѣ есть высокое значенье CXXXII
2) Такъ здѣсь-то суждено намъ было LXXVI
Разсвѣтъ CII
*Раичу:
1) На камень жизни роковой IV
2) Невѣрныя преодолѣвъ пучины I
Римъ ночью CXV
«Родной ландшафтъ»: На возвратномъ пути, II . . . . CLXVI, II
Роковыя силы, Двѣ силы есть, двѣ CCXXXI
*Россіи: Теперь тебѣ не до стиховъ CXLVI

№№
*Россія: Умомъ Россіи не понять CCXV
Ростопчиной, Графинѣ:
1) Какъ подъ сугробомъ снѣжнымъ лѣни CXXIV
2) О, въ эти дни, дни роковые CLIV
Ротенбургъ: Надъ виноградными холмами LXXIV
*Роща: Смотри, какъ роща зеленѣетъ CLVIII
Русская географія XCIV
*Русская звѣзда: Ты долго-ль будешь за туманомъ CCXVIII
*Русская мощь: Море и утёсъ XCIII
*Русско-польское примиреніе: Тогда лишь въ полномъ торжествѣ . CIV
*Русь: Эти бѣдныя селенья CLII
«Свершается заслуженная кара» CCXXVI
*Свобода: Надъ этой тёмною толпой CLIX
*Свѣтопреставленіе: Когда пробьётъ послѣдній часъ Природы . . XXXVIII
«Святая ночь на небосклонъ взошла» CXIII
Святыя горы CLXXIX
«Сегодня, другъ, пятнадцать лѣтъ минуло» . . . . CCIIIб
«Сей день, я помню, для меня» XLVII
17 апрѣля 1818 года CCLVIII
«Сентябрь холодный бушевалъ» CLXXXIV
«Сижу задумчивъ и одинъ» XXVII
Silentium! LXVII
Силы: Двѣ силы есть, двѣ роковыя силы CCXXXI
«Сіяетъ солнце, воды блещутъ» CXXVIII
Скальда, Арфа LXXX
Скандинавскихъ воиновъ, Пѣснь . . . . VII*
«Сквозь лазурный сумракъ ночи»: Альпы XLII
Славянамъ:
1) Они кричатъ, они грозятся CCXXIV
2) Привѣтъ вамъ задушевный, братья! CCXXIII
Слёзы VI
«Слёзы людскія, о, слёзы людскія» CXII
«Слыхалъ-ли въ сумракѣ глубокомъ»: Проблескъ XIII
«Смотри, какъ западъ загорѣлся» LXXIX
«Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ» XCV
«Смотри, какъ облакомъ живымъ»: Фонтанъ LXX
«Смотри, какъ роща зеленѣетъ» CLVIII
Сны: Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной XLVIII
*Снѣга: Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ LVIII
Снѣжныя горы LXII
Современное CCXXXVIII
*Совѣтъ: Не разсуждай, не хлопочи CXVIII
Сонъ на морѣ XXIV
«Спѣшу поздравить съ неудачей»: А. Ѳ. Гильфердингу CCXXXIX
«Среди громовъ, среди огней»: Поэзія CVII
«Стиховъ моихъ вотъ списокъ безобразный»: М. П. Погодину . . CCXXX
«Стоимъ мы слѣпы предъ судьбою»: На новый 1855 годъ CXLVII

	№№
Странникъ	XX
*Стремленіе ввысь: Хоть я и свилъ гнѣздо въ долинѣ	CLXXVII
«Стяжать вѣнокъ отъ васъ не мѣчу»	XIIIб
Суворову, Князю Алдр. Аркад.	CLXXXV
*Суета: Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ»	CIX
*Суета: Конченъ пиръ — умолкли хоры	CXVII
Сумерки	XI
*Суэзскій каналъ: Современное	CCXXXVIII
«Съ горы скатившись, камень лёгъ въ долинѣ»	LIV
«Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюблённой»	LXXXVII
*Съ нами Богъ: «Ужъ третій годъ бѣснуются языки»	CV
«Съ поляны коршунъ поднялся»	XXXIII
«Сынъ революціи!»: Наполеонъ, I	LXXXVIII
«Тáкъ взывалъ я, тáкъ гласилъ я»: Къ Ганкѣ. Приписка . . .	LXXXIX
«Такъ! Въ жизни есть мгновенія»	CL
«Такъ! Гармоническихъ орудій»: Ю. Ѳ. Абазѣ	CCXL
«Такъ здѣсь-то суждено намъ было»	LXXVI
«Такъ! Онъ спасёнъ!»: Императору Александру II	CCVIII
«Тамъ, гдѣ горы, убѣгая»	LXXV
«Тамъ, гдѣ на высотѣ обрыва»: А. Н. Муравьёву	CCXXXIV
«Тамъ, гдѣ съ землёю обгорѣлой»: Безуміе	LV
«Твой милый взоръ»: Къ Н.	X
«Тебѣ, болящая въ далёкой сторонѣ»: Е. С. Шенпиной	CCLV
«Тебѣ сердечный мой поклонъ»: Аѳ. Аѳ. Фету	CLXXIV
Телеграмма въ Петергофъ князю П. А. Вяземскому	CCII
*Телеграфъ: Вотъ отъ моря и до моря	CLIII
«Теперь не тó, чтò за полгода»: Князю П. А. Вяземскому	CLXXV
«Теперь тебѣ не до стиховъ»	CXLVI
«Тихо въ озерѣ струится»	CCXII
«Тихо, мягко надъ Украйной»: Святыя горы	CLXXIX
«Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ»	XCVIII
«Тогда лишь въ полномъ торжествѣ»	CIV
«Тому, кто съ вѣрой и любовью»	CLVб
«Ты взялъ свой день»: Императору Александру II	CLXXII
«Ты, волна моя морская!»	CXXXVIII
«Ты долго ль будешь за туманомъ»	CCXVIII
«Ты зналъ его въ кругу большого свѣта»	XLIX
«Ты ль это, Нѣманъ величавый?»: Проѣзжая черезъ Ковно . . .	CXLII
«Ты любишь, ты притворствовать умѣешь»	XLI
«Тѣни сизыя смѣсились»: Сумерки	XI
Тютчевой, Дарьѣ Фёдоровнѣ: Дочери	CXCVII
Тютчевой, Эрнестинѣ Фёдоровнѣ:	
1) Всё отнялъ у меня казнящій Богъ	CCLVб
2) Всё, чтò сберечь мнѣ удалось	CLVв
3) Не знаю я, коснётся ль благодать»	CCLVв
*Убійственность любви: О, какъ убійственно мы любимъ!	CXXXVII
«Увы, чтó вашего незнанья»	CXLIX

№№

«Угоденъ Зевсу бѣдный странникъ»: Странникъ XX
«Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами» CLXXXIII
«Уже полдневная пора»: Снѣжныя горы LXII
«Ужъ солнца раскалённый шаръ»: Лѣтній вечеръ XXIX
«Ужъ третій годъ бѣснуются языки» CV
*Улыбка: Сіяетъ солнце, воды блещутъ CXXVIII
«Умомъ Россіи не понять» CCXV
«У Музы есть различныя пристрастья»: На юбилей кн. П. А. Вяземскаго CLXXI
Успокоеніе:
1) Гроза прошла XXXVII
2) Когда, что звали мы своимъ CLXIII
3) Весеннее успокоеніе (переводное) . . . . XXX²
Утёсъ, Море и XCIII
«Утихла буря» CLXXXIX
Утро въ горахъ XXXIX
Утро, Декабрьское CLXVII
*Уходилъ! : Какъ вѣрно здравый смыслъ народа CXCIX
Фету, Афан. Афан. CLXXIV
«Флаги вѣютъ на Босфорѣ»: Современное CCXXXVIII
Фонтанъ LXX
«Хоть я и свилъ гнѣздо въ долинѣ» CLXXVII
«Хотя бъ она сошла съ лица земного» CCXIX
Царское село: Осенней позднею порою CLXIV
*Царское село: Тихо въ озерѣ струится CCXII
«Царь благодушный!»: Императору Александру II CCLVII
*Цензорство: Экспромптъ CCXLIII
Цицеронъ XXXVI
«Чародѣйкою зимою» CXL
«Часовъ однообразный бой»: Безсонница XXXV
«Чему бы жизнь насъ ни учила»: А. В. Плетнёвой CCXLVI
«Чему молилась ты съ любовью» CXXXIV
«Черезъ Ливонскія я проѣзжалъ поля» XLV
Чехамъ въ годовщину Гуса CCXXXVII
«Что за отчаянные крики» CCXXXV
«Что пѣлъ божественный, друзья»: Друзьямъ V
«Что ты клонишь надъ водами» LXVI
Шеншиной, Евг. Сем. CCLV
Шереметеву, Посланіе къ Алексѣю Вас. XVII
Щербинѣ, Н. Фёд. CLVI
Экспромптъ CCXLIII
*Элизіумъ: Душа моя—Элизіумъ тѣней LXXII
Энциклика CXCIII
*Эстляндскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ: Какъ, насажденія Петрова CCXXXIII
«Эти бѣдныя селенья» CLII
*Югу: «Давно ль, давно ль, о югъ блаженный» LXXVII

№№
«Я видѣлъ вечеръ твой»: На кончину В. А. Жуковскаго CXXXIX
«Я встрѣтилъ васъ, и всё былое» CCXLII
«Я зналъ её ещо тогда» CLXXIII
«Я лютеранъ люблю богослуженье» LVI
«Я очи зналъ,—о, эти очи!» CXLII
«Я помню время золотое» IX
«Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ» LVIII

---

2. Переводы и подражанія.

№№
Байронъ: Въ альбомъ друзьямъ XI

Гейне:
Вопросы XIV
«Въ которую изъ двухъ влюбиться» XXVIII
«Другъ, откройся предо мною» XXI
«Если смерть есть ночь, если жизнь есть день» XXXVI
«Какъ порою свѣтлый мѣсяцъ» XIX
Кораблекрушеніе XV
«На сѣверѣ мрачномъ» X

Гёте:
Вильгельмъ Мейстеръ:
1) Кто съ хлѣбомъ слёзъ своихъ не ѣлъ XXVI
2) Кто хочетъ міру чуждымъ быть XXVII
3) Ты знаешь край XXV
Завѣтный кубокъ XIII
Западъ, Нордъ и Югъ въ крушеньи» XVII
«Кто съ хлѣбомъ слёзъ своихъ не ѣлъ» XXVI
«Кто хочетъ міру чуждымъ быть» XXVII
«Лежу я въ потокѣ на камняхъ» . . . . XXXVIIб
Миньйона: Ты знаешь край XXV
Ночныя мысли XXIX
Перемѣна . . . . XXXVIIб
Привѣтствіе духа XX
Пѣвецъ XXII
«Радость и горе въ живомъ упоеньи» XXXV
Саконтала VIII
«Ты знаешь край» XXV
Фаустъ:
1) Явленіе Земного духа (д. I, сц. 1) . . . . XVIII, 2
2) Изъ Прогулки (д. I, сц. 2) . . . . XVIII, 1
3) Фульскій царь: Завѣтный кубокъ XXV
Эгмонтъ: Клархина пѣсня («Радость и горе») XXXV

Горацій: «Приди, желанный гость» I

Гюго, Викторъ: «Великій Карлъ, прости!» XXIII

№№

Корана, Изъ: Подражаніе арабскому (Клянусь коня волнистой гривой) IX

Ламартинъ: Одиночество IV

Манцони: Наполеонъ III

Микель-Анджело: «Молчи, прошу, не смѣй меня будить!» XXXIII

Неизвѣстныхъ:
1) Въ Римѣ. Въ альбомъ княгини Т—ой XXXIV
2) Конь морской XVI
3) Пѣснь скандинавскихъ воиновъ VII

Расинъ: «Едва мы вышли изъ Трезенскихъ вратъ» II

Уландъ: Весеннее успокоеніе XXX

Шекспиръ:
1) «Заревѣлъ голодный левъ» XXXI
2) «Любовники, безумцы и поэты» XXXII

Шиллеръ [1]):
1) Къ Нисѣ (An Minna) VI
2) Поминки (Das Siegesfest) XXIV
3) Пѣснь Радости V
4) «Съ озера вѣетъ» XII
5) «Фортуна и Мудрость» XXXVII

---

3. Французскія стихотворенія.

№№

*Воспоминанія: «Des premiers ans de votre vie III
*Звѣзды: Promenade avec ma femme II
*Мечта: Un rêve I
*Орденъ Подвязки: «Lorsqu' un noble prince» V6
*Петербургъ: «Un ciel lourd» IV
*Южанкѣ: «D' une fille du Nord» V

---

1) Подражаніе «Колумбъ» стоитъ подъ оригинальными вещами, № XC.

Наукове Товариство Імени Т. Шевченко и его изданія 1905—1909 гг.

Обзоръ научныхъ изданій *Наукового Товариства* за послѣдніе пять лѣтъ является вмѣстѣ съ тѣмъ обзоромъ научной дѣятельности *Товариства* за эти годы. Но для болѣе яснаго представленія о развитіи научной дѣятельности за эти годы необходимо присмотрѣться къ внутренней организаціи Общества и расширенію кругозора его интересовъ. Дѣятельное и отзывчивое *Товариство* затрагиваетъ новые и новые вопросы, организуетъ спеціальныя коммиссіи, разрабатываетъ анкеты и основываетъ спеціальныя научныя изданія. Прежде основанныя секціи и изданія постепенно расчленяются на отдѣльныя болѣе спеціальныя коммиссіи и новыя изданія. И систематизируя научную дѣятельность Товариства, его научныя работы и собранные имъ сырые матеріалы, мы не должны забывать этого постепеннаго развитія организаціи Товариства.

Для большей ясности я позволю себѣ привести нѣсколько данныхъ о раннихъ годахъ существованія и дѣятельности Товариства.

Мысль основать научное украинское общество родилась въ средѣ украинской интеллигенціи Россіи. Здѣсь на мѣстѣ съ конца шестидесятыхъ годовъ обстоятельства складывались неблагопріятно для развитія украинской литературы и науки. Поэтому съ большимъ вниманіемъ украинскіе интеллигенты всматривались въ національное движеніе среди украинцевъ Галиціи. Разрозненная дѣятельность отдѣльныхъ единичныхъ работниковъ встрѣчала немало препятствій и естественно возникла мысль создать прочный базисъ въ видѣ постоянной научной институціи, объединяющей литературную и научную дѣятельность писателей и ученыхъ.

Осуществить такой планъ украинцамъ Россіи у себя дома было невозможно и возможности въ близкомъ будущемъ для этого не предвидилось. Тогда явилась мысль сдѣлать такую институцію въ Галиціи, благо надежды и стремленія украинцевъ Россіи и украинцевъ Галиціи во многомъ существенномъ сходились. Украинское общество въ Львовѣ должно было объединить около себя литературную и научную дѣятельность украинцевъ Галиціи и украинцевъ Россіи: для послѣднихъ не было надежды на скорое осуществленіе своихъ плановъ въ Россіи и въ украинскомъ обществѣ во Львовѣ нашли бы украинскіе писатели опору для своей дѣятельности. Въ публикаціяхъ того общества нашли бы мѣсто тѣ литературныя и научныя произведенія на украинскомъ языкѣ, которыя или вовсе не могли бы или только въ изуродованномъ видѣ могли бы появиться въ предѣлахъ Россіи. Какъ извѣстно, развитію литературы на украинскомъ языкѣ поставлены были серьезныя препятствія, а ученыя работы на украинскомъ языкѣ и вовсе не могли появляться по цензурнымъ условіямъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ.

Для осуществленія намѣченныхъ цѣлей собрана была извѣстная сумма денегъ (восемь тысячъ рублей) и на нее рѣшено было завести типографію, чтобы создать такимъ образомъ благопріятныя условія для украинскаго литературнаго издательства. Новооснованное «Товариство імени Шевченко» должно было содѣйствовать развитію украинскаго литературнаго движенія и вести дѣла типографіи. Общество было сначала тѣсно-замкнутой организаціею, куда трудно было проникнуть: дѣлалось это изъ боязни, чтобы сторонніе элементы, проникнувъ въ Общество, не придали бы его дѣятельности иного нежелательнаго направленія. Такъ начало въ концѣ 1873 г. новооснованное Товариство свою дѣятельность.

Первые семнадцать лѣтъ Товариство развивалось очень медленно. Матеріальныя средства были очень не велики: доходность типографіи была ничтожна и Товариство не могло осуществить своей ближайшей задачи— способствовать развитію украинской литературы. Сочувствіе Товариства выражалось лишь въ типографскихъ льготахъ, кредитахъ и скидкахъ авторамъ, для самостоятельной издательской дѣятельности Товариство пока еще не имѣло достаточныхъ силъ.

Переломъ наступилъ въ 1885 г., когда Товариство приняло на себя изданіе литературнаго журнала «Зоря». Это было началомъ самостоятельной издательской дѣятельности Товариства, оживило въ его средѣ литературные интересы и подогрѣло въ свою очередь интересъ къ Товариству. Еженедѣльный журналъ «Зоря» объединилъ около себя литераторовъ не только Галиціи, но и Россіи. За отсутствіемъ украинскихъ журналовъ въ Россіи и при невозможности создать таковой, украинскіе литераторы часто посылали сюда свои произведенія. На страницахъ этого журнала появлялись всѣ тѣ повѣсти и разсказы, которые не могли появиться въ Россіи по своему общественно-національному содержанію. «Зоря» давала имъ пріютъ и такимъ образомъ являлась общеукраинскимъ литературнымъ изданіемъ, какъ и Товариство являлось общеукраинскимъ литературнымъ обществомъ.

Сама жизнь расширяла рамки журнала и Товариства. Рядомъ съ развитіемъ украинской литературы развивалась по немногу и украинская наука. «Зоря» помѣщаетъ на своихъ страницахъ статьи по украинской этнографіи, исторіи, исторіи литературы. Но для развивающейся украинской науки этого случайнаго пріюта было мало, и часто раздаются голоса о необходимости расширенія дѣятельности Товариства. Высказываются пожеланія, чтобы Товариство организовало научную работу и основало спеціальный научный украинскій журналъ. Именно эти цѣли преслѣдовала коренная реформа Товариства, намѣченная въ проектѣ 1890 г., проведенная вполнѣ въ 1892 г.

Реформа 1892 г. придала иной видъ Товариству. Теперь это «Наукове Товариство» съ тремя секціями—филологическою, историческо-философскою и математическо-естественно-научно-медицинскою. Основывается вмѣстѣ съ тѣмъ спеціальный научный журналъ «Записки Наукового Товариства».

Издательская дѣятельность первыхъ лѣтъ реорганизованнаго общества была довольно скромна. Въ концѣ 1892 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ «Записокъ Наукового Товариства імени Шевченка»: онъ составился преимущественно изъ статей украинскихъ авторовъ и изданъ тоже при денежной субсидіи изъ Украйны. Въ слѣдующемъ 1893 г. вышелъ второй томъ. Въ 1894 г. вышло уже два тома (III и IV).

Кромѣ того въ этихъ же 1892—1894 гг. Товариство принимаетъ на себя редактированіе и изданіе ранѣе основанныхъ научныхъ публикацій — «Правничої часописи» юридическаго журнала основаннаго юристами-украинцами, «Руської історичної библіотеки» — сборника переводовъ важнѣйшихъ научныхъ трудовъ по исторіи Украины и двухъ словарей: русско-украинскаго составленнаго украинцами и при денежной поддержкѣ изъ Украины, и спеціальнаго юридическаго К. Левицкаго.

Мы видимъ такимъ образомъ, что товариство объединяетъ около себя научную дѣятельность писателей Австрійской и Россійской Украины и, какъ общеукраинское научное общество, пріобрѣтаетъ глубокіе симпатіи украинской интеллигенціи. Изъ Украины идетъ моральная поддержка— научное сотрудничество—вмѣстѣ съ матеріальною помощью.

Съ 1895 г. дальнѣйшее развитіе Товариства идетъ болѣе быстрымъ темпомъ. Во главѣ Товариства становится теперь молодой энергичный дѣятель украинецъ Мих. Грушевскій, занявшій въ 1894 г. новоучрежденную каѳедру украинской исторіи въ Львовскомъ университетѣ. Съ первыхъ же шаговъ проявилъ онъ здѣсь интенсивную ученую дѣятельность. Съ другой стороны очень цѣннымъ оказалось его умѣніе объединять и организовывать общую работу.

Постепенно увеличивается кругъ сотрудниковъ. Участіе украинскихъ сотрудниковъ дѣлается болѣе постояннымъ и энергичнымъ. Наукове Товариство организуетъ большія научныя работы и руководитъ научною дѣятельностью своихъ провинціальныхъ корреспондентовъ.

Расширяется и кругъ сотрудниковъ во Львовѣ. Привлечены къ участію лица, стоявшія ранѣе въ сторонѣ. Съ этого времени, напримѣръ, начинается дѣятельное сотрудничество Ивана Франка, принимающаго съ той поры самое энергичное участіе въ работахъ Товариства, и какъ сотрудникъ «Записокъ» и какъ предсѣдатель и членъ различныхъ секцій и коммиссій.

И съ иной стороны расширялся кругъ сотрудниковъ Товариства. Умѣло поставленныя научныя семинаріи проф. Мих. Грушевскаго сѣяли и укрѣпляли въ слушателяхъ — студентахъ интересъ къ украинской исторіи. При внимательномъ руководствѣ со стороны профессора обычныя студенческія сочиненія превращались въ самостоятельныя научныя ра-

боты. И лучшими работами молодые люди дебютировали на страницахъ «Записокъ», втягиваясь постепенно въ научныя занятія Товариства.

Наконецъ наступило улучшеніе матеріальныхъ средствъ Товариства. Въ 1894 г. получена была первая субсидія отъ галицкаго сойму, правда болѣе чѣмъ скромная, только 1.000 гульденовъ. Впослѣдствіи эта субсидія постепенно увеличивалась.

При такихъ то условіяхъ Наукове Товариство вступило въ новую фазу своего существованія, быстраго всесторонняго развитія.

Вотъ нѣсколько цифръ иллюстрирующихъ этотъ ростъ.

Въ 1895 г. Бюджетъ научныхъ изданій около $4^1/_2$ т. гульд., издано 9 томовъ научныхъ публикацій. Субсидіи 3 т. гульд.

Въ 1896 г. Бюджетъ научныхъ изданій около 10 т. гульд., издано 10 томовъ; субсидій $4^1/_2$ т. гульд.

Въ 1897 г. Бюджетъ научныхъ изданій около 13 т. гульд., издано 13 томовъ; субсидій $4^1/_2$ т. гульд.

Въ 1899 г. Бюджетъ научныхъ изданій $15^1/_2$ т. гульд., издано 16 томовъ; субсидій 7 т. гульд.

Въ 1904 г. Бюджетъ научныхъ изданій 17 т. гульд., субсидій 8 т. гульд.

Въ 1905 г. Бюджетъ научныхъ изданій 19 т. гульд., субсидій $10^1/_2$ т. гульд.

Въ 1906 г. Бюджетъ научныхъ изданій около 20 т. гульд. издано 17 томовъ; субсидій 9 т. гульд.

Въ 1908 г. Бюджетъ научныхъ изданій выше 20 т. гульд.; субсидій 12 т. гульд.

Присмотримся теперь ко внутренней организаціи научныхъ работъ *Наукового Товариства*.

Реорганизація 1892 г. ввела въ жизнь три самостоятельныя секціи: филологическую, историческо-философскую и математическо-естественно научно-медицинскую. Органомъ научной дѣятельности этихъ секцій — «Записки Наукового Товариства» и спеціально-юридическій журналъ «Правнича Часопись».

Главный органъ Наукового Товариства Записки приняли съ 1895 г. видъ научнаго повременнаго изданія. Рядомъ съ изслѣдованіями и мате-

ріалами — двумя основными рубриками — вводятся отдѣлы miscellanea (для мелкихъ замѣтокъ и матеріаловъ), научной хроники (обстоятельные законченные обзоры) и библіографіи (систематическіе обзоры книгъ и статей касающихся украиновѣдѣнія).

Пока Записки служатъ общимъ органомъ для всѣхъ секцій Товариства онѣ помѣщаютъ на своихъ страницахъ статьи самаго разнообразнаго содержанія: наряду съ историческими и филологическими статьями идутъ статьи на темы чистой математики, медицины и зоологіи. Это представляло свои неудобства.

Въ 1897 г. секція математическо-естественно-научно-медицинская получила спеціальный органъ — «Збірник математично-природописно-лїкарської секції»: съ этого времени Записки пріобрѣтаютъ болѣе цѣльный выдержанный характеръ, какъ органъ двухъ лишь секцій историческо-философской и филологической.

«Записки Наукового Товариства» выходили въ 1894 г. двумя книжками на годъ, въ 1895 г. четырьмя томами, а съ 1896 г. уже шестью томами на годъ. Этимъ своимъ быстрымъ ростомъ Записки всецѣло обязаны энергіи своего новаго редактора проф. Михаила Грушевскаго.

Дальнѣйшее развитіе научной работы Наукового Товариства связано съ расчлененіемъ и спеціализаціею его занятій и изданій.

Выдѣляется спеціальная «Археоґрафічна Комісія»: она собираетъ, разрабатываетъ и издаетъ научные матеріалы по исторіи и исторіи литературы. Двѣ спеціальныя серіи «Жерела до історії України—Руси» и «Памятки українсько — руської мови і лїтератури» посвящены этимъ научнымъ матеріаламъ по исторіи и по исторіи литературы (съ 1895 г.).

Для изданія этнографическихъ матеріаловъ основанъ въ 1895 г. спеціальный «Етноґрафічний Збірникъ». Съ усиленіемъ матеріальныхъ средствъ «Наукове Товариство» организуетъ рядъ этнографическихъ экскурсій. Для общаго руководства основана «Етноґрафічна комісія».

Затѣмъ при секціи историческо-философской основана была отдѣльная «Комісія Язикова» для практическихъ вопросовъ развивающагося книжнаго украинскаго языка.

При той же историческо-философской секціи основаны позднѣе еще двѣ спеціальныхъ коммисіи «Статистична» и «Библіоґрафічна».

Въ общихъ чертахъ современное разчлененіе «Наукового Товариства» можно вкратцѣ представить такъ.

Три секціи и при нихъ коммиссіи—

секц. історично-фільософічна:

ком. правнича; ком. статистична; ком. бібліоґрафічна.

секц. фильольоґична

ком. язикова.

при этихъ двухъ секціяхъ

ком. археоґрафічна; ком. этноґрафічна.

секц. математично-природописна-лїкарська

ком. лїкарьска.

Такова система секцій и коммиссій «Наукового Товариства».

При секціяхъ этихъ и коммиссіяхъ издаются такія научныя изданія—

«Записки Наукового Товариства імени Шевченка», органъ секцій истор.-философской и филологической, посвященный преимущественно исторіи, филологіи и исторіи литературы украинскаго народа.

Изданія отдѣльныхъ секцій:

«Збірник історично-фильософічної секціи».

«Збірник фільольоґічної секції».

Збірник математично-природописно-лїкарської секції».

Кромѣ того при секціи историческо-философской выходитъ «Українсько руський архивъ».

Археоґрафічна к.—Жерела до історії України-Руси.

—Памятки українсько-руської мови і лїтератури.

Бібліографічна к.—Матеріяли до української бібліографії.

Етноґрафічна к.—Етнографічний збірникъ.

—Матеріяли до українсько-руської етнольоґії.

Правнича к.—Правнича часопись.

Правнича бібліотека.

Статистична к.—Студії з поля суспільнихъ наукъ і статистики.

Лїкарська к.—Лїкарський збірникъ.

Вотъ эти то изданія за 1905—1909 гг. мы и разсмотримъ въ нижеслѣдующемъ обзорѣ. За рамками нашего обзора останутся изданія секцій математическо-естественно-научно-медицинской и коммиссій: юридической и медицинской—въ виду ихъ спеціальнаго характера, равно соотвѣтствующіе томы (1905—1909 гг.) «Історії України-Руси» проф. Мих. Грушевскаго, такъ какъ этому капитальному труду посвящена будетъ спеціальная статья.

Такимъ образомъ мы разсмотримъ Записки Наукового Товариства. тт. LXIII—XCII.

Збірник фильольоґічної секції тт. VIII—XII.
Українсько-руський архивъ. тт. I—IV.
Жерела до історії України-Руси т. VIII.
Памятки українско-руської мови і літератури, т. V.
Матеріяли до української бібліографії. т. I.
Етноґрафічний збірник. т.т. XVI—XIX. XXI—XXV. XXVII.
Матеріяли до українсько-руської етнольоґії т.т. VI. VIII. IX. X. XI.
Студії з поля суспільних наук і статистики т. I.

Исторія украинскаго народа.

Доисторическая археологія.

По доисторической археологіи помѣстилъ обстоятельную статью Хв. Вовк (Өеодоръ Волковъ) подъ заглавіемъ «Вироби передмікенського типу у неолітичних становищах на Україні» Въ основу этой статьи положенъ докладъ на Парижскомъ археологическомъ конгрессѣ 1900 г., дополненный на основаніи позднѣйшихъ находокъ и сообщеній.

Послѣ вводныхъ замѣчаній авторъ даетъ обстоятельный провѣренный каталогъ находокъ домикенскаго типа на территоріи Украины, располагая ихъ по районамъ украинскихъ рѣкъ. Эти географическія указанія нанесены на карту и даютъ наглядное представленіе о распространеніи находокъ до-микенскаго типа.

Археологическія работы, касающіяся украинской территоріи разсмотрѣны въ обзорѣ Трудовъ послѣднихъ археологическихъ съѣздовъ XII и XIII-го (Записки т. XC).

Археологическіе и антропологическіе журналы нѣсколько уже лѣтъ разсматриваетъ въ своихъ ежегодныхъ обзорахъ Зен. Кузеля (напримѣръ Записки т. LXIII—за годъ 1903, Записки т. LXIX за годъ 1904 г.).

История IX—XIV вв.

Переходомъ отъ доисторической археологіи къ исторіи раннихъ вѣковъ жизни украинскаго народа могутъ служить статьи по археологіи исторической.

Такъ, напримѣръ, Йос. Пеленськый, работающій надъ памятниками древняго города Галича, сообщаетъ о своей новой находкѣ на мѣстѣ этого древняго города. При раскопкахъ обнаружены были остатки древняго пола изъ плитокъ, черепки посуды, куски кирпичей: все это указываетъ на существованіе здѣсь величественнаго собора XII в. (Записки т. XCI).

Здѣсь же упомянемъ замѣтку о камнѣ съ загадочными знаками въ с. Заздрости (Теребовльскаго пов.): къ замѣткѣ приложенъ рисунокъ камня и отдѣльный рисунокъ самихъ знаковъ (т. LXXX). Т. Реваковичъ помѣстилъ замѣтку о татарскомъ колокольчикѣ, названномъ такъ по тому, что съ колокольчикомъ этимъ связано легендою преданіе о нападеніи татаръ и о раззореніи ими церкви (т. LXXXIX).

Изъ исторіи Галицкаго княжества мы имѣемъ двѣ замѣтки. Мих. Грушевскій далъ топографическую замѣтку о пріуроченіи мѣстности лѣтописного «Рожне поле» къ урочищу «Рожеволя» въ окрестностяхъ Золочева. Названіе это до сихъ поръ живетъ въ устахъ народа и могло появиться вслѣдствіе искаженія лѣтописнаго наименованія «Рожне поле»: примѣровъ такой передѣлки извѣстно не мало (М. Грушевськй Рожне поле [т. LXXVII]). Вторая замѣтка касается извѣстнаго сподвижника кн. Даніила Романовича—тысяцкого Демьяна: такъ какъ Демьянъ упоминается съ именемъ тысяцкаго въ 1221 г., когда Даніилъ не имѣлъ еще Галича, то авторъ замѣтки высказываетъ предположеніе, что Демьянъ былъ сначала тысяцкимъ въ Владимірѣ, а послѣ получилъ тысячу въ Галичѣ (т. LXVII).

Событій украинской исторіи XIV в. касаются двѣ замѣтки Мих. Грушевскаго. Въ первой останавливается изслѣдователь на малоизвѣстной

грамотѣ города Владиміра къ городу Штральзунду 1324 г., сохраняющейся доселѣ въ архивѣ города Штральзунда и изданной въ 1879 г. К. Хельбаумомъ. Авторъ замѣтки даетъ провѣрку изданнаго текста и прилагаетъ фототипическій снимокъ. При этомъ указываетъ навѣваемые этою грамотою вопросы: кто посылалъ грамоту — нѣмецкая ли колонія или вся городская община г. Владиміра? почему написана грамота на латинскомъ языкѣ? возбуждаетъ интересъ и трактовка темы печатью грамоты. (Мих. Грушевскій. Лист Володимирської громади з 1324 р. [т. LXXII].). Вторая замѣтка того же изслѣдователя приводитъ изъ недавно изданной коллекціи грамотъ архива Естергази документъ 1352 г. это—пожалованіе короля Людовика участнику осады Белза и оно подтверждаетъ извѣстное ранѣе изъ Дубницкой хроники описаніе этой осады. («З облоги Белза в 1352 р. [т. LXXIII]).

Исторія XIV—XVI вв.

По исторіи украинскихъ земель въ межахъ великаго княжества Литовскаго мы находимъ цѣлый рядъ изслѣдованій и статей.

Обзоръ ихъ начнемъ съ критической замѣтки Мих. Грушевскаго относительно подложной грамоты кн. Любарта Луцкой каѳедрѣ 1322 г. Авторъ соглашается съ доводами противъ автентичности грамоты недавно снова разобранными Д. Щербаковскимъ, и со своей стороны углубляетъ критическій анализъ фальсификата. Первую часть грамоты, болѣе архаическую, связываетъ Мих. Грушевскій съ реальнымъ фактомъ пожалованія кн. Любарта, только записано это пожалованіе гораздо позднѣе, можетъ быть, въ XV в. Вторая половина грамоты—условія пожалованія—своими деталями выдаетъ свое происхожденіе въ пору борьбы уніатскихъ владыкъ съ братствами въ концѣ XVI в. или въ началѣ XVII в. («Коли сфабрикована грамота Любарта Луцькій катедрі? [т. LXX]).

Изъ исторіи внутренней жизни Великаго Княжества Литовскаго XV в. далъ рядъ статей Богд. Бучинскій. Послѣднія изъ нихъ это уже посмертное наслѣдіе начинающаго ученаго. Біографическія данныя о молодомъ авторѣ сообщилъ его учитель проф. Мих. Грушевскій въ некрологической замѣткѣ [т. LXXVIII]. Покойный авторъ намѣтилъ рядъ темъ

изъ исторіи XV в. Въ статьѣ «Кілька причинків до часів вел. князя Свитригайла (1430—1433 гг.)» касается Бучинскій нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ этого интереснаго времени, къ сожалѣнію столь богатаго неясными и спорными моментами. Авторъ печатаетъ въ болѣе полномъ и точномъ видѣ 3 важныхъ грамоты этого времени, извѣстныя доселѣ либо въ извлеченіяхъ и регестахъ, либо въ неточныхъ копіяхъ. Внимательный разборъ этихъ грамотъ въ ихъ болѣе точныхъ копіяхъ даютъ автору возможность извлечь отсюда рядъ интересныхъ указаній [т. LXXVI].

Главные интересы Бучинскаго, главная его работа касаются церковной исторіи XV в.: это—«Студії з історії церковної унії» [т. LXXXV. LXXXVI. LXXXVIII. XC]. Первая глава этого труда — «Ісидорова унія». Критическій разборъ событій начинается съ участія Исидора на Флорентійскомъ соборѣ и поставленія его папскимъ легатомъ для Руси. Шагъ за шагомъ слѣдитъ авторъ за его дѣйствіями при путешествіи изъ Италіи чрезъ Венгрію, Польшу и Галицію. Образъ дѣйствій легата въ Галиціи и земляхъ великаго княжества Литовскаго останавливаетъ, какъ и слѣдовало, особое вниманіе автора. Дальнѣйшія судьбы уніонной идеи, ея измѣненія при перемѣнахъ во внѣшнихъ условіяхъ и борьба за престолъ митрополита всея Руси — составляютъ содержаніе второй половины очерка, интереснаго критическимъ пересмотромъ наличнаго матеріала (т. LXXXV. LXXXVI).

Вторая глава «Митр. Григорій» [т. LXXXVIII] разбираетъ новый моментъ въ исторіи уніонныхъ плановъ. Отношенія все болѣе и болѣе усложняются. Вопросъ о верховной власти Римскаго Престола и объ единствѣ догматовъ и обрядовъ, тѣсно сплетается съ вопросомъ о правахъ православной церкви въ Королевствѣ и Княжествѣ; а соперничество между двумя сосѣдними государствами на почвѣ политической отражается и въ церковной сферѣ въ спорахъ о причисленіи въ сферу вліянія тѣхъ или иныхъ епархій.

Третья и послѣдняя глава «Місаилів лист» [XC] разсматриваетъ условія подготовившія соборъ 1476 г., избравшій митрополитомъ епископа смоленскаго Мисаила и—самое главное—пославшій делегатовъ къ папѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ заявленіемъ. Касательно самого посланія

авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на двухъ пунктахъ: составъ собора 1476 г. по общественному положенію его членовъ и основныя идеи посланія. То и другое даетъ рядъ новыхъ указаній, но всетаки при современномъ запасѣ матеріаловъ остается не мало неяснаго и невыясненнаго. Недоконченный трудъ автора обрывается на серединѣ 80-хъ годовъ XV вѣка.

Перу того же Бучинскаго принадлежитъ и рецензія на послѣднія работы по исторіи великаго княжества Литовскаго въ XV в. [т. LXXV]. Здѣсь разобраны статьи и книги Богд. Барвинскаго, Копистянскаго, Прохаски и Папе: все это труды 1903—1906 гг. Авторъ рецензіи не ограничивается разборомъ, но и отъ себя высказываетъ замѣчанія и поправки касательно толкованія источниковъ бывшихъ предметомъ его спеціальнаго изученія.

Для соціальной исторіи украинскаго народа въ XIV—XVI вв. мы находимъ рядъ замѣтокъ и актовыхъ публикацій.

Для выясненія не вполнѣ яснаго термина «люди въ пенязехъ» Мих. Грушевскій приводитъ цѣликомъ тотъ документъ, который доселѣ мы знали лишь въ выдержкѣ (Лит. Метр. Запис. XII. л. 184): здѣсь отъ «челяди неволное и закуповъ и наймитовъ» ясно отличаются «люди прыхожии... за паномъ Иваномъ у пенязех...». Такимъ образомъ полное отожествленіе между собою этихъ двухъ такъ рѣзко отграниченныхъ группъ является невозможнымъ (Мих. Грушевскій. «Люди в пенезех» [т. LXV]).

Много интересныхъ дополненій къ существующей наличности изданнаго актоваго матеріала по внутренней жизни украинскихъ земель XIV—XVI вв.—даетъ издаваемая Мих. Грушевскимъ коллекція неизданныхъ актовъ 1361—1530 ґг. (Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин Західньої України [т. LXIII. LXIV]).

Здѣсь издано 80 документовъ. Касаются они преимущественно шляхетскаго землевладѣнія Галиціи и западнаго Подолья, Хмельницкаго и Летичевскаго уѣздовъ и даютъ новыя детали въ организаціи служебнаго шляхетскаго землевладѣнія. Рядомъ съ ними привлекаютъ вниманіе и акты касательно быта крестьянства этого же времени: королевскія привилегіи осадчимъ на осаженіе поселеній указываютъ интересныя нормы

крестьянскихъ повинностей. Интересны и данныя сообщаемыя этими документами для характеристики быта поселеній на нѣмецкомъ и волоскомъ правѣ.

Вторая коллекція актовъ насчитываетъ 52 №№ времени позднѣйшаго 1531—1574 гг. [т. LXIX]. Они преимущественно затрагиваютъ условія крестьянскаго быта этихъ десятилѣтій. Привилегіи осадчимъ на осаженіе селъ по-прежнему даютъ указанія относительно повинностей крестьянъ и панщины. Интересно, что жизнь стираетъ тѣ отличія, какими юридически разнились поселенія на нѣмецкомъ и волосномъ правѣ. Спеціальнымъ отличіемъ селъ на волосномъ правѣ была свобода отъ панщины, но на практикѣ особенность эта уже стирается. Въ памяти селянъ сохраняется эта старина и крестьяне заявляютъ объ этомъ королю и король соглашается съ ними, но всетаки практика жизни приводитъ къ общей нормѣ тогдашнихъ крестьянскихъ отношеній. Эта норма вызвана внѣшними торговыми причинами: въ серединѣ XVI в. сильно ростетъ заграничный экспортъ хлѣба и потому прежній способъ хозяйничанья смѣняется быстрымъ ростомъ панщины. Рядомъ съ этимъ экономическимъ процессомъ—ростомъ панщины идетъ другой—соціально-юридическій—усиленіе власти пановъ во внутреннемъ распорядкѣ имѣній при гарантіи полнаго невмѣшательства Короны въ эти дѣла. Такимъ образомъ крестьяне частныхъ имѣній были безсильны противъ злоупотребленій своихъ пановъ и королевская власть принуждена сознаться и въ своемъ безсиліи прійти на помощь крестьянству. Чаще и чаще раздаются жалобы крестьянъ правительству на невыносимое отягощеніе панщины, на необычныя работы и повинности, и затѣмъ прекращаются, когда увѣрившись въ безсиліи правительства помочь имъ, крестьянскія массы начинаютъ ждать помощи съ другой стороны. (Мих. Грушевський. Матеріали... серія друга. 1531—1574. [т. LXIX].).

Если «Матеріали» Мих. Грушевського слѣдя за развитіемъ соціальныхъ отношеній ведутъ насъ чрезъ XIV и XV вѣка до третьей четверти XVI в., то столь же велики границы коллекціи актовъ Мих. Зубрицкаго «Село Мшанець Старосамбірського повіта» [т. LXX]. Изданные здѣсь документы обнимаютъ два съ лишнимъ вѣка начиная съ 1649 г. и кончая 1871 г. (№ 221).

Собраніе это представляетъ собою интересный примѣръ документальной исторіи села. Собиралъ ихъ втеченіе долгихъ лѣтъ мѣстный приходскій священникъ и ему сначала пришлось бороться съ сомнѣніями и подозрѣніями крестьянъ, недоумѣвавшихъ, для чего это собираютъ старые документы. Интересно указаніе, какъ погибли старые крестьянскіе документы. Съ введеніемъ гербовой пошлины за совершеніе актовъ агенты финансоваго управленія строго преслѣдовали всякія сдѣлки не на гербовой бумагѣ и съ этою цѣлью искали по крестьянскимъ хатамъ документовъ не на гербовой бумагѣ. Встревоженные крестьяне, чтобы не подвергаться штрафамъ, сами уничтожали старые акты, неимѣвшіе практической важности. Такъ погибло много интересныхъ документовъ.

Предисловіе къ документамъ даетъ интересныя указанія относительно теперешняго положенія крестьянъ, ихъ быта и воспоминаній о минувшемъ. Юридическія понятія прежняго времени стерлись и потеряли свою выпуклую опредѣленность, но память о нихъ всетаки осталась, напримѣръ, въ наименованіяхъ—«солтиський ґрунт, війтівський ґрунт...» Наименованіе остается и тогда когда уже исчезли условія вызвавшія къ жизни и это разграниченіе и эти наименованія.

Изъ внутренней исторіи XVI в. далъ отдѣльный спеціальный экскурсъ Ив. Крыпякевичъ. Его очеркъ «Львівська Русь в першій половині XVI віку» [т. LXXVII, LXXVIII, LXXIX], касается очень интереснаго, хотя и малоизученнаго момента въ исторіи украинскаго населенія города Львова XVI в. Сравнительная сохранность архива города Львова, которой такъ часто приходится завидовать изслѣдователямъ городского быта Украины, дало возможность заглянуть въ бытъ украинскаго населенія г. Львова еще во второй половинѣ XV в. Извѣстія становятся болѣе полными въ XVI в., и на этомъ то полустолѣтіи сосредоточиваетъ авторъ свое вниманіе.

Бытъ русскаго населенія г. Львова ставитъ авторъ въ тѣсную связь съ общими условіями жизни украинскаго народа соотвѣтствующаго времени. Такимъ образомъ украинское населеніе города Львова не выносится въ какія либо спеціальныя условія, а переживаетъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ одни и тѣ же моменты — упадокъ и апатію XV в., а затѣмъ подъемъ и оживленіе національнаго самосознанія въ XVI в.

Начинается очеркъ съ замѣчаній объ именахъ и прозвищахъ львовскихъ украинцевъ. Выпукло и полно выступаетъ украинскій характеръ личныхъ именъ, обозначеній отчества и родства, обозначеній ремесла и прежняго города, наконецъ прозвищъ и шутливыхъ характеристикъ: это указываетъ — по замѣчанію автора — на внутреннюю силу украинскаго элемента, не поддававшагося чужимъ культурнымъ вліяніямъ.

Но внѣшнія условія не соотвѣтствовали этой внутренней силѣ и крѣпости. Населеніе украинское стѣснено разрѣшеніемъ жить въ предѣлахъ «міста» на одной лишь улицѣ, такъ называемой «руській». На немъ тяготѣетъ ревнивая внимательность городского самоуправленія, стѣснявшаго вступленіе украинцевъ — ремесленниковъ въ цехи, тормазившаго расширеніе торговли украинцевъ — купцовъ и запрещавшаго среди другихъ запрещеній и покупку домовъ и усадебныхъ мѣстъ внѣ одной единственной улицы. Внутренняя солидарность сказывалась въ томъ, что этой своей улицы украинцы держались очень крѣпко и не допускали посторонниxъ покупать освобождающіяся здѣсь мѣста.

Съ большимъ стараніемъ выбираетъ авторъ цифры и факты, все, чтó можетъ служить для характеристики экономическаго быта. И дѣйствительно изъ этихъ мелкихъ указаній складывается бытовой рисунокъ тогдашнихъ отношеній. Является даже возможность разсказать исторію нѣсколькихъ семей. Интересны подобранныя вмѣстѣ извѣстія о культурѣ духовной, о рѣдкости книгъ, о спорахъ за обладаніе этими немногочисленными книгами.

Послѣднія главы посвящены національнымъ отношеніямъ прежняго Львова (гл. VI—IX). Здѣсь вмѣстѣ сосѣдили украинцы съ евреями и армянами. Интересны украинско-еврейскія отношенія: въ рукахъ евреевъ и тогда находились свободные капиталы и украинскимъ купцамъ приходилось занимать у нихъ для своихъ оборотовъ. Отношенія съ армянами раньше были лучше, пока армяне не тяготѣли еще къ р.-католической церкви.

Городское самоуправленіе въ рукахъ вліятельной и богатой группы мѣщанъ-купцовъ. Соглашаясь на мелкія уступки, городское самоуправленіе рѣшительно и смѣло выступаетъ съ запрещеніями, лишь только дѣло коснется серьезныхъ вопросовъ монополій и привилегій. Запрещаютъ

покупать дома за межами своей улицы, вступать въ цехи, имѣть лавки на рынкѣ, торговать по мелочамъ, если уже нельзя запретить крупныхъ покупокъ. Рядомъ съ этими ограниченіями характера экономическаго существовали и другія характера религіознаго, оттѣнявшія второстепенное значеніе гр.-каѳолической религіи.

Съ ростомъ самосознанія начинаются и протесты противъ ограниченій. Сохранились протесты украинцевъ — львовянъ 1521 и 1524 гг. Но изъ этихъ протестовъ ничего положительнаго не выходитъ, отношенія становятся болѣе и болѣе напряженными, ходятъ даже какіе-то слухи объ украинскомъ заговорѣ противъ городскихъ властей (1538 г.).

Православная церковь вмѣстѣ съ стоящими около домами причта — реальный центръ обособленнаго церковнаго быта львовскихъ украинцевъ въ сосѣдствѣ господствующаго р.-католическаго клира. Приходъ живетъ дружно со своимъ духовенствомъ. Изрѣдка лишь приходится ссориться изъ-за церковныхъ земель, на которыя претендовали настоятели вслѣдствіе неясности правовыхъ опредѣленій. Понемногу выростаютъ братства и организуютъ отпоръ внѣшнимъ вліяніямъ и развиваютъ внутри религіозно-національное самосознаніе. Этотъ подъемъ сказывается въ агитаціи за замѣщеніе Львовскаго епископства, когда украинское мѣщанство проявило такъ много энергіи и рѣшимости въ борьбѣ противъ враждебныхъ вліяній и добилось таки своего—въ особѣ Макарія Тучапскаго. Такимъ образомъ середина XVI в. время подъема культурнаго и національнаго въ жизни украинскаго населенія г. Львова: болѣе внимательное изученіе источниковъ разрушаетъ старыя схемы, считавшія XVI в. именно временемъ медленнаго упадка (напримѣръ у Діонисія Зубрицкаго).

Бумагами того же городского архива воспользовался этотъ же авторъ и въ своей замѣткѣ по исторіи торговли г. Львова въ первой половинѣ XVII в. (Іван Крипякевич. Матеріали до історії торговлї Львова. [т. LXV]. Здѣсь разобраны счетная книжка Шольца и Боима (1600—1604 г.) и магазинная книжка М. Гайдера (1617—1634 и 1646 г.). Это фирмы, торгующія исключительно сукномъ: львовская торговля настолько уже спеціализировалась, что цѣлыя фирмы торгуютъ однимъ лишь чѣмъ-нибудь. Въ книжкахъ этихъ мы видимъ кругъ торговыхъ операцій, мѣста

выдѣлки суконъ и мѣста совершенія сдѣлокъ, крупныя закупки и продажу по локтямъ, наконецъ записи отпуска въ кредитъ и расплатъ. Все это живо рисуетъ намъ торговый бытъ того времени.

Къ концу XVI в. среди другихъ источниковъ принадлежитъ и дневникъ іезуита Велевицкаго (1579—1639 гг.). Небольшая замѣтка Ф. Срибного разсматриваетъ этотъ дневникъ съ точки зрѣнія интереса его для историка украинской жизни и выноситъ довольно строгій приговоръ: очевидцемъ болѣе интересныхъ событій авторъ этого дневника не былъ, а, говоря съ чужихъ словъ, повторяетъ то что́ извѣстно уже намъ изъ другихъ источниковъ [т. LXVII].

Религіозное движеніе XVI—XVII в.

Эпоха религіознаго движенія конца XVI и начала XVII вв. все болѣе и болѣе выступаетъ въ деталяхъ, благодаря энергической научной работѣ послѣднихъ лѣтъ. Мих. Грушевскій далъ очень интересную замѣтку «До біографії митрополита Онисифора Дівочки» (т. LXXIV). Авторъ останавливается на личности этого іерарха, о которомъ такъ мало дѣйствительныхъ указаній и такъ много самыхъ разнообразныхъ сплетень. Указываетъ, что личность митрополита явилась тѣмъ козломъ отпущенія, на котораго переносили всѣ вины и неустройства церковнаго быта сторонники патріарха Іереміи въ полемикѣ съ сторонниками уніи. И авторъ заканчиваетъ свою замѣтку реабилизаціею митрополита: «въ дійсности Онисифор міг навіть належати до ліпшихъ, а не гірших митрополитів XVI в., але лиха доля судила йому бути жертвенним козлом всіх гріхів української ерархії XVI віка»...

Для эпохи религіознаго движенія важное значеніе имѣютъ полемическія литературныя произведенія. Но эти произведенія и авторы ихъ входятъ съ другой стороны въ кругъ вѣдѣнія исторіи украинской литературы. По этому въ другой связи въ другомъ мѣстѣ мы остановимся на работахъ В. Шурата, М. Возняка, К. Студынскаго, посвященныхъ литературнымъ памятникамъ этого интереснаго времени.

По исторіи казачества за эти годы вышелъ новый цѣнный трудъ: это седьмой томъ замѣчательнаго труда проф. Мих. Грушевскаго: «Істо-

рія козачини»; онъ обнимаетъ періодъ до 1625 г. и даетъ обстоятельный научно-провѣренный очеркъ начала и первыхъ моментовъ развитія козачества. Если вспомнить сколько спорныхъ и неясныхъ вопросовъ, не только въ деталяхъ, но и въ первостепенныхъ моментахъ, за первые полтора вѣка существованія казачества, то легко учесть всю важность этой новой капитальной работы украинскаго историка. Но такъ какъ она не входитъ въ границы этого обзора, то мы остановимся на болѣе раннихъ работахъ Вас. Доманицкаго и Ив. Крипякевича.

Работа Вас. Доманицкаго «Козаччина на переломі XVI—XVII в.» входитъ въ границы нашего пятилѣтія послѣдними главами [т. LXIII, LXIV]. Изложеніе событій говоритъ здѣсь объ осадѣ поляками ополченія Наливайка, о финалѣ движенія Наливайка и о планахъ подавленія «козацкаго своеволія» (глава XI). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы читаемъ объ участіи козаковъ въ борьбѣ Польскаго правительства съ Михайломъ господаремъ Молдавскимъ, затѣмъ въ борьбѣ за Лифляндію съ Карломъ IX. Послѣдняя глава (XV) говоритъ о причинахъ движеній козачества, объ отношеніяхъ къ нимъ разныхъ слоевъ мѣстнаго украинскаго населенія, наконецъ коротко характеризуетъ главныхъ руководителей движеній 1591—1603 гг. Интересъ работы въ старательномъ разборѣ извѣстій мемуаристовъ и лѣтописцевъ того времени, заключающихъ не мало спутанныхъ или неясныхъ данныхъ: то былъ цѣнный пересмотръ, единственный до выхода соотвѣтственнаго тома труда проф. Мих. Грушевскаго.

Десятилѣтіе на переломѣ XVI и XVII в. очень интересно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень запутанно. Распутать сложную путаницу событій старались любители старины украинской еще въ XVIII в. Въ результатѣ на скудныхъ и неясныхъ указаніяхъ, бывшихъ въ ихъ распоряженіи, выросла масса домысловъ, принимаемыхъ безъ критики и повторяемыхъ безъ провѣрки читателями и продолжателями. Отъ всякаго изслѣдователя этой поры требуется критическое отношеніе къ этимъ домысламъ и построеніямъ: интересны, поэтому, у Вас. Доманицкаго страницы, посвященныя разбору извѣстій о казни Наливайка (сс. 122—124), о внутреннихъ неладахъ среди запорожцевъ послѣ гибели Наливайка, о Семенѣ Скалозубѣ (134—136), о Самійлѣ Кишкѣ (с. 139, 147). Кри-

тическія разъясненія эти интересны будутъ и для историка литературы по своей связи съ народными думами.

Позднѣе появившаяся работа Ив. Крипякевича захватываетъ болѣе ранній періодъ. Называется она «Козаччина і Баторієві вольности» и представляетъ собою предисловіе къ тому архивныхъ матеріаловъ по исторіи козачества по годъ 1631 г. (Матеріали до історії української козаччини. Т. I. Документы порік 1631. Зібрав і видав Іван Крипякевич).

Вмѣстѣ съ тѣмъ это первый томъ обширной публикаціи, задуманной и предпринятой «Науковим Товариством». Въ общемъ обзорѣ дѣятельности мы еще не упоминали объ этомъ грандіозномъ планѣ. Первый томъ показываетъ, на сколько удачно задуманъ этотъ планъ.

Долгое время къ услугамъ изслѣдователей исторіи козачества были по преимуществу источники мемуарнаго и лѣтописнаго характера. Матеріалы актовые при этомъ оставались пока въ пренебреженіи. Привлеченный опубликованный матеріалъ былъ скоро проработанъ, тѣмъ болѣе старательно, что исторія козачества за первые полтора вѣка представляла не мало спорнаго и неяснаго.

Скудость опубликованнаго матеріала скоро была замѣчена тѣми, кто долженъ былъ довольствоваться только печатнымъ запасомъ. Но люди, имѣвшіе доступъ къ большимъ архивнымъ собраніямъ, легко замѣтили, какъ много цѣнныхъ указаній можно извлечь изъ актовъ. Не трудно понять увлеченіе Кулиша и Костомарова. Какъ извѣстно, Костомаровъ нѣсколько разъ возвращался къ пересмотру своего очерка событій до Богдана Хмельницкаго и каждый разъ привносилъ на основаніи новаго актоваго матеріала или новое сообщеніе или провѣрку и исправленіе прежняго показанія.

Костомарову посчастливилось своими «Актами относящимися къ исторіи Южной и Западной Россіи» значительно расширить запасъ актоваго матеріала особенно для 1648—1678 гг. Это было единственное систематическое и крупное изданіе. Остальные сборники являются по сравненію съ Актами случайными и небольшими. Въ Актахъ очень важенъ систематическій подборъ и широкія — по тому времени — рамки изданія.

Теперь съ развитіемъ историческихъ изученій требованія къ редактору актоваго собранія нѣсколько иныя. «Акты» остаются очень цѣнною публикаціею, но продолженіе ихъ, конечно, должно вестись на нѣсколько иныхъ научныхъ началахъ.

Къ сожалѣнію, такого продолженія «Актамъ» за цѣлую четверть вѣка не явилось. Дѣло Костомарова осталось безъ продолжателя, и менѣе полно представленные въ «Актахъ» десятилѣтія не нашли все еще соотвѣтственнаго освѣщенія въ сборникахъ актовъ.

Отдѣльныя монографіи, основанныя на неизданныхъ архивныхъ матеріалахъ, порою приносили читателю цѣнныя данныя въ выдержкахъ или пересказахъ. Я напомню интересъ, возбужденный выдержками у польскаго писателя Гурского, который въ своихъ военно-историческихъ трудахъ по исторіи пѣхоты, конницы и отдѣльныхъ войнъ — привелъ изъ архивныхъ матеріаловъ немало очень интересныхъ указаній о козакахъ на службѣ у Польскаго правительства. Но эти извлеченія и пересказы не могли разсѣять сожалѣнія о вполнѣ изданномъ научно-подобранномъ систематическомъ матеріалѣ.

Тѣмъ важнѣе заслуга «Наукового Товариства», взявшаго на себя цѣнный трудъ систематическаго розыска и опубликованія архивныхъ матеріаловъ по исторіи козачества.

Передъ нами уже первый томъ этого архивнаго собранія. Открывается онъ документомъ 1531 г.: турецкое правительство жалуется польскому правительству на своевольныхъ людей изъ Украины, ограбившихъ нѣкоторыя мѣстности Волоской земли и требуетъ этимъ людямъ соотвѣтствующаго наказанія. Это дипломатическое заявленіе начинаетъ собою рядъ подобныхъ дипломатическихъ представленій Польскому правительству и сразу же вводитъ насъ въ кругъ постоянныхъ темъ турецко-польской дипломатической переписки XVI вѣка. Детали, конечно, мѣняются: то убили и ограбили, то нападали въ степи на жителей, то забирали въ степи стада, то нападали даже на Очаковъ, Бѣлгородъ, Тегиню и черноморское побережье. Указывается иногда, откуда эти своевольники (№ 13); упоминается порою имя наиболѣе виднаго руководителя этихъ своевольниковъ — Претвича (№ 12) или кн. Димитрія Вишневецкого (№ 19, 20, 21). На эти заявленія Польское правитель-

ство отвѣчаетъ, что виновники этихъ нападеній — люди своевольные, постоянно нарушающіе всякія узаконенія, что съ ними справиться не легко, что они вредятъ интересамъ самого Польскаго правительства и поэтому турки сами могутъ раздѣлаться съ этими своевольниками, не опасаясь за это преслѣдованій.

Козацкое своеволіе, обиды и раззоренія постоянно приходятъ на память турецкимъ дипломатамъ, когда дѣло начинаетъ клониться къ войнѣ. Поэтому и польское общество начинаетъ видѣть въ козацкомъ своеволіи опасность для мирной жизни Королевства, постоянный поводъ для турецкихъ нападеній и турецкихъ войнъ. И вотъ шляхта польская различныхъ округовъ, собираясь на сеймики для выбора депутатовъ и для составленія имъ инструкцій, постоянно обращаетъ вниманіе Правительства на настоятельную неотложную необходимость искоренить совсѣмъ козацкое своеволіе. Съ небольшою разницею въ выраженіяхъ это заявленіе и требованіе повторялось изъ года въ годъ (№№ 35—47. 51 etc.).

Если Польское правительство подъ такимъ благовиднымъ предлогомъ отказывало Турецкому правительству въ исполненіи его заявленій, то и со своей стороны получало столь же благовидный отвѣтъ на жалобы касательно татарскихъ набѣговъ. Татарскіе набѣги прекратятся, когда правительство Польское успокоитъ и удержитъ козаковъ отъ враждебныхъ нападеній — отвѣчали турецкіе дипломаты (№ 68).

Впрочемъ дипломатическія переписки касались и другихъ темъ, кромѣ этой постоянной темы о козацкомъ своеволіи. Интереснымъ вопросомъ для турокъ былъ выпасъ скота въ степяхъ, и безопасность этихъ стадъ и пастуховъ очень занимала турецкія власти. Рядъ заявленій касается именно этихъ пастуховъ, жалуется на нападенія козаковъ и незаконные ихъ поборы со стадъ (№ 18, 19. 23). Поэтому турецкое правительство старается ввести извѣстную регламентацію въ выпасѣ стадъ (№ 24. 25) и опредѣлить плату съ пастуховъ (№ 24. 26), кто и въ какомъ размѣрѣ можетъ взимать эту плату.

Жалуясь на своеволіе козаковъ, не признающихъ никакихъ указаній, Польское правительство однако совершенно вѣрно учитывало важность козацкихъ военныхъ силъ. По тому лишь только начинаются приготовленія къ войнѣ съ турками, сейчасъ же выдвигается вопросъ о ко-

зацкихъ кадрахъ. И вотъ въ бумагахъ, касающихся турецко-польскихъ отношеній и обсужденій турецкой войны, всегда встрѣчаются указанія относительно козацкихъ кадровъ, ихъ вербовки и содержанія. Часто также въ дипломатической перепискѣ встрѣчаются жалобы на вмѣшательство козаковъ въ внутреннія неурядицы Турецкаго правительства, на поддержку, оказываемую козаками различнымъ претендентамъ и авантюристамъ.

Другая половина собранныхъ документовъ рисуетъ намъ козачество на фонѣ внутреннихъ отношеній Польши. Вотъ шляхта жалуется, что козаки, возвращаясь съ Лифляндскаго театра войны, грабятъ по пути мирное населеніе. Групна документовъ говоритъ о движеніи Наливайка, объ организаціи отпора его ополченію (№ 54—64). Отдѣльныя жалобы, что козаки пограбили тѣ или другія мѣстности, повторяются отъ времени до времени изъ разныхъ угловъ государства (№ 97. 98 etc.).

Жалуясь на раззоренія, и отдѣльныя лица и инструкціи депутатамъ указываютъ на мѣры, могущія, по ихъ мнѣнію, обуздать козачество. Назначаются особыя Коммиссіи и намѣчаются особыя конституціи касательно внутренняго строя козачества.

Очень интересны эти попытки организовать внутренній строй козачества соотвѣтственно видамъ Польскаго правительства. Таково, напримѣръ, приказаніе Стефана Баторія украинскимъ администраторамъ 1582 г. (№ 34). Въ то время козацкая помощь интересна была Польскому правительству, заявленія и жалобы козаковъ встрѣтили болѣе внимательное отношеніе властей. Король Стефанъ запрещаетъ коронымъ властямъ вмѣшиваться въ кругъ юрисдикціи старшихъ козацкихъ, запрещаетъ накладывать на козаковъ различные поборы и присваивать по смерти козаковъ наслѣдство ихъ, нарушая, такимъ образомъ, права родственниковъ и близкихъ. Подобныя попытки нормировать положеніе козачества въ границахъ государства дѣлались и позже: касающіеся этого вопроса новоизданные документы восполняютъ пробѣлы въ исторіи внутренняго быта козачества.

Предисловіе къ этому тому выбираетъ отдѣльный моментъ внутренней жизни козачества за это столѣтіе (1531—1631) и разрабатываетъ его въ спеціальномъ очеркѣ.

Вопросъ о Баторіевой организаціи давно уже привлекаетъ особое вниманіе украинскихъ историковъ. Пока вѣрили въ традиціонный разсказъ о введенномъ Баторіемъ строѣ, требовалось лишь выясненіе деталей, чѣмъ и занимались въ прежнее время. Но когда съ опубликованіемъ документовъ о козакахъ въ добаторіевы годы поколебалось прежнее представленіе о первичномъ неустройствѣ до Баторія, тогда вопросъ о реформѣ получилъ иной оборотъ. Изслѣдователи Баторіевой реформы выясняютъ теперь не то лишь, что́ сдѣлалъ Баторій, но то, что́ новаго внесъ Баторій, и что́ уже выработано до него практикою быта козачества. Вопросъ ставится шире и захватываетъ теперь предшествующее столѣтіе жизни козачества.

Очеркъ Ив. Крипякевича начинается съ указанія ошибокъ традиціоннаго разсказа о реформѣ Баторія. Такой пересмотръ начатъ былъ прежними изслѣдователями и здѣсь собраны воедино ихъ критическія замѣчанія. Если Баторій и не произвелъ приписанныхъ ему реформъ, всетаки онъ имѣлъ большую популярность среди козачества и это объясняется другимъ обстоятельствомъ. Автору очерка удалось найти въ Краковѣ въ портфеляхъ Нарушевича копіи съ очень важнаго распоряженія Стефана Баторія 1582 г., содержаніе котораго пересказано выше. Это положительное и очень цѣнное указаніе: оно восполняетъ нашъ пробѣлъ и рисуетъ Баторія не какъ новатора, а подтвердителя и возстановителя прежнихъ вольностей козачества.

Слѣдующія главы очерка группируютъ отдѣльныя разрозненныя указанія о козачествѣ до Стефана Баторія. Намѣтивши особенности тогдашняго экономическаго быта, преобладаніе степи, авторъ дѣлаетъ отсюда выводъ о вліяніи этихъ условій на возникновеніе и развитіе козачества. Наличный запасъ извѣстій рисуетъ намъ достаточно выпукло хозяйственный бытъ козаковъ въ степи по уходамъ, сначала только въ ихъ лѣтнемъ пребываніи, а послѣ и въ годичномъ, постоянномъ. Вмѣстѣ съ осѣданіемъ по своимъ степнымъ уходамъ козачество является въ иномъ положеніи среди городского постояннаго населенія, различаются нѣсколько категорій среди козачества. Наконецъ въ разногласіяхъ между администраціею и городскимъ населеніемъ козаки становятся на сторонѣ оппозиціи старостамъ и администрація начинаетъ тѣснить козаковъ.

Очень интересно развитіе внутренней автономной организаціи козачества. Опять таки указаній невполнѣ достаточно для детальнаго очерка эволюціи, но и эти не вполнѣ численныя данныя позволяють видѣть извѣстное единство въ развитіи. Такъ, напримѣръ, власть имѣетъ постоянное тяготѣніе къ коллегіальности, во главѣ козачества стоитъ старшина; послы и путешественники имѣютъ дѣло со старшиною, а не съ однимъ человѣкомъ; королевскія письма адресуются на имя старшихъ. Очень интересны раннія указанія о радахъ.

Съ ростомъ козачества, его развитіемъ и усиленіемъ начинаются попытки Польскаго правительства воспользоваться для своихъ цѣлей этими готовыми военными кадрами. Такъ прекратились бы всѣ эти недоразумѣнія и неурядицы, иногда грозившія международными осложненіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣталась бы важная военная помощь. Уже въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVI в. польскіе дѣятели задумывались надъ организаціею козачества, кор. Сигизмундъ I въ 1524 г. предлагаетъ такой планъ украинскимъ администраторамъ. Позднѣе съ такими планами выступаетъ Ост. Дашковичъ. Попытки пригласить козаковъ на службу Коронѣ пока оканчиваются ничѣмъ. По имѣющимся у насъ даннымъ, первое приглашеніе козаковъ на службу правительства состоялось въ 1572 г. при Язловецкомъ. Но съ поступленіемъ на службу козаки связывали различныя свои петиціи о вольностяхъ и привилегіяхъ: въ основѣ вѣрное пониманіе, что на службу приглашаютъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и потому нужно выторговывать уступки. Такимъ образомъ ординаціею 1572 г. начинается для насъ теперь рядъ ординацій и конституцій, къ числу коихъ принадлежитъ и «реформа» Стефана Баторія. Но Баторіевою организаціею дѣло не кончается: льготы козакамъ тѣсно связаны съ ихъ интимными завѣтными желаніями и козаки не отступаются отъ нихъ, хотя бы Корона въ минуту усиленія забрала бы пожалованное обратно. Снова будетъ правительство въ затрудненіи и снова козаки будутъ требовать свои излюбленныя и необходимыя имъ льготы и вольности.

Эпоха Богдана Хмельницкаго.

Для эпохи Богдана Хмельницкаго имѣемъ мы рядъ статей и замѣтокъ: они приносятъ новыя данныя и восполняютъ пробѣлы.

Двѣ статьи Мирона Кордубы освѣщають дипломатическія сношенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Первая — «Венецьке посольство до Хмельницкого» [т. LXXVIII]. Когда у Венеціи возникла война съ Турціею изъ-за Крита, республика стала искать себѣ помощниковъ и союзниковъ. Заохочиванія Польши, Испаніи и Австріи не привели къ желательному исходу: ни одно изъ этихъ правительствъ не согласилось оказать реальную помощь. Тогда италіанскіе дипломаты обратили вниманіе на козаковъ, могущихъ оказать значительную помощь противъ Турціи. Съ этою цѣлью чрезъ посредство нунція въ Варшавѣ былъ посланъ къ Богдану Хмельницкому нѣкто Альбертъ Вимина съ дипломатическою миссіею заинтересовать Богдана Хмельницкаго въ венеціанско-турецкой войнѣ (лѣтомъ 1650 г.). Донесенія этого посла и изданы въ подлинникѣ г. М. Кордубою изъ Вѣнскаго Haus-Hof- und Staats-archiv. Какъ извѣстно, гетьманъ съ большимъ вниманіемъ отнесся къ предложеніямъ Венеціи и республика думала послать спеціальное посольство съ этою цѣлью, но польско-козацкое обостреніе помѣшало осуществленію надеждъ Венеціи.

Вторая статья «Проба австрійского посередництва між Хмельницким і Польщею» [т. LXXXIV]. Кажется, въ началѣ 1656 г. польскіе дипломаты обратились къ вѣнскимъ съ просьбою быть посредниками въ переговорахъ съ козаками. Если сначала вѣнскіе дипломаты не выказали особенной торопливости, то дальнѣйшія событія 1656 г. заставили отнестись къ этому болѣе внимательно. Усиленіе Швеціи было непріятно Австріи, и для вѣнскихъ дипломатовъ важно было оттянуть отъ шведскаго короля и Ракочи и гетьмана. Сначала было налажено дѣло съ Ракочи и тогда съ подобными цѣлями обратились къ Хмельницкому. Съ началомъ 1657 г. отправлено посольство. Посломъ былъ архіеп. Парчевичъ, происхожденіемъ болгаринъ, католикъ. Описаніе путешествія посольства даетъ различныя указанія касательно тогдашняго татарскаго раззоренія украинскихъ земель. Сравнивая описаніе Парчевича съ предшествующимъ описаніемъ Вимины, легко замѣтить, какъ раззорили украинское населеніе постоянныя войны. Парчевичъ засталъ гетьмана въ затруднительномъ положеніи. Отношенія съ Москвою портились: особенно, когда московскіе послы не допустили козаковъ принять участіе въ дипломати-

ческихъ переговорахъ съ польскими послами въ Вильнѣ и разнеслось извѣстіе, что царь Алексѣй готовъ получить польскую корону цѣною возвращенія Украины. Поэтому гетьманъ сближался со Швеціею и Ракочи, но не рѣшался окончательно ссориться съ Москвою и Польшею. И вотъ онъ тянулъ переговоры, не рѣшаясь высказаться окончательно. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній гетьманъ высказалъ свое согласіе на предложенія австрійскаго и польскаго посольствъ. (IV. 1657 г.).

Къ эпохѣ Хмельницкаго относятся и двѣ замѣтки по поводу издаваемыхъ документовъ. Одна касается Сокальскаго бернардинскаго монастыря, куда во время осады Богданомъ Хмельницкимъ Львова собрались окрестные жители. Неожиданный уходъ Хмельницкаго изъ-подъ Львова, вызванный чисто-политическими причинами и неясный для широкой публики, далъ поводъ къ поискамъ сверхъ-естественныхъ причинъ. Мѣстный монастырскій разсказъ и переданъ въ монастырской хроникѣ. Теперь въ замѣткѣ Фед. Голійчука приведены неизвѣстныя доселѣ письма Богдана Хмельницкаго и Дан. Выговскаго, вполнѣ разъясняющія этотъ эпизодъ войны 1655 г. [LXXI].

Вторая замѣтка «Універсал Ганни Хмельницької» [LXIX] приводитъ вполнѣ—извѣстный намъ ранѣе лишь въ регестѣ—интересный документъ изъ числа грамотъ Густынскаго монастыря. Жена гетьмана Богдана, Анна Хмельницкая, напоминаетъ прилуцкимъ обывателямъ, что имѣнія, данныя монастырю Вишневецкими подтверждены гетьманомъ, ея супругомъ, и потому никто не можетъ вмѣшиваться въ права владѣнія означеннаго монастыря.

Упомянемъ здѣсь же о замѣткѣ В. Перетца касательно стихотвореній Веспасіана Коховскаго (+ 1699). Въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ (не очень высокаго поэтическаго достоинства) Коховскій рисуетъ безпритязательно бытъ польской шляхты половины XVII в. Забавы, развлеченія, пиры—обычное времяпровожденіе пышной польской шляхты. Авторъ вполнѣ сынъ своего времени и хотя указываетъ, что такое пышное житье раззоряетъ пановъ, но всетаки въ его яркихъ описаніяхъ вполнѣ сказываются привычки и вкусы того времени.

Для насъ интереснѣе отзвуки политическихъ событій той поры. Польская жизнь половины XVII в. на столько полна отзвуками борьбы съ

козаками, что писатель изображая бытъ своего времени, не могъ бы не упомянуть о козакахъ. Такъ оно вышло съ Коховскимъ. Мы находимъ и отдѣльныя стихотворенія, посвященныя эпизодамъ борьбы съ козаками, и случайные намеки по другимъ стихотвореніямъ. Вездѣ мы встрѣчаемъ обычные взгляды шляхтича того времени. Не разбираясь глубже въ причинахъ польско-украинской распри, Коховскій представляетъ козаковъ неблагодарными сынами матери—Польши, поднимающими свою дерзкую руку противъ любящей отчизны. Въ одномъ стихотвореніи Польша оплакиваетъ свою горькую долю матери оскорбляемой своими же сыновьями. Считая козаковъ дерзкимъ сбродомъ бунтовщиковъ, грубой черни, шляхтичъ Коховскій не можетъ найти для нихъ ни слова сочувствія. Храбрый вождь движенія, гетьманъ Богданъ вызываетъ у автора злобу, но не уваженіе къ смѣлому противнику. Смерть гетьмана вызываетъ у автора злорадное удовлетвореніе.

Послѣ Богдана Хмельницкаго.

Для времени Выговскаго мы имѣемъ новую интересную работу Вас. Герасимчука «Виговщина і Гадяцкий трактат» [LXXXVII. LXXXVIII. LXXXIX]. Работа эта представляетъ собою внимательный пересмотръ прежняго матеріала и прежнихъ взглядовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ включаетъ недавно опубликованный матеріалъ по шведско-украинскимъ отношеніямъ и новый самимъ авторомъ найденный архивный матеріалъ о польско-украинскихъ переговорахъ.

Послѣ общаго введенія дающаго общую характеристику Хмельниччины и затрудненій послѣднихъ лѣтъ жизни гетьмана, авторъ переходитъ къ разбору обстоятельствъ, среди коихъ пришлось взять булаву бывшему писарю. Положеніе дѣлъ было затруднительно, и важнымъ успѣхомъ Выговскаго было бурное проведеніе гетьманскихъ выборовъ.

Снова грозили военныя опасности. Молдавскій господарь Стефанъ и брацлавскій полковникъ Зеленскій предупреждаютъ о опасностяхъ со стороны Польши. Такіе же слухи шли о татарахъ и туркахъ. А тутъ и послы царя заявили неожиданныя требованія царскаго правительства, идущія совершенно въ разрѣзъ съ недавнею практикою. Настроеніе было

тревожное. Приходилось торопиться съ упорядоченіемъ сосѣдскихъ отношеній.

Самое интересное въ дипломатическихъ памятникахъ этого времени—шведско-украинскій договоръ. Онъ ясно и опредѣленно рисуетъ планы и надежды тогдашнихъ украинскихъ автономистовъ, ихъ гордыя мечты и практическую дальновидность. Украйна и Швеція имѣли тогда общаго врага и потому наступательно-оборонительный союзъ разсчитанъ на возможность совмѣстной борьбы. Все это основывается на признаніи дружественныхъ связей между Швеціею и Войскомъ Запорожскимъ. Швеція считаетъ Украинскій народъ свободнымъ и никому не подчиненнымъ (§ 2); поможетъ въ расширеніи и утвержденіи территоріальныхъ границъ (§ 3); заключая миръ съ Польшею (§ 5) или оказывая вліяніе на выборъ польскаго короля (§ 4), шведскій король гарантируетъ Войску свободу и независимость отъ Польши. Послѣдніе пункты (§§ 6, 7, 8) касаются торговыхъ и культурныхъ сношеній со Швеціею и Пруссіею. Такимъ образомъ это было дипломатическое признаніе фактической автономіи Украины, признаніе, поддерживаемое вооруженною силою могущественной державы. А опираясь на эту значительную поддержку, надѣялись украинскіе дѣятели уладить отношенія съ Москвою и Польшею, а тамъ приняться за давняго врага—Крымъ.

Эти широкіе планы не осуществились вслѣдствіе внутренняго разлада, не позволявшаго сосредоточить всѣ силы на мирной организаціи государственнаго быта. Причинъ такого разлада было достаточно. Имѣла значеніе основная разница въ исторической судьбѣ Правобережья и Лѣвобережья: различны были здѣсь тяготѣнія, различны и политическіе планы. На Лѣвобережьи больше обращали свои взоры къ Москвѣ, чѣмъ на Правобережьи. И обращеніе къ патріарху Никону и просьбы упорядочить администрацію все это вполнѣ гермонируетъ съ тяготѣніями и надеждами Лѣвобережья.

Присоединяются къ этому разладу еще и нелады съ Запорожьемъ. Оно выступаетъ теперь въ своеобразной роли. Раньше это было единственное убѣжище отъ польскаго закона и польскаго пана. Запорожье протестовало противъ панскаго режима и защищало отъ татарской неволи. Это была миссія и заслуга. Но когда Запорожье помогло народу пре-

одолѣть этотъ гнетъ, роли перемѣнились. Запорожье съ кошевыми становится въ оппозицію къ гетьманамъ, претендуя на свою прежнюю рѣшающую роль и выдвигая принципы своего быта противъ тѣхъ началъ, какія проводили гетьманы въ организаціи государственной жизни. И Москва пользуется этимъ орудіемъ противъ гетьманской власти, сѣя и раздувая внутреннія неурядицы. Насколько опасно такое соперничество Гетьманщины и Запорожья, видно изъ борьбы Выговскаго съ Барабашемъ и Пушкаремъ. Пугая Выговскаго Пушкаремъ, московскіе воеводы добиваются отъ гетьмана большихъ уступокъ.

Страхъ передъ домашнею войною, поддерживаемою царемъ, толкнулъ гетьмана въ сторону Польши. Гордый планъ—создать украинское государство на разгромѣ Польши смѣняется планомъ создать его въ союзѣ съ Польшею. Возвращеніе къ прошлому, казалось, было невозможно, и въ союзѣ съ Польшею надѣялись украинскіе автономисты создать и укрѣпить автономію украинскаго народа. Обзоръ обстоятельствъ при заключеніи союза съ Польшею представляетъ собою самую интересную часть разсматриваемой работы, такъ какъ для характеристики настроеній воспользовался авторъ новымъ неизданнымъ матеріаломъ. Такимъ образомъ является возможнымъ расчленить польское общество по отношенію къ уніи на отдѣльныя группы. Новыя указанія приводитъ авторъ и въ описаніи самихъ переговоровъ. Эти же новонайденные матеріалы даютъ возможность прослѣдить ходъ выработки пунктовъ соглашенія. Первую ихъ схему изложилъ Тетеря въ первой конференціи своей съ Беневскимъ, передавая изустно требованія гетьмана. Слѣдующая стадія—это краткій очеркъ условій, подписанный Тетерею: онъ заключаетъ 9 параграфовъ и извѣстенъ въ копіи. Наконецъ, послѣдняя редакція, выработанная польско-украинскою коммиссіею: авторъ приводитъ ее по рукописи въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ доселѣ она извѣстна въ Volumina Legum. Текстомъ «сього величавого памятника козаччини» и заканчиваетъ авторъ свою статью.

Очень интересная фигура этого трагическаго времени — Юрій Немиричъ, политикъ и гуманистъ, духовный отецъ Гадяцкаго трактата. О дѣятелѣ этомъ извѣстно было не очень много, и теперь съ разочарованіемъ узнаемъ изъ статьи Вяч. Липинскаго, что и остатки фамильнаго

архива Немиричей даютъ намъ очень немного (Вяч. Липинськиі. Генерал артилерії в. кн. Руського). Кажется, у позднѣйшихъ хранителей семейнаго архива Немиричей предокъ-аріанинъ не вызывалъ особенныхъ симпатій: за то съ большимъ вниманіемъ относились къ брату Юрія, Стефану. Біографическія свѣдѣнія и даетъ о немъ авторъ на основаніи документовъ архива. Отказавшись отъ аріанства для католичества онъ кончилъ жизнь кіевскимъ воеводою, слѣдовательно, сдѣлалъ болѣе блестящую карьеру, чѣмъ братъ его Юрій. Назначенный по Гадяцкому козацко-польскому соглашенію начальникомъ артиллеріи великаго княжества Русскаго, Стефанъ Немиричъ долженъ былъ занять видное положеніе въ нововозникавшемъ украинскомъ шляхетствѣ. Однако планы уніи не осуществились. Стефанъ порываетъ послѣднія связи съ роднымъ народомъ и всецѣло переходитъ къ польской шляхтѣ, представляя такимъ образомъ одинъ изъ численныхъ примѣровъ денаціонализаціи, столь обычной въ то тяжелое время. [LXXXVII].

Изъ отдѣльныхъ документовъ этого времени упомянемъ изданное Фед. Голійчукомъ изъ рукописей библ. Оссолинскихъ письмо П. Дорошенка къ братіи Креховскаго базиліанскаго монастыря 1672 г.: письмо это касается эпизода изъ исторіи осады г. Львова [LXXVI]. Другой интересный документъ изданъ Ив. Джиджорою изъ столбцовъ Бѣлгородскаго стола. Сумскій полковникъ Кондратовичъ, собирая для Московскаго правительства нужныя вѣсти, послалъ «для провѣдыванія» трехъ козаковъ во Львовъ. Посланные исполнили порученіе и привезли съ собою письмо отъ еп. Іосифа Шумлянскаго къ Сумскому полковнику (1685 г.). Епископъ, политическій агентъ Собѣскаго, думалъ для своихъ цѣлей воспользоваться этимъ случайнымъ визитомъ слободскихъ козаковъ и завязать письменныя сношенія съ этимъ вліятельнымъ лицомъ, одно время претендентомъ на булаву гетьмана [LXXXVII].

Время Мазепы.

Эпоха Самойловича и Мазепы до сихъ поръ ждетъ внимательнаго изслѣдователя. Послѣ бурныхъ и тщательныхъ событій ближайшаго за Хмельничиною времени жизнь, кажется, входитъ въ болѣе спокойное русло.

Населеніе, разоренное за долгіе годы войнъ, начинаетъ чувствовать себя болѣе спокойно и увѣренно. Развивается снова упавшая было городская жизнь, торговля и промышленность. Стоящая у власти старшина стремится къ обогащенію и созданію крупныхъ земельныхъ владѣній. Наконецъ является необходимость пересмотрѣть и систематизировать юридическую практику послѣдней четверти вѣка, кодифицировать ее.

Это спокойное развитіе украинской жизни не было прочно. Подъ чуждыми вліяніями дѣла принимаютъ иной оборотъ. Въ своей политикѣ относительно Украины Петръ I идетъ неуклонно дорогою намѣченною еще его предшественниками, медленно и осторожно проводитъ ассимиляцію Украины, подведеніе особенностей мѣстной жизни подъ норму общеимперскую. Обстоятельства иногда заставляли сдерживать темпъ этой политики, но всетаки о ней никогда не забывали.

Тяжело легла на мѣстное населеніе сѣверная война съ ея послѣдствіями — работами въ далекомъ сѣверномъ краю. Пока война велась на отдаленномъ театрѣ, мѣстное украинское населеніе участвовало въ ней военными контингентами и денежными и натуральными сборами. Но вотъ шведы перешли на территорію Украины, и мѣстное украинское населеніе, невполнѣ еще оправившееся отъ прежнихъ потрясеній, снова подвергается тяжелымъ испытаніямъ раззорительной войны.

Такимъ образомъ мирная спокойная эволюція украинской общественной жизни послѣ недолгаго сравнительно затишья снова тормазится внѣшними обстоятельствами, видоизмѣняется подъ воздѣйствіемъ стороннихъ вліяній и замедляется во вторую половину перваго десятилѣтія XVIII в.

Впрочемъ не только для исторіи внутренней эволюціи общественнаго строя сдѣлано сравнительно немного. Крупный фактъ сѣверной войны — шведско-украинскій союзъ гетмана Мазепы все еще не вполнѣ изученъ, если присматриваться не только къ внѣшнимъ событіямъ, но искать причинъ въ стремленіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ извѣстныхъ круговъ общества.

Какъ ни странно покажется русской публикѣ, но для украинскаго историка этотъ финалъ дѣятельности гетмана недостаточно еще разъясненъ наличными работами русской исторіографіи.

Въ прежнее время оцѣнка и взгляды на это были очень просты. Квалификація измѣны упрощало дѣло: начиная съ авторовъ писавшихъ о свейской войнѣ, всѣ подчеркивали злой умыселъ Мазепы, его коварство и неблагодарность. Остальные соучастники увлечены были коварнымъ гетьманомъ.

Но при внимательномъ изученіи за этими рѣзкими контурами проступаютъ детали. Странно-одинокая, казалось прежде, фигура гетьмана рисуется теперь яснѣе на фонѣ его среды. Планы гетьмана не только злой умыселъ одинокаго дѣятеля, а отраженіе стремленій и опасеній людей извѣстнаго круга общества, извѣстнаго слоя правящаго класса. Правильно-ли это отраженіе, имѣлъ-ли старый гетьманъ основаніе разсчитывать на помощь и сочувствіе къ своимъ планамъ, близки и понятны-ли эти планы широкимъ массамъ — все это не вполнѣ разъяснено доселѣ. Разъяснитъ и разберетъ вдумчивая историческая наука, свободная отъ оффиціально принятыхъ схемъ и отъ цензурныхъ запрещеній.

Спутанность и неясность обычныхъ представленій о планахъ гетьмана Мазепы особенно ясно сказалась при провѣркѣ по случаю годовщины 1709 г.: оказалось, что для многихъ и не существуетъ иной постановки вопроса и вполнѣ достаточно старыхъ шаблонныхъ разъясненій. Широкая — по численности — юбилейная литература вполнѣ это обнаруживаетъ.

Очень цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу о гетьманѣ Мазепѣ и его времени является юбилейный томъ Записокъ—XCII. Въ виду приближенія годовщины 1709 г. Наукове Товариство рѣшило со своей стороны ознаменовать эту годовщину спеціальнымъ томомъ, собравъ въ немъ статьи и матеріалы, касающіеся событій начала XVIII в. Постановленіе это вполнѣ осуществлено, и послѣдній томъ 1909 г. является томомъ о гетьманѣ Мазепѣ и его времени. Кромѣ украинскихъ ученыхъ принялъ въ немъ участіе и шведскій писатель — Альфредъ Іенсенъ.

Юбилейный томъ открывается вступительною статьею проф. Мих. Грушевскаго «Шведсько-український союз 1708 р.».

Эта статья даетъ пересмотръ извѣстныхъ фактовъ съ точки зрѣнія украинскаго историка, въ связи съ жизнью украинскаго общества, а не

только подъ угломъ зрѣнія центральной власти, какъ это дѣлали обыкновенно доселѣ въ русской исторіографіи. Такимъ образомъ мы имѣемъ въ этой статьѣ цѣнный пересмотръ давно установившихся взглядовъ.

Авторъ начинаетъ съ прецедентовъ прежнихъ лѣтъ. Шведско-украинскій союзъ гетьмана Мазепы не является чѣмъ-либо неожиданно-новымъ. Гетьманъ зналъ, конечно, о такомъ же союзѣ со Швеціею при Б. Хмельницкомъ. И тогда украинскій гетьманъ стоялъ между Швеціею Москвою; и тогда онъ на столько дорожилъ этимъ союзомъ, что на всѣ требованія Московскаго правительства разорвать союзъ съ Швеціею отвѣчалъ отрицательно. И было чѣмъ дорожить: далекая Швеція, не имѣющая поводовъ вмѣшиваться въ внутреннюю жизнь Украины, по по своимъ счетамъ съ Польшею и Москвою всегда служила бы опорою для Украины въ ея политической жизни безъ всякихъ вмѣшательствъ въ ея бытъ.

А этого то и хотѣли украинскіе автономисты. Выйдя изъ подъ гнета польскаго режима, украинскіе политики менѣе всего хотѣли подвергаться полновластнымъ вліяніямъ съ какой-либо другой стороны: они хотѣли быть вполнѣ хозяевами своей родины, ея жизни. Изъ областей польскаго государства снова воссоздать государственную территорію украинскаго народа, изъ разрозненныхъ частей создать цѣльное, крѣпкое и вполнѣ независимое политическое тѣло. И казалось, что союзъ съ Швеціею гарантируетъ Украинѣ такую именно независимость между двумя соискателями — Польшею и Москвою.

Планы автономистовъ средины XVII в. не оправдались. Уберечься отъ стороннихъ вліяній Украинѣ не удалось. Военныя тревоги тяжелыхъ десятилѣтій мѣшали мирному разцвѣту украинской общественности. А Московское правительство шагъ за шагомъ урѣзывало свободу распоряженій гетьманской власти, стѣсняя ее своимъ контролемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по немногу вводятся нормы московскаго быта, и московскіе администраторы, присылаемые въ Украину, не считаютъ нужнымъ сообразоваться съ мѣстными установленіями, обычаями, взглядами.

Надежды не перешли въ дѣйствительность, но не утратили своей жизненности. Планы автономистовъ средины XVII в. сохраняютъ свое обаяніе надъ чувствами слѣдующаго поколѣнія. И когда ходъ дѣлъ заста-

вилъ задуматься о будущемъ Украины, автономисты конца XVII в. обратились туда же, куда обращались и ихъ предшественники.

Такимъ образомъ шведско-украинскій союзъ Мазепы связанъ съ тѣми же стремленіями и. надеждами, какія одушевляли и творцовъ шведско-украинскаго союза 1654—58 гг.; переходъ Мазепы на сторону Карла XII въ тѣсной связи съ тѣми настроеніями украинскихъ дѣятелей, которыя московскіе агенты называли шатостью и «какъ бы измѣною», планы Мазепы вполнѣ соотвѣтствовали надеждамъ группы украинскихъ автономистовъ.

Какъ тѣсно связывали эти автономисты свои надежды съ намѣреніями Мазепы; какъ численна была эта сочувствующая гетьману группа; глубоко-ли шли въ массу эти сочувствія и ожиданія — мы до селѣ не знаемъ. Нѣтъ достаточныхъ документальныхъ указаній, да едва-ли и будетъ: старый гетьманъ былъ умѣлый конспираторъ и съумѣлъ сохранить многое въ тайнѣ отъ внимательныхъ наблюдателей.

Традиціонное представленіе повторяетъ со словъ мазепинцевъ на допросахъ, что гетьманъ дѣйствовалъ самъ одинъ, ни съ кѣмъ ни совѣтуясь и требуя лишь безотвѣтнаго повиновенія. Едва-ли можно изъ того заключать, что старый гетьманъ совершенно одиноко, безъ всякаго сочувствія и другихъ увлекъ за собою лишь обманомъ.

Связывая планы Мазепы и мазепинцевъ съ стремленіями автономистовъ, современная украинская исторіографія освѣщаетъ это доселѣ не вполнѣ ясное событіе и вскрываетъ цѣлое теченіе украинской общественной жизни. А что мазепинцы одушевлены были именно такими чувствами, ясно видно изъ ихъ—такъ сказать — оффиціальной и дипломатической переписки. Тутъ мы видимъ политическіе принципы реорганизаціи украинской жизни, ясное представленіе о суверенности украинскаго народа и — наконецъ — въ духѣ этихъ принциповъ составленный очеркъ украинской исторіи, начиная отъ Хмельницкаго и Хмельниччины.

После катастрофы 1708 г.

Только что разобранная статья проф. Мих. Грушевскаго очень важна по новому освѣщенію дѣла Мазепы и Мазепинцевъ. Какъ всту-

нительная статья юбилейнаго тома, она знакомитъ съ руководящею идеею сборника, съ новою оцѣнкою важныхъ событій.

Слѣдующія статьи юбилейнаго тома (Записки т. ХСII) касаются событій, слѣдующихъ за переходомъ гетьмана на сторону Короля. Этотъ рѣшительный шагъ гетьмана можно назвать катастрофою, если имѣть въ виду важныя послѣдствія этого поступка и разсматривать ихъ вмѣстѣ.

Событіямъ ближайшихъ недѣль и посвящена статья А. Грушевскаго «Глухів і Лебедин (1708—1709)».

Дополняя ранѣе извѣстный архивный матеріалъ неизданными указаніями изъ Малороссійскихъ Дѣлъ авторъ старается прослѣдить шагъ за шагомъ дѣйствія Правительства. Гетьманъ и его казаки казались очень опасными русскимъ генераламъ, не знавшимъ дѣйствительнаго числа ушедшихъ. Для царя представлялась теперь сложная задача: удержать колеблющихся и сомнѣвающихся, изолировать гетьмана и подорвать его вліяніе, наконецъ затруднить королю его пребываніе на Украинѣ. Важный шагъ—это избраніе новаго гетьмана, оно подорвало значеніе прежняго гетьмана. Изъ документовъ ясно видно, какъ торопился съ этимъ избраніемъ царь. Вмѣстѣ съ гражданскимъ осужденіемъ соединено было и церковное отлученіе; ошельмованнаго по гражданскимъ узаконеніямъ вмѣстѣ съ тѣмъ подвергли анаѳемѣ. Это была важная услуга мѣстнаго украинскаго духовенства. Анаѳема такого благотворителя и покровителя церквей, какимъ былъ гетьманъ, должна была сильно поразить украинскія народныя массы.

Удержать колеблющихся и неувѣренныхъ можно было двумя способами, ласкою и жесточью, какъ тогда выражались. И Петръ I, нужно признаться, умѣло, не жалѣя, примѣнилъ второе средство. Чѣмъ больше жестокости, тѣмъ вѣрнѣе запугать и удержать. Неслыханное разореніе Батурина—это была именно такая демонстрація съ цѣлью запугать еще непримкнувшихъ и сомнѣвающихся. И разореніе Батурина разсчитано было очень вѣрно. Такъ близко отъ короля и гетьмана русскій генералъ мститъ неповинному населенію за поступокъ гетьмана, и никто не могъ защитить и спасти. Разсказы и показанія современниковъ и воспоминанія сходятся въ оцѣнкѣ впечатлѣній отъ разоренія Батурина на мѣстное украинское населеніе.

Это мѣстное населеніе очутилось теперь въ весьма затруднительномъ положеніи. И раньше съ начала войны оно должно было нести новыя тяжелыя повинности и ставить бóльшіе военные кадры. Но пока врагъ былъ далеко, война велась въ отдаленномъ сѣверномъ краю. И вдругъ шведы явились тутъ же вблизи на украинской территоріи. Они остановились во внутреннихъ украинскихъ поселеніяхъ, а около нихъ русскія войска. Мѣстное населеніе попало межъ двухъ огней. Шведы осѣли на украинской территоріи, въ украинскихъ городахъ и селеніяхъ, съ которыми окрестные жители не могли порвать сношеній: сюда ѣздили для торговыхъ операцій, и для полученія старыхъ долговъ и для свиданій съ родственниками. Но эти сношенія и поѣздки вызывали у русскихъ властей серьезныя подозрѣнія на счетъ сочувствія шведамъ и послѣ приходилось давать отвѣтъ въ страшной походной канцеляріи. Шведы требовали у окрестнаго населенія провіантъ и эти требованія подкрѣпляли достаточно ясными угрозами. Русскія власти строго запрещали подвозъ припасовъ шведамъ и жестоко за это наказывали. Требовали враждебнаго отношенія къ шведамъ, а между тѣмъ враги были такъ близко, что сами эти русскія власти не могли бы защитить отъ близкаго врага. Въ такомъ затруднительномъ положеніи оказались теперь окрестныя села и мѣстечки.

Изложеніе событій доведено въ этой статьѣ до января 1709 г., и такимъ образомъ здѣсь разсмотрѣны ближайшія недѣли, имѣвшія такое важное значеніе въ общемъ ходѣ этого періода борьбы.

До Полтавскаго боя включительно доведена статья Стеф. Томашивскаго о запискахъ участниковъ сѣверной войны (Стеф. Томашівський. Із записок Каролинців про 1708—9 р.). Авторъ пересказываетъ здѣсь содержаніе и приводитъ болѣе интересныя мѣста изъ дневниковъ шведскихъ военныхъ. Эти дневники очень интересны, но мало доступны, къ сожалѣнію, по своему языку.

Отъ записокъ фельдфебелей и офицеровъ нельзя требовать общихъ важныхъ указаній: планы войны и перемѣны въ планахъ были для нихъ неизвѣстсы. Но за то мы имѣемъ массу цѣнныхъ деталей касательно пребыванія шведовъ на Украинѣ.

Очевидцами описаны лишенія и трудности при передвиженіи войскъ черезъ разоренныя мѣстности. Очевидцами описаны первое появленіе

гетьмана среди шведскихъ войскъ, пріемъ у короля, позднѣйшее посѣщеніе гетьманомъ лагеря запорожцевъ.

Интересны отмѣтки относительно впечатлѣній отъ ужасной гибели Батурина, о жестокомъ обращеніи русскихъ съ плѣнными казаками и о суровости окончательной расплаты.

Новыя детали находимъ относительно сопротивленія шведамъ и сожженія мѣстечка Смѣлы около города Ромна, вступленія шведовъ въ мѣстечко Зеньковъ, враждебныхъ дѣйствій со стороны населенія въ околицѣ Будищъ.

По-иному рисуется въ запискахъ первое появленіе запорожцевъ, условія ихъ службы, детали ихъ быта и военной помощи шведскому войску.

Заканчиваетъ авторъ свою статью выдержкою представляющаго краткую характеристику Украины, ея населенія и быта украинцевъ и запорожцевъ.

На основаніи шведскихъ источниковъ написаны и двѣ статьи Альфреда Іенсена (Alfred Jensen). Первая касается пребыванія Орлика въ Швеціи («Орлик у Швеції»). Въ основу статьи положена неизданная переписка Орлика, хранящаяся въ Шведскомъ Государственномъ Архивѣ: среди этой переписки 35 писемъ адресованы Шведскому правительству; онѣ и изданы (за исключеніемъ 4) въ приложеніи къ статьѣ.

Невзгоды мазепинцевъ за границею представляютъ собою трагическую страницу украинской исторіи. Много пришлось вынести Филиппу Орлику, выбранному гетьманомъ по смерти Мазепы. Но среди матерьяльныхъ невзгодъ Орликъ думаетъ не только о себѣ, помнитъ о своемъ высокомъ званіи гетьмана, о своихъ обязанностяхъ: доля Украины постоянно безпокоитъ его. Тяжело было настоящее и нельзя было ждать быстрой перемѣны обстоятельствъ. Неутѣшительныя вѣсти приходили съ родины и къ этому присоединялись сокрушенія о страдающихъ близкихъ.

И въ исторіи другой семьи — Войнаровскихъ мы находимъ тѣ же самыя невзгоды. («Родина Войнаровських въ Швеції»). Пересказанная на основаніи шведскихъ доселѣ неизданныхъ источниковъ эта страничка изъ исторіи невзгодъ мазепинцевъ оставляетъ тоже тяжелое чувство,

хотя здѣсь меньше идеализма. Войнаровской приходится страдать отъ матеріальныхъ невзгодъ, какъ и Орлику. Судьба мужа, сосланнаго въ Сибирь мучитъ Войнаровскую, какъ Орликовъ мучила судьба семьи Герциковъ. И Орликъ и Войнаровская стараются заинтересовать въ судьбѣ пострадавшихъ шведское правительство, однако все безуспѣшно.

Интересны въ приведенныхъ письмахъ детали объ арестѣ Войнаровскаго въ Гамбургѣ русскимъ резидентомъ (стр. 177) и о поискахъ Ягужинскаго съ цѣлью захватить Орлика (стр. 105).

Получаемыя Орликомъ и Войнаровскою суммы, на недостаточность коихъ они жалуются, это не только субсидіи обездоленнымъ эмигрантамъ. И Орликъ и Войнаровскій имѣли серьезные финансовые иски къ шведскому правительству. Дѣло въ томъ, что Мазепа и его ближайшіе сподвижники не разъ снабжали короля крупными суммами на военныя издержки. Основной долгъ—это ссуда въ 60.000 талеровъ, выплаченная еще въ Будищахъ. На почвѣ этихъ финансовыхъ дѣлъ возникаютъ непріятныя денежныя столкновенія между Орликомъ и Войнаровскимъ. Какъ наслѣдникъ Мазепы, Войнаровскій претендуетъ на полученіе отъ шведскаго правительства ссуженныхъ Мазепѣ суммъ. Между тѣмъ Орликъ доказываетъ, что нѣкоторыя выплаты сдѣланы Мазепою не изъ его личныхъ денегъ, а изъ войсковыхъ фондовъ. Оба стараются убѣдить шведскія власти въ своей правотѣ, и Войнаровскій проигрываетъ рядомъ съ Орликомъ, выступающимъ въ иномъ свѣтѣ.

Для исторіи дипломатическихъ отношеній времени Шведской войны даетъ интересныя детали изданный Стеф. Томашивскимъ сборникъ писемъ Петра I къ гетьману Синявскому (Стеф. Томашівський. Листи Петра В. до А. М. Сінявського). Издано здѣсь всего 47 документовъ 1705—1721 гг. Небольшое предисловіе издателя рисуетъ въ общихъ чертахъ политическія сплетенія того времени.

Отдѣльные документы сообщены въ юбилейномъ сборникѣ Стеф. Томашивскимъ и Альфредомъ Іенсеномъ. Изъ Шведскаго Государственнаго Архива сообщилъ Іенсенъ три письма гетьмана Мазепы къ воеводѣ Галецкому 1704 г.: письма эти были перехвачены въ свое время и хранятся въ Швеціи. Стеф. Томашивскій сообщилъ три реляціи 1708—1709 гг. Плейера, австрійскаго посла. Четыре документа, касающихся

гетьмана Мазепы, извлечены изъ австрійскихъ архивовъ тѣмъ-же Стеф. Томашивскимъ. Три изъ нихъ относятся ко времени послѣ катастрофы и касаются предупредительности Австріи по отношенію къ Россіи въ вопросѣ о выдачѣ и захватѣ Мазепы (1709 г.).

Къ юбилейному тому приложенъ снимокъ съ новонайденнаго портрета Мазепы.

Какъ извѣстно относительно портрета гетьмана существуетъ не мало сомнѣній. Въ интересной замѣткѣ Мих. Грушевскій выясняетъ современное положеніе вопроса объ автентичномъ портретѣ гетьмана. Группируя портреты по типу лица и внѣшнимъ признакамъ, авторъ ставитъ совершенно особо, какъ невполнѣ надежные, гравюру Норблена и портретъ Никитина. Болѣе довѣрія къ новонайденному портрету. Въ спеціальной замѣткѣ приводитъ М. Грушевскій нѣкоторыя указанія относительно этого портрета (т. XCIV). Вмѣстѣ съ другими мазепинскими реликвіями сохранялся этотъ портретъ въ семьѣ Бутовичей, можетъ быть, со времени генерала асаула Бутовича. Позднѣе крѣпостной живописецъ приписалъ на портретѣ орденскую ленту и подправилъ черты лица.

Замѣткою о портретахъ заканчивается этотъ цѣнный сборникъ двухсотлѣтней годовщины.

Къ этому нужно присоединить и другіе матеріалы, касающіеся времени Мазепы. Отдѣльные документы сообщили Стеф. Томашивскій и Фед. Голійчукъ. Послѣднимъ напечатано письмо Мазепы къ Іерон. Любомирскому 1703 г. Гетьманъ успокаиваетъ здѣсь своего корреспондента по поводу слуховъ о союзѣ съ Паліемъ или Самусемъ. Никакихъ связей у него, Мазепы, съ ними не существуетъ, съ порицаніемъ онъ относится къ этому niezbozne facinus swywolnych rebellitantow Samusia y Paleia и во избѣжаніе поддержки имъ съ Лѣвобережья запретилъ пропускать кого бы то ни было на ту сторону Днѣпра (LXXV). Стеф. Томашивскій напечаталъ пять документовъ 1707—1716 г. Здѣсь говорится о предложеніи кор. Станислава Мазепѣ (1707); о жизни Мазепы въ шведскомъ войскѣ (1709); о наслѣдствѣ по смерти Мазепы и наконецъ объ арестѣ Войнаровскаго (1716). Всѣ эти документы взяты изъ Вѣнскихъ Архивовъ (LXXXI).

Дальнѣйшихъ моментовъ въ исторіи украинской жизни начала XVIII в. касаются три статьи Алекс. Грушевскаго. Авторъ имѣлъ въ виду прослѣдить отношеніе царскаго правительства къ Украинѣ послѣ 1708 г. Ни общія работы, касающіяся этихъ лѣтъ, ни спеціальныя монографіи не останавливаются детально на этомъ, бросая лишь бѣглыя указанія въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ обзора внѣшнихъ событій. Такимъ образомъ доселѣ остаются неиспользованными интересныя указанія даже изданнаго общедоступнаго матеріала.

Первая статья посвящена выясненію конфискаціи земель мазепинцевъ («Конфіскація земель у мазепинців» т. LXXV). Авторъ старается прослѣдить постепенный ходъ этой политики: приведенные здѣсь примѣры онъ дополнилъ позднѣе ссылками на неизданные архивные матеріалы [т. XCII].

Въ первыя тревожныя соображенія мысль о конфискаціи внѣдряется въ узкомъ пока пониманіи. Хватались за все, что̀ можетъ запугать колеблющихся и вернуть отпавшихъ. Конфискація земель — наказаніе для мазепинцевъ — грозила всякому, кто впредь примкнулъ бы къ Мазепѣ: но кто раскается и немедленно отпадетъ отъ Мазепы, тому обѣщается прощеніе. Такимъ образомъ дальнѣйшаго развитія планъ конфискаціи въ этихъ первыхъ соображеніяхъ пока еще не получаетъ.

Однако очень скоро нашлось примѣненіе для конфискованныхъ земель. Запугивая, нужно было и привлекать: наказывая ушедшихъ, нужно быть награждать оставшихся вѣрными. Земли мазепинцевъ могли составить такой фондъ для вознагражденій.

Трудно сказать, кому первому пришла въ голову эта мысль: скорѣе царскому правительству, вѣдь въ первыхъ же грамотахъ оно обѣщаетъ существенныя милости вѣрнымъ (XCII с. 57 № III). Провести актъ конфискаціи вполнѣ — было трудно при сложности и запутанности тогдашнихъ земельныхъ отношеній въ Украинѣ. Помогли царскому правительству сами же просители. Съѣхавшись на выборѣ гетьмана старшина, пользуясь удобнымъ случаемъ, начинаетъ вычислять, что̀ кому приходится получить изъ подлежащихъ конфискаціи земель. Потянулись и другіе просители, обиженные нѣкогда гетьманомъ и его агентами, или въ корыстныхъ цѣляхъ выдававшіе себя за таковыхъ.

Наконецъ послѣдній очень важный моментъ—это выступленіе русскихъ сановниковъ дѣятелей Петрова времени. Строго говоря, они не имѣли правъ на полученіе земель въ Украинѣ, но они сильны были фактическимъ вліяніемъ, и гетьманъ въ затруднительныхъ условіяхъ не имѣетъ рѣшимости имъ противодѣйствовать. И Меньшиковъ, и Головкинъ, и Долгоруковъ, и Шафировъ, и Шереметьевъ — всѣ они просятъ земель въ Украинѣ и всѣ получаютъ. Высказалъ какъ то разъ гетьманъ свое неудовольствіе, но ничего изъ этого не вышло: пришлось покориться желаніямъ вліятельныхъ и сильныхъ.

Другую сторону русской политики по отношенію къ украинскому населенію выясняетъ статья о расквартированіи русскихъ войскъ на Украйнѣ («Розквартирования росийських полків на Україні»—т. LXXVIII). Какъ извѣстно, въ разсматриваемое время съ помѣщеніемъ полковъ въ извѣстной мѣстности связывается принужденіе мѣстнаго населенія содержать эти полки. По этому всякое передвиженіе войскъ, стягиваніе ихъ въ извѣстной мѣстности — представляетъ живѣйшій интересъ для мѣстнаго населенія, для котораго это означало увеличеніе или уменьшеніе бремени.

Пока шведскія войска стояли въ Украинѣ, русскіе полки стягивались сюда съ понятными для населенія цѣлями: для борьбы со шведами и для подавленія среди населенія какихъ бы то ни было враждебныхъ настроеній.

Но вотъ шведская война перенесена послѣ Полтавы на другой театръ военныхъ дѣйствій: грозная опасность турецко-татарскаго вмѣшательства разсѣялась. Нѣтъ прежнихъ причинъ держать большіе военные кадры въ Украинѣ.

Теперь то возникаетъ и постоянно дебатируется вопросъ о размѣщеніи русскихъ войскъ въ Украинѣ. Начинается оживленный обмѣнъ заявленій гетьмана и разъясненій главнаго военнаго управленія. Порою это мелочныя детальныя исчисленія военныхъ кадровъ, сколько можно было бы вывести изъ Украины въ другія области государства, но за этими дѣловыми бумагами тяжелыя реальныя условія украинской жизни. Гетьманъ жалуется, что все это не въ моготу украинскому населенію, что и безъ того оно обременено непосильными поборами. На это отвѣ-

чаютъ, что Украина вовсе не такъ ужъ обременена и что свести лишнія войска изъ Украины некуда. И снова представленія и заявленія.

Кромѣ того, на содержаніе войскъ мѣстное населеніе давало натурою. Не все могло быть точно опредѣлено, представлялась возможность злоупотребленій. Населеніе жалуется на произвольное увеличеніе нормы сборовъ. Мелочи сливаются въ общую тяжелую картину разоренія страны.

Третья статья — «Военні роботи» [Записки т. LXXX]. Подъ этимъ общимъ заглавіемъ разумѣетъ авторъ разнообразныя фортификаціонныя работы, къ которымъ привлекалось и мѣстное населеніе. Это была своеобразная военно-саперная повинность населенія. Въ случаѣ нужды, привлекали къ такимъ работамъ населеніе и ранѣе, но не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Теперь въ шведскую войну эта повинность населенія понимается очень широко. Сверхъ того, не было здѣсь заранѣе намѣченнаго плана, заранѣе намѣченной системы. Опасность нѣсколько разъ угрожала Украинѣ и вызывала ужасную спѣшку по укрѣпленію ея границъ въ такіе моменты опасности близкаго вторженія. Приходится спѣшно работать при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Къ этимъ сапернымъ работамъ привлекаются теперь, противъ обыкновенія, и козаки. Осложняется все это несогласіями между гетьманомъ и русскими военными властями. И при добромъ желаніи не легко создать сколько-нибудь сносныя условія для нѣсколькихъ тысячъ козаковъ, согнанныхъ подъ Кіевъ для работъ при новоустраивавшейся Печерской крѣпости. А при отсутствіи внимательности тажелыя непривычныя работы въ холодную осеннюю пору при плохомъ продовольствіи уносили много лишнихъ жертвъ. Этими указаніями полны заявленія гетьмана.

Но затѣмъ, пользуясь этимъ прецедентомъ, русскія власти примѣняютъ принудительную работу козаковъ и для другихъ цѣлей. Козаки несли обычно только военную службу и ихъ труды при постройкѣ крѣпостей еще можно было связать съ военными дѣйствіями того времени, хотя это и была новость: нестроевая служба. Но совершенно неожиданною новостью было примѣненіе труда козаковъ при устройствѣ Ладожскаго канала. Для этого тажелаго труда не могли быть и объясненія военными цѣлями. А между тѣмъ сопряжено это было съ большими

трудностями. Уже само передвиженіе на далекій сѣверъ было не легко. Тяжелыя земляныя работы совершались людьми, непривыкшими къ суровому климату. Ни продовольствіе, ни санитарная помощь не была организована удачно. Масса больныхъ, масса тяжелыхъ заболѣваній съ несчастнымъ исходомъ. Остальные раззорялись, благодаря большимъ издержкамъ, и входили въ непосильные долги. Въ цѣломъ рядѣ сдѣлокъ продажи, какъ причина продажи, указываются продавцами долги, сдѣланные во время слѣдованія на сѣверъ или во время ладожскихъ работъ.

Такимъ образомъ эти три статьи, разрабатывающія отдѣльныя самостоятельныя темы, всетаки связаны между собою внутреннимъ единствомъ содержанія и вмѣстѣ взятыя даютъ характеристику экономическихъ условій жизни Украины въ Петровскую эпоху.

Для культурной исторіи общества Петровской эпохи сдѣлано меньше за эти годы. Все еще остается неизученною интересная смѣна культурныхъ вліяній въ средѣ тогдашней украинской интеллигенціи.

Въ эпоху Петровской реформы и слѣдующаго десятилѣтія большую роль играли около трона кіевскіе ученые, какъ помощники царя, администраторы, іерархи и педагоги-новаторы. Въ своей дѣятельности пастырской и педагогической они столкнулись съ другими дѣятелями въ той же сферѣ, іезуитами, пробравшимися въ Москву и свившими тамъ гнѣздо, несмотря на строгія запрещенія. Поэтому въ донoшеніяхъ іезуитовъ мы имѣемъ свѣдѣнія объ этихъ кіевскихъ ученыхъ. Эти то указанія и сгруппировалъ В. Перетцъ въ своемъ отчетѣ объ изданномъ (Спб. 1904 г.) сборникѣ донесеній іезуитовъ [т. LXXV). Мы видимъ здѣсь кіевскихъ ученыхъ въ ихъ повседневныхъ условіяхъ жизни въ Москвѣ. Видимъ здѣсь сложную запутанную борьбу за преобладаніе двухъ педагогическихъ группъ—іезуитской и кіевской. Одинокіе западно-европейскіе интеллигенты въ Москвѣ, кіевляне, встрѣтились съ іезуитами привѣтливо въ личныхъ отношеніяхъ. Но напрасно іезуиты надѣялись, судя по этой внимательности, встрѣтить такую же внимательность и въ общественныхъ отношеніяхъ. Они совершенно разошлись потомъ: вопросъ шелъ, чьей школѣ пользоваться милостями и признаніемъ правительства. Кіевскіе ученые пользовались поддержкою царя, іезуиты старались заручиться чрезъ учениковъ сочувствіемъ родителей—сановниковъ. Іезуи-

тамъ пришлось разочароваться въ своихъ симпатичныхъ, казалось, знакомыхъ: кіевскіе ученые выхлопатывали у царя запрещенія іезуитамъ. Интересны подробности тогдашней интеллигентной жизни. Съ большими подробностями описанъ богословскій диспутъ, приготовленія къ нему и его финалъ. Интересны также и указанія о школьномъ театрѣ и представленіяхъ. Передаются кое-какія сплетни и о прежней жизни кіевскихъ ученыхъ.

Здѣсь же упомянемъ мы о большой работѣ, касающейся этого же времени, но только въ другихъ европейскихъ дипломатическихъ сплетеніяхъ. Рѣчь идетъ объ австрійско-венгерскихъ и польско-венгерскихъ отношеніяхъ. Это — работа Стеф. Томашивскаго «Угорщина і Польща на початку XVIII в.» [Записки т. LXXXIII—LXXXVI].

Она посвящена анализу венгерско-польскихъ отношеній двухъ первыхъ десятилѣтій XVIII в., интереснаго момента борьбы между автономистами изъ венгерскаго дворянства и австрійскимъ правительствомъ.

Венгерская политика Габсбурговъ стремилась ассимилировать земли съ мадьярскимъ населеніемъ, уничтожить особенности мѣстной жизни и подчинить общему австрійскому режиму.

Но провести этотъ широкій планъ было не такъ легко. Реальныя причины возбуждали глухое недовольство мѣстнаго венгерскаго населенія, и во всемъ винили здѣсь австрійское господство. И два руководителя анти-австрійской оппозиціи — Ракочи и Берчени задумали съ помощью польскаго короля поднять открытое возстаніе мадьярскаго населенія противъ ненавистнаго австрійскаго господства.

Надежды найти реальную помощь у польскаго короля Августа — не сбылись. Послѣ долгихъ колебаній польскій король предпочелъ сближеніе съ Австріей. Не оказали серьезной поддержки и благожелатели изъ польскаго магнатства. Вспыхнувшее движеніе вызвало изъ-за гра-границы руководителей анти-австрійской оппозиціи, и эти руководители увидали себя среди реальныхъ опасностей далеко не въ такомъ преобладаніи, на которое они надѣялись.

Европейскія дипломатическія отношенія перепутываются въ сложную сѣть, реальныя условія жизни мадьярскаго населенія, австрійскіе порядки, соціальныя причины движенія и шляхетско-автономическіе

планы — все это перекрещивается въ запутанное сплетеніе. И внимательный изслѣдователь шагъ за шагомъ выясняетъ реальныя отношенія сторонъ, планы и надежды, руководящіе импульсы и реальныя событія.

Работая въ архивахъ для своей основной работы, Стеф. Томашивскій нашелъ рядъ интересныхъ документовъ, не стоявшихъ въ тѣсной связи съ его научною работою. Кромѣ названныхъ выше, отмѣтимъ еще сообщеніе австрійскаго посла въ Петербургѣ 1711 г. о надеждахъ русскихъ дипломатовъ на поддержку славянъ въ русско-турецкой войнѣ [т. LXXXV].

Внутренняя жизнь XVIII в.

Къ исторіи соціальныхъ отношеній на Украинѣ XVIII в. относится рядъ замѣтокъ и отдѣльныхъ документовъ. Изъ документовъ Малороссійской Коллегіи приводитъ Ив. Джиджора интересную переписку, характеризующую положеніе вопроса о свободномъ переходѣ крестьянъ въ 1727 г. Малороссійская Коллегія предлагаетъ Генеральной Канцеляріи на разрѣшеніе юридическій казусъ. Монастырскій крестьянинъ Горленко перешелъ къ отчину Головкина, и монастырскій городничій «дворъ ево и пожитки отобралъ и оставилъ». По этому дѣлу Канцелярія отвѣчаетъ, что по существующей практикѣ послѣ ушедшаго крестьянина «грунта, дворъ и другія угодія купленныя и некупленныя» остаются державцѣ, а крестьянинъ беретъ съ собою, что «можетъ з движимыхъ пожитковъ унести или увезти съ собою». [LXX].

Другую сторону тогдашнихъ крестьянскихъ отношеній показываетъ документъ 1760 г., изданный Викт. Барвинскимъ [LXXXI]. Григорій Губчицъ жалуется, что его подданные сошли отъ него самовольно, неразсчитавшись съ нимъ, державцою, за ссуды и займы, за обветшавшія постройки и опустошенный садъ. Такимъ образомъ задолженность крестьянъ державцамъ и въ украинской жизни, какъ и въ другихъ областяхъ, сыграла свою печальную роль въ закрѣпленіи крестьянъ.

Небольшой документъ 1760 г., сообщенный тѣмъ же В. Барвинскимъ (т. XC) намѣчаетъ одинъ изъ путей, какимъ передавались понятія и представленія крѣпостничества. Путивльскій помѣщикъ продаетъ канце-

лляристу генер. артиллеріи крѣпостную дѣвушку и «та девка крепосная должна оставатись во владѣніи ево...» Путивльскій рубежъ, гдѣ сосѣдили великорусскіе помѣщики съ украинскими державцами, сыгралъ извѣстную роль въ передачѣ новыхъ чуждыхъ доселѣ представленій.

Отдѣльные документы первой половины XVIII в. намѣчаютъ предъ нами различныя стороны быта того времени.

Къ характеристикѣ обаянія власти гетьмана относится интересное дѣло о неупоминаніи священникомъ имени гетьмана на переносѣ Св. Тайнъ въ 1727 г. [LXXII]. Жалуется на это Стародубовскій полковникъ Илья Пашковъ, самъ великоруссъ. Дата этой жалобы интересна указаніемъ, что практика эта сложилась гораздо ранѣе, разъ полковникъ — великоруссъ вступается за гетьмана въ этомъ нарушеніи обычая. И несмотря на перемѣны и иныя вѣянія, обаяніе имени гетьмана сохранилось и послѣ перелома 1708 г.

Практики гражданскихъ узаконеній, сдѣлокъ купли — продажи касаются изданные 7 документовъ Румянцевской описи [XC]. Всѣ они говорятъ о продажѣ и мѣнѣ земельныхъ участковъ: въ одномъ (№ 9) продавцами выступаютъ дочери-наслѣдницы; въ другомъ (№ 3) упоминается «с благословениемъ панѣ матки своей» и какъ потому братъ продавца не можетъ требовать отмѣны сдѣлки. Интересно упоминаніе, что продавцы обязуются подъ угрозою штрафа не сходить со своей бывшей земли (№ 8). Два документа (№ 5 и 7) касаются тѣхъ частыхъ въ то время фактовъ, какъ земля неисправнаго должника, служившая обезпеченіемъ долга, переходитъ по истеченіи срока въ собственность кредитора.

Для исторіи земельныхъ отношеній интересенъ документъ 1744 г. [LXXXII]—это жалоба крестьянъ на тяжесть повинностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ даны справки, сколько платилось ими ранѣе. Въ этихъ-то историческихъ справкахъ и указана предшествующая судьба села. Сначала село это было «под ратушею Прилуцкою», потомъ дано во владѣніе въ подданство генер. есаулу Мануйловичу, далѣе «село било свободное чрезъ 3 годи в смотреніи енералной артилеріи асаула Семена Карпѣки» и наконецъ дано во владѣніе Якубовича. И вотъ теперь крестьяне жалуются на чрезмѣрныя тягости новаго владѣльца.

Изъ уголовной практики того времени интересны факты освобожденія преступника отъ казни, если дѣвушка выберетъ его себѣ въ мужья. Такіе факты извѣстны и изъ народныхъ воспоминаній и изъ актовъ. Послѣднимъ писалъ объ этомъ О. Левицкій (1905 г.) и ставилъ рядъ вопросовъ касательно анализа этого обычая. Теперь Вас. Щуратъ дополняетъ извѣстные намъ немногіе случаи примѣненія этого обычая новыми четырмя документами 1727—1730 гг. Эти документы касаются очень интереснаго примѣненія означенной практики. Власти польскія на этотъ разъ хотѣли было воспротивиться примѣненію этого обычая, народное неудовольствіе перешло послѣ въ волненіе, отмѣченное характеромъ національнаго протеста противъ польскихъ властей. (Василь Щурат. Увильнение злочинця дівчиною въ Бродахъ 1727 р. [т. LXXV].

Десятилѣтія послѣ Скоропадскаго принадлежатъ къ числу малоизученныхъ періодовъ украинской исторіи. Отношенія центральнаго правительства къ Украинѣ непосредственно послѣ 1708 г. разсматривались въ связи съ Мазепинскою катастрофою, хотя эти факты и входятъ уже въ года гетьманства Скоропадскаго.

Для времени Апостола и слѣдующаго десятилѣтія имѣемъ мы двѣ статьи Ивана Джиджоры. Позднѣйшая по времени [LXXXVI] стоитъ въ связи съ занятіями автора въ Архивѣ Министерства Юстиціи и даетъ обзоръ хранящихся здѣсь важныхъ матеріаловъ для исторіи Украины въ XVIII в. Но описывая значеніе этихъ матеріаловъ, авторъ попутно отмѣчаетъ главные моменты украинской жизни и болѣе интересныя детали. Какъ извѣстно, въ пору борьбы съ Мазепою русскія власти постоянно твердили, что массамъ на Украинѣ житья нѣтъ отъ гетьмана и старшины и ихъ дурного управленія: я указывалъ на это въ своихъ статьяхъ при разборѣ манифестовъ Петра I. Предполагая, что все зло въ планахъ Мазепы и его ближайшихъ сотрудниковъ, русское правительство для привлеченія на свою сторону массъ, сѣяло въ нихъ недовѣріе и недоброжелательство къ привилегированнымъ кругамъ, обѣщая со своей стороны важныя реформы. Но когда пришла пора исполнить обѣщанное, пришлось констатировать безсиліе. Для искорененія шатости старались русскія власти проводить своихъ людей повсюду. Можетъ быть, это были надежные люди, но и они не были свободны отъ тѣхъ обычныхъ тогда не-

достатковъ, на какіе жаловалось украинское населеніе. Призванные реформировать администрацію, судъ, податную систему, эти присланные администраторы совершали тѣ же злоупотребленія, да еще съ глубокимъ высокомѣріемъ, съ пренебреженіемъ къ особенностямъ мѣстной жизни, къ мѣстному укладу, къ симпатіямъ и воззрѣніямъ мѣстнаго населенія. Авторъ даетъ рядъ поучительныхъ примѣровъ (изъ новонайденнаго матеріала), какъ хозяйничали на Украйнѣ русскіе администраторы. Неудивительно, что эти чиновники не могли внушить симпатій, не могли дискредитировать прежній режимъ и, какъ только обстоятельства измѣнились, всѣ круги населенія привѣтствовали возстановленіе гетьманской власти (1727 г.).

Вторая статья того же автора даетъ пересмотръ мѣропріятій 1738 г. касательно Украины (Україна в першій половині 1738 р. [т. LXIX]. Въ основу положены рѣшенія Кабинета Министровъ 1738 (Сб. И.Р.И. Общ. т. 120). Главное вниманіе правительства обращено теперь на войну и потому военныя приготовленія занимаютъ много мѣста въ перепискѣ того времени. Украинское населеніе должно было выставить извѣстный военный контингентъ. Кромѣ того Украина должна была выставить провіантъ для дѣйствующей арміи. Особенно старались обезпечить достаточное число воловъ. Собственно говоря, воловъ должны были пріобрѣтать за соотвѣтствующую цѣну. Но необходимо было выставить значительную партію воловъ съ Украины и потому не всегда смотрѣли, не повредитъ ли такая носящая уже принудительный характеръ покупка воловъ мѣстному хозяйству. А разъ интересы мѣстнаго населенія не были приняты во вниманіе, то, конечно, такая скупка не могла вызвать особенной симпатіи. Кромѣ того надлежащая цѣна, какъ тогда выражались, допускала много толкованій и въ дѣйствительности платили мало или же и ничего не платили, ограничиваясь выдачею квитанцій за забранное число головъ.

Кромѣ участія въ самой войнѣ украинское населеніе должно было нести тяжелую работу по устройству и поддерживанію оборонительной крымской линіи: для этого отрывалась отъ домашнихъ работъ масса людей и принуждалась къ тяжелой работѣ среди неблагопріятныхъ условій (несчастной памяти такъ называемая украинская линія и линейная работа).

Такимъ образомъ этими войнами и связанными съ ними работами медленно разрушалось благосостояніе массъ украинскаго населенія.

Исторія украинскихъ массъ подъ польскимъ режимомъ XVIII в. ознаменована народными движеніями, выразителями народнаго протеста противъ тяжелыхъ условій быта.

Наиболѣе извѣстное изъ этихъ движеній Коліивщина. Въ послѣднее время появились новые матеріалы, дополняющіе наши прежнія о ней извѣстія. Опубликовываются записки современниковъ объ этихъ событіяхъ и отрывки изъ тогдашней переписки частныхъ лицъ. Мих. Грушевскій сообщилъ записку очевидца о казни Гонты (Оповідання очевидця про смерть Гонти. т. LXXIX)—кошмарный моментъ далекихъ временъ. Уманьскую рѣзню описываетъ и новоизданный мемуаръ монаха тринитарія изъ Ржищева: самое цѣнное мемуара это описаніе ржищевскихъ событій, сдѣланное очевидцемъ. Авторъ мемуара вполнѣ раздѣляетъ взглядъ тогдашняго польскаго общества на украинскую массу, на ея врожденныя качества, врожденную злобу ко всему — польскому и католическому [т. LXXXIII]. Интересное письмо изъ частной переписки 1766 г. и записку объ уманьской рѣзнѣ сообщилъ В. Щуратъ изъ рукописной хроники базиліанскаго монастыря [т. LXXXVI]. Упомянемъ здѣсь же о замѣткѣ Ив. Шпитковскаго касательно оригинала сочиненія Бродовича «Widok przemocy» и о приведенномъ оттуда рисункѣ гайдамацкаго ножа, созданнаго неиспуганною фантазіею польскихъ помѣщиковъ [т. LXXXII].

Многочисленность записокъ объ Уманьской рѣзнѣ показываетъ, какъ сильно поразило общество это кровавое событіе. Но для повседневной заурядной жизни того времени мы все еще имѣемъ недостаточно данныхъ. Интересны для этого отрывки частной переписки и частные дневники. Интересную деталь того времени сообщилъ В. Щуратъ въ замѣткѣ «Львівський тиждневник з 1749 р.» [т. LXXVII]. Ему посчастливилось найти экземпляръ стараго польскаго повременнаго изданія 1749 г. Здѣсь даны извѣстія за дни 10—15 іюля и они описываютъ намъ вступленіе на каѳедру уніатскаго епископа Льва Шептицкаго, первые дни его въ новомъ санѣ и пышныя церемоніи связанныя съ этимъ уніатскимъ церковнымъ торжествомъ. Интересныя замѣчанія В. Щурата показываютъ, однако, что такого мирнаго единенія между латинскимъ и

уніатскимъ клиромъ, о которомъ говорятъ эти извѣстія газеты, вовсе тогда не были. Старое соперничество и враждебность этихъ двухъ клировъ давали себя чувствовать на каждомъ шагу. Авторъ замѣтки приводитъ нѣсколько такихъ мелочей, характеризующихъ положеніе уніатскаго духовенства въ Галиціи польскаго режима.

На переломѣ XVIII и XIX вв.

Съ переходомъ Галиціи подъ власть Австріи установленія старой Польши смѣняются порядками австрійскаго просвѣщеннаго абсолютизма, и въ жизни этого края происходитъ рѣзкій переломъ. Благодаря сложности перелома и обилію архивнаго матеріала изученіе этой поры очень интересно и плодотворно.

Однако до недавняго времени немного было опубликовано сырыхъ архивныхъ матеріаловъ, не много было написано монографій по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи Галиціи въ такъ называемую Іозефинскую эпоху. И потому безъ провѣрки принималась общая оцѣнка, сдѣланная краковскимъ историкомъ Калинкою. Оцѣнка эта была основана на рѣзкомъ и выпукломъ противопоставленіи всего яркаго и свѣтлаго временъ Польскаго Королевства съ темнымъ, неудачнымъ и несправедливымъ австрійскаго хозяйничанья. Это было тѣмъ легче, что австрійскіе администраторы не были свободны отъ большихъ промаховъ, а воспоминанія о золотомъ времени польской жизни такъ много говорили чувству...

Какъ постепенно сдается извѣстная исторіографическая схема передъ наплывомъ новыхъ матеріаловъ и указаній, мы видимъ это по новымъ польскимъ трудамъ по исторіи Галиціи. Обзоръ ихъ даетъ Ив. Кревецкій въ статьѣ «Галичина в другій половині XVIII в.» [т. XCI]. Четыре солидныхъ труда 1905—1909 гг. посвящены спеціальнымъ темамъ— исторія церкви, женскіе монастыри, санитарное дѣло и одинъ—болѣе общаго содержанія—даетъ общую характеристику состоянія Галиціи (по обстоятельной докладной запискѣ Ф. Маргелика 1783 г.). Новоиздаваемые архивные матеріалы даютъ много новыхъ деталей и этимъ не разъ исправляютъ слишкомъ общую традиціонную схему.

Къ характеристикѣ крестьянскихъ повинностей этого времени даетъ интересныя детали изданная Ив. Франкомъ инструкція относительно повинностей села Волчухи въ пользу мѣстнаго приходскаго священника: сборы пріурочены къ принятію причастія передъ праздникомъ Воскресенія Христова; къ освященію пасокъ; когда священникъ четыре раза въ годъ ходитъ по селу «po kanonie»; наконецъ спеціальный сборъ — proskurnego na rok caŀy groszy pietnascie (Ів. Франко З сільського архива LXXXIII). Нормы эти относятся къ 1798 г. и были установлены фундаторомъ Карницкимъ.

Интересную характеристику крестьянскаго быта въ гуцульскомъ селѣ въ Буковинѣ даютъ изданныя Ос. Маковеемъ, къ сожалѣнію немногочисленныя записи (всего 6). Очень рельефно рисуютъ онѣ бытъ захолустнаго буковинскаго села, гдѣ и мѣстная интеллигенція — семья священника—мало чѣмъ отличается отъ сосѣдей—гуцуловъ. Для филолога очень интересны слѣды вліянія румынскаго языка (Ос. Маковей. Кілька документів з Гуцульщини з другої половини XVIII-го століття т. LXXXVII).

Къ исторіи скитаній запорожцевъ послѣ разгрома Сѣчи относятся двѣ замѣтки. Одна на основаніи мадьярскихъ архивныхъ данныхъ говоритъ о переселеніи запорожцевъ въ м. Зента въ 1785—1786 гг. (Г. Стрипський. Нови звістки про запорозьку оселю на Угорщині. [т. LXXVI] на основаніи статьи Юл. Дудаша въ мадьярскомъ журналѣ Századok 1907. IV). Вторая замѣтка С. Петлюры на основаніи дѣлъ архива Кубанскаго Коз. Войска даетъ интересный бытовой рисунокъ, какъ петербургское правительство преслѣдовало свою задачу обратнаго переселенія запорожцевъ изъ предѣловъ Турціи и какъ мѣстныя власти— херсонскій военный губернаторъ Ришелье и таврическій губернаторъ Мертваго — старались чрезъ отдѣльныхъ возвращающихся запорожцевъ подѣйствовать на остающихся въ эмиграціи остальныхъ казаковъ (дѣло Іос. Бѣлецкаго 1804—1805 гг. «Причинок до історії переселення Турецьких запорожців на Кубань. т. LXV).

Изъ исторіи первыхъ десятилѣтій XIX в. статей и замѣтокъ немного. Франко напечаталъ со своею замѣткою записку Ант. Висгофера о Станиславовскомъ эпизодѣ 1809 г. (Польська «Регенція» в Станисла-

вові 1809 р. [т. LXXIII]). Двѣ замѣтки касаются распоряженій властей относительно противо-холерныхъ мѣръ въ 1831 г. (Мих. Зубрицький. Урядові заходи против холери в 1831 р. [т. LXXXI] и дополненія— Ів. Созанськлй До статі М. Зубрицького [т. LXXXVII]). Матеріалы эти извлечены изъ архивовъ приходскихъ церквей. Интересны нѣкоторыя указанія относительно настроенія крестьянскихъ массъ: протестъ противъ спеціальныхъ холерныхъ кладбищъ и суевѣрныя представленія о происхожденіи болѣзни отъ козней упырей.

Общественная жизнь на переломѣ XVIII и XIX в. въ послѣднее время привлекаетъ все большее вниманіе историковъ.

Ранѣе крупное событіе первой половины XIX в. — литературное возрожденіе — одно лишь останавливало вниманіе изслѣдователей историковъ литературы. Сначала ограничивались лишь выясненіемъ подробностей этого важнаго момента, съ котораго считаетъ свое существованіе современная украинская литература въ Галиціи.

Потомъ пошли нѣсколько далѣе вглубь. Интересно было прослѣдить, среди какихъ общественныхъ условій, среди какихъ вліяній выросли дѣятели литературнаго возрожденія. Матеріалъ чисто-біографическій осложняется вопросами относительно общественныхъ условій, общественныхъ теченій, вліяній и вѣяній. Но все это пока интересуетъ преимущественно изслѣдователей исторіи литературы, историки разрабатываютъ болѣе ранніе періоды исторіи, не заглядывая въ XIX в.

Историки заинтересовались сначала соціальною исторіею. Такъ часто приходилось, напримѣръ, заглядывать въ минувшія судьбы галицкаго крестьянства и потому по исторіи крестьянства ранѣе другихъ появились общія сочиненія и спеціальные очерки. Съ одной стороны нужно было торопиться, чтобы использовать крестьянскія воспоминанія о временахъ панщины, съ другой стороны накоплялся постепенно архивный матеріалъ. Чуть ли не Франко первый указалъ на глубокій интересъ этихъ мелкихъ, на первый взглядъ, данныхъ по исторіи крестьянства.

Постепенно расширяясь, изслѣдованія перешли въ область культурной исторіи галицкаго общества. Здѣсь историки встрѣтились съ историками литературы. Поэтому возникаетъ порою недоумѣніе, куда отнести данную статью, къ исторіи ли или къ исторіи литературы. Если статья

по исторіи общественныхъ теченій или настроеній интеллигенціи начала вѣка связана съ литературнымъ возрожденіемъ или его дѣятелями, мы по привычкѣ отнесемъ такую статью къ исторіи литературы, хотя по общему содержанію своему она и выходитъ за межи исторіи литературы въ тѣсномъ смыслѣ слова. Подобная же статья, но безъ отношенія къ литературному возрожденію попадетъ въ рубрику исторіи украинскаго общества на переломѣ двухъ вѣковъ.

Интересныя черточки изъ этой поры даетъ «Автобіоґрафія холмського сьвященника з першої половини XIX віка» [т. LXXIII]. Если пересмотрѣть эту автобіографію съ цѣлью выясненія вопросовъ, кѣмъ же себя считалъ авторъ, то легко натолкнуться на странный сумбуръ представленій. Священникъ пишетъ свою автобіографію по-польски, но полякомъ себя не считаетъ: важныя событія польской общественной жизни совершенно его не волнуютъ. Нѣтъ у него ясныхъ симпатій и для русскихъ. Къ народнымъ массамъ отношеніе пренебрежительное. Что несомнѣнно дорого и близко ему, это интересы вѣроисповѣданія. Изъ за нихъ онъ ссорится съ помѣщиками—шляхтичами, отстаивая ихъ, терпитъ онъ преслѣдованіе. Такимъ образомъ создается спеціальный патріотизмъ украинца-священника.

Для исторіи школы тѣхъ временъ появился рядъ архивныхъ матеріаловъ. Двѣ замѣтки Илар. Свенцицкого рисуютъ намъ школьную практику XVIII в. Одна изъ нихъ останавливается на разборѣ степени образованности кандидатовъ во священники 1756—1788 г. Кандидатъ получалъ отъ школьныхъ властей свидѣтельство о прохожденіи цикла наукъ: авторъ приводитъ примѣры такихъ свидѣтельствъ. Крестьянинъ сверхъ того долженъ представить отъ помѣщика такъ называемую либертацію: четыре такихъ либертаціи приведены въ статьѣ. Если по окончаніи ученія въ школѣ юноша занимался обученіемъ дѣтей, то такой преподаватель къ прошенію о посвященіи представлялъ и свидѣтельство объ успѣхахъ его преподавательской дѣятельности, данное ему родителями его учениковъ: одна такая вѣдомость 1788 г. сообщена авторомъ въ этой замѣткѣ. (Матеріяли до історії галицько-руського шкільництва XVIII і XIX вв. сс. 1—10). Другую такую вѣдомость объ успѣхахъ учениковъ клерика-педагога 1789 г. привелъ Свенцицкій въ другой

своей замѣткѣ «З житя старої школи» [т. LXXVIII]; интересны указанія о соціальномъ составѣ группы учениковъ и о грамотности отцовъ этихъ дѣтей. Вѣдомость объ успѣхахъ учениковъ представилъ наставникъ при прошеніи о посвященіи во священство.

Посвященный исторіи школы томъ «Українсько-руського архива» [IV, 1909] заключаетъ три серіи документовъ, подобранныхъ Юр. Кмитомъ, Ст. Томашивскимъ и Ив. Кревецкимъ. Наиболѣе полно представлены первыя три десятилѣтія XIX в.

Начальную сельскую школу начала вѣка рисуютъ документы народной школы въ с. Жовтанцяхъ 1810—1824 гг. По-польски веденная оффиціальная переписка касается преимущественно общей организаціи школьнаго дѣла и введенія однообразныхъ порядковъ. Школы находились въ вѣдѣніи епархіальныхъ властей, приходскіе священники преподавали сами и контролировали преподаваніе другихъ. Какъ и въ предшествующія десятилѣтія, въ числѣ преподавательскаго персонала было много дьяковъ. Епархіальныя власти стараются взять въ свои руки контроль за дѣятельностью этихъ дьяковъ, требуютъ постоянныхъ свѣдѣній объ ихъ поведеніи, стараются удержать отъ излюбленныхъ ранѣе переходовъ съ мѣста на мѣсто. Предъявляются требованія о спеціальномъ знаніи методики, организуются особые курсы для дьяковъ-преподавателей.

При открытіи школы крестьяне давали обязательство выплачивать учителю содержаніе, обыкновенно, деньгами и натурою—продуктами. Но школа долго оставалась чѣмъ то чуждымъ и малонужнымъ. На формалистику школьнаго персонала населеніе отвѣчало равнодушіемъ къ школѣ. Раздаются постоянныя жалобы на непосѣщеніе школы. Отвѣтъ на эти жалобы вполнѣ понятный при такомъ формальномъ отношеніи къ дѣлу. Сельскимъ властямъ іпредписывалось, напримѣръ, съ началомъ богослужебнаго звона сгонять народъ къ церкви изъ домовъ и шинка (z karczem i domów do cerkwi i kościoła wypędzali). Вполнѣ естественно, что и родителей не желающихъ посылать въ школу тоже нужно было понуждать сообщеніемъ ихъ именъ jurisdykcyi dominikalnéy (№ 48. 1824 г.). Въ результатѣ такихъ сообщеній поименованные парохомъ będą mocno strofowani, a gdy strofowanie nie uczyni skutku, będą aresztem lub cieleśnie karani. Едва ли это улучшало отношеніе села къ школѣ.

Отчеты школьныхъ ревизоровъ, такъ называемыя визитаціи, почти стереотипно повторяютъ указанія о плохомъ состояніи школъ. Съ года на годъ повторяются такія неутѣшительныя отмѣтки. Небрежнымъ священникамъ посылаются напоминанія, но это тоже не много помогало.

Распоряженія касаются обычно внѣшняго порядка: вѣдь всюду нужно ввести однообразные образцы списковъ, формуляровъ, записей. На это уходитъ очень много времени и вниманія.

Кое-что узнаемъ и о самомъ дѣлѣ преподаванія. Однимъ предписаніемъ деканата рекомендовалось учить письму po rusku i po polsku (№ 30. 1819 г.). Читаемъ нѣкоторыя подробности объ учебникахъ— № 14. 1818 г. и № 21. 1818 г.

Назначенный въ 1818 г. уѣзднымъ инспекторомъ школъ о. Блонскій разослалъ въ 1818—1819 гг. по школамъ свою инструкцію относительно веденія обученія написанную на двухъ языкахъ—«Plan wzorowy» и «Плянъ или Расположеніе взирательное» (№ 17). Другіе школьные учебники того времени—«Меѳодика или правила для учителей въ обученію дѣтей въ школахъ рускыхъ селскыхъ» (№ 32) и «Меѳодика чили успособлене до замѣроносного справованя оуряду учителского» Ив. Лаврівского (1837 г.; стр. 111—150). Эти учебники интересны по своему языку, смѣси польскаго, церковно-славянскаго и русскаго литературнаго въ различныхъ пропорціяхъ. Они указываютъ, насколько трудный и запутанный былъ тогда вопросъ о литературномъ языкѣ украинской интеллигенціи въ Галиціи.

О слабомъ развитіи школьнаго обученія свидѣтельствуютъ намъ и другія бумаги того времени — распоряженія епархіальнаго начальства и гражданскихъ властей Галиціи, а равно записи визитацій школъ (гг. 1819—1848). Всѣ эти документы, подобранныя Юр. Кмитомъ, Ив. Кривецкимъ и Стеф. Томашивскимъ, вполнѣ сходятся между собою въ этомъ отношеніи. Страницы пестрятъ сходными отмѣтками на разныхъ языкахъ — schola parochialis nulla datur, schola parochialis cum iuventate non visitetur.... besteht für jetzt keine Pfarrschule, die Jugend nur äusserst selten die son nund feier-täglichen Catechisationen und fast niemahls die Schule besuche.... na katechizm chodzą bardzo w małey liczbie... школи нема, до дяка мало дѣтей сходит ся на науку; дѣти

оучат ся въ дяка; дѣти нечесленно до школи ходять; дѣти до школи не оучасчують и нечесленно зходят ся на катехизи. Какъ видимъ, всѣ эти отмѣтки вполнѣ сходятся въ оцѣнкѣ слабой постановки начальнаго образованія народнаго.

Интересна группа документовъ о введеніи украинскихъ предметовъ въ кругъ преподаванія народныхъ школъ. Починъ идетъ отъ гражданскихъ властей Галиціи. Въ 1847 г. обратились къ духовнымъ уніатскимъ властямъ за свѣдѣніями относительно преподаванія чтенія и письма на украинскомъ языкѣ: изъ отвѣтовъ должна была составиться болѣе или менѣе детальная статистика начальныхъ школъ и преподаванія на родномъ языкѣ (с. 181). Далѣе идетъ распоряженіе: въ поселеніяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ должно вестись преподаваніе на обоихъ языкахъ (с. 182). Для этого требовались специальныя данныя относительно національнаго состава населенія, и дѣйствительно такіе подсчеты дѣлались (с. 183). Наконецъ, распоряженіе 1850 г. снова говоритъ о необходимости преподаванія украинскаго языка въ народныхъ школахъ среди украинскаго населенія (с. 186).

Нѣсколько документовъ касаются украинскихъ учебниковъ для народныхъ школъ. Здѣсь мы читаемъ объ объявленіи конкурса на составленіе украинско-нѣмецкаго учебника для начальныхъ школъ (eine ruthenisch-deutsche Sprachlehre nach dem Muster der für Böhmen und Krain bereits eingeführten böhmisch-deutschen und krainerisch-deutschen Sprachlehre... 1840 г. стр. 187). Другой конкурсъ объявленъ въ 1846 г. на лучшій украинскій переводъ нѣмецкаго школьнаго учебника ариеметики (с. 188). Въ 1848 г. была представлена и удостоилась министерскаго одобренія книжка для чтенія въ народныхъ школахъ — «Книжка до читанія» (с. 189). Послѣднія три распоряженія 1849—1850 гг. исходятъ отъ уніатской консисторіи и написаны тогдашнимъ украинскимъ дѣловымъ языкомъ. Всѣ онѣ касаются введенія въ народныхъ школахъ новыхъ учебниковъ.

Такимъ образомъ эта школьная переписка позволяетъ намъ заглянуть въ повседневную жизнь тогдашней народной школы. Невеселая картина небрежности, мелочности и формалистики властей и тяжелой безпросвѣтной темноты украинскаго народа.

Культурная темнота стояла въ тѣсной связи съ общею забитостью народа, съ тяжелымъ экономическимъ и соціальнымъ гнетомъ, лежавшимъ на народѣ.

Для исторіи крестьянскихъ повинностей даютъ новый матеріалъ замѣтки Ив. Кревецкого [т. LXXVI] и Т. Реваковича [т. LXXXVIII]. Первый приводитъ рядъ указаній относительно такъ называемыхъ «помічних днів». Такъ назывались въ тогдашней галицкой практикѣ тѣ дни въ пору жатвы или сѣнокоса, когда крестьяне обязаны были помогать помѣщику за плату въ его хозяйственныхъ работахъ. Нормировка такой платы была сложнымъ дѣломъ, и австрійская администрація старалась уберечь крестьянъ отъ слишкомъ невыгодныхъ условій. «Помічні дні» введены въ 1786 г., и въ 1817 г. нормировка платы за рабочія руки передана въ вѣдѣніе губернатора Галиціи; при этомъ на практикѣ въ гг. 1817—1823 цѣна опредѣлялась ежегодно одна на всю Галицію, а въ гг. 1824—1845 опредѣляются отдѣльно для каждаго округа Галиціи. Нормы за отдѣльные года были опубликованы ранѣе нѣкоторыми изслѣдователями, а теперь Ив. Кревецкій дополняя новыми данными хочетъ дать болѣе или менѣе полную сводку цѣнъ, ихъ колебаній, повышенія и пониженія («Помічні дні. Причинки до історії панщини в Галичині в XIX в.).

Въ бѣглой замѣткѣ Т. Реваковича приводятся на основаніи воспоминаній крестьянина-верховинца данныя о нормѣ панщины въ этомъ углу Галиціи. Панщина, какъ оказывается, была нелегкою (Панщинні повинности у Верховині). Такимъ образомъ отвергается часто встрѣчающееся представленіе о сравнительной легкости крестьянскихъ повинностей въ Карпатахъ.

Эти черточки дополняютъ наличный запасъ данныхъ по исторіи украинскаго крестьянства Галиціи въ началѣ XIX в. до перелома 1848 г.

Укажемъ здѣсь же на интересную статью Ив. Франка, посвященную, правда, спеціальному вопросу, но касающуюся вмѣстѣ съ тѣмъ экономическаго быта крестьянства, начиная съ первыхъ лѣтъ австрійскаго режима въ недавно присоединенной Галиціи.

Статья Франка посвящена спеціальному вопросу галицкой мѣстной исторіи—«Громадськи шпіхлірі в Галичині 1784—1840 р.». Авторъ

разсматриваетъ организацію запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, соотвѣтственныя распоряженія центральной власти, ихъ примѣненіе въ дѣйствительности. Спеціальному этому вопросу Франко придаетъ бо́льшій интересъ, ставя его въ ряду фактовъ, характеризующихъ положеніе крестьянства въ Галиціи. Судьба украинскаго крестьянства въ Галиціи давно занимала Франка, давшаго нѣсколько работъ по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи крестьянства. И теперь въ своей вводной статьѣ къ сборнику матеріаловъ авторъ даетъ рядъ общихъ указаній. Яркими, хотя бѣглыми чертами характеризуетъ авторъ первые шаги нѣмецкой администраціи въ новоприсоединенной Галиціи (с. IV—VI). Коротенько обрисовываетъ политику Іосифа II относительно галицкаго крестьянства (сс. VII—X) и вызванныя ею опасенія мѣстныхъ польскихъ помѣщичьихъ круговъ; при этомъ къ числу немногихъ извѣстныхъ намъ народолюбцевъ того времени присоединяется о. Игнатій Фаленцкій, подавшій на имя императора докладную записку о притѣсненіяхъ крестьянъ (эта записка найдена и издана теперь Франкомъ с. 117—120. г. 1785). Далѣе очень интересенъ разсказъ о конфликтѣ между декретами императора и мѣстными руководящими кругами, не выступавшими открыто, но всячески тормозившими исполненіе намѣченныхъ проэктовъ (с. XXIV—XXXI). Первые магазины заведены въ Галиціи осенью 1784 г. (с. XXVI), но оппозиція мѣстныхъ помѣщичьихъ круговъ не улеглась и неустанно работала въ желательномъ направленіи при Леопольдѣ II и Францѣ I, пока не добилась сначала временнаго перерыва основанія новыхъ магазиновъ (1793—с. LII), а послѣ въ 1821 г. окончательной ликвидаціи всего дѣла (LXVI). «Шпіхлїровий» фондъ былъ переданъ въ 1841 г. кредитному ипотечному банку, имѣвшему въ виду поддержку галицкаго польскаго помѣщичества. Такимъ образомъ рѣзко измѣнены первоначальный смыслъ дѣла Іосифа II и назначеніе спеціальнаго фонда. Очень поучительны заключительныя параллели изъ исторіи «шпіхлїрового» фонда и его окончательной ликвидаціи въ Чехіи и Моравіи (с. LXXIV—LXXVII). Авторъ не разъ упоминаетъ, какъ полезенъ былъ бы этотъ фондъ нуждающемуся и обремененному украинскому крестьянству Галиціи (сс. LI. LXX).

Общественныя настроенія въ началѣ XIX в.

Для характеристики настроеній украинскаго общества въ началѣ XIX в. сдѣлано еще не много. Нѣтъ общихъ обзоровъ и интересующемуся приходится обращаться къ сырому матеріалу, чтобы здѣсь на основаніи отдѣльныхъ указаній заключать, чѣмъ интересовались, надъ чѣмъ задумывались отцы и старшіе братья новаторовъ сороковыхъ годовъ.

Обособленную группу представляютъ изданные архивные матеріалы по исторіи украинскаго духовенства въ первую половину XIX в. М. Зубрицкій опубликовалъ рядъ распоряженій Перемышльскаго епархіальнаго вѣдомства. (Причинки до історії руського духовенства в Галичині від 1820—1853 р. т. LXXXVIII). Распоряженія эти достаточно ярко рисуютъ тогдашнюю бюрократическую регламентацію быта духовенства. Во всемъ общепринятый образецъ и никакихъ отступленій; строго, напримѣръ, воспрещается ношеніе свѣтскаго костюма.

Экономическія условія быта не очень благопріятны. Экономическій кризисъ послѣ наполеоновскихъ войнъ отразился и на бытѣ духовенства. Интересно, какъ примѣръ, письмо о. Мохнацкаго къ сыну Константину 1820 г., рисующее живо и полно, съ какими трудностями сопряжено было воспитаніе сыновей при тогдашнемъ вздорожаніи жизни (№ 1). Письмо это даетъ и другія черточки быта; вотъ напримѣръ разногласіе, что̀ надѣвать при погребеніи: фелонь или орнатъ, а отсюда переходъ къ принципіальному спору о вѣрности своему «руському обряду».

Тогдашнее украинское духовенство отдалялось отъ своего народа. Забитость и угнетеніе украинскаго крестьянства вызывали къ нему пренебрежительное отношеніе, а это въ свою очередь сказывалось и на отношеніи къ украинскому духовенству. Поэтому, стремясь облагородить себя, духовенство всѣми силами втирается въ польскіе круги. Богослуженіе отправляли на церковно-славянскомъ языкѣ, дома говорили по-польски, украинскій языкъ употребляли лишь въ повседневныхъ разговорахъ съ прислугою, съ крестьянами. Въ духовной школѣ царилъ латинскій языкъ и къ нему же прибѣгали въ серьезныхъ бесѣдахъ, на богословскія—напримѣръ темы (№ 1). Такимъ образомъ для украинскаго языка не остается совершенно мѣста.

И вотъ доходитъ до того, что Перемышльское епархіальное начальство само вынуждено вступиться за украинскій народный языкъ. Правда, и оно писало свои распоряженія латинскимъ языкомъ, но незнаніе украинскаго живаго языка слишкомъ ужъ бросалось въ глаза. И вотъ консисторія жалуется, что кандидаты не умѣютъ читать по-украински (nec in lectione ruthena — 1827 г. № III). Шесть лѣтъ позднѣе та же жалоба (non tantum linguae ruthenae — 1833 г. № VIII). Тогда же вошло въ моду произносить проповѣди по-польски, во вниманіе къ интеллигентнымъ слушателямъ. Консисторія требуетъ, чтобы и катехизація и поученія для народа отправлялись бы народнымъ языкомъ, in lingua vernacula ruthena, а не idiomate polonico (№ XI. 1835 г.). Легко понять, что употребленіе чужого, не народнаго языка не могло способствовать сближенію пастыря съ пасомыми.

Духовные интересы не выходили за границы повседневной жизни. Научная пытливость встрѣчалась рѣдко, а если и встрѣчалась изрѣдка, то ее нечѣмъ было удовлетворить. М. Зубрицкій разсказываетъ неудачный исходъ стараній относительно устройства церковныхъ библіотекъ приходскихъ и деканальныхъ въ 1825—1854 г. Началось это по указанію изъ Вѣны, но тяжелыя экономическія условія тѣхъ лѣтъ помѣшали осуществленію этого симпатичнаго въ основѣ плана вѣнской бюрократіи. Напечатанная въ извлеченіяхъ переписка говоритъ о стараніяхъ епархіальной бюрократіи (Перемышльской епархіи), о молчаливомъ несочувствіи духовенства, о настойчивыхъ сборахъ пожертвованій. Успѣха задуманные планы не имѣли. (М. Зубрицький. Деканальні й парохіяльні бібліотеки перемиської епархіи. т. XC).

Рекомендуя чтеніе и самообразованіе въ границахъ спеціальныхъ знаній, епархіальное начальство косо смотрѣло на слишкомъ живой интересъ къ политической жизни. Епархіальное начальство указываетъ на печальные примѣры священниковъ, участвовавшихъ въ политическихъ преступленіяхъ (gravium delictorum politicorum reos) и взываетъ къ осторожности — modernis infaustis temporibus (№ XIV. XXI). Еще болѣе сказалось это стремленіе по отношенію къ укладу жизни духовной семинаріи во Львовѣ (Ю. Кмит. Причинки до історії руського духовного семінаря у Львові від 1837—1851 р. т. XCI). Стараясь уберечь семина-

ристовъ отъ всякихъ вредныхъ вліяній, митрополитъ съ епархіальными властями и семинарское начальство запрещаютъ читать свѣтскія книги и повременныя изданія, производя при каждомъ нарушеніи строгое разслѣдованіе, отъ кого и какъ получены инкриминированныя книги. Требуются при этомъ спеціальныя донесенія объ образѣ мыслей и воззрѣніяхъ молодежи. Дошло до того, что въ 1850 г. митрополитъ запретилъ давно уже практиковавшійся обычай—разыгрывать въ стѣнахъ семинаріи комедію, находя въ этомъ вредное отвлеченіе отъ серьезнаго уклада въ обычное время семинарскаго быта. До такой мелочности доходили въ стараніяхъ обезопасить отъ вредныхъ политическихъ вліяній.

Несмотря на эти старанія все-таки бывали отдѣльные случаи политическихъ преступленій. Были осужденія за crimen laesae maiestatis (№ XV. XVI). Послѣ неудачнаго исхода Польскаго возстанія духовныя власти подтвердили запрещеніе свѣтскихъ властей принимать бѣжавшихъ изъ Польши ксендзовъ (№ VII). Однако бѣглецы находили часто симпатіи и поддержку, и священники не задумывались иногда вносить ихъ имена незаконнымъ образомъ въ метрическія книги, чтобы такими метриками спасать отъ преслѣдованій австрійскихъ властей (Ів. Кревецький. Фальшовання метрик для польскихъ повстанців з 1830—31 рр., т. LXXVII). Были случаи, что священники служили торжественныя паннхиды по политическимъ преступникамъ 1846 г. и это вызвало спеціальное запрещеніе со стороны консисторіи (№ XXX).

Несмотря на эти отдѣльные случаи украинское духовенство въ общемъ очень сдержанно отнеслось къ польской революціонной агитаціи. Съ одной стороны внимательно слѣдили за этимъ свѣтскія власти, давая отъ времени до времени священникамъ порученія для борьбы съ агитаціею (№ XXII. XXXIV). Съ другой стороны и духовныя власти незабывали напоминать о вѣрности престолу (№ XIV. XXI.) Духовенство не проявило глубокихъ симпатій къ политической польской агитаціи. Польскіе дѣятели, думавшіе воспользоваться священниками для проведенія своихъ идей въ народныя массы, скоро замѣтили это несочувственное отношеніе. Опасаясь встрѣтить у священниковъ противодѣйствіе своей пропагандѣ, агитаторы со своей стороны стараются обезопасить себя, подрывая престижъ духовенства въ глазахъ народа и — съ другой стороны — сѣя не-

довѣріе къ духовенству въ средѣ администраціи. Для этого были предприняты и спеціальныя мѣры (№ XXIV. XXIII).

Такимъ образомъ акты консисторской переписки выходятъ за границы собственно-профессіональныхъ отношеній и даютъ указанія относительно политическихъ стремленій той поры.

Бурные годы 1846—1848 гг.

Исторія 1846 — 1848 гг. еще мало изучена съ точки зрѣнія настроеній мѣстнаго общества. Хронологическая канва, конечно, изучена и установлена. Но если идти отъ событій и оффиціальныхъ сообщеній объ нихъ къ настроеніямъ, надеждамъ и опасеніямѣ мѣстнаго общества, то матеріала опубликованнаго очень немного, особенно если вспомнить сложную сѣть переплетающихся вліяній, ожиданій и опасеній. Историкъ украинскаго общества и украинской литературы смотритъ на эти годы какъ на прелюдію къ слѣдующему за тѣмъ подъему національнаго самосознанія и потому особенно внимательно всматривается въ условія украинской жизни этихъ лѣтъ. Но для этого пока опубликовано немного. Можно ждать много цѣннаго отъ изслѣдователей частныхъ семейныхъ архивовъ, фамильныхъ бумагъ, запыленныхъ связокъ выцвѣтшихъ писемъ тѣхъ далекихъ лѣтъ.

Примѣръ этого и даетъ И. Франко. Онъ съ давнихъ поръ интересовался исторіею этихъ бурныхъ лѣтъ. Издавая журналъ «Життє і слово», онъ далъ тамъ цѣнные неизданные матеріалы изъ тѣхъ лѣтъ. Кромѣ того разработалъ въ рядѣ статей отдѣльные эпизоды того времени. Наконецъ въ прозѣ и поэзіи обработалъ Франко отдѣльные моменты тѣхъ тревожныхъ лѣтъ. Въ основу всего этого легли крестьянскія воспоминанія и разсказы, переписка частныхъ лицъ и агитаціонная партійная литература.

Теперь Франко опубликовываетъ интересные матеріалы изъ семейнаго архива Федоровичей (им. Вікно). Здѣсь среди переписки Ив. Федоровича нашлись интересныя письма, бросающія свѣтъ на мѣстныя настроенія тѣхъ лѣтъ. Иванъ Федоровичъ, сначала скромный помѣщикъ, съумѣлъ разбогатѣть за два года и былъ избранъ членомъ парламента

въ 1848 г. Такимъ образомъ вышелъ онъ на дорогу общественной дѣятельности.

Вотъ изъ переписки этого Ив. Федоровича и опубликовываетъ Франко рядъ интересныхъ писемъ. Первая статья «Причинки до історії 1848 р.» (т. LXXXVIII) даетъ, какъ показываетъ само заглавіе, матеріалъ для исторіи 1848 г., а вторая статья приводитъ данныя относительно предшествующихъ лѣтъ и въ заключеніи даетъ психологическій экскурсъ о дочери Гицкевича, близкаго друга Ив. Федоровича («Батько й дочка»).

Раннія письма мало говорятъ объ общественныхъ дѣлахъ, за то даютъ рядъ интересныхъ черточекъ изъ тогдашняго быта украинской интеллигенціи, духовенства и помѣщичества.

Въ годахъ 1841—1842 письма даютъ рядъ указаній относительно политическаго процесса 1841 г. и участи его членовъ. Одинъ изъ корреспондентовъ Федоровича случайно былъ замѣшанъ въ это дѣло и долженъ бы сидѣть въ тюрьмѣ 1841—1845 гг. Эти то письма и даютъ интересныя указанія.

Неудачная попытка польской революціонной партіи въ началѣ 1846 г. встревожила ничего неожидавшее австрійское провительство и вызвало преслѣдованіе всѣхъ сколько-нибудь замѣшанныхъ и заподозрѣнныхъ. Переписка Федоровича снова даетъ нѣкоторыя указанія относительно этихъ событій.

Крестьянскія движенія 1846 г. заставили правительство задуматься надъ необходимостью какъ-нибудь поскорѣе разрѣшить сложный и важный вопросъ крестьянской зависимости. Уже въ мартѣ была созвана особая коммистія для разсмотрѣнія этого, казалось, неотложнаго вопроса. Но такія намѣренія правительства самимъ жестокимъ образомъ затрагивали интересы помѣщиковъ и они, конечно, поспѣшили пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы затормозить все это дѣло. Старанія увѣнчались пока успѣхомъ. И въ письмахъ архива Федоровича мы находимъ выраженія радости по поводу отсрочки опаснаго разсмотрѣнія. Угрожающая опасность была избѣгнута, на долго-ли, объ этомъ не задумывались, радуясь, что не измѣнены еще старые обычныя отношенія.

Новое правительственное распоряженіе относительно крестьянскихъ повинностей вызвало новыя опасенія, новыя раздумыванія относительно

дальнѣйшихъ перемѣнъ. Впрочемъ, нѣкоторые скептики надѣялись, что панщина уцѣлѣетъ и далѣе по прежнему.

Другая группа указаній, извлеченныхъ Франкомъ изъ переписки Федоровича, касается извѣстныхъ событій марта, апрѣля и мая 1846 г. Къ повѣствованію объ этихъ событіяхъ нужно еще присоединить и поправки Франка къ соотвѣтствующимъ страницамъ въ сочиненіи Гельферта. Среди переписки Ив. Федоровича нашлись письма очевидца мартовскихъ дней во Львовѣ. Здѣсь безпретенціозно, но всетаки живо, и полно описаны переживанія тѣхъ дней, всеобщее увлеченіе, надежды и смѣна настроеній подъ вліяніемъ разнообразныхъ, часто противорѣчивыхъ слуховъ.

Неотложныя дѣла приковывали все вниманіе общества. Крестьянскій вопросъ, столь важный и трудноразрѣшимый, снова стоялъ передъ глазами. Польскіе революціонеры, думая о возстановленіи польскаго королевства, предполагали, во избѣжаніе ошибки предшествующей попытки, привлечь на свою сторону крестьянскія массы: уничтоженіе панщины казалось теперь самымъ удобнымъ способомъ привлеченія прочныхъ симпатій народа. Высказывали, что это нужно сдѣлать какъ можно скорѣе. Но проповѣдь эта увлекла немногихъ, большинство не рѣшалось на такую добровольную жертву (рѣдкіе примѣры такихъ жертвъ указаны Ив. Кревецкимъ на основаніи неизданныхъ записокъ Остермана—«Причинок до історії останнїх днїв панщини в Галичинї т. LXXV). Однако говорили объ этомъ много.

Поэтому неожиданною и весьма непріятною новостью было сообщеніе объ освобожденіи крестьянства правительствомъ. Одни заторопились дать крестьянамъ свободу отъ своего имени, другіе старались представить крестьянству дѣло такъ, что добровольная жертва пановъ предупредила правительственныя распоряженія [1]). Всетаки рѣшительный шагъ правительства спуталъ хорошо продуманные, казалось, планы реставраціи королевства.

Много вниманія привлекалъ вопросъ объ организаціи народныхъ

---

1) Очень интересны въ письмахъ показанія очевидцевъ, какъ въ отдѣльныхъ селахъ встрѣтили мѣстные крестьяне объявленіе освобожденія.

гвардій. Въ планѣ реставраціи это было постепенное подготовленіе массъ населенія къ вооруженному выступленію противъ австрійскаго правительства. Энергичныя хлопоты относительно организаціи народныхъ гвардій встрѣчали противодѣйствія со стороны властей и мѣстами со стороны украинскаго крестьянскаго населенія.

Парламентскіе выборы 1848 г. принесли опять не мало хлопотъ. Поляки старались представить какъ можно полнѣе свою національную политику въ парламентъ и потому были пущены всѣ средства, чтобы выбирали депутатами поляковъ. Переписка Ив. Федоровича даетъ рядъ указаній относительно организаціи выборовъ и подготовки настроеній въ избирательныхъ округахъ. Кое-гдѣ проскальзываютъ жалобы на оппозицію украинскаго крестьянства.

Упомянемъ наконецъ, что въ письмахъ этихъ находятся указанія и относительно того, какъ складывались отношенія между депутатомъ и выславшимъ его населеніемъ. Мѣстное населеніе очень интересовалось дѣятельностью парламента и жадно искало объясненій и разъясненій всему, что мучило и волновало. Интересный примѣръ этой внимательности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безпомощности, это письмо дьяка Пирожка къ депутату В. Гарматію (осенью 1848).

Такимъ образомъ статьи Франка даютъ бѣглый очеркъ событій и настроеній этого тревожнаго времени.

Другія статьи даютъ свѣжій архивный матеріалъ для отдѣльныхъ моментовъ этого періода.

Ив. Кревецкій помѣстилъ статью о польской народной гвардіи въ Станиславовѣ [LXXIII]. Подъ вліяніемъ вѣнскихъ дней, какъ извѣстно, имп. Фердинандъ согласился на образованіе національныхъ гвардій въ Австріи. Манифестъ 15 марта разрѣшалъ организацію народныхъ гвардій, а временный статутъ 8 апрѣля указывалъ порядокъ организаціи гвардій.

Національныя гвардіи стали заводить сейчасъ же послѣ манифеста 15 марта, и напримѣръ во Львовѣ 9 апрѣля уже состоялся парадъ недавно организованной гвардіи. Тоже самое было и въ Станиславовѣ. Но здѣсь народной гвардіи не посчастливилось. Тогдашній галицкій губернаторъ Стадіонъ запретилъ основывать гвардіи по другимъ городамъ,

ссылаясь на то, что специальный законъ обѣщанъ, но еще не изданъ, такъ что нечѣмъ руководствоваться при организаціи народныхъ гвардій по городамъ.

Но когда Стадіонъ потребовалъ роспуска станиславовской гвардіи, раздались протесты. Однако до серьезнаго столкновенія не дошло и дѣло окончилось спокойно. Первая станиславовская гвардія перестала существовать, а образованію новой, второй по временному статуту 8 апрѣля Стадіонъ уже не мѣшалъ.

Эту то демонстрацію противъ властей и роспуска первой народной гвардіи и изображаетъ авторъ на основаніи показаній очевидцевъ и воспоминаній современниковъ.

Второй эпизодъ изъ жизни Станиславова 1848 г. разработалъ тотъ же авторъ въ статьѣ «До психольоґії 1848 року» [т. XC]. Дѣло идетъ о убійствѣ гимназиста Гошовскаго, изъ котораго тогдашніе слухи сдѣлали мученика польской идеи и польскаго возрожденія. Юноша былъ убитъ, когда солдаты разгоняли участниковъ невинной манифестаціи — кошачьяго концерта — подъ окнами нелюбимаго населеніемъ чиновника въ Станиславовѣ. Авторъ останавливается подробнѣе на этомъ эпизодѣ и разбираетъ показанія очевидцевъ этого грустнаго событія трагическаго года. Въ концѣ статьи даны рѣчи, сказанныя при погребеніи Гошовскаго.

Тоже изъ жизни Станиславовской околицы взята тема третьей статьи Ив. Кревецкаго [LXX]. Она напоминаетъ въ общихъ чертахъ, среди какихъ обстоятельствъ прошли въ Галиціи первые парламентскіе выборы и специально останавливается на условіяхъ депутатскихъ выборовъ въ Станиславовскомъ округѣ. Здѣсь съ солотвинского повита былъ избранъ крестьянинъ Иванъ Капущакъ. Вотъ относительно этого-то избранія и приводитъ авторъ данныя изъ записокъ чиновника, руководившаго выборами.

Эти статьи Ив. Кревецкаго, посвященныя событіямъ 1848 г., опираются на данныя рукописныхъ, еще неизданныхъ, записокъ Остермана, бывшаго тогда окружнымъ комиссаромъ въ Станиславовѣ. Это еще разъ указываетъ на важность разработки частныхъ записокъ и замѣтокъ того интереснаго, но все еще мало изученнаго времени.

Еще одна статья того же автора касается этого интереснаго тревожнаго времени [Записки LXIII — LXIV]. Здѣсь говорится объ ополченіи крестьянъ для отпора венгерскимъ возставшимъ; ополченіе организовано было властями. Села сгруппированы по округамъ, каждому округу даны руководители изъ военныхъ, ополченцы вооружены и при первой же тревогѣ должны были выступать. Постоянные часовые передавали сигнальными огнями призывы о помощи. Такое ополченіе не было лишь пустою выдумкою, оно принимало не разъ дѣятельное участіе въ пограничныхъ столкновеніяхъ, когда венгры вторгались въ сосѣднія украинскія села. Вызванныя спѣшною необходимостью эти крестьянскія ополченія перестали существовать по миновеніи необходимости, когда венгерское возстаніе было подавлено австрійскими и русскими войсками.

Нѣкоторыя дополненія относительно украинско-венгерскихъ столкновеній того времени даны въ замѣткѣ Т. Реваковича [LXVII]. Интересны указанія, что мѣстное населеніе все было на сторонѣ австрійскихъ властей и очень рѣзко высказало это по отношенію къ мѣстному священнику, заподозрѣнному въ укрывательствѣ венгерскихъ повстанцевъ.

Авторъ указанныхъ выше статей Кревецкій вернулся къ затронутому вопросу по поводу высказанныхъ сомнѣній въ вѣрности передачи прокламаціи полковника Пьотровскаго и указываетъ на печатный экземпляръ этой прокламаціи [т. LXXI].

Здѣсь же нужно упомянуть о двухъ документахъ, сообщенныхъ Ив. Созанскимъ: это циркуляры австрійскихъ властей Самборскаго округа. Первый 19/III 1849 г. говоритъ объ организаціи защиты противъ возможныхъ нападеній венгерскихъ повстанцевъ, второй 8/V 1849 г. предупреждаетъ о переходѣ русскихъ войскъ черезъ Галицію. [XC].

Александръ Грушевскій.

Райградская латинская рукопись 850—900 гг. съ церковно-славянскими кирилловскими приписками.

I.

Въ настоящей замѣткѣ мнѣ-бы хотѣлось предложить нѣсколько свѣдѣній дополнительно къ послѣдней по времени статьѣ о знаменитой латинской рукописи IX—X столѣтія, хранящейся въ книгохранилищѣ древняго Бенедиктинскаго монастыря въ Райградѣ въ Моравіи, что недалеко отъ города Брна (Брюнна),—о которой недавно мы прочитали въ новомъ сборникѣ трудовъ акад. А. И. Соболевскаго: «Матеріалы и Изслѣдованія въ области Славянской филологіи и Археологіи» (Спб. 1910, стр. 154 и слѣд.).

Лѣтомъ 1908 г. я навѣстилъ въ Вѣнѣ своего университетскаго наставника, профессора тамошняго университета акад. И. В. Ягича и заручился отъ него рекомендательнымъ письмомъ къ настоятелю упомянутаго монастыря, чтобы имѣть случай ознакомиться съ латинскою Райградскою рукописью и взглянуть самому на славянскія приписки, въ ней находящіяся. За высокопросвѣщенное отношеніе къ моимъ научнымъ интересамъ, благодаря чему мнѣ представилась возможность осуществить свое желаніе и увидать интересовавшую меня рукопись, очень прошу принять глубокую признательность высокоуважаемыхъ акад. И. В. Ягича, прелата и пріора Райградскаго монастыря о. Бенедикта Корчяна, субпріора о. Гундера Шёсслера и патера о. Прокопа Шупа, казначея о. Лео Гублика, библіотекаря Моритца Янечка и всю почтенную духовную братію названнаго монастыря.

Райградъ—тихое живописное мѣстечко въ Моравіи (по-нѣмецки называется Gross-Reigern), въ Густопечскомъ комитетѣ въ Жидлоховичскомъ округѣ, на линіи желѣзной дороги Бржеслава=Брно. На краю мѣстечка за дорогою среди полей и нивъ находится старинный Бенедиктинскій монастырь съ епископальнымъ храмомъ во имя святыхъ Петра и Павла, красивой архитектуры, со знаменитою библіотекою (до 60000 томовъ) и ризницею. Монастырь былъ основанъ въ очень давнія времена и былъ приписанъ къ Бржевковскому монастырю. Въ 1241 г. монастырь былъ опустошенъ татарами, но черезъ пять лѣтъ снова былъ освященъ; въ концѣ XVI в. онъ окончательно запустѣлъ. Настоящее же возобновленіе церкви и монастыря относится къ 1710 г. и съ тѣхъ поръ все остается по прежнему. Въ 1813 г. Императоръ Францъ I даровалъ право пріору монастыря именоваться «опатомъ», т. е. аббатомъ и такимъ образомъ зависимость отъ Бржевнова прекратилась. Описаніе монастыря было напечатано въ 1860 году Бедою Дудикомъ.

Латинская рукопись, о которой была рѣчь выше, писана по 24 строки на пергаменѣ въ 4-тку, форматомъ въ 19 см. × 20, 5, имѣетъ отмѣтку на 1-мъ (первоначальномъ) листѣ чернилами: «Monasterij Rayhradensis O. (rdinis) P. (atris) Benedicti. 1709». Шифры рукописи слѣдующіе: 1) $\frac{1}{T\ 5:\ 888}$ и 2) $\frac{I}{K}$ I. a. 11. Рукопись издавна носитъ названіе «*Martyrologium Odonis*». Составомъ своего содержанія рукопись напоминаетъ наши синаксари и житейники. Начала не сохранилось. Въ ней всего 139 листовъ in 4^{0}, пронумерованныхъ въ новѣйшее время чернилами (кромѣ л. л. 6 и 23). Переплетъ новѣйшій покрытъ бѣлымъ пергаменомъ, въ доскахъ, внутри оклеенъ бѣлой съ голубымъ бумагой, съ двумя завязками. На листахъ 138—9 имѣется латинскій текстъ, который давалъ бы возможность судить о времени написанія книги: «... a Carolo et Carolomano usque ad Carlum fiunt anni IIII et inde dominus Carolus solus regnum suscepit et Domino protegente gubernat usque in presentem annum feliciter qui est annus regni ejus XLII imperii autem VIIII sunt autem totius summae ab origine annum IIII DCCLXI». Но настоящую Райградскую рукопись нельзя отнести къ 761 году, а гораздо позднѣе и надо считать *лишь спискомъ* съ оригинала, писаннаго при Карлѣ Великомъ; тѣмъ не менѣе весьма и весьма почтенной древности и нашъ списокъ. Изъ нахо-

дящагося при самой Райградской рукописи подлиннаго письма извѣстнаго ученаго по части средневѣковой дипломатики Зиккеля (Sickel) къ настоятелю Райградскаго монастыря слѣдуетъ, что этотъ ученый датируетъ нашу рукопись 850—900 годами. Въ этомъ же письмѣ онъ излагаетъ любопытныя свѣдѣнія о латинскомъ письмѣ рукописи и датѣ на концѣ ея, а самое *главное—онъ указываетъ еще на одинъ списокъ* Martyrologium'a Odonis именно въ *Ватиканской Библіотекѣ въ Римѣ*. Проф. латинской словесности въ здѣшнемъ Университетѣ И. И. Холоднякъ также сообщилъ свое мнѣніе акад. А. И. Соболевскому о письмѣ нашей рукописи, но относитъ — основываясь на двухъ снимкахъ (П. 2 и 70), приложенныхъ къ сборнику статей А. И. Соболевскаго (см. выше)—ее только *къ концу Х-го вѣка*.

Вся рукопись довольно тщательно описана Меѳодіемъ Галабалой (см. Method *Halabala*: «Martyrologium» Odonis, čili kniha mučennická na pergaméně v Rajhradě въ «Sborník Velehradský. Redaktor Josef Vykydal. Ročník III, v Praze 1883. 8°, стр. 296—303) и со стороны латинскаго письма, рубрикъ, заглавныхъ черныхъ буквъ, латинскихъ приписокъ, а равно отмѣчены имъ и славянскія приписки разнаго времени.

Первый, кто открылъ славянскія приписки въ нашей рукописи, былъ извѣстный чешскій ученый, историкъ Фр. Палацкій, посѣтившій еще въ 1837 году этотъ монастырь; разсматривая Martyrologium, онъ замѣтилъ на полѣ одного листа слово *папа*, написанное кирилловскими славянскими буквами, сталъ перелистывать весь памятникъ и напалъ на приписку, въ которой «съ трудомъ разобралъ два-три письмена»[1]).

Палацкій не замедлилъ сообщить о своемъ открытіи П. І. Шафарику, который 8-го августа н. ст. 1838 г. болѣе трехъ сутокъ провелъ въ монастырѣ надъ разборомъ приписки кириллицею на листѣ 70 и оборотѣ его; такъ какъ чернила выцвѣли, то пришлось работать съ помощью увеличительнаго стекла. Вся приписка была прочтена Шафарикомъ и объ этомъ составлена имъ особая записка, которая съ тѣхъ

---

1) Письма къ Погодину изъ Слав. земель. Вып. I, 1879, стр. 79—письмо Бодянскаго.

поръ и сохраняется при самой рукописи. (О посѣщеніи Шафарикомъ Райградскаго монастыря можно найти нѣкоторыя свѣдѣнія въ письмѣ А. Шемберы къ Яну Воцелю отъ 30 августа 1838 г., помѣщенному въ журналѣ «Světozor» 1887, стр. 554). Шафарику, какъ и Палацкому ранѣе, не удалось изслѣдовать всѣхъ приписокъ, но онъ обстоятельно изучилъ эту приписку на л. 70 и обор. Въ письмѣ (изъ Праги отъ 21 октября 1838 г. нов. ст.) онъ пишетъ Бодянскому: «Что касается Мартирологія Райградскаго, то я точно также читалъ слово λατρεἶα на пятнадцатой строкѣ *втораго* листа; но оно мнѣ не бросилось въ глаза, такъ какъ я считалъ его греческимъ, а не кирилловскимъ. Греческія буквы IX столѣтія формой и видомъ ничѣмъ не отличаются отъ обычнаго кирилловскаго письма *того же времени*. А исключительно кириллицѣ принадлежащія буквы, напр. ч, ш, ж, ц и др., не встрѣчаются ни въ этомъ словѣ, ни въ текстѣ рукописи; но если бы и такъ случилось, то я скорѣе готовъ былъ бы считать рукопись *за позднѣйшую*, нежели допустить, чтобы *до* Кирилла и Меѳодія существовало славянское письмо подобное позднѣйшему кирилловскому письму. Славяне до этого времени имѣли только руны (мѣты), которыя вырѣзывались на деревянныхъ таблицахъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 31 октября того же года Шафарикъ добавляетъ: «Относительно греческаго слова Λατρεια въ Мартирологіи Райградскомъ не могу вамъ писать ничего другого, кромѣ того, что вамъ уже писалъ. Мы съ вами прочли это слово различно: одинъ изъ насъ долженъ былъ прочесть его ошибочно. Такъ какъ въ настоящее время ни у меня, ни у васъ нѣтъ рукописи подъ руками, напрасно объ этомъ спорить. Если, какъ вы пишете, въ самомъ латинскомъ контекстѣ это слово написано съ кирилловскимъ ꙗ, то не можетъ тотъ листъ, на которомъ оно находится, быть времени Карла — говорю въ контекстѣ, а не на поляхъ, ибо на поляхъ, и я это слово нашелъ написаннымъ нѣсколько разъ съ ꙗ, тою же рукою, которою позднѣе приписано множество кирилловскихъ словъ, а въ одномъ мѣстѣ цѣлая проповѣдь (?) изъ бнблін *письмомъ блѣднымъ* и уже *почти невидимымъ*» [1]).

1) «Письма П. І. Шафарика къ О. М. Бодянскому (1838—1857) съ приложеніемъ писемъ П. І. Шафарика къ В. И. Григоровичу (1852—1856), приго-

Шафарика въ свое время такъ обрадовала эта неожиданная находка кирилловскихъ приписокъ въ древней латинской рукописи, что онъ счелъ необходимымъ включить въ маршрутъ Бодянскаго и Райградъ съ его монастыремъ, чтобы онъ собственными очами узрѣлъ *драгоцѣнный памятникъ* «кирилловскаго письма въ Моравіи». Къ сожалѣнію совмѣстная ихъ обоихъ, т. е. Шафарика и русскаго кандидата Московскаго Университета поѣздка не состоялась по болѣзни именно этого послѣдняго, и ему только въ октябрѣ 1838 г. удалось быть въ Райградѣ и разсмотрѣть рукопись очень внимательно. Данныя изслѣдованія и соображенія о писцахъ приписокъ и проч. приведены Бодянскимъ въ слѣдующихъ его трудахъ: 1) «Донесеніе Магистра Бодянскаго къ Г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, изъ Пешта, отъ 1/13 февраля 1839» (см. въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1839 г., ч. XXIII, отдѣл. IV, стран. 17—23, 2) «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ. Сочиненіе О. Бодянскаго». (Съ 19-ю снимками. М. 1855, стр. 321—7).

Болѣе на Бодянскомъ останавливаться не будемъ, такъ какъ достаточныя ссылки на его мнѣнія о семъ памятникѣ приведены и акад. А. И. Соболевскимъ въ его недавнемъ трудѣ.

Болѣе существенное значеніе имѣютъ наблюденія другого, болѣе счастливаго и талантливаго изслѣдователя И. И. Срезневскаго.

Приведемъ выписку изъ его дорожнаго дневника, любезно намъ сообщенную его сыномъ Вс. И. Срезневскимъ, — особенно въ виду того, что здѣсь кое-что изложено иначе, чѣмъ въ 1) «Донесеніи Адъюнкта Срезневскаго Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, изъ Вѣны, отъ 8 (20) февраля 1841 года» (въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1841 г. Августъ, № 8, отдѣл. IV, стр. 26—9), 2) письмѣ В. Ганкѣ отъ 29 іюня 1840 г. (въ «Матеріалахъ для исторіи Славянской Филологіи. Письмахъ къ Вячеславу Ганкѣ изъ Славянскихъ земель. Издалъ В. А. Францевъ». Варшава, 1905, стр. 947—9); ср. «Путевыя Письма И. И. Срезневскаго изъ Славянскихъ земель 1839—1842.

товленныя къ изданію П. А. Лавровымъ и М. Н. Сперанскимъ. М. 1895, стр. 123—5. — Ср. о томъ же въ письмѣ Бодянскаго Погодину отъ 10 сентября—29 августа 1838 г. см. «Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель (1835—1861)», вып. I. М. 1879, стр. 79—80).

Спб. 1895, стр. 120 (письмо къ матери отъ 29 Іюня изъ Брна 1840 г.) и записано на мѣстѣ для себя и очень кратко.

* *
*

Райградъ (=Reichern). 29 Іюня. [1840 г.].

Въ 3/4 седьмаго сѣли мы на паровозъ (я и Огераль) и черезъ 21 минуту были на Райградской станціи. Монастырь лежитъ отсюда въ 1/3 версты. Прелатъ, пріоръ и другіе монахи приняли ласково и радушно Русскаго гостя. Еще до обѣдни повели меня въ библіотеку. Она помѣщается въ прекрасной двух-ярусной залѣ, не велика, расположена дурно, но кажется не бѣдна хорошими и рѣдкими книгами. Между инкунабулами я замѣтилъ первое и прекрасное изданіе Ливія; но особенное вниманіе мое привлекла къ себѣ старинная рукопись «Martirologium Odonis», на которой есть нѣсколько приписокъ Славянскими церковными буквами. Самая важная изъ приписокъ этихъ находится на листѣ 70; написана позеленѣвшимъ черниломъ, слѣды котораго такъ слабы, что съ трудомъ можно прочесть, что тамъ написано. Написано вотъ что: — «оче г̅и благослови иоана хръсостома на рожьсто стья бця свѣтьлъ дьнь дньсь и чуденъ прѣдъ очеси нашими дьньсь мати живота нашего из ложеснь изиде сѫщи̅ въ истинѫ мати свѣта дврь небесънаꙗ намь роди ся носящиꙗ сп̅ениꙗ жизни еѫже раздрушьно бысть прѣ...» На оборотѣ сверху легко прочесть: «вьторое нёбо земи». Эту приписку замѣтилъ Палацкій, а разобралъ Шафарикъ въ 1838 году. Кромѣ этой приписки есть: а) на листѣ второмъ, *вшитомъ въ рукопись послѣ* и заключающемъ въ себѣ опись того самаго, что читаемъ на листѣ первомъ, стоитъ: cultu̅ђ grece latria / латриꙗ dicitur. Въ подлинникѣ только по латыни latria. b) На полѣ оборота этого втораго листа есть также остатки Слав. приписокъ: — р — ръ ио — jьтиз — тип — твлахьскотъ — жыраіѫт. — с) на 51 листѣ оборотѣ, — папѣ, на 71 обор. апѣ, 88 об. апа, на 113 пап, на 151 обор. пѣ, на об. 193 іапѣ. d) на 65 кюрил. По всему видно, что приписки имѣли смыслъ, до котораго нынѣ трудно добраться, потому что рукопись при переплетѣ обрѣзана. Листовъ въ ней 139, in 4°. — Изъ библіотеки пошли мы къ обѣднѣ поздней (hruba, какъ наз. въ Моравіи). Служилъ Прелатъ

Августинскій. Обѣдня служилась торжественно и народу было много, потому что праздникъ Петра и Павла, во имя коихъ храмъ. Церковь прекрасная и очень большая. Народъ одѣтый чисто и богато: женщины какъ въ Чехіи, мужчины въ курткахъ съ припольями, и въ шляпахъ съ широкими полями. Обѣдали въ трапезѣ, гдѣ кромѣ 20 монаховъ было гостей человѣкъ 40. Обѣдъ богатый. Послѣ обѣда опять въ библіотеку съ Патеромъ Вацлавомъ, Křижемъ, лицемъ, интереснымъ по охотѣ слагать народ. пѣсни и сочинять новыя слова. Въ 3/4 девятаго мы воротились въ Брно.—

* *
*

Какъ бы то ни было, но одному лишь И. И. Срезневскому *удалось подмѣтить такія стороны* во внѣшнемъ видѣ рукописи, какія ускользнули отъ вниманія всѣхъ ранѣе его изслѣдовавшихъ ту же рукопись: Палацкаго, Шафарика и Бодянскаго.

Въ то время какъ Шафарикъ высказывалъ ограниченія и даже нѣкоторое сомнѣніе въ чрезвычайной всетаки древности кирилловскаго церковно-славянскаго написанія слова латрина, находящагося — замѣтимъ въ самомъ текстѣ, а не на поляхъ рукописи, и сосредоточилъ все свое вниманіе на большой выцвѣтшей припискѣ на л. 70 и обор., а Бодянскій, что называется только разводилъ руками отъ удивленія и рѣшительно не зналъ, какъ согласить древность рукописи времени Карла Великаго съ установленнымъ фактомъ появленія кириллицы лишь въ IX вѣкѣ,—И. И. Срезневскій, какъ *ученикъ* Вячеслава Ганки по части палеографіи и изслѣдованія старыхъ рукописей вообще и притомъ получившій на сей счетъ отъ наставника передъ отъѣздомъ еще и *особенныя* напутствія, дѣлится съ Ганкою своими наблюденіями надъ загадочною Райградскою рукописью. Въ этомъ письмѣ къ Ганкѣ (напечатанномъ въ изданіи его переписки проф. В. А. Францева на стр. 947—8) наблюденія Срезневскаго всего полнѣе изложены, а потому считаемъ полезнымъ привести здѣсь въ полной выпискѣ свѣдѣнія о нашей рукописи тамъ заключающіяся, особенно еще и по тому, что акад. А. И. Соболевскій почему то не указалъ на сомнѣнія Срезневскаго въ древности нѣкоторыхъ приписокъ; г. Галабалѣ, повидимому, не были из-

вѣстны статьи Срезневскаго. Письмо это любопытно и вообще для исторіи нашей палеографической науки и для исторіи раннихъ палеографическихъ изученій именно самого И. И. Срезневскаго.

Райградскій монастырь, 29 іюня 1840 г.

Я наконецъ тутъ,—и Martyrologium Odonis передо мною. Не могу однако не жалѣть, что Васъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ, что Васъ тутъ нѣтъ: мнѣ бы очень хотѣлось передъ самою рукописью подѣлиться замѣчаніемъ на *правило, Вами мнѣ внушенное*, Вами столь блестяще *оправданное*, правило — *не пропускать безъ вниманія и кусочковъ пергамена на переплетъ старыхъ книгъ.* Не подумайте, что я нашелъ что нибудь новое, что нибудь важное для чешской литературы: судьба не глупа, знаетъ, кого куда посылать, — и не всякому въ руки даетъ то, что давала Вамъ. Впрочемъ *замѣчаніе*, которое хочу вамъ сообщить на этомъ лоскуткѣ бумаги, не вовсе незначительно.

Извѣстно, что уже монахъ Храбръ XI вѣка [1]) замѣтилъ о древности письменности Славянъ, говоря, что они «погани суще не имѣяху книгъ, но чрътами и рѣзами чьтяху и гатааху», а крътившеся за много лѣтъ до Константина Философа «римскими и грьчьскыми писмены нуждахуся писать». Сказаніе важное. Жаль только, что подтвержденія ему до сихъ поръ еще не было.—Martyrologium Odonis, *слышалъ я еще въ Прагѣ*, можетъ это *подтвердить*: начавши его разсматривать, я и самъ повѣрилъ было этому, но—вспомня *ваше правило*, примѣнилъ его къ дѣлу, и мечта—мечтою исчезла.

Слѣдуетъ объясненіе: Кромѣ большой Кирилло-Славянской приписки въ этомъ Martyrologium, прочтенной Шафарикомъ еще въ 1838 году, и которой мое собственное чтеніе я приложу послѣ, я нашелъ тамъ еще нѣсколько малыхъ, именно: a) на оборотѣ 2-го листа есть: р—ръно—jьтиз—mun—твахьскотъ—жыражт; b) на оборотѣ 51-го листа -папѣ; c) на 65 -кюрил, d) на оборотѣ 71 листа -апѣ; e) на оборотѣ 88 листа -апа; f) на л. 113 -пап; g) на оборотѣ 151 -пѣ; h) на оборотѣ 133 листа ипѣ. Почти всѣ эти приписки ясно доказываютъ, что *рукопись при переплетаніи была обрѣзана*, такъ что на обрѣзкахъ остались коекакія буквы. Кромѣ сихъ приписокъ, есть еще одно слово не приписанное, но *входящее въ текстъ* рукописи. Вотъ оно съ фразою, въ которую вставлено: at illo cultuq grece (latria) латрии dicitur latine uno verbo dici non potest. Это то самое греческое латрии, написанное кирилловскими буквами, и заставило меня помечтать о древности письменности Словянъ. Рукопись писана въ *первыхъ годахъ IX вѣка*, а Кириллицы начало относится ко второй половинѣ IX вѣка: нельзя было не предаться мечтѣ. Къ несчастію—мечта мечтой исчезла.

Точно ли рукопись IX вѣка? Не имѣя ни причины, ни надобности не вѣрить своевременности *всей* рукописи, я однако позволяю себѣ сомнѣваться въ

---

[1]) Здѣсь несомнѣнно опечатка въ изданіи В. А. Францева, читай: IX в., и далѣе у него или опечатки XI вм. IX или неточности и въ оригиналѣ Срезневскаго. Стоило бы провѣрить вновь это важное и очень любопытное письмо одного изъ основателей русскаго славяновѣдѣнія—по подлиннику, хранящемуся въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ.

томъ, что листокъ, на которомъ находится это слово латрия, принадлежитъ не IX вѣку. Что рукопись была въ рукахъ, умѣвшихъ писать кириллицей, это ясно изъ приписокъ, но въ какомъ вѣкѣ? Приписка зеленая принадлежитъ едва-ли не къ XII вѣку,—другія малыя приписки сдѣланы, кажется, еще позже. Слово латрия писано тѣмъ же почеркомъ, какъ и всѣ эти малыя приписки. *Уже и этого было бы довольно для скептика;* мнѣ впрочемъ случилось напасть на *доказательство, еще болѣе ясное* и, кажется, неопровергаемое. *Научившись у Васъ не опускать изъ виду и тѣхъ листковъ пергамина, которыми облѣплены доски переплета, я взглянулъ и тутъ на листъ пергамина, приклеенный къ переплету снутри.* Не трудно было увидѣть, что на внѣшней, не приклеенной къ доскѣ страницѣ написано то-же, что и на оборотѣ 1-го листа. Догадываясь, что и на страницѣ, приклеенной къ доскѣ, должно быть то-же, что на 1-ой страницѣ 1-го листа, то есть, что весь этотъ листъ есть только повтореніе 1-го листа, я позволилъ себѣ всмотрѣться не только въ *связь тетрадей* рукописи, но и отклеить листокъ отъ доски переплета,—и вотъ что увидѣлъ:—a) листокъ, бывшій до сей минуты приклееннымъ къ переплету, составляетъ съ 6 листкомъ первой тетради рукописи одно цѣлое, а листъ 1-й приклеенъ ко второму какъ вставочный и есть только позднѣйшій списокъ этого стараго 1-го листа; b) на первой страницѣ подлиннаго листа, отклеивши его отъ доски, я нашелъ и слово latria, но написанное уже не кириллицей, а просто по-латыни,—и замѣтилъ, что вся эта страница, конечно, отъ долговременнаго употребленія рукописи, успѣла, прежде нежели поступила въ переплетъ, порядочно испачкаться.

Дѣло для меня объяснилось. Владѣлецъ рукописи, желая имѣть испачканный 1-й листокъ чистымъ списалъ его на особенномъ кускѣ пергамина и вклеилъ этотъ кусокъ въ рукопись, а подлинный листъ оставилъ для переплета. Что перепись этого листа могла быть сдѣлана только по истеченіи немалаго времени послѣ того какъ писана вся рукопись, это ясно: листка неиспачканнаго не для чего было вновь переписывать, а пергаминъ пачкается нескоро.

Такимъ образомъ отъ подтвержденія сказанія Храбра по этой рукописи, я думаю, должно отказаться и остаться только при вопросѣ: «какими судьбами запала эта рукопись въ руки человѣка, знавшаго Кирилловскую азбуку лучше греческой?» Рѣшать его не позволяютъ мнѣ ни время, ни мѣсто, ни силы.

Оставляю рукопись и иду обѣдать къ почтенному аббату. Сегодня тутъ храмовой праздникъ.

Прага, 24 Ноября.

Я не только забылъ послать въ свое время къ Вамъ это письмецо, но даже и окончить его. Теперь воротившись въ Прагу, передаю Вамъ его, какъ Вамъ принадлежащее.

А вотъ и большая приписка на листѣ 70, какъ я ее читаю: a) въ углу на первой страницѣ снизу: оче ҍи благослови иоана хръсостома на рожьсто стьѧ бцѧ свѣтелъ дьнь дньсъ и чуденъ прѣдъ очеси нашими дьньсь мати живота нашего из ложеснь изиде сѫщй въ истинѫ мати свѣта дврь небесьнаѩ намь родисѧ носяжиѩ сйениѩ жизни еѫ же раздрушьно бысть прѣ... b) въ углу на оборотѣ сверху: въторое небо земи. Вашъ И. Срезнев(скій).

Настоящими замѣтками намъ хотѣлось указать на необходимость новаго пересмотра литературы о славянскихъ припискахъ Райградской рукописи, на необходимость вновь изучить рукопись и со стороны этихъ послѣднихъ и немногихъ греческихъ словъ и отдѣльныхъ буквъ.

Особенно же мы настаиваемъ на необходимости—1) отыскать имѣющійся другой списокъ Martyrologium'a Odonis или, быть можетъ, его оригиналъ, на который указалъ извѣстный дипломатикъ Зиккель и который сохранился до сихъ поръ въ Ватиканской Библіотекѣ, и 2) убѣдиться, нѣтъ ли и тамъ кириллицею написаннаго слова латрига или вообще какихъ-либо славянскихъ приписокъ или отмѣтокъ читателей, напримѣръ, на поляхъ и проч.

П. К. Симони

(Окончаніе слѣдуетъ).

По поводу статьи Л. В. Щербы «Субъективный и объективный методъ въ фонетикѣ».

Многіе вопросы русской фонетики, особенно діалектической, нуждаются для своего окончательнаго разрѣшенія въ помощи экспериментальной фонетики, напр. о длительности слоговъ и звуковъ въ связной рѣчи, объ удареніяхъ, о слогѣ и пр. Но экспериментальная фонетика требуетъ не только подготовки и опытности, но и постояннаго ухода за приборами, совершенствованія и приспособленія ихъ къ обстоятельствамъ и т. д., что̀ дѣлаетъ примѣненіе ея очень затруднительнымъ для лингвиста-историка. Поэтому въ лицѣ г. Щербы нужно привѣтствовать новаго работника въ этой области, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ возможность ознакомиться съ экспериментальными пріемами самаго виднаго представителя экспериментальной фонетики, проф. аббата Rousselot, глубокаго знатока діалектологіи и исторіи французскаго языка. Но въ названной въ заглавіи короткой, но содержательной статьѣ, напечатанной въ этихъ Изв. т. XIV (1909 г.), кн. 4, стр. 196—204, г. Щерба разбираетъ болѣе общіе вопросы.

Г. Щерба справедливо признаетъ важное значеніе субъективнаго метода въ фонетикѣ. Но нельзя согласиться съ его способомъ доказывать это, какъ будетъ видно изъ слѣдующаго.

Дѣленіе на звуковыя единицы, конечно, дѣло субъективное, какъ всякое дѣленіе. Получаемое объективно душевное содержаніе можетъ дать лишь поводъ къ тому или другому дѣленію. Но какъ же можно тогда доказать, что «фонетическія» (психическія) единицы не совпадаютъ

съ акустическими и физіологическими единицами (197)? Какая у насъ мѣрка для опредѣленія объективной акустической и физіологической единицъ, какъ частей звуковыхъ рядовъ? Авторъ очевидно принимаетъ за физіологическую единицу совокупность движеній экскурсіи, выдержки установки и рекурсіи (соотвѣтствующая отдѣльнымъ буквамъ). Но вѣдь такая мѣрка также субъективная!

Но примемъ ее. Почему же тогда въ аффрикатахъ *č (ч), c (ц)* «физіологически присутствіе двухъ элементовъ несомнѣнно»? Въ дѣйствительности движенія, производящія ихъ, не сложнѣе, чѣмъ напр. при *t (т)*. Разница только въ томъ, что при производствѣ затвора звуковъ *ч, ц* передній языкъ принимаетъ такую форму, что вырывающійся въ моментъ раствора токъ направляется противъ зубовъ такъ, какъ при *ш, с*, вслѣдствіе чего получается взрывъ, состоящій изъ вдругъ сильно начинающагося и быстро ослабѣвающаго и прекращающагося шипѣнія или свиста; а при *t (т)* кончикъ языка принимаетъ при затворѣ такую форму, что при растворѣ вырывающійся токъ не производитъ такихъ сильныхъ шумовъ разбиванія. Ср. Брокъ, Очеркъ физіологіи слав. рѣчи стр. 43, 145. Если видятъ въ аффрикатахъ слитные звуки *т͡ш, т͡с*, то это объясняется пожалуй скорѣе «фонетическими» (въ смыслѣ г. Щербы) условіями: взрывъ напоминаетъ (ассоціируетъ по сходству) *т*, а шумъ взрыва — самостоятельные *ш, с*. Но эти аффрикаты не тожественны съ *тш, тс* и могутъ представляться и простыми звуками, но отнюдь не потому, что «спирантный элементъ въ нихъ не можетъ быть протянутъ». Я раньше тоже ссылался на это обстоятельство, но затѣмъ убѣдился въ негодности этого аргумента: кто же его протягиваетъ? Вѣдь это не психическій фактъ, а разсужденія экспериментаторовъ.

Далѣе, если въ звуковой кривой записи *ata* колебанія *t* не выходятъ, то это вѣдь не значитъ, что въ *ata* акустически «лишь 2 элемента» (197), а свидѣтельствуетъ лишь о несовершенствѣ даннаго аппарата, не передающаго очень быстрыхъ колебаній звука *t*.

Очевидно оба примѣра попали сюда по ошибкѣ. И нельзя вообще доказывать несовпаденія «фонетическихъ» (психическихъ) звуковыхъ единицъ съ объективными акустическими или физіологическими единицами, такъ какъ мѣрка для послѣднихъ также субъективная и совпа-

даетъ съ первой. Но для цѣлей автора этого и не нужно совершенно. Никто не станетъ оспаривать, что дѣленіе на *a*, *p*, *t* и пр. является результатомъ нашей психической дѣятельности. Но можно ли изъ этого частнаго вопроса о дѣленіи звуковыхъ рядовъ на отдѣльные звуки придти къ выводу, что фонетика «занимается изслѣдованіемъ *звуковыхъ представленій* въ первую голову» (198)? Вѣдь въ такомъ случаѣ фонетика была бы прежде всего отдѣломъ психологіи, а также и зоологія, ботаника и всѣ науки. Дѣленіе напр. дерева на корень, стволъ, вѣтви, листья, кору и пр. есть также результатъ многовѣковой психической дѣятельности народа, зарегистрованный языкомъ и при помощи словъ передаваемый новымъ поколѣніямъ. Но отъ способа дѣленія содержаніе объекта изслѣдованія не измѣняется.

Не разсужденіями, а лишь изъ содержанія существующихъ учебниковъ и литературы *фонетики* можно опредѣлить, чѣмъ занимается фонетика. Вотъ какъ содержаніе фонетики опредѣляется напр. въ началѣ упоминаемаго г. Щербой (196) учебника Сиверса: Unter Phonetik verstehen wir die Lehre von der Sprachbildung, d. h. von der *Erzeugung*, dem *Wesen* und der *Verwendung* der Sprachlaute... Somit bildet die Phonetik ein Grenzgebiet zwischen der *Physik*, insofern sie sich mit der akustischen Analyse der einzelnen Lautmassen beschäftigt, der *Physiologie*...

Одни учебники и работы занимаются преимущественно физіологической стороной рѣчи, другіе — преимущественно акустической и пр., притомъ всегда въ связи съ звуковыми представленіями. Но послѣднее обстоятельство не составляетъ какого-либо принципіальнаго различія физіологіи языка отъ физіологіи вообще. Всѣ наши физіологическія функціи, въ томъ числѣ языковыя, собственно психофизіологическія. Психологія изучаетъ ихъ съ психической стороны, физіологія съ физіологической, причемъ той и другой приходится по мѣрѣ надобности считаться съ другой стороной. А предметъ изученія существующей науки фонетики именно наружная звуковая сторона языка. (Сюда относятся и работы г. Щербы съ палатограммами и кривыми). Въ нормальной рѣчи присутствуютъ функціи органовъ рѣчи и слуха и еще обязательно звуковыя волны рѣчи — явленіе физическое, совершенно не имѣющее отношенія

къ психикѣ. Фонетикѣ поэтому и приходится въ первую голову изучать всѣ эти явленія; и нѣтъ другой научной дисциплины, изучающей ихъ съ тѣхъ точекъ зрѣнія и въ той взаимной связи, какъ это нужно для языковѣдѣнія. Этимъ достаточно опредѣляется самостоятельное положеніе фонетики, какъ науки, и ея отличіе напр. отъ физіологіи.

Въ большинствѣ изслѣдованій и элементарныхъ учебниковъ фонетики подавляюще преобладаетъ физіологія по той простой причинѣ, что эта сторона звуковъ рѣчи гораздо доступнѣе и гораздо лучше изучена. Но насколько и такія работы различны отъ настоящей физіологіи, легко видно, если сравнить напр. новѣйшій трудъ «Очеркъ физіологіи славянской рѣчи» Брока, или учебники Сиверса и др. съ отдѣлами человѣческой рѣчи въ большихъ учебникахъ физіологіи. Въ отдѣлахъ о длительности звуковъ, объ удареніяхъ и пр. всѣ учебники занимаются акустической стороной рѣчи.

Психическая сторона фонетики имѣетъ выдающееся значеніе въ отдѣлахъ объ измѣненіи, замѣнѣ звуковъ и пр. Но отъ этого и эти отдѣлы фонетики не становятся психологическими, и съ психологической точки зрѣнія эти явленія изучаются въ отдѣльныхъ главахъ психологіи языка, напр. подробнѣе всего въ Völkerpsychologie I Wundt'a и пр.

Можно отмѣтить еще другія недоразумѣнія автора по психологіи языка. Такъ, русскіе не потому не различаютъ «сознательно» двухъ оттѣнковъ е въ «бѣлъ» и «бѣль», что съ этимъ различіемъ не связано различія въ значеніяхъ (199), а потому, что нѣтъ вообще какого бы то ни было повода, который возбуждалъ бы вниманіе къ этому различію и заставлялъ бы сознавать его. Въ связи съ мягкостью согласныхъ различіе двухъ *е* существуетъ напр. въ «бѣлъ—бѣль», «мѣлъ—мель», «лѣсъ, лѣзъ—лѣзь» и пр., но развѣ отъ этого, или отъ «пылъ—пыль», «путъ—путь», братъ — брать» и пр. неграмотные «сознаютъ» различіе между твердыми и мягкими согласными хотя бы въ связи съ разными *е*? Но если бы 2 *е* различались въ русскомъ письмѣ (какъ проектировали нѣкоторые реформисты: университѣт, университетѣ), то при усвоеніи грамоты и русскіе научались бы различать сознательно 2 звука *е*. И французы не различали бы ихъ сознательно, если школа при помощи буквенныхъ различій *(è, ê—é)* не пріучала бы ихъ къ этому. И то ихъ сознаніе

не знаетъ, куда отнести разные звуки *e*, которые они пишутъ черезъ *e*. И итальянецъ не можетъ сознавать, что у него разные *e*, пока онъ не сопоставляетъ сознательно слова съ различными *e*, хотя у него схватываніе слухомъ этого различія облегчено тѣмъ, что оба *e* встрѣчаются при остальныхъ одинаковыхъ фонетическихъ условіяхъ. Притомъ въ итальянскомъ языкѣ различіе между разными *e* едва ли не больше, чѣмъ въ русскомъ языкѣ (слово pesca неудачный примѣръ), и итальянцы трудятся нерѣдко очень много надъ усвоеніемъ этого различія литературнаго языка.

Но, понятно, въ слуховыхъ и двигательныхъ представленіяхъ (воспоминаніяхъ) словъ у русскихъ въ точности запечатлѣны многія разновидности *e*, какъ составныя части звуковыхъ рядовъ, и потому эти разновидности не смѣшиваются. Поэтому я поступаю съ своими слушателями иначе (ср. 199): Я произношу напр. «бѣлъ» съ тѣмъ *e*, который въ «бѣль», и наоборотъ, и всѣ сразу сознаютъ, что есть другое *e*, хотя не скоро научаются произносить ихъ въ отдѣльности. Только въ этомъ смыслѣ можно понимать «субъективный» методъ въ фонетикѣ, т. е. мы можемъ обращаться къ звуковымъ представленіямъ словъ и предложеній говорящаго, но отнюдь не къ его сознанію объ отдѣльныхъ звукахъ (198) и о различіи между ними, которыхъ собственно нѣтъ въ языкѣ и сознаніе о которыхъ возникаетъ случайно, искусственно и часто бываетъ ошибочно. Одни сознаютъ въ *ч*, *ц* составной звукъ, другіе простой. Но всѣ произносятъ и слышатъ его одинаково. Нѣмцы не сознаютъ гортаннаго взрывнаго звука въ 'aber и пр., но грамотный арабъ изобразилъ бы его отдѣльной буквой, при помощи которой онъ научился выдѣлять этотъ звукъ. Даже многіе русскіе лингвисты не сознаютъ, что въ «пять» не *a*, а *ä* (*a*ᵉ); но когда они слышатъ діалектическое «н'äсу», то различіе отъ ихъ обычнаго «несу» сознается. Неграмотный русскій даже не знаетъ безъ вліянія грамотныхъ, что въ его языкѣ есть звуки *o*, *ы*, *к* и пр., если онъ не догадается подыскать содержащія ихъ слова. Поэтому было бы странно, если англичанинъ слышалъ бы дифтонгъ въ «place» (199), или русскій дифтонгъ въ не лишенномъ ударенія «ты», такъ какъ для возникновенія такого «наивнаго» сознанія у обоихъ нѣтъ повода; и возможность такого сознанія затрудняется еще тѣмъ, что

нѣтъ соотвѣтствующихъ простыхъ звуковъ при такихъ фонетическихъ условіяхъ для сравненія. Но у другихъ народовъ есть простое *ē* и потому они слышатъ англійскій дифтонгъ лучше. Поэтому русскій и англичанинъ вынуждены научиться сознавать указанные дифтонги, какъ они вынуждены научиться сознавать разные *е*.

Но нельзя видѣть дифтонга въ словѣ «адъ» (199). Звукъ *а* здѣсь совершенно простой, съ обычнымъ качественнымъ измѣненіемъ въ связи съ передвиженіемъ языка и челюсти въ теченіе звучанія его, при которомъ характерный тонъ однако не выходитъ изъ предѣловъ нормы *а*. Въ этомъ сочетаніи не выдѣляется даже ясно переходный звукъ къ *t*. Вотъ если г. Щерба сопоставилъ бы слова «мать» или «конь» и т. д., въ которыхъ сильный переходный звукъ *į*, приблизительно такой же, какъ послѣ *т* въ «тятя», то дѣйствительно неопытное ухо могло бы принимать его за вторую часть дифтонга, и 10 лѣтъ тому назадъ я не умѣлъ еще хорошенько разобраться между такими случаями и дифтонгомъ *ы*. И если это *į* немного раздвинется насчетъ предыдущаго гласнаго, то будетъ и здѣсь дифтонгъ какъ «койнь» и т. д.

Относительно русскаго *ы* замѣчу здѣсь только, что въ «лыко», «быть» въ такой же степени дифтонгъ у лицъ, не сокращающихъ діалектически слишкомъ гласныхъ, какъ въ «лейка», «бейте», только что послѣдній дифтонгъ легко узнается потому, что *е* и *і* употребляются и какъ самостоятельные слоговые звуки. См. Р. Ф. В. 1911 г., № 1, стр. 149 сл.

Казалось бы, что по субъективному фонетическому методу изслѣдователь обращается прежде всего къ собственному сознанію, на то вѣдь онъ фонетикъ. А по мнѣнію г. Щербы «мы всегда должны обращаться къ сознанію говорящаго на данномъ языкѣ индивида... и другого источника, кромѣ его сознанія, у насъ вовсе не имѣется» (198). Но что же можетъ намъ дать его «сознаніе», если оно широкаго *е* не отличаетъ отъ узкаго, дифтонгъ принимаетъ за простой звукъ и т. д. Что такой индивидъ можетъ намъ вообще сказать о сознаваемыхъ имъ звукахъ? Онъ можетъ почти только отвѣтить на вопросъ, вѣрно или невѣрно произнесено слово, предложеніе. И даже фонетикъ можетъ по двигательнымъ ощущеніямъ (мускульному чувству) представлять себѣ сами движенія

органовъ рѣчи пространственно лишь очень несовершенно и часто ошибочно. А то мы не нуждались бы въ наблюденіяхъ и приборахъ для опредѣленія собственнаго произношенія, не спорили бы о положеніяхъ языка и пр. и не обучали бы съ такимъ трудомъ элементарной фонетикѣ. Поэтому, понятно, Passy правъ, требуя, «чтобы въ фонетическія транскрипціи вносилось лишь то, что различаетъ instinct linguistique данной языковой группы» (200), если онъ instinct понимаетъ по обычному, именно въ противоположность intelligence, conscience — «сознанію». Но въ такомъ случаѣ Passy говоритъ не то, что Щерба. И къ словамъ Passy нужно еще прибавить, что всего, различаемаго языковымъ инстинктомъ, нельзя вносить въ транскрипцію, такъ какъ языковой инстинктъ различаетъ въ каждомъ звукѣ нѣсколько, иногда много разновидностей.

Г. Щерба перенесъ фонетику въ область психологіи и этимъ запуталъ дѣло. Я могу только догадываться, почему онъ это сдѣлалъ. По психологическимъ взглядамъ, нынѣ уже устарѣвшимъ въ психологіи, но живымъ еще въ лингвистикѣ, представленія, въ томъ числѣ и звуковыя представленія, разсматривались какъ нѣчто постоянное, то опускающееся подъ порогъ сознанія, то снова всплывающее (интеллектуалистическая матеріализація представленій). Такія (сохраняющіяся въ мозговомъ складѣ) звуковыя представленія и считались настоящими носителями языка, психическимъ организмомъ, и историческое измѣненіе языка въ звуковомъ отношеніи разсматривалось какъ постепенное измѣненіе этого (миѳическаго) организма. Таковы еще взгляды Paul'я, Prinzipien der Sprachgeschichte[3] напр. стр. 25. Рядомъ съ такими представленіями произносимыя — слышимыя (физіологическія — физическія) слова казались конечно лишь преходящими явленіями, временнымъ проявленіемъ внутреннихъ словъ. Можетъ быть я не ошибаюсь, если думаю, что г. Щерба, который повидимому придерживается этой психологіи («что нормально существуетъ лишь надъ порогомъ нашего сознанія», 200), хотѣлъ (заднимъ числомъ) быть лишь послѣдовательнымъ, требуя отъ фонетики «въ первую голову» изслѣдованія звуковыхъ представленій (какъ единственныхъ постоянныхъ представителей звуковъ).

Конечно, лингвисту трудно слѣдить за литературой такого сложнаго предмета, какъ психологія, и перестраивать свои психологическіе взгляды

по мѣрѣ новыхъ успѣховъ психологіи. Поэтому многіе заслуженные лингвисты изъ старшихъ сохраняютъ свое разъ усвоенное психологическое міровоззрѣніе на языкъ. Но, понятно, возраженія напр. Delbrück'а, что все равно какой психологіи придерживается лингвистъ, совершенно ошибочны. Какую научную цѣнность могутъ имѣть психологическія объясненія языковыхъ явленій, если они основываются на психологическихъ взглядахъ, которые теперь нужно признать уже ошибочными?

Къ счастью на практикѣ во многихъ случаяхъ это различіе въ психологическихъ взглядахъ существеннаго значенія не имѣетъ: читатель понимаетъ по своему, измѣняя смыслъ согласно съ своими взглядами. Но нерѣдко возникаютъ отсюда и крупныя заблужденія.

А. И. Томсонъ.

О русскомъ ł и его переходѣ въ u̯.

Я выдѣляю вопросъ о русскомъ твердомъ *л*, о которомъ г. Щерба говоритъ въ т. XIV, кн. 4, 202—203 и болѣе подробно въ MSL XVI 280—284. Онъ ошибочно считаетъ «доказаннымъ», что русское *ł* производится съ опущенной задней спинкой языка и что поэтому всѣ другія описанія этого звука невѣрны. По артикуляціямъ нѣсколькихъ лицъ нельзя судить о произношеніи всѣхъ русскихъ. Кромѣ того палатограмма г. Щербы не безусловно говоритъ въ пользу опущенной спинки, такъ какъ и при поднятой задней спинкѣ языкъ можетъ не касаться задняго искусственнаго неба, въ виду боковыхъ проходовъ.

Я наблюдалъ, напротивъ, нѣкоторый подъемъ съуженной задней спинки языка при *ла*, *ал*. Такъ же Брокъ, Очеркъ физіологіи слав. рѣчи 29—30. И палатограмма проф. Богородицкаго («Опытъ физіол. общерус. произнош. рис. 9) свидѣтельствуетъ о томъ же, имѣя у заднихъ угловъ такія же мѣста касанія языка, какъ палатограммы *о*, *у* (рис. 5). Рядомъ съ тавтосиллабическимъ *о*, *у* едва-ли встрѣчается *л* съ опущенной задней спинкой языка по чисто физіологическимъ причинамъ. Чѣмъ ниже характерный звукъ *л* (чѣмъ тверже *л*), тѣмъ болѣе подымается своей срединой особенно очень задняя спинка языка, вслѣдствіе образованія большихъ боковыхъ и надъязычнаго резонаторовъ. Отъ этого языкъ становится болѣе напряженнымъ и звукъ получаетъ болѣе металлическій горловой оттѣнокъ.

Вслѣдствіе того, что величина языка, зубовъ и пр. бываетъ различна, и что при разныхъ укладкахъ получаются очень сходные звуки *лъ*, нужно думать, что этотъ звукъ производится въ русскомъ языкѣ очень разнообразно, такъ что потребуется еще много наблюденій въ разныхъ мѣстностяхъ.

Съ объясненіемъ г. Щербы перехода *ł* въ *u̯* въ концѣ слога (MSL тамъ же) въ бѣлорусскомъ также согласиться нельзя. Онъ считаетъ *ł* plus vocalique чѣмъ среднее (западноевроп.) *l* на томъ основаніи, что первый имѣетъ меньше шумовъ и болѣе низкій характерный звукъ. *ł* въ концѣ слога кажется ему на томъ же основаніи болѣе гласнымъ (plus vocalique), чѣмъ *ł* въ началѣ слога, такъ что переходы *l*>*ł*>*u̯* представляютъ постепенные этапы вокализаціи (degrés de vocalisation).

Но развѣ этимъ путемъ выясняется, какъ и почему совершились эти переходы? Вдобавокъ такое понятіе «вокализація» и основанныя на немъ градаціи невѣрны. Вѣдь при *i* гораздо больше шумовъ, чѣмъ при *ł*, и очень высокій характерный звукъ, а при *m*, *n* (русск. *м*, *н*) меньше шумовъ, чѣмъ пожалуй при всѣхъ гласныхъ. Такимъ образомъ *ł* plus vocalique, чѣмъ гласный *i*, и носовые болѣе гласные, чѣмъ сами гласные!

Что же касается указанныхъ градацій, то при среднемъ *l* дѣйствительно больше шумовъ и болѣе высокій характерный звукъ, но отъ этого это *l*, на основаніи сказаннаго, не менѣе vocalique. А между *ł* въ началѣ и въ концѣ слога почти никакого различія въ этомъ отношеніи нѣтъ. Брокъ (стр. 34) справедливо сравниваетъ высоту *ł* съ *o*: она около a^2—h^2, какъ и при *o* (Общ. языков.[2] 185), индивидуально нерѣдко доходитъ до c^3, а передъ ударенными *o*, *u* и особенно послѣ нихъ въ концѣ слога часто gis^2. Вотъ для примѣра высота характернаго шума *ł* одного лица съ московскимъ произношеніемъ въ словахъ: сѣлъ, пилъ, волна, толстый, уплата, положи—h^2 (si^4); далъ, былъ, мѣрилъ, Павелъ, лапа, ловить, палата—b^2; палка, сладкій, лобъ, луна—a^2; дулъ, колъ, соколъ, волкъ, лунный—gis^2. Надо конечно имѣть въ виду, что въ зависимости отъ экспираторнаго ударенія и пр. высота мѣняется приблизительно до полутона, и что въ этомъ отношеніи слова эти произносились не при вполнѣ одинаковыхъ условіяхъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что *ł*

въ концѣ слога лишь очень незначительно, до полутона, ниже, чѣмъ *l* въ началѣ слога, а шумовъ у перваго не меньше. Г. Щерба [1]) упустилъ изъ виду, что меньшая область касанія *l* въ концѣ слога обусловлена меньшей энергіей артикуляціи, а при ней не только кончикъ, но и спинка и бока языка артикулируютъ менѣе энергично, не отодвигаются такъ сильно, чтобы получились бóльшіе проходы (orifices) и меньше шумовъ. Экспериментальная фонетика даетъ точныя, но одностороннія данныя, и потому нерѣдко приводитъ изслѣдователей къ одностороннимъ выводамъ, если они одновременно не считаются съ другими сторонами даннаго явленія.

Переходъ *l* въ *ų*, напр. въ малорус. и діалектически въ великорус. дал > даų, представляется мнѣ въ совершенно иномъ видѣ. Частичный срединный затворъ языка противъ зубовъ при *л* служитъ для образованія боковыхъ резонаторовъ. Поэтому не важно, какая часть передняго языка и гдѣ касается верхнихъ зубовъ или неба. Можно и высовывать языкъ между зубами. Можно производить *l* и такъ, что кончикъ языка за нижними зубами, а поднятая передняя спинка образуетъ боковые резонаторы, не касаясь верхнихъ зубовъ и деснъ или неба. Многіе производятъ только одинъ боковой резонаторъ и для этого просто отодвигаютъ языкъ въ другую сторону, причемъ и зубной затворъ можетъ быть боковымъ.

Но плавные и носовые не только сонорные звуки; они въ то же время и частично-взрывные. Переходъ отъ гласнаго къ нимъ сопровождается слабымъ implosio, переходъ отъ нихъ къ гласнымъ — слабымъ explosio. Эти слабые взрывные элементы являются однако необходимой принадлежностью ихъ [2]) и потому обозначаются при слоговыхъ плавныхъ и носовыхъ какъ переходные звуки: *n̥ⁿa*, *r̥ʳe* и пр.

---

1) l finissant la syllabe comporte un contact moins fort, par conséquent des orifices plus grands et des bruits consonantiques affaiblis, en un mot, elle est plus vocalique (MSL XVI, 282).

2) На этомъ основаніи проф. Богородицкій въ своемъ «Опытѣ физіологіи»... 36 могъ причислить носовые звуки къ взрывнымъ и плавные къ фрикативнымъ. Но такимъ образомъ затемняется пониманіе природы этихъ звуковъ какъ преимущественно сонорныхъ, особенно когда они слоговые. Кромѣ того и l, r нужно считать тогда частично-взрывными. Воспользуюсь случаемъ исправить искажающій смыслъ недосмотръ въ моей рец.: ЖМНПр, XXV, 1910, № 1, отд. 2, стр. 191, строка 15 сн. нужно читать «свойственъ» вм. «несвойственъ», и сообразно съ этимъ нужно нѣсколько измѣнить нѣкоторыя слѣдующія затѣмъ въ томъ же отрывкѣ выраженія.

Для производства этихъ взрывныхъ элементовъ нуженъ частичный затворъ. Если начинающіе говорить дѣти не дѣлаютъ затвора *l* противъ верхнихъ зубовъ, то они должны дѣлать его въ другомъ мѣстѣ; причемъ кончикъ языка остается за нижними зубами. Это положеніе кончика удобнѣе, такъ какъ передняя спинка опущена, а задняя артикулируетъ энергично, образуя задній подъемъ. Тогда при частичномъ глубокомъ заднеязычномъ затворѣ (взрывѣ) получается очень сходный съ зубнымъ звукъ *л*. Судя по описаніямъ нѣкоторыхъ иностранныхъ фонетиковъ, такъ частію производится русское *л*, индивидуально или діалектически (вопреки MSL 1. c. 280).

Но я наблюдалъ нерѣдко индивидуальное *l*, при которомъ кончикъ языка за нижними зубами, а взрывъ производится частичнымъ закрытіемъ губъ, безъ округленія и выпячиванія впередъ, такъ что только боковыя части открытой въ срединѣ губной щели вдругъ раскрываются и этимъ производятъ звукъ взрыва, похожій на взрывъ кончика языка противъ верхнихъ зубовъ. Внезапнымъ такимъ закрытіемъ производится implosio. Но этотъ звукъ *l* уже настолько близокъ физіологически и акустически къ *ŭ*, что онъ въ сущности не то *l*, не то *ŭ*. Появленіе индивидуальнаго и діалектическаго *ŭ* вм. *l*, какъ въ «uапа», «даŭ», такимъ образомъ вполнѣ понятно изъ указанной артикуляціи губъ, и слѣдовательно причина его кроется въ физіологическихъ условіяхъ производства *l*.

Что діалектическое *ŭ* изъ *l* появилось преимущественно въ концѣ слога, объясняется вѣроятно тѣмъ, что implosio вообще гораздо менѣе слышно, чѣмъ explosio. И въ *ла* взрывъ *л* гораздо болѣе слышенъ, чѣмъ въ *ал*. Поэтому слухъ заставлялъ новыя поколѣнія въ гораздо большей степени производить зубной взрывъ при *ла*, чѣмъ при *ал*, такъ что дѣти, удовлетворявшіяся губнымъ implosio въ «даŭ», «даŏ» и пр., были еще вынуждены дѣлать при «лапа» и пр. зубной затворъ для полученія болѣе яснаго взрыва.

А. И. Томсонъ.

Неизвѣстная статья В. Г. Бѣлинскаго.

Въ 1845 г. подъ редакціей Некрасова вышла «Физіологія Петербурга, составленная изъ трудовъ русскихъ литераторовъ». Этотъ сборникъ занимаетъ важное мѣсто въ исторіи того литературнаго жанра, который въ сороковыхъ годахъ носилъ у насъ названіе «физіологій» и былъ тѣсно связанъ съ основными тенденціями русской «натуральной школы». Бѣлинскій придавалъ большое общественное и литературное значеніе физіологическимъ очеркамъ, и принялъ живое участіе въ некрасовскомъ сборникѣ. Въ библіографической хроникѣ «От. Записокъ» 1845, т. 39, стр. 63, и въ I части самого сборника, имя Бѣлинскаго стоитъ первымъ въ ряду сотрудниковъ «Физіологіи» (Бѣлинскій, Даль, Гребенка, Григоровичъ и Некрасовъ). Давно было извѣстно, что Бѣлинскому принадлежитъ статья «Петербургъ и Москва», помѣщенная въ I части «Физіологіи Петербурга» и подписанная полнымъ именемъ критика. Она входитъ теперь во всѣ собранія его сочиненій. С. А. Венгеровъ (см. т. IX полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго) съ непререкаемою убѣдительностью призналъ Бѣлинскаго авторомъ еще двухъ статей того же сборника (ч. II): «Александринскій театръ» (за подписью: «Театралъ ex officio») и «Петербургская литература» (за подписью «В. Б.»). Мы думаемъ, что Бѣлинскимъ написано также и *анонимное вступленіе къ «Физіологіи Петербурга»*, которое до сихъ поръ, повидимому, склонны были приписывать Некрасову. Свое предположеніе на этотъ счетъ мы сообщили С. А. Венгерову (уже по выходѣ IX тома редактируемаго имъ изданія) и Р. В. Иванову-Разумнику. Первый не нашелъ возможнымъ

категорически высказаться въ пользу Бѣлинскаго, а второй въ только что вышедшемъ собраніи сочиненій Бѣлинскаго подъ его редакціей (т. II, 1061 и т. III, 1018) рѣшительно утверждаетъ, что эта статья «несомнѣнно принадлежитъ перу Бѣлинскаго» [1]). Теперь намъ хотѣлось бы по возможности обосновать свое мнѣніе, тѣмъ болѣе, что г. Ивановъ-Разумникъ, согласившись съ нимъ, лишь слегка намѣчаетъ возможныя доказательства.

Вступленіе занимаетъ въ сборникѣ 22 страницы и, говоря словами самого Бѣлинскаго (въ рецензіи—Венг. IX, 360), «представляетъ собою критическій взглядъ на тотъ родъ изданій, къ которому принадлежитъ *Физіологія Петербурга*».

«Литература, въ обширномъ значеніи этого слова», читаемъ на стр. 15, «представляетъ собою цѣлый живой міръ, исполненный разнообразія и оттѣнковъ, подобно природѣ, произведенія которой дѣлятся на роды и виды, классы и отдѣлы, и отъ громадныхъ размѣровъ слона доходятъ до миніатюрныхъ размѣровъ колибри. Бѣдна литература, не блестящая именами геніальными; но не богата и литература, въ которой все — или произведенія геніальныя, или произведенія бездарныя и пошлыя. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше для литературы».

Русская литература уже владѣетъ нѣсколькими произведеніями истинно-художественными, «твореніями строгаго искусства» (стр. 6).

«При замѣчательномъ (относительно) богатствѣ произведеніями истинно высокими и художественными», у насъ наблюдается однако «удивительная бѣдность порядочными произведеніями для насущнаго потребленія публики» (16). Да, повторяетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (13), «хотя это и странно, однако не подвержено никакому сомнѣнію, что русская литература геніальными произведеніями едва-ли не гораздо богаче, чѣмъ произведеніями обыкновенныхъ талантовъ». А между тѣмъ «произведенія беллетрическія, то, что составляетъ такъ-называемую

1) Статья однако не включена Ивановымъ-Разумникомъ въ редактированное имъ собраніе сочиненій Бѣлинскаго, въ виду ея «спеціальнаго» историко-литературнаго характера.

легкую литературу», имѣетъ весьма существенное значенiе. Вѣдь «большинство читающей публики» нуждается именно въ «произведенiяхъ бельлетрическихъ», по которымъ можно было бы «знакомиться съ многочисленными сторонами русскаго быта, русскаго общества». Что̀ же мы имѣемъ для удовлетворенiя насущной потребности читателя? Существуетъ у насъ довольно много историческихъ романовъ. Но въ нихъ «мы не находимъ ничего, кромѣ историческихъ именъ, и всего менѣе находимъ мы въ нихъ чего нибудь похожаго на древнюю Русь». Это лишь «ученическiе эскизы съ романовъ Вальтера Скотта», а самые факты наскоро выхвачены изъ «Исторiи Государства Россiйскаго» Карамзина. Есть у насъ и «нравоописательные романы», но въ нихъ «нѣтъ ни сатиры, ни нравовъ, потому что нѣтъ взгляда на вещи, нѣтъ идеи, нѣтъ значенiя русскаго общества, а есть только мелочной сатиризмъ, школьное критиканство, устремленное не на дикiя понятiя, не на ревущiя противорѣчiя между европейскою важностiю и азiатскою сущностiю, а на прически à la moujik, на очки, на лорнеты, на усы, эспаньйолки, бороды и тому подобныя невинныя принадлежности моды». Здѣсь найдемъ мы «героевъ добродѣтели и героевъ злодѣйства», но не найдемъ «людей», «характеро̀въ». Еще ниже по своему литературному достоинству стоятъ нравоописательныя повѣсти, нравоописательные и нравственно-сатирическiе очерки и юмористическiя статейки. Наконецъ, «у насъ совсѣмъ нѣтъ бельлетрическихъ произведенiй, которыя бы въ формѣ путешествiй, поѣздокъ, очерковъ, разсказовъ, описанiй, знакомили съ различными частями безпредѣльной и разнообразной Россiи». То, что̀ было у насъ въ этомъ родѣ, «отъ чувствительнаго «Путешествiя въ Малороссiю» князя Шаликова, до фразистой «Поѣздки въ Ревель» Марлинскаго», въ счетъ итти не можетъ. Объ этомъ приходится сожалѣть тѣмъ болѣе, что Россiя представляетъ богатѣйшiй матерiалъ для такого рода литературы. Не мѣшало бы намъ взять примѣръ съ Францiи. «Во Францiи, обо всякомъ уголкѣ ея, сколько-нибудь и въ какомъ нибудь отношенiи замѣчательномъ, не одна книга написана, а сочиненiя о Парижѣ образуютъ собою большую отдѣльную литературу». Хорошо освѣдомленный авторъ называетъ такiя изданiя, какъ: «Книгу Ста-Одного», «Un Été à Paris» съ текстомъ Жюль Жанена, «Le Diable à Paris» и «Les

Français peints par eux-mêmes». «А назадъ тому лѣтъ двадцать, сколько являлось во Франціи разныхъ «Пустынниковъ» и парижскихъ, и лондонскихъ, и Богъ — знаетъ какихъ еще»! Русскіе пробовали подражать французамъ въ этомъ жанрѣ. Таковы за послѣднее время изданія: *Сто русскихъ литераторовъ*, *Бесѣда русскихъ литераторовъ*, *Наши, списанные съ натуры Русскими*. Но прочнаго успѣха они не имѣли, хотя, напр., «Наши» «представили нѣсколько статей болѣе или менѣе удовлетворительныхъ». Гдѣ причина подобнаго явленія? Авторъ внимательно останавливается на выясненіи этого вопроса. Главную причину неуспѣха онъ видитъ въ «отсутствіи важнаго взгляда на общество, которое всѣ эти изданія взялись изображать». А это было въ сущности не такъ уже трудно: авторы могли бы найти «готовую и притомъ важную точку зрѣнія на общество въ произведеніяхъ тѣхъ немногихъ русскихъ поэтовъ, которые умѣли постигнуть тайну русской дѣйствительности» (12—13). Въ подтвержденіе дѣлается ссылка на сочиненія Гоголя, Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова.

Далѣе, въ противоположность тѣмъ же французамъ, русскіе писатели (если исключить сотрудниковъ журналовъ) не привыкли къ коллективной работѣ. «Духъ парціальности» мѣшаетъ имъ «дѣйствовать дружно и совокупными силами». Эта «парціальность» имѣетъ свои серьезныя основанія, и было бы трудно соединить людей иной разъ съ самыми противоположными взглядами на вещи. «Причины разъединенности и полемическихъ отношеній, въ которыхъ находятся другъ къ другу наши литераторы и которыя не допускаютъ ихъ дѣйствовать за одно, скрываются въ неопредѣленномъ, неустановившемся и пестромъ характерѣ самой нашей общественности» (17). И авторъ чрезвычайно мѣтко развиваетъ свою мысль о «пестротѣ» литературныхъ симпатій и вкусовъ въ русскомъ обществѣ: «одинъ благоговѣетъ передъ писателями старой школы, и видитъ высокіе образцы литературы только въ Ломоносовѣ, Державинѣ и Карамзинѣ; другой присовокупляетъ къ нимъ Жуковскаго и косо смотритъ на Пушкина; третій совершенно холоденъ къ стариннымъ писателямъ, во имя Пушкина; четвертый, преклоняясь передъ новыми писателями, враждебно смотритъ на старинныхъ; пятый, удивляясь генію Пушкина, не понимаетъ, какъ можно восхищаться «фарсами» Гоголя,

разумѣя подъ этими «фарсами» *Ревизора* и *Мертвыя души*»... (18). Наконецъ, немало мѣшаетъ продуктивности русскихъ писателей также «странная раздражительность, проистекающая все изъ той же неопредѣленности и дѣтскости нашей общественности» (19). Русскій человѣкъ легко обижается, всюду видитъ «личности и намеки». Подкрѣпивъ свою мысль цитатами изъ гоголевскихъ произведеній («Носъ» и «Мертвыя души»), авторъ приходитъ къ выводу, что вообще «мы не имѣемъ даже ни малѣйшаго понятія о *публичности*». То ли дѣло французы, которые умѣютъ жить и веселиться и добродушно посмѣяться другъ надъ другомъ, которые издаютъ «столько дѣльныхъ и важныхъ сочиненій» и «въ то же время снабжаютъ легкимъ чтеніемъ всю Европу и весь образованный міръ» (22). Итакъ, причины скудости у насъ «легкой», «бельлетрической» литературы «столько же, если еще не болѣе, скрываются въ самой публикѣ, какъ и въ литераторахъ» (22).

Было бы однакожъ неблагоразумно «успокоиться, сложивъ руки, на подобномъ неутѣшительномъ результатѣ». Нужно дѣйствовать. Съ этой цѣлью и предпринимается изданіе «Физіологіи Петербурга». Правда, уже имѣются описанія столицы, напр., «Панорама Петербурга» Башуцкаго. Но они носятъ «характеръ болѣе оффиціальный, нежели литературный». Съ другой стороны, сочиненія Гоголя, кн. Одоевскаго, гр. Соллогуба, казака Луганскаго, Панаева и др., гдѣ изображается петербургская жизнь, «нисколько не дѣлаютъ излишнею книги въ родѣ издаваемой теперь нами». «Цѣль каждаго изъ нихъ, отдѣльно взятаго, опредѣляется лежащею въ его основаніи поэтическою мыслію, которая открывается въ развитіи событія и характеровъ. Сочиненія Гоголя, въ особенности, чужды всякой исключительной цѣли: знакомя читателя съ петербургскимъ жителемъ, они въ то же время знакомятъ его и съ человѣкомъ вообще и съ русскимъ человѣкомъ въ особенности: цѣль возможная только для великаго художника,—цѣль, къ которой могутъ стремиться другіе болѣе или менѣе богатые даромъ творчества писатели, но въ которой едва-ли кто у насъ можетъ съ нимъ соперничать»! (25). Составители «Физіологіи Петербурга» смотрятъ на свою задачу безъ особенныхъ притязаній. Имъ просто хотѣлось «составить книгу въ родѣ тѣхъ, которыя такъ часто появляются во французской литературѣ» (26), дать «опытъ характе-

ристики Петербурга, нѣсколько очерковъ его внутреннихъ особенностей» (23). «Москва, менѣе чѣмъ Петербургъ подвергавшаяся художественному воспроизведенію, была счастливѣе, въ нѣкоторомъ отношеніи, чѣмъ Петербургъ, на характеристическія изображенія ея физіономіи». Таковы за послѣднее время—«Москва и Москвичи» Загоскина и «Очерки московской жизни» Вистенгофа. Въ томъ и другомъ сочиненіи авторъ видитъ однако серьезные недостатки и заканчиваетъ свое вступленіе слѣдующими словами (27): «Мысль односторонняя, часто устарѣлая, еще чаще сдѣлавшаяся общимъ мѣстомъ, или совершенное отсутствіе мысли— вотъ недостатокъ, которымъ особенно страдаетъ наша легкая литература, — и съумѣли ли мы избѣгнуть этихъ недостатковъ (особенно втораго): судить объ этомъ публикѣ. Мы можемъ сказать только, что старались сдѣлать, что̀ было въ нашихъ силахъ. И если эти два выпуска найдутъ себѣ читателей, то за ними появятся и другіе».

Вотъ содержаніе «вступленія» къ «Физіологіи Петербурга».

Кто могъ быть авторомъ этой статьи? Ее можно приписать только двумъ лицамъ: или Некрасову или Бѣлинскому.

Некрасовъ въ 1845 г. занималъ самое скромное положеніе среди тогдашнихъ литераторовъ. Авторъ легкихъ театральныхъ пьесокъ, небольшихъ разсказовъ, онъ только что обратилъ на себя вниманіе Бѣлинскаго нѣсколькими хорошими стихотвореніями и кое-какими рецензіями въ «Отеч. Запискахъ». Критикъ уже провидѣлъ въ Некрасовѣ крупную силу, но все же будущій издатель «Современника», по выраженію Пыпина, еще «учился на Бѣлинскомъ» (Пыпинъ, Н. А. Некрасовъ. Стр. 205). Если Некрасовъ въ качествѣ редактора и принималъ какое-нибудь участіе въ составленіи предисловія, то оно могло относиться лишь къ послѣднимъ пяти страницамъ (23—27), гдѣ опредѣляется мѣсто «Физіологіи Петербурга» среди аналогичныхъ изданій. Считать же Некрасова авторомъ всего вступленія ни въ коемъ случаѣ нельзя. Для насъ, какъ и для Р. В. Иванова-Разумника, несомнѣнно, что оно написано Бѣлинскимъ. Въ доказательство мы могли бы привести слѣдующія данныя.

Во-первыхъ, *общее впечатлѣніе* отъ статьи. Несмотря на ея скромное назначеніе — служить предисловіемъ къ сборнику, статья задумана весьма широко. Какъ нерѣдко мы видимъ у Бѣлинскаго, что частный,

иной разъ даже малозначительный поводъ даетъ ему основаніе поднимать общій вопросъ,—такъ и здѣсь частный, или, по выраженію г. Иванова-Разумника, «спеціальный историко-литературный вопросъ» о физіологическихъ очеркахъ побудилъ автора коснуться общаго состоянія русской литературы, взаимоотношенія художественныхъ и «бельлетрическихъ» произведеній, геніевъ и талантовъ въ русской литературѣ, писателей и читателей, русскаго и французскаго общества и т. п. Все это были большіе и очередные вопросы въ эпоху сороковыхъ годовъ. Для автора вступленія они, видимо, не были ни новыми, ни запутанными. Онъ свободно распоряжается всѣми фактами изъ исторіи русской литературы и обо всемъ судитъ горячо и съ полной увѣренностью. Нельзя и подумать, чтобы вступленіе написано было малоопытнымъ литераторомъ, который пишетъ ad hoc, выясняя лишь значеніе даннаго изданія. Некрасовъ 1845 г. положительно былъ бы не въ состояніи дать такой сжатой и въ то же время многосодержательной критической статьи. Тонъ статьи, ея стиль, порою можетъ показаться нѣсколько суховатымъ для Бѣлинскаго. Но вѣдь и Бѣлинскій не всегда писалъ одинаково; а передъ нами сейчасъ лишь дѣловое вступленіе къ изданію. Но даже и тутъ есть цѣлыя страницы (особенно 14—22 стр.), гдѣ, правда, въ сдержанной формѣ, чувствуется обычный паѳосъ Бѣлинскаго. Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, выводъ, подсказываемый общимъ впечатлѣніемъ, вполнѣ подтверждается анализомъ содержанія статьи. Всѣ ея основныя идеи, а также отдѣльныя характеристики совершенно совпадаютъ съ тѣмъ, что̀ мы находимъ въ другихъ статьяхъ Бѣлинскаго и въ особенности въ статьяхъ сороковыхъ годовъ. Временами близость доходитъ чуть не до текстуальнаго сходства.

а) Въ цѣломъ рядѣ своихъ статей Бѣлинскій разсматриваетъ вопросъ о сущности и значеніи *«бельлетрическихъ произведеній»*. Весь ходъ нашей литературы ставилъ критика въ необходимость примирить беллетристику съ основными принципами эстетики, выяснить отношеніе беллетристики къ чисто-художественнымъ созданіямъ и доказать законность ея существованія. Бѣлинскій это и сдѣлалъ: въ его эстетическомъ кодексѣ сороковыхъ годовъ нашлось мѣсто и для «бельлетрическихъ» произведеній. Какъ до изданія «Физіологіи Петербурга» (Венг. Бѣл. V, 213—214,

219; VI, 305—6), такъ и по ея выходѣ Бѣлинскій одинаково горячо защищалъ идею о важности беллетристики. Едва ли у кого-нибудь другого изъ русскихъ литераторовъ сороковыхъ годовъ мы найдемъ что-либо подобное [1]). Такъ, въ разборѣ книги Никитенка «Опытъ исторіи русской литературы» (1845) Бѣлинскій разграничиваетъ поэзію, какъ искусство, отъ «бельлетристики» (Венг. IX, 417—419), а въ рецензіи 1845 г. на сочиненіе Н. Полевого «Столѣтіе Россіи, съ 1745 до 1845 года» (Солд. X, 177—181) мы читаемъ тѣ же самыя разсужденія о беллетристикѣ, что̀ и въ вступленіи. Даже выраженіе «легкое чтеніе», употребленное въ началѣ вступленія, совершенно въ томъ же освѣщеніи встрѣчаемъ, напр., въ отзывѣ Бѣлинскаго о тринадцатомъ выпускѣ «Нашихъ» уже въ 1842 г. (Венг. VII, 502): «Такія статьи, какъ «Барышня», «Армейскій Офицеръ», «Гробовой мастеръ» и «Няня», конечно, не составляютъ собою капитальныхъ произведеній литературы, не представляютъ чего-нибудь необыкновеннаго или особеннаго; но онѣ доставляютъ пріятную пищу для легкаго чтенія, въ которомъ особенно нуждается русская публика. Но даже какъ хорошій запасъ для легкаго чтенія, «Наши»—пріятное явленіе въ русской литературѣ, ибо, повторяемъ, по части легкаго—то чтенія она и бѣдна особенно» [2]).

б) Въ частности вопросъ о значеніи *физіологическихъ очерковъ* усиленно разрабатывается Бѣлинскимъ въ статьяхъ сороковыхъ годовъ, при чемъ то и дѣло авторъ проводитъ параллель между Франціей и Россіей. Напр., въ 1843 г. критикъ даетъ отзывъ о двухъ французскихъ «физіологіяхъ» въ русскомъ переводѣ («Физіологія театровъ въ Парижѣ и въ провинціяхъ», соч. Куайляка, и «Физіологія Вивёра (Любителя наслажденія)», соч. Джемса Руссо) и набрасываетъ тѣ же мысли, которыя потомъ развиваются въ «вступленіи». Критикъ не радуется появленію именно этихъ произведеній въ русскомъ переводѣ, но съ похвалой отзывается о «легкости, игривости и остроуміи, съ какими фран-

1) Вал. Майковъ, очевидно, слѣдовалъ Бѣлинскому въ развитіи этой идеи. Ср. Бѣл. Венг. V, 555 стр., прим. 109.

2) Ср. о «легкомъ чтеніи» еще въ рецензіи на «Уголъ» Александрова (Дуровой) 1840 г. (Венг. V, 389), въ статьѣ «Русская литература въ 1845 г.» Бѣл. Солдат. X, 294—5 и пр.

цузы воспроизводятъ свою національную жизнь въ юмористическихъ и нравоописательныхъ очеркахъ. Это не то̀, что̀ наши стопудовыя и отзывающіяся по̀томъ труда и напряженія сатирическія и нравоописательныя статьи и статейки, въ которыхъ денежная спекуляція таращится изображать русскую жизнь и съ-лица и съ-изнанки, а между тѣмъ изображаетъ ее только навыворотъ, не похожею ни на какую жизнь» (Венг. VIII, 221). Мы видимъ, кромѣ того, что здѣсь, какъ и въ вступленіи, Бѣлинскій не очень жалуетъ «сатирическія и нравоописательныя статьи и статейки» русскихъ авторовъ. Русскіе физіологическіе очерки все болѣе и болѣе завоевываютъ его симпатіи, а въ срединѣ сороковыхъ годовъ онъ уже говоритъ о нихъ, какъ объ одномъ изъ существенныхъ видовъ литературнаго творчества. Физіологическіе очерки Даля онъ готовъ поставить чуть не рядомъ съ произведеніями Гоголя (Русская литература въ 1845 г.—Солд. X, 294. Ср. ib., XI, 114—115). Въ послѣдней большой статьѣ «Взглядъ на русскую литературу въ 1847 г.», перечисляя господствующіе у насъ роды литературы, критикъ категорически говоритъ (Солд. XI, 371): «кромѣ «разсказа», давно уже существовавшаго въ литературѣ, какъ низшій и болѣе легкій видъ повѣсти, недавно получили въ литературѣ право гражданства такъ называемыя физіологіи, характеристическіе очерки разныхъ сторонъ общественнаго быта».

в) Авторъ вступленія, видимо, особенно дорожитъ своей мыслью, что русская литература можетъ гордиться нѣсколькими геніальными произведеніями, а *бѣдна — средними талантами*, которые, можетъ быть, и есть, но мало продуктивны. Послѣднее обстоятельство, какъ мы видимъ, ставится въ связь съ особыми условіями русской *общественности* (стр. 6, 12—16, 18—21). То же самое и почти буквально читаемъ въ разныхъ статьяхъ Бѣлинскаго.

Разборъ «Героя нашего времени» (1840) Бѣлинскій начинаетъ, напр., съ положенія, что наша молодая литература, въ противоположность французской, «по справедливости можетъ гордиться значительнымъ числомъ великихъ художественныхъ созданій, и до нищеты бѣдна бельлетрическими произведеніями, которыя, естественно, должны бы далеко превосходить первыя въ количествѣ». (Венг. V, 291. Ср. ib.,

229—230). Беремъ далѣе обзоръ «Русская литература въ 1840 году» (Венг., т. V). Исходя изъ мысли, что «литература не можетъ существовать безъ публики, какъ и публика безъ литературы» (480), критикъ задается вопросомъ, что такое русская публика. Изъ приведенныхъ имъ фактовъ явствуетъ, что наша публика еще не созрѣла до того, чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнивать истинно художественныя произведенія литературы. А главное — «какая калейдоскопическая пестрота» — наше общество! «У насъ есть возможность публики, и со временъ Пушкина даже замѣтно начало, зародышъ литературной публики; но у насъ еще литературной публики въ собственномъ и обширномъ значеніи этого слова нѣтъ» (485). А это положеніе вещей отражается и на литературѣ. У насъ есть «извѣстное и даже значительное число превосходныхъ художественныхъ произведеній», но это не можетъ составить литературы. Въ европейскихъ странахъ рядомъ съ геніями мы видимъ множество второстепенныхъ талантовъ. Наша литература какъ-то «сонно тянется, а не развивается» (486); «у насъ авторство—какая-то тяжелая, медленная и напряженная работа» (487). Пушкинъ и Гоголь пишутъ мало. О другихъ и говорить нечего. Даже «и самая посредственность у насъ безплодна,—посредственность, которая, приходясь по плечу толпѣ, успѣвала иногда пріобрѣтать успѣхи, свойственные только таланту и генію» (487). «Тогда-какъ французскіе журналы и даже газеты набиты оригинальными повѣстями» (ib.). Бѣда въ томъ, что «и наши авторы и наша литературная публика — существованія проблематическія, а не положительныя» (488). Въ статьѣ о стихотвореніяхъ Баратынскаго (1842 г.) характеристика литературной публики очень близко напоминаетъ соотвѣтствующія мѣста вступленія. «Есть люди», читаемъ здѣсь (Венг. VII, 471), «для которыхъ русская поэзія умерла съ Ломоносовымъ и Державинымъ, и которые хотя не оспариваютъ заслугъ Жуковскаго, однако и неохотно говорятъ о нихъ. Есть люди, которые не иначе могутъ восхищаться Жуковскимъ, какъ отрицая всякое поэтическое достоинство въ Пушкинѣ. Но сколько теперь такихъ, которые, юношами встрѣтивъ первые опыты таланта Пушкина, остановившись на Пушкинѣ, не въ силахъ ни на шагъ двинуться впередъ, и откровенно признаются, что не видятъ ничего особеннаго и

необыкновеннаго въ Гоголѣ. Другіе же, которыхъ первыя созданія Гоголя застали еще въ порѣ юности, въ порѣ живой и быстрой воспріемлемости впечатлѣній и способности умственнаго движенія,—высоко цѣнятъ и Пушкина и Гоголя; но даже и не подозрѣваютъ существеннаго значенія Лермонтова. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобъ они не признавали въ Лермонтовѣ таланта: нѣтъ, кто отъ поэзіи Пушкина перешелъ черезъ поэзію Гоголя, тотъ уже по-неволѣ видитъ дальше и глубже людей, остановившихся на Пушкинѣ, и не можетъ не восхищаться опытами Лермонтова; но восхищаться поэтомъ и понимать его—это не всегда одно и то же... И всѣ эти поклонники разныхъ мнѣній, живутъ въ одно и то же время, раздѣляясь на пестрыя группы представителей и прошедшихъ уже, и проходящихъ, и существующихъ еще поколѣній».

Когда I часть «Физіологіи Петербурга» вышла въ свѣтъ и подверглась обстрѣлу критики, Бѣлинскій, какъ это было и по отношенію къ первому пункту, открыто принялъ сторону автора «вступленія» и горячо развивалъ его идеи, какъ свои собственныя.

Въ рецензіи на II часть «Физіологіи» онъ нападаетъ на «одинъ журналъ», который позволилъ себѣ исказить такія мысли предисловія къ первой части «Физіологіи», какъ—«у насъ, въ литературѣ, болѣе хорошихъ произведеній, ознаменованныхъ печатью художественности, нежели хорошихъ бельлетрическихъ произведеній» (Венг. IX, 471).

Въ упомянутой ранѣе рецензіи на книгу Полевого «Столѣтіе Россіи» (1845) Бѣлинскій, разграничивъ беллетристику и художественное творчество, говоритъ (Солд. X, 181): «Бельлетристика сама по себѣ не можетъ составить богатства литературы; но, при сильномъ развитіи науки и искусства въ народѣ, она дѣлаетъ литературу богатою и блестящею. Доказательствомъ тому служитъ французская литература, переводы съ которой наводняютъ всѣ другія европейскія литературы. Вотъ почему одинъ изъ недостатковъ, одинъ изъ очевидныхъ признаковъ бѣдности русской литературы состоитъ въ томъ, что у насъ почти нѣтъ бельлетристики и больше геніевъ, нежели талантовъ (*что бы ни говорили и какъ бы не издѣвались надъ этою мыслію невѣжды*[1]), умѣющіе

1) Курсивъ нашъ.

придираться только къ словамъ, но не понимающіе мыслей!). Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стòитъ только взглянуть на исторію русской литературы». Въ доказательство приводятся факты изъ исторіи русской литературы.

Въ томъ же 1845 г., давая отзывъ о переводахъ Ал. Дюма («Графъ Монте-Кристо» и «Три мушкетера») Бѣлинскій еще разъ пишетъ (Солд. X, 215): «Чтò бы ни говорили о *насъ* [1]) остроумные противники наши, но мы не перестанемъ повторять, что въ русской литературѣ больше геніевъ, нежели талантовъ, болѣе художниковъ, нежели беллетристовъ». Конечно, и геніевъ у насъ не особенно много, но они «замѣтнѣе и долговѣчнѣе талантовъ». При томъ наши таланты такъ мало пишутъ! Между тѣмъ «беллетристика есть мѣрка богатства всякой литературы. И не одна литература въ мірѣ не можетъ равняться въ этомъ отношеніи съ французскою. Искусство писать до того развилось во Франціи, что какъ будто сдѣлалось второю природою французовъ. Оттого во Франціи есть чтò читать, да и вся Европа читаетъ французскихъ писателей, всѣ европейскія литературы живутъ переводами съ французскаго».

Въ «Мысляхъ и замѣткахъ о русской литературѣ», первоначально напечатанныхъ въ «Петербургскомъ Сборникѣ» 1846 г., мы опять имѣемъ дѣло съ защитой тѣхъ же самыхъ идей. «Разъ гдѣ-то была высказана мысль», говоритъ Бѣлинскій (Солд. XII, 263) съ весьма прозрачнымъ намекомъ на «Физіологію», «что у насъ больше художественныхъ, нежели беллетристическихъ произведеній, больше геніевъ, нежели талантовъ. Какъ всякая *самобытная и оригинальная мысль*, она возбудила толки. И дѣйствительно, съ перваго взгляда эта мысль можетъ показаться страннымъ парадоксомъ; но тѣмъ не менѣе она справедлива въ основаніи. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стòитъ только бросить бѣглый взглядъ на ходъ нашей литературы, отъ ея начала до настоящаго времени». Та же горячая защита «самобытной и оригинальной мысли», тотъ же характеръ аргументаціи, тѣ же сѣтованія, что «у насъ нѣтъ беллетристики, и публикѣ нечего читать», и, наконецъ, тѣ же ссылки на

---

1) Курсивъ нашъ.

Францію, гдѣ «это дѣлается иначе» (266)[1]. Въ «Мысляхъ и замѣткахъ» нѣсколькими страницами выше характеризуется также «наша читающая публика» въ выраженіяхъ, почти тожественныхъ съ «вступленіемъ». «Наша читающая публика», говоритъ Бѣлинскій (Солд. XII, 259), «такъ же разнообразна, пестра и не единична, какъ и наше общество. Между нею есть люди, для которыхъ «Ревизоръ» и «Мертвыя Души» грубые фарсы, а «Сенсаціи госпожи Курдюковой» остроумнѣйшее произведеніе; есть люди, которые, какъ сказалъ Гоголь, «любятъ потолковать о литературѣ, хвалятъ Булгарина, Пушкина и Греча, и говорятъ съ презрѣніемъ и остроумными колкостями объ А. А. Орловѣ». Отмѣтивъ, что «такіе чтецы (читателями ихъ грѣхъ назвать)» не въ состояніи понять истинной критики, Бѣлинскій снова подчеркиваетъ «какую-то незрѣлость, какую-то шаткость и неопредѣленность» нашей общественности. Особенно прискорбное доказательство этого онъ видитъ въ томъ, что «произведеніе, вѣрно схватывающее какія-нибудь черты общества, считается у насъ часто пасквилемъ, то на общество, то на сословіе, то на лица». И критикъ указываетъ различные примѣры нетерпимости и «раздражительности» какъ со стороны публики, такъ и со стороны литературныхъ судей. Общій выводъ на этотъ разъ все же довольно утѣшителенъ: «и литература и общество наше еще слишкомъ молоды и незрѣлы, но въ нихъ кроется много здоровой жизненной силы, обѣщающей богатое развитіе въ будущемъ» (263).

Итакъ, Бѣлинскій называетъ *своей* и при томъ самобытной и оригинальной — мысль о соотношеніи художественныхъ и бельлетристическихъ произведеній, страстно отстаиваетъ этотъ взглядъ и вполнѣ солидаренъ съ авторомъ вступленія къ «Физіологіи» въ пониманіи причинъ, породившихъ данный фактъ, т. е. въ пониманіи характера нашей общественности.

г). Каждый, знакомый съ литературными взглядами Бѣлинскаго, не усомнится, что отзывы, какіе мы находимъ во вступленіи къ «Физіологіи» относительно русскихъ историческихъ романовъ, нравоописательныхъ

---

1) Ср. Сочиненія Бѣлинскаго, подъ редакціей Иванова-Разумника, т. III, стр. 518.

романовъ и сатирическихъ очерковъ, объ отдѣльныхъ изданіяхъ (Наши, Сто р. литераторовъ, Бесѣда р. литераторовъ, «Москва и москвичи» Загоскина и пр.), объ отдѣльныхъ писателяхъ (Гоголь, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Марлинскій и т. д.),—вполнѣ согласуются съ критическими оцѣнками Бѣлинскаго. Едва-ли это и нужно подкрѣплять соотвѣтствующими цитатами.

Сдѣланныхъ сопоставленій, на нашъ взглядъ, вполнѣ достаточно, чтобы съ увѣренностью признать авторомъ вступленія къ «Физіологіи Петербурга» именно Бѣлинскаго, а не кого-либо другого.

П. Сакулинъ.

И. С. Пересвѣтовъ и западная культурно-историческая среда.

Пребываніе Пересвѣтова на Западѣ въ связи съ службой въ разныхъ государствахъ наводитъ насъ на мысль о возможности западнаго вліянія въ его сочиненіяхъ. Есть для этого и другое болѣе глубокое основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, многія мысли нашего публициста не находятъ себѣ объясненія ни въ предшествующей русской литературѣ, ни въ современномъ ему русскомъ обществѣ. Правда, оригинальная личность писателя не подлежитъ сомнѣнію: она сказывается во всемъ. Но если и такъ, все же остается въ силѣ вопросъ, среди какихъ условій выросла и развилась эта оригинальная индивидуальность, какія событія и факты на нее повліяли, какая культурно-историческая среда обусловила направленіе и характеръ ея дѣятельности. История русской культуры не даетъ полнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Его нужно искать на Западѣ.

Вторая половина XV вѣка и начало XVI представляютъ въ западно-европейской исторіи эпоху во многихъ отношеніяхъ замѣчательную. Къ этому промежутку времени относится конецъ среднихъ вѣковъ и начало новой исторіи. Гуманизмъ и реформація въ области духовной культуры и рядъ крупныхъ перемѣнъ въ экономическомъ и политическомъ строѣ Западной Европы являются знаменіями новаго времени [1]). Отживаетъ

---

1) Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени; составлена подъ руководствомъ Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо, т. III и IV, переводъ В. Невѣдомскаго, М. 1897, 1898.

Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время, т. I, Спб., 1892.

Р. Випперъ. Общество, государство, культура Запада въ XVI вѣкѣ. (Статья въ журналѣ Міръ Божій за 1897 г.).

феодализмъ, какъ политическая система, и на развалинахъ его создается сильная монархическая власть. Процессъ борьбы новаго порядка со старымъ строемъ происходитъ одновременно почти во всѣхъ государствахъ; только теченіе его носитъ различный характеръ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій страны, состоянія ея политическихъ учрежденій и соотношенія дѣйствующихъ политическихъ силъ. Особенно замѣтно къ концу XV вѣка торжество абсолютно-монархическаго начала во Франціи, Англіи и Испаніи; аналогичныя явленія наблюдаются и въ Германіи, гдѣ возрастаетъ значеніе владѣтельныхъ князей, а также въ итальянскихъ городахъ, гдѣ еще ранѣе на почвѣ быстраго экономическаго развитія падаетъ связь правительственной власти съ землевладѣніемъ, столь характерная для феодальной системы. Однако не во всей Европѣ политическая борьба на рубежѣ новаго времени закончилась побѣдой монархическаго принципа государственности. Были страны, гдѣ взяли верхъ не центростремительныя, а центробѣжныя силы. Такова судьба Венгріи, Чехіи и Польши. Здѣсь чрезмѣрный ростъ привилегій дворянства совершенно парализовалъ королевскую власть, создалъ анархію, которая и привела эти страны къ утратѣ политической самостоятельности. Венгрія и Чехія пали въ самомъ началѣ новой исторіи. Польша просуществовала гораздо долѣе, но и въ ней въ первую треть XVI вѣка происходилъ любопытный процессъ внутренней борьбы, исходъ котораго въ значительной степени предрѣшалъ ея судьбу; и если все-таки Польша оставалась независимой, то потому только, что въ то время не было у нея сильныхъ и вполнѣ организованныхъ сосѣдей. Внутреннее состояніе тогдашней Польши для насъ интересно въ особенности. Вѣдь изъ второй челобитной Пересвѣтова[1]) мы знаемъ, что, находясь на военной службѣ сначала у венгерскаго короля, потомъ у чешскаго, онъ состоялъ въ наемномъ отрядѣ польскихъ дворянъ, служившихъ съ дозволенія своего государя. Пребываніе Пересвѣтова въ польской средѣ, относящееся приблизительно къ 30-мъ годамъ XVI столѣтія, продолжалось по крайней мѣрѣ 6 лѣтъ и,

---

1) Сочиненія Пересвѣтова, изд. въ приложеніи къ моей работѣ «И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI вѣка», появившейся въ Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Моск. унив. 1908 г., кн. I и отдѣльно.

уже по одному этому надо предполагать, не осталось безслѣднымъ для внутренняго развитія нашего публициста.

Подобно большинству государствъ Западной Европы и въ Польшѣ[1]) во второй половинѣ XV вѣка обнаруживается извѣстная тенденція къ усиленію монархической власти. Такіе короли, какъ Казиміръ Ягелло (Kazimierz Jagiellończyk, 1454 — 1492) и Ольбрахтъ (Olbracht, 1492—1501), отличавшіеся силой характера, значительно возвысили королевскій авторитетъ. Но здѣсь усиленіе монархическаго начала было крайне непрочно; такъ какъ, возникнувъ на почвѣ личныхъ качествъ государей, оно не получило гарантіи въ созданіи соотвѣтствующихъ правительственныхъ учрежденій. Утвердившаяся избирательность королей давала важный перевѣсъ аристократической олигархіи; и въ результатѣ борьбы ея съ королемъ, съ одной стороны, и противорѣчія интересовъ магнатовъ и шляхты, съ другой, въ началѣ XVI вѣка, въ правленіе короля Александра (Alexander, 1501 — 1506) является конституція 1505 года, извѣстная подъ названіемъ «nihil novi», согласно которой ни одинъ проектъ не можетъ получить силу закона безъ утвержденія сейма. Въ составъ же сейма входятъ: 1) король, 2) сенатъ, или королевскій совѣтъ изъ высшихъ сановниковъ государства, 3) палата выборныхъ представителей дворянства. Такимъ образомъ укрѣпляется дворянскій парламентаризмъ, которому въ первой половинѣ XVI вѣка и предстоитъ рѣшать серьезную задачу преобразованія средневѣковой Польши. Какъ на Западѣ созданіе крупныхъ государствъ влекло за собою необходимость внѣшней обороны, а для этого устройство постоянной арміи, преобразованіе финансовъ и другія внутреннія реформы, такъ тѣ же самые вопросы возникаютъ и въ Польшѣ съ самаго начала царствованія Сигизмунда I (Zigmunt I, 1506—1548). И замѣчательно, что попытки реформъ отъ 1511 г.—до 1527 г. въ высшей степени напоминаютъ тѣ политическіе проекты Пересвѣтова, съ которыми спустя нѣсколько лѣтъ онъ обратился къ Ивану Грозному.

---

1) Dzieje Polski w zarysie przez Michała Bobrzyńskiego. Tom I, Warszawa, 1887; tom II, Kraków, 1890.

Dzieje Polski za Jagiellonów, napisał Dr. Feliks Koneczny, Kraków, 1903.

Dr. Stanisław Kutrzeba. Historya ustroju Polski w zarysie, Lwów, 1905.

Ополченіе (pospolite ruszenie), собиравшееся въ Польшѣ лишь въ случаѣ войны, уже не удовлетворяло новымъ условіямъ: оно совершенно не было пригодно для веденія продолжительныхъ военныхъ дѣйствій, что и обнаружилось еще во второй половинѣ XV вѣка. Приходилось поэтому пользоваться наемными отрядами жолнеровъ. Какъ спеціалисты военнаго дѣла, жолнеры дѣйствовали успѣшнѣе, но за свой трудъ требовали все большаго и большаго вознагражденія, между тѣмъ какъ королевская казна не располагала средствами, а наемные отряды вслѣдствіе задержки жалованья начинали грабить страну. Такимъ образомъ реформа военная должна была находиться въ тѣсной связи съ финансовой. Есть извѣстіе, что еще въ первые годы царствованія Сигизмунда Янъ Ласкій (Jan Łaski), одинъ изъ высшихъ сановниковъ королевства, составлялъ проекты введенія постоянной государственной казны и постоянныхъ налоговъ. Сеймъ въ 1511 году не принялъ проектовъ Ласкаго, и послѣ этого изъ-за вопроса военно-финансовой реформы завязывается упорная борьба между магнатами и шляхтой. Въ 1512 г. сенатъ предложилъ сейму уничтожить «pospolite ruszenie», замѣнивъ участіе въ немъ опредѣленной податью, на которую и должно было содержаться постоянное войско сначала въ составѣ 3000 чел. Но такъ какъ предложенная подать была установлена неравномѣрно, главной тяжестью своей ложилась на шляхту, то шляхта и отвергла проектъ. Тогда проектъ былъ переработанъ и въ такомъ видѣ принятъ сеймомъ. Преобразованіе состояло теперь въ слѣдующемъ. Вся страна дѣлится на 5 округовъ, дворянство которыхъ обязано отбывать военную службу по-очереди черезъ каждыя 5 лѣтъ; не желающій отбывать лично платитъ извѣстную сумму подати съ коня. Размѣры воинской повинности опредѣляются оцѣнкой имѣній (taksacya). Сеймъ 1514 г., собравшійся въ отсутствіе короля, установилъ порядокъ оцѣнки, поручивъ это дѣло особымъ комиссіямъ; но магнаты, для которыхъ новый законъ былъ невыгоденъ, стали уклоняться отъ оцѣнки; а шляхта, хотя и была на сторонѣ закона, запротестовала противъ собранія сейма безъ короля, видя въ этомъ нарушеніе своихъ правъ. Такъ важная реформа такимъ образомъ осталась неосуществленной, но потребность ея чувствовалась по-прежнему, въ особенности на сеймахъ 1515, 1520, 1523 и 1525 гг., гдѣ шла ожесточенная борьба между крупнымъ и

мелкимъ дворянствомъ изъ-за системы обложенія. Наконецъ, въ 1527 г. самъ король вмѣшался въ эту борьбу и предложилъ новый проектъ таксаціи. Сеймъ постановилъ поручить оцѣнку имѣній въ каждомъ воеводствѣ кастеляну съ двумя представителями шляхты. Послѣ этого преобразованіе, повидимому, входитъ въ жизнь, и на собранныя средства въ 1529 году впервые появляется постоянное войско изъ 3200 конницы и 300 чел. пѣхоты. Реформа пока и ограничилась этимъ незначительнымъ результатомъ. По-прежнему оборона страны остается главнымъ дѣломъ ополченія, попрежнему главную роль въ бюджетѣ играютъ чрезвычайные налоги, утвержденіе которыхъ находится въ рукахъ сейма. Дворянскій парламентаризмъ не можетъ справиться съ настоятельными нуждами времени. Къ этому ведутъ многія причины: и недостатокъ энергіи въ королѣ, неумѣнье его опереться на мелкое дворянство, и неподготовленность самой шляхты къ политической дѣятельности въ строго опредѣленномъ направленіи, и отсутствіе въ Польшѣ экономически сильныхъ городовъ, которые помогли бы королю остановить ростъ привилегій дворянства въ ущербъ городскому и сельскому населенію. Въ результатѣ — политическая слабость, децентрализація, анархія. Какъ бы то ни было, для насъ особенно важенъ самый фактъ наличности въ польскомъ обществѣ первой трети XVI в. остраго сознанія необходимости военно-финансовой реформы именно въ томъ направленіи, въ которомъ въ послѣдствіи предлагалась она у Пересвѣтова. Припомнимъ совѣты его въ первой челобитной. «Таковому силному государю, говоритъ Пересвѣтовъ Грозному, годится со всего царства своего доходы к себѣ въ казну імати і ис казны своея воинником сердца веселити; іно казнѣ его конца не будет, і царство его не оскудѣетъ» [1]). На доходы, собираемые со всего государства въ казну, Пересвѣтовъ совѣтуетъ держать постоянное войско въ 20 тысячъ юнаковъ на южной границѣ, «ізоброчивши ихъ ис казны своимъ жалованіемъ государьскимъ годовымъ» [2]).

Что военно-финансовая реформа была дѣйствительно насущнымъ и, можно сказать, злободневнымъ вопросомъ внутренней политической жизни

1) Сочиненія Пересвѣтова въ указанномъ выше изд., стр. 62.
2) Ibid., стр. 63.

Польши въ первую треть XVI в., объ этомъ свидѣтельствуетъ не только вся исторія сеймовъ того времени, но и тогдашняя публицистическая литература. Еще въ 1507 году въ Краковѣ появился политическій трактатъ на латинскомъ языкѣ Станислава Заборовскаго подъ заглавіемъ: «Tractatus de natura iurium et bonorum regis et de reformatione regni ac eius reipublicae regimine», въ которомъ авторъ ярко выразилъ идею новаго правового государства и настаивалъ на необходимости постояннаго войска, единой государственной казны и справедливаго вознагражденія за военную службу. Вотъ его слова: «Ad primas tamen armigerum expiditiones debetis studium omne et diligentiam in coquendis pecuniis quam maxime adhibere, quoniam pecunia est nervus belli, qua sine nullum bellum geri potest. Eam autem comparabitis, si regni totius consueta antiquitus dari tributa proventusve ac census universi, hac acri pauperum spolatione omissa, in unum fiscum publicum congregati fuerint...»; и далѣе: «Stipendium... et principi exercituum et universo exercitui vestro singulis temporibus ad hoc deputatis sine quavis dilatione impendere debebitis...» [1]).

Такимъ образомъ, едва ли можно сомнѣваться, что Пересвѣтовъ развитіемъ своего интереса къ обсужденію политическихъ вопросовъ былъ обязанъ пребыванію на Западѣ, въ частности въ польской средѣ. Это знакомство съ западной жизнью какъ разъ въ то время, когда происходилъ въ ней крупный историческій переломъ, когда на смѣну старыхъ политическихъ понятій выдвигались новыя, — не только расширило умственный кругозоръ нашего писателя, но, надо думать, отразилось и въ направленіи его послѣдующей публицистической дѣятельности въ особенности по отношенію къ проекту военно-финансовой реформы.

Западная культура сказалась у Пересвѣтова и въ другихъ пунктахъ. Любопытно, что свои политическіе совѣты онъ приписываетъ часто философамъ греческимъ и докторамъ латинскимъ, не разъ съ уваженіемъ

1) Starodawne prawa polskiego pomniki, tomu V-go część pierwsza, Cracoviae MDCCCLXXVIII. «Tractatus de natura iurium et bonorum regis et de reformatione regni ac eius reipublicae regimine, quem in lucem edidit Stanislaus Zaborowski, regni Poloniae thesauri notarius», str. 86, 90.—О Заборовскомъ: Michał Bobrzyński. Stanisław Zaborowski. Studyum z historyi literatury politycznej XVI st. (Przewodnik naukowy i literacki, Lwów 1877, str. 618—637).

отзываясь объ ихъ великой мудрости. Трудно не видѣть въ этомъ отголоска той эпохи на Западѣ, когда возродившаяся античная мудрость являлась главнымъ двигателемъ умственной культуры, когда безъ ссылки на древнихъ не обходилось ни одно литературное произведеніе. Западное славянство еще съ XV вѣка принимало участіе въ гуманистическомъ движеніи, а съ начала XVI вѣка гуманизмъ достигъ здѣсь своего пышнаго расцвѣта. И намъ кажется, что не только въ упоминаніи философовъ и докторовъ можно замѣтить слѣды его у Пересвѣтова. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи мысль объ идеальномъ государѣ, какъ мудрецѣ и философѣ. Волошскій воевода Петръ, по словамъ Пересвѣтова, «ученый философѳъ і докторъ мудрый былъ, і ему служили многіе люди мудрые философѳы і докторы» [1]). Другой идеальный правитель турецкій Махметъ-салтанъ также былъ «философѳъ мудрый по своим книгамъ по турецкимъ» [2]). Это представленіе въ сущности своей восходитъ къ философіи Платона, оно возродилось снова въ гуманизмѣ и благодаря гуманизму распространилось и въ польской политической литературѣ XVI в.: по словамъ изслѣдователя ея Тарновскаго, не одинъ изъ тогдашнихъ польскихъ писателей мечтаетъ о томъ, чтобы «короли были философами или философы королями» [3]).

Есть еще одинъ крупный фактъ въ жизни тогдашней Европы, отразившійся въ сочиненіяхъ Пересвѣтова: это — необычайный интересъ къ порядкамъ турецкой имперіи, которая достигла въ то время высшей степени своего могущества и грозила почти всѣмъ странамъ Европы. Этотъ интересъ къ Турціи, особенно развившійся въ теченіе первыхъ десятилѣтій XVI вѣка, и связь съ нимъ Пересвѣтова уже разсматривались въ пробной лекціи бывшаго приватъ-доцента Московскаго университета Д. Н. Егорова на тему: «Идея «турецкой реформаціи» въ XVI в.» [4]). Г. Егоровъ показалъ, какъ въ Западной Европѣ съ начала XVI в. подъ вліяніемъ

1) Сочиненія Пересвѣтова, стр. 68.

2) Ibid., стр. 71.

3) St. Tarnowski. Studia do historyi literatury polskiej. Pisarze polityczni XVI wieku. Tom. I, w Krakowie, 1886, str. 77.

4) Д. Егоровъ. Идея «турецкой реформаціи» въ XVI в. — Русская Мысль за іюль 1907 г.

поразительныхъ успѣховъ турецкаго оружія, съ одной стороны, и сознанія внутренней политической и соціальной неурядицы переходнаго времени, съ другой, постепенно возникала идеализація турокъ, ихъ нравовъ, обычаевъ, законовъ и всего политическаго строя. Какъ наиболѣе яркое выраженіе этой идеализаціи на Западѣ онъ указалъ меморію, поданную императору въ 1518 г. далматинцемъ Партеніемъ Андроникомъ, который «съ особою любовью останавливается на томъ, какъ у турокъ высоко награждаются государственные подвиги, какія высокія должности занимаютъ тамъ нерѣдко пришельцы изъ чужихъ странъ, оказавшіе имперіи существенныя услуги, насколько турецкій султанъ врагъ всякихъ сословныхъ и иныхъ наслѣдственныхъ привилегій и проч.»[1]). Другой приведенный примѣръ идеализаціи относится къ тому же 1518 г. и представляетъ записку анонима, жителя Рагузы, который рисуетъ такую картину: «Султанъ—единый, всевластный повелитель, всѣ остальные—лишь исполнители его воли, но воля эта благая, направленная на преуспѣяніе страны и народа. Средства султана — огромны и постоянны, замыслы широки, но всегда исполнимы, благодаря тому, что внутри страны царствуетъ довольство, миръ, правда въ судахъ, контроль за оплачиваемымъ чиновничествомъ»[2]). Сопоставляя съ указаннымъ теченіемъ политическіе совѣты Пересвѣтова, г. Егоровъ видитъ въ нихъ рядъ аналогичныхъ тезисовъ, проводящихъ ту же идею «турецкаго учительства» «такъ кратко, ясно и выпукло, какъ ни въ одномъ изъ соотвѣтствующихъ свидѣтельствъ на Западѣ»[3]). Присоединяясь къ общему заключенію изслѣдователя идеи «турецкой реформаціи», двинемся далѣе въ характеристикѣ турецкихъ свѣдѣній Пересвѣтова. Признавъ въ сказаніяхъ Пересвѣтова публицистическую тенденцію, принадлежащую ему лично и развившуюся подъ вліяніемъ западно-европейскихъ политическихъ интересовъ, и выдѣливъ эту тенденцію, мы получимъ извѣстный матеріалъ, который взятъ публицистомъ извнѣ и использованъ въ своихъ цѣляхъ. Въ матеріалѣ этомъ есть, съ одной стороны, нѣкоторая историческая

1) Ibid., стр. 10.
2) Ibid., стр. 11.
3) Ibid., стр. 11.

основа; съ другой—присутствуетъ въ значительной степени легендарный элементъ, который то рѣшительно преобладаетъ, какъ въ сказаніи о книгахъ, то переплетается съ историческимъ, какъ въ сказаніи о Магметѣ-салтанѣ.

Къ исторической основѣ, кромѣ общихъ чертъ личности знаменитаго завоевателя Царьграда султана Магомета II, мнѣ кажется, слѣдуетъ отнести и нѣкоторыя подробности въ разсказѣ Пересвѣтова. Освѣтить эти подробности можетъ сопоставленіе съ однимъ древнѣйшимъ памятникомъ славянской литературы о Турціи, памятникомъ замѣчательнымъ, но къ сожалѣнію до сихъ поръ не только не изслѣдованнымъ, но даже не имѣющимъ критическаго изданія. Такова восходящая къ концу XV вѣка хроника Константина сына Михаила Константиновича изъ Островицы (Constantego syna Michała Constantynowicza z Ostrowicze), серба по происхожденію, попавшаго въ янычары и принимавшаго участіе въ турецкихъ походахъ въ теченіе десяти лѣтъ послѣ взятія Царьграда (1453 г.). До настоящаго времени еще не рѣшено окончательно, на какомъ языкѣ была первоначально написана его хроника. Іозефъ Иречекъ установилъ только, что существующій польскій текстъ въ ркп. XVI в. послужилъ оригиналомъ для чешскаго перевода, появившагося печатнымъ изданіемъ уже въ 1565 г., и высказалъ мнѣніе, что и сама хроника первоначально написана по-польски, ибо слѣдовъ латинскаго текста не обнаружено, а на сербскомъ языкѣ, по мнѣнію его, въ то время никто не писалъ [1]). Но въ одной изъ польскихъ рукописей, какъ указываетъ Трембицкій, встрѣчается упоминаніе, что оригиналъ былъ писанъ русскимъ письмомъ: «Tha kroynika pyszana naprzod literą ruską...» [2]). Итакъ, вопросъ о языкѣ оригинала все-таки остается открытымъ, а за неимѣніемъ критическаго изданія памятника приходится пользоваться изданіями его 1828 г. и 1857 г., гдѣ въ основу положенъ одинъ и тотъ же плохо

1) Josef Jireček. Rozpravy z oboru historie, filologie a literatury, I, ve Vídni 1860. — Franciszek Bujak. Kalimach i znajomość państwa tureckiego w Polsce około początku XVI w. W Krakowie, nakładem Akademii Umiejętnosci, 1900, str. 17.

2) Uwagi nad wydaniem Warszawskiém Pamiętników Janczara, 1828 r., przez Władisława Trębickiego. Biblioteka Warszawska, 1845, t. III, str. 231.

сохранившійся списокъ и сама хроника названа въ первомъ изданіи ошибочно. «Pamiętniki Janczara Polaka» [1]). Въ началѣ своего труда Константиновичъ говоритъ о магометанской религіи и ея обрядахъ, далѣе разсказываетъ исторію турецкаго государства, болѣе всего останавливаясь на событіяхъ отъ 1453 до 1464 г. и съ особенною подробностью описывая тѣ военныя предпріятія, въ которыхъ самъ онъ принималъ участіе. Послѣднія главы хроники посвящены изображенію турецкаго государственнаго устройства и военной организаціи, причемъ авторъ даетъ совѣты, какимъ образомъ должны воевать христіане, чтобы одержать побѣду надъ турками. Свѣдѣнія Константиновича, какъ очевидца, безспорно, имѣютъ важное значеніе исторической достовѣрности. Поэтому мы и можемъ воспользоваться ими для сопоставленія съ нѣкоторыми мѣстами въ разсказѣ Пересвѣтова. Какъ извѣстно, Пересвѣтовъ много говоритъ о справедливости турецкаго царя по отношенію къ вѣрнымъ слугамъ, такъ напр.: «А кто у царя противъ недруга крѣпко стоит, играетъ смертною ігрою, полки недруга разрываетъ, вѣрно служитъ, хотя от меншаго колѣна, і онъ его на величество поднимаетъ, і имя ему велико даваетъ, и жалованія ему много прибавливаетъ...» [2]). Такое же справедливое отношеніе турецкаго султана къ службѣ подданныхъ, несмотря на незнатность ихъ происхожденія, отмѣчаетъ и Константиновичъ: «wsitczy szluzebnijczij ijego, bondz bogatij, bondz ubogij, kazdy z reku Czessarskich datku patrzy, a cześsarz każdego opatrzuie wedlug dostoiensthua a zaslugi, a zadny nycz dziedzicznego szuego nyema...» [3]).

Сходно описываются у Пересвѣтова и Константиновича и турецкіе порядки во время походовъ. Пересвѣтовъ говоритъ: «У царя у турецкаго по триста тысящъ ходит против недругов ученыхъ людей храбрыхъ, а всѣ тѣ сердцемъ веселы, а царева жалованія і алаѳы доволно, а идутъ тихо воевати. На день имъ живетъ по три торга: порану, да о полдни, да в вечерѣ; а всему цѣна уставлена, что на чем дати, а купятъ въ вѣсъ все·

1) Pamiętniki Janczara Polaka, przed rokiem 1500 napisane. Zbiór pisarzow polskich A. Gałęzowskiego, część druga, tom V, w Warszawie, 1828; 2-ое изд.: Biblioteka polska Turowskiego, Sanok, 1857, 1868.

2) Сочиненія Пересвѣтова стр. 76.

3) Wyd. 1828 г., str. 216.

а наметывает тѣ торги торговати на гости, по городом ходити с войскомъ со всѣм с тѣм, что кому надобѣ купити, и онъ, заплатив цѣну, да возми по цареву указу. А есть ли хто даромъ возметъ, а не заплатит тое цѣны, что указано, іно таковому смертная казнь, і лутчаго не пощадят. А есть ли тот оманет, не толко дасть, какъ вѣсъ держитъ, іли цѣну возмет не такову, болши устава царева, которому царь уставилъ товару цѣну, іно таковому смертная казнь бываетъ, что цареву заповѣдь преступаетъ» [1]). Въ одномъ изъ отдѣловъ хроники Константиновича также идетъ рѣчь о товарахъ, которые сопровождаютъ войско во время похода и продаются по строго установленной цѣнѣ, и о суровомъ наказаніи за нарушеніе порядка: «...gdij Woijsko Czeszarskije cziją̨gnij, zadny nije smije ïjechacz albo ydz przez zboże any thesz smije namnijeijseij skodij nykomu uczijnijcz albo czo komu beszdziekij uzijąscz: gdijbij ieden komu kurcze iedno uzijął, nijeplaczij nijcz iedno gardlo...» и далѣе: «A gdij czeszarz cziją̨gnije zuoijskijem szuem, tedy uijozą a uijodą za nijmy uijelkije mnostuo spijże, a komu potrzeba, przedauają; a usakosž nijkogo wtim nijeprzebijorą a tanije ijm dauaiją, szkody ijm wtim nijeczijnija; a Czeszarz tureczkij chcze abij zauzdij woijszcze wsitkym bijl dostatek besz szkody ubustwa» [2]).

Итакъ, въ основѣ разсказовъ Пересвѣтова о Магметѣ-салтанѣ есть извѣстная доля исторической правды. Тѣмъ не менѣе и легендарнаго вымысла въ нихъ довольно много. Не рѣшая окончательно вопроса объ источникахъ легендарныхъ свѣдѣній Пересвѣтова, замѣтимъ только, что нѣкоторые сходные отголоски легендъ, идеализировавшихъ Магомета II и его царствованіе, встрѣчаются въ трудахъ итальянскихъ хронистовъ XVI в., каковы Спандугино, Джовіо (Іовій) и Сансовино [3]). Первый изъ названныхъ писателей разсказываетъ, что Магометъ II едва не былъ обращенъ въ христіанство греческимъ патріархомъ, и подъ конецъ своей жизни проявлялъ особое почитаніе христіанскихъ святынь. Этотъ мотивъ совпадаетъ въ сущности съ тѣми подробностями, которыя развиты въ легендарномъ сказаніи Пересвѣтова о книгахъ, гдѣ говорится, что вслѣд-

1) Сочиненія Пересвѣтова, стр. 75, 76.

2) Wyd. 1828 г., str. 246, 248.

3) Geschichte des Osmanischen Reiches durch Joseph von Hammer. Zweite verbesserte Ausgabe. Erster Band, Pesth, 1834, S. 574, 575.

ствіе молитвъ патріарха Анастасія Магметъ-салтанъ хотѣлъ принять христіанскую вѣру, только сеиты отговорили его. «А онъ до скончанія вѣку своего Бога в сердцы своем имѣл і вѣры христианския из мысли не выпустил...» [1]). Отраженіе другого легендарнаго мотива находится у Іовія, который передаетъ разсказъ, будто турецкій султанъ любилъ читать исторію объ Александрѣ Македонскомъ и Юліи Цезарѣ и велѣлъ перевести эти книги на турецкій языкъ. Пересвѣтовъ также не разъ говоритъ о заимствованіи султаномъ мудрости изъ греческаго источника и о переводѣ греческихъ книгъ на турецкій языкъ, такъ напр.: «Турецкій царь Махмет-салтанъ самъ былъ философъ мудрый по своим книгамъ по турецкимъ, а греческія книги прочетъ, і написалъ слово въ слово по турецкіи, іно великія мудрости прибыло у царя» [2]).

Наконецъ, исторія Западной Европы даетъ освѣщеніе и тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя Пересвѣтовъ сообщаетъ о своей службѣ. Упоминаемый во второй челобитной панъ Андрей Точинской, или Тенчинскій, подъ начальствомъ котораго вмѣстѣ съ другими польскими дворянами Пересвѣтовъ служилъ императору и королю Фердинанду, представляетъ собою личность, извѣстную въ польской исторіи первой половины XVI вѣка. Въ 1530 г. Андрей Тенчинскій (Andrzej Tenczyński) былъ воеводой краковскимъ, старостой хелмскимъ, белскимъ, красноставскимъ [3]). Онъ отличался и какъ даровитый полководецъ въ бояхъ съ турками и татарами, и какъ искусный дипломатъ. Въ грамотѣ, позднѣе дарованной ему императоромъ Фердинандомъ и напечатанной у Папроцкаго [4]), излагаются его заслуги передъ имперіей. Здѣсь говорится между прочимъ, что въ 1532 г. Андрей Тенчинскій участвовалъ въ походѣ противъ турецкаго султана Солимана и содержалъ на свой счетъ приведенный имъ изъ

1) Сочиненія Пересвѣтова, стр. 84.

2) Сочиненія Пересвѣтова, стр. 71.

3) Akta grodzkie i ziemskie z czasów rzeczypospolitej polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie, w skutek fundacyi śp. Aleksandra hr. Standnickiego wydane staraniem Galicyjskiego wydziału krajowego. Tom X, we Lwowie, 1884, str. 527.

4) Herby rycerstwa polskiego, przez Bartosza Paprockiego zebrane i wydane r. p. 1584. Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego, Kraków, nakładem wydawnictwa Biblioteki Polskiej, 1858, str. 80.

Польши отрядъ въ триста человѣкъ: «neque minorem profecto aut obscuriorem significationem dedisti tuae eximiae fortitudinis et integritatis anno 1532, quando praefatus quondam divus frater noster et nos celeberrimam expeditionem contro Sulimanum Turcarum principem, qui tum in innumerosissimo exercitu regna et dominia nostra agressus fuerat, suscepimus; ubi videlicet tuis impensis manum trecentorum armatorum ex Polonia adduxisti, tuumque in tutanda gloria divini nominis, ardentissimum desiderium et optimum erga nos et sacrum romanum imperium, inclitamque domum nostram Austriae studium manifeste declarasti, magnamque a nobis gratiam et nomen inivisti».

Такимъ образомъ правдивость автобіографическихъ свѣдѣній Пересвѣтова получаетъ новое подтвержденіе со стороны западно-европейской исторіи. Упоминаемый имъ панъ Андрей Тенчинскій дѣйствительно былъ между прочимъ старостой белскимъ, служилъ у императора Фердинанда со своимъ польскимъ отрядомъ около 1532 г., т. е. приблизительно въ то время, когда по нашему предположенію[1]), основанному на иныхъ соображеніяхъ, служилъ тамъ и Пересвѣтовъ.

В. Ѳ. Ржига.

1) Пересвѣтовъ, публицистъ XVI в., стр. 13.

Матеріалы для біографіи М. И. Сухомлинова.

8 іюля текущаго (1911) года исполняется десять лѣтъ со дня смерти М. И. Сухомлинова. Это даетъ мнѣ поводъ къ опубликованію нѣкоторыхъ, преимущественно архивныхъ, матеріаловъ для его біографіи, полученныхъ мною благодаря любезному содѣйствію разныхъ лицъ и учрежденій. Труженическая, посвященная исключительно наукѣ жизнь этого выдающагося дѣятеля и прекраснаго человѣка была небогата внѣшними фактами; сообщаемыя мною данныя также не выходятъ почти за предѣлы ученыхъ и литературныхъ интересовъ М. И-ча, но они могутъ имѣть значеніе не только для его жизнеописанія: онѣ отражаютъ на себѣ въ извѣстной степени состояніе научныхъ задачъ и потребностей недавняго прошлаго, нѣкоторыя черты быта отходящей эпохи, кое-какія подробности въ исторіи развитія русской филологіи, славистики и просвѣщенія — въ дополненіе къ той небольшой біографической и библіографической литературѣ, которая до сихъ поръ была посвящена С-ву [1]).

---

1) Общественное вниманіе къ М. И. С-ву, нашедшее себѣ выраженіе въ печати, болѣе замѣтнымъ образомъ было возбуждено дважды: по поводу сорокалѣтія его служебной и ученой дѣятельности въ 1892 году (хотя по отношенію къ послѣдней эта дата было запоздалой на два года) и затѣмъ по поводу его смерти. Библіографическій указатель этихъ данныхъ, а равно и нѣкоторыхъ другихъ, преимущественно офиціально-біографическаго характера, помѣщенъ въ трудѣ П. К. Симони: Хронологическій списокъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ и изданій Михаила Ивановича Сухомлинова. I. Матеріалы для біографіи и некрологи М. И. Сухомлинова. II. Перечень ученыхъ и литературныхъ трудовъ М. И. Сухомлинова. Корректурное изданіе для дополненій и поправокъ,

1850-хъ годовъ,

1870-хъ годовъ.

1890-хъ годовъ.

М. Стасюлевичъ

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2
Преемн. Н. Катинскій

Руководимый по преимуществу ненапечатанными до сихъ поръ матеріалами, я не буду стремиться въ своемъ изложеніи къ исчерпывающей полнотѣ и не стану заполнять пробѣлы въ біографіи С-ва слишкомъ уже извѣстными сообщеніями или произвольными догадками.

Считаю своимъ долгомъ выразить здѣсь глубокую мою благодарность за оказанное содѣйствіе въ полученіи мною архивныхъ матеріаловъ и устныхъ сообщеній: И. А. Бычкову, К. Я. Гроту, А. Ѳ. Кони, Б. Л. Модзалевскому, С. Ѳ. Ольденбургу, П. К. Симони, В. И. Срезневскому, О. М. и Т. М. Сухомлиновымъ, Н. Ѳ. Сухомлинову и А. А. Шахматову, а также администраціи архивовъ Харьковскаго и С.-Петербургскаго университетовъ и Академіи Наукъ.

Три приложенныхъ портрета С-ва взяты изъ разныхъ періодовъ его жизни, при чемъ оригиналомъ для воспроизведенія перваго портрета послужила весьма рѣдкая литографія, принадлежавшая слушателю С-ва— Л. Н. Модзалевскому, изготовленная въ 1850-хъ годахъ студентами-филологами Петербургскаго Университета и предназначенная для помѣщенія въ одномъ изъ выпусковъ издававшагося ими, при ближайшемъ участій М. И-ча, «Сборника», однако не выпущенная въ свѣтъ и сохранившаяся у Б. Л. Модзалевскаго; два другіе портрета воспроизведены съ фотографій: изъ 1870-хъ годовъ—В. Лауфферта въ Петербургѣ (изъ альбома семьи Срезневскихъ) и 1890-хъ годовъ — К. А. Шапиро въ Петербургѣ.

какъ подборъ матеріала для будущей систематической библіографіи. Спб. 1901. Въ настоящее время первый отдѣлъ этого труда можно дополнить слѣдующими статьями: В. Е. Рудаковъ. Памяти академиковъ М. И. Сухомлинова и И. Н. Жданова. Истор. Вѣстн. 1901, окт. [о С-вѣ: стр. 195—204]; А. Ф. Масловскій. Памяти М. И. Сухомлинова. 17 января 1902 года. Спб. 1902; А. И. Соболевскій. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ за 1901 годъ, помѣщ. въ Сборникѣ II Отд. Ак. Н. т. 71 (1902) [о С-вѣ: стр. 1—4]; во второй отдѣлъ долженъ быть внесенъ изданный подъ ред. акад. А. И. Соболевскаго сборникъ статей М. И. Сухомлинова подъ заглавіемъ: Изслѣдованія по древней русской литературѣ. Спб. 1908 [Сборн. II. Отд. Ак. Н. т. 85].

I. Въ Харьковѣ.

Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ родился 3 марта 1828 года. Его отецъ, Иванъ Ивановичъ Сухомлиновъ, былъ профессоромъ химіи въ Харьковскомъ университетѣ и умеръ 10 марта 1836, состоя на службѣ [1]). Матери, которую звали Олимпіадой, М. И. лишился тоже рано, и его воспитаніемъ завѣдывала тетка, Ольга Давыдовна Дещенкова (род. 1811, ум. 1891), пользовавшаяся большой любовью своего воспитанника, жившая потомъ при немъ и въ Петербургѣ. Начальное образованіе М. И. получилъ въ Харьковскомъ пансіонѣ Ефима Зимницкаго, гдѣ онъ жилъ и учился, приходя домой лишь по праздникамъ [2]). Самъ М. И., гораздо позднѣе (1871), собственноручно записалъ [3]), что въ «пансіонѣ былъ ученикомъ Костомарова, въ университетѣ — Срезневскаго». Этимъ упоминаніемъ онъ, очевидно, хотѣлъ отмѣтить двухъ лицъ, которымъ онъ считалъ себя особенно обязаннымъ по части образованія. Дѣйствительно, Н. И. Костомаровъ, говоря въ своей автобіографіи о жизни своей въ Харьковѣ въ началѣ 1840-хъ годовъ, замѣчаетъ: «Я занялся препода-

---

1) Позднѣе, повидимому — передъ поступленіемъ въ университетъ, М. И. подавалъ въ Харьковское Дворянское Депутатское Собраніе просьбу внести его въ родословную дворянскую книгу, что и было исполнено 14 янв. 1844.

2) Неизвѣстно, въ которомъ году поступилъ въ этотъ пансіонъ М. И., но у его дочерей хранится нѣсколько «похвальныхъ листовъ», выданныхъ оттуда «воспитаннику Михаилу Сухомлинову» «въ засвидѣтельствованіе особеннаго благонравія и оказанныхъ превосходныхъ успѣховъ»: именно, за II классъ (отъ 22 іюня 1838, за подписями: Инспекторъ училищъ Харьковскаго Учебнаго Округа Ф. Тюринъ. Содержатель Благороднаго пансіона Ефимъ Зимницкій. Законоучитель, священникъ Петръ Акимовъ. Преподающій нѣмецкій языкъ Хр. Немкинъ. Учитель ариеметики, колл. ассесоръ I. Лозинскій), за III кл. (отъ 14 іюня 1839, за подписями: Ректоръ университета А. Куницынъ. Содержатель пансіона Ефимъ Зимницкій. Учитель Закона Божія Павелъ Лебедевъ. Учитель русскаго языка Павелъ Иноземцевъ. Учитель математическихъ наукъ Василій Стояновъ. Учитель переводовъ съ французскаго языка на русскій Алексѣй Кипріяновъ. Преподающій русскую исторію Михаилъ Ильенко), за IV кл. (отъ 22 іюня 1840, за подписями Тюрина и Ефимовскаго) и за V кл. (отъ 22 іюня 1841, тѣ же подписи).

3) Въ альбомѣ М. И. Семевскаго «Знакомые». Спб. 1888, стр. 59.

ваніемъ исторіи въ мужскомъ пансіонѣ Зимницкаго, а между тѣмъ тогда же мнѣ явилась мысль писать исторію эпохи Богдана Хмѣльницкаго»[1]). Въ другомъ мѣстѣ своихъ автобіографическихъ воспоминаній Костомаровъ такъ вспоминаетъ о С-вѣ: «М. И. Сухомлиновъ былъ въ отрочествѣ моимъ ученикомъ въ Харьковскомъ пансіонѣ Зимницкаго, гдѣ я когда-то, въ началѣ 40-хъ годовъ, давалъ уроки. Сухомлиновъ тогда уже былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и съ перваго раза былъ замѣтенъ по дарованіямъ и уму»[2]).

Очень вѣроятно, что между оставленіемъ С-вымъ пансіона Зимницкаго и поступленіемъ на историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета прошло нѣкоторое время, однако не болѣе года, употребленное имъ на подготовку къ вступительному университетскому экзамену. Поступленіе въ университетъ относится къ 1842 г.; объ университетскомъ ученьи С-ва Костомаровъ, защитившій въ январѣ 1844 года свою магистерскую диссертацію и вскорѣ затѣмъ покинувшій Харьковъ, отзывается лишь по слухамъ: «въ университетѣ онъ, какъ я слыхалъ отъ многихъ, былъ лучшимъ студентомъ». Впослѣдствіи самъ М. И., уже въ качествѣ историка, вспоминалъ сороковые годы Харьковскаго университета, разсказывая объ уничтоженіи первой диссертаціи Костомарова въ 1842 году. Тутъ онъ даетъ слѣдующую характеристику профессоровъ историко-филологическаго факультета, у которыхъ и самъ учился: «Профессоръ русской исторіи П. П. Артемовскій-Гулакъ былъ большимъ почитателемъ Карамзина и непримиримымъ врагомъ Полевого... Профессоръ русской словесности В. А. Якимовъ принадлежалъ къ риторамъ старой школы, писалъ разсужденія, и въ стихахъ и въ прозѣ; о краснорѣчіи въ смыслѣ подлежательномъ и предметномъ, о красотахъ и изобиліи русскаго языка и тому подобныхъ предметахъ. Докторская диссертація Якимова «О краснорѣчіи въ Россіи до Ломоносова» отличается и безцвѣтностью содержанія, и наивностью критическихъ пріемовъ автора... Профессоръ статистики А. П. Рославскій-Петровскій принад-

---

1) Н. Костомаровъ. Литературное наслѣдіе. Спб. 1890, стр. 44.

2) Юбилейный Сборникъ Литературнаго Фонда. 1859—1909. Спб. 1909, стр. 119.

лежалъ къ числу даровитѣйшихъ представителей науки въ Харьковскомъ университетѣ... Въ лекціяхъ Рославскаго-Петровскаго было много живого; онъ касался вопросовъ о свободной волѣ человѣка; о томъ, подчинены ли человѣческія дѣйствія такимъ же законамъ, какіе обнаруживаются въ жизни природы; знакомилъ слушателей съ сочиненіями Кетле и другихъ ученыхъ, указывалъ предусмотрѣнныя наукой соціальныя движенія и перевороты и т. п.... Истымъ питомцемъ нѣмецкихъ университетовъ, по свойству и направленію своего преподаванія, былъ профессоръ всеобщей исторіи М. М. Лунинъ. Вмѣсто общаго курса своего предмета, Лунинъ читалъ курсъ спеціальный, обнимающій ту или другую эпоху, и въ изложеніи входилъ въ самыя мелкія подробности. Слушатели изумлялись обширной начитанности профессора, указывая, между прочимъ, на то, что для лекцій по исторіи Греціи онъ внимательно перечиталъ всего Пиндара и другихъ поэтовъ, дѣлая на поляхъ свои замѣчанія». С-въ говоритъ далѣе, что если въ Харьковѣ того времени для ученыхъ вродѣ Рославскаго-Петровскаго и Лунина была нѣкоторая возможность стоять на уровнѣ науки и работать, благодаря наличности иностранныхъ источниковъ и пособій по ихъ спеціальности, то «далеко не такъ благопріятно было положеніе труженика науки, посвящавшаго себя, на берегахъ Нетечи и Лопани, изученію русской исторіи и русской словесности. Отсутствіе источниковъ, какъ и отсутствіе дѣйствительно ученыхъ пособій, давало себя чувствовать на каждомъ шагу. Пробѣлы въ фактическихъ свѣдѣніяхъ являлись часто по необходимости, а вслѣдствіе этого неизбѣжны были и невѣрности въ выводахъ и приговорахъ» [1]). Въ дополненіе къ характеристикѣ В. А. Якимова можно привести тутъ слова одного изъ недавнихъ историковъ Харьковскаго университета о профессорахъ-словесникахъ въ Харьковѣ въ старое время вообще, что всѣ они «начиная отъ Рижскаго, питали глубокое уваженіе къ языку» и ихъ «всегда привлекала идея широкаго образованія» [2]). Тотъ же авторъ, говоря въ дру-

---

1) М. Сухомлиновъ. Уничтоженіе диссертаціи Н. И. Костомарова въ 1842 году. Древняя и Новая Россія 1877. I. 42—46.

2) Н. Сумцовъ. Каѳедра исторіи русскаго языка и словесности въ Имп. Харьковскомъ университетѣ съ 1805 по 1905 годъ. Изв. II Отд. А. Н., т. X (1905), кн. 2, стр. 112. 123.

гомъ мѣстѣ о студенческихъ годахъ С-ва, отмѣчаетъ, что «въ научно-просвѣтительной атмосферѣ Харьковскаго университета 40-хъ годовъ было много укрѣпляющихъ и живительныхъ началъ, послужившихъ источникомъ того общаго идеальнаго настроенія, подъ вліяніемъ котораго развился, воспитался и окрѣпъ цѣлый рядъ полезныхъ дѣятелей науки и просвѣщенія»; ихъ ученикамъ достался въ наслѣдство «разносторонній идеализмъ», который «шелъ рука объ руку съ здравымъ, раціональнымъ пониманіемъ интересовъ науки; всѣмъ имъ соотвѣтственна одна черта—стойкость убѣжденій и независимость духа» [1]). Самъ М. И. сохранилъ отъ этихъ лѣтъ своей жизни благодарныя и живыя воспоминанія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ болѣе позднихъ питомцевъ Харьковскаго университета: «съ какимъ теплымъ чувствомъ и безконечнымъ добродушіемъ онъ вспоминалъ незабвенное время пребыванія своего на университетской скамьѣ и съ какою признательностью останавливался на именахъ лучшихъ своихъ профессоровъ того времени—классика Валицкаго, филолога Срезневскаго, Артемовскаго-Гулака, Протопопова и др. У нихъ онъ заимствовалъ первые зачатки того идеальнаго настроенія, подъ вліяніемъ котораго развился и окрѣпъ цѣлый рядъ прекрасныхъ и полезныхъ дѣятелей русской науки и просвѣщенія» [2]).

По силѣ возбуждающаго научнаго вліянія изъ университетскихъ наставниковъ С-ва несомнѣнно на первое мѣсто долженъ быть выдвинутъ И. И. Срезневскій, только что (въ сентябрѣ 1842) возвратившійся тогда изъ обширнаго путешествія по славянскимъ землямъ и занявшій вновь основанную въ Харьковѣ каѳедру славистики. Свидѣтельствомъ большого вліянія Срезневскаго на Сухомлинова служитъ не только приведенное уже мною упоминаніе самого М. И-ча о Срезневскомъ, какъ своемъ учителѣ, но и возникшія въ это время между ними, по почину М. И-ча, отношенія, которыя нашли себѣ и въ дальнѣйшемъ самое достойное продолженіе, когда оба они жили и дѣйствовали въ Петербургѣ. Я имѣю въ виду обращеніе С-ва, окончившаго университетскій курсъ

1) Къ сорокалѣтнему юбилею служебной и учено-литературной дѣятельности М. И. Сухомлинова. Сборникъ Харьковскаго Ист.-Фил. Общества. IV (1892), стр. 240.

2) А. Ф. Масловскій. Памяти М. И. Сухомлинова, стр. 6.

1848 году [1]), къ И. И. Срезневскому, переѣхавшему уже тогда (въ январѣ 1847) на службу въ Петербургскій университетъ; чувствуя стремленіе къ ученой дѣятельности, но въ то же время, очевидно, мало находя себѣ ободренія отъ мѣстныхъ харьковскихъ словесниковъ, которые къ тому же его и не удовлетворяли въ научномъ смыслѣ, С-въ рѣшилъ первоначально держать магистерскій экзаменъ по славистикѣ въ Петербургскомъ университетѣ, и со этой цѣлію написалъ Срезневскому слѣдующее письмо, которое приводимъ здѣсь цѣликомъ, не только по его біографическому интересу, но и какъ самое раннее изъ сохранившихся, насколько намъ извѣстно, писемъ С-ва:

Милостивый Государь,
Многоуважаемый наставникъ
Измаилъ Ивановичъ!

Никогда еще необходимость въ спасительномъ, животворномъ совѣтѣ просвѣщеннаго руководителя не была такъ глубоко сознаваема мною, какъ въ настоящее время. День окончательнаго экзамена былъ для меня однимъ изъ радостнѣйшихъ дней въ жизни: только съ окончаніемъ университетскаго курса, я могу вполнѣ посвятить себя избранному предмету занятій, съ которымъ искони сроднилась мысль моя, который былъ моею любимою мечтою во время студенческой жизни, лишавшей возможности, по разнообразію своихъ требованій, исключительно заниматься тѣмъ, къ чему наиболѣе призывало меня разумно-сознательное стремленіе. Но чѣмъ сильнѣе разгоралось желаніе, тѣмъ очевиднѣе становилась невыгода моего положенія, въ которомъ могутъ исчезнуть безъ привѣта самыя восхитительныя надежды, можетъ заглохнуть неудовлетворенною самая страсть къ любимому кругу занятій. Ясное предчувствіе неизбѣжности печальныхъ слѣдствій дало мнѣ смѣлость прибѣгнуть къ Вашему совѣту, просить у Васъ наставленія въ одну изъ самыхъ рѣшительныхъ минутъ моей жизни. Живо и съ полною признательностью вспоминая ту незабвенную пору, когда я имѣлъ счастье лично пользоваться Вашими

---

1) Кандидатская диссертація его была написана на тему: «О значеніи эпохи Гуса и его послѣдователей въ исторіи европейской цивилизаціи».

совѣтами, глубоко чувствуя Ваше вниманіе, оживлявшее меня къ новымъ трудамъ и дѣятельности, я не долженъ сомнѣваться, что и теперь можетъ встрѣтить Ваше сочувствіе голосъ, быть можетъ, забытаго Вами, но вѣчно признательнаго Вамъ ученика. — Позвольте изложить Вамъ, многоуважаемый наставникъ, скромную повѣсть моихъ надеждъ и плановъ. Вслѣдствіе положительно-обдуманнаго внутренняго призванія, одобреннаго и Вами въ бытность Вашу въ Харьковѣ, я располагаю, если Богъ дастъ, держать экзаменъ на *Магистра Славянской Словесности* въ Петербургскомъ университетѣ. Это было моимъ постояннымъ желаніемъ, и отъ Васъ зависитъ теперь обратить его въ твердую рѣшимость. Убѣдительно прошу Васъ—не оставить своимъ вниманіемъ моей усерднѣйшей просьбы: сообщить Ваше мнѣніе о моемъ намѣреніи, какъ Вы его находите и съ какой точки можетъ взглянуть на него факультетъ въ разныхъ, быть можетъ даже и въ политич[ескомъ], отношеніяхъ? Если же мой планъ заслужитъ Ваше одобреніе, позвольте прибѣгнуть къ Вамъ съ новою, задушевною просьбою — указать мнѣ, какимъ образомъ, по Вашему мнѣнію, полезнѣе вести свое приготовленіе, какими источниками пользоваться преимущественно, на что необходимо обратить особенное вниманіе, занимаясь главнымъ предметомъ избраннаго мною разряда магистра славянской словесности—*церковно-славянск. яз. и главн. слав. нарѣч. (сербск., чешское, польское) въ филологическомъ и историческомъ отношеніяхъ* (какъ сказано въ Правилахъ, Высочайше утвержд. 6 апр. 1844).

Простите, многоуважаемый наставникъ, что, зная обширность круга теперешнихъ Вашихъ занятій, осмѣлился безпокоить Васъ своими просьбами. Бывши личнымъ свидѣтелемъ Вашей готовности руководить пламенными стремленіями къ познаніямъ и по глубокому душевному убѣжденію, осмѣлился у Васъ искать рѣшенія своей сціентифической дѣятельности. Въ книгѣ судьбы моей слѣдуетъ теперь самая загадочная страница,—отъ Васъ зависитъ дать ей смыслъ и содержаніе. Не отвергните просьбы, вызванной изъ глубины души вѣчно преданнаго Вамъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и невыразимой признательности, съ которымъ считаетъ долгомъ пребыть навсегда Вашъ, Милостивый Государь, покорнѣйшій слуга Михаилъ Сухомлиновъ. 3 іюля 1848.

P. S. Прилагаю свой адресъ, если удостоите меня Вашимъ отвѣтомъ: Михаилу Ивановичу Сухомлинову, въ Харьковъ, въ приходѣ Благовѣщенія на Кощарской улицѣ, въ собственномъ домѣ.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

Что отвѣчалъ на это Срезневскій, мы не знаемъ [1]). Предположеніе С-ва магистрироваться при Петербургскомъ университетѣ не осуществилось; онъ держалъ магистерскій экзаменъ при Харьковскомъ университетѣ (устно 9 февраля 1850), избравъ спеціальнымъ своимъ предметомъ не славянскую филологію, а русскую словесность. Въ концѣ 1850 года (цензурная помѣта отъ факультета: 30 ноября 1850) была напечатана его диссертація, подъ заглавіемъ «Взглядъ на историческій ходъ Русской драмы. Разсужденіе, написанное кандидатомъ Михаиломъ Сухомлиновымъ для полученія степени магистра Русской словесности. Харьковъ 1850» и защищена 21 декабря въ факультетѣ; утвержденіе въ степени магистра со стороны министра народнаго просвѣщенія послѣдовало 14 марта 1851 года. Письменный отзывъ въ факультетѣ объ этой диссертаціи давали профессора Якимовъ и Костырь, а депутатами отъ другихъ факультетовъ при защитѣ ея были профессора Куницынъ, Демонси и Чернай; оппонентами были Якимовъ и Зерниннъ. Самъ М. И. смотрѣлъ впослѣдствіи очень строго на этотъ первый опытъ своего выступленія въ печати и, повидимому, склоненъ былъ совершенно игнорировать «грѣхъ юности», соглашаясь признать началомъ своего служенія наукѣ не дату выхода въ свѣтъ или защиты этой диссертаціи, а 6 марта 1852, когда онъ опредѣленъ былъ адъюнктомъ Петербургскаго университета.

---

1) Здѣсь умѣстно отмѣтить, что вообще кабинетныхъ бумагъ М. И-ча и его домашняго архива не сохранилось. Объ этомъ извѣстно было по слухамъ еще при жизни С-ва, при чемъ причиной будто бы массоваго уничтоженія всего этого матеріала выставлялись минуты мрачнаго душевнаго настроенія М. И-ча въ началѣ 80-хъ годовъ, послѣ потери единственной отъ перваго брака и горячо любимой дочери Елены (ум. 1 февр. 1882) [Ср. П. Симони. М. И. Сухомлиновъ. Некрологическій очеркъ. 1828—1901. Литературный Вѣстникъ 1901, II, стр. 217]. Однако и въ послѣдующіе годы М. И-чъ не сохранялъ своей обширной переписки, о чемъ сообщили мнѣ его дочери отъ второго брака, О. М. и Т. М. Сухомлиновы.

II. Поступленіе на службу въ Петербургѣ.

Если еще до магистерскаго экзамена С-въ не удовлетворялся Харьковомъ и искалъ выхода своимъ научнымъ интересамъ на болѣе широкое поприще, то тѣмъ менѣе могъ успокоиться онъ въ этомъ отношеніи по пріобрѣтеніи магистерской степени. На помощь ему явились счастливыя внѣшнія обстоятельства. Въ іюнѣ 1850 года объявленъ былъ конкурсъ на замѣщеніе должности адъюнкта по каѳедрѣ русской словесности въ Петербургскомъ университетѣ. С-въ подалъ прошеніе о разрѣшеніи участвовать въ конкурсѣ на имя Ректора, отъ 24 августа 1851 года, присоединивъ къ прошенію и «программу по теоріи языка, теоріи словесности и исторіи русской литературы»; самый же конкурсъ состоялся лишь въ январѣ 1852 года. Явившись къ этому времени въ Петербургъ, М. И-чъ, по словамъ одного біографа [1]), будто бы колебался между будущей профессурой и «мѣстомъ секретаря при попечителѣ и директорѣ департамента народнаго просвѣщенія», но, имѣя въ виду напряженное стремленіе С-ва къ наукѣ, нашедшее себѣ самое искреннее выраженіе въ приведенномъ письмѣ къ Срезневскому, мы сомнѣваемся въ фактѣ подобнаго съ его стороны колебанія.

На университетскій конкурсъ явилось четыре участника, кромѣ С-ва: Стефанъ Лебедевъ, магистръ и адъюнктъ по каѳедрѣ русской словесности въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ; Николай Вышнеградскій, магистръ и старшій учитель Ларинской гимназіи; Иринархъ Введенскій, старшій учитель словесности въ Дворянскомъ Полку, кандидатъ философіи, выдержавшій устный экзаменъ на степень магистра и небезызвѣстный въ то время литераторъ; Константинъ Тимофеевъ, кандидатъ, приступившій къ магистерскому экзамену осенью 1851 года. Испытаніе, которому должны были подвергнуться конкуренты, состояло изъ письменныхъ и устныхъ отвѣтовъ въ факультетѣ и изъ пробныхъ лекцій. Послѣднія происходили публично, и о нихъ намъ сохранили извѣстія А. В. Никитенко и А. Н. Пыпинъ—первый какъ профессоръ, а второй какъ студентъ. Вотъ что записалъ въ своемъ Дневникѣ Никитенко подъ

---

1) А. Ф. Масловскій, назв. соч., стр. 7.

16 января 1852: «Пробныя лекціи на должность моего адъюнкта въ университетѣ. Состязались четыре кандидата. Темою было: «О слогѣ вообще и о русскихъ писателяхъ, образовавшихъ литературныя школы въ нашей словесности». Первый читалъ Лебедевъ — основательно, но крайне сухо. Второй — М. И. Сухомлиновъ: опять основательно, но въ то же время умно и живо. На этихъ двухъ лекціяхъ присутствовалъ и министръ. Затѣмъ И. И. Введенскій также выказалъ достаточно свѣдѣній, но изложилъ ихъ неосновательно, непослѣдовательно, съ наѣздническн-семинарскимъ ухарствомъ... Тимофеевъ говорилъ также очень хорошо. Общее мнѣніе, кромѣ интригующихъ за Введенскаго, въ пользу Сухомлинова и Тимофеева, и особенно склоняется въ пользу перваго» [1]). А. Н. Пыпинъ вспоминалъ потомъ объ этомъ такъ: «Конкуренты должны были указать свои ученые труды, а кромѣ того они должны были прочитать пробную лекцію. Этому послѣднему я былъ свидѣтелемъ. Конкурентовъ было трое: М. И. Сухомлиновъ, Введенскій и нѣкто Тимофеевъ [2]); лекція была прочитана въ большой аудиторіи, въ присутствіи факультета и при большой массѣ слушателей—студентовъ. Лекція Сухомлинова была очень гладкая, съ нѣкоторыми оригинальностями; лекція Тимофеева была слабая; но самое сильное впечатлѣніе оставила лекція Введенскаго» [3]). Рѣшеніе участи конкурентовъ послѣдовало въ засѣданіи факультета 19 января. Объ этомъ мы опять имѣемъ свидѣтельство Никитенка въ его Дневникѣ: «19 янв. 1852. Факультетское собраніе для выбора адъюнкта. Я прочиталъ мое донесеніе о достоинствѣ программъ, представленныхъ соискателями. Потомъ приступили къ выбору. Сперва спросили моего мнѣнія. Я назвалъ двухъ: Сухомлинова и Тимофеева, но преимущество отдалъ первому, хотя второй ближе моему сердцу, какъ мой ученикъ и близкій человѣкъ. Но за Сухомлинова—широта взглядовъ и, при равныхъ познаніяхъ, большая даровитость и изящество въ изложеніи. Ректоръ и всѣ прочіе согласились со мной, кромѣ М. И. Кастор-

---

1) А. В. Никитенко. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ. Записки и Дневникъ. Т. I (1904), стр. 400—401.

2) Очевидно, Лебедева Пыпинъ не слышалъ, придя позднѣе, или просто забылъ о немъ по давности времени.

3) А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. М. 1910, стр. 75—76.

скаго, который очень неловко защищалъ Введенскаго... Срезневскій колебался между той и другой стороной. Въ заключеніе однако побѣда, какъ и слѣдовало по справедливости, осталась за Сухомлиновымъ. Съ нимъ вмѣстѣ торжествую и я. Вся моя забота состояла въ томъ, чтобы не допустить науку попасть въ руки буквовѣдовъ, которые непремѣнно постарались бы вытрясти изъ нея жизнь и душу и затѣмъ потѣшались бы надъ трупомъ ея, дѣлая свои анатомическіе и филологическіе препараты». Черезъ два дня въ томъ же Дневникѣ записано: «21 янв. Факультетъ очень занятъ моимъ донесеніемъ о програмахъ [т. е. представленныхъ конкурентами] и осыпаетъ его похвалами. Это хорошо, но еще лучше то, что каѳедра по дорогому для меня предмету, отечественной словесности, попала въ руки ученаго, который не унизитъ ея достоинства» [1]). Таковы были надежды, возлагавшіяся на С-ва его предшественникомъ по каѳедрѣ и доброжелателемъ въ Петербургскомъ университетѣ. Въ силу факультетскаго избранія, М. И. былъ назначенъ, высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству 6 марта 1852, адъюнктомъ, а 13 марта того же года принялъ служебную присягу въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Получивъ при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ университетскую каѳедру, хотя пока лишь въ качествѣ младшаго ея представителя при А. В. Никитенкѣ, М. И. съ жаромъ и добросовѣстностью принялся за выполненіе своихъ преподавательскихъ обязанностей; онъ читалъ студентамъ лекціи по теоріи языка и исторіи древней русской литературы, внося въ свои курсы строго-ученое направленіе и обиліе новыхъ фактическихъ данныхъ, которыя онъ черпалъ изъ знакомства съ рукописными сокровищами петербургскихъ книгохранилищъ [2]). Въ тѣсной связи съ курсами С-ва началась и учено-литературная дѣятельность его, подъ покровомъ Академіи Наукъ—очевидно, благодаря содѣйствію И. И. Срезневскаго: первымъ такимъ трудомъ была статья «Вассіанъ, русскій писатель XV вѣка», напечатанная во II т. Извѣстій II Отдѣленія Академіи

1) Никитенко, I. 401.

2) В. Григорьевъ. Императорскій С.-Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Спб. 1870, стр. 240—241.

Наукъ въ 1853 году. Одновременно съ этимъ, онъ несъ обязанности секретаря историко-филологическаго факультета со 2 іюня 1852 по 30 мая 1855 и съ 13 іюня 1856 по 10 мая 1858, когда онъ долженъ былъ отправиться въ продолжительную заграничную командировку; 27 октября 1852 года онъ былъ назначенъ преподавать русскую словесность въ одномъ изъ высшихъ классовъ Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, гдѣ и оставался до мая 1855 года; въ 1853—1854 уч. году состоялъ экзаменаторомъ по русскому языку въ комитетѣ для испытанія домашнихъ учителей и учительницъ; въ 1856 году преподавалъ русскій языкъ во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, а 9 января 1857 назначенъ былъ наставникомъ-наблюдателемъ по предмету русскаго языка и словесности въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Общественно-ученыя связи С-ва существеннымъ образомъ расширились избраніемъ его 29 декабря 1855 года въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ, а 23 января 1857 года — въ дѣйствительные члены Русскаго Географическаго Общества: вѣрнѣе всего, что и тутъ сказалось расположеніе къ нему Срезневскаго, которому именно въ эти годы принадлежала весьма видная роль въ ученыхъ и организаціонныхъ работахъ по тому и другому учрежденію; вмѣстѣ съ тѣмъ, первое избраніе было для С-ва началомъ его болѣе тѣсныхъ связей съ учрежденіемъ, которому въ послѣдующіе годы онъ посвятилъ главнымъ образомъ, а наконецъ и исключительно, свои учено-литературныя силы.

Пока же его вниманіе естественнымъ образомъ было сосредоточено на университетѣ.

Съ одной стороны, помимо преподаванія, онъ усердно работалъ надъ докторской диссертаціей, чтобы обезпечить себѣ возможность въ ближайшемъ будущемъ, по выходѣ въ отставку А. В. Никитенка, право на званіе профессора. Это было, какъ извѣстно, его изслѣдованіе «О лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ» (Спб. 1856), доставившее С-ву степень доктора славяно-русской филологіи. До публичной защиты диссертаціи, С-въ долженъ былъ подвергнуться предварительной ея защитѣ въ факультетѣ, что имѣло мѣсто 14 февраля 1856, а затѣмъ устному и письменному испытанію, допущеніе къ которому было результатомъ признанія со стороны факультета предварительной защиты диссертаціи

удовлетворительной. Устное испытаніе происходило въ засѣданіяхъ факультета 15 и 22 февраля—по исторіи русскаго языка и литературы, по церковно-славянскому языку и по славянскимъ нарѣчіямъ и литературамъ. Въ первомъ засѣданіи предложены были вопросы «О характерѣ и направленіи русской литературы и замѣчательнѣйшихъ писателяхъ вѣка Екатерины II» и «Объ измѣненіи и постепенномъ развитіи литературнаго языка отъ Ломоносова до Жуковскаго включительно», а во второмъ—«Обозрѣніе особенностей древняго славянскаго языка, съ обозначеніемъ видоизмѣненій его по нарѣчіямъ: церковно-славянскому, древнему чешскому, древнему русскому и древнему хорутанскому» и «Особенности древняго польскаго языка по памятникамъ XIV вѣка». Затѣмъ, 2 и 8 марта экзаменующійся давалъ письменные отвѣты на темы «О славянскихъ древнихъ переводахъ твореній св. Отцовъ» и «О произведеніяхъ Пушкина, отличающихся характеромъ народности». Публичная защита диссертаціи происходила 1 апрѣля 1856; оппонентами были профессора Никитенко и Касторскій, а депутатами — отъ юридическаго факультета Шнейдеръ, отъ физико-математическаго Сомовъ и отъ восточнаго Мухинскій. Утвержденіе С-ва въ степени доктора славяно-русской филологіи послѣдовало со стороны Совѣта университета 9 апрѣля 1856. О самомъ диспутѣ проф. Никитенко такъ записалъ въ своемъ Дневникѣ: «1 апр. 1856. Диспутъ въ университетѣ, которому подвергся мой адъюнктъ М. И. Сухомлиновъ, ищущій степени доктора. Оппонентами были я и Касторскій. Авторъ защищалъ свою диссертацію «О литературномъ характерѣ древней русской лѣтописи». Тутъ много фактовъ. Защищался авторъ хорошо» [1]). Въ офиціальномъ отчетѣ объ этомъ диспутѣ также отмѣчено, что «диспутантъ съ большимъ искусствомъ и знаніемъ дѣла отражалъ дѣланныя на него нападенія и съ честью вышелъ изъ этой ученой борьбы» [2]).

Съ другой стороны, М. И. охотно шелъ на встрѣчу научнымъ и литературнымъ потребностямъ и стремленіямъ студентовъ. Популярность его среди университетскихъ студентовъ, быстро пріобрѣтенная живымъ

1) Моя повѣсть о самомъ себѣ, I. 475.

2) Ж. М. Н. Пр. 1856, апрѣль, отд. VII, стр. 22—23.

и отзывчивымъ личнымъ характеромъ, свѣжестью и увлекательностью преподаванія, наконецъ—возроставшей ученой репутаціей, не подлежала никакому сомнѣнію и нашла себѣ отраженіе даже въ извѣстныхъ, исполненныхъ блестящаго сарказма и ироніи, воспоминаніяхъ Д. И. Писарева («Наша университетская наука»), также находившагося въ числѣ слушателей С-ва. Поэтому нисколько не удивительно, что когда въ 1856 году, подъ вліяніемъ всеобщаго литературнаго и общественнаго подъема въ то время, студенты Петербургскаго университета задумали издавать сборникъ собственныхъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, на что 30 янв. 1857 года было получено разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія, то «профессоромъ-редакторомъ» сборника, «по единодушному желанію студентовъ», избранъ былъ М. И. Сухомлиновъ; онъ работалъ во главѣ редакціи, составленной изъ 12 студентовъ-редакторовъ, избранныхъ также студентами [1]). Дѣло это было нелегкое: требовалось не только внести извѣстное единство въ молодую и увлекающуюся среду и направить ея энергію къ довольно сложной и отвѣтственной цѣли, что вполнѣ успѣшно было выполнено профессоромъ-редакторомъ, но приходилось считаться также съ непріятностями и разочарованіями. Какъ сообщаетъ А. В. Никитенко, былъ случай довольно крупнаго воровства редакціонныхъ денегъ однимъ изъ молодыхъ редакторовъ, вслѣдъ за тѣмъ скрывшимся, а также и другихъ неблаговидныхъ поступковъ, о чемъ самъ С-въ «съ горестью» разсказывалъ автору Дневника [2]). Однако все обошлось наилучшимъ образомъ, и общее сочувствіе студентовъ С-ву нашло себѣ выраженіе въ слѣдующей замѣткѣ въ Сборникѣ по поводу отъѣзда М. И-ча въ 1858 году въ заграничную командировку: «Въ маѣ уѣхалъ изъ Петербурга М. И. Сухомлиновъ, провожаемый толпою благодарныхъ ему студентовъ. Эта благодарность была имъ вполнѣ заслужена. Изданіе Сборника было еще мечтою, когда онъ, вмѣстѣ со студентами, взялся за осуществленіе этой мысли. Онъ дѣйствовалъ полный энергіи и любви къ общему дѣлу; онъ былъ нашимъ первымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необхо-

---

1) Сборникъ, издаваемый студентами Импер. С.-Петербургскаго Университета. Вып. I. 1857, стр. 383—384.

2) Моя повѣсть о самомъ себѣ (подъ 6 дек. 1857), I. 497.

димымъ руководителемъ въ новомъ для насъ дѣлѣ; подъ его руководствомъ основалась и касса для вспоможенія нашимъ недостаточнымъ товарищамъ. Такимъ образомъ, избранный студентами въ профессора-редактора, онъ вполнѣ оправдалъ ихъ довѣріе; они доказывали ему это и фотографіей его портрета и не разъ высказанною общею благодарностью» [1]). Упоминаемый здѣсь портретъ М. И-ча былъ дѣйствительно воспроизведенъ литографически и, повидимому, имѣлся въ виду для помѣщенія при III вып. «Сборника», который однако же въ свѣтъ не выходилъ: такимъ образомъ, и портретъ С-ва остался неопубликованнымъ [2]).

Во время лѣтнихъ вакацій 1853—1856 годовъ М. И. неизмѣнно бралъ отпуски на поѣздку къ роднымъ въ Харьковскую и въ Московскую губерніи.

III. Первая командировка за границу.

Проработавъ пять лѣтъ съ возрастающимъ успѣхомъ въ качествѣ академическаго преподавателя и ученаго писателя, С. почувствовалъ необходимость умственнаго освѣженія и дальнѣйшаго расширенія своего научнаго горизонта, и средствомъ для этого почелъ продолжительное за-

1) Сборникъ. Вып. II. 1860. Лѣтопись внутренней жизни университета, стр. 6.

2) На любезно сообщенномъ намъ Б. Л. Модзалевскимъ и воспроизведенномъ при настоящей статьѣ экземплярѣ этого портрета надписано, что онъ «изданъ студентами-филологами Спб. Университета по почину Л. Н. Модзалевскаго». Л. Н. Модзалевскій, извѣстный впослѣдствіи педагогъ и писатель, бывшій слушателемъ С-ва въ университетѣ, сообщаетъ въ своихъ автобіографическихъ воспоминаніяхъ о М. И-чѣ слѣдующія свѣдѣнія: «Самымъ близкимъ и вліятельнымъ профессоромъ, душою филологовъ въ концѣ 50-хъ годовъ былъ тогда еще молодой, скромный и замѣчательно трудолюбивый М. И. Сухомлиновъ, преподававшій сравнительную грамматику, древне-русскую литературу и русскія древности. Около него преимущественно группировались тогдашніе, столь еще не многочисленные филологи, а отчасти студенты и иныхъ факультетовъ, питавшіе интересъ къ литературнымъ занятіямъ... Существовали также между филологами такъ называемыя литературныя бесѣды, происходившія сперва въ помѣщеніи самого университета, а затѣмъ, благодаря поддержкѣ учебнаго начальства, въ залѣ 5-ой гимназіи. На этихъ бесѣдахъ бывалъ и М. И. Сухомлиновъ, бывшій душою и этого предпріятія» (Изъ педагогической автобіографіи Льва Николаевича Модзалевскаго. Спб. 1899, стр. 18).

граничное путешествіе, съ ученой цѣлію, на западъ и въ славянскія земли. Мотивы этого своего рѣшенія изложилъ онъ въ особой запискѣ, переданной въ факультетъ весною 1857 года, въ качествѣ матеріала для исходатайствованія командировки передъ министерствомъ. Приводимъ ее здѣсь цѣликомъ:

«Въ кругъ университетскаго преподаванія русской словесности входятъ слѣдующіе предметы: 1) Теорія русскаго языка, въ связи съ теоріею языка вообще, 2) Теорія словесности и 3) Исторія русской литературы.

I. *Теорія языка.* Въ тѣснѣйшей связи съ русскимъ языкомъ находятся языки славянскіе. Ученое знаніе русскаго языка невозможно безъ изученія славянскихъ нарѣчій. Эта неоспоримая истина признана какъ учеными, такъ и самимъ высшимъ начальствомъ, что видно изъ Положенія объ ученыхъ степеняхъ, по коему отъ Магистра и Доктора русской словесности требуются познанія и въ славянскихъ нарѣчіяхъ. — Центромъ славянской учености служитъ Прага; въ ней имѣютъ мѣстопребываніе замѣчательнѣйшіе изъ славянскихъ филологовъ, во главѣ коихъ стоитъ знаменитый Шафарикъ. Весьма важно то обстоятельство, что славянскіе филологи занимаются изслѣдованіемъ преимущественно древняго періода языка, когда между славянскими нарѣчіями существовало весьма близкое сходство, вслѣдствіе котораго знаніе одного изъ нарѣчій ведетъ къ уразумѣнію свойствъ другого.

Сверхъ изученія славянскихъ нарѣчій, для изложенія теоріи языка сообразно съ современнымъ состояніемъ науки рѣшительно необходимо ознакомиться съ развитіемъ филологіи вообще. Представителями современной европейской филологіи справедливо почитаются: Гриммъ, Поттъ, Боппъ и другіе ученые, живущіе въ Берлинѣ и открывающіе тамъ свои курсы. Другимъ важнымъ пунктомъ филологической дѣятельности служитъ Вѣна. Въ собраніяхъ вѣнскихъ ученыхъ рѣшаются существенные вопросы по филологіи вообще и по славянской въ особенности.

II. *Теорія словесности.* Университетское изложеніе теоріи словесности требуетъ непремѣнно полнаго знакомства съ состояніемъ ея у тѣхъ изъ европейскихъ народовъ, у которыхъ она достигла наибольшаго развитія, а именно у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ. Это зна-

комство тѣмъ необходимѣе для русскаго ученаго, что нѣтъ возможности дойти до вѣрныхъ результатовъ въ теоріи словесности, если ограничиться произведеніями одной русской литературы. Подтвержденіемъ сказанному служатъ попытки авторовъ, незнакомыхъ съ европейскими литературами, изложить теорію словесности. Они приходили къ заключеніямъ одностороннимъ и ложнымъ; унижая заслуги предшествовавшихъ писателей, придавали несправедливое значеніе нѣкоторымъ изъ современныхъ и ставили ихъ выше Данта, Кольдерона, Шекспира.

Существенная польза для каѳедры русской словесности, происходящая отъ основательнаго знакомства профессора русской словесности съ иностранными литературами, признана и министерствомъ въ слѣдующемъ его распоряженіи: при отправленіи за границу молодыхъ людей изъ прежняго Педагогическаго Института, въ число ихъ включенъ и Бутырскій, составившій себѣ извѣстность какъ профессоръ русской словесности. Пребываніе его за границею оказало благотворное вліяніе на его профессорскіе труды — на преподаваніе имъ русской словесности.

III. *Исторія русской литературы.* Не только для теоріи словесности, но и для исторіи собственно русской словесности необходимо знаніе литературъ иностранныхъ. Эта необходимость опредѣляется самою исторіею русской литературы. Изученіе нашей народной словесности и произведеній такого рода, какъ «Слово о Полку Игоревѣ», должно быть связано съ изученіемъ средневѣковой европейской поэзіи. Въ XVIII столѣтіи на нашу словесность имѣла сильное вліяніе французская литература, въ XIX вѣкѣ—литература нѣмецкая.

Между русскими литературными произведеніями прошлаго столѣтія и памятниками французской литературы XVII—XVIII в.—много общаго: образцами лирической, эпической и драматической поэзіи служили для нашихъ писателей произведенія поэтовъ французскихъ. Сравнительное изученіе твореній французской и русской литературы укажетъ надлежащую точку зрѣнія на нашихъ старинныхъ писателей. Подъ общимъ названіемъ послѣдователей ложнаго классицизма, наши старинные писатели подвергаются несправедливому осужденію. Вѣрная оцѣнка ихъ возможна только посредствомъ сравненія ихъ съ западно-европейскими

образцами и посредствомъ историческаго направленія въ литературныхъ изслѣдованіяхъ. А именно такое направленіе получила въ настоящее время обработка литературы, какъ науки, въ Европѣ. Достойнѣйшіе изъ современныхъ ученыхъ сосредоточиваютъ свои занятія одни—на средневѣковой литературѣ, другіе—на литературѣ XVII—XVIII в. Труды ихъ бо́льшею частью не изданы; но по отзывамъ о нихъ слушателей и ученыхъ журналовъ, можно судить, какой высокій интересъ представляютъ они для науки словесности. Для русскаго ученаго они важны уже по тому одному, что предлагаютъ отчетливый и безпристрастный разборъ произведеній, служившихъ образцами для русскихъ писателей. Отсюда открывается необходимость посѣщенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ романскія литературы изучаются въ наибольшей полнотѣ. Прежде всего необходимо ознакомиться съ курсомъ романскихъ литературъ въ Парижѣ. Что же касается до посѣщенія другихъ мѣстъ и самаго распредѣленія занятій, то для этого должно прибѣгнуть къ совѣтамъ и указаніямъ Дица, перваго въ наше время знатока романскихъ языковъ и литературъ.

Въ XIX столѣтіи на русскую словесность оказывала и оказываетъ вліяніе литература нѣмецкая. Чтобы представить этому доказательство наиболѣе ясное и неоспоримое, довольно указать на Жуковскаго. Съ Жуковскимъ начинается новый и блестящій періодъ русской литературы, который можетъ быть оцѣненъ вполнѣ только по сравненіи произведеній Жуковскаго съ поэтическими твореніями Германіи, которыя переданы имъ и усвоены русской литературѣ.

Такимъ образомъ, для адъюнкта по каѳедрѣ русской словесности необходимо посѣщеніе Праги, Берлина, Вѣны, Парижа и тѣхъ изъ европейскихъ городовъ, которые указаны будутъ Гриммомъ, Шафарикомъ, Дицомъ. Не всѣ изъ названныхъ ученыхъ и не всякій годъ открываютъ курсы; но не столько курсы, сколько живая бесѣда съ представителями европейской науки — въ высшей степени благотворны для ученаго. Въ живой бесѣдѣ онъ ознакомится не только съ результатами науки, но и съ самымъ процессомъ созиданія тѣхъ истинъ, которыя составляютъ драгоцѣнное достояніе европейскаго просвѣщенія. Не одни главныя основанія науки, но и множество новыхъ точекъ зрѣнія, новыя стороны въ предметѣ откроетъ живая бесѣда съ двигателями науки. Путешествіе за гра-

ницу съ ученою цѣлію, будучи существенно полезно для филолога вообще, является рѣшительною необходимостью для профессора филологіи и словесности въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Во-первыхъ, въ университетъ вступаютъ молодые люди съ лучшимъ приготовленіемъ и бóльшимъ запасомъ свѣдѣній, нежели поступающіе въ провинціальные университеты; во-вторыхъ, самыя требованія отъ профессора строже и обширнѣе въ столицѣ, какъ въ центрѣ ученой и литературной дѣятельности.

[Дѣло Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета. Объ опредѣленіи и службѣ адъюнкта по каѳедрѣ русской словесности Сухомлинова. Нач. 19 марта 1852. № 28. Архивъ Университета].

Содержаніе этой записки буквально и почти въ цѣломъ видѣ было включено факультетомъ въ его представленіе въ Совѣтъ Университета, отъ 28 марта 1857 года; Совѣтъ, отъ 27 апрѣля того же года, ходатайствовалъ передъ попечителемъ о командированіи С—ва за границу на годъ съ 15 октября 1857 по 15 октября 1858 г. Однако попечитель, ссылаясь на сдѣланныя уже до сего времени за границу командировки профессоровъ С.-Петербургскаго университета, предложилъ отложить это ходатайство о С—вѣ на годъ; тогда Совѣтъ, 31 января 1858, повторилъ свое ходатайство, и на этотъ разъ оно увѣнчалось успѣхомъ: 29 апрѣля состоялось высочайшее повелѣніе о командированіи С—ва на годъ, т. е. по маѣ 1859 года, за границу, при чемъ, сверхъ сохраненія содержанія, ему было выдано тысячу рублей на путевыя издержки.

Отправляясь въ маѣ 1858 года за границу, С—въ не имѣлъ передъ собою сколько-нибудь точнаго, въ топографическомъ смыслѣ, плана своего путешествія; онъ видѣлъ цѣль этой поѣздки по существу и только въ общихъ очертаніяхъ. Вступивъ на заграничную почву въ Гейдельбергѣ и Цюрихѣ, познакомившись и поговоривъ съ виднѣйшими тогда представителями историческаго и эстетическаго изученія литературы въ области нѣмецкой науки, Гервинусомъ и Фишеромъ, С—въ могъ уже начертать для себя болѣе ясную программу своего будущаго путешествія: оказалось, что для выполненія этой программы годичный срокъ командировки слишкомъ недостаточенъ, нужно было время вдвое большее, и 30 сен-

тября (ст. с.) 1858 года М. И. отправилъ въ факультетъ, изъ Мюнхена, слѣдующее прошеніе, въ которомъ, изложивъ планъ предстоящаго путешествія, ходатайствовалъ о продленіи ему командировки до 1 сентября 1860 года:

Въ Историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета.

Адъюнкта Сухомлинова

Донесеніе.

По представленію историко-филологическаго факультета, я командированъ на годъ, считая съ мая 1858 года, за границу съ ученою цѣлью. Мнѣ вмѣнено въ обязанность ознакомиться съ современнымъ состояніемъ и съ характеромъ преподаванія тѣхъ предметовъ, изученіе которыхъ составляетъ существенное условіе полнаго и основательнаго филологическаго и литературнаго образованія. Такъ какъ я пріѣхалъ за границу уже во второй половинѣ лѣтняго семестра, а съ августа наступили въ университетахъ каникулы, то я долженъ былъ посвятить время свое преимущественно занятіямъ въ библіотекахъ и обозрѣнью замѣчательнѣйшихъ собраній произведеній изящныхъ искусствъ. Изъ ученыхъ, я всего болѣе пользовался совѣтами Гервинуса и Фишера. Гервинусъ — представитель историческаго направленья въ изученіи словесности, какъ науки. Фишеръ, профессоръ Цюрихскаго университета, признается первымъ эстетикомъ нашего времени. Совѣты ихъ и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, а также и собственное мое знакомство съ устройствомъ университетовъ и ученыхъ обществъ дало мнѣ возможность составить точный планъ своего путешествія, который и имѣю честь представить на утвержденіе факультета. Планъ путешествія слѣдующій. Для добросовѣстнаго исполненія возложенной на меня обязанности мнѣ необходимо посѣщать лекціи последовательно, чтобы въ одинъ семестръ заняться преимущественно филологіею, въ другой — исторіею литературы и теоріею словесности, въ третій — эстетикою. Для филологіи особенно полезно пребываніе въ Берлинѣ, гдѣ живетъ патріархъ филологіи Яковъ Гриммъ и читаютъ лекціи многіе изъ его послѣдователей и учениковъ, пользующихся европейскою извѣстностію. Сверхъ того, мнѣ необходимо нѣсколько мѣсяцевъ

провести въ Прагѣ, какъ средоточіи славянской филологіи, безъ которой невозможно истинно-ученое образованіе русскаго филолога. Для исторіи литературы необходимо пребыванье въ Парижѣ. Изученье литературы въ наше время приняло сравнительное направленіе; романскія литературы съ блестящимъ успѣхомъ разрабатываются въ Парижѣ въ связи съ германскими. Памятники древней русской литературы во многихъ чертахъ своихъ объясняются посредствомъ строго-ученаго сравненія съ памятниками средневѣковыхъ литературъ западныхъ народовъ, какъ доказываютъ это новѣйшія изслѣдованія знатоковъ русской старины. Теорія словесности съ особенною полнотою, основательностью и глубиною преподается знаменитымъ Вакернагелемъ, профессоромъ Базельскаго университета, а эстетика — профессоромъ Фишеромъ. Выслушать курсъ эстетики тѣмъ необходимѣе, что эстетика тѣсно связана съ исторіей философіи, которая въ нашихъ университетахъ съ нѣкотораго времени не преподается. Всѣ изложенныя мною причины указываютъ необходимость пребыванія моего въ слѣдующихъ городахъ: Берлинѣ, Парижѣ, Прагѣ, Базелѣ, Цюрихѣ, и посѣщенія лекцій Вакернагеля, Гримма, Шлейхера, Фишера и другихъ ученыхъ. Такъ какъ для надлежащаго исполненія даннаго мнѣ порученія оставшійся мнѣ полугодовой срокъ слишкомъ недостаточенъ, то я имѣю честь покорнѣйше просить историко-филологическій факультетъ исходатайствовать продолженіе моей командировки до 1 сентября 1860 года. Я потому долженъ просить объ этомъ заблаговременно, что для ученаго путешествія необходимъ точный и правильный планъ, который нельзя составить, не зная точно времени, назначаемаго для путешествія. До сихъ поръ я прожилъ преимущественно въ Гейдельбергѣ, пользуясь учеными совѣтами Гервинуса и богатыми средствами Гейдельбергской библіотеки, и въ Мюнхенѣ, занимаясь, подъ руководствомъ профессоровъ университета, изученіемъ памятниковъ искусства, собранныхъ въ двухъ пинакотекахъ и глиптотекѣ. Сверхъ того, я прожилъ нѣсколько времени въ Цюрихѣ, всего болѣе въ Женевѣ и въ Лозаннѣ: въ тамошнихъ библіотекахъ много любопытныхъ памятниковъ французской литературы XVIII вѣка, имѣвшей такое сильное вліяніе на русскую.

Считаю нужнымъ присовокупить, что отсутствіе мое до 1 сентября 1860 года не нанесетъ ни малѣйшаго ущерба преподаванію. Препода-

ваніе словесности распредѣлено такъ: въ 1 и 3 курсахъ читаю обыкновенно я, а во 2 и 4—А. В. Никитенко. Въ прошломъ же году я читалъ и студентамъ 2 курса то, что читалъ бы въ этомъ году, если бы былъ въ Петербургѣ; студентамъ же будущаго 3 курса, т. е. 1859—1860, я прочту курсъ свой по переходѣ ихъ въ четвертый курсъ, т. е. въ 1860—1861 году. Слѣдовательно, предметъ будетъ прочитанъ имъ во всей полнотѣ во время ихъ пребыванія въ университетѣ.

Имѣю честь покорнѣйше просить Историко-филологическій факультетъ представить о продолженіи моей командировки совершенно на тѣхъ же условіяхъ, какъ сдѣлано факультетомъ представленіе и о самой моей командировкѣ.—Адресъ мой, по мѣрѣ перемѣны мѣстопребыванія, буду имѣть честь сообщать, для доставленія факультету, г. Секретарю ист.-фил. факультета.

Адъюнктъ Сухомлиновъ.

30 сентября / 12 октября 1858, Мюнхенъ.

[Дѣло Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета. № 28].

Факультетъ отнесся вполнѣ сочувственно къ просьбѣ С—ва и исходатайствовалъ ему продленіе заграничной командировки до желаемаго срока. Кромѣ приведеннаго донесенія отъ 30 сентября / 12 октября 1858, С—вымъ послано было въ факультетъ еще три «донесенія», изъ которыхъ два мы приводимъ ниже (изъ Праги и Парижа); на третье же, трактующее о путешествіи С—ва въ Англію, Голландію и Бельгію, указываетъ деканъ И. И. Срезневскій въ своемъ представленіи въ Совѣтъ Университета, отъ 4 мая 1860 года, но этого донесенія С — ва въ дѣлахъ университетскаго архива не оказалось.

Въ Историко-филологическій факультетъ Петербургскаго университета.

Адъюнкта Сухомлинова

Донесеніе.

Все время, со дня послѣдняго отчета моего факультету, я провелъ въ славянскихъ земляхъ, посѣщая какъ города, такъ и села. Въ главныхъ городахъ я имѣлъ цѣлью познакомиться съ учебными заведеніями, библіо-

теками и литературною дѣятельностью, сосредоточенною въ столицахъ; посѣщенье мною селъ знакомило меня съ народнымъ бытомъ, языкомъ и произведеніями словесности, живущими въ разсказахъ и пѣсняхъ народа. Устная словесность славянскихъ племенъ тѣмъ болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе, что изданные до сихъ поръ сборники пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и т. д. далеко не исчерпываютъ ея богатства.

Путешествіе свое я началъ съ Праги. Пражскіе ученые занимаются изслѣдованіями не только по части языка и литературы чешской, но вообще въ области языковъ и литературъ славянскихъ, какъ это можно видѣть изъ ученыхъ статей, помѣщаемыхъ въ «Часописѣ» Чешскаго Музеума. Въ пражскомъ университетѣ преподаются на чешскомъ языкѣ: исторія чешской литературы и отчасти политическая исторія. Въ прошломъ семестрѣ профессоръ Гаттала читалъ: объ образованіи словъ въ чешскомъ и вообще въ славянскихъ языкахъ, о звукахъ и формахъ церковно-славянскаго языка и разбиралъ Любушинъ Судъ — o tvoření slov ve slovančině vůbec a v češtině zvláště; srovnávací nauka o hláskách a ohýbání slov ve staře češtině a bulharštině čili cyrillštině; všestranný rozbor Libušina soudu. Профессоръ Томекъ читалъ по чешски: исторію Австріи отъ Вестфальскаго мира до конца Семилѣтней войны, а по нѣмецки: древнѣйшую исторію Чехіи, по источникамъ, какъ упражненіе въ исторической критикѣ. Изъ ученыхъ, не читающихъ лекцій въ университетѣ, особеннымъ вліяніемъ пользуются Шафарикъ и Эрбенъ. Изъ многихъ важныхъ замѣчаній и указаній, сообщенныхъ Шафарикомъ въ устной бесѣдѣ, укажу на мнѣніе его о способѣ изданія древнихъ рукописей, о которомъ существуютъ у насъ различныя мнѣнія; одни полагаютъ, что главною задачею издателя должна быть точность и самое полное сходство съ текстомъ рукописи; другіе, напротивъ того, считаютъ нужнымъ исправлять ошибки переписчиковъ, придавая тексту, по возможности, тотъ видъ, который онъ долженъ былъ имѣть по свойству тогдашняго языка и смыслу содержанія, а не по прихоти писцовъ. Шафарикъ утверждаетъ, что при изданіи памятниковъ необходимо возстановлять текстъ, а не буквально копировать рукопись, потому что если и спеціалисты-издатели откажутся исправлять искаженное, то тѣмъ менѣе могутъ взять на себя этотъ трудъ читатели, и изданіе рукописи достиг-

нетъ цѣли только вполовину. Шафарикъ указываетъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, на изданія древнихъ классиковъ, приготовляемыя по многимъ рукописямъ и со многими и основательными конъектурами. — Эрбенъ занимается преимущественно народною словесностью; онъ же издаетъ и замѣчательное собраніе историческихъ памятниковъ Чехіи. Эрбенъ приготовилъ къ печати весьма важное собраніе народныхъ сказокъ всѣхъ славянскихъ племенъ; изъ множества сказокъ и ихъ варіантовъ онъ умѣетъ дѣлать выборъ, руководствуясь художественнымъ и этнографическимъ значеніемъ народнаго разсказа.

Изъ Праги я ѣздилъ во внутренность Чехіи, а оттуда—въ Польшу, Галицію, Венгрію, въ воеводство Сербію, Сербское княжество, въ Хорватію и Лужицы. Я посѣтилъ Вѣну, Краковъ, Львовъ, Пестъ, Офенъ, Карловцы, Бѣлградъ, Загребъ, Будишинъ и нѣсколько другихъ городовъ и селъ въ различныхъ земляхъ славянскихъ.

Въ университетѣ Вѣнскомъ славянскую филологію преподаетъ профессоръ Миклошичь, извѣстный своими трудами по славянской филологіи. Въ лѣтній семестръ (съ 28 апрѣля) этого года Миклошичь читалъ три предмета, а именно: о Несторѣ, о собственныхъ именахъ славянскихъ и палеографическія упражненія. Лекціи о Несторѣ состояли изъ филологическихъ объясненій текста Несторовой лѣтописи, и преимущественно договоровъ съ Греками; въ лекціяхъ о собственныхъ именахъ онъ пользовался преимущественно сербскими рукописями древнѣйшей редакціи. Палеографическія упражненія служили практическимъ примѣненьемъ слушателями свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ ими изъ лекцій профессора. Сверхъ лекцій Миклошича, весьма поучительны для изучающаго славянскіе языки и литературы лекціи профессора Шемберы, автора исторіи чешской литературы: онъ читалъ исторію новой чешской литературы, объяснялъ наиболѣе важныя и трудныя мѣста изъ древнихъ чешскихъ писателей и упражнялъ своихъ слушателей въ переводахъ на чешскій языкъ.—Библіотека вѣнская весьма богата рукописями, но пользоваться ими, къ сожалѣнью, весьма затруднительно: реальные каталоги еще не составлены, и единственнымъ пособіемъ можетъ служить нѣсколько указаній, сдѣланныхъ разными учеными въ ихъ краткихъ извѣстіяхъ о занятіяхъ въ вѣнской библіотекѣ. Довольно значительное собраніе руко-

писей находится у Миклошича и служитъ богатымъ пособіемъ при составленіи церковно-славянскаго словаря, выходящаго вторымъ изданіемъ. Между прочимъ, недавно получена Миклошичемъ полная кормчая въ одномъ изъ самыхъ древнихъ списковъ; изъ Инспрука прислано ему два пергам. листа, писанные глаголическими буквами и принадлежащіе, по всей вѣроятности, къ тому сборнику, который издалъ Копитаръ подъ названіемъ: Glagolita Clozianus; эти два листа заключаютъ часть слова Златоуста и часть, какъ кажется, оригинальнаго славянскаго поученія, состоящаго изъ обличенія сребролюбія, по поводу предательскаго поступка Іуды.

Пребываніе во Львовѣ и путешествіе по Галиціи ознакомило меня съ бытомъ и литературною дѣятельностью ближайшихъ братьевъ нашихъ между славянами—Русиновъ. Въ университетѣ Львовскомъ профессоръ Головацкій читалъ въ зимній семестръ этого года: 1) фонетику (laut-lehre) русинскаго языка въ сравненьи съ чешскимъ и польскимъ, 2) о развитіи русинскаго письменнаго языка на основаніи народныхъ нарѣчій, 3) объясненіе Остромирова Евангелія, съ указаніемъ тѣхъ формъ, которыя въ позднѣйшихъ редакціяхъ отличаются отъ древняго текста. — Профессоръ Малецкій читалъ: 1) церковно-славянскій языкъ, 2) исторію польской литературы съ начала нынѣшняго столѣтія до появленія романтиковъ, 3) эстетическій разборъ образцовыхъ произведеній польской литературы, преимущественно драматическихъ поэтовъ.—Общее вниманіе русинскихъ литераторовъ было устремлено на задуманное вѣнскимъ министерствомъ введеніе латинской азбуки вмѣсто кирилловской и гражданской. Это нововведеніе принято было какъ посягательство на народную святыню и встрѣтило единодушный отпоръ со стороны Русиновъ. Издано было нѣсколько статей и брошюръ, въ которыхъ обсуживался вопросъ о кирилловской и латинской азбукѣ и ихъ пригодности для языка русинскаго, и въ результатѣ оказалось, что для введенія латинскаго письма нѣтъ никакого филологическаго основанія. Но здѣсь было основаніе другого рода, именно политическое. За нѣсколько лѣтъ до настоящаго времени высказано было образованными Русинами мнѣніе, что если ихъ молодой литературѣ суждено быть подъ какимъ-либо вліяніемъ, то самое благодѣтельное было бы вліяніе русское. Поэтому начали употреблять граждан-

скій шрифтъ, употребляемый въ Россіи, и заимствовать многія слова и обороты изъ языка великорусскаго, а нѣкоторые литераторы стали даже писать совершенно русскимъ литературнымъ языкомъ съ легкимъ оттѣнкомъ русинскаго. Это возбудило опасеніе въ Австріи, боящейся всякаго общенія подвластныхъ ей Славянъ съ Русскими. Собрана была во Львовѣ особенная комиссія, подъ предсѣдательствомъ теперешняго министра внутреннихъ дѣлъ, изъ русинскихъ литераторовъ, упорно отстаивавшихъ славянское письмо. Послѣ продолжительныхъ преній, чиновники австрійскіе настояли на уничтоженіи гражданскаго шрифта, вопреки желанію Русиновъ; уничтожили ѕ, но удержали *ѣ*, *ы*, *и*.

Въ Пестѣ и вообще въ Венгріи живетъ много славянъ, Сербовъ и Словаковъ: поэтому путешествіе по Венгріи представляетъ интересъ и въ отношеньи къ славянскимъ племенамъ и нарѣчіямъ. Славянскія нарѣчія преподаетъ въ Пестскомъ университетѣ профессоръ Ференцъ; онъ владѣетъ тринадцатью языками, свободно объясняется по русски и знакомитъ слушателей своихъ съ произведеніями русскихъ писателей.

Изъ Песта я поѣхалъ въ Карловцы, а оттуда—въ монастыри фрушкогорскіе и въ другія мѣста воеводства Сербіи. Живущій въ Карловцахъ сербскій патріархъ Іосифъ Раячичъ, избранный народомъ въ 1848 году, сообщилъ мнѣ много указаній, которыми я пользовался при путешествіи въ воеводствѣ. Монастыри фрушкогорскіе служатъ поддержкою народности: нѣкоторые изъ нихъ посвящены памяти людей, прославившихся въ сербской исторіи; описанія ихъ жизни и патріотическихъ подвиговъ, картины съ изображеньемъ этихъ подвиговъ и т. п. постоянно напоминаютъ многочисленнымъ посѣтителямъ о завѣтныхъ преданіяхъ старины. При монастыряхъ есть библіотеки, въ которыхъ довольно много русскихъ книгъ; большая часть изъ нихъ — изданія Новикова и типографической компаніи.

Въ Бѣлградѣ особенно поучительны были для меня бесѣды съ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ, переѣхавшимъ изъ Вѣны въ Бѣлградъ. Руководствуясь указаніями Вука, я посѣщалъ города и села Сербіи отъ Дуная и Савы до Дрины и Босніи. Народъ сербскій славится богатствомъ своихъ поэтическихъ произведеній, переходящихъ изъ устъ въ уста; я былъ свидѣтелемъ импровизаціи народныхъ пѣвцовъ. Въ одномъ

сербскомъ селѣ мнѣ удалось услышать преданіе, извѣстное у насъ уже въ XI вѣкѣ и записанное въ Несторовой Лѣтописи. Оно считается обыкновенно произведеніемъ скандинавскимъ, занесеннымъ къ намъ Норманнами, и дѣйствительно оно представляетъ большое сходство съ эпизодомъ исландской саги; но преданье сербское еще ближе къ русскому не только въ цѣломъ, но и въ подробностяхъ. По возвращеніи, я постараюсь немедленно напечатать любопытное преданіе; нужно собирать по крохамъ, чтобы дойти наконецъ до возможности положительно отвѣчать на вопросъ о силѣ и значеньи скандинавскаго вліянія въ древнѣйшую эпоху нашей исторіи.

Въ путешествіи по Хорватіи руководителями и отчасти спутниками моими были: Кукулевичъ-Сакчинскій, Вукотиновичъ, Боговичъ и другіе хорватскіе писатели. Кукулевичъ продолжаетъ изданіе Архива юго-славянской исторіи и словаря юго-славянскихъ художниковъ. Талантъ Кукулевича разнообразенъ: онъ и археологъ, и эстетикъ, и публицистъ, и историкъ, и беллетристъ. Въ альманахѣ этого года помѣщена повѣсть его изъ общественнаго быта. Хотя она и не имѣетъ художественнаго значенія, но подобнаго рода повѣсти особенно желательны для современныхъ славянскихъ литературъ. Строгость цензуры и отчасти другія обстоятельства заставили поэтовъ обращаться къ предметамъ, опошлѣвшимъ отъ долговременнаго употребленія; у большей части славянъ большинство стихотвореній, помѣщаемыхъ въ журналахъ и альманахахъ, содержанія идиллическаго и эротическаго, бывшаго въ ходу въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка; выше многихъ другихъ стоятъ стихотворенія чешскаго студента Галека, подражателя Гейне; но гораздо важнѣе тѣ немногія повѣсти, которыя заимствованы авторами изъ общественной жизни.

Послѣднею изъ земель славянскихъ, видѣнныхъ мною, были Лужицы. Племя Лужичанъ, при всей своей малочисленности, подверглось троякому раздѣленью: Лужицы раздѣляются на верхнія и нижнія, различающіяся между собою языкомъ; жители ихъ частью протестанты, частью католики и находятся частью подъ саксонскою, частью подъ прусскою властью. Лужичане въ Саксоніи довольны своимъ правительствомъ, непосягающимъ на ихъ народность: они могутъ безпрепятственно трудиться

и поддерживать свою скромную литературу; въ настоящее время писатели лужицкіе трудятся надъ составленіемъ словаря. Спутникомъ моимъ по Лужицамъ былъ литераторъ Горникъ, живущій въ Будишинѣ; литераторъ Букъ также способствовалъ знакомству моему съ краемъ. Главы современныхъ писателей лужицкихъ—Смолера не было, къ сожалѣнью, въ Будишинѣ: онъ уѣхалъ въ Россію.

По возвращеніи въ Прагу, я засталъ въ самомъ разгарѣ споръ о краледворской рукописи. Самое рѣзкое и подробное мнѣніе contra выражено Бюдингеромъ въ историческомъ журналѣ, издаваемомъ Зибелемъ; самое лучшее опроверженіе представлено Палацкимъ въ томъ же журналѣ. Полемика опирается преимущественно на историческія доказательства, но и съ той и съ другой стороны указывается на необходимость филологическихъ доказательствъ, къ которымъ призываютъ Миклошича. Миклошичъ еще не высказалъ своего мнѣнія печатно, но, судя по устной бесѣдѣ съ нимъ, онъ принадлежитъ къ числу сомнѣвающихся въ подлинности краледворской рукописи, и сомнѣніе свое основываетъ на томъ, что формы языка не принадлежатъ XIII вѣку, что складъ пѣсенъ черезчуръ новъ и ненароденъ, что миѳологическій элементъ не соотвѣтствуетъ миѳическимъ представленіямъ, господствовавшимъ въ то время у чеховъ. Я былъ свидѣтельствомъ (sic) суда между Ганкою и Ку, редакторомъ газеты, обвинившей Ганку въ подлогѣ; редакторъ оправдывался тѣмъ, что онъ оказалъ честь Ганкѣ, назвавъ его поддѣльщикомъ краледворской рукописи, потому что въ то же время самую рукопись назвалъ высокимъ поэтическимъ произведеніемъ, а высокое произведеніе можетъ написать только талантъ! Судъ призналъ обвинителя въ подлогѣ неправымъ и присудилъ его къ двухмѣсячному аресту и къ штрафу въ 100 гульденовъ.

Оставляя въ настоящее время Прагу, я предполагаю посѣтить Бельгію и Голландію, преимущественно для ознакомленія съ тамошними музеями, картинными галереями и другими памятниками искусства, а оттуда—въ Парижъ, къ началу курсовъ въ Парижскомъ университетѣ.

Адъюнктъ Сухомлиновъ.

$\frac{\text{4 сентября}}{\text{23 августа}}$ 1859. Прага.

[Дѣло Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета. № 28].

Въ Историко-Филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета.

Адъюнкта Сухомлинова

Донесеніе.

Въ последнемъ отчетѣ своемъ я имѣлъ честь сообщить факультету о путешествіи своемъ по славянскимъ землямъ. По окончаніи занятій своихъ въ славянскихъ земляхъ, я отправился въ Италію; долѣе всего я пробылъ въ Римѣ, затѣмъ — во Флоренціи, Венеціи, Миланѣ и Туринѣ. Во время пребыванія своего въ Италіи я имѣлъ въ виду преимущественно исторію искусства, такъ тѣсно связанную съ исторіею литературы и образованности. Римскія собранія представляютъ самую богатую пищу для изученія эстетики, не въ теоріи, а на самыхъ произведеніяхъ искусства. Для знакомства же съ христіанскимъ искусствомъ, съ памятниками первыхъ вѣковъ христіанства собраны матеріалы въ такъ называемомъ «христіанскомъ музеумѣ» — museo christiano, основанномъ весьма недавно, въ 1854 году. Мозаика и статуи, барельефы на гробницахъ, открытыхъ въ катакомбахъ, и т. п. даютъ ясное и наглядное понятіе о первыхъ опытахъ христіанскаго искусства и объ отношеніи его къ художественному міру древности. Многія черты, опредѣляющія характеръ литературы древнихъ и среднихъ временъ христіанства, характеризуютъ и произведенія искусства, знакомство съ которыми необходимо и для полнаго пониманія тогдашнихъ литературныхъ памятниковъ; символизмъ, туманный въ произведеніяхъ слова, разоблачается въ произведеніяхъ пластическаго искусства и знакомитъ съ общественнымъ настроеніемъ, господствовавшимъ, въ теченье нѣсколькихъ вѣковъ, у всѣхъ христіанскихъ народовъ, хотя и въ неодинаковой степени.

Во Флоренціи я посѣщалъ замѣчательнѣйшія въ художественномъ отношеніи церкви и картинныя галереи, преимущественно Palazzo degli Uffizi, какъ самое богатое собраніе произведеній искусства. Въ Венеціи особенный интересъ возбуждаютъ памятники, въ которыхъ видно вліяніе двухъ элементовъ — западноевропейскаго и византійскаго: Венеція въ исторіи искусства составляетъ связь между Греціею и Италіею; соборъ св. Марка, выстроенный по образцу Софійскаго собора въ Константинополѣ, представляетъ, въ своихъ разнообразныхъ украшеніяхъ, смѣсь ви-

зантійскаго стиля съ готическимъ и итальянскимъ. Много памятниковъ искусства, занимающихъ видное мѣсто въ его исторіи, сохраняются въ церквахъ Венеціи, также въ нѣкоторыхъ палаццо и въ академіи художествъ — Palazzo Ducale, Academia delle belle arti и др. Въ Туринѣ я успѣлъ ознакомиться и съ библіотеками; въ другихъ же итальянскихъ городахъ, между прочимъ и въ Римѣ, библіотеки были закрыты по причинѣ каникулъ, весьма продолжительныхъ.

Изъ Италіи я пріѣхалъ во Францію и нахожу нужнымъ провести зиму въ Парижѣ. Уже одно то обстоятельство, что французская литература имѣла сильное и постоянное вліяніе на русскую, дѣлаетъ для меня необходимымъ пребываніе въ центрѣ разработки памятниковъ французской литературы. Парижскія библіотеки представляютъ много любопытныхъ и важныхъ матеріаловъ для изученія литературы въ связи съ состояніемъ образованности. Я занимаюсь какъ въ отдѣленіи книгъ, такъ и въ отдѣленіи рукописей. Въ отдѣленіи книгъ находится значительное число изданій, которыхъ нельзя найти и въ самыхъ богатыхъ библіотекахъ другихъ городовъ. Въ числѣ рукописей есть и славянскія, но онѣ не имѣютъ особеннаго значенія ни по количеству, ни по качеству. Онѣ описаны Мартыновымъ, кандидатомъ петербургскаго университета, поступившимъ въ іезуиты и занимающимся изданіемъ вещей, относящихся къ русской исторіи. Болѣе интереса представляютъ рукописи на иностранныхъ языкахъ. Содержаніе ихъ любопытно потому, что многія черты сближаютъ ихъ съ произведеніями русской литературы и литературъ славянскихъ вообще. Кругъ средневѣковыхъ сказаній и повѣстей весьма обширенъ; остатки средневѣковаго эпоса разсѣяны повсюду, сохраняясь въ устной и письменной словесности германскихъ, романскихъ и славянскихъ народовъ; иное заимствовано обыкновеннымъ литературнымъ путемъ, другое составляетъ общую принадлежность народной поэзіи, являясь самостоятельно въ различныхъ литературахъ. Французскими учеными издано нѣсколько замѣчательныхъ произведеній средневѣковой словесности, а также и памятниковъ болѣе древнихъ, какъ напримѣръ сказанія апокрифическія, извѣстныя и по рукописямъ славянскимъ.

Изъ лекцій особенною полнотою, дѣльностью и подробностью отличаются читаемыя въ заведеніяхъ спеціальныхъ, напр. въ école des chartes,

Въ университетѣ же (употребляя это слово въ томъ смыслѣ, который имѣетъ оно у насъ), т. е. въ Collège de France и въ Sorbonne, преподаватели имѣютъ въ виду, большею частью, не столько систематическое развитіе предмета, сколько изложеніе его въ формѣ наиболѣе доступной для слушателей.

По исторіи французской литературы читаются лекціи нѣсколькими профессорами. Самый дѣльный курсъ профессора Demogeot — о писателяхъ XVIII вѣка. Деможо̀ читаетъ въ Сорбоннѣ, по двѣ лекціи въ недѣлю: на одной изъ нихъ представляетъ общую характеристику писателя или эпохи, на другой — знакомитъ слушателей съ источниками и пособіями, разсматриваетъ литературу предмета. Такое распредѣленіе весьма полезно: профессоръ даетъ понятіе о *сущности* изучаемаго вопроса, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ выводы извлекаетъ изъ фактовъ, оцѣнкѣ которыхъ посвящаетъ еженедѣльно одну изъ двухъ лекцій. Saint-Marc Girardin читаетъ въ Сорбоннѣ «исторію французской поэзіи въ XVII вѣкѣ и преимущественно о сочиненіяхъ Буало». De-Loménie читаетъ въ Collège de France «о жизни, сочиненіяхъ и вліяніи Вольтера». А. Ходзько читаетъ въ Collège de France исторію новой литературы славянскихъ народовъ, объясняетъ средневѣковыя славянскія легенды и отрывки изъ лучшихъ твореній русскихъ, польскихъ, сербскихъ и чешскихъ писателей. Paulin Paris читаетъ въ Collège de France о Фруассарѣ. Лекціи Пари заслуживаютъ особеннаго вниманія по своей дѣльности; метода его замѣчательна не только сама по себѣ, не только по отношенію къ труду Фруассара, но по отношенію къ исторической и литературной критикѣ произведеній словесности какого бы то ни было народа. Пользуясь новѣйшими трудами ученыхъ, Пари вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ много оригинальныхъ замѣчаній, добытыхъ его собственными изслѣдованіями; особенно любопытны замѣчанія его объ образованности Фруассара, о пути, посредствомъ котораго онъ знакомился съ древнимъ міромъ, и о вліяніи средневѣковыхъ легендъ и сказаній на его исторію. Въ Ecole des chartes я посѣщаю лекціи Quicherat объ исторіи искусства; въ настоящее время онъ излагаетъ исторію архитектуры; онъ съ особенною полнотою и отчетливостью представилъ переходъ отъ древней, языческой архитектуры къ новой, христіанской. Источники для знакомства съ исторіею искусства

находятся, въ Парижѣ, въ богатыхъ и разнообразныхъ собраніяхъ, расположенныхъ въ Луврѣ и отчасти, въ несравненно-меньшемъ объемѣ, въ Hôtel de Cluny.

Адъюнктъ Сухомлиновъ.

Парижъ,
6/14 января 1860. Мой адресъ: Paris, poste restante.

[Дѣло Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета. № 28].

Какъ можно видѣть изъ отчетовъ С—ва, порядокъ его путешествія былъ приблизительно таковъ: Германія и Швейцарія (преимущественно Гейдельбергъ, Мюнхенъ, Берлинъ, Цюрихъ), Славянскія земли (Прага, Краковъ, Львовъ, венгерскіе и австрійскіе сербы, Бѣлградъ, Загребъ), Вѣна, Италія (Римъ, Флоренція, Венеція, Миланъ и Туринъ), Парижъ, Англія, Голландія и Бельгія; въ нѣкоторыя, наиболѣе интересныя для него, мѣста онъ возвращался нѣсколько разъ, напр. въ Прагу. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ два съ половиной года С. успѣлъ перебывать почти во всѣхъ странахъ Западной Европы: однѣ были интересны для него по этнографической близости къ Россіи, другія — по высокому развитію науки и искусства и по успѣхамъ культурнаго общежитія. Обладая чрезвычайно живымъ темпераментомъ и разносторонней отзывчивостью, С., во время своего пребыванія за границей, изъ поля своего наблюденія не упускалъ рѣшительно ничего, что бы могло пригодиться ему для расширенія собственнаго образованія, для преподавательной дѣятельности, для будущихъ научныхъ трудовъ; онъ смотрѣлъ на свое путешествіе какъ на драгоцѣнный и въ своемъ родѣ рѣдкій въ жизни случай запастись возможно болѣе богатыми впечатлѣніями на будущее и вовсе не стремился къ тому, чтобы тратить за границей слишкомъ много времени на кабинетную работу. И тѣмъ не менѣе, онъ нашелъ необходимый досугъ для того, чтобы отослать изъ разныхъ мѣстъ своихъ заграничныхъ скитаній въ редакцію «Русскаго Вѣстника» пять статей, въ которыхъ нашли себѣ непринужденное и живое отраженіе многія изъ его впечатлѣній отъ заграничной жизни и ея выдающихся представителей [1]). Особенный интересъ

1) «Письмо изъ-за границы» [Женева 25 авг./6 сент. 1858]. Р. В. 1858, сент., кн. 1; «Письмо изъ Мюнхена» [Мюнхенъ 4/16 окт. 1858]. Тамъ же 1858, окт., кн. 2;

этихъ учено-литературныхъ корреспонденцій представляли данныя о германскихъ университетахъ и разсказы о славянскихъ земляхъ. Сочувственно отмѣчая широкое развитіе университетской жизни въ Германіи и сосѣдней ей Швейцаріи, напряженную литературно-научную дѣятельность профессоровъ, свободу преподаванія и слушанія, С — въ весьма тонко наблюдаетъ и кое-какія отрицательныя явленія и странности; просматривая книжныя сокровища и знакомясь съ людьми въ Германіи, онъ съ особеннымъ интересомъ слѣдитъ за тѣмъ, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ русской литературѣ и жизни: говоря о Мюнхенскомъ университетѣ, онъ отмѣчаетъ проф. Боденштедта, знатока и цѣнителя русской литературы; обозрѣвая рукописи Королевской библіотеки въ Берлинѣ, онъ останавливается на интересномъ дневникѣ Цукмантеля (1755), бывшаго пасторомъ въ Петербургѣ, и кратко передаетъ его содержаніе. Въ славянскихъ земляхъ С — ва всего болѣе привлекаютъ къ себѣ проявленія національнаго самосознанія, культурная и политическая борьба славянъ съ австрійскимъ режимомъ, успѣхи славянъ на поприщѣ литературы и науки. Отъ этихъ заграничныхъ корреспонденцій и въ настоящее время вѣетъ свѣжей мыслью умнаго и даровитаго наблюдателя, проникнутаго благороднымъ сочувствіемъ къ свободному развитію малыхъ и политически обиженныхъ народностей; онѣ согрѣты гуманнымъ чувствомъ образованнаго и тонкаго, въ высшей степени воспріимчиваго и не чуждаго поэтическаго настроенія цѣнителя: наконецъ, живое, изящное и по мѣстамъ увлекательное изложеніе, чуждое растянутости и кое-гдѣ одухотворенное блестками ироніи и остроумія, производитъ то, что и въ настоящее время эти корреспонденціи не утратили своего, по крайней мѣрѣ историческаго, значенія, хотя очень многое въ сферахъ, затронутыхъ тогдашнимъ перомъ С — ва, теперь значительно измѣнилось. Интересъ къ зарубежному славянству, почерпнутый въ это путешествіе С—вымъ изъ живого источника, если не научный, то во всякомъ случаѣ культурно-политическій, жилъ въ М. И-чѣ до конца его

«Изъ Берлина». Тамъ же 1859, май, кн. 1; «Изъ Праги» [Прага 21 авг. 1859]. Тамъ же 1859, сент., кн. 2; «Замѣтки о современномъ настроеніи сербовъ, хорватовъ и русиновъ». Тамъ же 1859, окт., кн. 1.

жизни, и я прекрасно помню, какъ въ концѣ 80-хъ и въ 90-ые годы, послѣ моихъ кратковременныхъ поѣздокъ въ славянскія земли, онъ живо и подолгу расспрашивалъ меня о людяхъ, событіяхъ и обстоятельствахъ, особенно касательно чеховъ и Праги: видно было, что все это было близко М. И-чу и что годы не изгладили глубокихъ слѣдовъ его далекихъ впечатлѣній молодости.

Существеннымъ дополненіемъ къ этимъ заграничнымъ корреспонденціямъ и офиціальнымъ отчетамъ С—ва являются слѣдующія три письма его къ И. И. Срезневскому:

Мюнхенъ. $\frac{10}{22}$ сентября 1858.

Милостивый Государь Измаилъ Ивановичъ,

Прежде всего я долженъ просить Васъ простить мнѣ долгое неисполненіе Вашего порученья: передъ отъѣздомъ моимъ за границу Вы поручили мнѣ выслать Вамъ изъ Парижа второй томъ Шевале — исторію французскаго языка. Но я до сихъ поръ не былъ въ Парижѣ, и потому не могъ пріобрѣсти Шевале. Выѣзжая изъ Петербурга, я думалъ направить путь свой прямо въ Парижъ; но мнѣ пришлось отказаться отъ своего предположенья. Вообще, за границею нельзя положительно опредѣлить напередъ, сколько времени пробудешь въ томъ или другомъ городѣ: наука развилась здѣсь такъ роскошно, что невольно остаешься долѣе, нежели предполагалъ. Четыре мѣсяца уже прошло, а я еще едва, едва оглядѣлся за границею, и вполнѣ убѣдился въ одномъ: что годъ, одинъ годъ — срокъ недостаточный; въ первый годъ только знакомишься, пріобрѣтать же можно только въ теченье второго года. Для того, чтобы извлечь существенную пользу изъ путешествія, надо пожить въ нѣсколькихъ пунктахъ, въ которыхъ сосредоточена ученость, а такихъ пунктовъ не мало. Притомъ, ученые доступны только въ опредѣленное время, и всѣ въ одно и тоже, т. е. въ теченье зимняго или лѣтняго семестра; а какъ только открываются каникулы, такъ и начинаютъ пустѣть университетскіе города. Не могу забыть неудачи въ посѣщеньи знаменитаго Вакернагеля. Зная его по сочиненьямъ и узнавши въ Гейдельбергѣ отъ спеціалистовъ о характерѣ и предметахъ лекцій его, я нарочно отправился въ Базель, чтобы провести тамъ нѣсколько времени въ обществѣ

Вакернагеля. Въ вагонѣ я встрѣтилъ многихъ швейцарцовъ, которые всѣ до одного знали Вакернагеля; отъ нихъ я узналъ, что онъ очень богатъ, принимаетъ большое участіе въ общественной дѣятельности и пользуется большимъ вліяніемъ, и въ полномъ смыслѣ пользуется, то есть употребляетъ его въ свою пользу; за то ученая его дѣятельность безукоризненна: въ этомъ отдаютъ ему справедливость и враги его. Представьте же мое положеніе: пріѣзжаю въ Базель, отыскиваю домъ Вакернагеля, звоню, выходитъ дѣвушка и говоритъ, что Herr Professor уѣхалъ на нѣсколько времени въ имѣніе своей жены. Съ горя я поѣхалъ въ Цюрихъ, и былъ награжденъ знакомствомъ съ Фишеромъ, авторомъ замѣчательнѣйшей въ настоящее время эстетики. Его причисляютъ къ школѣ Гегеля, но онъ называетъ себя самоучкой. Онъ — ученый вполнѣ самостоятельный; его убѣжденья вытекли изъ долгихъ занятій литературою и археологіею. И какая простота и обходительность у него, ни тѣни педентства и высокаго мнѣнія о себѣ! Изъ бесѣдъ съ нимъ я всегда выносилъ много новаго и поучительнаго. Вотъ образецъ его безпристрастія: недавно вышла единственная въ своемъ родѣ исторія эстетики, Циммермана, пражскаго профессора; Циммерманъ жестоко нападаетъ на Гегеля, не щадитъ и Фишера; не смотря на то, Фишеръ, котораго я засталъ надъ чтеніемъ книги Циммермана, отзывается о ней съ величайшею похвалою, называетъ ее трудомъ истиннаго ученаго, изучающаго предметъ со всею ученою основательностью.

Изъ Швейцаріи я пріѣхалъ въ Мюнхенъ по случаю знаменитой «общей и исторической художественной выставки». При выборѣ мѣстъ для посѣщенія я имѣю въ виду единственно потребности своихъ слушателей. Чувство долга преслѣдуетъ меня: вѣдь я посланъ за границу не для себя, а для нихъ... Изъ Мюнхена предполагаю въ Берлинъ, оттуда черезъ Іену, Лейпцигъ, Галле, Прагу и Вѣну въ Парижъ: большой кругъ въ сторону, да что же дѣлать? Всѣ эти мѣста посѣтить необходимо. Въ Прагѣ теперь пробуду дня два или три — не болѣе, а на слѣдующій годъ, если Богъ дастъ, поживу тамъ подольше. Я составилъ себѣ планъ и на слѣдующій годъ, потому что въ одинъ годъ ученое путешествіе не укладывается: неужели университетское начальство захочетъ разрушить мой планъ? Вѣдь въ одинъ годъ не успѣешь сдѣлать и половины. Я всячески ста-

раюсь не терять времени и запасаться матеріаломъ для будущихъ работъ. Предпринимать же какое-либо специальное изслѣдованье здѣсь кажется неудобно, потому что оно отвлекло бы отъ всего другого, что такъ необходимо для полноты литературнаго образованія. Чѣмъ состоятельнѣе будутъ мои курсы по возвращеньи, тѣмъ вѣрнѣе, значитъ, достигнута цѣль путешествія. Извините, что такъ нечетко пишу: форма мнѣ ни въ чемъ не дается. Знаю, что Вы страхъ какъ заняты, но все-таки рѣшаюсь просить Васъ хоть когда-нибудь вспомнить обо мнѣ и сказать мнѣ пару словъ, хоть, наконецъ, передать ихъ, для доставленья мнѣ, М. М. Стасюлевичу: онъ человѣкъ добрый, и чужія вещи у него не залеживаются; за то на свои скупъ ужасно: до сихъ поръ не написалъ мнѣ ни строки. Еще разъ извините и не поминайте лихомъ уважающаго Васъ Михаила Сухомлинова.

Приписка на 1-ой стр. М. Г. Катеринѣ Федоровнѣ имѣю честь свидѣтельствовать глубочайшее почтеніе. Что подѣлываетъ В. И. Ламанскій: усердно кланяюсь ему, и желаю скорѣе увидѣться съ нимъ за границею.

[Изъ семейнагó архива Срезневскихъ].

18/30 января 1859. Прага.

Милостивый Государь Измаилъ Ивановичъ,

Не знаю, получили ли Вы письмо мое изъ Мюнхена: я писалъ, что до сихъ поръ не былъ въ Парижѣ и потому не могъ исполнить порученья Вашего о Шевале. Теперь я на пути въ Парижъ; предполагаю отправиться изъ Праги прямо въ Парижъ, не останавливаясь, по своему прежнему обыкновенію, въ разныхъ мѣстахъ по дорогѣ. Поспѣшность такая есть одно изъ печальныхъ слѣдствій разрушенья плана моего путешествія, неожиданно спутаннаго извѣстіемъ, полученнымъ мною изъ Петербурга. Къ сожалѣнію, у насъ не всѣ понимаютъ самую простую вещь, что для путешествующаго съ цѣлью серьезною большая разница — пробыть ли двѣ недѣли или два мѣсяца въ какомъ-нибудь замѣчательномъ городѣ. Какъ бы то ни было, я остаюсь при убѣжденіи, что мнѣ необходимо пробыть за границею до сентября 1860 года, о чемъ я увѣдомлялъ университетъ оффиціально. Въ Прагѣ думаю пробыть, въ этотъ пріѣздъ,

около двухъ или трехъ недѣль. Поэтому, если Вамъ угодно будетъ прислать мнѣ пару словъ, то прошу Васъ адресовать въ Прагу, poste restante. Въ пражскомъ почтамтѣ я оставлю свой адресъ, и мнѣ немедленно вышлютъ присланное въ Парижъ. Въ Парижѣ также я буду получать письма poste restante. Не знаю, нуженъ ли Вамъ Шевале или же, быть можетъ, Вы уже имѣете его; если нуженъ, то пришлите мнѣ два слова въ Парижъ, poste restante, и я тотчасъ же вышлю Вамъ по тому адресу, который Вы сообщите. Вѣроятно, въ самомъ началѣ февраля, стараго стиля, я уже выѣду изъ Праги.

Прага стала мнѣ уже довольно знакомою. Чехи принимаютъ русскихъ съ радушіемъ, о которомъ можно составить себѣ вѣрное понятіе только побывавши въ Прагѣ. Корифеи славизма не только не ниже, а даже выше своей славы. Бесѣда съ Шафарикомъ такъ поучительна, что нѣсколько часовъ, проведенныхъ съ нимъ, скорѣе наведутъ на мысли, плодотворныя для науки, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ самаго усидчиваго чтенья. А какой свѣтлый умъ у Палацкаго! Впрочемъ, Вамъ все это гораздо подробнѣе извѣстно, нежели мнѣ. Въ числѣ новыхъ дѣятелей чешской литературы есть нѣсколько, лично Вамъ неизвѣстныхъ. Молодое поколѣнье во многомъ расходится съ прежнимъ; какъ общую черту, можно замѣтить, что молодое поколѣнье проникнуто глубокимъ уваженьемъ къ Палацкому, и рѣшительно не сочувствуетъ Шафарику: причины Вамъ понятны. — Кстати о неизвѣстныхъ Вамъ филологахъ. Не знаю, знакомы ли Вы лично съ берлинскими филологами. Я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ. Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ — Штейнталь. Въ январѣ долженъ выйти первый выпускъ его новаго журнала «Völkerpsychologie». Очень милый человѣкъ Кунъ, сотрудникъ Шлейхера; съ Шлейхеромъ я познакомился въ Іенѣ: мнѣ любопытно было слушать его мнѣнья о славянскихъ ученыхъ въ Прагѣ, и потомъ повѣрять ихъ на мѣстѣ. У Шлейхера довольно много слушателей; у Штейнталя только двое, у Бенари — ни одного, у Масмана — три и т. д. Много бы могъ я сказать о причинѣ этого и вообще о филологіи въ настоящее время въ иностранныхъ университетахъ; но лучше отложить до возвращенья. А теперь вотъ о чемъ: въ Берлинѣ я составилъ замѣтку, которую не успѣлъ отослать изъ Берлина, и потому посылаю теперь. Если эти рукописи не

описаны Строевымъ и если останется въ Извѣстіяхъ незанятая страница, то, быть можетъ, замѣтка моя и пригодится. Чего-либо большаго не посылаю потому, что цѣль моего путешествія—собранье матеріаловъ, а не окончательная обработка ихъ, перспектива моей петербургской жизни. Преданный Вамъ М. Сухомлиновъ.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

6 февраля / 25 января 1859. Прага.
Адресъ мой: Prag. Poste restante.

Многоуважаемый Измаилъ Ивановичъ,

На дняхъ отправилъ я къ Вамъ письмо; теперь пишу опять, чтобы сообщить вамъ свѣжую новость, которая произвела самое пріятное впечатлѣніе въ чешскомъ литературномъ мірѣ.

4 февр. / 23 янв. ввечеру было археологическое засѣданье въ Чешскомъ Музеумѣ. Оно сдѣлалось однимъ изъ самыхъ достопамятныхъ засѣданій въ музеумѣ. Общій интересъ былъ возбужденъ какъ содержаніемъ читаннаго, такъ и наивнымъ тономъ автора, придававшимъ двойную цѣну извѣстію и ручавшимся за его достовѣрность. Дѣло шло о знаменитомъ «Судѣ Любуши». Только третьяго дня открылось, кѣмъ и у кого найдена драгоцѣнная рукопись. Причина, почему до сихъ поръ это не было извѣстно, весьма проста: авторъ письма, читаннаго въ засѣданьи — житель отдаленнаго края и не подозрѣвалъ, что исторія рукописи неизвѣстна: онъ даже не имѣлъ случая видѣть Ältest. Denkm. der Böhm. Sprache, изд. Шаф. и Палацк. еще въ 1840 году.

Въ засѣданьи 4 февр. 1859 профессоръ Томекъ читалъ письмо къ нему церковника Воржишка (zámeckého kaplana v Žinkovech, Voříška). Воришекъ сообщаетъ слѣдующее: Іосифъ Коваръ (Kovař), прикащикъ (důchodní) Зеленогорскаго помѣстья князя Іеронима Коллоредо-Мансфельда, нашелъ въ склепѣ (sklepě) въ 1817 году рукопись на четырехъ листахъ и отдалъ ее декану Непомуцкому, Франциску Бубеле (Boubelovi, имен. Boubele). Бубеле съ трудомъ могъ ее читать, но взялъ ее, какъ курьезную вещь; онъ счелъ ее за *какую-то* чешскую пѣсню про Любушу да про распрю въ Штаглавѣ. Всѣхъ, кто слышалъ содержаніе этой пѣсни, очень забавляло то, что въ пѣснѣ говорилось о Шта-

главѣ, а Štáhlavy такъ близко: всего пять часовъ разстоянія. Узнавши, что всѣ старыя пѣсни стали посылаться въ Прагу, въ Музеумъ, Коварь запросилъ Бубеле отослать туда и Любушинъ Судъ, въ 1818 году. Все дѣло осталось безъ огласки, потому что иначе Коварь могъ бы лишиться своего мѣста: Мансфельдъ былъ крутого нрава и ослушникамъ спуску не давалъ. Коварь передаетъ это извѣстіе по слухамъ: онъ родился въ 1821 году, слѣд. 4 года спустя послѣ находки. Но за достовѣрность извѣстія онъ ручается, ссылаясь на живыхъ свидѣтелей: викарія и декана Земана (род. 1789) и на *Крольмуса*, издателя старочешскихъ повѣстей и пр., извѣстнаго знатока чешской старины.—Коварь (1779—1848) былъ человѣкъ простой, не видалъ ни литературныхъ, ни патріотическихъ тенденцій, и потому до крайности смѣшно обвинять его въ подлогѣ, какъ дѣлали это нѣкоторыя газеты, не зная, кто нашелъ рукопись.

Свѣдѣнье это вполнѣ будетъ помѣщено въ «Люмирѣ». Сверхъ того, Общество немедленно войдетъ въ сношенья съ лицами, видѣвшими рукопись.

Не знаю, какъ Вамъ покажется эта новость, но въ Прагѣ она теперь составляетъ предметъ самыхъ живыхъ толковъ.

По отправленіи письма къ Вамъ, я получилъ извѣстіе изъ Петербурга, измѣняющее мой планъ, и я, по всей вѣроятности, не увижу Парижа до слѣдующей осени.

Скоро ли пріѣдетъ въ Прагу В. И. Ламанскій? Здѣсь его хорошо знаютъ и ждутъ съ нетерпѣніемъ.

Вячеславъ Вячеславичъ усердно кланяется Вамъ и Вашему семейству.

Сейчасъ отправляюсь въ театръ: панъ Коварь, пани Гинкова и др. играютъ очень хорошо, а slečna Медалова поетъ превосходно: въ ея устахъ музыкаленъ до послѣдней степени чешскій языкъ. У меня всегда мѣсто рядомъ съ Ганкою, который объясняетъ мнѣ красоты чешской сцены—на церковно-славянскомъ языкѣ: онъ употребляетъ его въ разговорѣ вмѣсто русскаго. Что̀ за милый человѣкъ Ганка!

Преданный Вамъ М. Сухомлиновъ.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

Наконецъ, важнымъ событіемъ заграничной поѣздки М. И—ча была женитьба его въ Парижѣ, въ 1860 году, на Ольгѣ Аполлоновнѣ Дмитріевой. Отзвукъ перваго времени счастливой семейной жизни Сухомлинова находимъ мы въ дневникѣ А. В. Никитенка, который въ 1860 году тоже былъ за границей и встрѣтился тамъ съ Сухомлиновымъ:

«8/20 іюня 1860. Сегодня ѣздилъ въ Соденъ. Встрѣтился тамъ съ Шульманомъ и съ милымъ М. И. Сухомлиновымъ. Съ послѣднимъ мы горячо обнялись. День проведенъ въ прогулкахъ по полямъ и рощамъ Содена. Жена Сухомлинова очень милая, молоденькая женщина и отличная музыкантша. Живутъ они въ хорошенькомъ уютномъ домикѣ.

9/21 іюня. Ночь провели въ Соденѣ, а утромъ, распростившись съ Шульманомъ и Сухомлиновымъ, въ дилижансѣ уѣхали на станцію желѣзной дороги. Сухомлиновъ особенно горячо встрѣтилъ и проводилъ меня, и я душою отдохнулъ въ бесѣдѣ съ нимъ»[1]).

IV. Дальнѣйшая служба въ университетѣ. — Поѣздки внутри имперіи и заграницу. — Семейныя событія.

Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, С—въ повышенъ былъ при университетѣ, 7 декабря 1860, въ званіе экстраординарнаго профессора. Еще раньше этого, 10 августа 1860, онъ былъ назначенъ «для руководства кандидатовъ-педагоговъ въ теоретическихъ и научныхъ занятіяхъ по русской словесности и славянскимъ языкамъ» при университетѣ, а 1 августа 1861 года получилъ назначеніе профессоромъ русской словесности въ Училищѣ Правовѣдѣнія. Освѣженный заграничной поѣздкой умственно и физически, съ запасомъ новыхъ наблюденій, счастливый семьянинъ (18 февраля 1861 родилась у него дочь Елена), съ удвоенной энергіей принялся М. И. за продолженіе и расширеніе своей ученой и преподавательской работы. Но вотъ въ концѣ 1861 года, вслѣдствіе студенческихъ волненій, находившихся въ связи съ болѣе широкимъ общественнымъ возбужденіемъ, разразилась извѣстная гроза надъ Петербург-

---

1) Моя повѣсть о самомъ себѣ, I. 597—598.

скимъ университетомъ, повлекшая за собою его закрытіе, при чемъ, вмѣстѣ съ другими профессорами, С-въ, съ 20 декабря 1861 года, былъ оставленъ за штатомъ. Принадлежа по своимъ общественнымъ симпатіямъ къ либеральной части университетской профессорской корпораціи, но весьма умѣренный въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, очень осторожный, С. и въ это печальное для университета время, продолжавшееся около полуторыхъ лѣтъ, съумѣлъ сохранить и даже упрочить свои добрыя отношенія къ министерству и къ вліятельнымъ административнымъ кругамъ, нисколько не поступаясь совѣстью или коренными своими убѣжденіями и прежде всего цѣня свое служеніе наукѣ. Во время студенческихъ волненій онъ избранъ былъ, вмѣстѣ съ проф. Штейнманомъ, въ члены профессорскаго дисциплинарнаго суда отъ историко-филологическаго факультета; когда же послѣ закрытія университета образована была правительственная Комиссія для его управленія, то С. примкнулъ къ дѣятельности этой комиссіи, будучи назначенъ 2 марта 1862 года членомъ «Особой Ревизіонной Комиссіи для освидѣтельствованія вспомогательныхъ учебныхъ заведеній Университета», а 7 марта того же года причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія.

Желая использовать избытокъ свободнаго времени, С., въ дополненіе къ заграничной поѣздкѣ, рѣшилъ предпринять, въ цѣляхъ расширенія своего научнаго образованія, путешествіе внутри Россіи, и въ февралѣ 1862 года подалъ въ Комиссію для управленія С.-Петербургскимъ Университетомъ слѣдующую записку:

Въ Комиссію для управленія С.-Петербургскимъ университетомъ.

Докладная записка.

Сообразно съ современными требованіями науки, исторія русской литературы должна быть излагаема въ связи съ развитіемъ образованности и движеніемъ внутренней жизни русскаго народа. Для вѣрной и многосторонней оцѣнки литературныхъ произведеній необходимо подробно ознакомиться съ памятниками различныхъ эпохъ русской жизни, сохранившимися въ древнѣйшихъ центрахъ общественной дѣятельности. Особенно богаты историческими памятниками Москва, Кіевъ, Новгородъ и Псковъ. Въ Кіевскихъ библіотекахъ находится много матеріаловъ для исторіи южной

Россіи и для древней исторіи и литературы русской вообще. Въ Кіевѣ находится нѣсколько древнихъ зданій, съ различными украшеніями, фресками и барельефами, показывающими тогдашнее состояніе искусства въ Россіи и вліяніе иностранное. Характеръ произведеній древняго періода нашей словесности во многомъ представляетъ поразительное сходство съ современными имъ произведеніями архитектуры и живописи. Воззрѣніе писателей, выражающееся въ ихъ литературныхъ трудахъ, обнаруживается и въ памятникахъ искусства. Безъ полнаго знакомства съ послѣдними изложеніе литературы лишено будетъ живого начала, способствующаго ясному пониманію историческихъ эпохъ.

Новгородъ и Псковъ также представляютъ много интереса въ археологическомъ отношеніи. Одинъ Софійскій соборъ, съ его архитектурными особенностями, съ его фресками и барельефами, представляетъ богатый матеріалъ для изученія. Особенно любопытны слѣды византійскаго и западно-европейскаго вліянія, поясняющіе подобные же слѣды въ литературѣ.

Для полноты изученія памятниковъ старины необходимо посѣтить главнѣйшіе въ историческомъ отношеніи монастыри въ губерніяхъ Кіевской, Новгородской, Псковской и Московской. Важное историческое значеніе Москвы и Троицко-Сергіевой Лавры давно уже признано учеными.

Въ связи съ археологическими достопримѣчательностями Кіева находится собраніе древностей, находящихся въ Одесскомъ Музеумѣ Общества исторіи и древностей.

Такимъ образомъ, въ историко-литературномъ и археологическомъ отношеніи необходимо посѣщеніе Москвы, Новгорода, Кіева, Пскова и Одессы и замѣчательнѣйшихъ въ историческомъ отношеніи мѣстностей въ губерніяхъ Московской, Кіевской, Новгородской и Псковской.

Поэтому, М. Сухомлиновъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Комиссію исходатайствовать ему командировку съ ученою цѣлью въ губерніи Московскую, Новгородскую, Псковскую, Кіевскую и Херсонскую.

16 февраля 1862.

[Дѣло Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета. № 28].

Согласно этой запискѣ, предсѣдателемъ Комиссіи сдѣлано было представленіе попечителю округа, и отъ 19 марта 1862 получено отъ

него сообщеніе о командированіи С-ва въ упомянутыя въ запискѣ губерніи на три мѣсяца, съ сохраненіемъ жалованья и съ пособіемъ на путевыя издержки 600 р.

Если эта поѣздка С-ва имѣла лишь научно-образовательный характеръ и не повлекла за собою непосредственныхъ литературныхъ результатовъ, то нѣсколько инымъ характеромъ отличалась другая поѣздка М. И-ча, предпринятая имъ въ 1863 году также по Россіи. Какъ извѣстно, послѣ освобожденія крестьянъ, въ обществѣ и въ правящихъ кругахъ поднятъ былъ и получилъ большое оживленіе вопросъ о народномъ образованіи; были составлены проекты и планы устройства народныхъ училищъ, вызвавшіе въ текущей литературѣ самые разнообразные отзывы и мнѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ, раздавались голоса и за то, чтобы у самого народа освѣдомиться, чего онъ желаетъ по части образованія, а также посмотрѣть, что фактически имѣется въ данный моментъ въ этомъ отношеніи. Вотъ съ этой цѣлію изучить вопросъ о народномъ образованіи такъ сказать на мѣстѣ, С-въ и предпринялъ поѣздку, избравъ для великорусскихъ областей Ярославскую губернію, а для малорусскихъ—Черниговскую. Литературнымъ результатомъ собранныхъ С-вымъ наблюденій были его двѣ обширныхъ статьи: «Замѣтки объ училищахъ и народномъ образованіи въ Ярославской губерніи» и «Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи», напечатанныя въ Ж. М. Н. Пр. [1]). Въ первой статьѣ авторъ касается исторіи народнаго образованія, начиная съ 80-хъ годовъ XVIII в., даетъ свѣдѣнія о существующихъ учебныхъ заведеніяхъ взятаго района, объ учебникахъ, рисуетъ бытъ и нравы учащихъ и учащихся; сообщаетъ статистическія данныя по школьному дѣлу, собранныя какъ путемъ личныхъ опросовъ, такъ и архивныхъ справокъ на мѣстахъ; наконецъ — говоритъ о взглядахъ народа на потребности образованія. Самая цѣль поѣздки, предпринятой по личной иниціативѣ автора, характеръ наблюденій и выводовъ обнаруживаютъ въ С-вѣ этого времени ревностнаго сторонника прогрессивныхъ теченій въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ и даютъ весьма яркую и интересную страничку изъ недавняго прошлаго нашей культурной жизни. Вотъ, напр., заключительные выводы С-ва въ концѣ этой статьи:

1) Ч. CXVII. 1863, Отд. 3, стр. 103—189, и Ч. CXXI. 1864, Отд. 3, стр. 1—94.

«Любознательность въ народѣ развита въ значительной степени и число грамотныхъ постоянно возрастаетъ. Большинство учится внѣ училищъ, избѣгая ихъ подъ разными предлогами. Главныя причины уклоненія отъ училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ существенный недостатокъ заключается въ ихъ офиціальномъ характерѣ; въ учрежденіи ихъ по предписанію властей, безъ предварительнаго совѣщанія съ мѣстными жителями; въ повсемѣстномъ однообразіи устройства училищъ и излишней формальности въ управленіи ими. Для избѣжанія всего этого необходимо слѣдующее. До открытія новаго училища—будетъ ли то прогимназія или народная школа—вступить въ непосредственныя сношенія съ мѣстными жителями и выяснить имъ цѣль учрежденія. Предварительныя совѣщанія подѣйствуютъ благопріятно на мѣстныхъ жителей, покажутъ, что на потребности ихъ дѣйствительно обращаютъ вниманіе, и заранѣе расположатъ ихъ къ новому заведенію. Вопросъ долженъ быть обсуженъ съ наиболѣе вліятельными въ краѣ людьми, до внесенія его на обсужденіе городскихъ думъ или сельскихъ обществъ... Управленіе училищами какъ городскими, такъ и сельскими, должно соединиться въ одномъ вѣдомствѣ, въ которомъ оно было бы существенною заботою, а не случайнымъ дополненіемъ... Соединяя всѣ учебныя заведенія въ одно вѣдомство, необходимо удалить всякую формальность, стѣсняющую мѣстные органы въ своихъ дѣйствіяхъ на пользу училища. Теперь все время поглащается офиціальною перепиской, а между тѣмъ для дѣла гораздо полезнѣе личное знакомство съ состояніемъ училищъ и бесѣды съ людьми, знающими всѣ мѣстные свычаи и обычаи. И сельскіе учителя и крестьяне весьма радушно принимаютъ человѣка, заѣхавшаго къ нимъ узнать, какъ учатся ихъ дѣти и питомцы. Для приготовленія сельскихъ учителей можно на первый разъ воспользоваться мѣрою, предлагаемою мѣстными жителями, т. е. поручить лучшимъ изъ наличнаго состава заниматься съ будущими наставниками. Матеріальное улучшеніе училищъ можетъ произойти или посредствомъ общаго сбора, или посредствомъ частной благотворительности... Для положительнаго и прочнаго успѣха дѣла надо приступить къ нему не вдругъ, а постепенно. Если не ошибаюсь, одна изъ важнѣйшихъ реформъ — новое устройство судопроизводства будетъ введено первоначально въ нѣкоторыя только губерніи, а впослѣдствіи и во всѣ другія.

То же полезно примѣнить и къ училищамъ. Слѣдовало бы открыть предварительно двѣ или даже одну прогимназію въ губерніи; при совѣщаніяхъ съ мѣстными жителями окажется, гдѣ болѣе потребности въ училищѣ и готовности содѣйствовать ему нравственнымъ и матеріальнымъ участіемъ. Что касается первоначальнаго образованія и грамотности, то, не приступая вдругъ повсемѣстно къ открытію «народныхъ училищъ», которыя въ такомъ случаѣ были бы открыты только на бумагѣ, слѣдовало бы предоставить свободу частному преподаванію, сообразному съ мѣстными потребностями, и исподволь готовить достойныхъ учителей. Общество чутко на хорошее ученье; въ селахъ и городкахъ бывало много примѣровъ, что съ появленіемъ хорошаго учителя число учениковъ быстро возрастало втрое и вчетверо. Такимъ образомъ, въ настоящую минуту предстоятъ двѣ неизбѣжныя потребности: приготовленіе сельскихъ учителей путемъ неофиціальнымъ, не дожидаясь открытія учительскихъ институтовъ, и содѣйствіе трудамъ частныхъ лицъ для образованія народа, какъ это выражено отчасти и въ проектѣ новаго устава» [1]).

Вторая статья написана приблизительно по тому же плану, что и предыдущая, но съ особеннымъ обращеніемъ вниманія на архивные документы—дѣла Нѣжинскаго уѣзднаго училища, Черниговской гимназіи, Новгородсѣверской гимназіи, Глуховского повѣтоваго училища, Стародубскаго училища, Конотопскаго училища и т. п.; сообщены также интересныя свѣдѣнія и о Нѣжинскомъ Лицеѣ, въ частности о Гоголѣ, какъ ученикѣ его (стр. 50—51), на основаніи знакомства съ его архивомъ, при чемъ это учебное заведеніе признано умирающимъ и обреченнымъ на замѣну его другимъ, болѣе удовлетворяющимъ требованіямъ общества.

Въ біографіи М. И-ча эти двѣ статьи имѣютъ то значеніе, что открываютъ собою новую сторону его учено-литературныхъ интересовъ: занимаясь прежде почти исключительно вопросами языка и литературы древняго періода, онъ обращается въ указанныхъ статьяхъ къ вопросамъ по исторіи русскаго просвѣщенія, которые впослѣдствіи дѣлаются любимѣйшей областью его ученыхъ разысканій и создаютъ ему имя одного

1) Ж. М. Н. Пр. Ч. CXVII. 1863, Отд. 3, стр. 187—189.

изъ выдающихся историковъ и бытописателей этой стороны нашей культурной жизни.

Между тѣмъ, тягостный кризисъ съ С.-Петербургскимъ университетомъ окончился, и С-въ 12 іюля 1863 года былъ возвращенъ къ прежней должности э.-о. профессора, а 21 декабря 1864 года получилъ и ординатуру. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ игралъ, повидимому, видную роль старый доброжелатель С-ва, И. И. Срезневскій, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо къ нему М. И-ча:

Многоуважаемый Измаилъ Ивановичъ!

Я долго думалъ о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ касательно ординатуры. Я говорилъ объ этомъ предметѣ съ Вами, и *только съ Вами*, какъ съ человѣкомъ, котораго знаю болѣе двадцати лѣтъ и отъ котораго привыкъ слышать правду, хотя иногда и горькую. Результатъ моего обдумыванія слѣдующій:

Предоставляю дѣло свое въ Ваше полное распоряженіе. Если Вы и факультетъ считаете мое дѣло справедливымъ, Вы дадите ему ходъ и безъ всякаго участія съ моей стороны. Если же оно замолкнетъ, я сочту это доказательствомъ, что *или въ Факультетѣ, или въ Совѣтѣ* Вы встрѣтили затрудненія, важность которыхъ, по моему убѣжденію, Вы можете оцѣнить вѣрнѣе, нежели самъ я.

Второй результатъ моей бесѣды съ самимъ собою—тотъ, что нравственное чувство не позволяетъ мнѣ сдѣлать ни единаго шага, не позволяетъ *сказать кому бы то ни было ни единаго слова* о дѣлѣ, которое мнѣ черезчуръ близко и въ которомъ, по тому самому, я не могу быть безпристрастнымъ судьею.

Съ искреннимъ уваженіемъ и признательностью жму Вашу руку.

Михаилъ Сухомлиновъ.

14 сентября
1864.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

17 февраля 1864 и 17 февраля 1867 года М. И., каждый разъ на три года, былъ избираемъ секретаремъ историко-филологическаго факультета. Свидѣтельствомъ добрыхъ отношеній въ Совѣтѣ Университета,

установившихся у С-ва и въ новомъ или, вѣрнѣе, обновленномъ его составѣ, является то, что, согласно избранію Совѣта, онъ назначенъ былъ 9 февраля 1866 на два года членомъ совѣта при попечителѣ Петербургскаго Учебнаго Округа; эту должность занималъ онъ также и въ 1872 году. Что нуждамъ университета, и во время перерыва въ немъ занятій, не былъ чуждъ С-въ также и литературно, на это указываетъ поданное имъ, въ ряду другихъ, «четвертое замѣчаніе» о нашихъ университетахъ, по поводу выработки новаго университетскаго устава. Тутъ С-въ высказывается, между прочимъ, за свободное пользованіе университетомъ со стороны всего общества, а не однихъ студентовъ: университетъ слѣдуетъ сдѣлать «открытымъ»; точно также высказывается С-въ и за разрѣшеніе студентамъ образовывать корпораціи [1]).

Когда въ 1867 году была организована въ Парижѣ всемірная выставка, то С-въ былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ 1 марта по 1 августа этого года, для описанія нѣкоторыхъ ея отдѣловъ. Разумѣется, ближе всего къ тогдашнимъ интересамъ С-ва и самому существу командировки стояло народное образованіе, какъ оно было представлено на выставкѣ. Отчетомъ объ этой поѣздкѣ явилась статья «Отдѣлъ народнаго образованія на Всемірной Парижской Выставкѣ 1867 года» [2]). По основному своему характеру эта статья примыкаетъ къ двумъ предшествовавшимъ по народному образованію въ Ярославской и Черниговской губерніяхъ: она также трактуетъ о народномъ образованіи, но на Западѣ, при чемъ получается картина огромной отсталости нашей въ этомъ отношеніи. Матеріалами для статьи служили съ одной стороны личныя наблюденія автора на выставкѣ, а съ другой—обширная печатная литература по народному образованію въ разныхъ странахъ Западной Европы. Что занятія С-ва на выставкѣ, въ качествѣ официальнаго русскаго делегата, не ограничились лишь спеціальными наблюденіями по избранному вопросу, объ этомъ свидѣтельствуютъ, повидимому, полученныя М. И-чемъ отъ администраціи выставки двѣ медали, изъ

---

1) Замѣчанія на проектъ Общаго Устава Импер. Россійскихъ Университетовъ. Ч. II. Спб. 1862, стр. 178—180.

2) Ж. М. Н. Пр. Ч. CXXXVII. 1867. Современная лѣтопись, стр. 10—47.

которыхъ одна — именная «en témoignage des services rendus» (Paris, 5 Janvier 1868).

Ко времени пребыванія С-ва на Парижской выставкѣ относится слѣдующее его письмо къ И. И. Срезневскому:

$\frac{\text{28 апрѣля}}{\text{10 мая}}$ 1867. Парижъ.

Многоуважаемый Измаилъ Ивановичъ,

Передъ отъѣздомъ моимъ въ Парижъ Вы поручили мнѣ увѣдомить Васъ объ археологическомъ отдѣлѣ выставки. По свидѣтельству спеціалистовъ, археологическій отдѣлъ есть одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ. Множество предметовъ собрано изъ различныхъ мѣстъ; многія изъ частныхъ лицъ прислали такія вещи, о существованіи которыхъ и не подозрѣвали археологи. Начиная отъ эпохи доисторической и до семнадцатаго вѣка выставлено много весьма любопытнаго. Видно, что устройствомъ археологическаго отдѣла занимались съ особенною любовью и знаніемъ дѣла. Поэтому, Вамъ очень хорошо было бы посѣтить Парижъ; самое удобное время для пріѣзда въ Парижъ—начало августа: въ началѣ августа предполагается съѣздъ въ Парижъ археологовъ, привлекаемыхъ богатымъ составомъ выставки. До сихъ поръ еще не издано полнаго каталога археологическаго отдѣла; по выходѣ его, я вышлю Вамъ немедленно. Если же я долженъ буду уѣхать изъ Парижа, то самыя точныя свѣдѣнія сообщитъ Вамъ Филимоновъ, который будетъ непремѣнно на археологическомъ съѣздѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что побывать въ Парижѣ на съѣздѣ было бы очень желательно для Васъ; единственнымъ препятствіемъ можетъ послужить дороговизна. Но если Вы пріѣдете одинъ или съ сыномъ, но безъ дамъ, такъ что Вамъ можно будетъ ограничиться *одною* комнатою, то за квартиру придется Вамъ платить не болѣе 10 франковъ въ день. Если Вы рѣшитесь ѣхать, то я увѣдомлю Васъ самымъ точнымъ образомъ, гдѣ, по моему мнѣнію, удобнѣе всего будетъ Вамъ остановиться поближе къ выставкѣ, а также гдѣ обѣдать. Большая потеря теперь при переводѣ денегъ. О фотографическихъ снимкахъ не могу сообщить Вамъ ничего опредѣленнаго, пока не будетъ составлено полное описаніе выставленныхъ вещей. Филимоновъ просилъ передать

Вамъ его усердный поклонъ и полную готовность исполнить Ваши порученія и сопутствовать Вамъ въ Парижѣ.

Искренно преданный Вамъ и уважающій Васъ Михаилъ Сухомлиновъ.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

До сихъ поръ жизнь М. И-ча шла очень счастливо. Но вотъ въ концѣ 1868 года на него надвинулось большое семейное горе. Его жена страдала чахоткой, и первые угрожающіе приступы этой болѣзни относятся, повидимому, къ декабрю 1868. Объ этомъ печальномъ эпизодѣ изъ жизни С-ва мы узнаемъ изъ писемъ его къ акад. Я. К. Гроту [1]), начало сближенія съ которымъ М. И-ча относится, кажется, къ 1865 году. 7 декабря 1868 года онъ пишетъ Гроту: «Теперь я ужасно потрясенъ болѣзнью жены моей и долженъ быть неотступно у постели страдалицы». Лѣтомъ 1869 года М. И. увезъ жену для лѣченія въ Швейцарію: объ этомъ можно догадываться изъ взятаго имъ съ 1 іюня по 15 августа этого года заграничнаго отпуска по болѣзни; затѣмъ онъ одинъ вернулся въ Петербургъ. Однако осенью того же года болѣзнь жены настолько усилилась, что С-въ долженъ былъ спѣшно выѣхать къ больной изъ Петербурга, а $^{15}/_{27}$ ноября 1869 г. писалъ Гроту: «Suisse. Montreux. Pension Vautier. Къ великому нашему горю, ни врачи, ни климатъ не помогаютъ моей дорогой больной. Съ конца сентября и до настоящаго времени она лежитъ почти безъ движенія, потому что при движеніи снова показывается кровь изъ горла. Потерявъ всякую вѣру въ аллопатію и ея представителей, мы рѣшились прибѣгнуть къ гомеопатіи». Въ виду этого, онъ проситъ Я. К-ча сообщить ему свое мнѣніе о врачѣ-гомеопатѣ Беккѣ, который жилъ тогда недалеко отъ Montreux, въ семействѣ Нарышкиныхъ, и раньше былъ нѣкоторое время въ Петербургѣ. Въ письмѣ отъ $\frac{\text{22 февраля}}{\text{6 марта}}$ 1870 г., оттуда же, М. И., благодаря Грота за присылку брошюры о Плетневѣ, продолжаетъ: «Если я замедлилъ изъявленіемъ Вамъ благодарности, то причиною этому мое теперешнее состояніе. Я изнемогъ физически и нравственно. Болѣзнь моей страдалицы

---

1) Письма эти любезно сообщены намъ К. Я. Гротомъ изъ его семейнаго архива.

истерзала и ее и меня», и затѣмъ сообщаетъ: «Всякую минуту, которою могу воспользоватья, я употребляю на свою работу, относящуюся къ вѣку Александра I. Я очень благодаренъ посланнику въ Швейцаріи Николаю Карловичу Гирсу за его доброе содѣйствіе: благодаря ему, масса добытыхъ мною матеріаловъ значительно увеличилась». Далѣе, въ письмѣ отъ $^{6}/_{18}$ апрѣля, послѣ просьбы сдѣлать выписки изъ нѣкоторыхъ русскихъ изданій касательно Лагарпа, которымъ въ ту пору С-въ занимался, онъ пишетъ: «Болѣзнь страшно гнететъ бѣдную жену мою... и нѣтъ силъ распространяться о нашемъ горѣ». Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, отъ $^{18}/_{30}$ апрѣля, благодаря за присылку цѣнныхъ указаній о Лагарпѣ и прося сообщить, если появится что-либо новое объ этомъ въ русскихъ журналахъ, далѣе объясняетъ: «Я выѣхалъ изъ Петербурга скоропостижно: вмѣсто конца декабря, я долженъ былъ, получа самыя тревожныя извѣстія о болѣзни жены моей, спѣшить въ Швейцарію въ началѣ октября. У меня не было минуты, чтобы собрать необходимые матеріалы, тѣмъ болѣе, что я уѣзжалъ всего на три недѣли; но болѣзнь жены приняла такіе размѣры, что я долженъ былъ остаться за границею на цѣлый годъ — до августа этого (1870) года. Поэтому, всякое библіографическое указаніе для меня—кладъ. Привыкши къ точности въ научныхъ изслѣдованіяхъ, встрѣчаешь большое затрудненіе въ томъ, что у насъ довольно много вещей издается поверхностно, безъ необходимыхъ разъясненій». Вскорѣ, 21 мая 1870 года, О. А. Сухомлинова скончалась; тѣло ея было перевезено въ Россію и предано землѣ въ Петербургѣ, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Здѣсь же умѣстно упомянуть, что постигшее С-ва несчастіе, въ видѣ преждевременной потери любимой жены, имѣло черезъ нѣсколько лѣтъ свое горестное продолженіе. Единственная отъ этого брака дочь М. И-ча, Елена (род. 18 февр. 1861 г), унаслѣдовавшая болѣзненную организацію матери, будучи, по отзывамъ, очень хороша собой, умна и прекрасно образована (окончила Маріинскую гимназію, въ Петербургѣ съ золотой медалью), скончалась въ цвѣтущемъ возрастѣ въ Петербургѣ 1 февраля 1882 года. Глубоко потрясенный этой утратой, М. И-чъ нѣкоторое время, сберегая здоровье, прекратилъ свою служебную дѣятельность, и затѣмъ жилъ пять лѣтъ въ одиночествѣ; укра-

шеніемъ его пріемной комнаты былъ прекрасный, писанный масляными красками, портретъ его дочери; въ память покойной, имъ учреждена была при Маріинской гимназіи стипендія ея имени, въ видѣ процентовъ съ капитала въ 2.000 р. 11 января 1887 года, уже будучи почти 59 лѣтъ отъ роду, М. И. женился во второй разъ на Н. В. Окладныхъ (умершей 5 мая 1908), отъ которой имѣлъ двухъ дочерей, Олимпіаду и Татьяну.

V. Вступленіе въ Академію и дѣятельность въ ней.—Болѣзнь и смерть.

Какъ уже упомянуто, сношенія М. И-ча съ Академіей Наукъ начались вскорѣ же по переѣздѣ его на службу въ Петербургъ; съ 1853 года онъ является усерднымъ сотрудникомъ академическихъ изданій, а въ 1855 году удостоивается званія члена-корреспондента по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Мысль о привлеченіи С-ва болѣе тѣснымъ образомъ въ академическую среду возникаетъ въ 1860 и потомъ въ 1865 году, что видно изъ переписки П. А. Плетнева и Я. К. Грота [1]); при этомъ С-ву имѣлось въ виду поручить изданіе сочиненій Ломоносова; однако рѣшительный шагъ сдѣланъ былъ лишь въ 1872 году. Вотъ два письма М. И-ча къ И. И. Срезневскому, по поводу устнаго предложенія послѣдняго и затребованія отъ С-ва списка его ученыхъ трудовъ для составленія соотвѣтствующей записки:

9 января 1872.

Милостивый Государь Измаилъ Ивановичъ,

Извѣстіе, которое Вы мнѣ сообщили, до такой степени было для меня неожиданно, такъ изумило, озадачило и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовало меня, что я не исполнилъ того, что должно было быть первымъ отвѣтомъ на Вашу добрую вѣсть, — не выразилъ Вамъ своей глубокой задушевной благодарности. Исполняю это теперь, и исполняю отъ всего сердца, проникнутаго живѣйшею признательностью.

---

1) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Т. III (Спб. 1896), стр. 661—662. 708. 709. 711—712.

Повинуясь Вашему желанію, посылаю Вамъ хронологическій перечень моихъ трудовъ. Незначительны они и по количеству, и по качеству; но не могу не вспомнить съ признательностью, что нѣкоторые изъ нихъ, по древней нашей литературѣ, удостоились памятнаго для меня отзыва Востокова, переданнаго мнѣ его сочленомъ, а объ относящихся къ эпохѣ Александра I сказано доброе слово въ собраніи академіи, какъ мнѣ извѣстно изъ напечатанныхъ свѣдѣній о занятіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности. Шесть вещей моихъ напечатано въ изданіяхъ Академіи Наукъ, почтившей меня избраніемъ въ члены-корреспонденты.

Вы оказали мнѣ большое довѣріе, сообщивши мнѣ о Вашемъ предположеніи относительно моей кандидатуры. Вполнѣ цѣню Ваше довѣріе и обѣщаю беречь про себя все, сказанное Вами. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидаю приговора Отдѣленія Русскаго языка и Словесности.

Крѣпко, крѣпко благодарю Васъ за добрую вѣсть. Уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ я не испытываю ничего, кромѣ горя и огорченій.

Искренно преданный Вамъ и душевно Васъ уважающій Михаилъ Сухомлиновъ.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

16 января 1872.

Многоуважаемый Измаилъ Ивановичъ,

Вы спрашивали, гдѣ помѣщена статья моя о преданіяхъ въ древней русской лѣтописи. По ссылкамъ на нее оказывается, что она помѣщена въ апрѣльской книжкѣ 1861 года «Основы», редакція которой сообщила мнѣ множество преданій, записанныхъ со словъ народа. Я очень бы желалъ, чтобы Вы просмотрѣли мою статью, въ которой для меня особенно дорого одно сербское преданіе, и дорого вотъ почему. Путешествуя по Сербіи, я задался мыслію, нѣтъ ли у сербскаго народа преданій, близкихъ къ тѣмъ, которыя записаны въ нашу лѣтопись. Прежде всего я обратился къ Вуку Караджичу съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ чего-нибудь схожаго съ нашими лѣтописными преданіями въ сербской устной словесности. Вукъ отвѣчалъ отрицательно, совѣтуя мнѣ не искать несуществующаго. Но я никакъ не могъ побѣдить своего упорства—искать и доискиваться: авось, думалось, хоть что-нибудь да найду. Какова же была моя радость, когда мнѣ дѣйствительно удалось услышать преданіе,

чрезвычайно сходное съ разсказомъ о смерти Олега. Въ статьѣ своей я напечаталъ сербское преданіе и въ переводѣ и въ подлинникѣ. Если Вамъ недосугъ будетъ взглянуть на мою статью, то я Вамъ сообщу сербское преданіе, слышанное мною въ Шабцѣ отъ уроженца Фрушкой Горы. Я очень бы желалъ знать Ваше мнѣніе объ этомъ преданіи.

Душевно преданный Вамъ Михаилъ Сухомлиновъ.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

Дѣйствительно, согласно предложенію Срезневскаго отъ 4 февраля, М. И-чъ избранъ былъ Отдѣленіемъ въ экстраординарные академики единогласно, но въ Общемъ собраніи Академіи Наукъ 3 марта 1872 не получилъ требуемыхъ двухъ-третей голосовъ, вслѣдствіе чего и не былъ признанъ избраннымъ; вторично избирался въ Общемъ собраніи 3 ноября того же года и получилъ весьма значительное большинство голосовъ; высочайшее утвержденіе послѣдовало 27 ноября 1872; въ ординарные академики избранъ былъ 6 февраля 1876 года единогласно, при чемъ записка объ ученыхъ трудахъ С-ва на этотъ разъ была составлена Я. К. Гротомъ. Послѣднимъ повышеніемъ С-ва при Академіи было избраніе его предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, утвержденіе въ которомъ послѣдовало 18 января 1899 года; это званіе М. И. сохранилъ до конца своей жизни.

Я не буду распространяться здѣсь объ ученыхъ трудахъ, совершенныхъ М. И-чемъ въ званіи академика: они общеизвѣстны; отмѣчу только то обстоятельство, что самые крупные изъ нихъ (Исторія Россійской Академіи, I—VIII. 1874—1888; Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ, I—X. 1885—1900; Сочиненія М. В. Ломоносова. I—V. 1891—1902) ближайшимъ образомъ касаются исторіи и дѣятельности того учрежденія, которому М. И. посвятилъ главнѣйшую часть своихъ учено-литературныхъ силъ. Заслуги его въ этомъ отношеніи нашли себѣ достойную оцѣнку подъ перомъ А. А. Шахматова [1]) и А. И. Соболевскаго [2]). Для совершенія названныхъ работъ, главнѣйшіе

---

1) Ж. М. Н. Пр. 1901, № 11. Современная Лѣтопись, стр. 68—73.

2) Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ за 1901 годъ. Спб. 1902, стр. 1—4.

источники для которыхъ находились въ Петербургѣ, С-ву пришлось однако же предпринять рядъ спеціальныхъ поѣздокъ по Россіи и за границу: съ 25 марта по 8 апрѣля и съ 20 мая по 10 іюня 1879, съ 1 мая по 15 сентября 1884, съ 15 марта по 15 іюля 1889 и др. О послѣдней поѣздкѣ, посвященной отысканію матеріаловъ о Ломоносовѣ, имѣемъ мы интересныя сообщенія самого М. И-ча въ письмахъ его къ Я. К. Гроту. Вотъ относящіяся сюда данныя:

« $\frac{20\ \text{апр.}}{2\ \text{мая}}$ 1889. Дрезденъ. Путешествіе свое я началъ съ Дрездена, такъ какъ отъ него рукой подать до Фрейберга. Разысканія свои я началъ со дня своего пріѣзда и веду ихъ въ двухъ мѣстахъ—во Фрейбергѣ и въ Дрезденѣ, гдѣ сосредоточивалось управленіе саксонскими горными дѣлами. День свой я начинаю съ пяти часовъ утра и даже нѣсколько ранѣе, потому что поѣздъ, и при томъ самый скорый, идетъ изъ Дрездена во Фрейбергъ въ 5 час. утра. Здѣшніе ученые и администраторы относятся ко мнѣ весьма сочувственно; весьма благодаренъ я также нашему посланнику въ Дрезденѣ барону Менгдену: при его посредствѣ я получилъ сейчасъ же доступъ въ государственный архивъ. Главная цѣль моя въ томъ, чтобы собрать, сколько возможно, свѣдѣнія о тогдашней научной дѣятельности и бытѣ. Нѣкоторыя данныя у меня уже есть. Въ числѣ рукописей удалось найти курсъ, читанный во времена Ломоносова (по минералогіи), и мнѣ обѣщали прислать его въ Петербургъ по первому, официіальному, требованію. Любопытныя свѣдѣнія нашлись о Генкелѣ, у котораго жилъ и учился Ломоносовъ, а также о сношеніяхъ съ Саксоніею, вслѣдствіе которыхъ Ломоносовъ и былъ посланъ во Фрейбергъ. Что взятіе Хотина произвело на Ломоносова впечатлѣніе и было предметомъ толковъ, на это есть несомнѣнныя доказательства. Такъ какъ Ломоносовъ былъ во Фрейбергѣ до открытія горной академіи, то о немъ не извѣстилъ Генкель официіально горнаго вѣдомства. Чтобы узнать, не возбуждалось ли какого-нибудь дѣла по поводу Л., его долговъ и т. п., я обратился въ архивы городской и полицейскій. Благодаря одному изъ профессоровъ Фрейбергской академіи, открыты мнѣ эти архивы. Изъ Фрейберга и Дрездена предполагаю отправиться въ Марбургъ и, вѣроятно, отправлюсь очень скоро». Окончаніе этого разсказа о поискахъ по слѣдамъ Ломоносова имѣется въ письмѣ къ Гроту отъ 12 іюля 1889, изъ

Ораніенбаумской колоніи, гдѣ М. И. жилъ на дачѣ, т. е. уже по возвращеніи въ Россію: «По выѣздѣ изъ Дрездена, мы [въ этомъ путешествіи М. И-ча сопровождала его вторая жена, Наталья Викторовна] отправились искать тепла на югѣ; думали проѣхать на югъ Франціи или въ Швейцарію, но остановились на полпути, именно въ Парижѣ, гдѣ пробыли около двухъ недѣль, и оттуда уѣхали опять въ Германію, въ Марбургъ. Въ Марбургѣ поразила меня та перемѣна, которая произошла въ администраціи послѣ пресловутаго объединенія. Первый вопросъ, который предложили мнѣ при появленіи въ Архивъ, былъ, имѣю ли я разрѣшеніе отъ центральной власти, пребывающей въ Берлинѣ, и прибавили, что до полученія этого разрѣшенія я не могу быть допущенъ къ занятіямъ въ Архивѣ. Я просилъ мѣстное начальство телеграфировать въ Берлинъ, и хотя получилъ разрѣшеніе, но когда я попросилъ дать мнѣ опись дѣлъ за нѣсколько лѣтъ (года пребыванія Ломоносова), мнѣ показали бумагу за подписью Бисмарка, строжайше запрещающую давать кому бы то ни было опись, а безъ нея—какъ въ лѣсу... Оказывается, что мнѣ надо переговорить съ министромъ Гирсомъ и черезъ посредство посла добыть кой-какія свѣдѣнія. Свиданіе съ Гирсомъ откладываю до Вашего возвращенія. Все, что можно было извлечь изъ университетскаго и части другихъ архивовъ, собрано мною».

Изъ круга академической дѣятельности С-ва, въ качествѣ Предсѣдательствующаго во II Отдѣленіи, заслуживаютъ особаго упоминанія труды его по расширенію дѣятельности Отдѣленія увеличеніемъ числа академическихъ вакансій въ Отдѣленіи и учрежденіемъ особаго Разряда изящной словесности при Отдѣленіи въ память А. С. Пушкина. Этимъ трудамъ посвящены были два послѣдніе года жизни М. И-ча. 20 января 1899 года, когда вся Россія готовилась уже чествовать столѣтіе со дня рожденія Пушкина, послѣдовало высочайшее утвержденіе программы академическаго чествованія великаго поэта; въ ней нашла себѣ выраженіе и мысль объ учрежденіи при Академіи Наукъ Разряда изящной словесности въ память А. С. Пушкина. Отдѣленіе, при живѣйшемъ участіи Предсѣдательствующаго, приступило къ обсужденію этого вопроса; 16 марта М. И-чъ доложилъ въ Отдѣленіи составленный имъ проектъ высочайшаго указа по поводу учрежденія Разряда изящной словесности и объясни-

тельную записку къ этому проекту, согласно которому послѣдовали высочайшіе указы 29 апрѣля и 26 мая 1899 объ учрежденіи упомянутаго Разряда. Члены этого Разряда, которые должны были избираться изъ числа представителей изящной словесности и литературной критики, получили по мысли С-ва наименованіе «почетныхъ академиковъ». Кромѣ того, одновременно съ этимъ, Отдѣленіемъ испрошено было, при самой дѣятельной поддержкѣ Предсѣдательствующаго, 25.200 р. на содержаніе шести новыхъ академическихъ ординатуръ, а на труды по Разряду (Пушкинскій фондъ) положено было 15.000 р. Послѣ ряда усилій, предпринятыхъ С-вымъ на пользу дорогого ему Отдѣленія и увѣнчавшихся полнымъ успѣхомъ, онъ имѣлъ радость предсѣдательствовать на первомъ соединенномъ засѣданіи II Отдѣленія и Разряда изящной словесности 9 марта 1900 года, при чемъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Наука и литература—двѣ родственныя области, созданныя духовной силой человѣка и удовлетворяющія его духовнымъ нуждамъ и стремленіямъ. Между тою и другою областью много общаго, много сторонъ соприкосновенія. Какъ для научнаго, такъ и для литературнаго творчества необходимы вѣрное и глубокое наблюденіе и сила таланта, связующаго въ одно живое цѣлое множество отдѣльныхъ фактовъ и чертъ.

Тѣмъ сильнѣе связь науки о *языкѣ* съ литературою, ея теоріею и исторіею. Справедливо замѣчаютъ ученые, что языкъ есть самое художественное изъ всѣхъ произведеній, доступныхъ человѣческому творчеству. Что касается собственно русскаго языка, то его значеніе и величіе признается единодушно всѣми учеными и писателями отъ Ломоносова до Пушкина и Тургенева. Пушкинъ утверждалъ, что русскій языкъ «достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій». Всѣмъ памятны безсмертныя слова Тургенева, обращенныя къ писателямъ: «Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ; въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса! Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу.»

Если русскій языкъ и изученіе его свойствъ такъ высоко цѣнятся великими представителями нашей художественной литературы, то сама собою является мысль, что между учеными изслѣдователями языка и писателями-художниками можетъ и должно существовать общеніе и взаимное пониманіе. Такъ думали лучшіе люди различныхъ эпохъ и такая мысль положена въ основу учрежденій, во главѣ которыхъ слѣдуетъ назвать основанную Екатериною II «Россійскую Академію». Въ первый ея періодъ дружно работали съ одной стороны ученые: Разумовскій, Лепехинъ и др., съ другой — писатели: Державинъ, Фонвизинъ и др. Въ послѣдній періодъ Россійской Академіи членомъ ея былъ геніальный филологъ Востоковъ и геніальный поэтъ Пушкинъ. Пушкинъ избранъ въ члены Россійской Академіи 7-го января 1833 года. Пушкинъ охотно посѣщалъ академическія собранія, участвовалъ въ разсмотрѣніи «Словаря» и выразилъ пожеланія, чтобы Академія «ободрила, оживила отечественную словесность».

Въ 1841 году Россійская Академія соединена съ Академіею Наукъ и переименована въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Писатели, бывшіе членами Россійской Академіи, назначены членами Академіи Наукъ: Жуковскій, Крыловъ, князь Вяземскій и др. Князь Вяземскій говоритъ по этому поводу: «Не каждый членъ чисто литературной Академіи можетъ быть и членомъ Академіи Наукъ. Фонвизинъ, Княжнинъ, Дмитріевъ и другіе имъ подобные были совершенно на мѣстѣ своемъ въ Россійской Академіи; въ Академіи Наукъ были бы они не жильцы, а развѣ гости. И то выходило бы тогда смѣшеніе понятій и произвольная классификація».

Писатели желали образовать особую группу, и Комитетъ, составленный изъ членовъ какъ Россійской Академіи, такъ и Академіи Наукъ, призналъ нужнымъ положить нѣкоторое число *почетныхъ академиковъ*, которые, не принимая на себя обязанностей, лежащихъ на членахъ Конференціи всѣхъ трехъ Отдѣленій Академіи Наукъ, были бы полезны Отдѣленію русскаго языка и словесности своею опытностью въ языкѣ, вкусомъ и литературными талантами.

Къ такому же рѣшенію вопроса пришло и Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Весьма пріятно заявить, что взглядъ Отдѣленія раздѣ-

ляютъ и многіе изъ писателей. Такимъ образомъ, Отдѣленіе въ настоящее время состоитъ изъ Ординарныхъ и Почетныхъ Академиковъ. Званіе Почетнаго Академика—есть самое высшее званіе, въ которое Академія можетъ избрать представителей литературы. Отношеніе избранныхъ въ Академіи Наукъ, установленное новымъ закономъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ и высокому уваженію къ званію писателя, и той нравственной свободѣ, которою такъ дорожатъ писатели-художники.

При совѣщаніяхъ по этому животрепещущему вопросу высказано было мнѣніе, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности, по существу своему, является учрежденіемъ, могущимъ содѣйствовать нравственному сближенію представителей отечественной литературы. Дай Богъ, чтобы это оправдалось блестящимъ образомъ въ дѣйствительности и чтобы Отдѣленіе наше и въ своемъ новомъ, расширенномъ видѣ сохранило свое давнее и драгоцѣнное достояніе — единодушіе! Да послужитъ залогомъ нашего единодушія великое имя Пушкина, заключающее въ самомъ себѣ объединяющее начало!

Въ первый разъ это единеніе выразилось при самомъ избраніи Пушкина въ члены Россійской Академіи: забылись старые счеты, вражда и рознь уступили мѣсто справедливому признанію высокихъ заслугъ. Пушкинъ избранъ былъ единогласно. Въ собраніи участвовали: знаменитый ученый Востоковъ, знаменитый общественный дѣятель Н. С. Мордвиновъ, и личные враги Пушкина, Уваровъ и Каченовскій, высказались въ пользу его, Шишковъ, какъ Президентъ, положилъ ему два бѣлыхъ балла, и т. д.

Второй разъ имя Пушкина сблизило всю русскую литературу въ одно цѣлое, несмотря на различіе взглядовъ и направленій, въ прекрасные Пушкинскіе дни при открытіи въ Москвѣ памятника великому поэту. Кто пережилъ эти чудные дни, тотъ навсегда сохранитъ въ душѣ своей свѣтлое воспоминаніе о свободной, восторженной дани, принесенной русскому національному генію.

Въ третій разъ имя Пушкина объединило представителей нашей умственной жизни при чествованіи столѣтія со дня рожденія поэта, вызвавшемъ учрежденіе Разряда изящной словесности. Да будетъ это дорогое всѣмъ намъ имя связующимъ и вдохновляющимъ началомъ для дѣятельности Разряда изящной словесности, составляющаго одно нераздѣль-

ное цѣлое съ высшимъ въ Россіи учрежденіемъ, въ кругъ занятій котораго входятъ словесныя науки! Пожелаемъ, чтобы живая связь между литературой и наукой становилась все прочнѣе и глубже и чтобы сближеніе между ними послужило завѣтомъ и для грядущихъ дѣятелей на поприщѣ родной словесности!»

[Изъ архива II Отдѣленія Академіи Наукъ].

Работы надъ организаціей Разряда изящной словесности, которымъ самъ М. И. придавалъ большое значеніе въ своей жизни и которыя въ самомъ дѣлѣ даютъ ему право на общественную благодарность, обошлись ему далеко не безъ треній во вліятельныхъ кругахъ и особенно въ періодической печати. Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ разборъ возникшихъ тогда кривотолковъ, нашедшихъ, между прочимъ, свое отраженіе въ письмахъ М. И—ча къ А. Ѳ. Кони, дѣятельное сочувствіе котораго Разряду С—въ особенно высоко цѣнилъ. Позволяемъ себѣ привести два отрывка изъ этихъ писемъ М. И—ча [1]).

«17 марта 1900. Крѣпко благодарю Васъ за Ваше живое участіе въ дѣлѣ, имѣющемъ безспорное значеніе для нашей литературы. Я тронутъ Вашимъ добрымъ отношеніемъ и къ моей посильной дѣятельности по вопросу, для проведенія котораго мнѣ пришлось выдержать своего рода борьбу. Изъ присланныхъ Вами и съ благодарностію возвращаемыхъ газетъ и журнала ясно видно, что всѣ эти нападенія доказываютъ только, что Вы мѣтко попали въ цѣль и заговорили о предметахъ, возбуждающихъ общій интересъ.

21 января 1901. Горячая благодарность Вамъ за сочувствіе нашему новому дѣлу — зарождающейся Литературной Академіи. Вы доказываете свое участіе и словомъ и дѣломъ, которымъ должно признать Вашу сегодняшнюю рѣчь [2]). И въ построеніи ея, и въ художественномъ изложеніи слышался всѣми признанный «мастеръ слова». Сдѣланныя вставки прекрасно дополняли общую картину. Даже тѣ, которымъ, быть

---

1) Они любезно сообщены намъ А. Ѳ. Кони, чрезъ посредство П. К. Симони.

2) О Вл. С. Соловьевѣ: она произнесена была въ засѣданіи Разряда изящной словесности 21 января 1901 года.

можетъ, не по сердцу были нѣкоторые взгляды Соловьева, отдавали справедливость Вашему воспроизведенію его образа. А что жрецы односторонних доктринъ не вполнѣ согласятся съ воззрѣніемъ, требующимъ большей глубины жизни и большаго пониманія не только научныхъ формулъ, но и голоса сердца, и поэтическаго творчества — все это въ порядкѣ вещей... Поздравляю Васъ съ блестящимъ успѣхомъ и радуюсь доброму началу».

Рядомъ съ усиленными академическими работами проходили и послѣдніе годы университетской дѣятельности С—ва. Послѣ небольшого перерыва, вызваннаго горестнымъ настроеніемъ по поводу смерти дочери, М. И. опять принялся за чтеніе лекцій въ университетѣ. Какъ разъ 6 марта 1882 года исполнилось тридцатилѣтіе его университетской и вообще учебной службы, послѣ чего онъ оставленъ былъ еще на пять лѣтъ на службѣ въ университетѣ, но 22 ноября 1884 года, когда, съ введеніемъ новаго устава, должны были наступить и отчасти уже наступили другія времена, онъ подалъ въ отставку «по домашнимъ обстоятельствамъ»; 30 декабря 1884 года его увольненіе отъ службы въ университетѣ состоялось.

Мнѣ пришлось быть, въ качествѣ студента-филолога, слушателемъ лекцій М. И—ча въ самую послѣднюю пору его профессорской дѣятельности, въ 1883—1884 годахъ. Тогда онъ уже не читалъ общихъ курсовъ, которые были въ рукахъ О. Ѳ. Миллера, а лишь спеціальный, именно «Источники и пособія при изученіи исторіи русской литературы», и велъ практическія занятія со студентами-словесниками старшихъ курсовъ. Упомянутый спеціальный курсъ, извѣстный лишь въ литографированныхъ изданіяхъ, былъ для насъ очень полезенъ, вводя въ исторію науки и обогащая насъ множествомъ полезныхъ историко-литературныхъ и библіографическихъ данныхъ. Замѣчанія М. И—ча на практическихъ занятіяхъ, при чтеніи студентами написанныхъ ими сочиненій, имѣли не столько фактическій, сколько методологическій характеръ, знакомя насъ съ критическими пріемами историко-литературнаго изученія; при этихъ замѣчаньяхъ М. И — чъ иногда увлекался въ сторону, по поводу какого-либо частнаго вопроса, и давалъ намъ въ высшей степени интересныя и полезныя сообщенія совершенно спеціальнаго со-

держанія. Благодаря его стараніямъ, была основана небольшая библіотека для студентовъ-словесниковъ, преимущественно изъ академическихъ изданій. Читалъ онъ вообще, съ конспектомъ въ рукахъ, очень изящно, да и вся его натура, весь внѣшній и внутренній обликъ отличались изяществомъ. Большой популярностью среди студентовъ въ то время онъ уже не пользовался; его лекціи, которыя онъ нерѣдко пропускалъ, посѣщали только старшіе студенты историко-филологическаго факультета. Было совершенно очевидно, что онъ уже кончалъ тогда свою преподавательскую карьеру, и все его вниманіе переносилось на дѣятельность въ Академіи Наукъ.

Уходъ С—ва изъ Университета былъ ознаменованъ для него избраніемъ его, при значительномъ единодушіи, въ почетные члены Петербургскаго Университета 28 января 1885 года; еще раньше этого онъ избранъ былъ, 8 сентября 1884, почетнымъ членомъ Университета св. Владиміра, а позднѣе, по поводу сорокалѣтія служебной дѣятельности М. И—ча, почетнымъ членомъ Харьковскаго университета (27 февраля 1892 г.) и Казанскаго (21 марта 1892 г.).

Между тѣмъ наступала старость, а съ ней и болѣзни. М. И—чъ былъ крѣпкаго сложенія и, по крайней мѣрѣ въ поздніе годы, въ высшей степени бережно относился къ своему здоровью. Хворать онъ началъ приблизительно съ начала 70-хъ годовъ, что можно прослѣдить по письмамъ его къ Я. К. Гроту. Подъ вліяніемъ послѣдняго, онъ сдѣлался сторонникомъ гомеопатіи въ лѣченіи своихъ болѣзней. Такъ, въ началѣ февраля 1873 года, во время болѣзни, онъ пишетъ Гроту: «Слава Богу, мнѣ лучше. Лѣченьемъ Гюбенета [врача-гомеопата] я чрезвычайно доволенъ. Какое сравненье съ тѣмъ мученьемъ, которому подвергали меня аллопаты! Крѣпко, крѣпко благодарю Васъ за участіе... Болѣзнь опредѣлена вѣрно, и средства Гюбенета оказываютъ весьма хорошее дѣйствіе. Отъ добра добра не ищутъ, и потому я остаюсь при нашей любезной гомеопатіи, за знакомство съ которою я Вамъ безконечно благодаренъ». 23 февр. 1873: «Не нахожу словъ для выраженія признательности Вамъ и многоуважаемой Натальѣ Петровнѣ [супруга Я. К. Грота] за обращеніе меня на путь гомеопатіи. Указаннымъ Вами врачомъ я также очень доволенъ: всѣ совѣты Гюбенета разумны, всѣ его средства оказы-

ваютъ превосходное дѣйствіе». Въ 1875 году онъ опять въ болѣзни прибѣгаетъ къ Гюбенету; въ 1879 году: «11 янв. У меня разыгралась было желчь; я обратился къ гомеопату Герингу, и совѣты и лѣкарства его принесли мнѣ несомнѣнную пользу»; «21 февр. Болѣзнь у меня частію нервная, частью простудная. Лѣчитъ меня гомеопатъ Ив. Ив. Крутулевскій, мой ближайшій сосѣдъ, отдаленный отъ меня только однимъ этажомъ». Въ 1898 году М. И—ча постигъ апоплексическій ударъ, отъ послѣдствій котораго хотя онъ и оправился, но съ этого времени его здоровье стало замѣтно клониться къ упадку. Онъ скончался отъ рака въ печени 8 іюля 1901 года, въ 4 ч. 15 м. утра, на своей квартирѣ по Б. Московской ул. д. 3, кв. 40, въ Петербургѣ; погребенъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, рядомъ съ могилами своей первой жены и дочери. На могильномъ памятникѣ его изображена надпись: «Днямъ доброй жизни есть число, но доброе имя пребываетъ въ вѣкъ (Іис. сына Сирахова, гл. ма. ві.)».

VI. Заключительныя замѣтки.

Что осталось отъ Сухомлинова?

Прежде всего осталась его учено-литературная работа. Не смотря на свои обширные размѣры, нельзя сказать все-таки, чтобы сумма всего опубликованнаго М. И—чемъ въ теченіе цѣлаго полустолѣтія особенно поражала количественно: нѣкоторые написали и опубликовали больше. Нельзя сказать также, чтобы написанное С—вымъ отличалось особымъ разнообразіемъ научныхъ областей, къ которымъ могутъ быть отнесены его произведенія: это почти исключительно область исторіи русской литературы и русскаго просвѣщенія; С—въ почти не касался, въ спеціальномъ изученіи, ни языка, ни народной словесности, ни литературъ западно-европейскихъ и инославянскихъ, ни теоретическихъ вопросовъ литературы, какъ это можно наблюдать у нѣкоторыхъ историковъ нашей словесности. Но въ его работахъ есть три важныхъ качества, которыя обезпечиваютъ за ними право на вниманіе ученыхъ и даже просто образованныхъ читателей.

Это, во-первыхъ, богатство фактическихъ данныхъ. У С—ва нѣтъ почти работъ научнаго характера, въ которыхъ бы не сообщались какіе-нибудь новые, до того времени неизвѣстные, извлеченные изъ рукописныхъ или архивныхъ источниковъ, факты. За исключеніемъ первой работы, магистерской диссертаціи, написанной въ духѣ теоретическихъ разсужденій его Харьковскаго учителя, проф. Якимова, вся послѣдующая масса научныхъ произведеній С—ва проникнута богатой и строгой фактичностью: говоритъ ли С—въ о «Пчелахъ» (1853), о древне-русскихъ «псевдонимахъ»» (1855), изучаетъ ли Лѣтопись (1856), Кирилла Туровскаго (1858) или повѣсти Петровской эпохи (1858), изслѣдуетъ ли личность Н. И. Новикова (1865) или Фридриха Лагарпа (1871), занимается ли исторіей университетовъ (1865 — 1866), Россійской Академіи (1874—1888) или комментируетъ Ломоносова (1891—1901), интересуется ли, наконецъ, дѣятельностью Пушкина (1884), Н. А. Полевого (1886) или И. С. Аксакова (1888) — вездѣ онъ является во всеоружіи фактическаго матеріала, который иногда, можетъ быть, оказывается съ излишкомъ для данныхъ литературныхъ цѣлей автора, но всегда отличается строгимъ выборомъ по своему качеству и пригоднымъ для тѣхъ или иныхъ историческихъ и историко-литературныхъ справокъ, выводовъ и обобщеній. Эта особенность оставляетъ значеніе за работами С—ва даже и тогда, когда взятый имъ сюжетъ полнѣе и шире былъ обработанъ кѣмъ-нибудь позднѣе.

Во-вторыхъ, существенной особенностью работъ С-ва является его строгая научная метода—критицизмъ и осторожность въ выводахъ. Выбирая факты изъ первоисточниковъ, С-въ всегда стремился не къ одному только ихъ количественному богатству, но и къ ихъ достовѣрности и пригодности сдѣлаться дѣйствительными и заслуживающими довѣрія основаніями для выводовъ. Слабой стороной С-ва, быть можетъ, была собственно лингвистическая и палеографическая его подготовка, сказавшаяся на нѣкоторыхъ условностяхъ въ изданіи древнихъ памятниковъ или въ кое-какихъ частностяхъ его историко-литературной работы — особенно съ теперешней точки зрѣнія, но въ ту пору, когда М. И-чъ вырабатывалъ себѣ пріемы научнаго изслѣдованія, лингвистическая и палеографическая научная литература по части русскихъ памятниковъ

была лишь въ зачаткѣ, не смотря на наличность трудовъ А. Х. Востокова, котораго М. И-чъ былъ восторженнымъ почитателемъ. Въ области же собственно историческихъ и историко-литературныхъ явленій, къ которымъ въ дѣйствительности единственно и лежала душа С-ва, несмотря на постоянно указываемую имъ, на лекціяхъ и отчасти въ сочиненіяхъ, важность изученія собственно языковыхъ данныхъ, С-въ неизмѣнно обнаруживалъ замѣчательное научное самообладаніе. О необходимости примѣненія строгой научной методы онъ не разъ и съ большой настойчивостью говорилъ и на своихъ теоретическихъ лекціяхъ, и на практическихъ занятіяхъ при разборѣ студенческихъ сочиненій, придавая этой сторонѣ дѣла особое значеніе и выдвигая ее на первый планъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, привлекательнымъ качествомъ научныхъ работъ С—ва является изящная форма, въ которую онѣ облечены. М. И-чъ писалъ и говорилъ точнымъ и красивымъ языкомъ, обнаруживая съ своей наклонности къ изяществу выраженія не одни только личныя особенности своей натуры, но и пріемы старой литературно-научной школы, также, вѣроятно, унаслѣдованные имъ изъ Харькова. Однако склонность къ красивому выраженію своихъ мыслей никогда не завлекала его въ дебри псевдо-ученаго пустословія ни на каѳедрѣ, ни въ кабинетной работѣ: къ этому не допускала его образцовая ученая добросовѣстность и та осторожность, которая вообще служила отличительной его чертой не только какъ изслѣдователя и ученаго писателя, но и какъ человѣка.

Кромѣ учено-литературныхъ трудовъ, отъ М. И-ча осталось еще, для знавшихъ его, привлекательная и симпатичная личность. М. И-чъ обладалъ характеромъ, основныя черты котораго не всегда и сразу можно было отчетливо отгадать. Нѣкоторымъ онъ казался неискреннимъ и даже скрытнымъ. Но при ближайшемъ съ нимъ соприкосновеніи можно было видѣть, сколько благодушія и откровенности носилъ въ себѣ этотъ человѣкъ, замкнутый, при офиціальныхъ отношеніяхъ, въ тогу нѣсколько холодной, хотя и безупречной, вѣжливости. Причина этого лежала въ чрезвычайной осторожности его натуры, проявлявшейся имъ почти всегда и всюду. Я лично могу судить объ этомъ лишь за послѣдніе годы его жизни, но отъ другихъ слышалъ, что и въ молодости М. И. проявлялъ то же, повидимому основное, качество его природы. Онъ обладалъ доброй душой

и отзывчивымъ сердцемъ, не разъ доказывая это словомъ и дѣломъ. Наконецъ, это былъ человѣкъ истинно просвѣщенный и высоко образованный. Онъ пережилъ на себѣ разнообразныя перепетіи русской общественно-политической жизни за всю вторую половину прошлаго вѣка. Начавъ работать и сознательно мыслить въ эпоху памятнаго возбужденія общественной нашей мысли въ 50-хъ годахъ XIX в., онъ воспринялъ и усвоилъ себѣ лучшія начала тогдашняго настроенія русской интеллигенціи, посвятивъ себя университетскому преподаванію и наукѣ; въ послѣдующія десятилѣтія онъ прожилъ самыя разнообразныя умственныя теченія въ русскомъ обществѣ, но принималъ въ нихъ извѣстное участіе большею частію лишь теоретически, наблюдая ихъ изъ того уголка, который онъ создалъ для себя изъ занятія своей наукой; онъ былъ главнымъ образомъ кабинетнымъ работникомъ и университетскимъ преподавателемъ, и въ успѣхахъ на этомъ поприщѣ заключается его несомнѣнное право занять почетное мѣсто въ лѣтописяхъ русской науки и просвѣщенія.

Е. Пѣтуховъ.

Іюнь, 1911.

Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра *).

XVIII.

Предлагаемъ ниже очень рѣдкую пьесу — не только въ репертуарѣ стариннаго украинскаго театра, гдѣ найденный и издаваемый нами текстъ является уникомъ, но и рѣдкую въ области западно-европейской драмы. Это — драма или «дѣйствіе» о пророкѣ Иліи и царѣ Ахавѣ, на сюжетъ, заимствованный изъ разныхъ главъ III-й книги Царствъ.

Среди старо-французскихъ мистерій мы не находимъ обработокъ этого сюжета, ни отдѣльно, ни въ рамкахъ сводной ветхозавѣтной мистеріи (см. *Petit de Julleville*, Les mystères, II, p. 353 etc.); не встрѣчается этотъ сюжетъ и въ нѣмецкой старинной драмѣ мистеріальнаго типа. *Creizenach* (Gechsichte d. neueren Dramas, II, B. 117) хотя и упоминаетъ о драмѣ Heli Іеронима Целлера (1543 г.), но это совершенно иной сюжетъ. Не знаетъ о польской драмѣ на такой сюжетъ въ XVI в. и *Windakiewicz* (Teatr ludowy, 1902), собравшій почти все извѣстное о старинномъ польскомъ театрѣ этого вѣка. Только съ половины XVI в. начинаютъ появляться пьесы, имѣющія сюжетомъ ц. Ахава и прор. Илію.—Таковы: «Naboth» Jos. Murer'a 1556 г., «Naboth» Sebast. Wild'a; «Ahab und Naboth» 1557 г., — трагедія Ганса Сакса; «La morte del re Achab» 1559 г. Giovan-Maria Cecchi; въ Польшѣ въ 1578 г. была представлена на латинскомъ языкѣ пьеса, подъ заглавіемъ «Achab», содержаніе которой взято изъ III кн. Царствъ, именно изъ главъ: 16, 29—30; 18; 20, 29, 34; 21, 2, 19, 21; 22, 38; и изъ IV-й книги, 9, 7; 10, 7, 11. (*W. Hahn*, Literatura dramatyczna

*) См. Извѣстія (1910), т. XV, кн. 4.

w dawnej Polsce, 1906, 97); эта пьеса намъ недоступна, но, повидимому, имѣетъ нѣкоторое сходство съ украинской, разрабатывающей почти тѣ же главы III кн. Царствъ. Кромѣ того *Bahlmann* (Jesuiten Dramen der niederreinischen Ordensprovinz, 1896) сообщаетъ, что въ Падерборнѣ, въ 1604 г. была представлена «Tragoedia de regibus Achab et Jesabel». Наконецъ проф. *Рѣзановымъ* (Экскурсъ въ область театра іезуитовъ, 1910, стр. 408) издана имѣющая отношеніе къ нашему сюжету маленькая интермедія къ пьесѣ «de filio prodigo» — «fames Eliae tempore», по рукописи *Разнояз.* Q. XIV, № 10 Импер. Публ. Библіотеки. Вотъ всѣ случаи обработки сюжета о царѣ Ахавѣ и Іезавели, извѣстные намъ.

Новый, публикуемый нами текстъ драмы находится въ весьма интересномъ по составу сборникѣ рукописныхъ пособій по піитикѣ и реторикѣ 30-хъ годовъ XVIII ст. Это—рукопись Центральнаго Архива древнихъ актовъ въ г. Кіевѣ, № 446, въ 4-ку на 455 исписанныхъ листкахъ, изъ коихъ многіе пришли въ ветхость. Приводимъ содержаніе этого сборника.

1) «Epitome rationalis scientiae, id est Dialecticae,» преподанной въ *Харьковской* коллегіи въ 1737 году.

2) Реторика неизвѣстнаго года (повидимому, тѣхъ же 30-хъ годовъ), безъ заглавія.

3) Реторика «Artificium facundioris eloquentiæ in collegio archipraesuleo *Czernihowiensi*... efformatum, opera reverendi in X-to patris Joannis Dubinski»; это — записки ученика Никиты Григоровича, 1735 года.

4) «Epitome meditationis Poeticae.... in Academia russorum orthodoxa *Kiiovomohilaeana*... explicata, 1734 г.

5) Учебникъ піитики, безъ заглавія.

6) Извлеченія изъ реторикъ; схоліи съ упоминаніемъ о *Черниговѣ*.

7) Піитика — безъ заглавія.

8) Ученическія упражненія на латинскомъ и украинскомъ языкѣ.

9) Двустишія на латинскомъ языкѣ, переведенныя двустишіями же на славянскій и польскій яз.

10) Adagia.

11) «Cunabula erudita»... реторика, преподанная въ *Черниговѣ* въ 1735 г.

12) Изреченія древнихъ авторовъ, расположенныя по матеріямъ, 1734 г.

13) Carmina gratulatoria, печерскому архимандриту Кассіану.

14) Упражненія грамматическаго класса *Кіевской* коллегіи въ 1733 г. «Sub reverendissimo professore *Metrophane Dowhalewski* — разными почерками.

15) Просительные стихи и разныя замѣтки.

16) Пьеса о ц. Ахавѣ и пр. Иліи, безъ особаго заглавія, написанная крайне неразборчивымъ почеркомъ 1730-хъ годовъ.

Заглавія пьесы въ рукописи не сохранилось. Въ связи съ обычаемъ того времени, пьесу эту можно назвать «Дѣйствіемъ» или «Комедіей», ибо въ ней встрѣчаются и допускаемые піитикой Довгалевскаго комическіе эпизоды. Кромѣ недостающаго заглавія и кое гдѣ непрочитанныхъ нами словъ, этотъ списокъ пьесы страдаетъ еще однимъ недостаткомъ: онъ сдѣланъ съ оригинала, въ которомъ были перепутаны листки, вслѣдствіе чего получилась разбросанность частей одной и той же сцены — въ разныхъ мѣстахъ. Издаемъ списокъ въ томъ видѣ, какъ онъ читается въ рукописи № 446; порядокъ же сценъ, возстановленный нами — обозначаемъ съ помощью нумераціи стиховъ. При изданіи оговариваемъ всѣ наши поправки, неясныя и не прочитанныя мѣста.

л. 440

1 Scaena.

Цр҃ь Ахавъ.

Кую ти дамъ че^{ст}, о Бо҃же великій,
Славній и дивній, и силенъ толикій,
Ѧко чтущи^{х} тѧ кто изрещи може.
Каѧ бл҃гал ѧвствуешь о Боже.
Тобою в путй, тобою избранни,
Тобою в морѣ щитѧть сѧ вси страни.

Ти врачꙋ болѧщим, ти и нищих всако
Обогащаешъ, ти и ꙁлобныхъ ѩко
Бл҃гихъ милꙋешъ, Преблагий ви҃дко.
Ти промишлѧешъ и о на҃ толико,
Елико во всемь иꙁобилнимъ быти,
Чесого бо намъ немощнїи ѩвити.
Злато и сребро, скоти или плоди,
Не ѿ тебе ли, да повидѧт роди.
Гладомъ ли когда, тѧхомь прорците.
Жаждни ли бихомь, истиннꙋ ѩвѣте.
Не ѿ его ли мѣем всѧ[1]) бл҃гаѧ
Десницꙋ оубо, да никогда злаѧ
Постраждемъ[2]) в мири, к тебѣ прибѣгаемъ
І со слеꙁами к тебѣ[3]) припадаемъ
И молимъ: даждь намъ над враги имѣти[4])
Побѣду и всѧ[къ][5]) ча҃ радостнымъ бити.

Ц҃рица.

Дарꙋи всѧ бл҃гаѧ и женскомꙋ полꙋ,
В' чест пре[дъ] тобою падающꙋ долꙋ. ||

л. 440 об. Ілїѧ.

Всуе ти скипетръ ц҃рскій ꙋручися[6]).
Всуе ти глава вѣнцем оувѧꙁися.
Ꙋне би тебѣ рожденнꙋ не быти,
Неже ѿ Бг҃а правди ѿстꙋпити.
Почто ти, враже Бж҃ій, настꙋпаешъ;
Перст земли, аще скверни почитаешъ,
Ꙁ оной проклѧта идола соꙁданна,
Во наслѣдіе адꙋ преподанна.

1) Ѩ—очень похоже на ю. 2) Въ рук. кажется «по страждеть». 3) «к тебѣ» надписано надъ зачеркнутымъ «молы», тою же рукою, возможно—автора. 4) «Имѣти» надписано рукою писца надъ зачеркнутымъ словомъ «побѣду». 5) Въ скобкахъ [ ] добавлено издателемъ. 6) Sic!

Тй лй не вѣси, аще сокрꙋшеннымъ
Не покаешься сердцемъ йсмиреннимъ,
Пріймеш с ним вправдꙋ пріимешъ негасимꙋ
Пламень в̓ геєннѣ й бꙋдешъ мꙋчимій
Вѣчнѣ нетолко самъ, но й со ꙁлою
И богомерскою[1]) своею женою.

Црица.

Доколѣ, црю, семꙋ человѣкꙋ
Богохульникꙋ терпиши великꙋ.
Невостанешли, й ꙋмолкнеш всѧко
О честй Бга великаго, ѧко
Сію лживей[2]) тоть пришелъ испражнѧти
И величество твое оукоряти.
Йли неможеш, что зѣло болиши,
То почто поне мнѣ[3]) не повелиши.
Аꙁъ его вскорѣ слугами оубію:
Йли пробождꙋ, йли всѣщꙋ вію.

Ілія. ||

л. 441. Тако лй тй мнѣ, речешь, окаѧнна?
Се ни дождь вама, ниже роса данна
Ѿселѣ будет чрез долгое времѧ,
Да скотское й ваше щеꙁнет племѧ.

Црица.

Даждь, о Црꙋ, мечь, сотворꙋ молчати
Абіе его, егда бо йꙁѧти
Потщꙋсѧ главу, слуꙁи воспріймѣте.
Бга й цара вкорінꙋ ѿметѣте.

1) «Богомерскою»: первонач.—*ую*, *у* переправлено на *о*.
2) М. б., слѣдуетъ исправить «лживый».
3) Написано дважды, второе—зачеркнуто.

Гласъ ко Іліи.

Бѣжи ѿ лица Ахавлѧ воскорѣ—
Азъ завѣщаю, судѧй правду [1]) горѣ.

Цр҃ъ.

Градѣте слузи, вездѣ поищите,
Обритше его тамо посѣцѣте.
Опечали бо злохитрникъ мѧ зело,
И вмалѣ з душею не вмертви сѧ тѣло.

Кантъ.

Слишите вси ѧзици и внемлѣте страни,
Воспойте радуѧсѧ, ѧко крипокъ в' бранни
Гдь и владика вѧзнѧ человѣка
Ѧви свобожденна, ѿ оузъ раздришенна
И в радос^т веденна.
Возиграйте в тимпани гусли и свѣри[ли] [3]),
Ликующе рꙋкама плещꙋтъ всѧ предѣли.
Оуже бо печалі змертію пропали,
Ѹже тма прогнасѧ, диѧволъ попрасѧ,
Ада^м возвасѧ. ||
л. 441 об. Нектому обладае^т смер^т со врагомъ намѧ,
Крипко бо попра Гдъ обоѧ ногама,
Ѧко согарѧти [4]), горцѣ вопѣѧти
Будꙋ^т непрестаѧ, горе прорицаѧ,
Себе проклинаѧ.
Ми ꙋбо то видѧще, ѧко вси ѿ плѣни
Вражіей свобожденни, воспоймо ѿ пѣни
Бгу и владицѣ во нинѣшне^м вѣцѣ,
Да нā ѿнѣ бывшихъ во плѣнѣ
Держи^т в блгостинѣ.

---

1) Первонач. въ рукописи «Правдѣ». 2) Слово недописано. 3) М. б. «согорѧти»?

2 Scaena.

Вдова з двома сінами.

Вдова.

Что азъ бѣдная ѝмам сотворити,
Чимъ болѣзъ серцȣ могȣ оутѣшити?
Обоюдȣ бо мене обступиша[1])
Болѣзни горкиі и зѣло смиріша.
Се азъ пронзаю сердце и оутробȣ,
Ȣже мнѣ пойти всячески до гробу.
Лучше воправду бѣдной мнѣ согнити[2])
С черми в трȣмнѣ, нежели такъ жити.
Что в ден и в нощи с' помисли борȣся,
Ȣнивши лютѣ во слезахъ топлюся.
Всяку годинȣ свою омачаю[3])
Постелю, тако лютѣ погибаю.
Нещисленни сут вдовѣ мнѣ печали,
Но паче всѣ[хъ] три горчайшіе стали.
Во перших мужа лиших ся, агъ горе,
Лійте ми лійте[4]) днѐ очи слезъ море. ||
л. 442. Вторая печал лютѣшая всяко
Дѣтища имѣть, а третая яко
Імѣвши оних нѣчим прекормити.
Что мнѣ печалной глаголете дѣти?

К Црȣ пришедши слуга.

Ілія идет ко величеству твоему.

Црь.

Гдѣ онъ і азъ бо дойдȣ ко нему.

1) Первонач. «Ѡступиша». 2) Въ рукоп. предъ этимъ словомъ было «во-свѣтѣ», но зачеркнуто. 3) Неразб.; м. б. «омакаю», «оплакаю»? 4) Дважды, второе зачеркнуто.

Іліа.

Аще о црѹ хощешъ здрави битй
И скоти своѧ всѧко прекормити,
Призови вскорѣ пророки ти славни,
Да молби[1]) дами Богом своимъ[2]) ѧвни.
Коего дрова, всѝ воспламенѧтсѧ,
И всесожженіѧ без огнѧ взгнѣтѧтсѧ,
Семѹ да вѣримъ сердцем и душею,
Тако и всею мислию своею

Црь.

Градѣт пророцѝ с Богом моим сѣмо,
Ложна пророка сего посрамѣмо.
Молѣть прилѣжно Бга Валаама,
Да жертва сіѧ всплаженитсѧ вама.

Пророки.

Бже нашъ, Бже, о Боже всесилній[3]),
Послѝ на жертву огны свои изобілній[4]).

Іліа.

Восклйкнѣть зѣло, се спит окаѧнный
Сей богомерскій идолъ изваѧнный[5]).
Іли каковимъ дѣломъ оупражнисѧ. ||

Црь.

Посрамит сего всѧкъ ѿ нас пощися[6]).

Пророки.

Не можемъ ѿнюд[7]) нне оумолити,
Встроимъ на оутро сіе ѿложити.

---

1) Первонач. въ рукописи «Да молбу». 2) Первонач. «своимъ» дважды, надъ вторичнымъ — зачеркнутымъ, зачеркнутое же «давни» или «дати»? 3) Первонач., кажется, «велики», но зачеркнуто; поправка—рукою писца всего текста. 4) Слѣд. исправить: «огнь свой изобилний». 5) Sic! 6) Неясно, *я* или *а* на концѣ слова. 7) М. б., слѣдуетъ исправить: «ѿних».

Ілія.

Дайте мі времѧ, да азъ помолюсѧ:
В Бозѣ бо мое^м^, вѣмъ, не постиждусѧ.
Точнѣ внемлюще гл҃голу моемꙋ,
Дадѣте конець злꙋ оумꙋ своемꙋ[1]).
О Саваофе, Гд҃и правдивій,
Миръ сей и всѧ.....[2]) бл҃гаѧ внемлівій,
Покажи силу пророко^м^ си^м^ лжйвимъ,
Даждъ срамъ и сту^д^ си^м^ непокорйвимъ.
Дадѣть водонѡ҃, излйте на сіе,
Вдвои^д^ а втрои^д^, о пророкй зліе.
Послушай ѡгнемъ, Творче всеѧ[3]) зéмлй,
Тиже, человѣче, смотрѧй сіе внéмлй.
О злйи пророки и даждъ ми ихъ в рꙋку,
Ножемъ бо си^м^ ихъ о^т^ѡшле^м^ во мукꙋ.
Се лъжепророки мзда ва^м^ е^ст^ за трудй.
Тиже йхъ при'ми, Твои бо суть удй.

Каньть.

Прйдѣте ц҃ріе к҃зи и владикй
Зрѣти сего[4]) ѧвѣ его же вси лики
Ѡкружаю^т^ трепеща вжасомъ съ человѣкй. ||
л. 443. Сей бо ѿ пророко^в^ ветхи^х^ извѣщенній
Таи^н^ствомь, н҃нѣ же зри^т^сѧ вси^м^[5]) ѧвственній.
Показасѧ люде^м^ пу^т^ к небесй спасенний. [в҃].
Хотѧ ѿ болѣзни збави^т^ человѣка,
Помощни^к^ правій бивий всѣмъ ѿ вѣка
Гд҃ь[6]) всѣхъ творецъ всѣхъ ѝ владйка. в҃.
Самъ болѣз' стражде^т^ ѝ тѧжчайшімі ранй
Висѧще на древѣ ѕѣло поруганій

1) Первонач. «моемꙋ», но зачеркнуто. 2) Было «сей правдивій» но, зачеркнуто и надписано «ѝ всѧ....» — при чемъ одно слово не разобрано, кажется «в немь»? 3) «Всеѧ» не ясно ѧ или и. 4) Въ рук. «всего», но в смазано писцомъ, какъ бы лишнее. 5) Въ рук. «вса^м^». 6) Неясно.

Ꙁаплеваса люте смерти ест преданный. в҃.
Нн҃е же воскресе вмерши[1]) торжественно,
    Веселие данно люде[м] всемъ[2]) ѩвственно
Ѩже всемъ полꙋчи[т]..... [3]) некосненно. в҃.

---

4 Scaena.

Наꙋѳій.

Бл҃годару та, милосердне Боже,
    Мой Саваоѳе, десница его же
Таковъ виноградъ насади прекрасній,
    Ко снеди добріи и преꙁелне расній.
Что возда[м] о всехъ, ѩже на палання[4])
    Ѿ твоей бо рукй и влас[т] мне поданна.
Точию славу глашу[5]) твою зелну
    Й ко всемъ людемъ милос[т] неизминну.

Цр҃ъ.

Ꙁдравъ будй Науѳей[6]), что тй ꙁде творишй.

Наꙋѳій.

Тешꙋ ꙁ винограду, й са[м] тое ꙁришй.

Цръ.

Не мощно лй его мне на цене[7]) дати.

Науѳеі.

Тако мй естъ бл҃га, не оудобъ[8]) ти вꙁатй. ||

л. 443 об. **Цр҃ъ.**

Поне взаи[м] дай мй лучши вертограды.

---

1) Въ рукоп. «вмерши[х]». 2) Въ рукоп. «торжественно», но зачеркнуто и надъ нимъ (какъ и везде) тою же рукою надписано «вемо» — неясно; м. б., «всемъ»? 3) Слово неразобрано. 4) Sic! «нпа[т]аланна». 5) Это — уже третій варіантъ слова, два — зачеркнуты и подписано «глашу». 6) Неясно — «Наоуеей» или «Навуеей». 7) М. б. «на цене»? — неясно. 8) Неясны первыя две буквы.

Науѳій.

Довлѣю[т] мнѣ мали свой виногради.

Цр҃ъ[1]).

Подаждъ малую или зво[л] взае[м] ѿдати.

Науѳій.

Срамно сіе вправду цр҃у глаголати.

Цръ.

Погубилъ мѧ еси, Науѳее, нн҃ѣ,
Коей бо лиши[х]сѧ в тебѣ бл҃гостинѣ.

Цр҃ица.

Что се, о цару, тебѣ содѣласѧ?
Озми свой скипетръ и корону на сѧ,
Ощутивши сѧ, повѣждъ ми подробно,
О чемъ ти скорбно.

Цр҃ъ.

Сей мѧ опечали, ꙗко оудержаше
Виногради, его же душа ми желаше.

Цр҃ица.

Востани оубо и возвеселисѧ.
Исторгни мечъ свой и крипокъ ꙗвисѧ.
Виногради взавши, ѿмети[м] печали,
В чомъ тебѣ стали.

1 Дитина.

103 Почто такъ долго гладни пребивае[м],
Ни пищи ни питіѧ ни мало вкушае[м].
105 Аще бо одеждъ бл҃гихъ[2]) нѣгдѣ взѧти,
Поне ꙗствіе[3]) е[ст] должно да[т] мати.

---

1) Приписано сбоку; внесено нами въ текстъ.
2) Неразборчиво, начало слова переправлено. 3) Въ рукоп.: «ютьствіе»

Вдова.

ѣвй, о лютѣ[1]) снѣждь серце ој неꙗ̆[2]).
За дй горст мукй й мало елеꙗ.
Что бо болie ꙁрйшй в мене бйтй?
Или хощете мене поглотйтй.

2 Дитйна. ||

л. 444. Тако тй матй правду сотворила,
Пренебре[г]шй мꙗ̆ сего накормйла.
Мнѣ лй гдѣ йнной матерй шукатй,
Дабй мѧ гладна могла препитатй.

Вдова.

О Саваоѳе, Створителю свѣта,
Многоꙗ лй такъ провожду аꙁъ лѣта!
Лучше во правду й душу[3]) ѿ тѣла
Раꙁлучит вовсѧ, дабй нескорбйла.
Раꙁсудѣт обо не ест лй мй ꙁѣлна
Скорбѣ[4]), болѣꙁъ, печалъ, туга ненꙁмѣрнна[5]).
Серце скрушйсѧ й оумъ помрачйсѧ,
И в слезах горких душа всѣмъ втопйсѧ.
Обоюду бо острѣ мѧ[6]) пронꙁают,
Ꙗкъ ножмй сердце мое прободают.

Ілiꙗ.

Спасйсѧ, вдово, спасйсѧ вѣщаю.

Вдова.

Симъ тѧ, чловече, и аз поꙁдравлꙗю.

Ілiꙗ.

Что тй, о вдово, печалуешь ꙁѣло?

---

1) Написано ясно. 2) Ясно. Смыслъ? М. б., «отнея» 3) Въ рукоп.: «и душу». 4) Лучше «скорбъ», что болѣе соотвѣтствуетъ 11-сложн. размѣру стиха. 5) Sic. 6) «Мѧ» вписано тою же рукою надъ строкой.

Вдова.

Богъ вѣс͡т точію скорби мое дѣло.

Іліѧ.

Ѿверзи печаль, азъ ти совѣтую.

Вдова.

Бл͞го се весма и азъ би͡т непщую.

Іліѧ.

То почто скорбишъ и тужишъ, госпоже.

Вдова.

Скорбъ мою всакъ [1]) здѣ оувѣдати може.

Іліѧ.

Всѧ Ѿвергши [2]) по͡тщиса вчредити [3]).

Вдова.

Детей [4]) толко не могу згодити. ||

л. 444 об. Іліѧ.

Чесого ради весма азъ не знаю.

Вдова.

Гор͡ст мѹки толко с' си͡м елее͡м маю.
Аще хощеши, не могу възбранити.

Іліѧ.

Бл͞годарствую, что ма прекормити
Тщиса; о вдово, да буде͡т ти полно,
Муки и елеѧ и всего доволно.

Вдова.

Се ти зобиство мнѣ дне͡с обѣщаешъ,
За что и сина моего вмерщвлѧешъ.

1) Въ рук.: «всакѹ». Лучше читать «всакъ», согласно съ требов. размѣра. 2) Первонач. «Ѿверзши», но з переправлено на г. 3) Рук., кажется, «вередити»? 4) Рук. неразб.: жетеи» (!), въ текстъ вношу свою догадку.

Волю азъ купно с ними гладо^{м} мріти,
Неже за пищѸ мертва сина зріти.
Не вѣмъ, пророкъ ли ти золъ или правій[1]),
За добро мое толь зло мнѣ подавій.

Ілія.

Не бойсѧ, востанетъ, токмо вѣрна буди
Ї странна всегда, всегда не забуди.
Востани отрокъ, Богъ ти повелѣвае^{т},
Иже бо мертви^{х} тотъ и оживлѧетъ.

Вдова.

Блгодарѹ тѧ, пророче преславный,
За твой даръ предъ всѣмъ очима днѣ ѧвный.
Градѣмъ вси оубо до дому моего,
Да не лишимсѧ в вѣкъ лица твоего.

Кантъ si quis vult.

---

3 Scaena.

Ахавъ црь.

Дѣла^{т} не вѣмъ что, гладомъ вс тающе,
Ни себе, ни ско^{т} корми^{т} не имуще.
Прогнѣвахъ Бга, ѹви окаѧнну,
Погубихъ милос^{т}[2]) ѿ Бога мнѣ даннѸ.
Что има^{м} твори^{т}, подаждь совѣтъ блгій,
Гдѣ би поискалъ ѿ землѧ би^{х} влаги. ||
л. 445. Гради оубо ти во страннѸ единнѸ[3]),
Азъ же в другую, да поне долину
Малую знайдемъ, да глада ѿраду
Има^{м} в ней себѣ и своему стаду.

---

1) Рук. «превди»(?). 2) Сначала въ рук. «радос^{т}», затѣмъ зачеркнуто и далѣе написано «милос^{т}». 3) Sic.

Слуга.

Что велишъ, о цару, могу сотворити;
Аще ти ꙁнайду могу, оустроити.

Ілію стрітаеᵀ слугу.

Камо грᵃдеши и на кое дѣло?

Слꙋга.

Посла мꙗ искаᵀ воᴬ црь скорбенъ ꙁѣло.

Ілію.

Воꙁвратисꙗ воспꙗᵀ и рци мꙗ идуща.

Слуга.

Не могу, ибо посла[1] тꙗ ищꙋща
Црь воꙗ многа[2] и мнѣ ꙁавѣщаꙗ,
Да всꙗ пророки вбию оуловлꙗꙗ.
Аꙁъ же сто мужей поᴬщаᵡсꙗ сокріти
В пещери тебѣ егда возвѣстити
Повелишъ оукриᵀ[3] мнѣ ти вожелаеᵐ

Ілію.

Сего ти весма да не помишлꙗеᵐ.

Слуга.

Црь, о пророче, каꙁнить неслушащиᵡ.

Ілію.

Лучше исполниᵀ молитву просащиᵡ.

Слуга.

Идꙋ воꙁвѣстиᵀ всꙗ сіꙗ вꙁдицѣ[4]),
Аще не буду живій во всемъ вѣцѣ.
Слꙋꙁи на сіе вготованни дѣло,
Ѽмертвиᵀ сего человѣка, тѣло;

---

1) Надстрочная буква неясна, м. б., не л а х. 2) Неясно, м. б. «многи»
3) Неясно; вообще весь стихъ не дастъ хорошаго смысла. 4) Неясно.

Вергше камени, мечми прободѣте
И оумертвѣте.[1] ||
л. 445 об. Ти же о црю престани скорбити,
Изволь нах сими наслѣдіе мѣти
Сего же зриши оуже ѿдаленна
И оумерышленна.

Цр҃ъ.

Ах, ѹви мнѣ, ѹви, ѹбица явися!
оуви мнѣ бѣдному, се оума лишися,
И сам оубо зде с нимь да оумершлем буду.
Да не предаст мя Бг҃ъ[2]) горчайшему суду.

Цр҃ица.

Престани сего дѣлати, о цр҃ѹ.
Что ти ест лучше ѿ онаго дарѹ.
Не бой, Богъ не вѣст, ти сокриеш тѣло,
Даби истлѣло.

Цр҃ъ[3]).

О, внѣ оума жено, где сего сокрити,
Его ѿ Бога не мощно втаити,
Взявши ѹбо слузи честно погребѣте
И со мною к немъ молбу вси творите.
Ти же, о Ево нынѣ сотворенна,
Прелстила сама и мене прелщенна
ѹчинила[4]); ѹбо градѣть вси ко дому
Тамо ѿ з....[5]) прилѣпнемъ[6]) ко Богу.

---

1) Здѣсь д. б. опущена ремарка: «приходитъ до царя» или что либо подобное.
2) Въ рук.: «Бг҃у».
3) На полѣ противъ этого мѣста неразб. «по 5»?
4) Sic.
5) Неразобр.
6) Въ рук. неразб.; м. б., «прилтнемь» вм. «прильпнемъ»?

5 Scaena.

Генѣѹшъ.

Міра вси концы ꙁаконѹ внемлѣте,
Вся тварь Бжія реченни^м внушите.
Се оубо ветха вся суть обновленна,
В нови^м ꙁаконѣ вся су^т обращенна.
Наѹвія слушайте иногда
То нн҃ѣ собис^т ся что ему би^ст тогда.
Се днє Науөій пришедше к намъ новій
За виноградъ свой страждє^т аж' до крови.
Ѿ твари ꙁдате^л ꙁаоушенъ биваеть,
Крес^т воспріемшій [1]) на немъ оумирае^т.
Се онъ пре^дстоя^т моля ко Ѿцевѣ,
Ѿ него чаша з сме^рт͡ю даядевѣ [2])
Помоли ся Хрте и о на^с елико
Моще [3]) в себѣ и о на^с толико.

Хрсъ.

л. 446. О, Бже Ѿче, на всѣхъ милостивій,
Ѿврати гнѣвъ си^х іоудей движимій
В неправдѣ на мя вся сія обаче,
Что Ѿче волишъ и аꙁ неиначе.
Аще немощно сего пре^дставити,
Во волѣ твоей вся могу претерпѣти.

Воинъ.

Се о друꙁи сей, его же искахомъ,
То^т е^ст, емѹже иꙁвѣс^т смертній дахо^м.
Градѣть, оубие^м, да не раꙁ'вращае^т
Людій беꙁумнія^х ни да привращае^т
К [4]) себѣ, оускори^м его свяꙁати;
Да не по^дщи^тся Ѿ рукъ иꙁбѣжати.

---

1) Въ рук. «воспріемшій». 2) Sic. 3) М. б. «моще^м», «моще^м».
4) М. б., «И»?

Хрт҃о.

Почто пріидосте со драколми, ѧко
На преступнѣша разбойника всѧко [1])?
По всѧкій бо деⁿ пребиваˣ [2]) со вама:
Почто неѧсте своима [рукама] [3]).

Войнъ 2.

Розглаголствоваˣ [4]) с ниⁿ не подобаеˣ:
За оній сей грѣхъ злѣ да постраждаеˣ.

Хрт҃о.

О, Бж҃е ѿче, ѿпусти грѣхъ има:
Невидѧˣ что творѧˣ рукама своима [5]).

3 войнъ [6]).

Обѣмъ на множѣ или оумертвимо.
Ни оубѣюще к судиѧⁿ ведѣмо.

[4 войнъ] [7]).

Плюнⁿ вси в очи, дане блюжниˣ много.
Вдариⁿ в ланети Хр҃тца [8]) сего злого,
Ведѣть к' судиѧⁿ, да оні ругаѧ
Мучаˣ доволно, лютѣ омерщлѧѧ [9]).

---

6 Scaena. ||

л. 446 об. Смерть со Диѧволомъ плѧшѹть [10]) поѧ сіе:
Восплещемъ рукама,
Воскачеⁿ ногама,
Богъ бо нарожденны [11]),

---

1) Ранѣе было написано другое, неразобр. слово. 2) М. б., слѣд. читать «пребиваˣ»? 3) Въ [ ] добавлено издателемъ, въ рукоп. недописано это слово, требуемое контекстомъ и предыдущею риѳмою. 4) М. б. слѣдуетъ читать: «Возглагольствоваˣ (?)». 5) Кажется такъ. 6) Далѣе двѣ строки—приписаны на полѣ почеркомъ писавшаго всю пьесу. 7) Добавлено нами — въ согласіи съ обычнымъ числомъ воиновъ. 8) Sic. 9) Слѣд. исправить: «ѹмерщвлѧѧ». 10) Въ рукоп. «плѧщѹть». 11) Послѣдняя буква неясно ѧ или ѧ.

Во гробѣ положенни,
Ѿ на̂ побѣдися,
Ѿ на̂ оумертвися
И во гробѣ вселися.
Во вся оуже роди
Нѣсⷮ людеⷨ свободи.
Ѿ нашея власти
Ни едиⷩ пропасти
Не можеть,
И ѕѣло втверждаеⷨ,
И ѕѣло втвержаеⷨ.
Влаⷭⷮ бо наша силна.
И сила ѕобилна.
Нигдѣ не ѕриⷨ явна
Силою наⷨ равна.
Адама прелстихомъ,
Бога оуморихомъ,
Радосⷮ получихоⷨ.

Глаголеть Врагъ.

Есⷮ Госпоже оу тебе пискали.

Смерть.

Еⷭⷮ Г҃дине пискали не мали.

Врагъ.

Грай, о Госпоже аѕ̓ начну ска[ка]ти [1]).

Смерть.

Добре Г҃дине, иѕволь начинати.

Смертъ граеⷮ, Чортъ пляшеⷮ.

Смертъ.

Жжетⷮ, Г҃дине, нѣкая мя сила

1) Въ рукоп. «скати».

Дїꙗво[х].

Ах, ах, ѝ мене сїꙗ оустрашила.

Аг̃гли, Хс̃ пришет[т] 1) глаголꙗ.
Еще лѝ в беѕнꙋ не ѿидосте 2) проклꙗтѝ?
Годѣ вамъ оуже весело пискати.
Градѣте во а[д], градѣть немедленно 3)
Подчто в небесѝ не жи́сте смиренно.
Аг̃глѝ, вѕемше обои[х] свꙗжите
И во гееннꙋ лютѣ воверѕѣте,
Да не владѣю[т] прочее Адамомъ,
Ниже адъ всꙗкимъ рода сего сано[м].
Бо отецъ мною свободѝ ѿ плѣнѝ
Адскои всꙗ роди ѝ о[т] смертнои сѣни ||
л. 447. І воведе в раѝ всꙗка человѣка,
Грѣшна ѝ свꙗта, оумерша ѿ вѣка.
Даде и[м] радос[т] неиѕглаголанну
Вѣчну нетлѣнну роду ѿчаꙗнну.
Всѝ ... 4) во правду ѿ сеꙗ годинѝ
И живу[т] всегда в божой бл̃гостинѝ.
Воспойте гласно, гласно воскликнѣте,
Торжество мое веѕдѣ воѕгласѣте.
Си[х] же свꙗѕанны[х] влечите ѕа мною:
Преда[х] 5) ѝхъ огню ѝ тꙗжкому ѕною.

Кантъ.

Торжествуѝ ѕемле, лѝкуй, веселисꙗ,
Радос[т] пресвѣтла ѿ гроба явисꙗ.
Селенїе 6) во слонцѝ
положившїй всꙗ концѝ —

---

1) Sic. 2) Въ рукописи: «ѿдосте». 3) Въ рукоп. первоначально: «немедленнѣ». 4) Неразб., м. б. «си[х]»? 5) Надстрочная буква неясна: м. б., слѣдуетъ читать «преда[м]». 6) Ясно, но смысла не даетъ.

Озарі.

Воста владика, востави Адама,
Вчини ѿ лики всѣхъ аггл̃ъ[1]) купно с нама.
Аще грѣшны аще свѧ̃
всѧ̃ ѿ ада ннѣ взѧ̃—
До раю.
За что вси славу Хр̃тꙋ Бг̃у дайте,
Імѧ̃ повсюду его величайте.
а Зрадо̃ти[2]) множе̃тво
ннѣшное то̃же̃тво
почтѣте.
Ликуйте[3]) Дх̃омъ, Іграйте д̃шею,
Бг̃ъ Бо ю сп̃се кровію своею. ||
л. 447 об. Мило̃ть Его толику,
взимающе велику
про̃лавѣмъ[4]).
Ібо кривѣ своей нещадѣ излити,
Нещадѣ д̃шу за нась положити
Ібо его почтѣте,
И вѣчне вси славѣте
Людіе.

Предлагаемъ матеріалъ для анализа этой драмы.

Первая сцена—бесѣда царя Ахава съ царицею и Иліей, обличающимъ царя за идолопоклонство, угроза царицы и бѣгство Иліи по повелѣнію «гласа»—построена на блѣдныхъ реминисценціяхъ ст. 31—32 главы 16-й III Кн. Царствъ, которые читаются въ единственно доступной автору пьесы—Острожской библіи 1581 г.—такъ: 31 ....«И бѣ ѐмꙋ доволно ѐже ходити въ грѣсѣхъ Іеровоа́млихъ с̃на Наватова, и̓ поѧ́тъ женꙋ Иезаве́лю дще́рь Иѐѳавалю ц̃ра сидо́ньска, и̓ ше̃ и̓

1) Въ рук. аг̃гле». 2) Въ рук. «За Родо̃ти». 3) Не разобранное слово; ясно только «...йте», можно прочесть «Ікуйте». 4) Въ рук. по̃лавѣмъ»?

начà слꙋжи́ти кꙋми́рꙋ Иѐваа́лю, и поклони́сѧ ѐмꙋ. 32. И҆ сътворѝ требникъ ваа́лꙋ в до́мꙋ приноше́нїи ѐго, иже со ҙда въ Самарїи». Остальное — обширная амплификація автора пьесы, на основаніи общаго представленія объ Ахавѣ и Іезавели попытавшагося обрисовать царя и царицу и отношеніе ихъ къ пророку.

Въ ст. 49—52 и 56—57 имѣемъ перифразъ гл. 17-й, ст. 1—4, съ значительнымъ сокращеніемъ послѣднихъ стиховъ:

1. «И прїиде Илїѧ прⷪ҇ркъ ѿ Ѳеҙвїѧ галаа́дъскїѧ къ ʼАхаа́вꙋ и҆ речѐ, живъ Гь Бъ ʼІилевъ иже пре́стою преднимъ. а҆ще бꙋ́деть в лѣто си роса̀ и҆ли до́ждь, то́лїи ѿ оу́стъ словесѝ моѐго. 2. И҆ бы́сть глъ Гнь къ И҆лїи. иди ѿсюдꙋ на восто́къ. 3. и҆ скрыи́сѧ в' потоцѣ Хори́ѳа пра́мо лицꙋ І҆ѡ́рдановꙋ. 4. и҆ бꙋ́деши пи́ти ѿ пото́ка во́дꙋ и҆ вра́номъ ҙаповѣ́дахъ препита́ти тѧ̀ тꙋ».

Вторая сцена — Илія и вдовица (ст. 83 — 154) представляетъ драматизацію дальнѣйшихъ стиховъ 17-й главы III-й Кн. Царствъ: сначала—Илія чудесно умножаетъ муку, далѣе—воскрешаетъ отрочище:

5. «И҆ сътворѝ И҆лїа́ по глꙋ Гню, и҆ сѣдѣ при пото́цѣ Хораѳи пра́мо лицꙋ ʼІѡ́рда́новꙋ.... 7. И бы́сть по днехъ и҆сшѐ и҆сточникъ ꙗ҆́ко не бѣ до́жда на́ҙемлю. 8. И҆ бысть глъ Гнь къ И҆лїи глѧ. 9. Въста́ни і҆идѝ въ Кесареѳꙋ сидо́ньскꙋю и҆ пребꙋди та́мо. себо ҙаповѣ́дахъ тꙋ женѐ вдови́ци препита́ти тѧ̀. 10. И въставъ и҆́де въ Саре́ѳꙋ сидоньскꙋю. и҆ прїиде къ вра́томъ гра́да, и҆ се́ тꙋ жена̀ вдови́ца събира́ющи дровца, и҆ въҙопѝ съҙа̑ И҆лїа, и҆ рече ѐи. принесѝ оу́бо мало воды в' сосꙋдѣ и҆ да пїю. 11. Ї҆иде вҙѧти и҆ въҙопѝ въслѣдъ ѐѧ̀ И҆лїѧ. и҆ рече прїимѝ оу́бо оу́крꙋхъ хлѣба в рꙋцѣ своѐи и҆ да ꙗ҆м'. 12. И рече жена̀, живъ Гь Бъ мои. а҆ще ѐсть въ сокро́вищи моѐмъ что̀. но̀ токмо при́горща мꙋкѝ въ водоно́сѣ, и҆ ма́ло масла въ чва́нцѣ. и҆ се̑ а҆ҙъ събира́ю двѣ полѣнцы. и҆ внидꙋ и҆ сътворю̀ себѣ̀ и҆ дѣтемъ своимъ и҆ ꙗ҆мы и҆ оу́мре. 13. И҆ рече к ней И҆лїѧ̀. потщисѧ вни́ди и сътворѝ ꙗ҆коже рече. и сътворї ми ѿтꙋдꙋ ѡ҆прѣснокъ ма́лъ пре́жде принесѝ ми. себѣже и҆ ча́домъ свои сътвори́ши послѣжде. 14. Ꙗ҆ко тако глеть Гь Бъ Іилевъ водоносъ мꙋкѝ не ѡ҆скꙋдѣеть, и҆ чва́нецъ ма́сла не оу́малитсѧ. до дне дон-

деже дасть Гь дождь назѐмлю. 15. 'І иде жена и сътвори, по глꙋ Иліиноу и дасть ѐмꙋ, и ꙗсть са, и та и чада ѐа. 16. И съсꙋдь мꙋчный неѡскꙋдѣ. и чванецъ масла неоумалиса по глꙋ Гню иже гла рꙋкою Иліиною. 16. Бысть по сихъ и разболѣса снъ господына домꙋ. и болѣзнь ѐго бѣ крѣпка ѕѣло, дондеже изыиде ѿ него дхъ ѐго. 18. И рё къ Иліи что мнѣ и тебѣ члче бжій, вниде къ мнѣ въспоманꙋти неправдъ мои, и оуморити сна моѐго. 19. И рече Иліа къ женѣ, даждь ми сна твоѐго, и взать ѐго ѿ лона ѐа и възнесе й в горницꙋ, идѣже самъ тꙋ почиваше, и положи й на ѡдрѣ своѐмъ. 20. И възопи Иліа къ Гꙋ и рече, оувы мнѣ Ги свѣдѣтелю вдовы оу неꙗже ннѣ азъ пребываю, ты ѡѕлоби ѐже оуморити сна ѐа. 21. И дꙋнꙋ на ѡтрочище трижды и призва Га и рече, Ги Бже мой да възвратится оубо дша ѡтрочища сего вонь й бысть тако. 22. И възопи ѡтрочищъ. 23. И сведе и съ горницы в домꙋ и дасть й мтри ѐго. и рече Иліа виждь ꙗко живъ ѐсть снъ твои. 24. И рече жена къ Иліи, се азъ разꙋмѣхъ ꙗко чл̃къ бжіи ѐси ты, и глъ гнь въ оустѣхъ твоихъ».

Сравнивая библейскій текстъ съ его драматической обработкой, мы наблюдаемъ довольно свободное отношеніе драматурга къ матеріалу. Діалогъ Иліи и вдовы—придуманъ совершенно заново, самый же образъ скорбящей вдовы — обработанъ въ духѣ народно-поэтическихъ представленій о матери-вдовѣ (срв. *Житецкій*, Мысли о малор. думахъ, стр. 69 — 73).

Третья сцена (ст. 155 — 236) представляетъ драматизацію главы 18-й, именно ст. 2—8, 16—20, 23—26, 30, 36—37, именно:

«2. І иде Иліа къ 'Ахавꙋ ꙗвитиса, и бѣ гла крѣпо въ Самаріи. 3. И призва 'Ахавъ 'Авдіа строитела домꙋ, и 'Авдѣи бѣ боꙗса Га ѕѣло..... 5. И рече 'Ахавъ къ 'Авдію. поиди бо проидевѣ на землю на источники водныа, и на вса́къ потокъ, да негли како ѡбращевѣ былїе, и прекормивѣ кона и ѝска, и да не изгинꙋ ѿ ско.... 7. И бѣ 'Авдіи ѐдинъ на пꙋти, И пріиде Иліа на срѣтеніе емꙋ. и 'Авдіи пѡщавса, поклониса на лицы своѐмъ и паде. и рече

аще ты̑ еси здѣ са́мъ Гн҃ мои Илїа. 8. И рече Илїа къ 'Авдїю се̑ азъ ѥсмь иди и повѣждь господинѹ своемѹ гл҃а, се̑ Илїа....»

«16. І иде 'Авдїа противѹ 'Ахавѹ и възвѣсти ѥмѹ, и оускори 'Аха́въ иде на срѣтенїе Илїи. 17. И бысть егда оузрѣ 'Аха́въ Илїю. и рече 'Аха́въ Илїи, аще ты ли еси развраща́а 'Ії҃ла. 18. И ре̑ Илїа не развращаю азъ 'Ії҃ла нѡ ты и до́мъ ѡ҃ца твоего внегда ѡстависте вы Га҃ Ба҃ ваше̑ і идосте вслѣ̑ ваа́ла. 19. И нн҃ѣ пѹсти и събери къ мнѣ весь 'Ії҃ль, на́горѹ Кармильскѹю, и пр҃рки безстѹдныа. ваа́ловы. у҃ и н҃, и пр҃ркъ, ме́рскихъ у҃ и н҃. ꙗдѹщи̑ трапе́зѹ 'Іезавелинѹ. 20. И посла 'Аха́въ въ ве́сь 'Ії҃ль и приведе̑ вса пр҃рки на горѹ Ка́рмильскѹю....»

«23. И рече Илїа дадите ны̑ два юнца и да изберетѐ себѣ ѥдинъ и да растешѹть и на оуды, и възложать на дрова и да не пригнѣта́ть ѡгна и азъ растешѹ юнецъ дрѹгїи. и ѡгна не пригнещу. 24. И да призоветѐ имена богъ ва́ших̑, и азъ призовѹ има Га҃ Ба҃ моего, и той есть Бъ҃ иже аще послушаетъ ѡгне́мъ то̑ есть Бъ҃. И ѡвѣща́ша вси людїе рѣша до́бръ гл҃ъ, иже гл҃а, да бѹде̑ тако. 25. И рече Илїа пр҃ркомъ бе̑стѹднымъ изберѣте себѐ юнецъ ѥдинъ. и сътворите вы̑ пре́жде, ꙗко вы е̑ мно́жаише. и призовѣте имена богъ ваших. и ѡгна непригнѣща́ите. 26. И поꙗша юнецъ. и сътвориша та́ко и призывахѹ има ваа́лово ѿ оутра и до полѹдн҃е. и рѣша послѹшаи на̑ ваа́ле послѹшаи насъ. и не бѣ гла́са ни послѹша́нїа. и растахѹ ѡ жрътве́ницѣхъ иже сътвориша»....

«30. И рече Илїа Θезвитанинъ проро́комъ бестѹдны̑ гл҃а ѡста́нете ѿ нн҃ѣ і азъ сътворю жрътвѹ мою, и оуста́ша и оумлъко́ша. И рече Илїа к людемъ пристѹпите къ мнѣ. 31. Пристѹпиша вси людїе к немѹ. и прїꙗть вı҃ каменїи по числѹ колѣнъ 'Ії҃левъ»....

36. И възопи Илїа на́ нб҃о и рече. Гн҃ Бж҃е 'Авраа́мо Исаа́ковъ 'Іа́ковль послѹшаи мене Гн҃ послѹшаи мене днесь ѡгне́мъ. да днесь разѹмѣютъ вси людїе сїи ꙗко ты еси Гъ҃ Бъ҃ ѥдинъ 'Ії҃левъ и азъ ра́бъ твои и тебѐ ради сътворих̑ дѣла сї. 37. Послѹшаи ма̑ Гн҃ послѹшаи менѐ ѡгне́мъ, и да разѹмѣют̑ вси людїе сїи ꙗко

ты̀ еси є҆ди́нъ Гь҃ Бъ҃ и҆ ты̀ ѡ҆бративъ єси ср҃дца люді́и сихъ въ слѣдъ».

Основною чертою переработки является и здѣсь сильное сокращеніе, что видно не только изъ опущенія совершенно неиспользованныхъ стиховъ 18-й главы, но и изъ обращенія съ стихами непосредственно послужившими для драматурга канвою его пьесы. Какъ выше, Іезавель превращена просто въ «царицу», такъ и здѣсь Авдія — въ безыменнаго «слугу». Нечего и говорить, что могучая поэзія этой главы III кн. Царствъ исчезла совершенно въ драмѣ.

Четвертая сцена разрабатываетъ эпизодъ о царѣ Ахавѣ и Навуѳеѣ (ст. 237 — 284), разсказанный въ 21-й главѣ кн. Царствъ. Авторъ драмы использовалъ и эту главу не полностью, а лишь отчасти: и взялъ основою четвертой сцены лишь стихи 1 — 7, 13, 15 — 16, опять таки добавляя кое что—напр. вступительную рѣчь Навуѳея, и сокращая библейское повѣствованіе. Обратимся къ нему:

1.... Виногра̑ бѣ Навꙋѳеевь і҆и҃льтани́на при гꙋмнѣ 'Аха́вли, ц҃ри Самарѣи́стѣ. 2. И҆ рече 'Аха́въ къ Навꙋѳею гл҃а. да́ждь ми̑ виногра̑ твои. И҆ бꙋдеть ми ѡ҆гра̑ ѕелїю, ꙗ҆ко бли̑ єсть до́мꙋ моє́го, и҆ да́мъ ти виногра̑ и҆́нъ паче сего̀. и҆ а҆́ще ли бꙋдеть не оугб҃но пре̑ тобою. то да̑ ти сре́бро и҆ ꙁмѣнꙋ виноградꙋ твоє́мꙋ, и҆ бꙋдеть ми̑ виногра̑ ѕе́лїю. 3. И҆ рече Навꙋѳей къ 'Ахавꙋ. да не бꙋдеть ли се̑ ѿ Га҃ Ба҃ моє́го да́ти наслѣдїе ѿц҃ъ мои́хъ тебѣ̀. 4. И҆ прі́иде 'Аха́въ в до́мъ свои ꙁасмꙋще́нъ и҆ ѡ҆скрьбленъ ѡ҆ словеси̑ є҆́же гл҃а к не́мꙋ Навꙋѳеи 'Іи҃льтанї и҆ є҆́же рече не да̑ наслѣдїа ѿц҃ъ мои̑ тебѣ̀. и҆ бысть д҃хъ 'Аха́вль смꙋще̑ и҆ оуспѐ на ѡ҆дрѣ свое̑, и҆ покры̀ лице своѐ, и҆ не ꙗ҆стъ хлѣба. 5. И҆ вни́де 'Иеꙁавель жена є҆го к не́мꙋ, и҆ ре̑ кне́мꙋ что̀ се̑ д҃хъ тво́и є҆сть смꙋщенъ, и҆ не ꙗ҆си̑ ты хлѣба. 6. И҆ рече к неи и҆ 'Аха̑, ꙗ҆ко гл҃а Навꙋѳе́ю і҆и҃льтанинꙋ гл҃а. да́ждь ми̑ виногра̑ тво́и на сре́брѣ и҆ а҆́ще хо́щеши да́м ти̑ виногра̑ и҆́нъ в него мѣсто, и҆ рече ми̑ не да́мъ наслѣдїа ѿц҃ъ мои́хъ. 7. И҆ рече к не́мꙋ Иеꙁаве́ль жена̀ є҆го̀. ты̑ ли н҃нѣ тво́риши та́ко ц҃рю і҆и҃левъ. но̑ воста́въ ꙗ҆ждь хлѣбъ и҆ молча бꙋди, а҆ꙁъ да̑ ти̑ виногра̑ Навуѳее̑ і҆и҃льтанина...».

«13. ....і и҆зведо́ша и҆̀ во́нъ и҆з гра́да. и҆ поби́ша и҆̀ ка́менїе и҆ оу҆́мре.... 15. И҆ бы́сть ꙗ҆́ко оу҆слы́ша І҆езаве́ль, г҃лющихъ ꙗ҆́ко побїе́нъ Навꙋѳе́и и҆ оу҆́мре. и҆ рече ʼАха́вꙋ, воста́ни наслѣдꙋ́й виногра Навꙋѳе́евъ і҆и҆ль҃танина, и҆́же не вза́ть ти́ сре́бра. и҆ оу҆́же нѣ́сть Навꙋѳе́и жи́въ нб҃ оу҆́мре. 16. И бы́сть ꙗ҆́ко оу҆слы́ша ʼАха́въ ꙗ҆́ко оу҆бїенъ бы́сть Навꙋѳе́и ʼІи҆ль҃танинъ. и҆ све́рже ри́зы своа и ѡ҆бле-че́сѧ въ вре́ти́ще. и҆ бысть по си́хъ и҆ въста́въ і҆ и҆́де ʼАха́въ въ виногра̑ Навꙋѳе́ѧ і҆и҆л҃танина наслѣдити и҆̀».

Пятая сцена — есть истолкованіе того аллегорическаго смысла, который заключается въ эпизодѣ о Навуѳеѣ — прообразѣ Христа. Здѣсь (ст. 299 и сл.) авторъ использовалъ отчасти моленіе Христа о чашѣ, бесѣду Его съ воинами въ Геѳсиманскомъ саду и веденіе Его на муки. Любопытно появленіе въ этой сценѣ Генія—персонажа хорошо знакомаго школьной драмѣ.

Шестая и послѣдняя сцена интересна потому, что въ ней мы встрѣчаемъ комбинацію, рѣдко попадающуюся въ драматической литературѣ даннаго жанра: сначала комическій выходъ Смерти и Дьявола, пляшущихъ припѣвая, одновременно съ появленіемъ сошедшаго въ Адъ Христа. Пляшущихъ дьяволовъ мы встрѣчаемъ въ цѣломъ рядѣ школьныхъ пьесъ, напр. въ III-мъ актѣ пьесы «Syn marnotrawny», гдѣ дьяволы веселятся при видѣ пирующихъ (*Рѣзановъ*, Экскурсъ, стр. 406).

Наши замѣчанія и параллели имѣютъ цѣну, конечно, только въ томъ случаѣ, если изданная нами драма есть произведеніе оригинальное, а не переводъ или близкое подражаніе пьесѣ латинской или нѣмецкой. Противъ послѣдняго говоритъ, однако, то обстоятельство, что наша пьеса разрабатываетъ нѣсколько иной матеріалъ, чѣмъ упомянутыя въ началѣ статьи пьесы іезуитскаго театра.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ высказать догадку объ авторѣ пьесы. Этимъ авторомъ могъ быть смѣло іер. М. Довгалевскій: рядомъ съ пьесой имѣемъ въ томъ же сборникѣ грамматическія упражненія Кіево-Могилянской коллегіи 1733 г., веденныя подъ руководствомъ этого преподавателя. На томъ же, впрочемъ, основаніи можно было бы видѣть въ этой пьесѣ объ Ахавѣ и Иліи — продуктъ творчества какого нибудь Харьков-

скаго или Черниговскаго педагога; но приписать Довгалевскому эту пьесу позволяетъ общность ея конструкціи съ конструкціей несомнѣнно ему принадлежащихъ «Комедіи на Рождество» и «Властотворнаго образа», вмѣстѣ съ тѣмъ отличающейся по плану и исполненію отъ другихъ пьесъ н. XVIII в. школьнаго происхожденія.

XIX.

Начатки возрожденія бѣлорусской литературы скрываются въ XVIII вѣкѣ. Отъ послѣдняго десятилѣтія его мы имѣемъ памятники, свидѣтельствующіе о томъ, что въ области свѣтской литературы въ Бѣлоруссіи наблюдается то же, что и на Украйнѣ: старыя формы литературы оказываютъ значительную поддержку возникающей литературѣ на народномъ языкѣ: юмористическія вирши, интерлюдіи, въ которыхъ первоначально народная рѣчь употреблялась смѣха ради — становятся хранителями національнаго самочувствія. Мы уже видѣли выше (гл. I) какъ въ іезуитской интерлюдіи въ качествѣ шутовской, забавной персоны выступалъ бѣлорусскій хлопъ, говорившій на своемъ языкѣ. Этотъ языкъ долженъ былъ казаться комичнымъ представителямъ польской культуры XVIII вѣка. Но тѣмъ же польскимъ авторамъ интерлюдіи, создавшимъ этотъ забавный персонажъ — принадлежитъ невольная историческая заслуга сохраненія образцовъ бѣлорусской рѣчи въ темный періодъ ея существованія.

Вотъ почему для насъ представляютъ особый интересъ остатки литературы на бѣлорусскомъ языкѣ, сохранившіеся кое-гдѣ по старымъ школьнымъ тетрадямъ іезуитскихъ школъ. Ниже мы, пользуясь одною изъ такихъ рукописей, ознакомимъ читателя съ польско-бѣлорусской комедіей 1787 года.

Отдѣленіе рукописей Виленской Публичной Библіотеки владѣетъ довольно любопытнымъ сборникомъ въ листъ № 201. Б. 4, содержащимъ рядъ драматическихъ опытовъ кс. К. Морашевскаго, профессора реторики и піитики «Забѣльской гимназіи». Сборникъ написанъ скорописью, на 96 листахъ. На первомъ изъ нихъ — заглавіе:

«Continuatio | operis | Scholastici | patris Caietani | Moraszewski | professoris | Rhetorices et Poeseos | In Gimnasijs Zabialiensis | Anno D-ni 1787, Dec. 24» | .

Изъ этого заглавія можно заключить, что передъ нами лишь часть обширнаго собранія драматическихъ произведеній собранныхъ, а можетъ быть — и написанныхъ о. Морашевскимъ, ибо обычно встарину сочиненіе пьесъ лежало на обязанности преподавателей реторики и піитики, обязанныхъ не только наставлять учениковъ въ теоріи, но и на практикѣ давать имъ образцы, достойные подражанія.

Перечислимъ пьесы, содержащіяся въ сборникѣ Виленской библіотеки, сообщая попутно и argumentum каждой и списокъ дѣйствующихъ лицъ.

1) На первомъ мѣстѣ находимъ пьесу: «Tragedya Wolność w Níewoli», «Treść rzeczy» (argumentum) — такова: «Bellizaryusz, wodz Rzymskich woysk będąc oskarzony o chęć samowładztwa, fałszywym udaniem pochlebców Cesarza a nieprzyjacioł jego, został potępiony na wyłupienie oczu, które straciwszy dla prawdy, którą gromił niekarnych, nieodstąpił jednak jey» (л. 1 об.). Дѣйствующими лицами въ пьесѣ являются: «Justynian Cesarz; Bellizaryusz, wodz 1-wszy; Narses, wodz 2-gi; Athanagoras, Philotas — przyjaciele Cesarscy; Biedoponoski, chłopiec Bellizaryusza». Что касается декорацій и обстановки, то имѣется лишь одно указаніе: «Scena odprawuje się blisko pałacu» (л. 1 об.). Пьеса раздѣляется на три акта, между которыми находятся «intermedia»; но это не забавныя сцены, какъ обычно бывало въ старинной школьной драмѣ, а стихотворныя рѣчи Фортуны, обычно по три шестистишія. Интермедія между 2-мъ и 3-мъ актами — опущена, для нея оставлено въ рукописи чистое мѣсто; число явленій (сценъ) въ актѣ колеблется: въ первомъ восемь, во второмъ тринадцать, въ третьемъ одиннадцать. Пьеса занимаетъ л. 1 об.—13.

2) На второмъ мѣстѣ находимъ «Комедію», о которой ниже будетъ рѣчь особо; это едва ли не самая удачная и оригинальная изъ пьесъ сборника (л. 13 об.—29).

3) На л. 30 видимъ новое заглавіе: «Collecta | nea | M. M. N.D.[1]) | Pietarum(?) et Poetaru | rum in unum Collecta | per me Fratrem | Michaelem Ciecier | ski Professorem Rhe | torices in Con[ven]tu Zabialiensi | Ordinis Praedicatorum. A. 1787». Слѣдуетъ замѣтить, что это заглавіе написано тѣмъ же почеркомъ, что и предыдущей пьесы на л. 1. Въ этомъ отдѣлѣ сборника на лл. 31—49 об. находятся различныя рѣчи, оды, привѣтствія, элегіи, наконецъ нѣчто въ родѣ драматическаго діалога: «Poręka Przyjacielska, czyli sprawa sądowa w dzień św. Tomasza, z Aquinu Z: K: w Roku 1788 marca 1 die».

4) На лл. 50—74 об. помѣщена трагедія: «Sapor, Tragedya w piaciu (sic!) Aktach». Дѣйствующія лица этой трагедіи: «Artaxar, król Perski; Achor, brat Artaxara; Sapor, syn Artaxara; Arsas, xiążę, głowa buntu; Charmion, przyjaciel Sapora, syn Arsasa; Farnabaz, Hetman y Faworyt krolewski; Kleon, przyjaciel Charmiona; Poliklet, komendant portowy; Farmion, Cephis, Orcites — przysiężeni; Euforb, Dworzanin krolewski; Żołnierze».

5) На лл. 75—96 находится пьеса: «Doktor Przymuszony. Komedya w piąciu (sic!) aktach». «Treść rzeczy» такова: «W ustawicznych Bracia żyjąc kłótniach wymysla ieden sposób zemszczenia za odebrane codzienne niemal chłosty nad bratem, lecz ta sztuka sowicie mu się nagradza». Дѣйствующія лица: «Sawalon, miotłowiązca; Marcin, brat jego; Robert sąsiad; Geront, oyciec Lucyndy; Walery, jego domowy; Woytek, podczaszy Geronda; Łukasz, sługa; Leander, amant Lucyndy; Chwiedor, Chłop; Apanas, sąsiad jego». Любопытно, что слуги—Хведоръ и Апанасъ, говорятъ здѣсь испорченнымъ бѣлорусскимъ языкомъ, прочія же лица по-польски. Пьеса, какъ и другія, заканчивается обычнымъ славословіемъ, принятымъ въ учебникахъ и другихъ произведеніяхъ католическихъ школьныхъ авторовъ: «Ad m. D. G. B. W. M. Honorem». Анализъ этой пьесы сравнительно съ ея оригиналомъ — комедіей Мольера «Le medécin malgré lui» сдѣланъ въ спеціальномъ этюдѣ Ант. Сычевской, Русскій Фил. Вѣстн. 1909 г. кн. 3—4 и отд.

1) Четыре буквы, изъ коихъ двѣ среднія сомнительны.

Знакомясь ближе съ пьесами оо. Морашевскаго и Цецерскаго, убѣждаемся въ томъ, что это — опыты старинной школьной драмы, но со слѣдами вліянія новаго классицизма, при томъ скорѣе итальянскаго, чѣмъ французскаго. Своеобразное исключеніе представляетъ комедія, издаваемая ниже полностью: она гораздо ближе стоитъ къ старой, привычной для польской драматургіи — интерлюдіи, чѣмъ другія пьесы сборника: и сюжетъ ея, и языкъ, и персонажи — все указываетъ на ея сродство съ интерлюдіей изъ быта простого народа. Познакомимся съ нею поближе и обратимъ вниманіе на главные моменты развитія дѣйствія.

Мужику надоѣла работа; онъ жалуется на свое положеніе и обвиняетъ во всемъ праотца Адама, не утерпѣвшаго, чтобы не съѣсть яблоко, и этимъ погубившаго весь человѣческій родъ. Является чортъ и совѣтуетъ не бранить Адама, ибо самъ мужикъ навѣрное не удержался бы отъ искушенія попробовать запрещенный плодъ. Онъ предлагаетъ условіе: мужикъ долженъ помолчать нѣкоторое время, если же не сдержитъ условія — чортъ беретъ его душу. Являются различные соблазны, и мужикъ, не выдержавъ испытанія, проигрываетъ закладъ.

Такова несложная схема дѣйствія.

Если мы обратимся къ типамъ, то прежде всего отмѣтимъ традиціонность въ изображеніи мужика: онъ—повтореніе того, что мы видѣли въ Смоленскихъ интерлюдіяхъ и другихъ произведеніяхъ этого рода: многорѣчивъ, глуповатъ, но не безъ хитрости, любитъ выпить. Еврей— также повтореніе типа интерлюдій и юмористическихъ виршъ и пѣсенокъ XVII—XVIII вѣковъ. Чортъ — любимый персонажъ интерлюдій и русскихъ и польскихъ — коваренъ не безъ юмора, но вмѣстѣ съ тѣмъ является персоной нравоучительной; его устами часто высказываетъ авторъ назидательныя мысли. Второстепенныя лица, необходимы только для того, чтобы вызвать нарушеніе мужикомъ обѣщанія, мы на нихъ не останавливаемся. Любопытенъ языкъ, которымъ говорятъ дѣйствующія лица. Чортъ — по-польски; Еврей — тоже, но съ примѣсью спеціально-еврейскаго акцента; Мужикъ — по бѣлорусски, насколько зналъ этотъ языкъ авторъ комедіи. Въ этомъ отношеніи пьеса представляетъ едва ли не наибольшій интересъ, какъ старая запись бѣлорусской рѣчи XVIII в.

Слѣдуетъ отмѣтить, что пьеса писана двумя почерками (второй — съ 16 сц. II д.) и въ зависимости отъ этого въ рѣчи Мужика (Chłopa) наблюдаются колебанія: въ 1-мъ — sie, nie, Djabeł, cieper, już, Paniczenko и т. д., во 2-мъ — sia nia, Djabał, ciaper, juz, Paniczańku (vocat.) и т. д.; во 2-мъ почеркѣ особенно часто писецъ опускаетъ знакъ мягкости надъ согласными.

Если мы всмотримся въ конструкцію пьесы, то замѣтимъ, что это — комбинація старыхъ и новыхъ драматургическихъ пріемовъ. Вотъ почему, не считая её конечно произведеніемъ народнаго поэта, мы все-таки относимъ её къ категоріи пьесъ народнаго, національнаго театра, ибо въ ней тѣже элементы, что и въ старшихъ пьесахъ, ставшихъ достояніемъ широкой массы, большой, но мало развитой аудиторіи, удовлетворявшейся наивной и элементарной трактовкой всѣмъ извѣстнаго сюжета.

Текстъ пьесы приводимъ съ сохраненіемъ ороографіи Виленской рукописи.

л. 13 об.

KOMEDYA

Treść rzeczy.

Chłopowi gdy uprzykrzyła praca, zaczoł narzekać nà swoy stan i na pierwszego człeka Adama; któremu tak narzekającemu ukazał się Djabeł mówiąc do niego: nie narzekay na Adama, bo byś się ty sam nie wstrzymał od pożywania owocu zakazanego, gdyż ty, i teraz nie możesz się zachować w milczeniu, lecz narzekasz; Chłop przyrzeka na jaki czas milczenie zachować, Djabeł idzie znim w zakład o cene duszy, jeżeli nie zachowa, Chłop przegrywa.

Osoby:

Chłop	Niewiniątka
Żyd	Trzey bracia
Djabeł	Pokutujący.

Scena odprawuje się w polu blisko lasu.

Akt 1-wszy.

Scena 1-wsza. Chłop:

Och jak nieszczasliwojo życio majo! Chadzu ja chadzu pieraz caluhenki dzień, aż nohi aniemieli, ruk nie czuwać ad pracy i tapara, a horsz jeszczo ad capa, małaczu ad samych kurey, aż mało szto nie da paudnia jakby sam adzin: prauda, szto i żonka pamahała, da sztoż jeje za rabota, wiedama żanockaja sprawa, ciuknieć kolka razy capom, aż zaraz jeje licho i biereć, to siadzieć, to lażéć, to kolki padapruć tolki czort łoński jeje dusić, a potym jeszcze z homanom i klećboju poydzieć; papytajusia ja tylki jeje: kudy poydziesz? — aż zaraz skazeć: Dzieciey karmić, strawu waryć, a ja jak paczuju, aż jena upiuszy się u karczmie pad łaukaju jak swinia kaczajetca.... A ja sam adzyn jak ciuk, tak ciuk, małaczu aż da potu, a jak świet, aż żonka i tut, użo każeć szto i drou nada nasiecz, choć ty treśni i propadzi z taparom, ad cepa jeszczo nie adayduć, aż tut ad tapara mało szto nie adsochnuć, heta zart; narubay u piecz, u asieć [1]), u Browar, a usio jak adzin tak adzin, Syna perałom udawiu, nieraścieć, a parabka niezaszto naniać. Wot i ciepier u les treba jechać, a nieskim, heta żart, adnamu sosnu spuscić, paszczapać, i na woz, hoć ty treśni, zwalić treba, a prywioższy da chaty i parubać, a usio jak ja, tak ja, pamachczy niekamu. Prapadzi jeno, nieszczaśliwojo zycio naszojo, bo usio jak harawać, tak harawać musim. *E. E. smakuje:* Kap to Adam pierszy nasz acieć niezahraszyu, tak by i my hetak nie pracawalib. Och! Durak ty, Durak, naszto tabie było irwać jabłyk z dzierawa praklatahoʔ prapadzi jeno! kab mnie nie wieleno było, toby ja ani paruchauby a szto horszajo, ani paruchauby: a myb u Raju, jak Pany na ziemli żylib, kłopatu żadnoho niemielib, ab siermiahu tahdyby nie hłapaciliby się i hołyeb u Raju perachadziliby, a ciepier jak siermiaszka zdzieretca, choć ty zhoławy wyidzi, nieatkul uziać, a horsz szto niezaszto kupić, a tut i zima nadchodzić, i wstydno. A ja i szeleha przy duszy nie maju, da

1) Неразборчиво.

Duczysz nie maju! a Pan adnak na toje niehledzić (л. 14 об.) da usio kryczyć; zapłaci, skurwy Syn! zapłaci, wużawa kzou-mużyk! Aha tu! aha tu na ciebie. Adam, Adam, jak ty nas pahubiu. Och kap to ja, ja, ja —

Scena 2-ga. Chłop, Zyd.

Zyd. Niu, na ciebie ciorny hod, chadzil ja, chadzil za taboju, bul dwoycy utwajoy chacie, az ledwo tut ja ciebie znasou; kali ty mnie addasi za harełku?

Chłop. Prapadzi ty, nie maju hdzie ad ciebie padzietca, addam, licho niewozmieć.

Zyd. Usio kazes, sto adjam, adjam, a ja dazdatca nie mahu twayho adjam. Arendu mnie treba ciepier płacić, końco aday.

Chłop za rękę żyda bierze. Nu, Panie arendaru, użo ja tabie szczyro kazu, szto addam, widź że ty wiedajesz dobra, szto ja iłhać[1]) nie umieju.

Zyd śmieje się. Niu i sto ty kaześ i kali ty tahdy adau, kali abiecau? adday kaniecna ciepier, uzo tabie boley wieryć nie budu.

Chłop. Prapadzity z twajeju harełkaju, nie, nie, niebudu nikoli na pawier braci.

Zyd. Biery, nie biery, ichto ciebie prosić, tolki majo mnie ciepier adday.

Chłop. Idzi ty procz ad mienie, wot mnie drou treba rubać, nie z taboju bałakać.

Zyd. Adday ty majo mnie, tak ja i paydu.

Chłop. Nieleź za ty mnie w oczy, ja tabie kazu, boja tabie tut jak zadam, to ty ani pantoflou, ani jarmułak swaich nie pazbierajesz.

Zyd. Niu i sto ty, świnia, nie addajes taho, sto winien? (*smakowuie* tu Zyd, a potym mówi:) Oy, oy, wey mir, gwałt, i jesco łajes się.

1) Въ рукописи въ одно слово.

Chłop. Jdzisz ty ad mienie, idzickoć u chatu maju, a ja drou nasiekszy pryjdu.

Zyd. Niu i hdzie ja ciebie budu sukać, uzo ja i tak mnoho za taboju nahadziu sie, leps ty mienie sukay (*Czapkę chłopowi z głowy zdziera).*

Chłop. Ach ty niechrestnik, Pahański Synu! szto ty mienie czy złodzieja znaszou? *(i zyda chwyciwszy darmo się* (?) *czapkę swoją odbiera, nadto płaszcz z zyda zdziera).*

Zyd. Gwałtu, gwałtu, ratujcie synagogi, maje sorenki, Jeckiele, mackiele moje.

Chłop. Kryczy, kab tabie rażon u horło ulez, kab tabie skulsa (?) horło raztaczyli.

Zyd. Niu i za sto ty zazboynik, corny hod na ciebie, mienie klenies i bjeś się, i sto winien nieaddajes, adday prynaymniej chóc płaszc.

Chłop. Addam tabie tahdy płaszcz, kali ty mnie pryabiecajesz toy douch darawać, szto ja u ciebie napiu.

Zyd. Ale, panie Dziemidzie, pa sumleniu tolka sam padumay, cy mahuz ja tojo skazać, sto ty mnie niewinien, kali ab hetym dauhu maje sorenki, Jećkiele, maćkiele, dauno uzo wiedajuć; ja daruju, sto uzo nie paydu do pana na skargu za tojo, stoty mienie akrwawiu, zabiu, abdzior, jak razboynik u

л. 15. lesie. || *(Tu zmakuje i mowi:)* A za tojob usio u sraku uziau by.

Chłop. Na tabie apańczu, prapadzi ty ad mienie.

Zyd. Cy mnie u chatu twaju iści?

Chłop. A ciebie czy Czort tam pahonić?

Zyd. Widź że ty Kazau mnie pieroz, keb ja u chatu twaju pasou i ciebie cakau.

Chłop. Dobra, dobra, kruci się choć k Czortu.

Zyd. Budź zdarou, dziakuju, sto z dusoju mienie puściu.

Scena 3-cia. Chłop.

Biedny ja biedny czaławiek, wot i żydą czort na moju haławu nahadziu, usiemu hetamu Baćka nasz pierszy Adam winawat;

kap to jon niezahraszyu, to by żyd praklaty, śmierdziuch astatni, mnie w woczy za harełku nie lez by. A jab u Raju szto dzień pa pautarab garca z kwartaju i paławinkaju wypiwauby, i usiob sabie spiewau: Aj, aj, Aju, hoha, hoha, hodzgi dzga! A ciepier bolsz kłopatu, niż picia. Aha tu na ciebie, Adam, Adam! na licho tabie było słuchać żeńszczyny, było tabie jeje wieroukaju, wieroukaju ottak, jak ja swaju czasto swięczu; kab da jeje licho nie prystupiło, tak by i jenab tabie w oczyb nie lezła *(tu Chłop smakuje i mowi daley)*. Ehe, kab to ja byu Taboju, użob ja i Ewie za dau by wieroukaju, och dauby, dauby, a sam u karczmu, day pahulauby. A ciepier choć ty Panie treśni harujuczy, pracujuczy. Och Adamie, Adamie!

Scena 4-ta. Djabeł, Chłop, Żyd.

Djabeł, Za co ty tak srodze na Adama narzekasz?

Chłop. Nieużosz ty, Panie, niewiedajesz, szto z jeho usio na nas licho uzyszło?

Djabeł. Jakie licho?

Chłop. Wot i ciepier mazolicca treba, addychnuć niekali, mała szto krouju nie pacieju, aż pakul nie pakuł kawałak chleba zarablu, zemla użo nie uradżaynaja stała, duzo mnoho nakłapacisz się i naharujesz się, pakul nie urodzić. Usio nam naprociu idzieć, usio na nieszczaście, nie spadziewatca dabra, niszto tak nie udajetca, jak my choczem. Czy paznau ty waszeć ciepier naszuju biedu, a jak że nam na jeho nienarakać i płakać, che, che, che *(płacze tu:)* Och Adam,
л. 15 об. Adam, kap ciebie nikoli bolsz nie wspominau. ||

Djabeł. Ale co temu Adam winien, że go tak często i z użaleniem wspominasz?

Chłop. Ehe! Kali ty waszeć niewiedajesz i nie spytwau jeszczo taho prababać (sic), tak i nie pytaysie.

Djabeł. Ale a, a, a.

Chłop. Idzi procz, każu *(namierza się:)* kap ty skroś ziemli paszou!

Djabeł. Ale a, a, a.

Chłop. Aha tu na ciebie, usio tolki każesz a, a; a kap ty sam paszou da papracawau tak, jak my, nieboy się, ciebieb licho uziełob.

Djabeł. Ale, Panie Dziomka, nie bądź że tak srogim.

Chłop. Adkul ty Waszeć wiedajesz a majim jmeniu?

Djabeł. Przedemną niemasz nic taynego, i dla tego wiem co to jest praca, ale tego się tylko pytam, dla czego na Adama narzekasz?

Chłop. Skażysz ty Waszeć mnie, za szto ty tak czorny, jak Czort?

Djabeł. Krótkom prawda pracował, ale jednak aż szczerniałem.

Chłop. Nie paznau ja, szto ty kazau, dla czaho, dla czaho?

Djabeł. Dla tego, żem nie tak czynił, jak mi nalezało.

Chłop. Da szto da taho należyć, ja i czasto tak nie rablu, jak mnie Pany każuć, adnak ja nie czorny.

Djabeł. Często byłes czarny, tylko żeś siebie nie widział.

Chłop. Szto ty każesz, ja siebie nie widzieu, iłżesz, iłżesz, wot ja tabie każu, szto ty iłżesz.

Djabeł. Ty i teraz czarny, obacz się *(pokazuje lustro).*

Chłop. Prapadzi ty, na szto mnie hetojo zierkało, ja sichodnie iduczy kasić u czystym ruczaju, kali pić zachaciało się, hledzieu sie, adnak nie czorny.

Djabeł. Nie tak, jak należy, na siebieś się patrzał.

Chłop. A jak że tam u czorta?

Djabeł. Oto tak, oto tak *(Około jego skacząc pokazuje znowu lustro).*

Chłop. Niechaczu, niechaczu.

Djabeł. Trzeba z gruntu siebie poznać.

Chłop. Jak że tam należyć siebie paznać? skaży ty mnie.

Djabeł. Niedość jest na siebie patrzeć oczema cielesnymi, lecz trzeba i dusznymi.

Chłop. Moy Dabradzieju, skaży ty Waszeć mnie, czy Dusza majeć oczy, ja wiedaju, szto maju Duszu i Cieło i w haławie

jość dwie oczy; tak u Duszy musić być boley, bo mnie kazali papy, szto Dusza bolszaja jość jak cieło.

Djabeł. Prawda, bo więcey poznajesz, aniżeli widżisz, widzisz tylko jedną rzecz, a z niey i dziesięć wnioskow uczynisz. ||

л. 16. *Chłop.* Ty Waszeć musisz być dużo mudrym, bo kali szto każesz, tak ja i paznać nie mahu. Skaży, ty Waszeć, szto heto za padwiąski, och nie za związki, za związki?

Djabeł. Ja nie mówię związki, dziewochie, ale to jest, kiedy ci z jedney rzeczy poznaney, druga wypływa.

Chłop. Da duszysz, heto prauda musić być, bo mnie czasto krou z nosa pływieć.

Djabeł. Och, nie to ja ci mówię, ale gdy ty widzisz, że żona twoja, rozłożywszy ogień na zgotowanie wieczerzy idzie do ogrodu, pomyslisz sobie, że jej jakiey rzeczy nie staje do przysmaku.

Chłop. Da duszysz, heto zausim szczeraja prauda, ja joy czasto prypaminaju, kap jena mnie chrenu, czosnyku. rećki, cybuli, pasternaku, pietruszki da ahurcou pryniesła.

Djabeł. Otoż znay dopioro, co to jest wniosek.

Chłop. Znaju, ale ty Waszeć moy Dabradzieju, kali ty Waszeć hetak mudry, paradź mnie, jakim sposabam ja maju być bahatym, bo zdajetca, szto ja dość dużo ciaszko pracuju, adnakowa jak nie maju niczoho, tak nie maju. Och Adam, Adam u jekije ty nas hory uwiou!

Djabeł. Co tobie winien Adam, za co ty na niego narzekasz?

Chłop. A jak że nie narekać, kap jeho czort uziau *(bije się w gębę)* adpuści Boże hrecha, widż że ty widzisz, jak ja pracuju, a heto usio z jeho łaski.

Djabeł. Citże, cit, nieskładay na niego winy, ty sam często winnieyszym jesteś.

Chłop. Adkol ty znaszousie u licha hetaki Patron, wiedama niet, ja znaju, szto jon mienie u hetojo licho uprawiu i usiech nas mużyczkou paieu (?).

Djabeł. Jakim sposobem?

Chłop. Och! jekiż ty wieliki durak! *(smiejąc się mówi:)* a zawiązkach mnie hawaryu, a hetaho nieznajesz.

Djabeł. Ja znam wszystko, jednak chce wiedzieć, jakim ciebie sposobem Adam zgubił.

Chłop. Wot jak zarwau jabłyczak z dzierawa praklatoho, tak i sam praklatym zastau, i nas praklatymi paczyniu. Och, kap ja tahdy na jeho mieyscu byu, tak by ja nikoli taho nie uczyniu, prapadzi jeno.

Zyd (wychodząc krzyczy). Dziomka, Dziomka, hdzie ty u licha zchinuu, a ja... *(chce daley mówić, potym postrzegłszy Djabła, przeprasza go mówiąc)* Wybacz WMPan, że ja WPa nie widziauszy na Dziomkę krzyczałem, bo on mnie winien.

Djabeł (do Żyda). Żadney mnie przez to Krzywdy nieuczyniłeś.

Zyd (kłania sie), a —

Djabeł (*ręką macha na niego, tymczasem mówi do Chłopa:*) Nieznasz, co gadasz, ot ty mnieyszey rzeczy niezachowasz. ||

л. 16 об. *Żyd*. Dziomko, pytay sie jekoje.

Chłop. Smierdziuch, paszou ty won, ja bez ciebie z hetym Paniczkom razhawaru się.

Zyd. Da nu ty, durak, pytay się jekoje.

Djabeł im przypatruje się.

Chłop. Da użosz papytaje sie,— —och, och, zabyu się, prapadzity. Ehe, ehe, jekoje ty, Paniczok, kazau reczy?

Djabeł. Oto nie wytrzymasz, gdybyś nic nie mówił, ani pisnał przez godzinę.

Zyd. To prawda, co WPan Dobrodey mówis.

Chłop. Idzi procz, śmierdziuch, ja nie wycierplu kalí tabie u mordu dam, a szto mauczać bez ciebie patraflu.

Djabeł. Nie potrafisz.

Chłop. A zakład chadzi za mnoju.

Djabeł. Dobrze, o jaki zakład?

Zyd (*na stronie mówi*). Day Boh Dziomku wyhrać, toby maie zaraz za harełku zapłaciu!

Chłop. Ty, Waszeć, mnie dasi sto Rubley, kali ja dacierplu.

Djabeł. Dobrze, dobrze, dam i dwieście i trzysta.

Zyd (*znowu na stronie*). Och, och, jeki jon wieliki budzieć Pan, kali hubu zasyjeć.

Chłop. Pod sumleniem tolki kazysz, Waszeć, szto addasi.

Djabeł. Tak jest: ale kiedy ty niedotrzymasz, to co będzie?

Chłop. Tahdy ja twaim budu paddanym.

Djabeł. Dobrze, dobrze.

Zyd. Dziomka, skarey perebiwaycie ruki.

Chłop. Day że ty Waszeć na tym mnie ruku, szto kali ja dacierplu, hroszy mnie addasi.

Djabeł. Pamiętay że, że moim będziesz poddanym. (*Daje Chłopowi rękę*).

Chłop. Panie Arędaru, perebiy Waszeć nam ruki.

Zyd. Day Boh, Dziomku wyhrać (*Tu przebija im ręce*).

Djabeł. A czy wiesz, kto ja jestem?

Chłop. Nie wiedaju.

Zyd. *Przypatruje się.*

Djabeł. Jestem Djabeł (*i płaszcz z siebie zrzuca*).

Zyd (*uciekając* (?) *i walając się krzyczy*). Gwałtu, gwałtu.

Chłop chce uciekać, Djabeł za rękę trzyma, Chłop trzęsie się.

Djabeł. Jezeli nie dotrzymasz zakładu, duszę twoją wezme do piekła, ato bez żadnego pardonu, pamiętay że na to.

Chłop. Ach, ach, da szto tut mnie rabić, da użosz, Panie Djabłe, datrymaju, datrymaju.

Djabeł (*odchodząc mówi*). Patrzay że.

Zyd (*z... parawanow* (?) *do Chłopa*). Dziomka, na tabie ihołku, zasyi hubu sabie.

Scena 5-ta Chłop. ||

л. 17. Nuż papauże ja załazytca... Och. kap ja wiedau, hto jon jość, nie aszukau by tahdy jon mienie, a ciepier i rady sabie dać nie mahu, szto maju rabić? Adnak, zakład datrymać treba, bo z Djabłem zartować nie patraflu, aszukau że jon mienie. Kab to można było, adrok by się i zakładu, da jon nie adstupić. Wot

bieda, nie a ciaszkuju to prauda recz tut idzieć, mauczać zdajetca patraflu, hetaz nie wielikaja recz pieraz hodzinu mauczać. Ja na poru pieraz caluhenki dzień mauczu, kali u polu rablu, tak mnie nieciaszko budzieć zakładu dadzierżać; da jakże użo dadzierżu, tak budu mieć sto rubley, a może i boley, jak jon sam kazau; tahdyż ja sabie statku nakuplaju, Panu szto winien addam, i jeszczo na harełku z maładźby idzia napitca zastaniecca. Arendar tahdy nieskażeć, szto nie dam. Och, kap jon tahdy skazau, szto niedam, to by ja jeho u mordu, u mordu, abo adnoju rukoju za peysachi, a druhoju pakazwau by hroszy, tahdyby jon byu dla mienie lepszy (*pokazuje mówiąc jakby bił żyda*). I susiedzi tahdy budnć mnie kłanietca, kali abaczuć, szto ja bahaty. A Harasim, choć moy wieliki niepryiaciel, adnak spadzieju się, szto budziec kłanietca, kap ja tolki jemu na czynsz hroszy pazyczyu, da niet, nie warwieć, zjeść czorta — niedam — — niedam, choćby izjeu, niechay rozumu nauczycca... I Djabła użo czort niesieć, treba hubu zatykać, użo musić być taja hadzina.

Scena 6-ta. Djabeł, Chłop.

Djabeł. Już sie zbliża czas, byś twoje wykonywał przyrzeczenie, godzina wraz uderzy, od tey zaczniesz twoje milczenie.

Chłop. A czy skoro?

Djabeł. Oto wraz, pamiętay że, żebyś się dobrze zachował w przyrzeczeniu swoim; ja ci sto rublow i więcey bez wątpienia oddam, nadto jeszcze przyrzekam tobie, iż corocznie będę ci dawał, kiedy dotrzymasz.

Chłop. Dacierplu, bo hubu pakulem u dzioheć pamaczyusky zatkaju.

Djabeł. Nie potrzeba, ty tak przez godzinę wytrzymay w milczeniu.

Chłop. Wytrymaju, da duszysz, wytrymaju, szto heto.

Djabeł. A kiedy nie?

л. 17 об. *Chłop.* Tak dusza twaja budzieć.

Djabeł. Patrzay że, ja ciebie ostrzegam, że byś potym na mnie

nie narzekał, bo jak nie dotrzymasz zakładu, ja ći pardonować nie myślę.

Chłop. Ja tabie każu, szto dacierplu, dacierplu, czaho ty choczesz ad mienie.

Djabel. Słuchay, że jak godzina uderzy, że byś zaraz umilkł.

Chłop. Bez twaje kazki ja heto wiedaju, idzi sabie procz.

Djabeł. Patrzay że *(odchodzi).*

Chłop. Dobra, dobra.

Scena 7-ma. Chłop.

Wot ciepier abaczym, hto kaho peremożeć; jon kazeć szto mienie woźmieć da piekła, kali mauczać nie budu, a ja każu szto jon i z rodem swaim niedażdzeć, bo ja hatou sabie hubu na kałutku (?) zamknuć; ale prauda prypaminaju sabie, na szto mnie tyje kałotki, na szto tyje pakule z dziochciem; wot kali zachoczacca hawaryć, tak ja rukoju hubu zatkaju, wot hetak *(pokazuje);* abaczym, szto jon mnie tahdy zrobić, a kończo wyhraju sto rublou, wot tahdy mnie budzieć dobra. (*Siada, godzina bije. Cit, cit, na migach pokazuje*).

Scena 8-ma. Chłop y Niewiniątka.

Pierwsze Niewiniątko. Już też wzywa nas Bog do chwały swojey, już się cieszyć z nim będziemy na wieki.

Drugie. Ale jak że weydziemy, kiedy tak wysoko?

Trzeycie. Obmyśli Bog sposob, abyśmy weszli.

Pierwsze. Patrzcie, patrzcie (*z radością mówi widząc że się drabina spuszcza*). Oto spuszcza się już drabina.

Drugie. Toć musi być droga do Nieba, ale jak po niey iść.

Trzeycie. Oto tak *(same tylo nogi stawiąc na szczeble niedotykają[c] [1]) się rękoma).*

Pierwsze (*odpycha*). Nie tak, ale tak (*na ręku sie wiesza bez pomocy nog*).

Chłop tu passyonuie, żżyma się.

Drugie Niew. przełazi przez szczeble.

Chłop passyonuje, pokazuje na gestach jak włazić.

Niewiniątka probują po kilka razy, ale nie potrafią.

Chłop (*nie wytrzyma i porwie sie i mówi:*) Wot hetak treba leść, wy nieumiejecie, a baczycie jak ja zaraz ulezu da Nieba, (*Chłop jak tylo za drabinę weżmie się i nogę postawi, drabina w górę wciągnie się, a Chłop spadnie, niewiniątka z żalem odeydą.*

Scena 9-ta. Djabeł i Chłop.

Djabeł (*wyskoczywszy Chłopa porywa i ciąga*). A przysięga gdzie? Przyrzekłeś, że będziesz milczał, poszedłeś w zakład, a oto niedotrzymałeś; ja ciebie teraz do Piekła poprowadzę (*ciągnie, Chłop wstaje*).

Chłop. Moy ty naymileyszy Dabradzieju, prapraszaju, wybaczay mnie, bo hetye błazny da astatnieje złości mienie uwieli, czy im Boh rozum adabrau, czy szto u czorta, jak im niepaznac taho, jak leść treba pa drabinie (*trzęsie się i kłania się*).

Djabeł. A co to do ciebie należalo, wszak ty tylko milczeć powinieneś był, bo taki nasz jest zakład.

Chłop. Da jak że było ścierpieć, kali aż u złość ustupiu. (*Kłania się*).

Djabeł. Co mi do tego, ja mam prawo do ciebie, tyś moy.

Chłop (*klęka i ręce składa*). A Dabradzieju, dadaruj że ty, Waszeć, mnie, użo papraulu się.

Djabeł. Niemożna, taka była nasza umowa.

Chłop. A Paniczenku, a budźże łaskau.

Djabeł. Widzisz, jak niesłusznie narzekałeś na Adama, kiedy ty dopioro jeszcze gorzey zrobiłeś.

Chłop. Da, znaju tojo, tolki pozwol jeszcze choć troszaczki, a użosz budu mauczać.

Djabeł. Mam wzgląd na twoją ułomność, pozwalam ci na czas jaki frysztu, ale patrzay, żebyś znowu jak ci przykaże milczenie, ściśle zachował, bo ci drugi raz już nie daruje (*Chłop kłania się; Djabeł odchodzi*).

Scena 10-ta. Chłop.

Wot u jakuju ja biedu ulez, chwaroba tych błaznow na maju hoławu pryniesło, woch jakije jeny duraki, nadra binu chacieli uleść to adnymi nahami, to adnymi rukami, to wieszali się; licho wiedajeć, szto jeny rabili, a ja baczyu szto dużo pryhożo zhary niechto ich prasiu, da jak że było mauczać, choć treba było, bo ja paszou u zakład, ale ja tahdy i zabyu sia, jak mienie u złość uwieli; niechay że budu na druhi raz astarożnieyszym, zjesi ty licha, Panie Djable, kali mienie boley aszukajesz. Kap ty ciepier i niedzwiedziou na mienie spuściu, to użo budu mauczać. Ciepier jeszczo schadzu da domu, pakul taja para nie pryidzieć; treba abaczyć, szto tam dziejetca, rabotku jekuju sabie zahadać, a uzad potym siudy pryści, hetyje sto rubley muszuć taki maje być kończo (*odchodzi*).

л. 18 об.

Akt Drugi.

Scena 1-wsza. Chłop.

Szto heto jaść takojo? (*ogląda się*). Zdajetca szto tojoż samojo mieysce, a ciepier użo admieniłosie tak borzdo. Da czaho ja dziulu się, szak (sic!) hetamu Panu Djabłu niczoho nietrudno, musieu ja trochi douho zabawitca. Czy nie byu jon użo tut? czy nie biła uzo hadzina? Prauda, kap była użo para, znaszou by jon mienie; musić być, szto niet jeszczo toje pary, paczakaju ja tut trocha, hdzie maju chadzić; kali pryidzieć, tak dobra, ale wiedaju, szto pryidzieć, bo jemu duzo Duszy maje choczecca.——Nie, nie, choć sabie i łby i haławy paukruczwajuć lezuczy na drabinu, uzo ja im nie pakazu, jak leść, nie, druhi raz mienie nie aszukajuć. Ja ciepier, jak para pryidzieć, waźmu sie za tupy (?) a dzierżać mocno budu: choć i chacieć budu szto hawaryć, to nie budu machczy. Raz udała sie sztuka, druhi raz nie zautra (?) mienie padmanuć. Dzierży sie, Dziemidzie, dzierży się, nieboże. Oy budu, budu, nieuchopić użo ciepier, zjeść czorta. Nu sztoż dziełać? użo stało się, na druhi raz budu ostorożnieyszym, ciepier usie abaczuć,

jak ja budu mauczać. Wot hetak naprymier (*bierze się za wargi i trzyma*). Choć chacieło sieb szto hawaryć, tahdyb hetak (*znowu siebie zatrzymuie*).

Scena 2-ga. Żyd, Chłop.

Zyd. Dziomka, skazy ty mnie, jak ty ad corta adkasnuusie.

Chłop. Och, kap ty iz czortom razem propau, tahdyb ja smiejausie.

Zyd. Da niu Dziomka, skazy ty mnie, cy wyhrau ty?

Chłop. A tabie szto da taho, czy ja wyhrau, czy nie.

Zyd. Ja dla taho pytajusie, kali ty wyhrau, tak ty mnie za harełku zapłaci.

Chłop. Nie boysie, czort nie waźmieć—zapłaczu, ale abaczym, czy wazmiesz i czy zachoczesz maje zapłaty.

Zyd. Czamu nie, adday tolki.

Chłop. Czort za mienie tabie mieu zapłacić.

Zyd. Ja niechacu, kap mnie cort płaciu, ty sam mnie zapłaci.

Chłop. Da nie budź że ty durakom, jon zaraz zapłacić.

Zyd. Nie chacu ja, nie chacu, kap jon płaciu, ty sam mnie zapłaci.

Chłop. Użo ja jeho prasiu i jon mnie pryabiecau tabie zapłacić, a wot i jon z hroszmi idzieć.

Zyd. Hdzie, hdzie? (*trzęsie sie*).

л. 19. *Chlop*. Wosieka, wosieka (*na tę stronę ukazuje, zkąd Djabeł wychodzi*); *ulakszy sie*—

Zyd krzyczy. Gwałtu, gwałtu (*i rakiem ucieka*).

Chłop. Arendar, arendar, waźmi hroszy.

Scena 3-cia. Djabeł, Chłop.

Djabeł. Już się zbliża umowina (sic) godzina, przez ktorą milczeć powinieneś; darowałem ci raz, już się drugi raz niespodzieway: twoje te narzekania na Adama niepozwalają mi, abym ci drugi raz darował, wszak wiesz, że on raz tylko zgrzeszył, a pokutował przez całe życie, i ponim cały narod ludzki, i ty się z tego regestru niewyglozujesz: nie narzekay

przeto na Adama, ale na siebie, bo ty gorszy jesteś; ty do uszczęsliwienia twego wiecznego mając przepisane reguły, według nich niezachowujesz się, ty niemiłujesz Boga i bliźniego, choć to jest pierwsze i naymocnieysze przykazanie, na którym się całe wasze, zasadza uszczęsliwienie i na którego zachówaniu los wasz wszystek zawisł; ty tego nie zachowujesz, szemrzysz przeciw Bogu, którego ja choć odrzucony uznaje za Boga, a ty go chwalić niechcesz w czasie, który ci wyznaczony jest do wysługi.

Chłop. Da ja heta Maspanie znaju, da kaliż czort zwodzić.

Djabeł. Jak że ty możesz mówić, że Djabeł zwodzi, kiedy ja cię od tego odwodzę?

Chłop. Może Waszeć adzin tak patściwy, a inszyje nietakije.

Djabeł. Zkądże ty to wiesz?

Chłop. Z prykazki.

Djabeł. Z jakiej powieści?

Chłop. Widź, u nas kažuć, szto Djabli jość wielikije pužała.

Djabeł. Prawda, bo tych straszemy i tym jesteśmy straszni, którzy na to zasługują.

Chłop. Kažuć jeszczo, szto usie hitryje, jak sabaki.

Djabeł. Na chitrość waszą musiemy i my być chytremi.

Chłop. Kažuć, szto usiech nas choczuć mieć u piekle na pieczonku sabie.

Djabeł. Co to to zgadłeś, bo pociecha jest nędznym mając uczęstnika, ale ty tym czasem słuchay dobrze, bo wraz godzina uderzy, patrzay że abyś milczał, już ci drugi raz nie daruje.

Chłop. Użo mienie ciepier chłopcy nieaszukajuć.

Djabeł. Ja tobie nie o chłopcach mówię, ale o milczeniu.

Chłop. Tak dobra, jaž kažu, szto budu mauczać.

Djabeł. A kiedy niedotrzymasz, to już może niedaruje.

Chłop. Dadzieržu, dadzieržu, hetož nieciaszkaja recz maucząć.

Djabeł. Patrzay że, jak godzina uderzy, żebyś milczał.

Chłop. Budu hledzieć, dobra, dobra (*kłania się*).

Djabeł. Pamiętay, że nie z chłopcami bedzie tobie sprawa.

Chłop. Niechay jeny pracham payduć, czort ich znau, czaho jeny chacieli da tyje użo błazny mia [1]) boley nie aszukajuć; szczaścia ich, szto raz im ųdało się. ||

л. 19 об. *Djabeł.* Patrzay że, bo dusza twoja będzie juz moja.

Chłop. Kap ty niedażdau (*i pluje z pogardą*).

Djabeł. Patrzay że, ja cię już to drugi raz ostrzegam, żebyś na mnie nie narzekał.

Chłop. Nie daczekajesz ty z rodem twaim.

Djabeł. Ey, nie dufay tak wiele sobie.

Chłop. Nieboy sie; nie budzieć tak druhi raz jak było, budu ja szupnieyszy (sic) ciepier; choćby i sotnia błaznou pryszło, to nie aszukajuć, bo i huby nie raziaulu (*tym czascm poziewa*).

Djabeł. Milcz że, bo zaraz godzina uderzy.

Chłop. Nieboysie, wot i ryzinaju zaraz zatkaju hubu (*zatyka*).

Djabeł. Patrzay że, bo będziesz nieszczęśliwy (*odchodzi*).

Chłop. Szto, szto ty każesz, Panie Djable — — (*ręką macha*) kruci się choc k czortu.

Scena 4-ta. Chłop.

Wot druhi raz bezjezykim treba zrabitca dla zakładu. Och. kap ja jeho nikoli nieznau, wot zahraszyu, zachacieło sie sto rubley; mnie zdało sie, szto małaja recz mauczać, a ciepier jak ja paznau, z kim ja u zakład paszou, y usie jeho figle jak użo abaczyu i paznau, czaho jon ad mienie chocześ, tak i dużo Dusza maja trasietca markotnaja, choć ja niebajusie, wiedaju, szto dacierplu mauczać, choćby ciepier tyje błazny i haławy sabie paukruczwali.

Scena 5-ta. Chłop, Żyd.

Żyd. Dziomka, a Dziomka, ja znaju, szto ty dużo markotny, skazy ty mnie, jak ty ad Djabła adkasnuu sie?

Chłop. Nie lez że ty mnie w oczy, mnie i tak użo na Duszy usiako [2]).

1) Въ рукоп. исправлено изъ mienie, *nie* отчасти стерто, а въ *mie e* передѣлано на *a*.

2) Sic. Можетъ быть, слѣдуетъ исправить: «nijako?»

Zyd. Da niu Dziomaczka skazy, a sto tabie?

Chłop. Da nie sto, adna da lichaja, wot i żywot balić i usiemu ledajak i haworyć niechoczeçca, idzi ty sabie procz.

Zyd. Czy nie napjes się ty harełki?

Chłop. A czy majeż ża ty tut?

Zyd. Ja ciepier pa sieubawanym jeżdzu, jesco zastało się trosacka, wot tut i koń moy za leskom staić.

Chłop. Ach, zmiłujsię, panie Arendaru, pakrapi ty mienie.

Zyd. Zapłaci ty za tuju harełku, ták ja tabie dam.

Chłop. Panie Arędaru, pawier że ty mnie, zmiłujsię (*kłania sie*), choć hetat razok, a ja prysiehaju, szto za puudnia z haści(ń)czykam tabie addam, tolki z Djabłem zakończu.

Zyd. Day że ruku na tym, szto ty sam mnie addasi, a P[a] Djabla nie budziesz prasić.

Chłop (*podaje rękę i mowi*). Wierno i szczyro tabie jak kazau, tak i kążu.

Zyd. Cy hnausie tahdy za mnoju Djabeł, jak ja uciekau?

Chłop. Chacieu hnatca, da ja niepuściu. Da dayże mnie harełki, day.

Zyd. Oy, jak ja napuzausie, i dusy u mienie nie było. ||

л. 20. *Chłop.* Arendar, da idzisz ty pa harełku.

Zyd. Da skazys ty mnie, jak ty jeho udzierzau?

Chłop. Nie użo, dosyć mnie z taboju bałakáć, nie dasi ty mnie harełki, zaraz świsnuż ja na czorta, a jon prybieżyć zaraz, da daść że tabie, daść. (*Chce gwizdać*).

Zyd. Nie zawi, nie zawi, ja zaraz pryniesu (*odhodzi*).

Chłop. Nie boysież. Och! jak jon baitca Djabła, zaraz jon tut harełki mnie pryniesieć, użosz tahdy napiuszy się aszukaju i czorta. Czy nie kazau ja, szto jon budzieć bawitca. (*Żyd niesie butelkę*).

Zyd. Na, na, na, tolki corta nie zawi.

Chłop. Nie budu, nie budu (*pije*).

Zyd. Zmiłuy sie, zmiłuy sie.

Chłop. Czaho ty czorta bais sia, ja tabie każu, szto nie boy sia, a tak u zakład z nim idzi jak ja.

Zyd. Niechacu, niechacu.

Chłop (*pije i butelkę oddaje*). Dziakuju.

Zyd. Hto heto słuhajeć, cy nie Djabeł idzieć?

Chłop. Może i jon.

Zyd (*trzęsie się i ogląda sie*). Oy, oy, oy.

Chłop. Nie trapieczy sie (*za płaszcz żyda bierze*).

Żyd. Puści, puści, paydu, paydu.

Chłop. Panie Djable, da idzi siudy (*za parawana stuka*).

Żyd. (*wydrze sie i uciekając krzyczy*). Oy, oy, oy, wey mir, corny hod na tabie.

Chłop (*smieje sie*). Och, jaki Żyd durak vsamu (?) ja Djabła niebaju sie, a jon aż trasietca, mało szto nie urobitca.—A wot i czort idzieć.

Scena 6-ta. Chłop, Djabeł.

Djabeł. Uważay, bo zaraz godzina uderzy, a jak skoro uderzy, tak zaraz bez naymnieyszego omieszkania bać (brać?) się powinieneś do wypełnienia zaprzysiężonego obowiązku.

Chłop. Dobra, dobra. Ale zyd ciebie baitca.

Djabeł. Tu nie o Żydzie sprawa, ale pamiętay, że ja tobie mowiłem, żem ci raz darował, bądź pewen, że nie będę drugi raz tak grzeczny dla ciebie, strzeż się, ja cię ostrzegam, nie będziesz mógł potym mówić, że Djabeł mnie zwiodł, kiedy ja cię oczewiście przestrzegam; patrzay byś to zachował, już ja cię przestrzegać więcey nie będę: pamiętay na moje przestrogi. (*Odchodzi*).

Scena 7-ma. Chłop.

Da duszyż, nie wiedau ja i nieczuu ab tym, kab Djabeł byu tak patściwy; (л. 20 об.) wot jon sam mienie nauczau, jak treba być astarożnym, a da ciepier wiedaju ja a tym, szto jon usiech nas choczeć mieэ u piekle, wot ciepier zhadać niemożna, szto jemu u czorta stało się, szto jon mienie tak napaminau, tak napaminau, szto i papy lepsz na spowiedzi nie buduć napaminać. Aha, musiuć być i Djabły dwajakoho rodu, adnyje musiuć być dobroho, a druhije

ledasztoho; hetyi musić być z rodu dobraho. Ach, ja zabałakausia, a może użo biła hadzina, da trebab byłob czuć, kap biła; nie, — nie—niespadziewaju sie (*nadstawuje ucha*). Da czort usiudy majeć zaharki, może jon u bałocie hdzie i tut kinuu jeki; kap ja wiedau i czuu, jak pierszaho razu, tolki chwaroba jeho wiedajeć, hdzie jeho kładzieć, jab zaraz ukrau, da jon tak mudro chowajeć. jak naszyje Pany hroszy chawajuć, ukraść nielzia; tak jon swoy zaharek musieu zchawać (*bije godzina*). Cyt, Cyt.

Scena 8-śma. Trzey bracia: Alexander, Kleofas i Zozymas.

Alexand. Bracia naymilsi, wielkośmy ponieszli szkodę z vtraty naymilszego oyca, który nam był przewodnikiem do wszelkiego dobrego.

Kleofas. Prawda, naymilszy braciszku, tylkoż między nami mówiąc, był barzo srogi.

Zozymas. Ta srogość jego niewiodła nas do złego, lecz odwodziła nas od tego, co się nam niegodzi, a wiodła nas do zachowania tego, cośmy powinni.

Kleofas. Tylkoż————prawda, że to wszystko było dobrze, ale tylko trochę nadto.

Alexand. Może się tobie, braciszku, wydawać, że to nadto było, a nam wczas zdawało się być.

Kleofas. Boście wy też barzo pochlebiali oycu.

Alexand. Niemożesz tego mówic, aleśmy tylko rozkazy oyca pełnili.

Kleofas. Wszak i ja nie sprzeciwiałem się, owszem zawsze pełniłem.

Zozymas. Aleś nietak pełnił, jak ociec chcial, ty zawsze przeciwnie oycowskiey czyniłeś woli. Ociec chciał, byś milczał, a tyś na całą budowlę krzyczał; ociec chciał, byś klęczał, tyś aż gwałtem przymuszony ledwo to wykonał, a czy to dobrze? Czy dowod synowskiey ku oycu rewerencyi? Ja młodszy za WP[a], a tyle znam że rodzicow szanować i ich

rozkazy pełnić trzeba, a WPan starszy za mnie tak opacznie w tey mierze trzymasz, i tak mogę mówic, że bezbożnie o Oycu naszym nieboszczyku trzymasz.

Kleofas. Cóż tedy robić? Znam ja to wszystko, ale młodość temu wszystkiemu winna.

Zozymas. Ja wszak młodszy jestem za WP^a^, a czemuż ja przeciwnego WP^a^ jestem zdania.

Kleofas. Bo WPan w oycowskie wstempujesz ślady.

Zozymas. Cieszę się z tego, że nieodrodnym oyca mojego nazwać się będę mogł Synem.

Kleofas. A ja czy odrodek jestem?

Zozymas. Kiedy tak prętko po smierci już oyca znać niechcesz, pewnie że odrodek jesteś.

Kleofas. Zkądże ci to przyszło, młody jeszcze jesteś, zebyś brata starszego nauczał. ||

л. 21. *Zozymas.* Ja nie nauczam, ale tylko prawdę mówię.

Kleofas. Zkądże to tobie przyszło?

Alexand. Cicho, Kleofasie, mnie, starszego brata, słuchać powinieneś na mieyscu Oyca; urażasz się, że ci brat młodszy prawdę mówi, a czy rostropny i rodzicow kochający syn tak postempować może?

Kleofas. Cóż ja złego mówiłem?

Alexand. A cóż i dobrego? czy nieprawdę brat nasz młodszy Zozymas mówił?

Kleofas. Cóż ztąd?

Alexand. Oto żebyś się lepiey upokorzył i wyznał, żeś był nieraz przyczyną oycu alteracyi i żałości.

Kleofas. Co do tego zwyczaynie młody i wesoły.

Alexand. Ale ta twoja wesołość odeymowała oycu zdrowie.

Kleofas. Co za przyczyna, w jaki sposob?

Alexand. Oto ta, widząc ciebie niekarnego, widząc że jego rozkazy lekceważysz, że nieposkromiwszy swych namiętności gdy podrośniesz, wylejesz sie na wszelkie złe, a tak bedziesz

ohydą naszey familij, ta to jest przyczyna śmierci nieboszczyka naszego oyca.

Kleofas. Już to się stało, odstać się nie może, zebyś ty braciszenku i tysiąc dopioro dawał przestrog i reflexyi, już tym oyca niepowrócisz so życia, darmo, już z grobu nie powstanie; przeto nie traćmy czasu, a idzmy do skarbcu, abyśmy się podzielili. Ale co to za człowiek siedzi i czego on chce?

Scena 9-ta. Ciż sami i Chłop.

Kleofas. Kto ty jesteś, moy człecze?

Chłop kłania się, nic nie mówiąc.

Kleofas. Ale mów że mnie, kto ty jesteś? czyi ty poddany?

Alexand. A może i wolny.

Kleofas. Co to do tego, ja tylko chce wiedzieć kto on. Ktoż ty jesteś? (*Chłop kłania sie*). Ale mow że.

Zozymas. Musi on być niemy, czego się mu naprzykrzasz.

Kleofas. Powiedz nam, po co ty tu przyszedłeś.

Chłop na gestach ukazuje, że nie może rozmawiać.

Alexand. Tak to jest, że niemy; ale bierzmy się do swojey roboty, obaczmy, wiele tam skarbu znaydziemy.

Kleofas. Wiele... wiele... już więcey nieznaydziemy jak jest.

Zozymas. Ale tylkoż nie traćmy nadaremno czasu.

Kleofas. Kiedy tak czasu żałyjesz, to idź od nas precz.

Alexand. Tobie się bałamucić chce, a wiesz, że prętko te rzeczy zakończyć potrzeba, nim Kredytorowie oycowscy nadeydą.

Kleofas. Cóż mają do nas kredytorowie oycowscy?

Alexand. Prawda, że nie do nas, ale do rzeczy oycowskich.

Zozymas. Jak to rzeczy? Wszak wszystkie do nas należą, jako do synow. ||

л. 21 об. *Alexand.* Prawda, i ja tego chciałbym, żeby wszyscy toż samo z nami mniemali, ale kiedy, powiedzą, rzeczy nieboszczyka do was należą, więc i długi, które opłacić powinniście.

Kleofas. To znowu byłaby ceremonia niegrzeczna.

Alexand. Ja toż samo mówię.

Zozymas. Mnieysza oto, to prawda, co Pan Alexander mówi, wiemy o długach, wiedzięć też powinniśmy o ich zapłaceniu.

Kleofas. To prawda, ale czego ten człowiek tu siedzi?

Alexand. Co tobie do tego człeka, bierzmy się do dzieła, idzmy.

Kleofas. A kiedy tak, to już idźmy.

Zozymas. Kto z was pierwszy weydzie?

Kleofas. Zwyczaynie pan Alexander, jako starszy. (*Chce wchodzić Alexander, ale nie może*).

[*Alexander*]. Ale jakże tu weyść kiedy niemożna?

Kleofas. Kiedy nieznasz, to się nie porywąy... Prawda niemożna.

Zozymas. Ja poprobuje, może się wy barzo objedli, a zatym pogrubieli, ja zaś dziś malo co jadłem... Prawda niemożna, jakże to nasz ociec tu te skarby wkładał?

Kleofas. Musiał on szczura mieć wyuczonego, który mu to wszystko poprzenosił.

Alexand. Nic te bałamuctwa nieznaczą, muszę ja koniecznie wleść (*Chłop passyonuje ustawnie*).

Kleofas. Nic, darmo nie weydziemy, trzeba ścianę przełamać (*Chłop i śmieje sie i złuje na nich*).

Zozymas. To ja poydę po człeka, ktory wyłamać potrafi.

(*Chłop passyonuje i gestami pokazuje, że nietrzeba człeka, można tak weyść*).

Alexand. To ty się długo zabawisz, a wiesz, że ta rzecz przewłoki nie cierpi.

Zozymas. A cóż tam u kata robic?

Kleofas. Może i tak weydziem.

Alexand. (*Juś inaczey probuje włazić*). Prawda, niemożna. Cóż tu robić?

Kleofas. Ja może rakiem wlazę (*probuje*); niemożna.

Chłop jak nie pęknie z passyi i ze śmiechu.

Zozymas. A może ja tak się wcisnę (*położywszy się posuwa się*).

Alexand. I tak nie można.

Scena 10-ta. Chłop i ciż sami.

Chłop. Mnie zdawało się, szto wy mudrye ludzi, a hetaje fraszki nieznajecie; jakże wam taho niepaznać, szto pierez wuskije dzwiery hrubym piereleść niemożna; prauda, szto wy nieдużo hrubyje, da waszo płacio pańskojo wam pierez hetyje dzwiery uleść niepazwalajeć. Wot ja u siermiażecce swajoy zaraz ulezu (*przeciska się, ale nie wlezie*). A da duszyż, nie można; aha, aha, wot ciepier darazumieusie. Chledziecie tolko, jak leść patreba (*bokiem wchodzi*). Wot widzicie, jakije wy duraki, choć pany, niczohob wy niedakazalib, kap nie ja (*wychodzi i mówi*). Idzicież wy ciepier (*ogląda się*); skarey,
л. 22. skarey bierecie da uciekaycie bo zoraz chtokolwiek || prykrucicca... skarey... skarey, dzwierey nie zamykaycie, niechay jak byli adczynienyie, niechay tak i buduć.

Bracia razem trzey: Dziękujemy za poradę, bądź zdrow.

Chłop. Buccie na druhi raz razumnieyszymi i astarażnieyszymi... Woch, woch, może zaraz Djabła czort prykrucić, paydu ja tolki na swajo mieysce siadu, tak jon nie paznajeć, szto ja hawaryu, czy czort jemu skażeć (*siada i czapkę nasywa*).

Scena 11-ta. Djabeł, Chłop.

Djabeł. Wszak tobie już raz darowałem w nadzieje twojey poprawy, a ty gorszym się jeszcze stałeś, wymawiałeś się niewiadomością pierwszy raz, ta ci już teraz niesłuzy, gdyż miałes przestrogi odemnie, których gdybyś niemiał, zachować się jednak według umowy byłbyś powinien, a teraz po tylu przestrogach, po tylu dawanych tobie reflexyach, już raz po popełnionym tymże wystempku znowu wtenże upadłeś; nie narzekay dopioro na Adama, na siebie będziesz przez całą wieczność narzekał, idź zemną, tyś już moy.

Chłop na migach ukazuje, że niepowinien jeszcze rozmawiác.

Djabeł. Za co ty niemego udajesz, a pierwiey bezemnie dobrzés mówił.

Chłop wzystko na gestach ukazuje, że nie może jeszcze mówić.

Djabeł. Mówże, ja ci każe, dla jakiey przyczyny ty niezachowałeś milczenia?

Chłop Kłania sie i gestami wyrabia sie jak tylo może.

Djabeł. Wszak ja wiem, że ty tym panom pokazałeś jak wleść do tego skarbu i z nimi rozmawiałés (*zdeymuje u chłopa czapkę i ogromniey mówi do niego niby ze złości*). Mówże ty mnie, bo ja ci jak widzisz głowę zerwe.

Chłop ukazuje na gestach, że nie powinien, bo dochowuje przysięgi.

Djabeł. Co ty mnie majaczysz, wiedz otym, iż ty mnie nie oszukasz, mogłeś wprawdzie żyda oszukiwać, ale mnie nie potrafisz. Mów, ci każe.

Chłop ukazuje, iż niema prawa rozkazywania i odpycha Djabła.

Djabeł (*odskoczywszy troche, znowu przyskakuje do niego i porywa*). Dość mnie być grzecznym, przestaje juz używać mey cierpliwości (*wlecze Chłopa*).

Scena 12-ta. Chłop, Djabeł.

Chłop. A dobradzieju, a paniczęku, chibaż za pazwaleniem waszecinym budu hawaryć.

Djabeł (*puszcza go*). Mówże co masz mówić.

Chłop. Ja tojo samojo każu, szto i pakazwau pieroż na migach, szto z nikim niehawaryu i nikoho niewidzieu.

Djabeł. Ty chcesz tego kłamstwem twoim oszukać, który jest wynalazcą kłamstwa. ||

л. 22 об. *Chłop.* Nie Panie Djable, ja praudu każu, szto nikahuhno niewidzieu i ni z kim nie hawaryu pieraz caluhenkuju hadzinu; kap ty ciepier niepryszou, tak by jak ziemla mauczauby.

Djabeł. Jak że ty to możesz mowić, że nikogo niewidziałeś, kiedy ja ci dowodnie mówię, iż ty pokazałeś trzem braciom, jak wleść do skarbcu i z nimi rozmawiałeś.

Chłop. Dobra ty kazau pieroż, szto ty pierszy machlar, iłhar, ty dla taho iłżesz, kap mnie hroszy skruciu tyje, katoryje ja wyhrau.

Djabeł. O jak ty nierozumny człowiek, alboż ty niewiesz, że ja mogę wiedzieć to wszystko, co na całym świecie dzieje się.

Chłop. Nie dazdanio (?) twajo, kap ty wiedau, wot i ciepier niewiedajesz niczoho, tolki napastujesz na mienie, a ja ani puł czaławieczka nie baczyu, i puu słouka nie kazau.

Djabeł. A kiedy ja ci dowiodę.

Chłop. Niedakażesz (*z pogardą mówi*).

Djabeł. Wraz ci tych braci postawię, z któremi ty gadałeś.

Chłop. Pastau, kali jeny pryświedczuć, tak dobra, twaja budzieć prauda.

Djabeł. Czekay że ty tu, wraz oni tu przyidą (*odchodzi*).

Chłop. Dobra, dobra.

Scena 13-ta. Chłop.

Da, heto nie żarty, kali jon ich oko na woko pastawić, niewiedaju, jak ja wykruczu sie; da może jeny z czortom nie buduć hawaryć, jaz im dobra zrabiu, bo jeny choć pokrulib (?), takby u hetye dzwiery nieuleźlib; jeny jemu nieskażuć. Spadziewaju sie, szto ja z nimi hawaryu, tolki treba budzieć jak tolki jeny pryiduć, na ich kiunuć, kab nie świedczyli, a wot licho użo ich niesieć. Da day Boh, kap jeny nie wykazali się.

Scena 14-ta. Djabeł, Chłop i trzey bracia.

Djabeł (*w płaszczu*). Nie dla czego innego was tu, godni kawalerowie, sprowadziłem, tyle byście pamiętając na wasz stan prawdziwie nam wyświadczyli w tym, w czym będziecie zapytani.

Chłop, mruga, kłania się, nieznacznie prosi, żeby nie swiadczyli.

Alexand. Wiem ja zmojej strony i braci moich, iż my wszyscy kłamać niezwykliśmy.

Kleofas. Bo kłamstwo każde godnego człeka upadla.

Zozym. Y Ociec nasz tę umierając nam przestrogę zostawił, mówił, jeśli chcecie być w szacunku i w estymie przed światem, kłamstwem się nie bawcie (*Chłop tu jeszcze barziey kłania sie*).

Alexand. Mów tedy co masz mówić, a my ci szczyrze, jeśli tylo wiedzieć będziemy, powiemy. ||

л. 23 *Djabeł.* Poszedłem ja w zakład z tymto człowiekiem, którego tu widzicie; on niedość iż złamał przysięgę, ale też jeszcze chce swoją zbrodnią pokryć kłamstwem, przeto raczcie mi powiedzieć, czy przychodziliście tu do tego waszego skarbcu?

Kleof. A tobie co do tego, czymy przychodzili, czy nie? jeśliśmy przychodzili, to do własnego naszego.

Djabeł. Ale, moi panowie, nie dla tego ja badam się, bym powątpiwał, iż ten skarbiec nie do was należał, ale ja dla tego pytam się, bym na oczy pokazał temu człowiekowi jego kłamstwo, albowiem on zaprzecza mi, żeście wy tu ani nogo nie byli.

Alexand. To już pierwsze jego kłamstwo, albowiem byliśmy.

Kleofas i Zozymas. Tak jest, a nieinaczey.

Chłop (*na stronie*). Och, kap wam skulle (?) horła raztaczyli!

Djabeł. Otoż masz świadectwo, więc ty moy już jesteś.

Chłop. Za szto jenyż tolki każuć, szto byli a boley niczoho.

Djabeł. Moi panowie, wiecznie będę wzięcznym za ich prawdziwe świadectwo, tylo jeszcze chcieycie mi powiedzieć, czy mówił cokolwiek ten człowiek do WM. Panów.

Kleof. Pierwiey był niemym.

Zozymas. Wielceśmy na niego nalegali, ale...

Chłop. Day Boże wam zdarowie za waszojo świadectwo (*kłania sie*).

Djabeł. A pośledniey czy nie mówił do was i czy nie ukazał sposobu weyscia do tego skarbcu.

Kleof. Toż niema nic zdrożnego, iż on nam ukazał.

Djabeł. A czyż nie rozmawiał wowczas z wami.

Alexand. Mało co mówił, tylo nas przestrzegał, nauczał i ukazał sposob, a mało co z nami mowił.

Kleofas i Zozymas. To prawda, co brat nasz mówi, i on zaprzeć się tego niemoże.

Chłop. Kab was niech Djabli pabrali za takojo świadectwo.

Djabeł. Wielce dziękuje WMPanom, daruyci mi, żem poturbował.

Trzey Bracia (*odchodzą i mówią*): Klaniamy, a ty nieboże więcey nie kłam.

Scena 15-ta. Chłop, Djabeł.

Chłop. A paniczęku Dabradzieju, użosz ciepier niebudu boley taho czynić.

Djabeł. Tyś i pierwszy raz toż samo mówił, a jednak niedotrzymałeś.

Chłop. Ciepier, moy Dabradzieju datrymaju.

Djabeł. Ale jak tobie wierzyć, kiedy się ty już raz przełgał, i jeszcze mnie oszukać chciałeś.

Chłop. Och, ja sam niewiedaju, hto heto mienie spakusiu.

л. 23 об. *Djabeł*. Ty sam siebie, wszak ci Istność naywyższa dodaje instynktow, a ty ich nieuważasz. Ja cię nawet sam przestrzegałem, aleś ty mnie niesłuchał, już ci teraz niedaruje, idź ze mną (*bierze go, Chłop zas krzyczy*).

Chłop. Ach, Dabradzieju, zmiłuy się, daruy.

Djabeł. Niedaruje, już to drugi raz.

Chłop. Da hałubenka ty moy, da kukułaczka ty moy, zieziuleczka nienahladnaja, da tyż majo ni siojo, ni tojo, da daruy że hetot razoczek! (*klęka*) Daruy!

Djabeł. Jeszcze mam wzgląd na twoją ułomność, przepuszczam ci i drugi raz, ale oraz i przestrzegam, abyś gdy niedotrzymasz już trzeci i ostatni raz milczenia, żadney na mnie niewkładał winy, bo zna każdy, że ty winnym jesteś, i do tego że ja cię sam od tego odwodzę mojemi przestrogami i reflexiami, ktore gdyby był Bóg pozwolił na moje obrócić zbawienie, i gdybym ja sam wtenczas te do serca przypuszczał reflexie, zapewnie nie byłbym naynieszczęśliwszym stworzeniem.

Chłop. Dobra moy Dabradzieju, dobra.

Djabeł. Reflektuy się teraz i patrzay, abyś dochował twego zakładu, ja cię przestrzegam, już ci trzeci raz nie daruje;

uważay, jak godzina bić będzie, zebyś zaraz umilkł i statecznie przez całą godzinę wytrwał, zebyś ani pisnoł, bo wiedz o tym, że już ci trzeci raz niedaruje, tu twoy koniec przychodzi, reflektuy się. (*Sam odchodzi*).

Scena 16-ta. Chłop [1]).

Ach, jak ja nieszczasliwy! ubłatausia (?) u zakład, czy jaho licha na mianie nahadziła. To chłopcy zwiali, a ciapier paniczy, a czort sam chiba wiedaić, szto hetay hadziny budzić. Zaprawdy nie uwiedajeć, szto ciapier rabić budu, zakładu adraczy sia niamożna, prasić jaho bilszy niepatraplu. Wot jak chuda, tak chuda, biada maja, biada, czy mianie czort u heta uplatau. Ach prawdà szto czort, da ja jaho nieznau y nia dużo tąhdy czornym byu. Choć każuć ludzi, szto czort czorny, a wot jon niaczorny byw. Czort jaho dziary, paydu tolka ja u chatu (*s.* 24) pakul taja hadzina udaryć, niadużа mnie tam douha można bawitca, adnak paydu karocińki czas, wiedaju szto niezadouha taja hadzina udaryć, adnak choć troszeczku z żonkay pacieszu sia haworuczy.

Akt Trzeci.

Scena Pierwsza. Chłop.

Aż zmaryu sia biehuczy, addychacca iaszczo niemahu, a licha znaie, moża użo y zapazniwsia... Za prawdy zdaietca, szto użo spazniusia. Czy nia byu użo tut Djabeł? Da jaszczo zdaietca, szto jaszczo rana, nia musiu jaszczo jon prychadzić. Bo mnie zdaietca, szto jon aba mnie lepiey musić pomnić ciapier, bo y jamu a recz idzieć, a tolka kazuć ludzi kali udaietca raz y druhi tak treciaha użo nie spadziewatca, y jon kazau treci y astatni raz pazwoliu mnie mauczać. Wot tut mnie albo wyhrać, albo prahrać prydzitca, adnak prahrać nie spadziewaju sia, bo jak dwa razy ja prajhrau, tak y umu nabrausia. Nie, nie, niawyhraisz treci raz za mnoy,

---

1) Съ этой сцены другой почеркъ,—и отчасти иныя формы въ рѣчи хлопа.

Panie Djable, użo ciapier ani na Chłopcau, ani na paniczou uważać nia budu, niechay jany sabie szto choczuć tak robiuć, choćby sabie y na haławie chadzilib, to ja ani pausłauca nieskażu, a jany sabie choć hoławy niechay kruciuć, ja mauczać budu, a u duchu smiejatca, cha, cha, cha... kali szto smiesznoha rabić buduć, a hawaryć, da duszysz, nia budu ani słouca, choć by szto zachaciełasia, tak ja y hubu zatkaju y woczy zawiażu, kalib tolka niczoha (sic) nie hawaryć ani abaczyć. Alеż kali dacia[r]plu (sic) sto rubley maich budzić.

Scena 2-da. Żyd, Chłop.

Chłop. Ach bieda maja bieda, nieukaha mnie y paradzitca: żonie niachoczytca skazać szto ja z Djabłam paznausia, a bolsz niekamu y zwierytca. Wot kali licha na mianie prychodzić, kali ja prahraju, niechto niabudzić wiedać, hdzie padzienusia, y paminki pa mnie nichto nie sprawić, paydu tolka ja da Arandara, adnak użo jon wiedaić, napjusio harełki, budu jaho prasić, kap jon pry mnie byu, da jon czarta baitca, niezachoczyć, padaruju jamu pаławinu hroszy, szto wyhraju, tahdy moża namyslitca (*woła*). Arandar, arandar, chadzi tolka ty siudy.

Żyd. Niu czaho ty u czorta homonisz?

Chłop. Da chadzisz siudy, nieszta tabie skazu.

Żyd. Nie, nieaszukais boli, dosić tobie raz udałosia, szto ja za taboy nacha[1]). ||

л. 24 об. *Chłop*. Da chadzi siudy, budzim hroszy tyja dzialić, szto ja u djabła wyhrau.

Żyd. Ci wzio ty wyhrau?

Chłop. A użosz, na szto ja budu iłhać.

Żyd. Sora, Sora, paday mnie butelku harełki, paydu ja pana Dziomku paciastuiu.

---

1) Слово въ рук. недописано.

Chłop. Da nie bausiasz.

Żyd. Zaraz, zaraz.

Chłop. Aszukaietca jon.

Scena 3-tia. Żyd, Chłop.

Żyd (*wychodzi z butelko*). Kłaniam Waszeci; na, Dziomacku, harełku, napisia. A skazy, jak tabie udałosia wyhrać z djablam.

Chłop. Dziakuy za harełku, musić być szabasouka. Nu, panie randaru, czy wiedaisz ty, szto ja myslu?

Żyd. Pacym ja mahu wiedać.

Chłop. Ja myslu, kolka tabie dać hroszy.

Żyd. Kolka ty chociś.

Chłop. Jab tabie y mnoha dau, kab ty mianie usiohdy słuchau.

Żyd. A kolka dasi?

Chłop. Popalamby staboy padzialiusiab.

Żyd. Niu y szto ty choczysz, kab ja ciabie słuchau?

Chłop. Kali tolka ja ciabie zazawu, kab ty z harełkay pryszou.

Żyd. Dobra, dobra.

Chłop. Ja tabie ciapier nie dam jaszczo hroszy.

Żyd. Comu?

Chłop. Ty mianie potym niabudzisz słuchać.

Żyd. Niu budu, budu, na tabie ruka.

Chłop. Jaszczo Djabeł mnie nieaddau, każyć, szto nie abiecau sto rublei.

Żyd. Ja sam cuu, sto jon tabie abiecau tolka.

Chłop. Zmiłuysiasz panie arandary, za hadzinu prydzi tut, y Djabał tahdy tut budzić, niaboysia jaho, jon maić trocha sumlenia.

Żyd. Baiusia, baiusia.

Chłop. Da duszysz, każu tabie, niaboysia.

Żyd. Dziomacka nie swadzi ty mianie. ||

л. 25 *Chłop*. Nu durak, jasz tabie każu szto niaboysia.

Żyd. Dziomacka, dayże ty mnie ruku na tym, sto Djabeł mianie niawozmić choć ja niachresnik.

Chłop. Na tobie ruku, szto pry mnie niawozmić.

Żyd. Niaboysia, ciapier prydu, tolka hroszy.

Chłop. Buduć, buduć.

Żyd. Budź zdarou, Dziomka.

Scena 4-ta. Chłop y Djabeł.

Chłop. Zdajetca, szto tut użo y baulusio, adnak Djabła daczekatca nie mahu, musić, jak mianie aszukać, aszukaitca jon sam upierod, a mianie użo nie uwarwuć boley. Wot iniet iniet a ha u (?) moszcza (?) jaszczo hadzina nie taja, bo jon by zaraz prybieh, jon y dauniey usiohdy pierad hadzinay prychadziu, musić być jaszczo daloka. Da hladzi, wielikaja szkoda szto daużey nie zabiusia żonkay. Da u strachu woczy wialiki, dwa razy aszukausia, tak treci raz y na zimnaju wadu dmuchać treba, heto nie żarty z hetakim paniczom mieć sprawu. Kab to jon padsciwy byu, tak możnab było ad jaho adprasitca. Da jon wiedamy Niepryiaciel, u joho adpuszczennia nie dastać. Prauda, szto mnie dwa razy darawau, a czahoż mnie za trecim razam spadziewatca, pieuna to, szto użo niedaruić, jak jon sam kazau, szto dwa razy udałosia, a boley niespadziewatca.

Djabeł. Dobrze, że się tu znaydujesz, bo już nie bawiąc godzina uderzy; pamiętay że coś przyrzekł.

Chłop. Pomniu.

Djabeł. Poznaiesz co ztąd wyniknie?

Chłop. Znaju y dobro znaju.

Djabeł. A coż ty poznaiesz?

Chłop. Ach, znaju, znaju, szto ty mnie treci raz nie daruiesz.

Djabeł. Zgadłeś, że nie daruię, miałem wzgląd na twoją ułomność y dla tegom ci dwa razy darował, ale co trzeci raz nie myslę y nie mogę, do dwoch razy udaie się sztuka; patrzay że, abyś na mnie nie narzekał, jak narzekałeś na Adama, gdy się ci pracować niechciało; oto doświadczyłeś dopiero,

że sam gorszy iesteś, tyle mając przestrog niewypełniłeś małego obowiązku. ||

л. 25 об. *Chłop*. Znaju ja tojo sam usio, ale sztosz ja mieju rabic, kali raz błazny u złość uwiali, druhi raz Paniczy choć użo wialikije, ale s usim hłupy; jak im taho nieznać, szto pieraz ciesnye dzwiery szyroka ubrauszysia uleść ynak niamożna, jak tolka bokam, a jany taho niepaznali, duraki z usim.

Djabeł. Co tobie było do tego, tyś swego obowiązku pilnować był powinien.

Chłop. Ale sztosz ja mieu rabić kali niamożna.

Djabeł. A na coż się tedy uskarzasz na Adama, kiedy ty sam gorszy jesteś, mnieyszey rzeczy zachować nie możesz, pomyśl dopiero o tym, ja cię przestrzegam, bo wiedz, że ci już trzeci raz nie daruię, nie miey naymnieyszcy nadziej, proźby twoje już dopiero będą daremne, a łzy twoie bez skutku. Przestrzegam cię, zachoway się. (*Chłop chce się chować*). Stoy, ja mówię, zachoway się stale w milczeniu, boć tu twoy koniec; uważay, jak godzina uderzy żebyś umilkł.

Scena 5-ta. Chłop y Żyd.

Chłop. Idzi ty sabie, ja tajo usio wiedaju, szto ty kazau, ale mnie treba żyda mayho Paddanaha zazwać, ci budzić jon mnie pasłusznym. Kali budzić a ja prayhraju, tak ja jaho za siabie addam. Zazwu jaho tolka Arandar, arandar, a chadzi tolki siudy.

Żyd. Ci uzo para?

Chłop. A tabie szto da taho, ci para, ci nie? ty pawiniem słuchać.

Żyd. Zaraz, zaraz, Panie Dziomka.

Chłop. Skareyża ty.

Żyd. Niu y sto ty skazis?

Chłop. Day harełki.

Żyd. Zaraz, zaraz.

Chłop (*piie wodkę*). Ach, dobraja harełka. Ja ciabie na toja

pazwau, kab ty pasłuszny byu, y kab ty nie bajausia czarta, jon y tahdy za taboy nie hnausia, ja tabie tolka żartam skazau, użo ja y jamu kazau, szto ty pryswiedczysz.

Żyd. A jon szto na toja?

Chłop. Jon kazau, jak ty pryswiedczysz, tak addaść.

Żyd. A padzieliż sia ty sa mnoy!

Chłop. Padzialu sia.

Żyd. Day ruku.

Chłop daie rękę. ||

л. 26. *Żyd.* Niaboysia uzo pryswiedcu.

Scena 6-ta. Chłop.

Chłop. Prapadzi żyd a mnie nynie (?) [1]) jak z Djabłam zakończyć. Heta nie żart, nirazu Djabał tak siordzita sa mnoy nie hawaryu, Tahdy moh jaszczo paznać szto padaruić. Ale szto ciapier nie spadziewajusia. Biedny ja ciapier, ci [2]) niadobraja mianie u heta uplutała licha, adrok by sia użo y sto rubley y druhijab sto adrabiuby, ale to nie z czaławiekam sprawa, nie patreba jamu hroszy, jon y sam kamu możyć dać, jon tolka Duszy choczyć. Heta prauda, szto Dusza naydarażeyszaja za usio, bo kali jaje raz pacierajesz, boli jaje niazuszczysz [3])... Wot jak u biadu ja ulez, wot jak narakajuczy na Adama zjau sia, adnak jaszczo spadziewaju sia, szto hetat treci raz wymauczu. Zdaietca, szto choćby y samoja licha chaciełа za mnoy hawaryć pryszouszy ka mnie, nie adkażu ani pausłouka... szto heta u czorta ci nia bjeć... nie... prauda że (*bije godzina, Chłop na migach rożne jesta pokazuie*).

Scena 7-ma. Pokutujący y Chłop.

Pokutujący. Doswiadczenie mnie nauczyło, iż swiat wiele może.

---

1) Неясно, можетъ быть, «mnie niepić»?

2) Ясно, но можетъ быть слѣдуетъ исправить на *a*?

3) Слѣдуетъ исправить «niazyszczesz»?

On swemi ponęty prowadzi do zamiłowania siebie. On uwodzi do pożądania tego, czego się nie godzi, on omamia w tym nawet co jest dobrego, dając przepisy przeciwne cnocie a sprzyjające występkowi, on pochwala to y czyni je (?) bezwinnym, a nawet zdobywa się uczynić je chwalebnym; to to iest, co mnie od swiata odłącza, to iest co mnie rozbrat czynić każe z swiatem; niechcę doswiadczać tych nieszczęsliwych skutkow, dość już napatrzyłem się, dość mnie to dotąd martwiło y wielkiego zepsucia krwi moiey było przyczyną. Idę teraz na pustynię, by żaden już żyjący o mnie nie wiedział, idę bym dni moie na służbę stworcy mogł poswięcić. Nie przeszkodzi mi żadna namiętność, bo te iuż w sobie zasmierzone widzę. Nieprzestraszą mnie żadne strachi, bo ia temu nie wierzę y wierzyć niebędę, choć by mi niewiem co mowiono. Chiba by mi sam pokazał się Lucyper; ale co ja mówię... już zgrzeszyłem, żem tego wspomniał, który iest nieprzyjacielem Narodu ludzkiego, żem wspomniał rozmyslnie y rozważnie, y że jeszcze tak zaufany w sobie. Boże, bądź mi miłościw. Dopomoż mi, abym wytrwał na tey pustyni, nie zwrocę się z niey nigdy... Oy nie... nie... w niey przebywać y żyć będę aż do smierci. Bądź zdrow Jasnie WMżny Panie Swiecie... ja cię teraz tytułuię, bo już wszystkie tytuły przy tobie zostawuję. Bądź zdrow. (*Idzie y następuie na dudę*). Ach prze-Bóg, co się to dzieje na samym wstępie do pustyni, już mnie takie spotykają przypadki, pierwszy krok móy już tak przeciwnych doznaie losow, same nawet pomyslenie już odrażające odbiera skutki. Ach, co mam czynić nieszczęsliwy. Dokąd się obrócę, co uczynie, jak życie moie zabezpieczyć potrafię. Wezmę jednak kij w ręce a puydę. Czy nie zwycięzę tey gadziny (*idzie...* [1]) *a Chłop się smieje y passyonuie*). Ach ieszcze nie lęka sie y kija, y nie ustępuie z drogi, a ja przyrzekłem Bogu zyć na pustyni, prowadzić tam osobne

1) Слово неразобрано.

życie. A teraz (26 об.) na samym wstępie gadzina mię okrutna pozrzeć chciała. Tak straszna ieszcze, że na nię spoyrzeć nie mogę, wypukła jak gdyby troie cieląt zjadła; co ja mówię, od cielęciny nie tak utyć można; kosmata, jak młode cielątko, paszczęka jak lwia, nog niezrachować, y dotknąć się nie dozwala... Ach niech mię Pan Bóg broni, ieszczem na życiu moim takiey bestyj niewidział, brzuch bardzo duży, szyia długa. Ot jakie przeszkody do służby Bożey; obowiam (sic!) się już postąpić daley, pierwszy do tey puszczy wstęp iest mi tamą do postąpienia w nią głebiey. Pragnę, to prawda, żyć na puszczy, ale coż kiedy na samym wstępie znayduię przeszkody. Duch móy ochoczy, ale ciało słabe, lękam się bym przeciwnych swemu postanowieniu niedoznawał losow. Wolę się wrocić. Ale coż czy ta płocha przyczyna juz ma wątlić me przedsięwzięcie. Nie będzie z tego Nic... Poydę, będę ją obchodził naokoło, a może mi uda się. Idę tedy y więcey niepowrócę... (*idzie*). Jednak kijem ją poruszę bym mogł się lepiey jey przypatrzyć. (*Rusza kijem, Duda piszczy, y krzyczy*). Gwałtu, gwałtu! (*Chłop od smiechu y złości mało co nie pęknie, Pustelnik wyskakiwa*). Obawiam się poyść daley, kto wie, co się to znaczy? Ta gadzina prognostykuie fatalne na tey puszczy przypadki... Jednak trzeba ją zwyciężyć bym mogł być dobrym pustelnikiem. Poydę y zabiję ją (*idzie, chce wyciąc*). Obawiam się, by mnie nie pożarła. Panie, niech się dzieje wola twoja. (*Bije dudę, duda piszczy*). Musiała w złość wpadnąć, bo już innym tonem piszczy. (*Kijem pociągnie do siebie, duda piszczy. Pustelnik gwałtu krzyczy*). Ach niewiem, o Boże, co ja mam czynić (*trzęsie się*).

Scena 8-va. Chłop, Pokutujący.

Chłop. Chaho[1]) (sic) waszec[2]) bais sia, ci nie znaisz, szto heta iość.

Pokutu. Niewiem.

1) Слѣд. исправить: «czaho». 2) Въ рукописи wasza.

Chłop. Heta nie hadzina, heta duda ruskaja.

Pokutu. Jakto duda Ruskaja?

Chłop. Wot kakaja, szto można na iey ghrać.

Pokutu. Co ty pleciesz?

Chłop. Ja nie platu, ale praudu każu; kali choczysz, tak yzray hraju [1]).

Pokutu. Niewierzę temu, że byś y do rąk wzioł.

Chłop. Wot abaczysz (*bierze i gra*). A szto, albo niepryhoża, a ty durak bojau sia; paskaczy ciapier; bo jaszczo payhraju (*gra*).

Pokutu. Wierzę już dopiero, ale dziwuję się temu, kto ten instrument wymyślił, kto na nim grać może, wszak to strach do rąk wziąć.

Chłop. Jak twoy durny um, tak bais sia, nia musiu ty być z naszymi braćmi u karczmie, a my kali zbierym sia (?) do karczmy, mała jaie nierazwalim ad huku tolka dud naszych.

Pokutu. Ale na co ten wor potrzebny? ||

л. 27 *Chłop*. A jaki ż ty durak, biez jahob y hrać niamożnab było... A hdzieb duch dzierżausia.

Poku. To wasza, widzę, metr (sic?) [2]) na tym instrumencie grać, zagrayże nam na nim. Czy nie trzeba WPanu stołka?

Chłop. Mahu ja zahrać y stoiuczy.

Pokutu. A jak że WMPan przebierać będziesz, trzeba by było ją położyć na stole, a potym palcami gdzie potrzeba zatykać.

Chłop. Niadziwab było, kap jaki Błazion hawaryu tak, jak ty waszeć, niauoższ waszeć taho nie poznau, szto tak treba ihrać (*gra*). Wot hetak hubay treba duć, a palcami pierabierać. Widzisz jak treba jhrać.

Poku. A tam co za straszydło?

Chłop. Wot ciapier dazdau sia na swaju haławu Oy. Bieda, bieda, ja dumau, szto użo nieprydzić?

---

1) Sic. Слѣдуетъ исправить: «y zahraju» или «y zaraz zahraju». 2) Mistz.

Scena 9-na. Chłop, Djabeł, Pokutujący.

Djabeł. A dopókisz to tego będzie? po tylu przestrogach ieszcze niepamiętasz na przysięgę swoją.

Chłop. Da Paniczańku, kab ty wiedau jaki jon wialiki Durak; rozumieu jon, szto heto hadzina, a heta Duda ruskaja.

Djabeł. Co tobie do tego było, tobie tylko trzeba było milczeć, wszak wiesz o jaki zakład poszedłeś, wiesz y to, żem ci już dwa razy darował, przestrzegałem cię, że ci już trzeci raz niedaruję. A ty iednak niedotrzymałeś obietnicy, przestąpiłeś przykaz móy, który gdybyś zachował, byłbyś szczęsliwym, ale.........[1]) [na] wieki nieszczęśliwy: narzekałeś na Adama, a czy słusznie?

Chłop. Nie wiedaju Panie Djable.

Djabeł. Oto Kiedy ty niewiesz, tego cię nauczę. Adam był człowiek taki, jaki y ty, miał zakaz od Pana Boga niepożywania owocu zakazanego, ale nie (?) był tyh (?) praktyk zdrady naszey, jak ty, nie słyszał nic o zasadzkach, ktore my zastanowiamy codziennie na narod ludzki, nie widział zadnego podobnego przykładu nad sobą, ty zaś objaśniony nauką, utwierdzony przykładami, a codziennie umocniony doświadczeniem, smiałeś trzy razy zaprzysiężone przełamać prawo: teraz ci już darować nie mogę.

Chłop. Ty, waszeć Dabradziey, pasłuchay tolka, szto tod Durak nie wiedau, szto Duda, jon dumau, szto hadzina niejakaja. ||

27 об. *Djabeł.* A coż to do ciebie nalezało, tobie trzeba było tylko myśleć o milczeniu, niechby on sobie co chciał, to mówił.

Pokutu. Wszak on mnie tylko przestrzegł.

Djabeł. Tym że gorzey zrobił, że przestrzegł, bo y ty może byś móy był.

Chłop. A jaż jamu niczoha ab naszay haworce nie kazau.

---

1) Конецъ строчки утраченъ: сорванъ вмѣстѣ съ написаннымъ верхній слой бумаги. М. б. слѣдуетъ выполнить: «teraz będziesz».

Djabeł. Zebyś był y o tym nic nie mówił, to by lepiey było.

Chłop. Cy (?)[1]) jaż hetaho, paniczenku, spadziewausia?

Djabeł. Alboż możesz mówić, że nie spodziewałeś się. Wszak ci już dwa razy darowałem, toć dla tego trzeba było trzeci raz być ostrożnieyszym.

Poku. Jednak że damy iemu ten raz.

Djabeł. A dobrze, ja iemu daruję, ale ciebie wezmę.

Poku. A, zgin ty, przepadni (*żegna się y odchodzi*). Otoż jaki mi Dobrodziey.

Chłop. A Dobradzieju, a daruy że ty, Waszeć, hetat raz.

Djabeł. Zadnym prawem niemogę, ieszcze ci minutę pozwalam czasu, gotuy się już nawieki bydź zemną.

Scena 10-ma. Chłop.

Chłop. Oy, bieda, maja bieda, horasz majo, nieszczasliwy na wieki ciapier, wot szto ja sabie zrabiu. Lepiey, kab ja toho hladzieu, szto do mianie należyć, kab nia zaliu sia na Pana, y na strawy dla siabie, żąki y dziociey, jak da hetul ja rabiu, nikolib ja tak nie szczasliwy nia byuby. Wot szto hultaystwa mnie zrobiła. Da jakiż ja wialiki Durak, jak mnie niezważuć! tolka jon raz mianie pierascierahau, kab zakład dadzierżawau, katoryb kab dadzierżau, mieuba wialikaju sumu hroszy. Adnak ja niawycierpieu, jak jon mnie kazau, y dla taho stau ja nieszczasliwy. Ach... Ach... mnie biednamu... Sztob ja dau, kab tat ciapier maie susiedzi byli, maie tawaryszy, katoryie klaści Adama pamahali, katorye kazali, kab ja byu niawiernym Panu, katoryie sami tak rabili, katoryie akraść Pana za hrech nia mieli, katoryia aszukawać Pana y drohich pazłozci (?) ujadać pierad Panam radzili, katorye pry maładźbie kolka razy pakolka czwiortak u karczmu nasili sa mnoy razam na harełku; katoryja zamki admykać, cicha padchadzić, pad..... padkapodca, scieny y

---

1) Можетъ быть «Оу».

pamosty krucić y zbożu toczyć uczyli! Katoryja jak Panom adkazać, z winy wykrucitca uczyli. Praklatajo toja tawazystwa! praklataja z szelmami życcio! Nikolib (л. 28) ja hetak niazkinuuby, nikalib ja hetak nieszczasliwy nia byu ba, kab z tymi nie towaryszyu, katoryja z djabłami żywuć (?). Kab u tawarystwie z jmi (?) niabyu i ich nia słuchau. Ale sztosz? Wić y ja mużyk, z Panam mnie było azosie, z szlachcicam dastauba pazauszku, sztosz ja biedny mieu rabić? treba kończa było z mużykom żyć. Zbytnaja majo pjaństwa, czastyie Bayramy, hetyie mianie nieszczasliwym uczynili. Ach biedasz maja bieda. Bierażyci sia Mużyczki, berażyci sia, ja was ascierahaju, nie ruhaycie a ni na Boha, ani na Adama, ale na siabie, my horszy jaszczo jak Adam; y jon prauda zahraszyu, ale raz tolka, y zaraz pakutuwau. A my dzień na dzień hraszym y pakutuwać nia choczym! heto to pryczyna naszoy zhuby, heta u piekła nas wiedzieć. Ach jak na tojo ciaszka uzdumać, szto ciarpieć zaraz budu! A joszczo ciażeley na toja, szto wialikaja moc u piekła dastaietca dla taho, szto nia pomnili na pierascierahannja papou. Ach mnoha, mnoha [1]) rabiat, szto baćkou paddanyja panou [2]) niasłuchajuć u tym, szto da zbawiennia wiedzieć. Mnoha Baćki Dziaciom, pany poddanym naprykrajutca u tym, kab dobrami byli! Załawać taho buduć niekali da........ [3]): tak jak ja ciapier. Pomniu szto mnie Baćka kazau, kab ja niechacieu Bahactwa, a dziakuwau Bohu za toja, szto Boh dau, kab Pacierau nie apuszczau, a ja niczoha hetaha nie rabiu; nie pryszłosia czasam y pierokzitca(?), ustauszy za kladźbu, jak za malitwu ćhwatausia, heta to mianie zhubiła, heta to mianie ciapier u ruki czortu upchnuło, heto to mianie na wieki nieszczasliwym uczyniła. Ach bieda mnie, bieda... Da

---

1) Въ рукописи конечное *а*—очень сходно съ *и*.
2) Такъ въ рук. Лучше, пожалуй, здѣсь и ниже читать «papou».
3) Не разобрано.

czaho ja tużu adnak, mianie czort wozmić, treba kończa żyda pryzwać, kab jon byu jak czort prydzić, a może jaho za mianie wozmić. (*Stuka y krzycsy*). Arandar, arandar!

Scena 11-ma. Chłop, Żyd.

Żyd. Niu, a sto ty skaziś?

Chłop. Bieda maja, niamahu daczakatca majho tawarysza.

Żyd. Jakoha?

Chłop. Taho samaha, ad katoraha ty uciekau.

Żyd. Ci czort twoy Tawaryś?

Chłop. Tak iość, szto czort móy towarysz razam budzić y twoy.

Żyd. A ja niechacu.

Chłop. Czaho ty niachoczysz? Ci tyż zabyusia, szto ja z taboy pryabiecau papałam padzielitca. ||

28 об. *Żyd*. A ci wyhrau za ty?

Chłop. Wyhrau, tolka ty budź moy a ja twoy Druch.

Żyd. Dobra.

Chłop. Jak prydzić Djabał, tak ty nieuciekay, bo kali jon zachoczyć krucić hroszy, ty pryswiedczysz.

Żyd. Bajusia.

Chłop. Nia boysia durak, ja tabie każu, choć by jon y siardzit byu, jon tobie ani słouko nie skażyć.

Żyd. Ci praudu kaześ?

Chłop. Wir ty mnie.

Zyd. Dobra, jasz jaho budu dazydać; a wot y jon idzieć.

Chłop (*na stronie mówi*). Daždzieścio ty nieczaha.

Scena Ost-nia. Chłop, Djabeł y Żyd.

Djabeł. Czas już tobie przychodzi pożegnać się z tym swiatłem, na które dopiero poglądasz, poydziesz ze mną doswiadczać ciemności wiecznych, niemożesz dopiero narzekać na nikogo; narzekałeś ńa Adama; poznaiesz że czy słusznie? Ty za iego gorszy iesteś, sam wyznać dopiero powinieneś.

Chłop. Znaju to, ale wybaczay, móy Dabradzieju, bo heta znieuwahi stałasia.

Żyd (*ciekawie przysłuchiwa się*). Dziomka upaminay sia hrosy.

Djabeł. Co ty mnie gadasz, alboż ja tobie dwa razy nie darowałem? a za każdym razem nie dawałem przestrog do zachowania się w milczeniu:

Chłop. Prauda ty każysz, adnak, moy Dabradzieju.

Djabeł. Nic z tego nie będzie.

Żyd. Z praprasaniem twoiey godności wić WPan pabiecau dać?

Djabeł. Prawda, że ja obiecałem dać pieniędzy, ale wtedy, kiedy będzie godzien.

Żyd. Ja swiedcu, sto jon wyhrau.

Djabeł. To ty przegrałeś?

Żyd. Ja s taboy nie brataju sia.

Djabeł. A czego ty chcesz?

Chłop. Jon taho choczyć, Panie Djable, kab ty byu łaskau (*klęka y kłania się*), jaho uziau za mianie, adnak jon twoy, bo niachresnik. ||

л. 29 *Żyd* (*uciekając krzyczy*). Gwałtu!

Djabeł. Ja iego niemam przyczyny ieszcze brać; to prawda, że będzie moy, ale ty...

Chłop. Wżny Mosci Dabradzieju, użosz ciapier każu, szto szczyra papraulusia, tolka praszu ciabie, daruj mnie hetat raz.

Djabeł. Nic z tego nie będzie, miałeś przestrogi, wszak ja ci na samym początku mowiłem y przestrzegałem, aże byś na mnie nie narzekał, nauczałem cię jak się masz zachować, ty iednak przestąpiłes to wszystko, nie byłeś pamiętny na siebie, teraz że już poydziesz zemną. Poznają z ciebie wszyscy, ktorzy nie pilnują obowiązkow stanu swego, czego się spodziewać mają; nie do was Chłopkow iednych to się sięga, może, a więcey powiem, że łatwiey popaść w też same nieszczęscie y Pan, kiedy się sprawować nie będzie za przewodnictwem rozumu, ktory się na Prawach Boskich y koscielnych zasadza... To ja dobiero (sic) wszystkim powiadam y przestrzegam... nie narzekaycie odtąd na Djabła, mówiąc ze Djabeł nas zwiodł; prawda, my chcemy zwieść,

ale kogo znaydziemy powolnego, kto zaś ma na pamięci y sercu wyryte przykazania Boskie, y stara się one pełnić, do tego my żadnego prawa nie mamy. Bo Bóg z nim przemieszkiwa (*do Chłopa*). Ty nie możesz się na Boga uskarzać, bo Bóg mi nawet ciebie ostrzegać dozwolił; tyś iednak moie ostrzeganie zalekceważył [1]), małes wykroczenie zalekceważył, a za tym przyszedłeś do tego nieszczęsliwości kresu; idź że zamną, będziesz już zemną na wieki nieszczęsliwy. (*Ciągnie Chłopa do Piekła*).

Chłop krzyczy: Kwasu daycie Kwasu!

Ad M. D. Glm.

В. Перетцъ.

1) Первая половина слова перечеркнута.

Библіографія.

Критика и библіографія.

По поводу второго изданія (Спб. 1910) книги г. Н. О. Лернера „Труды и дни Пушкина“.

Настоящая замѣтка отнюдь не имѣетъ въ виду представить разборъ труда г. Лернера; въ разсужденіяхъ о пользѣ, которую можетъ принести подобная справочная книга, не нуждаются ни авторъ, ни читатели ея. Критика уже отдала справедливость усердію г. Лернера при первомъ (1903 г.) появленіи его работы въ печати и, вѣроятно, отнесется къ дополненному изданію ея съ неменьшимъ сочувствіемъ; отмѣтимъ, напр., статью г. А. Г. Ѳомина «Цѣнный вкладъ въ изученіе Пушкина» («Историческій Вѣстникъ», 1910 г., № 10, стр. 318—326).

Продолжительность печатанія второго изданія «Трудовъ и дней» (предисловіе его датировано 19-мъ ноября 1904 г., а распоряженіе о выпускѣ въ свѣтъ имѣетъ помѣту «Май 1910 г.) сдѣлала необходимымъ внесеніе многихъ «Дополненій и поправокъ» (стр. 430—489) по вновь обнародованнымъ матеріаламъ. Конечно, при строго хронологическомъ порядкѣ, въ которомъ расположена работа г. Лернера, существованіе особаго отдѣла «Дополненій и поправокъ» представляетъ собою неудобство для лицъ, наводящихъ справки, но авторъ предпочелъ все же помѣстить вновь найденныя даты въ свою книгу, имѣя въ виду, что «„третьяго изданія «Трудовъ и дней Пушкина», можетъ быть, уже не будетъ»» (стр. 430). Хочется думать, что г. Лернеръ ошибается, что русская публика быстро раскупитъ второе изданіе и тѣмъ обезпечитъ появленіе новаго. Въ надеждѣ на это и сообщаются нижеслѣдующія дополненія къ «Трудамъ и днямъ Пушкина», собранныя совершенно случайнымъ путемъ и отнюдь не имѣющія систематическаго характера (пропуски, на которые обратилъ вниманіе г. Ѳоминъ въ вышеназванной статьѣ, здѣсь не указываются). При этомъ не обращено вниманія на событія, въ которыхъ Пуш-

кинъ не принималъ непосредственнаго участія, хотя нѣкоторыя изъ нихъ имѣли весьма значительное вліяніе на судьбу поэта, напр. смерть императора Александра I (у г. Лернера пропущено). Тѣ, кому приводимыя далѣе дополненія покажутся слишкомъ мелочными, благоволятъ обратить вниманіе на 3-ю страницу предисловія г. Лернера.

1799—1811. О дѣтствѣ поэта извѣстны нѣкоторыя подробности, переданныя Сергѣемъ Львовичемъ Пушкинымъ Д. Н. Бантышъ-Каменскому (см. его «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», серія вторая, часть II, Прибавленіе, стр. 59—60).

1815. Къ *«январю-марту»* этого года г. Лернеръ относитъ знакомство Пушкина съ Батюшковымъ на основаніи словъ Пушкина въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому отъ 27 марта 1816 г.: «обнимите Батюшкова за того больного, у котораго, годъ тому назадъ, завоевалъ онъ Бову-королевича». Но въ статьѣ Л. Н. Майкова «Пушкинъ о Батюшковѣ» находимъ (Историко-литературные очерки, Спб., 1895, стр. 192) такое соображеніе: «По всему вѣроятію, это посланіе Пушкина [Нач.: «Философъ рѣзвый и піитъ», 1814 г., ср. у г. Лернера на стр. 24. *Н. П.*] доставило ему случай лично познакомиться съ Батюшковымъ, который съ половины 1814 года по февраль 1815 прожилъ въ Петербургѣ»—слѣдовательно, въ *мартѣ* 1815 г. Пушкинъ не могъ быть представленнымъ Батюшкову.

1820. 26-мъ іюня г. Лернеръ датируетъ (стр. 56) эпилогъ къ «Руслану и Людмилѣ», ссылаясь на рукопись Императорской Публичной Библіотеки; но на facsimile этой рукописи (Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825..... Изданіе Редакціи «Русской Старины» и Ѳ. К. Опочинина, Спб., 1873, таблица 41; ср. «Приложенія», стр. 51) совершенно ясно читается помѣта: «Кавказъ 26 іюля 1820».

1821. 3 и 4 апрѣля этого года съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ видѣлся В. А. Тепляковъ, сообщающій въ своихъ запискахъ подробности объ этихъ свиданіяхъ (Гербель, Н. В., Христоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Спб., 1873, стр. 362—363). Г. Лернеръ отмѣчаетъ (стр. 348) только «записи В. Г. Теплякова о его свиданіяхъ съ Пушкинымъ» *въ 1835—1836 г.*

1824. Къ началу этого года Л. Н. Майковъ («Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ»—Историко-литературные очерки, стр. 133)

предположительно относилъ бесѣду Пушкина съ Н. Н. и А. Н. Раевскими о «Кавказскомъ плѣнникѣ».

Осенью этого года, по сообщенію А. Савельева въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859 г., ст. 604—605, А. С. Пушкинъ на одномъ званомъ обѣдѣ въ Петербургѣ произнесъ импровизированное стихотвореніе въ присутствіи Мицкевича. Однако осень 1824 г. Пушкинъ провелъ въ с. Михайловскомъ и потому ни на какомъ обѣдѣ въ столицѣ присутствовать не могъ; не относится ли этотъ фактъ, если онъ достовѣренъ, къ 1827 году?

Вѣроятно къ концу ноября 1824 г. слѣдуетъ пріурочить сообщаемый Мицкевичемъ въ его лекціяхъ по исторіи славянскихъ литературъ (см. Pisma Adama Mickiewicza, wydanie zupełne, Tom IX, Paryż, 1860, стр. 293) анекдотъ о томъ, какъ Пушкинъ по полученіи извѣстія о смерти императора Александра I поѣхалъ въ столицу, но вернулся съ дороги подъ вліяніемъ просьбъ кучера, испугавшагося дурныхъ примѣтъ. Вѣроятно со словъ Пушкина записалъ Мицкевичъ (ibid., 294: «Il disait à ses amis étrangers»...) и отзывы его объ императорѣ Николаѣ I послѣ знаменитой аудіенціи 8 сентября *1826 г.*

Подъ 20 декабря *1826 г.* г. Лернеръ отмѣчаетъ (стр. 146) пріѣздъ Пушкина въ Москву; но въ одномъ изъ цитируемыхъ при этомъ источниковъ — въ книгѣ Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» (II, 63) — этотъ фактъ отнесенъ къ 19-му декабря.

Къ январю *1827 г.* г. В. Колосовъ («Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Тверской губерніи въ 1827 году», Тверь, 1888, стр. 17) относитъ двухнедѣльное пребываніе Пушкина «въ сельцѣ Павловскомъ, Тверской губерніи, въ домѣ Павла Ивановича Вульфъ», но собранныя г. Лернеромъ данныя объ этомъ времени не благопріятствуютъ такому пріуроченію.

1828. На Пасхѣ (Свѣтлое Воскресеніе приходилось въ этомъ году 25 марта) Пушкинъ вмѣстѣ съ А. С. Грибоѣдовымъ былъ на обѣдѣ у П. П. Свиньина (см. статью К. Полевого «О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова» при второмъ изданіи «Горя отъ ума», Спб., 1839, стр. XL sqq.). Въ мартѣ 1828 г., по матеріаламъ г. Лернера, Пушкинъ былъ въ Петербургѣ, между тѣмъ у Барсукова (op. cit., II, 184) находимъ извѣстіе, что «день годовщины смерти Дмитрія Владиміровича Веневитинова», т. е. 15 марта, поэтъ «провелъ въ семействѣ покойнаго, гдѣ былъ и Погодинъ, который слушалъ разсказы о Суворовѣ».

Относительно весенняго времяпрепровожденія Пушкина въ Петербургѣ въ 1828 г. П. А. Мухановъ писалъ Погодину (Барсуковъ, II, 185):

«Пушкинъ учится англійскому языку, а остальное время проводитъ на дачахъ». Въ той же книгѣ есть и точная дата пріѣзда Пушкина въ декабрѣ этого года въ Москву — «на Николинъ день» (стр. 257), г. Лернеру неизвѣстная, и сообщеніе о первомъ чтеніи «Полтавы» у Сергѣя Димитріевича Киселева (стр. 345; въ январѣ 1829 г.?) Ек. Андр. Карамзина 13 декабря 1828 г. писала И. И. Дмитріеву о Пушкинѣ: «ежедневно [бываетъ] у насъ: итакъ не повѣсничаетъ» (Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, Спб., 1866, стр. 430).

Къ сентябрю (?) *1820 г.* должно относиться письмо Пушкина къ М. И. Пущину изъ Новочеркасска, упоминаемое въ статьѣ адресата «Встрѣча съ А. С. Пушкинымъ за Кавказомъ» (см. Л. Н. Майкова «О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году» — Историко-литературные очерки, стр. 239).

Подъ 16 января *1830* года г. Лернеръ отмѣчаетъ (стр. 203) появленіе въ печати первой статьи Пушкина объ «Исторіи Русскаго Народа» Полевого; можно прибавить, что поэтъ отозвался объ этой книгѣ отрицательно и въ бесѣдѣ (22 января) съ княземъ А. А. Шаховскимъ (Барсуковъ, op. cit., III, 117). Въ началѣ марта 1830 г. Пушкинъ часто видѣлся съ А. В. Веневитиновымъ (ibid., 66). 3 апрѣля того же года Пушкинъ былъ у всенощной въ домѣ, гдѣ жилъ Батюшковъ (Майковъ, op. cit., pag. 195). Между 15 и 26 іюня 1830 Погодинъ читалъ Пушкину (Барсуковъ, III, 158) свое, переписанное набѣло, «Слово о значеніи университетовъ вообще и въ особенности Русскихъ». Въ томъ же трудѣ Барсукова находимъ и свѣдѣнія о вечерѣ, который былъ устроенъ (въ іюнѣ 1830 г.?) Погодинымъ для сближенія Надеждина съ Пушкинымъ (стр. 31—32), и о бесѣдахъ (когда?) поэта съ Погодинымъ по поводу трагедіи «Марѳа Посадница» (стр. 29—30). Повидимому 4 іюля Пушкинъ принесъ Погодину заемное письмо и слушалъ чтеніе этой пьесы (ibid., 33).

26 ноября 1830 г. Пушкинъ въ Болдинѣ вписалъ въ чей то альбомъ стихотвореніе Державина (Литературный Вѣстникъ, III, 251).

1831 г. 2 августа. Объ обстоятельствахъ возникновенія оды «Клеветникамъ Россіи» ср. Русскій Архивъ 1871 г., № 11, стр. 1881—1882.

1831 г. 29 или 30 сентября (?). Пушкинъ у Жуковскаго въ Царскомъ Селѣ слушаетъ чтеніе Погодинымъ его трагедіи «Петръ I». Черезъ нѣсколько времени послѣ того Погодинъ представляетъ имъ, какъ «своимъ высокимъ судьямъ», свою трагедію съ передѣлками, сдѣланными по указаніямъ Жуковскаго (Барсуковъ, III, 334).

1833 г. 5—8 сентября. Пребываніе Пушкина въ Казани. Г. Лернеръ перечисляетъ не всѣ статьи, посвященныя этому эпизоду; не упомянуты даже нѣкоторыя пособія, указанныя г. Бобровымъ («А. С. Пушкинъ въ Казани»—Пушкинъ и его современники, III, 23—67). Основой для перечня датъ о времяпрепровожденіи великаго поэта въ «Красѣ Востока» для г. Лернера послужила только что названная статья г. Боброва; пользуемся случаемъ исправить въ этой послѣдней маленькую неточность—г. Бобровъ безъ указанія источника сообщаетъ (стр. 51[1]), будто Г. Н. Городчаниновъ «очень обидѣлся на Пушкина за то, что тотъ не сдѣлалъ ему, какъ предсѣдателю [Казанскаго Общества Любителей Словесности, членомъ коего былъ Пушкинъ. *Н. П.*], визита»—на самомъ дѣлѣ это происходило нѣсколько иначе (ср. разсказъ одного изъ казанскихъ старожиловъ, передаваемый г. Н. П. Лихачевымъ въ книгѣ «Григорій Николаевичъ Городчаниновъ и его сочиненія», Казань, 1886, стр. 13—14).

1837 г. 26 (?) января. Пушкинъ «за три дня до своей смерти» въ книжномъ магазинѣ И. Т. Лисенкова встрѣтилъ Б. М. Ѳедорова и «цѣлые два часа» пробесѣдовалъ съ нимъ «о литературѣ русской и иностранной» (ср. «Ивана Тимофеевича Лисенкова воспоминанія въ прошедшемъ времени о книгопродавцахъ и авторахъ», напечатанныя «безъ малѣйшихъ измѣненій противъ рукописи автора» въ изданной подъ редакціей П. А. Ефремова книжкѣ «Матеріалы для исторіи русской книжной торговли», Спб., 1879, стр. 61—70; цитируемое мѣсто на стр. 68; нѣсколько ниже тотъ же авторъ сообщаетъ по поводу смерти Пушкина: «При Лисенковѣ Л. В. Дубельтъ съ другими лицами со стола переложили покойника въ гробъ и живописецъ началъ тотъ-часъ писать съ лежащаго покойника во гробѣ голову его на подушкѣ».

1837 г. 26 января вечеромъ Пушкинъ былъ на балѣ у графини Разумовской; г. Лернеръ сообщаетъ (стр. 387) только, что Пушкинъ на этомъ вечерѣ просилъ «совѣтника британскаго посольства Magennis'а быть его секундантомъ, но тотъ отказался». Изъ примѣчанія кн. Вяземскаго къ статьѣ кн. Козловскаго «Краткое начертаніе теоріи паровыхъ машинъ» (Современникъ, VII, 52) мы знаемъ, что на томъ же балѣ Пушкинъ, бесѣдуя съ кн. Вяземскимъ, просилъ его «написать къ князю Козловскому и напомнить ему объ обѣщанной статьѣ, для «Современника»».

Къ этимъ мелкимъ замѣткамъ можно присоединить еще одну, въ которой сообщается ничѣмъ не удостовѣренный фактъ: В. В. Ганка скорбѣлъ, «что смерть застала знаменитаго Пушкина почти въ то самое время, когда онъ принимался переводить Краледворскую Рукопись» (письмо къ

П. П. Дубровскому отъ 3 іюля 1842 г.—«Денница», 1842 г., стр. 196; ср. въ предисловіи къ четвертому изданію знаменитаго апокрифа, 1843 г.). Возможно, что это — не болѣе, какъ выдумка «Вячеслава Вячеславовича», направленная ad majorem gloriam Краловедворской Рукописи, но съ другой стороны авторъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ» могъ обратить вниманіе и на поэтичнѣйшее изъ созданій чешской литературы, къ тому же обнародованное и въ Россіи, съ русскимъ переводомъ. Если мы припомнимъ, что Ганка присылалъ Пушкину такія книги, какъ свой «Prawopis Česky» и даже «Obrana Časopisu pro Katolické duchowenstwo. Od Frant. Bogenického» (Praha, 1835) (ср. въ трудѣ г. Модзалевскаго «Библіотека А. С. Пушкина»—Пушкинъ и его современники. Вып. IX—X, стр. 245, № 970, и стр. 173, № 659), то мы можемъ считать несомнѣннымъ, что онъ препроводилъ русскому поэту и одно изъ изданій Краловедворской Рукописи, хотя между книгами Пушкина по только что названному описанію ничего подобнаго и не сохранилось.

От лицъ, занимающихся біографіей А. С. Пушкина, мы вправѣ ожидать разъясненія относительно повѣсти *Невѣрина* [псевдонимъ?] «Маскарадъ», помѣщенной въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1839 г., № 3 (томъ XXXIII, часть I) стр. 41—64 перваго отдѣла. Героемъ ея является нѣкій Н-нъ, подъ которымъ слѣдуетъ подразумѣвать несомнѣнно Пушкина: его зовутъ Александромъ Сергѣевичемъ (стр. 51); въ его сочиненіяхъ изображались Кавказъ и Бессарабія (стр. 44); «возвратясь домой» изъ маскарада, «онъ скинулъ фракъ, придвинулъ свѣчу, опустилъ перо въ чернильницу, потеръ рукой по лбу, зѣвнулъ, написалъ шестую строку «Бородинской Годовщины», и легъ спать» (стр. 52).

Въ свое время на эту повѣсть обратилъ вниманіе В. Г. Бѣлинскій, выразившійся о ней такъ: «Это что-то похожее — какъ-бы сказать? — на плоскость, слишкомъ неумѣстную и для многихъ оскорбительную...» (см. «Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ двѣнадцати томахъ. Подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова», IV, 215).

Н. Петровскій.

Казань,
октябрь 1910 года.

Ювилейна бібліотека Т. 1. Русалка Днїстрова. Вдруге видана з нагоди столїтних уродин Маркіяна Шашкевича. (З портретом і подобизною письма поета). Тернопіль. Накладом Терноп, Товариства: «Інститут жіночий ім. княгинї Ярославни». 1910. 8°. XXIII+95+1 нен. стр. Съ одной таблицей. Цѣна 1 крона.

Едва ли нужно доказывать необходимость общедоступныхъ перепечатокъ такихъ книгъ, которыя въ свое время были важными явленіями въ литературѣ того или другого народа и — именно вслѣдствіе этого — сдѣлались библіографической рѣдкостью; съ этимъ вѣроятно согласится каждый, кому приходилось работать въ области новыхъ литературъ. Но о томъ, *какъ* слѣдуетъ воспроизводить подобныя книги, мнѣнія могутъ быть различны; разумѣется, въ данномъ случаѣ приходится прежде всего сообразоваться съ матеріальными средствами и въ зависимости отъ нихъ выбирать способъ переизданія; лучшимъ, но и наиболѣе дорогимъ, является конечно фотолитографическій, дающій изслѣдователю дѣйствительно точное воспроизведеніе подлинника. Изъ славянскихъ литературъ далеко не всѣ могутъ позволить себѣ подобную роскошь; едва ли не болѣе прочихъ славянъ этотъ przedruk homograficzny печатныхъ книгъ въ ходу у поляковъ. Другой, болѣе дешевый и всетаки удовлетворительный способъ заключается въ простой перепечаткѣ рѣдкаго изданія страница въ страницу и строка въ строку съ буквальной точностью. Въ видахъ дальнѣйшаго удешевленія репродукцій рѣдкія книги иногда перепечатываются безъ соблюденія строкъ и страницъ оригинала, но съ показаніемъ на полѣ страницъ подлинника. Наконецъ наименѣе удовлетворительный способъ заключается въ перепечаткѣ, лишенной всякихъ указаній на пагинацію оригинала. Пользованіе такой репродукціей въ историко-литературныхъ видахъ крайне неудобно: изслѣдователю приходится тратить очень много времени на разборъ цитатъ, сдѣланныхъ его предшественниками по оригинальному изданію.

Книга, заглавіе которой выписано въ началѣ настоящей замѣтки, принадлежитъ именно къ числу такихъ неудобныхъ воспроизведеній. Ре-

дакторъ перепечатки, о. Іос. Застирець, заявляетъ, что воспроизвелъ первое изданіе, не мѣняя его графики (стр. IV). Сличеніе трехъ-четырехъ страницъ (взятыхъ на удачу въ разныхъ мѣстахъ книги) перепечатки съ подлинникомъ показываетъ, что *въ общемъ* изданіе 1837 г. воспроизведено довольно вѣрно, хотя и не безъ нѣкоторыхъ, не особенно важныхъ, отличій. Снимка съ заглавнаго листа оригинала, вопреки обычаю подобныхъ репродукцій, не приложено, и титулъ воспроизведенъ (стр. VII) подборомъ шрифтовъ, мало напоминающихъ подлинное изданіе; виньетка взята совершенно иная; правда, и въ оригинальномъ изданіи, и въ перепечаткѣ она изображаетъ одинъ и тотъ же предметъ — лиру, но тернопольскій типографъ выбралъ заставку модернистическаго типа, отнюдь не подходящую къ «Русалкѣ Днѣстровой», да и на обложкѣ и на новомъ заглавномъ листѣ помѣстилъ также чисто декадентскую виньетку. Несмотря на то, что передъ нами должна бы была быть точная перепечатка прежняго изданія, въ «Обсяг сей книжочки» (стр. 94—95) попали рубрики: «Від видавництва» и «Факсімілія письма Ш.», въ оригиналѣ конечно отсутствующія.

Снабдивъ свою репродукцію очень плохимъ портретомъ (на оборотѣ заглавнаго листа) М. Шашкевича и fac-simile его почерка, издатель почему то не воспроизвелъ литографированнаго снимка (съ грамоты 1424 г.), бывшаго въ первомъ изданіи при стр. 121 (ср. объ этомъ у о. Застирця на стр. IV и «Увагу» на стр. 86: «В першім виданю залучено до тої стор. літоґр. відбитку сеї грамоти, названу в Обсягу «образцем»», между тѣмъ въ перепечаткѣ «Обсяга» слова «з образцем» остались — см. стр. 95).

Исторія возникновенія и цензурныхъ мытарствъ «Русалки Днѣстровой» является едва ли не самымъ любопытнымъ фактомъ въ развитіи малорусской литературы XIX вѣка. Въ настоящее время объ этой книгѣ обнародовано немало какъ оффиціальныхъ документовъ, такъ и воспоминаній, и читатель могъ бы ожидать, что о. Застирець снабдитъ свою перепечатку, какъ это часто дѣлается, историко-литературнымъ введеніемъ, въ которомъ подробно разскажетъ судьбу «Русалки» и охарактеризуетъ ея значеніе. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не сдѣлано (нѣсколько біографическихъ мелочей о Шашкевичѣ и одномъ изъ его товарищей—стр. V— конечно не замѣняютъ подобнаго введенія). Тѣмъ не менѣе, разбираемое изданіе можетъ быть признано полезнымъ, такъ какъ за очень скромную цѣну даетъ возможность ознакомиться съ рѣдкой книгой, сыгравшей очень крупную роль въ исторіи малорусскаго возрожденія. Бумага и шрифты тернопольской перепечатки безупречны.

Называя свое изданіе *первымъ* томомъ «Юбилейной библіотеки», о. Застирець обѣщаетъ (на обложкѣ), что во второмъ будутъ помѣщены

«оригінальні, гуморист. оповіданя п. Романецкого і одна єго 5. дієва драма», а «Третий том дасть Збірник народних пісень, вертепних драм, гагілок, етноґрафічних записокі пр. зібраних на Поділю».

Н. Петровскій.

Казань,
декабрь 1910 года.

Павле Поповић. Приповетка о девојци без руку. Студија из српске и југословенске књижевности. Београд. 1905. Стр. 123. Цѣна 2 динара.

Награжденное изъ фонда Л. Радивојевича и изданное Сербской Академіей, изслѣдованіе проф. бѣлградскаго ун-та П. Поповича прошло въ русской ученой литературѣ, кажется, совсѣмъ не замѣченнымъ, несмотря на интересъ вопроса и достигнутые авторомъ результаты въ работѣ. На западѣ и у славянъ оно вызвало рядъ отзывовъ. Въ нихъ останавливались главнымъ образомъ, если не исключительно, на тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ авторъ говоритъ о судьбѣ очень популярныхъ въ средніе вѣка мотивовъ о несчастной гонимой дѣвушкѣ вообще и о дѣвушкѣ съ отсѣченными руками къ частности — въ фольклорѣ. А полемика между Ст. Стефановичемъ въ «Дело» (1906, II) и авторомъ въ «Српски Књижевни Гласник» (1907, XVIII, 684, 770, 936) выяснила еще нѣсколько цѣнныхъ подробностей изъ жизни этого сюжета въ фольклорѣ, главнымъ образомъ сербскомъ. Поэтому въ нашей рецензіи не будемъ останавливаться на тѣхъ же вопросахъ, разработанныхъ къ тому же значительно лучше, чѣмъ другіе отдѣлы изслѣдованія, — и ограничимся замѣчаніями о тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ П. Поповичъ изслѣдуетъ судьбу изучаемаго мотива въ славянской письменности.

У П. Поповича были такіе авторитетные предшественники, какъ А. Н. Веселовскій («Novella della figlia del re di Dacia». Пиза, 1866), H. Suchier («Oeuvres poétiques de Philippe de Remi sire de Beaumanoir», Парижъ, 1884, и «La fille sans mains». Romania, 1901, октябрь), A. d'Ancona («Sacre rappresentazioni dei secoli XIV, XV e XVI», Флоренція, 1872), T. Maretić («Der altkroatische Text eines Mirakels als Quelle der Volkserzählungen», «Архивъ» Ягича VI, 1882), Puymaigre («La fille aux mains coupées», Revue de l'hist. des religions, 1884),

L. Sichler («La fille aux bras coupés», тамъ же, 1886) и др. Они достаточно полно изслѣдовали западные романы, драмы и сказанія XIII—XV вв. вродѣ «La belle Hélène de Constantinople», «La Manekine», «Miracle de la fille du roy de Hongrie», «Ystoria regis Franchorum et filie in qua adulterium comitere voluit», «Historia de la regina Oliva», «La istoria de la filla de l'emperador Contasti», «Königstochter von Frankreich» — первый типъ, а также чуда «Come la gloriosa verzene Maria campa da molte insidie uno fiola de uno imperatore ala quale li erc state tagliate le mane», помѣщеннаго въ извѣстномъ изданіи у Виченцо «Miraculi de la gloriosa verzene Maria» (1475 г.), или подобное чудо въ книгѣ аѳонскаго монаха Агапія «Βιβλίων ὡραιότατον χαλούμενον Ἁμαρτωλῶν Σωτηρία», первый разъ напечатанной въ Венеціи въ 1641 году, — второй типъ. Работы предшественниковъ П. Поповича дали ему возможность представить цѣнную классификацію сказочныхъ мотивовъ въ сербскомъ и болгарскомъ фольклорѣ, опредѣливъ восемь версій, восходящихъ къ установившимся западнымъ типамъ (главы III и IV).

Въ южно-славянской письменности извѣстно было Чудо «о царевнѣ (вар. царицѣ) франчской, ейже отсѣченныя руцѣ уврачева (вар. исцѣли) всесилна Владычица», переведенное изъ упомянутой книги Агапія впервые извѣстнымъ Самуиломъ Бакачичемъ во второй половинѣ XVII вѣка. На немъ прежде всего и остановимся.

П. Поповичъ отмѣчаетъ тринадцать сербскихъ списковъ «Чудесъ Богородицы»: 1) Патріаршей библіотеки въ Карловцахъ, 1693 года (авторъ не увѣренъ, впрочемъ, что это переводъ Бакачича); 2) Сербской Академіи 1697 года, № 103 (295); 3) монастыря св. Троицы, того же года (описана М. Вукичевичемъ «Из старих Србуља» (Сараево, 1901, стр. 66), но Повѣсть имъ не отмѣчена); 4) монастыря Ораховицы неизвѣстнаго времени (автору неизвѣстно, какой это переводъ, и есть ли въ рукописи интересующая его Повѣсть); 5) монастыря Малаго Врдника 1688 года (автору неизвѣстно, есть ли въ рукописи эта Повѣсть); 6) Сербской Академіи XVII вѣка № 113 (265); 7) той же библіотеки № 104 (264). переписанная въ 1714 году въ Сараевѣ; 8) Рыльскаго монастыря 1715 года (? См. ниже) № 3/27 (73) (есть ли въ рукописи Повѣсть, автору неизвѣстно); 9) того же монастыря 1718 года, № 3/28 (неизвѣстно ему, переводъ ли это Бакачича, и есть ли въ рукописи Повѣсть); 10) Хиландарскаго монастыря 1725 года, № 390 (тѣ же недоумѣнія); 11) Народной Бѣлградской Библіотеки 1752 года № 506 (558); 12) той же библіотеки 1823 года № 604 (375); 13) священника с. Каме-

ницы Н. Н. (?), 1861 года (автору неизвѣстно, есть ли въ рукописи Повѣсть).

Такимъ образомъ, изъ 13 рукописей, къ несомнѣннымъ переводамъ Бакачича относится всего четыре списка Повѣсти, именно 2, 6, 7 и 11. Нетрудно отсюда сдѣлать выводъ, что авторъ имѣлъ подъ руками только рукописи двухъ бѣлградскихъ библіотекъ. П. Поповичъ частью совсѣмъ не видѣлъ остальныхъ рукописей и ссылается на существующія описанія, въ большинствѣ очень неудовлетворительныя, частью же не поставилъ себѣ задачу сравнить переводы и сдѣлать возможныя догадки хотя бы на основаніи описаній, ограничившись такимъ образомъ внѣшними данными описаній рукописи, и т. д. Что касается списка 12-го, то уже изъ заглавія и начальныхъ словъ («О исцеленију рук царице Галов». *Нач.* Био е у Галии неки цар кои обудовле првом женом и т. д.) видно, что это безусловно иной переводъ, и авторъ справедливо видитъ въ рукописи копію съ печатнаго изданія 1808 года (переводъ В. Ракича). То же можно предположить относительно 13 списка, о которомъ сообщаются такія свѣдѣнія: «на народном говору с елементима црквеног и бугарског језика» стр. 32), конечно, если только въ рукописи помѣщена изучаемая Повѣсть. Сомнѣнія возбуждаютъ и обѣ рукописи Рыльскаго монастыря, особенно первая. Е. Спространовъ ничего не говоритъ о составѣ «Чудесъ Богородицы», не приводитъ заглавія и т. д. и останавливается только на прибавленіяхъ къ первому Сборнику («Описъ», стр. 75—76). Ничего новаго не находимъ мы и въ описаніи той же рукописи у Л. Милетича кромѣ сомнѣнія: Милетичъ относитъ ее къ XVIII вѣку и языкъ называетъ «ново-болгарскимъ къ русскими примѣсями (славяно-болгарскимъ)», («Библиотека. Приложение на «Църк. Вѣстникъ», 1902, кн. IV—VI, (стр. 157, № 50—73); Е. Спространовъ датируетъ началомъ XVIII вѣка, а редакцію называетъ «сербской». Относить же ее къ 1715 году на основаніи записи и видѣть въ ней переводъ Бакачича потому, что въ записи упоминается хиландарскій іеромонахъ Агапій, какъ это дѣлаетъ П. Поповичъ (стр. 30),—нельзя. Только на основаніи числа чудесъ (77), а также того, что прибавленія къ «Чудесамъ Богоматери» въ этомъ Сборникѣ совпадаютъ съ такими же статьями въ сборникѣ вѣнскомъ (см. ниже), мы лично признали бы въ рыльской рукописи переводъ Бакачича, но не по инымъ даннымъ, и во всякомъ случаѣ не по упоминанію іеромонаха Агапія, повидимому, собственника рукописи. П. Поповича смущаетъ почему-то число чудесъ («чудеса има 77, дакле 8 више но у Агапија»). Но если бы онъ изслѣдовалъ хоть одну изъ доступныхъ ему рукописей цѣликомъ, то навѣрное замѣтилъ бы, что чудесъ 22, 69, 70, 71, 72,

73, 74, 75 и 76 въ первомъ венеціанскомъ изданіи нѣтъ. Этимъ и объясняется разница въ числѣ главъ греческаго изданія и сербскихъ списковъ.

Списокъ рукописей, извѣстныхъ П. Поповичу, неполонъ. Мы можемъ указать еще нѣсколько, причемъ одна изъ нихъ, Вѣнская, оказывается старшей и имѣетъ иное заглавіе сравнительно съ тѣми, которыя приводитъ въ своей книгѣ П. Поповичъ. На основаніи характера всей рукописи, распредѣленія строкъ на заглавномъ листѣ и другихъ признаковъ мы склонны видѣть въ ней оригиналъ, приготовленный къ печати, и относить къ 1687 году самый переводъ. Намъ извѣстны слѣдующіе списки:

1. Вѣнской Придворной Библіотеки 1687 года № 59, въ четвертку, на 214 листахъ, съ такимъ заглавіемъ: **Парадигмата | или | Прикла́ды | могоущие въса́ка҃ чьтоуща҃ | ѿ злобы оубо ѿста́вити | къ добродѣтели же наста́вити | избра́нные ѿ книги єзыка гръ|чьскаго гл҃емые Ямартоло́нъ | Сотирі́а и напи́санные сло|венски, | троудолюбиемь смѣре́ннаго ієро|мона́ха Самоуила Бака́чича. роуси|на ро́дом. повеле́ніем же и иждиве́|нием высч҃тнѣишаго и прп҃бнѣи|шаго въ сщ҃енноиноцехь кир | Василиа. доухо́вника | СтоПа́велскаго. | въ ст҃ои горѣ Ядо́нскои | вь скитахь Стоа́нскихъ. | въ лѣто сп҃се́ніа ҂ах҃ пз | мца декевріа ѕ҃ дне.**

2. Той же библіотеки, конца XVII вѣка, № 63, въ четвертку, на 171 листѣ. Первый листъ, вмѣстѣ съ заглавіемъ, изорванъ настолько, что сохранились только послѣднія слова: **на словеньскіи ѥзыкь преведена.** **Предисло́віе.** Утраченъ и конецъ Предисловія. На л. 5 читается заглавіе, также дефектное: **Чюдеса̀ прест... ѿ ни́хже прьвое ѡ... ѡслѣпшим. и ѡ пострада́вшемъ ѿсѣче́ніе роукь. и повьнегда̀ вѣровати ѥмоу вь хр҃а. ѿ прѣстые бц҃е исцѣлѥнномь.** Интересующая насъ Повѣсть начинается на л. 26 об. и озаглавлена: **ѡ нѣкоеи цр҃евнѣ фра́нчьскои, ѥнже оусѣче́нные роуцѣ исцѣли высесилна҃ вл҃чца, чюдо а҃і.**

3. Публичной Библіотеки въ Петербургѣ, собранія А. Гильфердинга (№ 45) 1715 года. Заглавіе—не вполнѣ обычное, но близкое къ списку Сербской Академіи 1697 года: **чюдеса красна прѣ҃тие бц҃е ѿ грьчаскаго єзика на словенкіи превѣденна ѿ самоила Ієромонаха бакачиħа въ ст҃ои гори адонкои.** Рукопись найдена А. Гильфердингомъ въ Сараевѣ въ 1857 году, тамъ же и переписана. Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1868 г., стр. 85—86.

4. Кіево-Печерской лавры 1758 года, № 190. Заглавіе: Чудеса Прты Влчцы, нашеа Бцы, и Приодвы Міріи, ѿ греческагѡ ѧзыка на славенскій, преведеннаа во ѡбщую ползу, ѿ смиреннагѡ Іеромонаха Самуила Бакачича, во сто горѣ Аѳонской. Н. Петровъ. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ, М. 1896, вып. II, стр. 121.

5. Той же библіотеки, XVIII вѣка, № 234. Тамъ, же, стр. 121. «Вѣстникъ славянства» В. Качановскаго, IX, стр. 52—53.

6. Филиппопольской Городской Библ-ки XVIII в. № 73. Извѣстія Отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ 1903, III, 347.

7. Мон-ря Житомыслича № 156 (у Дуħиħа № 33). Вукиħевиħ, Гласн. Земальског Музеја у Б. и Х., XIII, 53.

Встрѣчаются въ рукописяхъ отдѣльныя чудеса изъ «Грѣшныхъ Спасеніе» въ томъ же переводѣ, встрѣчаются и выписки изъ предисловія, напр. «Отъ предисловія на чудеса Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, отъ греческаго языка на славенскій преведенная въ общую пользу отъ смиреннаго іеромонаха Самуила Бакачича во святой горѣ Аѳонской». Сборн. нач. (?) XVIII в. Спб. Публ. Библ. О. I. № 274, л.л. 124 об.—126 об. «Отчетъ» за 1882 г., стр. 49.

Научная цѣнность изданнаго П. Поповичемъ единственнаго текста «Чуда» и по одной только бѣлградской рукописи 1697 года значительно увеличилась бы, если бы къ этому тексту были подведены варіанты изъ другихъ рукописей, предварительно же было бы выяснено взаимное отношеніе всѣхъ или нѣсколькихъ сербскихъ и восходящихъ къ нимъ списковъ сборника «Грѣшныхъ спасеніе».

Изданіе цѣннаго памятника по одному случайному списку, безъ исправленій темныхъ мѣстъ текста, значительно понижаетъ научное значеніе этого приложенія къ работѣ П. Поповича. Достаточно указать хотя бы два мѣста, не имѣющихъ даже смысла въ изданномъ текстѣ и исправляемыхъ другимъ спискомъ, напримѣръ, у Поповича: прижи ѡ нки (стр. 117)—въ гильферд.: прилѣжи о нки л. 10; у Поповича: не тачию же на и ва похотени его бы (стр. 118) — въ гильферд.: не тачію похвали его, нъ и вь похотѣній егѡ бить л. 10. Такихъ примѣровъ можно указать нѣсколько. Но удивительнѣе всего окажется наблюденіе надъ текстами двухъ сербскихъ текстовъ, вполнѣ опредѣленно названныхъ переводомъ Бакачича. Оказывается, нельзя даже говорить о переводѣ, и — если вѣрить авторитету заглавій — приходится говорить о переводахъ Бакачича. Нѣсколько примѣровъ безусловно подтверждаютъ нашъ выводъ о разныхъ переводахъ:

Сараевскій списокъ 1715 года:	*Изданіе П. Поповича:*
въ печали велицеи (л. 9 об.).	въ печали неꙋтешимои (стр. 117).
не знающи	не веи
камо сѣ дѣпꙋ	ге е
изидѣ ис полати	избеже таино
имѣꙗшѣ зазрѣнїе	имее ва зазрени
не ꙗвлꙗше мисли	не ꙗви мисли
и посла писанїа по цртвїю своемꙋ	посла ꙋбо чвкь въ различнне страни на вазискание, написа же и повеление
воеводи	игемони
коннкое ристанїе	ипбромиѡⁿ, сиреⁱ коⁿское ристание
мало ꙋтѣхи ѿ скрьби	мало раости, да не ꙋмрътвиⁱ еᵍо пеⁱаль
бесѣдовахꙋ и вси ꙋблажахꙋ его (л. 10).	бесѣдовахꙋ, васи глахꙋ ѡ неⁿ добре, и хвалꙗхꙋ еᵍ и почитахꙋ (стр. 118)
єдиноᵍѡ ѿ слꙋгъ его	раба
вса по рѣдꙋ	въса подробнꙋ
сьтвори емꙋ гощѣнїе (л. 11).	ꙋчредивши

При дальнѣйшей работѣ, быть можетъ, будетъ поставленъ вопросъ о разныхъ редакціяхъ сравниваемыхъ текстовъ, даже о разныхъ оригиналахъ, если переводчикъ близко держался подлинника, и т. д. Небольшой отрывокъ, который приводится ниже, — примѣръ слишкомъ очевидный:

Бѣлградскій академическій списокъ № 103:	*С.-Петербургскій гильферд. списокъ № 45:*
Ѿ црици франаⁱской еиже ѡсеченїе рꙋце исцели всесилна влчца чю ·аі·: (л. 320).	Повѣсть ѡ двци цревой дащери еиже ꙋсѣченнїе рꙋцѣ исцѣли прєстаа влчца наша бца·:
Беше въ франки неки цръ въдоваⁿ по првой жене; са неюже роди едино женско ѿроче. По семъ приде ва втори бракъ, и	Бѣше въ францїи нѣкїи цръ благочьстивъ. и имѣѡше дащерь двицꙋ вѣлми кранꙋ именѣ марїа. ꙋмарши же матѣри еѧ.

покᵗ женѹ толико краснѹ ѡ не ѡ̈бреташе се ва државе еᵗ дрѹга пѡ̈бна ѐй въ красоте. Ѩже елико бѐ бл҃гоѿбразна телоˣ, толико бѐ злоѿбразнаа и̂ зло-вина дшею; наипаче же ѿ за вистѝ толико бѐ побежена ѡˢ не хотеше никакоже да сли-шиᵗ ѡˢ ѡ̈бретает се негᵈе дрѹга красненша ѿ нее. Видещи же дащеᵖ ії̂ревѹ роженїнѹю ѿ прве жени ѡ҃ имеше доброту тела чл҃днѹ, прїеᵗ въ срци своеˣ дїавола, иска ю по гѹбитѝ ѿ завнсти да не обретает се кра-сненша ѿ нее.

поѐть ѿц҃ь ее црь дрѹгѹю женѹ себѣ толико кра҃нѹ (л. 4 об.) ѩко не ѻбрѣташе́е дрѹгаа та-коваа вь странѣ той. ѩже елико бѣше кра҃на тѣлѿ. толико бѣше завистлива. ѩко нѣ хо-тѣше слишати ѩко е҃ негдѣ инаа краснейшаа ее. видѣщи же црца маќеха марина дьщѣрь мѹжа своего. ѩко е҃ красна ѕѣло. вьсѣли вь себѣ дїавола и̂ искаашѣ врѣме како погѹ-бити девицѹ ѿ завити. да не обрѣтаетсѣ краснѣиша ее.

Указанный выше вѣнскій списокъ № 59 не только—самый старшій и исправный, но, кромѣ того, даетъ интересныя свѣдѣнія о переводчикѣ, который, оказывается, переводилъ по заказу іеромонаха аѳонскаго Павловскаго монастыря Василія, работалъ въ скитѣ св. Анны на Аѳонѣ и окончилъ свой трудъ 7 декабря 1687 года. Бакачичъ и по другимъ свѣдѣніямъ считается южнорусомъ, хотя фамилія его какъ будто передѣлана и получила сербскую форму. Какъ извѣстно, ему принадлежатъ еще переводы «Сокровища» Дамаскина Студита и «Мессіи Праведнаго» Голятовскаго [1]). О переводѣ Бакачича «Грѣшныхъ спасеніе» см. неизвѣстную П. Поповичу замѣтку А. Соболевскаго въ «Чтеніяхъ Историч. Общ-ва Нестора лѣтописца», т. XIV, вып. II, стр. 14. Прибавимъ еще, что русскій переводъ «Ἁμαρτωλῶν Σωτηρία» на книжный церковно-славянскій языкъ сдѣланъ былъ извѣстнымъ чудовскимъ монахомъ Дамаскинымъ, при участіи Евѳимія, другого дѣятельнаго монаха того же монастыря, въ концѣ XVII вѣка (приблизительно съ 1693 года) и въ началѣ XVIII (вскорѣ послѣ 1705 года. А. Соболевскій, Переводная литера-

---

1) Переводъ сдѣланъ на Аѳонѣ въ 1669 году. Рукопись Житомыслича № 26 (22). Гласник Земальског Музеја у Б. и Х. XIII, 51.

тура Московской Руси. СПБ. 1903, стр. 334; 336—337). Отношеніе русскаго перевода къ сербскому не входитъ въ задачу автора, хотя упоминаніе о существованіи перевода и свѣдѣнія о личности переводчика были бы, конечно, нелишни. Но выяснить, почему переводъ «русина» родомъ получилъ такое широкое распространеніе въ сербской письменности,—этотъ вопросъ едва-ли уже лишній.

Говоря далѣе о «Чудѣ» въ болгарской письменности (стр. 35—36), П. Поповичъ указываетъ одинъ лишь списокъ, Хиландарскаго монастыря № 427, переписанный хиландарскимъ проигуменомъ Даніиломъ въ Ловчѣ въ 1768 году, не указывая почему-то страницы описанія рукописей іером. Саввы (должно быть 80). Впрочемъ, и этотъ списокъ вызываетъ справедливыя сомнѣнія. Хотя Савва называетъ «письмо (?!) болгарскимъ», однако П. Поповичъ не довѣряетъ этому опредѣленію и думаетъ, что рукопись можетъ быть «сербской редензіи» (стр. 36). Такимъ образомъ, единственный извѣстный автору списокъ оказывается скорѣе не болгарскимъ. Повѣсть съ подобнымъ сюжетомъ на болгарскомъ языкѣ мы могли бы указать въ Сборникѣ XVIII вѣка, принадлежавшемъ раньше проф. М. С. Дринову, а теперь Народной Библіотекѣ въ Софіи № 635, л. 75: **слово за марїа бг҃а и Ѿсекоха р8цете. и па ї ги дд҃е ст҃аа бц҃а. и оздраве пакь. Нач. Имаше ёднь црь на ё҆днь гра҃ь. и цр҃8ваше и їмаше црица хр҃тїанка и добїха чѐо женско...**

Наблюденія надъ послѣднимъ текстомъ интересны въ томъ отношеніи, что болгарскій переводъ въ рукописи XVIII вѣка отличается и отъ славяно-сербскаго перевода Бакачича, и отъ болгарскихъ печатныхъ изданій, и отъ сербскаго перевода Викентія Ракича, извѣстнаго намъ по первому венеціанскому изданію — ΘΑΥΜΑΣΙΑ τῆς υπεραγιας Θεοτοκου сї есть ч8деса̀ пресватыѧ богородицы Преведе́нныѧ съ Гре́ческагѡ Вї̈ке́нтїемъ Ра́кичемъ Фене́чкимъ, 'Ефиме́рїемъ Цр҃кве Славено-Се́рбскїѧ храма ст҃а́гѡ Спѵрї̈дѡ́на ч8дотво́рца въ Трї̈е́стѣ с8щыѧ. На захте́ванье Г. Ѳомы̀ Ми́линовича к8̈пца и҆ Гражданина̀ Трї̈ести́нскагѡ и ѐгѡ́же и҆живе́нїемъ на Тѵпъ издата... Настоѧнїемъ... 'Іерея Спѵрї̈дѡ́на Рафаиловича ѿ Паштроевичь. въ Венецїи̇. При Господину Пани Ѳеодосїю. 1808. Послѣднее чудо— въ этомъ изданіи — 69-е; къ нимъ прибавлено извѣстное «отъ светаго вселенскаго сѵнода седмаго правило» (стр. 147). Замѣтимъ, что рядъ словъ и фразъ въ болгарской рукописи написанъ киноварью, и при изданіи отрывковъ (см. и ниже) мы передаемъ такія мѣста въ разбивку.

Сборникъ Софійской Народной Библіотеки № 635:

слово за марїа ѣ҃га и ѿсекоха рѹцете. и па(к)ї г҃ї д҃ае с҃таа в҃ца. и оз҃раве пакь (л. 75).

Имаше е҃инь ц҃рь на еинь гр҃ал и ц҃рѹваше и ї҃маше ц҃рца добра х҃ртїанка и добїха ч҃ео женско и к҃ртиха ю їмето мѹ марїе. и сл҃ѣь малко време ѹмре мѹ ц҃рцата. и оста марїа сїраце. и ц҃рь. ѹзе дрѹга ц҃рца: и доїде некое време та (л. 75 об.) **ѿиде ц҃ра далеко на некоѧ ц҃рка работа. а ц҃рцата вїдѧ марїѧ какь е хѹбава и фтрьде** (sic) **разѹмна. а тїа като беше лѹкав҃а а тїа и завїде на хѹбоста защ҃о марїи зафалѧть повече ѿ ц҃рцата...**

Переводъ Ракича:

Ѽ исцѣленїи Рѹкъ царицѣ галωвъ. Чѹдω 11 (стр. 22—29).

Быо ѐ у галїи некїй царь, кой ωвдовѣши первомъ женомъ, коѧ мѹ ѐ родила еднѹ дщерь весма лепу, и нарече еи име марїа. Потомъ царь ѡ҆женисе съ дрѹгомъ, коѧ ѐ была весма лѣпа, но колико е была красна тѣломъ, толико съ дѹшомъ ѕлообразна, и толико е была ѡ҆бладана завистїю, да нїе могла чѹти да бы была коѧ подобна ньой красотомъ, видетьи пасторкѹ да хотье быти красотомъ болѧ ѿ нье, наѹчаема дїаволомъ, намысли каквимъ годъ начиномъ да смакне дѣвицѹ, да се не надье да ѐ коѧ лепша ѿ нье.

Далѣе у П. Поповича слѣдуетъ упоминаніе о будимскомъ изданіи болгарскаго перевода книги «Чудеса пресвятыя Богородицы», 1817 года, съ ссылкой только на А. Теодорова «Българска литература» и предположеніемъ: «наша приповетка, ван сваке сумње, налази се овде» (стр. 36). Полное заглавіе этого изданія авторъ могъ бы найти хотя-бы въ «Български книгописъ» того же А. Теодорова въ приложеніи къ IX книгѣ «Сборника» болг. мин-ва просв. (1893 г., стр. 143) и тамъ же узнать о другихъ изданіяхъ. Подъ буквой *в* у Теодорова приводится заглавіе переизданія 1851 года, впрочемъ, неточно и въ русской транскрипціи. Приводимъ поэтому болѣе точное заглавіе «**Чѹдеса пресвѧтыѧ Богородицы преведены ѿ книга Ѧ҃мартолонъ Ѳотиріа на славеноболгарскїй**

ѧзыкъ, ради пoлзы и поѹ҆че́нїѧ и дꙋшеспасенїѧ ро́да хрⷭ҇тїан-скагѡ: и на тѵ́пъ и҆зда́нна въ лѣто 1817. И҆ сега̀ но́во се пре-печата̀ ѿ Нїколаѧ Карастоѧновича, книговезателѧ и книгопро-давца въ градъ Самоко́въ 1851. въ собственной е҆го печатнѣ». (4°. 219+3 л.). На стр. 20 упомянутой библіографической работы А. Теодоровъ относитъ первое изданіе болгарскаго перевода «Амарто-лонъ сотиріа» къ 1814 году, съ оговоркой, что не имѣлъ подъ руками подлиннаго изданія. Въ той же работѣ А. Теодорова подъ буквой *б* ука-зано букурештское изданіе 1846 года, какъ «переизданіе». На самомъ дѣлѣ, это—самостоятельный переводъ, и здѣсь повторяются, очевидно, слова П. Сырку—изъ «Журн. М. Нар. Просв.» 1890, VIII, отд. кри-тики 393. Для полной же картины судьбы Повѣсти въ южно-славян-ской письменности П. Поповичу слѣдовало бы прослѣдить эти болгарскіе тексты, чего онъ не сдѣлалъ, ограничившись однимъ упоминаніемъ изда-нія 1817 года. Печатаемъ ниже два текста. Первый изъ нихъ, изъ Самоковскаго изданія 1851 года, стр. 31—42 близокъ къ сербскому переводу В. Ракича, напечатанному въ Венеціи въ 1808 году (второе изданіе—въ 1837 году въ Бѣлградѣ), а второй оказывается болѣе близ-кимъ къ сербскому переводу Бакачича, напечатанному П. Поповичемъ по рукописи Сербской Академіи 1697 года (стр. 113—122).

О҆ и҆сцѣле́нїи рꙋ́къ цари́цы га́ллѡвъ Чꙋдо аі.

I. Има́ло оу҆ Га́ллїа нѣкой ца́рь пе́рвата жена́ мꙋ оу҆мре́ла, коѧто мꙋ была̀ роди́ла е҆дна̀ щерка, мно́го кра́сна и҆ прили́ч-на дѣви́ца, и҆ наре́кли и҆мето и҆ марі́а: и҆ по́сле ца́ро па́къ се ѡ҆жени́лъ за дрꙋ́га, и҆ о҆на̀ была̀ мно́го хꙋ́бава, но ко́лко со сна́-га хꙋ́бава то́лко по́вече съ дꙋ-ша́та ло́ша грꙋ́ба и҆ зави́стлива, и҆ска́ла да не́ма дрꙋ́га жена̀ като не́ѧ хꙋ́бава, и҆ видѣ́ла защо̀

Ѿ е҆ди́ной дъще́ри црⷭ҇еве ѿсѣче́ннїе рꙋцѣ па́кы и҆сцѣли прѣстаѧ бца чю́до. аі.

I. Бѣше въ вракїи некто̑ цр҃ь въдовствꙋе по женѣ прьвои. съ нїеюже роди̑ е҆ди́но женьско ѡ҆т-ро́че ѕѣло кра́сно, и҆ и҆менова́ ю҆ ма́рїа. посе́мь прїиде въ вто́ри бра́кь. и҆ поѥ́ть женꙋ толи́ко кра́снꙋ ꙗ҆ко нѐ ѡ҆брѣта́-шесе въ дрьжавѣ е҆го дрꙋга́а подо́вна е҆и. ю҆же е҆ли́ко бѣ блго-о҆бра́зна тѣлѡмь. толи́ко бѣ безо҆бра́зна дшею и҆ безвинна. наипа́че ѿ за́висти ѡ҆блада́ема

не́йна па́йсторка ще да бы́де похва́лава ѿ не́ѧ. и҆ дїа́волъ нау́чи̂ да ѧ҆ ѹ҆бі́е.

толи́ко бѣ̀, ꙗ҆́ко нѐ хо́теше ника́коже да слы́шить ꙗ҆́ко ѡ҆брѣта́ет' се не́где дрꙋга́а красн'ѣйша́а ѿ нѥ́е. види́щи же дьще́рь црⷭ҇е́вꙋ рожде́ннꙋю ѿ прь́вїе женѝ ꙗ҆́ко и҆мѣ́ше доброт́ꙋ чю́днꙋ̂, прїе́ть къ срⷣце своѐ дїа́вола. и҆ и҆ска́ше ѻ҆бра́за ка́ко бы погꙋби́ти ю҆̀ ѿ за́висти да не ѻ҆брѣта́ет'есе бо́лша ѿ нѥ́е кра́сотою.

II. Ца́рьо нѣ́когда ѿи́дѐ дале́ко, ѻ҆̂нѝ тоги́ва нашла̀ вре́ме и҆ рекла̀ на е҆ди́нъ слꙋга̀, и҆скамъ да ми ѹ҆чи́нишъ е҆дна любо́вь, а҆мѝ ни́кой да не зна́е, и҆ ще да тѝ даде́мъ що ти е҆̆ наймѝло, и҆ то́й се закле́лъ да сотво́ри що ще да мꙋ̂ запов'ѣда. Тоги́ва мꙋ ѻ҆нѝ ре́че: Пе́рвата женѝ царе́ва роди́ла та́ѧ дѣво́йка, но не е҆̀ сосъ не́го, но съ не́кой ѕо́лъ человѣ́къ ѕлонра́венъ, затова̀ и҆ ѻ҆нѝ се ло́шо чи́ни, и҆ска да посрамо́ти ца́рскїй до́мъ; ѹ҆̆тре да ѧ҆̆ зе́мешъ ра́но, и҆ ре́чи и҆̆ каквѽ ще да ѧ҆̆ во́днишъ на прохлажде́нїе и҆ ѿведѝ ѧ҆̆ ѹ҆ плани́ната дале́ко та да ѧ҆̆ ѹ҆бі́ешъ, и҆ за нишанъ да и҆̆ ѿсѣче́шъ раце́те да ги донесе́шъ: и҆ то́й се справи́лъ ѿ ве́черъ съ е҆ди́нъ не́говъ вѣ́ренъ дрꙋга́ръ, и҆ ѹ҆ по́лꙋнощь совꙋди́ла цари́цата

II. е҆̆гдà ѹ҆̆бо ѿи́де црⷭ҇ь въ и҆̆нꙋ стра́нꙋ нꙋ́ждные нѣ́кїе ра́ди ве́щи. ѻ҆̆брѣте ѹ҆че́ница дїа́волѧ врѣ́ме подо́бно да сътво́рить хо́тенїе своѐ. призыка́еть ѹ҆̆бо ѿ ра́бь е҆ди́ного вѣ́рнаго себѣ̀. ї҆̆же и҆мѣ́ше мнѡ̂(го)е къ нѥ́и дрьзнове́нїе, и҆ г҃ла е҆мꙋ̀. е҆ди́нꙋ бл҃годѣ́ть хо́щу да ми сътво́риши въ та́йнѣ да не ѹ҆вѣ́сть никтѡ̂же се́го. и҆ а҆̆зь ти толи́ко сътворꙋ възмаздие, ꙗ҆́ко да бꙋ̂деши прь́вын въ црⷭ҇ьствиихъ. ѻ҆̆нъ же ѡ҆бѣ́ща се съ клѥтвою сътво́рити е҆̆же а҆̆ще чтѡ̂ побѣли́ть е҆мꙋ̀. ѡ҆̆на же г҃ла къ нѥмꙋ̂. прьва́а женѝ ю҆̆же и҆мѣ̀ црⷭ҇ь сътворѝ сї́ю дъще́рь съ и҆̆нымь нѣ́кимь зла́го жи́тїа чл҃комь, а҆ не съ црⷭ҇е́мь. сего̀ радѝ ꙗ҆́ко прѣлюбодѣа́нїа ро́жденїе. твори́ть дѣ́ла стꙋ́дна и҆ безмѣ́стнаа. и҆ а҆̆ще жи́ти бꙋ̂деть

дѣвóйката и рекла ѝ; иди ма-
ріе напредъ, и азъ послѣ еденъ
часъ ще дóйдемъ по тебе. и
така ѫ качили на една коле-
сница и завели ѫ оу пѫстынѧ-
та.

мнóго, имать посрамити домь
мой. мл҃ю те оубо възми ю
оутре и рци ей яко везеши ю
въ инь дворь нашь да пождеть
дондеже пріидꙋ и азь тамо,
ты же ѿвези ю въ пꙋстинꙋ
глъбокꙋ и загꙋби ю тамо и
съкрий да не слышить никтоже
ѿ семь. и въ свѣтелство не-
лажнаго оубьенія ѿсеци ей
рꙋцѣ и принеси ми. слꙋга же
обѣща се сътворити тако. и
оуготови се ѿ вечера съ еди-
нимъ сродникомъ и вѣр-
нымь своимь дрꙋгомь. въ по-
лꙋнощи възбꙋди цр҃ца отроко-
вицꙋ и гл҃а ей. поиди маріе
моа съ сими чл҃кы идеже по-
вѣлехь имь ѿвѣзти те. прі-
дꙋ же и азь тамо въскорѣ да
прѣведемь нѣкое врѣме дон-
деже прѣидеть скрьбь юже
имамь ѿшьствіа ради цр҃ева.
и тако пое отроковицꙋ и ѿвѣ-
зоше ю въ далекое и пꙋстое
мѣсто.

III. а она се сетила че ѫ лъ-
жатъ, понеже веше разꙋмна и
бг҃обоѧзлива, и погледнала на
нб҃ото и со слъзи се молила,
и говорила: влч҃це моѧ бц҃е, азъ
немамъ дрꙋга помощница,
освенъ бл҃годать твоѧ, и да
имъ платишъ на тіѧ що пра-

III. ѡна же видевши яко прѣ-
лащена бы възведе очи свои на
нб҃о, и начеть сь слъзами мл҃и-
ти се срц҃е гл҃е. влч҃це бц҃е инїе
надежде не имамь, кромѣ
твоее бл҃гти. и ти враждꙋю-
щимь ми въздаждь въсѣе и
без правди. гл҃ахꙋ ей слꙋги не

ватъ непра́вда; тїа що ѧ̆ водили слꙋгите реклѝ, не́ бойсе не щѐ да постра́дашъ ѿ на́съ никое ѕло̀, а̀ о̀на̀ рекла̀ защо́ ме лъжете, ма́щеха моа̀ и̂злага́ ме и̂ преда́де ме оу̂ ваши рꙋ́ки да мѐ оу̂біете, ѡ̂ба́че надѣемсѧ на б҃га ще да вѝ ѿвъ̀рне за тако́ва беззако́нїе, са́мо това̀ ва́съ мо́лимъ да ме не оу̂біете и̂зведна́шъ, но да мѐ поче́кате доклѐ преда́мъ дꙋша́та си б҃гꙋ. Ѿговори́ли о̂нѝ, кога́то си зна́ѧла ты̀ това̀, добро̀ было̀ да не сѝ дошла̀ съ на́съ не бы̀ погина́ла, ни́то ні́е щехме да па́днеме въ тако́ва беззако́нїе, а̀ сега̀ ще да напра́виме що ны є̆ рекла̀ ма́щеха ти; гово́ри о̂на̀: не є̆ ли ви стра́хъ ѿ б҃га да ме оу̂біете безъ кабаха́тъ; зна́йте добрѐ, тако́ва беззако́нїе ще да се ꙗ̆ви, ни па́къ ще да вѝ ѡ̂ста́ви пра́ведный сꙋдїѧ̀ безъ наказа́нїе, но ще да вѝ ѿвъ̀рне и̂ ва́мъ, и̂ на о̂на́ѧ неми́лостива звѣри́ца: а̀ ӑко и̂скате да се и̂зба́вите ѿ то́ѧ грѣхъ, ѡ̂ставе́те ме тꙋ́ка оу̂ планина́та жи́ва, и̂ рече́те оу̂би́хме ѧ̆, по-добрѐ є̆ да оу̂мремъ тꙋ́ка сама̀ ѿ гла́дъ, и̂ вы́е да сѝ не оу̂то́пите раце́те ва́ши въ кръ́въ безгрѣшна и̂ пра́ва. Така̀ и̂мъ

пла́чи и̂ не бо́и се, не и̂маши бо̑ пострада́ти ѿ на̑ зла̀ ни є̂ди́ного. ѿна́ же р҃е почто̑ ла́жꙋ гл҃е́те; мащеха́ моа̀ прѣласти мѐ и̂ прѣдаде ме въ рꙋ́цѣ ва́ше да мѐ погꙋбите. нъ̀ оу̂пова́ю на надѣждꙋ ненадѣждныхъ, ꙗ̆ко възда́сть вамь безако́нїе ва́ше. что хо́щете про́чее. мѣсто є҃ поу̂сто тво́рите во́лю г҃пожди ва́шее. тъ́чїю м҃лю ви не оу̂биканте мѐ на́прасно нъ̑ и̂сповѣждьте ми да съ м҃лтвою прѣда́мь ду́хъ мо́й вл҃цѣ. ѿни́ же ре́ше є̆и. а̂ще бы вѣдела ѡ̂ се́мь прѣжде́, не би пошла́ съ на́ми. ѡ҃ни́ же до́брѣ разꙋмѣ, ꙗ̆ко ма́щеха твоа̀ повѣлѣ на́мь да тѐ погꙋбимь. и̂ ѡ̂бѣща́хꙋмь се є̂й та́ко сътвори́ти. ѿна́ же р҃е. то не боите́ ли се б҃а да мѐ оу̂биете неправе́дно. не вѣсте ли ꙗ̆ко прѣбл҃гїй б҃ь ꙗ̆ко соу̂дна пра́вѣднїи, не ѡ̂ставить та́ковомꙋ дѣлꙋ оу̂таити́ се и̂ без наказа́нїа быти. нъ̑ ѿмасти́ти хо́щеть и̂ вамь и̂ о̆нои немл҃тикои поне́же ні́же ѿнꙋ̑ ни́же ва́сь ѡ̂бидихъ никогда́же ни́чимже. ӑще хо́щете оу̂бѣжа́ти та́коваго безако́нїа. ѡ̂ставите ме̑ въ пꙋстини се́й жи́вꙋ̑ ѿнои же реце́те ꙗ̆ко оу̂бисте мѐ. здѐ бо̑ кто̑ мѐ и̂мать хра́нити,

говóреше марíа со слъзи, и́ ни́мъ се нажали́ло, и́ реклѝ и́: и́ на́мъ є́ жа́ль и́ ѡ́ставиян бы те жи́ва, но ма́щеха ти рекла̀ є́ да и́ ѿнесе́ме твои́те ру́ки за ниша́нъ: и́ а̀ко̀ не сотво́риме така̀ то ні́е ще пострáдаме и́ ще оу́віе на́съ. Но и́ да те ѡ́ста́виме жи́ва, ще да те и́зе-да́тъ звѣ́рове, Говóри она̀: тéж-ко и́ го́рко и́ това̀ и́ това̀: но ще да и́мамъ понѐ ма́лу оу́тѣ́-ха да ме и́зада́тъ звѣ́рове, а̀ не человѣ́цы: и́ вы́е ще да вы́-дете чи́сти ѿ моѧ́та кръвь. Заклинѣмъ ви оу́ и́мѧ пре-ст҃ыѧ бц҃ы, що є́ роди́ла и́стин-наго бг҃а, и́ судіѧ̀ на си́чките, немо́йте ме оу́вива̀. а̀ко и́скате мои́те ру́ки да ги но́сите за оу́вѣре́ніе, а̀ вы́е ги ѿсѣче́те, и́ тури́ си раце́те на є̀днѡ̀ дре́во и́ ѿсѣ́коха ги, и́ зане́соха ги на цари́цата: и́ дала̀ и́мъ мно́го да́рове.

и́ съма безъ възложе́ніа рукь ва́шихъ ѿ гл҃а и́мамь оу́мрѣти. є́и не скврьни́те рукь ва́шихъ си́цевимь скврьнооу́бійствомь сі́а и́ и́наа гл҃ющи є́и съ слъза́ми оу́мили́ше се и́ тіи и́ реше кь нѥи. и́ мы̀ съболѣзнуемь ти и́ жа́луемъ тѐ. нъ̑ что̑ да сътво́-римь нѣ вѣмѝ. ѿста́вили вы-хомь те живу нъ̑ бо́имь се прѣ-слушати цр҃це. Заповѣда бо намь да и́ ру́цѣ твоѐ ѿсѣче́мь є́гда̀ те оу́бые́мь. и́ да прине-семь се кь нѥи да се и́звѣстить ѡ́ съм҃рьти твое́й ѩ́ко погоу́-бихѡмь тѐ. и́ а̑ще нѐ сътко́-римь по сло́вѣси є́е́ хощемь ѿ нѥе зло̑ пострáдати. нъ̑ а̑ще бы́хѡмь те и́ живу ѡ́ста́вили, въса́ко ѿ звѣреи оу́мрѣти и́ма́ши ѡ́на́ же ѿвѣща го́рка мѝ є҃ є́дна съм҃рьть и́ другáа. ѻ҆ва́че а̑ще ѿ з(в)ѣреи ѡ́ста́вите мѐ снѣденои быти. сі́е ми оу́те-ше́ніе будеть, ѩ́ко и́ менѐ звѣ-ріе снѣдуть а̀ не чл҃цы. и́ вь̀ нѐповинни бу́дете се́му беза́ко-нію. сътворите за и́ме прс҃тіе бц҃е ѩ́же родѝ и́стинна бг҃а и́ судию въсѣхъ да мѐ не оу́віе́те. И́ поне́же гл҃ете, ѩ́ко ѻ̀бѣща-сте се є́и принестѝ ру́цѣ мое́. ѿсецѣте и́хь да видить и́ по-радует се ѡ́ нихь мене́ же ѡ́ста́-

вите здѣ. да оумрꙋ тꙋ ѿ болѣзни. И абїе съ словомъ да оубѣжитъ видимїе смрьти простре рꙋцѣ своѥ на ѥдинои кладѣ и ѡни же по прошенїю ѥе ѡставише ю живꙋ и ѿсѣкъше ѥи рꙋцѣ принесоше и къ црцы. она же блгодарстви имъ и даде имъ дари и даровантїа великаа и бечислъннаа.

IV. А жалостна марїа ѡстанала полꙋмертва, и не мала комꙋ да се надѣе и кой да ѫ лекꙋва: но имала токмѡ името на пртаѧ бца на оумъ, не можеше да си ѿвори оустата ѿ голѣми болѣзни и жалбы, и не была со всѣмъ ѡставлена, но съ мановенїе бжїе нашла помощь. Нѣкое момче боларско минало ѿ тамо заради ловъ, и бгъ го наставилъ та дошелъ близꙋ при това мѣсто гдѣ была марїа, и чꙋлъ стенанїе, и потръчалъ на гласо на стенанїето и нашелъ таѧ дѣвица, и чꙋдилосе момчето и тїѧ що ишли по него сичките на таковъ слꙋчай и на такваѧ красна дѣвица, Питало ѫ момчето що ѥ таѧ работа на тебе; а она мꙋ не ѿговорила нищо, но текли и слъзи ѿ очите, и молиласе да й помогнатъ нещо. А момчето

IV. страстнаа же ѡнаа отроковица ѡста къ пꙋстины и люте страждѐ, и не име въ тежкихъ ѡнихъ болѣзнѣхъ инаго врачеванїа и оутешенїа тъчїю прѣпетое имѐ пртые бце. ѥеже помощь съ слъзами и съ вѣрою призиваше, и къ той ѥдинои въ болѣзни своеи и съ млнїемъ и прошенїемъ мти непрѣстанно къпїаше тѣмъ и не погрѣши прошенїа. нъ мановенїемъ въсеблгаго ба. сицевимъ ѡбразомъ оулꙋчи помощь. ѥдинъ юноша снъ некоего великаго кнеза изыиде на ловъ да ловитъ ѕвѣри въ стране ѡнои. и наставленїемъ бжїемъ бысть близъ места ѡного идѣже вѣ марїа. иже слышавъ плачь и рыданїе. и искаше по пꙋстини съ слꙋгами своими дондеже ѡбрѣтоше ю, и почюдиве се слꙋчившемꙋ се ѥй, и доброте лица ѥе

рекло̀ на слꙋ́гите си: сега̀ не ѐ врѣ́ме да ѫ̀ испы́тꙋваме, По́нѣже бг҃ъ ны донѣ́лъ тꙋ́ва зара́ди нѣѫ, земѣ́те ѫ̆ про́чее да ѫ̆ занесе́ме дома̀, и̂ занели ѫ̆, и̑ и̑злекꙋвали ра́ните ѝ. и̑ си́те се чꙋди́ли на нѣ́йната хꙋ́бавинѫ̀ и̑ каквѡ̀ ра́зꙋмнѡ ходи́ла.

ѹ̓дивише се. въпра́шахꙋ, что̂ бысть е̑й, и̑ ка́ко̀ ѡ̑брѣте се въ пꙋ́стинѝ се́и. ѿна̀ же ниче́соже не ѿвѣщаваше. тъ́чїю пла́(ка)ше просѐ по́мощи. тогда кнѣ́зь рє҃ къ слꙋгамъ. нѣ́сть ны́нѣ врѣ́ме въпрошеніа. тъ́чїю поне́же гь҃ наста́вилъ ѥ҃ на҃ даже до̂ здѐ ѥ́ѥ ради̇. възмѣ́те и̑ несете ю҆ съ вьса́кымъ ѡ̑пасе́ніемь въ градъ. и̑ та́мо ѹ̓вѣмѝ ꙗ̑же ѿ не́и и̑ пришьдше же съ нѥ́ю кнѣзь въ домъ мно́гое попече́ніе творѐше кнѣ́зь ѡ̀ не́и. дондеже съвръ́шенно и̑сцѣле ѿ ра́нь.

V. И̂ мно́го пъ́ти пыта́ли ѫ̆ чїѫ̀ ѐ щѣ́рка, и̑ защо́ са и̑ ѿсѣ́кли раце́те, а̂ о̀на̀ нищо не ѿгова́ра, но молчѝ като̀. нѣ́ма. Момче́то като̀ видѐ смире́нїето и̑а҃ и̑ красота́та, дꙋма́ло на ба́ща си, да мꙋ ѫ̆ зе́ме за жена̀: а̂ та́тко мꙋ ре́клъ: ча́до, на́мъ прили́ча да зе́меме дѣво́йка ѿ ро́дъ, а̑ ты̀ и̑скашъ та́ѫ, не са́мо що ѐ безъ рꙋ́ки, но бг҃ъ зна́е каква́ ѐ нѣ́коѫ се́лѫнка, и̑ за коѫ̀ причина и̑ са ѿсѣ́кли раце́те, това̀ ще да ни бы́де на сра́мъ: рекло̀ момче́то: о̑тче! не може да бы́де та́ѫ хꙋ́бость и̑ то́ѫ ра́зꙋмъ на про́стый ро́дъ, а̑зъ нѣ́ѫ и̑скамъ, а̂ не дрꙋ́га ни е̑дна̀. Видѣ́лъ та́тко мꙋ защо се не

V. и тогда̀ начеть въпраша́ти ю҃. кто̂ бѣ̀ и̑ кои ро́дитель ѥ҃ дьщи. и̑ чесо ра́ди и̑ кто̂ ѿсѣ́че ѥ̑е рꙋ́цѣ. нъ̀ ѿна́ ни́же тогда̀ не васхотѐ рещи ѡ̑ слꙋчившихъ се ѥ̑й ничто̂же ни́же ѡ̑ висотѐ и̑ вели́чьства ро́да свое́го сказа̀. нъ҃ въса̀ сїа̀ ѹ̓таи тогда̀ въ себѣ̀. нъ҃ а̑ще и̑ не рє҃ ничто̂же ѡ̑ сїхъ, ѡ̑ба́че ѿ блгооу҆мна блгочи́нїа же и̑ красотѝ лица̀ е̑е́, та҃ко възлю́би ю҃ ю̑ноша ꙗ̑ко въ е̑ди́нь днь҃ гла̀ къ ѿцꙋ҃ своѐмꙋ̀. ѡ̑ч҃е мо̀и вѣ́мь ꙗ̀ко мѐ лю́бишли, а̑ще ѹ̓бо мѐ лю́бишли млю҃ тѐ сътво́ри ми блгть е̑ди́нꙋ. мы̀ е̑смѝ бога́тїи и̑ не трѣ́бꙋемь тꙋждихъ имѣ́нїи, бога́ти же е̑гда̀ хо́щеть

ѡ҆ста́вѧ ѿ нѣ́ѧ, вѣнча́ли ги по зако́нъ.

да сѐ ѡ҆же́нить не подова́еть да и҆щеть и҆́но что̑. тьчі́ю жень себѣ ѹ҆го́дны добрі́ же и҆ бг҃обоꙗ҆зни́ви. сего̀ про́чее хо́щꙋ̑ и҆ а҆́зь да сьтворить мѝ дрьжа́ва твоа̀, да поимꙋ̀ себѣ̀ въ женꙋ̀ о҆трокови́цꙋ̑ сі́ю ю҆́же ѡ҆брѣ́тохь въ пꙋ̀сті́ни. ѿц҃ь же ѿвѣща̀ мы̀ мо́жевѣ дъ казмемь е҆ди́ного вельмо́жи намь ра́внаго дьщѐрь и҆ ты́ хо́щешии поѐти сі́ю, ꙗ҆́же не тьчі́ю ꙗ҆́ко є҆̑ безь рꙋ̑кꙋ того́ ра́ди не достоить възѐти е҆̑е. нъ̑ и҆̑ и҆́же ве́щшеѥ ѥ ꙗ҆́ко нѣ вѣмь коего ро́да є҆̑. да не бꙋ̆деть не́коієго ро́да про́ста и҆ чл҃ка дъщи. и҆ хощеть бы́ти срамота̀ вели́чьствꙋ ро́да нашего. ѡ҆́н же ѿвѣща и҆ ре҃. сіе нѐ можеть бы́ти ѿч҃е мо́й та́ко, ꙗ҆́коже дрьжава твоа̀ гл҃ѥть. и҆́бо доброта̀ и҆ бл҃горо́діе виде́ніа е҆̑е разꙋмь жѐ бл҃гочі́ние свѣ̑телствꙋ́ють бы́ти ю҆̀ ѿ ц҃рьскые крькѣ, нъ̑ а҆́ще бы́ и҆ прѣпроста чл҃ка была̀ дьщи. а҆́зь си́ю хо́щꙋ и҆ а҆́ще не възмꙋ сеѐ по и҆́стинѣ дрꙋ̑гіе нѐ възмꙋ̀ и҆ хо́щеть вь вели́цеи скрьби жи́тіа моѐго скончьті́ се врѣ́мѧ. ви́де ѹ҆бо ѿц҃ь тьковое жела́ніе и҆ лю́бовь сн҃овлю кь ѡ҆брѣ́теннои въ пꙋсті́ни. сьизво́ли и҆ ѡ҆́нь и҆ сьтворѝ бра́кь сла́вннь сн҃ꙋ

VI. И ца́рьо о̀те́цъ марі́нинъ бе́ше оу̑ голе́ма жа́лость за не́ѧ не зна́еше що е̑ стана́ло на не́говата прелюбе́зна дщерь, И царица́та мꙋ̑ рекла̀, да е̑ побѣгна́ла скрышома но́щемъ. Ца́рьо пла́чеше неꙋ̑тѣшнѡ: и̑ и̑маше подозрѣ́нїе (шꙋбѐ) на цари́цата, но терпѣ́лъ, и̑ пратилъ по всѧ̀ гра́ди и̑ различни мѣ́ста̀ да ѧ̑ тра́жатъ: и̑ Писа́лъ посла́нїе по си́чките страни̑, да се совѐратъ всичките не́гови человѣ́цы голѣмцы̀, да и̑гра́ѧтъ сосъ конѣ̀, да се ма́лко развесе́ли ѿ та́ѧ жа́лость, дошѐлъ вѣ́сть (хабе́ръ) и̑ на свѐкоръ марі́нинъ да и̑де та́мѡ, сынъ мꙋ̑ ре́че: о̑тче, а̑зъ да и̑демъ зарадѝ те́бе; а̑ ты́ чꙋ́вай невѣ́стата ми и̑ а̑ко ро́ди доклѐ не са́мъ дошѐлъ, глѐдайте добрѣ̀ и̑ не́ѧ и̑ дѣте́то. о̀те́цъ го благословѝ и̑ і̑спратѝ да и̑де:

своѐмꙋ съ мно̂гою ра́достїю и̑ ѿженѝ е̑го.

VI. цр҃ь ѿц҃ь ма́рїинь бѣ́ше въ вели́цеи скръ́бы. не вѣ́де что̂ бы҃ дъщери е́го. Зане́же цр҃ица ре҃ е̑мꙋ̀, ꙗ̀ко изьбе́же ѿта́и въ е̑ди́нꙋ̀ но́щь и̑з до́мꙋ̂ и̑ нѣ́сть вѣ́сти ка́мо ѡ̑бра́ти се. Пла́каше оу̑во цр҃ь и̑ и̑мѣ́ше вь зазре́ни̑ црц҃ꙋ нъ̑ не ꙗ̀вла́ше ми́сли своѐе до́ндеже не оу̑вѣ́сть и̑звѣ́стно ѡ̑ вѣ́щи. по семь посла̀ чл҃кы въ разли́чнїе страни на възиска́нїе. написа́вь<в'> же и повѣлѣ́нїе да сьбе́рꙋ́т се къ не́мꙋ въсѝ кне́зы и̑ и̑ге́мони дрьжа́ви е̑го, да сътво́реть и̑пподро́ми ѡ̑нь. си́ре́чь ко́нское ристанїе. да по́нѣ та́ко прїи́меть некꙋ́ю оу̑тѣ́хꙋ̑ и̑ ѡ̑сла́бꙋ въ скръ́бы своѐй. дойде же повѣ́ленїе то и̑ на мѣ́сто и̑деже бѣше дьщѐрь е̑го. и̑ хоте́ше да идеть свѣ́кр' ѧ̑е къ црꙋ. нъ̑ нѐ ѡ̑ста́ви и̑ сн҃ь е̑гѡ̀ гл҃е ѿч҃е мо́и нѣ́сть ле́по да трꙋ́диши се ты̀ толи́кое пꙋ́тьшьствїе ста́рь сїи. тъ́чїю почика́и до́ма. и̑ а̑зь да идꙋ́ въ ме́сто те́бе. и̑ и̑мей лю́бовь къ женѐ моѐй ꙗ̀коже и̑ къ мнѣ̀. а̑ще слꙋ́чить се ро́дити ей прѣ́жде възвраще́нїа моѐго прилѐжи ѡ̑ не́й до́ндеже възвра-

щенїа моего прилежи ѡ нєи дондеже възвращѫсе азь. и оугодньы бы гль сновнь ѿцѫ его. темже абїе блки и ѿпусти и сь мирѡмь.

VII. и тамо като ѿиде съ бжїа помощь, показалъ се предъ дрѫгите юнакъ и разѫменъ, и ѿ всй господаре быде похваленъ. Като го виде тáа лѫкава царица искаше да го залюби. прочее викнала слѫгата мѫ и питала го, ѿ дека е твой господарь, и има ли жена; той неговъ слѫга казалъ и сичко какво е было по танко, какво е нашелъ оу гората една девойка безъ рѫки, и каквѡ лице имала, и дрѫго сичко що е было: и въ това исто време дошла мѫ книга ѿ бащá мѫ защо родила невестата мѫ две деца мѫжки: тогива тáа зла царица се оуплашила. «зачáтъ болезнь и роди беззаконїе» И выкнала при себе оногова, щото донелъ книгата, и питала го за сички работи що сá се слѫчили тамѡ, и дала мѫ дáръ, и рекла: кога ще да си пойдешъ да ми се ѡбадишъ. Момчето и оно написа на бащá си блгодари мѫ за радостенъ глáсъ, и пакъ на него

VII. ѡнь же шьдъ сътвори бжиею силою толикое мѫжаство въ ѡномь позорищи ꙗко въсемь кь спехь быти емѫ. и въсемь глати ѡ немь и хвалити его и оублажати. црица же въселѫкаваа не тачїю похвали его. нъ и възлюби его. и вь похотени его быисть. темь призвавши раба его, къпрашаше и ѿкѫдѫ е гдинь его, и аще имать женѫ и прочаа. рабь сказа еи въса по дробнѫ. како ѡбрете вь пѫстинѫ единѫ безрѫчиць, и како исцели ю ѿ рань и ѡжени се ею и инаа ꙗже о нєй. въ конць же въсего ре ѥи въ ть жде чь прїиде кь гпдинѫ его ѿ ѡца его посланїе, ꙗко жена его роди дкаа отрочища мѫжаска, и да не скрьбить ѡ нєи ничтоже. тогда васелѫкакаа разѫмевши ѿ повести рабьскїе ꙗко ѡна е юже ѡна повеле оубити и рѫце ѿсещи и кь себе при(не)сти, зачеть болезань и роди безаконїе. ѡдари члка и оумоли его. да егда пишеть гподинь его кь

ѡставаѫ и невѣста и дѣца да ги чува дори да си дойде, и человѣко зема писмото, и ѿиде да се каже на царица, она му предложи трапеза да го гости, и напойла го ѿ выше, и извадила му книгата скрышомъ и не усетилъ, и турила нейно писмо на мѣсто, като да го е момчето пратило на татко си, така написала: отче да знаешъ моята жена была дщера на единъ лошъ человѣкъ убійца, и за нейните лошавы работы пресѣкли и рацете: и тіа дѣца не са мои, но молим ти се щомъ писмото ми прочетишъ, въ тоа часъ да ѧ убіешъ и дѣцата заедно: Прочее, ако чуемъ че не е убіена не щемъ да дойдемъ дома.

ѿцу своему ѿвѣть да приведеть къ нѥи книгоносца творещиҳ се и ѡна хощеть нѣчто наручити ему. егда убо написа юноша къ ѿцу своему ѿвѣщателнаа, млѥ его да имать попеченіе ѡ жене его и ѡ чедеҳ и прочаа такаваа. Запечативь писаніе въдасть рабу своему да несеть е къ ѿцу его рабь же не вѣдыи жены лукавства. прійде къ црици. она же учрѣди его богатно, и пойвши виншмь ук(р)аде ѿ него писание и написа ино. ѿѣть же и печать ѿ (п)исаніа кнезева. и приложи ю хитростымь об(р)азомь къ своему. въ немьже написа сиа ѿче мой да вѣси ѩко сіа невѣста твоа е единого злодѣиставнаго члка дщи и руцѣ еѫ злыҳь ради дѣль еѫ ѿсѣкоше ѥи. нъ и чеда сиа ѩже роди не су моа. прочее млю ти се да егда прочьтиши сіе мое посланіе авіе да ю погубиши и сь дѣтми еѫ. аще не услишу ѡ сьмрьти еѫ не имамь прітити тамо. Тьковое льжное посланіе вложи ехидна книгоносцу идеже бѣше и кнежево, пиану ему сущу и спещу. онь же възбудие се въста ѿиде въ путь не вѣдыи ничтоже ѡ злобѣ

VIII. Ѝ като̀ пріимáлъ ваща́ мꙋ̀ писмóто и̓ прочетéлъ го, ѻ̓ва́че мнóго се ѿскорбилъ, не зна́еше що да прáви, и̓ попитáлъ свои пріáтели що да стóри, а̓ ѻ̓ни́ мꙋ̀ реклѝ да ѧ̑ прáти тáмѡ, гдѣ́то ѧ̑ сынó мꙋ бéше нашéлъ, и̓ та̀мѡ да ѧ̑ ѿстáватъ на Бг҃а: и̓ така̀ сотворúли. И̓ пратúлъ писмо̀ пáкъ на сы́на скоегѡ̀, и̓ казáлъ мꙋ зощо̀ направúлъ като́ що мꙋ зарачáлъ. А̓ ѻ̓нáѧ сирота съ дѣцáта ѿстанáла къ ѻ̓ноѧ пла́нини въ голѣ́ма нꙋ̀жда и̓ жáлба, жалúла ѻ̓на да оу̓мре, а̓ не да глéда децáта си да оу̓мúратъ. Ѝ като̀ плачеше съгледа̀ е̓дна̀ тѣ́сна патéка,. земáла си дѣцáта съ голéма мꙋ̑ка, и̓ пошла̀ по ѻ̓нáѧ пáтика, и̓ намерúла е̓дéнъ пóстникъ въ една̀ пéщера, като̀ ѧ̑ видѣ́лъ стáрецо, помыслúлъ да не є̑ нéщо дїáволска рáбота. А̓ кога̀ развра́ нéйното страдáніе, пожалѝ ѧ̑ и̓ оу̓вéде ѧ̑ въ пéщерата, а̑ тóй се преселѝ на дрꙋ̑го мѣ́сто да сѣдѝ, и̓ нóсеше й̓ коренѣ всáкій дéнь, ѿ тíа тóй що ꙗ̓дéше и̓ наглéдꙋваше ѧ̑.

црц҃ею сьтворéнном. и̓ пришьдъ кь г҃подинꙋ своéмꙋ и дасть є̓мꙋ̀ ѿ сн҃а послáніе.

VIII. ѡ̓нь же прóчьть писáнна̀ оудиви се и̓ скрьбѣ̀ше недооу̓мѣ́е се что̂ сьтвóрити. призвáв же є̓дúного рáба своєго сьвѣ́ть сь нимь сьтвóри. какó велить є̓мꙋ̀ сътворúти ть же разꙋмань сы̑ ѿвѣща̀ є̓мꙋ̀ да не сътвóриши никáкоже тáковаго безакóніа да ю̑ прѣдасѝ сьмрьти. нъ̀ дáждь ми да ю̑ ѿнесꙋ тáмо и̓дéже ѡ̓брѣ́тохомь ю̑. и̓ г҃ь да́ сьтвóрить ѡ̓ нéи є̓же хóщеть. по сéмь да и̓дꙋ и̓ рéкꙋ г҃подинꙋ моє̓мꙋ, а̓ твоéмꙋ сн҃ꙋ ꙗ̓ко сьтворúхѡмь ꙗ̓коже написá намь. и̓ оу̓годно бы̑ кнéзꙋ слóво сіє. Прóчее вьзáмь слꙋ́га мáрію сь чéди ѿнесѐ и̓ ѻ̓стáви ю̑ въ пꙋ́стины.. сьмь же пóиде да ѡ̓брѣ́щеть мꙋжа є̓и. мáріа же ѿставши въ пꙋстомь ѡ̓номь и̓ непрохѡдномь мѣ́сте неоу̓тешино плáкаше чѧк скóрꙋю себѣ̀ сьмрьть. плáче оу̓бо тáко и̓ рúдае оу̓зрѣ є̓дúнꙋ ѕѣ́ло тéснꙋю стазúцꙋ. и̓ възьмьши ꙗ̓коже можáше ѿрóчета на ѡ̓бетіа своа̀ пойде по нéи и̓ и̓деше дóндеже пріиде кь є̓дúнои пéщере въ нéйже є̓дúнь пꙋстúникь посничьствовáше.

ꙗже видев ю мнѣше ꙗко е мъчътаніе бѣсовское. єгда же оуслышавь ст(р)аданіе ее, съжаливь и ѡстави ю въ пещери. съмь же ѿиде на ино мѣсто. и на всакь днь сьбираше кореніе травное еже сьмь ꙗдѣше. и проношашаше ей и питаше се теми, или паче рещи бжтвеною силою.

IX. и по нѣколко дни като си дойде момчето дома, разбра що са направили. Начна да плаче горко, и пойде да ѫ тражи, мыслеше и говореше въ себеси: Надѣемсѧ на пртаѧ бца, защо не щѐ да ѫ ѡстави: каквото и перво що ѫ не ѡставила, понеже она имала голема надежда на бгоматерь. и въ таѧ нощь ꙗвила се бгоматерь на маріа въ видѣніе, и рекла й: оутре ще да дойде твой мѫжъ вѣрный, и ще те земе да те води оу дома: и ще престанатъ твойте мѫки и неволи, заради твоето терпѣніе, и тепла вѣра и любовь що имашъ на мене: Ѿговорила маріа, блгодаримъ ти црце моѧ, ты ме не ѡставяшъ оу неволи моей, но каква можемъ да имамъ совершенна радость като самъ безъ рѫки; но пакъ се не ѡста-

IX. и тако прохождаше доньдеже възврати се мѫжь ее въ домь свой. иже пришьдъ и оувѣде бывшаа плакавь же горко. по семь възамь сь собою слѫги рече да идемь и изищемь место ѡное. оуповаю во на прѣчтоую бцѫ юже ѡна всегда призиваваше, ꙗко имать съхранити ю ꙗкоже и всегда помагаше ей. въ нощи же той ꙗви се въ снѣ прѣстаа бца маріи и гла ей. оутрѣ приидеть мѫжь твой вѣрни да те възметь ѿсѫдѫ. и нны ктомѫ печаль скрьбь и болезнь не имать приближити се к тебѣ, трьпѣніа ради твоего и вѣри юже имаши кь мнѣ. паче же печаль твоа въ радость тебѣ бѫдеть. понеже въ страстехь призываеши мѐ на помощь. ѡна же рече блгодарѫ те црце моа прѣблагаа и покланяю ти се и величаю

камъ на тебе се надѣемъ: така говорила сосъ смиреніе. и влчца и рече: земи си рацете, бл҃годатїю сына моегѡ дарѹвать ти се; кои ме любатъ и привѣгнѹвать кодъ мене, сичките добрины пріимать. и оу тоа часъ маріа видѣла рацете си цѣли и здрави, като и перво когато беха не ѿсечени: и кой може да изрече она радость и веселїе и бл҃годареніе къ бгоматери: и сичката нощь стоала и молила се на ст҃а бц҃а, и четела бц҃е дво радѹйса: каквото всегда имала обычай да се моли съ тепло срц҃е и съ големо оумиленїе,

спсенїа твоа ꙗко не ѡстави ме. Нъ къко скрьбь моа и печаль имать быти ми въ радость понеже и до нн҃а безь рѹкѹ есмь. ѡбаче не безнадеждьствѹю грѣшнаа. нъ оуповаю на мт҃рь твою ꙗко и сию бл҃гть дарѹеши. сиа сь смѣреніемь многымь гл҃ющи. оуслыша црц҃ѹ аггльскѹю и гл҃а ей пріими рѹце твои моего сн҃а, и бг҃а помощию и бл҃годѣтїю. ибо любещеи ме и оуповающеи на покровь мои не лишет се всакого бл҃га. сїа рече прѣст҃аа бц҃а и сь словомь ѡб(р)ѣте се марїа сь рѹкама и ѿ радости възбѹдивши се, видить и очивидно ꙗко виденїе [ѿ великых чюдесь твоихь влчце] бысть истинна. Нъ кто можеть изрещи радость юже пріеть. и бл҃годаренїе еже въздаваше прѣст҃ой бц҃ы. въсѹ ѡставшѹю нощь прѣиде въ мл҃твахъ и коленопоклоненїихъ гл҃ющи къ неи аггльское цѣлованїе, ꙗкоже и всегда твораше. сь бл҃гоговѣнїемь и оумиленнемь гл҃ати.

X. оутрента чѹла хората и излела изъ пещерата и мажо и виделъ а҃ и дошелъ и пригърналъ а҃ и ѿ плачь не мо-

X. егда бы днь слышить члчьские беседи изшедши видить своего мѹжа. иже видев ю въсплака ѿ радости. ѡна же

желъ да продꙋма: И кога ӑ видѣлъ сосъ здрави рѫки, разꙋмѣлъ защо това добро є направила прта бца, прослави бга и пртꙋю бцꙋ, и връна҆ха се домо съ неизреченна радость. И Баща мꙋ оучини праздникъ на прта бца, да празднꙋва момчето осмь дни, и собраха се сичките негови пріятели, и се веселеха, и чꙋдеха се и прославлаваха бга и прта бца. По това после начна да испытꙋва Господаро за онова лажовно писмо, тогава маріа приказала кой е былъ причина на нейната мꙋка и страданіе, и рекла: до сега самъ таила, но ако є вола бжіа, сега ще да кажемъ, защо самъ азъ на вашіо царь щерка, но завидѣ ми мащеха ми та това самъ и стеглила, обаче, прта бца црица нбнаа не ѡстави ме, да ми се радꙋватъ дꙋшманите, но ме избави ѿ сичките мои жалости и мꙋки. Сега сторете вѣсть (хаберь) на моего оца, да знае защо самъ се нашла жива, дꙋри ніе пристигнеме тамѡ: И тогава ӑ они познаха, защо є на нихни царь щерка, и блгодарили бга, защо се оудостойли да иматъ оу-

сказа емꙋ о сътворьшимь се чюдеси показа емꙋ рѫце своѥ цѣли и здравы. иҳже видѣвше вьси оужасоше се и прославише благодѣтелницꙋ възвратише се вь градь. идеже пришьдъ кнезь сь своѥю дрꙋжиною повѣле да празнꙋють, и днии пресвтꙋю бцꙋ сь многымь веселиемь. По семь начьншꙋ кнезꙋ възыскаиіе творити и испитаніе кто бѣше иже льжно ѡно написа писаніе да ю погꙋбѣть. рече емꙋ маріа. даже до нинѣ покривахь и не хотехь ꙗвити и сказати кто есмь азь. нъ понеже нинѣ ꙗви се на мнѣ велиіа благодѣть бжіа. ꙗвлю и азь вьмь ѡ мнѣ. Да вѣсте оубо ꙗко азь есмь дъщерь цра вашего. елиже же пострадахь вьса сиа сътвори ми мачеха моа. не сказахь же вамь сего испрьва да не видев мѣ ѡць мой везь рѫкь сꙋщꙋ оумрѣть ѿ печали. нинѣ егда сътвори сь мною великꙋю млть млти млти [блгвенно бꙋди име ее] и избави мѣ ѿ вьсехь моихь бѣдь и скрьбен. напишите кь ѡцꙋ моемꙋ и възвѣстите о мнѣ. прѣжде даже не оуготовимь се да идемь кь немꙋ и сьми. таковаа слышавь свѣкрь ее иже прьвѣе скрьбѣше

свой домъ царска дщерка и сите що были тама возрадꙋвалисе и поклонили и се сотворили честь царска.

неведенїа ради ѿкꙋдꙋ бе снаха его възрадова се радостию велїею ѕело не тьчїю же ѡнь нъ и вьси вь полате оутешише се и поклонише се ей ꙗко црⷭ҇ици. найпаче мꙋжь ее вьздвиже рꙋце свои на нбо глѧ. блвень бь иже мене сподоби и достоина сьтвори да поимꙋ гпождꙋ мою и влчцꙋ себе вь женꙋ.

XI. и тоѧ часъ пратили хаберъ на царо, пакъ и сами пошли да идатъ тамѡ, и третїй день стигнали до царскїй градъ, и царо излѣзналъ съ болѧрете си да ги посрѣщне, и като видѣлъ любезнаѧ своѧ дщерка, притръчалъ и пригрьналъ ѧ со слъзи и радость катѡ баща[1]). Като чꙋла това лꙋкавата царица, скрыла се. Но царо като испиталъ по танко и разꙋмелъ що направила злоба царицата, заповѣдалъ да направатъ огнь да ѧ изгоратъ жива. На дрꙋгїо день направилъ зета си царь да са заеднѡ, и по смерта мꙋ да е царь зетъ

XI. и тако пꙋстивше посланїе кь црꙋ. двигнꙋвше и сами по трїехь днехь. егда постигоше въ франкїю сретe ихь црь и нападе на вїю дщере своее и лобза ю сь сльзами и тако вьведе ихь вь полатꙋ свою. злоитра же ѡнаа жена ськри се да не ѡбрещеть ее црь. нъ црь повеле искати дондеже ѡбретоше ю. и вьжегь ѡгнь великь посреде града сьжеже ю ꙗко и кость не ѡста ѿ нее. по дне же довольнихь бъзврати се цревь зеть въ своѧ. ѿць же его прїеть ихь сь радостїю велиею, и сьзвавше вьсе сьрꙋдники и дрꙋгы и сьседи свое на

1) Въ переводѣ В. Ракича: царь изыдье на срѣтеніе сь своими велможи, угледавши, возлюбленнꙋю дщерь свою, притече и герли отечески, съ радостнима сѣзама: стр. 29.

мȣ. Тогава дошелъ на нокыю царь баща мȣ да се радȣва со сыно си и сичките сродницы и прїатели бл҃годарили б҃га и пре-ст҃аа б҃ца, и направили и церква за вѣчна памать, и празднȣвали вса праздницы б҃городичыни: И така царица марїа непрестанно правила много добри работы и съ постъ и воздержанїе живеала и сама дакала со свои рȣки м҃тина на сиромасы, и дȣмала тїа рȣки не са мои, но даде ми ги пр҃таа б҃ца, ц҃рица н҃бнаа, заради неината голѣма м҃ть. и нїе да се не лѣниме кога искаме да сторȣваме м҃тина и добри работы. И така царица марїа поживеала б҃гоȣгодно до глȣбокїа старости, и пришла оу вѣчныа обители: Слава б҃гȣ и б҃цы: да и мы сподобимса полȣчити таковъ дарь во вѣки вѣкωвъ, аминь.

веселїе сьврышахȣ пакы празникь свѣтлы прѣс҃ты б҃це. по семь и храмь създаше вь име ее прѣславнь. и празновахȣ вь немь штоле въсѣ праздникы б҃городични. наипаче тъ д҃нь почитахȣ, вь нже чюдо сътвори прѣч҃таа и ицѣли рȣцѣ марїины. тогда и сьма мариа многаа бл҃годѣанїа творѣше поминае великȣю бл҃годѣть юже ей сътвори пр҃таа. наипаче м҃тиню многȣ дакаше ωбѣма тема рȣкама г҃ле понеже не сȣть мое сїе рȣцѣ. нъ н҃бные сїе ц҃рице яже многаго ради бл҃гоȣтробїа своего дарова ми ихъ. несть прочее лепо да ωбленет се когда въ бл҃готворенїе равомь ее сирѣ въ бл҃гоподаанїе трѣбȣющимь м҃тинк, множае паче, понеже и сьмаа та бл҃гаа яже подаемь, не сȣтȣ наша на дарове сȣть въсебл҃гаго вл҃кы х҃а. того ради наипаче подобаеть нещедно раздѣлити нищимь. тако и прочее бл҃горазȣмнаа ц҃рица порадова се и вь земльномь мира сего цр҃тви мн(ог)ое врѣме. и по кончине ωиде вь н҃бное, егоже бȣди всемь намь полȣчити.

Такое же отношеніе всѣхъ извѣстныхъ намъ текстовъ другъ къ другу, какое отмѣчено было выше, наблюдается и при сравненія послѣдняго эпизода Повѣсти-Чуда. Текстъ гильфердинговскаго списка, представляющій, судя по заглавію, переводъ Бакачича, все-таки далекъ отъ бѣлградской рукописи, которая, судя по столь же ясному заглавію, даетъ переводъ того же аѳонскаго монаха послѣдней четверти XVII вѣка. Вторая версія изъ изданныхъ выше, какъ видно уже, близка къ сербскому переводу Ракича. Болгарская же рукопись XVIII в. стоитъ совершенно одиноко и настолько далека отъ остальныхъ, что ее вполнѣ можно назвать особой версіей, принадлежащей, быть можетъ, одному изъ книжниковъ, работавшихъ надъ редактированіемъ «Дамаскиновъ».

Списокъ собр. Гильфердинга:

злѡнаравна же ѡнаа ц҃рца ськрившѝ себѣ (л. 15) да не ѡбрѣщет ю ц҃рь. ц҃р же повелѣ ѝ ѡбрѣтоше ю. ѝ постави пирьгь великь срѣ҃е гра҃. ѝ сажеже ю ꙗко ѝ кѡ҃ть не ѡста ѿ нее. по семь сьтвори ц҃рь веселіе веліе сь дащеріѫ ѝ сь зетѡ҃ свои҃. ѝ вьзврати ѝхь вь своꙗ҃ си. пришьшим же ѝ҃ въ свои градь. сьбрашѐ кь нему на ра҃ость ве҃си сьро҃дници ѝ дру҃зи. ѝ сьтворишѣ пра҃зникь ра҃остьнь. прѣстои д҃ви б҃ци. сьздаше же ѝ хра҃ прѣславни вь име ее. и пра҃зновахѹ вь не҃ ве҃се пра҃зники б҃городични. ѝзрѣднее же ѡнії д҃нь. вь ѝже ѝсцѣли рѹцѣ ц҃рци марі. вь тъ҃ д҃нь наипаче творѣше м҃лтиню ниці҃. ѝ ѝнаа б҃лгодѣꙗніа различнаа. поминающи б҃л҃ть еже сьтвори ей, прѣч҃таа б҃ца. ѝ тако ц҃рца

Списокъ Сербской Академіи:

Проклета же жена ѥⷮ сакрисе да не ѿбре҃ ее ц҃рь. Нъ ѡⷩ повеле искати ѥѥ, доидеже ѿбретоше ю. И въжеⷨ ѿгаⷩ велиⷦ по среде града, сажеже ю тако ꙗⷦ и кость не ѿста ѿ нее. По днех же доволниⷯ, възврати се цреⷡ зеⷮ въ своꙗ. Ѿць же нⷯ приеⷮ са радостию великою. и сазвавше въсеⷯ сародни҃ и приꙗтелеи и сѹсе҃ свои на веселие, саврьшахѹ паки праздникъ светлии пр҃естои б҃ци. По се҃ и храмъ саздаше ва име ее преславаⷨ, и пра҃зновахѹ въ не҃ ѿтоле васе празники б҃гороⷣчни, наипаче же тъ д҃нь почитахѹ въ иже чѹдо сатвори преч҃та и исцели рѹце Марии. Ва таи д҃нь, и сама М҃рїа многа б҃лгодеꙗниа твораше, поминае великѹю б҃лгодеⷮ юже еи сатвори пр҃естаа б҃ца. Паче же въсе҃

маріа трꙋждашеѐ. и своима (л. 15 об.) рꙋкама дѣлающи. и то даваше нищи. глющи. нѣ сꙋть сѐ рꙋце мои, нь нбнїе црци. иже она дарова ми. многаго ради марїа своегѡ. нѣть лѣпо да обленетсе рꙋцѣ сїе. вь благотворѣнїе равомь еѐ. и вь млтини кь нищи. и тако благоразꙋмна црца маріа. порадовасѣ многѡ врѣме. вь мире сѐмь. и по кончинѣ еѐ ѿиде вь нбнаа цртвїа. егоже вꙋди и намь полꙋчити о хѣ ісе гдѣ нашемь емꙋже слава вь вѣки амин.:

ние благотворени сию ꙋсрдно испльняше благотиню, сиречь млтиню многꙋ ѡбема рꙋкама раздаваше ꙋбоги, глє: «понеже не мое сꙋт сїи рꙋце нъ нбни црце, иже многаго ради мрдиа своего дарова ми и; не прочее лепо да обленет се когда ва блготворени равоѡ ек сїнре въ подани ници и ꙋбоги млтиня, наипаче же понеже и та самаа блгаа иже подае на сꙋт наша нъ дароке сꙋть васеблгаго Х; того ради наипаче подобает нещедно разельти та ници». Тако прочее благодарна црица порадова се и въ земано мира сего цртви многое креме, и по кончине ѿиде къ нбное, егоже вꙋди васе на полꙋчити. Амин. Поповић, 121—122.

Венеціанское изданіе 1808 г.:

Разꙋмѣвши лꙋкавая царица скрысе. но царь када испита все по танкꙋ, и разꙋме ѕлобꙋ и беззаконїе жене свое, заповѣда, возгнѣтити огнь на (стр. 29) средъ града, и даде ю тꙋ живꙋ сожещи. и дрꙋгїи данъ крꙋноси зета своега, за соцарственника,

Болгарская рукопись XVIII вѣка[1]).

а царїцата побегна та са сакри. а црь испїта марїа какво е пропаднала ѿ мащеха си. и марїа сїчкото исказа по конецъ ѡцꙋ свое. и црь пꙋсти да іскать да наідать царїцата. да кїдї що е работїла сась марїа. искаха я и намерїха я и дове-

1) Набранныя въ разбивку фразы написаны въ рукописи киноварью.

и по себе га учини наслѣдника. онда додье и отацъ новогъ цара срадоватисе съ сыномъ своимъ, и сви сродницы и знаемый благодаращє бга и бгоматерь. создавше и црковь бгоматери во вѣчнꙋю паметь, празднꙋющи всѧ праздники бгоматере, паче же онай у кои исцѣли рꙋке нѣзине, подаваютьи убогимъ многꙋ млтиню. и такѡ царица Марїа, не преста ѿ своихъ добродѣтелей, провождающи жизнь свою у постꙋ и млтини, и благодѣѧнїю ко всѣмъ, и сама своима рꙋками подаваше млтиню убогимъ и питаше ихъ говоретьи: ове руке нисꙋ мое, но нбныѧ царицы, коѧ за многое благоутробїе свое дарова ми. и нїе лѣпо да се лѣне у благодѣѧню рабѡвъ нѣзыниxъ. сва блага коѧ уживамъ нисꙋ моѧ, но даръ всеблагогъ бга, и потребнѡ ѐ да раздѣлюемъ требꙋющымъ, и тако царица Марїа поживи даже до глꙋбокїѧ старости бгоꙋгоднѡ, и преселисе у вѣчне обытеле, слава бгꙋ и бгоматери.

дꙋха ѧ прї цра. и рѐ црь вїшь о жено да лї е това марїа дето ѧ не знаеше каде е ѿтїшла: (л. 98 об.) а тїѧ мльчи нема ѿкеть нїкакавь. и црь повеле да саверe сїчки грaь. и гꙋлемо. и пакь повеле та накладꙋха насрѣь грaь ѿгань. и тꙋрїха црицата вовь ѿгьнѧ та изгорѧ жїва. доде и изгораха костїте се. ~

Что касается поученія, которымъ завершается повѣсть въ болгарской рукописи, то здѣсь мы имѣемъ обычное и типичное въ «Дамаскинахъ» нравоученіе, переплетающееся съ разсказомъ о послѣднихъ событіяхъ.

Оно очень характерно и показываетъ то моральное значеніе интересующей насъ Повѣсти, которое видѣли въ ней старинные южнославян-

скіе книжници: чѹхте ли що каже прркь давить. коїто рови трапь за дрѹго. а тої ще самси да пане ѹ трапь. и завистъ така чини. и црицата са мьчи да затріе маріа (л. 99) ала гдь бгь и престаа бца не а шставіха да погіне. защо са на тахь надеаше. и там са молеше. а црица на шгінь изгоре. и тіе сеаха прі цра доде мѹ би навола. та пакь ги испрати самси црь сась почесть црска и сась веселба. и тіеси штідоха ѹ шца своего. и тої ги пріе сась радость. и пакь сторіха празникь и храмь на стаа бца у тоа грaь. да празнѹвать секи: — (л. 99 об.) празникь брчци богорбдицини и маріа штѹгава наче дава мітина. по сіроти и по сіромаси. и намери блгодать ѿ гда бга и ѿ престаа бца. и вішь те кои що прави. така мѹ и гдь бгь плаща на цртво небесное. млтвами престіе бце спси нась аминь.

Изслѣдуя бродячій мотивъ о царской дочери, которой Богоматерь вернула отсѣченныя по приказанію злой мачехи руки, П. Поповичъ не упоминаетъ объ интересной, по содержанію очень сходной съ чудомъ въ «Грѣшныхъ спасеніе», литературно-обработанной и загадочной по происхожденію, притомъ связанной съ болгарской исторіей — Повѣсти «о царевнѣ Персикѣ». Содержанія Повѣсти передавать не будемъ. Оно настолько близко къ «Чуду» сборника Агапія, что стоитъ только замѣнить имена и нѣкоторыя подробности, иной разъ необыкновенно характерныя для сужденія о точкахъ соприкосновенія обоихъ литературныхъ памятниковъ,—и мы имѣемъ право говорить не только объ одномъ и томъ же памятникѣ въ разныхъ переработкахъ. Въ ученой литературѣ существуетъ даже мнѣніе о южно-славянскомъ происхожденіи «Чуда Богородицы о царевнѣ Персикѣ», и это одно заставляетъ пожалѣть, что повѣсть не обратила на себя вниманіе П. Поповича, такъ тщательно изслѣдовавшаго цѣлый циклъ аналогичныхъ сюжетовъ въ западной письменности и фольклорѣ.

Намъ извѣстны слѣдующіе списки этой Повѣсти:

1. Чюдо пресвятыя Богородицы о царевнѣ Персикѣ, дщери царя Михаила Болгарскаго, — въ Сборникѣ XVIII вѣка Кіевск. Духовн. Акад. О. Л. 48 (№ 534), лл. 77 об.—83 об. Изъ коллекціи Е. Барсова, собранной въ Олонецкой губ. («Труды Кіевск. Дух. Акад.» 1868, II, 357; Н. Петровъ, Описаніе рукописей церк.-археол. Музея при Кіевск. Дух. Акад., вып. II. (К. 1877), стр. 518). Текстъ изданъ В. Сиповскимъ «Русскія повѣсти XVII — XVIII в.» СПБ. 1905, стр. 254—267. См. нашу рецензію въ «Историч. Вѣстн.» 1905, кн. I, стр. 312—315, гдѣ указана сходная болгарская сказка, и поправки В. Перетца

къ тексту по той же кіевской рукописи въ «Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ», 1905, III, стр. 430—431. Нач. Егда болгарская монократорія всякими счастливыми случаи изобиловаше...

2. Чюдо пр҃тыя вл҃чцы нашея бцы зѣло дивнѡ, еже показа на цр҃евнѣ Персикѣ,—въ сборникѣ XVIII вѣка, описанномъ Н. Е. Ончуковымъ («Изв. Отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ», 1905, III, 220), лл. 142—202, съ записью въ концѣ: «с латинскаго на славенскій діалектъ преведеся въ Москвѣ, въ школа͗ монахомъ Ерофіемъ. 1726-го года».

3. Повѣсть о болгарскомъ царѣ Михаилѣ, его первой женѣ Александрѣ, дочери ихъ Елизаветѣ, и о второй женѣ Люцыѣ и о пафлагонскомъ королѣ Кирѣ, его женѣ Гликеріи и сынѣ ихъ Евгеніи,—въ Сборникѣ XVIII вѣка собр. А. Д. Григорьева № 1. Изслѣдовавшій ее владѣлецъ рукописи не опредѣляетъ источниковъ и ссылается на мнѣніе А. Н. Веселовскаго въ «Исторіи р. словесности» Галахова, стр. 448—450.

4. Сборникъ Спб. Публ. Библ-ки XVIII вѣка, собр. Богданова Q. XVII, № 42, л. 128. Списокъ безъ заглавія (начало утрачено) и конца. Описаніе И. А. Бычкова, вып. I, стр. 201.

Какъ видно, списки довольно рѣдки. Обращаемъ на нихъ вниманіе П. Поповича тѣмъ болѣе, что въ русской ученой литературѣ объ этой Повѣсти извѣстно очень немногое. Въ изслѣдованіи «О вліяніи западно-европейскихъ литературъ на древне-русскую» проф. Н. И. Петровъ передаетъ содержаніе повѣсти по кіевской рукописи, составленіе ее предполагаетъ у южныхъ славянъ, въ болгарскомъ царѣ Повѣсти, Михаилѣ, видитъ лицо историческое, наконецъ, образцомъ признаетъ западные источники: Повѣсть о царѣ Антоніи и Исторію объ Аполлонѣ Тирскомъ («Труды Кіевск. Духовн. Акад.» 1878, августъ, 758—760). То же приблизительно повторилъ А. Н. Веселовскій въ «Исторіи русской словесности» А. Галахова, также передавая содержаніе Повѣсти (СПБ. 1880, ч. I, стр. 448—450). В. Сиповскій видитъ въ Повѣсти «подделку подъ старыя Житія», которая «сказалась, между прочимъ, и въ измышленіи словъ, яко бы греческихъ» («Русскія повѣсти». СПБ. 1905, стр. LXI). С. Розановъ думаетъ, что «нужно считаться съ мнѣніемъ Петрова, который относитъ основу Повѣсти къ южнымъ славянамъ», и указываетъ малорусскую сказку «Мачуха» въ сборникѣ Рудченка II, 49 («Извѣстія Отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ», 1904, IV, стр. 376—377). Мы прибавимъ еще ссылки на «Кіевск. Старину» т. XLIX (1895), V, стр. 56; «Этногр. Обозр.» 1893, кн. III; Аѳанасьева III, № 13; VI, № 18; ««Les Grecs,

Roumains, Albanais et l'jmpire Ottomane. Par une valaque din Pinde» (Brux. 1886).

За исключеніемъ сборника сказокъ Испиреску, не находимъ у П. Поповича ссылокъ на другіе сходные мотивы въ румынскомъ фольклорѣ. Они собраны у L. Şainénu въ его капитальномъ, незамѣнимомъ для слависта изслѣдованіи «Basmele române» (Букурештъ, 1895), и сказкамъ типа «Дѣвица съ отсѣченными руками» («Tipul feteĭ cu mânele tăiate») посвященъ цѣлый отдѣлъ въ названной книгѣ Шаиняну (стр. 690—704). Здѣсь находимъ рядъ мотивовъ, которые могутъ служить прекрасными, а часто и необходимыми параллелями (быть можетъ, и источниками) къ болгарскимъ сказкамъ, привлеченнымъ въ изслѣдованіи П. Поповича, напр. «Impĕratul cel fără de lege», «Fata popeĭ a cu stem», «Fata din sfeşnic» и др. Кромѣ того, Шаиняну указалъ и рядъ западныхъ сходныхъ мотивовъ, отчасти извѣстныхъ и другимъ изслѣдователямъ. Существуетъ и румынскій переводъ сборника Агапія; одинъ изъ нихъ указанъ былъ въ 1885 году («Revista p. istorie, archeologie şi filologie» an. III, vol. V, fasc. I, p. 142), и привлеченіе его къ изслѣдованію могло бы выяснить по крайней мѣрѣ картину распространенія этого интереснаго сюжета на Балканскомъ полуостровѣ.

Необходимо было бы указать на такія параллели къ Чуду, какъ, напримѣръ, на извѣстную и очень распространенную легенду о скоморохѣ, хулившемъ «на всѣхъ игрищахъ» Богородицу, за что у него отсѣчены были обѣ руки и ноги. Она извѣстна намъ въ сербскомъ спискѣ Патерика XIV—XV вѣка Берлинской Корол. Библ-ки № 40 собранія Караджича, л. 256:

Йлию градь, ливаннскы, финичьскый градь ѥ. вь нѥмь скомрахь вѣше нѣкто йменемь айнь. и на всѣ игрищѣ прѣстоую бцоу роугаксе хоулꙗше ю. и ꙗвисе ѥмоу прѣстаа бца глющїи. что ты зло сьтворих, ꙗко при селицѣ народѣ повлаче ме и злѣ глюши. ѡн же вьставь не тькмо оуправлень, нь и паче хоулоу вѣщаше. пакь же ѥмоу ꙗвисе прѣстаꙗ бца. оувѣщающи й глющи, и моле врѣждаѥши тако дшоу своѭ. сь же пакы злѣ хоулꙗше. й ѡна пакы третицею ꙗвисе ѥмоу. то же глющи й оувѣщающи. и ꙗкоже не исправи себе, нь паче множае хоулꙗше. и вь ѥдиноу пладьнь, ꙗко лежаше. й ꙗвисе ѥмоу ничтоже рекши. тькмо прьстомь своимь начрьтѣ ѡвѣ роуцѣ и ѡвѣ нозѣ ѥго. й вьзвоудиѥсе. ѡбрѣтесе ѿсѣчень ѥмоу ѡвѣ роуцѣ и нозѣ. и

троупь же леже. ѿ си҄ зловивъ исповѣше всѣмь ѿ себѣ. ꙗвѣ себе творе. ꙗже вь покоужени҄ свои҄ постра҃, иже чл҃кьколюбиꙗ ради: — Сопоставленіе между Богородицей, одинаковымъ образомъ наказавшей хулителя и наградившей ту, которая имѣла особенную любовь къ Ней, конечно, не случайное.

Наконецъ, можно было увеличить литературу мотивовъ о кровосмѣшенія (у Поповича стр. 10). Ср. нашу статью «Къ славянскимъ легендамъ о кровосмѣшеніи» въ «Сборникѣ Харьковскаго ист.-филол. Общ-ва. Изданъ въ честь проф. Н. Ф. Сумцова» (Харьковъ, 1909, 404—411). Въ литературѣ объ Агапіи не находимъ ссылки на Саѳу, стр. 313 и на еписк. Порфирія «Аѳонскіе книжники», стр. 50 и слѣд. Неизвѣстна ему рецензія Буслаева на работу А. Веселовскаго «Novella della figlia del re di Dacia», въ статьѣ «Опыты г. Веселовскаго по сравнительному изученію др.-итал. литературы и народной словесности славянской и въ особенности русской», въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1868, кн. II, Отд. II, 495, 518 и 536. Неизвѣстнымъ остался и интересный экскурсъ въ диссертаціи И. Жданова «Русскій былевой эпосъ» (1895), гдѣ на стр. 309—310 авторъ довольно подробно говоритъ о греческомъ оригиналѣ «Грѣшныхъ Спасеніе», источникахъ, спискахъ и болгарскихъ изданіяхъ, изъ которыхъ однимъ онъ пользовался.

А. И. Яцимирскій.

Суффиксъ oz/ez/ъz въ славянскихъ языкахъ.

Въ ряду многихъ суффиксовъ, которыми въ славянскихъ языкахъ образуются звукоподражательныя слова, одинъ до сихъ поръ остается въ научной литературѣ въ тѣни, хотя и количество образуемыхъ имъ словъ, и ихъ важность, давали бы ему право на болѣе почетную роль въ славянской лингвистикѣ. Я разумѣю именно суффиксъ *-oz-*, чередующійся съ *-ez-* и *-ъz-* и имѣющій то же самое значеніе и тѣ же самыя функціи, что и его болѣе извѣстный собратъ—суффиксъ *ot/et/ъt*. Какъ мало обращалъ онъ вниманіе изслѣдователей славянскаго словообразованія, видно изъ того, что даже такой великій систематикъ славянскаго языкознанія, какимъ былъ Миклошичъ, могъ привести въ IV т. своей Vergleichende Grammatik только одинъ примѣръ суфф. *-oz-*, именно въ чш. *lomoz* «шумъ, трескъ». Но и этотъ единственный примѣръ почему-то подвергся остракизму въ новѣйшей Vergleichende Slavische Grammatik Вондрака, какъ будто онъ представлялъ собой фактъ, въ какомъ-либо отношеніи не вполнѣ достовѣрный.

А между тѣмъ дѣйствительное распространеніе суффикса несравненно шире. Во многихъ случаяхъ онъ лежитъ какъ-бы на поверхности словарнаго матерьяла и его можно извлекать оттуда почти голыми руками. Въ другихъ случаяхъ онъ замаскированъ позднѣйшими фонетическими процессами славянскихъ языковъ, но и здѣсь обнаруживаетъ поразительную семасіологическую устойчивость: *онъ всюду и всегда обозначаетъ или дѣйствія, сопровождающіяся болѣе или менѣе громкими звуками, или существа, производящія эти дѣйствія.*

Чтобы читатель могъ убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, я приведу наиболѣе типичные примѣры употребленія суффиксовъ *-oz-*, *-ez-* и *-ъz-* въ славянскихъ языкахъ, отнюдь, впрочемъ, не претендуя на ихъ абсолютную полноту.

1. Чешское *lom-oz* «шумъ, трескъ». Оно извѣстно уже въ старыхъ чш. памятникахъ (Gebauer, Slovnik 266) и, конечно, образовано отъ того имени **lomъ*, которое такъ живо удерживаетъ свое первоначальное значеніе въ соврем. пл. *łom* «трескъ» и русск. *ломъ* «суматоха, возня» при дцсл. ломъ «трещина», срб. *лом* «хворостнякъ» и русск. *ломъ* id. Отъ **lomozъ* образованъ въ чш. яз. глаголъ *lom-oz-iti* «ломать, трещать», отъ котораго русск. *ло́мзать* изъ **ло́м-ъз-ать* «возиться съ шушумомъ, стучать» отличается только тѣмъ, что въ основѣ его лежитъ суффиксъ на низшей степени, именно *-ъz-*. На ступени *-e-* нашъ суффиксъ сохранился въ слв. *lęmez* «der Dachsparren, die Ruderstange»: первоначальное значеніе этого слова было, по всей вѣроятности, «съ трескомъ отломившійся кусокъ дерева.»

2. Если въ первомъ примѣрѣ суфф. *-oz-* сохранился только въ чш. яз., а въ русск. на его мѣстѣ слышится суфф. *-ъz-*, то, наоборотъ, прасл. **gom-oz-a* «непосѣда», «хлопотунъ» и **gom-oz-iti* «толкаться въ кучѣ» съ его *-oz-* удержалось только въ русск. яз. (*гомоза́, гомози́ться*), а въ чш. яз., какъ и въ другихъ славянскихъ, слышатся на его мѣстѣ образованія или съ *-ъz-*,—ср. чш. *hemzati*, пл. *giemzać*, влж. *hemzać*, слв. *gomǝzẽti*, срб. *га́мзити*, блг. *гъмжѫ*, а также чш. *hmez*, пл. *hemza* «пресмыкающееся»,—или съ удлиненнымъ суффиксомъ *-yz-*, ср. чш. *hmyz* «насѣкомое», пл. *gmyz* «*drobiazg*». Впрочемъ, и въ русск. яз., рядомъ съ основой *gom-oz-*, слышится и основа *gom-ъz-*, ср. *гомза́ть* (изъ **гомъз-а́ть*) «копошиться»; *гомза́* (изъ **гом-ъз-а́*) «деньги, кошель». Какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ (РФВ LXIII 340), всѣ эти образованія ведутъ свое начало отъ и.-е. звукоподражательнаго корня **ghem-*, отъ котораго, кромѣ двн. *gaman* «радость», произошло и прасл. **gomonъ* «шумъ» (чш. *homon*, пл. *gomon*, русск. *гомонъ*). А если такъ, то не только въ формальномъ, но даже въ семасіологическомъ отношеніи мы получаемъ право построить равенство: **lomoziti: *gomoziti=*lomъzati: *gomъzati*.

3. Въ формальномъ отношеніи отъ праслав. *lomozъ и *gomozъ, конечно, нельзя отдѣлять и чш. *hlomoz* «шумъ, трескъ», а отъ прасл. *lomoziti и *gomoziti—чш. *hlomoziti* «производить шумъ, трескъ». Какъ призналъ Matzenauer LF VII 181 и за нимъ Berneker EW 306, оба эти образованія ведутъ свое начало отъ и-е. звукоподражательнаго корня *ghlem- и, слѣдовательно, находятся въ ближайшемъ родствѣ съ др.-исл. *glam-* «Lärm», датск. *glam* id. и пр. Случайно ни въ одномъ изъ слав. языковъ не сохранилось формы, параллельной *lomъzati или *gomъzati,—т. е. формы *glom-ъz-ati, но за то въ срб.-хрв. яз. удержалась не менѣе любопытная форма съ удлиненнымъ суффиксомъ *-ōz-, т. е. *-az-*, ср. *glòmâzan* «schwerfällig, ungeschickt». Весьма любопытно затѣмъ дальнѣйшее расширеніе основы *glomoz- формантомъ *-d-*, которое мы имѣемъ въ блр. *гло́моздъ* «хламъ», *гломозда́* «безтолковщина», *гломоздзи́ць* «громоздить». Ср. Berneker ib.

4. Послѣднія три формы для насъ важны еще тѣмъ, что бросаютъ яркій свѣтъ на бывшія до сихъ поръ загадочными русск. *громо́здъ* «ворохъ, куча», *громозда́* id. и *громозди́ть* «наваливать грудой». Въ самомъ дѣлѣ, откуда взялось въ этихъ формахъ *з*, разъ онѣ образованы отъ основы *gromod- (ср. чш. *hromada*, влж. *hromada*, пл. *gromada*, русск. *громада* и съ удлиненнымъ корнемъ—ц.-сл. грамада, блг. *грама́да*, срб.-хорв. *gramáda*, слв. *gramáda*)? Отвѣтъ будетъ не труденъ, если мы сопоставимъ русск. *громо́здъ* съ блр. *гло́моздъ*, русск. *громозда́*—съ блр. *гломозда́*, а русск. *громозди́ть*—съ блр. *гломоздзи́ць*. Одного взгляда на эти формы достаточно, чтобы убѣдиться въ полномъ параллелизмѣ влр. и блр. формъ: все отличіе первыхъ отъ вторыхъ заключается только въ томъ, что при *гло́моздъ*, напр., въ слав. язз. сохранилась и первичная форма *glomozъ (§ 3), а при *громо́здъ* аналогичной формы *grom-oz-ъ указать нельзя. Но что въ прасл. яз. существовала и эта форма, косвенно доказывается, съ одной стороны, слв. *gramdz* «хрящъ» (котораго корень *gram-*, конечно, тождественъ съ корнемъ *gramady*), съ другой стороны, глаголомъ *громозди́ть* и его iterativ'ами—чш. *hromažditi* и пл. *gromaždžić*. Сопоставленіе первой формы со вторыми даетъ намъ, такимъ образомъ, возможность возстановить прасл. *gromozъ, по образованію вполнѣ параллельное уже разсмотрѣн-

нымъ **glomozъ* (§ 3), **gomozъ* (§ 2) и **lomozъ* (§ 1). Кромѣ **gromozъ*, въ прасл. яз. несомнѣнно слышалось и **gromъzъ*, какъ это косвенно доказываютъ чш. *gramzoň* «неловкій, неповоротливый человѣкъ» и срб.-хрв. *gràmziti* «томиться жаждой», изъ которыхъ послѣднее несомнѣнно аналогично по образованію съ **lomъzati*, **gomъzati* и пр. Во всякомъ случаѣ, совокупность приведенныхъ образованій лишаетъ почвы обычное утвержденіе (къ которому примкнулъ и Berneker), что слав. *gromada* произошла отъ корня **grem-* «собирать въ кучу». Теперь для насъ ясно, что не др.-инд. *grā́mas* «куча, толпа» и не лат. *grēmium* являются ближайшими родичами слав. *gromady*, а — греч. χρόμαδος «трескъ», которое такъ поразительно напоминаетъ ее и своимъ суффиксомъ. Но, какъ извѣстно, гр. χρόμαδος образовано отъ χρόμος. А если такъ, то и *gromada* образована отъ им. **gromъ* (дцсл. громъ, блг. *громъ*, срб.-хрв. *grȏm*, чш. *hrom*, влж. *hrom*, пл. *grom*, русск. *громъ)*, которое, слѣдовательно, не случайно совпадаетъ съ гр. χρόμος звукъ въ звукъ.

5. Звукоподражательный корень **chlem-* (изъ и.-е. **khlem-*), лежащій въ основѣ влж. *khlemić* «кричать» и чш. *chlemtati* «жадно хлебать», также не чуждается нашего суффикса. Ср., напр., русск. діал. (пск., тв.) *хлéмза* «кто идетъ, прихлопывая» изъ **хлем-ъз-а*. На ступени *-o-* и съ тѣмъ же суффиксомъ *-ъз-* мы имѣемъ тотъ же корень въ русск. *хлóмза* «кто стучитъ, хлопаетъ» изъ **хлом-ъз-а* и *хлóмзить* «врать» изъ **хлом-ъз-ити*. Контаминаціей **chlem-ъz-ati* и **chlem-ъt-ati* (= совр. чш. *chlemtati*) возникло, вѣроятно, дчш. *chlemstati* «жадно пить» изъ **chlemztati*, а обыкновенное удлиненіе *ъ* въ iterativum представляетъ русск. *хлемызáть* «стучать». Но что для насъ особенно интересно, такъ это то, что русскій языкъ сохранилъ слѣды существованія въ прасл. яз. имени **chlam-ozъ*, *вполнѣ* параллельнаго съ изученнымъ уже нами **gramozъ* и *почти* параллельнаго съ формами **gromozъ*, **glomozъ*, **gomozъ* и **lomozъ*. Я разумѣю именно глаголъ *хлáмоздить* «хлопать, стучать», который представляетъ такое же denominativum къ **хламоздъ*, какой *громоздúть* — къ *громóздъ*, *гломоздзиць* къ *глóмоздъ* и т. д. Но если послѣднія формы, какъ мы видѣли выше (§ 3 и 4), представляютъ не что иное, какъ расширенія формантомъ *-d-* основъ **gromoz-* и **glomoz-*, то и **хламоздъ* должно быть такимъ же расши-

реніемъ **хламозъ*. Косвенно оно подтверждается также чш. мор. *chlomáznuť* «pohlavěk dáti»,—iterativum къ **chlomoznuti*. Контаминаціею **chlomoziti* и **chlamotati* представляетъ русск. *хламостúть* «завалить хламомъ», вѣроятно, изъ **chlamoztiti*. Что касается до корня имени **chlamozъ*, то онъ, конечно, ведетъ свое начало отъ того и.-е. корня **khlōm-*, который лежитъ въ основѣ влж. *khlamać* «кричать», млр. *хлáмати* «съ жадностью ѣсть» и русск. *хлáмать* «стучать, хлопать». Сюда же, конечно, относится и столь распространенное въ русск. литер. яз. имя *хламъ*. Его значеніе «соръ, дрянь, дрязгъ» развилось, безъ сомнѣнія, изъ идеи «стараго лома», которая, между прочимъ, и приводится Далемъ[3] IV 1187. Слѣдовательно, первоначально *хламъ* обозначалъ «все разбитое и сломанное», и потому человѣку «ненужное». Отсюда же легко могло развиться далѣе значеніе «кучи всякой всячины» и потомъ даже «холма» въ чак. *hlám*. Ср. подобную эволюцію значенія въ срб.-хрв. *gomila* и *gromila*, о чемъ см. РФВ LXIII 341. Во всякомъ случаѣ, изъ сказаннаго видно, какъ далекъ былъ отъ истины Matzenauer LF VII 219, когда сопоставлялъ съ *хламóмъ* лтш. *slâns* «aufgeschichteter Haufen», и какъ мало имѣлъ основанія присоединиться къ такому объясненію Berneker EW 387, хотя бы только вопросительно...

6. Параллельно съ **chlamozъ* въ прасл. яз. слышалось близкое къ нему по значенію **chramozъ*. Косвенно оно доказывается моравск. *chramozda* «имѣющій неуклюжую походку» (Bartoš, Dialektický slovník moravský 129). Первоначальное, чисто-звукоподражательное значеніе корня **chram-* сохранилось въ чш. *chram-ot* «шумъ» и образованномъ отъ него *chramotiti* «шумѣть». Контаминаціей именъ **chramozъ* и **chramotъ* возникло, вѣроятно, чш. *chramost* «шумъ, хрустѣніе», а контаминаціей **chramoziti* и **chramotiti* — глаголъ *chramostiti* «шумѣть, хрустѣть». Для насъ нѣтъ сомнѣнія, что сюда же относится чш. *chramostýl* «горностай», которое Gebauer Hist. ml. I, 373 и Berneker EW 232 ошибочно выводили изъ *hranostaj* народно-этимологическимъ путемъ: въ слѣдующихъ §§ мы увидимъ, что оба слова представляютъ параллельныя образованія отъ различныхъ звукоподражательныхъ корней. Такъ какъ ономатопоэтическіе корни нерѣдко служатъ для обозначенія «неловкихъ, неуклюжихъ и неповоротливыхъ людей»,—ср. приведенныя выше срб.-

хрв. *glòmâzan* «неловкій» (§ 3) и русск. *хлёмза* «кто идеть, прихлопывая» (§ 5), а также чш. *belhati* «хромать» (Berneker EW 48) — то болѣе, чѣмъ вѣроятно, что не только вышеупомянутое мор. *chramozda* «неуклюжій», но и само прасл. прилаг. *chromъ (др.-ц.-сл. хромъ, блг. *хромъ*, срб.-хрв. *хро̏м*, слв. *hrôm*, чш. *chromý*, влж. *khromy*, пл. *chromy* и русск. *хромой*) принадлежитъ къ семейству звукоподражательнаго корня *chrem- (и.-е. *khrem-). При такомъ предположеніи, дѣлается понятно, почему это слово начинается на *ch*, а не на *s*, что было бы, напротивъ, неизбѣжно, если бы слав. *chromъ* дѣйствительно было родственно съ др.-инд. *srāmas* «хромой». Правда, Pedersen IF V 70 попытался было ослабить звуковое противорѣчіе между обоими словами, но такимъ путемъ, который нельзя не назвать рискованнымъ (ср. Wackernagel, Altindische Grammatik I, 264). Еще съ большимъ правомъ то же можно повторить про странную гипотезу Эндзелина Слав.-балт. этюды 72.

7. Передъ нами звукоподражательный корень *chom- (изъ и.-е. *khom-). Въ соврем. слав. языкахъ онъ прежде всего представленъ образованіями отъ удлиненной ступени *chām-. Ср. блг. *хамамъ* «ѣмъ», слв. *hâmati* id., чш. *chamlati* «жадно ѣсть», *chamtati* id., русск. *хáмкать* «ѣсть», чш. *chámiti* «токовать», пл. *chamić* id., млр. *хамелити* «жевать съ трудомъ», пл. *chamkaty* «гнусавый», *chamchaty* id., пл. *chamrać* «gadać, obmawiać», мор. *хамáркати* «бормотать», чш. *chamrď* «хламъ», *chamrad'* id., *chamrad* id., *chamrada* id. Но очень часто также, рядомъ съ этими образованіями, встрѣчаются и слова съ корнемъ *chom-. Ср. мор. *chomtat* «жадно ѣсть», *chomtoň* «проглатывающій слова», чш. *chomáč* «клокъ, пучокъ», *chomrad* «хламъ», *chomol* «бурный вѣтеръ» и, можетъ быть, слв. *hamatáti* «verwickeln, verwirren». По всей вѣроятности, сюда же относится названіе животнаго cricetus frumentarius: пл. *chomik* и русск. *хомякъ*, — оно могло получить его по своему характерному крику, какъ и срб.-хрв *hŕčak* «хомякъ», слв. hȓčək id., слвц. *chrček* id. Ср. Krček, Grupy 53. А если такъ, то дѣлается болѣе ясной этимологія и др.-русск. хомѣсторъ, которое встрѣчается уже въ Свят. сб. 1073 г. Повидимому, хомѣсторъ образованъ отъ какого-нибудь глагола вродѣ *хомѣстати изъ прасл. **choměztati*,

которое, въ свою очередь, представляетъ продуктъ контаминаціи **chomězati* и **chomotati*. Впрочемъ, двн. *hamastra*, датированное уже XIII в. и считаемое самими нѣмецкими лингвистами (въ томъ числѣ и Berneker'омъ EW 395) за славянское заимствованіе, ясно указываетъ на то, что, рядомъ съ **chomězъ*, въ прасл. яз. слышалось и **chomozъ*. Доказательствомъ того, что и низшая ступень нашего корня **chъm-* также соединялась иногда съ нашимъ суффиксомъ, служитъ млр. *хмиз* «мелкій хворостъ» и русск. *хмызъ* изъ **chъm-yz-ъ*, котораго *-ыз-* есть не что иное, какъ удлиненіе суфф. *-ъз-*.

8. Звукоподражательное происхожденіе названій чш. *chramostyl* и др.-русск. *хомѣсторъ* дѣлаетъ уже a priori весьма вѣроятнымъ подобное же происхожденіе и прасл. **gornostarъ* (ср. др.-русск. *горностаръ* изъ **гороностаръ*). Наша догадка блистательно подтверждается слв. *grá-nezǝlj* «ласка», которое формально представляетъ не что иное, какъ уменьшительное имя, образованное отъ исчезнувшаго теперь имени **granezъ*. Вторая часть этого слова есть нашъ суффиксъ *-ez-*, а первая часть — тотъ звукоподражательный корень **gorn-*, отъ котораго, между прочимъ, образованы: дцсл. гранъ «формула, стихъ», ц.-сл. грано «стихъ», чш. *hrana* «печальный звукъ», влж. *hrono* «рѣчь, разговоръ», нлж. *gro-niś* «говорить», полабск. *górnět* «говорить, болтать». Что во всѣхъ этихъ словахъ значеніе «рѣчи» развилось уже на славянской почвѣ изъ болѣе древняго «звукъ, крикъ», доказываютъ нѣкоторыя ихъ индо-европ. параллели, между которыми не послѣднее мѣсто занимаютъ образованія вродѣ др.-инд. *járatē* «звучитъ, шумитъ», лт. *gerdas* «крикъ», *gar̃sas* «звукъ», ирл. *gairm* «крикъ» и пр. Слѣдовательно, нельзя считать смѣлымъ предположеніе, что въ названіи *горностая*, какъ и синонимичнаго съ нимъ чш. *chramostyl* и множества другихъ животныхъ, удержалось первоначальное звукоподражательное значеніе корня, и вся трудность вопроса заключается только въ неясности происхожденія его вторичныхъ формальныхъ элементовъ, т. е. его странныхъ суффиксовъ *-starъ* и *-stajь*. Но и они потеряютъ значительную долю своей загадочности, если мы, основываясь на упомянутомъ слв. *gránezǝlj*, предположимъ, что когда-то въ прасл. яз. раздавались рядомъ два синонимичныхъ глагола: **gorn-oz-iti* и **gorn-ot-ati*. Вслѣдствіе сходства значенія и образованія, они могли

легко вступить въ контаминацію другъ съ другомъ, плодомъ которой и явился глаголъ **gornozťati*, а изъ него уже чисто-фонетически—**gornostati* «кричать»[1]). Отъ этого глагола и ведутъ свое начало слав. названія *горностая*, именно: 1) прасл. **gornostajь* (дчш. *hranostaj*, пл. *gronastaj* и русск. *горностай*, если изъ **гороностай*, а не изъ **гърностай*), образованное съ помощью суффикса *-jь-*, 2) прасл. **gornostarjь* (русск. *горностарь* изъ **гороностарь*, если не изъ **гърностарь*) — съ помощью суфф. *-arjь*; изъ **gornostarь* посредствомъ диссимиляціи двухъ *r* возникло др.-русск. и діал. русск. *горносталь* и діал. пл. *gronostal*[2]).

9. Отъ того же корня, отъ котораго образованъ *горностай*, образовано, хотя и безъ его форманта *-n-*, прасл. прилаг. **gor-ąz-dъ* «умный, ловкій» (ц.-сл. гораздъ, русск. *гораздъ*). Его значеніе эволюціонировало, вѣроятно, изъ болѣе древняго «рѣчистый, обладающій даромъ слова» (ср. упомянутыя выше влж. *hrono* «рѣчь, разговоръ», нлж. *hronis* «говорить», ц.-сл. грана «формула, стихъ»), но и это значеніе не было первоначальнымъ: исконное значеніе удержалось только въ чш. діал. *horazditi* «шумѣть, стучать, бранить», что и не должно насъ удивлять, если мы вспомнимъ, что, по общепринятой этимологіи, и лат., напр., *clārus*, являющееся до извѣстной степени синонимомъ нашему *гораздъ*, возникло также изъ чисто-звукоподражательнаго корня, какъ это доказываетъ его ближайшій родичъ *clāmāre* «кричать»; подобнымъ образомъ, др.-инд. *kārúṣ* «поэтъ» произведено отъ ономатопоэтическаго корня **ker*, уже знакомаго нашимъ читателямъ по этимологіи слав. *čary* (РФВ. LXI 237). Кромѣ этихъ примѣровъ развитія значенія «духовной одарен-

1) Такъ какъ прасл. имя **gorno* принадлежало къ основамъ на *-es-* (ср. дцсл. гранє, род. п. гранєсє), то въ глаг. **gornostati* можно было бы считать *s* исконнымъ. Въ пользу такого именно толкованія особенно говорило бы слв. *gránosəlj*, если бы въ то же время первоначальное слв. **granos* нельзя было бы выводить фонетически изъ *granoz*. Ср. подобное же чередованіе обоихъ звуковъ въ концѣ словъ: слв. *gramoz* (§ 4) и *gramos*, чш. *lomoz* (§ 1) и *lomos*, чш. *koboz* (§ 26) и *kobos*, русск. *чибезъ* (§ 27) и *чибесъ*, ц.-сл. ремєзьство и лт. *remesis* (§ 16) и т. д.

2) Въ связи со звукоподражательнымъ происхожденіемъ *горностая*, быть можетъ, находится еще то обстоятельство, что въ млр. яз. оно обозначаетъ не только звѣря изъ семейства грызуновъ, но и какую-то птицу. Ср. Гринченко, I, 313.

ности» изъ звукоподражательныхъ корней черезъ посредство понятія «рѣчи», можно было бы привести еще множество другихъ, но мы почти не знаемъ примѣровъ, которые иллюстрировали бы обратный семасіологическій процессъ—переходъ значенія ораторскаго искусства въ «стукъ» и «шумъ». А между тѣмъ именно эту натяжку надъ значеніемъ должны дѣлать тѣ этимологи, которые видятъ въ чш. *horazditi* семасіологическое новообразованіе, не смотря на то, что уже простой анализъ формальнаго состава этого глагола неумолимо принуждаетъ насъ искать объясненія совсѣмъ въ другомъ направленіи. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе, чѣмъ вѣроятно, то предположеніе, что **gor-az-dъ* образовано отъ глаг. **gor-az-diti*, — iterativ'а къ глаголу **gor-oz-diti* «кричать», которое, въ свою очередь, является denominativum по отношенію къ имени **gor-oz-dъ* «шумъ, крикъ». Слѣдовательно, формально **gor-oz-dъ* представляетъ такое же образованіе, какъ уже разсмотрѣнныя нами **glomozdъ*, **gromozdъ* и пр. Ср. Brückner KZ XLIII 307. Во всякомъ случаѣ, ни **gorozdъ*, ни *gorazdъ* не имѣютъ ничего общаго съ *предполагаемымъ* готск. **garazds* (*ga*+*razda* «нарѣчіе, языкъ»), съ которымъ его обыкновенно сопоставляютъ (въ послѣдній разъ Berneker 230). Вѣдь если современная лингвистика принуждена была отказаться отъ вѣры въ германск. происхожденіе даже такихъ словъ, какъ говѣти и готовъ, которыя въ герм. языкахъ имѣютъ довольно точныя параллели (именно въ двн. *gawihjan* и *gataujan)*, то съ тѣмъ большимъ скептицизмомъ мы должны относиться къ готск. происхожденію слова, которое *не найдено еще ни въ одномъ изъ памятниковъ этого языка.* Это вполнѣ вѣрно понялъ новѣйшій изслѣдователь германскихъ словъ въ слав. языкахъ Младеновъ, предсказывая, что дальнѣйшее развитіе славянскаго языкознанія откроетъ возможность объяснить имя **gorazdъ* безъ помощи гипотезы заимствованія (Старитѣ герм. елементи въ слов. езици, 20).

10. Не менѣе интересны сочетанія съ суффиксомъ *-oz-* того звукоподражательнаго корня **chrob-* (= и.-е. **kkrob-*), который лежитъ въ основѣ млр. *хробот* «хрустѣніе», пл. *chrobot* id., *chrobotać* «хрустѣть». Сюда относятся, напр., такія образованія, какъ свлр. *храб-аз-ъ* «хворостъ» и пл. *chrabęz* «gęstwina w liesie». Въ первомъ суффиксъ *-az-* есть удлиненіе нашего суффикса *-oz-*, а во второмъ суффиксъ *-ęz-* есть

назализованный суффиксъ *-ez-*. Возможно также, что прасл. **chroboz-* скрывается также въ русск. прилаг. *хрóбоскій* «шумный» изъ **хробозьскій* и глаг. *хробостать* изъ **хробоз-тать*. Послѣдній глаголъ, подобно другимъ глаголамъ на *-стать*, представляетъ, вѣроятно, продуктъ контаминаціи глаг. **chroboziti* (ср. упомянутые выше *lomoziti*, *gomoziti* и пр.) и **chrobotati* (ср. пл. *chrobotać*).

11. Русскому *храб-аз-ъ* до извѣстной степени параллельна *хлабази́на* «хворостина», но такъ какъ это слово встрѣчается, кажется, только въ акающихъ говорахъ, то его можно читать и какъ **хлоб-оз-и́на*. Какъ бы то ни было, но, во всякомъ случаѣ, и здѣсь мы имѣемъ дѣло со знакомымъ намъ расширеніемъ того звукоподражательнаго корня **chleb-* (изъ и.-е. **khleb-*), отъ котораго образованы, между прочимъ, слв. *hlobotáti* «съ шумомъ ѣсть», пл. *chłabotać* «хрустѣть», *chlebotać* id., далѣе въ слв. *hlobáti*, русск. *хлебáть* и пр. Теоретически можно допустить, что и *хлебестать* «хлестать» возникло контаминаціей **chlebezati* и **chlebetati* (ср. русск. *хлебетать* «хлебать, болтать»).

12. И русск. *леб-е́з-и́ть* принадлежитъ къ словамъ, образованнымъ посредствомъ суфф. *-ez-*. Его первоначальное значеніе донынѣ сохранилось въ такихъ діалектическихъ значеніяхъ, какъ «нести вздоръ» (ол.) или «пустословить» (нвг.). Изъ этихъ значеній черезъ посредство понятія «сплетничать» и развилось значеніе «льстить, ластиться, ухаживать, увиваться, угодничать». На первоначальное чисто-ономатопоэтическое значеніе корня указываетъ также *лебез-д-и́ть* «шлепать ногами по грязи», рядомъ съ которымъ употребляется и глаголъ *лебези́ть* въ томъ же самомъ значеніи: и здѣсь, такимъ образомъ, мы видимъ расширеніе суффикса *-ez-* формантомъ *-d-*, которое уже намъ знакомо по упомянутымъ выше **glomozditi* (§ 2), **gromozditi* (§ 3) и пр. На ступени *-a-* и въ соединеніи съ суфф. *-oz-* мы имѣемъ нашъ корень въ твр. *ла́б-озъ* «льстивый угодникъ, обманщикъ» и въ образованномъ отъ него глаголѣ *ла́б-оз-ить* «льстить, обманывать лестью». Iterativum къ *лабозить* представляетъ глаголъ *ла́базить*, отъ котораго произведены, вѣроятно, *ла́базы* «сплетни, вранье», *ла́базъ* «сплетникъ, льстецъ». Что касается имени *ла́бозъ* «льстивый угодникъ, обманщикъ», то съ нимъ несомнѣнно тождественно и то твр. *ла́б-озъ*, которое имѣетъ значеніе «сарая, на-

вѣса, балагана». Его первоначальное значеніе, какъ и значеніе общевлр. *лáбáзъ*[1]), было, вѣроятно, «деревянная, съ шумомъ и трескомъ ломающаяся настилка». Подъ такое понятіе легко подойдутъ почти всѣ значенія, которыя приводитъ для нашего слова Даль [3] II, 593—594: и «помостъ на деревьяхъ, откуда бьютъ медвѣдей», и «навѣсъ въ лѣсу для складки запасовъ», и «амбарушко на сваяхъ для убереженія припасовъ отъ звѣрей», и «плетникъ для загона скота», и «наскоро сколоченная лавчонка» и пр. Первоначально матерьяломъ для этихъ крайне хрупкихъ и ломкихъ «построекъ», вѣроятно, служилъ кустарникъ *лабáзка* (Spiraea ulmaria), который, по словамъ Даля, идетъ также «на подожки, кнутовища, почему *лабазúна* ж. «хворостина», и «посохъ», и «палка».—Кромѣ суффикса *-oz-* и его удлиненія *-az-*, корень **lab-* иногда соединяется въ русск. яз. и съ суфф. *-ъz-*. Для примѣра достаточно указать на такія формы, какъ русск. *лáбзúть* = «лебезить», *лабзýнъ* = «лебезя», *лáбза* id., *лабзýнить* «нѣжить, холить» и т. п. И подобно тому какъ съ *лаб-азъ* чередуется форма *лоб-азъ*, такъ съ формой **lab-ъz-iti* (въ русск. *лáбзúть)* чередуется глаголъ **lob-ъz-ati* «цѣловать», откуда дцсл. лобъзати, русск. *лобзать* или въ многократномъ видѣ дцсл. лобызати, русск. *лобызать* (съ нормальнымъ удлиненіемъ суффикса). Слѣдовательно, первоначальное значеніе этихъ глаголовъ было чисто-ономатопоэтическое, и въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, даже если не обращать вниманія на такія великолѣпныя семасіологическія параллели, какъ соврем. блг. *бáцамъ* «цѣлую» или соврем. русск. *чмóкать* id. Правда, въ этимологической литературѣ (ср., напр., Walde[2] 409) принято сближать лоб-ъз-ати съ лат. *lambere* «лизать», но эта этимологія не будетъ противорѣчить нашей, если признать, что само понятіе «лизать» развилось изъ болѣе общаго «хлебать». По крайней мѣрѣ, другіе родичи лат. *lambere:* др.-исл. *lepia* «лизать по-собачьи», англо-сакс. *lapian* «пить, хлебать», нвн. *Löffel* «ложка» гораздо легче вывести именно изъ этого понятія, чѣмъ изъ идеи «лизать». На звукоподражательное значеніе корня косвенно указываетъ русск. *лóпать* (которое Walde

---

1) Интересно, что во множ. ч. это имя звучитъ какъ *лóбóзы*, т. е. съ корнемъ *лоб-*, удлиненіе котораго представляетъ *лаб-* въ *лабазъ*.

также сопоставляетъ съ лат. *lambere)* и прямо — слв. *labǫt* «рыло», *labǫtati* «болтать нелѣпицу». Не случайно поэтому рядомъ съ послѣднимъ употребляется въ слв. яз. *въ томъ же самомъ значенiи* глаголъ *labǫzati*, отъ котораго образовано и прилаг. *labǫzast* «болтливый». Трудно сомнѣваться, что эти слова тождественны по образованію съ упомянутымъ русск. *лáбазъ* «льстецъ», «прихлебатель».

13. Выше мы видѣли (§ 2), что въ русск. языкѣ отъ звукоподражательнаго корня *гом-* (=и.-е. **ghem-*) образовано, между прочимъ, имя *гомзá* (изъ **гом-ъз-á*) въ значеніи «кошеля денегъ», первоначально, конечно, только «звенящихъ» или «бренчащихъ». Но, быть можетъ, не всѣмъ извѣстно, что русскій языкъ употребляетъ *въ томъ же самомъ значеніи* еще имена *чéмезъ* и *чемезá*, которыхъ суффиксъ *-ез-*, конечно, не случайно чередуется съ суфф. *-оз-* въ словахъ *гом-оз-á, гом-оз-úться* и пр. Едва-ли можно сомнѣваться, что это сходство формъ и значеній коренится въ единствѣ принципа образованія обѣихъ группъ словъ: какъ **гом-ъз-á* образована отъ ономатопоэтическаго корня **ghem-*, такъ *чем-ез-á*, resp. *чем-ез-ъ* образованы отъ параллельнаго звукоподражательнаго корня **kem-*. А если такъ, то дѣлается понятнымъ, почему параллельны и дальнѣйшія образованія обоихъ корней: ср. *чем-ез-úла* »скряга, скупой съ деньгами» и *гомзúла* id., *чемезúть* «производить сумятицу, сумбуръ» и *гомозúть* id. и т. д. Только значеніе «насѣкомаго», повидимому, совершенно чуждо основѣ *чемез-*, но что оно отсутствуетъ здѣсь лишь случайно, на это ясно указываютъ имена: **komarъ* (блг. *комáръ*, срб.-хрв. *kòmar*, слв. *komár*, чш. *komár*, влж. *komor*, пл. *komar*, русск. *комаръ)* и **čьmeljь* (слв. *čmẹlj*, чш. *čmel*, пл. *czmiel*, русск. *чмель, шмель*): ихъ родство (ср. Berneker EW 167, Преображенскій Э. С. 341) не станетъ отрицать ни одинъ этимологъ.

14. Др.-русск. *рагоза*,—ср. бысть *рагоза* новогородцемъ съ псковичи, немирье, и поидоша новогородци ко Пскову ратью. Пск. 1 лѣтоп. (Ср. Мат.), — безъ сомнѣнія, тождественно съ соврем. русск. *рáгоза* «свара, ссора, пря», а др.-русск. *рагозитися* «враждовать, возмущаться»,—ср. таковъ бо есть обычай новогородцевъ: часто правают къ князю ко великомоу и паки *рагозятся*, Троицк. л. (Ср. Мат.),—находитъ себѣ полное соотвѣтствіе въ соврем. русск. діал. *рáгозить* «пустосло-

вить, суетиться попусту, мѣшать, сердиться». (Даль[3] III 1464). И эти слова образованы съ помощью суффикса *-oz-* отъ звукоподражательнаго корня **rag-*, который, между прочимъ, сохранился въ слв. *râglja* «трещотка, болтушка», *ragljáti* «квакать, производить шумъ трещоткой, болтать», *ragotáti* id. На ступени *-e-* тотъ же корень лежитъ въ основѣ слв. *réga* «кваканье», *regetáti* «квакать», «кричать какъ сорока», млр. *регіт* «хототъ», *реготати* «хохотать, ржать», *реготіти* «хохотать, кричать какъ сычъ», влр. *рѣготать* «хохотать, орать» [1]).

15. Параллельное разсмотрѣннымъ выше именамъ: *гомоза*, *лебеза*, *чемеза*, *рогоза* и пр. образованіе представляетъ и влр. *рем-ез-á* «кто суетится, егозитъ, *лебезитъ*», тогда какъ глаголамъ *гомозúть*, *лебезúть*, *чемезить*, *рогозить* и пр. точно отвѣчаетъ глаголъ *ремезúть* «суетиться, торопить, егозить, лебезúть». Нѣтъ сомнѣнія, что сюда же относится названіе птицы Parus pendulinus *рéм-ез-ъ*, о которой такъ много и такъ трогательно поютъ малорусскія пѣсни. Такъ какъ суфф. *-ez-* въ вышеприведенныхъ примѣрахъ образуетъ исключительно звукоподражательныя слова, то per analogiam мы вправѣ заключить, что того же происхожденія и корень **rem-*. И дѣйствительно, еще въ 1893 г. такой ко-

---

1) Отъ прасл. **rogoza* въ значеніи «шума» слѣдуетъ отдѣлять прасл. **rogozъ* (др.-ц.-сл. *рогозъ*, блг. *рогозъ*, срб.-хрв. *rogoz*, чш. *rohoz*, пл. *rogoz*, русск. *рогозъ*) и **rogozja* (слв. *rogôža*, русск. *рогожа*) въ значеніи извѣстнаго болотнаго растенія и выдѣлываемой изъ него грубой ткани. Фортунатовъ Sāmavēda 121 сопоставлялъ его съ лт. *rezgù*, *règsti* и слав. *rozga*, но не вполнѣ ясно представлялъ себѣ отношеніе детерминативовъ ихъ корней. Hirt PBB XXII 234 сравнивалъ съ двн. *ror* (= нвн. *Rohr*) и гр. *ὄροφος*, возстановляя ихъ и — е. праформу какъ **orog^u̯ho-*; съ этой этимологіей соглашается и Walde[2] 660, и, конечно, не безъ основанія: безукоризненная съ фонетической точки зрѣнія, она особенно привлекательна въ семасіологическомъ отношеніи: всѣ три слова обозначаютъ въ сущности одинъ и тотъ же предметъ,—именно «растеніе, похожее на трубку». А если такъ, то невольно приходитъ на умъ догадка: не обозначало-ли первоначально *rogozъ* растеніе, изъ котораго выдѣлывались дудки, флейты, трубки и другіе тому подобные примитивные музыкальные инструменты? Если — да, то звукоподражательный суффиксъ *-oz-* въ роли форманта слова не представлялъ бы ничего страннаго. Или, можетъ быть, *рогозъ* потому имѣетъ звукоподражательный суффиксъ, что обозначаемое имъ растеніе Typha отличается большою хрупкостью и ломкостью? Въ послѣднемъ случаѣ, оно представляло бы превосходную аналогію къ только что разсмотрѣнному названію растенія Spiraea ulmaria *лабáзка* (§ 12).

рень указалъ Mikkola (Baltisches und Slavisches 38) въ др.-сѣв. *rómr* «голосъ», *róma* «говорить громкимъ голосомъ», съ которымъ онъ совершенно вѣрно сравниваетъ далѣе: слв. *romôn* «бормотанье, рѣчь» и чш. *romoň* «звукъ грома», слв. *romóniti* «говорить» и чш. *romoniti, remoniti* «лепетать». Сюда же можно отнести еще слв. *rmotáti* «стучать», но о свлр. *ромодá* «толпа, шумъ, толкотня; рой мошки» Mikkola исключаетъ отсюда безъ достаточнаго основанія: мы уже встрѣчали выше (§§ 2, 3, 4, 5, а также РФВ LXIII 341) не одинъ примѣръ эволюціи значенія «шума» въ значеніе «толпы». Наконецъ, судя по аналогіи именъ русс. *ссора* (изъ *съ-сора*, гдѣ *сора* возникла изъ **svora*, ср. *свара*, Solmsen Untersuchungen 206) или др.-русск. *съ-вада* (котораго *vad-* родственно др.-инд. *vādas* «изреченіе», ср. Miklosich 373), къ корню *рем-* можно причислить и южлр. *рéмство* «ненависть, злоба, досада».

16. Послѣднее слово звукъ въ звукъ совпадаетъ не только съ русск. *ремéство* «ремесло», но и съ ц.-сл. ремьство id. Случайно-ли? Намъ думается не совсѣмъ. Дѣло въ томъ, что въ Михановичевой Минеѣ XIII в. отмѣчено написаніе ремѣзьство въ значеніи «ремесла» (Miklosich [2]LP 798), которое даетъ возможность и инославянское *remeslo* (чш. *řemeslo*, влж. *řemesło*, пл. *rzemiosło, rzemiesło*, русск. *ремесло*) возстановить или какъ **remeзь-slo* (=пл. *rzemiesło*), или какъ **remeз-slo* (=пл. *rzemiosło*), причемъ ихъ суффиксъ *-slo* въ томъ и другомъ случаѣ обозначалъ бы орудіе дѣйствія. А такъ какъ предшествующій ему суффиксъ *-ез-* имѣетъ, какъ мы доказали выше, исключительно звукоподражательное значеніе, то отсюда слѣдуетъ, что и корень слова **rem-*, по крайней мѣрѣ первоначально, обозначалъ какое-либо шумное дѣйствіе. А если такъ, то все слово должно было первоначально обозначать «средство или орудіе, которымъ производится извѣстная сопровождающаяся болѣе или менѣе сильнымъ *шумомъ* физическая дѣятельность». Что касается идеи физической дѣятельности, то *теоретически* вполнѣ вѣроятно, что она дифференцировалась изъ болѣе общаго понятія «спѣшить со всякимъ дѣломъ», которое донынѣ сохранилось въ русск. *ремезить*. Поэтому не даромъ сравнивалъ это слово съ *ремесломъ* еще Miklosich EW 275. Но, какъ мы видѣли выше, *ремезить* имѣетъ также значеніе «суетиться, торопить», т. е. значеніе, въ составъ ко-

тораго можетъ входить также и идея «спѣшной дѣятельности». Въ виду этого семасіологъ не найдетъ ничего страннаго въ томъ предположеніи, что *ремесло* образовано отъ того звукоподражательнаго корня **rem-*, отъ котораго, кромѣ перечисленныхъ выше словъ, произведено также діал. русск. *ре́мжить* «шибко, бойко идти, спѣшить», возникшее, конечно, изъ **рем-ъз-ить* подъ вліяніемъ 1 л. наст. вр. *ремжу*. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ терять изъ виду и другой возможности происхожденія корня *ремесла*. Именно, онъ можетъ представлять ступень *-e-* того и.-е. корня **orbh-*, отъ котораго, между прочимъ, образована и слав. **robota*. Такъ какъ эта ступень извѣстна и въ другихъ случаяхъ, — ср. ирл. *no-m-érpimm* «committo me» (Fick[4] I 369, ср., впрочемъ, Pedersen KZ XXXVI 94) и русск. *ребенокъ* (Соболевскій РФВ LXIV 117), и такъ какъ расширеніе его формантомъ *-m-* знакомо намъ по герм. *arm* «бѣдный» (изъ **arƀmaz*), то предположеніе, что и **remeslo* могло возникнуть изъ **rebmezslo* не заключаетъ въ себѣ ничего смѣлаго. Но изъ какого-бы корня мы ни выводили наше имя, одно несомнѣнно, что въ составъ его формативныхъ элементовъ вошелъ звукоподражательный суффиксъ *-ez-*. Въ частности, это положеніе доказываетъ и др.-русск. *ремезъ* «рабочій». Не смотря на то, что оно встрѣчается только одинъ разъ во фразѣ: *ремези храмы сдѣлаютъ вы* (Злат. XIV в.), едвали можно заподозрить его достовѣрность при наличности упомянутаго выше ц.-сл. ремєзьство.

17. Посредствомъ суффикса *-ez-* образовано далѣе русск. *руб-ёзъ*, *руб-ез-óкъ*, *руб-ез-очекъ* «тесьма, узкая полоска, оторванная, остриженная отъ ткани, бумаги и пр.» (Даль[3] III 1727). Такъ какъ почти невозможно «рубить» и не производить вмѣстѣ съ тѣмъ шума, то сочетаніе корня глагола *rǫbiti* съ звукоподражательнымъ суффиксомъ *-ez-* не должно насъ удивлять. Мало того, въ виду этого обстоятельства, можно даже думать, что именно отъ *rǫbez-*, а не отъ *rǫbeg-* (какъ думаетъ, напр., Vondrák Vergl. Sl. Gr. I 471) образовано русск. *рубéжъ* «зарубка, граница» (изъ **rǫbezjъ*).

18. Аналогичнымъ способомъ изъ прасл. **grabezjъ* возникло, вѣроятно, **grabežь* (дцсл. грабєжь, блг. *грабéжъ*, срб.-хрв. *гра̏беж*, слв. *grâbež*, пл. *grabież*, русск. *грабёжъ*). Что въ основѣ этого слова слы-

шалось нѣкогда *-ez-*, въ этомъ убѣждаютъ насъ: 1) др.-русск. *грабезщикъ* въ Нвг. судн. гр. 1471 г. (Срезн., Мат. I, 574), 2) соврем. русск. *грабаздать* «хватать», которое представляетъ не что иное, iterativum къ глаголу **грабоздить*,—образованію, параллельному вышеупомянутымъ *громоздить*, *гломоздить* и пр. и 3) лт. *grabẽždai* «хламъ» при *grabažiúoti* «ощупывать», *grebė̃ždūti* «ощупывать», ср. Буга РФВ LXV 314, 315. Контаминаціей *грабаздать* и какого-либо глагола на *-стать* возникла, еще въ прасл. эпоху, третья форма **grabaztati*, **grabastati*, откуда соврем. слв. *grabástati* и русск. *грабастать*. Ср., впрочемъ, и лт. *grabaščióti* «грабастать» (ЮС).

19. Русск. *дребезжать* «глухо звенѣть» образовано, какъ извѣстно, отъ *дрéбез-гъ* или *дребез-гá* «звонъ, трескъ, стукъ». Во мн. ч. эти имена обозначаютъ «черепки, осколки» — *дрéбезги*, но *дробезгá* (гдѣ корень находится уже на ступени *-о-*) въ ед. ч. означаетъ «мелочь». Тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ томъ, что значеніе «осколки» является въ корнѣ **drob-* болѣе новымъ въ сравненіи со значеніемъ звукоподражательнымъ, т. е. со значеніемъ «звонъ», а потому вполнѣ естественно, что онъ соединился съ суффиксомъ *-ez-*. Соболевскій, Лекціи[4] 72 и, вѣроятно, подъ его вліяніемъ Berneker EW 225 возстановляютъ его какъ *-ěz-*, но пл. *drobiazg*, на которое они при этомъ ссылаются, можетъ представлять отглагольное образованіе (deverbativum) къ **drobiazgać* (изъ **drobězgati*), котораго ě (=ia) есть результатъ обычнаго удлиненія гласной въ многократномъ глаголѣ. Какъ бы то ни было, но для. *drobiozg* и діал. пл. *drobióżg* (которыя почему-то игнорируютъ и Соболевскій и Berneker) ясно указываютъ на то, что пл. языкъ зналъ не только *drobiazg*, но и *drobiezg*. А если такъ, то какое же мы имѣемъ право отожествлять русск. *дребезгъ* только съ первой формой? Кромѣ того, въ пользу исконности суфф. *-ez-* косвенно говоритъ также влр. *дробязникъ* «розничный товаръ», гдѣ *яз* отражаетъ *-ęz-* (съ назализованнымъ *e*), а равнымъ образомъ — такія формы, какъ *дребез-дéнь* «дребезгъ», представляющая контаминацію **дребезъ* и *дребедéнь*. Ср. и *громоздень* «куча».

20. Русск. *егозá* «непосѣда, юла», какъ и образованный отъ него глаголъ *егозить*, до сихъ поръ еще не нашли себѣ удовлетворительнаго

объясненія (ср. Преображенскій Э. С. 211), но и они въ значительной степени потеряютъ свою загадочность, если отъ ихъ корня мы отвлечемъ звукоподражательный суффиксъ *-ez-*. Въ такомъ случаѣ первый окажется возможнымъ сопоставить съ русск. *ёглить* «метаться отъ боли, нетерпѣнія», съ которыми въ Ак. С. вполнѣ основательно сравнивается блр. *яглиць* «кипѣть, горѣть желаніемъ; нетерпѣливо и страстно хотѣть чего» и влр. *яглиться* «двигаться, шевелиться». Начальное *я* этихъ глаголовъ, также какъ и *я* млр. имени *яюза=егоза́*, повидимому, относится къ начальному *е* русск. *ёглить* такъ, какъ назализованная гласная къ неназализованной. Если это такъ, то прасл. **jęgliti* (русск. *яглить*) есть возможность сопоставить съ лт. *éngti* «драть, сдирать, настойчиво требовать; притѣснять», *éngtis* «тереться, приводить въ порядокъ, убирать» (ЮС), далѣе съ лт. *iñgsti* «нюнить, рюмить, тоскливо кричать» и лтш. *enǵét* «бранить», затѣмъ съ лт. *ingéti* «лѣниться», *ìngis* «лѣнтяй», лтш. *ígt* «innerlich Schmerz haben, verdriesslich sein». Сюда же Berneker относитъ срб.-хрв. *jezíti* «сердить, раздражать», пл. діал. *jędzić się* «сердиться», равно какъ и дцсл. ѩѕа «νόσος», срб-хрв. *jéza* «страхъ», слв. *jęza* «гнѣвъ», дчш. *jězě* «lamia», пл. *jędza* «вѣдьма» и русс. *яга* въ *бабаяга́* «вѣдьма». Оставляя въ сторонѣ вопросъ о болѣе отдаленныхъ родичахъ слав. и лт. глаголовъ (въ томъ числѣ и о лат. *aeger* «больной»), мы здѣсь замѣтимъ только то, что первоначальнымъ значеніемъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ образованій, вѣроятно, было то, которое теперь свойственно только русск. *яга́ть* «кричать» и лт. *iñgsti* «нюнить, рюмить, тоскливо кричать». Изъ этого значенія, во-первыхъ, развилось значеніе «терпѣть внутреннюю боль, быть угрюмымъ» (лтш. *ígt*), потомъ «лѣниться» (лт. *ingéti*), затѣмъ «сердиться» (прасл. **jędziti* и **jędza* «гнѣвъ», «персонифицированный гнѣвъ», т. е. «вѣдьма»), потомъ «бранить» (лтш. *enǵét* и русск. *егози́ть* «говорить дурно о другихъ» Ак. С.), далѣе «настойчиво требовать, притѣснять» (лт. *éngti*), еще далѣе «нетерпѣливо и страстно хотѣть чего; кипѣть желаніемъ» (блр. *яглиць*), еще далѣе «метаться отъ нетерпѣнія, боли» (влр. *ёглить*), еще далѣе «двигаться, шевелиться, тереться; ладиться, приводить въ порядокъ» (влр. *яглиться*, лт. *éngtis*), наконецъ, «суетиться, рѣзвиться, вертѣться». Послѣднее значеніе мы и имѣемъ въ русск. *егози́ть*, причемъ его звуко-

подражательный суффиксъ указываетъ на оттѣнокъ «шума», который первоначально соединялся съ его корнемъ. Слѣдовательно, семасіологическая эволюція русск. *егозы* въ общемъ — та-же, что и лт. *burzdùs* «подвижной», ономатопоэтическое происхожденіе котораго показано нами въ другомъ мѣстѣ (РФВ LXIII 322).

21. Познакомившись съ исторіей русск. *егозы*, мы можемъ уже напередъ быть увѣренными, что и другой его русскій синонимъ: *ел-озá* возникъ тѣмъ же путемъ, т. е. посредствомъ соединенія звукоподражательнаго суфф. *-оз-* съ такимъ же корнемъ **el-*. Мысль эта дѣйствительно подтверждается значеніями «бранить, распекать», а также «ѣсть, хлебать», которыя имѣетъ глаголъ *ел-óзить* въ цѣломъ рядѣ русск. діалектовъ (примѣры см. въ Ак. С.). Правда, рядомъ съ ними не менѣе распространено и значеніе «ползать», которое Далевъ и Акад. словари ставятъ даже на первомъ мѣстѣ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что на самомъ дѣлѣ это значеніе возникло въ нашемъ словѣ секундарно: повидимому, значеніе «ползать» развилось въ глаголѣ *ел-óзить* не безъ участія глагола *елзать* изъ **ел-ъз-ать* (ср. *елызнýть* «ударить»), который, благодаря звуковому сходству съ *ползать*, легко могъ специализировать свое первоначальное значеніе «шумно и безпокойно двигаться» на «возню на полу». За то первое еще живо чувствуется въ русск. *елдыга* «мотъ, гуляка», *елдыжить* «вздорить, затѣвать ссоры, бездѣльничать», гдѣ звукоподражательный корень **el-* расширенъ формантомъ *-d-*, ср. лт. *eldavoti* «гулять, проводить время въ попойкахъ и увеселеніяхъ» (ЮС). Напротивъ, русск. *елгозá* = *егозá* и *елгозúть* = *егозúть* возникли не отъ корня **elg-*, а представляютъ контаминацію обѣихъ паръ синонимовъ: *егозá* и *елозá*, *егозúть* и *елóзить*. Что касается другихъ и.-е. языковъ, то звукоподражательный корень **el-* и здѣсь отнюдь не является rara avis: кромѣ приведеннаго уже лт. *eldavóti*, можно еще указать на гр. ὀλολύζω «кричу», ὀλολυγαία эпитетъ совы, ὀλοφύρομαι «горюю», оставляя въ сторонѣ болѣе отдаленныхъ родичей. Ср. Prellwitz[2] 328. Преображенскій Э. С. 214 сюда же причисляетъ гр. ἐλελίζω, но его корень принадлежитъ не къ корню **el-*, а къ корню *lī-* (рядъ *-i-*), ср. др.-инд. *rejati* «заставляетъ кричать, колебаться» (Uhlenbeck Ai. Wb. 253). Совершенно неправдоподобно сближеніе

***ел-ъз-ать** съ слав. *лыжей* и лт. *rõges*, которое предложилъ еще Потебня РФВ. I, 76.

22. Русск. *ёлзать* изъ **ёлъзать* дѣлаетъ въ высшей степени вѣроятнымъ предположеніе, что и русск. *ёрзать* «двигаться туда и сюда», *ёрза* «непосѣда» возникли изъ болѣе древнихъ **ер-ъз-ать*, **ер-ъз-а*. Что въ этихъ словахъ дѣйствительно нѣкогда слышался послѣ *р* глухой *ъ*, на это указываютъ русск. діал. *ер-ыз-нýть* «сильно ударить», *ерызнуться* «шлепнуться». Правда, Шахматовъ (О полногласіи 105, 106) пытался объяснить его *ы*, какъ и *ы* упомянутаго выше *елызнуть* (§ 21), чисто фонетически, но съ помощью такихъ гипотезъ, которыхъ сложность можетъ равняться только ихъ безграничной смѣлости. А что корень *ер-* первоначально имѣлъ чисто ономатопоэтическое значеніе, объ этомъ свидѣтельствуетъ то русское *ёръ*, которое въ соединеніи съ звукоподражательными именами *торъ*, *торы* обозначаетъ «суету, суматоху», ср. *туды-сюды—торъ да ёръ*; выраженіе *пошли торы да ёры* означаетъ «непринужденный разговоръ, балагурство, пересуды, тары-бары» (Ак. С.). Корень **ер-* звучитъ далѣе въ цѣломъ рядѣ такихъ образованій, какъ *ёрникъ* «забіяка, насмѣшникъ; мотъ, развратникъ» (невѣрно Osten-Sacken IF XXIII 381, ср. Преображенскій Э. С. 217); *еромыга* «гуляка, бездѣльникъ»; *еромыжникъ* id., *еромыжничать* «бездѣльничать»; *ёркать* «безобразничать», *ёркнуть* «ударить»; *ергá* «непосѣда, егоза»; *ёргать* «бить мячомъ», *ергонýть*, *ерготать* «говорить, бормотать». При такомъ широкомъ распространеніи звукоподражательнаго корня **er-*, можно признать только чистой случайностью отсутствіе имени вродѣ **ер-оза* или **ер-еза*, но что, по крайней мѣрѣ, послѣднее, все-таки, существовало, на это косвенно указываетъ русск. *ербезá* «непосѣда, егоза» и *ербезúть* «егозить», возникшія контаминаціей формъ **ереза* и **ерезить* съ формами *лебеза* и *лебезúть* (§ 12). На ступени *-о-* корень *ер-* мы имѣемъ далѣе въ русск. *орáть* «кричать», *орава* «толпа», срб.-хрв. *орити* «отзываться эхомъ», на ступени *-ō-* — въ лат. *ōrāre* «говорить, просить», др.-инд. *āryati* «восхваляетъ» и въ нѣкоторыхъ другихъ болѣе спорныхъ параллеляхъ (ср. о нихъ РФВ LXIII 272).

23. Русское *варáзгаться* «возиться надъ приготовленіемъ чего-

люо, копаться, мараться» представляетъ не что иное, какъ iterativum къ глаголу **вар-оз-г-аться*, а *варызга́ть* «ѣсть скоро» служитъ такимъ же iterativum по отношенію къ глаголу — *варзгать* изъ **вар-ъз-г-ать* (ср. *зава́рзгать* «запачкать»). Отъ *ва́рызга́ть*, конечно, нельзя отдѣлять и глагола *варыздать* «поспѣшно хлѣбать», отличающагося отъ перваго только другимъ расширеніемъ, т. е. *-д-*. Такъ какъ при *варызга́ть* употребляется также *ворызга́ть* «ѣсть, хлебать съ жадностью», а при *варзгать* — *ворзгать* «чесать», то весьма вѣроятна мысль, что корень *вар-* относится къ корню *вор-* въ этихъ словахъ какъ удлиненная ступень къ неудлиненной. То же самое отношеніе повторяется и въ тѣхъ глагольныхъ корняхъ, которые не распространены детерминативами *-г-* и *-д-*, т. е. въ формахъ — *ва́рза́ть* (ср. *варза́ть* «шалить», *сва́рзать* «съѣсть») изъ **вар-ъз-ать* и *ворзать* изъ **вор-ъз-ать*. Отсюда видно, какъ далекъ былъ отъ истины Шахматовъ (О полногласіи 69, 84, 90, 100, 107), когда старался подвести всѣ эти образованія подъ фонетическую формулу *tart*, съ которой, въ сущности, они не имѣютъ ничего общаго. Повидимому, онъ былъ введенъ въ заблужденіе такими формами, какъ чш. *vrzati* «скрипѣть, трещать», слвц. *vrzať* id., слв. *vŕzati* «трещать», срб.-хрв. *ча́врзгати* «оглушать разговоромъ», но ихъ корень **vьrz-* въ двухъ отношеніяхъ отличается отъ корня **vor-* русскаго **вор-ъз-а́ть*: 1) онъ представляетъ не высшую ступень чередованій, а низшую и 2) онъ расширенъ детерминативомъ *-z-* (= и.-е. *ĝh*), тогда какъ *vor-* представляетъ корень чистый, не распространенный формантами, какъ и въ родственныхъ ему словахъ: русск. *врать*, пол. *wrzal* «крикъ», далѣе въ гр. εἴρω «говорю» и пр.

24. Млр. *клезну́ти* «ударить по лицу» Шахматовъ (ib. 100, 129) вполнѣ справедливо сравниваетъ съ свлр. *колы́знуть* «ударить», но взаимное отношеніе обоихъ глаголовъ изображаетъ, по моему мнѣнію, въ ложномъ свѣтѣ. Предполагать, что *колы́знуть* чисто-фонетически возникло изъ прасл. **kъlzъnǫti*, мы не имѣемъ достаточнаго основанія, во-первыхъ, потому пл. *kiełznąć* «взнуздать, оступиться» по значенію слишкомъ далеко отъ нашихъ глаголовъ, во вторыхъ, потому, что сама теорія «третьяго полногласія», какъ мы доказываемъ въ другомъ

мѣстѣ, уже принципіально очень не вѣроятна. Да и зачѣмъ прибѣгать къ этой въ высшей степени искусственной и сложной теоріи, когда глаголъ *колы́знуть* можно объяснить гораздо проще? Вѣдь его *-ыз-* можетъ представлять простое удлиненіе суффикса *-ъз-* въ глаголѣ **кол-ъз-ать*, образованномъ отъ того звукоподражательнаго корня **kel-*, который уже знакомъ нашимъ читателямъ по этимологіи имени *колдунъ* (РФВ LXII 249). Отъ этого же корня образовано и млр. *клезну́ти*, но съ тѣмъ весьма существеннымъ отличіемъ, что онъ находится здѣсь не на высшей ступени чередованій (какъ въ *колы́знуть*), а — на низшей. Это значитъ, что млр. *клезну́ти* восходитъ не къ прасл. **kleznuti*, а къ прасл. *kъl-ez-nùti*, и, слѣдовательно, не случайно и въ этомъ словѣ мы встрѣчаемся со звукоподражательнымъ суффиксомъ *-ez-*. Что касается до блр. *ковзану́ць* «ударить», то, повидимому, оно представляетъ denominativum отъ имени **къл-ъз-а* «ударъ» или **кол-ъз-а* id.

25. Свлр. *умолы́згивать* «торопливо ѣсть, скоро хлебать» Шахматовъ (ib. 101) сравниваетъ съ свлр. же *по-мо́лзовать* «часто ѣсть», и тутъ объясняя первое фонетически изъ **mъlzgnuti*. Но по нашему мнѣнію, гораздо правильнѣе видѣть въ формѣ — *молызгивать* простое iterativum къ **мол-ъз-г-ать*, основа котораго отличается отъ основы *по-молзовать* (изъ **по-мол-ъз-овать*) лишь наличностью расширенія *-г-*, столь частаго именно у суффикса *-ъз-*. Это служитъ косвеннымъ доказательствомъ того, что и самый корень **мол-* первоначально имѣлъ только ономатопоэтическое значеніе, — какъ и его ближайшій родичъ прасл. **mъlva* (д.-ц.-сл. млъва, чш. *mluva*, пл. *mówa*, русс. *молва*).

26. Свлр. *углызну́ть* «утонуть» Шахматовъ (ib. 84) сравниваетъ съ свлр. же *голзать* «скользить, вывертываться изъ рукъ», причемъ думаетъ, что *лы* въ первомъ словѣ замѣнило прарусс. *ал* фонетически. Но ср.-блг. гол-от-ѧ «ледъ», др.-русс. *гол-ът-ь* (Златоструй XII в.), совр.-русс. *гол-от-ъ*, д.-чш. *holet*, позднѣйшее *holot* (ср. Berneker EW 322), въ которыхъ корень **gol-* соединяется то со звукоподражательнымъ суффиксомъ *-ъt-*, то со звукоподражательнымъ суффиксомъ *-ot-*, позволяютъ и въ глаголѣ *го́лзать* видѣть аналогичное сочетаніе того же корня съ синонимичнымъ суффиксомъ *-ъz-*, т. е. даетъ возможность читать его какъ **гол-ъз-ать*. Многократный видъ этого глагола

долженъ былъ бы звучать какъ **голызать*. Отъ него, вѣроятно, и образована **голыз-ина* въ *про-гол-ыз-ина* «полынья». Суффиксъ *-ыз-*, чередующійся съ *-ъз-*, мы имѣемъ и въ глаголѣ *улызнуть* «утонуть» (изъ **у-гъл-ыз-нуть*), но здѣсь корень находится уже не на высшей ступени чередованія, а на низшей. А что послѣдняя дѣйствительно нѣкогда существовала въ прасл. языкѣ, на это указываетъ, кромѣ пск. *взглезь* «вскользь» (изъ **въз-гъл-ез-ь*), еще срб.-цсл. гльтєна «ледяной» [1]).

27. Русское *холызда́ть* «шляться въ дверь взадъ и впередъ» Шахматовъ (ib. 103) выводитъ изъ **холызнуть*, въ которомъ *олы* явилось будто бы фонетически изъ *al*. Но уже многократный видъ этого глагола дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что онъ возникъ изъ болѣе древней формы **chol-zz-d-ati*, а близкій къ нему по значенію и происхожденію глаголъ *хл-ыз-ить* (ср. *схлы́зить* «незамѣтно уйти»)—изъ **chъl-zz-iti*. Это заставляетъ думать, что и глаголъ *хо́лзать* «ходить взадъ и впередъ» отражаетъ собой не прасл. **chъlzati*, а прасл. **chъl-zz-ati*, ср. млр. *ховзати* «скользить», въ которомъ *о* не перешло въ *і*. Что касается до русскаго *хлы́здить* «не стоять на мѣстѣ, трусить», то, повидимому, оно представляетъ контаминацію глаголовъ **хлыздить* и *хли́пать*, которое, какъ показываетъ дчш. *chlipati* «übermütig sein», могло обозначать не только «плакать».

28. Русск. *сала́зки* «сани» принадлежитъ къ числу наиболѣе темныхъ словъ. Горяевъ Э. С. 310, сравнивалъ его съ пр. *slayo* «сани», *slayan* «полозъ саней», съ лт. *sligti* «скользить» и русск. *слизкій*, но вокализмъ этихъ словъ трудно привести въ гармонію съ корнемъ нашего имени. Но происхожденіе его станетъ болѣе яснымъ, если мы пристальнѣе всмотримся въ его формальные элементы. Прежде всего очевидно, что *салазки* представляютъ уменьшительное имя, образованное отъ имени **салазъ* или **салаза*; послѣднія же формы, по всей вѣроятности, суть не что иное, какъ *deverbativa* къ глаголу **сал-óз-ить* или **сол-оз-ить*, въ которомъ *-оз-* есть изучаемый въ настоящей статьѣ звуко-

---

1) Что касается сѣвр. *шлзать* «скользить» (Шахматовъ, ib. 128), то, по всей вѣроятности, оно представляетъ секундарное iterativum къ **gъlъzati*.

подражательный суффиксъ *-ог-*, а **сол-* — тотъ и-е. корень **sel-* «двигаться», который дошелъ до насъ въ лт. *selėti* «ползать, скользить», лат. *salire*, гр. *ἄλλομαι* и пр. Ср. Hirt Ablaut § 468, Rozwadowski Mat. i pr. II 351. Особенно близко подошла значеніемъ къ нашему имени лт. форма, ясно указывающая на то, что первоначально наши *салазки* обозначали не просто «санки», а «*съ шумомъ* скользящія санки».

29. Русск. *стрек-оз-á* «libellula» получила свое названіе несомнѣнно по тому звуку, который она издаетъ, и потому находится въ ближайшемъ родствѣ не съ глаголомъ *стрекáть* «колоть, жалить», какъ думалъ Miklosich EW 325, а съ глаголомъ *стрекотáть* «издавать рѣзкій, трескучій звукъ». Ср. у Даля[2] IV 572: «кузнечикъ, сверчокъ стрекóчетъ, свирестнтъ, трещитъ, сверча». Наоборотъ, трудно сказать, отъ какого корня: **strek-* «колоть» или **strek-* «звучать» образованъ глаголъ *стрекáть* въ значеніи «прыгать, скакать, егозить». Миклошичъ безъ всякихъ оговорокъ отнесъ его къ первому, но мы, зная на примѣрѣ русск. *егозá* и *елóза* (§§ 20 и 21), что понятіе «прыгать» или «скакать» можетъ развиваться и изъ чисто — звукоподражательныхъ корней, будемъ осторожнѣе, и не рѣшая вопроса окончательно, только укажемъ на то, что глаголъ *стрекáть* «звучать» могъ получить значеніе «прыгать» черезъ посредство «прыскать, брызгать, обдавать струей», которое дѣйствительно не чуждо нашему глаголу и родственнымъ ему: срб.-хрв. *стрцати* «брызгать», чш. *střikati*, пл. *strzykać, strzekać:* вѣдь «брызги» всегда «шумятъ» и въ то же время «летятъ», т. е. «прыгаютъ». Подобно тому какъ русск. *прыснуть* означаетъ не только «брызнуть», но и «прыгнуть», «кинуться куда-либо опрометью», и чш. *střečkovati* «скакать», а равнымъ образомъ и русскія *стречокъ, стрекачъ* «прыжокъ, скачокъ» въ выраженіяхъ «дать стречка, стрекача» могли первоначально обозначать «бѣгство въ разсыпную», всегда, какъ извѣстно, сопровождающееся болѣе или менѣе сильнымъ *шумомъ.*

30. Звукоподражательный суффиксъ *-ог-* мы имѣемъ далѣе въ русскомъ діалект. (олон.) *жегóжка* «кукушка» (Ак. С.), — ум. къ **жегожа* изъ **жег-оз-ја;* при помощи другого ум. суфф. *-ulja* образована отъ основы **žeg-ог-* русск. *жег-оз-уля,* которое хотя отсутствуетъ и въ словарѣ Даля и Ак., но приведено Миклошичемъ въ

EW 407. Сравненіе этихъ словъ съ лт. *geguže* и др.-пр. *geguse* неопровержимо доказываетъ, что начальное *ж* этихъ словъ древнѣе звука *з* въ русскомъ діалект. (новг.) *заг-ǒза*: повидимому, *з* здѣсь замѣнило *ж* подъ вліяніемъ суффиксальнаго *-з-* и отсюда уже проникло въ ум. *загǒжка* (олон.): ср. подобную ассимиляцію звуковъ едва-ли не въ общерусскомъ *земьзо, замьзо*. На глубокую древность этой ассимиляціи указываетъ др.-русск. *зегзица*, возникшая несомнѣнно изъ **žeg-ъz-ica*. Повидимому, это слово представляетъ уменьшительное образованіе къ прасл. **žeg-ъz-a*, которое съ лт. *geg-užẽ* совпадаетъ звукъ въ звукъ. Отъ прасл. **žeg-ъz-a* ведетъ свое начало и пл. *gžegžołka* изъ **žegъzołka*, **žegzołka*: здѣсь суффиксальное z, ассимилируясь начальному ž, перешло сначала въ *ž*, а потомъ, наоборотъ, коренное ž, уподобляясь суффиксальному *g*, развило передъ собой начальное *g*. Совсѣмъ другую исторію имѣло чешское названіе «кукушки» *žežhule*. Для объясненія этого слова необходимо напомнить, что въ др.-чш. языкѣ употреблялась (а діалектически и въ современномъ чешскомъ языкѣ) имя *žežule*. Лт. *gegelė* даетъ намъ право думать, что это слово первоначально звучало какъ **žeželja*, и что лишь подъ вліяніемъ формы *žehzule* она стала звучать какъ **žežule*. Затѣмъ, какъ это часто бываетъ въ языкѣ, произошло новое скрещеніе пары *žehz-ule* и **žež-ule*, плодомъ котораго и явилась современная чешская форма *žežhule*. Что касается млр. *зезули*, то она, конечно, возникла изъ *жегзули*, въ которой начальное *ж* ассимилировалось послѣдующему *з*, а фрикативное γ выпало; подобнымъ образомъ влр. и млр. *зозуля* возникли изъ фонетическаго варіанта *жегзули*—**жогзули*. Наконецъ, результатомъ дальнѣйшей ассимиляціи обоихъ слоговъ явилась русск. *зузуля*. Что касается до млр. *зоўзуля*, то его ў восходитъ, конечно, не къ фрикативному γ, какъ думалъ Соболевскій «Лекціи[4]» 126, а къ звуку *л*, такъ что все имя *зоўз-уля* должно быть читаемо какъ **зол-зз-уля*. Повидимому, корень *зог-* измѣнилъ свое *г* на *л* подъ вліяніемъ глагола *-золити* въ *до-золити* «досаждать, надоѣдать», о которомъ ср. РФВ LXI 228.

Какъ видитъ читатель, потомки очень мало похожи на своихъ предковъ, — на прасл. формы **žeg-ъz-a* и **žeg-oz-a*, — да и не всегда восходятъ къ нимъ по прямой линіи!

31. И другія птицы, кромѣ «кукушки» и вышеупомянутаго *ремеза* (§ 15), носятъ названія, образованныя отъ звукоподражательныхъ корней + суффиксъ *oz/ez*. Сюда относится прежде всего прасл. **bьrgъl-ez-ъ* «видъ щегла» (срб.-хрв. *bȑglijez*, слв. *bȓglez*, чш. *brhlez* и русск. *берлёзъ)*, которое отличается отъ прасл. **bьr-gъlъ* (чш. *brhel*, пл. *bargiel)* только наличностью суффикса *-ez-*. Какъ мы показали уже въ другомъ мѣстѣ (KZ XLIII 180), основа имени **bьr-gъlъ* представляетъ сложеніе двухъ ономатопоэтическихъ корней: **gъl-*, тождественнаго со второю частью слав. **šče-gъlъ* «щегленокъ», гр. φρυ-γύλος «какая-то птица» и лат. *frin-gilla* и **bhor-*, тождественнаго со второю частью срб.-хрв. **žu-boriti* «журчать». Глубокую древность сложенія обоихъ звукоподражательныхъ корней доказываетъ также изумительное какъ звуковое, такъ и семасіологическое совпаденіе срб.-хрв. *bȑgljati* изъ **bъr-gъljěti* «бормотать, болтать» съ лт. *bur-gulûti* «ворчать, бранить, журить». Ср. также РФВ LXIII 327.

32. И русск. *коб-ез-ъ* «родъ сокола» содержитъ въ себѣ суффиксъ *-ez-*. Такъ какъ объ этимологіи этого слова мы говорили уже подробно въ другомъ мѣстѣ (Mat. i prace IV 75, 387), то здѣсь намъ остается только напомнить, что корень его находится въ ближайшемъ родствѣ съ прасл. глаголомъ **ščebetati* (чш. *štěbetati*, пл. *szczebiotać*, русск. *щебетать*) и лт. *skambêti* «звучать». Отъ звукоподражательнаго корня **kob-*, вѣроятно, образованы также чехо-словацкія названія примитивнаго музыкальнаго инструмента *koboz*, *kobez* и *kobza* изъ **kob-ъz-a*. Черезъ посредство словаковъ первое перешло въ мадьярскій языкъ въ видѣ *kobos*, а вторая въ млр. языкъ въ видѣ *кóбза:* если бы въ послѣднемъ языкѣ *кóбза* была туземнымъ названіемъ, то она звучала бы какъ **кiбзá* (съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ). Во всякомъ случаѣ, тур. *kopûz*, вопреки Miklosich'у TE I 335, Berneker'у EW 534 и Преображенскому Э. С. 325, не можетъ считаться родоначальникомъ млр. и слв. *кобзы* (ср. Mat. i prace IV, 73—76).

33. Отъ низшей ступени только что разсмотрѣннаго звукоподражательнаго корня—**(s)kъb-* (ср. ц.-сл. щтѫбетати, слв. *ščəbetáti*) образованъ и русск. *чúб-ез-ъ* (откуда въ акающихъ говорахъ *чúбисъ*) vanellus cristatus. Отъ *čibezъ*, конечно, нельзя отдѣлять и слв. *čiba* =

kokoš, которая къ нему относится такъ, какъ къ *kobezъ* относится чш. *koba* «ворона». Во всякомъ случаѣ, очень недостаточно то, что сообщаетъ объ этихъ словахъ Berneker въ EW 156, 535 и Соболевскій РФВ LXVI 333.

* * *

Мы разсмотрѣли довольно-значительное число словъ, образованныхъ посредствомъ суффиксовъ *-oz-*, *-az-*, *-ez-*, *-ěz-*, *-ъz-* и *-yz-*. Подведемъ теперь итоги сказанному.

Посредствомъ суффикса *-oz-* образованы слѣдующія слова: **chomozъ* «хомякъ» (§ 7), **glomozъ* «шумъ, трескъ» (§ 3), **gomoza* «непосѣда» (§ 2), **gornozъ* «горностай» (§ 8), **gramozъ* «хрящъ» (§ 4), **jegoza* «непосѣда, юла» (§ 20), **jeloza* id. (§ 21), **kobozъ* «музыкальный инструментъ» (§ 32); **labozъ* «сплетникъ, льстецъ» (§ 12), **lomozъ* «шумъ, трескъ» (§ 1), **ragoza* «свара, ссора» (§ 14), **strekoza* «libellula» (§ 29), **žegoza* «кукушка» (§ 30). Къ этимъ формамъ еще можно прибавить формы, въ которыхъ суффиксъ *-oz-* расширенъ детерминативомъ *-d-*: **chlamozdъ* «стукъ, хлопанье» (§ 5), **chramozda* «кто имѣетъ неуклюжую походку» (§ 6), **glomozdъ* «хламъ» (§ 3), **gromozdъ* «шумъ, трескъ, куча» (§ 4). Такъ какъ послѣдняя форма могла легко произойти контаминаціей именъ **gromozъ* (ср. упомянутое **gramozъ*) и **gromodъ* (ср. гр. χρόμαδος), то весьма возможно, что результатомъ подобныхъ скрещеній явились и остальныя формы съ расширеніемъ *-d-*. Несомнѣнно контаминаціонныя формы представляютъ, какъ уже показано было нами выше, слѣдующія основы съ расширеніемъ *-t-*: **chlamostъ* «хламъ» изъ **chlamoz-tъ* (§ 5), **chramostъ* «шумъ, хрустѣніе» изъ **chramoztъ* (§ 6), **chrobostъ* «хрустѣніе» изъ **chroboztъ* (§ 10), **gornostarъ* «горностай» изъ **gornoztarъ* (§ 8).

Посредствомъ суффикса *-az-*, представляющаго удлиненіе предшествующаго, образованы слѣдующія слова: **chlabazъ* «хворостъ» (§ 11), **chlomazъ* «ударъ» (на основаніи *chlomaznuti* § 5), **glomazъ* «шумъ» (§ 3), **labazъ* «хворостъ, постройка, вранье» (§ 12), **salazъ* «сани» (§ 28). Кромѣ того, сюда относятся еще слѣдующія формы съ расширеніемъ *-d-*: **gorazdъ* «ловкій, опытный» (§ 9), **gromazditi* «валить въ

кучу» (§ 3) и *grabazdati «хватать» (§ 18), съ расширеніемъ -t-: *grabastati «хватать» (§ 18) и съ расширеніемъ -g-: *varazgati sę «возиться надъ чѣмъ».

Суффиксъ -ez- имѣютъ слѣдующія слова: *bъrgъlezъ «видъ щегла» (§ 31), *čemezъ «кошель денегъ» (§ 13), *gornezъ «горностай» (§ 8), *grabezъ (§ 18), *gъlezъ «скользкое мѣсто» (§ 26), *jerbeza «егоза» (§ 22), *kobezъ «видъ сокола» (§ 32), *kъlezъ «ударъ» (§ 24), *lebeza «враль, льстецъ» (§ 12), *lemezъ «палка» (§ 1), *remezъ «извѣстная птица» и *remeza «егоза» (§ 15), *remezslo τέχνη (§ 16), *rǫbezъ «тесьма» (§ 17). Сюда же относятся еще формы съ расширеніемъ -d-: *lebezditi «лебезить» (§ 12), съ расширеніемъ -t-: *chlebestati изъ *chlebezstati (§ 11) и съ расширеніемъ -g-: *drebezgъ «трескъ» (§ 19).

Суффиксъ -ěz- можно указать только въ двухъ словахъ: *chomězъ «хомякъ» (§ 7) и *drobězgъ «трескъ, осколокъ» (§ 19).

Суффиксъ -ъz- образуетъ слѣдующія слова: *chlomъziti «врать» (§ 5), *cholъzati «ходить взадъ и впередъ» (§ 27), *golъzati «скользить» (§ 26), *gomъzati и *gъmъzati «кишѣть» (§ 2), *gramъziti «томиться жаждой» (§ 4), *jelъzati «егозить» (§ 21), *jerъzati «двигаться туда и сюда» (§ 22), *kobъza «музыкальный инструментъ» (§ 32), *kolъzati «ударить» (§ 24), *lobъzati «цѣловать» (§ 12), *lomъzati «ломать, трещать» (§ 1), *molъzati «жрать» (§ 25), *remъziti «шибко идти» (§ 16), *varъzati «шалить, возиться» (§ 23), *žegъzica «кукушка» (§ 30). Сюда же можно причислить образованія съ расширеніемъ -t-, ср. *chlemstati изъ *chlemъztati «жадно пить» (§ 5), съ расширеніемъ -d-: *cholъzdati «шляться» (§ 27) и съ расширеніемъ -g-: *vorъzgati sę «возиться надъ чѣмъ» (§ 23) и *molъzgati «жрать» (§ 25).

Наконецъ, съ помощью суффикса -yz- образованы слѣдующія слова: *chъlyziti «шляться» (§ 27), *chъmyzъ «мелкій хворостъ» (§ 7), *gъlyznuti «утонуть» (§ 26), *gъmyzъ «насѣкомое» (§ 2), *jeryznuti «ударить» (§ 22), *kolyznuti «ударить» (§ 24), *lobyzati «цѣловать» (§ 12). Кромѣ того сюда же относятся формы съ расширеніемъ -d-: *cholyzdati «шляться» (§ 27) и *varyzdati «поспѣшно хлебать» (§ 23) и съ расширеніемъ -g-: *molyzgati «ѣсть, хлебать» (§ 25) и *varyzgati id. (§ 23).

Перечисленные примѣры, всѣ въ совокупности, ясно указываютъ не только на широкое распространеніе суффикса *-огъ-* въ праславянскомъ языкѣ, но и на его *продуктивность:* по образцу его образованій, уже въ эпоху единства славянскихъ языковъ, возникло не мало новыхъ формъ, первоначально звучавшихъ совсѣмъ съ другими суффиксами. Конечно, въ настоящее время не всегда можно различать случаи, гдѣ суффиксъ *-огъ-* искони сопровождалъ извѣстный корень, и гдѣ онъ явился результатомъ аналогическаго перенесенія изъ одной формы въ другую, но что онъ, во всякомъ случаѣ, древнѣе праславянской эпохи, это доказываютъ балтійскія нарѣчія, въ которыхъ сохранились очевидные слѣды соотвѣтствующихъ славянскимъ суффиксовъ. Я разумѣю именно такія формы, какъ:

1) Лт. *barbõžius* «кто жужжитъ», ср. глаголъ *bir̃bti* «жужжать».

2) Лт. *grebežûti* «лепетать», ср. Буга РФВ LXV 315.

3) Лт. *gremežûti* «болтать», ср. Буга ib.

4) Лт. *termezóti* «пачкать», ср. Буга ib. 322.

5) Лт. *gargažis* «шлакъ, выгарки». Это слово несомнѣнно образовано отъ корня **ger-* «горѣть» и первоначально обозначало «съ шумомъ выдѣляющійся осадокъ».

6) Лт. *drambãžius* «толстопузый». Чтó корень *dramb-* имѣлъ здѣсь сначала только звукоподражательное значеніе, это доказываетъ прилаг. *drabnùs* «легко утомляющійся»; значеніе «брюхатаго» развилось въ первомъ, какъ и въ его синонимѣ — сущ. *dramblỹs,* подъ вліяніемъ сложнаго имени *dramblãpilvis* «толстобрюхій».

7) Лт. *grobežius* «грабежъ», которое, въ виду доказаннаго выше (§ 18) прасл. **grabežь,* можно и не объяснять заимствованіемъ изъ славянскаго языка (какъ дѣлаетъ, напримѣръ, Leskien, Die Bildung 450).

8) Лт. *varlõžius* «жаба», вѣроятно, названная такъ по звуку, который она издаетъ.

9) Лт. *drebėžna* «ruina», лит. *drabažas* «abgefullene Baumrinde», ср. Буга ib. 313.

10) Лт. *grabažiûti* «ощупывать», *grabė̃zdai* «хламъ» Буга ib.

11) Лт. *gramė̃zdai* «хламъ», *gremė̃zdai* id. ср. Буга ib.

12) Лт. *rùpuižė* «кротъ», *rupežė* «черепаха» какъ животныя «копошащіяся въ землѣ».

13) Лт. *gegužẽ* «кукушка», ср. упомянутое выше прасл. **žegъzica* (§ 30).

14) Лтш. *zigufis* «воробей».

15) Лт. *grubužis* «журавль».

Такъ какъ посредствомъ звукоподражательнаго суффикса oz/ez было образовано въ лт. яз. нѣсколько названій маленькихъ птицъ и притомъ такихъ, къ которымъ народъ относится съ особой нѣжностью, то понятно, что съ теченіемъ времени первоначальное ономатопоэтическое значеніе суффикса забылось, а вмѣсто него развилось новое — уменьшительное и ласкательное, ср. такія лт. выраженія, какъ *pon kunigůži* «батюшка» (въ смыслѣ «священника»). Ср. Leskien ib. Наоборотъ, въ млр. языкѣ наблюдается противоположный процессъ: ономатопоэтическое значеніе суффикса *-ez-* переходитъ постепенно въ увеличительное, ср. такія прилаг., какъ *величезний* «большущій», *довжéзний* «длиннѣйшій», *здоровéзний* «здоровенный», *грубéзний* «толстущій», *давнéзний* «очень древній», *кремéзний* «очень сильный», *старезний* «очень старый», ср. Ogonowski, Studien § 32. Повидимому, толчокъ къ образованію подобныхъ формъ дали исчезнувшія формы вродѣ **громезний*, **гломезний*, **ремезний* и т. п., въ которыхъ значеніе «громадности» могло развиться изъ значенія «валить, громоздить».

То обстоятельство, что слѣды суффикса *-eĝ(h)-* сохранились не только въ славянскихъ языкахъ, но и въ балтійскихъ, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что онъ существовалъ и въ языкѣ индоевропейскомъ. Къ сожалѣнію, далѣе балтійско-славянской эпохи нити нашего суффикса теряются, и ни въ одномъ изъ остальныхъ языковъ индо-европейской семьи мы не можемъ указать ни одного вполнѣ достовѣрнаго его примѣра.

Г. Ильинскій.

Нѣжинъ.

Замѣтка о „Возрастахъ человѣческой жизни“.

Картинки «Возрасты человѣческой жизни» очень распространены среди русскаго народа, а сюжетъ, затронутый ими, является очень важнымъ какъ въ юридическомъ отношеніи, такъ и въ области историко-культурной; однако, до настоящаго времени, въ русской научной литературѣ мы найдемъ очень мало матеріаловъ для выясненія исторіи этого произведенія (И. Снегиревъ упоминаетъ о существованіи картинки «Восхожденіе въ верхъ и нисхожденіе въ низъ по лѣствицѣ и по степенямъ житія человѣческаго»; позже Д. Ровинскій описалъ цѣлый рядъ подобныхъ картинокъ и этимъ, можно сказать, исчерпывается почти все извѣстное объ этихъ лубкахъ) и, благодаря этому, большой интересъ представляетъ недавно вышедшая въ свѣтъ отдѣльной брошюрой [1]) рѣчь, произнесенная на актѣ Императорскаго Археологическаго Института 25 мая 1907 года проф. И. А. Шляпкинымъ.

Рѣчь (см. прим. на стр. 3) напечатана въ дополненномъ видѣ и раздѣляется на три части: первая, самая большая (стр. 3—25), содержитъ въ себѣ матеріалы къ объясненію исторіи возникновенія народныхъ понятій о возрастахъ человѣческой жизни; вторая (стр. 25—38)— матеріалы для исторіи возникновенія и распространенія народныхъ кар-

1) Проф. И. А. Шляпкинъ. Возрасты человѣческой жизни. (Изъ литературной исторіи человѣческихъ показаній). Рѣчь. Съ рисунками. Спб. Типографія главнаго управленія удѣловъ. 1909 г. Стр. 39+12 таб. рисунковъ.

тинокъ (Возрасты человѣческой жизни) и третья — общіе выводы, къ какимъ пришелъ профессоръ, разсматривая матеріалы, собранные въ первыхъ двухъ частяхъ работы.

Вотъ эти выводы:

1) Первоначальное дѣленіе возрастовъ основано на числахъ 2 и 3.

2) Въ письменности классической преобладающими являются 7 возрастовъ по семи лѣтъ каждый, рѣже по десяти. Въ основѣ числа 7 лежали физіологическіе признаки.

3) У семитовъ находится дѣленіе 10 по 10, перешедшее и къ германцамъ.

4) Всѣ остальныя дѣленія (4, 5, 6, 9, 12) являются мало распространенными.

5) У русскихъ обычное народное дѣленіе было 2 и 3. Дѣленіе 7 появилось подъ вліяніемъ византійской письменности, стало обычнымъ въ письменности славяно-русской и вошло и въ законодательныя нормы.

6) Древнѣйшее пластическое представленіе о колесѣ жизни (или объ аркѣ) относится къ XII вѣку и встрѣчается у итальянцевъ и нѣмцевъ.

7) Нѣмецкій лубокъ, изображающій ступени колеса (или арки, или лѣстницы), отмѣтилъ 10 ступеней по 10 лѣтъ и сложился окончательно въ XVI вѣкѣ.

8) Русскіе лубки заимствовали знакомое издавна представленіе о возрастахъ человѣческой жизни отъ нѣмцевъ, но, внеся число 10 въ свои седмицы, вѣроятно въ XVIII вѣкѣ, приспособили его въ XIX къ текущей жизни [1]).

Первая часть, въ которой, какъ было уже отмѣчено, собраны матеріалы «къ литературной исторіи возрастовъ человѣческой жизни», является самой важной, и можно было бы разсчитывать, что матеріалы эти (хотя и не отличающіеся исчерпывающей полнотой) расположены въ хронологическомъ порядкѣ, или, по крайней мѣрѣ, намѣченъ путь, по которому

1) Стр. 38—39.

шло развитіе понятія о возрастахъ человѣческой жизни; но авторъ избралъ иной способъ изложенія: матеріалъ сгруппировалъ по національностямъ, причемъ эта группировка не вполнѣ выдержана [1]), и во главу угла поставлены матеріалы русскіе, которые, очевидно, на самостоятельность и особенную древность, въ огромномъ своемъ большинствѣ, претендовать не могутъ, что указано и самимъ профессоромъ (стр. 6—7, 12—13).

Какъ дополненіе къ матеріаламъ, указаннымъ проф. И. А. Шляпкинымъ, позволяю себѣ указать на слѣдующіе извѣстные мнѣ: 1) «О жизнѣ человѣческой. Жизнъ человѣческаѧ раздѣлѧетсѧ на пѧтъ степеней; то естъ, 1 Младенчество. 2 Дѣтство. 3 Мужество, или возмужалость. 4 Совершенніѧ лѣта, а пѧтаѧ степенъ Старость. Вовсѧстепены по 14 (лѣтъ): а пѧтъ 14 чинитъ 70: лѣтъ». Далѣе въ рукописи, какъ продолженіе «Возрастовъ», слѣдуетъ перечисленіе лѣтъ несчастныхъ (климатическіѧ и материческіе). С. И. Масловъ. Описаніе рукописей Историческаго общества Нестора лѣтописца, Кіевъ 1908 г. стр. 35. Рукопись № 21, писанная различными почерками, XVIII вѣка; статья о «возрастахъ» написана малорусскою скорописью.

2) «47. В. Что есть неделя, преобразуетъ векъ человеческаго жития? — О. а҃-ый день—рождение, в҃ день—крещение, г҃ день—мужъ совершенъ, д҃—средовечие, є҃—седина, ѕ҃—старость, з҃—скончание (Ѳ. П. Сушицкій. Кіевскіе списки «Бесѣды трехъ святителей». Кіевъ 1911 г. стр. 37).

и 3) Отрывокъ изъ притчи о годовомъ обхожденіи. Нач. словами: еди͡н же нѣкто ѿ меншиͯ рабъ то͡г великого цр҃я по͡званъ бы͡ть..... На л. 3 отрывокъ изъ статьи о возрастахъ человѣческихъ, нач.: го͡д же сокращается во о͗бра͗ житіѧ чл҃вчска͡г....» Рукопись конца XVII в. (Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Императорской Академіи Наукъ въ 1903 г. Спб. 1904 г. Стр. 34. Рукопись № 26).

Покончивъ съ данными, представляемыми русскими источниками

1) Особенно это замѣтно на стр. 19 и 24, гдѣ авторъ говоритъ о памятникахъ средневѣковаго искусства.

(разсмотрѣнію подверглись памятники законодательства гражданскаго и церковнаго, произведенія народной словесности, данныя лингвистическія и древне-русской письменности), авторъ переходитъ къ обзору источниковъ иноземныхъ, при чемъ въ основу обзора положены работы Вакернагеля, Гедеке, Эйтелеса и Кнопфа.

При обозрѣніи нѣмецкихъ матеріаловъ отмѣчено между прочимъ, что въ основѣ дѣленія на 10 періодовъ лежатъ семитскія основанія. Что легло въ основу подобнаго русскаго дѣленія, авторъ не указалъ при обзорѣ русскихъ матеріаловъ; равнымъ образомъ остается безъ объясненія и то сравненіе періодовъ человѣческой жизни съ различными животными, какое находится въ нѣмецкихъ источникахъ, и параллель которому отмѣчаетъ профессоръ Шляпкинъ въ русскихъ бранныхъ словахъ и пѣсняхъ [1]).

Кромѣ отсутствія (за немногими исключеніями) исторической перспективы собраніе матеріаловъ отличается крайней неравномѣрностью: въ то время, какъ матеріалы античнаго міра и нѣмецкіе занимаютъ двѣ трети всего собранія, матеріалы другихъ народностей или почти совершенно отсутствуютъ (французскіе), или имѣютъ сомнительную цѣнность (отрывокъ изъ пьесы Шекспира: «Какъ вамъ угодно»

Пробило десять! можно
Понять легко, какъ движется вся жизнь.
Стояла стрѣлка часъ тому назадъ
На девяти, а черезъ часъ покажетъ
Одиннадцать! Вотъ такъ и мы растемъ
Изъ часа въ часъ, а послѣ будетъ также
Изъ часа въ часъ лежать и гнить въ землѣ.

Въ этомъ отрывкѣ проф. Шляпкинъ видитъ намекъ на десять возрастовъ человѣческой жизни).

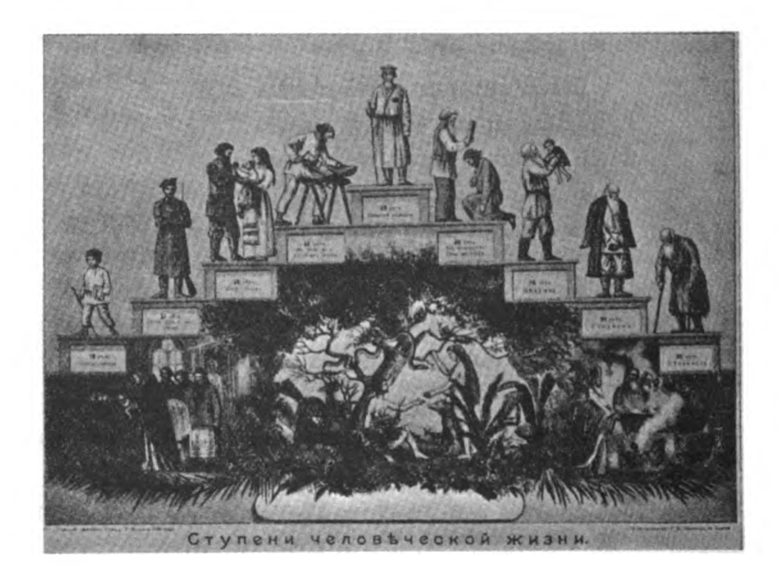
1) Стр. 19—20. Das mänliche Geschlecht. 10 Jahr — ein Kalb, 20 — ein Bock, 30 — ein Stier, 40 — ein Löwe, 50 — Fuchs, 60 — Wolf, 70 — Hund, 80 — Kater, 90 — Esel, 100 — Ochsen-totenkopf.

Das weibliche Geschlecht. 10 Jahr—ein Küchlein, 20—Täubchen, 30—Elster, 40—Pfau, 50—Henne, 60—Gans, 70—Geier, 80—Eule, 90—Fledermaus, 100—Schabel-totenkopf. (См. прим. на стр. 19).

Впрочемъ такая неравномѣрность матеріала легко объясняется пособіями, какія легли въ основу статьи.

Вторая часть работы (стр. 25—38) посвящена матеріаламъ къ исторіи народныхъ лубочныхъ картинокъ «Возрасты человѣческой жизни». Часть эта распадается на двѣ половины: первая содержитъ въ себѣ обзоръ Западно-Европейскихъ картинокъ, а вторая — русскихъ.

Исторія распространенія и возникновенія картинокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Возрастъ человеческій» и пр., несмотря на матеріалы, собранные въ извѣстной работѣ Д. Ровинскаго «Русскія народныя картинки», и на тѣ дополненія, какія сдѣланы профессоромъ Шляпкинымъ въ разсматриваемой работѣ, до настоящаго времени остается не вполнѣ выясненной, какъ по недостатку собраннаго матеріала (картинки XIX вѣка не всѣ извѣстны и продолжаютъ выходить все новыми и новыми изданіями), такъ и благодаря тому, что матеріалы нѣмецкіе, которые болѣе чѣмъ вѣроятно легли въ основу первыхъ нашихъ картинокъ, не вполнѣ систематизированы и не описаны подробно (описаніе нѣмецкихъ лубковъ, которое мы находимъ въ брошюрѣ, очень кратко

Ступени человѣческой жизни.

и едва-ли можетъ считаться исчерпывающимъ), такъ что установить генеалогическую связь даже между описанными въ настоящее время русскими картинками является задачей трудной; впрочемъ, проф. Шляпкинъ и не ставилъ это своей цѣлью: онъ желалъ «собрать доступный матеріалъ».

Въ заключеніе позволю себѣ привести описаніе картинки «Ступени человѣческой жизни», пріобрѣтенной года два тому назадъ въ одной изъ иконныхъ лавокъ Кіево-Печерской Лавры и не имѣющей подобныхъ себѣ среди описанныхъ Ровинскимъ и проф. Шляпкинымъ.

Картинка ($32 \times 44^{1}/_{2}$ ст. безъ полей) выпущена хромолитографіей Е. И. Фесенко въ Одессѣ [1]) и носитъ цензурную помѣтку: «11 февраля 1899 г.». Середину картинки занимаетъ «Сотвореніе Богомъ міра»: Адамъ, окруженный дикими звѣрями, сидитъ подъ яблоней, на вѣтвяхъ которой извивается змѣй; Ева, держась правой рукой за вѣтку дерева, въ лѣвой держитъ яблоко, къ которому Адамъ протягиваетъ также лѣвую руку [2]).

Въ лѣвомъ нижнемъ углу изображено крещеніе младенца; надъ нимъ 1 ступень: 10 лѣтъ. Идетъ учиться. (Изображенъ босой крестьянскій мальчикъ въ теплой шапкѣ съ палкой и книжкой въ рукахъ). 2-я ступень. 21 годъ. Слуга царю и отечеству (солдатъ въ шинели и башлыкѣ съ ружьемъ въ рукахъ). 3-я ступень. 30 лѣтъ. Семьянинъ. (Крестьянинъ въ красной рубахѣ подаетъ яблоко ребенку, находящемуся на рукахъ у матери, одѣтой въ голубой сарафанъ). 4-я ступень. 40 лѣтъ. Въ потѣ лица добываетъ хлѣбъ. (Крестьянинъ въ опоркахъ распиливаетъ дровяную плаху). 5-я ступень (высшая изъ ступеней). Сельскій староста. (Крестьянинъ въ синемъ армякѣ со знакомъ на груди). 6-я ступень. 60 лѣтъ. Благословляетъ сына жениться. (Старикъ крестьянинъ благословляетъ иконой молодого крестьянина, стоящаго передъ нимъ на

1) См. прилож. рисунокъ.

2) Подобную же картину, т. е. изображеніе Евы, подающей лѣвой рукой яблоко Адаму, находимъ въ лицевомъ изображеніи мѣсяца марта въ Сійскомъ Евангеліи. (Труды VIII археологическаго съѣзда въ Москвѣ. т. I. Н. Покровскій: Евангеліе въ памятникахъ иконографіи преимущественно византійскихъ и русскихъ. Табл. 3 и стр. 331).

колѣняхъ). 7-я ступень. 70 лѣтъ. Дѣдушка. (Совершенно сѣдой старикъ крестьянинъ поднялъ вверхъ ребенка, одѣтаго въ красную рубашку). 8-я ступень. 80 лѣтъ. Старость. (Старикъ крестьянинъ въ лаптяхъ и накинутомъ на плечи тулупѣ держитъ въ рукахъ шапку). 9-я ступень. 90 лѣтъ. Древность. (Дряхлый крестьянинъ дурно одѣтый идетъ, опираясь на два костыля). Въ правомъ нижнемъ углу изображено отпѣваніе священникомъ умершаго старика, лежащаго въ гробу.

Настоящая картинка нѣсколько напоминаетъ картинку, описанную проф. Шляпкинымъ въ разсмотрѣнной выше брошюрѣ, подъ № 5 (стр. 34). Особенно близки ступени 2 и 3 (картинки № 5) къ ступенямъ 1 и 2 (нашей); разница только въ томъ, что составитель лубка изданія типографіи Фесенко, обѣ ступени подогналъ къ общему крестьянскому характеру картинки.

С. Ф. Шевченко.

Изъ области русско-финскихъ отношеній.

1. *Волхъ Кургуй.*

Въ Ижорскомъ погостѣ, вблизи отъ впаденія рѣки Ижоры въ Неву, въ 1502 г. стояла деревня *Волховой островъ Кургуево* (Временникъ Моск. Общ. Ист. древн. XI, 414). Названіе *Кургуево* встрѣчается еще нѣсколько разъ: въ Городенскомъ погостѣ, около рѣки Волхова (ibd. 26 стр.), въ Корбосельскомъ погостѣ (ibd. 203 стр.), и въ томъ же погостѣ стояли деревни *Кургола* или *Кургала* (ibd. 202, 226, 229). Теперь мы находимъ въ Петергоф. у. д. *Кургалово*, въ Ямбургск. д. *Курголово*, а въ Остров. у. Псков. губ. д. *Кургово*. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти названія восходятъ къ фин. *kurko*, карел. *kurgo* (чортъ, чародѣй, эст. *kuri*). Въ дер. *Кургуевъ* жилъ Ондрейко Васьковъ сынъ *Кургуева*. *Кургуй* и есть это *kurgo*. Такимъ образомъ, Волховой островъ Кургуевъ былъ, собственно, островомъ *Волха Кургуя*. Именно эту форму, параллельную къ рус. *Волхвъ*, засвидѣтельствованную былиннымъ *Волхомъ* Всеславьичемъ и глаголомъ *волшити*, и предполагаетъ весьма древнее заимствованіе въ фин. *velho* (**вълхъ*) «чародѣй, волхвъ, *vèlhoa* (заниматься волшебствомъ и т. д.). Въ Кадниковскомъ уѣздѣ Вологод. губ., далеко отъ Волхова, лежитъ д. *Волховая*, названіе которой также происходитъ отъ *волхъ*. Такимъ образомъ, названіе рѣки *Волховъ* представляетъ имя прилагательное на *овъ* отъ первоначальнаго *волхъ*.

2. Рус. Ы = фін. UI.

Топографическія названія, заимствованныя русскими отъ финовъ и обратно, представляютъ по большей части новый слой въ языкѣ, гдѣ старыя пра-русскія звуковыя отношенія встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Въ виду этого представляетъ, мнѣ кажется, интересъ каждый новый фактъ, указывающій на такія отношенія. Какъ извѣстно, рус. *ы* передается въ древнѣйшихъ западно-финскихъ заимствованіяхъ черезъ *-ui-* (*muila=мыло*), а *ъ* черезъ *i* (*льнъ=liina*). Русское названіе погоста *Кипень* (на р. Стрѣлкѣ, около города Стрѣльны) передается въ Писцовыхъ книгахъ Водской пятины, какъ *Кипьнскій погостъ*, въ Шведской Писцовой книгѣ 1618—1623 г. *Kipena Kyrkie*; теперь у финскаго населенія онъ называется *Кипейне*. Но Шёгрень (*Gesam. Schrif.* I 554) приводитъ первоначальную форму названія *Kuippina*, которая точно соотвѣтствуетъ др.-рус. *Кыпьнь* (откуда *Кипень*). Какая форма представляетъ заимствованіе, я не буду здѣсь разбирать. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ здѣсь свидѣтельство того, какъ рано русское населеніе достигло Балтійскаго моря.

А. Погодинъ.

Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра *).

XX.

Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены остановиться на обычаѣ колядованья въ Московской Руси и на Украйнѣ въ связи съ Польшей, а также дать комментарій, или матеріалъ для него къ нѣсколькимъ школьнымъ стихотвореніямъ неизвѣстнаго украинскаго поэта начала XVIII в.

Еще въ 1866 году проф. Н. Петровъ замѣтилъ: «Въ Польшѣ іезуиты дѣлали содержаніемъ своихъ драмъ религіозно-народныя произведенія и обычаи поляковъ. Такъ, напримѣръ, они воспользовались древнимъ народнымъ колядованіемъ на праздникъ Рождества Христова и преобразовали народную коляду въ религіозное, священное представленіе, также передѣлывали въ священныя драмы народные религіозные стихи... Отсюда явилось, напримѣръ, іезуитское произведеніе «Jozephowa cnota jaśnieysza od złota», сохранившееся въ рукописяхъ Кіево-Софійскаго собора № 458, въ реторикѣ, занесенной изъ католическихъ школъ» [1]).

Bobowski, однако, утверждаетъ, что въ Польшѣ колядованье явилось съ Запада [2]), на что указываетъ связь съ французскими рождественскими произведеніями. Это заимствованіе во всякомъ случаѣ было очень древнимъ: польскія коленды раньше другихъ религіозныхъ пѣсенъ проникли въ церковь. Сначала, въ большихъ церквахъ и монастыряхъ коленды

---

*) См. Извѣстія, т. XVI (1911), кн. 3.

1) Тр. Кіев. Дух. Акад. 1866 г., III, стр. 358.

2) Bobowski, Polskie pieśni katolickie od najdawniejszych czasów, стр. 9.

были на латинскомъ языкѣ; переводы и подражанія на польскомъ языкѣ явились тогда, когда устройство праздничнаго прославленія новорожденнаго Христа перешло въ руки неученыхъ сельскихъ церковниковъ, которые вносятъ пѣсни эти въ церковное богослуженіе, противъ чего возстаетъ уже въ 1602 году соборъ въ Гнѣзнѣ [1]). Соборъ протестовалъ противъ «cantiones... vulgari sermone inconcinnas et minus devotas». Одну изъ такихъ колендъ Бобовскій приводитъ: «Messyasz przyszedł na świat prawdziwy», гдѣ дѣйствительно есть грубые стихи. [2]) Мы знаемъ и другія подобныя коленды. Приводимъ одну изъ сборника учителя фары Фр. Бернацкаго 1693 г. (рукоп. Имп. Публ. Библ. разнояз. О. XIV, № 4):

л. 83. Kolendne Jubilemus Czeladki Dworskiey.

J ty y ja kompania, nie lichem, nie lichem
Jedna pchay do drugiey grubym a y długim
kielichem, kielichem.
Wszak tez krowki y jałowki | buiaią | (bis) [3]).
Gdy siana na dworze, słomy na oborze | dosc
maią (bis)
Nu ty, Jagno, wypiy ładno | garnuszkiem
A potym zas sobie, daycie po łbie obie |
dzbanuszkiem.
Kucharce tez naleycie choc w donicę,
Wszak se podkasała by się nie polała spodnicę. ||
л. 83 об. Piekarka moze nachylic konewki,
Zochna krotkiey szyie, ona się napiie z panewki.
Maryna niechay wytrząsa z korwatk<i>,
Duyna z swoim chłopkiem napiie się skopkiem
serwatki.

---

1) Ibid. стр. 11.

2) Кстати—она очень рано, видимо еще въ XVII в., была занесена въ Московскую Русь; до насъ дошелъ русскій «переводъ» въ рукоп. И. П. Б. О. XVII, № 55 (изд. въ Отч. объ экск. семин. р. фил. проф. В. Н. Перетца въ С.-Петербургѣ, 1912 г., стр. 48 и слѣд.).

3) Каждые три послѣдніе слога въ строкѣ повторяются дважды.

Do kufla się niech przysadzi Jadwiga,
Tylko niech nie piernie, niechay sobie miernie
podryga.
Dorocie się iakos z gardła wymyka:
Niechayze se palcem, lub kiia kawalcem zatyka.
Ty tez Kachno nie patrz kwasno, pomykay
Lyszkę za łyzeczką, miskę za miseczk<ą> połykay.
Ktorey mało, niech se wezmie cebrzyka,
A iak się wąm zachce, to sobie nadsta<w>cie
szaflika.

Бернацкій, какъ служитель церковный, не обошелъ въ своемъ сборникѣ и себя, и своихъ товарищей и учениковъ. Тамъ же читаемъ такую коленду:

л. 82 об. Słuzna Kolenda.

I nąm tez sługom Koscielnym
Potrzeba wtym byc przezornym,
By zaspiewac po kolendzie
Wszakze taki zwyczay wszędzie:
Wprzod Jezusowi Małęmu,
Zas Jegomosci Naszęmu,
Zycząc Roku fortunnego,
Aby do wieku settnego:
Zdrowo zył z Jey Moscią swoia,
Błogosław im Jezu twoią ||
л. 83. Laską szczodrobliwą zawzdy,
By we zdrowiu na czas kazdy
Długoletnie opływali
I nigdy nie chorowali.
Niech z Nieba nagrodę maią,
Ize nąm Kolendę daią.
Zaspiewaymysz a krzykliwie:
Jego Mość nasz niechay zyie!

Vivat, vivat, niechay żyie,
A nąm miodu da do szyie.

Иногда, повидимому, молодые славильщики позволяли себѣ еще большую развязность, о чемъ можно судить по слѣдующимъ строкамъ, сохранившимся въ рукописи Имп. Публ. Библ. *польск.* O. XVII, № 4, сборникѣ, составленномъ патеромъ P. Głogowskim въ 1693 году, но позже принадлежавшемъ нѣкоему Конст. Корендовичу или Корендовскому:

«O Kolendę bym prosił lecz minęły gody:
Powiedziała byś mi, zes ty zebrak młody.
I day damo (?) day, nie proszę o złoto:
Czego ci nieubędzie bay łatwo oto.
Choc ktory do kupy od wie...a (?) kazdego [1])
Ey doznasz, dowiesz się secreta pewnego».

Веселый, шутливый тонъ этотъ мало гармонируетъ съ положеніемъ żaków, учениковъ церковныхъ и монастырскихъ школъ. Жизнь въ польскихъ, даже іезуитскихъ, болѣе богатыхъ школахъ была далеко непривлекательна: ученики часто были вынуждены собирать милостыню съ помощью славленья, пѣнія подъ окнами обывателей. Иногда отцы іезуиты выговаривали ученикамъ это право собирать милостыню [2]).

Почти тѣ же картины мы наблюдаемъ и въ Южной и въ Сѣверной Руси: запрещеніе колядованія, фривольный порою характеръ колядокъ—виршъ, тоже положеніе ихъ творцовъ и носителей — дяковъ, пѣвчихъ, школьниковъ.

Народный обычай колядованья въ Сѣверной, Московской Руси подмѣченъ уже въ XVI вѣкѣ. Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ указанія Кормчей на Вота и Врумалія и др., Пандектовъ Никона Черногорца и др. переводныхъ памятниковъ, какъ касающіяся главнымъ образомъ обычаевъ византійскихъ. Ограничимся лишь свидѣтельствами о колядо-

---

1) Рукопись очень неразборчива.
2) Харламповичъ, Западнорусскія школы, стр. 108; Łukaszewicz, Historya szkół, I, 156.

ваніи, какъ о русскомъ народномъ обычаѣ, не касаясь его связей съ январскими календами [1]). Въ Стоглавѣ читаемъ (гл. 40, Каз. изд. 1890 г., стр. 192) запрещеніе, чтобы—

«...и в навечерьи роства хва и крщения гна. моужие и жены и девицы на нощное плищеваніе и на бесчинны говоръ и на бесовскіе пѣни и на пласаніе и на скаканіе и на многаа бго мерьскаа дѣла не сходѣлиса...» —

и далѣе (гл. 92, стр. 381—382):

«...простаа ча.... твора еллинское бесованіе, различныа игры и плесканіе противъ празника ржтва великаго іоан. пртчи. и в нощи на самы празникъ вве днь и до нощи. мужи и жены, и дѣти в домѣ, и по улицамъ обхода и по водамь глу творать всакими играми и всакими скомрашкими играми и пѣми сотониньскими и пласаньми и гоусльми и иными многими виды и скарѣными образованіи, еще и піаньство; подобна семоу твора во днѣ; и в навечеріи ржтва хва, и в наверіи василіа великаго, и в навечеріи бгоявленьа» —

Въ началѣ XVII вѣка встрѣчаемъ такіе указы патріарха Филарета и позже — царя Алексѣя Михаиловича, касающіеся обычая колядовать:

«7136 (1628), декабря въ 24 день... Филаретъ Никитичъ, патріархъ Московскій и всеа Руссіи указалъ: кликать бирючю... чтобъ съ кобылками не ходили и на игрищи бъ мирскіе люди не сходилися... и коледы бъ, и овсеня и плуги не кликали» [2]).

Въ грамотѣ царя Алексѣя Михаиловича, 1649 г., читаемъ:

«во 157 г. дек. въ 19 день вѣдомо намъ учинилося, что на Москвѣ напередъ сего въ Кремлѣ, и въ Китаѣ, и въ Бѣломъ, и въ Земляномъ городѣхъ, и за городомъ, и по переулкамъ, и въ

---

1) О чемъ см. А. Н. Веселовскій, Розысканія въ обл. дух. стиховъ, I—X, гл. VII, стр. 97 и сл.

2) Акты Историческіе, IV, 96.

черныхъ, и въ ямскихъ слободахъ по улицамъ и по переулкамъ въ навечери<и> Рождества Христова кликали многіе люди коледу и усень, а въ навечери<и> Богоявленія Господня кликали плугу... Да на Рождество Христово и до Богоявленьева дни собираются на игрища <и> сборища бѣсовскія... И мы указали о томъ учинить заказъ крѣпкой, чтобъ нынѣ и впредъ... въ навечери Р. Х. и Богоявленія коледъ и плугъ и усеней не кликали и пѣсней бѣсовскихъ не пѣли... Чтобъ... въ навечери Р. Х. коледы и усени, и въ навечери Богоявленія Господня плуги не кликали... А которые люди... учнуть (кликать) коледу и плуги и усени и пѣть скверныя пѣсни... и тѣмъ... за такія супротивныя христіанскому закону за неистовства быти отъ насъ въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ» 1). Тоже запрещеніе читаемъ въ грамотѣ къ Шуйскому (1649) воеводѣ съ незначительнымъ измѣненіемъ.

Почти тоже повторяется годомъ позже въ памяти Верхотурскому воеводѣ 13 декабря 7158 г.:

«Въ Сибири... умножилось... глумленіе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми... о Рожествѣ Х. и до Богоявленьева дни сходятся мужеского и женского полу многіе люди въ бѣсовское сонмище... играють во всякіе бѣсовскіе игры, а въ навечеріе Р. Х. и Васильева дни и Богоявленія Господня клички бѣсовскія кличуть коледу и таусень и плугу...» 2).

Если мы обратимся къ Южной Руси, то и здѣсь найдемъ аналогичный рядъ запрещеній.

Поученіе изъ Дубенскаго сборника XVI в. 3), состоящаго изъ ряда каноническихъ правилъ — говоритъ:

«...А о тѹре и ѡ лодыга и ѡ коледнице...... вы попове ѹнмаете дѣтей свои...»

---

1) Москвитянинъ 1843 г. I, 237, откуда Сахаровъ, Сказанія II, кн. 7, стр. 99.

2) Акты Истор. IV, 124—125.

3) Срезневскій, Свѣд. и зам. № LVII, стр. 314, рукоп. Спб. Дух. Акад.

Извѣстный дѣятель конца XVI — начала XVII в., ревнитель православія, Іоаннъ Вишенскій въ посланіи князю К. Острожскому и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ пишетъ:

«Коляды з мѣстъ и селъ ученіемъ выженѣте, не хочетъ бо Христосъ, да при его Рождествѣ дьявольскіе коляды мѣсце маютъ, але нехай собѣ ихъ въ пропасть свою занесетъ.

Щедрій вечеръ изъ мѣстъ, изъ селъ въ болота заженѣте, нехай зъ дьяволомъ сѣдитъ, а не съ христіанъ ся ругаетъ.

Волочѣльное по Въскресеніи, зъ мѣстъ и зъ селъ вывлокши, утопите...» [1]).

По указанію проф. Сумцова объ обычаѣ колядованія есть упоминаніе въ Λιϑος'ѣ 1644 года. Въ Alphabetum І. Галятовскаго 1681 г. читаемъ обличеніе на тѣхъ, кто «подъ праздникъ Рождества Христова вспоминаютъ Чура и распѣваютъ по дворамъ развратныя пѣсни» [2]).

Наконецъ составитель Густынской лѣтописи уже подъ вліяніемъ польскихъ хронистовъ своеобразно понимая Ладо, Купала и Коляду, представлялъ ихъ себѣ въ видѣ языческихъ боговъ и писалъ:

«Сему бѣсу (Колядѣ) въ память (въ Южной Руси) простая чадь сходится въ навечеріе Рождества Христова и поютъ пѣсни нѣкія, въ нихъ же аще и о Рождествѣ Христовомъ поминаютъ, но болѣе Коляду бѣса величаютъ» [3]).

Подъ перомъ же Инн. Гизеля, въ его «Синопсисѣ» — описаніе Коляды разрослось въ цѣлое повѣствованіе; приводимъ его [4]): «Шестый идолъ Коляда, богъ праздничный, ему же праздникъ велій мѣсяца Декемврія 24 дня составляху і обаче аще людіе россійскіи и святымъ крещеніемъ просвѣтишася, и ідолы искорениша, но нѣцыи памяти того бѣса Коляды и доселѣ не престаютъ отновляти, наченши отъ Рождества Христова по вся святыя дни собирающеся на богомерзкія

1) Акты Ю. и З. Росс. II, стр. 223—224.
2) Сумцовъ, Іоанникій Галятовскій, стр. 80.
3) П. Собр. Р. Л., II, 257.
4) Цитируемъ по 3 изд. 1735 г., стр. 63.

игралища, пѣсни поютъ и въ нихъ аще и о Рождествѣ Хрістовомъ воспоминаютъ, но тамо же беззаконно и Коляду, ветхую прелесть діавольскую много повторяюще присовокупляютъ. Къ сему на тѣхъ же своихъ законопротивныхъ соборищихъ и нѣкоего Тура сатану и прочія богомерзкія скареды примышляюще. Инін лица своя и всю красоту (стр. 64) человѣческую по образу и подобію божію сотворенную, нѣкіими лярвами или страшилами на діавольскій образъ пристроенными закрываютъ, страшаще или утѣшающе людей, Творца же и Зиждителя своего укаряюще и они бы не довольствующеся или мерзящеся твореніемъ руку Его, которое всячески подобало бы христіанскому человѣку оставити, симъ же образомъ, имже его сотвори Господь, довольствоватися. И прочыя богопротивныя мерзости вымышляемы бываютъ, ихже и писанію предати не подобаетъ».

Очевидно, обычай колядованья, причемъ колядовщики получали за свой трудъ вознагражденіе припасами, рѣже деньгами,—былъ уже не только извѣстенъ повсемѣстно и въ Московской Руси и на Украйнѣ въ XVII вѣкѣ, но и широко распространенъ, разъ благочестивые проповѣдники и правительство считали необходимымъ вести борьбу противъ этого обычая. Правда, кое гдѣ эти запрещенія отчасти повліяли на обычай; колядованье передвинулось съ кануна праздника на самый праздникъ и далѣе [1]; но окончательно праздникъ не могъ обойтись безъ этого древняго обычая. Тогда мы замѣчаемъ на Украйнѣ то же явленіе, что и въ Польшѣ, гдѣ духовенство уступая отчасти требованіямъ паствы, само беретъ участіе въ праздновании, но начинаетъ противуполагать «неприличнымъ пѣснямъ—пѣніе соотвѣтственныхъ приличныхъ празднику пѣсенъ на религіозно-христіанскіе мотивы. И на Украйнѣ, лица духовныя и такъ или иначе прикосновенныя къ церкви—начинаютъ постепенно, можетъ быть, подъ вліяніемъ польскихъ обычаевъ, а можетъ быть, поддаваясь народнымъ требованіямъ—усваивать себѣ этотъ обычай колядованья и даже пытаются какъ бы монополизировать за собою и вообще за церковниками и школьниками право колядованья. «Бѣсовскія пѣсни»,

---

1) См. Потебня, Объясненіе малорус. и сродн. пѣсенъ, II, стр. 35—36, прим. 1.

«сатанинскіе глумы» естественно должны были уступить мѣсто новымъ пѣснямъ, сложившимся сначала въ школьной обстановкѣ, а позже—подъ ея вліяніемъ.

Если до сихъ поръ наряду съ колядками, разрабатывавшими древніе народно-поэтическіе мотивы, появлялись такія, въ которыхъ порою отражались церковно-апокрифическіе и легендарные мотивы, то это было только случайностью. Но съ начала XVII вѣка мы начинаемъ замѣчать, какъ на Украйнѣ постепенно появляются особыя вирши, воспѣвающія праздникъ Рождества Христова, и притомъ принадлежащія не перу какого-нибудь простолюдина или безвѣстнаго школяра, а людямъ извѣстнымъ своею общественной и литературной дѣятельностью въ области борьбы съ католичествомъ и уніей. Таковы упомянутые въ XVIII главѣ «Вѣршѣ» Памвы Беринды 1616 г., діалоги Кир. Транквилліона и др. Памво проситъ самъ принять его «книжечку» — «за коляду», поручая произношеніе частей ея — отрокамъ.

Авторъ «Вѣзерунка цнотъ превел. о. Е. Плетенецкаго» 1618 г. завершаетъ свой діалогъ такою «колядою»:

«Кождый вѣрный сего днѧ д҃хомъ веселисѧ:
  А на пристьѥ Х҃ви пилне готовисѧ.
Онъ к' на" з' Н҃ба на землю по"воли" зстѹпити:
  Бы ѿ владзы шатана моглъ ѡсвободити
Людъ: творе"ѥ рѹкъ свои̑, и такъ сѧ понижи",
  Же сѧ̑ до на" не"дзникѡ" ведлѹ̑ тѣла зближи".
Ꙗкожъ его витати, о то сѧ стараймо,
  Ꙗкъ може бы" напе"кнѐ в тое потрафлѧ̏мо.
Даки чинѣмъ всѣ сполне за то навѣже"ѥ,
  Же пре" пристье на землю справи" на" збаве"ѥ.
Абы тежъ день тотъ с҃тый свого Нарожена
  И весе"ю далъ ѿправи", прѡсѣмъ оузычена» [1]).

Вслѣдъ за этими «колядами» литературнаго происхожденія, вышедшими изъ подъ пера извѣстныхъ дѣятелей литературы и школы, потяну-

---

1) Записки Укр. Наук. Товар. в Киеві, 1909, кн. VI и отд. отт., стр. 14.

лись изделія малограмотныхъ школяровъ. Место похвалы выдающемуся человеку, общественному деятелю—заняло выпрашиванье подачки; место серіознаго трактованія праздничнаго событія—полушутливыя и иногда грубыя по своей простоватости и фамильярности выходки и обращенія не только къ обывателямъ, но и къ священнымъ лицамъ. Однимъ словомъ—на украинской почве наблюдается тотъ же процессъ, какой отмеченъ Бобовскимъ и нами въ литературе польской. Этому много способствовали условія жизни украинской школьной молодежи, главнымъ образомъ поставлявшей вирши и канты на праздничныя темы.

Братскія школы, да вероятно и другія, существовавшія на Украйне въ XVI—XVIII вв. были общесословными [1]). Дети родителей разныхъ классовъ общества находили себе здесь образованіе. Бывали ученики—нищіе: въ списке учениковъ Львовскаго братства 1588 года значится «Катерина вдова дала сына ея Юлка — нищій» [2]).

Бедные ученики добывали себе пропитаніе милостыней: это разрешали школьныя правила, предписывавшія однако наблюдать, чтобы ученики не ходили за сборомъ милостыни позже определеннаго часа ночи [3]). Мы знаемъ, что во время обостренныхъ отношеній между католиками и православными, въ конце XVI века, приходилось православнымъ сборщикамъ милостыни терпеть побои [4]) со стороны учениковъ іезуитской школы. Братство вступилось за своихъ учениковъ и въ представленныхъ или приготовленныхъ къ представленію королю «Требованіяхъ» 1593 года мы находимъ просьбу о позволеніи беднымъ ученикамъ искать продовольствія въ городе и предместьяхъ безо всякаго съ чьей бы то ни было стороны препятствія [5]), ибо ученики православныхъ школъ страдали отъ католиковъ. Изъ свидетельствъ XVII века узнаемъ, что «павперове (pauperi) школы брацькое водлугъ звычаю жебруючи собе поживенья и штуки хлеба, ходили спиваючи въ домахъ розныхъ» [6]).

1) Харламповичъ, Западнорусскія школы, стр. 464.
2) Голубевъ, Исторія Кіев. Академіи, I, 209.
3) Харламповичъ, ibid. стр. 461 и прим. 1 и 466.
4) Ibid., стр. 403.
5) Ibid., стр. 305.
6) Ibid., стр. 466.

Жила школьная бѣднота — въ общежитіяхъ, откуда её иногда изгоняли неожиданныя нападенія: такъ въ 1619 года I. Дубовичъ, намѣстникъ уніатскаго полоцкаго архіепископа ночью 22 сентября напалъ на Могилевскую братскую школу, избилъ до полусмерти учителя, Павла Попеля, изломалъ двери, окна и разогналъ «нищихъ, которые при той школѣ мѣшкаючи училися» [1]). Положеніе учителей — бакаляровъ, дяковъ было также незавидно [2]).

Судя по дошедшимъ до насъ документамъ, нищенство въ школахъ славяно-латинскихъ не перевелось и позже; въ Ярославской школѣ 1702 года были нищіе ученики, получавшіе при безплатномъ обученіи по деньгѣ и по двѣ деньги въ день [3]). Подобно православнымъ — и ученики уніатскихъ школъ сильно бѣдствовали и кормились подаяніемъ «подъ окна ходячи спивая» [4]). Эти бѣдные ученики, которые каждый день въ обѣденное время ходили по улицамъ также и въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ городахъ, выпрашивая подаяніе — назывались *миркачами;* они пѣли священныя пѣсни, стихи, обычно начиная «*Миръ* Христовъ да водворяется въ домахъ вашихъ. За молитву въ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь. Боже, дай вашеци день добрый». Они же, организуя группы, устраивали вертепныя рождественскія представленія, которыя, впрочемъ, скоро перешли къ ремесленникамъ, ученики же стали представлять діалоги и цѣлыя пьесы [5]).

Это «миркованіе» рано вызвало порицаніе: хотя оно давало нѣкоторый доходъ бѣднѣйшимъ студентамъ Кіевской Академіи, но не поднимало авторитета науки и ученыхъ въ глазахъ массы народа. Это понялъ Ѳеоф. Прокоповичъ и въ 1726 году отзывался объ этомъ обычаѣ неблагосклонно: говоря объ улучшеніи хозяйства Академіи, онъ указывалъ, что тогда (по приведеніи его въ порядокъ) «не будетъ нужны нѣ-

---

1) Ibid. стр. 466.

2) См. ibid. 201, 461 и др.

3) Шляпкинъ, Св. Димитрій Ростовскій, стр. 328. На наши деньги это было (по Ключевскому, Рубль) пять и десять копеекъ.

4) Харлампповичъ, стр. 523.

5) Аскоченскій, Кіевъ съ древн. его училищемъ, I, 259, 271.

кіихъ скудныхъ да и еще и неосновательныхъ подаяній, нищетнымъ образомъ вымирковывать» 1).

П. И. Житецкимъ 2) и проф. Н. И. Петровымъ 3) даны отчасти характеристики этихъ носителей школьной учености и стихотворства: проф. А. М. Лободою опубликованы нѣкоторые документы, добавляющіе новыя детали къ извѣстному ранѣе 4). На основаніи всего этого мы можемъ судить о нравахъ той среды, которой въ XVII—XVIII вв. пришлось быть едва ли не единственной представительницей замиравшей украинской литературы. Въ соотвѣтствіи съ этими нравами находятся издаваемые ниже образцы «нищенскаго» школьнаго стихотворства, съ которымъ въ тѣсной связи стоятъ изданные нами выше діалоги на Воскресеніе Христово.

«Вѣрши нищенские ꙋтѣшние» извлечены нами изъ рукописи библіотеки Народнаго Дома во Львовѣ № 164. Онѣ написаны рукою половины XVIII вѣка, одна (л. 111—) болѣе позднею рукою; этой вирши мы не издаемъ.

Приводимъ текстъ ихъ насколько возможно точно.

л. 110 1. Вѣрши нище^н^ские ꙋтѣшние.

Завшемъ ꙗ ^в школѣ^ того, по ва҃ потребовалъ,
абымь ва҃ всѣхъ споле^ч^не ꙋ це^р^квѣ
ѡ^г^лꙗдалъ.
Теперъ ва҃ роковое свꙗто дне҃ ꙁобрало
и минѣ тутъ щ҃аливе ѡ^г^лꙗдати дало.
Ѿ теперъ же иꙁ вами бꙋдꙋ роꙁмовлꙗти
и С҃томъ тимь хвалебнимь всѣхъ
поꙁдоровлꙗти,

1) Тр. К. Дух. Академіи 1865, окт., письмо отъ 8 марта 1836 г. Еще о бытѣ учащихся въ старинной дух. школѣ см. у Морозова, Ѳеоф. Прокоповичъ, стр. 67 и сл.

2) Житецкій, Мысли о нар. малор. думахъ. К. 1893.

3) Петровъ, Очерки по исторіи укр. лит. XVIII ст.

4) Зап. Укр. Наук. Тов. в Киеві, кн. II.

'Але вперъше школную скажȣ вамъ пригодȣ:
волю комȣ носити хоть решетомъ водȣ,
Нѣжли в школѣ клепати таковȣю бѣдȣ,
бомъ и инѣ слȣшного не илемъ ѡбѣдȣ
А такъ жемъ сꙗ готовалъ, ꙗкъ иншие люде,
И мовилемъ до себе: гараздъ ȣже бȣде.
Зготовалемъ былъ собѣ в юшцѣ по блошъчицѣ
и поставилемъ страву тую на полицѣ.
Гдѣ сꙗ вошъ ѿ ꙗкъ кутка великаꙗ вꙁꙗла
и лѣꙁȣчи лапами юшкȣ мнѣ пролила.
л. 110 об. И мꙗсо все ȣ смѣтѣ барꙁо повалꙗла,
а сама ѿ ꙗкъ заꙗц на дворъ поскакала.
Ꙗ ꙁа нею, а ѡна на пороꙁѣ стала
и на мене ꙁȣбами ꙗкъ вовкъ ꙁаклацала.
Ꙗ до кꙗ, ѡна тамъ чȣдо ȣчинила,
бо воронȣ на смѣтю ꙁараꙁъ ȣхватила.
И почала лабами (sic) спѣрꙗ ѿкубати,
а мене страхъ великий почалъ иꙁнимати.
Витну ей киикомъ, хтѣлемъ щобъ застила,
А вошъ ꙁараꙁъ воронȣ иꙁ зȣбовъ пустила.
А минѣ такъ до ѡчий скочила потуне,
жемьсꙗ мусѣлъ противъ ней поставити мȣжне.
Алемъ плꙗцȣ той воши щире не дотримал
бо мене такъ вдарила, ажемь иꙁ ногъ ȣпал.
Такъ ꙗ ґвалъту ꙁакричалъ, ажъ нищии нашѣ
прȣдко ꙁ школи вибѣгши и горщико квашѣ
Винесши, та квашею ѡчи ей ꙁаллꙗли,
а дрȣгие вужками прȣдко вошъ ꙁвꙗꙁали
И почали до школи вошъ тую тꙗгнути:
шесть нас тꙗгло—не могли воши той двигнути.
А нашъ Самьсонъ товаришъ ȣхвативши вила
л. 111. притиснеръ вошъ ꙁа шию, ꙗкъ иꙁмогла сила. ||
А вошъ спод вилъ такъ прȣдко барꙁо вискочила,
а Самьсона нашего за нос ȣхватила

И такъ его вкꙋсила своими ꙁꙋбами,
же лѣкарства неꙁнаидемъ и межи бабами. || [1])
л. 111 об. Тепер пилно питаемъ премꙋдрихъ доктором
и довцѣпнихъ шꙋкаемъ ꙋсюди лѣкаровъ,
Бы нашъ Самьсон товаришъ до ꙁдоровя пришол,
такъ я емꙋ лѣкарство ꙁдоровое найшовъ:
Кажꙋть люде, якие ꙁ маломъ паленицѣ
и горячие прикладат що днь к потилицѣ.
Ковьбаси до ꙁꙋбовъ кажꙋть прикладати,
солониною радят такъ же нѡ вкладати,
Ещем минѣ ѡни кажꙋть: якое порося
печеное к лѣкарству бардзо би ꙁдалося,
Колибъ тилко а латво где его достати—
ѡбачите якъ его бꙋдꙋ ꙋтинати.
Дайте минѣ для бга иꙁ шмат солонини,
бо ми не мѣли такой ꙋ школѣ ꙁвѣрини,
Ачей быхмо Самьсона своего вилѣчили,
и ꙁдоровимъ пред вами всѣми поставили.
Дате в том и ковъбаси, бо чомꙋ вилѣваетъ
и не весело . . . .[2]) чомꙋ все спѣваетъ.
Колибъ тое ковъбасу[3]) доволѣ скоштовавъ
тобъ вамь Хс вродивъся весело ꙁапѣвавъ || [4]).

л. 112. 2. Вѣршъ дрꙋгий нищенский.

ѿ юж и я ꙁ далекой ꙁемли привандровавъ,
Сто мыль есми ꙁ чꙋчъманскихъ краевъ мишꙋровав
И видѣлемь тамъ бардзо великие дива:
Скажꙋ вамь всѣмь, если хто кꙋпить минѣ пива.

---

1) На л. 111 только четыре строчки. Остальное занято виршей, писанною другою рукою.

2) Неразб.; кажется, нѣчто въ родѣ «ꙁюмнои», или «ꙁѡмню»; чтеніе «з огню»—не даетъ удовлетворительнаго смысла.

3) Sic.

4) Конечное *в* испр. на *л*.

Тамъ гори ма̑лѧние книшами поро̑ли,
Двѣ стоѧть високие, до кꙋпи сѧ ꙁро̑ли.
На ти̑ гора̑ двѣ бабѣ, що пероги плещꙋть.
Два заѧцѣ лапами ꙋсе ꙋ пѣчь мещꙋть
Такь ѧ перо̑ ѿ ти̑ки̑ были̑ тамь ꙋхвати̑
и вкусилемь ꙁꙋбами, ажъ ѿ ꙁара̑ ꙁа̑тивъ
И ꙁꙋбы мнѣ ꙁакленꙋвъ, щомь бы̑ ѡнѣмѣвъ.
и говорити слова е̑ногомъ не ꙋмѣвъ.
Але теперъ Гдь Бгъ ѿворилъ мнѣ мову:
повѣмь же вамь, панове, по̑мавъ ѧ бывъ совꙋ,
Такъ таѧ сова ѡчи мнѣ ви̑рала
и сама сѧ ꙁ рꙋкъ мои̑ фо̑тельне вирвала.
Да̑те минѣ, панове горѧчого книша,
а потѣшъте в нещ̑атю бѣдного голиша. ||

л. 113. **3. Вѣршъ нище̑ски̑ хороши̑ и смѣшни̑.**

А чи чу̑йте, панове, ѡ нашо̑ пригодѣ?
ѿ коли то ѧ повѣмь бꙋчу мое̑ вродѣ,
Що̑ коли сѧ нещ̑ати̑, мꙋсимо те̑пѣти
а при е̑номъ сꙋхарѣ в це̑ввѣ бжо̑й пѣти.
И ѧкъ сѧ былъ на тие ста приготовалъ,
Ле̑ хто̑ их ненави̑ти мене ѡчаровалъ.
Бчинилемъ былъ в велико̑ и ѧ ко̑вѣ квашꙋ,
на котрꙋю просити мѣлемъ ми̑тъ вашꙋ.
Ажъ ѧка̑ невѣста такъ мѧ счаровала,
же в̑ве̑ пожитокъ с квашѣ мое̑ ѡдобрала.
Коли стала квашище по печи играти,
мꙋсѣли всѣ нищие ꙁ запѣка втѣкати.
А Гапонъ нашъ товаришъ ꙋхвативъ лопатꙋ,
почалъ квашꙋ ти̑нꙋти, видѧчи ꙋтратꙋ.
А кваша, ѧкъ живаѧ, по школѣ скакала,
мѣвъши гнѣвъ на Гапона, по кꙋтахъ шꙋкала.
Коли кваша Гапоно̑ ѡ ꙁемлю вдарила,
ажъ головою его дверѣ ѿворила.

Здꙋмѣ(х)тесѧ панове, що ꙁа мо(й) ꙋ квашѣ —
не могли е(й) вгамовати всѣ нищие нашѣ. ||
л. 113 об. Ѡде(й) кричитъ: панове, по човенъ ходѣмо
а по шию в то(й) квашѣ ꙋже набродѣмо.
А кваша вало(м) стала, пре(ꙁ)ъ порогъ сѧ ллѧти,
ѐна свинѧ прибѣгъши, почала хлепьтати.
Кваша таѧ и свиню такъ прꙋ(д)ко промъкнꙋла,
же квикънꙋла ѧкъ еи, ѡ ꙁемлю, кинꙋла.
А сама такъ почала ѧкъ море шꙋмѣти:
мꙋсѣлимо сѧ ꙋсѣ то(й) речи ꙁдꙋмѣти.
Тако(й) бѣди квашище намъ всѣмъ наробыла,
(же) (ши) [1]) помъ [2]) до гори ѧкъ живаѧ ꙁбыла.
А ѡди(м) намъ порадивъ сꙋлю присолити,
то(г)ды ꙋже немо̑ли̑мо иꙁъ запѣчъка ви(й)ти.
Коли начала на̑ та кваша ѡбливати,
не мо̑ли̑мо ю̑ жаде(н) ꙋ ꙁапѣчкꙋ спати.
Не поꙁналабъ сина тамъ и ро̑наѧ мака,
бо ко(г)домꙋ ѿ квашѣ при̑хла и рꙋба(т)ка.
Просиможъ ва̑, панове, ѡ на̑ памѧта(й)те
а до школи намъ страви и хлѣба дава(й)те,
Бо носите колачѣ ѿ кума до кума
а до школи прине̑ти немашъ ꙋ ва̑ ꙋма.
Не принесете до школи жаде(н) солони(ч)ки
и минемъ ва̑ мовите кусати дꙋрьнинъки (?) ||
л. 114. Забꙋлисте, панове, ѡ на̑ и ѡ бг҃ꙋ,
по(й)деможъ и мы ѿ ва̑ в и(н)шꙋю дорогу.
А чимъ це(р)ковь бж҃аѧ себе ꙋкрашаетъ,
чимъ сѧ, ч҃лвече, твоѧ д҃ша по̑ношае̑?
Це(р)ковъ бж҃аѧ ꙁ гимъно(в) читани(м) сиѧетъ,
а читанѧ ꙁ спѣванѧмъ за кле(й)ноти мае̑.
А мы то в це(р)квѣ бж҃о(й) щоде(н)не спѣваемъ,
а ꙁа ваше ꙁдоровѧ Г҃да благаемъ,

1) Въ скобкахъ—зачеркнутое въ рукописи.

2) Слово безъ начала или недописаное.

А бы вамъ тӯ бгъ далъ вѣкъ в фортунах проживати [1])
потомъ з Хрітомъ рждениим в нбѣ царствовати.

л. 114. **4. Вѣршъ нищеский.**

Ѿ и ꙗ с Кобиволон трїта мид ȥ за свѣта
привандровалем до ва ȥаранꙗ на свꙗта.
Ѡсѣдлалемъ собѣ киј, кий моцъний дȣбовий
а прилетѣлемъ до ва ѿ тут на свѣтъ новий.
Вȥꙗлемъ собѣ у торбȣ кабаки и хлеба,
бо слȣжаломȣ того ȥавше тилко треба.
Тилкомъ бѣгȣчи преȥ лѣсъ ȥа хащъ ȥачапалсꙗ;
ѡбервнусꙗ вȥа, ажь мнѣ бандолетъ ȣрвалъсꙗ
Ихалемъ чреȥъ лѣси, такъ тѣ и болота,
не боꙗлемъсꙗ ȥбойцовъ, нѣ мита голота. ||
л. 114 об. Правда былемъ гетманом рꙗдилемъ ѡбоȥомъ,
споткалемъ сꙗ с кȣрми лежачи под воȥомъ.
А ꙗкъ почала мꙗ гȣсъ ȥа ноги кусати,
мȣсѣлемъ й под воȥа дале ȣтѣкати.
Правда, пиꙗтиками не ра сꙗ ꙗ бавлю,
где вижȣ повенъ кȣфель, то тамъ сꙗ ꙗ ставлю.
То юж мꙗ тамъ витаютъ ȥа лобъ и чȣпринȣ,
не раȥъ мою и тую дерȣтъ сȣкъманинȣ.
А все мене волаютъ, ти мȏцѣвий пане,
не кождомȣ твоеи чȣприни намъ стане.
Радьте мене, панове, що маю чинити,
чи еще сꙗ мнѣ вчити, чи сꙗ ѡженити [2])?
Пойдȣ собѣ до кого панни ѡбȥирати,
бо мене тамъ всѣ хотꙗ вонтомъ ѡбебрати.
И вамь всѣмъ на мешъканꙗ тамъже ити ражȣ,
бо шлюблю, же на добрий ґрȣнтах ва ѡсажȣ.

---

1) Въ рук. здѣсь червемъ проѣдена дырка, сохранилось только: «пр...ати»; м. б., «пробувати».

2) Слѣдуетъ въ рукоп. зачеркнутый стихъ: «ґди бы собѣ ꙗкую панȣ ѡбебрати».

Тамъ то, панове, небо ниꙁко барꙁо лежит,
тилко сѧ (?) на двѡ̆ кишъкахъ ю̆ печенй держит.
Тамъ жовки коли собѣ в морю[1]) хѹ҃та перѹт,
то на н҃бо пралники ꙗкъ на камѣнь кладѹть.
Ѿ тамьто ѹ коморѣ мѣсѧць наставает
а в ден с҃ни на печи слонце спочиваетъ[2]). ||
л. 115 об. А ꙁвѣꙁди тамъ ꙗкъ динѣ, всюди сѧ валѧють,
свинѣ в ꙁолотихъ коритахъ миґдали ѣдають,
Рѣка горѣлъчанаѧ череꙁъ ринокъ течеть,
Пил тамъ ко̆дин хот ґарцемъ, нѣхто слова не речет.
А воробцѣ ѹ срѣбнихъ тамъ панчохах ходѧть,
и ко̆вбаси живии по вербахъ сѧ родѧть.
Свинѣ в лѣтѣ и ꙁимѣ в дѹбах сѧ поросѧ҃т,
пчоли медѹ по чверцѣ в ко̆дин д҃нь приносѧ҃т[3]).
Мѣсто тое барꙁо ест ѡбварованное,
кропивою, лободою ѡбми[ло]ванное[4]).
Тамъ моѧ и ѿчиꙁна стоить над водою,
ѹкритаѧ пралникомъ, пошита бѣдою. ||
л. 116. Идѣть тамъ на мешканѧ; ґди бѹдѹ вмерати,
могѹ тую ѿчиꙁнѹ ѧ вамъ ѿкаꙁати.
Ꙁавчасу и дороги мене испитайте,
а ꙁа працѹ хо҃ по три грошѣ минѣ дайте.
Идѣтежъ всѣ а право, ꙁ Ꙗнова до Крилова,
с Крилова до Ꙁборова, [ꙁ] Ꙁборова до Ꙗворова[5])
ꙁ Ꙗворова до Бѹꙁанова,
ꙁ Бѹꙁанова до Кремѧнъцѧ,
с Кремѧнцѧ до Камѧнцѧ,

---

1) Въ рукоп. «в лѡрю».

2) На л. 115 и части 115 об.—«Пролігъ на Рождество Хв҃о».

3) Здѣсь слѣдуетъ въ рукоп. зачеркнутый, недописанный стихъ: «Тамъ, панове, мешканѧ».

4) Средина слова стерта.

5) Здѣсь начать и зачеркнутъ стихъ: «ꙁ ꙁборова до Бѹ».

ȥ Камѧнцѧ до Лвова,
ȥи Лвова до Кракова,
ȥ Кракова до Ѡчакова,
ȥ Ѡчакова до Піотркова,
ȥ Піотркова до Чигирина,
ȥ Чигирина до Ѡринина,
ȥ Ѡринина до Карапчѣева,
с Карапчѣева до Ѡлѣева,
ȥ Ѡлѣева до Кудринець,
а с Кȣдринець до Фе̑ковей,
с Фе̑ковей до Ѡжеговець, на ѡжини,
бо тамъ чвертъ ȥа шелюг свѣжини,
ȥ Ѡжоговей до Горо̑ка,
ай тамъ рѣпа соло̑ка,
ȥ Горо̑ка до Бȣчача,
ажъ тамъ по шелюгȣ клѧча.
Ȥ Бȣчача идѣть про̑то в ȥемлю Чȣтьманскую,
а бȣдете тамъ мѣти повагȣ панскую.
Тамъ е̑ть старо̑та, котрий ѿ ѧкъ кут морчить,
мовъ до него що хочеш, а ѡн ȣсе мовчить. ||
л. 116 об. Бо есть баръȥо богатий, ȣ скарбахъ ѡбфитий,
мовлю то вамъ, панове, панъ тамъ ȥнаменитий.
Тамъ вола печеного ȥа грошъ тилко кȣпишъ,
коли того не бȣдет, ȥмовите мнѣ мȣтишъ.
А ȣ вола с по̑ хвоста чо̑никъ 1) течет ȥ ѡцтом,
ȥеленаѧ салата, коли схочешъ с постомъ.
Тамъ ȥемлѧ богатаѧ, ѡ том ȣсѣ ȥнаете,
ȥа вѣдомост певную колѧдȣ мнѣ дайте.
Ѧ бȣвъ гетманомъ славним, а теперъ капланомъ;
лѣпше мѧ тое ȥдобит, нѣжъ щоетемъ паномъ,
И вамъ дохомовъ свои̑ блго̑ловлю пойти,
можете сѧ ȥ сватами ѩкȣмами ȥийти.

1) Въ рукоп. было далѣе написано «ȥ ѡцтомъ», но зачеркнуто.

Идѣтежъ, а церковъних двериі не ӡопсуйте,
поединѣцемъ идѣте 1) всѣ ся раӡомъ не суйте 2).

Далѣе слѣдуетъ напечатанный нами выше діалогъ; послѣ него—снова вирши того же типа.

л. 127. 5. Вѣрши нищеські́е а смѣшние.

Грицю, брате мой мылий, ча́съ и нам на влови.
Ѡӡмижъ но ти иӡ мѣшокъ житнои полови.
Видѣлемъ, же летѣло ӡ нба пасокъ много,
И тилко не вловилемъ, мѣӡерний, нѣчого.
Прѹдко барӡо летѣли и на цминтар впали.
Люде ӡарас коло них громадами стали.
л. 127 об. Коли стали всѣ раӡомъ ѡние ловити. ||
И ӡасѹпъся бѣгѹчи, немѡлемъ мовити.
Ажъ прибѣгъ—жаднои ѹже не ӡасталемъ.
Ходячи по цвинтарѹ тилко ӡасвѣталемъ.
Где ся тое подѣло, помыслилемъ собѣ,
И зотхнѹвши пѡнѣлемъ рѹки въ нбо ѡбѣ.
Ѡ Бже, дай же и мнѣ хоть ѡднѹ поймати,
Пасхѹ с перепѣчкою, нехай бѹдѹ знати,
Що то ннѣ ӡа манна иӡ нба ӡстѹпила,
Але мене, якъ бачу, едного ѡкпила,
Щомъ жадной не поймалъ, якъ кѹпою впали,
И шерегомъ в цминтарѹ поважне стояли.
Ажъ глянѹ на ѹлицю до еднои хати,
Пѣкний мя ӡапах ӡайшовъ, почавъ я вохати.
Помишлю, чи не пасхѹ тамъ то тепер идят?
Прикрадѹся, а ѹсѣ по ӡатоломъ сидятъ.
А едина дитина на припѣку сидитъ,
Та еще нѣкубенѹ перепѣчкѹ держитъ.

1) За этимъ словомъ далѣе было написано «ѹсѣ ся», но зачеркнуто.
2) М. б., слѣдуетъ исправить: «несуйте».

Ꙗ тихенко скравшисꙗ мы҃слилемъ: вхвачу,
А ꙋхвативши хиже полегенку втечꙋ.
Скоро ꙗ ꙋ дитини вхвативъ перѐпѣчъку...
. . . .

Здѣсь обрывается вирша. На слѣдующемъ 128 л. продолженіе *другой* вирши, начало которой до насъ не дошло.

6. . . . .

. . . .[1])

л. 128. Витайте, що вам хꙋ҃тка тютюномъ зробленна,
ѿ ꙗкъ едвабомъ рꙋдимъ хороше ꙋпстренна.
Витайте, що шапъки вамъ ѡбшити соболемъ
таковимъ, що бѣгаетъ задерши хвуст полемъ.
Витайте, що маете чоботи з ременꙗ
такового, що дерꙋтъ маꙗ [2]) из деренꙗ.
Витайте́, що чꙋприни на вѣтер вамъ встали,
а чомꙋ҃те ꙋ коршмѣ мене не витали?
Витаю ва҃, пꙗницѣ, всѣхъ сполѣ҃не разомъ,
бо ва҃ дѣдъко заберет до пекла заразомъ.
Ви на мене, прошꙋ ва҃, за то не дивуйте
а ꙗкъ прийдꙋ до коршми, таки мꙗ ча҃туйте.
А ꙗ вамъ компании гараздъ допомогꙋ,
хо҃ з вами до пекла пойдꙋ в единꙋ дорогу.
Такъ же и волочебъним мене подарꙋйте,
сами в коршмѣ и в домах весело ликуйте.

л. 128. **7.** Вѣршъ Третий.

Повѣмъ ꙗ вамъ, Панове, кра҃нꙋю приповѣсть:
хто собѣ варивъ ї҃ти, знаю добре, же той ї҃ть.

1) Вслѣдствіе утраты листа между лл. 127 и 128 начала этой вирши (второй) недостаетъ.

2) Въ рукоп. неясно: «мам» или «маю»; неясно, *о* или *а*.

А ꙗ на̂ тое единъ тилко не ȥобравъсꙗ,
жаль ми того велики͏ⷨ, длꙗ тогомъ ѡȥвалъсꙗ.
А що̂ хоⷮ бымъ и радъ бꙋвъ ȥаложити кухню,
мꙋсѣлъ бымъ ȥаставити ѿта̃ную сꙋкъню; ||
л. 128 об. Бо в котриⷯ куⷮ по глꙗнꙋ, не ȥнаⷨдꙋ нѣчого,
а в ȥапѣчъку таборомъ вошиⷨ лаȥитъ много.
Скажѣть минѣ. где воши дорого продаютъ:
минѣ ȥа сто шелıога жадного не даютъ.
А ми то небожата много бѣдъ ȥажили,
нѣмъ тихъ вошиⷨ ꙋ школѣ, собѣ намножили.
А еⷭⷮ такие люде, що нѣȥащо маютъ,
а ѡсобливе тие, що бѣды не ȥнаютъ,
Таⷦ и вошъ мѣȥеⷬнаꙗ тилко где стрꙋпъ чуеⷮ,
тамъ 1) ȥвикла и мешкати, не тилко ночуетъ.
А мы то ȥ давниⷯ часовъ ꙋчачисꙗ в школѣ
нѣчого не маемо, а неⷣдȥи доволѣ.
Мꙋсѣмо ȥаживати длꙗ ст͡оⷨ наꙋки,
бы͡мо клеⷨноⷮ дорогиⷨ дали цеⷬквѣ в рꙋки.
Нехаⷨсꙗ просвѣщаеⷮ ȥ нашого ꙋбоȥтва,
и намъ тежъ ꙋдѣлꙗеⷮ щѣротъ боȥкиⷯ мноⷤтва.
Мусимо и вошами в свѣтѣ торговати,
коли ȥлота немамъ 2) людемъ даровати.
Чеⷨ ми що ȥа своⷨ товаⷬ в Ха̃ виторъгуемъ,
а чого намъ нестанеⷮ, мы сꙗ ȥабоⷬгуемъ.
Аȥали 3) Хс̃ Гдъ̃ и неⷣдȥꙋ поȥнаетъ, ||
л. 129. котриⷨ и д͡ота́ки всѣмъ вѣрнимъ в свѣтѣ даетъ.
А на̂ нищиⷯ д͡отаⷦкомъ нб̃нымъ ȥбогатитъ
и покаⷬмомъ агг̃лъскимъ в вѣчности наситиⷮ.
Б͡омо туⷮ богатие в ꙋбоȥтво и скоръби,
же намъ повир͡отали ю̂ на хребътаⷯ горби 4).

1) *М* передѣлано изъ *к*.

2) Вѣроятно, слѣдуетъ исправить на: «немашъ», или «нема[е]мъ».

3) Уголъ листа вытертъ, читается неясно.

4) Можетъ быть, слѣдуетъ читать «торби»?

Маемъ твари вѧ҃хлие кажъдиⁿ изъ голодꙋ,
а натерпѣли҃мо сѧ зимна и холодꙋ.
Кождого днѧ встаючи до цеʳкви дзвонити,
а коли бы не пошовъ, то дѧкъ почнетъ бити.
Иди голиⁱ и босиⁱ до цеʳкви читати,
чи маешъ ти чоботи, не бꙋдꙋтъ питати.
Але скоро крикънеᵀ дѧкъ «до цеʳкви встава́те»,
заразъ сѧ небожата до дзвона хвата́те,
То нищиⁱ за поворозъ скоро тилко порветъ,
юᵐ . .¹) рꙋки ѿ морозꙋ не прꙋдко ѡдорветъ.
Памѧта́мо̄ туᵀ ꙋсѣ нещ҃ати ѡброти,
бо ѐними входимо на свѣтъ тоᵀ вороти.
З живота матки нашоⁱ ѐнакосѧ родимъ,
хоᶜ не ѐнаково з свѣта того зходимъ.
Лѐ чл҃века фоʳтуна не ѐна пѣстуетъ, ||
л. 129 об. бо Бг҃ъ и щ҃ливости в нещ҃атѧ нищꙋетъ.
Самъ бывши створителеᵐ ꙋ своеⁱ вѣчности
взѧлъ на себе ꙋбозтво на тоⁱ мѣзеʳности,
Вбоги̇ калѣкъ мѣзеʳнихъ братиею назвалъ
и ѡнимъ богатиⁱ домъ ꙋ нб҃ѣ зготовалъ.
Самъ взиваетъ нищеᵀни̇ на баᵐкетъ до себе,
Самъ себе видалъ на смеʳтъ, чл҃вече, длѧ тебе.
Самъ немѣлъ где на свѣтѣ приклонити главы,
абы тебе впровадилъ до вѣчнои славы.
Самъ тежъ до пекельнои пущалъ сѧ темъности,
бы тебе з неᵐдзи вирвалъ, а ввелъ до свѣтл҃ти.
Самъ нищимъ и ꙋбогимъ до на҃ приⁱти рачилъ,
бо нашѣ недо҃таᵀки из неба ѡбачилъ.
Тепеʳ на҃ поратовалъ в ѿтаᵀние лѣта
и животъ намъ даровалъ Твореᶜ всего свѣта.
Южъ не бꙋдешъ, чл҃вече, на вѣки вмерати,
тилко ²) рачъ побожъно҃ти и цноти зберати,

1) Въ рукоп. двѣ буквы зачеркнуты.
2) Въ рукоп., кажется, «только».

Бы҇ сѧ ꙁ ними пописалъ ꙋ сольнѐномъ нб҇ѣ,
прѐ своимъ Створителемъ ꙋва҇[тое] [1]) себѣ.

Въ кн. IV, 1910 г. (т. XCVI) Записок Наук. Тов. ім. Шевченка г. Вознякъ въ статьѣ «Рідзвяні й великодні вірші — орації зі збірника кін. XVII—нач. XVIII в.» коснулся изданныхъ мною пьесъ изъ этого сборника. Прежде всего я не могу никоимъ образомъ согласиться съ датировкою сборника № 164 концемъ XVII вѣка; этому противорѣчать данныя палеографіи и моего опыта; полагаю возможнымъ отнести Сборникъ, т. е. интересующую меня часть съ діалогомъ и «нищенскими» виршами къ 30—40 годамъ XVIII вѣка, не старше. Далѣе, г. Вознякъ на стр. 120—123 предлагаетъ рядъ поправокъ къ чтенію д-ра Франка и моему. За чтенія д-ра Франка я не стою: мои мнѣ кажутся болѣе удобопріемлемыми, съ чѣмъ, повидимому, соглашается и г. Вознякъ. Чтенія же, которыми г. Вознякъ предлагаетъ замѣнить мои — отчасти предложены мною по догадкѣ, отчасти объясняются выпаденіемъ надстрочныхъ буквъ при печатаніи (напр., р. ѿ, у меня—только ѡ); часть разногласій, что справедливо замѣчено г. Вознякомъ — явилась вслѣдствіе того, что при корректурѣ я не имѣлъ подъ руками оригинала. Но при всемъ томъ — кое что въ поправкахъ г. Возняка кажется мнѣ сомнительнымъ и основаннымъ на непривычкѣ къ чтенію старой украинской скорописи. Такія разногласія въ чтеніи отдѣльныхъ словъ, главнымъ образомъ по причинѣ послѣдняго рода, читатель найдетъ и въ издаваемыхъ мною «виршахъ нищенскихъ», гдѣ я никоимъ образомъ не могу, напримѣръ, согласиться съ такими чтеніями г. Возняка, какъ: «ку(р)ка» я читаю «ку҇ка» (= кітка) въ № 1-мъ; «ви(ж)ками» — я читаю «вꙋ҇ками», ib.; «з ѡгню» — я читаю «ꙁи҇ной» (= зі мной); «тое(й) ковъбаси»—я читаю «тое ковъбасу» ib.; или въ № 3-мъ «не бродѣмо», я читаю «набродѣмо», «кучати»—я читаю «кꙋсати»; въ № 4-мъ «пошлюблю» — я читаю «бо шлюблю»; «ѡбмурова(н)ны — я читаю «ѡбми[ло]ва҇ное»; или въ № 5-мъ: «ѡзмишъ сюти»—я читаю «ѡзмижъ но ти» и т. д.

---

1) Въ скобкахъ—по догадкѣ; въ рукоп. сохранилось лишь *т*.

Такимъ образомъ, можно, судя по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ отъ чтенія рукописи—считать спорными не мало мѣстъ этихъ интересныхъ виршъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ аналогичныхъ виршахъ, замѣнившихъ колядованье или примкнувшихъ къ нему, но созданныхъ уже на великорусской почвѣ. Какъ извѣстно, вмѣстѣ съ польскимъ и западнорусскимъ вліяніемъ проникаетъ въ Москву обычай произносить *рацеи* и *діалоги*. Такъ дѣти полковника Ивана Перекрестова говорили рацеи государямъ въ 1688 году, научившись у Ив. (Іосифа) Богдановскаго [1]). Привѣтствія на Рождество Христово находимъ въ Московскомъ Букварѣ 1679 года [2]). Въ праздники Рождества Христова раздавалось немало денегъ рождественскимъ славщикамъ—придворнымъ пѣвчимъ [3]), среди которыхъ было во 2-й половинѣ XVII вѣка немало выходцевъ изъ Украйны. Вполнѣ естественно, что подъ вліяніемъ украинскихъ обычаевъ и въ Москвѣ стали сочинять вирши вмѣсто древнихъ колядъ. Ихъ намъ извѣстно всего двѣ, одна въ спискѣ начала XVIII вѣка другая — конца того же вѣка. Но по настроенію и литературной манерѣ обѣ вирши восходятъ къ концу XVII вѣка.

Первая вирша извлечена нами изъ рукоп. Собр. Погодина № 1773, начала XVIII вѣка, лл. 32 об.—33 и об. [4]).

л. 32 об. О брате мой милѣйшій
и друже мой добрѣйшій!
Слышалъ же азъ словеса сія
і не могу отверзати уста моя,
яже Божія благодати
не возвѣщати.
І величая его не прославляти,
Понеже Сынъ нас божій спасаетъ

---

1) Шляпкинъ, Димитрій Ростовскій, стр. 71.

2) Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ, I, 170.

3) Востоковъ, Опис. Румянц. Музеума, стр. 481.

4) Орѳографія не передается, привѣтствіе въ рукописи написано безъ раздѣленія на стихи; въ [] добавлено издателемъ.

и от бѣсовскія работы избавляеть,
л. 33. і от тмы кромѣшнія || изводить,
и в царство небесное вводить,
и тамо устрояеть вѣчно намъ жити,
со ангелы быти.
Ты же, Господине, честнѣйшій буди здравъ,
во всѣхъ твоихъ добрыхъ дѣлехъ благъ,
и со всемъ твоимъ благодатнымъ домомъ,
и съ честнымъ Своимъ родомъ.
О томъ бо моли всещедраго Бога,
да подасть намъ лѣта многа.
[Я маленки сиротинка,
Христова стада животинка,
Господа маленки вьюночикъ,
Христовы Дѣвы воспѣвочикъ.
Я Христа [ви]таю,
тоненкимъ гласомъ воспѣ[ваю],
а васъ, пріятелей моихъ поздра[вляю,]
главу мою честно преклон[яю] ||
л. 33 об. ко мнѣ, маленкому вьюночку,
яко кроткому же овчатку,
ласковы бывайте:
по двѣ денги давайте.
«Радуйся», нынѣ другъ другу рцыте,
въ нынѣшнемъ годѣ здравы живите
на многа лѣта.

Въ Сборникѣ Импер. Публ. Библ. Q. XIV, № 134 конца XVIII в., среди виршъ и псальмъ, касающихся города Устюга, находимъ такое привѣтствіе хозяину дома, слѣдующее за рождественскими виршами, на л. 41 об.—42:

Господинꙋ честнꙋ
в Хрⷭ҇тѣ благочестно
з гостми поⷥдравляеⷨ

многи^{х} лѣ^{т} желае^{м}
от бга.
дабы ми^{р}но жити,
з господе пребыти
и в̓ мирѣ угодно
в̓ бозѣ преподобно
у^{в}люде^{х}.
щастливо поле^{н}но,
со всѣми любе но
всегда веселяся
і в̓ бозѣ крѣпяся
любе^{н}но.
к̓ честнѣй супрꙋзѣ
в̓ христѣ во услꙋзѣ
в любви пребывати
и дѣти ро^{ж}дати
боже да^{с}.
да роди^{в}ше дѣти
і мꙋть о̓ни зрѣти
здѣ милость о^{т} бога
и благо премнога
достигну^{т}.
чесого желае^{м}
вси здѣ поздравляе^{м}
с̓ супрꙋгою, дѣ^{т}ми
со драгими вѣ^{т}ми
твоими.

Этими немногими данными для исторіи рождественскихъ привѣтствій мы заканчиваемъ наши замѣтки къ исторіи народнаго польскаго, украинскаго, бѣлорусскаго и русскаго театра.

Не претендуя на систематическое изложеніе нашихъ взглядовъ на исторію русской драмы, мы желали только, насколько было въ нашихъ силахъ, извлечь и опубликовать неизвѣстный въ научномъ оборотѣ мате-

ріалъ для исторіи стариннаго, полу книжнаго—полу народнаго театра, съ необходимымъ краткимъ комментаріемъ. Объединить его въ опредѣленную историческую схему — дѣло историка, располагающаго большими данными, которыя, не сомнѣваемся, обнаружатся при дальнѣйшихъ поискахъ въ русскихъ и заграничныхъ библіотекахъ.

В. Перетцъ.

10/IV. 1911.
Кіевъ.

Отчетъ В. А. Каминскаго о поѣздкѣ въ Волынское Полѣсье для изученія народныхъ говоровъ лѣтомъ 1910 года.

Будучи уроженцемъ Волынской губерніи, я еще во время ученія своего въ Университетѣ, занимаясь діалектологіей подъ руководствомъ профессора Е. Ѳ. Карскаго, помышлялъ о томъ, чтобы предпринять поѣздку въ Волынское Полѣсье съ цѣлью сдѣлать здѣсь записи народныхъ пѣсенъ, обрядовъ и обычаевъ, которыя бы могли послужить основаніемъ для изслѣдованія. Однако прошло болѣе десятка лѣтъ послѣ окончанія мною университетскаго курса, прежде чѣмъ суждено мнѣ было осуществить свою завѣтную мечту. По обстоятельствамъ своей личной жизни, сложившимся крайне неблагопріятно для меня въ первый годъ послѣ окончанія университетскаго курса, я прожилъ нѣкоторое время въ Подольской губ., и къ тому времени относятся сдѣланныя мною здѣсь первыя мои записи народныхъ пѣсенъ (въ 1897—1898 г.), напечатанныя въ «Живой Старинѣ» [1]). Затѣмъ, не переставая интересоваться вопросами діалектологіи и этнографіи, я по условіямъ своей службы и въ зависимости отъ служебныхъ досуговъ сосредоточивалъ свое вниманіе и изученіе на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходилось проводить свободное отъ службы время. Результатами этого изученія были слѣдующія статьи:

---

1) Матеріалы для характеристики малорусскихъ говоровъ Подольской губ. Живая Старина 1902 г., вып. I, стр. 75—96.

1) Этнографическіе матеріалы, записанные въ селѣ Будкахъ, Винницкаго уѣзда Подольской губ.: а) День Ивана Купала, б) Разсказы [1]). 2) Праздникъ Пасхи въ селѣ Косаревѣ, Дубненскаго уѣзда, Волынской губерніи [2]). 3) Къ вопросу о народной демонологіи [3]). 4) Описаніе говора села Косарева, Дубненскаго уѣзда, Волынской губерніи [4]). Между прочимъ къ началу 1903 года, когда я состоялъ учителемъ Ковенской мужской гимназіи, у меня созрѣлъ планъ систематическаго изученія мѣстной, т. е. бѣлорусской и литовской, діалектологіи и этнографіи, что представлялось удобоисполнимымъ особенно въ виду командировки учителей мѣстной гимназіи для производства экзаменовъ въ начальныхъ школахъ; и въ апрѣлѣ 1903 года, согласно указаніямъ профессора Е. Θ. Карскаго и съ разрѣшенія бывшаго Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа В. А. Попова, была совершена мною съ этой цѣлью первая экскурсія совмѣстно съ инспекторомъ народныхъ училищъ Н. П. Свѣшниковымъ. Результаты этой экскурсіи изложены въ отчетѣ, который напечатанъ въ журналѣ «Филологическія Записки» [5]). Среди этихъ разнообразныхъ занятій меня никогда не покидала мысль о поѣздкѣ въ Волынское Полѣсье, при чемъ рѣшимость собирать здѣсь діалектологическій матеріалъ укрѣплялась вмѣстѣ съ усилившимися желаніемъ использовать этотъ матеріалъ, давъ на основаніи его «Очеркъ народныхъ говоровъ Волынскаго Полѣсья». Эту задачу я вполнѣ опредѣленно для себя формулировалъ, когда въ настоящемъ году, благодаря пособію со стороны Императорской Академіи Наукъ, а также, благодаря просвѣщенному содѣйствію Г. Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа В. И. Бѣляева, мнѣ удалось совершить давно задуманную поѣздку по Волынскому Полѣсью, о результатахъ коей я намѣренъ изложить въ настоящемъ отчетѣ. Что же касается изслѣдованія, то оно не можетъ быть составлено, прежде чѣмъ мною не будутъ посѣщены нѣкоторыя части Волынскаго Полѣсья, посѣтить которыя мнѣ не удалось лѣтомъ текущаго года.

---

1) Кіевская Старина 1904 г., т. LXXXVI, сентябрь, стр. 77—85.
2) Ibid. 1906 г. т. XCII, мартъ—апрѣль, стр. 299—320.
3) Ibid.
4) Русскій филологическій Вѣстникъ 1904 г.
5) Филологическія Записки 1910 г., вып. II, III и IV.

Волынское Полѣсье, или точнѣе Полѣсье, расположенное въ границахъ Волынской губерніи, до очень недавняго времени (приблизительно до 60 годовъ прошлаго столѣтія) занимало обширную территорію: не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что болѣе $^2/_3$ всей Волынской губерніи было покрыто лѣсомъ, который въ сѣверной своей части представлялъ сплошное пространство отъ западной границы губерніи до восточной, и только южная и юго-западная части представляли собою степную мѣстность. Колонизація Волынской губерніи чехами въ 60—70 г. XIX вѣка, а затѣмъ нѣмцами и др. колонистами вызвала истребленіе лѣсовъ, которое усилилось, благодаря проведенію желѣзныхъ дорогъ: — въ 70 годахъ Кіево-Брестской и въ 90 годахъ прошлаго столѣтія Кіево-Ковельской и Полѣсскихъ. Это обстоятельство оказало важное вліяніе на мѣстные говоры. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ произвело вмѣстѣ съ нивеллировкою почвы и діалектологическую нивеллировку, устраняя тѣ особенности, какія являются живымъ показателемъ старины, а именно дифтонги: оу, уы, юы, іе, и тѣ которые характеризуютъ сѣверно-малорусскіе говоры, какъ, напримѣръ: ȥл. ед. ч. са (вмѣсто об. русск. ся) и др.

Принявъ во вниманіе это обстоятельство, а также имѣя въ виду во 1-хъ то, что остатки старины въ народныхъ говорахъ должны сохраняться въ мѣстностяхъ, болѣе удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ и желѣзныхъ дорогъ, а во-вторыхъ, то, что діалектологическаго матеріала, касающагося Овручскаго уѣзда, сѣвера Ковельскаго и Ровенскаго; почти нѣтъ въ печати, а если и есть, то въ небольшомъ количествѣ и относится онъ къ 50—60 годамъ прошлаго столѣтія [1]), я поставилъ своею задачею, не располагая значительнымъ количествомъ свободнаго времени, обслѣдовать въ діалектологическомъ отношеніи территорію, ограниченную съ западной стороны полотномъ Кіево-Брестской желѣзной дороги, съ юга — линіей Кіево-Ковельской желѣзной дороги [2]); съ сѣвера — границей съ Гродненской и Минской губерніями, а съ

1) Я не имѣлъ въ виду тѣхъ матеріаловъ В. Г. Кравченко, которые только начали печататься въ «Трудахъ» Общества изслѣдователей Волыни въ текущемъ году (1910).

2) Начиная отъ Ковеля и до Искорости.

востока—съ Кіевской губерніей. Устанавливая приблизительно эту территорію для своей поѣздки, я кромѣ того предполагалъ закруглить ее, если бы позволило время, а именно—отправиться изъ Искоростп (крайній пунктъ на востокѣ) на югъ къ Житоміру, а отсюда проѣхать черезъ Новоградволынскій уѣздъ не по шоссе, а, держась направленія на сѣверъ отъ шоссе, доѣхать до Костополя (на сѣверъ отъ г. Ровно). Таковъ былъ районъ, намѣченный мною для поѣздки нынѣшняго лѣта.

Цѣли этой поѣздки были мною формулированы слѣдующимъ образомъ. Въ виду небольшого количества записей, характеризующихъ народные говоры Волынскаго Полѣсья, я поставилъ своею цѣлью:

1) Сдѣлать эти записи, т. е. собрать матеріалъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ такихъ записей дѣлаемо не было, руководствуясь при собираніи матеріала интересами не количества, а главнымъ образомъ качества, т. е. стремясь записать меньше, но зато точнѣе, съ сохраненіемъ всѣхъ оттѣнковъ словъ и звуковъ со стороны ихъ произношенія въ данной мѣстности.

2) По возможности провѣрить тѣ записи, какія были сдѣланы и на которыхъ строилъ свои выводы профессоръ А. И. Соболевскій [1]).

3) Уяснить на основаніи сдѣланныхъ записей особенности современныхъ народныхъ говоровъ Волынскаго Полѣсья.

4) Сгруппировать по уѣздамъ, по крайней мѣрѣ главнѣйшія особенности этихъ говоровъ.

5) Выдѣлить въ говорахъ немалорусскіе элементы, особенно бѣлорусскій, и установить, гдѣ и въ чемъ наблюдаются переливы говоровъ малорусскаго и бѣлорусскаго.

6) Установить приблизительную границу, отдѣляющую сѣверно-малорусскій говоръ отъ южно-малорусскаго.

7) Отмѣтить наконецъ факты этнографіи, которая, въ особенности въ сѣверной части Волынской губерніи, является мало изслѣдованной, и факты коей должны невольно обращать на себя вниманіе при собираніи матеріала.

---

1) Живая Старина 1892 г., вып. III, стр. 1—30; вып. IV, стр. 1—61.

При выполненіи этой цѣли я имѣлъ въ виду посѣтить преимущественно мѣстности глухія, удаленныя отъ желѣзной дороги, такъ какъ полагалъ, что здѣсь именно, благодаря строгой консервативности населенія, а равно отсутствію разнообразныхъ, нивеллирующихъ говоръ вліяній мои записи дадутъ болѣе интересный матеріалъ, могущій представить нѣкоторую цѣнность и въ качественномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я поставилъ себѣ за правило при производствѣ діалектологическихъ наблюденій избѣгать посѣщенія базаровъ въ мѣстечкахъ и городахъ по слѣдующимъ соображеніямъ, вынесеннымъ мною изъ моего личнаго опыта. Эти соображенія, какъ не лишенныя практическаго значенія для лицъ, занимающихся фольклоромъ, нахожу умѣстнымъ привести. Занимаясь собираніемъ пѣсенъ въ Подольской губерніи въ 1897 году, я имѣлъ возможность посѣщать въ базарные дни м.м. Жмеринку и Браиловъ. Послѣдній интересенъ былъ въ томъ отношеніи, что привлекалъ къ себѣ населеніе изъ болѣе широкаго района мѣстности, чѣмъ обыкновенное базарное мѣстечко, такъ какъ представлялъ и религіозный центръ; здѣсь находятся православный женскій монастырь, въ которомъ хранится чудотворная икона; кромѣ монастыря есть здѣсь и православная церковь, въ которой тоже находится чудотворная икона; наконецъ, въ мѣстномъ костелѣ есть чтимая католиками чудотворная статуя Іисуса Христа. Такимъ образомъ, помимо торговыхъ, коммерческихъ цѣлей, м. Браиловъ является религіознымъ центромъ и не только для православнаго населенія, но и для католическаго. Проходя здѣсь по базару 29 іюня 1897 года, и прислушиваясь къ говору, я встрѣтилъ случайно своихъ знакомыхъ крестьянъ, пріѣхавшихъ изъ Ямпольскаго и Могилевскаго уѣздовъ, и притомъ тѣхъ именно крестьянъ, со словъ коихъ я дѣлалъ раньше свои записи, когда ѣздилъ по этимъ уѣздамъ. Прислушавшись къ ихъ разговору, прежде чѣмъ самому подойти къ нимъ, я отмѣтилъ одно довольно любопытное явленіе: я убѣдился, что они намѣренно, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ замѣтнымъ усиліемъ, стараются скрывать особенности своего мѣстнаго говора, нивеллируютъ эти особенности, подлаживаясь къ своимъ якобы болѣе культурнымъ собесѣдникамъ, чтобы не вызвать съ ихъ стороны насмѣшекъ. Такъ, напримѣръ, я явственно тогда замѣтилъ, что тотъ крестьянинъ, со словъ котораго я

дѣлалъ записи въ с. Бырлинцахъ Могилевскаго уѣзда, произносилъ «крыныця» вмѣсто: кірныця и керныця «бодай» (пусть) вмѣсто: богдай; между тѣмъ у себя въ деревнѣ говорилъ: керныця, богдай и т. д. Такимъ образомъ, я отмѣтилъ факты, свидѣтельствующіе о яркой дифференціаціи говора, при которой оттѣнки говоровъ даннаго села и даже цѣлой мѣстности могутъ исчезать, когда жителямъ даннаго села или данной мѣстности приходится попадать на базаръ или на ярмарку; вслѣдствіе этого и дѣлать записи въ этой обстановкѣ, а равно и діалектологическія наблюденія я считалъ, во 1-хъ, не соотвѣтствующимъ тѣмъ цѣлямъ, какія я намѣтилъ при отправленіи въ командировку, а затѣмъ немогущими имѣть научнаго значенія въ смыслѣ основаній для выводовъ. Правда, мнѣ пришлось въ эту мою поѣздку наблюдать насмѣшки надъ своеобразнымъ говоромъ крестьянъ села Копищъ Овруч. уѣзда, попавшихъ въ м. Олевскъ (55 верстъ); но эти особенности очень рельефны, а консерватизмъ этихъ крестьянъ очень силенъ, чтобы поддаться этой нивелировкѣ и не сохранить особенности говора, не боясь насмѣшки, которой по словамъ Гоголя всякій боится.

Кромѣ поставленныхъ задачъ я, ознакомившись съ трудами Чубинскаго и проштудировавъ находящуюся въ VII т. 453 — 512 статью: «Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи», заинтересованъ былъ тѣмъ, насколько группировка говоровъ, сдѣланная въ «Трудахъ» на основаніи матеріала, который собранъ былъ въ 1874 г., соотвѣтствуетъ современнымъ даннымъ. Формулируя между прочимъ результаты своихъ наблюденій, Чубинскій говоритъ слѣдующее: «Сопоставляя разныя мѣстныя топографическія особенности края, населеннаго Южно-руссами, съ древнѣйшими группами этого племени и современнымъ этнографическимъ его распредѣленіемъ, мы замѣчаемъ поразительную связь между характеристическими особенностями всѣхъ этихъ явленій. Горы и равнины, лѣса, степи и болота, бассейны рѣкъ, а также разныя переходныя мѣстности, какъ, напр., сплошныя волнообразныя возвышенности, широкія поля, усѣянныя лиственными дубровами, всегда болѣе или менѣе опредѣляютъ собою обиталище отдѣльнаго этнографическаго типа *со свойственными ему особенностями рѣчи*. Совпаденіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ явленій представляетъ собою въ высшей степени интересный

предметъ для изслѣдованія». [1]) Группируя затѣмъ южно-руссовъ по тремъ главнымъ типамъ, а именно: Украинцевъ, Полѣщуковъ и Русиновъ и устанавливая въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ гармоническое разнообразіе, тѣсно связанное притомъ съ топографическими особенностями разныхъ частей, труды Чубинскаго группируютъ по этимъ тремъ категоріямъ и діалектологическія особенности. Такимъ образомъ, территорія, намѣченная мною для изслѣдованія, населена частью типомъ Полѣщуковъ (весь Овручскій уѣздъ сѣверная полоса Житомірскаго уѣзда, сѣверная часть Новоградъ-Волынскаго уѣзда и большая часть Ровенскаго уѣзда) и частью Украинцевъ (Ковельскій и Луцкій уѣзды), и стало быть это была область нарѣчій Украинскаго и Полѣшскаго, если держаться теоріи «Трудовъ», или сѣверо-малорусскаго, если основываться на мнѣніи Соболевскаго. Имѣя въ виду эти данныя и установивъ для себя цѣли поѣздки я отправился въ путь 22 іюня и посѣтилъ слѣдующія мѣста: *С. Буцинъ, м. Камень-Каширскъ, Повурскъ и Чорнче* Ковельскаго уѣзда, *Градье* Луцкаго уѣзда, *с. с. Большой Житинъ, Стрѣльскъ, Люхче, Глушица, Сарны* Ровенскаго уѣзда, *Рокитно, Олевскъ, Юрову, Копище, Бэгунъ, Словечно, Можары, Левковичи* Овручскаго уѣзда. Остановившись затѣмъ въ Овручѣ, я рѣшилъ предпринимать отсюда поѣздки по радіусу въ разныя стороны, а именно: на сѣверо-востокъ въ *Людвиновку и Выступовичи;* на востокъ—въ *Ласки и Христиновку;* на юго-востокъ—въ *Каминовку и Ходаки* и на югъ по направленію къ Искорости въ село *Игнатополь и Васьковичи.* Однако, этотъ планъ я не могъ осуществить полностью, такъ какъ вслѣдствіе развившейся холерной эпидеміи въ юго-восточной части Овручскаго уѣзда и частью на окраинѣ восточной части этого уѣзда, а также вслѣдствіе враждебнаго отношенія суевѣрныхъ крестьянъ ко всѣмъ пріѣзжавшимъ изъ города «панамъ», о чемъ мнѣ сообщилъ непремѣнный членъ Овручской уѣздной Управы М. Г. Никитинъ, которому я обязанъ устройствомъ меня въ отношеніи къ безпрепятственному полученію земскихъ лошадей, ѣхать въ эти мѣста представлялось не только рискомъ, но не

---

1) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край. Юго-Западный Отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. VII, стр. 459.

обѣщало успѣха въ томъ дѣлѣ, ради котораго я предполагалъ туда поѣхать. Поэтому я успѣлъ побывать только въ Выступовичахъ и Людвиновкѣ, а также въ *Ласкахъ*; затѣмъ, отправившись въ Искорость, имѣлъ остановку въ с. Васьковичахъ. Послѣ дневного отдыха въ Искорости и обозрѣнія историческихъ достопримѣчательностей, я направился на югъ къ Житоміру. На пути къ Житоміру я останавливался на нѣсколько часовъ въ с. Могильно (верстахъ въ 8 отъ Искорости), расположенномъ на рубежѣ двухъ уѣздовъ Овручскаго и Житомірскаго, предполагая отмѣтить тѣ особенности говора, которыя позволятъ мнѣ оріентироваться въ выясненіи особенностей говора по уѣздамъ [1]).

Поѣздка по Полѣсью заняла время съ 22 іюня по 10 іюля, когда я прибылъ въ Житоміръ. Здѣсь мнѣ пришлось познакомиться съ нѣкоторыми изъ членовъ мѣстнаго «Общества изслѣдователей Волыни», которое существуетъ съ 1900 года и насчитываетъ до 200 членовъ. Записавшись въ члены общества и получивъ труды въ IV томахъ, я сталъ читать то, что имѣло ближайшее отношеніе къ цѣли моей поѣздки, при чемъ встрѣтилъ три статьи: 1) С. Бѣльскаго: С. Ковали Житомірскаго уѣзда, 2) В. Г. Кравченко: Свадьба въ селѣ Курозванахъ (т. I, стр. 1) и 3) П. А. Тутковскаго «Зональности ландшафтовъ и почвъ Волынской губ.» (т. II, стр. 142 — 163). Особенное вниманіе мое привлекла статья Кравченко, въ которой авторъ ея высказываетъ между прочимъ то, что онъ сохранилъ при записяхъ не только дословность діалоговъ лицъ, участвующихъ «на весіллі», дословность передачи пѣсни, но и слова разсказчика, дабы показать, что обрядовые діалоги и пѣсни, передаваясь изъ рода въ родъ, синтаксически и этимологически мало измѣнялись [2]). При этомъ по мнѣнію автора образцомъ новаго языка служитъ рѣчь разсказчика, а стараго—діалоги «весільных» и «іхні пісні». Не признавая между ними большой разницы, авторъ этой статьи, напечатанной еще въ 1902 году, констатируетъ усиливающееся съ каждымъ днемъ вліяніе внѣшняго міра на деревню и дѣлаетъ выводъ, что «говоръ народный въ близкомъ будущемъ долженъ измѣняться въ соотвѣтствующей прогрессіи» [3]). Неболь-

1) См. выше, стр. 70.

2) Труды «Общества изслѣдователей Волыни», т. I, стр. 119.

3) Ibid.

шое, но вполнѣ основательное предисловіе, обстоятельная запись обрядовъ, коими сопровождается свадьба, свидѣтельствуютъ, что статья принадлежитъ лицу опытному въ дѣлѣ записей народныхъ произведеній и не съ внѣшней, только технической его стороны, а и съ внутренней; кромѣ того авторъ статьи обнаруживаетъ не только интересъ къ этнографіи, но, что особенно важно и рѣдко, къ діалектологіи. Мое личное знакомство съ авторомъ ея, къ чему меня побуждали положительныя качества статьи, открыло мнѣ цѣлую огромную сокровищницу народныхъ произведеній, собранныхъ В. Г. Кравченко въ разныхъ мѣстахъ Украины, и въ особенности въ Волынской губерніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснило, что въ лицѣ его я вижу того сотрудника Гринченко, подъ редакціей коего были изданы матеріалы народныхъ произведеній, среди которыхъ не мало записано В. Г. Кравченко. Состоя чиновникомъ акцизнаго вѣдомства, г. Кравченко, объѣзжалъ села и деревни, по обязанностямъ службы; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проживалъ болѣе или менѣе продолжительное время. Результатомъ этого были обширныя по объему и цѣнныя по качеству записи. Пользуясь любезностью г. Кравченко, я разсматривалъ этотъ матеріалъ, котораго хватитъ на 20 печатныхъ листовъ. Матеріалъ этотъ охватываетъ всѣ стороны быта Украины во всемъ ея разнообразіи, и по моему мнѣнію заслуживаетъ того, чтобы возможно скорѣе его напечатать. Къ сожалѣнію Общество изслѣдователей Волыни печатаетъ въ своихъ «Трудахъ» не только статьи по этнографіи и діалектологіи, но по геологіи, экономическимъ вопросамъ, и при этомъ порядкѣ печатанія статей въ связи съ отсутствіемъ средствъ, коимъ страдаетъ большинство нашихъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ, печатаніе матеріаловъ, собранныхъ В. Г. Кравченко, можетъ затянуться на много лѣтъ. Поэтому было бы справедливой наградой для труженика, безкорыстно занимающагося этнографіей и діалектологіей, а равно и законнымъ поощреніемъ его труда отпустить со стороны Академіи Наукъ необходимую сумму для напечатанія этихъ матеріаловъ или же напечатать ихъ возможно скорѣе въ изданіяхъ Академіи Наукъ, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ будутъ удовлетворены запросы науки, могущей строить выводы лишь только на надлежащемъ матеріалѣ, который въ данномъ случаѣ тѣмъ цѣннѣе, что собиранье его требуетъ умѣнія, опытности и притомъ соединяется съ

большими трудностями. Не вдаваясь въ оцѣнку матеріаловъ, собранныхъ В. Г. Кравченко, прилагаю при семъ оттискъ части ихъ, печатаемыхъ въ «Трудахъ» Общества, для сужденія о томъ, насколько высказанное мною предположеніе о напечатаніи ихъ заслуживаетъ удовлетворенія въ той или иной мѣрѣ и степени. Третья статья мѣстнаго геолога П. А. Тутковскаго [1]) обратила мое вниманіе потому, что въ ней, несмотря на ея спеціальный характеръ, выражена мысль о связи между характеромъ почвы, ея геологическимъ строеніемъ и особенностями языка; эту мысль авторъ категорически высказываетъ относительно одной изъ частей Волынской губ., именно области зоналессоваго ландшафта. О другихъ онъ дѣлаетъ предположеніе. Наконецъ статья Бѣльскаго «С. Ковали, Житомірскаго уѣзда» [2]) даетъ вполнѣ добросовѣстное и подробное описаніе этой деревушки, интересное подробностями этнографическаго характера, а также діалектологическими особенностями народнаго говора даннаго села. Поѣздкой въ Житоміръ и пребываніемъ тамъ я рѣшилъ закончить свое путешествіе въ виду обилія собраннаго матеріала и необходимости сгруппировать его, привести въ порядокъ, а затѣмъ въ виду приближавшагося (7-го августа) начала учебныхъ занятій во ввѣренной мнѣ четвертой женской гимназіи и необходимости подготовить все къ этому началу. Такимъ образомъ, я не выполнилъ только заключительной части своего путешествія, именно отъ Житоміра до Костополя въ указанномъ мною выше направленіи [3]), хотя эта поѣздка, въ виду обширности намѣченнаго мною района, представлявшаяся крайне желательной, и не вошла въ кругъ мѣстности для *обязательнаго* посѣщенія въ это лѣто. Кромѣ того я не посѣтилъ восточной окраины Овручскаго уѣзда и юго-восточной его части [4]). Но, благодаря любезности В. Г. Кравченко, я получилъ матеріалы, характеризующіе говоры этихъ мѣстностей; вслѣдствіе этого въ отношеніи посѣщенія района намѣченной мною территоріи могу считать свой планъ въ общемъ выполненнымъ. Поѣздка же отъ Житоміра до

---

1) Зональность ландшафтовъ и почвъ Волынской губ. Труды «Общества изслѣдователей Волыни» т. II, 1910 г. ст. 143—168.

2) «Труды», т. II, 1911, стр. 1—41.

3) См. выше стр. 69.

4) Ibid.

Костополя, посѣщеніе Владиміръ-Волынскаго уѣзда и нѣкоторыхъ частей Ровенскаго, Ковельскаго и Луцкаго уѣздовъ въ цѣляхъ собиранія матеріала, необходимаго для полноты выводовъ предположеннаго мною изслѣдованія «О народныхъ говорахъ Волынскаго полѣсья», я отложилъ для предстоящаго лѣта, если только не будутъ служить помѣхой тому мои служебныя обязанности.

Приступая къ обзору собраннаго мною матеріала, нахожу не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какихъ техническихъ пріемовъ я держался при собираніи матеріала. Имѣя въ виду соблюсти строгую точность при записываніи, я поступалъ такимъ образомъ: записанное въ извѣстномъ селѣ или деревнѣ я возстановлялъ, переписывая по вечерамъ то, что было мною записано днемъ. Такимъ путемъ я старался избѣжать могущаго быть смѣшенія звуковыхъ особенностей говора одной деревни съ особенностями другой, такъ какъ все, что записывалось въ извѣстномъ мѣстѣ, закрѣплялось непосредственно сейчасъ же со всею точностью посредствомъ переписки.

Переходя къ обзору собраннаго мною матеріала, я долженъ сказать, что первая изъ поставленныхъ мною цѣлей-собираніе и запись матеріаловъ выполнена мною съ нѣкоторой долей успѣха. Подведенный мною итогъ поѣздки выразился въ слѣдующихъ результатахъ.

1) Въ с. Буцинѣ мною записано 29 пѣсенъ, три похоронныхъ причитанья и одинъ разсказъ.

2) въ м. Камень-Коширскѣ 16 пѣсенъ и 3 разсказа.

3) въ с. Градьѣ 4 пѣсни, похоронные обычаи и примѣты.

4) въ с. Чорнче 16 пѣсенъ.

5) въ с. Рокитно-описаніе праздника Купалы, свадебныхъ обрядовъ и нѣсколько пѣсенъ.

6) въ с. Копищахъ 22 пѣсни, четыре причитанья, и описаніе свадебнаго обряда съ пѣснями.

7) въ м. Словечно 6 пѣсенъ, одинъ разсказъ и похоронныя причитанья.

8) въ с. Ласкахъ 7 пѣсенъ.

9) въ с. Выступовичахъ одна пѣсня.

Кромѣ того записано не мало разговоровъ, веденныхъ мною съ крестьянами тамъ, гдѣ записаны пѣсни и разсказы, а равно и тамъ, гдѣ записать пѣсенъ не представилось возможности. Такіе разговоры записаны мною въ с. Стрѣльскѣ (Ровенскаго уѣзда) и на пути въ с. Стрѣльскъ (между Сарнами и д. Глущицей), въ с. Сарнахъ, въ м. Олевскѣ, въ небольшомъ поселкѣ около села Копищъ (верстахъ въ 7 на пути изъ Юровой въ Копище), въ Воробьевыхъ корчмахъ (на пути изъ с. Копищъ въ м. Словечно), въ с. Антоновичахъ и с. Бэгунь (вблизи м. Словечно), въ с. Васьковичахъ, въ с. Бэхахъ и въ с. Могильно (на югъ отъ Искорости 8 вер.) и въ м. Искорости. Наконецъ, проѣзжая и черезъ другія, кромѣ перечисленныхъ выше селъ, я дѣлалъ бѣглыя замѣтки каждый разъ въ томъ случаѣ, когда разговоръ, слушателемъ коего я былъ, представлялъ какую-нибудь особенность, важную для характеристики говора вообще, и интересную для данной мѣстности въ особенности.

Всѣ поименованныя выше записи пѣсенъ и разсказовъ дѣлаемы были преимущественно со словъ лицъ неграмотныхъ, на произношеніи коихъ не могло отразиться вліяніе книжнаго языка и книжной ороографіи. Въ случаѣ смѣшаннаго состава лицъ, пѣвшихъ мнѣ пѣсни, я обращалъ вниманіе на говоръ лицъ старшаго возраста и притомъ, если и было различіе въ произношеніи, я его отмѣчалъ [1]), полагая въ основаніе записей именно то произношеніе, какое я наблюдалъ у неграмотныхъ и пожилыхъ поселянъ.

Выясненіе особенностей современныхъ народныхъ говоровъ Волынскаго Полѣсья я постараюсь сдѣлать на основаніи собраннаго матеріала лишь въ общихъ и главныхъ чертахъ, при чемъ собранный мною матеріалъ можетъ быть подраздѣленъ на двѣ группы, а именно: основаніе для сужденія о говорахъ первой, или западной части посѣщенной мною территоріи даютъ записи и замѣтки, сдѣланныя мною въ сс. Бушинѣ, Повурскѣ, Градьѣ, Чориче, м. Камень-Коширскѣ и с. Рокитно (крайній пунктъ на востокѣ этой части); основаніе для характеристики говоровъ второй или восточной части даютъ записи и замѣтки, сдѣланныя мною главнымъ образомъ въ с. Копищахъ, м. Словечно, сс. Выступовичахъ,

---

1) См. ниже (с. Копище) стр. 29 и 32.

Ласкахъ, Васьковичахъ, м. Олевскѣ, с. Могильно. Устанавливая эту группировку матеріала примѣнительно къ особенностямъ говоровъ, я имѣлъ въ виду различіе въ произношеніи дифтонговъ или тѣхъ звуковъ, которые ихъ вытѣснили и продолжаютъ вытѣснять въ настоящее время, затѣмъ особенности, связанныя съ лабіализаціей и палатализаціей, и наконецъ тѣ черты бѣлорусскаго нарѣчія, которыя получили свое выраженіе въ той или иной мѣрѣ и степени. Такая группировка однако въ своемъ значеніи ограничивается лишь только посѣщенной мною территоріей, которая не включаетъ въ себя *всего* Волынскаго Полѣсья; поэтому при собираніи мною новыхъ данныхъ, касающихся Волынскаго Полѣсья, возможны и допустимы измѣненія въ установленной мною группировкѣ, которую я не считаю неизмѣнной, постоянной и обязательной.

Для образца привожу нѣсколько пѣсенъ, характеризующихъ говоръ западной части посѣщенной мною территоріи.

М. Камень-Комирска.

1\. За горо́ю, за круто́ю тамъ я жу́рбойку журу́,
Ныхто го́рушкіе ны знае, якъ я зъ мылымъ ростаюсь.
Моя мыла дорогая, въ насъ розлу́ка тяжка.
Розлучыла насъ зъ тобою чужа-дальня сторона̀.
Засьвычу я ясну сьвычу ныхай го́рыть хоть до дня.
Горы, горы ясна сьвыча, горы, ны згашай
Ты жъ мый мылый, чорнобрывый, ко мні въ госцы прыйіждѧжай.
Ны прыйіду, моя мыла, бо въ ныво́люшкі сыджу.
За стыно̀ю камынно́ю, за рішоткой дротяною.
Я въ ныволюшку попавса зъ своей ду́рной голово́ю.

2\. Двсь нашъ сынъ забаре́вся
Зъ кімъ бо вынъ подаре́вся
Вызэ сынъ пода́рочкіе
Зъ білыйі кіта́ечкіе
Одъ свойі кохано̀чкіе.

Въ селѣ Градьѣ.

1. Нашъ панъ домуйе, домуйе [1])
Жэнчыкамъ вычэройку готуйе.
Курыца [2]) дорожка, курыца
Нашъ паночко журыца,
Шо трэба коныка продаты,
Жэнчыкамъ горылочкі даты.
Крэсалэ сэрпочкіе крэсалэ,
Покы (и покэ) жыточка дожалы,
А тыпэръ ны будуть крэсаты,
Будуть у коморэ лэжаты.

Въ селѣ Буцинѣ.

1. Въ чіестому полю на кльонку
Высыть колысочка на шоуку.
А у тый колысці дытына
Молодэсынькій Гаврылко.
Колышыіте мынэ высоко,
Щобъ я зобачыівъ далэко.
Ой дэ дівчына гуляе,
Густэ жіетычко зжынае.
Повій вітрэйку йізъ дубка
На хорошого парубка,
Повій вітрэйку зъ лыщынніэ
До хорошыійі дівчыныіэ.
2 Наша кгоспося у дома,
Намъ вычэройка (и вычэронька) готова.
А якъ ны будэ готова,
Ны ночоватымыіэ у дома,
Ночоватымыіэ у лісыіэ,
Якъ ластувойка у стрыісыіэ,

1) Домуйе—т. е. сидитъ дома.
2) Курится, на ней поднимаются столбы пыли.

Ночуватымэ у полы̂э
Пры зылэныйкій дубровы̂э.

Въ селѣ Рокитно.

1. На Купала огóнь гóрыть,
Купайло лэліе вэчоріе
Чырызъ буръ залэнэнькій
Кунь бэжы́ть воронэ́нькій,
А жъ нэ самъ бо бэжы́ть,
На нюмъ Даны́лко сэды́ть.
Пэрэймы́ На́стэ коня воронóго
Да й мынэ молодóго.

2. Повій віетру въ нашу сьвэтю́лку!
Въ нашой сьвэтлы́цы хорóшіие короваййныці
Зъ ручэнькамы біелэнькі́мы,
Зъ пэрснями золотэнькімы.

3. Сыдыть гóлубъ на дубóчку жалі́бно воркýе,
Сыдыть дівча пудъ хáтою гóрынько горýе.
— «Цы бызъ щáсця вроды́ласа, що бызъ долъі гыну,
Цы такейі кумэ бралы̂э, щасця-долы мні ны далы̂э;
Цы ты мынэ, моя маты, у цэркву ны носыла,
Що ты мыні молодэ́нькі долъі ны впросы́ла.—
— «А я у цэркву носыла—Богу молы́лася,
Такà жъ тобі, моя доню, доля суды́лася».
— «Цы ты мынэ, мáты̂э, та тогді [1]) прокляла,
Якъ ты мынэ малэ́нькіею у кýпэлю купáла».
— «Ой ны кляла, моя доню, ны кляла никóлы̂э,
Тыко [2]) йідэ́нъ разъ сказала: щобъ ны мáла дóлы̂э».
— «Защо було, защó мáтыэ, такъ тяжко вклы́натыэ?
Лінщэй було, моя матыэ, на світъ ны пускáты̂э;

1) Двойниковыя формы: при «тогді» говорится и «тоді».
2) Тыко = только.

Лі́пшэй було, моя матыэ, въ ку̂пылі втопы̂тыэ,
Нымъ я маю ныщаслыва на сьвы̂тоньку жэтыэ».
— «Ны плачъ, ны плачъ, моя доню, сльозо́къ
ны розлы̂вай.
Щэты на сьвытъ ны родылась, якъ Бытъ долю да́въ.

На основаніи этихъ пѣсенъ, а также и другихъ записанныхъ мною словъ, выраженій и замѣтокъ можно свести особенности этой группы говоровъ къ слѣдующимъ:

1. Отсутствіе слѣдовъ вліянія бѣлорусскихъ говоровъ, какъ въ фонетикѣ, такъ и морфологіи. Исключеніе представляетъ одинъ случай аканья: пшані́ца (с. Буцинъ); нѣсколько случаевъ цеканья: *«цы»* на мѣстѣ *чи*, напр.: цы бызъ щасця вроды̂ласа (м. Камень-Коширскъ).

2. Особенности, характеризующія по мнѣнію А. И. Соболевскаго сѣверно-малорусскіе говоры, наблюдаются здѣсь прежде всего въ появленіи слѣдующихъ дифтонговъ при произношеніи, а именно:

а) *іе* (на мѣстѣ і), напр. въ чіестому полю, жіетычко (с. Буцинъ и с. Повурскъ); йіэдьты = ѣдьте (д. Глушица вблизи Сарнъ); пода́рочкіе, кітаечкіе (м. Камень-Коширскъ).

б) *іе* (на мѣстѣ і изъ ѣ), напр. віетру, біелэнькій (с. Рокитно); чоловіек (с. Стрѣльскъ); однако при этихъ формахъ есть и такія: вітрэйко (с. Буцинъ).

в) *у̂*, *у̂о*, *у̂э*, напр. бу̂льшъ (и бу̂эльшъ), ву̂нъ (с. Сарны); бу̂ръ (= боръ), му̂е, куха́нэ, спудны̂цу (с. Рокитно); дру̂бный (с. Буцынъ); ту̂олькі (с. Чорнче).

г) дифтонгическія сочетанія *ые:* у лысыэ, у по́лыэ, у стры́сыэ, ны ночоватымыэ и ночоватымъэ (въ с. Буцинѣ), до дівчы̂эны (м. Камень-Коширскъ).

д) бэ̀къ и бъэ̀къ = быкъ (с. Люхче, на сѣверъ отъ Сарнъ и село Стрѣльскъ).

Относительно всѣхъ этихъ особенностей нужно замѣтить, что вполнѣ опредѣленную огласовку въ произношеніи получаютъ дифтонги *іэ* и *іэ,* менѣе опредѣленную и притомъ рѣже встрѣчаются уо, уэ; эти послѣдніе

(уо, уэ, юо) употребляются чаще въ стянутомъ видѣ съ отчетливымъ вполнѣ характеромъ стяженія ихъ и кромѣ того съ длительнымъ характеромъ того гласнаго звука, который явился результатомъ стяженія, какъ напримѣръ: муй, буръ, дальбугъ [1]), запрюгъ, бульшъ, вунъ (с. Сарны, с. Буцинъ, с. Повурскъ) и др.

При произношеніи этихъ дифтонговъ наблюдается та особенность, что въ дифтонгахъ *іе*, *іэ* преобладаетъ вторая часть въ болѣе значительномъ количествѣ случаевъ, чѣмъ первая, а въ дифтонгахъ уо, уэ— первая; двойниковыя формы въ произношеніи дифтонговъ наблюдаются только въ дифтонгахъ *уо, уэ,* когда при стянутыхъ формахъ встрѣчаются и нестянутыя при *бульшь-буэльшъ* и *буольшъ;* при тулькі-туолькі и туэлькі.

3. На мѣстѣ А ударяемаго съ предыдущей мягкостью согласнаго въ произношеніи слышится е и іе, напр., мнѐсо, гарѐчый, сэрьмѐга (с. Буцинъ, Повурскъ, м. Кашовка); есть и сермьега.

4. На мѣстѣ И ударяемаго встрѣчаются въ произношеніи Э, напр. ходэ̀ты, носэты, косэты, забарэвся, подарэвся, (сс. Камень-Каширскъ, с. Буцинъ, Стрѣльскъ, Сарны), жнэся (= жнись) с. Буцинъ.

5. Звукъ О представляетъ ту особенность, что замѣстителемъ его подъ удареніемъ является *у*, напримѣръ: вулъ, кунь; этого же замѣстителя мы встрѣчаемъ и въ слогахъ безударныхъ, напримѣръ: купува̀ты. Наконецъ замѣстителемъ О — безударнаго является Э и ЫЭ въ оконч. 1 л. множеств. числа: ночова̀тымэ, и ночова̀тымыэ.

6. Звуки И и Е—безударные чередуются другъ съ другомъ, напр.: тыпэръ и тэпэръ, молодэсынькій и молодэсэнькій и др. Въ заключеніе замѣчаній о произношеніи гласныхъ слѣдуетъ замѣтить, что характерную особенность говоровъ этой группы составляетъ звукъ *і*, который въ большинствѣ случаевъ является широкимъ и открытымъ, соотвѣтствуя литературному Ы.

---

1) Форма божбы, употребляющаяся въ другихъ говорахъ, какъ «дальбі» и дальбігъ (= польск. dalibug).

7. Твердость согласныхъ звуковъ, характеризующая сѣверно-малорусскіе говоры, здѣсь представляетъ особенности, выражающіяся въ разнообразіи ихъ произношенія; болѣе послѣдовательно выраженную твердость можно наблюдать лишь при произношеніи губныхъ *б* и *п*, напр.: збэруця, сыпэваютъ (с. Градье, с. Повурскъ), обылылюся (с. Камень-Коширскъ). Эти примѣры типичны, какъ указывающія на твердость отмѣченныхъ губныхъ въ произношеніи; однако при твердости ихъ можно указать также и случаи умягчительности, хотя и очень рѣдкіе, напр.: бíгты (= бѣжать).

8. Что касается другихъ согласныхъ, то нѣкотораго вниманія заслуживаютъ *р* и *л*.

Переднеязычный голосовой звукъ, дрожащій *р* бываетъ то твердымъ, какъ напримѣръ: радо̂къ, запрагàты (с. Буцинъ, с. Повурскъ и др), то среднимъ по мягкости, какъ напримѣръ, гръ̀íзла (с. Рокитно), горъ̀íлочка (с. Градье); по рэндо̂чку, то мягкимъ, какъ напримѣръ: за рішо̂ткой (с. Камень-Коширскъ), тріѐ года (с. Буцинъ и др.).

9. Нѣкоторую аналогію съ звукомъ *р*, представляетъ небно-зубной, голосовой отчасти дрожащій *Л*, являющійся то твердымъ, какъ напр. пошлѐ (= пошлі, посылать) щаслы̀вый; то мягкимъ, напр.. стылючѐ.

10. Задненебный Г представляетъ ту особенность, что является въ произношеніи не только длительнымъ, фрикативнымъ, но иногда и мгновеннымъ, напримѣръ, кгоспо̂даръ, кгоспо̂ся (с. Буцинъ, с. Повурскъ); такихъ случаевъ не много.

11. Отсутствуетъ по мѣстамъ смягченіе *д* въ *дж* и въ *ж*. Въ с. Рокитно говорятъ: ходю; тоже наблюдается и въ с. Градьѣ.

12. Форма *3 л. ед. ч.* СА чередуется съ СЯ; въ восточной части этой половины территоріи СА и ЦА; въ Рокитно и Градьѣ говорятъ: налываѝеца, збэрáюца, осталáса, хотя въ Рокитно встрѣчаются случаи съ СЯ, напримѣръ: остало̂ся. Въ Буцинѣ и Камень-Коширскѣ преобладаетъ формы на *ся*.

13. На мѣстѣ общерусскаго *ье* въ имен.-винит. ед. ч. средн. рода встрѣчается *е* съ удвоеніемъ предыдущаго согласнаго звука, такъ и *я*, напримѣръ: вэсíлле и весíлля (с. Рокитно).

14. Особенность въ образованіи существительныхъ уменьшительныхъ, состоящая въ томъ, что суффиксъ ОНЬК замѣняется суффиксомъ ОЙК. Эту особенность приходится наблюдать особенно въ Буцинѣ, Камень-Коширскѣ, напримѣръ: жу́рбойка, вычэройка и др.

15. Окончаніе *3 л. ед. числа* наст. врем. имѣетъ суффиксъ ТЬ, напримѣръ: сыдыть (м. Камено-Коширскъ), вы́сыть (с. Буцинъ).

16. Окончаніе 1 л. множеств. числа МО чередуется съ МЪ, напримѣръ: пожнэмо и пожнэмъ (сс. Буцинъ, Камень-Коширскъ, Большой Жытынъ и др.).

Переходя къ описанію говоровъ восточной половины посѣщенной мною территоріи, необходимо замѣтить, что въ настоящее время нѣкоторые виды той группировки (по волостямъ), какая сдѣлана А. И. Соболевскимъ, должны быть признаны не существующими, такъ какъ, напримѣръ, ни Ласковской, ни Людвиновской волости теперь нѣтъ. Кромѣ того въ сравненіи съ тѣми особенностями, какія приведены въ «Очеркахъ» А. И. Соболевскаго, произошли нѣкоторыя измѣненія въ говорахъ. Самыми характерными для говоровъ этой половины посѣщенной мною территоріи являются записи, сдѣланныя мною въ с. Копищахъ (2 версты отъ границы Минской губ.), а затѣмъ записи и замѣтки, сдѣланныя въ м. Словечно и въ сс. Выступовичахъ и Ласкахъ.

Вотъ нѣкоторые образцы пѣсенъ, записанныя въ селѣ Копищахъ.

Изъ свадебныхъ пѣсень.

а) Де тая ма́ці?
Пара завіва́ці,
Кого намъ пасла́ці,
Завіва́ла узя́ці.

б) Су́ньтеса, подоля́ночкі,
Съ по́куці да на ла́вочкі
Нехай ся́дзе літвінъ
Да зъ своею літвінкою (ліцвінкою)
Зъ лю́бою розмо́вкою.

в) Не стóйце далéко,
Приступíть (приступите) блізéнько,
То мы бýдемъ знáці,
Кого частувáці.

г) Ой браце!
Вядѐ молодỳ рано ранюсенько.
Віедучъі тай пытае рано ранюсенько.
Ой кого зъ кімъ розлучъіці.
Хто тобі, сістрò, мілѐй увсіхъ.

д) Скупы́, скупы́, свáту!
Поранку ходзілі,
Шелягі (= деньги) збералі.

е) Німа гіршъ нікому,
Кому якъ сіротіночкіе.
Да ніхто не прыгóрне
Пры ліхой годзіночкіе.
Не прыгóрне óцецъ,
Не прыгóрне мáці,
Тулькі тóй прыігóрне
Хто думáе вяаці.

Въ м. Словечно.

Зашумі̀ела ліщы́нонька,
Заплáкала дівчынонька,
Заплáкала, затужі̀ела,
Нема того, шо любы́ла.
Німа того, дай не бýде
Розрáділі мэне люде,
Розраділі, розсуділі,
Шубъ (щобъ) мы ý паре ні ходілі.

Въ селѣ Копи́щахъ.

1. Пу надъ горóдомъ, пу надъ клѣткóю
Каліна мóя чъірвóная ягóда.

Тамъ ходзіла сьлѐчная панна,
Ходзіла й каліну щіпала,
Каліну щіпала, къ лічку рувня́ла,
Къ лічку рувняла маці путáла (= спрашивала):
«Матухно моя! кóбъ (= еслибъ) я такая,
Єкъ каліна сяя — чъірвоная радосьць,
Той бы я вýшла за двораніна
Дворáне хорошэ ходяць—дзіла ні робляць,
За дворанінемъ добрэ жыты і дзіла ні робіті.

2. У садóчку да пробыла нóжэчку на дрозóчку,
Бы̀лалы̀ть моя ножэчка бóльно.
Любывъ барынъ дѐушку да ны доўго.
Ні па доўго врéмечко, на часочокъ,
Да поїхавъ Йіванюша ў городóчокъ.
За німъ дзѐушка у слієдóчокъ.
Бѐгла бегла дзеушка ні дагнáла,
Сѐла пудъ вышнэю аддыхáла,
Легла пудъ вышнэю тай заснула.
Прыїхавъ Йіванюша да ны чýла.
Гоїі, гоїі [1]) спаты дзѐушко, пробудіса,
На мою колясочку подівы́ся,
Мóя колясушка ні простая,
Моя старонушка дальокáя.

Въ селѣ Ласкахъ.

Изъ свадебныхъ.

1. Помолы́вшэся Богу
Єдъ (поѣзжай) сы́нку ў дорогу.
Да у дорогу щаслы́ву,
Да по мы́луй (= за милой) чорнобрыву.

2. Закієдáй, мамко, тріѐскі,
Сподывайся, мамо, нывієсткі.

---

1) = Годі, достаточно.

Єкъ (и якъ) діежу ты мэсы́ла, той мэсы̀;
Єкъ хату мыла̀ (подметала), той мэты̀;
Ту̑лькі тая слава, що нэві̀естькі (и нывіестькі) дужда́ла.

3. А крывого таньца̀
Да нэ вы́віедэю конца̀,
Хучъ вы́віедомъ конэ́цъ,
То на батэнькоў дворэцъ.

Относительно этой группы говоровъ слѣдуетъ сказать, что замѣтно вліяніе бѣлорусскихъ говоровъ особенно въ Копищахъ и отчасти въ Выступовичахъ и Людвиновкѣ. Въ с. Выступовичахъ мнѣ приходилось слышать разсказъ старенькаго священника о. Томиловскаго, который прослужилъ 50 лѣтъ въ должности псаломщика, а затѣмъ 15 лѣтъ въ должности священника въ этомъ селѣ. Онъ сообщилъ, что прежде крестьяне говорили очень плохо («такъ якъ ліцвіны») «дзікалы и цікалы», а теперь говоръ ихъ значительно лучше. Если принять во вниманіе, что здѣсь въ церкви находится чудотворная икона, въ честь коей бываютъ особые празднества («отпусты»), собирающіе много народу, то съ полною достовѣрностью надо предположить дифференціацію говора, подвергавшагося систематической нивеллировкѣ, при которой важнымъ обстоятельствомъ слѣдуетъ считать то, что на богомолье приходили и приходятъ главнымъ образомъ съ юга, а не съ сѣвера.

Особенности бѣлорусскихъ говоровъ, которыя наблюдаются въ говорахъ этой части посѣщенной мною территоріи, можно отмѣтить слѣдующія:

а) мягкія *д* и *т* передъ гласными въ концѣ словъ и передъ В произносятся какъ ДЗ и Ц, напримѣръ: поцірала, гдзѐ, плакаць, завіваць и др. (с. Копище, Воробьевы корчмы), при чемъ формы съ Ц (цеканье) встрѣчаются въ большемъ количествѣ, чѣмъ особенность, состоящая въ произношеніи ДЗ на мѣстѣ мягкаго Д. Наиболѣе ярко и полно эти особенности можно наблюдать въ говорѣ с. Копищъ. Что касается остальныхъ мѣстъ (сс. Выступовичи, Людвиновка, Ласки, м. Словечно), то здѣсь почти нѣтъ этихъ особенностей, говорю *почти*, потому что только

въ Выступовичахъ и въ Ласкахъ мнѣ пришлось отмѣтить нѣсколько случаевъ цеканья: робіць, ціб́е. Говоря о цеканьи́,-надо прибавить, что въ произношеніи можно наблюдать двойниковыя формы: поціpала и потірала; робіць и робіть. Наконецъ, любопытное явленіе представляетъ эта особенность, если ее наблюдать въ обычномъ разговорѣ и наблюдать, когда поются пѣсни: въ послѣднемъ случаѣ эти особенности выражаются болѣе послѣдовательно и систематически постоянно; между тѣмъ въ разговорѣ эти особенности наблюдаются, во-первыхъ, въ значительно меньшемъ количествѣ, а затѣмъ, ихъ нѣтъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ приходится наблюдать при пѣніи пѣсенъ, напримѣръ: ходіті, гомоніті и др.

б) *У* неударяемое приближается въ произношеніи къ *В*, а въ свою очередь *в* передъ согласными и въ концѣ словъ произносится какъ *у*, напримѣръ: дѐўка, ўей, якоў, ўзяці (с. Копище), ба́тэнькоў (с. Ласки), воронэнькоў (м. Словечно).

в) Встрѣчаются случаи появленія ў (неслогового) на мѣстѣ *Л* въ серединѣ словъ и въ концѣ формъ прошедшаго времени, причемъ ў образуетъ вмѣстѣ съ предшествующими гласными одинъ звукъ — дифтонгъ, напримѣръ, доўго, уѣхаў, зваліў, воᵃўкі (с. Копище, Воробьевы корчмы).

г) *Аканье* выражается въ произношеніи сравнительно въ небольшомъ числѣ случаевъ, напримѣръ: калібъ, шаўко́венькой, ня твой и под. (с. Копище); въ большинствѣ же случаевъ приходится наблюдать неполное аканье, особенно при произношеніи звука О, который является склоннымъ къ А, при чемъ О получаетъ преобладающее значеніе въ произношеніи и опредѣленную огласовку; вслѣдствіе этого я бы назвалъ это *полуаканьемъ;* примѣры: воᵃукі, оᵃста́ліся, при доᵃліні (с. Копище и др.); почти тоже можно сказать о тѣхъ случаяхъ, когда бы мы ожидали появленія *а* съ предыдущей мягкостью на мѣстѣ *Е*, напр. неᵃ твой, веᵃдѐ и др.

д) Р представляетъ разнообразіе въ произношеніи, являясь то твердымъ, какъ напримѣръ: зъ го́ра, то мягкимъ вполнѣ, какъ, напримѣръ: угріба́йся (обгоняй мухъ), ў мо́рі, зарізалі (с. Копище).

II. Параллельно съ этими особенностями бѣлорускихъ говоровъ слѣдуетъ отмѣтить дифтонги:

а) *іе* 1) на мѣстѣ Ѣ, напримѣръ: зашуміела (м. Словечно), нывіесткі, діежу̀ (с. Ласки), поміещъіків (с. Копище); 2) на мѣстѣ Е и И, напр., тріескі, закіедай (село Ласки), затужіела (м. Словечно), щіе не відно, сціежка (с. Копище).

б) УО, напримѣръ: ву̑она, хорошу̑ой (с. Копище), пу̑огляды́ (село Ласки), ку̑осны́чкі (коснычкі) с. Ласки и др., ву̑олъ, ку̑онь, а чаще: кунь и вулъ.

в) УЭ, напримѣръ: куэпъ (= копа—копъ).

г) ОУ напримѣръ: Боугъ (с. Гуныча изъ матеріаловъ В. Г. Кравченко), позоу̑ба́лі = поклевали (с. Копище).

д) ЫЭ напримѣръ: бы̑элыть = болитъ (с. Копище).

Изъ перечисленныхъ мною дифтонговъ преобладающими являются дифтонги *уо, уэ;* при произношеніи этихъ послѣднихъ сонантомъ дифтонга является первая часть, которая, удлиняясь при произношеніи, является иногда замѣстителемъ самаго дифтонга; поэтому гдѣ можно было бы ожидать сочетаній УО, УЭ, УЙ, иногда слышится У, т. е. наблюдается стяженіе дифтонга, и слова съ дифтонгами чередуются со словами безъ дифтонговъ. Это чередованіе возможно было наблюдать въ с. Ласкахъ, въ с. Раковщинѣ (вблизи с. Ласокъ), а также въ сс. Копищахъ и Выступовичахъ; такъ при формѣ: *муой* встрѣчаемъ: *муй;* куонъ—кунь, вуолъ—вулъ и т. д. Равнымъ образомъ и въ дифтонгѣ *іе* при произношеніи сонантомъ дифтонга является первая часть съ такой же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, тенденціей къ стяженію дифтонга, результатомъ коей являются двойниковыя формы, т. е. стянутыя и нестяТутыя, а именно: поміещъіківъ и поміщъіківъ, діежа̀ и діжа и др. Тенденція къ стяженію этихъ дифтонговъ наблюдается особенно въ говорѣ сс. Копищъ, Выступовичъ и м. Словечно (въ послѣднемъ въ особенности); что въ этомъ слѣдуетъ видѣть процессъ, въ результатѣ коего можно предвидѣть исчезновеніе дифтонговъ, доказательствомъ сему служитъ тотъ фактъ, что одни и тѣ же слова неодинаково звучатъ въ произношеніи лицъ разнаго возраста, хотя и одного и того же села. Такіе примѣры дало мнѣ наблюденіе надъ говоромъ села Копищъ; при пѣніи пѣсни, въ коей встрѣтилось слово: позоу̑ба́лі, я предлагалъ произносить его молодымъ парнямъ и дѣвушкамъ, и въ ихъ произношеніи

неслогового гласнаго почти не было слышно, при чемъ удлинялась первая часть дифтонга (сонантъ), между тѣмъ въ произношеніи стариковъ и пожилыхъ дифтонгъ получалъ свою вполнѣ опредѣленную артикуляцію.

III. Появленіе въ произношеніи У въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) на мѣстѣ Ы (*и*), напримѣръ: букъ (= быкъ), вўпіті (= выпить), зьвуткіль (откуда), скрўзь и скрўозь (с. Копище), Пумінъ = Пименъ (м. Словечно), вусо́ка = высока (с. Копищи, Выступовичи), мўло = мыло (тамъ же).

б) на мѣстѣ *і* (изъ ѣ), напримѣръ: вўнчанне = вѣнчанье (село Копище).

в) на мѣстѣ *е* безударнаго, напримѣръ: вѐчуръ.

г) на мѣстѣ *о* — ударнаго, напримѣръ: згўнъ [1]), дорўжка, брўдъ (= бродъ — итти въ бродъ) (сс. Копище, Воробьевы).

д) на мѣстѣ *о* съ предыдущей мягкостью (южно-малор. Э), напримѣръ: бірўзка (с. Копище), людъ = лёдъ (м. Словечно).

е) на мѣстѣ *о* ударнаго въ началѣ слова, при чемъ здѣсь еще является приставка *в*, напримѣръ: вўспа (оспа) сс. Копище, Воробьевы корчмы, Выступовичи.

ж) на мѣстѣ *о* безударнаго, напримѣръ: пушлі по робо́ту = отправились на работу (м. Словечно, с. Бэгунь, д. Антоновичи).

IV. Появленіе въ произношеніи *і* на мѣстѣ *е*, напримѣръ: ба́тінько, бірўзка при берўзка (с. Копище, Словечно), сімьйі—семьи (с. Копище).

V. Появленіе *е* на мѣстѣ малорусскаго *а* съ предыдущей мягкостью, какъ въ слогахъ ударныхъ, такъ и безударныхъ, напримѣръ, *екъ* = якъ, *екій* (с. Копище, Выступовичи и отчасти Ласки и Васьковичи) *клѐ* (для).

Изъ области согласныхъ слѣдуетъ указать:

а) на произношеніе *г*, которое выговаривается и какъ h, и какъ g. Въ большинствѣ случаевъ звукъ *г* является длительнымъ фрикативнымъ = латинскому h. Въ этомъ произношеніи мы встрѣчаемъ его въ словѣ:

---

1 = сгонъ; мѣсто, куда сгоняютъ рогатый скотъ.

кагу̀ (кажу, говорю), вупъ ка́гэ = онъ говоритъ (с. Копище, Выступовичи, Людвиновка), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже: кау̀, ска́у и скагу̀.

Что касается г мгновеннаго, то его встрѣчаемъ не только передъ голосовыми согласными, какъ, напримѣръ: *кгы́тысь* но и передъ гласными, напримѣръ: кгэ̀зъ, кгіркго́чэ, кгоспо́даръ и др. (с. Копище Выступовичи, Людвиновка и др.).

б) произношеніе *ф*, которое отклоняется отъ общемалорусскаго *хв* и звучитъ, какъ *ф*, напримѣръ: фу̀рточка.

в) появленіе *г* (= латинскому g) на мѣстѣ *д*, напримѣръ: кглѐ сьмьйі = для семьи (м. Словечно).

Ограничиваясь пока указаніемъ лишь перечисленныхъ особенностей въ произношеніи согласныхъ, я долженъ замѣтить, что они сохраняютъ палатальность тамъ, гдѣ мы бы этого не ожидали, исходя изъ основныхъ особенностей говоровъ малорусскихъ, и эта палатальность болѣе широко выражается именно въ этой части посѣщенной мною мѣстности. Обычныя малорусскія: носыты, ходыты, косыты здѣсь звучатъ: носіті, косіті и косіці. Только въ южной части этой половины территоріи палатальность ослабляется, сближая говоръ съ обще-малорусскимъ, при чемъ *носьітьі*, *ходьітьі* даютъ примѣры перехода отъ мягкости къ твердости произношенія звуковъ.

Подводя итогъ описанію говоровъ, необходимо замѣтить, что для установленія границы, отдѣляющей сѣверно-малорусскіе говоры отъ южно-малорусскихъ въ эту поѣздку всѣхъ данныхъ мною не собрано; поэтому нѣтъ пока полныхъ и надлежащихъ основаній для группировки особенностей говоровъ по уѣздамъ.

Что касается дѣленія посѣщенной мною мѣстности на основаніи особенностей говоровъ на двѣ части—западную и восточную, то главныя черты различія въ говорахъ этихъ частей можно свести къ слѣдующимъ граппамъ:

1) Отсутствіе бѣлоруссизмовъ въ западной части и широкое выраженіе ихъ въ восточной, по крайней мѣрѣ главныхъ чертъ ихъ (аканье, цеканье, дзеканье).

2) Преобладаніе палатальности гласныхъ и согласныхъ въ восточной части.

3) Преобладаніе въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ звуковъ е и э въ западной, и *і* и *у* въ восточной части.

4) Преобладающее значеніе звука *у* въ восточной части, являющагося замѣстителемъ не только дифтонговъ, но и другихъ гласныхъ, при отсутствіи этой особенности въ западной.

5) Лабіализація звуковъ, какъ отличительная особенность исключительно восточной части посѣщенной мною территоріи.

6) Тенденція къ стяженію дифтонговъ, выражающаяся въ западной части въ томъ, что дифтонги *іе*, *іэ* стягиваются преимущественно въ *е*, *э*, а въ восточной въ *і*; а дифтонги *уо*, *уэ* въ восточной части въ *у*, а въ западной, кромѣ того, иногда въ *о*.

7) Преобладающимъ для западной половины является звукъ *і* — широкій, открытый; для восточной—узкій и закрытый.

Оставляя пока безъ выясненія болѣе детальныя особенности говоровъ Волынскаго Полѣсья, а равно и то, насколько современные говоры Волынскаго Полѣсья по своимъ чертамъ соотвѣтствуютъ той характеристикѣ и группировкѣ звуковыхъ и формальныхъ особенностей, какая проведена у Чубинскаго, необходимо добавить, что мнѣ не пришлось отмѣтить въ Овручскомъ уѣздѣ дифтонга *уы* [1]), который отмѣченъ А. И. Соболевскимъ въ его «Очеркахъ»; что касается переливовъ говоровъ бѣлорусскаго и сѣверно-малорусскаго, то они особенно ярко выражаются въ говорѣ с. Копищъ и ближайшихъ къ нему окрестностей. Затѣмъ по направленію на югъ отъ Овруча замѣтно рѣдкое употребленіе дифтонговъ, которые въ произношеніи являются въ стянутомъ видѣ, такъ что въ селѣ Могильно (на рубежѣ Житомірскаго и Овручскаго уѣздовъ) почти совсѣмъ не слышно въ произношеніи дифтонговъ типа *уо*, *уы*, *уэ*: вмѣсто нихъ произносится ӯ (ножӯв, вӯсім, дӯщъ); между тѣмъ дифтонгъ *іе* встрѣчается въ произношеніи и здѣсь (щіе — еще, у млиніе); наконецъ звукъ *і* не является здѣсь вполнѣ узкимъ и закрытымъ, а скорѣе среднимъ.

---

1) Живая Старина 1892 г., вып. IV, стр. 17.

Въ заключеніе всего изложеннаго замѣчу, что мною было обращено вниманіе и на этнографическія особенности, а именно записаны мною похоронныя причитанья, и въ связи съ этимъ похоронные обряды, а также обряды, сопровождающіе празднованіе Ивана Купала и крестьянскую свадьбу; равнымъ образомъ дѣлаемы были наблюденія надъ тѣми разсказами, въ которыхъ выразилась народная демонологія, и сохранились остатки языческихъ вѣрованій.

Вячеславъ Каминскій.

Варшава
12 ноября 1910 года.

Систематическій указатель темъ и варіантовъ русскихъ народныхъ сказокъ.

Настоящая работа представляетъ собой опытъ «Систематическаго указателя темъ и варіантовъ русскихъ народныхъ сказокъ», являющагося однимъ изъ назрѣвшихъ вопросовъ современнаго фольклора.

Въ настоящее время наблюдается необычайный прирость сырого матеріала. Стоитъ только сдѣлать библіографическій перечень за послѣднія десятилѣтія разныхъ сборниковъ сказокъ, чтобы убѣдиться, какая въ этой области идетъ широкая, разнообразная, чрезвычайно плодотворная работа. Самые глухіе, отдаленные уголки Россіи представлены во множествѣ варіантовъ сказокъ; лучше всего Бѣлоруссія, Малороссія и Сѣверъ, нѣсколько меньше Великороссія,—имѣя въ виду пространство и населенность края, слабѣе другихъ Пермскій, Вятскій край, среднее Поволожье, изъ губерній—Новгородская и Псковская. Говоря такъ, я не упоминаю о регистраціи частной, по мелочамъ, въ видѣ отдѣльныхъ варіантовъ, разбросанныхъ по этнографическимъ сборникамъ и разнымъ повременнымъ изданіямъ, иногда за старые годы; — о неизданныхъ еще матеріалахъ, хранящихся въ Архивѣ И. Географ. Общества, которые въ самое послѣднее время пересматривались и готовились къ печати, и уже сознательно умалчиваю о всевозможныхъ бурятскихъ, мордовскихъ, сартскихъ, татарскихъ, кавказскихъ сказкахъ, представляющихъ собою столь же изобильный, сколь хаотично разбросанный, совершенно необработанный матеріалъ. Словомъ, въ настоящее время сырой матеріалъ, и не только въ области сказокъ, но вообще во всѣхъ отрасляхъ этнографіи, имѣетъ подавляющее

значеніе. Повидимому, призывъ къ всесторонней регистраціи матеріала, бывшій недавно общимъ лозунгомъ[1]), и выразившійся въ видѣ спеціальныхъ указателей Географич. Общества, какъ собирать произведенія народной словесности, нашелъ себѣ полное осуществленіе и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже завершеніе, какъ объ этомъ можно судить по варіантамъ послѣдней записки (напр. Ончукова или Бурцева).

Такое изобиліе матеріала, на собираніе котораго, повидимому, ушли всѣ научныя силы, невыгодно отразилось на самомъ научномъ изслѣдованіи сказки: у насъ оно, къ настоящему времени, сократилось до послѣдней степени. И вполнѣ понятно, такъ какъ хаотичная громадность матеріала, разбросанность, неодинаковая его цѣнность въ зависимости отъ записи, текста, сплетенности мотивовъ, разныхъ деталей создаютъ, естественно, чрезвычайныя трудности для изслѣдованія сказки. На нихъ напр. жалуется финскій изслѣдователь сказки А. Aarne въ предисловіи къ своему сочиненію «Marchem von Zauerring», говоря о 20 тысячахъ вар. финскихъ сказокъ, о 10 тысячахъ рукописныхъ эстонскихъ сказокъ dr. Hurt'a, о русскихъ сказкахъ, въ большинствѣ остающихся недоступными для изслѣдователя.

Сказаннымъ достаточно опредѣляются основныя задачи по изслѣдо ванію сказочнаго матеріала[2]). Необходимо прежде всего привести въ наличность, собрать весь имѣющійся матеріалъ, до ничтожныхъ варіантовъ, какой бы плохой записи они ни были. Необходимо, затѣмъ, его такъ систематизировать, чтобы разбросанные по разнымъ изданіямъ, расположенные части случайно, безъ научнаго критическаго разбора варіанты были расположены въ порядкѣ; чтобы подобной систематизацiей

---

1). Достаточно вспомнить хотя бы слова покойнаго акад. А. Н. Веселовскаго: «задача всякаго серьезно интересующагося сравнительной миѳологіей говоритъ онъ, должна быть одна—собирать все и только собирать; если матеріалу находится много—группировать его... «Вѣстникъ Европы» 1873 г. Сравнительная Миѳологія и ея методъ». Стр. 639.

2) Необходимость того или другого упорядоченія сказочнаго матеріала чувствовалась давно. Этимъ, несомнѣнно, объясняются за послѣднее время все расширяющіяся указанія, приводимыя самими собирателями, *параллелей къ разнымъ варіантамъ*. Особенно богаты этими сводными параллелями Етнографiчные збiрники науковаго Товарiства iмени Шевченка. Ихъ параллели обнимаютъ весь Западно-Европейскій фольклоръ.

облегчить работу изслѣдователю, вынужденному теперь тратить массу труда и времени въ поискахъ нужнаго матеріала. Эти задачи и пытается осуществить настоящая работа[1]). Она обнимаетъ область Русскихъ сказокъ, именно: великорусскія, малорусскія, бѣлорусскія, сказки Галицкой и Угорской Руси. Являясь первымъ опытомъ систематизаціи Русскихъ сказокъ, она охватываетъ пока лишь отдѣлъ сказокъ «о животныхъ» при чемъ взятъ матеріалъ, представляющій въ чистомъ видѣ сказку о животныхъ (опущены темы о происхожденіи, нравоучительныя). Слѣдующій отдѣлъ указателя долженъ составлять темы и варіанты, подъ общимъ заглавіемъ «Животныя и человѣкъ». Конечно, раздѣленіе это, особенно въ пограничныхъ пунктахъ, имѣетъ лишь приблизительное значеніе.

Указатель состоитъ изъ *темъ* и *варіантовъ*. Темы съ послѣдовательной нумераціей, напечатанныя разрядкой даютъ заголовокъ одному или цѣлой группѣ варіантовъ; сама же по себѣ тема служитъ обозначеніемъ содержанія сюжета. Предполагается, что изслѣдователь, въ виду интернаціональности сказочныхъ темъ, однимъ общимъ указаніемъ будетъ введенъ въ содержаніе извѣстнаго круга варіантовъ. Перечень темъ начинается сказками о лисѣ, затѣмъ о медвѣдѣ, волкѣ и козѣ и т. д. Въ концѣ, въ видѣ прибавленія, даны темы слишкомъ рѣдкія. Гораздо болѣе сложнымъ является вопросъ о размѣщеніи варіантовъ. Тутъ представляются разныя возможности. Напр. тема № 37 «Волкъ съѣдаетъ свинью» имѣетъ нѣсколько почти тожественныхъ варіантовъ. Въ другихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ разнаго рода наслоеніе темъ. Напр. тема № 17 «Лиса учитъ волка ловить хвостомъ рыбу» подъ цифрой 1 имѣетъ лишь варіанты одной этой темы; подъ цифрой $1^а$ тожественные варіанты, механически присоединенные къ др. сказкамъ; подъ $1^б$ варіанты, продолжающіе сказку путемъ присоединенія новой темы № 18, «Битый не битаго везетъ»; подъ $1^в$ дальнѣйшее продолженіе сказки путемъ присоединенія новой темы № 19 «Лиса, вымазавшись тѣстомъ, учитъ волка таскать мозги»; подъ $1^г$ варіанты съ случайнымъ спле-

1) Болѣе подробное освѣщеніе даннаго вопроса сдѣлано мною въ докладѣ 21 января 1911 г. въ Имп. Географ. Обществѣ, подъ заглавіемъ: «Современное положеніе вопроса о русской народной сказкѣ и задачи ея научной разработки». Докладъ будетъ напечатанъ въ Извѣст. Геогр. Общества.

теніемъ темъ. Это наиболѣе частая форма расположенія варіантовъ. №№ темъ 24—27 даютъ такой распорядокъ матеріала: сначала приводятся варіанты, представляющіе въ себѣ прочный сплавъ четырехъ темъ, а затѣмъ варіаціи каждой темы въ отдѣльности. Наконецъ, расположеніе варіантовъ темы № 23 представляетъ разные пріемы разработки одной и той же темы. Такимъ образомъ, размѣщеніе варіантовъ въ указателѣ всецѣло зависитъ отъ характера матеріала.

Что касается самаго изложенія варіантовъ, то они приводятся въ схематической передачѣ, обнимающей, по возможности, все содержаніе, иногда съ подчеркиваньемъ тѣхъ или др. характерныхъ особенностей. Первый отправный варіантъ, иллюстрирующій тему, приводится въ болѣе подробномъ изложеніи. Дальше варіанты, если они совершенно тожественны и не представляютъ никакихъ рѣзкихъ особенностей, указываются просто нумераціей сборниковъ, откуда взяты, съ географической датой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда варіанты имѣютъ въ себѣ сплетеніе многихъ темъ, или излагается основная тема и ссылкой обозначеатся мотивы, темы сплетенной (см. № 4), въ свою очередь тамъ, гдѣ будетъ излагаться послѣдняя, упоминается — это иногда въ скобкахъ — родственная тема; или, при слишкомъ случайномъ сплетеніи темъ, идетъ простое обозначеніе ихъ, какъ напр. въ № 19, 1г.

Впрочемъ, какъ бы ни считаться съ тѣмъ или другимъ изложеніемъ варіантовъ, слѣдуетъ имѣть въ виду одинъ фактъ, что настоящая работа есть только *указатель*. Она естественно направляетъ изслѣдователя къ изученію подлиннаго матеріала, руководящимъ пособіемъ къ которому она является. Въ указатель вошли слѣдующія изданія сказокъ.

Великорусскія сказки.

1. Аѳанасьевъ Народныя Русскія сказки изд. 3-е подъ редакц. Грузинскаго 1897 г.

2. Худяковъ «Великорусскія сказки» 1860 г.

3. Д. Ровинскій «Русскія народныя картинки» т. I. Сбор. Рус. Яз. И. Акад. Н. XXIII.

4. Садовниковъ «Сказки и преданія Самарскаго Края» Изд. Геогр. Общества.

5. А. Эрленвейнъ «Народныя Русскія сказки», собранныя учит. Тульской губ., изд. 2-е.

6. Чудинскій «Русскія народныя сказки» 1864 г.

7. В. Н. Добровольскій «Смоленскій сборникъ» Запис. И. Географическаго Общества.

8. Безсоновъ «Дѣтскія пѣсни».

9. К. Авдѣева «Русскія сказки для дѣтей», разсказанныя нянюшкой А. Черепьевой, 7-е изд.

10. Н. Иваницкій «Сказки, легенды» (Вологод. губ.) Труды Этногр. Отдѣла при Изв. Об. Люб. Ест. т. XI см. Сборникъ свѣд. для изуч. крест.

11. П. Ефименко «Матеріалы по этнографіи Архангельск. губ.» Извѣст. И. Общ. Люб. Ест. Этн. т. XXX, в. 2-й.

12. Н. Е. Ончуковъ «Сѣверныя сказки».

13. Бурцевъ «Бытъ Великаго Сѣвера» I—II т.

14. «Учитель» жур. 1862 г.

15. «Воскресный Досугъ» 1871 г.

16. «Пермскій Сборникъ» т. I—II 1859—60 г. сказки, собранныя А. Зыряновымъ.

17. «Пермскія Губернскія Вѣдомости» за 1863 г.

18. «Сборникъ матеріаловъ по описанію мѣстн. Кавказа» т. XV.

19. «Подснѣжникъ» жур. 1858 г.

20. «Труды Курскаго Статист. Комитета» вып. I, сказ. записан. А. Бѣлкинымъ.

21. «Живая Старина» 1895 г., вып. IV, сказки зап. В. А. Зенковичей.

22. В. Н. Ястребовъ, «Матеріалы по этн. Новорос. края» 1894 г.

Малорусскія сказки.

1. И. Рудченко «Южно-русскія сказки» в. I, 1869 г., II, 1870 г.

2. П. Чубинскій «Труды Этнографическо-статистической экспедиціи в. II 1878 г.

3. Манжура «Сказки, пословицы Екатеринослав. губ.» Харьков. Ист. Филолог. Сборн. 1891 г.

4. Драгомановъ «Малорусскія народныя преданія и разсказы» 1876 г.

5. П. Кулишъ «Записки о Южной Руси» т. II, 1856—7 г.

6. A. Nowosielski «Lud ukraiński; I—II Wilno 1857.

7. Б. Д. Гринченко. «Этнограф. матеріалы, собран. въ Черниг. и сосѣдн. губ.» I—II, 1895—1896 г.

8. В. Гнатюкъ. Етнографічный Збірникъ Наукового Товар. імени Шевченки, т. IV, IX «Этнографічні материяли з Угорской Руси».

9. О. Шимченко «Українскі людські вигадки», Етногр. Збірникъ томъ I-й.

10. Moszyńska «Bajki i zagadki ludu ukraińskiego» Zbiur Wiadomości, IX в. 1885.

Бѣлорусскія сказки.

1. П. В. Шейнъ. «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Запад. Края» 1893 г.

2. Е. Р. Романовъ «Бѣлорусскій Сборникъ в. III, 1887 г.

3. E. Klich «Materyały i prace komisyi językowej w Krakowie т. II, 1903.

4. M. Federowski «Lud białoruski na Rusi Litewskiej, т. I—II 1897.

5. Weryho «Podania białoruskie» Lwów. 1889.

6. «Гродненскія Губ. Вѣд.» 1864—1868 г.

Сказки о животныхъ.

1. Лиса и журавль зовутъ другъ друга въ гости.

Аѳанасьевъ 13 (Тверской губ.). Лиса зоветъ въ гости журавля и угощаетъ изъ плоскаго сосуда; журавль уходитъ ни съ чѣмъ. Журавль, въ свою очередь ставитъ угощеніе въ кувшинѣ; лиса уходитъ «не солоно хлебавши». — Аѳан. 13, дополн. вар. Имѣется слѣдующая подробность: по справкамъ лисы (по книгамъ) журавль доводится ей троюроднымъ братомъ; этимъ и объясняется ихъ взаимное угощеніе.—Ровинскій I,86 (болѣе подробная книжно-обработанная передача).

2. а, Лиса пытается обмануть (тетерева).

Аѳан. II (Тверск. г.). Лиса убѣждаетъ тетерева «гулять по зеленымъ лужкамъ»; а когда тетеревъ, видя охотника съ собакой, говоритъ объ этомъ лисѣ, та убѣгаетъ, заявляя, что ей пока «недосугъ».

6. Лиса увлекаетъ («куре доброгласное»).

Ровинскій I,85. «Повѣсть о курѣ и льстивой лисицѣ».

Льстивыми рѣчами лиса убѣждаетъ курицу сойти къ ней съ дерева; съѣдаетъ ее (книжная обработка).

3. Лиса поѣдаетъ дѣтей дятла.

1. Аѳан. 12. (Нижегор. г.). Лиса повадилась ходить къ дубу, гдѣ было гнѣздо дятла. Убѣждаетъ отдать ей дѣтенышей она выучить ихъ кузнечному, башмачному и портняжному ремесламъ. Дятелъ кидаетъ по дѣтенышу; лиса съѣдаетъ.

4. Месть дятла. 1ᵃ (продолженіе)

Шеинъ 17 (Могилевск. губ.) Исторія лисы и дятла въ болѣе подробной и художеств. передачѣ; лишенный дѣтей дятелъ срываетъ злость на мужикѣ (см. № 40,5б)—Гринченко I,155 (Харьков. губ.). Тоже. Лиса подъ предлогомъ кумовства съѣдаетъ всѣхъ дѣтей дятла. Дятелъ вымѣщаетъ зло на собакѣ и на мужикѣ.—Гринченко II,5 (Волынск. г.) Тоже. Продолженіе безъ подробности о помощи собаки. Конецъ: Пойманнаго дятла мужикъ проглатываетъ живьемъ, онъ бьется, находитъ выходъ. Мужикъ и баба принимаютъ мѣры въ духѣ темы «Пѣтухъ и жарновцы» (см. Рудч. I,20).—Ястребовъ 24 (Новорос. кр.).

5. Лиса исповѣдница.

1. Аѳан. 4ᵃ Лиса, забравшись въ курятникъ, плѣнила было курицу, но испугавшись крику пѣтуха, убѣжала. Въ лѣсу вдругъ встрѣчаетъ пѣтуха, предлагаетъ исповѣдывать. Пѣтухъ, сначала согласившись, попадаетъ лисѣ, но хитростью отъ нея избавляется — Аѳан. 4ᵇ (церковно-книжная обработка) (—Ровинск. I,85 «повѣсть о курѣ»... сходна по церковно-книжной обработкѣ; мотивъ объ исповѣди отсутствуетъ) — Аѳан. 4ᶜ (стихотворная передача)—Драгом. 363 ст. (Харьк. г.).

6. Журавль учитъ лису летать. 1ᵃ (продолженіе).

Ончуковъ II (Арханг. г.) Журавль предлагаетъ лисѣ, обиженной пѣтухомъ, выучить ее летать. Первый разъ роняетъ ее на сѣнную кучу. Во 2-й разъ лиса разбилась.

6. Рудченко I,17 (Волынск. г.). Лиса, спасшись хитростью журавля отъ охотниковъ, проситъ выучить ее летать; журавль поднимаетъ и бросаетъ (начало: «у меня одна думка» сродно темѣ № 31).

Садовниковъ 54 (Самар. г.). Лиса кормитъ зиму журавля, въ благодарность за что онъ обѣщаетъ выучить ее летать; лиса падаетъ на борону и погибаетъ.—Садовн. 53. «Лиса и соловей» соловей (Sic!) «подымаетъ лису высоко высоко» и роняетъ.

2. Романовъ III,25 (Могилев. г). Лиса приводитъ волка къ исповѣди—къ капкану. Волка захлопываетъ желѣзо.

2ª Рудченко I,26 (Кіевск. г.) «Вьюнъ и щука». Вьюнъ, встрѣтившись со щукою, видя неминучую гибель, предлагаетъ ей исповѣдаться у него. Ведетъ къ церковкѣ и заводитъ въ вершу, приговариваетъ: «сиди святоша, пока придетъ рибалка міхоноша»

3. Романовъ III,17 (Могилев. г.). Случайный вставочный мотивъ объ исповѣди.—Аѳан. Iª, механически присоединенный мотивъ «лиса исповѣдница».

7. Лиса — святоша.

1. Романовъ III,20 (Могилев. г.). Лиса, найдя мясо въ капканѣ, приводитъ медвѣдя, отказываясь отъ него сама (была середа). Капканъ захлопываетъ медвѣдя. Лиса съѣдаетъ мясо.

—Рудч. I,11 (Кіевск. г.). Тоже, вм. медвѣдя волкъ.—Сборн. матер. для описанія мѣстн. Кавказа XV в. (III). Тоже. Любопытный конецъ: Волкъ попалъ въ петлю, та его подняла съ земли. Лиса ѣстъ мясо. «Вѣдь *пятница*», говоритъ ей волкъ.—Пятница тому, кто *пятками* земли не достаетъ.

Гринченко II,178. Тоже, съ прибавленіемъ: лиса попала въ монастырскій хлѣвъ съ гусями. Едва убѣжала. Посылаетъ туда волка «идти прысвататься».

2. Гринченко II,177 (Екатериносл. г.). Волкъ хвастаетъ, какъ онъ ходитъ за овцами... Ведетъ лису на промыселъ, приводитъ къ капкану. Предлагаетъ мяса, лиса отказывается («поганое» мясо). Волкъ не брезгуетъ и попадаетъ. Лиса убѣгаетъ.

Fedorowski II,26. Лиса кормится на счетъ волка, а сама подводитъ волка подъ стрѣльца, который ее и убиваетъ. (Тема о святошествѣ лисы отсутствуетъ).

8. Лиса плачея.

1. Аѳан. 6ᵇ (Архаг. губ.) Умерла старушка; старикъ искалъ плачею. Медвѣдя забраковываетъ. Беретъ лису. Пока старикъ дѣлалъ гробъ, лиса съѣла старуху и ушла.

2. Ончук. 37 (Арханг. г.). Старикъ и старуха посѣяли рѣпу на подызбицу. Когда поспѣла рѣпа, старикъ въ мѣшокъ втаскиваетъ туда старуху. Роняетъ. Старуха убилась. Находитъ плачею—лису. Лиса съѣдаетъ старуху.—Пермск. губ. въ 1863 г. № 40. Имѣетъ такой конецъ: ни заяцъ, ни лисица не умѣютъ вопить. Вопитъ волкъ, а потомъ убѣгаетъ со старухой.

2ᵃ Аѳан. 6а. Выростаетъ бобъ до неба; лѣзетъ туда старикъ потомъ, въ мѣшкѣ тащитъ старуху. Роняетъ. Это наиболѣе частая обработка темы (Аѳан. 5, дополн. вар. 1-й и 2-й «Горохъ»), заимствованная изъ темы «Бобовое зерно»). Приглашаетъ плачею — лису. Конецъ — см. № 26—27 «Мужикъ, медвѣдь и лиса» п. 3—4.

9. Лиса лѣкарка.

3. Аѳан. 5 (Арханг. г.) Уроненную съ неба и разбившуюся старуху предлагаетъ лиса вылѣчить. Велитъ приготовить толокна и масла. Все съѣдаетъ и кости обгладываетъ. Убѣгаетъ.

4. Худяковъ 73. Старуха захотѣла сорочатинки. Старикъ тащитъ ее въ мѣшкѣ на дубъ, роняетъ. Старуха упала въ рѣчку (?) и утонула. тема о лисѣ — плачеѣ отсутствуетъ).

10. Лиса повитуха.

1. Аѳан. 2ᵃ (Сарат. г.). Лисица пристраивается жить у волка. Подъ предлогомъ, что ее зовутъ на «повой», съѣдаетъ медъ у волка («початочекъ», «середочекъ», «поскребочекъ»). Волкъ прогоняетъ лису.—Чудинскій 12. Тоже, вм. волка медвѣдь.—П. Ефименко (Архан. г). Тоже, съ прибавленіемъ № 17,1—

11. Лиса доказываетъ свою невинность.

1[a] (продолженіе) Аѳан. 2[a] (Владимір. г.). Лиса, желая доказать свою невинность, предлагаетъ сдѣлать опытъ, у кого выступитъ масло (медъ). Волкъ спитъ, лиса обмазываетъ волка и обвиняетъ его. — Аѳан. 2[b] (Пермской г.) съ прибавленіемъ. Лиса учитъ волка хвостомъ ловить рыбу (см. № 17).— Аѳан. 2[c] (Арханг. г.) съ приб. см. № 17 — Аѳан. 2[d]. (Воронеж. г.)—особенно подробная обработка темы. — Ончуковъ (Арханг. г.) 27[a] — «Подснѣжникъ» тоже, только въ обратной обработкѣ: сначала о совмѣстной жизни лисы и волка, угощеніе рыбой у проруби, «битый не битаго везетъ», далѣе лиса съѣдаетъ медъ у медвѣдя. Уходя попадаетъ въ капканъ.

2. Драгомановъ 362 (Полтав. г.). Лиса, которая неизвѣстно гдѣ живетъ, уходитъ въ кумы. Глядь—нѣтъ меда...(неясно начало и конецъ).

12. Лиса мѣняетъ скалочку (яворецъ) на разные предметы.

1. Рудченко I7 (Кіевск. г.). Плотники срубили лисѣ дворецъ. Идетъ, несетъ яворецъ, просится ночевать. На утро—нѣтъ яворца. Требуетъ за него курицу. Въ др. домѣ—гдѣ курица? Получаетъ вм. нея печь (?). Далѣе невѣстку. А на слѣдующемъ ночлегѣ освободили невѣстку, а вм. нея посадили собакъ. Дальше отрывокъ изъ «Мужикъ, медвѣдь и лиса» (см. № 26—27). Конецъ: лиса привязала вм. хвоста дручекъ, пугаетъ звѣрей, но сама гибнетъ отъ нихъ. — Аѳан. 1[f], конецъ о соломенномъ бычкѣ. — Аѳан. 1[a] (Воронеж. г.) вар., являющійся продолженіемъ тамъ № 17—18.

13. Лиса и кувшинъ.

а. Чубинскій II,37 (Черниг. г.). Баба, работая въ полѣ, ставитъ въ кусты «глечичекъ молока». Лиса выпила молоко, но не можетъ вытащить головы. Уговариваетъ «глечичекъ», идетъ топить; тонетъ сама.— Federows. III9—Аѳан. 20 (вар. вставочный). Мужикъ, встрѣтивъ лису съ кувшиномъ на головѣ, перебиваетъ ей лапу; едва убѣгаетъ.

б. Шеинъ 3 (Гродненск. г.). Кувшинъ въ полѣ. Вѣтеръ гудитъ, Лиса прислушивается, просовываетъ голову. Не можетъ снять. Идетъ

топить, тонетъ сама.—Эрленвейнъ 8 (Тульск. губ.)—Рудч. I,8, вар., является концомъ сказки. «Лиса, віднідь и мужикъ».—Гродн. Губ. Вѣд. 1868 г. № 58—тоже конецъ сказки.—Манжура 1 стар. Гудитъ тыква въ полѣ. Лиса просунула голову, никакъ не освободиться, пробуетъ топить. Насилу освободилась. Видитъ скрипка на полѣ на вѣтру играетъ, бѣжитъ отъ нея. Видитъ капканъ мужика, со злостью хочетъ въ него нагадить. Капканъ защемилъ хвостъ. Лиса попалась мужику.

14. Лиса и ракъ.

Аѳан. 15 (Тамбов. г.). Лиса предлагаетъ раку «перегоняться». Ракъ соглашается. Прицѣпляется къ хвосту. Когда лиса пробѣжала до мѣста, ракъ уже отцѣпился.

15. Лиса уноситъ пѣтуха.

1. Federowsk. II 8. Котъ и пѣтухъ живутъ вмѣстѣ. Котъ уходя уговариваетъ не попадаться лисѣ. Та приходитъ и хитрыми рѣчами соблазняетъ пѣтуха. Уноситъ. Два раза отнимаетъ котъ. На третій разъ съѣдаетъ пѣтуха. Котъ хоронитъ его кости.—Безсоновъ «Дѣтскія пѣсни» III стар. (богатая стихотворная передача; особенно хороши пѣсни лисы)—Аѳан. 17 а (Вологод. губ.). Тоже. «У старика были котъ да пѣтухъ». Котъ со старикомъ пришли домой, пѣтушка не нашли; сколько ни горевали, а послѣ сказали: «вотъ каково не слушаться».

1 а. Ончуковъ 36. (Арханг. г.). «Котъ, дроздъ и пѣтухъ». Котъ и *дроздъ* бѣгутъ отнимать пѣтуха.

16. Котъ (гусляръ) отнимаетъ пѣтушка.

2. Продолженіе. Аѳан. 26 стар. доп. вар. Котъ надѣваетъ оружіе, рядится гусаромъ и поетъ у норы лисы. Выходятъ ея дочери. Побиваетъ ихъ, а потомъ и лису. Спасаетъ пѣтуха.—Аѳан. 17 с (Тамбовской г.).—Шейнъ I. (Гродненск. г.), Klich 162 стар.—Рудченко I,15 (Кіевской губ.). Рудченко II,8 (Черниг. губ.).—Пермск. губ. В. 1863, № 42—«Подснѣжникъ» 1858 г. (богатая поэтическая обработка, особенно въ пѣсняхъ кота—гусара).

2 а. Аѳан. 17 b. Котъ да *баранъ* идутъ спасать пѣтуха.

2 б. Аѳан. 61 a, b (Тамб. г.) Аналогичная разработка темы. Котъ и воробей бѣгутъ искать жихаря, похищеннаго Бабой — Ягой.

3 а. Рудченко I,16 (Полтав. г.). Зайчикъ и пѣтушекъ побратались. Зайчикъ подговариваетъ пѣтушка завладѣть лисичкой. Въ отсутствіи зайчика пѣтушокъ выпускаетъ лисичку. Укоры зайчика; пѣтушекъ приводитъ лисичку. Рѣжутъ и съѣдаютъ (вар., полный несообразностей).

3 б. Рудч. I,9 (Полтав. г.). У старика была яблонька съ золотыми и серебряными яблоками. Воруетъ лиса. Привязываютъ сторожить курочку. Нѣсколько разъ сторожитъ удачно. Наконецъ лиса уноситъ курочку. А тѣмъ временемъ родится сынъ. Идетъ отнимать курочку. Нѣсколько разъ уноситъ. Наконецъ забиваетъ лису.

4. Авдѣева I вар., не имѣющій даже упоминанія о котѣ и представляющій двойное повтореніе сюжета: У старика и старухи пѣтушекъ; его уноситъ лиса; догоняютъ, отнимаютъ. Во 2-й разъ лиса уноситъ. Старикъ идетъ отнимать, рядится гусляромъ и поетъ у норы лисы. Возвращаетъ пѣтуха.

17. Лиса учитъ волка хвостомъ ловить рыбу.

1. Чубинскій II,39 (Черниг. г.). Лиса, притворившись мертвой, таскаетъ у мужика рыбу; учитъ волка, какъ въ проруби ловить рыбу. Хвостъ примерзаетъ. Лисица сзываетъ людей бить волка.—Шейнъ 10 (Гродн. г.).

1 а. Вар., совершенно тожественные, механически присоединенные къ другимъ. Аѳан. 1 d. (Малорусс.) см. конецъ варіанта.—Аѳан. 2, b, c, d.—Ончуковъ 276 (Арханг. губ.).

18. «Битый небитаго везетъ».

1 б. (продолж.). Аѳан. I; доп. вар. 1-й, 2-й. Лиса притворилась избитою. Волкъ сочувствуетъ, предлагаетъ ее везти на себѣ. Лиса ѣдетъ и поетъ: «битый не битаго везетъ» — Авдѣева 6 —(См. № 11).

19. Лиса, вымазавшись тѣстомъ, учитъ волка таскать мозги.

1 в. (продолженіе) Аѳан. I с. (Гродн. г.). Лиса (пока волка били) вымазалась тѣстомъ. Позволяетъ волку лизнуть разокъ и говоритъ, что

это ея мозги. Учитъ какъ волкъ тоже можетъ ѣсть свои мозги. Волкъ разбился до смерти.—Гродненск. губ. Въ 1864, № 44—Труды Курск. Ст. Ком. 529 стр. Начало: Лиса попалась мужику въ яму. Проситъ не бить желѣзомъ. Мужикъ оглушилъ ее полѣномъ и зарылъ въ возъ съ рыбой и т. д. — Шейнъ 6 (Витебск. г.) Вар., подробно разработанный присоединенный къ сказкѣ—см. тему № 21,17—Klich 101 ст. вар., прод. темы № 21,17.

1 г. Аѳан. 1 а. (Воронежской губ.). Вар. составной. Начало — пунктъ 1-й и 1 б, далѣе (бѣгло) лиса и волкъ строятъ хатки (по типу № 34), затѣмъ «мѣна скалочки» (см. № 12,1) Конецъ—«Лиса—исповѣдница (см. № 5).

20. Лиса съѣдаетъ колобокъ.

1. Аѳан. I в. Баба изъ остатковъ муки испекла колобокъ. Положенный на окно остыть, онъ покатился. Катясь поетъ пѣсню: «...по сусѣкамъ метенъ, на сметанѣ мѣшенъ.. Я отъ дѣда ушелъ.. и т. д. Колобокъ уходитъ отъ зайца, отъ волка, медвѣдя. Лиса уговариваетъ колобокъ сѣсть на языкъ, чтобы лучше послушать. Съѣдаетъ колобокъ—Рудченко II,2 (Полтав. г.). — Ончуковъ 133 (Олонецк. г.). — Пермск. губ. 63 г. № 39 — Авдѣева 2—Безсоновъ, стар. 129.

2. Случайная вставка «о колобкѣ». Шейнъ 6. (Витебск. г.). Романовъ 3,21. (Могилев. г.).

21. Лиса обманываетъ выглоданнымъ пирожкомъ, мѣняя его на бычка.

1. Романовъ 3,21 в. (Могилев. г.). Изъ дома старухи уходитъ чудесный пирожекъ (см. № 20). Лиса хватаетъ его. Середку съѣла, набила «нехорошимъ». Мѣняетъ на бычка. Ѣдетъ на бычкѣ въ санкахъ. Волкъ, потомъ медвѣдь просятся подвезти. Санки разваливаются. Пока лиса дѣлала новыя, медвѣдь и волкъ съѣли бычка, оставивъ одно чучело.

1 а. Аѳан. I d. (Малорус. вар.). Тоже, съ прибавленіемъ № 17,1.—Federowski II,22—Рудченко II,4 (Полтавск. губ.).

Шейнъ 6 (Витеб. г.). Вар., подробно развитой интересный вставочными подробностями изъ «Бобовое зерно», «Колобокъ», заканчивается № 17,1.

1 б. Klich 101 ст. Тоже, съ прибавленіемъ № 19 1 в.

1 в. Чубинс. II38, съ прибавленіемъ № 18 1 б.

1 г. Шейнъ 4 (Минск. г.), съ прибавленіемъ № 31, 1 б.

1 д. Роман. 4, 11 а (Могилев. г.) съ слѣд. концомъ: Волкъ озябъ. Лиса проситъ ему шубку. Приноситъ овецъ, Велитъ привести лошадь, для чего совѣтуетъ закрутить за шею веревкой. Лошадь удавливаетъ волка.

2. Варіанты составные: Аѳан. I, b (Харьков. г.). Начало № 21,1 а (очень спутанный), далѣе № 18 (тоже). № 21,1. Конецъ № 18 (спутанный) — Аѳан. I f. Нач. № 12,1, вторая половина № 21,1— Fedor. II,21 Старика, заблудившагося въ лѣсу выводитъ лиса; получаетъ за это бычка. Далѣе 21,1: Когда санки развалились, попадаетъ къ старику, дѣлитъ пироги, надѣляетъ себя. Угощаетъ пирогомъ съ рыбой волка и даетъ совѣтъ, какъ наловить рыбы и далѣе см. № 19,1 в.

3. Романовъ 3,21 б (Могилев. г.). Нѣтъ обычнаго начала о пирожкѣ. Начало: «Жили себѣ лисичка сестричка и бывъ у её волкъ» и т. д. до конца, когда отъ волика остается лишь чучело.—Federowski II,28. Лиса утащила у пастуховъ бычка и т. д.—Аѳанасьевъ I е (Тверск. г.). Тоже, только вм бычка лисица крадетъ лошадь далѣе № 17,1 и конецъ «Лисица учитъ таскать мозги» № 33 (связь 3-хъ темъ механическая).

22. Лиса выходитъ замужъ за кота; котъ наводитъ страхъ на звѣрей.

а. Аѳан. 18. Прогнаннаго кота встрѣчаетъ лиса. Дивится на необычайнаго звѣря. Выходитъ замужъ. Встрѣчнымъ волку и медвѣдю разсказываетъ о силѣ своего мужа; *велитъ поклониться быкомъ и бараномъ.* Дѣйствительно, котъ своимъ мурлыканьемъ (мало.. мало..) и прыжкомъ прямо въ морду медвѣдя такъ пугаетъ всѣхъ, что навсегда звѣри боятся кота. — Садовниковъ 52 (Самар. г.) богатая языкомъ, живописная обработка—Труды Курск. Стат. Ком. 530 стар.—Шейнъ 5 (Гродн. г.)—Шейнъ 2-й (Могилев. г.)—Шейнъ 12. Конецъ: а теперь все мое говоритъ лиса.—Шейнъ 120 (Витебск. г.). Лиса: «Ага, звѣрье, до сихъ поръ я васъ боялась, а цаперь котъ васъ всѣхъ уберетъ». — Federow. II,10. Звѣри несутъ приношенія на свадьбу лисы.—Эрленвейнъ

9 ст. (Тульск. г.) вар., художественно правдиво разработанный.—Сборн. матер. для оп. мѣст. Кавказа XV,18, имѣетъ слѣд. подробность: когда звѣри видятъ, что котъ вспрыгнулъ на плечи человѣка и также замурлыкалъ мало мало, то они съ перепугу умерли. Котъ съ хозяиномъ вернулся домой; лиса поживилась подарками звѣрей.

б. Романовъ 3,24 (Могил. г.). Звѣри (медвѣдь, волкъ, кабанъ, заяцъ), заинтересованные разсказами лисы, *приглашаютъ кота съ лисой на обѣдъ.* Приготовили все, а сами спрятались. Котъ всѣхъ пугаетъ. — Рудч. I,13 (Кіевск. г.) — Рудч. I,14 (Полтав. г.) — Аѳан. 18 доп. вар. 2-й. Звѣри и въ томъ числѣ лиса зовутъ чрезъ зайца кота на пиръ. — Аѳан. 18 доп. вар. 3-й. — Аѳан. 19 а. (тема приглашенія на обѣдъ).

в. Рудченко I,12 (Волынс. г.). Звѣри *идутъ смотрѣть «премудраго Соломона»* (кота). Испугъ. *Котъ послѣ разсказывалъ о своихъ страхахъ.*—Аѳан. 18 доп. вар. 1-й.

23. Домашнія животныя наводятъ страхъ на лѣсныхъ звѣрей.

а. Аѳан. 19 а (Владим. г.). Котъ и баранъ бѣгутъ въ лѣсъ. Нашли волчью голову. Идутъ на огонь. *Найденной волчьей головой, котъ пугаетъ волковъ.* Разбѣгаются, разсказываютъ медвѣдю, дальше приглашеніе на обѣдъ (см. № 22 б)—Аѳан. 19 с. Начало тоже: котъ, козелъ и баранъ пугаютъ волковъ волчьей головою; разбѣгаются. Медвѣдь смѣется надъ ними, идутъ догонять. Котъ и козелъ взобрались на дерево, баранъ уцѣпился за сукъ. Волкъ и медвѣдь усѣлись гадать подъ деревомъ. Баранъ оборвался, козелъ выстрѣлилъ изъ ружья. Звѣри разбѣжались.— Черниг. губ. Вѣд. 1860 г. № 21—Рудч. I,24.

б. Аѳан. 19 в. Котъ, козелъ да баранъ уходятъ изъ дому. *Котъ научаетъ, какъ достать огня (козелъ да баранъ стукаются лбами, зажигаютъ стогъ).* Медвѣдь приходитъ, приглашаютъ. Приходятъ волки, предлагаютъ бороться. Котъ натравливаетъ медвѣдя, отъ котораго въ страхѣ убѣгаетъ. Снова встрѣчаютъ волковъ. Взбираются на дерево и т. д. См. выше а.—Романовъ 3,27 (Могил. г.) опущена исторія съ медвѣдемъ. Аѳан. 19,34 стар. доп. вар. 2-й.

в. Ончуковъ 149 (Олонец. г.). Животныя (быкъ, пѣтухъ, котъ, свинья, баранъ) убѣжали. *Быкъ предлагаетъ строить хатку. Всѣ отказываются. Строитъ одинъ. Всѣ просятся потомъ жить. Принимаетъ. Приходитъ волкъ.* Животныя такъ его пугаютъ, что волкъ убѣгаетъ и разсказываетъ свои страхи.—Аѳан. 30—Роман. 3,15 (Могилев. г.).—Садовниковъ 51 (Самар. г.) (живописная передача)—Federowsk II,18—Варіанты: Гринченко II,181 (Харьков. г.) и Аѳан. 31 имѣетъ въ началѣ подробность: мотивировку ухода животныхъ (по случаю женитьбы хотятъ рѣзать животныхъ), а въ вар. Рудч. I,22 (Черниг. г.) далѣе этого, вырвавшееся во время закалыванья «лупленное теля» убѣгаетъ.

Ончуковъ 254 (Архан. губ.) вар., очень короткій и весьма слабый по формулировкѣ.

24—27. Мужикъ, медвѣдь и лиса.

Аѳан. 7 а (Тульской г.).

24. Мужикъ и медвѣдь сѣютъ рѣпу. Мужику достаются корешки, медвѣдю вершки. Обиженный медвѣдь хочетъ задрать мужика.

25. Лиса берется спасти мужика. Напуганный ею медвѣдь проситъ мужика положить его въ сани, связать. Мужикъ губитъ медвѣдя.

26. Вмѣсто благодарности мужикъ натравляетъ собакъ на лису.

27. Лиса въ норѣ. Вопросы лисы: глазки, глазки, что вы дѣлали и т. д.—Аѳан. 7 b (Тамбов. г.)—Аѳан. 7 с (Астрахан. г.)

Романовъ 3,18 б (Могилев. г.) (подробная, обстоятельная разработка сюжета).

24 а. Federow. I,558. Мужикъ и чортъ сѣютъ рѣпу и пшеницу.—
—Рудченко I,29 (Кіевск. г.) Баба и чортъ сѣютъ макъ и картофель.—
—Шейнъ 18 (Могил. г.). Мышь и воробей сѣютъ рѣпу и пшеницу.—
—Роман. III,178 ст. (Могил. г.).—Кулишъ II,30-31 (Южн. Русь).—
—Пермск. Губ. Вѣд. 1863 г. № 40. (Вторая половина).—Moszyńska 21.

24 б. Federow. II,397. Не силой, такъ хитростью. Мужикъ встрѣчается съ медвѣдемъ. Тотъ предлагаетъ бороться. Мужикъ сначала пред-

лагаетъ сдѣлать опытъ. Вставляетъ въ щель пня клинъ, предлагаетъ пень разорвать. Медвѣдь сунулъ лапы въ щель, мужикъ выбилъ клинъ. Пень сжимаетъ лапы медвѣдя (аналогичная тема).

25 а. Гринченко I,154 (Харьков. г.). — Добровольскій 653 стар. (Смолен. г.)—Klich 161 стар. (Начало—посѣвъ рѣпы, которую сталъ воровать медвѣдь).

25 б. Чуб. II,83 (Полтав. г.). Медвѣдь проситъ привязать себя къ дереву. Мужикъ убиваетъ. —Federow. II,57 (аналогичная разработка темы).

25—27 а. Federow. II,29, вар. со вставкой: лиса учитъ ѣсть свои мозги. — II,28 (объясненіе причинъ помощи лисы). — II,27—болѣе подробная обработка темы.— Рудченко I,8 (Черниговъ. г.) съ добавленіемъ см. № 13—Аѳан. 7 d (Гродне н. г.) съ тѣмъ же добавленіемъ; вмѣсто медвѣдя волкъ. — Гродн. Губ. Вѣдом. 1868 № 38. — Роман. 3,18 а (Могилев. г.).

Чубинск. II,42 (Полтав. г.). Начало вар-та тема № 42,4.

26 а. Аѳан. 14 (Калуж. г.). Лисѣ въ благодарность за возвращеніе Снѣгурочки, потерявшейся въ лѣсу, даютъ куръ и собаку. — Эрленвейнъ 13 стар.— Садовниковъ 15 (Самар. губ.).

27 а. Манжура 3 стар. (Екатериносл. г.).

Рудч. I,7 (Кіевск. г.) вар. вставленъ въ средину сказки см. № 12.

27. б. Манжура 69 стар. (Екатеринослав. губ.) Споръ головы, рукъ, языка; языкъ всѣхъ подводитъ. (Аналогичная разработка темы).

28. Старая хлѣбъ-соль забывается; лиса спасаетъ мужика.

а. Аѳан. 8 (Астрахан. г.). Мужикъ спасаетъ бирюка отъ охотниковъ. Бирюкъ хочетъ его съѣсть. Условливаются идти до первой встрѣчи. Кобыла и затѣмъ собака заявляютъ, что на свѣтѣ старая хлѣбъ-соль забывается. Лиса выручаетъ мужика, требуя показать, какъ бирюкъ сидѣлъ въ мѣшкѣ, когда его искали охотники. Мужикъ цѣпомъ убиваетъ медвѣдя, а вмѣстѣ и лису.—В. Лесевичъ № 44 (Этн. Збірн. № 14).—

Садовниковъ 59 (Самарск. г.).—Дикаревъ 16 (Этногр. Збірн. № 2).—Federowski II,25.

6. Federow. II,24. Человѣкъ освободилъ изъ подъ камня ужа. Ужъ обернулся вокругъ шеи и хочетъ задушить. Встрѣча коня и собаки. Лиса проситъ показать, какъ ужъ сидѣлъ подъ камнемъ. Въ благодарность сначала даетъ куръ, а потомъ, по совѣту лисы, убиваетъ.—Эрленвейнъ 13 стар. (Тульск. г.). Мужикъ спасъ изъ огня змѣю. Хочетъ съѣсть. Встрѣчи. Помощь лисы. Три собаки въ благодарность. — Шейнъ 128 (Минск. г.). Человѣкъ освобождаетъ Цмока изъ подъ скалы. Цмокъ хочетъ съѣсть. Встрѣча солдата, коня, собаки. Общій приговоръ: за добро зломъ платятъ. Помощь лисы. Цмокъ подъ скалой. Лиса «доуго яшо дражнилася надъ цмокомъ». Человѣкъ убиваетъ лису.

Манжура 2 стар. Мужикъ обманомъ заставляетъ лису влѣзть въ мѣшокъ. Несетъ ее на базаръ (взята изъ темы № 28 одна подробность «влѣзаніе въ мѣшокъ».

29. Лиса спасаетъ овцу.

1. Аѳан. 9 (Астрахан. г.). Овца и лиса встрѣтившись бѣгутъ вмѣстѣ. Идетъ волкъ, хочетъ съѣсть овцу. Лиса спасаетъ овцу, заставляя волка поцѣловать, въ знакъ клятвы, капканъ.—Романовъ 3,25 (Могилевск. г.) тоже, въ болѣе подробной передачѣ.

1 а. Чубинск. II,86 (Гродн. г.). Овечка, встрѣтившись съ волкомъ, который угрожаетъ ее съѣсть, ведетъ его къ капкану «исповѣдывать». (Отсутствуетъ тема о лисѣ).—Шейнъ 123 (Черниговъ. г.). Баранъ, встрѣтившись съ волкомъ, упрашиваетъ его не ѣсть и обѣщаетъ поставить его на мѣстѣ управляющаго. Волкъ проситъ показать «на то мѣсто». Баранъ ведетъ его на гумно, гдѣ молотили мужики. Волка убили.

2. О помощи лисы см. особый отдѣлъ сказокъ (вар. «Кузьма Скоробогатый» Аѳанас. 98,99).

30. Звѣри въ ямѣ рѣшаютъ, кого ѣсть.

1. Рудченко I,10 (Полтав. г.). Медвѣдь, волкъ, лиса и заяцъ попадаютъ въ яму. Рѣшаютъ ѣсть того, кто всѣхъ моложе. Всѣхъ моложе оказался медвѣдь. Видятъ, что медвѣдя взять нельзя, съѣдаютъ зайца. (Передача не вполнѣ сказочная).

31. Лиса спасается изъ ямы.

1 а. (Продолженіе № 30). Аѳан. 10 а. Лиса со звѣрями въ ямѣ. Рѣшаютъ ѣсть того, кто всѣхъ тоньше запоетъ. Съѣдаютъ по очереди всѣхъ. Остается лиса со свиньей. Лиса учитъ ѣсть свои кишки. Съѣдаетъ свинью и убѣгаетъ изъ ямы. — Ончуковъ 216 (Олонецк. г.). Звѣри сходятся, созванные криками курочки, что «небо пало» (см. № 50,4а). Попали въ яму. Рѣшаютъ ѣсть того, чье имячко хуже. Остается лиса (тема о спасеніи лисы не выдержана).—Federow. II,11. Звѣри борются. Кого повалятъ, того и ѣсть. Лиса остается одна (тема о спасеніи не выдержана).

1 б. (Продолженіе № 30). Романовъ 3,16 (Могилев. г.). Звѣри въ ямѣ. Съѣдаютъ по очереди, кто старше. Оставшись одна, лиса требуетъ отъ дятла, подъ угрозой съѣсть дѣтей, сдѣлать лѣстницу. Дятелъ дѣлаетъ. Лиса убѣгаетъ.—Шейнъ 4 (Минск. г.). Первая половина «Обманъ на пирожкѣ» (см. № 21,1г). Лиса ѣдетъ на саняхъ со звѣрями; попадаетъ въ яму. Съѣдаютъ того, кто первый запоетъ. Лиса спасается изъ ямы съ помощью синицы.

32. Лиса, спасенная изъ ямы, издѣвается надъ своими спасителями; отплата за издѣвательство.

(Продолженіе № 30-31) а. Аѳан. 10 в. (Воронеж. г.). Звѣри въ ямѣ. Дроздъ спасаетъ лису. Лиса, спасшись, требуетъ еще, чтобы дроздъ разсмѣшилъ ее. Дроздъ заводитъ лису въ деревню къ мужикамъ.

б. Романовъ 3,17 (Могилев. г.). Начало: Звѣри идутъ къ исповѣди, попадаютъ въ яму. Далѣе, съѣдаютъ того, кто «крѣпче крикнетъ». Лису спасаетъ дроздъ. Требованіе разсмѣшить въ духѣ темы № 4. — Манжура 3 стар. (Екатериносл. г.) тоже, съ прибавленіемъ въ концѣ мотива изъ темы № 27.—Садовниковъ 59 (Самар. г.). Мужикъ ѣдетъ за дровами, встрѣчаетъ звѣрей. Сваливаетъ въ яму. Кого ѣсть? Остается лиса. Соловей кормитъ лису, смѣшитъ. Лиса, наконецъ, заставляетъ его поднять. Конецъ: «Соловей поднялъ лису высоко, высоко» и уронилъ. (См. № 6 б).

Роман. 3. Дополн. вар. и № 16 доп. вар.: Лиса остается въ ямѣ одна. Ее убиваетъ охотникъ. (Оба вар. мало удовлетворительны въ смыслѣ передачи).

33. Лиса учитъ таскать мозги... кишки...—Аѳан.1,с (конецъ)—Шейнъ 6.—Federow. II,29 (вставка).

34. Лису, занявшую избушку зайчика, могъ выгнать только пѣтухъ.

Роман. 3,7 (Могилев. г.). Лиса и заяцъ строятъ хатки: лиса изъ снѣга, заяцъ изъ песку. Весной, когда хатка лисы растаяла, лиса выгнала зайца и заняла его избушку. Заяцъ плачетъ, проситъ защиты у волка, потомъ у медвѣдя. Но тѣхъ такъ запугиваетъ лиса, что они бѣгутъ. Заяцъ жалуется пѣтуху. Тотъ поетъ грозную пѣсню («Несу косу на плечи»...) Лиса пугается и убѣгаетъ. Зайчикъ и пѣтухъ живутъ вдвоемъ.—Добровольскій 652 ст. (Смоленской г.). (слабая передача). Аѳан. 3 (Владим. г.).—Пермск. Губ. вѣд. 1863 № 40, № 45.—Труды Курск. Ст. Ком. I,529 ст.

34 а. Козу-дерезу, занявшую хатку зайчика, могутъ выгнать только ракъ и пчела.

Чубинскій II,44 (Черниговск. г.). Коза-дереза, убѣжавшая отъ дѣда, заняла хатку зайчика. Заяцъ жалуется волку, лисицѣ; обоимъ коза даетъ такой отпоръ, что тѣ бѣгутъ. Жалуется раку; тотъ такъ ущипнулъ козу, что та со страху духъ выпустила. Зайчикъ сталъ жить съ ракомъ. — Роман. 3,6 (Могил. г.)—Труды Курскаго Ст. Ком. 541 ст. Пчела жалитъ козу.—Роман. 3,5 (Могил. г.). Козла, убѣжавшаго въ огородъ никакъ не можетъ выгнать старуха; обращается запомощью къ медвѣдю, волку, лисѣ, собакѣ; только пчела выгоняетъ. (Вар. упрощенный). — Kolberg 70 (Галицкая сказка) «Дѣдъ злой, съ золотою булавой» и другія подр. убиваетъ сына, на котораго жаловалась коза, жену и дочь и т. д.—Moszyńska II (Кіев. г.).

34 б. Коза лупленая.

1. Шейнъ 14 (Минск. г.). У дѣда коза. Пасетъ дочь. По возвращеніи дѣдъ спрашиваетъ: хорошо ли ѣла. Коза жалуется. Прогоняетъ

дочь. На другой день старикъ прогналъ старуху. Пасетъ самъ, тѣ же жалобы. Разсерженный старикъ хочетъ козу зарѣзать. Съ облупленнымъ бокомъ коза вырывается, убѣгаетъ въ лѣсъ, занимаетъ хатку зайчика. Зайчикъ проситъ защиты у волка. Только пѣтухъ выгоняетъ (см. № 34). Рудченко I,25 (Полтав. г.). — Аѳан. 28 въ примѣч. «Коза-дереза» Мордовцева.—Federow. II,20.—Роман. 3,5 (Могилев. г.) доп. вар. 3-й. Садовниковъ 55 (Самар. г.). Коза заняла нору суслика; только ежъ колетъ козу въ голый бокъ и выгоняетъ (см. № 34 а).—Nawosielski (Украинск. ск.) II, 248 ст.

1 а. Аѳан. 28 (Тамб. г.). Мужикъ, у котораго жилъ зайчикъ, приноситъ домой найденную въ полѣ лупленную козу. Мужикъ уходитъ въ огородъ. Когда зайчикъ отъ него идетъ въ домъ, коза не пускаетъ. Далѣе обычная исторія. Пробуетъ выгнать пѣтухъ (№ 34), только пчела выгоняетъ (№ 34 а).

35. Медвѣдь приходитъ за своей лапой.

1 а. Аѳан. 25 а (Пермск. г.). Старикъ отрубилъ медвѣдю лапу. Старуха варитъ мясо и прядетъ шерсть медвѣжью. Приходитъ медвѣдь, ревѣтъ (поетъ пѣсню). Находитъ старика и старуху, съѣдаетъ ихъ. (Аѳан. 25 б, см. № 36,1).

б. Авдѣева 5. Варіантъ, очень подробно обработанный съ такимъ окончаніемъ: Старуха, когда приходитъ медвѣдь, открываетъ подполье и тушитъ огонь. Медвѣдь проваливается въ подполье.—Безсоновъ 119 стар.

в. Худяковъ 72. Вар., имѣетъ такой конецъ: Медвѣдь уноситъ старуху въ лѣсъ, сажаетъ на пенекъ. Пока ходилъ за старикомъ, пенекъ началъ рости; выросъ съ дерево. Медвѣдь лѣзетъ на дерево, старуха бьетъ по лапамъ. Медвѣдь упалъ и убился. Дубъ снова обратился въ пень. Баба вернулась домой.

г. Пермской губ. Вѣд. 1863 № 40. Баба, напуганная приходомъ медвѣдя, посылаетъ мужика дѣлиться рѣпой съ медвѣдемъ (см. № 24а).

2 а. Klich 153 ст. Медвѣдь, у котораго старикъ отрубилъ лапу, поетъ подъ окномъ. Мужикъ отдаетъ ему сначала куръ, а потомъ старуху. Старуха уходитъ отъ медвѣдя. Въ хаткѣ у козы. Остается жить у нихъ. А потомъ возвращается къ дѣду.

6. Шейнъ 131 (Минск. г.). Дѣдъ съ бабой пошли искать счастья. Баба находитъ лычко, потомъ ножикъ. Находятъ дохлаго волка. Приносятъ домой, стригутъ. Приходитъ волкъ и поетъ пѣсни. Даетъ по курочкѣ, а потомъ и бабу. Въ вѣдминой хаткѣ. Баба доитъ козъ. Беретъ къ себѣ мужика.

36. Пѣніе волка; волкъ поѣдаетъ всѣхъ животныхъ и старуху.

1. Аѳан. 21 а (Тамбов. г.). Волкъ приходитъ и поетъ пѣсню подъ окномъ. Старикъ (за пѣсни) даетъ ему сначала овецъ, потомъ жеребца, телку и наконецъ старуху. Волкъ всѣхъ поѣдаетъ. — Романовъ 3,11 (Могилев. г.).—Манжура 2 стар. (Екатеринослав. г.). Старикъ и старуха: «Ктобы намъ спѣлъ, отдали бы овечку». Волкъ съѣдаетъ старуху и самаго старика.—Манжура 3 стар. Волкъ и медвѣдь колядуютъ-поютъ. Съѣдаютъ старика и старуху.—Пермск. Губ. Вѣд. 1863 № 40. Волкъ поетъ-воетъ, перечисляетъ всѣхъ животныхъ. Выходятъ послушать. Волкъ съѣдаетъ.—Аѳан. 21 б. Волкъ приходитъ и требуетъ старуху. Старикъ и старуха отдаетъ (по очереди) всю скотину.—Добровольскій 658 ст. (Смол. г.). Сначала старикъ отдалъ овцу и жеребца, а потомъ камнемъ его побиваетъ.—Аѳан. 25b (Тамб. г.). Медвѣдь ходитъ къ старухѣ въ надеждѣ утащить овечку. Старуха стережетъ. Медвѣдь пѣсней отвлекаетъ старуху. Всѣхъ перетаскалъ овецъ (сплет. съ темой № 35).

Klich 102. 1 а. (Продолженіе). Подробная поэтическая обработка. Старикъ отдалъ старуху волку. На дорогѣ она отъ него убѣжала, зашла въ городъ, купила масла, пришла и спряталась дома. Дѣдъ варитъ кашу, она только кладетъ масла. Стали жить по прежнему (сходно по темѣ см. № 35,2а).

2. Пермск. Губ. Вѣд. 1863 г. № 38. Кошечка приноситъ лѣсному старику дѣвочку, мальчика, старика и старуху. Тотъ всѣхъ съѣдаетъ. (Въ высшей степени странная сказка).

37. Волкъ съѣдаетъ свинью.

Аѳан. 22 а (Вологод. г.). Была у старика свинья «востро-рылая». Часто уходила со двора. Волкъ подстерегъ и съѣлъ. — Аѳан. 22б тоже, болѣе поэтическая обработка, риѳмованная рѣчь. — Роман. 3,13

(Могил. г.). — Добровольск. 657 ст. (Смоленск. г.). Хворая свинка днемъ со двора не ходила, а ночью ушла въ поле и т. д. — Безсоновъ 83 ст. (стихотворная передача).

38. Волкъ проситъ у Бога пищи; несчастья волка; встрѣча съ портнымъ.

а. Рудченко I,1 (Полтав. г.), Голодный волкъ проситъ у Бога пищи. Богъ посылаетъ его ѣсть кобылу. Та велитъ ему брать съ заду; бьетъ копытами. Богъ посылаетъ къ барану; бьетъ рогами. Богъ посылаетъ на свинью; та приводитъ къ людямъ. Богъ посылаетъ на человѣка (портного); тотъ мучаетъ волка, обрѣзаетъ ему хвостъ. Догоняетъ его. Портной влѣзъ на дерево. Волкъ собираетъ другихъ волковъ, предлагаетъ влѣзть на него, затѣмъ одинъ на другого и такъ достать. Образуютъ цѣлую кучу. Вдругъ, испуганный портнымъ, нижній волкъ убѣгаетъ, волки обрушиваются, догоняютъ виновнаго и разрываютъ.—Рудченко I,2 (Черн. г.).— Аѳан. 24 b. (безъ подробности «встрѣча свиньи» — Чубинск. II,48. — Рудч. I,2 (Кіевск. г.). Тоже, съ слѣд. измѣненіями: нѣтъ вступленія— обращенія волка къ Богу. Вмѣсто этого взятъ конецъ: Марко (подобно портному) мучаетъ волка, затѣмъ прячется на деревѣ и убѣгаетъ отъ волковъ. Далѣе встрѣча волкомъ кобылы, гусей, барана, свиньи Марковой. — О. Шимченко V (Украинск. ск.), безъ вступленія — обращенія къ Богу; прямо «волкъ и портной»...

39. Волкъ — дурень.

б. Романовъ 3,12 (Могил. г.). Волкъ встрѣчаетъ старика съ саломъ, барана съ ягненкомъ, гусей, кобылу съ жеребенкомъ... Хочетъ поживиться, но послѣ каждой встрѣчи оказывается «дурнемъ». Встрѣчный человѣкъ отрубаетъ ему хвостъ, а самъ спасается на дерево. Волкъ пытается достать. Появляется «сивенькій» старичекъ, раздаетъ хлѣбъ волкамъ, короткохвостому половина, а другая человѣку, что на деревѣ. Хлѣбъ оказывается чудеснымъ. Завидуетъ богатый сосѣдъ, идетъ въ лѣсъ попадаетъ волкамъ.—Гродн. губ. Вѣд. 1864 г. № 44, рядъ встрѣчъ волка. Вначалѣ вступленіе: волкъ спрашиваетъ у комара, чья кровь самая вкусная, тотъ отвѣчаетъ: человѣчья. Волкъ какъ разъ встрѣчается съ человѣкомъ и т. д.—О. Шимченко IV (Украинск. ск.), рядъ встрѣчъ волка-дурня.

с. Бурцевъ II,56. Волкъ встрѣчаетъ бабу въ лѣсу. Хочетъ съѣсть лошадь. Баба говоритъ: погоди, я тебѣ *тота абауку* скажу. Во 2-й разъ—*теплушику* скажу... Потомъ *крѣпушику*. Послѣ объясняетъ эти слова, которыми она избавляется отъ волка-дурня.

д. «Живая Старина» 1895 г. 453 ст. Волкъ проситъ у I. Христа человѣческаго мяса попробовать. Христосъ говоритъ, что оно горькое, но потомъ разрѣшаетъ съ тѣмъ, чтобы ни стараго ни малаго не трогать. Волку такъ пришлось плохо, что онъ призналъ справедливость словъ Христа.

40. Благодаря содѣйствію волка, старой прогнаной собакѣ возвращается расположеніе хозяина.

1. Рудченко I,6 (Полтав. г.). Человѣкъ прогоняетъ старую собаку. Встрѣчный волкъ даетъ совѣтъ: онъ украдетъ ребенка человѣка, а собака его отниметъ и возвратитъ. Такъ и дѣлаютъ. Съ тѣхъ поръ кормятъ собаку.

41. Волкъ у собаки въ гостяхъ; едва не убили волка.

2. (Продолженіе № 40). Рудченко I,5 (Кіевск. г.). Волкъ (оказавшій услугу собакѣ) приходитъ къ ней въ гости. Собака тащитъ лучшіе куски для волка. Подгулявшій волкъ поетъ. Гости открываютъ волка, хотятъ убить. Хозяинъ: «не бейте волка, сірка (собаку) убьете».

2 а. В. Гнатюкъ т. IV ст. 170 стар. (Угорская Русь). Лиса сначала была на свадьбѣ, потомъ зоветъ волка. Волка избили. Далѣе, «битый не битаго везетъ» (см. № 18).

42. Волкъ вызываетъ собаку на войну... судъ...

3 а. (Продолженіе № 40-41). Шейнъ 122 (Минск. г.). Волкъ, обиженный плохимъ пріемомъ, вызываетъ собаку *«на войну»*. Собака беретъ пѣтуха, селезня, кота, а волкъ медвѣдя и льва. Звѣри перепугались и разбѣжались. (См. № 22)—Романовъ 3,10 (Могил. г.) дополн. вар. 2-й—Шейнъ 121 (Минск. г.). Собака, обѣщавшая придти къ волку, не идетъ; волкъ жалуется медвѣдю, вызываютъ *на судъ*. Собака идетъ съ бараномъ, пѣтухомъ, котомъ. Судьи разбѣгаются. — Роман. 3,10 (Могил. г.). Старая собака спасаетъ ребенка; все же плохо кормятъ ее,

живетъ въ банѣ. Волкъ и собака на свадьбѣ; бьютъ ихъ. Волкъ проситъ мяса, проситъ собаку сдѣлать боты изъ кожи. Собака мясо съѣдаетъ, а боты не дѣлаетъ. Зоветъ собаку на судъ. Всѣ звѣри разбѣгаются (см. № 22).—Federowski II,81.—Волкъ кормитъ прогнанную собаку; требуетъ сшить боты. Собака мясо съѣдаетъ, а боты не шьетъ. Волкъ кликаетъ звѣрей, собака приходитъ съ своими. Пораженіе звѣрей (см. № 22). Собака возвращается къ хозяину; опять плохо кормятъ. Уходитъ снова. Далѣе повтореніе исторіи № 40—41 заканчивается гибелью волка.—Kolberg 71 (Махор.).

3 b. (Продолженіе № 41). Шейнъ II (Минск. г.). У волка съ собакой *дружба*; приходитъ волкъ на веселье. Побили волка. Объявляетъ войну. Пораженіе звѣрей (см. № 22).

3 c. (Продолженіе № 40—41). Рудченко I,4 (Кіевск. г.). Убѣжавшій отъ побоевъ волкъ встрѣчаетъ свинью, лошадь, гусей, нарубка хозяина собаки. Хочетъ ихъ съѣсть, тѣ просятъ подождать. Парубокъ губитъ волка (см. № 39).—Fedorow. II,80.—В. Гнатюкъ IV т. 167 стар. (Угорская Русь) Составной варіантъ: 1-я половина (темы № 40—41) рѣчь идетъ про *пана* и дітыску панское, а во 2-й—рѣчь идетъ о лошади, боронѣ, слугѣ *попа*. Волкъ въ концѣ говоритъ: «никда ни хочьу соби заходиті іс попами ничъ».

4. (Продолженіе 40—41,3 c). Чубинск. II,42 (Полтав. г.). Побитый лошадью, бараномъ волкъ хочетъ съѣсть человѣка; лиса предлагаетъ послѣднему спастись отъ волка. *Волку совѣтуетъ лечь на возъ* и т. д. Вмѣсто обѣщанныхъ куръ даетъ собакъ (см. № 25—26).

5. Аѳан. 24 a. Волкъ кормитъ старую прогнанную собаку. Возвращается домой. А когда къ ней приходитъ волкъ, собака его закусала. Затѣмъ обычная встрѣча волка. Охотникъ застрѣливаетъ.

5 a. Гринченко 2,180 (Черниговъ. г.). Прогнанная старая собака встрѣчаетъ волка. Волкъ кормитъ ее. Пріемы волка передъ нападеніемъ на добычу: (роетъ землю, глаза посоловѣли). Гонятъ кота. Собака неудачно пробуетъ пріемы волка и гибнетъ.—Роман. 3,26 (Могилев. г.)—Аѳан. 26, въ серединѣ вставка (№ 40—41).—Добровольскій 655, (Смоленск. г.)—вар., утратившій тему о старой собакѣ.

5 b. Дятелъ кормитъ старую собаку.

5 б. Аѳан. 32 а. Мужикъ прогналъ старую собаку. Дятелъ обѣщаетъ ее кормить. Забавляя бабъ въ полѣ даетъ возможность собакѣ съѣсть ихъ припасы. Далѣе собака ловитъ лису, случайно гибнетъ въ колесахъ телѣги мужика. Дятелъ жестоко мститъ за это мужику: продалбливаетъ бочку съ дегтемъ, клюетъ лошадь въ голову, изъ-за чего мужикъ убиваетъ лошадь, клюетъ ребенка мужика, изъ-за чего мать зашибаетъ ребенка.

Аѳан. 32 б. Дятелъ заводитъ собаку къ мужику на свадьбу (см. № 41). Кормитъ собаку, произведя вокругъ себя безпорядокъ; въ др. домѣ поитъ, продолбивъ дыру въ бочкѣ съ виномъ. Далѣе мужикъ случайно убилъ лису и собаку. Дятелъ мститъ: изъ за него мужикъ убилъ лошадь и перебилъ всѣ горшки въ телѣгѣ.

43. Убогій прогнанный конь наводитъ страхъ.

Рудченко II,8 (Кіевск. г.). Хозяинъ выгналъ старую худую лошадь. Встрѣчается съ «дужимъ (конемъ), што никакого звѣря ни боится». Зоветъ на состязаніе убогаго. Убогій подковой выбиваетъ огонь, щуку поймалъ (та вцѣпилась ему за языкъ, когда онъ пилъ) и т. п. Сильный конь пугается, обращается за помощью къ волку. Тотъ безъ труда зарѣзаетъ убогаго коня.—Шейнъ 12 (Минск. г.). Тоже, вм. дужій конь—левъ. Онъ такъ сжалъ волка, когда несъ къ лошади, что тотъ умеръ. «Гдѣ же тебѣ идти противъ той лошади». Левъ убѣгаетъ.—Federow. II,84. Напуганный левъ заклялъ (этотъ) край и убѣжалъ во Францію. «Теперь во Франціи львы, а тутъ німа».—Гнатюкъ IV,165 (Угорскія сказки). Медвѣдь хвастается, что онъ сильный, предлагаетъ состязаться встрѣчному ослу, прогнанному бабой. Длинноухій оселъ ловитъ ухомъ рыбу. Пораженный медвѣдь, сдѣлавъ попытку, отказывается бороться, прячется въ гущу и не говоритъ о своемъ превосходствѣ.

43. Медвѣдь, лиса, слѣпень собираются мстить мужику, причинившему имъ зло.

Аѳан. 20 (Вологод. г.). Медвѣдь, глядя на пѣгую лошадь, проситъ мужика сдѣлать и его пѣгимъ. Мужикъ раскаленнымъ топоромъ «пѣжитъ»; медвѣдь въ ужасѣ убѣгаетъ. Лиса на полѣ выпила молоко изъ кувшина

мужикъ перебилъ ей ногу (см. № 13). Слѣпню, укусившему мужика, тотъ вставилъ въ задъ соломинку. Всѣ звѣри сходятся, разсказываютъ и идутъ мстить мужику.

44. Волкъ съѣдаетъ (7) козлятъ.

1. Federow. II,6. Коза, уходя, наказываетъ козлятамъ никого не впускать. Приходитъ волкъ, не пускаютъ (поетъ толстымъ голосомъ). Приходитъ другой разъ, поетъ тонкимъ голосомъ. Всѣхъ съѣдаетъ. — Авдѣева № 4. Имѣетъ слѣд. вступленіе: «У старика (?) была коза» и т. д.

45. Коза заставляетъ волка возвратить ея дѣтей.

1 а. (Продолженіе № 44). Аѳан. 23 а (Саратов. г.). Когда волкъ съѣлъ козлятъ, возвращается коза; плачетъ. Волкъ говоритъ, что это не онъ съѣлъ. Коза ведетъ его къ ямѣ съ огнемъ и велитъ прыгать. У волка лопается животъ и всѣ козлята вылѣзаютъ.

Аѳан. 23 б (Тамбовск. г.). Тоже, болѣе подробная передача участвуетъ лиса.—Безсоновъ 115 стар. стихотвор. передача; слабо выражено возвращеніе козлятъ.

1 б. Federow. 12. Лиса наказываетъ лисенятамъ не пускать никого. Приходитъ медвѣдь. Наконецъ и его впускаютъ. Едва не съѣдаетъ. Возвращается лиса, дѣтей спасаетъ, а хатку съ медвѣдемъ поджигаетъ.

46. Требованіе, чтобы былинка качала колыбель. Нашлю на тебя козы, козы волка и т. д.

1. Federow. II,15. Хлопчикъ, чудесно рожденный изъ слюны, на былинкѣ какъ въ колыбели; требуетъ качаться. Былинка отказывается. Насылаетъ козу, на козу волковъ, на волковъ людей, на людей огонь и т. д. Всѣ отказываются. Наконецъ куры идутъ червей клевать, черви идутъ булаву точить, булава быковъ бить и т. д. коза ни былинку.

1 а. Шейнъ 16 (Могилев. г.). Воробей требуетъ, чтобы былинка калыхала его дѣтеныша. Былинка не хочетъ и т. д. — Federow. II,14. Рудченко I,27 (Полтав. г.). Moszyńska 37, небылица 2-я (Кіевск. г.).—

Weryhe 5 (Бѣлорус. ск.). Воробей требуетъ, чтобы былинка колыхала; нѣтъ упоминаній о дѣтенышѣ.

47. «Нѣтъ козы съ орѣхами».

2. (Продолженіе № 46). Аѳан. 27 а. Коза пошла за орѣхами Козелъ поетъ зоветъ на козу волковъ. Нѣтъ волковъ. Зоветъ на волковъ медвѣдей и т. д.—Эрленвейнъ 11 стар. (Тульск. г.).—Безсоновъ 139 стар. — Аѳан. 27 b. — Роман. 3,8 (Могил. г.). — Роман. 3,8, допол. варіанты (Могил. г.).—В. и А. Зенковичей (Могил. г.).

2 а. Шейнъ 15 (Могилев. г.). Тоже, только не въ видѣ пѣсни, а драматич. діалога: «Я нашлю на тебя волка. Волкъ, иди козу ѣсть.— Не пойду и т. д. (Шейнъ 16 тоже)—Безсоновъ 136 ст. Слѣд. оборот- «Коза, гдѣ была? Коней стерегла: Гдѣ кони? Въ лѣсъ ушли, а гдѣ душа? Ушла на небо».

2 b. Романовъ 3,9 (Могилев. г.). Дѣдъ посылаетъ мышь ѣсть сочивку. Мыши не идутъ сочивку ѣсть и т. д.

48. Пѣтушокъ (или курочка) подавился зерномъ.

3. Federow. II,16. Курочка подавилась бобовымъ зерномъ. Пѣтухъ бѣжитъ къ морю, проситъ воды; море посылаетъ къ кабану за клыкомъ, и т. д. до кузнеца. Когда пѣтушокъ вернулся, курку давно черви съѣли. Аѳан. 34 (Арханг. г.). Смерть пѣтушка.—Ончуковъ 277 (Арханг. г.). Манжура 5 (Екатериносл. г.).—Романовъ 3,8 (Могилев. г.) пѣтушокъ ожилъ.—Садовниковъ 49 (Самарск. г.).—Ончуковъ 215 (Олонец. г.). Живая Старина 1895 г. III—IV т. 459 ст. (Малорус. ск.) оч. подробн. перечисленія. — Н. Иваницкій 30 (Вологод. г.). — J. Weryho 16 (Бѣлорус.).

49. Кочетъ и курица (сваливаніе на другого).

3 а. Аѳан. 33 (Тамбов. г.). Кочетокъ и курица пошли за орѣхами. Кочетокъ орѣхомъ ушибъ глазокъ. «Кочетокъ, зачѣмъ ты выбилъ глазокъ. Мнѣ орѣшина партки разыдрала» и т. д. — Сборникъ Матер. для опис. м. Кавказа XV в. 19.—Учитель 1862 г. № 23 (Харьков. г.).

50. Курочка снесла яичко, мышка разбила, происшедшій отсюда сполохъ.

4. Аѳан. 35. Курочка снесла яичко, мышка разбила. Старикъ плачетъ, старуха рыдаетъ. Разсказываетъ просвирнѣ. Та всѣ просвиры изломала. Далѣе, дьячекъ всѣ колокола разбилъ, попъ всѣ книги изорвалъ.—Роман. 3,1 а (Могилев. г.).—3,1 б.—Чубинскій II,24 (Полтав. г.) стихотворная передача.—Гринченко I,156 (Харьков. г.).—Садовниковъ 50 (Самар. г.).—Moszyńska 36, небылица 1-я (Кіевск. г.). Учитель 1862 г. № 23 стихотворн. передача довольно слабая. (Харьков. губ.).

4 а. Ончуковъ 216 (Олонецк. г.). Курочка сполошилась, испуганная развалившимися дровами. Кричитъ: «небо пало». Сообщаетъ пѣтуху и т. д. Конецъ см. № 31.

4 б. Воскр. Досугъ 1871 г. № 19. Курочка несла золотыя яйца. Мышка ихъ крала. Мышку старуха убила. На улицѣ поднялся стукъ. Волга взволновалась. Курочка въ Волгѣ утонула (Вар. странный).

4 с. Роман. 3,380 ст. Нач: Выросло чудесное бобовое зерно; его сломилъ котъ. Вину свалили на курицу и выгнали. (Вар. оч. важный для выясненія происхожденія сказки).

51. Жалоба куръ на пѣтуха и судъ надъ нимъ.

Бурцевъ I,9—104. Пѣтухъ ушелъ съ своего двора на чужой. Жалоба куръ. Поиски пѣтуха. Допросъ. Рѣшеніе суда. Возвращеніе. (Стихотворная передача).—Ровинскій I,65 (церковно-книжная передача).

52 а. Журавль и цапля другъ къ другу сватаются.

Аѳан. 36 (Вологодск. г.). Шейнъ 125 (Могилев. г.) — болѣе подробная передача.

52 б. Шершень и пчела.

Federow. II,2. Шершень предлагаетъ пчелѣ выйти за него замужъ. Пчела проситъ подождать до осени. Когда же осенью пчела прилетаетъ, шершень замеръ. .

53. Судъ надъ вороной.

Аѳан. 38. Ворона забижаетъ птицъ. Жалуются орлу. Тотъ зоветъ ее на судъ. Ворона оправдывается, говоря, что все это напраслина. Орелъ присуждаетъ посадить въ острогъ. — Эрленвейнъ 15 ст. (Тульской г.). Только небольшая часть варіанта ворону судитъ орелъ; въ остальномъ богатая живописная характеристика птицъ, внѣ какой либо сказочной исторіи.

53 а. Пермск. Сборн. I,7. Птицы выбираютъ царя. Каждая птица со своимъ прозвищемъ.—Пермск. Губ. Вѣд. 1863 г. № 43. Дѣтская звукоподражательная сказка-прибаутка о птицахъ. — Иваницкій 56 (Вологодск. г.). Свадьба сыча. (Аналогичный перечень птицъ).

А. Смирновъ.

Къ вопросу о взаимоотношеніи Еллинскихъ Лѣтописцевъ и Архивскаго (Іудейскаго) хронографа.

Въ своемъ изслѣдованіи о редакціяхъ Толковой Палеи (Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. т. XI, 1906 г.) я пришелъ къ заключенію, что между Еллинскимъ Лѣтописцемъ, извѣстнымъ подъ именемъ второй редакціи, и хронографической Палеей (Палеей, слитой съ хронографомъ) полной (или второй) редакціи существуетъ тѣсная связь. Ихъ авторы, при составленіи своихъ работъ, имѣли, между прочимъ, по одинаковому источнику, который авторомъ Палеи названъ «Хронографомъ по великому изложенію». Этимъ хронографомъ воспользовался и авторъ краткой хронографической Палеи (третьей редакціи). «Хронографъ по великому изложенію», какъ онъ выясняется изъ анализа указанныхъ трехъ памятниковъ, заключалъ въ себѣ выдержки изъ славянскаго (древняго, такъ называемаго болгарскаго) перевода хроники Амартóла въ нѣсколько обработанномъ текстѣ съ прибавленіемъ къ нему извѣстій церковнаго характера; историческія событія были расположены въ немъ уже съ указаніемъ лѣтъ отъ сотворенія міра; въ немъ не было еще многихъ составныхъ частей, какъ напр. хроники Іоанна Малалы, библейскихъ книгъ и др.. Хронографъ этотъ нѣсколько разъ обработывался. Во-первыхъ, онъ подвергся нѣкоторому сокращенію, получилъ нѣсколько незначительныхъ добавленій изъ библейскихъ книгъ, изъ хроники Малалы, и въ такомъ видѣ мы его

имѣемъ въ полной хронографической Палеѣ. Во-вторыхъ, онъ подвергся сильному распространенію: онъ былъ пополненъ въ обширныхъ размѣрахъ хроникой Іоанна Малалы, хроникой Георгія Амартола, Видѣніями Даніила, библейскими книгами, Александріей второй редакціи, въ результатѣ чего и явилась такъ называемая вторая редакція Еллинскаго Лѣтописца. Благодаря тому что пользованіе хроникой Георгія Амартола было двоякое, Еллинскій Лѣтописецъ и содержитъ двоякій видъ хроники. Текстъ, содержащій пропуски и дополненія и сходный съ таковымъ же въ полной Палеѣ, принадлежитъ болѣе древнему времени т. е. «Хронографу по великому изложенію» (хотя самый текстъ является уже ея наслоеніемъ), а текстъ безъ пропусковъ и наслоеній принадлежитъ къ чистому Амартолу, который взятъ уже самимъ авторомъ Еллинскаго Лѣтописца.

Въ какомъ отношеніи находится первая редакція (по Попову) Еллинскаго Лѣтописца ко второй и къ хронографической Палеѣ? Первый изслѣдователь Еллинскаго Лѣтописца, А. Поповъ, опредѣлялъ вторую редакцію какъ вышедшую непосредственно изъ первой. Въ этомъ мнѣніи онъ укрѣпился, когда ознакомился съ Чудовскимъ спискомъ второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца (№ $^{51}|_{353}$), сохранившимъ начало въ видѣ библейскихъ книгъ. Его заключеніе таково: «№ 280 (Синодальный) по прежнему есть 1-я ред.: въ ней два основныхъ источника, Іоаннъ Малала и Георгій Амартолъ, приводятся въ раздѣльномъ видѣ, *не сливаясь, не перевмѣшиваясь одинъ съ другимъ*, съ сохраненіемъ даже *записи*, гдѣ окончился хронографъ Іоанна Антіохійскаго Малалы. 1-я редакція полнѣе, менѣе искаженно передаетъ текстъ Малалы, чѣмъ 2-я. Если мы ограничимся однимъ Іоанномъ Антіохійскимъ Малалою, то изъ сличенія оказывается, что Чудовская рукопись могла быть составлена по 1-й ред., но ни въ какомъ случаѣ *изъ Чудовской рукописи* не могла произойти 1-я редакція. Дѣло такъ: 1-я редакція составлена по Іоанну Малалѣ и Георгію Амартолу; вторая редакція видоизмѣняетъ первую, дополняетъ ее тѣмъ же Георгіемъ Амартоломъ и другими источниками (между проч. и русск. лѣтоп. статьями), но Іоанна Малалу передаетъ кратче» (Библіографическіе матеріалы А. Н. Попова въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс. 1889 г. кн. 3-я).

Что касается перваго утвержденія, то на немъ нѣтъ нужды останавли-

ваться: первая редакція не могла выйти изъ второй, такъ какъ въ послѣдней нѣтъ всѣхъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ можно бы выводить первую редакцію. Что касается до послѣдняго или до вывода о возможности выводить вторую редакцію изъ первой, то это, конечно, возможно при условіи одинаковости взятаго тамъ и тутъ текста. Само по себѣ указанное Поповымъ соприкосновеніе первой и второй редакцій не будетъ рѣшать непремѣнно въ пользу непосредственной зависимости второй редакціи отъ первой. Могла, во-первыхъ, существовать еще редакція, болѣе древняя, близкая къ редакціи первой, содержавшая въ себѣ все то, что является общимъ въ обѣихъ редакціяхъ, и подвергнутая обработкѣ обоими редакторами независимо другъ отъ друга. Но, кромѣ этого, возможно и другое. Такъ какъ главное содержаніе обѣихъ редакцій составляютъ хроники Іоанна Малалы и Георгія Амартола, то вполнѣ возможно, что обѣ редакціи составлены непосредственно на основаніи этихъ хроникъ, независимо другъ отъ друга, причемъ каждый редакторъ пользовался хрониками по своему, присоединяя, кромѣ того, и другіе источники, одинъ—въ большемъ размѣрѣ (вторая редакція), другой—въ меньшемъ.

Посмотримъ, въ какомъ соотношеніи находятся въ обоихъ памятникахъ отдѣльныя части различнаго происхожденія, и начнемъ съ хроники Іоанна Малалы. Въ данномъ случаѣ мы можемъ говорить лишь въ предѣлахъ VI—X книгъ (словъ) греческаго подлинника, такъ какъ предшествующія книги во второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца не сохранились, а послѣдующія (XIII—XVIII) совершенно совпадаютъ въ обѣихъ редакціяхъ. Въ первой редакціи отъ книгъ I — III сохранились лишь отрывки и притомъ частію въ сокращенномъ видѣ; книги IV—V, XI и XII совсѣмъ не сохранились. Книги VI—X въ первой редакціи представляютъ сплошной текстъ, безъ раздѣленія его другими источниками, тогда какъ во второй редакціи (а также и въ Архивскомъ хронографѣ) текстъ Малалы переплетается съ выдержками изъ другихъ источниковъ. Относительно объема обѣ редакціи почти одинаковы, но во второй редакціи замѣчается противъ первой нѣсколько пропусковъ, объясняющихся тѣмъ, что редакторъ, разбавляя хронику другими источниками, по ошибкѣ пропускалъ нѣкоторыя извѣстія. Но такихъ пропусковъ немного, и наибольшее количество ихъ падаетъ на X книгу, а именно, по

Боннскому изданію—1) 227,1—229,12; 2) 239,18—241,12, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ. Первая редакція Еллинскаго Лѣтописца этихъ пропусковъ не имѣетъ, и поэтому, на этомъ основаніи нельзя отрицать возможности происхожденія второй редакціи изъ первой.

Но вторая редакція съ первой часто составляютъ одну группу въ противоположность Архивскому хронографу; такъ напр., съ одной стороны, X книга въ обѣихъ редакціяхъ не имѣетъ соотвѣтствія греческому тексту 258,10—260,9, но съ другой—сохраняется: 1) начало VI книги, 2) 160,10 — 161,4, 3) конецъ VIII книги, и 4) въ концѣ X книги 260,15—261,8; кромѣ того, есть нѣсколько мелкихъ случаевъ такого рода совпаденія.

Что касается самаго текста хроники въ обѣихъ редакціяхъ Еллинскаго Лѣтописца, то онъ также представляетъ много общаго, сравнительно съ текстомъ въ Архивскомъ хронографѣ. Съ одной стороны, въ рядѣ случаевъ обѣ редакціи Еллинскаго Лѣтописца даютъ вѣрное чтеніе сравнительно съ Архивскимъ текстомъ, гдѣ чтеніе въ этихъ случаяхъ является позднѣйшимъ; напр. чтеніе Еллинскихъ Лѣтописцевъ Єгиптане есмо, прїидохомъ вьпрашати Поуфїа и ѿ поути длъга забыхомъ что приносити прїидохомъ и что вьпрошати = Αἰγύπτιοί 'εσμεν καὶ ἔλθομεν 'επερωτῆσαι τὴν Πυθίαν καὶ 'εκ τοῦ μήκους τῆς ὁδοῦ 'εληθαργήσαμεν διὰ τί ἤλθομεν 'επερωτῆσαι ἢ αἰτῆσαι (Бонн. 155,2-3), въ Архивскомъ же короче — Єгиптане есмо и прїидоша нечто вьпрошати; или — ѡставше прїидоша вь Iерлимъ = 'αφέντες κατέλαβον τὴν Ἱερουσαλήμ 159,8-9, въ Архив.— ѡставше вь Iерлимѣ. Всѣ случаи соотвѣтствія текстуальнаго совпаденія редакцій Еллинскаго Лѣтописца съ греческимъ оригиналомъ указаны въ моемъ изданіи VI — IX книгъ хроники.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ рядъ случаевъ, когда обѣ редакціи даютъ чтеніе непервоначальное сравнительно съ греческимъ оригиналомъ; напр. Поугмалія = Πουγμαλίων (163,4) при Пжгвїи Ел. Лѣт., или напр. и вьходѣ (вар. во исходѣ) оуби мечемъ Полоуфимъ Посидонїа = καὶ εἰς τὴν συμβολὴν ξίφει ὁ Πολύφημος τὸν Ποσειδώνιον ἀνεῖλε (Б. 164,17), что въ Ел. Лѣт. читается: и вьсхотѣ оубити мечемъ П. П. Такихъ примѣровъ встрѣчается довольно боль-

шое количество, и они дали право проф. Шестакову сказать, что списки Еллинскаго Лѣтописца (Синод. 280 и 86) заставляютъ насъ предполагать для нихъ особую общую редакцію текста перевода («О значеніи славянскаго перевода хроники Іоанна Малалы для возстановленія и исправленія ея греческаго текста — Византійскій Временникъ, т. I, 1894 г. стр. 503 и слѣд.).

Но проф. Шестаковъ также замѣтилъ, что текстъ второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца (Синод. 86) нѣсколько дальше отстоитъ отъ оригинала, нежели текстъ первой редакціи. Дѣйствительно, чтеніе второй редакціи, сходясь во многихъ случаяхъ, съ чтеніемъ первой редакціи, въ цѣломъ рядѣ случаевъ представляетъ какъ-бы послѣдующую ступень. Правда, здѣсь надо имѣть въ виду то, что судить объ уклоненіи текста хроники во второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца можно лишь при привлеченіи нѣсколькихъ ея списковъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ особенность чтенія должно относить не къ самой редакціи, а только къ отдѣльному ея списку, напр.:

Чудов. сп. 51/353: прѣложены бъіша с҃тыꙗ книгы Іоудѣиски въ Еладьскъіи азикъ ѿ ·о҃· и двоу оучтлю по семьдѣсѧт и двоу дніѭ. бѣахоу бо написанъі еврейскъімъ ꙗзыкомъ, ꙗко хотащоу самомоу томоу Птоломѣю Еладьскою речью силу книгъ разоумѣти.

Соф. 1320, Пискар.: прѣложены бъіша книгъі Июдеискыа Еллиньскы азъікомъ ѿ ·оѕ· оучтлю пѯ седмидесать и двою днью. бахж бо писаны еврейскы, ꙗкоже хотащу самомоу тому Птоломѣю Еллиньскою рѣчью силу книгъ разумѣти.

Здѣсь первенство будетъ за списками Софійск. и Пискар., которые, хотя и удаляются нѣсколько отъ чтенія первой ред. Елл. Лѣт. и Архив. хронографа, однако ближе къ нимъ и слѣд. къ оригиналу: ἡρμηνεύθησαν αἱ βίβλοι τῶν Ἰουδαίων ἑλληνιστὶ παρὰ τῶν οβ´ διδασκάλων δι᾽ ἡμερῶν οβ´. ἦσαν γὰρ γεγραμμέναι ἑβραϊστί. οἷα τοῦ αὐτοῦ Πτολεμαίου βουληθέντος ἀναγνῶναι δι᾽ Ἑλληνικῆς φράσεως τὴν δύναμιν τῶν Ἰουδαϊκῶν βιβλίων (196,18-21).

За вычетомъ случаевъ измѣненія текста въ одномъ лишь спискѣ, остаются случаи измѣненія, возводимые къ общему оригиналу второй редакціи. Измѣненія касаются большею частью отдѣльныхъ словъ и очень рѣдко—цѣлыхъ выраженій, въ родѣ слѣдующаго:

Архив. Синод. 280: Соурію же и Вавилонию и Палестины и повелѣ держати и цр҃твовати Селеоукоу Никатороу иже въ Асии цр҃твова и оубивъ Антигона, свади палегаа с нимъ, рекыи, създалъ е҃ градъ близъ езера и рѣкы Драконта, иже прозва Антигонию.

Софійск. Пискар. Чуд.: А в Соурии и в Вавилонѣ и в Палестине цр҃твова перво҃ цр҃ь Селеоукъ Никакоторо (вар. Никаторъ), иже оуки Антигона и цр҃твова (вар. цр҃твовавшаго) въ Асии, свади полега с ни҃, рѣкыи, и създалъ есть гра бли҃ езера и рѣкыа Драконта, а еже прозва въ свое имѧ Антигонію.

Греческому соотвѣтствуетъ Арх. Синод.: Τῆς δὲ Συρίας καὶ Βαβυλωνίας καὶ Παλαιστίνης διετάξατο κρατεῖν καὶ βασιλεύειν Σέλευκον καὶ Νικάτορα. ὅστις καὶ τῆς Ἀσίας ἐβασίλευσε φονεύσας τὸν Ἀντίγονον. πόλεμον γὰρ συνέβαλε μετ' αὐτοῦ, διότι ἔκτισε πόλιν πλησίον τῆς λίμνης καὶ τοῦ ποταμοῦ τοῦ Δράκοντος, ἥντινα ἐκάλεσεν Ἀντιγωνίαν—Бонн. 197,23—198,4.

Такимъ образомъ, у насъ получаются относительно пользованія хроникой Малалы такія заключенія: 1) текстъ второй редакціи весь покрывается первой редакціей; наоборотъ, текстъ первой редакціи не покрывается текстомъ второй: послѣдняя имѣетъ пропуски, которыхъ нѣтъ въ первой; 2) первая и вторая редакціи Еллинскаго Лѣтописца имѣютъ въ предѣлахъ хроники Малалы не мало между собой общаго: а) удерживаютъ первоначальное чтеніе оригинала въ противоположность позднѣйшему Архивскому чтенію; в) имѣютъ рядъ общихъ уклоненій отъ первоначальнаго чтенія; 3) прототипъ второй редакціи допустилъ съ своей стороны нѣсколько видоизмѣненій и вставокъ (отдѣльныхъ словъ), вслѣдствіе чего текстъ еще болѣе уклонился отъ первоначальнаго; 4) отдѣльные списки второй редакціи въ свою очередь вносили нѣкоторыя незначительныя измѣненія.

Изъ всего этого можно вывести только одно, а именно, что указанныя данныя не препятствуютъ признать возможнымъ мнѣніе Попова о происхожденіи второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца непосредственно изъ первой, но — только не препятствуютъ: съ одинаковымъ правомъ можно предполагать другую судьбу Еллинскаго Лѣтописца и въ частности — хроники Малалы. Сама хроника Малалы могла существовать въ двухъ редакціяхъ, въ болѣе первоначальной, вошедшей въ Архивскій хронографъ, и въ нѣсколько варіированной, которой оба редактора независимо другъ отъ друга и воспользовались, причемъ авторъ второй редакціи съ своей стороны внесъ нѣсколько варіантовъ.

Но вотъ съ какимъ фактомъ мы, между прочимъ, встрѣчаемся. Еще Поповъ указалъ, что царствованіе Юліана Отступника въ первой редакціи составлено по хроникѣ Іоанна Малалы съ одной вставкой изъ хроники Георгія Амартола (Поповъ I, 46—47; вставка—Бооръ 546,5-20), слѣдуемой за Малалой 331,1-17. Я, въ свою очередь, указалъ, что вторая редакція въ данномъ случаѣ близко соприкасается съ полной и краткой хронографическими Палеями, имѣя одинъ и тотъ же сокращенный текстъ хроники Георгія Амартола съ небольшими дополненіями. Текстъ второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца весь покрывается двумя указанными памятниками—первой редакціи Еллинскаго Лѣтописца и Палеей, причемъ указанная Поповымъ вставка изъ Амартола въ хронику Малалы читается и во второй редакціи и на томъ же самомъ мѣстѣ, что и въ первой редакціи. Это обстоятельство не лишено значенія. Или мы должны предполагать существованіе такого списка хроники Іоанна Малалы, гдѣ была данная вставка изъ хроники Георгія Амартола, или же въ первой редакціи Еллинскаго Лѣтописца въ данномъ случаѣ должны видѣть непосредственный источникъ второй редакціи, на ряду съ «Хронографомъ по великому изложенію».

Вмѣстѣ съ этимъ вызывается вопросъ объ отношеніи обѣихъ редакцій въ предѣлахъ хроники Георгія Амартола. Согласно вышесказанному, мы ожидаемъ встрѣтить во второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца двоякій видъ текста хроники: 1) взятый изъ «Хронографа по великому изложенію» и 2) другого происхожденія. Первый долженъ будетъ представлять легкую обработку первоначальнаго текста съ небольшими дополне-

ніями, другой—будетъ давать непередѣланный текстъ хроники. Дѣйствительно, на нѣкоторыхъ примѣрахъ это можетъ обнаружиться ясно. Возьмемъ царствованіе Доментіана, о которомъ я говорилъ и въ изслѣдованіи о Толковой Палеѣ. Въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ второй редакціи (Пискаревскій, л. 249—250) исторія Доментіана состоитъ изъ двухъ отдѣловъ подъ двумя заглавіями: 1) «Цр҃тво ѕ҃і Доментиане сн҃а Оуспасиана иже цр҃твова в Римѣ и 2) О Аполонии влъхвѣ. Подъ послѣднимъ заглавіемъ приводится буквальная выдержка изъ хроники Георгія Амартола (Booръ 444,14—446,24), начинающаяся—«И Аполони Тиꙗнъ знаема вашеı»... Сравненіе съ подлиннымъ текстомъ хроники показываетъ, что выдержка взята изъ обычно распространенной въ русской литературѣ редакціи, представляющей легкую обработку оригинала — редакціи S [1]). Первый же отдѣлъ въ одномъ мѣстѣ даетъ видоизмѣненное чтеніе и, кромѣ того, имѣетъ небольшую прибавку; тѣмъ и другимъ Еллинскій Лѣтописецъ сближается съ хронографической Палеей, а именно (Списки — Пискаревскій, Чудовской, Синодальный):

Еллинск. Лѣтоп.	*Палея.*
1. По Титѣ же цр҃твова Доментіанъ бра҃ его [Оуспасиановъ сн҃ъ меншіи] лѣ҃ ·ѕ҃і.· и оубіенъ бы҃ въ цр҃кви Рімстѣи съвѣтомъ своеа емꙋ женъı. и ҃тако пріатникъ братена бы҃. ни возревновавъ въ ѿтни ни в братни добродѣтели ни (вар. но) в Тиверıево и в Нероново лиходѣаніе изліше.	По Титѣ же цр҃твова Доментіанъ братъ его лѣ҃ ѕ҃і. и оубіенъ бы҃ въ цркви Римстѣи съвѣтѡ ему своеа жены. и не возревновавъ ѿтни ни братни добродѣтели, но Тиверıево и Нероново лиходѣаніе излише.

1) Буквой S я буду обозначать редакцію хроники Георгія Амартола, представляемую всѣми списками, кромѣ Акад. сп. № 100; см. мою статью «Къ изданію такъ называемаго болгарскаго перевода хроники Георгія Амартола» въ Извѣстіяхъ Отд. рус. яз. т. XV (1910 г.). кн. 2.

2. И еще же всякою злобою прешеⷣ и оубиıствомъ и с женами и с мѹжи блѹⷣ творити на моужескыи полъ вкѹпѣ вѣсовьствіа исполненъ бꙑⷭ себе же безъбжⷭтвенꙑи къ кончинѣ бгмъ сътвори.	Оубіиствѡⷨ и с женами блоуⷣ створи на мужескъ полъ.
3. Тѣмъ оубо ненавистенъ всѣмъ...	
4. При томъ Іѡаннъ Бгословецъ еѵⷢалистъ в Патмѣ ѡстровѣ заточенъ бꙑⷭ, а Тимоѳеи апⷭлъ и Ѡнисимъ моуⷱна быста.	И при томъ Тимофѣи апⷭлъ и Ѡнисиⷨ мчⷭна быста и Іѡаннъ бгословецъ въ Патфѹ заточенъ бꙑⷭ.
5. И Севастьяна ѿ града Севаста Фрачьскаго и Антипа Севастіискыи (на поляхъ Амасиискы) еппъ.	И Севастіанъ ѿ града Севаста Фрачьскаго, Антипа еппъ Амасіискꙑи.

§§ 1-й и 4-й одинаково даютъ первоначальный текстъ Георгія Амартола; § 3-го нѣтъ въ Палеѣ; § 2-й имѣетъ одинаковое измѣненное начало, которое въ подлинномъ текстѣ Амартола читается: еще же и всякоу видь злобѣ прешедъ оубииствомь и женывѣсовьствиемь коупно и моужевѣсовьствиемь исполненъ бꙑⷭ = καὶ δὴ πᾶν εἶδος κακίας 'επελθὼν καὶ μιαιφονίας τε καὶ γυναικομανίας ἅμα καὶ ἀνδρομανίας 'ανάπλεος γενόμενος (Боор. 444, 4—5); § 5-й есть собственное добавленіе Палеи и Еллинскаго Лѣтописца. Отсюда слѣдуетъ, что Палея сокращала свой источникъ (§§ 2 и 3-й), Еллинскій же Лѣтописецъ его удерживалъ весь, прибавляя при этомъ, съ своей стороны, для связи отдѣльныя слова. Измѣненіе текста въ § 2 и добавленіе § 5-го должны всецѣло относиться къ общему источнику, т. е. къ «Хронографу по великому изложенію»; ничего подобнаго мы не находимъ ни въ одномъ изъ списковъ полнаго Амартола (ихъ извѣстно восемь) ни въ первой редакціи Еллинскаго Лѣтописца (Синод. 280), который въ данномъ слу-

чаѣ имѣетъ подлинный текстъ Амартола. Послѣдній по списку Академическому № 100 читается такъ (съ варіантами изъ другихъ списковъ и изъ Синод. 280): По Титѣ цр҇твова Доментиꙗнъ, братъ его, лѣ҇ ·еі· и оубиенъ бы҇ въ Римьстѣи црькви (въ цркви римьстѣи = ἐν τῷ ναῷ Ρώμης) свѣтомь своеꙗ емоу жены, и такоу же приꙗтаю бы҇ (тако прiатникъ братень бы҇ = οὕτω διάδοχος τοῦ ἀδελφοῦ γενόμενος), ни ѡтаню ни братаню възревновавъ добры жизни, но Тиверьево и Нероново лиходѣание изліше. еще же и всякоу вида злобѣ (Синод.: и еще же всякою злобою) прешедъ, оубииствомь и женывесовьствиемь коупно и моужевесовьствиемь исполненъ бы҇, себе безбожьствьны кончинѣ (безбожьствьныи къ кончинѣ = ὁ ἄθεος τελευταῖον) бгмь створи. тѣмь оубо ненавистенъ всѣмъ и Ѡриновенъ и оубииствиꙗ ра҇ и звѣринообразьемь (звѣрнообразьемь) и скверьнеи воли ижаньныи себе наре҇, оуставно (Синод. оуставі) зѣло достоꙗние своеꙗ мерзости приꙗтъ, нелѣпою смр҇тью и мерзъкою и скверною (Синод. скверною и мерзъкою) испроверже житие, ꙗкоже ре҇но бы҇ (л. 185-а, Ббоp 443,18—444,11). — По приведеннымъ варіантамъ съ греческимъ текстомъ заключаемъ, что текстъ хроники Георгія Амартола въ обѣихъ редакціяхъ Еллинскаго Лѣтописца принадлежалъ къ обычной редакціи хроники, представляемой всѣми извѣстными списками, кромѣ академическаго.

Однако, не все здѣсь является яснымъ. Казалось бы, что общій выводъ простъ: Въ «Хронографѣ по великому изложенію» текстъ хроники Георгія былъ взятъ въ обычной русской редакціи, подвергся частями дополненію и перефразировкѣ и въ такомъ видѣ перешелъ въ вторую редакцію Еллинскаго Лѣтописца; хронографическая же Палея полной редакціи его сократила; первая же редакція въ такихъ случаяхъ заимствовала текстъ изъ полнаго Амартола и переработкѣ его не подвергала. Но нѣкоторые варіанты сближаютъ другъ съ другомъ первую и вторую редакціи Еллинскаго Лѣтописца, удаляя ихъ отъ обычнаго текста хроники Георгія Амартола, и не только въ предѣлахъ текста, перешедшаго въ первую редакцію изъ «Хронографа по великому изложенію», но и въ предѣлахъ текста, взятаго непосредственно изъ полной хроники. Таковы отмѣчен-

ные выше варіанты Синод. 280 (первая ред. Елл. Лѣт.)—1) и еще же всякою злобою, греч. καὶ δὴ πᾶν εἶδος κακίας, 2) оустави, греч. εἰκότως. И въ слѣдующемъ разсказѣ объ Аполлоніи Тіанскомъ встрѣчаются въ обѣихъ редакціяхъ варіанты, не оправдывающіеся ни полными списками хроники Георгія Амартола ни ея греческимъ оригиналомъ, напр. створи мѣданы скорпіи и погребе и҆ в земли, при обычномъ чтеніи—сътворивъ мѣданы (Син. мѣданъ) скоропіи и погребъ ихъ въ земли = ποιήσας χαλκοῦν καὶ χώσας αὐτὸν ἐν τῇ γῇ, или—сбываютъ сътворенны (вар. створеная) създанная стоящая при обычномъ чтеніи сбываются створеныя стоящая = 'ενεργοῦσι τὰ ἀποτελέσματα ἱστάμενα (Бооръ, 445,13 — 14). Должны ли мы предполагать существованіе какого-то особаго списка (или списковъ) хроники, или была какая-то другая связь между редакціями Еллинскаго Лѣтописца—на основаніи двухъ-трехъ примѣровъ затруднительно высказать что-либо опредѣленное.

Въ какомъ отношеніи находятся обѣ редакціи Еллинскаго Лѣтописца къ Архивскому хронографу, названному мною Іудейскимъ хронографомъ? Вопросъ этотъ возникаетъ, прежде всего, потому, что оба памятника представляются тѣсно связанными въ отношеніи хроники Іоанна Малалы: послѣднюю мы знаемъ только изъ этихъ именно памятниковъ. По содержанію между ними общаго нѣтъ ничего: Еллинскіе Лѣтописцы представляютъ намъ изложеніе всемірной исторіи, Архивскій хронографъ—спеціально исторіи еврейской. Но они могли зависѣть другъ отъ друга по происхожденію, заимствуя другъ отъ друга (или одинъ какой-либо изъ нихъ) тѣ или другія части. Однако, точекъ соприкосновенія между данными памятниками мало. Прежде всего, надо имѣть въ виду, что Архивскій хронографъ въ своемъ настоящемъ видѣ есть уже вторичное явленіе, дающее намъ переработку болѣе древняго историческаго сборника, не имѣвшаго характера еврейской исторіи. Кромѣ Архивскаго хронографа, о послѣднемъ мы можемъ судить по очень краткому Софійскому хронографу № 1454, о которомъ я говорилъ въ «Изслѣдованіяхъ въ области древнерусской литературы». Въ этомъ первооригиналѣ общимъ съ Архивскимъ хронографомъ были: 1) Шестодневъ, составленный изъ Шестоднева Іоанна, екзарха Болгарскаго, и изъ бесѣдъ Златоуста, 2) хро-

ника Іоанна Малалы въ первоначальномъ видѣ, безъ пропусковъ и съ раздѣленіями на слова, 3) Александрія; но не было: 1) Исторіи Іудейской войны Іосифа Флавія, 2) библейскихъ книгъ; не было сплошного заимствованія изъ хроники Георгія Амартола, перешедшаго въ Софійскій хронографъ. Рѣчь можетъ идти только о хроникѣ Іоанна Малалы да о тѣхъ немногихъ заимствованіяхъ изъ хроники Георгія Амартола, которыя мы находимъ въ Архивскомъ хронографѣ. Если возьмемъ первую, то ясно, что ни Архивскій хронографъ не могъ выйти ни изъ одной редакціи Еллинскаго Лѣтописца, ни редакціи Еллинскаго Лѣтописца не могли выйти изъ Архивскаго хронографа. Въ редакціяхъ Еллинскаго Лѣтописца нѣтъ IV и V книгъ хроники Малалы, читаемыхъ въ полномъ видѣ въ Архивскомъ хронографѣ; съ другой стороны, въ Архивскомъ хронографѣ нѣтъ отрывковъ изъ III книги и изъ XIII—XVIII книгъ, читающихся въ обѣихъ редакціяхъ Еллинскаго Лѣтописца. Въ прототипѣ Архивскаго хронографа была вся хроника, какъ показываетъ Софійскій списокъ 1454, и слѣдовательно, если бы и надо было говорить о взаимной связи разбираемыхъ памятниковъ, то пришлось бы возводить ихъ къ предполагаемому протографу Архивскаго, т. е. предполагать, что въ Еллинскіе Лѣтописцы хроника Малалы взята изъ послѣдняго. Но это собственно ничего бы намъ не дало, такъ какъ это было бы все равно, что предполагать заимствованіе Еллинскимъ Лѣтописцемъ хроники Малалы изъ отдѣльнаго списка. Архивскій хронографъ точнѣе передавалъ свой оригиналъ, хотя все-таки допускалъ противъ него нѣкоторыя отмѣны, вслѣдствіе чего первоначальное чтеніе, какъ видѣли, удерживается иногда въ спискахъ Еллинскаго Лѣтописца. Но намъ остается пока не вполнѣ яснымъ, кто производилъ въ текстѣ хроники тѣ отмѣны, которыя вошли въ Еллинскій Лѣтописецъ—редакторъ ли послѣдняго или редакторъ его предшественника, будетъ ли то въ отдѣльномъ видѣ хроника Малалы или историческая компиляція, содержавшая всю хронику цѣликомъ. Во всякомъ случаѣ, мы должны признать въ предѣлахъ хроники Малалы независимое другъ отъ друга происхожденіе Архивскаго хронографа и Еллинскихъ Лѣтописцевъ.

Въ своемъ изслѣдованіи объ «Александріи русскихъ хронографовъ» я указалъ, что хроника Георгія Амартола вошла въ Архивскій хроно-

графъ въ очень незначительномъ видѣ; авторъ бралъ изъ нея только тѣ свѣдѣнія, которыя касались спеціально событій изъ еврейской исторіи (Александрія, стр. 351—2). Однако, въ предѣлахъ ветхозавѣтной исторіи въ Архивскомъ хронографѣ хроника Георгія представлена въ большемъ объемѣ, чѣмъ въ первой редакціи Еллинскаго Лѣтописца. Несмотря на то, что во всѣхъ трехъ памятникахъ есть одинаковыя заимствованія изъ хроники, связь между ними по происхожденію установить невозможно. Такъ какъ о второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца мы можемъ говорить начиная только съ Александріи, то заимствованія изъ хроники Георгія Амартола въ первой части Архивскаго хронографа могли бы сопоставляться съ таковыми же лишь въ первой редакціи Еллинскаго Лѣтописца, но ихъ-то и нѣтъ въ послѣдней; это—вставки въ исторіи Авраама, Исаака, Іакова, Давида, Сеннахирима, Товита, Іосіи, Іоахаза, Іоакима, Седекіи, Навуходоносора — то, что читается въ предѣлахъ 65—179 страницъ по изданію Муральта (Бооръ — 245). Въ дальнѣйшемъ изложеніи заимствованія идутъ въ такомъ порядкѣ (по изданію Боора):

Архив. хроногр.	*Синод. 280.*
264,19—265,16	264,19—269,6
269,21—270,5	
272,1—17	
276,16—284,4	
39,12—20	
287,15—292,19	287,15—292,19
308,9—309,16	
312,4—317,6	
318,21—323,4	
323,13—324,18	323,6—324,11
327,9—19	
371,10—376,11	371,10—382,17

Изъ этой таблицы явствуетъ, что Архивскій хронографъ заимствовалъ текстъ хроники Георгія Амартола никакъ не изъ первой редакціи Еллинскаго Лѣтописца, такъ какъ въ послѣднемъ многаго не достаетъ

сравнительно съ первымъ. Конечно, у насъ нѣтъ никакихъ основаній въ данномъ случаѣ предполагать и существованіе какого-либо общаго для нихъ источника, кромѣ непосредственной хроники Георгія Амартола, которой авторъ Архивскаго хронографа пользовался съ опредѣленной цѣлью, тогда какъ въ первой редакціи Еллинскаго Лѣтописца изъ того-же Амартола взята напр. вся исторія съ царствованія импер. Галбы до Юліана Отступника (см. Поповъ, I, 45). Если привлечемъ для сравненія вторую редакцію Еллинскаго Лѣтописца, то мы найдемъ тамъ текстъ хроники Георгія, который, не встрѣчаясь въ первой редакціи Еллинскаго Лѣтописца, читается въ Архивскомъ хронографѣ, напр. Бооръ 276,19—284,8 или напр. Бооръ 278,2—284,4. Но какъ бы ни соприкасались своими выдержками изъ хроники Амартола Архивскій хронографъ и вторая редакція Еллинскаго Лѣтописца, ихъ никоимъ образомъ нельзя въ данныхъ предѣлахъ вывести одно изъ другого, такъ какъ тамъ и тутъ одна и та же выдержка изъ хроники настолько различно переплетается съ другими источниками, что не можетъ быть и рѣчи ни съ той ни съ другой стороны о непосредственномъ заимствованіи. Такъ, если для примѣра возьмемъ текстъ Георгія Амартола въ предѣлахъ Бооровскаго изданія 287—292, то вмѣстѣ съ другими источниками онъ будетъ представляться въ обоихъ памятникахъ въ слѣдующемъ видѣ:

Архив. хроногр.	*Еллин. Лѣтоп. 2-й ред.*
1) Малала 196,12—205,21	
2) Іосифъ Флавій	
3) Малала 205,23—206,19	1) Малала 205,7—206,19
4) Амартолъ 287,15—290,2	2) Амартолъ 287,2—4
5) Іосифъ Флавій	3) Амартолъ 287,14—292,19
6) Амартолъ 290,5—7	4) Малала 206,22—207,4
7) Іосифъ Флавій	5) Амартолъ 292,19—22
8) Амартолъ 290,7—292,4	
9) Іосифъ Флавій	
10) Амартолъ 292,5—10	
11) Іосифъ Флавій	
12) Амартолъ 292,10—12	

13) **Іосифъ Флавій**
14) **Амартолъ 292,13—19**
15) **Малала 206,21—207,3**

Въ данномъ случаѣ отрывки изъ Георгія Амартола въ Архивскомъ хронографѣ нельзя отдѣлять отъ другихъ отрывковъ изъ той же хроники, и всѣ они, какъ видѣли, должны возводиться съ тому прототипу, къ которому возводится и Софійскій 1454. Невозможно предполагать со стороны автора второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца такого искусства, чтобъ онъ сумѣлъ правильно отдѣлить текстъ Малалы отъ переплетающагося съ послѣднимъ текста Іосифа Флавія. Кромѣ того, въ Архивскомъ хронографѣ сдѣланы два небольшихъ пропуска, изъ которыхъ одинъ стоялъ въ связи съ замѣной текста Георгія Амартола выдержкой изъ Іосифа Флавія, именно Booръ 290,2—5 (Синод. Пискар. л. 210): Матфѣа же нѣкыи ієрѣи имѣа сн҃овъ ·є҃· ѿ ни҃х же Іюда Макковѣанинъ баше, рвенієм исполчився и въстава на кнѧ҃з и оуби єго; сюда же относится пропускъ Booръ 292,13—14 (ὅπερ Ἰούδας—ἔφυγεν), замѣненный также текстомъ Іосифа Флавія. Затѣмъ сдѣланъ пропускъ Booръ 291,4—6 (καὶ ἐνταῦθα — κολάζεται), съ которымъ совпадаетъ пропускъ и въ Синод. 280. Подъ вліяніемъ того же Іосифа Флавія произошло въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ Архивскомъ хронографѣ измѣненіе первоначальнаго текста, сохранившагося въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ:

Пискаревскій сп.	*Архивскій.*
1) По Антиωсѣ цр҃ьткова Антиω҃х иже Внепаторъ сн҃ъ єго. при томь Іюда Макавѣанинъ старѣишины стражемь Антиωховѣ҃х побѣдивь и пріиде Антиωхъ на Ієр҃лмь и бѣ су него конникь ҂к. (Booръ 291,8—11).	По Антіωхѣ же цр҃ъствова Антіωхъ прирокомъ Ѥвпаторъ сн҃ъ єго, ненавистникъ Жидомъ съвокоупивъ ·к҃· тысащь коньникъ.
2) єдинаго же оувидѣ бышша҃х въ цр҃ьскы҃х бране҃х облъчены	Ѥдиного же видѣвъ ѿ слоновъ бышаша оукрашена великою золотою стѣною.

Все это доказываетъ, что вторая редакція Еллинскаго Лѣтописца не можетъ въ данномъ случаѣ выводиться изъ Архивскаго хронографа. По тѣмъ же основаніямъ нельзя выводить изъ послѣдняго и первую редакцію Еллинскаго Лѣтописца. Нѣкоторое недоумѣніе возбуждаетъ одинаковый пропускъ въ двухъ послѣднихъ памятникахъ Booръ 291, 4—6; этимъ пропускомъ первая редакція Еллинскаго Лѣтописца сближается съ Архивскимъ хронографомъ; но, съ другой стороны, во всѣхъ остальныхъ указанныхъ выше случаяхъ первая редакція сближается со второй редакціей, удаляясь отъ Архивскаго хронографа. Если мы предположимъ, что вторая редакнія въ данномъ случаѣ вышла непосредственно изъ первой, то надо уже предполагать независимый другъ отъ друга одинаковый пропускъ въ обоихъ памятникахъ — случай, конечно, самъ по себѣ возможный. Но не можетъ ли текстъ Архивскаго хронографа вытекать напр. изъ второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца? Однако, препятствіемъ къ такому предположенію служитъ пропускъ именъ семи братьевъ и ихъ матери: въ Архивскомъ, согласно греческому тексту, читается: с ними инѣхъ бахоу ·з҃· братиа с мт҃рію, а въ второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца — с нимъ и иніи бѣхꙋ ·з҃· братіи Авіва Антонии Агꙋріа Єлiазара Іоусевонъ, Ѳамшна Маркем съ мт҃еріѭ Ѳоломанидою. Итакъ, мы не можемъ видѣть препятствій только противъ предположенія заимствованія Архивскимъ хронографомъ изъ первой редакціи Еллинскаго Лѣтописца, но принимать необходимо этотъ путь у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ.

Что касается текстуальнаго характера даннаго отрывка, то онъ во всѣхъ трехъ памятникахъ имѣетъ нѣсколько общихъ особенностей, которыми отличалась редакція S хроники. Таковы напр. случаи: бываемы при Акад. бывающа (γινομένων Бр. 287,10); ωроужиемь при Акад. ωроужию (ὅπλων Бр. 287,20); сꙋщаа въ градѣ при Акад. только въ градѣ (τοὺς παρατυγχάνοντας (Бр. 288,2); въ ст҃ню вшедъ при Акад. вниде въ стыню (εἰς τὸ ἁγίασμα εἰσελθὼν Бр. 288,4); избити, списки хроники — избивати при Акад. избиша (ἀναιρεῖσθαι 288,11); многымъ же ѧтомъ при Акад. много же ѧтомъ (πολλῶν δὲ συναρπασθέντων Бр. 288,11); житиѥ въсприѧти при Акад. житиѥ приѧти, въ спискахъ хроники «си» нѣтъ (βίον

ἀναδεξάμενος Бр. 288,14—15); сътворивъ конецѧ кончаное (вар. конечное) также при Акад. створи конечное таинѡ (ποιήσας τὴν τελευτὴν τελευταῖον μυστήριον Бр. 289,1—2) и др. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторыми варіантами всѣ три памятника сближаются между собою, удаляясь отъ текста хроники какъ въ ея первоначальной редакціи такъ и въ редакціи S; напр. ѡскверникъ при Акад., S ѡскверни (μιάνας Бр. 288,6); доб. шедъ при сѣдъ = καθίσας (Бр. 288,7); избити при S избивати (см. выше); житие си при S житие (см. выше); старѣвшимсѧ (състарѣвшимсѧ, состаримсѧ) при Акад., S старымъ (τοῖς προβεβηκόσι Бр. 288,17). Наконецъ, мы встрѣчаемъ такіе случаи совпаденія только двухъ памятниковъ, какъ напр. Синод. Пискар. грьдѣниѧ при грьдынѧ всѣхъ остальныхъ (ἀλαζονείας Бр. 287,25), или Синод. Архив. кончаное при конечное остальныхъ списковъ. По варіантамъ получается такое впечатлѣніе, что разбираемый отрывокъ вышелъ изъ общераспространенной редакціи S, потерпѣлъ вторичную небольшую варіацію и въ этомъ послѣднемъ видѣ былъ взятъ въ Еллинскіе Лѣтописцы и въ Архивскій хронографъ, при чемъ послѣдній болѣе другихъ допустилъ въ немъ самостоятельныхъ перемѣнъ, менѣе — вторая редакція Еллинскаго Лѣтописца и еще менѣе — первая. Но было бы и здѣсь затруднительно, безъ привлеченія ряда другихъ соображеній, сказать, имѣемъ ли мы дѣло съ недошедшей до насъ редакціей хроники Георгія Амартола, или должны предполагать посредство какихъ либо историческихъ компиляцій. Конечно, все это указываетъ на то, что предстоитъ детальная разработка разбираемыхъ памятниковъ съ точки зрѣнія мелкихъ варіантовъ какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и по отношенію къ редакціямъ самой хроники Георгія Амартола, да и вообще по отношенію къ всѣмъ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ эти памятники составлены.

Въ заключеніе я предложу свое объясненіе заглавія Еллинскаго Лѣтописца первой редакціи, напечатаннаго у Попова (I,3—4). Я предложилъ бы раздѣлить его такимъ образомъ:

Лѣтописецъ Еллинскыи и Римскы.

Сїѧ книгы списаны не из единѣхъ книгъ, но ѿ различненъ, истинныхъ, великихъ, по исправленїю многу:

1) Моисѣева истиннаꙗ сказаніꙗ и ѿ четыреⷯ цртвіи и ѿ прⷪ-рчтвиа—Геѡргіева по истинѣ изложена.

2) и ѿ Єздры и ѿ Нстирии и ѿ Азматъ Азматьскыⷯ и Патаукаха.

3) и еще же ѿ Иѡаннова гранографа Иантиѡхинскаго, иже вся еллиньскыꙗ акы влади сплетенна словесъ и капища идольскыꙗ требы приносимыꙗ имы ѿкоуду и како бѣыше.

Сіꙗ книги писаны бытіискыꙗ ѿ тетровасилꙗ.

Перечисленіе книгъ въ § 1-мъ я отдѣляю отъ § 2-го, видя въ нихъ хронику Георгія Амартола. Основаніемъ служитъ различный способъ названія книгъ въ §§ 1 и 2-мъ: библейскія книги остались въ греческой формѣ (§ 2-й), и являются дѣйствительными названіями книгъ, которыми пользовался, или, точнѣе, хотѣлъ воспользоваться редакторъ. Заимствованія изъ хроники Георгія Амартола называются описательно, съ указаніемъ, что все это взято изъ «Георгіева истиннаго изложенія». § 3-й указываетъ на третій источникъ — Хронику Іоанна Малалы. Всему этому дано общее заглавіе съ указаніемъ, что редакторъ собиралъ свой трудъ «съ многимъ исправленіемъ». Разумѣется, все заглавіе Еллинскаго Лѣтописца не можетъ оправдаться его содержаніемъ: указываются, съ одной стороны, такіе источники, изъ которыхъ ничего не взято, съ другой — въ содержаніе взято кое-что такое, что не оправдается заглавіемъ. Но мы напрасно стали бы доискиваться причинъ разногласія: былъ ли здѣсь непослѣдователенъ самъ редакторъ, или въ дошедшемъ до насъ экземплярѣ Еллинскаго Лѣтописца мы имѣемъ уже явленіе вторичное.

В. Истринъ.

Непосредственный источникъ романа о Петрѣ Златыхъ Ключахъ.

Въ своемъ этюдѣ «Изъ исторіи русской драмы. Дѣйствіе о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ»[1]), не имѣя подъ рукой всѣхъ нужныхъ изданій, я не могъ окончательно рѣшить вопроса о непосредственномъ источникѣ популярнаго у насъ въ XVIII в. романа о Петрѣ Прованскомъ и Магелонѣ. Въ настоящее время, посѣтивъ Музей кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ, я получилъ возможность видѣть изданіе: «Historya o Magielonie krolewnie Neapolitanskiey, umysłu wspaniałoscią, urody pięknoscią, nayiasnieyszą godnoscią, wszelakich cnot y przymiotow zgromadzeniem u całego swiata wysławioney», etc. W Krakowie, Roku P. 17... (послѣднія двѣ цифры стерлись)[2]); сличеніе текста этого изданія съ русскимъ переводомъ романа убѣждаетъ, что русскій переводъ непосредственно восходитъ именно къ переводу польскому[3]).

---

1) Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Ак. Н. т. XI, кн. 4, стр. 165 и сл.

2) Estreicher (Bibliographia Polska, og. zb. t. XVIII, стр. 214—215) этого изданія не отмѣтилъ.

3) О польскихъ переводахъ романа о Магелонѣ см. A. Brückner, Dawne powieści i romanse polskie, Bibl. Warszawska 1901 г. т. II, стр. 517.

По-русски романъ начинается такимъ образомъ:

Въ королевствѣ ѳранцужскомъ много обреталосъ волных кн҃зеи, и во единои стране того королевства бысть кн҃зь именемъ Волгвангъ, муж благороден и многаго разума... име у себя жену благородну княжескаго роду ѳранцужской королевы сестру родную, именемъ Пѣтронилу, многою красотою и разумомъ сияющюю; имѣша у себя едина родного сн҃а именемъ Петра, и из младых лѣт ни о чем иномъ помышляше токмо о искустве рыщарских делъ и об шурмовани конского бѣгу съ копиями и о оружи рыщарских делъ. Видев же то оц҃ъ его кн҃зь Волѳангъ, яко сн҃ъ его к таковому храброму делу воинскому тщание имѣеть и учинив пир велиі, и проч.[1]).

Польскій текстъ въ указанномъ выше краковскомъ изданіи имѣетъ такое начало:

W krolestwe francuskim gdzie iest nie mało wolnych xiążat w pewney Prowincyey było zacne xiąże na imie Wolfang; ten miał żonę xiążęcego domu. Imieniem Petronelle krolowey francuskiey siostre rodzona, z ktorą miał iedynego syna, temu imie było Piotr, ktory zaraz z młodośći swey miał chęć ku sprawom rycerskim. A gdy iuż lat dorosł ni o czym inszym nie myślił, iedno około szermierstwa, gonitw y rynsztunku rycerskiego.

Trafiło sie czasu iednego, że widząc ociec przyrodzenie synowskie skłonne do spraw rycerskich, sprawił zacny bankiet dla przednich Panow w krolestwie francuskim, zaprosił powinnych swych z synami ażeby pomogli krotofili rycerskiey synowi iego; na co wszyscy zezwolili chętnie.

A gdy przyszedł naznaczony dzień, ziechali sie wszyscy z synami swoiemi. Tam iako ie choynie czestował, to dla krotkośći niechce sie rozwodzić. Gdy było po obiedzie Oycowie wczynili rzecz do synow swoich, aby każdy pomniąć na zacność zwoie

---

1) Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Н., т. XI, кн. 4, стр. 201 и сл.

nic sie nie wstydził sprobować miedzy soba rycerskiego ćwiczenia ktore im własnie służyło y należało.

Potym rozkazał xiąże Wolfang przygotować pałac bardzo piękny, także y szale na ktorey stali rodzicy z pannami dziwuiąc sie onym krotofilom ktore między sobą synowie czynili. Tam między onemi wszytkiemi młodzieńcami Piotr hrabia wielką sławę nad insze otrzymał, bo sie żaden rowny znaleść nie mogł ktoryby mu miał zrownać we wszytkim; tak iż wszyscy Panowie mieli go sobie za nayprzednieyszego rycerza; a między wszytkiemi synami swoiemi poruczili mu hetmánstwo dla tego aby z nimi ustawicznie krotofile rycerskie dla cwiczenia do boiu odprawowal...

Это послѣднее обстоятельство (избраніе въ руководителя) и замѣчаніе о той скромности и деликатности, съ какими повелъ себя Петръ, русскій переводчикъ выпустилъ и удержалъ только конецъ:

Z czego wszyscy przeciwko niemu dobry affekt zawzięli y tym sławę sobie ziednał u wszytkich, tak iż go wszyscy kochali[1]).

Съ французскимъ оригиналомъ[2]) и нѣмецкимъ переводомъ Варбекка[3]) польскій тскстъ представляетъ текстуальныхъ совпаденій вначалѣ весьма мало.

---

1) Срв. тамъ же, стр. 202.

2) Начало его: Apre lascencion de nre Seigner Ihucrist quant la sainte foy catholique eust commencie a flourir es parties de Galice en ung pays nomme provence Languedoc Guyenne... y auoît und noble conte... qui se nommoit messire Iehan de Cherisse. Ce auoit pour femme une moult noble dame q'se nommoit madame... qui estoit fille du conte Alnaro Dalboro (мой этюдъ «Дѣйствіе о кн. Петрѣ Зл. Ключахъ», Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Н., XI, 4, стр. 166).

3) Его начало: Nach der himelfart vnsers lieben herren Ihesu Christi, alls Frankreich mit andern vmbliegenden orthen vnd landen, Prouincia, Langendoc vnd Aquitania, zum heyligenn Christlichen glauben kommen waren, do was ein graff, mit namen herr Johann Cerise, in dem landt Prouincia, der hett ein weyp, welche was ein tochter des graffen Aluaro von Dalbara. Dise zwey hetten ein eynigen Son, genant Peter, welcher alle andere in waffen, ritterspilen vnd andern sachen vbertraff, also das es sich mehr gottlich dan menschlich erzeiget. Er was freuntlich vnd

Далѣе въ польскомъ переводѣ слѣдуетъ:

Trafiło się iż też tam na ten czas był ieden zacny mąż z krolestwa Neapolitanskiego, imieniem *Rychardus*, ktory wiedząc sprawy, dzielność y męstwo Piotra hrabie serdeczną chęcią poruszony ku niemu pilnie go namawiał aby sie w domu oyca swego nie bawił, ale aby sie w cudze kraie udał, żeby nie tylko w domu ale y między inszemi postronnemi narodami iego sława zacna słynęła... [1]).

Бесѣды Петра и Рыхардуса, обращенныя русскимъ переводчикомъ въ прямую рѣчь, переданы въ польскомъ текстѣ въ видѣ рѣчи косвенной. Переговоры Петра съ родителями, сначала не соглашавшимися отпустить сына, въ русскомъ переводѣ довольно значительно сокращены сравнительно съ польскимъ текстомъ. У Варбекка [2]) эта часть короче русскаго перевода, который восходитъ къ польскому. Причитаній матери [3]) нѣтъ однако ни въ нѣмецкомъ, ни въ польскомъ текстѣ, такъ что эта вставка, повидимому, принадлежитъ самому русскому переводчику.

Золотые ключи Петра въ русскомъ переводѣ восходятъ къ польскому:

Usłyszawszy takową odpowiedź Gospodarza swego, (Piotr) czekał pilnie naznaczonego czasu, y kazał *dwa klucze złote* bardzo foremne na swoy helm urobic (стр. 15).

---

lieb gehalten, nicht allein von dem adell, sondern auch von dem gantzen lande. Sein vnderthan danckten gott dem almechtigenn solches oberherren, auch hetten sein vatter der graff vnd die mutter.sonst kein andere freude dan allein in irem son, das er so dapffer, so freuntlich, so schön vnd so weyse war (I. Bolte, Die schöne Magelone aus dem Französischen übersetzt von V. Warbeck. Weimar, 1894, стр. 3).

1) Срв. мой этюдъ «Дѣйствіе о кн. Петрѣ», тамъ же, стр. 203: «Случи же ся быть тут единому чiвку ис королевства неополитанскаго именем Рыгардасу» и проч.

2) I. Bolte, стр. 4—7.

3) См. мой этюдъ, стр. 205—206: «О свете мои! къ чему изволи померкаешиı» и пр.

Въ русскомъ переводѣ: «И сталъ (Петръ) ждать того дня, на которои будетъ рыцарское турмованіе, и велелъ зделать себе *два ключа златые* самымъ добрымъ мастерствомъ, и приделал к шлему своему» [1]).

У Варбекка: Liesse im machen *zwen silbern* schlussel auff seinem helm [2]).

Отсутствующія у Варбекка [3]) упражненія Петра съ копьемъ передъ турниромъ, описанныя въ русскомъ переводѣ [4]), восходятъ къ польскому тексту:

Wsiadł też Piotr hrabia na swoy koń a wziąwszy hełm na głowę swą, wziął też drzewce w rękę y począł sie po pałacu przeiezdzać, miotaiąc drzewcem do gory, tak iż sie każdy dziwował męstwu iego. A iż u żadnego znaiomem nie był, pytali sie zkądby był y zkąd rodem? ale on tego żadnemu oznaymić niechciał y sługom swym zakazał. Potym on pan ktory ono rycerstwo ku gonitwom szykował, począł do nich mowić: Nuż teraz, moi mili panowie a sławne rycerstwo, teraz każdy z was uważywszy stany swe przed Maiestatem I. K. M. ... skruszyć drzewca swego nie żałuy... Za temi slowy pan Henryk Krapania wyiechał z iednym Dworzaninem krolewskiem na plac... (стр. 17).

Измѣненное сравнительно съ Варбеккомъ окончаніе русскаго перевода [5]) восходитъ также къ польскому оригиналу:

To gdy sie tak stało, rozkazał Wolfang hrabia zacne a wielkie gody wywołać synowi swoiemu; rozpisał listy do wszystkich krolow włoskich ziem, do krola francuskiego szwagra swego, do krola Neapolitanskiego oyca piękney Magielony... приводится

---

1) Мой этюдъ, стр. 208.

2) I. Bolte, стр. 7.

3) Ib., стр. 8.

4) Мой этюдъ, стр. 208: «Тогда Петръ селъ на доброго своего коня, и положилъ шелом на главу свою, а копие взялъ в руки» и проч.

5) См. мой этюдъ, стр. 169—170, 241 и сл.: «Потомъ повеле князь Волхван писать листы по многим окрестнымъ государствамъ, тож и х королю неаполитанскому», и проч.

текстъ писемъ: приглашеніе на бракъ Петра. Gdy ten list do Neapolitańskiego przyniesiono, tedy go głosem kazał czytać przed wszystkiemi, sam od wielkiey radości płakał, a posławszy po krolową oznaymił iey to co sie stało. Онъ приказалъ отписать Вольфангу, что пріѣдетъ.

Potym Piotr hrabia wspomniawszy sobie iako był przyrzekł Sołtanowi nawiedziwszy rodzice swoie wrócić sie zaś do iego dworu, y nie zdało mu sie, aby słowo swe rycerskie odmienic miał: radził sie oyca swego coby sie mu zdało... Рѣшили написать письмо, текстъ котораго и приводится:

Wolfangus xiąże wolne a Hrabia z Prowincyey Piotr młodszy, Petronella xiężna y Magielona krola Neapolitanskiego corka służby swe iako niezwyciężonemu Cesarzowi ofiaruiemy y zalecamy etc. Въ русскомъ переводѣ письмо сокращено [1]).

Султанъ быстро прислалъ отвѣтъ, a przy nim wyprawił też posła swego z wielkimi upominkami Basse Ierozalimskiego Machmet Ambraima...

Gdy iuż czas y dzień naznaczony onemu weselu przychodził, ziechało sie wiele krolow możnych... Явился и посолъ султана, грамоту котораго и прочли предъ всѣми; русскій текстъ нѣсколько сокращенъ сравнительно съ польскимъ оригиналомъ.

Potym poseł rozkazał przynieść wielkie y zacne dary Małżonkom onym, bardzo drogie kleinoty, Piotrowi hrabi kosztowny łancuch z szmaragdow y z dyamentow y z innych drogich kamieni... Dał im też po dwanaście kubkow złotych dziwnie misterną robotą uczynionych, drogiemi kamieńmi osadzonych, tak iż było wielkim podziwieniem wszystkim krolom onym... Gdy tak ono poselstwo było odprawione y poseł cesarski z uczciwością wielką był przyięty...

---

1) Мой этюдъ, стр. 242: «Волхван князь волны и сынъ его млады князь Петръ служебницы вашему салтанскому величеству воздаемъ славу» и проч.

Далѣе разсматривается о празднованіи свадьбы. Пиры продолжались 14 дней. Описаніемъ свадьбы польскій текстъ романа и заканчивается. Прибавлено еще коротенькое замѣчаніе:

Jako po skończeniu onego wesela Wolfang xiąże z Małżonką swoią w wielkiey pociesze żywota swego dokończili, także Piotr syn iego z Magieloną (стр. 152—158).

Окончаніе романа въ русской редакціи его[1]) составляетъ, повидимому, собственный домыселъ русскаго переводчика (или переписчика).

Подобнаго же рода собственный домыселъ польскаго редактора представляетъ собой заключеніе романа прибавленное въ новѣйшемъ польскомъ изданіи: Historya o szlachetnej a pieknej Magielonie, córce króla z Neapolu i o Piotrze rycerzu hrabiem. Wadowice, 1874 (стр. 1—88)[2]). Здѣсь текстъ кончается такъ:

Piotr i Magelona prowadzili długie i szczęśliwe życie, a otrzymali za sprawą Boską syna, który jak wyrosł, pięknym i mocnym rycerzem będąc, królem Neapolu i hrabią z Prowincyi się stał. — Gdy Piotr z Magieloną umarli, zostały ich zwłoki nabalzamowane, a w kościele u świętego Piotra na wyspie złożone.

Въ польскихъ изданіяхъ 1817[3]) и 1827 годовъ[4]) романъ оканчивается описаніемъ свадебнаго торжества: A gdy się tu skończyło roziechali się wszyscy do swoich domów z wielkiém weselem, chwaląc z tego dzieła opatrzność Boską.

Собственныя имена дѣйствующихъ лицъ романа въ русскомъ переводѣ взяты изъ польскаго текста: во французскомъ оригиналѣ — Jehan Cherisse, у Варбекка—Johan Cerise, въ польскомъ переводѣ — Wol-

---

1) См. мой этюдъ, стр. 244.

2) Я пользовался экземпляромъ, хранящимся въ Библіотекѣ Ягеллонской въ Краковѣ.

3) Historya o Magielonie królewnie Neapolitańskiey, wydana roku 1817 (sine loco). Bibl. Jagiellonska, powieści, № 186.

4) Historya o Magielonie krolewnie Neapolitanskiey, w Warszawie, 1827 (Bibl. Jagiellon., pow. № 1080).

fang, по-русски—Волгвангъ, Волеангъ; имя матери Петра ни во французскомъ, ни въ нѣмецкомъ текстахъ не названо, въ польскомъ — Petronelle, въ русскомъ — Пѣтронилла, и т. под.

Настоящимъ сообщеніемъ я и дополняю мой прежній этюдъ «Дѣйствіе о Петрѣ Златыхъ Ключахъ».

Вл. Рѣзановъ.

Слѣды древнихъ Прусовъ и ихъ языка въ Гродненской губерніи.

Профессоръ М. К. Любавскій «Очеркъ исторіи литовско-русскаго государства, М. 1910» доказываетъ, что преемники Миндовга Шварно Даниловичъ и Тройденъ занимали такое же положеніе, какъ Миндовгъ. Тройденъ (1270—1282) распоряжался силами всей Литвы, какъ это видно изъ его столкновеній съ Ливонскими нѣмцами, которыхъ онъ не разъ поражалъ и избивалъ въ большомъ количествѣ; онъ развивалъ свою дѣятельность на всей территоріи собственной Литвы и Жмуди. На южномъ пограничьѣ Литвы, въ городахъ Черной Руси, Городнѣ (срв. лит. Gárdinas) и Слонимѣ (Slánimas) онъ *селилъ бѣжавшихъ къ нему Пруссовъ и Бортевъ.... Ятвяги* были также въ его распоряженіи и онъ посылалъ ихъ въ составѣ большой рати подъ начальствомъ Сирпутьяна на поляковъ (стр. 14). Извѣстія о приходѣ Прусовъ заимствованы изъ Ипатьевской лѣтописи отъ 6784—1276 года. Дословно тамъ сказано: Придоша Пруси ко Тройденеви и(зъ) своей земли неволею передъ Нѣмци. Онъ же прия ѣ к собѣ и посади часть и *в Городнѣ а* часть ихъ во *Въслонимѣ.*

Орденскіе источники Chronicon terrae Prussiae Петра фонъ-Дюсбурга (Peter von Dusburg) и «Die Kronike von Pruzin lant» Николая фонъ Іерошина (Nicolaus von Ieroschin) потверждаютъ эти показанія слѣдующими показаніями объ отчаянномъ сопротивленіи ордену Прусовъ изъ земли или области Погезаніи. Тамъ мы читаемъ.

1. Eodem anno, tempore autumni (осенью) fratres iterum armata manu intraverunt praedictam terram *Pogesanie*, et vastata iterum incendio

et rapina, captis et occisis omnibus, praeter paucos, qui *cum familia sua versus* Lethowiam ad territorium castri *Garthe* secesserunt, ipsam in solitudinem redegerunt.

Въ тоже самое время осенью 1276/7 гг. крестоносцы себѣ подчинили вновь землю *Погезанію*, всѣхъ убивая или плѣня за исключеніемъ немногихъ, которыя со своими семействами переселились въ Гродненскую область въ Литву (Кроника Дюсбурга III, 191, изд. Теппена, стр. 136 = Scriptores rer. Pruss. I).

2. In des selbin jâris vart, dô dî herbistzît gewart, di brûdir abir in vreise stiftin eine reise zu *Pogezênin* in daz *lant* und daz mis creftigir hant hernde durchtreibitin und ôt da nicht *leibitin* noch *habe* noch gebuide; *ouch al des landis luide, jung und alt, wîb unde man sach man sî vil gar irslân unde vân gemeine; doch genas ir cleine, dî vluchtig intwichin,* und kegn Littouwin strichin *in daz gebît zu Gartin, da sî sich bewartin mitirm gesinde vor der not. Sus wart* vorwûst dî gegenôt, т. е. осенью того же года орденскіе братья предприняли походъ въ землю Погезанцевъ. Мощною рукою они себѣ подчинили повстанцевъ (Прусовъ), ни щадя никого и уничтожая пламенемъ и постройки и имущество... Но немногіе спаслись бѣгствомъ въ Литвѣ, въ области Городенской и здѣсь они сохранились отъ неволи (Noth) вмѣсто со своими семействами и домочадцами. (Риемов. Хроники Іерошина по изд. Штральке Scriptores rer. Pruss. I, 494).

Среднее ядро Пруссіи (den mittleren Kern Preussens) составляла земля *Погезанія*, мѣстонахожденіе которой опредѣляется приблизительно городами Либштадтъ, Вормдитъ, Гутштадтъ и Гейльбергъ (Lohmeyer[a] Geschichte von Ost und Westpreussen, 1908, стр. 20). Крестоносцы попали въ Погезанію изъ Помезаніи плавая по озеру Трузо-Драузензэ. Въ Погезаніи основали они городъ Элбингъ польское Elbląg. Границу Погезаніи по отношенію къ Варміи была рѣка Пасарге или Серія (срв. Seirija мѣстечко въ Сув. губ.). Въ 13 вѣкѣ входятъ въ эту область населенныя мѣста Пазлукъ, Погинзонія (срв. въ Сувалкской мѣстности Gyžiai), Лансанія, Прейсишъ-Голландъ, Замброхъ (нѣм. Samrodt), затѣмъ въ особенности твердъ Очекъ при устьѣ рѣки Весва и Веклица

близъ рѣки Роговы. Часть этой области называлась Hockerland, горной въ противоположность приморскихъ низинъ близъ Элбинга. Въ этой же области была мѣстность Толкемитъ, мѣсто рожденія монаха Симона *Грунова*, извѣстнаго лѣтописца Пруссіи.

Въ Погезаніи, во время великаго возстанія противъ Нѣмцевъ 1260 года, предводителемъ былъ кунгасъ *Autume* отъ auctumas, auttumas старшина начальникъ (срв. *auctas* hoch, auctimisku Obrigkeit), а по его смерти Линко. Въ 1273 году кончилось это возстаніе и всѣ начальники или полководцы невѣрныхъ были побѣждены: *Гланде* (старшина Самландіи) Генрихъ *Монте* (Натангіи), Вармін *Глаппе*, Погезаніи *Аутуме* и Бортевъ *Дивание-Клекине* (иначе Divonis Klekinis отъ словъ kłokis медвѣдь и Dievonis). Но не долго длилось это перемиріе. Въ 1276 году вновь возстали Погезанцы и Бортеве (diejenigen, welche nach Unterwerfung des eigenen Gaues bei ihnen eine Zuflucht gefunden hatten, Lohmeyer l. c. 145), пришедшіе сюда изъ своей области «неволею передъ Нѣмцы».

Въ то время какъ другіе Прусы и Самбиты и Натангенцы и Вармы такъ или иначе подчинялись ордену и приняли христіанство, Погезанцы и Бортеве вновь возстають. Но эта послѣдняя вспышка была кратковременная. Всѣхъ истребили кромѣ немногихъ, которыхъ со своими домочадцами (Gesinde) нашли убѣжище въ землѣ или области Городенской, у князя Тройдена.

Второй разъ «Проуси» или же «Проузи» вмѣстѣ и Бортеве упоминаются Ипатьевской лѣтописью въ 1278 году какъ защитники *Городна* отъ татаръ и князей Русскихъ, въ особенности Юрія Львовича. «Проуси же и Бортеве выѣхавше изъ города удариша на нѣ ночь, и избиша ѣ всѣ, а другихъ изоймаша и в городъ ведоша, а Тюина на санех везоша, бѣ бо раненъ велми». Проуси заперлись въ каменномъ столпѣ, надеждѣ Городнянъ. Князья русскіе такъ и ушли безъ успѣха во свояси». Остались-ли Бортеве долго въ области Городенской и на Литвѣ, изъ русскихъ лѣтописей невидно, орденскіе же источники сообщають, что два Бартина *Дирске* и *Нуме* или Дерско и Нумо, измѣняя Литовцамъ, съ которыми вмѣстѣ воевали въ Польшѣ, возвратилась въ Погезанію «et habitabant ibi sicut prius».

Это случилось въ 1284 году. О погезанцахъ Пруссахъ, поселенныхъ въ Слонимской области, на восточной границѣ Литвы, мы ничего не находимъ въ современныхъ лѣтописяхъ [1]). Предположеніе, что въ Слонимѣ и въ Городнѣ сохранилась Пруси и Бортеве, П. Бобровскій (въ Матеріалахъ для географіи и Россіи, собр. офицерами ген. штаба. Гродненская губернія I, стр. 652) не могъ потвердить ни данными этнографическими, ни признаками лингвистическими: «признаковъ существованія потомковъ этихъ Прусовъ», говоритъ Бобровскій, мы не отыскали, ни въ Городнѣ, ни въ «Слонимѣ, надо полагать, что они слились съ «туземцами». Но спрашивается, съ какими туземцами, *Литовцы,* живущіе въ Гродненскомъ уѣздѣ, равно какъ и въ Слонимскомъ говорятъ до сихъ поръ по литовски съ явными признаками своего прусскаго происхожденія, несмотря на то, что они молились и большею частью понынѣ молятся по польски. Изъ вышеприведенныхъ показаній прусскихъ лѣтописей видно, что «ко Тройденеви пришли» именно Погезанцы, Пруссы центральной области (den mittleren Kern Preussens bildete das Land Pogesanien) и тѣ Бортеве, которые послѣ великаго возстанія, спаслись отъ крестоносцевъ въ Погезаніи. По изслѣдованіямъ д-ра Рейнгольда *Траутмана* Die altpreussischen Sprachdenkmäler 2-ter Teil Göttingen, 1910, стр. XXI, сохранившіеся до нашего времени памятники пруского языка т. е. три Катихизиса 1545 и 1561 гг. и Эльбингенскій Вокубуляръ начала 15 вѣка представляетъ два діалекта прусскаго языка въ Самландіи (Самбитовъ) и въ Помезаніи или лучше Погезаніи. In der Bezeichnung «pomesanisch» folge ich Pauli aus Bequemlichkeitsgründen. Der Dialekt vom Vocabular — kann aber auch der *pogesanische* gewesen sein. Если такимъ образомъ въ Слонимскомъ говорѣ Прусовъ-Литовцевъ деревень Погиры, Засети и Норцевичи сохранились древнія черты прусскаго языка, то эти признаки восходятъ 1) къ 13 столѣтію; 2) характеризуютъ Погезанцевъ 127⁶/₇ года, ушедшихъ со своими семьями и домочадцами «неволею передъ Нѣмцы», чтобы сохраниться отъ нѣмецкихъ стѣсненій «da sie sich bewortin mit irm gesinde vor der *nôt*». Часть этихъ бѣглецовъ-переселенцевъ изъ «Бортевъ» въ 1284 нашла милость и прощеніе

1) Срв. Dusburg III, 225 и Kronike von Pruzinlant стихи 18,554—18,615.

у «орденскихъ рыцарей», но не долго наслаждались своей родиною и родными гнѣздами, ибо уже черезъ два года принуждены были участвовать въ четвертомъ (apostasia quarta) мятежѣ: — quod verebar, accidit... *Barthenses*, qui nuper gracie fratrum fuerant restituti, et *Pogesani* et ceteri de Prussia, volentes secundum solite malicie sue consuetudine iterum fratribus rebellare, confederacionem fecerunt cum quibusdam de Prussia, quorum detestabile factum bene hec meruit, quod eorum nomina in publicam redigentur formam; sed propter status ipsorum reverenciam est abmissum. Convenerunt itaque sub hiis pactis, ut principem Ruyanorum cum valido exercitu invitarunt, ex ejectis fratribus de terra Prussia, ipsum regem et dominum suum constituerent. Quod factum detestabile in edeficacione *Raganite* detectum fuit, et quilibet de *Bartha* et *Pogesania* hujus nefande conspiracionis reus recepit mercedem debitam pro labore. Cronica terre Prussie 149.

Участвовавшіе въ этомъ возстаніи (подъ предводительствомъ князя Руенскаго (Рюгенскаго) Вицлава II) были строго наказаны. Изъ приведенныхъ здѣсь извѣстій о Бартахъ видно, что въ землѣ Городенского ихъ осталось не много послѣ возвращенія на родину. Объ участи же Погезанцевъ, поселенныхъ Тройденомъ во Слонимѣ, у насъ нѣтъ свѣдѣній до самого послѣдняго временно. Бобровскій, повторяя по Нарбуту, что переселились кромѣ Бартовъ еще и Наздравцы и Пойганчицы (вѣроятно опечатка вмѣсто Погезанчики) видитъ въ нынѣшнихъ Литовцахъ Слоним. и Гродцен. уу. обыкновенныхъ Литовцевъ и приводитъ изъ Богуша образецъ литературнаго литовскаго языка, кишащій опечатками...

Всѣ литовцы, говоритъ Бобровскій, исповѣдуютъ католическую вѣру и говорятъ литовскимъ языкомъ, который подробно описанъ изслѣдователемъ литовскихъ древностей *Богушемъ* О началѣ народа и языка литовскаго 1808 года. Приведемъ только образчикъ этого языка, весьма бѣднаго письменными памятниками: Prapaltas (читай prapuĺtas), żmogus и т. д.

Какъ мною уже доказано было въ 1895 году, въ Mitteilungen der Lit. litter. Gesellschaft Heft 20 (томъ IV, 2), стр. 166—173, нарѣчіе Слонимское нѣкоторыми особенностями отличается отъ всѣхъ другихъ говоровъ Литвы и Жмуди. Особенности эти касаются какъ звукового характера нарѣчія, такъ и лексикона. До 1909 года не удалось

записывать болѣе обширныя статьи или разсказы по причинамъ чисто мѣстнаго характера. Какъ обнаружилось изъ разспросовъ К. К. Буга, который посѣтилъ эту мѣстность въ 1905 году, по литовски говорить запрещалось до 1885 года и только послѣ моего перваго посѣщенія этихъ мѣстностей, по распоряженію покойнаго генералъ-губернатора И. С. Коханова, надпись «По литовски говорить запрещается» въ Дятловскомъ волостномъ правленіи снято. Литовцевъ въ 1848, по изслѣдованіямъ Кеппена, насчитывалось въ Слонимскомъ уѣздѣ, близъ Дзенціолы (Здетела, лит. Zytel̃a, Zietel̃a срв. aĩsim Zytel̃ón), въ пяти населенныхъ мѣстахъ, 140 мужчинъ 385 женщинъ или всего 825 душъ. Въ 1886 году въ Дятлово-Дзенціольской волости было католиковъ 7569, изъ которыхъ по польски говорили 1454, по бѣлорусски 4959, а по литовски 1156.

Въ 1909 я былъ въ Дятловѣ и Здетелѣ съ 17—20 августа, точныхъ данныхъ однако для опредѣленія числа говорящихъ по литовски собирать не удалось. Католиковъ въ трехъ деревняхъ, въ которыхъ еще знаютъ литовскій языкъ, было всего 1330 душъ, въ Засети 684, въ Норцевичахъ 292 и въ Погиряхъ 354; православныхъ насчитывалось въ Засѣти 235, въ Норцевичахъ 254 и въ Погиряхъ около 700, такъ что при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ число Литовцевъ надо выдѣлить изъ 2519 человѣкъ. Какъ обнаруживается изъ инвентаря имѣнія Здятла (въ текстѣ встрѣчается форма Здетела) отъ 24 апрѣля 1580 года литовскія прозвища встрѣчались 1) въ мѣстечкѣ Здетелѣ: Дойлида, Пашко Ванакель (лит. vanagas ястребъ, прусск. sperglowanag, gertoanax), Скренди; 2) въ дер. Засети: Кибилда, Рунча; 3) въ селѣ Ятьвезь: Пукасъ, Кгойли Демьяновичъ (срв. лит. gailus жалкій, пр. gaylis бѣлый), Юрій Жибортъ бояринъ; 4) въ селѣ Наръчевичи: Янъ Виръбилъ (лит. virbalas прутъ, virbas хворостъ, пр. virbe веревка); 5) въ селѣ «Покгиры»: Контминовичъ, Стульгевичъ; 6) въ селѣ Стрѣла: Покгронди (pagrandis Nachschrapsel, послѣдышъ, колобокъ), Нарель Монтвилочичъ; 7) въ Олехновичахъ: Михаилъ, Масюкъ Покгронди; 8) въ селѣ Лавъный мостъ: Ванакгиръ и Вонокгиръ.

Въ прозвищахъ крестьянъ Здетеловской волости встрѣчаются еще такія прозвища, напоминающія литовско-прусскія слова, какъ напр. Свибъ

въ дер. Ятвезь и Засети м. б. отъ прусскаго (Вокабулярій) *swibe*, лит. šiube der Fink; Шикшня лит. šikšna ремень; Лойло и Лайла пр. lailisnan Marter, лит. leilas, leilus тонкій, худощавый; Герва пр. gerwe Kranich, лит. gérve журавль; Коско, Кошко; Рижжа; Ленко напом. Линко имя вождя Погезанцевъ, если это не лит. Lenkas, linkas Ляхъ.

Перехожу къ нѣкоторымъ звуковымъ особенностямъ.

1. Главнымъ *признакомъ* существованія Прусскаго вліянія считать слѣдуетъ слово zāsìs гусь, отмѣченное мною въ записяхъ 1886, 1888, 1896 и 1908 гг. К. К. Буга, побывавъ въ Засети въ іюнѣ 1905 года, нашелъ, что zāsìs всегда произносится съ з и слышалъ не менѣе десяти разъ въ слѣдующихъ падежахъ zāsìs им. ед., zā́sy вин. ед., zāses им. мн. zāsū̃ род., zāsìs вин. мн. Изъ этого онъ заключаетъ, что «Засетцы» названія гуся zāsìs заимствовали у Прусовъ. Литовскому ž соотвѣтствуетъ з въ латышскомъ, древнепрусскомъ и славян., но отъ сосѣдей бѣлоруссовъ они не могли зāsìs заимствовать, такъ какъ здѣсь начальный согласный г (g); Латыши никогда не были сосѣдями или насельниками Гродненской земли и наконецъ изъ латышск. zū̂ss въ никоемъ случаѣ не могло произойти zāsìs. Въ вокабулярій Элбингенскомъ встрѣчается форма zansy съ суффиксомъ ī какъ въ др-инд. hasī, кромѣ того есть названіе мѣстности Sansgarben Gänseberg въ округѣ Растенбургѣ, въ землѣ древнихъ Бортевъ. Въ Засети записаны мною слѣд. формы: zāsies род. ед. iteip zāseip juoda galvá, itūose zā́sisé nierá riebulū́ taukū, zasīm (reik надо) avižū (гусямъ надо овса), nūľeke zásīs (им. мн.); въ Погирахъ: zasīs atájo; doug zāsū (1896 г.).

2. Въ началѣ слова передъ «uo (ů)» развивается w: напр. въ словахъ vuolaktis Elle локоть срв. Вок. Эльбинг. woaltis Elle; vuoška коза Вок. wosux козелъ, wosee коза; vuoga, -eľe ягода.

Такимъ образомъ эта черта подходила бы къ помезанско-погезанскому діалекту: Dem pomesanischen Dialekt von V. eigen war der Vorschlag von w vor anlautendem o und u (S. 60, pag. 158 Trautmann D. altpr. Denkmäler 2. Göttingen 1910).

По записямъ Каз. Буги: vuo—uo изъ ō «vuõras» воздухъ, vuobeľe яблоня, vuožỹs козелъ.

3. Въ Слонимскомъ говорѣ замѣчено измѣненіе — uv въ iv въ словахъ: 1) živís им. ед. и žives им. мн. рыбы вм. žuvis 2) brivai вм. bruwis, bruwai у Ширвида Dictionarium см. Mitteilungen d. lit. litter. Ges. IV, 168 gaudo žíves; žíves upeja: menturas, čipokas, karašus, rókas (т. е. ракъ), lýnas, jalčus, sómas, silkes. Явленіе это часто встрѣчается въ латышскихъ говорахъ: sivens вм. suvéns поросенокъ.

4. Пралитовскимъ ē и ō соотвѣтствуютъ ie, uo или y (ī) и ū напр. Padék Dī taú, но sa mùmi Díevas, brolis sajéde vīną druską (Mit. IV, 168); съ преобладающимъ первымъ элементомъ дифтонга въ пѣснѣ «Saldùs medùs dai labaì gražùs pardūók kārvè, pardūok jaučiā, но parduósiu pasójeľi, (слышно также въ другомъ стихѣ lei) (Фоногр. № 1, 1908 года).

Причину этого измѣненія г. Буга ищетъ въ мѣстѣ ударенія: ie и ū, которые никогда не имѣютъ на себѣ удареніе, сохраняютъ дифтонгическое произношеніе; тѣ ie и ū, которые постоянно имѣютъ удареніе или иногда получаютъ, имѣютъ кромѣ дифтонгическаго и монофтонгическое произношеніе.

5. Долготы и въ слогахъ неударяемыхъ въ Зителовскомъ говорѣ ясно слышится. К. К. Буга, считая два закона К. Явниса о литовской топологіи (Поневѣжскіе говоры I, 93) основными, прибавляетъ: дѣйствіе этихъ двухъ законовъ Явниса рѣзко бросается въ глаза въ этомъ (Гродненскопрусскомъ) говорѣ по той причинѣ, что въ немъ безударные долгіе гласные не подвергаются сокращенію въ долговатые. Эта черта, общая какъ бы засетскому говору и нижелитовскому (жемойтскому) нарѣчію, особенно явно выступаетъ въ фонограммѣ № 1, 1908 года.

Saldus medùs dai labai grāžùs
Jaunas bernas dai labai grāžùs
Ketino anas mane jimtie mane jimti
Mane jimtie šenavotie
Šenavoja mane metùs, kitùs
O ant trečūo dor pámiātie.

По наблюденіямъ г. Буга 1905 года: 1. съ сильноконечной интонаціею слабоударяемыхъ слоговъ piimū, gaardùs aisù, zaasis 2. съ сильноначальной: vákar вчера, pékuu vàruo гонять скотъ.

6) Изъ лексическихъ особенностей, на которыхъ я остановился въ Mitteilungen d. Lit. Ges. IV, 168 ff. особенно важно для хронологіи этого говора слово Dainava, Dainaviškis źmogus для обозначенія людей изъ сосѣдней съ Засетю деревни Ятвезь. Такимъ образомъ въ этомъ литовскомъ говорѣ сохранилось литовское названіе Ятвяговъ и какъ бы Ятвяжскаго племени. Все это напоминаетъ намъ извѣстіе литовской лѣтописи о Дойново-ятвежской пущѣ и удѣлѣ князя Тройдена. И довѣдался князь великій Наримонтъ ижъ мешкають моужики на поущи Дойнова—Ятвеж а пана над собою не мають и понол на них и wни не противятся поддалися и поклонились ему. Объ основателѣ города Райгрода (въ предѣлахъ Ятвяжскаго края) надъ Боброю Тройденѣ говорится затѣмъ «и прозоветься великимъ княземъ Ятвежскимъ и *Дойновскимъ*».

Изъ разбора вышеприведенныхъ историческихъ свидѣтельствъ о бѣгствѣ Пруссовъ-Погезанцевъ въ Гродненскую землю и Слонимскую Литву вполнѣ ясно, что такое переселеніе въ 13 вѣкѣ было и что Бортеве и Прусове, населенные Тройденомъ во Городнѣ и во Слонимѣ, могли сохранить черты своего языка до нашихъ дней въ тиши Слонимолитовской или Ятвагодойновской пущи. Въ августѣ 1909 года (17—20 числа) удалось мнѣ посредствомъ фонографа установить, что 1) произношеніе z вм. ż въ словѣ zasis не подлежитъ сомнѣнію 2) Литовцы Слонимскаго уѣзда не смотря на вліяніе окружающей бѣлорусской среды, польскаго молитвослова и наступающей на нихъ литовской письменности не вымираютъ и не забываютъ своего языка, а напротивъ, освобождаясь отъ страховъ политическаго понуканія былого времени, смѣло припоминаютъ свои пѣсни, легенды и сказки. Мною благодаря этимъ обстоятельствамъ въ 1909 году удалось записывать пѣсни: Saldùs medùs dai labai gražùs; Sava muoma ne svétima; Oj aisim aisim mes tie ne busim; Žalia rutialä dvejos lápeliuos, kas tavi sējuo; Salajauckas macitkas paušteli), сказку Suunkas Vosiliukas и легенду о Божіей матери, освободившей пана разгульника отъ чорта и его сѣтей. На моей памяти эти люди изъ Засети молчали двадцать лѣтъ, не забывая ни пѣсенъ, ни

сказокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подробное изслѣдованіе этого говора крайне желательно въ связи съ данными другого говора (ų вм. ą) въ дер. Мустейкахъ и Кабеляхъ — Осочникахъ [1]).

Э. А. Вольтеръ.

Спб. 30 Апрѣля
1911 г.

---

1) Лѣтомъ 1911 года я слышалъ отъ Іосифа Трейновича изъ деревни Осочники-Кабели (Гродненск. у., на границѣ Трокскаго) слѣдующія слова: zūsis вмѣсто żūsis, darzas вм. darżas, ziame вм. żiame, visi zmones вм. visi żmones, insłapa вм. inšłapa, Gudū salis вм. Gudū šalis. По собщенію ксендза Сташиса въ Марцинканцахъ такимъ же говоромъ говорятъ также въ Мустейкахъ. На эти особенности обратилъ мое вниманіе впервые канд. филол. І. Бальчиконисъ. При посѣщеніи имъ вмѣстѣ съ ксендзомъ Сташисомъ деревни Кабели-Осочники онъ слышалъ это же произношеніе z вмѣсто ż въ такихъ словахъ: vazuot', darzañ, nùvezė, mazai (вм. mażai), nemozna (неможна), zame, mazau, uzaugus, prizadu, grazõs (см. grażos); s вмѣсто š (ш): Is Kabeliu (вм. iš), kastuot (вм. kaštuot), prìmųsa (primuša), soka (šoka), miskais (см. i miškais), ís gryto (вм. iš-g-ryto), raso (вм. rašo), slapi (вм. šlapi), ismokšim (вм. išmoksim), prasaũ (вм. prašau), per misū (вм. mišu). Кромѣ того встрѣчается, аналогично съ прусскимъ ш изъ s+j (срв. Trautmann § 79, стр. 171—172), вторичное ш (š) вмѣсто s нетолько изъ s+j, но тоже изъ s+i, e, ie въ словахъ, также отмѣченныхъ г. Бальчиконисомъ, padirpšiu, šiekšnius, gerešni, gerešnis, šienojai, intaišyti, keliaš, viši, dirpši, nušibot, šveikas (!), švietas, apšipraty (вм. apsiprates), švei̇̃katos, šeniau, kitaš vietaš, ismokšim, kūšnely, pašidalyt, apie muš viš, meš, anoš (?).

Къ вопросу о транскрипціи.

(Докладъ, читанный въ засѣданіи лингвистической секціи СПБ. Неофилологическаго Общества 11 Мая 1911 г.).

Доказывать желательность единообразія научной лингвистической транскрипціи значитъ ломиться въ открытыя двери. Скорѣй мнѣ придется сдѣлать кое-какія оговорки. Во-первыхъ, я не совсѣмъ согласенъ съ Hirt'омъ (см. его статью *Zur Transcriptions-misère* въ *Indogerm. Forsch.* XXI, 152) относительно необходимости введенія единой транскрипціи въ классическую сравнительную грамматику аріоевропейскихъ языковъ. По моему трудно заниматься сравнительной грамматикой какихъ-бы то ни было языковъ, не зная ихъ. А разъ они должны изучаться, то ихъ своеобразная графика или транскрипція не представятъ большого затрудненія. Реальная выгода отъ того, что греческія, латинскія, славянскія и пр. слова будутъ написаны болѣе или менѣе единообразно, получится развѣ для популярныхъ лекцій, гдѣ необходимо наглядно показать возможность сравненія разноязычныхъ элементовъ. Такъ, конечно, и приходится поступать теперь при чтеніи подобныхъ курсовъ, особенно въ виду распространяющагося незнанія греческаго языка; но вводить подобную транскрипцію во всѣ учебники, словари, научныя статьи и пр., конечно, не стоитъ. Гдѣ собственно особенно рѣзко чувствуется необходимость единообразія транскрипціи — такъ это при теоретическихъ изслѣдованіяхъ, а главное, при описаніи всевозможныхъ

живыхъ діалектовъ: тутъ зачастую приходится лишь просматривать отдѣльныя работы, и индивидуальныя транскрипціи разныхъ авторовъ приводятъ читателя иногда въ отчаяніе.

Во вторыхъ, нужно напомнить давно установленное положеніе, что *универсальный* фонетическій алфавитъ есть нѣчто само по себѣ невозможное: алфавитовъ собственно должно быть столько, сколько языковъ. Это вытекаетъ изъ того простого констатированія, что трудно найти 2 *абсолютно* идентичныхъ звука въ разныхъ языкахъ. То, что мы смѣло обозначаемъ черезъ *a*, напримѣръ въ русскомъ, малорусскомъ, сербскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ языкахъ, на самомъ дѣлѣ является значительно различными по качеству звуками. Многимъ это можетъ показаться смѣшнымъ и безцѣльнымъ педантизмомъ; однако малорусское *a*, напримѣръ, французомъ будетъ несомнѣнно воспринято, какъ самостоятельный звукъ, отличный отъ обыкновеннаго французскаго *a*, и являющійся во французскомъ продолжателемъ долгаго *a* (*ср. patte* и *pâte*). Мало того, какъ извѣстно, каждая фонема (звукъ рѣчи) произносится не всегда одинаково: произношеніе ея способно колебаться въ извѣстныхъ предѣлахъ. *Размахъ и направленіе этихъ колебаній, оказывается, значительно разнится отъ языка къ языку*, и этого не выразить никакимъ алфавитомъ.

Такимъ образомъ, какъ-бы ни былъ совершененъ опредѣленный фонетическій алфавитъ, всё равно для каждаго даннаго языка долженъ быть данъ ключъ, т. е. подробное акустическое и физіологическое описаніе фонемъ. Можно даже сказать, что фонетическій алфавитъ, какъ и всякая голая схематизація, кроетъ въ себѣ опасности для дальнѣйшаго развитія науки: люди пріучаются смотрѣть на *факты* сквозь клѣточки таблички, вмѣсто того чтобы ихъ по просту и по возможности безпристрастно описывать; все новое и хоть сколько нибудь непредвидѣнное безвозвратно для нихъ погибаетъ. Между тѣмъ опытъ показываетъ, что всякія таблицы и схемы расползаются по всѣмъ швамъ, какъ только попробовать вставить въ нихъ факты *живой дѣйствительности*.

Вліяніе подобнаго мертвящаго схематизма можно отмѣтить на многихъ діалектологическихъ работахъ послѣдняго времени, какъ у насъ, такъ и за границей.

Зачѣмъ-же тогда фонетическій алфавитъ вообще и его единообразіе въ особенности?

Мнѣ представляется всё-таки крайне желательнымъ достиженіе единообразія въ смыслѣ устраненія употребленія однихъ и тѣхъ-же знаковъ въ совершенно противоположныхъ значеніяхъ. Такъ напримѣръ: *у* у насъ обыкновенно употребляется въ смыслѣ русскаго *ы*, а въ большинствѣ западныхъ фонетическихъ руководствъ въ смыслѣ нѣмецкаго *ü*, а для нашего *ы* тамъ принятъ знакъ I. Въ нѣкоторыхъ алфавитахъ *ç* означаетъ нѣмецкій «ich-laut», а въ другихъ — сербское ћ. Для этого послѣдняго употребляется также *c*, которое у насъ принято въ смыслѣ русскаго *ц*. Мы привыкли обозначать слогообразующіе кружечкомъ внизу (r̥); въ западной Европы этотъ кружечекъ у нѣкоторыхъ обозначаетъ глухое произношеніе. Такихъ примѣровъ можно привести множество, особенно если принять во вниманіе *всѣ* существующіе фонетическіе алфавиты.

Подобныя противорѣчія въ существующихъ системахъ, а тѣмъ болѣе совершенно индивидуальное употребленіе разныхъ знаковъ въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ, по моему, дѣйствительно является существеннымъ неудобствомъ, а потому принятіе какой либо опредѣленной системы, сперва хотя-бы и небольшимъ кругомъ лицъ, представляется мнѣ крайне желательнымъ. Само собой разумѣется, что значеніе отдѣльныхъ знаковъ при этомъ можетъ быть установлено лишь приблизительно, такъ что каждый пользующійся ими долженъ всякій разъ ad hoc вкладывать въ нихъ окончательный смыслъ, оставаясь, конечно, въ извѣстныхъ рамкахъ даннаго алфавита.

Какую-же систему выбрать для подобнаго соглашенія? Собственно всѣ системы, составленныя знающими фонетиками, сами по себѣ хороши, и по моему самымъ важнымъ качествомъ является лишь степень распространенности той или другой системы. Съ этой точки зрѣнія для Россіи нужно прежде всего отмѣтить «русскую лингвистическую азбуку» нашей Академіи Наукъ, которая объединила большое число русскихъ изслѣдователей такъ называемыхъ «восточныхъ» языковъ.

Но несмотря на ея большія заслуги передъ наукой, едва-ли она имѣетъ большіе шансы на широкое распространеніе, благодаря ассоціа-

ціямъ кирилловскаго алфавита, положеннымъ въ ея основаніе. Ея основы изложены въ Приложеніи II къ настоящей статьѣ.

Изъ фонетическихъ алфавитовъ, основанныхъ на ассоціаціяхъ латинскаго, безспорно первое мѣсто занимаетъ алфавитъ Международной фонетической ассоціаціи.

Ассоціація эта насчитывала къ январю 1911 г.—1226 членовъ во всѣхъ странахъ свѣта и въ ихъ числѣ почти всѣхъ современныхъ выдающихся фонетиковъ. Большинство изъ нихъ пользуется ея алфавитомъ въ своихъ сочиненіяхъ, какъ напримѣръ многіе авторы популярныхъ руководствъ: Jespersen, Vietor, Passy; одинъ лишь Sievers стоитъ въ сторонѣ. Что касается Sweet'a, то его narrow Romic очень близокъ къ международному фонетическому алфавиту.

Отдѣльныхъ монографій, гдѣ примѣняется этотъ алфавитъ, настолько много, что я затрудняюсь опредѣлить ихъ число даже приблизительно — отмѣчу наиболѣе извѣстныя имена: Klinghardt (Artikulationsübungen), Nyrop (Grammaire historique de la langue française, Manuel du Français parlé), Rippman (Sounds of Spoken English), Western (Englische Lautlehre), Lloyd (Northern English), Vianna (Portugais), Edwards (Étude sur la langue Japonaise parlée), Jones (The sounds of English etc.), Soames (Introduction to Phonetics), E. Meyer (Englische Lautdauer etc.), Thalbitzer (The Eskimo language), Gutzmann (Physiologie der Stimme und sprache), Frinta (Novočeská Výslovnost) и много другихъ.

Вообще можно сказать съ увѣренностью, что ни одна изъ существующихъ транскрипціонныхъ системъ, можетъ быть очень хорошихъ по своимъ внутреннимъ качествамъ, не пользуется и десятой долей той популярности, какую имѣетъ алфавитъ международной фонетической ассоціаціи. Поэтому, если искать готовой системы, то несомнѣнно наиболѣе естественнымъ является принятіе именно этого алфавита, который я и позволю себѣ изложить по изданной Ассоціаціей брошюрѣ: Exposé des principes de l'association phonétique internationale. 1908 [1]).

---

1) Русскій текстъ, напечатанный въ этой брошюрѣ, содержитъ въ себѣ, къ сожалѣнію, не менѣе 16 ошибокъ, причиной чего является неаккуратность почты, утерявшей исправленную корректуру.

Таблица знаковъ Международной Ассоціаціи.

		Бронховые	Гортанные	Язычковые	Задненебные	Небные	Язычные	Губные
СОГЛАСНЫЕ	Взрывные		ʔ	q ɢ	k g	c ɟ	t d	p b
	Носовые				ŋ	ɲ	n	m
	Боковые				ɫ	ʎ	l	
	Дрожащіе			ʀ ʀ			r	
	Придувные	ʜ ʕ	h ɦ	χ ʁ	(ʍ w) x ǥ	(ɥ) ç j	ʃ ʒ s z ɹ θ ð	f v ꜰ ʋ ʍ w ɥ
ГЛАСНЫЕ	Закрытые				u ù ɯ ü	ɪ ẏ y ì i		(u ú ü ẏ y)
	Полузакрытые				ᴜ	ʏ ɪ		(ᴜ ʏ)
					o ò ɤ ö	ë ø̀ ø è e ɵ		(o ò ö ø̀ ø̂)
	Полуоткрытые				ɔ ʌ ɔ̈	ä œ ɛ		(ɔ ɔ̈ œ)
						ɐ æ		
	Открытые.				ɑ	a		

Тѣ-же знаки въ скорописи.

ʔ	ʔ	ʁ	ʁ	ʋ	ʋ	ɔ	ɔ
ɡ	ɡ	[illegible]	[illegible]	ꜰ	ꜰ	ʌ	ʌ
ɟ	ɟ	ç	ç	ʍ	ʍ	œ	œ
ŋ	ŋ	ɹ	ɹ	ɥ	ɥ	ɛ	ɛ
ɲ	ɲ	θ	θ	ɯ	ɯ	ɤ	ɤ
ɫ	ɫ	ð	ð	ʊ	ʊ	æ	æ
ʎ	ʎ	ʃ	ʃ	ʏ	ʏ	ɑ	ɑ
ʀ	ʀ	ʒ	ʒ	ɪ	ɪ	a	a
ʜ	ʜ	z	z	ø	ø		~
ɦ	ɦ	ᴠ	ᴠ	ɵ	ɵ		

Объясненія знаковъ.

Согласные.—Небныя c ɟ извѣстны во французскомъ, въ діалектическомъ произношеніи словъ *qui* ci, *gai* ɟe (ср. русскіе *тисть, андель)* или въ венгерскомъ, въ словахъ *kotya, magyar*.— q — арабское *кафъ* (глубокое *к*). — ʔ слышится въ нѣмецкомъ (сѣверномъ) передъ начальными гласными; это «гортанный взрывъ», stød въ датскомъ, *гамза* арабовъ.—ɲ—французское *gn* въ *règne*; ŋ—германское *ng* (заднеязычное *н*).—ʎ—«l mouillé» южно-французскаго, *ll* испанскаго, *lh* португальскаго, *gl* итальянскаго, љ сербскаго.—ɫ—твердое *лъ* русскаго и польскаго.—r—*ръ* обыкновенное раскатистое.—ʀ—раскатистое язычковое *ръ*.

Fʋ—простые губногубные спиранты: ꜰ слышится при тушеніи свѣчки губами (при «фуканіи»); ʋ—*b* испанскаго *sabér* и одна изъ разновидностей голландскаго *w*.—ɥ образуется точно также, но съ поднятіемъ передней части языка—это консонатическое *u* французскаго *lui*.—При ʍ w подымается задняя часть языка: w—консонатическое фран-

цузское *ou* въ *oui*, ʍ — одна изъ разновидностей англійскаго *wh*. — θð произносятъ, прикладывая конецъ языка къ верхнимъ зубамъ или ставя его между зубами: θ—глухое англійское *th*, греческое θ, исландское þ; ð — звонкое англійское *th*, исландское ð, греческое δ. — ɹ южноанглійское r (безъ дрожанія). — ʃʒ — обыкновенныя *ш* и *ж*. — çj, нѣмецкія «ich-laut» и *j*. — x — нѣмецкое *ch* въ *ach*, испанское *j* въ *jabon*; ɣ—нѣмецкое *g* въ *wagen*, какъ его произносятъ часто на сѣверѣ Германіи. — χ —арабское *kh* въ *khalifa*, *иногда* испанское *j* и нѣмецкое (швейцарское) *ch*. — ʁ — датское *r*, арабское *gh*. — ɦ — звонкое *h* арабовъ, чеховъ и малороссовъ. — ħ и ʕ — арабскія *hha* (ḥa) и «ʿaïn».

Гласные. — u — итальянское *u*, французское *ou*; ʊ — очень закрытое o; o—закрытое *o* французскаго *beau*; ɔ—открытое *o* французскаго *tort* или еще лучше итальянскаго *notte*; ɑ — *a* во французскомъ *pas*; a—*a* французскаго *rat*; æ—*a* южноанглійскаго *man*; ɛ—*e* французскаго *fer*; e — *e* французскаго *né*; ɪ — очень закрытое e; ɯ — u, произносимое безъ округленія губъ; ʌ — точно также произносимое ɔ (разновидность англійскаго *but*); œ, ø, y — гласные ɛ, e, i, произносимые съ округленіемъ губъ — ср. французскія слова *peur*, *peu*, *nu*, ʏ — промежуточное между ø и y (шведское *hus*).

ä, ë, ï, ö, ü — средніе гласные (mixtes): ä — гласный, слышащійся въ южноанглійскомъ въ словѣ *fur*, ï —гласный кимрскаго (уэльсскаго) *un*; ü — норвежскаго *hus*.

ì, è, ò, ù — ненапряженные гласные: слышатся въ англійскихъ словахъ *pin*, *pen*, *no* (nòù), *put*.

ə можетъ употребляться въ качествѣ знака для такъ называемыхъ неопредѣленныхъ гласныхъ, въ неударенныхъ слогахъ, напримѣръ, *e* во французскомъ словѣ *Tournefort*; ɐ — въ случаѣ надобности можетъ употребляться для такого же гласнаго, но болѣе открытаго.

Носовые гласные, не имѣющіе специіальнаго знака, обозначаются такъ: ɑ̃—*an* (французское), œ̃—*un* (фр.), ĩ—гласный португальскаго *fin* и т. д.

Дополнительные знаки.

Долгота, удареніе, интонація. — Долгота обозначается :, такъ *renne* rɛn, *ˈreine* rɛ:n. — Удареніе обозначается въ случаѣ надобности косой чертой (ˈ), которая ставится передъ ударенным слогомъ. — Интонація вообще говоря не обозначается, кромѣ исключительныхъ случаевъ; однако въ шведскихъ и норвежскихъ текстахъ ставится ˇ передъ ударенным слогомъ словъ, имѣющихъ такъ называемое сложное удареніе. Полная система знаковъ для обозначенія интонацій въ такихъ языкахъ, какъ китайскій, еще не выработана.

Дополнительные знаки, измѣняющіе значеніе основныхъ знаковъ. — Глухіе звуки обозначаются кружечкомъ внизу, а звонкіе перевернутой крышечкой, такъ: r̬—r звонкое *(rare)*, r̥ — *r* глухое *(poutre)*. —Шопотные гласные обозначаются запятой внизу: u̦, i̦.

Какуминальные звуки, образуемые поднятіемъ кончика языка, обозначаются точкой внизу: ṭ, ṇ, ạ (*ar* въ юговосточномъ англійскомъ *part*). Эмфатическіе согласные арабскаго — двумя точками: s̤, t̤, d̤. Согласные, сопровождаемые гортаннымъ взрывомъ: k', p' (грузинское t'setsa). «Мягкіе», «палатализованные» согласные обозначаются точкой наверху: ṡ, ż, ṗ.

Гласные напряженные обозначаются акутомъ, ненапряженные — грависомъ: нѣмецкія gú:t, dùm; англійскія fí:t, fìt. — ⊢ послѣ буквы означаетъ языкъ болѣе впереди, ⊣ — болѣе позади, ⊤ — ротъ болѣе открытъ, ⊥ — ротъ болѣе закрытъ,) — губы болѣе округлены, (— углы губъ раздвинуты.

Наконецъ можно ставить буквы въ видѣ экспонентовъ, такъ ʃˢ обозначаетъ ʃ, нѣсколько напоминающее s. Неслогообразующіе гласные обозначаются ŭ; слогообразующіе согласные — n̩.

Международный алфавитъ не претендуетъ на абсолютную полноту и совершенство. Форма нѣкоторыхъ знаковъ несомнѣнно неудовлетворительна. Можетъ сдѣлаться необходимымъ придумать новые знаки для звуковъ, еще неизвѣстныхъ, или для оттѣнковъ, которыхъ до сихъ поръ еще не различали. Улучшенія предлагаются и обсуждаются въ *Maître*

phonétique, журналѣ ассоціаціи [1]), и иногда принимаются послѣ такого обсужденія.

Однако, несмотря на свое названіе, алфавитъ этотъ оказывается не вполнѣ международнымъ. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время въ лингвистикѣ, особенно въ нѣмецкой, выработалось въ этомъ отношеніи нѣчто дѣйствительно международное, всѣмъ понятное и извѣстное. Я думаю, что «этотъ международный элементъ» заключается въ книгахъ Brugmann'а и черезъ нихъ распространяется рѣшительно повсюду (ср. таблицу на слѣд. стр.). На этихъ элементахъ воспитаны и мы славяне, такъ что большинство нашихъ индивидуальныхъ транскрипцій на нихъ основаны. Между тѣмъ «международный» фонетическій алфавитъ рѣшительно не считается съ этими дѣйствительно «международными» фактами: въ c, которому мы всѣ привыкли придавать значеніе русскаго *ц*, имѣетъ м. а. значеніе палатальнаго смычнаго; g̥, которое мы привыкли вслѣдъ за Бругманомъ считать за глубокій заднеязычный, присвоено значеніе заднеязычнаго спиранта. Кружечекъ внизу, которымъ всегда обозначаются слогообразующіе звуки, въ м. а. показываетъ глухость даннаго звука и т. д.

Другой недостатокъ международнаго алфавита состоитъ въ томъ, что онъ употребляетъ прописныя буквы, которыя крайне неудобны для письма, что однако нужно имѣть въ виду, такъ какъ фонетическій алфавитъ долженъ вѣдь въ первую голову служить для діалектологическихъ фонетическихъ *записей*. Этотъ недостатокъ сознается, кажется, и многими членами ассоціаціи.

Эти обстоятельства побудили меня, выбравъ для личнаго употребленія алфавитъ международной фонетической ассоціаціи, какъ наиболѣе

---

1) Издается въ Парижѣ подъ редакціей P. Passy и D. Jones. Абонементъ 5 фр. въ годъ. Адресъ: Fonetik, Bourg-la-Reine, Seine (France). Тамъ-же принимается запись въ члены ассоціаціи. Членскій взносъ—6 фр. въ годъ для дѣйствительныхъ членовъ и 3,50 фр. для членовъ сотрудниковъ. Первые получаютъ 2 экз. Maître phonétique, а вторые—1 экз. Можно обращаться и къ посредству автора статьи.

Знаки, употребляемые Бругманом.

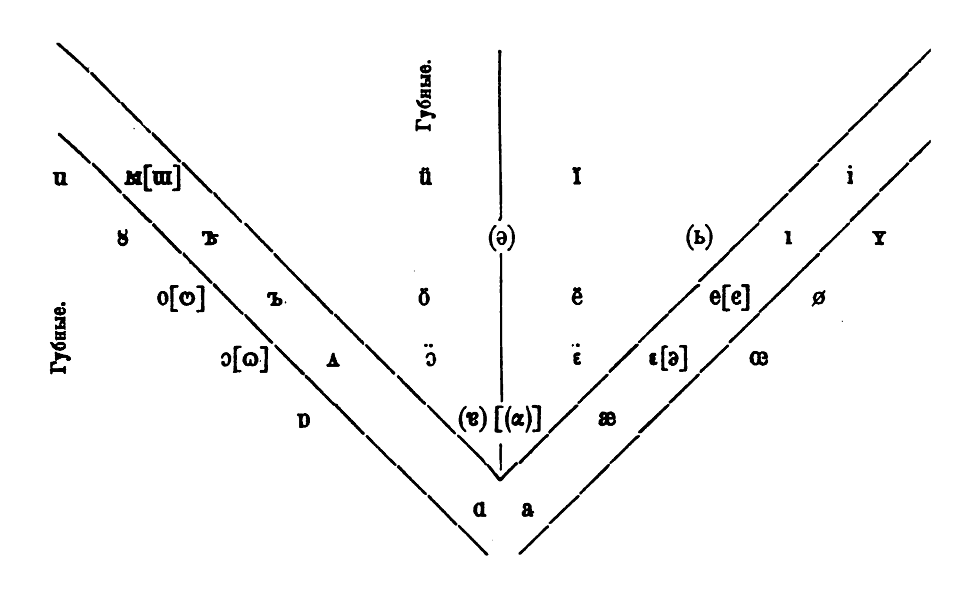
Гортанные.	Задненебные.		Небные.	Зубные.	Губные.
	болѣе глубокіе	менѣе глубокіе			
	q g	k g	ť[ǩ]ď[g′]	t d	p b
		ŋ	n̂	n	m
	ł		l′	l	
				r	
h	x ʒ	χ γ	ṡ ż	s z	f v ƀ
			ṧ ž̇	š ž	
			χ′ j	þ[ϑ] đ[δ]	
				c	
				č	

u y ü i
ọ ö ẹ
ǫ ǫ̆ e
a

распространенный, тѣмъ не менѣе нѣсколько измѣнить его, устранивъ указанные недостатки. При этомъ я не стѣснялся вводить по 2 знака на выборъ для одного и того-же звука, имѣя въ виду, что неудобнымъ является лишь употребленіе одного и того же знака въ разныхъ смыслахъ. Кромѣ того, по возможности, я не выдумывалъ новыхъ знаковъ, даже и тамъ, гдѣ это было-бы своевременно, имѣя въ виду, что лучше ихъ вводить въ согласіи съ международной фонетической ассоціаціей.

Хотя самъ я и не придаю особаго значенія своимъ «алфавитнымъ упражненіямъ», однако позволяю себѣ всё-таки опубликовать этотъ опытъ «омеждународненія» международнаго фонетическаго алфавита и дѣлаю это въ виду того, что многіе слависты, повидимому, начинаютъ сознавать необходимость упорядоченія діалектическихъ записей, причемъ взоры ихъ невольно обращаются въ сторону м. а. [1]).

Таблица знаковъ для гласныхъ.

---

1) За замѣчанія всякаго рода—печатныя, письменныя и словесныя буду очень благодаренъ.

Таблица знаковъ для согласныхъ.

		ГОРТАННЫЕ.	ЯЗЫЧКОВЫЕ.	ЯЗЫЧНЫЕ. Задне- более глубокіе.	ЯЗЫЧНЫЕ. Задне- менѣе глубокіе.	ЯЗЫЧНЫЕ. Средне-	ЯЗЫЧНЫЕ. Передне-	ГУБНЫЕ. Зубно-	ГУБНЫЕ. Губно-
СМЫЧНЫЕ.	Чистые.	ʔ		q ɢ	k g	ʄ ɠ	t d		p b
	Носовые.				ŋ [ɒ]	ɲ	n		m
ЩЕЛИННЫЕ.	ПРОСТЫЕ.	h ɦ ḥ [ʜ] ɦ̣ [ǫ]		x ʒ ʁ	χ γ ʁ	ʎ [ʎ] ç j	l ɫ s z ṡ ż š [ʃ] ž [ʒ] θ [þϑ] ð [δđ] ɹ	f v	φ ʋ [ƀ] ʍ w ɥ
	Съ дрожаніемъ.		ʀ R				r ř		
Сложные.						ċ	c ʒ č ǯ ʒ̇		

Объясненіе знаковъ[1]).

Согласные. — Вмѣсто неудобныхъ и непривычныхъ c ɟ ʎ международнаго алфавита для палатальныхъ смычныхъ и боковаго я выбралъ очень удачные знаки Бодуэна-де-Куртенэ, представляющіе изъ себя лигатуру соотвѣтственныхъ переднеязычныхъ съ *j*. Неудобное G я замѣнилъ Бругмановскимъ знакомъ ɡ, который неудачно употребленъ въ м. а. для заднеязычнаго звонкаго спиранта. Рядомъ съ ŋ допускаю и Бругмановскій знакъ ŋ, точно также какъ рядомъ съ ʋ — знакъ, принятый въ германской филологіи ƀ. — Разницу между ɸ ʋ и ʍ w я вижу, вслѣдъ за Jespersen'омъ въ томъ, что при первыхъ щель широкая продольная, а при вторыхъ болѣе сконцентрированная; иначе говоря ɸ ʋ являются слабыми чуть раскрытыми p b, а ʍ w — глухимъ и звонкимъ *u* съ сильнымъ консонантнымъ шумомъ на губахъ, т. е. закрытымъ *u* съ энергичной работой губъ. — ṡ ż (знакъ обязательно отвѣсный и надъ буквой) — дорсальныя *ш* и *ж*, которыя могутъ быть твердыми и мягкими. — š ž (допускаю и знаки м. а.) — корональныя *ш* и *ж*, могущія тоже быть твердыми и мягкими. Знаки эти являются въ полной мѣрѣ международными, и потому я счелъ необходимымъ ввести ихъ наряду со знаками м. а. Такъ сдѣлалъ и Jespersen, въ общемъ принимающій м. а. — Для θð я допускаю и другіе общепринятые варьянты. — Вслѣдъ за Jespersen'омъ считаю возможнымъ отличать заднеязычное *r* безъ дрожанія отъ заднеязычныхъ спирантовъ, но думаю, что пока можно и не отличать двухъ рядовъ такихъ заднеязычныхъ *r* безъ дрожанія: для каждаго языка все равно придется давать предварительныя объясненія (ключъ къ алфавиту). — При неразличеніи въ данномъ языкѣ двухъ рядовъ заднеязычныхъ всякій, конечно, можетъ выбирать любые знаки и въ любомъ сочетаніи. Для арабскихъ *hha* (ḥ) и *'aïn*, механизмъ которыхъ неизвѣстенъ (бронхи только тутъ не при чемъ), я позволяю себѣ предложить знаки ḫ и ḫ̣, наряду со знаками м. а., которые мнѣ кажутся неудобными. — ř — переднеязычное дорсальное r (чешское ř), которое, конечно, можетъ быть

1) Въ квадратныя скобки заключены допустимые варьянты.

твердымъ и мягкимъ (въ чешскомъ оно твердое). Прекрасное описаніе Хлумскаго (Chlumský) въ Revue phonétique 1911, стр. 36 и 37 чешскаго ř еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, что я былъ правъ въ своемъ анализѣ его существенныхъ моментовъ (ср. Извѣстія XV, 1). Само собой разумѣется, что подъ *dorsum* въ данномъ случаѣ я разумѣлъ его самую переднюю часть. — c — я присваиваю значеніе обыкновеннаго русскаго *ц* или нѣмецкаго *z*; ʒ — соотвѣтственный звонкій, который до сихъ поръ изображали черезъ *dz*; č — русское *ч*, а ǯ — соотвѣтственный звонкій (*dž*) — оба *корональныя*, тогда-какъ c ʒ — *дорсальныя* (твердыя и мягкія); различать c ʒ переднеязычныя и среднеязычныя представляется мнѣ мудренымъ на практикѣ. Само собой разумѣется, что этимъ далеко не исчерпывается все богатство аффрикатъ; но это дѣло предварительныхъ объясненій или экспонентовъ, такъ c[s] можетъ значить, что преобладаетъ спирантный элементъ [t]c; наоборотъ, что преобладаетъ смычный и т. д. Нужно помнить, что если отмѣчать всѣ разнообразія звуковъ человѣческой рѣчи, то потребуется *безконечное* число знаковъ въ буквальномъ смыслѣ слова.

Изъ нововведеній, которые-бы я себѣ позволилъ провизорно предложить — это знаки для глухихъ l, ł, ɹ, r, ř. Я полагалъ-бы, что для этого можно воспользоваться греческимъ алфавитомъ, т. е. взять: λ, ƛ, ɗ, ρ, ρ̌.

Гласные. — Особаго объясненія таблица гласныхъ не требуетъ, кромѣ развѣ того, что двумя точками обозначены гласные *mixed*. Что разумѣть подъ этимъ терминомъ — дѣло каждаго пользующагося, какъ это впрочемъ имѣло мѣсто и до сихъ поръ. Въ круглыя скобки взяты знаки для *ирраціональныхъ*, *редуцированныхъ*, *неопредѣленныхъ*, т. е. особо краткихъ, стремящихся къ нулю гласныхъ: ə — болѣе закрытаго, ɐ или *α* — болѣе открытаго, ь — болѣе передняго (наклоннаго къ i).

Я замѣнилъ неудобное ʊ м. а. славянскимъ ȣ, прописное I просто ı безъ точки наверху. Вмѣсто прописного ʏ можно-бы отлить такой-же точно, но строчный знакъ, который въ рукописи-бы изображался обыкновеннымъ русскимъ *ч*. — Для заднеязычныхъ негубныхъ я взялъ знаки русскій и болгарскій, какъ подходящіе по своему значенію; только я соеди-

нилъ чертой обѣ части русскаго ы, для того чтобы оно не могло быть принято за 2 знака (я послѣдовалъ здѣсь примѣру русской лингвистической азбуки). Въ частности на практикѣ я предложилъ-бы обозначать русское ы именно черезъ этотъ знакъ, въ виду двусмысленности термина mixed. Въ предварительныхъ объясненіяхъ можно всегда оговорить, что это не очень глубокій заднеязычный, (что русское ы — заднеязычный въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія). — ɒ для очень открытаго *о* давно предложено уже въ Maître phonétique и многими употребляется. Для открытыхъ и закрытыхъ *о* и *е* я допустилъ также знаки, употребляемые Бодуэномъ, хотя лично мнѣ они и не нравятся по мнемотехническимъ соображеніямъ.

Дополнительные знаки.

˫ , ˧ , ˔, ˕,), (имѣютъ то-же значеніе, что и въ м. а.

Болѣе открытые нюансы гласныхъ могутъ быть обозначаемы такимъ знакомъ ˕ внизу, а болѣе закрытые точкой внизу: ę = e˕; ẹ = e˔.

Носовой резонансъ обозначается или ˜ или седилемъ: ã или ą.

Шепотные звуки — i̥, u̥.

Напряженные гласные обозначаются акутомъ внизу (верхъ оставляется для знаковъ ударенія) i̗, u̗; ненапряженные — грависомъ i̖, u̖.

Редуцированные гласные, въ случаѣ надобности, берутся въ круглыя скобки.

Точка внизу подъ знакомъ согласнаго означаетъ корональную артикуляцію (ṭ ḍ — какуминальные *т* и *д*).

Звонкіе согласные обозначаются — r̬, l̬, глухіе — r̥, l̥.

Сильные и слабые согласные могли-бы обозначаться акутомъ и грависомъ надъ буквой.

Эмфатическіе согласные арабскаго обозначаются двумя точками внизу: t̤, p̤. Палатализованные согласные — p′, t′, лабіализованные — t°, d°, съ придыханіемъ — ʻp, ʻt, pʻ, tʻ, съ гортаннымъ взрывомъ — ʼa, ʼi, tʼ, pʼ. Самостоятельная эксплозія (ср. Frinta, *Novočeská výslovnost*, стр. 26) — t˛na. Компоненты *одной фонемы* могли-бы соединяться знакомъ легато: i͜e; t͜s = c.

Долгота обозначается двумя точками послѣ буквы—a:, s: или чертой надъ буквой ā, s̄. «Полудолгіе», *въ случаѣ надобности*, могутъ быть обозначаемы одной точкой послѣ буквы — фр. pru.ˈve (=*prouver*).

Обыкновенное экспираторное удареніе обозначается вертикальной чертой или надъ буквой (для гласнаго) или передъ ударенным слогомъ русс. sudа̍ или suˈda. При желаніи отмѣтить и вторичныя ударенія можно пользоваться нѣсколькими чертами: нѣм. ˈˈy:bərˈzɛcən. Высокій тонъ можетъ отмѣчаться вертикальнымъ клинышкомъ: санскр. abʼī, или aʼbʼi. Низкій тонъ такимъ-же, но перевернутымъ клинышкомъ: ˌaʼbʼi.

Разныя качества ударенія могли-бы означаться такъ:

Удареніе восходящее по силѣ — pá или ˊpa
» » по тону — pá или ˊpa
» нисходящее по силѣ — pà или ˋpa
» » по тону — pà или ˋpa
» восходяще-нисходящее по силѣ — pâ или ˆpa
» » по тону — pâ или ˆpa
» нисходяще-восходящее по силѣ — pǎ или ˇpa
» » по тону — pǎ или ˇpa

Въ случаѣ необходимости обозначать отдѣльно тонъ и силу[1]), можно ставить знаки и надъ буквой и передъ слогомъ, такъ напримѣръ: ˆpá.

Само собой разумѣется, что всѣ эти ухищренія нужны только тогда, когда въ данномъ языкѣ *различается* нѣсколько типовъ ударенія; въ противномъ случаѣ знакъ безразличенъ—достаточно оговорить его разъ навсегда въ предварительныхъ замѣчаніяхъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній считаю кромѣ того нужнымъ добавить, что всѣ эти знаки не должны замѣнить, напримѣръ Вуковой системы сербскихъ акцентовъ: поскольку мы будемъ оперировать съ сербскимъ языкомъ въ сравнительной грамматикѣ, мы будемъ писать: zlȁto, ȍko, такъ какъ эти обозначенія имѣютъ главнымъ образомъ опредѣленную этимологическую цѣнность — ихъ истинное фонетическое значеніе до

1) Такіе случаи на практикѣ будутъ рѣдки, такъ какъ обыкновенно съ тѣмъ или другимъ качествомъ тона связывается опредѣленное качество силы, а потому въ большинствѣ случаевъ будетъ достаточно одного знака.

нѣкоторой степени безразлично, да и до сихъ поръ окончательно не опредѣлено и, разумѣется, по говорамъ будетъ разное. Да и діалектологъ, регистрирующій лишь иное распредѣленіе этихъ сербскихъ акцентовъ, долженъ придерживаться Вуковой системы, и только діалектологу, который отмѣчаетъ качественныя діалектическія различія этимологически тожественной интонаціи, придется прибѣгать къ *фонетической транскрипціи.*

Слогообразующіе обозначаются такъ: r̥, l̥, n̥. Неслогообразующіе — i̯, u̯. Раздѣленіе на слоги — вертикальной чертой черезъ всю строку: ˈpa|pa. Фонетическія слова (groupes de force) слѣдуетъ писать вмѣстѣ (русс. ˈzagərədəm, франц. ilɛˈla), отдѣляя другъ отъ друга пустыми мѣстами. Фразы (groupes de souffle) можно отдѣлять косыми чертами. Болѣе высокій тонъ во фразѣ можно заключать въ такія полускобки: ⌜ ⌝, болѣе низкій — въ такія: ⌞ ⌟.

Смысловыя слова можно-бы раздѣлять при надобности тире: фр. il—ɛ—ˈla. Дѣленіе на морфемы можно обозначать по принятому обычаю черточками, а факультативныя фонемы заключать въ квадратныя скобки.

Л. Щерба.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Для сравненія привожу таблицу знаковъ, употребляемыхъ Sievers'омъ:

СОГЛАСНЫЕ:

	Гортанные.	Заднenебные.	Переднenебные.	Зубные.	Губные.
Смычные.	ʾ	$к^{1,2}$ $g^{1,2}$	$c^{1,2}$ $ʒ^{1,2}$	t^{1-4} d^{1-4}	p b
Носовые.		$ŋ^{1,2}$	$ń^{1,2}$[ñ]	n^{1-4}	m
Боковые.		(ɫ)	$l'^{1,2}$	l^{1-4}	
Дрожащіе.	r^{4}	r^{3}		$r^{1,2}$	
Щелинные.	ʿ ,h	$x^{1,2}$ $ʒ^{1,2}$	ś ź š' ž' $χ^{1,2}$ $j^{1,2}$	$ϑ^{1,2}$ $ð^{1,2}$ s^{1-4} z^{1-4} $š^{1,2}$ $ž^{1,2}$	f v w̥ w

ГЛАСНЫЕ:

	bak		mixed		front	
high	ʌ	u	ï	u̇	í	y
mid	a	o	ė	ȯ	e	ø
low	ɐ	ɔ	æ̇	ɔ̇	æ	œ

Напряженные обозначаются экспонентомъ 1, а ненапряженные экспонентомъ 2.

ПРИЛОЖЕНІЕ II

Русская лингвистическая азбука.

Гласные.

Движеніе языка

Движеніе губъ

	вперёдъ; отверстіе узкое.				индиф.	назадъ; отверстіе широкое.				
назадъ; отверстіе длинное.	і								ы	Зубные.
		е						ы		
			ӓ				ё			
				э		е				
индиф.					а					
впередъ; отверстіе круглое.				ѡ̈		ѡ				
			ŏ				о			Губные.
		ӧ						о		
	ӱ								у	
		Небные.				Гортанные.				

Таблица не требуетъ объясненій, слѣдуетъ отмѣтить лишь нѣкоторые дополнительные знаки:

1) Энергическій выговоръ: a̱, o̱.
2) Слабая артикуляція: ẹ, ị.
3) Долгота: ā, ē.
4) Краткость: ă, y̆.
5) Носовой оттѣнокъ съ начала до конца гласнаго; ạ̰, ẹ̰.
6) Носовой оттѣнокъ къ концу гласнаго: ą, ę.
7) Двухсложное произношеніе гласныхъ: рус. на'ука.

8) Односложное произношеніе гласныхъ: кляʸза или кляўза или кляуза.

9) Перерывъ между гласными: араб. саʼала.

Согласные.

				I. Губные.		II. Передне-язычные.		III. Средне-язычные	IV. Задне-язычные.		V.	VI.
				Губогубные.	Зубогубные.	Язычно-зубные, альвеолярные и дорсальные.	Церебральное.		Язычно-небные.	Язычно-велярные.		Гортанные шумы.
Шумные.	Простые.	Смычные.	Глухіе. . .	п	(π)	т	ṭ	ћ	ҕ к	k		ʾ ┴
			Звонкіе . .	б	(β)	д	ḍ	ђ	ҕ г	г'		ɤ
		Спиранты.	Глухіе. . .	f	ф	þ с ç ш	ṣ ṣ̌	χ	ҳ х	х'		h ẖ
			Звонкіе . .	w	в	ð з ȝ ж	ẓ ẓ̌	j	ђ ђ	ђ'		ɤ
	Сложные.					ц ц ч ч ʒ ц		j̇ J н'			т т ҷ ҷ	
Сонорные.	Звонкіе.		Носовые. .	м		н	ṇ	њ ɉ	ң	нг		
			Звуки л. .			л l	ḷ	љ			ꝛ	
			Звуки р. .			р r	ṛ		ꝑ	ρ		ɼ
	Глухіе.			ʽм		ʽн ʽл ʽр						

Объясненіе знаковъ.

ç ʐ̧ — дорсальные *ш* и *ж*; ш ж — корональные.

ʾ передъ гласнымъ означаетъ обыкновенное, слабое начало гласнаго.

ˈ — безшумный перерывъ.

ϑ — гортанный взрывъ.

ḫ — арабское ḥ (hha).

ϑ́ — арабское «ʿaïn».

ɼ — дрожащій гортанный звукъ (англійское (?) soft r).

j=т+j=ᵗj; ȷ=д+j=ᵈj; н̓=н+j=ⁿj.

ч=т̓+ш; ц=т̓+с; ч=т+ш=ᵗш; ц=т+с=ᵗс; џ=д+ +ж=ᵈж; ʒ=д+з=ᵈз.

л=лъ; l—«средній» *л*; р—дрожащій *р*; г—*р* безъ дрожанія.

ʝ—носовой j.

ɫ=*т*+*л*; ɫ̲=*т*+*лл*.

ɬ=одновременное сочетаніе *х* и *л*.

ƛ=*т*+*л*+*х*.

ɹ=*л*+ɼ или *л*+ρ.

Дополнительные знаки.

Слабые глухіе: б̬, д̬, г̬.

Энергичные согласные: к̲, т̲, д̲, с̲.

Согласные съ закрытой гортанью: т̉, к̉.

Придыхательные согласные: т̔, д́, ċ (звонкое придыханіе: бʿʿ, д̇ʿ).

Усиленное придыханіе: пᵉ, тᵉ.

Согласные съ гортаннымъ взрывомъ: к̆, т̆, п̆.

Палатализованные (мягкіе) согласные: т̀, п̀, с̀.

Лабіализованные согласные: т̊, ш̊.

Слогообразующіе согласные: м̥, н̥.

Батюшковъ и Петрарка [1]).

Батюшковъ, далеко не чуждый поэтическимъ теченіямъ современности, въ значительной степени былъ заинтересованъ поэзіей античной древности и скорбной поэзіей итальянскаго Возрожденія. Среди этихъ интересовъ поэзія Петрарки занимаетъ не послѣднее мѣсто.

Что привело Батюшкова къ Петраркѣ? Академикъ А. Н. Пыпинъ указываетъ на случайность [2]). Это справедливо лишь отчасти. Конечно, случайностью было то, что Батюшковъ съ дѣтства основательно познакомился съ итальянскимъ языкомъ, какъ познакомился и съ латинскимъ. Итальянскіе классики должны были попасть въ руки Батюшкову прежде всего. Петраркой интересовались въ концѣ XVIII в.—въ началѣ XIX в. и у насъ, и за границей, особенно же въ Италіи. Джакомо Леопарди комментируетъ Canzoniere Петрарки; Петрарка становится въ Италіи національнымъ героемъ, символомъ народнаго освобожденія и возрожденія; его канцона «Italia mia» является популярнѣйшимъ произведеніемъ. Но не въ этомъ политико-культурномъ освѣщеніи предсталъ Петрарка передъ Батюшковымъ. Поэзія любви въ французской литературѣ, уже знакомая Батюшкову (напр. Парни, Вольтеръ), привела нашего поэта къ Петраркѣ, къ его Canzoniere [3]).

---

1) Докладъ, читанный въ Обществѣ Исторіи Литературы 5-го мая 1911 года. Выражаю здѣсь благодарность за полезныя указанія проф. Р. Ѳ. Брандту, Е. Г. Брауну, В. Ѳ. Ржигѣ, пр.-доц. С. К. Шамбинаго и Н. А. Янчуку.

2) Пыпинъ. Исторія русской литературы. Т. IV, стр. 295.

3) Данте, повидимому, остался чуждъ Батюшкову.

Въ нашей наукѣ уже указывалось, что пессимистическое настроеніе Батюшкова не является для его душевныхъ переживаній чѣмъ-нибудь необычнымъ, сразу нахлынувшимъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ жизни поэта [1]). Пессимистическія нотки встрѣчаются у Батюшкова въ періодъ созданія имъ своихъ жизнерадостныхъ произведеній изъ области «легкой поэзіи». Укажемъ, что уже въ первыхъ стихотвореніяхъ Батюшкова встрѣчается грустный, иногда даже мрачный взглядъ на судьбу человѣка. Таковы стихотворенія: «Мечта» (№ 1) [2]), къ которому мы еще вернемся, стихотвореніе «Богъ» (№ 2), навѣянное Державинымъ; затѣмъ «Посланіе къ стихамъ моимъ» (№ 3), гдѣ говорится о тщетномъ шумѣ славы; «Посланіе къ Хлоѣ» (№ 4), съ мыслью о человѣкѣ, какъ путникѣ, исчезающемъ въ пустынѣ. Мечтательно-грустныя нотки встрѣчаются и въ стихотвореніи «Къ Филисѣ» (№ 6), написанномъ подъ вліяніемъ Грессета, и въ «Посланіи къ Гнѣдичу» (№ 8), при общемъ идиллическомъ настроеніи обоихъ стихотвореній. Можно указать и въ послѣдующихъ стихотвореніяхъ пессимистическія нотки, доходящія до скептическаго отношенія къ знанію, что, какъ увидимъ, встрѣчается у Батюшкова и позднѣе. Необходимо указать и на вліяніе поэзіи Макферсона; это вліяніе для молодого поэта естественно и тѣмъ болѣе любопытно, что глубокомысленный романтизмъ англійской и нѣмецкой поэзіи занималъ малое мѣсто въ литературныхъ интересахъ Батюшкова.

Стихотворенія отнюдь не мрачнаго содержанія попадаются и въ тѣ моменты жизни поэта, когда онъ былъ уже недалекъ отъ сумасшествія. Съ другой стороны не всѣ причины усиливающейся грусти поэта, какъ указываемыя литературной критикой, такъ, повидимому, выводимыя и самимъ писателемъ, имѣютъ дѣйствительное значеніе. Смерть друга, Петина, хоть и послужила толчкомъ къ созданію прекраснаго стихотворенія («Тѣнь друга»), однако — стихотворенія съ элементами холодной

1) Венгеровъ, Словарь русскихъ писателей.

2) Батюшковъ. Сочиненія. Изданіе П. Н. Батюшкова, со статьей Л. Н. Майкова и примѣчаніями В. И. Саитова. СПб. 1887. По этому же изданію всѣ наши цитаты и нумерація стихотвореній.

риторики какъ разъ въ мѣстахъ, непосредственно относящихся къ образу погибшаго друга. Это также было отмѣчено нашей наукой [1]).

Однако фактъ постепеннаго разочарованія и, наконецъ, сумасшествія поэта налицо. Мы только указываемъ, что не внутреннимъ перерожденіемъ исключительно должны объясняться грустныя элегіи Батюшкова. Искренность творчества не мѣшаетъ поэту въ чужихъ образцахъ отыскивать отзвуки своего сердца. Самостоятельное развитіе духовной жизни идетъ рука объ руку съ воспріятіемъ и переработкой мотивовъ со стороны. Такими мотивами снабжаетъ Батюшкова и Петрарка, этотъ великій создатель новой лирики и пессимистъ, прошедшій еще болѣе, чѣмъ Батюшковъ, черезъ искусъ всяческихъ наслажденій и школу античной поэзіи [2]).

Впервые Батюшковъ упоминаетъ о Петраркѣ въ мартѣ 1909 г. Въ письмахъ 1808—9 годовъ мы видимъ постоянный интересъ Батюшкова къ итальянской поэзіи. Къ тому же времени относятся «Посланіе къ Тассу» (№ 21) и переводы изъ Тасса (№№ 22 и 23). Батюшковъ проситъ Оленина прислать ему Тасса, котораго онъ потерялъ, и *Петрарку* [3]). Два стихотворенія 1809 года весьма близки къ идеалогіи Петрарки; именно, «Посланіе графу Велеурскому» (№ 24) и «Стихи Семеновой» (№ 26).

Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній поэтъ сравниваетъ графа Велеурскаго съ трубадуромъ и даетъ нѣсколько образовъ и понятій любовныхъ, напоминающихъ Петрарку. Если игривый тонъ и обращеніе къ «трубадуру» и могутъ объясняться вліяніемъ французской поэзіи и модой [4]), то все же «законы, читаемые въ глазахъ красавицы», и Амуръ, вселяющій въ сердце любовь посредствомъ прелестной женщины, весьма близки къ поэзіи Петрарки. Не у него ли и почерпнуты эти образы Батюшковымъ, читавшимъ въ этомъ году итальянскаго поэта? Не подъ вліяніемъ ли постоянныхъ сѣтованій Петрарки вырываются у Батюшкова

1) Венгеровъ. Словарь русскихъ писателей.

2) См. нашу статью «Любовная лирика Франческо Петрарки» (Русск. Фил. Вѣстникъ, 1912 г.).

3) Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 26. Курсивъ нашъ. *А. Н.*

4) Батюшковъ. Сочиненія. Т. II, стр. 407, 408.

слова объ исчезнувшей зарѣ его жизни? Батюшковъ пишетъ Гнѣдичу въ томъ же 1809 году: «Гдѣ истинная любовь? Нѣтъ ея! Я вѣрю одной воздыхательной, *петраркизму*, то есть, живущей въ душѣ поэтовъ и болѣе никакой» [1]).

Въ «Стихахъ Семеновой» (№ 26) Батюшковъ не остается на исключительно чувственной почвѣ любви. Поэтъ возвышается до нравственнаго образа:

Красотъ соборъ въ ней явно съединенъ,
Душа небесная во образѣ прекрасномъ
И сердца добраго всѣ рѣдкія черты.
Безъ коихъ ничего и прелесть красоты.

Здѣсь мы видимъ не только идеи, но и фразеологію Петрарки, переработавшаго самостоятельно поэзію и провансальскую и тосканскую.

Небесный духъ, живое солнце
Было то, что я видѣлъ [2]),

говоритъ Петрарка, а въ другомъ сонетѣ:

Слава, честь, добродѣтель, грація,
Непорочная красота въ небесномъ одѣяніи
Суть корни благороднаго дерева [3]).

(Здѣсь говорится о Лаурѣ). Мысль послѣдней строки стихотворенія Батюшкова встрѣчается у Петрарки неоднократно. Ограничимся однимъ примѣромъ:

Высокая красота, равной которой нѣтъ въ мірѣ,
Была бы ненавистна, если бы она не украшалась
Прекраснымъ сокровищемъ цѣломудрія [4]).

Вышеупомянутое стихотвореніе, съ эпиграфомъ изъ Тасса, послалъ Батюшковъ Гнѣдичу вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ пишетъ о своихъ

---

1) Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 46. Курсивъ нашъ. *А. Н.*
2) Сон. Erano i capei d'oro a l'aura sparsi.
3) Сон. Amor con la man destra il lato manco.
4) Сон. Arbor vittoriosa trionfale.

занятіяхъ итальянской поэзіей. «Я весь итальянецъ!» восклицаетъ онъ. Любопытно, что въ томъ же письмѣ мы встрѣчаемъ мысль, почти тождественную съ знаменитымъ «Изреченіемъ Мелхиседека»: «Поневолѣ призадумаешься и скажешь: что человѣкъ? За что одинъ страдаетъ, другой.... Но всѣмъ участь одна; всѣ, какъ царь и рабъ, умираемъ и живемъ несчастливы» [1]). Вспоминаются пессимистическія нотки Петрарки, мелькавшія у него въ моменты отрѣшенія отъ любви:

Плодъ моего бреда стыдъ,
Раскаянье и ясное сознанье:
Что міру нравится, то—краткій сонъ [2]).
Мы ясно будемъ видѣть (послѣ смерти), какъ часто
Другой стремится за обманчивой цѣлью
И какъ часто напрасно вздыхаетъ [3]).

Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца Батюшковъ пишетъ Гнѣдичу еще болѣе мрачное письмо, гдѣ уже предвосхищаетъ не свою будущую поэзію, а свою будущую жизнь, свое сумасшествіе [4]).

Въ томъ же 1809 г. Батюшковъ пишетъ свою эпитафію, весьма сходную, по тону, съ «Изреченіемъ Мелхиседека»:

Не нужно надписи для камня моего;
Скажите просто здѣсь: онъ былъ и нѣтъ его! (№ 35) [5]).

Возможно, что собственное грустное настроеніе Батюшкова, пробивающееся впервые въ его поэзіи еще въ 1805 г., а можетъ быть и ранѣе, питалось мотивами со стороны. Въ 1809 г., мы уже знаемъ навѣрно, Батюшковъ читаетъ Петрарку. Сходство мотивовъ и указаніе письма къ Оленину даютъ возможность предполагать вліяніе итальянскаго поэта.

Къ 1810 г. относятся переводъ изъ Петрарки и подражаніе ему. Ба-

---

1) Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 43.
2) Сон. Voi ch'ascoltate in rime sparse il suono.
3) Сон. Quanto più m'avvicino al giorno estremo.
4) Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 51, 53.
5) Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 62.

тюшковъ перевелъ второй сонетъ Петрарки изъ второй части Canzoniere (№ 56) [1]). Этотъ сонетъ нѣсколько напоминаетъ по настроенію и мысли «Посланіе къ Гнѣдичу» (№ 16) 1807 г. Нельзя сказать, чтобы Батюшковъ переводилъ близко къ подлиннику. Переводъ сдѣланъ шестистопнымъ ямбомъ и не въ формѣ сонета, а въ 16 строкъ. Многія, типичныя для Петрарки, слова и выраженія не переданы. Одна фраза вовсе не имѣетъ себѣ соотвѣтствія у Петрарки, именно:

И мертвый нѣмъ лежитъ подъ камнемъ гробовымъ.

Далѣе, выраженіе Петрарки, что ему остались на долю лишь «всегда влажныя очи и склоненное чело», передано —

— слезы вѣчныя на хладный камень лить!

Эти гробовой и хладный камни, несомнѣнно, позаимствованы Батюшковымъ изъ новой поэзіи. Однако, вольное отношеніе къ переводу, можетъ быть, драгоцѣннѣе строгаго. Поэтъ, видимо, хочетъ согласовать привычные образы и настроенія съ мотивами чужого творчества. Если ранѣе мы видѣли лишь отображенія мотивовъ Петрарки въ поэзіи Батюшкова, то и здѣсь мы не видимъ только перевода или заимствованія, а органическую переработку [2]).

Еще болѣе переработана канцона четвертая (№ 57) [3]). Изъ стихотворенія въ шесть строфъ и 78 строкъ она превращается въ стихотвореніе въ четыре строфы и 40 строкъ, т. е. сокращается вдвое. Оригинальный размѣръ и оригинальное раздѣленіе канцоны Петрарки по 14 строкъ въ каждой строфѣ, кромѣ послѣдней, въ которой 8 строкъ, у Батюшкова отсутствуютъ. Любопытно, что Батюшковъ, повидимому, намѣревался дать все же переводъ, а не передѣлку. Каждый куплетъ канцоны Петрарки, кромѣ послѣдняго, представляетъ противоположеніе

1) Сон. Rotta è l'alta colonna e'l verde lauro.

2) Обращаемъ вниманіе на неудачную передачу первыхъ строкъ сонета: колонна и лавръ какъ будто сливаются въ одномъ образѣ Лауры; мы не сомнѣваемся, что основные факты біографіи Петрарки, именно его отношенія къ кардиналу Colonna, были извѣстны Батюшкову.

3) Канц. Nella stagion che 'l cielo rapido inchina.

счастливой судьбы другихъ существъ (не только людей) несчастной участи поэта и тѣмъ самымъ дѣлится на двѣ части; назовемъ ихъ *а* и *в*; часть *а* — картинка изъ жизни другихъ существъ, часть *в* — горестное сѣтованіе автора. Въ первыхъ трехъ куплетахъ часть *а* значительно болѣе части *в*, во вторыхъ двухъ—наоборотъ. Первые два переведены Батюшковымъ съ соблюденіемъ плана, мотивовъ и, приблизительно, выраженій Петрарки, хотя и здѣсь vecchierella pellegrina превращается въ пастушку, землекопъ въ оратая, и вкрадываются такія выраженія, какъ «задумчивая луна», «тѣнь домашнихъ ларъ» и «безмолвныя стѣны» [1]).

Строфы Петрарки третья и четвертая стянуты въ одну, части *в* откинуты, части *а* передѣланы весьма значительно, причемъ мореплаватель превратился въ рыбака, что повлекло за собою пропускъ различныхъ географическихъ указаній. Опущено также типичное указаніе на годъ любви Петрарки (десятый). У строфы пятой также опущена часть *в* съ типичнѣйшими обращеніями къ вздохамъ и къ образу донны, причемъ данная строфа соединена съ послѣдней строфой, заключающей обращеніе къ канцонѣ. Это обращеніе передѣлано Батюшковымъ коренными образомъ и получило выраженія, для Петрарки несвойственныя, напримѣръ:

О лира, возбуди бряцаньемъ струнъ златыхъ.

Несомнѣнно, стихотвореніе Батюшкова сильно уступаетъ канцонѣ Петрарки въ композиціи, да и стиль значительно измѣнился. Типичную фразеологію и оригинальные мотивы Петрарки Батюшковъ выбрасываетъ и оставляетъ лишь общее, для самого Батюшкова важное, пессимистическое настроеніе.

Переводы изъ Петрарки не исчерпываютъ всѣхъ пессимистическихъ стихотвореній въ довольно богатомъ поэтическомъ творчествѣ Батюшкова въ 1810 г. (См. №№ 37, 40, 41, 43, 54, 55, 59). Въ перепискѣ отъ 1810 г. тоскливыя нотки звучатъ сплошь и рядомъ. Таковы письма

---

1) Впрочемъ, въ одномъ сонетѣ Петрарка, говоря о рядѣ предметовъ, производящихъ мрачное впечатлѣніе, упоминаетъ о «тѣни стѣны» (Сон. Orbo, e' non furon mai fiumi, nè stagni).

Батюшкова къ сестрѣ [1]) и Гнѣдичу [2]). Въ одномъ изъ писемъ къ Гнѣдичу Батюшковъ пишетъ о своей готовности изъ угнетавшей его Москвы уѣхать «въ лѣса пошехонскіе опять жить съ волками и съ китайскими тѣнями воображенія довольно мрачнаго». «Ахъ, еслибъ ты могъ прочитать въ моемъ сердцѣ!» восклицаетъ поэтъ [3]). Въ поэзіи находилъ Батюшковъ выходъ своему мрачному настроенію и у другихъ поэтовъ искалъ соотвѣтствій своему душевному состоянію. Посылая Гнѣдичу переводъ изъ Парни (№ 41), Батюшковъ пишетъ по поводу пьесы: «Въ ней какое-то особливое нѣчто меланхолическое, что мнѣ нравится, что-то мистическое, а proposito» [4]).

Въ другомъ письмѣ [5]) къ тому же Гнѣдичу поэтъ пишетъ о своей несчастной жизни и, какъ ему кажется, гибнущемъ талантѣ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, которыя встрѣчаются въ одномъ стихотвореніи того же года (№ 37). Указанныя письма фактически доказываютъ, что свое настроеніе Батюшковъ искренно переносилъ въ свою лирику и что переводы его не были случайны.

Любопытно, что, написавъ свою патріотическую «Прогулку по Москвѣ», Батюшковъ пишетъ Гнѣдичу: «Я за всѣ русскія древности не дамъ гроша», и тутъ же прибавляетъ: «То-ли дѣло Греція? То-ли дѣло Италія?[6]). Послѣдняя, въ лицѣ своихъ поэтовъ, весьма занимала Батюшкова въ 1810 году. Таковы переводы изъ Петрарки, подражаніе Касти (№ 48); въ «Прогулкѣ по Москвѣ» встрѣчаемъ стихъ изъ Аріосто [7]); четыре стиха изъ Аріосто же въ одномъ изъ писемъ [8]); въ вышеупомянутомъ письмѣ читаемъ: «Переписываю Тасса» [9]), а рядомъ опять меланхолическая нотка:

---

1) Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 71.
2) Ibid. Стр. 73.
3) Ibid. Стр. 76.
4) Ibid. Стр. 78.
5) Ibid. Стр. 82, 83.
6) Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 87.
7) Ibid. Т. II, стр. 28.
8) Ibid. Т. III, стр. 100.
9) Ibid. Стр. 97.

«Для насъ все хорошо вдали,
Вблизи все скучно и постыло!

Вотъ два стиха, которыя я написалъ въ молодости, т. е. въ 15 лѣтъ, и теперь на опытахъ вижу, что муза моя, еще дѣвственница, угадала».

Мы уже говорили, что пессимизмъ Батюшкова является ранѣе, чѣмъ принято считать на основаніи фактовъ біографіи. Повидимому, чтеніе, а стало быть и Петрарка, должны были оказать свое вліяніе на развитіе этого пессимизма.

Утѣшая другихъ, Батюшковъ говоритъ о своихъ несчастіяхъ и своей грусти; поэтъ опять возвращается къ мысли о сумасшествіи [1]). Причиной мрачнаго настроенія отчасти была болѣзнь, на которую Батюшковъ ссылается въ письмахъ [2]), но не только болѣзнь, излѣчиваемая врачомъ, а и временемъ, которое одно затягиваетъ душевныя раны [3]).

Такъ мы видимъ, что въ поэзіи Батюшкова отъ 1810 года переводы изъ Петрарки находятъ себѣ соотвѣтствіе въ пессимизмѣ поэта, а пессимизмъ тянетъ Батюшкова къ Италіи и ея поэзіи.

Въ 1811 г. Батюшковъ усиленно занимается итальянской поэзіей; онъ читаетъ Аріоста, Тасса, Данта, Петрарку, котораго особенно выдѣляетъ—«изъ устъ его что́ слово, то блаженство»; Аріоста Батюшковъ пытается переводить впервые, причемъ признается, что отступаетъ отъ подлинника [4]). А между тѣмъ мрачное настроеніе не покидаетъ Батюшкова [5]), да не покинетъ, пожалуй, и никогда. «Я вовсе переродился», пишетъ поэтъ [6]), и съ этой фразой мы еще встрѣтимся въ одномъ изъ позднихъ писемъ. Сердце, повидимому,—основа душевной жизни Батюшкова; но поэту нѣтъ счастья. Вотъ его собственныя слова въ письмѣ Гнѣдичу: «Я... даже немного мизантропъ... Гдѣ счастье? Гдѣ наслажденье? Гдѣ покой? Гдѣ чистое сердечное сладострастіе, въ которомъ

---

1) Ibid. Стр. 89, 90, 92, 93.
2) Ibid. Стр. 96, 98, 99.
3) Ibid. Стр. 104, 107, 108.
4) Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 160, 163, 165, 169—172.
5) Ibid. Стр. 108.
6) Ibid. Стр. 109.

сердце мое любило погружаться? Все, все улетѣло... Все исчезло!.. Сердце все проситъ любви: она—его пища, его блаженство; и мое блаженство—ты знаешь это—улетѣло на крыльяхъ мечты. Есть ли у меня желанія? Есть ли надежда? Я часто себя спрашиваю, и отвѣчаю: нѣтъ!» [1]) Батюшковъ заговорилъ о сердцѣ, о любви, о любви несчастной, и съ устъ его слетаютъ образы и выраженія Петрарки. Приведемъ примѣры изъ итальянскаго поэта.

Я... вижу, что время идетъ быстро и легко,
И мои на него надежды обманчивы и глупы.
....Тамъ (т. е. на небѣ) мы получимъ покой·
Такъ какъ тогда упадетъ и надежда,
Такъ долго заставлявшая безумствовать,
И смѣхъ, и плачъ, и страхъ, и гнѣвъ [2]).
Печальныя слезы, и вы всѣ ночи
Сопровождаете меня, когда я хотѣлъ бы быть одинъ;
Вы идете передъ моимъ покоемъ [3]).
Обманчива становится наша надежда [4]).
Увы, я вижу, что всякая надежда
.... выпала изъ рукъ,
И всѣ мои мысли разбились вмѣстѣ съ нею [5]).

Батюшковъ говоритъ, что сердце его безъ любви лишилось и блаженства и надежды. О «сердцѣ, лишенномъ радости и надежды», говоритъ и Петрарка въ одномъ изъ сонетовъ, подготовляющихъ переходъ ко второй части Canzoniere [6]). Мы уже указывали на заявленіе Батюшкова, что онъ переродился, повторяющееся у него не разъ. О томъ же говоритъ и Петрарка:

Я уже не тотъ, какимъ былъ раньше [7]).

1) Ibid. Стр. 186, 187.
2) Сон. Quanto più m'avvicino al giorno estremo.
3) Сон. Perch'io t'abbia guardato di menzogna.
4) Сон. Poi che voi ed io più volte abbiam provato.
5) Сон. Amor, Fortuna e la mia mente schiva.
6) Сон. Solea lontana in sonno consolarme.
7) Сон. In dubbio di mio stato, or piango or canto.

Эта же мысль въ первомъ сонетѣ Canzoniere. Повторяя свою фразу, Батюшковъ какъ бы любуется ею, и происхожденіе ея становится подозрительнымъ. Особенно близки по настроенію вышеприведенныя строки письма Батюшкова къ стихотвореніямъ Петрарки, созданнымъ имъ на смерть Лауры.

Все живущее помышляетъ о любви;
А для меня, увы, возвратились болѣе тяжелые
Вздохи [1]).
Свѣтъ и покой моей истомленной жизни
Отняла та, которая покинула весь міръ [2]).
О безжалостная смерть (т. е. Лауры)! . . . .
(Она) ввергла меня въ печаль,
Жестоко потушивъ мои надежды [3]).

Какъ и у Петрарки, влеченіе къ любви связано у Батюшкова съ влеченіемъ къ стихотворству, отказъ отъ котораго угнетаетъ поэта. «Я ничего не пишу, все бросилъ... Вмѣстѣ съ способностью писать я потерялъ способность наслаждаться» [4]), пишетъ Батюшковъ въ томъ же письмѣ. Горькіе моменты недовѣрія Петрарки къ своимъ силамъ, именно въ связи съ несчастьемъ въ любви, хорошо извѣстны [5]).

Черезъ мѣсяцъ Батюшковъ выражаетъ въ письмѣ къ Гнѣдичу свой взглядъ на поэзію и поэта: «Поэзія, сіе вдохновеніе, сіе нѣчто изнимающее душу изъ ея обыкновеннаго состоянія, дѣлаетъ любимцевъ своихъ несчастными счастливцами. И ты часто наслаждаешься, потому что ты пишешь, и ты смотришь на міръ съ отвращеніемъ, потому что ты пишешь» [6]). Мы въ данномъ случаѣ можемъ говорить лишь о частичномъ

---

1) Сон. Zefiro torna, e 'l bel tempo rimena.

2) Сон. L'aura e l'odore e 'l refrigerio e l'ombra.

3) Балл. Amor, quando fioria.

4) Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 136.

5) См. напр. сонеты: Se l'onarata fronde che prescrive, S'Amore o Morte non dà qualche stroppio, Padre del ciel, dopo i perduti giorni, S'io fossi stato fermo alla spelunca.

6) Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 140, 141.

соотвѣтствіи Петраркѣ; вѣдь и онъ, какъ поэтъ, былъ несчастнымъ счастливцемъ, принималъ на себя именно этотъ образъ, но и только. Никогда Петрарка не смотрѣлъ на міръ съ отвращеніемъ, хотя, бывало, и удалялся отъ міра. Батюшковъ неоднократно жилъ въ одиночествѣ, въ деревнѣ, а однажды собирался окончить свою жизнь въ лѣсахъ вмѣстѣ съ волками, которые ему, видимо, были пріятнѣе людей.

Дикая, нетронутая природа, среди которой тотъ находитъ себѣ уединеніе и покой, занимаетъ значительное мѣсто въ поэзіи Вохлюзскаго отшельника, а среди этой природы попадаются и дикіе звѣри [1]).

Въ письмѣ къ Жуковскому мы видимъ старыя сѣтованія въ старыхъ выраженіяхъ: «Я весь переродился: боленъ, скученъ и такъ хилъ, такъ хилъ, что не переживу и моихъ стиховъ». Видимо, словечко «переродился» полюбилось Батюшкову!

Что Батюшковъ при мысли о поэтическомъ уединеніи обращался къ образу Петрарки, мы видимъ изъ стихотворенія 1812 г. «Отвѣтъ Тургеневу» (№ 69). Посланіе къ Тургеневу написано въ тонѣ не то шутливомъ, не то грустномъ. Образы Петрарки не покидаютъ поэта: въ письмѣ къ Жуковскому Батюшковъ пишетъ, что Тургеневъ «занятъ... какою-то Лаурою: онъ влюбленъ не на шутку» [2]).

Какъ только Батюшковъ задался цѣлью изобразить, ему особенно интересный, духовный обликъ пѣвца любви, такъ передъ нимъ встаетъ вся типичность переживаній Петрарки. Однако Батюшковъ вовсе не задается цѣлью представить только исторически вѣрный образъ итальянскаго поэта; нѣтъ, послѣдній является для него тѣмъ обобщеніемъ, подъ которое, можетъ быть, онъ и самъ подходитъ. Поэтому вполнѣ естественно, что въ стихотвореніи попадаются выраженія, чуждыя поэзіи Петрарки, вродѣ «жизни съ химерами», «бесѣды съ духами» и «задумчивой луны». Если же откинуть эти выраженія, то кажется, то бо́льшая половина стихотворенія сплошь проникнута образами Петрарки; но ука-

1) См. напр. сонеты: Passer mai solitario in alcun tetto, I'ho pien di sospir quest'aer tutto, Valle che de'lamenti miei se'piena, Zefiro torna, e 'l bel tempo rimena, Se lamentar augelli, o verdi fronde.

2) Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 188.

заніе на самого Петрарку приведено лишь въ концѣ. Обратимся къ самому стихотворенію. Оно начинается съ обобщающей мысли:

Ты правъ: поэтъ не лжецъ,
Красавицъ воспѣвая.

Но почему поэту вздумалось говорить объ этомъ? На это отвѣчаютъ слѣдующія строки:

Но часто нашъ пѣвецъ
. . . .
Для двухъ коварныхъ глазъ
. . . .
Проводитъ вѣкъ съ мечтами
. . . .
И міръ смѣшитъ собой!

Въ этихъ строкахъ по справедливости можно видѣть и отраженіе поэзіи Петрарки и ея критику. Вопросъ объ искренности поэзіи Петрарки подымался еще при жизни поэта; любовь его не казалась фактомъ, а лишь измышленіемъ поэта, хотя послѣдній и протестовалъ противъ этого мнѣнія. Конечно, Батюшковъ былъ знакомъ съ этимъ литературнымъ вопросомъ, отвѣчая на него положительно, несмотря на насмѣшливое сомнѣніе міра. По поводу какого-бы поэта не писалъ въ данномъ случаѣ Батюшковъ [1]), передъ нимъ все же стоялъ образъ Петрарки; на это указываетъ и противоположеніе первыхъ двухъ строкъ остальнымъ, нами приведеннымъ, и образы, заключенные въ этихъ послѣднихъ. Упоминаніе вмѣсто красавицы всего лишь ея двухъ коварныхъ глазъ сплошь и рядомъ встрѣчается у Петрарки.

Ни одно лицо человѣка не страшитъ такъ,
Какъ страшитъ видъ покрывала, бросающаго тѣнь на два
прекрасные глаза [2]).
Пусть будетъ благословенна. . . . .

1) По мнѣнію Саитова, Батюшковъ имѣлъ ввиду Жуковскаго. См. примѣчанія къ сочиненіямъ Батюшкова. Т. I, стр. 355.
2) Сон. Orso, e'non furon mai fiumi nè stagni.

......страна, гдѣ я былъ застигнутъ
Двумя прекрасными глазами, которые меня связали [1]).
Это тѣ прекрасныя очи, которыя стоятъ
Постоянно въ моемъ сердцѣ, горя, какъ искры,
Такъ что я не устаю говорить о нихъ [2]).
................я уже не нахожу мѣста
Изъ-за глазъ, на которые, къ своему несчастію, такъ часто смотрю [3]).

Что Петрарка «проводилъ вѣкъ съ мечтами»,— безспорно; онъ объ этомъ говоритъ чуть не въ каждомъ сонетѣ; постоянная мысль, надежды и вздохи такъ занимаютъ поэта, что онъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи подсчитать, сколько лѣтъ онъ занимается этими вещами. А что въ концѣ-концовъ поэтъ своими мечтами лишь смѣшитъ міръ, ясно изъ перваго сонета:

Я хорошо знаю, что всему народу
Я былъ предметомъ насмѣшекъ [4]).

Далѣе въ своемъ стихотвореніи Батюшковъ подробнѣе рисуетъ намъ образъ Петрарки:

Для свѣта равнодушенъ
Для славы и честей,
Одной любви послушенъ,
Онъ дышетъ только ей,
Вездѣ своей мечтою,
Въ столицѣ и поляхъ...

Сравнимъ съ этимъ отрывкомъ слѣдующій сонетъ Петрарки:

Буду ли я тамъ, гдѣ солнце уничтожаетъ цвѣты и травы,
Или гдѣ его побѣждаетъ ледъ и снѣгъ;

---

1) Сон. Benedetto sia 'l giorno e 'l mese e l'anno.
2) Сон. J begli occhi ond'i'fui percosso in guisa.
3) Сон. S'al principio risponde il fine e'l mezzo.
4) Сон. Voi ch'ascoltate in rime sparse il suono.

Буду ли тамъ, гдѣ находится его закаленная и легкая повозка,
И тамъ, гдѣ тотъ, кто вращаетъ небо и его держитъ;
Буду ли въ скромномъ положеніи или въ блестящемъ,
Среди прекраснаго яснаго воздуха или темнаго и тяжелаго,
Буду ночью и днемъ, длиннымъ и короткимъ,
Въ зрѣломъ возрастѣ или недозрѣломъ,
Буду ли на небѣ, или на землѣ, или въ пропасти,
На высокомъ ли холмѣ, въ долинѣ ли глубокой и болотистой,
При духѣ свободномъ или связанномъ своими членами;
Буду ли я въ ничтожной славѣ или блестящей:
Я буду такимъ, какимъ былъ; буду жить такъ, какъ жилъ,
Продолжая свои пятнадцатилѣтніе вздохи [1]).

Посмотримъ, что говоритъ Батюшковъ далѣе.

Съ поникшей головою,
Съ уныніемъ въ очахъ,
Какъ призракъ блѣдный бродитъ,
Одно твердитъ, поетъ:
«Любовь, любовь зоветъ»....
И риомы лишь находитъ!

Послѣдняя строка характерна; повидимому, Петрарка также останавливался на этой мысли, какъ на правильной:

Если бы я думалъ, что такъ пріятны будутъ
Изложенные въ стихахъ звуки моихъ вздоховъ,
Я бы воспроизвелъ ихъ
Въ большемъ числѣ и лучшей формѣ [2]).

Далѣе у Батюшкова встрѣчаемъ образъ, для поэзіи Петрарки обычный; оттуда онъ, конечно, и взятъ нашимъ поэтомъ.

Такъ вѣрно Аполлонъ
Давно съ любовью въ ссорѣ,

1) Сон. Ponmi ove 'l Sol occide i fiori e l'erba.
2) Сон. S'io avessi pensato che sì care.

И мститель Купидонъ
Судилъ поэтамъ горе.
Всѣ нимфы строги къ намъ
За наши псалмопѣнья,
Какъ Дафна къ богу пѣнья.

Петрарка любилъ Лауру, а Дафна, которую полюбилъ Аполлонъ, превратилась въ лавръ (lauro—Laura):

Славное солнце, ту листву, которую я люблю,
Ты первый полюбилъ [1]).

Намекъ на классическій миѳъ встрѣчается у Петрарки неоднократно. Петрарка сравниваетъ Лауру и съ нимфой [2]). Всѣ приведенныя сближенія могли могли бы казаться произвольными, если бы самъ Батюшковъ не говорилъ:

Мы лавръ находимъ тамъ
Иль кипарисъ печали,
Гдѣ счастье розъ искали,
Цвѣтущихъ не для насъ.
Взгляните на Парнассъ:
Любовникъ строгой Лоры
Тамъ съ горести погасъ,
Скалы и дики горы
Его лишь знали гласъ
На берегахъ Воклюзы.

Далѣе стихотвореніе не имѣетъ связи съ поэзіей Петрарки. Въ разобранномъ нами стихотвореніи Батюшковъ рисуетъ намъ поэта и, конечно, самого себя, но въ его рисункѣ мы видимъ образъ Петрарки. Несмотря на нѣсколько шутливый тонъ стихотворенія, особенно въ концѣ, мы слышимъ и грустныя нотки одиночества, разобщенности съ міромъ, который лишь смѣется надъ поэтомъ, огорченія и разочарованности, которыя не покидаютъ поэта до могилы.

1) Сон. Almo Sol, quella fronde ch'io sol'amo.
2) См. напр. сонетъ In qual parte del Ciel, in qual idea, а также и другіе.

Стихотворенія 1813 г. ничего не даютъ для характеристики душевнаго состоянія Батюшкова. Но въ перепискѣ того же года, еще до смерти Петина, мы видимъ у Батюшкова тѣ мрачныя мысли, которыя встрѣчались и въ 1809 и 1810 годахъ,—именно мысли о сумасшествіи. (См. письма къ Вяземскому и Пушкиной [1]).

Въ произведеніяхъ Батюшкова отъ 1814—17 годовъ имя Петрарки попадается чаще. Въ то же время этотъ періодъ является временемъ наибольшаго расцвѣта таланта Батюшкова. Тогда же окончательно устанавливается грустный тонъ его поэзіи, хотя и здѣсь не безъ исключеній.

Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 3-го ноября 1814 г. Батюшковъ пишетъ и о своемъ разочарованіи [2]) и о Петраркѣ. Въ талантѣ Жуковскаго Батюшковъ находитъ нѣжность Петрарки [3]), а о своемъ дарованіи пишетъ совершенно въ стилѣ Петрарки: «Самое маленькое дарованіе мое, которымъ подарила меня судьба, конечно—въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось моимъ мучителемъ. Я вижу его безполезность для общества и для себя. Что въ немъ, мой милый другъ, и чѣмъ замѣню утраченное время» [4]). Мучительность дарованія, сомнѣніе въ полезности своего творчества, сожалѣніе объ утраченномъ времени и постоянная борьба противоположныхъ переживаній — типичные мотивы поэзіи Петрарки. Разсуждая о своемъ творчествѣ, Петрарка такъ заканчиваетъ одинъ сонетъ:

Когда я слышу эти разсужденья,
Я холодѣю внутри, какъ человѣкъ, который услышалъ
Новость, сразу его поразившую.
Затѣмъ приходитъ первая мысль, а та уходитъ.
Какая побѣдитъ, не знаю; до сихъ поръ
Онѣ борятся, и ни одна не обращается въ бѣгство [5]).

---

1) Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 221, 226, 227, 230.
2) Ibid. Стр. 303, 306.
3) Ibid. Стр. 306.
4) Ibid. Стр. 304.
5) Сон. L'aspetto sacro della terra vostra.

Подобные мотивы, обычные для Петрарки [1]), не могли не быть замѣчены Батюшковымъ. Занятія Батюшкова Петраркой въ 1814 г. доказываются и письмомъ къ Муравьеву, напечатаннымъ въ «Сынѣ Отечества», въ августѣ [2]), т. е. ранѣе предыдущаго письма къ Жуковскому. Батюшковъ напоминаетъ Муравьеву «неизъяснимую прелесть стенаній Петрарки» [3]). Понятно, что стихотворенія послѣдняго приходятъ на мысль Батюшкову, настраиваютъ его творчество.

Стихотвореніе «На смерть супруги Ѳ. Ѳ. Кокошкина» (№ 82) [4]) имѣетъ эпиграфъ, являющійся выдержкой изъ сонета Петрарки на смерть Лауры:

Въ возрастѣ прекрасномъ и цвѣтущемъ
Взята красавица живой на небо [5]).

Но самое стихотвореніе только, пожалуй, въ первыхъ строкахъ даетъ тонъ поэзіи Петрарки; вообще же, оно писано въ сентиментальномъ тонѣ съ упоминаніемъ Гимена, кипарисныхъ лозъ, гробовой урны, генія смерти и свѣтильника, гасимаго у гробницы трепетной рукой.

Любопытно стихотвореніе «Любовь въ челнокѣ» (№ 83 [6]). Образъ «челна любви» встрѣчается у Петрарки. Итальянскій поэтъ ѣдетъ по рѣкѣ По, а его

Чувство. . . . .
. . . . по вѣтру слѣдуетъ за своимъ желаніемъ,
Распустивъ паруса. . . . . [7])

Путешествіе Батюшкова кончается плачевно:

Мой челнокъ о мель разбился,
А малютка... улетѣлъ!

---

1) См. особенно сон. Amor, Fortuna, e la mente schiva.

2) Батюшковъ. Сочиненія. Т. II, 408.

3) Ibid. Стр. 73, 74.

4) Вѣроятнѣй, что это стихотвореніе относится именно къ 1814 г., а не къ 1811 г., какъ предполагаетъ составитель примѣчаній къ сочиненіямъ Батюшкова.

5) Сон. Nell'età sua più bella e più fiorita.

6) Параллельное стихотвореніе Жуковскаго появилось на годъ позднѣе. Схожій мотивъ встрѣчается у Батюшкова еще въ 1910 г. (№ 37).

7) Сон. Po, ben puo'tu portartene la scorza.

Кое-какъ на голый камень
Вышелъ съ горемъ пополамъ;
Я обмокъ, а въ сердцѣ пламень:
Изъ бѣды опять къ бѣдамъ! [1])

Петрарка тоже попадаетъ изъ-за любви въ воду:

Любовь, кипѣвшая въ моемъ сердцѣ,
Напомнивъ о бѣлокурыхъ кудряхъ,
Толкнула меня въ воду, и я упалъ въ ручей.... [2]).

Любопытна слѣдующая строфа стихотворенія Батюшкова:

Всюду нимфъ ищу прекрасныхъ,
Всюду въ горести брожу,
Лишь въ мечтаньяхъ сладострастныхъ
Тѣни милыхъ нахожу.

Петрарка также всюду ищетъ свою любовь, даже среди другихъ доннъ:

Я, несчастный, желаю иногда отыскать,
Донна, насколько возможно, въ другихъ
Желанный и истинный вашъ образъ [3]).

Въ другомъ стихотвореніи Петрарка говоритъ о Лаурѣ:

Ея образы разсѣяны повсюду [4]).

На образъ нимфы у Петрарки мы уже указывали. Разобранная нами элегія Батюшкова, весьма возможно, сложилась подъ вліяніемъ Петрарки, хотя и не представляется близкимъ подражаніемъ итальянскому поэту.

Обратимся къ произведеніямъ слѣдующаго 1815 г. Въ перепискѣ мы встрѣчаемъ уже ставшія обычными пессимистическія ноты. «Я очень

1) Здѣсь могло также сказаться вліяніе Горація. См. Carminum liber primus. V (Quis multa gracilis te puer in rosa).
2) Сон. Del mar tirreno alla sinistra riva.
3) Сон. Movesi 'l vecchierel canuto e bianco.
4) Сон. Non veggio ove scampar mi possa omai.

грустенъ. Нѣтъ ни одной веселой, утѣшительной мысли»[1]), пишетъ Батюшковъ Муравьевой. «Виноватъ ли я, если мой разсудокъ воюетъ съ моимъ сердцемъ?»[2]) пишетъ онъ къ ней же. Въ этомъ письмѣ Батюшковъ говоритъ о своей безнадежной любви[3]). Въ письмахъ къ Жуковскому мы читаемъ: «Мой характеръ очень перемѣнился: я сдѣлался задумчивъ, безмолвенъ, тихъ»[4]). Батюшковъ готовъ отречься отъ поэзіи: «Я скажу тебѣ, милый другъ, что обстоятельства и нѣсколько лѣтъ огорченій потушили во мнѣ страсть и жажду стиховъ»[5]). «Я готовъ бы отказаться вовсе отъ музъ, если бы въ нихъ не находилъ еще нѣкотораго утѣшенія отъ душевной тоски»[6]). Любопытно сопоставить съ этими мыслями фразу: «У меня Брутово сердце для стихотворныхъ дѣтей моихъ: или слава или смерть!»[7]) И въ этихъ извлеченіяхъ изъ переписки звучатъ намъ мотивы изъ лирики Петрарки, въ которой мы видимъ и борьбу разума съ сердцемъ, и разочарованіе въ своемъ талантѣ, и утѣшеніе, которое поэтъ находитъ въ немъ же, и жажду славы. Въ этомъ, 1815 году, Батюшковъ, по собственному выраженію, былъ «по горло въ итальянскомъ языкѣ»[8]), и обѣщалъ Жуковскому прислать свою статью о Петраркѣ[9]). Петрарка занималъ видное мѣсто въ литературныхъ работахъ Батюшкова въ этомъ году, можетъ быть, и потому, что нашъ поэтъ въ несчастьяхъ своей любви искалъ соотвѣтствующихъ выраженій у знаменитаго итальянца. Идеями Петрарки проникнута статья Батюшкова «Нѣчто о поэтѣ и поэзіи», гдѣ нашъ авторъ говоритъ и объ удаленіи поэта отъ общества на лоно природы, и о необходимости «испытать обѣ фортуны», и о непримиримости человѣческихъ суетъ съ истинной славой[10]). Въ этой статьѣ Батюшковъ рисуетъ Петрарку въ

---

1) Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 310, 311.
2) Ibid. Стр. 341.
3) Ibid. Стр. 342.
4) Ibid. Стр. 360.
5) Ibid. Стр. 345.
6) Ibid. Стр. 357.
7) Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 346.
8) Ibid. Стр. 339.
9) Ibid. Стр. 359.
10) Ibid. Т. II. стр. 121 (смотри примѣчаніе на стр. 448).

Воклюзскомъ уединеніи [1]), приводя выдержку изъ его канцоны:

. . . . подъ большой скалой
Въ закрытой долинѣ, откуда вытекаетъ Сорга,
Стоитъ онъ; и ничего онъ не замѣчаетъ,
Какъ только Амура, который никогда не отходитъ
отъ него ни на шагъ,
Да образъ той, которая его сжигаетъ [2]).

Въ статьѣ «Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи» мы видимъ, рядомъ съ выдержками изъ различныхъ писателей, и тѣ мысли, которыми мучился Петрарка. Вполнѣ земная жизнь чувства вступала у Петрарки въ борьбу съ религіозными требованіями, такъ что иной разъ поэтъ казался эпигономъ провансальцевъ, иногда послѣдователемъ Тосканской школы; отсюда рождались и разочарованія и сомнѣнія, гдѣ же истина, и любовь къ наслажденію, и отказъ отъ нихъ, и сознаніе своего одиночества. Эти мысли встрѣчаются и у Батюшкова. «Скоро и невозвратно исчезаетъ юность» [3]), грустить онъ, подобно Петраркѣ. «Слѣдуетъ непосредственная эпоха сомнѣній. Сомнѣніе мучительно» [4]). Въ эти сомнѣнія входитъ и чувство любви: «Но гдѣ же сіи сладости, сіи наслажденія безпрерывныя, сіи дни безоблачные, сіи часы и минуты, сотканные усердною паркою изъ нѣжнѣйшаго шелка, изъ злата и изъ розъ сладострастія?...» [5]). Полнаго благополучія нѣтъ человѣку, который «есть странникъ на землѣ» [7]). Но особенно несчастно положеніе художника. Эту мысль Батюшковъ выразилъ въ статьѣ «Двѣ Аллегоріи». «Мы всѣ, дѣти Аполлона, менѣе или болѣе боролись съ несчастіемъ» [8]). Виновница этому—судьба, а помогаютъ художнику противъ несчастной судьбы два божества, надѣленныя необыкновеннымъ сіяніемъ,—любовь и слава» [6]).

1) Ibid. Стр. 122.
2) Канц. Qual più diversa e nova.
3) Батюшковъ. Сочиненія. Т. II, стр. 127.
4) Ibid. Стр. 128.
5) Ibid. Стр. 133.
6) Ibid. Стр. 135.
7) Ibid. Стр. 183.
8) Ibid. Стр. 184.

Послѣдняя мысль составляетъ главное содержаніе всей поэзіи Петрарки [1]).

Въ 1815 г. Батюшковъ пишетъ двѣ статьи, касающіяся итальянской поэзіи; одна посвящена Аріосту и Тассу; другая Петраркѣ. Въ первой статьѣ Батюшковъ говоритъ о достоинствахъ итальянскаго языка. «Ученіе итальянскаго языка имѣетъ особенную прелесть. Языкъ гибкій, звучный, сладостный,... этотъ языкъ сдѣлался способнымъ принимать всѣ виды и формы» [2]). Далѣе идетъ разсужденіе о взаимномъ вліяніи писателя и языка. Батюшковъ выступаетъ противъ обвиненія итальянскаго языка въ излишней изнѣженности даже по отношенію «къ самому нѣжному поэту Валлакіузскому» [3]), т. е. Петраркѣ. Петрарка, по мнѣнію Батюшкова, «нѣжность, сладость и постоянное согласіе умѣлъ сочетать съ силою и краткостью» [4]).

Несомнѣнно, Батюшковъ основательно зналъ итальянскую поэзію Петрарки; читалъ, повидимому, и письма на латинскомъ языкѣ [5]); кромѣ того пользовался историко-литературными трудами [6]).

Вотъ краткое изложеніе статьи Батюшкова о Петраркѣ.

Сперва указывается роль Петрарки, какъ пѣвца любви, первой строкой сонета:

Что же я чувствую, если и это не любовь? [7]).

Затѣмъ указывается роль Петрарки, какъ гуманиста и политика. Послѣ этого вступленія разбирается поэзія Петрарки.

Отмѣчая отрицательное отношеніе самого поэта къ своимъ итальянскимъ стихотвореніямъ, Батюшковъ не сомнѣвается въ реальности любви Петрарки, ссылаясь на ученые труды итальянскихъ критиковъ и на чутье любителей поэзіи и чувствительныхъ людей, т. е. и на самого

---

1) См. особенно канцоны: Una donna più bella assai che 'l sole, Quell antiquo mio dolce empio signore.

2) Батюшковъ. Сочиненія. Т. II, стр. 149.

3) Ibid. Стр. 151.

4) Ibid. Стр. 158.

5) Ibid. Стр. 472.

6) Ibid. Стр. 459.

7) Сон. S'amor non è, che dunque è quel ch' i' sento.

себя. Характерно, что Батюшковъ защищаетъ отъ насмѣшекъ пунктуальное историко-литературное изслѣдованіе, къ которому и самъ, повидимому, былъ склоненъ. Батюшковъ характеризуетъ любовь Петрарки, какъ возвышенную духовную, въ противоположность любви древнихъ поэтовъ [1]). «Самая смерть Лауры—торжество жизни надъ смертью», говоритъ Батюшковъ и приводитъ выдержки изъ конца первой главы «Trinfo della Morte di M. Laura». Далѣе указывается невозможность перевести Петрарку ни на какой языкъ. Тутъ же приводится переводъ или, лучше сказать, сжатый пересказъ первой канцоны на смерть Лауры (вторая часть Canzoniere) [2]), начиная съ 9-го стиха 2-ой строфы. Въ этой канцонѣ говорится о неблагодарной землѣ, о несчастномъ поэтѣ, о доннѣ, получившей блаженство на небѣ, о славѣ, за которой долженъ слѣдовать поэтъ. «Стихотворецъ умѣлъ сочетать землю и небо», замѣчаетъ Батюшковъ [3]). Затѣмъ, опять Батюшковъ чувствуетъ необходимость заступиться за реальность любви Петрарки, приводитъ извѣстную запись на кодексѣ Виргилія и стоитъ за психологическое правдоподобіе этой любви [4]). Указывая сліяніе любви къ Лаурѣ и любви къ славѣ въ поэзіи Петрарки, Батюшковъ отмѣчаетъ сравнительную поэтическую слабость Trionfi и приводитъ переводъ послѣднихъ семи строкъ третьей главы «Trionfo d'Amore», въ которыхъ говорится о страданіяхъ любовниковъ [5]). Бросая бѣглый взглядъ на доминирующій мотивъ любви въ поэзіи, современной Петраркѣ, Батюшковъ переводитъ, опять сокращенно, часть (7—27 терцины) четвертой главы Trionfo d'Amore, гдѣ перечисляются великіе поэты и мыслители. Далѣе Батюшковъ говоритъ о борьбѣ въ Петраркѣ набожности съ любовью къ славѣ, о измѣненіи слога Петрарки въ «Trionfo della Morte» и «Trionfo della Divinita», о его канцонѣ, адресованной къ Cola di Rienza, о политической утопіи Петрарки, въ которой главную роль играетъ Римъ, о связи (формальной) поэзіи Петрарки съ поэзіей сицилійской и провансальской, о чувствѣ природы у Петрарки.

---

1) Батюшковъ. Сочиненія. Т. II, стр. 159—161.
2) Канц. Che debbo io far? Che mi consigli, Amore?
3) Батюшковъ. Сочиненія. Т. II, стр. 163.
4) Ibid. Стр. 163—165.
5) Ibid. Стр. 165, 166.

Свои сужденія Батюшковъ подкрѣпляетъ примѣрами, правда, немногими и скорѣе представляющими краткій пересказъ, а не переводъ. Статья кончается восторженными фразами по адресу Петрарки и тосканскаго языка. Къ статьѣ присоединено примѣчаніе, въ которомъ указываются подражаніе Петраркѣ Вольтера и два заимствованія изъ Петрарки Тасса. «Есть и другія похищенія, но я не могу ихъ привести на память», заканчиваетъ Батюшковъ [1]).

Обратимся теперь къ стихотвореніямъ 1815 года.

Стихотвореніе «Таврида» (№ 88) въ рукописи, принадлежавшей Жуковскому, имѣетъ эпиграфомъ измѣненный стихъ одного изъ сонетовъ Петрарки [2]):

E sol di lei pensando ho qualche pace [3]).

Сонетъ Петрарки говоритъ о томъ, какъ донна, уже послѣ своей смерти, являлась утѣшать и руководить поэта въ жизни. Стихотвореніе Батюшкова говоритъ о его возлюбленной, которая украшаетъ его одинокую жизнь на лонѣ природы. Стихотвореніе наполнено образами поэзіи Петрарки и относится приблизительно къ тому же времени, какъ и статья объ итальянскомъ поэтѣ. Въ началѣ стихотворенія — картина сельскаго уединенія, среди котораго поэтъ забываетъ «слезы лить о жребіи жестокомъ», забываетъ «имена фортуны и честей». Особенно замѣчательна вторая половина стихотворенія, изображающая возлюбленную поэта. Сперва указывается, что возлюбленная постоянно съ поэтомъ.

Весна ли красная блистаетъ средь полей,
Иль лѣто знойное палитъ изсохши злаки,
Иль, урну хладную вращая, водолей
Валитъ шумящій дождь, сѣдой туманъ и мраки, —
О радость, ты со мной встрѣчаешь солнца свѣтъ.

«Хладная урна» не принадлежитъ поэзіи Петрарки, но образное перечисленіе въ Canzoniere временъ года, также какъ и обстоятельствъ

1) Батюшковъ. Сочиненія. Т. II, стр. 174.
2) Сон. Nè mai pietosa madre al caro figlio.
3) Батюшковъ. Сочиненія. Т. I, стр. 397, 398.

жизни, при которыхъ любовь остается неизмѣнной, общеизвѣстно[1]). Петрарка, послѣ смерти Лауры, часто видитъ ее, приходящую ночью. Правда, Лаура рисуется поэту, какъ духъ, далекій отъ условій земной жизни, но все же Петрарка говоритъ:

Когда ты приходишь, я узнаю тебя и ощущаю
Твою походку, голосъ, лицо, одежды[2]).

Возлюбленная Батюшкова не духъ, а женщина, и обрисована въ тѣхъ типичныхъ чертахъ, которыя поминутно встрѣчаются въ первой части Canzoniere Петрарки.

Со мной въ часъ вечера, подъ кровомъ тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи
Я вижу, голосъ твой я слышу, и рука
Въ твоей покоится всечасно.
Я съ жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяныхъ устъ, и если хоть слегка
Летающій зефиръ власы твои развѣетъ
И взорамъ обнажитъ снѣгамъ подобну грудь,
Твой другъ не смѣетъ и вздохнуть,
Потупя взоръ дивится и нѣмѣетъ.

Сравнимъ одинъ сонетъ Петрарки:

Какая нимфа у ручья, какая богиня въ лѣсу
Распутываетъ на легкомъ вѣтру золотые волосы?
. . . .
Напрасно удивляется божественной красотѣ тотъ,
Кто еще не видалъ ея очей,
Которыми она нѣжно смотритъ.
Тотъ не знаетъ, какъ любовь лѣчитъ и убиваетъ,
Кто не знаетъ, какъ сладко она вздыхаетъ,
Какъ сладко говоритъ, какъ сладко смѣется[3]).

---

1) См. напр. сонетъ Ponmi ove 'l Sole occide i fiori e l'erba.
2) Сон. Alma felice, che sovente torni.
3) Сон. In qual parte del Ciel, in qualea idea.

Стихотвореніе «Разлука» (№ 89) также кончается типично Петраркинымъ воспоминаніемъ очей, въ которыхъ открывается все блаженство неба, и рѣчей, которыя сразу и мертвятъ и оживляютъ; послѣдній оборотъ особенно типиченъ. Приведемъ конецъ стихотворенія Батюшкова:

Всюду мысль преслѣдуетъ одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мнѣ священно,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣ неба на землѣ блаженства отверзаетъ,
И слово, звукъ одинъ, прелестный звукъ рѣчей
Меня мертвитъ и оживляетъ.

Элегія «Пробужденіе» (№ 90) впервые была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» съ эпиграфомъ «Così mi sveglio a salutar l'Aurora». Эпиграфъ этотъ представляетъ 9-ый стихъ одного сонета Петрарки[1]). Въ данномъ сонетѣ Петрарка говоритъ, какъ онъ просыпается на зарѣ; а вмѣстѣ съ зарей просыпается въ немъ любовь, которою онъ былъ ослѣпленъ въ юности и отъ которой не можетъ отдѣлаться и по сію пору. Начинается сонетъ съ картины природы и не лишенъ образовъ античной миѳологіи: мы видимъ Аврору, Тифона; о солнцѣ говорится, какъ о живомъ существѣ. Вотъ полный переводъ сонета:

Возобновленные пѣсни и стоны птицъ
Въ началѣ дня оглашаютъ долины,
А также и журчанье хрустальной влаги
Прозрачныхъ, холодныхъ и быстрыхъ ручьевъ.
Аврора, имѣющая бѣлоснѣжное лицо и золотые волосы,
Любовь которой никогда не была ни обманчивой, ни грѣховной,
Пробудила во мнѣ звукъ любовныхъ пѣсенъ,
Расчесывая передъ своимъ старикомъ (Тифономъ) бѣлокурые волосы.
Я просыпаюсь привѣтствовать Аврору,

---

1) Батюшковъ. Сочиненія. Т. I, стр. 399.

Съ нею—Солнце, а также другое солнце, которымъ
Я былъ ослѣпленъ въ первые годы, да еще и теперь.
И я вижу ихъ по нѣкоторымъ днямъ обоихъ,
Поднявшихся вмѣстѣ, и въ одинъ часъ и мгновенье
Одно солнце помрачаетъ звѣзды, а другое—его [1]).

Батюшковъ сокращаетъ миѳологическіе образы, но не отказывается отъ нихъ, распространяетъ картину природы образами, взятыми изъ русскаго быта, и усиливаетъ обычную мысль Петрарки о безсиліи ослѣпленнаго ума передъ чувствомъ любви. Вмѣстѣ съ тѣмъ стихотвореніе Батюшкова остается совершенно очевиднымъ подражаніемъ сонету Петрарки:

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ
Съ рѣсницъ, окованныхъ мечтами,
Но я не къ счастью пробужденъ
Зефира тихими крылами.
Ни сладость розовыхъ лучей,
Предтечи утренняго Феба,
Ни кроткій блескъ лазури неба,
Ни запахъ, вѣющій съ полей,
Ни быстрый летъ коня ретива
По скату бархатныхъ луговъ
И лай борзыхъ, и звонъ роговъ
Вокругъ пустыннаго залива,
Ничто души не веселитъ,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый умъ не побѣдитъ
Любви — холодными словами.

Элегія «Воспоминаніе» (№ 91) также написана не безъ вліянія Петрарки, хотя и не близко стоитъ къ поэзіи послѣдняго, особенно по своей растянутости. Начинается элегія Петраркинымъ образомъ пустыни, которая символизируетъ погибшій талантъ [2]), кончается въ тонѣ и выра-

1) Сон. Il cantar novo e 'l pianger degli augelli.
2) Ср. сон. Se l'onorata fronde che prescrive, S'io fossi stato fermo alla spelunca.

женіяхъ Петрарки: поэтъ испытываетъ муки въ присутствіи возлюбленной.

Петрарка изрѣдка уже въ первой части Canzoniere говоритъ о томъ, что и донна его любитъ; «Я видѣлъ ее раненою въ средину груди» [1]), заканчиваетъ онъ одинъ сонетъ. Послѣ смерти Лауры это уже фактъ. Скрытыя сердечныя терзанья замѣчаетъ Батюшковъ и въ своей возлюбленной:

Я видѣлъ, я читалъ
Въ твоемъ молчаніи, въ прерывномъ разговорѣ,
Въ твоемъ унылом взорѣ,
Въ сей тайной горести потупленныхъ очей,
Въ улыбкѣ и въ самой веселости твоей
Слѣды сердечнаго терзанья......

Но возлюбленная далека отъ поэта, суета міра подавляетъ его и онъ готовъ отказаться отъ жизни. Тонъ послѣднихъ строкъ стихотворенія напоминаетъ намъ вторую часть Canzoniere. Къ тому письму Муравьевой, въ которомъ Батюшковъ говоритъ о войнѣ между разсудкомъ и сердцемъ, поэтъ приложилъ стихотвореніе «Мой геній» (№ 92), говорящее о побѣдѣ сердца надъ разсудкомъ и о постоянно сопутствующемъ поэту образѣ его возлюбленной, что напоминаетъ Петрарку [2]).

Въ разобранныхъ стихотвореніяхъ Батюшкова отъ 1815 г. мы видимъ изображеніе любви подъ вліяніемъ поэзіи Петрарки. Несомнѣнно, что постепенное въ Canzoniere возвышеніе любви до религіознаго ея осмысленія въ Trionfi не могло укрыться отъ Батюшкова. Характерно, что, говоря объ этомъ въ своей статьѣ о Петраркѣ, Батюшковъ приводитъ прозаическіе переводы изъ Trionfi, которые его видимо интересовали. Уже въ вышеприведенныхъ любовныхъ стихотвореніяхъ слышатся не однѣ чувственныя нотки, а тоска, выходящая за предѣлы элементарности, тоска, передъ которой блѣднѣетъ міръ съ его славой и суетой. Мы уже

1) Сон. Poi che mia speme è lunga a venir troppo.

2) Ср. выше стихотвореніе «Любовь въ челнокѣ» (№ 83) и объясненіе къ нему.

отмѣтили сходство въ этомъ съ поэзіей Петрарки и не удивились бы, если бы и въ дальнѣйшемъ Батюшковъ не разошелся съ Петраркой. Мы, дѣйствительно, видимъ, что Батюшковъ вступаетъ на религіозную точку зрѣнія. Мы думаемъ, что это не случайное совпаденіе. Вѣдь Петрарка любилъ, и любовь «вела его къ небу по удобной дорожкѣ»[1]), какъ онъ однажды выразился; но любовь поэта закрѣпляется въ его творчествѣ; слѣдовательно, небо и искусство не враждебны. Въ той же связности и съ тѣми же колебаніями представляется путь жизни Батюшкову. Это мы видимъ изъ стихотворенія «Надежда» (№ 94).

Батюшковъ молитъ о смерти, надѣясь утолить желаніе любви небесными благами. Это, въ сущности, не что иное, какъ основная мысль второй части Canzoniere Петрарки. А эта мысль вѣдь связана съ мыслью о суетѣ и бренности всего земного, на чемъ Петрарка остановился уже въ первомъ сонетѣ и чего не покинулъ на всемъ протяженіи Canzoniere.

Стихотвореніе Батюшкова «Къ другу» (№ 95) имѣетъ уже знакомые намъ мотивы: бренности всего земного, сомнѣній ума, разочарованія въ жизни и талантѣ и, наконецъ, благоговѣйнаго ожиданія перехода въ иной міръ.

И въ знаменитой элегіи 1816 г. «Умирающій Тассъ» мы видимъ религіозные мотивы. Отмѣчаемъ, что, создавая стихотвореніе о Тассѣ и подъ вліяніемъ Тасса, Батюшковъ не забывалъ и Петрарку. Вотъ что пишетъ нашъ поэтъ въ примѣчаніи къ элегіи по поводу предполагавшагося вѣнчанія Тасса въ Римѣ: «Со временъ Петрарки, во всѣхъ отношеніяхъ счастливѣйшаго стихотворца Италіи, Римъ не видалъ подобнаго торжества[2])». Въ томъ же году Батюшковъ пишетъ статью «Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ», гдѣ указываетъ значеніе Петрарки не только какъ поэта, но и какъ богослова: «По возрожденіи Музъ, Петрарка, одинъ изъ ученѣйшихъ мужей своего вѣка, свѣтильникъ богословія и политики, одинъ изъ первыхъ создателей славы возрождающейся Италіи изъ развалинъ классическаго Рима, Петрарка, немедленно шествуя за суровымъ Дантомъ, довершилъ образованіе великолѣпнаго нарѣчія тосканскаго,

1) Сон. Quando fra l'altre donne ad ora ad ora.
2) Батюшковъ. Сочиненія. Т. I, стр. 259.

подражая Тибуллу, Овидію и поэзіи Мавровъ, странной, но исполненной воображенія[1])». Такимъ образомъ, религіозные мотивы поэзіи Батюшкова стоятъ въ связи съ интересомъ къ религіознымъ воззрѣніямъ Петрарки, заключеннымъ въ его поэзіи. Мы предположили вліяніе Trionfi; наша мысль находитъ себѣ подтвержденіе. Переводя отрывокъ изъ 2-й пѣсни «Освобожденнаго Іерусалима», Батюшковъ, въ примѣчаніи, сравниваетъ стихъ Тасса съ стихомъ Петрарки:

Pallida no, ma piu che neve bianca[2]).

Стихъ заимствованъ изъ конца первой главы «Trionfo della morte», переведеннаго Батюшковымъ въ сжатомъ видѣ уже въ его статьѣ о Петраркѣ[3]). Въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 1816 года Батюшковъ вспоминаетъ Петрарку въ перечисленіи своихъ статей[4]). Печатая въ 1816 г. рядъ прозаическихъ статей, Батюшковъ былъ занятъ и относительно спокоенъ. Грустный тонъ въ его перепискѣ за этотъ годъ нѣсколько смягчается и, по крайней мѣрѣ, не переходитъ въ отчаяніе[5]). Спокойствію помогаетъ религія, о чемъ Батюшковъ пишетъ Жуковскому[6]). Однако въ февралѣ 1816 года, работая надъ элегіей «Умирающій Тассъ», Батюшковъ уже помышляетъ о своей смерти[7]).

Занимаясь итальянской литературой, Батюшковъ пишетъ Гнѣдичу письмо весной 1817 г., въ которомъ присылаетъ проспектъ предполагаемыхъ переводовъ изъ итальянскихъ поэтовъ, гдѣ не позабываетъ, конечно, и Петрарку[8]). Защищая свою элегію «Умирающій Тассъ» отъ нападковъ Гнѣдича, Батюшковъ пишетъ послѣднему: «Подъ небомъ Италіи моей, именно моей. У Монти, у Петрарка я это живьемъ взялъ, quel benedetto моей! Вообще, Итальянцы, говоря объ Италіи, прибавляютъ моя. Они любятъ ее, какъ любовницу. Если это ошибка противъ языка,

1) Батюшковъ. Сочиненія. Т. II, стр. 239.
2) Ibid. стр. 267.
3) Ibid. Стр. 161, 162.
4) Ibid. Т. III, стр. 395.
5) Ibid. Стр. 381.
6) Ibid. Стр. 403.
7) Ibid. Стр. 419.
8) Ibid. Стр. 428.

то беру на совѣсть [1])». Такимъ образомъ Батюшковъ тщательно отмѣчалъ типичныя выраженія Петрарки и удостовѣрялъ въ томъ, что онъ ими пользовался. Изученіе Петрарки обращало вниманіе Батюшкова и на тѣхъ авторовъ, которые писали противъ Петрарки. Въ записной книжкѣ того же 1817 года «Чужое—мое сокровище» Батюшковъ отмѣчаетъ изъ таковыхъ Тассони и Бетинелли [2]). Въ этой же записной книжкѣ мы находимъ мрачныя чувства поэта, стоявшія въ связи съ его болѣзненнымъ настроеніемъ [3]). Между прочимъ Батюшковъ пишетъ: «Учу стихи наизусть и ничего затвердить не могъ: одни итальянскіе врѣзаются въ моей памяти. Отъ чего? Не отъ того ли, что они угождаютъ слуху болѣе другихъ» [4]).

Весьма естественно, что и въ стихотвореніяхъ 1817 г. отразилась врѣзавшаяся въ память Батюшкова поэзія Петрарки. Упоминаніе о ней мы видимъ въ стихотвореніи «Мечта» (№ 104). Стихотвореніе это составляетъ передѣлку перваго стихотворенія «Мечта» (№ 1), относящагося къ 1802—1803 годамъ. Свое первое стихотвореніе Батюшковъ передѣлывалъ нѣсколько разъ и образъ Воклюзскаго пѣвца внесъ въ 1811 году. Окончательную отдѣлку стихотвореніе получило въ 1817 году. Мечта получаетъ ту характеристику посредствомъ противоположныхъ образовъ, которую Петрарка прилагаетъ къ своей Лаурѣ и своему чувству:

О сладостна мечта, ты красишь зимній день
Цвѣтами и зиму печальную вѣнчаешь,
Зефиромъ по снѣгамъ летаешь
И между свѣтлыхъ льдинъ являешь мирта тѣнь!

Для полнаго сходства данныхъ мотивовъ и образовъ съ таковыми же въ поэзіи Петрарки слѣдуетъ только миртъ замѣнить лавромъ. Мысль Петрарки о скоротечности нашихъ радужныхъ мечтаній находитъ себѣ мѣсто и у Батюшкова:

---

1) Батюшковъ. Сочиненія Т. III, стр. 455.
2) Ibid. Т. II, стр. 300, 308.
3) Ibid. Стр. 325, 326.
4) Ibid. Стр. 332.

Стократъ мы счастливы мечтаньемъ скоротечнымъ!
Мечтанье есть душа поэтовъ и стиховъ.
. . . .
Увы, но съ юностью исчезнуть и мечтанья...

Кончается стихотвореніе образомъ уединившагося отъ людей поэта, презирающаго суету. Позднѣйшая редакція стихотворенія, сохраняющая типичнѣйшія строки первой, именно, о бренности поэтической мечты, намъ прямо говоритъ о Петраркѣ:

Подруга нѣжныхъ музъ, посланница небесъ,
Источникъ сладкихъ думъ и сердцу милыхъ слезъ,
Гдѣ ты скрываешься, мечта, моя богиня?
. . . .
Или, влекомая чудеснымъ обаяньемъ
Въ мѣста, гдѣ дышетъ все любви очарованьемъ,
Подъ тѣнью яворовъ ты бродишь по холмамъ,
Студеной пѣною Воклюза орошеннымъ?

Мыслью о необходимости для поэта уединенія среди природы вдали отъ суеты людской кончается и другое стихотвореніе Батюшкова отъ 1817 г., именно, «Бесѣдка музъ» (№ 106). Въ стихотвореніи «Къ друзьямъ» (№ 107) Батюшковъ подводитъ итоги своему творчеству, завѣряя, что искренно старался передать въ своихъ несовершенныхъ стихахъ весь калейдоскопъ своихъ противорѣчивыхъ переживаній. Именно эта мысль руководила Петраркой при составленіи имъ своего Canzoniere, къ чему приводитъ изученіе этого сборника и чего не могъ не замѣтить Батюшковъ.

Въ своей записной книжкѣ «Чужое — мое сокровище», которой мы уже пользовались, Батюшковъ обращается къ характеристикѣ самого себя, и мы снова видимъ мысли и противорѣчія душевныхъ переживаній Петрарки. Батюшковъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ: «Сегодня безпеченъ, вѣтренъ, какъ дитя; посмотришь завтра—ударился въ мысли, въ религію и сталъ мрачнѣе инока» [1]). Авторъ подбираетъ противоположныя,

1) Батюшковъ. Сочиненія. Т. II, стр. 347, 348.

дурныя и хорошія, качества своего характера и заявляетъ: «Оба человѣка живутъ въ одномъ тѣлѣ [1])». Одного онъ называетъ чернымъ, другого бѣлымъ. Вспомнимъ, что и Петрарка признавался въ двойственности своей натуры [2]). Далѣе Батюшковъ говоритъ о славѣ, дружествѣ и любви [3]); о борьбѣ съ самимъ собой на фонѣ религіознаго чувства [4]). Батюшковъ, какъ и Петрарка, приходитъ къ мысли, что слава не противорѣчитъ добродѣтели, скорѣе наоборотъ [5]). А вотъ слова Батюшкова, сказанныя по поводу Сенеки, вполнѣ примѣнимыя къ Петраркѣ и скрывающія собственное честолюбіе автора: «Пророчество своей собственной славы въ устахъ великаго человѣка не оскорбительно; напротивъ того, оно есть новое свидѣтельство, новое доказательство любви его къ славѣ, то есть, къ тому, что ни есть лучшаго, чистѣйшаго, изящнѣйшаго, величественнаго, божественнаго на земномъ шарѣ [6])».

Наряду съ занятіями итальянскимъ языкомъ [7]), сѣтованія на судьбу не прекращаются въ теченіе послѣдующихъ годовъ, частью проведенныхъ въ Италіи. «Изреченіе Мелхиседека» (№ 119), послѣднее, знаменитое стихотвореніе Батюшкова, представляетъ поистинѣ лебединую пѣсню поэта, но мысль ея, мысль о бренности и безцѣльности человѣческаго существованія, не нова; она встрѣчается у Батюшкова и ранѣе; встрѣчается, между прочимъ, и въ связи съ вліяніями Петрарки. Въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ сентября 1809 г. мы находимъ весьма близкое, въ прозѣ, воспроизведеніе «Изреченія Мелхиседека». Вліяніе мотивовъ Петрарки въ стихахъ и прозѣ нашего поэта сказалось несомнѣнно [8]). Оно

---

1) Батюшковъ. Сочиненія. Т. II, стр. 349.

2) См. сонеты: L'aspetto sacro della terra vostra; Lasso, ben so che dolorose prede; Amor, Fortuna, e la mia mente schiva; Amor mi manda quel dolce pensiero; Pien d'un vago pensier, che mi desvia; In dubbio di mio stato, or piango or canto; La vita fugge e non s'arresta un'ora.

3) Батюшковъ. Сочиненія. Т. II, стр. 350.

4) Ibid. Стр. 356.

5) Ibid. Стр. 357.

6) Ibid. Стр. 360.

7) Ibid. Т. III, стр. 560.

8) Въ сочиненіяхъ и перепискѣ Батюшкова мотивовъ, аналогичныхъ мотивамъ поэзіи Петрарки, очень много; мы останавливались лишь на тѣхъ аналогіяхъ, которыя подкрѣпляются, прямыми или косвенными, фактическими доказательствами обращенія Батюшкова къ Петраркѣ.

осложнилось чувствами неудовлетворенной любви и религіознымъ. Наиболѣе частое упоминаніе Петрарки встрѣчается въ произведеніяхъ Батюшкова періода 1814—1817 годовъ. Къ этому же времени относится расцвѣтъ таланта Батюшкова. Элегіи этого времени не теряютъ типичныхъ мотивовъ поэзіи Петрарки. Вѣдь Петраркинъ мотивъ сочетанія скорби и наслажденія встрѣчается даже въ «Изреченіи Мельхиседека»: Батюшковъ говоритъ о «долинѣ *чудной* слезъ» [1]).

Ни о комъ не вспоминаетъ нашъ поэтъ съ такой симпатіей, какъ о Петраркѣ; даже при занятіяхъ Тассомъ Батюшковъ обращается къ Петраркѣ. Повидимому, измѣненіе настроенія въ лирикѣ Батюшкова было обусловлено вліяніемъ Петрарки, хотя, конечно, и не исключительно имъ [2]). Муза Батюшкова питалась и античной и итальянской поэзіей. Анакреонтическій тонъ сочетается съ тѣмъ чувствомъ неудовлетворенности, которое привело Батюшкова, какъ и Петрарку, къ религіи. Но этотъ переходъ былъ органиченъ, и слово «переломъ» врядъ ли здѣсь будетъ умѣстно.

Алексѣй Некрасовъ

---

1) Курсивъ нашъ. А. Н.

2) Несомнѣнно, Батюшковъ не усвоилъ себѣ всей глубины поэзіи Петрарки. Гуманистъ, высоко цѣнящій свободу своей личности, проникнутый жаждой знанія и политической самостоятельности, искренно увлеченный и любующійся силой собственнаго сознанія, остался чуждъ нашему поэту. См. любопытное письмо къ Гнѣдичу отъ августа 1811 г. по поводу книги Феррана «Духъ исторіи». (Батюшковъ, Сочиненія. Т. III, стр. 136).

Пропавшая западно-русская книга
«Діалогъ о смерти» 1629 г.

(Посвящается глубокоуважаемому Степану Тимофеевичу Голубеву, по случаю 40-лѣтія его ученой дѣятельности.)

Случаи совершеннаго исчезновенія старопечатныхъ книгъ, случайно-ли зачитанныхъ усердными читателями, или же злостно истребленныхъ фанатическими противниками, встрѣчаются въ исторіи книгопечатанія на Руси, какъ впрочемъ и въ Польшѣ, и въ Западной Европѣ вообще, далеко не такъ рѣдко, какъ бы это на первый взглядъ могло казаться. Не говоря уже о нѣкоторыхъ краковскихъ и венецкихъ инкунабулахъ, извѣстныхъ библіографамъ только по наслышкѣ, стóитъ только внимательно прослѣдить славяно-русскую библіографію XVI и XVII вв., чтобы съ грустью убѣдиться въ томъ, какъ значителенъ процентъ этихъ, исчезнувшихъ съ лица земли, книжныхъ покойниковъ. А сколько ихъ, надо полагать, пропало совершенно безслѣдно, не попавъ даже въ эти библіографическіе синодики, такъ что только случайный и глухой цитатъ или бѣглое замѣчаніе въ какой-нибудь позднѣйшей книгѣ или рукописи загадочно смущаютъ насъ нынѣ ихъ блѣдной и безмолвной тѣнью.

Особенно сильно пострадала въ этомъ отношеніи Юго-западная Русь, какъ вслѣдствіе разбросанности и неустойчивости своего типографскаго дѣла, такъ и вслѣдствіе терзавшихъ ее почти безпрерывно общественныхъ и религіозныхъ бурь и смутъ, жертвою которыхъ, между прочимъ, падали также въ значительной степени и ея книги.

Къ числу такихъ безвременно погибшихъ западно-русскихъ книгъ принадлежитъ также одинъ популярный духовно-назидательный трактатъ въ діалогической формѣ, превратнымъ судьбамъ и посмертному возстановленію котораго и посвящена предлежащая работа.

Въ извѣстномъ «*Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ*», этомъ первомъ, относящемся къ концу XVII вѣка, опытѣ славяно-русской библіографіи, встрѣчается подъ № 61 слѣдующее библіографическое указаніе:

«*Діалогъ, албо розмова человѣка хорого, албо умираючого съ духомъ: о добромъ зшистю з того свѣта, людемъ свѣтцкимъ, а поспомите тымъ, которые мало што доброго за живота робили, а съ памятью умираютъ. Выдана въ друкарни Павла іермо: на Чорной, року 1629, въ 4, листовъ 36*» [1]).

Это замѣчательное указаніе «Оглавленія» явилось въ библіографіи совершенно неожиданнымъ откровеніемъ, такъ какъ ни самая эта книга до нашего времени не сохранилась, ни вообще о ней нынѣ, кромѣ приведенныхъ строкъ «Оглавленія», ничего не извѣстно [2]).

Какъ и много другихъ, она тоже, повидимому, до тла истрепалась въ жесткихъ рукахъ благочестивыхъ читателей, или же, можетъ быть, исподволь погибла въ огнѣ и вихрѣ бурнаго времени, такъ что осталось отъ нея, да и то совершенно случайно, только краткое библіографическое упоминаніе древне-русскаго книжника.

Новый счастливый случай позволилъ намъ нынѣ найти, правда, не самую печатную книгу, но, по крайней мѣрѣ, какъ намъ думается, основной текстъ ея, сохранившійся въ одномъ, западно-русскомъ же, рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка.

---

1) «*Чтенія* въ Имп. О-вѣ Ист. и Древн. Рос.» Засѣданіе 23 марта 1846 г. № 3, стр. 18.

2) См. М. А. Максимовичъ: Книжная старина южно-русская—«*Временникъ* И. О-ва Ист. и Др. Рос.», 1849, кн. IV, Смѣсь, стр. 7—8; И. Сахаровъ: Обозрѣніе славяно-русской библіографіи, 1849, т. I, кн. 2, № 253; В. М. Ундольскій: Очеркъ слав.-рус. библіографіи, 1871, № 331; И. Каратаевъ: Описаніе слав.-рус. книгъ, 1883, т. I, № 338.—Конечно, излишне даже отмѣчать, что какъ выше названные библіографы, такъ и всѣ другіе, кому приходилось упоминать о нашемъ «Діалогѣ», основывались при этомъ исключительно на одномъ только указаніи «Оглавленія».

Однако же, прежде чѣмъ обратиться къ самому этому тексту, остановимся еще немного, за неимѣніемъ болѣе точныхъ и подробныхъ данныхъ о самой книгѣ, на находящемся съ нею въ тѣсной связи вопросѣ о замѣчательной типографіи, изъ которой она вышла, а вмѣстѣ съ тѣмъ также и о выдающейся личности и дѣятельности самого типографа, іеромонаха Павла, вообще.

Издавшій «Діалогъ» іеромонахъ Павелъ—это, безъ сомнѣнія, іеромонахъ *Павелъ Домживъ Лютковичъ-Телица*, имѣвшій въ первой трети XVII вѣка, сообща съ другимъ монахомъ, іеродіакономъ *Сильвестромъ*, маленькую перевозную типографію, въ которой и былъ ими напечатанъ рядъ небольшихъ книжекъ духовнаго содержанія [1]). Мѣстомъ

---

1) Приведенное выше имя іеромонаха Павла встрѣчается въ такомъ полномъ видѣ только въ одномъ актѣ 1628 г. («*Архивъ Юю-Зап. Россіи*», 1883, ч. I, т. VI, стр. 596). Въ другихъ-же, относящихся къ нему, актахъ оно передается въ разнообразныхъ сокращеніяхъ и сочетаніяхъ, какъ-то: «отецъ Павелъ Домживъ» (*тамъ-же*, стр. 352), «о. Павелъ Телица» (*тамъ-же*, стр. 614), «о. Павелъ Лютковичъ» (*тамъ-же*, стр. 698), «о. Павелъ Домживъ Люткевичъ» (*тамъ-же*, стр. 642), «о. Павелъ Люткевичъ Телица» («*Памятники*, изд. Кіев. Коммиссіею для разбора древн. актовъ», 1898, 2-ое изд., т. I, отд. 1, стр. 65). Самъ же Павелъ—на выходныхъ листахъ своихъ изданій—именуетъ себя или «іеромонахомъ Павломъ Домживъ Лютковичемъ», или же просто только, какъ и на нашемъ «Діалогѣ», «іеромонахомъ Павломъ».—Отмѣтимъ кстати, какъ курьезъ, что допущенная въ первомъ изданіи «Памятниковъ Кіевской Коммиссіи» (1848 г., т. I, отд. 1, стр. 141) странная ошибка или опечатка въ имени Лютковичъ Телица — «Мотковичъ Гяица» — была довѣрчиво воспринята нѣкоторыми библіографами и даже явилась причиной неудачнаго открытія ими новаго, отличнаго отъ іеромонаха Павла, древне-русскаго типографа! (Ср. М. А. Максимовичъ: Книжная старина южнорусская—«*Временникъ* И. О. И. и Д.», 1849, кн. I, стр. 9, кн. IV, стр. 8; И. И. Малышевскій: Новый рук. сборникъ зап.-русскихъ полемич. сочиненій—«Труды Кіев. Дух. Акад.», 1875, апрѣль, стр. 198; Ѳ. И. Булгаковъ: Иллюстрированная исторія книгопечатанія, 1889, т. I, стр. 264).—Относительно самого этого сложнаго имени іеромонаха Павла замѣтимъ, что, можетъ быть, «Домживъ» слѣдуетъ отнести къ разряду западно-русскихъ или польскихъ дворянскихъ гербовъ или т. н. «придомковъ», такъ что собственно родовымъ именемъ его слѣдовало-бы въ такомъ случаѣ считать только: Лютковичъ-Телица.—Что же касается родового имени его сподвижника, іеродіакона Сильвестра, то оно, къ сожалѣнію, осталось совершенно неизвѣстнымъ.

учрежденія и первыхъ работъ этой типографіи было село *Угорцы*, самборскаго округа, въ Галичинѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, находился одинъ изъ многихъ, разбросанныхъ въ то время по всей Юго-западной Руси, маленькихъ монастырей, въ которомъ, должно быть, и пріютились оба захожіе монаха [1]).

Откуда и какими судьбами явились они въ Угорцахъ, кто они были по своему происхожденію и воспитанію,—въ достовѣрности не извѣстно. Хотя М. А. Максимовичъ почему-то и считалъ ихъ иноками волынскаго загоровскаго монастыря, которые около 1618 г. забрели зачѣмъ-то, и будто-бы даже съ готовой уже, снаряженной на Волыни, типографіей, въ Угорцы, — но въ доступныхъ намъ источникахъ на этотъ счетъ не имѣется никакихъ указаній [2]). Вообще, единственное достовѣрное свѣдѣніе изъ этого начальнаго, до-угорецкаго періода ихъ жизни встрѣчается только въ одной позднѣйшей грамотѣ Петра Могилы (1631 г.), въ которой упоминается о томъ, что іеромонахъ Павелъ былъ «постриженцемъ» Кіево-Печерской Лавры [3]). Какъ бы то ни было, впрочемъ, если указаніе Максимовича на ихъ принадлежность къ загоровскому монастырю само по себѣ и вѣрно, хотя оно имъ и не обосновано нисколько, то все-таки при этомъ трудно допустить, чтобы они оттуда везли съ собою и готовую уже типографію, ни мало не использовавъ ея на мѣстѣ, въ отдаленную и захолустную галицкую деревушку. Напротивъ, гораздо проще и естественнѣе будетъ предположить, что они, перебравшись по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ въ Галичину и задумавъ свое полезное культурное дѣло, встрѣтили здѣсь для него живое участіе и поддержку со стороны владѣльца Угорецъ — Александра Ѳедоровича Шептицкаго, вслѣдствіе чего и поселились въ его имѣніи,—въ монастырѣ-ли или у него въ домѣ,—гдѣ и снарядили себѣ, очевидно, на его-же сред-

---

1) Послѣднюю догадку высказалъ уже Д. И. Зубрицкій: Historyczne badania o drukarniach rusko-słowiańskich w Galicyi, 1836, стр. 52.

2) См. М. А. Максимовичъ: Книжн. старина южнорус.—*«Временникъ»*, 1849, I, 9. За нимъ повторили то-же: И. И. Малышевскій: Нов. рук. сборникъ—*«Труды К. Д. А.»*, 1875, IV, 197, и Ѳ. И. Булгаковъ: Илл. ист. книгопечатанія, I, 264.

3) *«Архивъ Ю.-З. Россіи»*, ч. I, т. VI, стр. 642.

ства, небольшую перевозную типографію. Послѣднее предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что и всѣ угорецкія изданія этой типографіи, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ соотвѣтствующія помѣты на ихъ выходныхъ листахъ, печатались иждивеніемъ того-же просвѣщеннаго мецената [1]).

Что касается вопроса о началѣ дѣятельности нашей типографіи и объ ея печатномъ первенцѣ, то онъ, несмотря на переведенную въ свое время по этому поводу полемику, остается все еще далеко не яснымъ и не разрѣшеннымъ.

Наличныя библіографическія данныя устанавливаютъ, собственно, какъ начало работъ типографіи, годъ 1618-ый, когда было напечатано въ ней «Собраніе вкратце словесъ отъ Божественнаго писанія» — первая, извѣстная нынѣ, книга угорецкаго изданія, каковою и признавали ее всѣ старшіе русскіе библіографы [2]). Между тѣмъ, польскій библіографъ М. Вишневскій, какъ на первое, болѣе раннее изданіе этой типографіи, указалъ въ 1851 г. на какой-то «Выкладъ вѣры», вышедшій будто-бы еще въ 1611 г., но никому больше, кромѣ его голословнаго и неяснаго сообщенія, не извѣстный [3]).

Возникшую вслѣдствіе этого библіографическую загадку пытался разрѣшить Я. Ѳ. Головацкій такимъ образомъ, что, хотя и внесъ сомнительный «Выкладъ вѣры» подъ 1611 г. въ свои дополненія къ «Очерку славяно-русской библіографіи» В. М. Ундольскаго, однако тутъ-же высказалъ предположеніе, «не та ли это книга, о коей упоминаетъ Ундольскій подъ 1618 г. (№ 217, т. е. «Собраніе вкратце словесъ»), или не есть ли послѣдняя книга 2-ое ея изданіе?» [4]) Такимъ образомъ, вопросъ остался въ сущности дальше открытымъ и даже еще болѣе запутаннымъ и темнымъ.

---

1) Неудивительно, въ виду этого, что въ одной позднѣйшей рукописной записи послѣдній названъ даже владѣльцемъ самой типографіи (Архимандр. Леонидъ: Библіографическія замѣтки — *«Кіевская Старина»*, 1889, ноябрь, стр. 443).

2) Напр.: В. С. Сопиковъ: Опытъ россійской библіографіи, 2-ое изд. А. С. Суворина, 1904, ч. I, № 1415; М. А. Максимовичъ: Книжная старина, I, 9, IV, 7; И. Сахаровъ: Обозрѣніе слав.-рус. библіографіи, 1849, т. I, кн. 2, № 170.

3) M. Wiszniewski: Historya literatury polskiej, 1851, т. VIII, стр. 434.

4) Я. Ѳ. Головацкій: Дополненіе къ Очерку слав.-рус. библіографіи В. М. Ундольскаго, 1874, стр. 20.

Всѣ эти недоумѣнія вскорѣ еще увеличились и осложнились, а именно, благодаря найденной И. И. Малышевскимъ въ одномъ сборникѣ первой половины XVII в. рукописной статьѣ, въ которой имъ былъ признанъ нѣсколько сокращенный списокъ съ печатнаго «Собранія вкратце словесъ» 1618 г. [1]). Дѣло въ томъ, что эта, въ сущности неважная и мало интересная находка, оказавшись на повѣрку далеко не полнымъ и не точнымъ, по отношенію къ печатному тексту 1618 г., спискомъ, не была признана таковымъ со стороны другого, только что вступившаго въ то время на научное поприще, ученаго — С. Т. Голубева, который, однако, въ свою очередь, высказалъ при этомъ хотя и остроумное, но еще болѣе смѣлое и шаткое предположеніе, что это — именно списокъ съ «Выклада вѣры» 1611 г., о которомъ упоминаетъ Вишневскій и который, такимъ образомъ, долженъ быть признанъ дѣйствительно существовавшимъ первымъ изданіемъ «Собранія вкратце словесъ» [2]).

Какъ это ни странно, но это смѣлое предположеніе С. Т. Голубева не только не встрѣтило въ свое время никакого возраженія, но даже впослѣдствіи было отчасти принято и утверждено, въ качествѣ установленнаго уже библіографическаго факта, въ капитальномъ «Описаніи славяно-русскихъ книгъ» Каратаева (№ 206). Только въ 1889 г. вопросъ этотъ опять былъ бѣгло затронутъ архимандритомъ Леонидомъ, причемъ послѣдній, признавая существованіе «Выклада вѣры» вообще, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, смущаясь такимъ значительнымъ пробѣломъ въ дѣятельности угорецкой типографіи, какой пришлось-бы допустить при промежуткѣ 1611—1618 гг., со своей стороны высказалъ не менѣе голословное и сомнительное предположеніе, что это изданіе «едва-ли не должно быть пріурочено къ 1617—1620 гг.» [3]).

---

1) Рукопись Церк.-арх. Музея при Кіев. Дух. Ак. № 568 (Т. 332). См. И. И. Малышевскій: Новый рукописный сборникъ зап.-рус. полемическихъ сочиненій — «*Труды К. Д. Ак.*», 1875, апрѣль, стр. 195—197. — Краткое описаніе рукописи также у Н. И. Петрова: Описаніе рукописей Церк.-арх. Музея при К. Дух. Акад., 1879, III, 550.

2) С. Т. Голубевъ: Библіографическія замѣчанія о нѣкот. старопеч. церк.-слав. книгахъ, 1876, стр. 42—44.

3) Архим. Леонидъ: Библіографическія замѣтки — «*Кіевская Старина*», 1889, ноябрь, стр. 444. — Неизвѣстно, на какомъ основаніи М. А. Максимо-

Такимъ образомъ, вопросъ о существованіи угорецкаго изданія «Выклада вѣры», а вмѣстѣ съ тѣмъ — и о первенцѣ типографіи іеромонаха Павла, несмотря на всѣ высказанныя по этому поводу предположенія и догадки, долженъ быть признанъ, на нашъ взглядъ, все еще столь же темнымъ и неразрѣшеннымъ, какимъ онъ явился при самомъ своемъ возникновеніи. Въ виду этого попытаемся кстати подвергнуть его вновь бѣглому пересмотру.

Прежде всего, едва-ли можно въ данномъ случаѣ придавать серьезное и рѣшающее значеніе голословному и легковѣсному сообщенію малоопытнаго въ славяно-русской библіографіи польскаго историка литературы, да еще «старой школы» 1850-ыхъ гг., который тутъ легко могъ что-нибудь напутать, какъ въ заглавіи, такъ и въ годѣ изданія книги, чему его, впрочемъ, для своего времени цѣнный трудъ представляетъ немало примѣровъ [1]). Тѣмъ болѣе, что онъ, вопреки своему обыкновенію, говоритъ о данной книгѣ только какъ-бы вскользь и въ самыхъ общихъ словахъ, не приводя ни полнаго и точнаго заглавія ея, ни формата, ни числа страницъ, которое-то странное обстоятельство заставляетъ думать, что онъ или вовсе не видѣлъ самой книги, а только упомянулъ о ней съ чужого (но неизвѣстно — какого?) голоса, или же, что̀ болѣе вѣроятно, что онъ, имѣя въ рукахъ какой-нибудь дефектный и лишенный выходного листа экземпляръ «Собранія вкратце словесъ» 1618 г., опредѣлилъ наугадъ, по содержанію и шрифту, какъ заглавіе, такъ и мѣсто и годъ изданія книги. При такомъ, какъ намъ кажется, самомъ близкомъ и естественномъ предположеніи, этотъ замысловатый ларчикъ открылся-бы совсѣмъ просто.

Что же касается найденнаго И. И. Малышевскимъ рукописнаго текста, то, во 1-ыхъ, изъ обстоятельства, что этотъ текстъ не вполнѣ

вичъ говоритъ о какомъ-то, вышедшемъ будто-бы изъ угорецкой типографіи, «Изложеніи вѣры» 1618 г. in 4⁰», которое онъ, однако, отличаетъ и отъ «Собранія вкратце словесъ» того-же года? (Книжная старина, I, 9, IV, 7). То-же самое повторилъ за нимъ Ѳ. И. Булгаковъ въ своей компилятивной «Иллюстр. исторіи книгопечатанія» (I, 269), а также И. И. Малышевскій, причемъ, однако, послѣдній по крайней мѣрѣ догадался отождествить оба изданія («*Труды К. Д. А.*», 1875, апрѣль, стр. 197).

1) Ср. Я. Ѳ. Головацкій: Дополненіе къ Очерку Ундольскаго, стр. 7—11.

совпадаетъ съ печатнымъ «Собраніемъ» 1618 г., нисколько еще не слѣдуетъ, какъ сгоряча заключилъ С. Т. Голубевъ, ни что непремѣнно должно было существовать какое-то другое, болѣе раннее изданіе «Собранія», ни что этимъ первымъ изданіемъ былъ именно указанный Вишневскимъ «Выкладъ вѣры» 1611 г., съ котораго онъ будто-бы былъ списанъ,—такъ какъ для такого далекаго и сложнаго предположенія не имѣется въ данномъ случаѣ рѣшительно никакихъ фактическихъ данныхъ и основаній. Во 2-ыхъ же, и самыя эти, подчеркнутыя С. Т. Голубевымъ, отличія рукописнаго текста и печатнаго изданія «Собранія» не такъ ужъ значительны и существенны, чтобы исключали всякую возможность непосредственной производной связи между ними: кромѣ допущенныхъ въ рукописи пропусковъ двухъ главъ и двухъ четверостишій съ оборота заглавнаго листа, они сводятся въ сущности къ тому только, что въ рукописи «замѣчается изрѣдка перестановка словъ и замѣна, тоже изрѣдка, твердыхъ знаковъ мягкими и наоборотъ», а кромѣ того, въ заглавіи прибавлены лишнія противъ печатнаго изданія слова: «ку науце и цвиченію младолѣтнихъ отрочатъ» [1]). Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ пропуски, которые почему-либо могли быть въ рукописи произведены умышленно, на дѣлѣ оказывается, что всѣ эти разночтенія въ сущности довольно незначительны и неважны, а если къ тому же принять во вниманіе, что подобныя, и даже гораздо болѣе произвольныя, измѣненія сплошь и рядомъ встрѣчаются въ многихъ безспорныхъ копіяхъ, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ текстовъ, то и придавать имъ въ данномъ случаѣ какое-нибудь особенное и рѣшающее значеніе едва-ли будетъ умѣстно. Что же касается самого заглавія статьи, являющагося, повидимому, благодаря находящейся въ немъ лишней строкѣ, самымъ значительнымъ камнемъ преткновенія, то усматривать въ немъ какое-нибудь доказательство въ пользу существованія «Выклады вѣры» невозможно уже хотя-бы потому, что оно все-таки, въ главной и существенной части своей, вполнѣ совпадаетъ именно съ «Собраніемъ» 1618 г., отъ указаннаго же Вишневскимъ мнимаго изданія 1611 г. совершенно отлично, въ виду чего и весь этотъ вопросъ очутился-бы въ

---

1) С. Т. Голубевъ: Библіографическія замѣчанія, стр. 44.

такомъ случаѣ въ неразрѣшимомъ блудномъ кругу. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, признавая подлинность этого «Выклада вѣры», невозможно уже никакъ, въ виду полнаго различія въ заглавіяхъ, отождествлять съ нимъ данную рукописную статью, если же предположить въ заглавіи Вишневскаго какую-нибудь неточность или ошибку, то какъ можно тогда вообще признавать существованіе изданія, всѣ свѣдѣнія о которомъ именно и заключаются въ одномъ только этомъ невѣрномъ заглавіи?

Впрочемъ, если даже почему-либо и не признавать прямой производной зависимости даннаго рукописнаго текста отъ печатнаго изданія 1618 г., то, во всякомъ случаѣ, гораздо ближе и естественнѣе сомнительнаго «Выклада вѣры» будетъ предположить, что это просто какой-нибудь нисходящій списокъ съ неизвѣстнаго нынѣ, рукописнаго же, общаго обоимъ текстамъ оригинала, на что, быть можетъ, указывали-бы и тѣ лишнія слова въ заглавіи рукописной статьи, которыя, находясь вѣроятно и въ самомъ этомъ оригиналѣ, могли быть почему-либо пропущены въ печати, но въ случаѣ, если-бы они уже разъ, такъ или иначе, попали въ печатное заглавіе одного изданія, едва-ли могли-бы быть затѣмъ такъ легко и безъ видимыхъ основаній устранены изъ второго изданія книги.

Такимъ образомъ, подводя итоги этому невольному уклоненію въ сторону, приходится признать, что существованіе указаннаго Вишневскимъ «Выклада вѣры» 1611 г. не только ничѣмъ не подтверждено и не удостовѣрено нисколько, но и вообще, само по себѣ, болѣе чѣмъ сомнительно, хотя-бы только потому, что въ такомъ случаѣ — какъ было замѣчено уже архимандритомъ Леонидомъ — совершенно нечѣмъ было-бы заполнить и объяснить такой значительный пробѣлъ въ дѣятельности угорецкой типографіи, какой образовался-бы между этимъ мнимымъ изданіемъ 1611 г. и «Собраніемъ» 1618 г. Вѣроятнѣе всего, — какъ робко догадывался уже и Я. Ѳ. Головацкій, — что польскій библіографъ, опредѣляя заглавіе и годъ выхода своего «Выклада вѣры» по наслышкѣ или по догадкѣ, просто не узналъ въ немъ почему-то «Собранія вкратце словесъ» 1618 г., за которымъ нынѣ, послѣ разъясненія этого стараго недоразумѣнія, и должно быть, такимъ образомъ, вновь признано это, напрасно отнятое у него, библіографическое право первородства.

Вотъ, въ заключеніе, полное заглавіе этого перваго изданія угорецкой типографіи іеромонаха Павла [1]):

«Събраніе вкратцѣ словес ѡ Бж҃твеннаго писанія и з ѡбъясненіем изложенія ст҃ых апл҃ъ двунадесяти артыкулѡвъ православной вѣры. Выдруковано коштом и накладом бл҃гочестиваго его м҃ п. Алеѯандра Шептицкого з Шептиц, працею і стараньем Іеромонаха Павла Домжива Лютковича, Іеродіакона Селивестра. В' Угорцахъ, року ҂ахкі, м҃ца марта л҃ д҃». Въ 4-ую д. л. 48 листовъ [2]).

Вторымъ съ ряду, относящимся къ 1619 г., изданіемъ угорецкой типографіи слѣдуетъ признать открытый недавно архимандритомъ Леонидомъ, въ одной, повидимому — сѣверно-русской, рукописной копіи конца XVII-го или нач. XVIII-го вѣка, «*Краткій хронологическій Лѣтописецъ*», въ концѣ котораго находится запись о томъ, что онъ списанъ съ книги «литовскихъ печатей, печати пана Александра Шептинскаго въ Угорцахъ, лѣта Господня 1619» [3]). Сама книга эта, однако, не сохранилась и вообще въ библіографіи совершенно неизвѣстна.

---

1) За недоступностью для насъ самихъ изданій іеромонаха Павла, представляющихъ нынѣ большую библіографическую рѣдкость, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ сохранились только въ одномъ или двухъ экземплярахъ и находятся къ тому-же въ частныхъ собраніяхъ, мы должны, къ сожалѣнію, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и вездѣ дальше, говорить о нихъ не на основаніи непосредственнаго знакомства съ ними, а только, такъ сказать, съ чужого голоса, на основаніи соотвѣтствующихъ указаній наличныхъ библіографическихъ пособій, главнымъ же образомъ, конечно, капитальнаго Каратаевскаго «Описанія». Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны также оговориться, что въ нашихъ цитатахъ справлены кое-гдѣ знаки препинанія и прописныя буквы, надстрочные же знаки придыханія и удареній пропущены совершенно.

2) В. С. Сопиковъ: Опытъ росс. библіографіи, I, № 1415; М. А. Максимовичъ: Книжная старина, I, 9, IV, 7; И. Сахаровъ: Обозрѣніе слав.-рус. библіогр., I-2, № 170; В. М. Ундольскій: Очеркъ слав.-рус. библіогр., № 217; И. Каратаевъ: Описаніе слав.-рус. книгъ, I, № 243.

3) Рукопись собранія гр. А. С. Уварова № 1520 (820). См. Архим. Леонидъ: Библіографическія замѣтки — «*Кіев. Старина*», 1889, ноябрь, стр. 448, и *его-же*: Системат. описаніе слав.-росс. рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 1894, ч. III, стр. 157.

Третье и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднее изданіе угорецкой типографіи вышло въ 1620 году подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«Апостолы и Еѵангеліа чрез всѣ неделѣ и праз: и избранни с на ввесь годъ. Пъркое изшбразися в Угорцахъ, року ахк». На оборотѣ же послѣдняго листа прибавлено: «В друкарни Іеромонаха Пав̑ла Домжика Люткокича. Року ахк». Въ 8-ую д. л. 2+134 листа[1]).

Такимъ образомъ, за три года (1618—1620) своего существованія въ Угорцахъ наша маленькая типографія успѣла напечатать три небольшихъ книжки, послѣ чего оба монаха почему-то оставили Угорцы и перебрались съ ней на Волынь. Впрочемъ, возможно, что они оставались здѣсь нѣсколько дольше, даже до 1622 г., но объ ихъ жизни и дѣятельности за это время не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Можетъ быть, что покинуть этотъ гостепріимный пріютъ заставила ихъ только смерть ихъ благодѣтеля и мецената, Александра Шептицкаго, послѣдовавшая въ 1622 г., послѣ чего только и началась ихъ новая, полная всякихъ случайностей и превратностей, кочевая жизнь.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, въ декабрѣ 1622 г. мы находимъ уже іеромонаха Павла игуменомъ въ *Минскѣ*, гдѣ онъ произноситъ (20 декабря), а затѣмъ и издаетъ—«казанье», посвященное памяти своего покойнаго благодѣтеля. Хотя мѣсто и годъ печатанія этого «казанья», въ единственномъ, дефектномъ его экземплярѣ (въ Хлудовскомъ собраніи № 74), и не указано, но надо полагать, что оно было напечатано въ Минскѣ же, въ собственной, перевезенной изъ Угорецъ, типографіи іеромонаха Павла, въ послѣднихъ дняхъ 1622-го или въ самомъ началѣ 1623-го года. Вотъ его заглавіе:

«Казанье: на чиненю памати по зе̑ло̑ ѿ пну Алеѯа̑дрови Өеодоровичу Шепти̑ко̑, презъ Ѡца Павла До̑жика Лю̑ковича,

1) Д. И. Зубрицкій: Historyczne badania o drukarniach rusko-słow. w Galicyi, стр. 52; Максимовичъ: Книжная старина, I, 9, IV, 7; Сахаровъ: Обозрѣніе, № 188; Ундольскій: Очеркъ, № 232 (причемъ заглавіе приведено невѣрно: «Новый Завѣтъ»); Каратаевъ: Описаніе, № 261.

игумена мѣнского, Ѿпрокованое. Мц͠а декабра, к͠ д͠на, є҆ рокꙋ ,ахкє». Въ 4-ую д. л., сохранилось 23 листа, конецъ утраченъ[1]).

Это поминальное «казанье» замѣчательно не только какъ выраженіе признательности и благодарности по отношенію къ умершему меценату, а также, можетъ быть, и какъ историческое свидѣтельство о послѣднемъ, — о чемъ мы, впрочемъ, не имѣвъ его въ рукахъ, судить не можемъ, — но, главнымъ образомъ, также потому, что оно — единственный пока ясный и несомнѣнный слѣдъ собственно литературной дѣятельности іеромонаха Павла, о которой, кромѣ него, ничего болѣе неизвѣстно, въ виду чего оно, безъ сомнѣнія, и заслуживало-бы подробнаго обслѣдованія и изданія[2]).

Въ Минскѣ наши монахи оставались недолго, причемъ объ ихъ пребываніи тамъ, кромѣ упомянутаго «казанья», никакихъ болѣе слѣдовъ не сохранилось. Въ 1625 г. они уже находятся въ с. *Четвертнѣ*, на р. Стырѣ, луцкаго уѣзда, кажется, тоже въ маленькомъ мѣстномъ монастырѣ, продолжая здѣсь свое любимое дѣло подъ покровительствомъ и на иждивеніи владѣльца имѣнія — кн. Григорія Четвертинскаго[3]). Въ этомъ именно году они напечатали здѣсь одну книгу, именно «Псалтирь»[4]):

---

1) А. Н. Поповъ: Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церк.-слав. печати библіотеки А. И. Хлудова, 1872, № 74; С. Т. Голубевъ: Библіографическія замѣчанія, стр. 71; Каратаевъ: Описаніе, № 270.

2) Впрочемъ, можетъ быть, какъ догадывался уже И. И. Малышевскій (указ. ст., стр. 199), что также и нѣкоторыя другія изданія іеромонаха Павла составлены имъ самымъ, или сообща съ іеродіакономъ Сильвестромъ, но на этотъ счетъ, къ сожалѣнію, никакихъ указаній и данныхъ, ни въ нихъ самихъ, ни вообще не сохранилось.

3) Свящ. С. Барановскій, въ своей компилятивной статьѣ «о бывшихъ на Волыни православныхъ типографіяхъ» (*«Волынскія Епарх. Вѣдомости»*, 1877 г., № 18, стр. 784), ошибочно смѣшиваетъ с. Четвертню съ позднѣйшимъ мѣстопребываніемъ нашихъ типографовъ—с. Чорной, а одновременно также и съ пригородомъ Луцка—Черничицами, что далеко не «одно и то-же», вслѣдствіе чего и дѣлаетъ неудачную догадку, что наша типографія «отъ черницевъ называлась черничицкой, а отъ Четвертни четвертинской».

4) Максимовичъ (Книжная старина, I, 9), а за нимъ Малышевскій (*«Труды К. Д. А.»*, 1875, IV, 198), Ундольскій (Очеркъ, № 274) и Булгаковъ (Илл. ист. книгопеч., стр. 264) неправильно говорятъ о ухъ четвертинскихъ

«Ψалтирь блаженнаго пррка и цра Двда. С' пѣсньми и ψалмы избранными на празники Гдкі и сты Бжіих' s' млтвами же и тропари по коемж҃о кадісмѣ. В Четвертни, лѣта Гна ҂ахке, Іоулїа кз дна». Въ 8-ую д. л. 12+232 листа[1]).

Этимъ однимъ изданіемъ и исчерпывается четвертинскій періодъ нашей кочевой типографіи. Въ 1628 г. она работаетъ уже въ *Луцкѣ*, куда между тѣмъ перебрались ея владѣльцы, вѣроятно, по приглашенію мѣстнаго Крестовоздвиженскаго братства. Здѣсь появляются изъ нея въ этомъ году два надгробія:

1) «Ламентъ по святобливе зошломъ велебномъ Гдну Отцу Іωаннѣ Василевичу презвитери, именемъ Церкви православнїа восточнаго, Братства луцкого Воздвиженїа чтнаго и животворащаго Крта Гдна, написаный презъ многогрѣшного Іеродїакона Давыда Андреевича, инока чину стго Великого Василїа. В' Луцку, ро ҂ахки, мца февруарїа аі дна. В' друкарни Павла Іеромонаха». Въ 4-ую д. л. 12 листовъ[2]).

2) «*Епидикіонъ, албо вѣрше жалобныя на погребеніе Василисы Яцковны*». Сочиненіе Стефана Полумерковича, напечатано въ Луцкѣ, въ 1628 г., въ 4-ую д. л.[3]).

изданіяхъ 1625 г., считая вторымъ изъ нихъ, вѣроятно, благодаря тождественности его шрифта, гравюръ и украшеній съ «Псалтирью» 1625 г., позднѣйшій «Часословъ», напечатанный въ 1629 г. въ Чорной, о которомъ рѣчь будетъ дальше.

1) Максимовичъ: Книжная старина, I, 9; Сахаровъ: Обозрѣніе, № 223; Ундольскій: Очеркъ, № 275; Каратаевъ: Описаніе, № 296.

2) Максимовичъ: Книжная старина, I, 10; Сахаровъ: Обозрѣніе, № 240; Ундольскій: Очеркъ, № 315; Каратаевъ: Описаніе, № 320. — Замѣтимъ кстати, на основаніи данныхъ, добавочно сообщенныхъ Каратаевымъ на стр. 554 «Описанія», что авторомъ «Ламента», состоящаго изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ виршъ, не былъ одинъ только іеродіаконъ Давидъ Андреевичъ, но также и другія лица—повидимому, ученики луцкой братской школы.

3) Сопиковъ: Опытъ, I, № 1426; Максимовичъ: Книжная старина, I, 10; Сахаровъ: Обозрѣніе, № 241; Ундольскій: Очеркъ, № 314; Каратаевъ: Описаніе, № 322.—Къ сожалѣнію, данный панегирикъ до нашего времени не сохранился, такъ что онъ библіографамъ; кромѣ краткихъ упоминаній въ каталогѣ сгорѣвшей библіотеки П. Демидова (№ 340) и въ «Опытѣ» Сопикова, ближе совершенно не извѣстенъ.

Такимъ образомъ, въ Луцкѣ, несмотря на, казалось-бы, болѣе благопріятныя условія въ братскомъ монастырѣ, дѣятельность нашихъ типографовъ, какъ и само пребываніе ихъ здѣсь, была весьма кратковременной и малопродуктивной. Тѣмъ не менѣе, однако, эта дѣятельность увѣнчалась въ другомъ отношеніи значительнымъ успѣхомъ, а именно, здѣсь они, благодаря какимъ-то благочестивымъ пожертвованіямъ, повидимому, получили возможность обновленія и расширенія своей кочевой типографіи, о чемъ въ позднѣйшей духовной іеродіакона Сильвестра (отъ 9 августа 1635 г.) находимъ слѣдующее, къ сожалѣнію, какъ есть основанія думать, едва-ли вполнѣ искреннее и правдивое признаніе: «Жиючи мне зъ честнымъ а въ Бозе змерлымъ господиномъ отцемъ Павломъ Люткевичомъ Телицею, игуменомъ чорнеnъскимъ, антецесоромъ моимъ, передъ тымъ въ манастыру братства луцкого, *тамъ* зъ онымъ, зъ ласки Бога всемогусчого и счодробливости гойное людское, *друкарню спорядилисмо*, которую потомъ стамтоль зъ Луцька до манастирца тутошнего чорненъского впровадилисмо» [1]).

Для надлежащаго уразумѣнія этихъ довольно неясныхъ словъ намъ придется забѣжать нѣсколько впередъ. Дѣло въ томъ, что придавать имъ, какъ это сдѣлалъ М. А. Максимовичъ, такой смыслъ, что въ Луцкѣ наши типографы «спорядили» себѣ совершенно новую типографію, едва-ли будетъ правильно и умѣстно [2]). Прежде всего, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній и данныхъ для того, чтобы предполагать какую-нибудь

---

1) «*Памятники*, изд. Кіев. Коммиссіею», т. I², отд. 1, стр. 65.— Въ такомъже самомъ смыслѣ говорится объ этомъ, очевидно, со словъ того-же Сильвестра, также въ другомъ позднѣйшемъ актѣ, именно, въ жалобѣ игумена луцкаго братскаго монастыря Неофита на Димитрія Урсула-Рудецкаго отъ 4 сентября 1635 г., въ которой, между прочимъ, указывается на «друкарню, власнымъ коштомъ небожчика о. Павла и о. Сильвестра... выставъленую, которую тамъ до Чорное... зъ манастыра братства луцкого впровадили». («*Архивъ* Юго-Зап. Россіи», ч. I, т. VI, стр. 698).

2) Ср. Максимовичъ: Книжная старина, I, 9—10, IV, 7.— Впрочемъ, Максимовичу, который, вслѣдствіе упомянутой выше ошибки въ первомъ изданіи духовной Сильвестра, считалъ и самого іеромонаха Павла, за время его пребыванія въ Луцкѣ и въ Чорной, новымъ типографомъ — Мотковичемъ Гянцею, могло и учрежденіе имъ новой типографіи представиться вполнѣ естественнымъ и вѣроятнымъ.

утрату или продажу прежней перевозной типографія, послѣ чего только, по тѣмъ временамъ, въ виду сложности и дороговизны подобной обновки, очевидно, и могло-бы имѣть мѣсто снаряженіе какой-нибудь новой типографіи. Но и помимо этого общаго соображенія, имѣется также и вѣское свидѣтельство по существу, противорѣчащее такому прямому и полновѣсному пониманію этого сомнительнаго заявленія Сильвестра. Именно, изъ произведеннаго Каратаевымъ подробнаго сличенія шрифта, гравюръ и украшеній четвертинской «Псалтири» 1625 г. и позднѣйшаго «Часослова», напечатаннаго въ 1629 г. въ Чорной (Описаніе, стр. 402 — 403), куда, какъ это подтверждается и въ духовной Сильвестра, была перевезена эта, будто-бы новая, луцкая типографія, оказывается со всею очевидностью, что они совершенно тождественны и несомнѣнно принадлежатъ одной и той-же типографіи. Слѣдовательно, въ виду подобной тождественности типографскихъ принадлежностей въ такіе промежуточные періоды нашей кочевой типографіи, какъ Четвертня 1625 г. и Чорная 1629 г., также и относительно входящаго между нихъ луцкаго періода 1628 г., очевидно, рѣчь можетъ идти только о какомъ-нибудь частномъ обновленіи или расширеніи старой, но никакъ объ учрежденіи совсѣмъ новой типографіи. Если же Сильвестръ въ своей духовной какъ-будто утверждаетъ именно послѣднее, то это невѣрное заявленіе, повидимому, онъ сдѣлалъ вполнѣ созвательно и съ опредѣленной цѣлью. Дѣло въ томъ, какъ будемъ имѣть случай видѣть подробнѣе дальше, что по смерти іеромонаха Павла, который завѣщалъ типографію, правда, въ пожизненное владѣніе Сильвестру, но притомъ также въ нерушимую собственность чорненскому монастырю, какъ послѣдній вообще, такъ и въ особенности типографія стали подвергаться различнымъ притѣсненіямъ и притязаніямъ со стороны новаго владѣльца с. Чорной, Димитрія Урсула-Рудецкаго. Такъ вотъ, по всей вѣроятности, въ видахъ огражденія своей любимой типографіи отъ этой опасности, Сильвестръ, съ согласія братьи, рѣшился сдѣлать то, на что онъ собственно не имѣлъ никакого права, а именно, передать ее въ наслѣдіе луцкому братству, причемъ, чтобы какъ-нибудь оформить и оправдать это незакономѣрное завѣщаніе на внѣ, онъ и подчеркнулъ въ немъ завѣдомо невѣрное обстоятельство, что типографія была снаряжена именно въ братскомъ монастырѣ, въ виду чего и является

вполнѣ справедливымъ,—какъ цѣлесообразно указано въ той-же духовной дальше,—«абы она, скондъ вышла, на томже местцу вечне зостала».

Какъ бы то ни было, впрочемъ, въ силу изложенныхъ обстоятельствъ, въ особенности же въ виду яснаго и нелицепріятнаго свидѣтельства самихъ же изданій іеромонаха Павла, тождество и непрерывность его кочевой типографіи, вывезенной изъ Угорецъ и работавшей затѣмъ, какъ въ Минскѣ и Четвертнѣ, такъ и въ Луцкѣ и Чорной, представляется намъ, по крайней мѣрѣ — въ ея основѣ, внѣ всякаго сомнѣнія.

Ко времени непродолжительнаго пребыванія нашихъ типографовъ въ Луцкѣ относится также одинъ современный документъ, замѣчательный не только потому, что въ немъ одномъ только полностью приведено сложное имя іеромонаха Павла, но, главнымъ образомъ, какъ яркій образчикъ тѣхъ тяжелыхъ внѣшнихъ условій, въ какихъ приходилось въ то время жить и дѣйствовать православнымъ русскимъ людямъ въ Юго-западной Руси. Это—жалоба, поданная луцкому гродскому уряду 6 мая 1628 г. «іеромонахомъ Павломъ Домживолюдковичемъ Телицею, законъникомъ черницомъ манастыря и церкви брацское луцкое», на звонаря римско-католическаго собора «неякого Собъка», въ томъ, что послѣдній, встрѣтившись съ нимъ возлѣ своего собора, безъ всякой причины набросился на него, «допытуючисе, якое бы былъ релии, зъшарпалъ, зсоромотилъ и клобокъ зналъ» [1]). Чѣмъ кончилось дѣло—неизвѣстно, хотя объ этомъ, впрочемъ, въ данныхъ историческихъ условіяхъ, и не такъ ужъ трудно догадаться...

Изъ Луцка наши злополучные типографы перебрались, наконецъ, со своею типографіею въ *с. Чорную,* на р. Горыни, въ нынѣшнемъ ровенскомъ уѣздѣ, куда ихъ пригласилъ владѣлецъ имѣнія и фундаторъ мѣстнаго монастыря — Адамъ Урсулъ-Рудецкій [2]). При этомъ послѣдній

---

1) «*Архивъ Ю.-З. Р.*», ч. I, т. VI, стр. 596—597, № 240.

2) Какъ уже было упомянуто выше, свящ. С. Барановскій неправильно спуталъ с. Чорную не только съ Четвертней, но также и съ пригородомъ Луцка—Черничицами, называя вслѣдствіе этого и чорненскую типографію — то «четвертинской», то «черничицкой». (Краткія истор. свѣдѣнія о бывшихъ на Волыни правосл. типографіяхъ — «*Вол. Епарх. Вѣдомости*», 1877, № 18, стр. 781). Послѣднюю ошибку повторилъ за нимъ также и Каратаевъ (Опи-

не только обезпечилъ имъ самимъ спокойное существованіе, но принялъ также и ихъ типографію на полное свое иждивеніе [1]).

Чорненскій монастырь явился, такимъ образомъ, прочнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднимъ пристанищемъ для нашихъ странствующихъ типографовъ, гдѣ они и оставались уже до конца своей жизни, причемъ сперва іеромонахъ Павелъ, а по его смерти и іеродіаконъ Сильвестръ были въ немъ настоятелями [2]). Что же касается ихъ типографской дѣятельности, то она проявилась здѣсь сначала весьма живо и интенсивно, такъ какъ сейчасъ въ первомъ же году (1629) были напечатаны ими двѣ книги, причемъ одна изъ нихъ отличалась даже довольно зна-

---

саніе, стр. 403), хотя ему притомъ уже и было извѣстно также и другое, указанное еще Максимовичемъ (Книжная старина, I, 10, IV, 7), свѣдѣніе о настоящемъ мѣстонахожденіи чорненскаго монастыря.—При этомъ случаѣ отмѣтимъ еще, какъ курьезъ, что тотъ-же свящ. Барановскій, говоря о чорненской типографіи, почему-то совершенно упустилъ изъ виду главнаго ея владѣльца и дѣятеля— іеромонаха Павла, а указалъ, да и то путая чуть-ли не въ каждомъ словѣ, только на одного іеродіакона Сильвестра: «основатель монастыря Адамъ Урсула (sic!) Рудецкій просилъ іеродіакона Сильвестра, прибывшаго сюда отъ (?) луцкаго братства и принесшаго съ собою типографію, напечатать въ ней «Діалогъ» (!), что іеродіаконъ и исполнилъ въ 1629 г.» (*тамъ-же*, стр. 784).

1) Съ признательностью говорится объ этомъ въ духовной іеродіакона Сильвестра: «друкарню... зъ Луцька до манастирца тутошнего чорненъского впровадилисмо, а то взглядомъ того, же славное памяти зошлый его милость панъ Адамъ Уръсулъ-Рудецъкий, фундаторъ того манастирца, насъ о то просилъ и коштъ вшелякий и накладъ на тую друкарню давати, яко милостникъ хвалы Божое, приобецалъ». (*«Памятники* Кіев. Коммиссіи», I[2], отд. 1, стр. 65). То-же самое повторяется также въ упомянутой уже выше жалобѣ луцкаго игумена Неофита на сына и наслѣдника Адама — Дмитрія Рудецкаго (*«Архивъ Ю.-З. Р.»*, ч. I, т. VI, стр. 698). Ср. Максимовичъ: Книжная старина, I, 10, IV, 7; Малышевскій —*«Труды К. Д. А.»*, 1875, IV, 198.—Что же касается утвержденія Максимовича (*тамъ-же*, IV, 7), будто наши типографы были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и учредителями чорненскаго монастыря, то оно, повидимому, основано на какомъ-нибудь недоразумѣніи, такъ какъ въ приведенныхъ выше словахъ духовной Сильвестра говорится вполнѣ опредѣленно и ясно о существованіи «тутошнего манастирца» уже ко времени ихъ прибытія въ Чорную.

2) См. духовную Сильвестра въ *«Памятникахъ К. Комм.»*, I[2], отд. 1, стр. 64—66, а также другіе, относящіеся къ имъ обоимъ, акты изъ луцкихъ гродскихъ книгъ 1630—1635 гг.—въ *«Архивѣ Ю.-З. Р.»*, ч. I, т. VI, стр. 352, 614, 642, 697—698. Ср. также Максимовичъ: Книжн. старина, I, 10; Малышевскій—*«Труды К. Д. А.»*, 1875, IV, 198.

чительнымъ объемомъ. Это былъ именно упомянутый уже выше «Часословъ», который до недавняго времени, какъ уже было замѣчено раньше, по дефектному, не имѣвшему выхода, экземпляру и только лишь на основаніи своихъ внѣшнихъ типографскихъ признаковъ, ошибочно считался четвертинскимъ изданіемъ 1625 г.:

«Часослов҆, сирѣчъ Полѹставъ цр҃ковнаго пѣнїа дневны^х и нощїны^х млт҃въ на ввесь годъ, по преданїю ст҃ыхъ Ѡцъ. Изобразися в҆ Чорной, ро^к Ѿ Ро^ж: Хв҃а ҂ахкд, авгѹста г҃ дна». Въ 8-ую д. л., сохранилось 505 листовъ, конецъ утраченъ [1]).

Вторымъ же и, вмѣстѣ съ тѣмъ — послѣднимъ, вышедшимъ въ томъ-же 1629 г., чорненскимъ изданіемъ, въ силу извѣстнаго указанія «Оглавленія книгъ», долженъ быть признанъ нашъ «*Діалогъ*», который, какъ намъ уже извѣстно, въ печатномъ видѣ не сохранился вовсе, а только нынѣ вновь возстанавливается нами по рукописной копіи XVIII-го вѣка.

Однако же, возобновленная такъ успѣшно въ чорненскомъ монастырѣ полезная дѣятельность нашей типографіи продолжалась весьма недолго—всего одинъ годъ, а затѣмъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, затормозилась и прекратилась совершенно. По крайней мѣрѣ, послѣ 1629 г. не сохранилось о ней уже никакихъ болѣе слѣдовъ и данныхъ, кромѣ развѣ нѣсколькихъ гродскихъ актовъ, въ которыхъ она является уже только мертвымъ предметомъ наслѣдственныхъ записей и судебныхъ споровъ.

И такъ, прежде всего, имѣется дарственная запись іеромонаха Павла отъ 23 мая 1630 г., которою онъ завѣщалъ свое имущество—типографію и книги—въ нерушимую собственность чорненскому монастырю, въ частности же—предоставилъ се въ пожизненное пользованіе своему старому товарищу и наслѣднику въ должности настоятеля монастыря, іеродіакону Сильвестру: «маетность мою всю,—говорится въ этой записи,—такъ книги, яко и длукарню (sic!) мою, зъ волностями, народови рускому належачими, брати моей инокомъ въ монастыри светого Спаса

---

1) Каратаевъ: Описаніе, № 335.

на Чорной мешъкаючымъ, оддаю, дарую вечными часы, а особливе отцу еродияконови Селивестрови и отцу Іоилю еромонахови, зо всею братьею, о Христи тамъ мешкаючими» 1). Душеприкащикомъ своимъ онъ установилъ въ томъ-же актѣ извѣстнаго намъ уже патрона и благодѣтеля монастыря и типографіи, «мужа побожного въ статечъности вѣри своее православной», Адама Урсула-Рудецкаго, но послѣдній, сдѣлавъ, въ свою очередь, 14 апрѣля 1631 г., фундушевую запись имѣнія Чорной въ пользу монастыря, скончался раньше его 2).

Смерть этого благодѣтеля и покровителя монастыря и послѣдовавшія вслѣдъ за тѣмъ притѣсненія и обиды со стороны его наслѣдника, оспаривавшаго даже самую фундушевую запись своего отца, по всей вѣроятности, побудили іеромонаха Павла и его братію—отдаться подъ попеченіе и защиту Кіево-Печерской Лавры, о чемъ и была ими получена утвердительная грамота отъ бывшаго тогда архимандритомъ Лавры Петра Могилы отъ 12 октября 1631 г.: «Пречестъный въ іеромонасехъ господинъ отецъ Павелъ Донживъ Люткевичъ, игуменъ на Черной манастыра Преображення Господа нашого Ісуса Христа,—говорится, между прочимъ, въ этой грамотѣ,—будучи постриженцемъ сеи светои великои Лавъры Печерской Киевъской и хотечи въ ней уставичъне хотъ духомъ притомне знайдоватисе, просилъ мя, жебымъ и его самого, и манастырецъ его подъ послушенствомъ, опекунствомъ и благословениемъ светой Лавъры и моимъ уставичъне мелъ и ховалъ. Теды, видечи его уприймостъ ку мнѣ и светой обители нашей, и его до братии моихъ,

---

1) *«Архивъ Ю.-З. Р.»*, ч. I, т. VI, стр. 614—615, № 248.

2) *«Архивъ Ю.-З. Р.»*, ч. I, т. VI, стр. 638.—Время смерти Адама Рудецкаго въ точности не извѣстно, но, по всей видимости, она послѣдовала между 14 апрѣля, когда имъ была сдѣлана эта фундушевая запись, и 12 октября 1631 г., когда чорненскій монастырь, какъ будемъ видѣть дальше, былъ принятъ Петромъ Могилою подъ вѣдѣніе и покровительство Кіево-Печерской Лавры, что едва-ли могло-бы имѣть мѣсто при жизни самого фундатора и столь ревностнаго покровителя монастыря. Во всякомъ же случаѣ, о томъ, что онъ скончался раньше іеромонаха Павла, свидѣтельствуетъ ясно указанное въ упомянутой выше жалобѣ луцкаго игумена Неофита на его сына и наслѣдника Дмитрія обстоятельство, что по поводу «кривдъ и шкодъ» со стороны этого наслѣдника жаловался уже раньше и іеромонахъ Павелъ Люткевичъ (*тамъ-же*, стр. 698).

яко давъно причътенного, сочетаваю, и монастырецъ его беру въ завѣдоване, даючи ему презъ писмо тое мое благословенне, жебы тамъ игуменствовалъ, справовалсе порядкомъ иноческимъ, цале зоставаючи подъ рядомъ обители Печерской» [1]).

Между тѣмъ, вскорѣ послѣ этого скончался и самъ іеромонахъ Павелъ. Время его смерти тоже въ точности не извѣстно, но послѣдовала она, по всей видимости, около 1634 г., на который указываютъ слѣдующія, написанныя 4 сентября 1635 г., слова жалобы луцкаго игумена Неофита: «въ року близко прошломъ, скоро по смерти отца Павла Людковича» [2]).

По смерти іеромонаха Павла игуменомъ чорненскаго монастыря былъ избранъ его долголѣтній товарищъ и сподвижникъ—іеродіаконъ Сильвестръ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, вступилъ также, конечно, во владѣніе и оставшейся послѣ него типографіей, хотя, какъ извѣстно, и не использовалъ нисколько этого важнаго и цѣннаго по тѣмъ временамъ наслѣдія. Повидимому, не до того теперь было, въ виду наступившихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, игумену и братіи этой дважды осиротѣвшей обители, которой приходилось теперь не только защищаться отъ непрекращавшихся притѣсненій и обидъ со стороны Димитрія Урсула-Рудецкаго, но также, по всей вѣроятности, и терпѣть матеріальныя затрудненія и невзгоды [3]). Замѣчательно при этомъ, что о какомъ-нибудь вмѣ-

---

1) *«Архивъ Ю.-З. Р.»*, ч. I, т. VI, стр. 642—643, № 259. Ср. С. Т. Голубевъ: Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, 1883, т. I, стр. 385.— Что испрошенный такимъ образомъ патронатъ Кіево-Печерской Лавры долженъ былъ имѣть не одно только духовное, но также, главнымъ образомъ, и правовое и имущественное значеніе, слѣдуетъ заключать, можетъ быть, изъ того обстоятельства, что грамота П. Могилы была представлена іеромонахомъ Павломъ для внесенія въ гродскія книги, чтò для однихъ только духовныхъ цѣлей было-бы, очевидно, совершенно лишнимъ. Впрочемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, практическаго примѣненія этотъ патронатъ, несмотря на представившуюся въ немъ вскорѣ надобность, почему-то не получилъ вовсе.

2) *«Архивъ Ю.-З. Р.»*, ч. I, т. VI, стр. 698.

3) Горько жалуется по этому поводу въ своей духовной іеродіаконъ Сильвестръ: «по смерти оныхъ (Адама Рудецкаго и іеромонаха Павла) не толко же ратунку жадного и накладу отъ потомка менованого небожчика фундатора не мелисмо, але овшемъ незносные кривды, прикрости и шкоды отъ его милости пана Димитра Рудецъкого въ власности нашой поносимо». (*«Памятники Кіев.*

шательствѣ или заступничествѣ со стороны недавно принявшей надъ монастыремъ патронатъ Кіево-Печерской Лавры, ни въ данное время, ни вообще ничего не извѣстно.

Въ виду этого, вовсе не удивительно, что злополучные иноки, оставленные въ такомъ затруднительномъ положеніи на произволъ судьбы, обратились за помощью и защитой въ другую сторону, а именно — къ луцкому братскому монастырю, подъ попечительство котораго они, повидимому, и перешли около 1635 г. и который теперь не только сталъ оказывать имъ необходимую матеріальную поддержку, но и сразу же рѣшительно за нихъ заступился, внося 4 сентября 1635 г. извѣстную намъ уже жалобу на Дмитрія Урсула-Рудецкаго [1]).

Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, конечно, и типографія должна была оставаться въ бездѣйствіи и загонѣ, а если она и являлась еще иногда предметомъ какихъ-нибудь заботъ и попеченій, то только какъ часть общаго монастырскаго имущества, которую тоже нужно было оберегать и защищать отъ посягательствъ со стороны Дмитрія Рудецкаго, о которыхъ, между прочимъ, имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія въ той-же жалобѣ луцкаго игумена Неофита: «Въ року близко прошломъ, — сообщается тамъ, — скоро по смерти отца Павла Людковича, игумена бывшого чор-

---

Ком.», т. I², отд. 1, стр. 65). То-же самое повторяется также въ жалобѣ луцкаго игумена Неофита, причемъ указывается не только на неоднократныя нарушенія Дмитріемъ Рудецкимъ фундушевой записи его отца, но также прямо обвиняется его въ томъ, что онъ всячески стремится къ тому, чтобы совершенно выжить монаховъ изъ с. Чорной («*Архивъ Ю.-З. Р.*», ч. I, т.-VI, стр. 697—700).

1) «*Архивъ Ю.-З. Р.*», ч. I, т. VI, стр. 697—700, № 281. — Объ этомъ переходѣ подъ патронатъ луцкаго монастыря свидѣтельствуетъ не только самъ фактъ подачи послѣднимъ по дѣламъ чорненскаго монастыря означенной жалобы, что̀ было-бы въ противномъ случаѣ совершенно неумѣстнымъ, но также и духовная Сильвестра, въ которой о луцкихъ братствѣ и монастырѣ говорится, какъ о тѣхъ, «за которыхъ провизиею, працею и стараненъ жилемъ и въ послушенстве ихъ зъ братею моею зоставалемъ» («*Памятн. К. Ком.*», т. I², отд. 1, стр. 66). Что же касается времени этого перехода, то на 1635 г. указываетъ, какъ намъ думается, то обстоятельство, что въ упомянутой жалобѣ, поданной 4 сентября 1635 г., говорится, какъ объ одномъ изъ центральныхъ фактовъ, о событіи, имѣвшемъ мѣсто «въ року близко прошломъ», изъ чего можно заключать, что тогда еще луцкій монастырь не имѣлъ права вмѣшиваться въ эти дѣла, а только теперь, получивъ это право, сдѣлалъ это, такъ сказать, заднимъ числомъ.

ненъского, (Дмитрій Рудецкій) ревизию якуюсъ неслушне и неналежне чинилъ... такъ тую друкарню, яко церковъ и комори кгвалтомъ одмыкати примусилъ» 1).

И вотъ, по всей вѣроятности, въ видахъ лучшаго и прочнаго огражденія любимой типографіи отъ дальнѣйшихъ подобныхъ посягательствъ и опасностей, іеродіаконъ Сильвестръ, съ согласія прочей братіи, хотя и вопреки завѣщанію іеромонаха Павла, и рѣшился передать ее въ наслѣдіи луцкому братству, что̀ и было имъ исполнено въ извѣстной намъ духовной отъ 9 августа 1635 г. Притомъ же, какъ уже было замѣчено выше, желая оправдать и узаконить это явное нарушеніе какъ завѣщанія іеромонаха Павла, такъ и интересовъ самого монастыря, онъ, по всей видимости, завѣдомо неправильно сослался не только на «волю» перваго завѣщателя, но также и на то, если и не совершенно вымышленное, то во всякомъ случаѣ сильно преувеличенное обстоятельство, будто-бы типографія была учреждена именно въ этомъ луцкомъ монастырѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ духовной приводятся по этому поводу также мотивы и соображенія по существу: «Теды я, при той остатной воли моей, прихиляючисъ тежъ до воли небожчика отца Павла... видечи, ижъ оною (типографіею) нихто рядити (и) справити не можетъ, зачимъ, абы не ваковала, але пожитокъ церкви Божой и ку хвале его святой шолъ, абы она, скондъ вышла, на томже местцу вечне зостала, нарадившисъ добре зъ братею моею, оную друкарню писмъ словенскихъ и рускихъ, зо всимъ на все, такъ яко мне служила и належала, цале и зуполне, ничого зъ нее не выймуючи, на церковъ благочестивую братства луцького Поднесеня святого Крижа... даю, дарую и тымъ тестаментомъ вечными часы записую» 2).

Духовная была сдѣлана Сильвестромъ во время: нѣсколько недѣль спустя, вѣроятно между 4 сентября и 3 октября 1635 г., онъ скончался 3).

---

1) «*Архивъ Ю.-З. Р.*», ч. I, т. VI, стр. 698.

2) «*Памятники Кіев. Ком.*», т. I^2, отд. 1, стр. 65—66, № 20.

3) Заключаемъ объ этомъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: въ жалобѣ Неофита отъ 4 сентября 1635 г. говорится еще о Сильвестрѣ, какъ о живущемъ, а уже 3 октября того-же года, какъ сейчасъ увидимъ, луцкое братство забрало типографію изъ чорненскаго монастыря, что̀ могло, очевидно, послѣдовать только по смерти Сильвестра.

Луцкое братство, унаслѣдовавъ такимъ образомъ осиротѣвшую типографію, не замедлило, въ виду угрожавшей ей со стороны Дмитрія Руденкаго опасности, принять ее во владѣніе и перевезти въ свой монастырь, что и было произведено 3 октября 1635 г. Узнаемъ объ этомъ изъ жалобы Дмитрія Руденкаго, поданной имъ, въ свою очередь, луцкому гродскому уряду 16 ноября 1635 г. на игумена и братію луцкаго монастыря въ томъ, что они, пріѣхавъ 3 октября «съ купою немалою» въ чорненскій монастырь, «въ неведомости пана протестуючого, речы въ томъ манастыре будучые, а меновите книги зо всею друкарнею, кгвалътовъне и безправъне... побрали, и то все побравъши и до манастыра братства луцъкого одпровадивъши, и на свой пожытокъ обернули» [1].

Жалоба Дмитрія Руденкаго, повидимому, осталась безъ послѣдствій, такъ что наша типографія нашла въ луцкомъ монастырѣ, наконецъ, прочный и спокойный пріютъ, хотя, впрочемъ, за этотъ послѣдній періодъ ея существованія о ней не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній и слѣдовъ. Извѣстна только одна, напечатанная въ ней здѣсь книга, а именно — «Апостолы и Евангелія» 1640 г., да и та, кажется, судя по буквальному тождеству заглавій, является только перепечаткой угорецкаго изданія 1620 г., съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ статей, благодаря которымъ она и была вѣроятно названа опять-таки первымъ изданіемъ. Вотъ ея заглавіе:

«Апостолы и Еѵангелія чрез всѣ неделѣ и праз: и избранных ст: на вкесь годъ. К сим же приданы сꙋт прокимны при ст: литꙋргіи и прочая. Первое изѡбразися в монастырꙋ лꙋцком братскому, рокꙋ ҂ахм». Въ 8-ую д. л. 8+282 листа [2]).

О дальнѣйшей судьбѣ и дѣятельности нашей кочевой типографіи, къ сожалѣнію, ничего не извѣстно.

---

1) *«Архивъ Ю.-З. Р.»*, ч. I, т. VI, стр. 703—704, № 283.

2) Максимовичъ: Книжная старина, IV, 8; Сахаровъ: Обозрѣніе, № 388; Ундольскій: Очеркъ, № 484; Каратаевъ: Описаніе, № 506.

Однако же, этотъ общій, хотя, впрочемъ, и далеко не лишній, экскурсъ въ сторону—по вопросу о самой типографіи и ея странствующихъ владѣльцахъ и труженикахъ, отвлекъ насъ далеко отъ частнаго, но интересующаго насъ здѣсь прежде всего, вопроса о «Діалогѣ» 1629 г., къ которому теперь—«на предняя»—и возвратимся.

Какъ уже было замѣчено въ началѣ, въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка нашелся нынѣ, какъ должно предполагать, списокъ съ этого утраченнаго печатнаго изданія, хотя, впрочемъ, въ самой рукописи о какой-нибудь генетической связи съ послѣднимъ не говорится ничего. Мы имѣемъ именно въ виду статью: «*Розмова о смерты человѣка со анѣеломъ*», находящуюся въ концѣ южно-русскаго скорописнаго сборника поученій и духовныхъ, преимущественно проложныхъ, повѣстей и легендъ, принадлежащаго Кіево-Михайловскому монастырю № 495/1660 [1]).

Несмотря на отсутствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ библіографическихъ данныхъ, какъ въ самой рукописи, такъ и внѣ ея, которыя съ достовѣрностью позволяли-бы признать данную статью спискомъ съ печатнаго «Діалога» 1629 г., мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ такое предположеніе вполнѣ естественнымъ и вѣроятнымъ — по слѣдующимъ соображеніямъ по существу:

Прежде всего, какъ заглавіе и внѣшняя литературная форма, такъ и самое содержаніе рукописной статьи вполнѣ соотвѣтствуютъ заглавію, формѣ и содержанію печатнаго изданія 1629 г., насколько, конечно, послѣднія извѣстны нынѣ по «Оглавленію книгъ», причемъ это соотвѣтствіе еще болѣе увеличивается, если предположить, что въ данномъ сообщеніи только нѣсколько начальныхъ словъ («Діалогъ албо розмова человѣка хорого албо умираючого съ духомъ») составляютъ настоящее заглавіе книги, да и то, повидимому, только въ свободной передачѣ, остальныя же слова, отдѣленныя даже отъ него двоеточіемъ, являются уже, можетъ быть, только собственнымъ краткимъ изложеніемъ ея содержанія со стороны самого составителя «Оглавленія»: «о добромъ зъмстю зъ того

---

1) См. Н. И. Петровъ: Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ, 1896, т. II, стр. 228—229.

свѣта, людемъ свѣтцкимъ, а посполите тымъ, которые мало што доброго за живота робили, а съ памятью умираютъ». Впрочемъ, если даже и считать весь этотъ цитатъ «Оглавленія» сплошнымъ заглавіемъ книги, которое въ такомъ случаѣ нѣсколько отличалось-бы отъ заглавія рукописной статьи, то и въ этомъ обстоятельствѣ едва-ли можно усматривать какое-нибудь серьезное доказательство противъ ихъ тождества по существу, такъ какъ случаи подобныхъ, и даже болѣе значительныхъ, измѣненій и сокращеній, не только въ заглавіи, но и въ самомъ текстѣ, какъ уже было замѣчено раньше по поводу «Собранія вкратце словесъ» 1618 г., встрѣчаются въ древне-письменной практикѣ сплошь и рядомъ. Въ данномъ же случаѣ самымъ важнымъ и существеннымъ является, безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что какъ содержаніе рукописной статьи и печатнаго изданія, оказывающееся притомъ довольно оригинальнымъ и обособленнымъ литературнымъ явленіемъ, такъ и общая имъ обоимъ, далеко не обычная, внѣшняя діалогическая форма изложенія, по всей видимости, вполнѣ совпадаютъ. Наконецъ, нисколько не противорѣчитъ такому предположенію и объемъ нашей статьи (19 листовъ въ 4-ку убористой скорописи), соотвѣтствующій болѣе или менѣе 36 листамъ въ 4-ку же печатнаго изданія, особенно, если притомъ имѣть въ виду, что въ рукописи, по всей вѣроятности, произведены нѣкоторые пропуски, а именно, исключены посвященіе и предисловіе, которыя навѣрное, по общему обычаю того времени, имѣлись въ печатномъ изданіи, но оказались, конечно, совершенно лишними для его рукописной копіи.

Можетъ быть, наконецъ, что это даже и не прямая копія съ печатнаго изданія 1629 г., а только какой-нибудь промежуточный списокъ съ общаго имъ обоимъ, неизвѣстнаго нынѣ, рукописнаго же оригинала, что̀, однако, выдающагося значенія и интереса данной находки по существу нисколько не измѣняетъ.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, тождество нашей рукописной «Розмовы» съ печатнымъ чорненскимъ «Діалогомъ» 1629 г., на нашъ взглядъ, по крайней мѣрѣ, болѣе чѣмъ вѣроятно, а поэтому мы и рѣшаемся здѣсь, такъ сказать, возстановить вновь ея утраченную библіографическую метрику, а притомъ также извлечь полностью, въ такомъ

именно производномъ характерѣ, и ея замѣчательный текстъ изъ тьмы забвенія.

Оставалось-бы еще, въ заключеніе, остановиться нѣсколько на нелишенномъ интереса вопросѣ о самой этой статьѣ, какъ памятникѣ литературномъ, но въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, вслѣдствіе полнаго отсутствія какихъ бы то ни было данныхъ, можно замѣтить только очень немного.

Въ общемъ, какъ по своему схоластически-назидательному характеру, такъ и по своей внѣшней, діалогической формѣ, наша статья близко примыкаетъ къ столь излюбленному въ то время въ польской литературѣ типу морализующихъ діалоговъ или розмовъ, что̀, въ связи съ многочисленными и яркими полонизмами ея языка, могло-бы указывать именно на ея польское происхожденіе. Тѣмъ не менѣе, однако, усматривать въ ней на этомъ основаніи какой-нибудь переводъ или передѣлку съ польскаго невозможно уже хотя-бы потому, что, съ одной стороны, такой польскій оригиналъ или источникъ ея намъ совершенно не извѣстенъ, съ другой же, и вообще, не только языкъ и литературные пріемы, но также и самое направленіе и весь образъ мыслей западно-русскихъ писателей того времени, какъ извѣстно, вращались всецѣло, за очень незначительными исключеніями, въ замкнутомъ кругу сильнаго польскаго вліянія, въ которомъ, такимъ образомъ, на мѣстной же почвѣ, могъ быть составленнымъ и нашъ «Діалогъ». При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что упомянутые нами полонизмы встрѣчаются, главнымъ образомъ, только въ первой, касающейся преимущественно обыденныхъ, бытовыхъ явленій жизни, части «Діалога», во второй же, болѣе общей и отвлеченной его части они замѣчаются уже гораздо рѣже, смѣнясь, въ свою очередь, церковно-книжными славянизмами, что̀ тоже въ нѣкоторой степени свидѣтельствуетъ въ пользу оригинальнаго, западно-русскаго происхожденія статьи.

Что касается самаго содержанія и характера «Діалога», какъ литературнаго явленія вообще, то, несмотря на е́го драматическую внѣшнюю форму и нѣкоторыя частности изложенія, которыя какъ-будто навѣяны извѣстнымъ «Преніемъ живота со смертью» или же «Споромъ души съ тѣломъ», переходящими мѣстами также въ драматическое «дѣйство», его

все-же въ общемъ нисколько нельзя сближать и сопоставлять съ этими популярными памятниками, съ которыми онъ, въ сущности, какъ по своему общему характеру и духу, такъ и по содержанію и изложенію, ничего общаго не имѣетъ [1]). Точно также едва-ли умѣстно — какъ думаетъ В. Н. Перетцъ [2]) — привлекать нашъ «Діалогъ» къ разряду настоящихъ, нарочито драматическихъ явленій западно-русской письменности того времени, къ которымъ только механически и случайно приближаетъ его внѣшняя, да и то совсѣмъ неразвитая и невыдержанная, діалогическая форма, между тѣмъ, какъ по существу, по самому своему замыслу и изложенію, онъ является, безъ сомнѣнія, литературнымъ произведеніемъ совершенно иного характера и рода. Это — на нашъ взглядъ — просто духовно-назидательный трактатъ въ случайной діалогической формѣ — не болѣе!

Еще менѣе, чѣмъ о самой книгѣ, имѣется данныхъ по вопросу объ авторѣ «Діалога», а потому мы, не мудрствуя лукаво, и гадать о немъ много не станемъ. Одно только, кажется, можно предположить съ нѣкоторой вѣроятностью, а именно, что этимъ авторомъ было лицо духовное, можетъ быть, одинъ изъ чорненскихъ же иноковъ, но былъ-ли это самъ іеромонахъ Павелъ Лютковичъ, какъ легкомысленно подсказываетъ соблазнительная догадка, или же кто-нибудь другой изъ его окруженія, — неизвѣстно...

Ю. А. Яворскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

1) Ср. И. Н. Ждановъ: Сочиненія, 1904, т. I, стр. 485—743; Ѳ. Батюшковъ: Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средневѣковой литературы, 1891; A. C. Croiset van der Kop: Altrussische Übersetzungen aus dem Polnischen. I. De morte prologus, 1907; В. М. Гнатюкъ: Віршована легенда про рицаря і смерть — *«Записки* Т-ва им. Шевченка», 1908, т. 85, стр. 140—158; Н. К. Гудзій: «Преніе живота и смерти» и новый укр. его списокъ — *«Русскій Филол Вѣстникъ»*, 1910, № 3—4, стр. 317—336, и др.

2) *«Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія»*, 1911, январь, стр. 194.

О нѣкоторыхъ мѣстныхъ отголоскахъ въ былинахъ.

Въ современномъ періодѣ детальнаго изученія нашихъ былинъ давно сложилось убѣжденіе, что для уясненія ихъ прошлаго имѣютъ большое значеніе встрѣчающіяся въ нихъ собственныя имена какъ личныя, такъ и географическія. На длинномъ пути, пройденномъ той или другой былиной въ устахъ сказателей въ теченіе многихъ поколѣній, собственныя имена служатъ какъ бы вѣхами для изслѣдователей. Иногда личное имя отыскивается въ какомъ нибудь памятникѣ письменномъ опредѣленнаго времени и даетъ возможность указать точно или предположительно историческую основу или историческія наслоенія былины. Имена же географическія позволяютъ иногда изслѣдователю дѣлать заключенія о районѣ происхожденія былины или ея распространенія въ прошлыя времена. Отсюда понятно, что почти всѣ наши изслѣдователи останавливались со вниманіемъ на былинныхъ именахъ, и можно утверждать, что удѣляемое имъ вниманіе во многихъ случаяхъ не оставалось безплоднымъ. Въ дальнѣйшемъ я предлагаю спеціалистамъ нѣсколько наблюденій, сдѣланныхъ мною въ этомъ направленіи.

1. *Колыванъ-Святогоръ*. Въ одной изъ моихъ раннихъ статей[1]) (1876 года), имѣя въ виду указать на финскіе отголоски въ нашемъ эпосѣ, я, пользуясь трудами изслѣдователей финскаго фольклора Шифнера, Шотта, Кастрена, Крейцвальда, Нейса, Крузе, Видеманна и др., останавливался на сходствѣ имени былиннаго Колывана съ именемъ на-

1) «Отголоски финскаго эпоса въ русскомъ»—Жур. М. Н. Пр. 1876 г. XII.

ціональнаго финскаго и эстонскаго богатыря Калева. Сближеніе именъ обоихъ богатырей было ранѣе моей статьи сдѣлано уже акад. Шифнеромъ. Позволю себѣ напомнить нѣкоторыя данныя, приведенныя мною въ 1876 году. Имя Kaleva извѣстно всюду, гдѣ слышится финская или эстская рѣчь. Главные богатыри Калевалы носятъ эпитетъ Kalevan poiat — *сыны Калева,* и въ рунахъ упоминается Kalevan kansa или Kalevan väki — родъ или народъ Калева. Герой эстскихъ народныхъ преданій, вмѣсто собственнаго имени, просто называется Калевичемъ (Kalevi poeg). По всей странѣ эстовъ и ливовъ разсѣяны воспоминанія о геройскомъ сынѣ Калева. Такъ на скалистомъ берегу недалеко отъ Ревеля показываютъ мѣсто, гдѣ былъ погребенъ его отецъ Каллевъ, и это преданіе отразилось и на старомъ русскомъ имени Ревеля *Колывань.* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показываютъ на скалахъ слѣды ступней Калева; у Садегервскаго озера близъ Юрьева виденъ огромный камень, который, по преданію, былъ брошенъ имъ во время состязанія съ братьями; близъ г. Або изъ моря выступаетъ подобный же камень, будто бы брошенный финскимъ Kalevan poika въ первую строившуюся въ городѣ церковь, но угодившій въ море; близъ мыса Юммида рядъ камней носитъ названіе дѣвъ Калева; возвышенность близъ Чудскаго озера (Пейпуса) называется ложемъ сына Калева. Одно преданіе разсказываетъ, что когда враги угрожали странѣ, великанъ Kallevi poeg вознамѣрился построиться въ другой мѣстности и отправился въ Псковъ за досками. Нагруженный двѣнадцатью дюжинами громадныхъ досокъ, онъ пошелъ въ бродъ Чудскимъ озеромъ, и вода доходила ему только до чреслъ. Пройдя озеро, онъ обратилъ въ бѣгство колдуна, вздымавшаго волны своимъ дуновеніемъ, и прилегъ отдыхать на холмѣ[1]). Эти приведенныя мною указанія на широкое распространеніе имени Калева на территоріи финновъ и эстовъ могутъ быть пополнены нѣкоторыми другими, сдѣланными покойнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ въ одной

---

1) Къ изслѣдованію Blumberg'a—Quellen u. Realien des Kalevi poeg (Dorpat 1869) приложена карта съ показаніемъ всѣхъ мѣстъ Эстляндіи, въ которыхъ народъ отмѣчаетъ слѣды Калеви поэга. См. Comparetti—der Kalevala, стр. 190 примѣч.

изъ его «Мелкихъ замѣтокъ къ былинамъ» (1896 г. [1]). Такъ «въ сѣверной части Юрьевскаго уѣзда, недалеко отъ озера Пейпуса, указываютъ на рѣчку, гдѣ сынъ Калева палъ въ борьбѣ съ вѣроломными врагами; его громадный трупъ былъ разрубленъ на нѣсколько частей и похороненъ на близлежащей возвышенности; въ лѣсу указываютъ на могильные холмы, въ которыхъ зарыты части тѣла великана... Иначе указываютъ могилу Калева на Домбергѣ въ Ревелѣ». Въ моей статьѣ 1876 года я предположилъ, что появленіе конечнаго *н* въ заимствованномъ у финновъ, русскомъ имени Колыванъ объясняется тѣмъ, что русское населеніе, слыша постоянное повтореніе имени Kalevan poika, т. е. сынъ Калева, сдѣлано изъ родительнаго падежа Kalevan имя Колыванъ. Въ настоящее время считаю возможнымъ предположить, что и финское имя Калева въ нѣсколько измѣненномъ видѣ сохранилось въ извѣстномъ преданіи о трехъ братьяхъ великанахъ, записанномъ покойнымъ Максимовымъ въ Архангельской губерніи. Припомнимъ, что преданіе разсказываетъ о трехъ братьяхъ великанахъ — Колгѣ, Жожгѣ и Кончакѣ, — перебрасывавшихся другъ съ другомъ огромнымъ котломъ [2]). Мотивъ бросанія такихъ тяжестей неоднократно въ финскихъ сказаніяхъ прикрѣпленъ къ Калевипоэгу и къ сыновьямъ Калева. Такъ мы выше видѣли, что у Садегервскаго озера съ камнемъ связано преданіе о состязаніи Калева съ братьями, и это преданіе было внесено Крейцвальдомъ въ 8-ю пѣсню поэмы о Калевипоэгѣ, гдѣ сообщается, что Калевипоэгъ бросилъ свой кусокъ скалы всего дальше и былъ братьями признанъ властителемъ Эстландіи. Въ виду сходства въ мотивѣ я преполагаю, что въ имени одного изъ архангельскихъ братьевъ-великановъ Колга могло сохраниться въ легкой передѣлкѣ имя Калева вслѣдствіе близости звуковъ *г* (h) и *в* въ сѣверно-русскомъ произношеніи [3]), причемъ гласный *а*, какъ въ другихъ иноземныхъ словахъ, перешелъ въ русской передачѣ въ *о*, какъ, напр., въ названіи города Ревеля Колывань.

Въ нашемъ эпосѣ Колыванъ-богатырь съ его нерусскимъ именемъ

---

1) Жур. М. Нар. Пр. 1896 г. Августъ, стр. 268.
2) Максимовъ — Годъ на сѣверѣ 4-е изд., стр. 97.
3) Срвн. у Гильфердинга: Вольга и Вольва (указатель).

представляется фигурой эпизодической, мало развитой народнымъ воображеніемъ. Единственный признакъ его большая, но безплодная сила. Такъ въ одной былинѣ Гильфердинга Колыванъ вмѣстѣ съ Самсономъ и Ильей хвастаетъ силою непомѣрною и не можетъ поднять сумки съ земною тягою [1]). По содержанію былины видно, что Колыванъ сильнѣе Ильи и Самсона. Во Сибирской былинѣ Томской губерніи Колыванъ, получившій отчество Ивановича, упоминается въ числѣ другихъ богатырей на заставѣ богатырской [2]). Какъ нерѣдко бываетъ въ былинахъ, отъ имени Колывана сдѣлано отчество Колывановичъ, хотя нигдѣ не говорится, чтобы Колывановичи были сыновьями Колывана. Въ былинахъ упоминаются: Иванъ Колывановичъ, который въ числѣ другихъ стоитъ во время приступа Мамая къ Кіеву на полѣ Куликовѣ и пріѣзжаетъ по призыву Ильи Муромца [3]), но чаще Самсонъ Колывановичъ, стоящій во главѣ богатырской дружины [4]). Однако ни Колыванъ, ни Колывановичи не отмѣчены какими нибудь яркими подвигами и представляются какими то тусклыми, какъ будто полузабытыми фигурами. Сквозящее въ личности Колывана представленіе о силачѣ-великанѣ болѣе развито въ былинномъ Святогорѣ, съ которымъ Колывана сближаетъ только что упомянутый мотивъ безплоднаго подниманія сумки съ земною тягой. Если имя Колывана объясняется перенесеніемъ въ нашъ эпосъ имени финско-эстонскаго богатыря, то другія характерныя черты послѣдняго, а также прикрѣпившіеся къ нему мотивы находятъ себѣ параллели въ былинномъ изображеніи Святогора богатыря. Это сопоставленіе было развито, и, на мой взглядъ, убѣдительно въ статьѣ С. К. Шамбинаго — «Старины о Святогорѣ и поэма о Калеви-поэгѣ» (1902 г.) [5]). Разобравъ былинные варіанты о Святогорѣ-Самсонѣ, г. Шамбинаго приходитъ къ выводу, что собственно для Святогора въ старинахъ остается: 1) характеристика его, 2) эпизодъ съ отцомъ Святогора, 3) встрѣча съ гробницей, — однимъ

---

1) Онеж. былины II, 665—666.

2) Кирѣевскій I, стр. 7.

3) Кирѣевскій, I стр. 58, 60, 61.

4) См. указатель именъ въ сборникѣ Маркова—Бѣломор. былины; также мои «Очерки», т. II, стр. 33—40, 381.

5) Журн. Мин. Нар. Пр. Ч. CCCXXXIX, отд. 2, стр. 49—73.

словомъ та группа старинъ, гдѣ встрѣчается только имя «Святогоръ» (а не Самсона)[1]). На старины о Святогорѣ, по мнѣнію автора, повліяла пѣсенная обработка сказаній о Самсонѣ, но первоначально Святогоръ былъ независимымъ отъ послѣдняго былиннымъ персонажемъ. Въ основную характеристику его входятъ слѣдующія черты: онъ исполинъ («повыше лѣсу стоячаго, чуть по ниже облака ходячаго»), его «мать-земля сырая не носитъ», онъ ѣздить то можетъ только «по горамъ высокимъ, да по щелейкамъ толстымъ», потому и на Русь — на равнину ему выѣзжать «не придано». Онъ лежитъ на горѣ, которая одна его можетъ выдержать. Святогоръ — всегда на горахъ: Святыя горы — «Святогорово посельице». Исполинскому росту его соотвѣтствуетъ такая же сила: Святогорова меча никому не поднять, самъ онъ ударовъ не чувствуетъ, онъ «спущаетъ каменья огромныя». Въ нѣкоторыхъ пересказахъ онъ считается не русскимъ богатыремъ, а какимъ то чужеземцемъ. Объ отцѣ его встрѣчается глухое указаніе, что онъ «древній да темный» (т. е. слѣпой). Имя отца неизвѣстно, но изъ нерѣдкаго отчества Святогора «Колывановичъ» можно вывести, что отцомъ его считали нѣкогда Колывана[2]). Съ другой стороны, какъ мы уже упомянули, имя Колыванъ — заступаетъ иногда имя Святогора. Характерно для Святогора, что надъ нимъ тяготѣетъ какой то рокъ: ему уготована гробница, которая не приходится въ пору Ильѣ. Но за какую вину предстоитъ ему роковой исходъ — этого былины не объясняютъ. Знакомый съ этими чертами былиннаго Святогора изслѣдователь финскаго эпоса Доменико Компаретти въ своемъ извѣстномъ (переведенномъ и на нѣмецкій языкъ) трудѣ о Калевалѣ уже сопоставилъ Святогора съ героемъ эстскихъ сказаній Калеви-поэгомъ[3]). С. К. Шамбинаго остановился детальнѣе на этомъ сопоставленіи, изложилъ вкратцѣ содержаніе всѣхъ двадцати пѣсенъ поэмы о Колеви-поэгѣ и извлекъ изъ нея данныя, сближающія сравниваемыхъ богатырей. Изъ этихъ аналогій отмѣтимъ наиболѣе яркія: 1) Имя Калеви-поэга въ связи съ горами, онъ—Горыничъ: на такую же связь съ

1) Н. С. стр. 54.

2) Назв. соч. стр. 55 и 56.

3) Domenico Comparetti—Il Calevala o la poesia tradizionale dei Finni. Roma 1891, p. 34. Нѣмецк. переводъ, стр. 44.

горами указываетъ и имя Святогора; 2) Калеви-поэгъ, какъ и Святогоръ, непомѣрной силы исполинъ: онъ вбродъ переходитъ Пейпусъ; когда онъ идетъ — гнется земля, сглаживаются неровности почвы; онъ бросаетъ огромные камни, его богатырскій конь, какъ конь Святогора, оставляетъископыть великую; 3) Мечъ у Калеви-поэга особенный, выкованный съ особыми заклятіями. Только ему одному подъ силу управлять такимъ мечомъ. Мечъ Святогора иногда не подъ силу поднять Ильѣ Муромцу; 4) Калеви-поэгъ въ поэмѣ изображается почти постоянно отдыхающимъ и спящимъ; въ былинахъ Илья наѣзжаетъ на Святогора, когда онъ дремлетъ; Святогоръ засыпаетъ въ шатрѣ, когда жена его соблазняетъ Илью; 5) Калеви-поэгъ (въ 11-й пѣснѣ) встрѣтившагося ему человѣка кладетъ къ себѣ въ дорожную сумку и продолжаетъ путь; точно также Святогоръ засовываетъ въ свой карманъ Илью Муромца; 6) Надъ обоими богатырями тяготѣетъ рокъ: какъ удары по крышкѣ гроба мечомъ Святогора вызываютъ появленіе желѣзныхъ полосъ, которыя не даютъ уже Святогору возможности выйти изъ гроба, такъ и Калеви-поэгъ погибаетъ отъ своего собственнаго меча, отсѣкшаго ему ноги, когда онъ хотѣлъ достать его изъ рѣки (20-я пѣсня)[1]); наконецъ 7) Святогоръ носитъ отчество Колывановича; имя Калеви-поэгъ значитъ сынъ Калева. Перечисленныя аналогіи дѣлаютъ, на нашъ взглядъ, достаточно убѣдительнымъ предположеніе, что нашъ былинный Святогоръ является только въ незначительной степени обрусѣлымъ финскимъ, точнѣе эстонскимъ богатыремъ, сказанія о которомъ могли перейти къ русскому населенію сопредѣльному съ финскимъ, скорѣе всего отъ обрусѣлыхъ эстовъ. Что Святогоръ богатырь сѣвернаго происхожденія, можно было заключать уже изъ того, что былины о немъ были записаны только въ Олонецкой и Архангельской губерніи. Но, кажется, можно болѣе точно указать тотъ районъ Россіи, гдѣ этотъ типъ богатыря-великана, «неѣздившаго на

---

1) Отецъ Святогора живетъ на какой-то горѣ *Палавонской*. Не помню, были ли попытки объяснить это странное не русское названіе. Если предположить перестановку слоговъ, т. е. исходить изъ формы *Павалонской*, то можно бы видѣть здѣсь русскую передачу финскаго Päivölän. Въ Калевалѣ упоминается миѳическая солнечная страна Päivola — родина богатырей и ея хозяинъ Päivölän isäntä. (См. Comparetti—p. 187 и 189 (нѣм. пер.).

Русь», могъ возникнуть и войти въ былинный эпосъ. Близъ Чудскаго озера (или Пейпуса), южная часть котораго у насъ зовется Псковскимъ, эстское преданіе указываетъ возвышенность, на которой лежалъ сынъ Калева; по Чудскому озеру вбродъ ходилъ Калеви-поэгъ, нагруженный двѣнадцатью дюжинами громадныхъ досокъ. Это, повидимому, ближайшія къ русскому населенію мѣста, связанныя съ преданіями объ исполинскомъ сынѣ Калева. Нашъ Святогоръ, сохраняющій въ своемъ отчествѣ «Колывановича» связь съ Калевомъ, такъ-же лежитъ на горѣ или ѣздитъ на конѣ по Святымъ горамъ. Недалеко отъ Чудскаго озера эстское преданіе указываетъ рѣчку, гдѣ палъ сынъ Калева въ борьбѣ съ врагами и гдѣ на близлежащей возвышености онъ былъ погребенъ (хотя другія преданія указываютъ его могилу и близъ Ревеля, — Колывани). Какъ эстскія преданія останавливаются на смерти и могилѣ своего богатыря-исполина, такъ и наши былины говорятъ о кончинѣ и могилѣ Святогора, причемъ къ смерти богатыря прикрѣпился старинный мотивъ о предопредѣленномъ гробѣ, извѣстный еще изъ легендъ о Тифонѣ и Озирисѣ, о Моисеѣ и Ааронѣ[1]). Заимствовавъ изъ инородческихъ преданій обликъ Святогора, русское сказанье не пріурочило, какъ эстское, могилу богатыря къ опредѣленному мѣсту, быть можетъ, именно потому, что прикрѣпило къ нему мотивъ о гробѣ. Былина лишь глухо указываетъ, что гробъ попался на встрѣчу Святогору и Ильѣ, когда они ѣздили по Святымъ горамъ, обычному району Святогоровыхъ поѣздокъ. Можно отмѣтить, что во всѣхъ былинахъ, описывающихъ встрѣчу Святогора и Ильи съ предопредѣленнымъ первому гробомъ, упоминаются *Святыя* горы[2]). Только въ одномъ варіантѣ[3]) горы по ошибкѣ названы не Святыми, а *Сиверными*. Такое прочное прикрѣпленіе Святогора къ какимъ то *Святымъ* горамъ, по которымъ онъ ѣздилъ и гдѣ нашелъ себѣ смерть, невольно вызываетъ вопросъ, откуда попали эти Святыя горы въ былину и въ какомъ отношеніи находится имя Святогоръ къ его

---

1) См. Жданова къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. Сочиненія т. I, стр. 653—658.

2) См. Гильфердингъ №№ 1, 265, 260, 273; Рыбниковъ III, № 2, Ончуковъ № 61.

3) Рыбниковъ I, № 8 (Побывальщина).

мѣстопребыванію. На этотъ вопросъ пытался дать отвѣтъ покойный академикъ И. Н. Ждановъ въ своей магистерской диссертаціи—«Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи» (1881 г.). Онъ видѣлъ основу былинъ о Святогорѣ въ библейско-апокрифной легендѣ о Самсонѣ, осложнившейся вліяніемъ сказокъ. По вступленіи Самсона въ ряды русскихъ богатырей у него «отыскался какой-то странный двойникъ, который то сливается съ нимъ въ одинъ поэтическій образъ (Самсонъ-Святогоръ), то отдѣляется отъ него, какъ особое эпическое лицо»[1]). Для объясненія имени этого двойника — Святогора — Ждановъ воспользовался тѣмъ, что въ одной былинѣ Гильфердинга, вмѣсто богатыря Святогора, упоминается «богатырь Святогорскій». «Эта форма», продолжаетъ Ждановъ, «Святогорскій» не оставляетъ, кажется, никакого сомнѣнія, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ прозваніемъ, съ эпитетомъ, который предполагаетъ какое то другое имя, опредѣляемое этимъ эпитетомъ. Сочетаніе именъ Самсонъ — Святогоръ (въ связи съ тожествомъ былинъ о Самсонѣ и Святогорѣ) открываетъ намъ это искомое, предполагаемое имя. Правда, въ былинныхъ пересказахъ «Самсонъ» и «Святогоръ» употребляются иногда какъ самостоятельныя личныя имена, но это только позднѣйшее измѣненіе, позднѣйшее раздвоеніе одного эпическаго образа, давшее намъ богатырей двойниковъ»[2]). Что касается имени Святогоръ, то, по мнѣнію Жданова, это имя—выраженіе смутнаго воспоминанія о библейско-апокрифномъ происхожденіи богатыря. Названія «Святая гора», «Святыя горы» примѣнялись къ мѣстностямъ, съ которыми связывались воспоминанія, имѣвшія отношеніе къ общимъ вѣрованіямъ. Святыя горы извѣстны были на Руси и по туземнымъ преданіямъ, и сказаніямъ иноземнымъ, заноснымъ. Съ именемъ Святой горы соединялись воспоминанія о библейскомъ Сіонѣ, о чудномъ Аөонѣ, извѣстномъ по разсказамъ путешественниковъ и т. п.»[3]).

Со взглядомъ Жданова, предполагавшаго въ Самсонѣ-Святогорѣ позднѣйшее раздвоеніе одного эпическаго образа, въ основѣ котораго лежитъ библейскій Самсонъ, не согласился акад. А. Н. Веселовскій, ко-

---

1) Сочиненія, т. I, стр. 659.
2) Назв. соч., стр. 660.
3) Тамъ же, стр. 661.

торый скорѣе допускалъ, что на былиннаго Самсона могли перейти отдѣльныя черты Святогора[1]). Не соглашается съ Ждановымъ и С. К. Шамбинаго, предполагая отдѣльное отъ Самсона происхожденіе Святогора, но допуская вліяніе на послѣдняго пѣсенной обработки сказаній о Самсонѣ[2]). Этотъ взглядъ котораго я придерживался и раньше, представляется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ, и я убѣжденъ, что для сопоставленія какихъ бы то ни было параллелей для освѣщенія личности и происхожденія Святогора слѣдуетъ исходить изъ тѣхъ былинныхъ данныхъ, которыя прикрѣплены къ опредѣленному лицу, носящему имя Святогора (а не Самсона). Въ указаніи такихъ параллелей нашими изслѣдователями эпоса не было недостатка: сложилось убѣжденіе, что къ этому имени прикрѣплено не мало сказочныхъ и легендарныхъ бродячихъ сюжетовъ. Въ моемъ изслѣдованіи (1891 года) «Кавказско-русскія параллели»[3]) я, между прочимъ, привелъ кавказскія параллели почти ко всѣмъ мотивамъ, прикрѣпленнымъ къ былинному Святогору, и если считалъ ихъ еще недостаточными для утвержденія, что кавказскія сказанія о великанахъ, составляющія весьма обильный отдѣлъ народныхъ кавказскихъ сказаній вообще, непосредственно повліяли на нашихъ былинныхъ великановъ и великанишъ, то считалъ все же возможнымъ тотъ выводъ, что между кавказскими и русскими сказаніями можетъ быть намѣчено спеціальное родство, какъ бы оно ни объяснялось, и что послѣднее отчасти намѣчаетъ путь распространенія на Руси нѣкоторыхъ сказочныхъ сюжетовъ»[4]). Хотя это предположеніе было одобрено (въ 1894 г.) чешскимъ ученымъ Махалемъ[5]) и вслѣдъ за нимъ проф. В. Н. Перетцомъ[6]), однако въ настоящее время я не считаю его пріемлемымъ

1) М. Н. Пр. Ч. CCXXXI, стр. 371.

2) Н. соч. стр. 54.

3) Напечатано въ Этногр. Обозрѣніи X, 166 и слѣд. XI 1—20 и перепечатанно въ приложеніи къ «Экскурсамъ» стр. 1—36.

4) Экскурсы. Приложенія, стр. 15.

5) «Mnohem určitěji dokazuje Vs. Miller vliv kavkazských skazek na složení ruských bylin o Svjatogorovi; mínění jeho zasluhuje proto zvlaštního povšimnutí, že dokazuje souvislost bylin se skazkami kavkazskými celou řadou shod». O Bohatýrském epose Slovanském, 196.

6) В. Миллеръ болѣе доказательно обставилъ вопросъ о вліяніи кавказскихъ сказокъ на русскія и на связь ихъ между собой. См. Энцикл. Слов. Брокгаузъ-Ефронъ, т. XXIX (1900 г.), стр. 268 (подъ словомъ *Святогоръ*).

по крайней мѣрѣ въ его второй части. Можно допустить, на основаніи сопоставленія мотивовъ, что между кавказскими сказаніями о великанахъ и нашими о Святогорѣ замѣчается бóльшее совпаденіе, чѣмъ между русскими и приводимыми къ нимъ параллелями изъ другихъ источниковъ, но это, на мой взглядъ, еще не намѣчаетъ пути, по которому эти бродячіе мотивы проникли въ область, гдѣ сложились былины о Святогорѣ. Въ сущности преданія о великанахъ слагаются обыкновенно подъ впечатлѣніями природы и бываютъ особенно обильны въ мѣстностяхъ горныхъ, скалистыхъ. Какія нибудь причудливыя очертанія горныхъ вершинъ или скалъ вызываютъ представленіе объ окаменѣлыхъ людяхъ, животныхъ, и иногда о цѣлыхъ группахъ людей или стадахъ животныхъ и порождаютъ соотвѣтствующія легенды; отдѣльно лежащіе громадные камни, отторгнутые отъ скалъ, представляются набросанными какими то великанами по какому то поводу. Созданный воображеніемъ образъ великана долженъ столкнуться съ людьми, потому что въ этомъ главный интересъ для народной психики. При громадности роста великана сравнительно съ пигмеемъ-человѣкомъ послѣдній производитъ на него впечатлѣніе букашки, можетъ быть посаженъ въ карманъ. Человѣкъ, даже богатырь или нартъ, не можетъ поднять меча великана, не можетъ нанести ему чувствительный ударъ. Однако великановъ уже нѣтъ на землѣ, это древніе люди, предшествовавшіе современному мелкому человѣчеству: они слѣдовательно вымерли и вотъ являются обычно разсказы о ихъ смерти, предопредѣленной имъ судьбою. Въ сущности на интересную тему о вымершихъ великанахъ работаетъ воображеніе разныхъ народовъ въ разныхъ мѣстностяхъ по одному направленію и, при всей многочисленности, разсказы о нихъ довольно однообразны. Поэтому большее или меньшее сходство этихъ сказаній у разныхъ народовъ само по себѣ еще не можетъ намѣчать путей ихъ распространенія или подтверждать заимствованіе ихъ однимъ народомъ отъ другого безъ наличности какихъ-либо другихъ болѣе опредѣленныхъ указаній. Такъ и совпаденіе финскихъ и и эстскихъ мотивовъ, прикрѣпленныхъ къ именамъ Калеванъ-пойка и Калеви-поэга, съ мотивами, прикрѣпленными у насъ къ имени Святогора, само по себѣ, еще не даетъ намъ права предполагать заимствованіе этихъ мотивовъ русскими отъ инородцевъ. Но вѣроятнымъ дѣлаютъ

это предположеніе нѣкоторыя другія указанія (имя Колывана, отчество Святогора Колывановичъ и др.), отмѣченныя мною выше. Если Святогоръ представляется въ былинахъ иногда не русскимъ богатыремъ, стоящимъ особнякомъ отъ кіевскихъ и даже не ѣздящимъ на Русь, если онъ постоянно пребываетъ на Святыхъ горахъ, куда пріѣзжаетъ къ нему Илья Муромецъ, если, далѣе, сказанія о родственномъ ему Калевичѣ (Калевипоэгѣ) прикрѣплены къ Псковской области, гдѣ русское населеніе сталкивалось съ эстскимъ, то и Святыя горы, давшія ему прозвище Святогора, естественно прежде всего искать въ той же области, а не на Аѳонѣ и не на библейскомъ Сіонѣ. Исходя изъ этого предположенія, я припоминаю, что и въ этой области извѣстны *Святыя* горы. На Святыхъ горахъ расположенъ знаменитый псково-печерскій-успенскій монастырь, Псков. уѣзда въ г. Печорахъ, основанный въ XV вѣкѣ. Здѣсь въ горѣ, называемой Святой, издавна были извѣстны древнія пещеры. Услыхавъ о нихъ, нѣкій священникъ Іоаннъ изъ Пскова (или изъ Юрьева) построилъ первую церковь въ горѣ (въ 1473 г.) и, постригшись, принялъ имя Іоанна. Впослѣдствіи, когда монастырь расширился, игуменъ Корнилій соорудилъ здѣсь каменный храмъ Благовѣщенія и окружилъ монастырь стѣнами (въ 1558—1565 г.). Какъ извѣстно, печерскій монастырь особенно прославился неудачной осадой его Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 г. и нападеніями Лисовскаго и Густава Адольфа (въ 1611—1613 годахъ). Къ сооруженію стѣнъ Корниліемъ при Иванѣ Грозномъ прикрѣпилась въ народѣ широко-распространенная сказка о коровьей кожѣ [1]), а къ смерти Корнилія легенда, сходная съ легендой о смерти Меркурія Смоленскаго. Въ легендѣ о Св. Корниліи сохранилась память о Ливонской войнѣ и о Грозномъ царѣ Иванѣ, а имя Баторія въ формѣ Батура попало и въ былины. Словомъ, Печерскій монастырь съ его Святыми горами, пещерами, чудотворными иконами, мощами препод. Марка, Іоны, Вассы и Корнилія, его монументальными стѣнами, выдержавшими не мало нападеній, такъ какъ монастырь стоялъ на границѣ Литвы и Лифляндіи, пользовался всегда широкой славою въ русскомъ

---

1) См. мою статью «Всемірная сказка въ культурно-историческомъ освѣщеніи» въ Русск. Мысли 1893 г. Ноябрь.

населенія. На Святой горѣ, поросшей древними дубами, разсѣяны огромные камни, которые также могли возбуждать воображеніе народа. Можно поэтому предположить, что по этимъ Святымъ горамъ, лежащимъ сравнительно недалеко отъ береговъ Псковскаго озера, связанныхъ съ эстскими преданіями о Калеви-поэгѣ, ѣздилъ былинный Святогоръ, богатырь, получившій отъ Святыхъ горъ свое прозвище[1]). — На другихъ Святыхъ горахъ Псковской губерніи въ Опочецкомъ уѣздѣ расположенъ Святогорскій успенскій монастырь, основанный около 1580 года (могила Пушкина). Высокій хребетъ горъ издревле назывался Синичьими горами о послѣ явленія чудотворныхъ иконъ горы стали называться *Святыми*[2]). Память объ этомъ Святогорскомъ монастырѣ съ конца XVI в. ежегодно возобновляется крестнымъ ходомъ во Псковъ въ Петровскій постъ[3]); такимъ образомъ названіе и этихъ Святыхъ горъ, расположенныхъ верстахъ въ 100 отъ Пскова, широко извѣстно въ населеніи этой области[4]). Не беру на себя рѣшить вопросъ, которыя изъ указанныхъ Святыхъ горъ Псковской губерніи дали прозвище былинному Святогору, но думаю, что во всякомъ случаѣ былинныя Святыя горы, куда къ Святогору

1) О Псково-печерскомъ монастырѣ см. гр. М. Толстой—Святыни и древности Пскова, стр. 99 и слѣд.; гр. С. Шереметевъ—Псково-печерскій монастырь. Спб. 1895. Память о Грозномъ поддерживается въ монастырѣ нѣкоторыми принадлежавшими ему вещами. Здѣсь въ Благовѣщенской церкви хранятся: кошелекъ бархатный, сѣдло съ чепракомъ и потникомъ, жестяная охотничья труба, пороховница, ножъ, вилка и ложка костяныя (Толстой, стр. 122).

2) См. М. Толстой. Святыни и древности Пскова. Приложеніе, стр. 41.

3) Иконы Святогорскаго монастыря приносятся на рукахъ богомольцевъ до с. Тригорска, а оттуда сопровождаются на лодкѣ сначала по р. Сороти, а потомъ по Великой до с. Выбутъ. Здѣсь у такъ наз. Ольгиныхъ слудъ (подводныхъ камней) и Ольгиныхъ воротъ прекращается крестное плаваніе и иконы сухимъ путемъ приносятся во Псковъ, что бываетъ всегда въ четвергъ вечеромъ на 2-ой недѣлѣ Петрова поста; встрѣчаютъ ихъ у загородной Никитской церкви. Въ слѣдующее воскресенье (3-е Петрова поста) совершается крестный ходъ, но не вокругъ всего города, а только вокругъ средней стѣны его. Въ среду 3-й недѣли поста иконы относятся обратно въ свою обитель. См. гр. Толстой — Святыни и древности Пскова. Приложеніе стр. 21.

4) Не знаю, какія горы имѣетъ въ виду М. Евгеній на стр. 5 т. I. Исторіи княжества Псковскаго: «Новоржевскій уѣздъ (Псков. губ.) почти до самыхъ *Святыхъ горъ* долго принадлежалъ къ городу».

пріѣзжалъ Илья Муромецъ, слѣдуетъ искать на Руси, а не на Аѳонѣ и не въ Библіи. Соотвѣтственно съ тѣмъ, что народное преданіе похоронило Илью Муромца въ Кіевскихъ пещерахъ, такъ оно же могло представлять себѣ гробъ Святогора въ пещерахъ Святыхъ горъ (можетъ быть именно другого Печерскаго монастыря не менѣе славнаго чѣмъ кіевскій). Въ одной былинѣ о смерти Святогора даже говорится, что на Святыхъ горахъ:

«Святогорово было представленіе,
Ильи Муромца было погребеніе,
Надъ верхомъ воздвигъ-то онъ чуденъ крестъ»[1]).

Во всякомъ случаѣ слагатель-сказатель этой былины представлялъ себѣ могилу Святогора, снабженную крестомъ, гдѣ то на русскихъ Святыхъ горахъ. Но въ данномъ случаѣ народное воображеніе, насколько мнѣ извѣстно, не дошло до точнаго указанія этой могилы, какъ оно указываетъ, напримѣръ, въ опредѣленномъ мѣстѣ могилу близкаго къ Святогору Самсона-богатыря и Аники-воина[2]), личностей столь же эпическихъ, какъ Святогоръ.

2. *Суханъ Домантьевичъ.* Послѣдняя по времени статья, посвященная изслѣдованію былинъ о Суханѣ Домантьевичѣ, принадлежитъ С. К. Шамбинаго[3]). Авторъ различаетъ въ ея варіантахъ двѣ редакціи и въ обѣихъ слѣды московскаго царскаго періода, точнѣе царствованія Ивана Грознаго. Черты этого періода находилъ въ былинѣ уже О. Миллеръ. Онъ видѣлъ ихъ въ полномъ, безпрекословномъ подчиненіи, «вѣрныхъ слугъ» князю Владиміру, исполняющихъ его прихоти о заключеніи въ тюрьму и объ освобожденіи, холопство и отраженіе исторической

1) Гильфердингъ № 265.

2) Первая указывается въ рукописномъ дневникѣ (1848—1858) странника бывшаго іеромонаха Корсунскаго единовѣрческаго монастыря, Герасима, а по лишенію сана—Григорія Панкѣева. Авторъ (на стр. 56) говоритъ, что онъ служилъ молебенъ въ мужскомъ монастырѣ Петрозаводскомъ «близко гдѣ Самсонъ богатырь». (См. Очерки II, стр. 205—внизу). О могилѣ Аники см. Жданова — Сочиненія т. I, стр. 566 и слѣд.

3) См. Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. М. 1909. Историческія переживанія въ старинахъ о Суханѣ стр. 503—515.

опричнины. Въ способѣ жалованія городами съ пригородками — начало помѣстной раздачи. Былинный Владиміръ похожъ на Грознаго и своей подозрительностью: молчаливость Сухана на пиру для него не безразлична. Недовѣріе Владиміра къ разсказу Сухана о его подвигѣ—истребленіи огромной, угрожавшей Кіеву, татарской рати — и неблагодарность напомнили О. Миллеру ту пору, когда спаситель Руси отъ крымскихъ татаръ — князь Воротынскій — былъ изжаренъ на угляхъ Иваномъ IV [1]). Съ своей стороны С. К. Шамбинаго, видя основной мотивъ былины въ опалѣ князя на побѣдителя и смерти послѣдняго, спрашиваетъ, чему же поэтической иллюстраціей можетъ служить это сказанье, и ищетъ отвѣтъ въ воспоминаніи о любомъ изъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ эпохи Ивана Грознаго, которымъ даетъ общую оцѣнку князь Андрей Курбскій, перечисляющій цѣлый списокъ доблестныхъ стратилатовъ, украшенныхъ славными военными заслугами, храбрыхъ «пагубниковъ басурманскихъ и оборонителей крайнъ христіанскихъ», которыхъ Иванъ Грозный «всенароднѣ погубилъ». Особенно близокъ къ 1-й редакціи былины передаваемый Курбскимъ эпизодъ съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ (въ чемъ г. Шамбинаго согласенъ съ О. Миллеромъ). «Перекопскій царь со всей силой басурманской пошелъ на Русь... Грозный бѣжалъ въ Новгородъ... а землю боронить повелѣлъ Воротынскому. Крѣпкій и мужественный воевода началъ великую битву «съ тѣмъ такъ сильнымъ звѣремъ бусурманскимъ». Нѣсколько дней длился бой, кончившійся полнѣйшимъ разгромомъ татаръ и плѣненіемъ знатныхъ вельможъ...». Что же воздалъ (Иванъ) за сіе ему службу?» — спрашиваетъ Курбскій. Подыскавъ лжесвидѣтеля, Иванъ по навѣту его предалъ героя лютому мученію, а потомъ повелѣлъ отвезти его въ темницу на Бѣлое озеро, но князь умеръ». Не являясь отраженіемъ именно этого факта, говоритъ г. Шамбинаго, сказанье о Суханѣ все же является болѣе близкимъ отголоскомъ подобнаго рода поступковъ Ивана Грознаго, чѣмъ того лѣтописнаго извѣстія о Демьянѣ Куденевичѣ, съ которымъ сближали Сухана сначала проф. Халанскій, потомъ г-жа А. С. Якубъ [2]).

1) Назв. соч., стр. 507.
2) Назв. соч. стр. 507.

Не имѣя въ виду, послѣ статей г-жи Якубъ и С. К. Шамбинаго, въ этой замѣткѣ, пересматривать былину о Суханѣ, ограничусь заявленіемъ, что отголоски XVI вѣка, усмотрѣнные въ ней О. Миллеромъ и С. К. Шамбинаго, и мнѣ представляются достаточно обоснованными. Скажу больше: у меня сложилось убѣжденіе, проводимое мною уже нѣсколько лѣтъ въ моихъ лекціяхъ, что XVI вѣкъ, особенно его вторая половина, былъ періодомъ «реставраціи» старыхъ былинныхъ сюжетовъ соотвѣтственно съ современными историческими условіями и общественными понятіями. Предоставляя себѣ развить этотъ взглядъ въ другомъ изслѣдованіи, я остановлюсь въ былинѣ о Суханѣ только на одномъ имени, точнѣе на отчествѣ «Домантьевичъ». Думаю, что мы значительно подвинулись бы впередъ въ вопросѣ о происхожденіи былины, о времени сложенія ея прототипа, если бы нашли въ письменныхъ памятникахъ какого-нибудь историческаго Сухана, который могъ бы объяснить внесеніе этого имени въ былину. Къ сожалѣнію такого лица до сихъ поръ никто не указалъ, а нерѣдкое употребленіе этого личнаго имени въ XVI и XVII столѣтіяхъ вообще не объясняетъ намъ, почему именно оно было придано богатырю, совершившему большой подвигъ — избіеніе враговъ — и погибшему отъ полученныхъ ранъ. Не имѣя никакихъ новыхъ данныхъ для объясненія имени Сухана, обратимся къ его отчеству, но прежде позволю себѣ сдѣлать нѣкоторыя наблюденія надъ былинными отчествами.

Былинныя отчества иногда могутъ имѣть не меньшее значеніе для изслѣдованія, чѣмъ имена. Конечно дѣло идетъ не о шаблонномъ отчествѣ вродѣ «Ивановича», которое въ разныхъ былинахъ прилагаются, за отсутствіемъ другихъ, къ цѣлому ряду эпическихъ лицъ, напримѣръ, Ильѣ Муромцу, Дунаю, Дону, Василію, Касьяну, Михаилу Потыку, Роману, Екиму и другимъ, и не объ отечествахъ, повторяющихъ личное имя, вродѣ: Калинъ Калиновичъ, Константинъ Константиновичъ, Батыга Батыговичъ и др. Я имѣю въ виду отчества мало употребительныя такъ какъ ихъ иногда можно объяснить, какъ память, точнѣе отголосокъ памяти о какомъ-нибудь историческомъ лицѣ, которое надолго запечатлѣлось въ народѣ и о которомъ въ былыя времена ходили преданія. Такъ прикрѣпленіе къ Святогору отчества «Колывановичъ» указываетъ

на какую то связь Святогора съ этимъ богатыремъ, также извѣстномъ, какъ мы видѣли, въ былинахъ. Такъ отчество Добрыни «Никитичъ» свидѣтельствуетъ, о популярности въ народѣ историческаго лица, носившаго это имя. Такимъ лицомъ былъ Никита Романовичъ, братъ Анастасіи Романовны, первой, любимой царемъ и народомъ, жены Грознаго. Дѣйствительно, нѣкоторыя былины, какъ извѣстно, называютъ Никиту Романовича отцомъ Добрыни [1]). Можно думать, что наслѣдованный преданіемъ древній Добрыня ранѣе не носилъ отчества и получилъ его только въ царствованіе Грознаго. Быть можетъ и имя Настасьи стало популярнымъ эпическимъ именемъ преимущественно добродѣтельныхъ женъ (Добрыни, Дуная) съ этого же періода.

Отчество Романовичъ, отдѣлившись отъ Никиты, историческаго и эпическаго, прикрѣпляется иногда къ молодому атаману каликъ Михаилу [2]) и даже къ князю Пожарскому Семену [3]). О народной симпатіи къ Микулѣ Селяниновичу свидѣтельствуетъ выборъ отчества «Микуличны» для мужественной жены Ставра Василисы и преданной жены Добрыни Настасьи (или Натальи). Въ отчествѣ Запавы Путятичны, или Анны [4]), можно усматривать былую популярность имени Путяты, о которомъ уже ничего не извѣстно современнымъ былинамъ. Если татарскій царь Азвакъ (т. е. Узбекъ) носитъ отчество Таврульевича, то оно можетъ свидѣтельствовать о томъ, что въ то время, когда оно къ нему прикрѣпилось, въ народѣ еще было извѣстно имя Товрула (Холстоврула), шурина Батыева, упоминаемаго въ сказаніи о батыевомъ приводѣ на Русь. Отъ извѣстнаго въ тверскомъ преданіи Щелкана Дудентьевича его отчество перешло въ одной былинѣ [5]) къ женѣ Соловья Разбойника Акулинѣ Дудентьевнѣ, соотвѣтственно съ тѣмъ, что и самъ Соловей получилъ въ другой былинѣ отчество Ахматовича, произведенное отъ имени хана Ахмата, покушавшагося разорить Русь, но неудачно (1480 г.). Отчество Сеславичъ (Всеславичъ) князя Владимира и Волха и Всеславьевны —

1) Напр. Ончуковъ. Печорскія былины, 97, 247, 258—259. Тихонр. Миллеръ II № 15, Марковъ, Бѣломорск. былины №№ 46, 71, 108 и друг.

2) Гильфердингъ, II, 624.

3) См. Киршу Данилова, изд. Шеффера, стр. 121—123.

4) Ончуковъ. Печорскія былины, стр. 46—47.

5) Рыбниковъ, II, 296.

Марфиды, похищенной змѣемъ и освобожденной Добрыней, повидимому, свидѣтельствуетъ о томъ, что когда то жили въ народѣ какія то преданія о Всеславѣ (можетъ быть Полоцкомъ?). Печальной памяти Малюта Скуратовъ отдалъ свое отчество въ одной былинѣ [1]) злокозненному Таракашкѣ Скурлатьевичу, а свое имя своей, отравившей Скопина, сестрѣ, названной въ одной былинѣ Малютой Скуратьевной [2]). Впрочемъ, иногда эта коварная женщина называется и наоборотъ: Скурлята Малютична [3]).

Изъ приведенныхъ наблюденій позволю себѣ сдѣлать тотъ выводъ, что не только историческія имена остаются въ народной памяти гораздо долѣе, чѣмъ связанныя съ ними преданія, но что такія имена иногда могутъ продолжать свою жизнь въ народныхъ устахъ, прикрѣпляясь въ видѣ отчества къ другимъ историческимъ или эпическимъ именамъ. Съ этой точки зрѣнія мы обратимъ теперь вниманіе на отчество Сухана Домантьевича. Исходимъ изъ этой формы потому, что она засвидѣтельствована старѣйшими по времени записями: Суханъ Домантьевичъ (въ Сказаніи о Кіевскихъ богатыряхъ по рукописи XVII вѣка Буслаева) [4]) и у Кирши Данилова [5]). Та же форма отчества сохранилась въ былинѣ, давно занесенной на р. Колыму, во всякомъ случаѣ ранѣе 19-го столѣтія [6]). Позднѣйшія искаженія имени и отчества богатыря: Сухманъ, Сухмантій, Сухматій—Долмантьевичъ, Одихмантьевичъ, Замантьевичъ могутъ быть оставлены безъ вниманія. Итакъ отчество Домантьевичъ можетъ восходить къ имени знаменитаго Псковскаго князя, литвина Доманта (или Довмонта) конца 13-го столѣтія, принявшаго въ крещеніи имя Тимоѳея и причисленнаго къ лику святыхъ.

---

1) Рыбниковъ, III, 242.

2) Ончуковъ — Печор. былины. № 5.

3) Тамъ же, стр. 324—325. Можетъ быть и необычное отчество Марина Кайдаловна находится въ связи съ именемъ одного изъ воеводъ Батыя *Кайдара*. Въ Никон. лѣт. изд. 1786 г. Ч. III, стр. 7. Подъ 1240 г., въ описаніи нашествія Батыя читается: «Яша же тогда Кияне татарина именемъ Таврула, и той сказа и всѣхъ князей сущихъ с нимъ великихъ и силу безчисленну; а сиі бяху его братия велицыі и сильни воеводи его: Урдюй, Байдаръ, Бирюй, *Каидаръ*, Бечаръ, Менгай, Куюксъ. Сей же и возвратися вспять увидевъ смерть Канову».

4) Былины старой и новой записи, I, стр. 47.

5) Изд. Шеффера, стр. 158.

6) Былины новой и недавней записи, стр. 205—218.

Въ исторіи Пскова Домантъ самая крупная фигура, всего болѣе близкая къ типу эпическаго героя. Псковскіе лѣтописцы съ увлеченіемъ останавливаются на его подвигахъ, какъ на славномъ періодѣ исторіи родного города, прославляя и, вѣроятно, преувеличивая ихъ. Его героическая карьера начинается съ перваго года его прибытія въ Псковъ, крещенія и избранія княземъ. Въ отмщеніе за набѣги своихъ соотечественниковъ на псковскія области, Домантъ, по свидѣтельству лѣтописца, съ незначительной дружиной, числившей лишь три девяноста псковичей, вторгнулся въ литовскіе предѣлы, опустошая ихъ, взялъ въ плѣнъ жену князя Герденя и въ полономъ возвращался въ городъ; перебродившись чрезъ Двину, онъ поставилъ шатры свои за пять верстъ отъ рѣки, оставивъ на ней стражу. Затѣмъ онъ отпустилъ двѣ трети своего ничтожнаго войска въ Псковъ, а самъ остался на мѣстѣ, выжидая погони. Литовскіе князья Гердень и другіе съ 700 человѣкъ дѣйствительно погнались за Домантомъ и перебродились чрезъ Двину. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Домантъ бросился на литовцевъ и съ своей дружиной въ 90 воиновъ разбилъ и прогналъ гораздо болѣе многочисленныхъ враговъ; при этомъ убитъ былъ литовскій князь Готорть и нѣсколько другихъ князей. Изъ преслѣдуемыхъ литовцевъ многіе утонули въ Двинѣ, другіе выброшены были на острова. Одержа эту блестящую побѣду, Домантъ съ ликованіемъ былъ встрѣченъ въ Псковѣ[1]). Такъ же удаченъ былъ походъ Доманта вмѣстѣ съ новгородцами, съ княземъ Димитріемъ Александровичемъ и съ дружинами великаго князя Ярослава въ 1268 году противъ ливонскихъ рыцарей (или божьихъ дворянъ, какъ ихъ называютъ лѣтописи). Союзныя русскія дружины пошли къ г. Раковору (Везенбергу) и опустошили по пути всю страну. На рѣкѣ Киголѣ (18 февраля) произошло великое побоище, въ которомъ пало много русскихъ, но еще болѣе нѣмцевъ. Нѣмецкое ополченіе было разбито на голову; русскіе преслѣдовали его на протяженіи 7 верстъ[2]). Затѣмъ князь Димитрій,

---

1) См. Полн. Собр. лѣтоп. IV, стр. 180 и слѣд., Софійскій Временникъ I, стр. 215.

2) См. описаніе Раковорской битвы въ лѣтописи Абрамки (П. С. Р. Л. XVI, стобл. 53 и 54).

простоявъ 3 дня на костяхъ, вернулся въ Новгородъ, а князь Довмантъ пошелъ дальше по нѣмецкой землѣ на Вируянты, опустошилъ всѣ области до моря и съ огромнымъ полономъ вернулся въ Псковъ. Слава объ этомъ, по словамъ лѣтописцевъ, разнеслась по всѣмъ странамъ [1]).

Лѣтописи упоминаютъ далѣе о пораженіи Довмантомъ нѣмцевъ (поганой латыни) въ 1271 году. Въ отмщеніе за ихъ набѣгъ на нѣкоторыя псковскія села, Довмантъ съ 60 псковичами разбилъ на р. Мироповнѣ 800 нѣмцевъ. Два посада (судна) нѣмцевъ искали убѣжища на острову рѣки, Довмантъ поджегъ на немъ траву, нѣмцы убѣгали съ горящими волосами, многихъ изъ нихъ изрубили, другихъ утопили въ рѣкѣ [2]). Въ слѣдующемъ 1272 году местеръ земли рижской, т. е. магистеръ ливонскаго ордена, чтобъ отмстить за пораженіе, въ большой силѣ приступилъ къ Пскову, на корабляхъ и коняхъ, похваляясь, какъ говоритъ Софійскій Временникъ, разорить церкви, Довманта руками взять, псковичей изсѣчь, женъ и дѣтей взять въ плѣнъ. Довмантъ послѣ усердной молитвы, не дождавшись помощи отъ Новгорода, съ малой дружиной разбилъ нѣмцевъ и ранилъ самого местеря мечомъ въ лицо [3]). Затѣмъ въ лѣтописяхъ свѣдѣнія о Довмантѣ на нѣсколько лѣтъ прекращаются до 1299 года, на который падаетъ его послѣдній славнѣйшій подвигъ и кончина. Въ мартѣ этого года нѣмцы опустошили окрестности Пскова, разорили нѣсколько монастырей и обложили городъ. Довмантъ отважно выступилъ противъ нихъ, напалъ на нихъ на рѣкѣ Великой 4-го марта и разбилъ на голову. «Бысть сѣча зла, яко николи же така не была у Пскова», говоритъ лѣтописецъ (Соф. Врем. подъ 1299 г.). Вскорѣ послѣ этого (20-го мая) Довмантъ скончался и былъ оплакиваемъ всѣмъ городомъ.

Изъ приподнятаго тона лѣтописнаго и житійнаго повѣствованія о Довмантѣ, изъ невѣроятной несоразмѣрности силъ, съ которыми онъ поражаетъ иногда въ десять разъ болѣе многочисленныхъ враговъ—видно, что личность Довманта производила на современниковъ сильное впеча-

---

1) П. С. Р. Л. IV, Псковская 1-я лѣтоп. стр. 182, Софійскій Временникъ II, стр. 280.

2) Соф. Времен. I, стр. 284; Псков. I-й лѣтопись подъ 6779 годомъ.

3) Соф. Времен. I, стр. 285.

тлѣніе, впечатлѣніе какого то былиннаго богатыря, избивающаго цѣлыя полчища враговъ. Лѣтописецъ сравниваетъ его съ греческимъ Акритомъ: «И бысть побѣжая, говоритъ онъ, и не бѣ побѣдимъ, яко же бѣ и Акрита, единъ побѣжая полки въ крѣпости силы своея [1]). Понятно, что память о героическомъ князѣ Домантѣ, или св. Тимофеѣ, долго жила въ псковскомъ населеніи, что ближайшія къ нему поколѣнія еще знали разсказы о его подвигахъ, конечно, разукрашенные фантазіей, а дальнѣйшія — знали его имя, какъ героя древности. Память о немъ была связана съ Довмонтовой стѣною, выстроенной имъ, примыкающей къ Псковскому Кремлю съ южной стороны и образующей четвероугольную продолговатую площадь [2]), о Домантѣ напоминала его гробница въ Троицкомъ соборѣ и висящій близъ нея его мечъ [3]). О немъ же говорило житіе св. Тимофея [4]). Въ Псковской лѣтописи подъ 6881 (1373) годомъ отмѣчено построеніе *каменной* церкви Святого Тимоѳея-Доманта [5]), вѣроятно, не первой церкви, посвященной его памяти [6]).

Широкая извѣстность славнаго имени Доманта въ псковскомъ краѣ можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для появленія этого имени въ былинахъ, но уже какъ ѳтчества другого богатыря. Если въ отчествѣ «Колывановичъ» можно видѣть отголосокъ преданій, ходившихъ нѣкогда въ опредѣленномъ районѣ, то такое же заключеніе дозволено сдѣлать изъ ѳтчества «Домантьевичъ» и усматривать въ немъ послѣдній отголосокъ псковскихъ преданій о князѣ Домантѣ. Этимъ выводомъ изъ приведенныхъ фактовъ пока можно ограничиться. Было бы рискованно вывести дальнѣйшее предположеніе, что сама былина о Суханѣ представляетъ

---

1) П. С. Р. Лѣт. IV стр. 183. Лѣтоп. свѣдѣнія о Домантѣ см. въ Ист. княж. Псковскаго М. Евгенія. Ч. II, стр. 10—15; также въ Никонов. лѣт. Ч. III. изд. 1786 г., стр. 55.

2) М. Толстой—Святыни и древности Пскова, стр. 47.

3) Тамъ же, стр. 31.

4) См. житіе его по рукописи XVI в. Троицко-Серг. лавры (Кат. № 694, листъ 152—186) въ приложеніи I къ книгѣ гр. М. Толстого Святыни и древн. Пскова, стр. 3—7.

5) П. С. Р. П. IV подъ годомъ 6881.

6) Кстати замѣчу, что въ письменныхъ источникахъ въ лѣтописи и житіяхъ; имя псковскаго героя встрѣчается всего чаще въ формахъ *Домантъ* и *Домонтъ*. Форму Домантъ см. П. С. Р. Л. IV, стр. 181

позднѣйшую переработку древнѣйшаго псковскаго народнаго сказанія, ранѣе прикрѣпленнаго къ имени Доманта, которое было, напримѣръ, въ XVI вѣкѣ вытѣснено именемъ какого то Сухана, причемъ имя Доманта перешло въ отчество. Конечно не трудно было бы въ содержаніи былины указать черты, сближающія его съ чертами преданій о подвигахъ Доманта. Суханъ истребляетъ татаръ при рѣкѣ Нѣпрѣ, Домантъ многократно разбивалъ враговъ на рѣкахъ (Двинѣ, Киголѣ, Мироповнѣ, Великой) и топитъ ихъ въ водѣ; какъ Суханъ послѣ пораженія татаръ на Нѣпрѣ умираетъ, такъ самый славный подвигъ Доманта, спасшій Псковъ отъ нѣмецкихъ полчищъ, произошелъ на рѣкѣ Великой близъ города и связанъ съ его кончиной. Спасенію Кіева отъ татаръ соотвѣтствуетъ спасеніе Пскова отъ нѣмцевъ. Но, повторяю, всѣ такія предположенія едва ли могутъ разсчитывать найти болѣе или менѣе твердую почву, и потому я не рѣшаюсь идти далѣе лишь того заключенія, что въ отчествѣ Сухана Домантьевича сохранился слѣдъ мѣстной псковской памяти о князѣ-героѣ Домантѣ.

Вс. Миллеръ.

Библіографія.

Судьба сербской библіотеки въ XVII—XVIII вв. по стариннымъ ея описямъ.

М. Н. Сперанскій. Сербская церковная библіотека («Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, посвященныхъ М. С. Дринову». Харьковъ. 1908, стр. 29—36 и отдѣльно).

Подробный перечень книгъ, во второй половинѣ XVII вѣка принадлежавшихъ церкви свв. архангеловъ въ Сараевѣ,— очень рѣдкій, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и единственный пока документъ для представленія о составѣ церковной библіотеки у православныхъ южныхъ славянъ стараго времени (описи нѣкоторыхъ хорватскихъ церковныхъ библіотекъ и архивовъ сохранились). И провѣрка, на основаніи хотя бы одного этого перечня и на основаніи указаній южно-славянскихъ списковъ церковнаго (ктиторскаго) Устава[1]), выводовъ Н. К. Никольскаго о характерѣ монастырскихъ и вообще церковныхъ собраній стараго времени напрашивается сама собой. Сдѣланная нами провѣрка эта въ концѣ концовъ приводила приблизительно къ тѣмъ же наблюденіямъ, къ какимъ пришелъ М. Н. Сперанскій, исходившій изъ изданнаго имъ перечня книгъ той же сербской церкви. Поэтому не находимъ нужнымъ печатать наши наблюденія о томъ же вопросѣ и отсылаемъ читателя къ интересной статьѣ М. Н. Сперанскаго. Но оба перечня книгъ, напечатанные имъ на стр. 32—33, взяты не изъ тѣхъ Тефтеровъ, которые мы видѣли въ библіотекѣ «Старой» церкви въ Сараевѣ и изъ которыхъ списали два другихъ перечня книгъ той же церкви.

---

1) См. *Извѣстія* 1911 г., кн. II, стр. 294 и слѣд.

Мы описали Тефтеръ 1682 года (безъ №), Тефтеръ 1751 года (безъ №) и Тефтеръ 1761 года (№ 25). У М. Н. Сперанскаго были подъ рукой №№ 26, 28, 30, безъ № («Помянникъ XVII вѣка, куда были внесены и счеты съ 1682 года»), № 29, № 27, безъ № («Записи XVIII вѣка о деньгахъ за поминовеніе») и безъ № («Счеты за 1839—40 гг.»). Такимъ образомъ, въ названной статьѣ напечатаны двѣ описи книгъ: 1658 и 1671 годовъ. А мы списали описи книгъ 1697 и 1761 годовъ, которыя ниже и печатаемъ съ слѣдующими замѣчаніями.

Итакъ, мы владѣемъ немногими старыми описями монастырскихъ и церковныхъ библіотекъ у южныхъ славянъ. Но записи, главнымъ образомъ, вкладныя говорятъ иногда о нѣсколькихъ книгахъ, бывшихъ въ извѣстное время или же вновь поступившихъ въ какую-нибудь церковь, и къ записямъ вкладнымъ можно присоединить немного записей писцовъ, гдѣ перечисляются и другія переписанныя ими же книги, которыя только предположительно могли изготовляться для одной и той же библіотеки. Подобные источники не разрѣшаютъ вопроса о составѣ той или иной библіотеки, рѣдко говорятъ даже о минимальной полнотѣ круга церковныхъ книгъ, которыя должны были быть въ каждой церкви, какъ ни была бы бѣдна она. Тѣмъ не менѣе, даже простыя упоминанія въ одной записи о нѣсколькихъ книгахъ могутъ оказать нѣкоторую услугу въ спорныхъ вопросахъ библіографіи рукописей, и у послѣдующихъ изслѣдователей явится возможность, на основаніи тѣхъ или иныхъ признаковъ, опредѣлить при помощи этихъ записей происхожденіе такихъ книгъ, которыя были приготовлены или поступили въ опредѣленное собраніе одновременно съ другими, и въ которыхъ аналогичныя записи [1]) въ настоящее время утрачены. Такъ, слѣдуя указанному пути, намъ лично иногда удавалось дѣлать такія именно опредѣленія при описаніи славянскихъ рукописей заграничныхъ библіотекъ.

Въ комментаріяхъ къ изданному перечню книгъ сараевской церкви М. Н. Сперанскій приводитъ, по изданію Л. Стояновича, только двѣ краткія описи: монастыря Добриловины XVII—XVIII вѣка и Куveждина послѣ 1700 года (стр. 35—36). На самомъ дѣлѣ ихъ извѣстно гораздо больше, а если присоединить къ нимъ такого рода записи, о которыхъ рѣчь шла выше, получится нѣкоторый матеріалъ для предста-

1) Одинаковыя вкладныя записи дѣлались обыкновенно на всѣхъ книгахъ (конечно, если вообще дѣлались записи), поступавшихъ одновременно въ какую нибудь церковь, и измѣнялось только названіе книги. Подобныхъ случаевъ извѣстно немало.

вленія по крайней мѣрѣ о minimum'ѣ церковныхъ библіотекъ стараго времени на славянскомъ югѣ.

Древнѣйшей описью славянской библіотеки, на Аѳонѣ, можетъ считаться сдѣланная въ 1143 году старцами Протата опись книгъ Ксилургійскаго монастыря (*Порфирій, еписк.* Исторія Аѳона, ч. III, отд. II, стр. 15). Въ описи, на греческомъ языкѣ, книги названы «русскими», но нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ, чтобы считать это опредѣленіе вполнѣ точнымъ. Несомнѣнно одно, что книги были славянскія, а не греческія, и возможно — сербскія, такъ какъ въ концѣ XI вѣка монастырь Ксилургійскій занятъ былъ сербскими иноками, или же болгарскія. Въ описи перечислены 2 Апостола, 2 Параклитика, 2 Октоиха, 2 Ирмолога, 4 Синаксаря, 1 Паримейникъ, 12 Миней (очевидно, служебныхъ), 2 Патерика, 2 Псалтыри, 1 св. Ефремъ (Сиринъ), 1 св. Панкратій (Житіе), 2 Часослова, 1 Номоканонъ.

Въ концѣ XIV вѣка грѣшный «дьячикъ» переписалъ Слова Іоанна Златоуста и, кромѣ того «(книгу сію) и другу агырысть и третію поученїа и типикъ тетравангелу». Рукопись собр. Хлудова № 55.

Запись съ перечнемъ книгъ—въ Трефолоѣ второй половины XIV в. той же библіотеки № 162, лл. 254 и об.

Припомнимъ перечень книгъ, переписанныхъ (едва ли переведенныхъ, скорѣе только вновь исправленныхъ: въ подлинникѣ — **прѣложи и исписа кнїгы, ихже имена зде**) старцемъ Іоанномъ, повидимому, въ концѣ XIV вѣка въ аѳонской лаврѣ св. Аѳанасія: Евангеліе, Апостолъ, Служебникъ, Церковный Уставъ, Псалтырь, Богородичникъ, Минея, Ангиристъ (т. е. Октоихъ), Богословіе (Іоанна Домаскина), Лѣствицу, (Аскетическія творенія) Исаака (Сирина), Варлаама, (аввы) Дороѳея, Патерикъ, (Пандекты) Антіоха—и много другихъ (*Порфирій*, Первое путешествіе въ Синайскій монастырь, 215—216). Запись нуждается въ провѣркѣ.

Далѣе мы имѣемъ списокъ рукописей, переписанныхъ однимъ писцомъ для Дечанскаго монастыря. Списокъ этотъ содержится въ записи Минеи служебной на февраль конца XVI вѣка, въ листъ, съ сербскимъ правописаніемъ, принадлежащей Нико Бошковичу въ Дубровникѣ. Запись киноварью находится въ концѣ рукописи:

Азь грѣшнїи и скврьнны пачє всѣх члкъ и недостойны имєнємь инокь нарєцінсє .занїє ѿ юннаго ми възраста всако бєзаконїє и грѣхь сьдѣахь. Окаанны того рад желателно бых вь сєи прѣкраснѣи обитєли дєчанской, и всь спльпь (должно быть стльпь)

правил'ных книгь исплънити. нь недостат'чствѡм възбраннєнь бых. тъчїю малѣ и хѹди оусрьдїе. тогда вь слѹжбах цркѡвных ми сѹщѹ. настоѣ писателем монастырским. и съпише ѱалтир съборныи. и, г. минеа. ѿ. и геѡварїа. г ферфар. и д. мце пролога. г апль на кожи. въ тешка и нѹжна времена. мал'ми ѹн'ша млтел'ства. тогда члци на се съмрь призиваху а не живот. гн вѣ ꙗко немь доинь твоеѐ млти. нь ѹвѣте прѣмлтиваго. моего влкѹ ха, ꙗко правенники любиши. и грѣшникы милѹеши. того радї припаꙋю къ твоим щедротам. прїими сїе малоѐ приношенїе. ꙗкѡж прїеть в'довїе двѣ леп'те. млтвами прѣчтїе си мтре и в'сѣх стых. амин. бывїи игѹмѣ вырен'ные обителы еѵстратїе ієромонах. сърѡнїм стопочившомѹ игѹменѹ симеѡнѹ зовомѹ трьчитѹ:

Сохранился перечень книгъ, данныхъ попомъ Никодимомъ въ монастырь Морачу, гдѣ мало было ихъ вслѣдствіе «оскудѣнія первыхъ добрыхъ мужей», да и бывшія на лицо обветшали: ѡба комата трїѡда и правкь все три новога извода. Запись Постной Тріоди второй четверти XV вѣка Берлинской Королевской Библіотеки № 26, л. 1 об.

О дѣятельномъ писцѣ-сербѣ первой половины XVI вѣка Іованѣ Милешевцѣ, см. въ статьѣ архим. И. Руварца въ XXV томѣ «Архива» Ягича (1903 г.), стр. 463 и слѣд.

Въ записи босанчицей въ началѣ лицевой Псалтыри Мюнхенской Королевской Библіотеки № 1128 (печатн. кат.), въ перечисленіи церковнаго имущества монастыря Прибина — Глава начала XVII вѣка: г. минеи и г евангелїа. и в апостола и прологѡ и панаѳерикь и типикь и мали златоѹсть и велики златоѹсть, и а литургїиа и два ѡѵтой и ѱаловникь и велики ѱалтирь.

Гдѣ то найдены были Доментіаномъ въ 1635 году 14 книгъ: Минея Великая и Малая, Служебникъ, Псалтырь, три Тріоди, 2 Октоиха, Отечникъ, Требникъ, Апостолъ, Евангеліе и «малая книжица». *Л. Стоја-новић*, Каталогъ Народне Библиотеке у Београду, стр. 48.

Въ 1765 году изъ Дечанскаго монастыря, съ благословенія игумена, въ монастырь св. Марка около Призрена іеромонахъ Никифоръ, дечанскій постриженникъ, принесъ Постную Тріодь 1578 года (сию книгѹ) и проче 12 минеа и 2 ѡктоѵиа и 1 (?) еѵгелие и апостолъ и поучительнаа слова ѿ неделѣ фарисеѡве до неделѣ васѣх

светиѵ и едии каноникъ богородични на пове(че)риѹ. Запись рукописи той же библіотеки № 719. Тамъ же, стр. 84—85.

Сохранился списокъ книгъ и вещей монастыря Равная Рѣка (Равноречки), какъ «аманатъ» (— залогъ), къ сожалѣнію, неизвѣстнаго времени. Здѣсь перечислены книги: еѵгеліе шковано вѣлико, в҃і. минеа. ·г҃· трихода ·г҃· лут (Служебника) ·в҃· Іеѵгелга ·в҃· ѱалътира, ·г҃· шфътоѥ. типикъ и златоустъ поѹченіе Іефремъ, в҃. пролога. Слѣдуетъ списокъ церковныхъ вещей и перечень свидѣтелей. Тамъ же, стр. 232.

Въ Помянникѣ XVI вѣка Народной Библіотеки въ Софіи № 141 въ записи перечислены книги и вещи, вѣроятно, временно принадлежавшія Иларіону: да знае что е иларишново в҃ петрахїла ·в҃· молитьвника. а҃ штьчникь. шхтаˣ ·а҃· гласни (т. е. первая половина Октоиха, болѣе обычное названіе — «пръвогласникь») кондирьче ·а҃· плаѕть а҃ покровьць а҃. Б. Цоневъ, Описъ, стр. 203.

Въ записи 1730 года Минеи служебной на іюль-августъ, XVI вѣка, принадлежавшей Успенскому монастырю Яковщицѣ, упоминается о полномъ кругѣ служебныхъ Миней: вѣдомо да е тыа в҃і минеи и т. д. Тамъ же, стр. 107.

Подобная запись того же года — въ Минеѣ служебной на май, 1637 г., Библіотеки Болгарскаго Синода № 16. Е. Спространовъ. Описъ, стр. 141

Сохранилась опись пропавшихъ во время революціи 1876 года вещей, составленная игуменомъ монастыря Архангеловъ въ с. Дрѣновѣ и озаглавленная: шписаныа за разорението и шграбването на монастира штъ мохамеданцитѣ и варварите и тираните и проклетите черкези. Кромѣ церковныхъ сосудовъ и одѣяній, хозяйственныхъ вещей, мебели, скота и т. д., здѣсь находимъ два отдѣла: а) 4: = кола книги церковни сасъ сичкиа си такамъ една кола рѹкописъ; б) 65: = тахнета стари книги житиета пролози и рокописи. Период. Списание, LXVII (1906), стр. 769. Опись въ общемъ очень точная и подробная, перечислена масса предметовъ, и очевидно, списокъ утратъ можно было сдѣлать только при условіи существованія стараго «тефтеря».

Въ записи на Октоихѣ XV вѣка, въ 1687 году пріобрѣтенномъ для церкви с. Бирамирци, говорится, что Архангельскому монастырю Женавскому принадлежало 11 книгъ. Б. Цоневъ, Описъ, стр. 120.

Раду Граматикъ переписалъ около половины XVI вѣка много Евангелій, Псалтырей, Пентикостарей, Миней, Октоиховъ, Тріодей, Метафра-

стовъ, Правилъ, «Разумниковъ» и Апостоловъ. Запись на славянскомъ языкѣ въ румынскомъ Евангеліи 1574 года, Британскаго музея (Harlay, № 6311. B).

Въ описи монастыря Галаты, что̀ около Яссъ, 1588 года, на румынскомъ языкѣ, перечисляются славянскія книги: Апостолъ, Октоихъ, Тріодь Постная, Тріодь Цвѣтная, 3 Псалтыри, 12 Миней, Церковный Уставъ, Часословъ, Требникъ, 7 Служебниковъ, 2 пѣвчія книги, Минея праздничная, 2 Евангелія, Евангеліе малое, Златоустъ и св. Θеодоръ (должно быть Студитъ), Лѣствица и св. Ефремъ, Библія. B. Hăjdĕŭ, Limba română vorbită, p. 196.

Въ записи Апостола собр. Гепецкаго около 1631 года іеромонахъ Бисериканскаго монастыря Парѳеній называетъ себя ученикомъ «стараго» Варнавы и перечисляетъ пожертвованныя имъ въ тотъ же монастырь рукописи: и дадѡхь и два ѱалтири, и два тетроевангили, и четири литѹргіи и единь ѱалтирь съ тълкованіе и за въсѣхь дадѡхь десѣть книгы добрꙑ.

Въ 1709 году священникъ церкви св. Николая въ Гунидорѣ сдалъ новымъ священникамъ той же церкви г҃ еѵ҃лїи с҃ибецши г҃ ѡ҃хтае в҃ тріѡдѹри ѹ҃ пе҃тикотѧрю в҃ съборниче ѡ҃ летѹргіе г҃ молитьвниче ѹ҃ мьргьрит рѹмьнеѣкь бьтрьн' г҃ кьци гречецши, т. е. «Три славянскихъ Евангелія, три Октоиха, двѣ Тріоди, одну Цвѣтную Тріодь (повидимому, отдѣльно), два Сборника (скорѣе всего богослужебныхъ), Служебникъ, три Требника, старый Маргаритъ румынскій и три греческія книги». Запись Тріоди Постной XIV в. уніатской церкви св. Николая въ Гунидорѣ.

Въ записи на пергаменномъ Служебникѣ 1532 года, принадлежавшемъ сочавской митрополіи, на румынскомъ языкѣ описано имущество монастыря Тісиї (названіе неясно) 1728 года. Запись очень плохо издана у П. Сырку «Литургическіе труды патр. Евѳимія» стр. XXVIII, почему предлагаемъ только нашъ переводъ: «Трефолой новый, Служебникъ новый, Служебникъ архіерейскій, писанный на пергаменѣ, Евангеліе старое славянское рукописное, Апостолъ старый славянскій печатный, Номоканонъ, Толкованіе литургіи румынское печатное, Псалтырь старая славянская печатная, Молебникъ, Часословъ великій, Октоихъ старый».

Много подобнаго рода указаній находимъ въ капитальныхъ и пока незамѣнимыхъ «Записяхъ и надписяхъ» Л. Стояновича. Около 1300 года писецъ Радинъ приготовилъ для попа Загорянина въ Сушицѣ Евангеліе, Тріодь, Апостолъ и Псалтырь (№ 34). Вкладчикъ Учительнаго Евангелія

собр. А. Гильфердинга, архіеп. Іаковъ, въ 1286 году пожертвовалъ въ церковь св. Симеона много «инѣхъ чьстьныхъ книгъ» (№ 27). Запись Цвѣтной Тріоди Синайской Библіотеки свидѣтельствуетъ о томъ, что митрополитъ сѣрскій Іаковъ послалъ въ 1360 году слѣдующія книги: «сугубънь Трипѣсньць и Часословьць, Псалтирь и Чтеные Златоустово» (№ 116). Въ записи одной изъ частей Пролога Дечанскаго монастыря 1389—1402 гг. упоминаются и другіе «четыри комате Пролога» (№ 206). По повелѣнію воеводы Родослава, въ началѣ XV вѣка одинъ писецъ переписалъ въ Бѣлградѣ девять книгъ: Церковный Уставъ, пять служебныхъ Миней («у всако 8 комать»), двѣ части Папегирика и Сборникъ (№ 244). Писцу Евангелія собранія Гильфердинга около 1428 г. деспотъ далъ для переписки пять Моисеевыхъ книгъ и Зонару (№ 250). Въ записи рукописи Грачаницкой церкви 1569 года перечисляются книги митрополита новобродскаго Никанора: Тріодь, Пентикостарь, Евангеліе, 2 Требника, Литургія печатная, Синаксарь, Апостолъ, Минеи, «Суботникъ», Октоихъ, Отечникъ и 15 какихъ-то книгъ малыхъ (№ 675). Въ записи печатнаго Сборника Хиландарскаго монастыря говорится, что патр. сербскому Іоанну въ 1603 году принадлежали еще двѣ книги: Октоихъ и Пентикостарь; изъ нихъ извѣстна по описанію іером. Саввы только послѣдняя (№ 924). Духовникъ Никаноръ, основатель церкви св. Троицы, приложилъ въ 1685 году 30 книгъ (№№ 1844, 1845, 1846). Наконецъ, на одной рукописи вѣнской библ-ки сохранилась отмѣтка о принадлежности церкви отъ Воды Спасовой въ концѣ XVII вѣка 48-ми книгъ (№ 1853).

И еще болѣе надежнымъ матеріаломъ служила бы статистика рукописей, принадлежавшихъ извѣстнымъ библіотекамъ въ опредѣленное время, сдѣланная на основаніи вкладныхъ и всякаго рода иныхъ записей, конечно, уже безъ упоминанія о другихъ книгахъ. О составѣ библіотеки Нямецкаго монастыря второй четверти XV вѣка мы можемъ судить хотя-бы по сохранившимся рукописямъ одного писца, монаха Гавріила («Григорій Цамблакъ», стр. 414—419).

Изъ старинныхъ описей южнославянскихъ монастырскихъ библіотекъ, не носящихъ такого же случайнаго характера, укажемъ хотя бы слѣдующія. Первая изъ нихъ напечатана Фр. Миклошичемъ: «Izveštaj od god. 1772, o manastirih na Fruškoj gori u Sriemu, podastrt kr. dalm.-hrv.-slav. namjestničkomu vieću». Starine VIII (1876), 1—19. Въ описи Фрушкогорскихъ монастырей, на латинскомъ языкѣ, перечислены рукописи мон-рей — Крушедола, Реметы, Хопова, Врдника, Язака, Бешенова, Шишатовца, Кувеждина, Прибина-Глава, Беочина, Раковцы. Рукописи описаны, съ точки зрѣнія инвентарныхъ требованій, точно и

толково, и на основаніи описей нетрудно узнать тѣ книги, которыя сохранились до нашего времени. Вторая опись напечатана Димитріемъ Руварцемъ въ его очеркѣ «Манастир Рача и Беочин. Истор.-критична цртица». Споменик, XXXIII (1898), 51—63. Въ этомъ очеркѣ находимъ старинную опись Беочина, 1753 года, на сербскомъ языкѣ (56 — 57); рукописи и печатныя книги описаны здѣсь плохо. Въ 1903 году имъ же издана интереснѣйшая и никѣмъ пока не использованная «Опис српских Фрушкогорских манастира 1753 год.» (Ср. Карловцы, стр. 488). Въ отдѣлахъ «Написание книг» (стр. 26, 34, 63—65, 90, 102, 123—124, 152—154, 165, 180—181, 198, 215, 249—250, 293—294, 313—334, 403—404, 430—431) находимъ инвентарнаго характера краткія свѣдѣнія о книгахъ, принадлежавшихъ монастырямъ, съ опытомъ ихъ группировки. Для представленія о составѣ сербскихъ монастырскихъ библіотекъ какъ церковныхъ, такъ и внѣцерковныхъ, эти описи очень характерны. Между прочимъ, иногда дѣлаются ссылки на болѣе старыя описи, например, 1733 года (стр. 63), и перечисляются книги, которыхъ не было на лицо во время визитаціи, рѣдко — съ такими замѣчаніями: «написаніе книг продатих», или же «книге после 1733. прибавлене» (стр. 153), «раздате по селима и које кому посље 1733» (стр. 154) и т. п. Въ группировкѣ книгъ различаются книги «русскія», «московскія», или «московско изданіе», затѣмъ «кіевске» и «лавовске» — отъ «сербскија шчампи» («шчампе сербске», «српски» и т. п.); затѣмъ — рукописи и ихъ правописаніе (въ большинствѣ случаевъ). Интересно также, что среди московскихъ книгъ различаются иногда и «старо московско» или «старе шчампе московске». Затѣмъ слѣдуютъ свѣдѣнія о книгахъ, принадлежавшихъ монахамъ, главнымъ образомъ, конечно, іеромонахамъ. Подборъ «келейныхъ» книгъ очень однообразенъ. У большинства были первыя пять въ нижеслѣдующемъ перечнѣ книгъ (остальныя упоминаются очень рѣдко, иногда у одного-двухъ монаховъ): Псалтырь, Полууставъ, Часословъ, Молитвословъ, Святцы (Мѣсяцесловъ), Требникъ, Канонникъ, Псалтырь съ исповѣданіемъ или съ изслѣдованіемъ, Акаѳистникъ, Катихизисъ, Служебникъ (или «Литургіаръ»), Алфавитъ духовный, Грамматика славянская, Новый Завѣтъ, Регламентъ Духовный, «Десятословіе», «Тестаментъ» (Кіевскій), «Законникъ», «Ставромель», «Богомысліе», «Зерцало», Есопъ латинскій, Лексиконъ триязычный, Толкованіе блаженства. Одинъ, кажется, разъ у архимандрита оказалась «псалтир рукопис сербски» (стр. 222), у серба іеромонаха «псалтир московски рукописни» (стр. 224). Конечно, эти книги имѣлись въ одномъ экземплярѣ, и нѣсколько экземпляровъ въ одной келіи отмѣчены

очень рѣдко, напримѣръ, 2 требника, 2 молитвослова (у архимандрита, стр. 262), 2 каноника (у іеромонаха, стр. 268), 2 требника (стр. 270), 2 псалтыря и 20 книгъ латинскихъ (у игумена, стр. 315), 2 октоиха (у архимандрита, стр. 353). Больше всего книгъ оказалось у іеромонаха монастыря Раковицы Висаріона Марковича (стр. 384—385), и книги эти далеко не всѣ духовнаго содержанія. Нерѣдки случаи, когда монахъ, по описи, «книги не имат никаковиjа (своjа)».

Обращаемся къ описямъ сараевской библіотеки и прежде, чѣмъ останавливаться на найденныхъ нами двухъ описяхъ, сдѣлаемъ наблюденіе надъ перемѣнами въ составѣ библіотеки на основаніи описей изданныхъ. Сравнивая описи 1658-го и 1671-го годовъ, находимъ, что за двѣнадцать лѣтъ библіотека увеличилась. Прибавилось восемь новыхъ книгъ: Лѣствица, Канонъ храму, Сборникъ молитвъ, Житіе Стефана Новаго, Житіе Саввы Сербскаго, Служба св. Аѳанасію, Книжница «дѣти ради» и Молитвы «на двѣрехъ». Къ книгамъ, бывшимъ и раньше, прибавилось одиннадцать экземпляровъ: Евангеліе окованное, 2 Евангелія неокованныя, Служебникъ, Апостолъ, Сборникъ, 3 Минеи (повидимому, на другіе мѣсяцы), 2 Псалтыри. Всего библіотека увеличилась на 13 книгъ, но не находимъ въ новой описи 2-хъ Церковныхъ Уставовъ, Патерика, Службы Лазарю Сербскому и Покрову и Житія Маріи Египетской. Такимъ образомъ, было (по описямъ) 33 книги — стало 51.

Ниже увидимъ, въ какомъ направленіи шло увеличеніе библіотеки Сараевской церкви—въ концѣ XVII, послѣ «плѣненія» Сараева нѣмцами, и затѣмъ въ срединѣ XVIII вѣка — причемъ примемъ во вниманіе и замѣтку 1694 года о покупкѣ на церковныя деньги трехъ книгъ: Библія, Скрижали (русской печатной книги) и какой-то Минеи.

Первая опись находится въ Тефтерѣ, начатомъ въ 1682 году, съ позднимъ заглавіемъ: записникъ Цркве Сараjевске од 1682 године. Вверху страницы, начинающей новый отдѣлъ въ рукописи,—дата:

Лѣ́то ѿ ро̑ х҃ва ҂а х҃ ч҃ з҃. ноє̑ и҃.

Далѣе — перечень новыхъ екклисіарховъ и ихъ опись церковнымъ книгамъ: По плѣнѥнїю сараѥ̑вскомь ѿ нѣма́цъ поста́виш҃е но́ве клисарх҃е. милоса҃ ћюрчїа. и҆ михаило хова́чь. и҆ пета҃ копри́ви҃ мома ћюрчїа: и҆ та́ко кои́ ѿ братїе на́ше ѻ҆сташе ѿ плѣнѥнїа. прегледаше црко̀вь и҆ що е ѻ҆стало ѹ црькви. препи҆саше све де се зна по и҆менѹ.

книге мінеи:

марта паре	к	житіе стго сави	а
априла »	в	законникь на кожи	а
маіа »	а	трѣбникь великіи	а
іюніа »	к	Очьника	в
іюліа »	а	типика	г
авгоуста »	а	млабникь	а
секте »	к	лѣствица	а
окто »	г	панагірикь	а
ное »	к	тльковат іегліико	а
декте »	к	сабранице	а
генвар »	к	ірмосникь	а
ферфара »	к	млтви тикат	а
минеи просу	а	законничат маали	а
василіе великиї	а	ѱаломникь	а
златоуста	г	млтвника	г
пролога марта	г	летоуріа	д
прологь секте	а	іегліа неоковании	и
ѱалтіра	г	іегліе оковано	ніедино
пето гласника	д	апла	г
прьвогласникь	а	стихологіе	б
тріода фарисіевца	а	поученіе дѣти раи	а
тріода лазаревца	д	обшиї ли стоуденичкиї	а
саборника	в	дасмо обшиї лит калоугеро	а

Эта опись разъясняетъ, между прочимъ, совершенно основательное удивленіе М. Н. Сперанскаго, въ первыхъ по времени двухъ описяхъ не нашедшаго древней пергаменной Кормчей: «можетъ быть, пріобрѣсти удалось ее позднѣе» (стр. 34). Дѣйствительно, въ описи 1697 года она уже есть («Законникь на кожи», въ описи 1761 года «Законикъ велики»; а «малаго» уже нѣтъ). Во вторыхъ, «книжница дѣти ради», какъ оказывается изъ той же описи, — едва-ли спеціально учебная, что предполагаетъ М. Н. Сперанскій (стр. 34—35), а какое-то «Поученіе для дѣтей», тѣмъ болѣе — одного экземпляра для организованной школы было бы, конечно, недостаточно.

Сравнивая опись 1697 года съ предшествующей по времени описью 1671 года, находимъ, что за 26 лѣтъ въ библіотекѣ произошли слѣдующія измѣненія. Всего было 90 книгъ, т. е. больше, чѣмъ по послѣдней описи, на 39 книгъ. Прибавилось семнадцать новыхъ книгъ: Минеи, Василій Великій, 3 Златоуста, пергаменный Номоканонъ, Требникъ большой, Толковое Евангеліе, Ирмосникъ, Молитвы Ѳикары, Псаломникъ, Общій листъ Студеничскій, 2 Патерика и 3 Церковныхъ Устава. Изъ нихъ Общій листъ отданъ былъ монахамъ (какъ, увидимъ ниже, только на время), а двѣ послѣднія рукописи, быть можетъ,—тѣ самыя, которыя упоминаются въ ранней описи 1658 года. Къ книгамъ, значившимся въ описи 1671 года, прибавилось тридцать восемь новыхъ экземпляровъ: 18 служебныхъ миней (теперь на лицо былъ полный кругъ ихъ, а на нѣкоторые мѣсяцы—по 2 и по 3 экземпляра), 4 Евангелія, 6 Служебниковъ, Апостолъ, 2 Цвѣтныя Тріоди, 2 Пролога (повидимому, оба мартовской половины года), 3 Октоиха, Требникъ, Стихологій. Не оказалось десяти книгъ: 2 Евангелій въ окладахъ, Службы ап. Андрею, Службы бдѣнія, Акаѳистовъ, Канона храму, Молитвенника, Житія Стефана Новаго, Службы св. Аѳанасію и Молитвы «на двѣрехъ», причемъ послѣднія пять книгъ значились только въ описи 1671 года и раньше ихъ не было. Не находимъ также Библіи и Скрижали, купленныхъ въ 1694 году.

Изъ этого сравненія видно прежде всего то, что едва-ли вѣрны сообщенія «Шематизама добро-босанскога» за 1882 годъ, будетъ «при нашествія Евгенія Савойскаго церковь была ограблена, и ея имущество лишь отчасти позднѣе было частью выкуплено назадъ» (Ср. у М. Сперанскаго, стр. 33). Знакомый съ состояніемъ стариннаго книжнаго дѣла у сербовъ безъ труда опредѣлитъ, что эти измѣненія въ составѣ библіотеки были явленіемъ вполнѣ закономѣрнымъ.

Слѣдующая опись относится къ 1761 году, и въ ней значится 71 книга:

еваггеліа ѿкованиехъ	5
еваггеліа неокованіехъ	9
апостола	2
псалтира	2
бібліа	1
летѹргіе рѹске	3
летѹргиа сербска	1
летѹргіа греческа и латінска	1

ꙋставь нови	1
законикь великї	1
трїода	2
лазаревацъ	1
пентїкостара	2
ѡктоӣ нова	2
ѡктоӣ стара	4
ѡктоӣ гречески	1
стїхологїе рꙋске	2
молебнїкь нови	1
мїнеа рꙋскиехь	12
часословь	1
пролога	2
саборникь	1
изборацъ	1
требника велїки и мали	2
ѱаломнїкь	1
слꙋжба стго нїколаӣ ї чꙋдеса	1
слꙋжба стомꙋ аѳанасїꙋ ї кирилꙋ	1
житие стго саве	1
ѡбщи листь	1
скрижаль рꙋска	1
поꙋченїа рꙋска	2
ѿечнїкь	1
полелеи стари [1])	1
акатист книга дебела	1
поменик книга	1

Сбоку на поляхъ сдѣлана такая приписка: зде же вопїшетсе аще би кои ѿ православнихь христїань или христїанїць ѿ днесь вь преди приложили кою книгꙋ изнова.

Интересно, что въ то время, какъ болѣе позднія пожертвованія ве-

1) Названія послѣднихъ трехъ книгъ приписаны нѣсколько позднѣе. Очевидно, ихъ не было на мѣстѣ только въ моментъ составленія описи 1761 года.

щами и продуктами—далеко не рѣдкость, въ Тефтерѣ не отмѣчено ни одного вклада книгами.

Что́ происходило въ составѣ библіотеки за протекшіе со времени послѣдней описи 64 года въ деталяхъ,—точно неизвѣстно́. Но измѣненія въ ней—настолько важныя, что приходится предполагать, что и русское вліяніе (главнымъ образомъ, кіевскія лаврскія и синодальныя изданія), и рѣзкая перемѣна въ продуктивности сербской письменности, вкусахъ читателей и т. д.—все это вытѣснило старыя книги, которыхъ совсѣмъ не было уже въ церкви, или же изъ нихъ оставлены были книги цѣнныя, рѣдкія, интересныя въ томъ или иномъ отношеніи. И прежде всего это коснулось «четьей» книги. Не находимъ здѣсь Василія Великаго, Златоуста, Лѣствицы, Панегирика, Толковаго Евангелія, Поученій для дѣтей и др. Въ новой описи книги уже раздѣляются на «новыя» и «старыя», чего прежде не дѣлалось. Русскія всегда отмѣчаются. Появляются греческія и одна греко-латинская богослужебная книга. Кое-что изъ тѣхъ книгъ, которыхъ мы не находили въ двухъ предыдущихъ описяхъ, оказалось на лицо. Увеличилось количество такихъ книгъ, какъ Евангеліе (14 вмѣсто прежнихъ 8-ми), очевидно, напрестольныя, печатныя, въ окладахъ, вывезенныя изъ Россіи. А устарѣвшія книги отдавались, очевидно, болѣе бѣднымъ церквамъ. Можно указать хотя бы слѣдующій фактъ: въ 1744 году эпитропы Сараевской церкви передали рукописное Евангеліе начала XVII вѣка въ монастырь Добричевъ «себѣ же за споменъ» (Запись рукописи Вѣнской Придворной Библіотеки № 17). Наконецъ, повидимому, измѣнены названія нѣкоторыхъ книгъ, и часть изъ нихъ можно указать только по догадкѣ, изъ старыхъ описей. Въ общемъ число книгъ уменьшилось на девятнадцать экземпляровъ; особенно это коснулось Миней служебныхъ (повидимому, всѣ онѣ были замѣнены русскими печатными), Прологовъ, Патериковъ.

Словомъ, послѣдняя опись библіотеки церкви свв. архангеловъ въ Сараевѣ говоритъ о концѣ стараго періода сербской письменности и книжнаго дѣла вообще, о закономѣрной смерти старой книги. Все наиболѣе цѣнное среди нихъ съ точки зрѣнія историка литературы и палеографа исчезло: обезличена физіономія и самой библіотеки, и ея поставщика-переписчика, и потребителя-читателя.

А. И. Яцимирскій.

Новый обзоръ исторіи украинской литературы.

Іван Франко. Нарис історії українсько-руської літератури до 1890 р. Львовъ 1910. V+444.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ распространилось извѣстіе, что Ив. Франко началъ работать надъ большимъ трудомъ—исторіею украинской литературы. Извѣстіе это возбудило всеобщее вниманіе: украинская интеллигенція все еще не имѣетъ общаго очерка развитія украинской литературы. Устарѣли прежнія попытки этого рода, болѣе свѣжая и научная попытка—это словарная статья Франка «Южно-русская литература», но она невелика.

Тѣмъ пріятнѣе было услышать, что именно Франко, такъ много работавшій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ исторіи украинской литературы, предполагаетъ дать большую научную исторію украинской литературы. Отдѣльно появилось введеніе къ этому труду «Теорія і розвій історії литератури» (Записки т. LXXXIX. 1909 г.). Послѣ общаго обзора, какъ постепенно сложилось представленіе о границахъ и методахъ науки исторіи литературы, авторъ указываетъ характеръ своего труда: «трактуемо свою тему, як літературу, що виросла на теріторії, заселеній українським народом і в тісному звязку з історією того народа». Въ границѣ своей работы включаетъ изслѣдователь и «устну традицію, богату і ріжнородну, як мало в якого европейськаго народа».... Для болѣе вѣрнаго пониманія начальныхъ моментовъ украинской письменности отводится мѣсто и «оглядови моравопанонського і староболгарського письменства». Изложеніе предполагаетъ авторъ вести по столѣтіямъ, исключеніе лишь для древнѣйшей эпохи, домонгольской.

Такъ намѣчаетъ авторъ свои задачи, свои цѣли.

Но неблагопріятныя условія затормозили работу автора и пока, вмѣсто перваго тома большой исторіи украинской литературы, появился лишь общій популярный очеркъ—«Нарис історії українсько-руської літератури».

Не въ первый разъ выступаетъ Франко съ популярнымъ очеркомъ исторіи украинской литературы. Съ такою же цѣлью написана и статья «Южно-русская литература», но она разработана по-иному.

Въ словарной статьѣ (Энциклопедич. Словарь, пт. 81, стр. 300—326) Франко придаетъ большое значеніе дѣленію по эпохамъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь такія рубрики.

«Эпоха самостоятельной политической жизни (съ начала украинской литературы до половины XIV в., приблизительно до 1340 г.).

Эпоха литовско-польскаго владычества съ послѣдующимъ за нею періодомъ включенія южнорусскихъ земель въ составъ государства россійскаго и австро-венгерскаго.

Эпоха національнаго возрожденія.

По другому плану задуманъ «Нарис». Дѣленіе по столѣтіямъ здѣсь уже не проведено и вмѣсто него выступаетъ систематика темъ.

Для древняго періода (до-монгольскаго періода) мы имѣемъ такія рубрики: послѣ вступительныхъ замѣчаній о началѣ письменности, о введеніи христіанства, о состояніи образованности идутъ заголовки по темамъ тогдашней письменности: древняя лѣтопись (ч. IV), поэзія (ч. V), проповѣдь (ч. VI), минеи и патерики (ч. VII), прологи (ч. VIII), толковая палея (ч. IX), апокрифическіе разсказы и повѣсти (ч. X), законодательство и полемика (ч. XI), лѣтописныя компиляціи XII—XV вв. (ч.XII)—по такимъ рубрикамъ распредѣляетъ изслѣдователь памятники письменности этого періода.

Если систематика по темамъ беретъ верхъ надъ систематикою по столѣтіямъ или эпохамъ, то является возможность для болѣе полной характеристики, привлекать и аналогическіе памятники позднѣйшей поры. Такимъ образомъ, имѣя въ виду собственно состояніе письменности древняго періода, изслѣдователь, говоря о темахъ, указываетъ неразъ, какую разработку эти темы получили впослѣдствіи. И вотъ разсказывая о минеѣ, авторъ указываетъ на позднѣйшія Макарьевскія Четьи-Минеи (с. 22); по поводу Печерскаго Патерика отмѣчаетъ позднѣйшія его редакціи (с. 23); при характеристикѣ пролога говоритъ о Московскомъ печатномъ Прологѣ XVII в. (с. 24); въ главѣ посвященной толковой палеѣ упоминаетъ о позднѣйшихъ ея редакціяхъ (с. 26—27).

При этомъ цѣльнѣе выступаютъ предъ издателемъ темы, группы литературныхъ произведеній, но за то стушевываются рамки отдѣльныхъ періодовъ. Но авторъ все-таки не забываетъ о границахъ періодовъ. Такъ, въ концѣ главы «Законодавство і полеміка» мы находимъ общія указанія о высокомъ уровнѣ образованности Кіевской Руси, о неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ и о гибели пышныхъ побѣговъ мѣст-

ной культуры (с. 35). Слѣдующая глава «Упадок південної Руси» проводитъ грань между предшествующимъ періодомъ и послѣдующимъ.

Другая ясно проведенная грань это «новочасне відродженe південно—руської нациї розпочате Іваном Котляревським при кінці XVIII в.» (с. 40). Вѣка между этими гранями не расчленены, они вмѣстѣ составляютъ «середній період нашего письменства».

Древній періодъ, какъ мы видѣли, распадался въ изложеніи Франко на рядъ рубрикъ по темамъ: здѣсь же для вѣковъ XIV—XVIII дѣленіе на рубрики не такъ выдержанно, не такъ разнообразно. Послѣ вступительныхъ замѣчаній «Упадок Південної Руси» и «Червона і Литовська Русь» мы находимъ такія рубрики—«Початки друку» (XV), «Протестантство і унія» (XVI), «Ставропигійське Братство» (XVII), Міщанство і козацтво» (XVIII), «Унія обрядів» (XIX), «Полеміка про унїю» (XX), «Київська митрополія» (XXI), Київські учені» (XXII), «Драматична література XVII в.» (XXIII), «Інтермедії і вертеп XVII—XVIII вв.» (XXIV), «Народні пісні і вірші» (XXV), «Літописи XVI—XVIII вв.» (XXVI), «Уніатські видання XVIII в.» (XXVII), Православні письменники XVIII в.» (XXVIII). Интересно, что общая характеристика народнаго пѣсеннаго творчества помѣщена между главами о письменности XVII в.

Мы остановились нѣсколько подробнѣе на общей схемѣ украинской литературы. Это не лишне, такъ какъ вообще схема исторіи украинской литературы мало еще разработана и здѣсь не мало спорныхъ вопросовъ. И какъ находятся историки, утверждающіе, что лишь съ козачества XVI в. начинается исторія украинскаго народа, такъ и историки литературы часто отказываются видѣть украинскую литературу до Котляревскаго, раньше его Энеиды. Поэтому всякая новая попытка обоснованія общей схемы исторіи украинской литературы заслуживаетъ большого вниманія.

Предъ авторомъ книги была трудная задача: на 80 страницахъ дать общій популярный обзоръ эволюціи украинской литературы до выступленія Котляревскаго. При этомъ приходилось въ десяткѣ строкъ характеризовать интересные памятники, вкусы древняго читателя, психологію древняго автора. Изслѣдователь по многимъ вопросамъ могъ бы дать научную интересную монографію по неизданнымъ источникамъ. Но ему приходилось быть краткимъ и популярнымъ. Во многихъ мѣстахъ книги ясно чувствуется, какъ трудно было автору оторваться отъ интересной темы и ограничиться немногими замѣчаніями.

И всетаки авторъ умѣло выполнилъ свою задачу. Съумѣлъ выбрать немногое необходимо - важное и отбросить остальное важное и интересное. И потому сжатыя бѣглыя характеристики даютъ много цѣннаго читателю, внимательно читающему книгу.

Не такъ удалось автору вторая половина книги, XIX в.: этому вѣку посвящено изъ 386 стр. 300 стр., т. е. почти $^3/_4$.

Первыя главы второй половины выдержаны въ прежнемъ тонѣ. Сжатыя характеристики выбираютъ изъ громаднаго запаса лишь самое существенное, самое важное, оставляя въ сторонѣ важныя и цѣнныя данныя, не говоря уже о деталяхъ. Такъ написаны странички о Котляревскомъ, о Квиткѣ, о Гребинкѣ, объ «Исторіи Руссовъ», о Шевченкѣ.

Однако понемногу эта счастливая пропорціональность въ выборѣ матеріала исчезаетъ. Авторъ чувствуетъ себя безсильнымъ передъ громаднымъ матеріаломъ и уже не такъ рѣшителенъ въ выборѣ самаго важнаго, существеннаго.

Наибольше вниманія удѣлено тремъ послѣднимъ десятилѣтіямъ (книга доводитъ изложеніе до 1890 г.). Параллельно разсматривается украинская литература въ Россіи и въ Галиціи, причемъ литература въ Галиціи изложена болѣе подробно (60-мъ годамъ въ Украинѣ посвящено 9 стр., въ Галиціи—23; 70-ымъ годамъ 28 и 47, 80-ымъ годамъ 38 и 85 с.).

И вотъ, измѣняя своей прежней манерѣ, авторъ даетъ уже не характеристики писателей и школъ (два метода разсмотрѣнія эволюціи литературы, взаимно другъ друга дополняющіе), а лѣтопись украинской литературы, науки, журналистики и общественной жизни—по десятилѣтіямъ.

Лѣтопись эта вышла интересною. Авторъ самъ дѣятель украинской литературы, науки и публицистики въ Галиціи и поэтому могъ разсказать много интереснаго.

И хотя этотъ обзоръ и не исторія украинской литературы, однако онъ очень интересенъ и даетъ много цѣнныхъ указаній.

Съ половины семидесятыхъ годовъ Франко живетъ въ средѣ галицкой украинской интеллигенціи и принимаетъ участіе въ общественной жизни. Съ этого времени вплетаются личныя воспоминанія автора въ повѣствованіе о минувшемъ. «В половині 70-их років, коли я прибув до Львова».... такимъ бѣглымъ упоминаніемъ открываются воспоминанія автора о пережитомъ.

Благодаря этимъ автобіографическимъ указаніямъ оживаютъ неясныя фигуры семидесятыхъ годовъ. По личной памяти вскрываетъ авторъ Lehrjahre многихъ дѣятелей, о которыхъ мы судимъ обыкновенно лишь по ихъ позднѣйшей дѣятельности. Благодаря этимъ воспоминаніямъ яснѣе и ярче выступаютъ люди того времени. Такъ мы узнаемъ про гимназическіе годы Волод. Навроцкаго (с. 239), Л. Заклинскаго (с. 241). Бла-

годаря личнымъ воспоминаніямъ писателя яснѣе вырисовывается дѣятельность студенческихъ кружковъ семидесятыхъ годовъ. Расчлененіе студенческой молодежи на двѣ группы москвофильскую и народническую — украинскую выступаетъ болѣе ясно въ разсказѣ дѣятеля принимавшаго участіе въ этихъ событіяхъ. Болѣе близкимъ кажется благодаря этому и демонстрація студента Ив. Белея въ защиту украинскаго народнаго языка (с. 245) или борьба за преобладаніе партій «Академическаго Кружка» (с. 246). «Коли число украïнофілів, до яких пристала також значна частина давнійших членів «Кружка», в тім числї ми оба з Павликом, дійшло до переваги».... Такъ начинаетъ Франко разсказъ о спорѣ украинофиловъ съ москвофилами въ студенческомъ кружкѣ (245 с.). Очевидцемъ передано по памяти о впечатлѣніи произведенномъ на студентовъ, рефератомъ М. Павлика (с. 246). Все это пожалуй мелочи, но онѣ рисуютъ студенческую украинскую жизнь тѣхъ годовъ; для характеристики этихъ кружковъ приходится собирать матеріалъ по крупицамъ въ воспоминаніяхъ дѣятелей того времени и теперь Франко напоминаетъ про то далекое десятилѣтіе.

Со времени перваго выступленія въ студенческомъ журналѣ Франко принимаетъ дѣятельное участіе въ галицкой журналистикѣ, какъ иниціаторъ, руководитель или непремѣнный сотрудникъ возникавшихъ повременныхъ изданій. Поэтому обзоръ галицкой журналистики и галицкихъ повременныхъ изданій переплетается съ автобіографическими воспоминаніями объ участіи въ основаніи изданія (с. 247. 359. 366. 373), о сотрудничествѣ (с. 325. 356. 361). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое сотрудничество неожиданно прерывалось вслѣдствіе расхожденія во взглядахъ съ руководителями изданія (с. 331. 356). Кое-гдѣ авторъ разъясняетъ, съ какими цѣлями выполнена имъ та или иная работа (341. 356. 359. 363). Въ концѣ обзора восьмидесятыхъ годовъ въ Галиціи эти отдѣльныя замѣчанія автобіографическаго характера сливаются въ самостоятельный автобіографическій экскурсъ о литературныхъ знакомствахъ и связяхъ, о литературныхъ произведеніяхъ и редакторскихъ трудахъ (361 — 374).

Послѣднія главы по своей общей разработкѣ и по своему матеріалу напоминаютъ другіе очерки того же автора—интересные и живые «З остатнїх десятилїть XIX в.» Литературная жизнь украинскаго общества тѣсно сплетается съ политическими и соціальными теченіями, разработка науки отмѣчается здѣсь рядомъ съ развитіемъ литературныхъ школъ, какъ проявленія многогранной культурной жизни.

Читатель «Нариса» будетъ благодаренъ автору за тѣ цѣнныя справки, какія даются здѣсь въ главахъ, посвященныхъ украинской лите-

ратурѣ въ Галиціи 70-хъ и 80-хъ годовъ. Послѣдняя глава книги начинается съ указаній относительно положенія двухъ главныхъ партій галицкой украинской интеллигенціи. Читателю неосвѣдомленному онѣ даютъ первыя необходимыя свѣдѣнія, читателю освѣдомленному напомнятъ основную идею Франка — о необходимости изучать исторію литературы въ тѣсной связи съ общественными теченіями и реальными условіями жизни.

А. Грушевскій.

ОБОЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ,

составляемое А. Л. Бемомъ, В. Н. Бенешевичемъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ

подъ редакціей В. Н. Бенешевича.

1911 г. **Выпускъ II (до 1 декабря).**

Ближайшая цѣль обозрѣнія—указать по возможности: 1) всѣ труды, посвященные научной разработкѣ языка, исторіи и литературы славянскихъ народовъ за древнѣйшій періодъ ихъ существованія, 2) всѣ труды русскихъ ученыхъ въ области славяновѣдѣнія и 3) всѣ труды, посвященные изученію русскаго языка и русской литературы и исторіи. Всякаго рода указанія, выходящія за эти рамки, будутъ носить пока болѣе или менѣе случайный характеръ, вслѣдствіе ограниченности силъ и трудности получать своевременно всѣ нужные журналы и вновь появляющіяся книги; по тѣмъ же причинамъ и полнота обозрѣнія лишь со временемъ будетъ доведена до удовлетворительнаго состоянія. Недостатки систематики матеріала (включеніе въ отдѣлъ языкознанія трудовъ, подходящихъ къ другимъ отдѣламъ, отсутствіе болѣе мелкихъ подраздѣленій въ отдѣлахъ исторіи и литературы и др.) объясняются отчасти заботой объ удобствѣ пользованія обозрѣніемъ и будутъ устраняться по мѣрѣ развитія дѣла. Звѣздочкой обозначены труды, сдѣлавшіеся извѣстными изъ вторыхъ рукъ. Годъ выхода не указанъ при изданіяхъ и статьяхъ текущаго года. Форматъ 8⁰ подразумѣвается, когда не обозначено другого.

Объясненіе сокращеній *(кромѣ указанныхъ выше XVI/$_1$, 253—258).*

Алконостъ.=Алконостъ. Изданіе Передвижного Театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской.

АПДН = Архив за правне и друштвене науке.

ВелРеф. = Великая Реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Редакція А. Б. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета.

ВМ = Военный Міръ. Ежемѣсячный иллюстрированный военно - общественный журналъ.

ВХИФО=ВѣстникъХарьковскагоИсторико - Филологическаго Общества. Вып. I. 1911 г.

ДПр=Демократически Прѣгледъ. София.
ЖВ = Жизнь для Всѣхъ.
ЗапРусскОтдИАО = Записки Отдѣленія Русск. и Слав. Археологіи Имп. Русск. Археол. Общества.
ЗМАИ=Записки Московскаго Археологическаго Института.
ЗС-ЗОтдИГО=Записки Сѣверо-Западнаго Отдѣла Имп. Географическаго Общества.
Иск. = Искусство, живопись, графика, художественная печать. Кіевъ, 1911. (Прежде «Иск. и Печатное Дѣло»).
ИстПрСен = Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ. Спб. 1911.
Мысль = Мысль. Ежемѣсячный философскій и общественно-экономическій журналъ. Москва.
Набл=Наблюдатель. София.
НЖ = Новая Жизнь. Ежемѣсячный журналъ литературы, науки и общественной жизни. Спб. Редакт. Ник. Архиповъ.
ОбщДвиж XX в. = Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX-го вѣка. Подъ ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.
ОтВ = Отечественная война и Русское общество. Юбилейное изданіе
СбМатКазКр = Сборникъ матеріаловъ по исторіи Казанскаго края въ XVIII в., изданный подъ ред. проф. Д. А. Корсакова.
СбНИ =Сборникъ Ист.-Филолог. Общества при Институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ.
СбПлат = Сборникъ статей посвященныхъ С. Ѳ. Платонову. Спб. 1911.
ТрЦ-АрхОЛДПр = Труды Церковно-Археологическаго Отдѣла Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія.
ТвСт = Тверская Старина. Ежемѣсячный Историческій Журналъ. Старица, 1911 г. Редакт. Ан. Вершинскій. Изд. членъ Тверск. Уч. Арх. Ком. И. Крыловъ.
Carn = Carniola. Izvestja Muzejskega društva za Kranjsko. (Mitteilungen...., Comptes-rendus...) Ljubljana.
ČKD = Časopis katolického duchovenstva. Praha.
CPE = Czasopismo prawnicze i ekonomiczne. Kraków.
KwMuz = Kwartalnik Muzyczny. Warszawa.
MLA = Miesięcznik liter. i artystyczny. Kraków.
Napr = Napredak. Naučno - pedagoška smotra. Glav. urednik S. Basariček. Zagreb.
PgPA = Przegląd prawa i administracyi. Lwów.
Pravěk. = L'Age Préhistorique. Revue d'archéologie et d'anthropologie préhistoriques des pays Tchèques. Kojetín. Moravie.
PřRev=Přehled Revuí. Praha.
RAkUmF=Rozprawy, Akademii Umiejętności Wydział filologiczny.
Ruś=Ruś. Czasopiśmo poświęcone dziejom i kulturze Ukrainy, Podola, Wołynia i Rusi Czerwonej.
SbFil = Sborník Filologický. Vyd. Česká Akademie. Praha.
SertaBorysth = Serta Borysthenica. Сборникъ въ честь заслуж. проф. Имп. Универс. св. Владиміра Юліана Андреевича Кулаковскаго. Кіевъ. 1911.
SVPS = Sborník věd právních a státních. Praha.
VMOp = Veštník Matice opavské. Opava (Силезія).
ZBrG=Zeitschrift für Brüder-Geschichte.

I. Языкознаніе.

А. Обще-славянскій отдѣлъ.

Грунскій, Н. К. Очерки по исторіи разработки синтаксиса славянскихъ языковъ, X—XV. (ЖМНПр, мартъ, 65—98).

Ильинскій, Г. А. Праславянское брънја «панцырь» (СбНИ, т. VII, отд. II, отд. нум. 1—8).

Соболевскій, А. И. Бескидъ (РФВ, 1910, LXIV, 101).

Соболевскій, А. И. Древнѣйшія славянскія названія монеты и хронологія общеславянскаго смягченія гортанныхъ (РФВ, 1910, LXIV, 92—96).

***Соболевскій, А. И.** Лингвистическія и археологическія наблюденія. Вып. I. Варшава, 1910. 99.

Соболевскій, А. И. Мелкія замѣтки по славянской и русской фонетикѣ 1—34 (РФВ, 1910, LXIV, 102—149).

Соболевскій, А. И. Мелкія замѣтки по морфологіи 1—16 (РФВ, 1910, LXIV, 150—167).

Соболевскій, А. И. Названія озера Селигера въ связи съ вопросомъ о праславянской родинѣ (РФВ, 1910, LXIV, 96—100).

Соболевскій, А. И. Нѣсколько этнографическихъ названій: 1) Чехъ, 2) Хорватъ, 3) Гътинъ, 4) Кърсь, 5) Хынъ, 6) Сасинъ, 7) Данія, 8) Донъ, 9) Половьци, 10) Рахмане, 11) Срацининъ (РФВ, 1910, LXIV, 170—177).

Breznik, Ant. Die Betonungstypen des slavischen Verbums (AslPh, XXXII, 399—454).

Broch, O. Slavische Phonetik. Heidelberg, X+347. Реценз.: **tg** (SSł, VII, 452—454).

Brugmann, K. Adverbia aus dem maskulinischen Nominativus Singularis prädikativer Adjektiva (IF, 1910, XXVII, 233—278).

Стр. 236: slav. pěšь: pěši nom. pl. die beide als adverbium vorkommen etc. стр. 267: russ. хотя «obgleich» etc. стр. 269—271: Slavisch.

Endzelin, J. Baltica (KS, XLIV, 57 сл.).

Стр. 59: сербск. *дупити* «mit Getöse schlagen»; словин. dùpati «dumpf rauschen»; čech. rokyta, «Palmweide», сербск. ра̀кита «Rotweide», стр. 65: русск. водополь, половодье, острастка, страсть и др.

***Forbes Nevill.** The position of the Slavonic languages at the present day. Oxford, Clarendon Press, Diss. 1910. 31.

Forman, S. Srovnávací čítanka slovanských jazyků, Praha *(выше XIV/₃, 391 и XVI/₁, 259)*. Реценз.: **В. Гнатюк** (ЗШ, 1910, VI, 198—199).

Fraenkel, E. Grammatisches und Syntaktisches (IF, XXVIII, 236).

Слав. neže, nego «чѣмъ» и проч.

Frinta, A. Všeslovanský jazyk. (SlPř, XIV, 19—24).

Güntert, H. Zur Geschichte der griechischen Gradationsbildungen, (IF, 1910, XXVII, 1—72).

Стр. 11 о славянскихъ comparativ'ахъ.

Hujer, O. Slovanská deklinace jmenná. Praha, 1910. XVII+173. Реценз.: **F. Trávníček** (ČMF, I, 344—347).

Iljinskij, G. Urslavisch jaščurъ «eidechse» (AslPh, XXXII, 337—343).

Ivšić, S. Prilog za slavenski akcenat. (Rad, кн. 187, 133—208).

Jokl, N. Über etymologische Anarchie und ihre Bekämpfung (IF, 1910, XXVII, 297—324).

Kleinpaul, Rud. Länder- und Völkernamen. Leipzig, G. J. Gŏschen, 1910. 139 (=Sammlung Goschen № 478).

Lang, P. Rozpravy jazykozpytné. Praha, 1909. 28.

Адвербіальное: jest (není), lze, jest nelze. Чешское lzě и церк. слав. льза — существительныя.

*****Lang, P.** Náslovné *u* a jeho prothese v slovanštině (SbFil, 1910, I. 175—189).

Объясненіе также нѣкоторыхъ славянскихъ мѣстныхъ названій.

Michelson, T. Note on old Russian krьnuti, etc. (IF, XXVIII, 203—204).

v. d. Osten-Sacken, W. Die sogenannte Dehnung in der Wurzelsilbe der slavischen Iterativa, (AslPh XXXII, 321—336).

v. d. Osten-Sacken, W. Etymologien (IF, XXVIII, 139—152).

1) russ. brusъ «wetzstein», abg. brъvьno «balken»; poln. brzuch, russ. brjucho, etc. 2) südslav. *brъknąti, brъkati, *brъčati. 3) poln. bargiel «bergmeise» etc.

v. d. Osten-Sacken, W. Lett. ģēdu, ģidu, ģist, ģidāt, (KZ, XLIV, 44—46).

Слав. žьdati «ждать».

v. d. Osten-Sacken, W. Zu den Artikeln gadъ, gud'o, gydъ, hana in Bernekers «Slavischem Etymologischen Wörterbuch». (KZ, XLIV, 153—159).

Osthoff, H. Zur Entlabialisierung der Labiovelare im keltischen, (IF, 1910, XXVII, 161).

Стр. 184, ст.-слав. прѣсакнати «versiegen» etc.

Peisker, J. Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen. Реценз.: **A. Brückner** (DE, 1908, VII, 64).

Polívka, J. Jagićovy Dějiny slovanské filologie. (LF, XXXVIII, 28—43).

Rhamm, K. Ethnographische Beiträge zur germanisch-slavischen Altertumskunde Abt. II: Urzeitliche Bauernhöfe im germanisch-slavischen Waldgebiet. Teil I: Altgermanische Bauernhöfe im Übergang vom Saal zu Fletz und Stube. Teil II: Germanische Altertümer aus der slavisch-finnischen Urheimat. Buch I: Die altslavische Wohnung. Реценз.: **D. Zelenin** (AslPh, XXXII, 594—605); **O. Schrader** (ZVV, 1910, XX, 332—336), по этому поводу **K. Rhamm,** Erwiderung (ZVV, 1910, XX, 449) и **O. Schrader** Antwort des Rezensenten. (ZVV, 1910, XX, 450).

Schuchardt, H. Zum Nasaleinschub, (Ztschr. rom. Phil., XXXV, 71—93).

О вторичной назализаціи между прочимъ и въ южнославянскихъ языкахъ.

Schrijnen, Ios. Zum anlautenden Konsonantenwechsel im Griechischen (KZ, XLIV, 17—22).

Объ измѣненіяхъ въ индоевроп. праязыкѣ объясняющихъ отношенія греч. πτερόν слав. перо и проч.

*****Sedláček, F.** K přízvukovým otázkám jazyků baltoslovanských. (SbFil, 1910, I, 190—227).

Sobolevskij, A. Sakulatin (AslPh, XXXII, 626—627).

Объясньеть названіе народа ськуляте изъ мадьяр. székely.

Thomson, A. Beiträge zur Kasuslehre. II: Der Genetivus bei Massenbezeichnungen, besonders im Russischen (IF, XXVIII, 107—120).

Walde, A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Zweite umgearbeitete Auflage. Heidelberg, C. Winter, 1910. XXXII+1044.

На каждомъ шагу привлекаются славянскіе лингвистическіе матерьялы.

van Wijk, N. Germanische Etymologien (IF, XXVIII).

P. 121: abg. krada «scheiterhaufen». p. 127: russ. брыкать «ausschlagen» etc. p. 128. slav. bredą «waten»).

***Zubatý, Jos.** Výklady etymologické a lexikalní (SbFil, 1910, I, 95—164).

Б. Старославянскій языкъ.

Возняк, М. Граматика Лаврентія Зизанія з 1596 р. (ЗШ, 5—38, 11—87).

***Мијатовић, Д.** Из црквено-словенскога језика (БГл, XX, 48—52).

Касается произношенія: ле, ли, ль, не, ни, нь.

Соболевскій, А. И. Древній церковно-славянскій языкъ (фонетика). (Изъ лекцій). Кіевъ, 1910. 201. Изд. студ. филол. унив. св. Владимира.

Щепкинъ, В. Старославянское чтеніе. Пособіе для просеминарія. Изд. Ист.-фил. фак. Моск. у-та.

Doritsch, Al. Gebrauch der altbulgarischen Adverbia (JrumSpr, 1910, XVI, 81—192). Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1910, 58, стр. CCCLXXXI—CCCLXXXII).

Iljinskij, G. Aksl. ješa «utinam» (IF, XXVIII, 202—203).

Leskien, A. Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Реценз.: **A. Brückner** (IF Anz, 1910, XXVII, 46—48); **Rob. Gauthiot** (BSL, 1910, 58, стр. CCCLXXIV—CCCLXXVI).

***Leskien, A.** Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. 5. Auflage, Weimar, Böhlau, 1910.

Leskien, A. Über kirchenslavisches (altrussisches) serša «Hornis», (IF, XXVIII, 137—138).

Искаженіе изъ seršenь.

Leskien, A. Zur Kritik des altkirchenslavischen Codex Suprasliensis. Рец.: **A. Meillet**, (BSL, 1910, 58, стр. CCCLXXX—CCCLXXXI).

Schwyzer, E. Haplologie im Satzzusammenhang (IF, XXVIII, 300).

Старосл. да увѣмы изъ да увѣмъ мы=ἵνα μάθωμεν ἡμεῖς.

Vondrák, V. Kirchenslavische Chrestomatie. Реценз.: **E. Böhme** (LCBl, LXII, 372—373).

В. Сербо-хорватскій языкъ.

***Andrič, N.** Branič jezika hrvatskoga. Zagreb. Реценз.: **J. C.** (СКГ, XXVI, 962—967).

Fancev, Fr. Beiträge zur historischen serbokroatischen Dialektologie (AslPh, XXXII, 344—362).

***Hórnik, M.** Prawopis wjazawow: jeli, jelizo (ČMS, 131—133).

Krauth, E. Hrvatski jezik u hrvatskim pučkim školama sa stranim nastavnim jezikom (Napr, LII, 25—28, 75—77, 123—125, 170—173, 217—219).

Leskien, A. Über Dialektmischung in der serbischen Volkspoesie. Leipzig, 1910 (Berichte über die Verhandl der k. Sächs. Gesell. d. Wissenchaft. zu Leipzig, 1910, LXII/$_5$, 129—160). Реценз.: **A. A. Kryński** (Lud, XVII, 103—106).

Musić, A. Pitanja u hrvatskom ili srpskom jeziku. (Svršetak) (Rad, CLXXXIV, 96—235).

Nawka, M. Słowosłěd w serbskich sadach. (ČMS, 133—134).

Radyserb-Wjela, J. Serbske wěcowniki-pomjenšenki. (ČMS, LXIV, 21—32).

Novaković, St. Цегарь-цьнгарь—τζαγκάρης; τζάγγα—mestve (AslPh, XXXII, 383—388).

Rengjeo, Jv. Anwendung des Instrumentals der Adjektiva, Pronomina und Numeralia für Dat. und Loc. sing. in Syrmien (AslPh, XXXII, 622).

Rengjeo, Jv. Reduplizierung der Präposition sъ im slavonischen Donautale (AslPh, XXXII, 620—621) съ дополненіемъ **V. J‹agić›'a.**

— Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika na svijet izdaje jugoslavenska Akad. znan. i umjet. Obradili **P. Budmani** (Lekenički-Maslinski) i **T. Maretić** (Maslo-Moračice) Dio VI. Lekenički-Moraćice. Zagreb, 1904—1910. 801—960.

Skok, P. Mundartliches aus Žumberak (Sichelburg) (AslPh, XXXII, 363—383).

Г. Болгарскій языкъ.

Теодоровъ-Баланъ, А. Двѣ думи за нашия езикъ. (БългСб, XVII, кн. 9 и 10).

Болг. tъrg. Болг. ни въ клинъ ни въ ръкавъ и румынскія параллели. Болгарскія adverbien съ суффиксомъ iş — румынскаго происхожденія.

Weigand, G. Füllsel IV, V, VIII (JrumSpr, 1910, XVI, 76—79)

Д. Чешскій языкъ.

Bartovský, V. Hranický okres. (Vlastivěda Moravská, II, 20). Brno, 1909. 308.

На стр. 33—36 касается діалекта въ гор. Границахъ.

Černý, F. Moravští Valaši. (ČMM, 1909, XXXIII, 355—365).

Авторъ выступаетъ противъ мнѣнія г. Валека, что валахи пришли въ Моравію уже въ XIII в. изъ уѣздовъ Земплинскаго и Ужскаго, ибо нѣтъ историческихъ и языковыхъ данныхъ.

Černý, F. a Váša, P. Moravská jména místní. *(выше XIV/$_3$, 321).* Авторецenз.: **F. Černý** (ČMM, XXXIII, 96—101).

Čoka, F. Lidová jména rostlin z Moravy. (ČVSO, 1909, XXVI, 18—23).

Drož, B. Význam slova «rajcech». (ČL, 1909, XVIII, 300).

Авторъ доказываетъ, что слово «rajcech» произведено изъ словъ «Reihezeche», а не изъ «Reichs-zeche».

***Flajšhans, V.** Mimo, studie syntaktická. (SbFil, 1910, I, 165—172).

Flajšhans, V. Kritické příspěvky k textům staročeským. (VČAk, 1909, XVIII, 121—130).

Поправки текста «Správovny» Жидка, въ изданію Зд. Тобольки.

Frinta, A. Etymologie jména Žižkova. (ČMF, I, 1911, 193—198).

Glos, T. Rukovět českého jazyka. Telč, VI+177. Реценз. **J. Straka** (LF, XXXVII, 311—312).

Heinz, W. Die Gmünder tschechische Sprachzunge in Niederösterreich. (DE, 1909, VIII, 131—138).— Только этнографическія и статистическія данныя.

Homolka, J. Příspěvek k nářečí středočeskému (ČL, XX, 455—456).

Klimesch, J. M. Die Ortsnamen im südlichen und südwestlichen Böhmen, Bezirkshauptmannschaft Budweis (MVGD, 1910, XLVIII, 149—180).

Lang, P. K etymologii jména Žižkova. (ČMF, I, 289—296).

Lang, P. Psl. csl. «jinъ». «unus, alius». (ČMF, I, 1911, 97—99).

Leminger, O. Stará česká přísloví a pořekadla z Hory Kutné. Příspěvky ke slovníku staročeskému z řeči hornické. (ČL, XX, 405—407).

Radúz. Cudzie výrazy v reči báčskych Slovákov. (ČMSlovS, 19—20).

Trávníček, F. Příspěvek k otázce přehlásky, a—ě v nářečích moravských. (LF, XXXVIII, 21—28).

Váša, P. Příspěvek k české lexigrafii. Z korrespondence Helceletovy. (ČMMZ, XI, 301—308).

***Zenkl, P.** Obchodní čeština. Několik kapitol rozboru a pokus nápravy. Praha, 1910. 49. Реценз.: **F. V. Vykoukal** (LF, 1910, XXXVII, 392—395).

Zíbrt, Č. Julep. Vzkříšený název staročeský. (ČL, XX, 279—282).

E. Польскій языкъ.

Соболевскій, А. И. Малорусскіе элементы въ польскомъ говорѣ Люблинской губерніи (РФВ, 1910, LXIV, 406).

Agrell, S. Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1910, 58, стр. CCCLXXXIV — CCCLXXXV).

Bełcikowski, J. Teorya polskiego słova. Nauki o naszej ojczyźnie duchowej. Część pierwsza: Słowo Królewskie. Kraków. 31.

Borchling, C. Die niederdeutschen Elemente in den deutschen Lehnwörtern des Polnischen (Verh. Phil. Vers., 50, стр. 130—131).

***Drzażdżyński, St.** Die slavischeu Ortsnamen Schlesiens. Teil. II: Kreis Ratibor, 1909. 50.

***Kołodziejczyk, E.** Ludność polska na górnych Węgrzech. (z 3 mapkami), Kraków 1910. 34.

Kryński, A. A. Prawidła pisowni polskiej. Lwów, 1910. 40. Реценз.: **S. Słoński** (Książka, XI, 149—150).

— Materyały i prace komisyi językowej Akademii umiejętności w Krakowie IV, Cracovie 1909. 487. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1910, 58, стр. CCCLXXIX—CCCLXXX).

Nitsch, K. Mowa ludu polskiego. Z mapą. Kraków. 162. Реценз.: **J. L. K.** (ZTNT, 1911, II, 55—60).

Rozwadowski, J. O języku polskim. (MLA, I, 49—52).

Siemienski, J. O metodzie modernizacyi pisowni w wydawnictwach źródeł polskich XVI wieku. Warszawa, 1910. 174. Реценз.: **I. B.** (BiblWarsz, I, 387—388); **J. Baranowski** (Książka, XI, 61—62).

Stępowski, M. Język ojczysty a t. zw. «język towarzyski». (PwOśw, 1910, X, 258—261).

Ułaszyn, H. Filologja i Lingwistyka Prof. A. Brücknera. Kraków, Gebethner i Co, 1910, 8°, VIII+152.

— Verdeutschungen polnischer Ortsnamen im Regierungsbezirk Posen seit 1902 (DE, 1909, VIII, 8—11, 42—45).

— Verdeutschungen polnischer Orstnamen im Regierungsbezirk Danzig seit 1902 (DE, 1909, VIII, 172).

Ж. *Кашубско-Полабскій.*

Kaniecki, Ks. Przyczynek do słownika kaszubskiego. (Gryf, III, 125—129).

Kantak, K. J. Uwaga o prozodyi kaszubskiej (Gryf, 13—15).

Lorentz, F. Krytyczne uwagi do pisowni kazubskiej (Gryf, XI, 117—119).

***Mucke, E.** Bibliographie der Literatur über die Lüneburger Wenden und das Wendland (Ztschr. d. hist. Ver. f. Niedersachs., 1908, № 2).

Rost, P. Die Sprachreste der Dravăno-Polaben. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1910, 58 стр. CCCLXXIX (защищаетъ ст.-слав. мечь не *мьчь); **E. Mucke** (DE, 1909, VIII, 114—115).

З. *Лужицкіе языки.*

Ernst, Alb. Kritische Bemerkungen zur Siedlungsgeschichte des deutschen Ostens, vornehmlich Brandenburgs, (MF, 1910, XXIII, 323—355).

Имѣются лингвистическія объясненія, впрочемъ, довольно скудныя.

***Grabow,** Was bedeutet der Name Berlin? (Brandenburgia, 1909, XVII, 435—446).

Объясняетъ названіе изъ слав. berlo.

***Mucke, E.** Slavische Orts- und Flurnamen aus den Kreisen Lebus, Krossen und Züllichau (Schriften d. Ver. z. Gesch. d Neumark 1908, XXII, 93—100).

Mucke, E. Sorbenwendische Namen im Zeitzer Kreise. Реценз.: **A. Brückner** (DE, 1909, VIII, 184).

***Schwela, G.** Lehrbuch der niederwendischen Sprache, Teil II: Übungsbuch. Cottbus, Nochten bei Boxberg (Oberlausitz) VIII+128.

И. *Словинскій языкъ.*

***Beg, A.** Slovensko-nemška meja na Kočevskem. Ljubljana. 47+карта. Реценз.: **mg** (SSł, VII, 390—391); **J. Š.** (LZ, XXXI, 161).

***Glonar, J. A.** Iz Poznikovega graškega kroga. (Veda, I, 343—355).

Glonar, J. A. Slovensko slovstvo (Veda, I, 379—381).

Lessiak, P. Alpendeutsche und Alpenslaven in ihren sprachlichen Beziehungen. (Verh. Phil. Vers. 50, стр. 129—130).

Pintar, L. O dovršnih in nedovršnih glagolih. (LjZv, 1910, XXX, 701—704, 764—767).

Štrekelj, K. O nekaterih pobijanih pravilih slovenske pisave. 3 Rajša sem ali rajše sem ? (LjZv, XXXI, 141—145, 307—310).

Štrekelj, K. Národno blágo vogŕskij Slovéncov (Časopis za zgodov. in narodop. 1910, 107—128).

Štrekelj, K. Slovenske narodne pesmi. Snopič 13 (IV zvezka pola 6—12). V Ljubljani, Slovenska Matica, 1909, 8°, 81—192.

Volčič, E. Nekateri slovenski pravniški izrazi. Ljubljana. 19. Реценз.: **Verax** (LjZv, XXXI, 217—219).

Wutte, M. Die sprachlichen Verhältnisse in Krain (DE, 1909, VIII, 12—22).

Безъ лингвистическихъ данныхъ.

К. Русскій языкъ.

Бадмаевъ, Найи. Калмыцко-русскій букварь. Спб., 1910. Изд. Управленія калм. нар. 2-е. 92.

Бахтинъ, Н. Н. О передачѣ по-русски иностранныхъ именъ (ЖМНПр, мартъ, 15—22).

Богородицкій, В. А. Общій курсъ русской грамматики. (Изъ университетскихъ чтеній). Изд. 3-е значит. дополн. Казань. VI+494.

Богородицкій, В. А. Краткій очеркъ діалектологіи и исторіи русскаго языка. Дополненіе ко второму изданію Общаго курса русской грамматики. Казань, 1910, стр. 273—405. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1910, 58, стр. CCCLXXXIII—CCCLXXXIV).

Будде, Е. Ѳ. Основы синтаксиса русскаго языка (РФВ, 1910, LXIV, 1—62).

Будде, Е. Ѳ. Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка. (XVII—XIX в.) 1908. *(выше XIV/I 323 XV/III* и *340 XVI/I 263)*. Реценз.: (SSł, 1910, I, 121—122).

Булычевъ, П. О говорахъ русскаго населенія Лифляндской губерніи (РФВ, 1910, LXIV, 303—309).

Н. Васильевъ, Сводъ матеріаловъ по Нижегородской губерніи. I. Акающіе говоры, II. Окающіе говоры. (РФВ, 1910, LXIV, 271—277).

Возняк, М. Студії над гал.-українс. граматиками... *(выше XV/I 263)*. Додатки. (ЗШ, 1910, кн., 75—146).

Возняк, М. Уривок граматики Ів. Лаврівського (ЗШ, 1910, VI, 155—152).

Дурново, Н. Замѣтки объ одномъ говорѣ Александровскаго уѣзда Владимирской губерніи (РФВ 1910, LXIV, 253—270).

Дурново, Н. и Ушаковъ, Д. Хрестоматія по великорусской діалектологіи. Пособіе при преподаваніи русскаго языка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Москва 1910. VIII+216.

Каринскій, Н. Языкъ Пскова *(выше XIV/I, 324)*, Реценз.: **И. Александровъ** (ТрПскЦеркАрхКом, т. I, отд. 2, 4—12).

Карскій, Е. Ѳ. Къ вопросу объ употребленіи иностранныхъ словъ

въ русскомъ языкѣ. Варшава. 1910. 15.

Круазе-ван-дер-Копъ, Анна. Къ вопросу о голландскихъ терминахъ по морскому дѣлу въ русскомъ языкѣ. (По поводу труда г. Р. ван-дер-Мёленъ: «Голландскіе морскіе и судовые термины въ русскомъ языкѣ») (Изв, XV/$_4$, 1—72).

Кузеля, З. і **Чайковский, М.** Словар чужих слів. 12000 слів чужого похождeня въ українській мові. Чернівці, 1910, VIII+368. Реценз.: **В. Гнатюк** (ЗШ, 1910, кн. VI, 201—204).

Михайловъ, А. В. Опытъ введенія въ изученіе русскаго литературнаго языка и письма. Варшава. XV+V+366+8. Реценз.: **Е. Карскій** (ЖМНПр, іюнь, отд. III, 321—337).

Михальчук, К. і **Тимченко, Е.** Програма до збирання діалектичних одмін... (ЗТ, VIII, 145—202+IV).

Михальчукъ, К. и **Крымскій, А.** Программа для собиранія особенностей малорусскихъ говоровъ. Спб. Академія Наукъ, 1910, 8°, III+163.

Назаревскій, А. А. Языкъ Евангелія 1581 года въ переводѣ В. Негалевскаго. (КУИ, № 8, 1—40).

Нижарадзе, И. И. Русско-сванскій словарь (съ предисловіемъ **Л. Г. Л.** (СбМатКавк, вып. 41, прил. 1—520).

Поржезинскій, В. Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка. Пособіе для старшихъ классовъ средней школы. Москва 1910. VI+170. Реценз.: **Е. Истрина** (ЖМНПр, мартъ, 154—164).

Поржезинскій, В. Введеніе въ языковѣдѣніе. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, Москва, 1910. 214.

Радгенко, К. Ѳ. Новѣйшія реформы русской орѳографіи. (СбНИ, т. VII, отд. II, отд. нум. 1—35).

***Рудановскій, В.** Двѣ замѣтки по вопросамъ русскаго языковѣдѣнія. Спб. 50.

***Сержпутовскій, А. К.** Грамматическій очеркъ бѣлорусскаго нарѣчія. Спб. 66.

— Словарь русск. языка... (*выше XIV/$_4$, 309*). IV т. вып. 4-й: *Кла́сться—когда*. Спб. 1910. VI+I+столб. 961—1280.

Соболевскій, А. Къ исторіи малорусскаго нарѣчія, Варшава, 1910. Реценз.: **В. Гнатюк** (ЗШ, 1910, VI, 199—201).

***Соболевскій, А. И.** Опытъ русской діалектологіи. Нарѣчія великорусское, бѣлорусское и малорусское. Кіевъ. 168+93.

Соболевскій, А. И. Толтры (РФВ, 1910, LXIV, 168).

Этимологія малорусскаго названія Татръ.

Соболевскій, А. И. Попрадъ. (РФВ 1910, LXIV, 169).

Соболевскій, А. И. Русскія мѣстныя названія и языкъ скиѳовъ и сарматовъ I—V (РФВ, 1910, LXIV, 180—189).

Соболевскій, А. И. Два личныхъ имени 1) Глѣбъ 2) Ольстѣнъ. (РФВ, 1910, LXIV, 178—179).

— Труды Моск. Діал. Комиссіи: **Соколовы, Б. и Ю.** Отчетъ о поѣздкѣ въ Кирилловскій уѣздъ Новгородской губерніи лѣтомъ 1909 года (РФВ, 1910, LXIV, 289—302).

— Труды Московск. Діал. Ком. **Соколовы Б. и Ю.** Отчетъ о поѣздкѣ въ Весьегонскій уѣздъ Твер-

ской губерніи лѣтомъ 1909 года (РФВ, 1910, LXIV, 278—288).

***Соколовъ, В. И.** Опытъ систематики звуковъ нашей рѣчи и проектъ реформы гражданской азбуки, Москва 1909. Реценз.: **Д. Ушаковъ** (РФВ, 1910, LXIV, 393—395).

Срезневскій, И. И. Матерьялы для словаря древнерусскаго языка. Реценз.: **A. Meillet** (BSL 1910, 58, стр. CCCLXXXII—CCCLXXXIII).

Томсонъ, А. И Общее языковѣдѣніе. 2-е изданіе, Одесса. 1910. XVI + 448. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1910, LVIII, CCLVIII—CCLIX).

Требинъ, Ѳе. Еще одинъ памятникъ псковскаго говора XV вѣка, (РФВ, 1910, LXIV, 310—316).

Тросгниковъ, М. А. Методика грамматики русскаго литературнаго языка (СбЮУ, XX, 1—112).

Шахматовъ, А. А. Курсъ исторіи русскаго языка. (Читан. въ Спб. у-тѣ въ 1908—9 г.). Ч. I. Изд. 2-е. Спб. 407.

Brugmann, K. Der sogenannte Accusativ der Beziehung im Arischen etc. (IF, 1910, XXVII, 121—151).

Стр. 139 о русск. Настасья — золотая коса, царица золотыя кудри etc.

Blattner, K. Taschenwörterbuch der russischen und deutschen Sprache Teil II: Deutsch-russisch Реценз.: **W. A. Christiani** (AslPh, XXXII, 605—607).

Christiani, W. Lexikalische Lesekörner (AslPh, XXXII, 627—629).

1) Русск. опѣхтать, пехтать, 2) русск. урнингъ.

Hoffmann-Kutschke, A. Kleine Nachrichten (Globus XCVI 1909, 98).

О иранскомъ происхожденіи русск. сарафанъ и собака.

Krček, Fr. Reduplizierung der Präposition съ im Ugroruthenischen (AslPh, XXXII, 622).

***van der Meulen, R.** Hollando-russica (Tijdschrift voor Nederl. Taal-en Letterk., 1910, XXII, № 2).

Л. Славянское вліяніе на сосѣдніе языки.

Трусманъ, Георгій. Латино-славянскіе элементы въ этрусскихъ надписяхъ. Ревель. 66.

***Borchling, C.** Zum ältesten Namen von Lübeck (Korrespondenzbl. des Vereins f. niederd. Sprachf., 1910, H. 1—2).

Gleye, A. Hettitische Studien I. Реценз.: **M. Vasmer** (IFAnz, XXVIII, 42—45), гдѣ указываются нѣкоторыя русскія заимствованія въ зырянскомъ языкѣ.

Henkel, W. Die Verdeutschung der Ortsnamen in den Ostmarken durch die kgl. Ansiedlungskomission. (DE, 1909, VIII, 164—169).

Hey, H. Brandenburg und andre Burggnamen deutsch oder slavisch? (DE, 1908, VII 128—134). Возраженіе: **J. Koblischke** Erwiderung (DE, 1908, VII, 135).

1) Brandenburg. 2) Mersenburg. 3) Kenschberg. 4) Eilenburg.

***Jellinghaus, H.** Zu den slavischen Ortsnamen in Holstein (Korrespondenzbl. d. Vereins f. niederd. Sprachf., 1909, XXIV, 19—20).

***von Kalben, R.** Deutscher oder Wendischer Ursprung des Ortsnamens Calbe (въ Geschichte der Familie von Kalben). (30. Jahresber. des altmärkisch. Vereins f. Vaterl. Gesch. u. Industrie zu Salzwedel 1909, стр. 132—188).

Loesener, M. Noch einmal die Namen der ostmärkischen Ansiedlungen. (DE, 1909, VIII, 240—242).

***Mucke, E.** Wüstungen, Gewässer und Holzungen der Neumark mit slavischen Benennungen. Ein Beitrag zu den «Slavischen Ortsnamen der Neumark (Heft VII), (Schriften d. Ver. z. Gesch. d. Neumark 1908, XXII, 77—92).

Müller-Fraureuth, K. Wörterbuch der erzgeb. u. obersächs. Mundarten. Lief. IV: Gauks-hören. Dresden, W. Baensch 1911.

***Ohnesorge, W.** Einleitung in die lübeckische Geschichte. (Zeitschr. d. Ver. f. Lüb. Gesch. u. Altertumsk. 1908, X, Heft. I). Реценз.: **H. Krabbo** (MF, 1910, XXIII, 293—294).

Важна для исторіи поморскихъ и полабскихъ славянъ.

Ohnesorge, W. Die Deutung des Namens Lübeck. Реценз.. **A. Brückner** (GGA 1910, CLXXII, 302—309 со многими этимологіями мѣстныхъ названій). **A. Brückner** (DE, 1909, VIII, 233); **W. Schulze** (MF, 1910, XXIII, 291—293). Отрицательная рецензія: **J. M. Klimesch** (MVGD, 1910, XLVIII, Beilage, 25—27).

***Ruppersberg, O.** Das historische Ortslexikon für die Provinz Posen (Histor. Monatsbl. d. Prov. Posen. 1909, X, 17—23).

***Seidel, H.** Spuren des Slaventums zwischen Mulde und Saale, mit besonderer Berücksichtigung der Kreise Delitzsch und Bitterfeld. (Jahresbericht, d. Oberrealsch. zu Delitzsch 1906/07, 4°, 18). Рец.: **H. Witte,** (DE, 1908, VII, 155).

Töpfer, H. Thüringer und das Slaventum (DE, 1909, VIII, 3—7; 34—38).

Лингвистическія объясненія не удовлетворительны, поскольку касаются географической терминологіи.

Weigand, G. Füllsel VII, IX (Jrum Spr. 1910, XVI, 78—80).

Румынское şubred «gebrechlich» выводится изъ ст.-сл. шупль «debilis» и измѣнено подъ вліяніемъ румынскихъ синонимовъ.

Болгарское нѣмамъ честь «ich habe kein glück» и румынское заимствованіе отсюда n'am parte.

Weigand, G. Zur Terminologie der Molkerei (Jrum Spr. 1910, XVI, 213—230).

Даются этимологіи пастушеской терминологіи румынъ съ большимъ количествомъ славянскихъ заимствованій.

Zemmrich, J. Slavische und deutsche Besiedlung Sachsens (DE, 1908, VII, 223—226).

M. Сосѣднее вліяніе на слав. языки.

***Ефремовъ, Е.** Новый полный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, съ указаніемъ происхожденія ихъ, удареній, отраслей знанія и съ расширенной энциклопедической частью. Подъ ред. проф. **И. А. Бодуэна-де-Куртене.** М. 16°. 1 нен.+605+2 нен.

Младеновъ, С. Староитѣ германски елементи въ славянскитѣ езици. София, 1910. Реценз.: **А. Соболевскій** (ЖМНПр, май, 156—167).

Мсеріанцъ, Л. Къ вопросу о взаимоотношеніяхъ славянскихъ и иранскихъ языковъ. Варшава. 18.

Vasmer, M. Etymologien *(выше XIV/₁, 331)*. Реценз.: **З. Кузеля** (ЗШ, 1910, кн. VI, 204—205).

Weigand, G. Rumänische Sprache

1907—1908 (RJ, 1910, XI, 126—139).

Библіографія по румынскому языку.

***Witte.** Hansa Zur Erforschung der Germanisation unseres Ostens. Vortrag (Hansische Geschichtsbl., 1908, 271—293).

II. Литература.

А. Древняя славянская и русская (до XVII в.).

Архангельскій, А. С. Къ лекціямъ по исторіи русской литературы. Программа лекцій съ указаніемъ источниковъ и пособій и другими библіографическими матеріалами. Казань. 96.

Боровкова-Майкова, М. С. Великій старецъ Нилъ, пустынникъ Сорскій. (РФВ, 1910, LXIV, 62—78).

***Бѣляевъ, И. С.** Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для рукописей XV—XVIII столѣтій. Изд. 2-е. М. 100.

Васенко, П. Замѣтки къ Никоновскому (Академическому) списку Степенной Книги. (СбПлат, 62—69).

Георгіевскій, В. Т. Житіе преосвященнаго Иларіона митрополита суздальскаго, по рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Велико-Устюжскаго собора Вологодской губерніи. Съ предисловіемъ. (Съ 2 портр. на отд. листахъ). (ТрВлад АрхКом, X, матер., XVI+57).

Голубцовъ, А. П. Авторъ древней повѣсти о Ѳеодоровской иконѣ Божіей Матери. (БВ, окт., 364—371).

Грузинскій, А. С. Изъ исторіи перевода Евангелія въ Южной Россіи въ XVI вѣкѣ: Лѣтковское Евангеліе. (ЧтОНЛ, XXI/$_{1-2}$, отд. II, 42—79).

Грузинскій, А. С. «Epitaphius Metropolitae Barlaamo Jasinski» — стихотвореніе Ѳеофана Прокоповича (РФВ, 1910, LXIV, 337—352).

Гудзій, Н. К. Максимъ Грекъ и его отношеніе къ эпохѣ итальянскаго возрожденія. (КУИ, іюль, II, 1—19).

Гудзій, Н. К. «Преніе живота и мерти» и новый украинскій его списокъ (РФВ, 1910, LXIV, 317—336).

Дашкевичъ. Н. Славяно-русскій Троянъ и Римскій императоръ Траянъ. Опытъ пересмотра этого вопроса и провѣрки отвѣтовъ на него (Serta Borysth., 217—248).

Де-Витте, Е. И. Комментаріи къ древнѣйшимъ памятникамъ Кіево-Печерской Лавры «Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря. (ЧтОНЛ, XXII/$_{1-2}$, прилож., 17—32).

Довгялло, Д. И. (сообщ.) «Прилогъ» Симеона-Полотскаго о преп. Евфросиніи Полотской (ЗС.-З. отд. ИГО, I, 220—221).

Хранится въ Синод. Б-кѣ въ г. Москвѣ въ рукописи соч. Симеона П. подъ № 288 на л. 297—8.

Дорошенко, В. Огляд новійших розвідок і видань по історії української літератури XVI—XVIII вв. (НШ, III, 23—42).

— Засѣданіе Черниговской губернской ученой архивной комиссіи, посвященное памяти святителя Димитрія, митрополита Ростовскаго. (ТрЧернАрхКом, VIII, 3—47).

Рѣчи **В. І. Круковскаго** (общія черты и жизнь св. Димитрія), **А. В. Верзилова** (первые годы дѣятельности св. Димитрія на Украйнѣ (1651—1701), **П. Я. Дорошенко** (о дѣятельности св. Димитрія въ Глуховскомъ Петро-Павловскомъ монастырѣ), **М. А. Доброгаевъ** (о литературныхъ трудахъ св. Димитрія), **О. А. Ефимова** (св. Димитрій—проповѣдникъ и полемистъ).

Каманинъ, И. М. Замѣтки на поляхъ Острожской Библіи 1581 г. ея читателей XVII в. (ЧтОНЛ, XXII/$_1$—$_2$, 14—17).

Сокращенное изложеніе сообщенія.

Келтуяла, В. А. Курсъ исторіи русской литературы. Пособіе для самообразованія. Ч. I. Исторія древней русской литературы. Книга вторая. Спб. XXII+937. Ц. 3 р.

Исторія русской литературы отъ половины XIII в. до конца XVII в.

Кичеевъ, А. А. Слово о полку Игоревѣ. Литературный переводъ. Тверь. 16°. 34.

— Книга (сія) нарицаемая осмигласникъ еще есть осмь каноновъ оусопшымъ. Избрана изъ древлепечатныхъ октаевъ. Напечат. въ христ. типографіи при Преображ. богадѣл. домѣ въ Москвѣ, 1911.

Курдиновскій, В. Апокалипсисъ Андрея Кесарійскаго. (ТрБессарЦеркИстАрхОбщ, вып. I, 42—49).

Дано описаніе рукописнаго Апокалипсиса Бессарабскаго церк.-арх. об-ва, найденнаго въ Курковскомъ монастырѣ. Замѣтка напечатана также въ «КишЕпВѣд» за 1907 г. № 21.

Курдиновскій, В. Рукописная церковнославянская грамматика Гербовецкаго монастыря Бессарабской губерніи. (Къ «Очерку исторіи языкознанія въ Россіи», т. I. С. К. Булича). Варшава, 1908. 1 нен. л.+32 (=ТрБессарЦеркИстАрхОбщ, вып. IV).

Дано описаніе 1) угровлахійскаго изданія грамматики Мелетія Смотрицкаго изъ б-ки Кишиневск. Дух. семин. (шифръ: Отд. «Б.» № VI. I. L) и 2) рукописной грамматики XVII в. Гербовецкаго монастыря.

***Лавровъ, П.** Памятники Христіанскаго Херсонеса Вып. II. Житія херсонескихъ святыхъ въ грекославянской письменности. Изд. Арх. об-ва. М. 4°. XVI+185. Съ рис.+5 лл. рис.

Лахтинъ, М. Старинные памятники медицинской письменности. (Записки Моск. арх. института. 1910. XXVIII+1+170). Реценз.: **В. Клейнъ** (ИВ, апр, 307—308).

Содержаніе и происхожденіе рукописныхъ народныхъ лечебниковъ-травниковъ XVII — XVIII вв. Описаніе лечебника моск. патріаршей б-ки № 481 и его текстъ. Три списка Вертограда по сравненію съ Вертоградомъ 1672 г.

Лебедевъ, А. Преосвящ. Іаковъ (Вечерковъ), архіеп. нижегородскій и арзамасскій, и его рукописное собраніе. (ТрСарАрхКом, XXVIII, 10, 1—96.

Описаніе рукописей, находящихся въ Саратовск. Братствѣ св. Креста.

Левицкій, В. Почаевскій архивъ. (ВолЕпВѣд, № 7, 162—164).

Отрывки изъ рукописи архива Почаевск. Лавры подъ загл.: Опись документовъ Почаевскаго монастыря с. гг. Фирлеями и другими № 125/128. Старое заглавіе «Stary, summariusz cerkwi monasteru»... Переписалъ съ рукописи

В. Левицкій. Перевелъ съ польскаго **Мохаръ.**

Лисицынъ, М., прот. Первоначальный славяно-русскій типиконъ. Историко-археологическое изслѣдованіе. Съ прил. 45 фототип. снимк. Спб. XV + 386 + 1 нен.

Ляпустинъ, А. С. Тексты сказаній о Псковскихъ чудотворныхъ иконахъ Божіей Матери (ТрПекЦеркАрхКом, т. I, отд. 1, 78—108).

Рукописныя сказанія о чудесахъ, бывшихъ отъ иконъ: Знаменія Божіей Матери Мирожской (во Псковѣ) въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ), «Знаменія» Божіей Матери, находящейся въ пог. Камено, Опочецкаго у., «Одигитріи», явившейся во Псковѣ, но потомъ утраченной, и Корсунской иконы Божіей Матери (въ приг. Изборскѣ, Псковск. у.). Рукопись Мирожская полов. XVIII в.; рукопись со сказаніемъ о знаменіи отъ Каменской иконы списана въ 1843 г., сказаніе о чудѣ отъ иконы Одигитріи взято изъ рукоп. сборника кон. XVII в. Кіево-Софійск. собора; сказаніе о знаменіи Бож. Мат. Изборской печатано по рукописи Изборскаго Николаевскаго собора—переписана съ болѣе древней рукописи въ 1777 г.

Майковъ, В. Посланіе къ патріарху Герману о злоупотребленіи въ церковномъ пѣніи «хабува» (Сб Плат, 415—431).

Издано посланіе къ патріарху Гермогену изъ сборника Имп. Публ. б-ки (Ѳ. XVII. 270), написанное въ промежуткѣ 1609—1610 г.г.

Макарій, митрополитъ. Великія Минеи Четіи. Январь. Тетрадь первая дни а҃—ѕ҃. Изд. Имп. Археол. Ком. (=Пам. слав.-русск. письм. I). М. 1910. 4°. 4 нен. лл. + 320 столбц.

Малининъ, В. Н. Десять словъ Златоструя XII вѣка. Изд. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наукъ. Спб. 124.

Масловъ, С. И. Библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ старопечатныхъ изданіяхъ (РФВ, 1910, LXIV, 353—366).

Содержаніе: I) Гравированные листки Кіево-Печерской типографіи. II) «Выкладъ на Отче нашъ» Іоанна Златоустаго. Кутеинскій мон. 1636.

Масловъ, С. И. Отрывокъ Христинопольскаго Апостола, принадлежащій библіотекѣ Университета св. Владимира. Изв, XV/4, 229—269).

Масловъ, С. И. «Слова постническія Исаака Сирина по рукописи, принадл. биб.» Университета св. Владиміра. (КУИ, 1910, ноября, прил. 1—15).

Милетичъ, Л. Къмъ грамотитѣ отъ Брашовската сбирка. (МСб, 1909, XXV, стр. 48).

***Михайловъ, Ди. Ди.** Курсъ исторіи литературы съ XI—XVIII вв. и хрестоматія. Спб. XI + 140 + 192 + V.

***Мошинъ и Рыбаковъ.** Древніе псалмы Псковскаго края. Спб.

Новицький, О. Служебник святительський р. 1665. Мінятюри і орнаменти (з 4 образками) (ЗТ, VIII, 40—52).

Орловъ, А. Домострой по Коншинскому списку и подобнымъ. Кн. 2-ая. (ЧтОИД, № 1, II, I—IV + 1 + 140) и отдѣльно. М. 1910. 140.

Перетцъ, В. Изъ старинной сатирической литературы о пьянствѣ и пьяницахъ (СбПлат, 432—438).

Приведено сатирич. стихотвореніе «Лѣкарство на болящихъ немощію пьянства...» по рукописи Церк. Археол. Муз. при Кіевск. Дух. Ак. № (J. 89) л. 474 и сл. половины XVIII в.

Перетц, Володимир. Матеріяли до історії української літературної мови. (III/3 евангелія Петерб. Публ. бібл. XV—XVI в. F. 1. 17 (ЗТ, XCIII, 5—31).

Перетцъ, В. Н. Отчетъ объ экскурсія семинарія русской филологіи въ Житомиръ (КУИ, сент, хроника, 1—56).

Дано описаніе нѣкоторыхъ рукописей Волынскаго древнехранилища. Рукописи Библіотеки Духовной семинаріи. Описаніе нѣсколькихъ рукописей Музея Общ. изслѣдователей Волыни. Отчетъ о занятіяхъ **А. А. Назаревскаго**: 1) Списки «хожденія Богородицы по мукамъ», извлеченные изъ сборниковъ Волынскаго Епарх. Древнехранилища. 2) Волынское или Житомирское Евангеліе 1571 г. 3) Экземпляръ печатной Острожской Библіи 1581 г. съ интересными рукописными замѣтками. 4) Описаніе нѣкоторыхъ рукописей.

Петровић, Б. Роман о спадали и причаньа Вука Дојчевића, Прилог литерарној историји. (ЛМС, 1910, X, 19—38, XI, 9—24).

— Повѣсть о нѣкоей брани, съ предисловіемъ **С. Ф. Платонова.** (СтарНов, XV, 20—33).

Находится въ сборникѣ, писанномъ скорописью XVII в. на 1+28+1 л. въ 8⁰, изъ архива Выдубицкаго монастыря.

Погорѣловъ, В. А. Толкованія Ѳеодорита Киррскаго на псалтырь въ древне-болгарскомъ переводѣ. (ВУИ, № 1, 4. 25—32, № 2, 5, 33—40; № 3, 6, 41—48), V, 7 57—72; VI, 6, 73—80; VII, 6, 81—120.

Погорѣловъ, Валерій. Чудовская псалтырь XI вѣка, отрывокъ толкованія Ѳеодорита Киррскаго на псалтырь въ древне-больарскомъ переводѣ (=Памятн. старо-славянскаго языка Т. III, вып. 1). Спб. 1910. Изд. отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. V+276+2 табл.

Покровскій, А-сѣй. Календари и святцы. Съ прил. статьи «Календари въ Россіи» (Вып. 5-й. Библ. московск. синодальн. типографіи. Ч. I—рукописи). М. LXIV+129.

Поповић, П. Преглед српске књижевности *(выше XV/₃, 366).* Реценз.: **J. Nagy** (AslPh, XXXII, 580—587). **Ст. Станојевић:** Критика на «Тр. С. Књ.» (ЛМС, 1910, св. VIII). Отвѣтъ: **Пав. Поповић** (СКГ, 1911, XXVI, 76—92).

— Патерикъ (Кіево-Печерскій). Полное собраніе житій святыхъ, въ Кіево-Печерской Лаврѣ подвизавшихся. Въ новомъ полномъ переводѣ **Е. Поселянина.** Изд. 3-е. М. 415. Съ рис.

Петровскій, Н. М. Новый списокъ путешествій Ѳ. А. Котова (Изв, XV/₄, 287—299).

Пѣтуховъ, Е. В. Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ. Юрьевъ. 768.

Ржига, В. И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI в. Реценз.: **С. Щеглова** (ЖМНП, мартъ, отд. III, 132—143).

Рогозинскій, А. М. «Кройника» Ѳеодосія Сафоновича и ея отношеніе къ «Кіевскому Сvнопсису» Иннокентія Гизеля (Изв, XV/₄, 270—286).

Рыстенко, А. В. Легенда о Св. Георгіи и драконѣ въ византійской славянорусской литературахъ (ЗНУ, 1909, 1—542). Реценз.: **О. Назаріїв** (ЗШ, CI, 178—181).

Рыстенко, А. В. Къ литературной исторіи легендъ византійскихъ и

славяно-русскихъ. (ЖМНП, окт, совр. лѣтоп., 71—87).

Рѣдковъ, Н. Преп. Авраамій Смоленскій и его житіе, составленное ученикомъ его Ефремомъ. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. Смоленскъ. 1909. 176. (=СмолСт., в. I, ч. 1, 1—176).

С., Л. Т. Къ описанію Архангельскаго Епархіальнаго древнехранилища. (Нѣкоторые рукописные сборники изъ Сійскаго монастыря). (АрхЕпВѣд, № 3, 103—107; № 4, 126—132).

Содерж.: № 275. Книжница 8⁰, безъ наименованія, по содерж. Служебникъ XVII в. № 290. Книжница 8⁰, безъ названія, ближе къ Канонику. № 302. Обиходъ церковный Кирилова монастыря—сборникъ 8⁰ XVII в. № 305. Сотъ церковный. 8⁰, конца XVI в. № 294. Каноны св. Троицѣ и пр. Антонію и Потребникъ. 8⁰. XVIII в. № 306. Предисловія многоразличныя и посланія. И алфавитъ духовный слагательный при концѣ. 8⁰. Конца XVII.

Серебрянскій, Н. Житіе преподобнаго Евфросина Псковскаго *(выше XIV/₂, 328)*. Реценз.: **А. А.** (ТрПскЦеркАрхКом, т. I, отд. 2, 1—3).

Серебрянскій, Н. И. Замѣтки и тексты изъ Псковскихъ памятниковъ (ТрПскЦеркАрхКом, т. I, отд. 1, 109—202).

Значеніе Псковской области въ исторіи древней русской письменности (109—115). — I. Рукописи, поступившія въ Музей Псковск. Церк.-Арх. Комитета въ 1908—1909 г. г.—(116—134). — II. Псковскій канонъ препод. Антонію и Θеодосію Кіево-Печерскимъ съ добавленіемъ стиховъ Псковско-Печерскимъ преподобнымъ (135—141). — III. Пергаменный листъ изъ Новгородско-Псковской Постной Тріоди (съ фототип. снимк.) (142—152). — IV. Житіе блам. князей Бориса и Глѣба по рукописи XV в. библіотеки Псково - Печерск. монастыря (153 — 175). — V. Слово о погибели Русскія земли и Слово о началѣ Русскія земли (два памятника, сохранившіеся въ псковскихъ спискахъ XV в.) (176—202).

Серебрянскій, Н. О редакціяхъ Житія преподобнаго Никандра Псковскаго (ПДП, CLVII). Спб. 1904. 58. Рец.: **А. А.** (ТрПскЦерк АрхКом, т. I, отд. 3, 3—4).

— Мьстиславово Евангеліе нач. XII в. въ археологическомъ и палеографическомъ отношеніяхъ. **П. Симони,** Собралъ, приготовилъ къ изданію и снабдилъ вводною статьею. I. Вводная статья. Спб. 1910. 4⁰. 46. Съ рпс.

— Служба, житіе и чудеса св. Николая. Съ изд. 1643 г. перепечат. христ. типографія при Преображ. богад. домѣ въ Москвѣ. 1911.

Смирновъ, А. Завѣты двѣнадцати патріарховъ, сыновей Іакова. (ЗКУ, № 8, 1—80; № 9, 81—301).

Соболевскій, А. И. Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи. Съ 2-мя фототип. снимк. Сб. 88, № 3. VI и 1—287).

Соболевскій, А. И. Эней Сильвій и Курбскій (Serta Borysth, 1—17).

Указываются 1) источникъ повѣсти о взятіи Царьграда, изд. А. Поповымъ (Обзоръ хронографовъ, II, 64—66), и 2) переводчикъ ея — кн. А. Курбскій

Срезневскій, В. И. и Покровскій, Θ. И. Описаніе рукописнаго отдѣленія библіотеки Имп. Академіи Наукъ. I. Рукописи, т. I. 1) Книги св. писанія 2) Книги богослужебныя. Спб. 1910. XVI+525.

— Страсти Христовы. Съ изданія Почаевскаго напечат. въ Москвѣ въ Моск. старообр. книго-

печатнѣ въ 7 лѣто 419 мѣсяца ноября 20 дня.

Сушицкій, Ѳ. П. Кіевскіе списки «Бесѣды трехъ святителей» (КУИ, № 4, I, 1—39).

Титовъ, А. Описаніе города Рима, составленное русскимъ паломникомъ въ XVII вѣкѣ. (ДЧт, янв, 130—137).

— Русскій хронографъ. Ч. I. Хронографъ редакціи 1512 г. (=Полн. собр. русск. лѣтописей, т. XXII). Изд. археогр. ком. VII+568+1. Ц. 3 р.

Цвѣтковъ, П. Апокрифическія сочиненія въ нѣкоторыхъ изъ Смоленскихъ рукописныхъ сборниковъ (СмолСт, I, ч. 2, 183—195).

1) Свитокъ Іерусалимскій, или Эпистолія съ неба. 2) Хожденіе Богородицы по мукамъ. 3) Сонъ Богородицы (всѣ изъ сборн. Смол. Арх. Ком., переданнаго В. З. Зубовымъ). 4) Поученіе о 12 пятницахъ (изъ рукописи нач. XIX в. крестьянина Як. Павлова) и 5) «Воспоминаніе ангеловъ (изъ сб. полов. XIX в. мѣщанъ Ломачевскихъ).

Шевченко, С. Ф. Кирилловскія рукописи Дрезденской Публичной библіотеки. (КУИ, № 6, хрон. I, 1—13).

Шляпкинъ, И. Ермолай Прегрѣшный, новый писатель эпохи Грознаго (СбПлат, 545—568).

Шляпкинъ, И. А. Исторія литературы юго-западной Руси (XVI—XVII вв.). Лекціи, читан. въ 1908—9 г. Спб. 1910. 860. Спб. 1911. 161—445.

Яворскій, Ю. Къ вопросу объ Ив. Пересвѣтовѣ. Реценз.: **С. Щеглова** (ЖМНПр, мартъ).

Balaban, M. Kroniki, opisy i elegie hebrajskie z czasów Chmielnickiego. (Ruś, I, 46—63).

Bickerich, W. Comeniana. (ZBrG, 1910, IV, 145—179).

***Bickerich, W.** Der Lissaer Seher Stephan Melisch und sein Verhältniss zu Comenius. (Ztschr. d. hist. Ges. für d. Provinz Posen, 1909).

Bučar, F. Povijest hrvatske protestantske knjizěvnosti za reformacije. Zagreb, 1910, Реценз.: **M. V.** (Savr, VI, 129—130).

Czubek, I. Macieja Rzywockiego księgi peregrynackie (1584—1587). (ADLO, XII).

—Biolski, J. Piesń nowa o szczęśliwej potrzebie pod Byczyna i Bartosza Paprockiego odpowiedź. Wydał **Jan Czuber** (Bibl. pisarzów polskich, Nr. 57). Kraków, 1910.

Dunin-Kozicki, X. Z. Szczątek kalendarza Franciszkanów wileńskich z XV wieku. (KwLit, 1910, I/4, 3—12).

***Dvořák, F. X.** Chvalozpěv mariánský arcibiskupa Jana z Jenštejna. (Cyrill, XXXV, прилож. къ № 4).

Fancev, F. Filološki pabirci iz zapisnika grada Varaždina 16. vijeka (VZA, XIII, 62—64).

Fancev, F. Iz «Induljencija» fra Pimuna Klemenovića (1511). (VZA, XIII, 189—191).

Flajšhans, V. Husovy Knížky o svatokupectví. (SbFil, 1910, I, 69—74).

Foltýnovský, I. Králický rukopis o bl. Janu Sarkandrovi. (H, 1910, XXVII, 193—194, 379—387).

Haškovec, P. M. Poznámky literární. (ČMF, I, 41—46).

Содерж.: Gargantua včeštině stol. 16.

Horvat, R. Hrvatski inventar iz godine 1596. (VZA, XIII, 183—187).

— Hra žebračí z Polské řěči do češtiny přeložená 1619. (ČL, XX, 364—366).

Hrejsa, F. Kdo sepsal II část bratrské «Knihy úmrtí»? (ČČH, XVII, 436—443).

Ilešić, F. Karta o uporabi glagolskoga pisma u Hrvata. (VZA, 1910, XII, 240—241).

J[agić], V. Kroatische Reimversuche aus dem Jahre 1386 (ASlPh, XXXII, 628).

***Jakubec, J.** Dějiny literatury české od nejstarších dob do probuzení politického. Praha.

Jarník, H. Starší kusy naší Knihovny Komenského (ČMMZ, IX; X, 50—74).

Jaworskij, J. Zur Geschichte des russischen Zuckungsbuches. (AslPh, XXXII, 465—468).

Jedlička, B. Příspěvek k výkladu Prešpurského Slovníku. (SbFil, 1910, I, 90—94).

***Jun, K.** Mikuláš z Pelhřimova. (Výroční zpráva c. k. reálného gymnasia v Pelhřimově za škol. r. 1909—10). Реценз.: **J. Menšík** (ČMF, I, 163—165).

***Karásek, J.** Dzieje literatur Słowiańskich. Część pierwsza. Literatura dawniejsza aż do crasów Odrodzenia. Przełożył M. Warzycki. (=Książki dla wszystkich № 527) Warszawa. 32°. 270 + 24.

Haumann, E. Joh. A. Comenius und Jean J. Rousseau, ihre verschiedenartige Wertung des Kindlichen Lehens. Leipzig, 1909. 50.

Klaić, V. Prilozi za životopis Bartola Georgijevića (Gjurgjevića, Jurjevica) pisca o Turcima u XVI stoljeću. (VZA, XIII, 130—141).

— Knihy Rzemesla Saukennyckeho Miesta Puchowa z r. 1638. Z rukopisu v trenčianskom stoličnom archíve sa nachodiaceho odpísal **J. C.** (ČMSlovS, 3—7).

Komenský, J. A. Veškeré spisy. Praha. Реценз.: **A. Tunkl** (Napr, LII, 125—128).

Komenský, J. A. Das Labyrinth der Welt und das Paradies des Herzens. Реценз.: **Z. Baudnik** (DA, VIII, 457—458).

***Körbler, G.** Drei Jahrhunderte lateinischer Dichtung in Ragusa. (Verh. Phil. Vers., 50, 45—47).

Körbler, D. Jakov Bunić Dubrovčanin, latinski pjesnik (1469—1534). (Rad, 1910, CLXXX, 58—145).

Krofta, K. Literární památky českého hnutí náboženského. (NL, 1910, č. 43).

***Lüdtsee, W. & Nissen, F.** Die Grabschrift des Aberkios, ihre überlieferung und ihr Text. (Bibl. Teubneriana, 1910). Реценз.: **V. Jagić** (AslPh, XXXII, 568—571).

Mansikka, V. J. Kleinere Beiträge zur Balder-Lemminkäinenfrage (FU FAnz, 1909, VIII, 206—217).

Смерть Христа въ изображеніи славянскихъ апокрифовъ. (См. ZVV, 1910, XX, 347).

***Murko, M.** Zur Kritik der Geschichte der älteren südslawischen Litteraturen. An die Leser des «Archivs für slavische Philologie». Laibach. 37. Реценз.: **J. P.** (Veda, I, 171); — **in** — (LjZv, XXXI, 162—163).

Novák, J. V. Myšlenkový podklad věcného učení Jana A. Komenského. (PR, XXIV, 673—681).

Novák, J. V. Veškeré Spisy Jana Amosa Komenského. Sv. XV. Brno,

1910. 519. Реценз.: **P. Váša** (ČMMZ, XI, 321—324).

Содерж.: Listové do nebe. Přemýšlování o dokonalosti křestánské. Nedobytedlný hrad. Truchlivý. Labyrint světa a lusthauz srdce. O sirotě. Centrum securitatis. Výhost světu.

Nk., J. Bibliografie německých vydání Didaktiky Jana Am. Komenského. (PR, XXIV, 686—690).

Patera, A. a Podlaha, A. Soupis rukopisů knihovny metropolitní Kapitoly pražské. V Praze 1910. 514. Реценз.: **J. Sedlák** (H, 1910, XXVII, 906—909).

Pintar, L. Einige Corrigenda zu Šafařík's Památky hlaholského písemnictví. (AslPh, XXXII, 625—626).

***Pohl, J.** Kniha černá nebo smolná kr. svobodného města Rokycan z let 1573—1630. Rokycany, 1911, VIII+80.

Pohl, J. Dopisy Jana Kolence z Kolna, hejtmana JMCské panství Zbirova, Točníka, Dvora Králova z l. 1637—1639 (VČSN, 1909, č. III, 83).

Prohaska, D. Das kroatischserbische Schrifttum in Bosnien und der Hercegowina. Von den Anfängen im XI. bis zur nationalen Wiedergeburt im XIX. Jahrhundert. Zagreb. Реценз.: **В. Ђоровић.** (СКГ, XXVI, 790—795).

Radčenko, K. Eine apokryphe Lebensbeschreibung des heil. Megalomartyr Demetrius. (AslPh, XXXII, 388—399).

Rešetar, M. Die dalmatinischen Glagoliten im XVII. Jahrh. (AslPh, XXXII, 468—474).

Ryšánek, J. Některé prameny ke Štítného Řečem besedním. (LF, 1910, 123—125). Реценз.: **S. Souček** (ČMM, XXXIV, 372—379).

Ryšánek, F. Příspěvky ku poznání pramenů spisů T. Štítného. (SbFil, 1910, I, 76—89).

***Schulz, A.** Kniha smolná. Vejpisy z útrpných vyznání hrdel. zápisů na osobu a tíhy mistrů krvavého umění 1584—1635. (Hradecký Kraj, VI, 83—90, 164—175).

Sedlák, J. Několik textů z doby husitské. (H, XXVIII, 15—24, 95—99, 152—157, 227—231, 321—327, 396—398, 467—472, 617—620, 691—697, 787—792).

***Semkowicz, W. D.** Rocznik tak zwany Świętokrzyski dawny. Kraków, 1910. 56. Реценз.: **J. Baranowski.** (Książka, 1910, X, 326); **J. B.** (BiblWarsz, 1910, sierp, 384—385).

Šimek, F. Cestopis t. zv. Mandevilla a jeho staročeský překlad. (SbFil, 1910, I, 1—68).

Šišić, F. Nov mišljenja o pravijeku Slavena, o seobi Hrvata i o postanku Glagolice. (HrvK, 1910, kn. VI, 110—119).

— Staročeské životy svatých Otcův. K vydáni upravil **Smetánka, E.** Praha 1909. Реценз: **J. Menšík** (ČMF, I, 52—55).

Souček, S. Ještě o přirovnání světa ke knize u Štítného. (ČMM, 1910, XXXIV, 159—163).

Souček, S. K redukci Štítného Řečí besedních na prameny (ČMM, XXXIV, 372—379).

Souček, S. Nepoznaný tisk Mladenovicových českých zpráv o při a skonání M. Jana Husi a M. Jeronýma Pražského (ČMMZ, XI, 136—140).

Souček, S. Studie Štítenské. Praha, 1909 (Rozpavy Čes. Akademie, tř. III, č. 27, 41).

Souček, S. Tisk Husova většího «Zrcadla» z r. 1572. (ČMMZ, XI, 140—141).

Souček, St. Komenského «Labyrint» v polském překladě Jana Petrosolina Corvina. (ČMM, 1911, XXXV, 207—229).

Souček, S. Vztahy Štítného ke krásnu. (9-tá výroč. zpráva II. čes. gym. v Brně za 1909/10 rok, str. 29—83, 84—102). Brno, 1910. Реценз.: **F. Ryšánek** (LF, XXXVIII, 310—312). **St.** (PR, XXIV, 396—397).

Spina, Fr. Neuere Ausgaben zur älteren čechischen Literatur (AslPh, XXXII, 454—465).

Starý, J. O pedagogických zásadách a snahách Komenského. (Komenský, 1910, XXXVIII, 439—441, 457—459, 467—471).

Stěhule, J. Učení Petra Chelčického o lásce k bližnímu jako pravé službě bohu. (ND, XVII, 491—497).

Straka, C. A. Nově objevené zlomky spisů M. Jana Husi v knihovně Strahovské (ČMKČ, LXXXV, 417—431).

Straka. J. Štítného řeči nedělní a sváteční (LF, XXXVI, 35—39, 117—121, 240—251, 450—462; XXXVII, 99—108).

Strohal, R. Nekoliko neštampanih glagolskih listina. (VZA, 1910, XII, 61—78, 1911, XIII, 15—34).

Strohal, R. Nekoliko riječi o hrvatskim glagolskim notarskim knjigama i o glagolskim ispravama. (VHA, 1910/11, XI, 4—12).

Strohal, R. Jedan Glagolski natpis iz godine 1321. (VZA, 1911, XIII, 61).

Strohal, R. Kako je g. dr. Gjuro Surmin prepisao glagolske listine (VZA, 1910, XII, 128—130).

Strohal, R. Glagolski spomenici u kralj. zemaljskom arhivu u Zagrebu. (VZA, 1910, XII, 197—204).

Šubert, E. Prameny Šimona Lomnického. (ČMKČ, 1910, LXXXIV, 321—324).

Svoboda, M. M. Jakoubka ze Stříbra překlad Viklefova Dialogu. (*выше XIV/₄, 352*). Реценз.: **F. Bartoš** (ČČH, 1910, XVI, 421—426).

Vajs, J. Hlaholský zlomek nalezený v knihovně král. kanonie Strahovské. (Cyrill, XXXV, 99—107).

***Vajs, J.** Nejstarší breviář chrvatsko-hlaholský (stol. XIII). S úvodem a bibliografickými popisy hlaholských breviářů. Praha, 1910. CVIII+99. Реценз.: **Č. Zíbrt** (ČМ KČ, LXXXV, 187—189); **V. Jagić** (AslPh, XXXII, 564—568).

Volf, J. Hilaria z Litoměřic traktát Arcus gehennalis. (ČMKČ, LXXXV, 33—60).

Volf, J. Krištofa Kottera Vidění a Zjevení. (České vydání) (ČMKČ, LXXXV, 209—222).

Volf, J. První vydání Holíkovy knihy o zahradnictví. (ČMKČ, LXXXV, 278—280).

Wegnerowicz, W. R. Początki dramatu Chorwackiego. («Prikazanja» i «pastirska igra»). (SSł, 1910, I, 162—174).

Zíbrt, Č. Discurs Lípirona, smutného kavalíra, o lásce r. 1651. (ČL, XX, 190—196; 295—298).

Zíbrt, Č. Tobiáše Mouřenína hra. Vejstupný syn 1604. (ČL, 1910, XIX, 442—444).

Б. Народная словесность.

Андерсонъ, В. Романъ Апулея и народная сказка. (ЗКУ, № 5, 337—368; № 8, 369—416).

Багринъ, М. Скоморошьи и бабьи пѣсни (*выше XV/$_2$, 278*). Реценз.: **гр. Алексѣй Н. Толстой** (Ап, 1910, апр., хрон., 42—43).

Бродскій, Н. Л. Крѣпостное право въ народной поэзіи (ВелРеф, IV, 1—33).

***Бродскій, Н. Л.** Къ волѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. Памфлеты, пѣсни, сказки, заговоры, пословицы, поговорки, драмы-комедіи, великорусскіе, малорусскіе и бѣлорусскіе. (=Универс. Б-ка, №№ 506—7). М. 16°. 190+2 нен.

— Былины (Старинки богатырскія). Вступительная статья **Е. А. Ляцкаго.** Спб., 1910, XXX+196+4 (нен.). Реценз.: **Б. Садовскій** (Рѣчь № 2, 3 янв.); **Н. Л.** (ИВ, февр., 738—739).

***Гайденко, Ѳ.** Українська колискова пісня. Кіевъ. 1910. 6.

Гартевельдъ, В. Н. Въ странѣ возмездія (РБ, янв., I, 84—114).

Содерж.: I. Тобольская каторга. II. Пѣсни каторжанъ. III. Балалайка.

Горяинова, А. П. Пѣсни, собранныя въ с. Вышнемъ-Реутцѣ и прилегающихъ деревняхъ Обоянскаго уѣзда (съ прилож. нотъ). (ТрКурск АрхКом, I, 250—272).

Гребенецъ, Ф. С. Изъ быта Гребенскихъ казаковъ. (СбМатКавк. вып. 40, отд. II, 9—47).

Свадебные обычаи: I) Рукобитіе. II) Лепешки. III) Вѣнчаніе. IV) Столъ.

Даниловъ, В. Малорусскія народныя пѣсни въ старыхъ и новыхъ лубочныхъ изданіяхъ. (РФВ, 1910, кн. 3—4, 222—242). Реценз.: **В. Гнатюк** (ЗШ, CI, 192—193).

Димитријевић, Д. Ђ. Српске народне приповијетке из Србије. (БосВила, XXVI, 46—47).

Содерж.: Ветар, мраз и врућина. Мудар савет. Сиромах и богаташ.

***Догадинъ, А. А.** Былины — Пѣсни Астраханскихъ казаковъ. Для однороднаго хора. Подъ ред. **И. С. Кленовскаго.** Вып. I. Спб. VIII+64+112+XVI.

***Евстафіевъ, П. В.** Древняя русская литература (До-петровскій періодъ). 1-ый выпускъ. Устная народная словесность. Спб. Изд. 14-е, испр. и дополн. 79.

Ивановъ, В. Примѣты и повѣрья крестьянъ Витебскаго у., Витебск. губ. (ЗС.-З.ОтдИГО, I, 208—213).

Записаны въ Пышниковск. сельскомъ общ., Куринск. вол.

Ильинскій, Л. К. Пѣсни Оренбургскихъ казаковъ (ИКО, XXVII/$_3$, 234—244).

Ильинскій, Л. Народныя пѣсни (частушки) Вятской губерніи. (Уржумскій уѣздъ). Казань. 5.

Ильинскій, Л. К. Народныя пѣсни (частушки), записанныя въ Казанской губерніи (ИКО, XXVII/$_1$, 101—109).

***Кропоткинъ, Е. П., кн.** Народная поэзія. Сборникъ въ 5 частяхъ. Ч. I. 1750—1800. Казань. III+484.

***Кулжинскій, Я. С.** Какъ сложилась сказка о Кириллѣ Кожемякѣ. (О превращеніи исторіи въ сказку). Кіевъ. 16.

Марковъ, А. В. Отчетъ о поѣздкѣ А. В. Маркова въ губерніи Перм-

скую и Архангельскую лѣтомъ 1909 г. (Изв, XV/4, 191—199).

Главною цѣлью этой поѣздки были розыски былинъ въ тѣхъ мѣстахъ Камско-Уральскаго края, гдѣ въ XVIII в. былъ составленъ сборникъ Кирши Данилова.

Минхъ, А. А. Свадебныя, хороводныя и другія пѣсни Полчаниновской вол., Саратовск. у. (ТрСар АрхКом, XXVIII, 6, 51—70).

***Михайловъ, Дм. Дм.** Курсъ устной народной словесности и хрестоматія. Изд. 2-е. Спб. VII+177+V.

Мякутинъ, А. И. Пѣсни Оренбургскихъ казаковъ. Ч. I, II, III и IV. 1904—1910. Реценз.: **П. Красновъ** (ВСб, мартъ, 193—197).

Содержаніе ч. IV. Пѣсни обрядовыя, духовные стихи, апокрифы, заговоры, очерки обрядовъ. Царь Максимиліанъ. Добавленіе.

Никифоровскій, Н. Я. Полупословицы и полупоговорки въ Витебской Бѣлоруссіи. (ЗС.-З.ОтдИГО, I, 197—207).

Петровскій, Н. М. Къ «Сказанію о царѣ Михаилѣ». (РФВ, 1910, LXIV, 190—192).

Поливка, Ю. «Баба хуже черта». Этюдъ по сравнительному изученію сюжетовъ народной словесности. Варшава, 1910. 26. Реценз.: **В. Гнатюк** (ЗШ,CI, 189—190).

— Древнія русскія пословицы (По сборнику Е. Р. Романова). (ЗС.-З.Отд. ИГО, I, 214—217).

Путинцевъ, А. Частушки-припѣвки изъ села Кубаса, Чистопольскаго у., Казанской губ. (ИКО, XXVII/2, 139—146).

— Пѣсни народни изъ с. Ковачевица, Неврокопск. Записалъ **Ст. Златаревъ.** (РодНапр, VIII, 245—249, 281—286).

— Пѣсни народни изъ с. Габрово, Скеченска кааза. Записалъ **С. Н. Шишковъ.** (РодНапр, IX, 26—29).

— Пѣсня (народная) о казацкой рѣзнѣ въ Барѣ 1648 г. (Пережитое, т. III, 378—379).

Народная пѣсня на разговорно-еврейскомъ языкѣ; представляетъ историческій интересъ. Записана М. Н. Литинскимъ въ 1894 г.

Радченко, Зинаида. Сборникъ Малорусскихъ и Бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Могилевской губ. (Гомельск. у., Дятловичской вол.) (180 пѣсенъ). Спб. VII+45+80.

***Романовъ, Е. Р.** Бѣлорусскія народныя мелодіи. Пѣсни сезонныя, обрядовыя, игорныя, танцы, духовные стихи. (=Бѣлорусскій сборникъ. Вып. VII) Вильна, 1910, VI+44.

Сержпутовскій, А. К. Сказки и разсказы бѣлоруссовъ-полѣшуковъ (Матеріалы къ изученію творчества бѣлоруссовъ и ихъ говора). Изд. Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Спб. VII+188.

Соколовъ, Б. М. Историческій элементъ въ былинахъ о Данилѣ Ловчанинѣ. (РФВ, 1910, LXIV, 193—231).

Соколовъ, М. Е. Великорусскія сатирическія пѣсни, записанныя въ Саратовской губ. (ТрСаратАрх Комм, XXVI, отд. I, 124—144).

Соколовъ, Ю. М. Весна и народный аскетическій идеалъ. (РФВ, 1910, LXIV, 79—91).

Сперанскій, М. Малорусская пѣсня въ старинныхъ русскихъ печатныхъ пѣсенникахъ. Москва, 1909.

26. Реценз.: **В. Гнатюк** (ЗШ, 190—192).

***Сумцовъ, Н.** Малюнки з життя українського народнаго слова (З XIX т. Сб. Харьк. Ист.-фил. общ.). Харьковъ. 1910. 144. Реценз.: **В. Даниловъ** (ИВ, іюль, 302—303).

Томић, J. Н. О српским народним епским песмама о одласку св. Саве у Калуђере. (Глас, II, кн. 50, 157—218).

Франко, І. Студії над українськими народнїми піснями. XXXIII. Хмельницина (думи, пісні та вірші). (ЗШІ, 1910, кн. VI, 31—54).

Халанскій, М. Г. Отношеніе былинъ объ Ильѣ Муромцѣ къ сказаніямъ объ Олегѣ Вѣщемъ (ЖМНПр, сент., 40—62).

***Чертковъ, Я.** Что поютъ русскіе сектанты. Сборникъ сектантскихъ напѣвовъ съ текстомъ словъ. Вып. 2. Отд. I. «Псальмы» малеванцевъ. Записи съ голосовъ и съ фонографа. М. 40.

Щепотьевъ, Вл. Главныя темы религіознаго пѣсеннаго творчества украинскаго народа въ христіанскій періодъ. (ТрПолтАрхКом, вып. 7-ой, 1—45).

***Ярковъ, В.** Народныя пѣсни, записанныя въ Сысертскомъ заводѣ въ 1896 г. Екатеринбургъ, 1909. 11.

Bolte, J. Das polnische Original des Liedes «An der Weichsel gegen Osten» und das schwedische Lied «Spinn, spinn, Tochter mein». (ZVV, 1910, XX, 210—213).

Brajša-Rašan, M. Hrvatske narodne popijevke iz Istre, svjetske i crkvene. I. Pula, 1910.

Dąbrowski, T. Z dziejów poezyi ludowej. (Lud, XVI, 337—346).

Fischer, A. Jeszcze pieśń o żolnierzu tulaczu. (Lud, XVI, 371—374).

Kotrba, K. Píseň o blížící se choleře r. 1849. (ČL, 1910, XX, 128).

von Kraelitz, F. Ein kroatisches Lied in türkischer Transkription aus dem Ende des XVI. Jahrh. (AslPh, 1910, XXXII, 613—615).

Ligocki, E. Legendy skalnego Podhala. (MLA, I, 284—288).

***Lucerna, C.** Montenegros bedeutendstes Heldenvolkslied, die Hochzeit des Maxim Crnojević. Zagreb. Реценз. **В. Ћоровић** (СКГ, XXVII, 225—229).

***Mocko, J.** Historia posvätnej piesne slovenskej a historia kancionálu, Lipt. Sv. Mikuláš, 1909. I+117 (отт. изъ «Cirk. Listov»).

***Mocko, J.** Ešte k dejinám posvätnej piesne slovenskej. (Církevne Listy, XXIII, 165—168, 195—197, 230—233, 298—304, 340—245).

Polívka, J. Povídky o věrnosti ženské. (NárV, VI, 1—15).

Scharowolskij, J. Zur Thidrekssaga. (Serta Borysth, 249—264).

Smičiklas, T. Narodne pripovijetke iz osječke okoline u Slavoniji. (ZbNŽ, 1910, XV, 279—305).

Soucek, St. Sborníček starých trhových písní ze stol. XVII a XVIII. (ČMMZ, XI, 289—300).

Sosnovec, J. Šafář Chuchle a čert. (Povêst z mlýna Křížkova v Bláhově Lhotě u Počépic) (ČL, 1910, XIX, 418—419).

Tropsch, S. Njemački prijevodi narodnih naših pjesama. (Rad, CLXXXII, 210—264).

В. Новѣйшая литература (съ XVIII вѣка) русская, украинская, южныхъ и западныхъ славянъ.

А., И. Къ статьѣ Б. Б. Гнѣдича. «Послѣдніе орлы» (ИВ, янв., 72). Къ разсказу И. А. Гончарова о происхожденіи поэта гр. А. К. Толстого (ИВ, февр., 814).

Абрамовичъ, Н. Я. Художники и мыслители. Вторая книга литер.-крит. очерковъ. М. 233. Реценз.: **Б. Садовскій** (РМ, янв., кр. об., 5—6); **Н. Л.** (ИВ, апр., 321); **П. Наумовъ** (Апол, май, 74—75).

Изъ русскихъ писателей авторъ говоритъ о Достоевскомъ, Пушкинѣ, Чеховѣ и Кольцовѣ.

Адріановъ, С. Критическіе наброски *(выше XVI/₁, 276)*. (ВЕ, февр., 353—365; апр., 382—391).

Творчество Ремизова и сужденія К. И. Чуковскаго о немъ. «Крестовыя сестры». Л. Андреевъ: «Gaudeamus», «Океанъ», Собраніе сочиненій. Разсказы, очерки, статьи. Съ порт.. автора и вступительной статей проф. М. А. Рейснера. М. Горькій: «Жалобы» (Собр. кн. I), «Омутъ», «Мордовка» (СМ, янв.) «О писателяхъ-самоучкахъ» (СМ, февр.).

Адріановъ, С. Примѣчаніе къ перепискѣ П. Я. Чаадаева (СбПлат, 471—475).

Айхенвальдъ, Ю. Валерій Брюсовъ. (= Критическая библіотека № 1). Изд. «Заря» М. 1910. 16°. 32.

Айхенвальдъ, Ю. Предисловіе къ третьему изданію книги Силуэты русскихъ писателей. Первый выпускъ).

См. статью **Вл. Краннхфельдъ**: «О критикѣ и критикахъ» (СМ. авг. 327—342).

Алавердянцъ, М. Я. Новыя данныя изъ армянской литературы о Нинѣ Александровнѣ Грибоѣдовой. (Матеріалы для біографіи А. С. Грибоѣдова). (РС, мартъ, 613—624).

Александровичъ, Ю. Исторія новѣйшей русской литературы. 1880—1910 г. Ч. I. Чеховъ и его время. М. 288. Реценз.: (Всеобщ. Ж, № 5, 220—221).

***Александровскій, Г. Б.** Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. II. Изд. 3-е. Кіевъ. VIII + 219.

Амфитеатровъ, А. Литературныя впечатлѣнія. Андрей Бѣлый «Серебрянный Голубь». Повѣсть въ 7 главахъ. М. 1910. (Совр, янв., 319—349). Е. Милицина. Разсказы. Т. I и II. Спб. 1910. Ив. Бунинъ. Деревня. М. 1910. И. А. Родіоновъ. Наше преступленіе. Спб. 1910. (ibid., февр. 258—300). П. Я. (П. Якубовичъ Мельшинъ) (ibid., апр., 306—328).

Амфитеатровъ, А. Пестрыя главы. (Совр., янв., 230—260; февр., 164—188).

Аничковъ, Е. Отрывокъ изъ дневника Добролюбова. (СМ, авг., 182—205).

Антоновичъ, М. Письмо въ редакцію Современника. (Совр, янв, 392—400).

Журналистика 60-хъ гг. и ея сравненіе съ современной.

Аптекманъ, О. В. Общественные типы въ сочиненіяхъ Г. И. Успенскаго. (СМ, іюль, 182—217).

Арабажинъ, К. И. Леонидъ Андреевъ. *(выше XVI/₁, 277)*. Реценз.: **П. Наумовъ** (Апол, № 2, 62); **А. Фоминъ** (ИВ, апр. 319—321).

Арабажинъ, К. И. Максимъ Горькій (Этапы творчества). (НЖВ, янв., 87—92).

Арабажинъ, К. И. Русская литература послѣ освобожденія крестьянъ. (НЖВ, февр., 89—100).

— Меморіалъ достопамятныхъ куріозныхъ авторизацій Бога Слова и людей, въ княжествѣ Смоленскимъ отъ Рождества Христова лѣта 1746 марта 10 дня сочиненъ. Сообщ. **В. Арсеньевъ.** (переп. Василевскій). (СмолСт, I, ч. 2, 105—130).

Содержитъ рядъ виршей оригинальныхъ и переводныхъ. Авторъ меморіала — Стефанъ Дмитріевичъ Нечуй-Кохавскій (р. 1698 г.).

Арсеньевъ, В. И. И. Лажечниковъ въ Витебскѣ. (Тр. Витебск. Арх. Ком., кн. I, 1—26).

Арсеньевъ, В. С. Нѣчто о Григоріи Савичѣ Сковородѣ. (РА, № 4,—601—634).

Архангельскій, А. С. Русская литература XVIII в. Изъ лекцій по исторіи русской литературы I. Литература петровскаго времени и ближайшихъ десятилѣтій—до Ломоносова. Казань, 1910. 254 + XXIX.

Архангельскій, А. Библіографическія примѣчанія къ изслѣдованію «Русск. литература XVIII вѣка». (ЗКУ, № 1, прил. I—XXIX).

— Отзывы о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи **Архангельскаго Владиміра** на тему: «Гоголь, какъ религіозный мыслитель» **Н. Л. Туницкаго** и **П. П. Соколова** (БВ, сент., журн. совѣта, 125—127).

***Багалѣй, Д. И.** Г. С. Сковорода и Л. Н. Толстой. Историческая параллель. Рѣчь. Харьковъ. 8.

Базаровъ, В. Христіане Третьяго Завѣта и строители Башни Вавилонской. (Литер. распадъ, кн. II, 5—38).

О Мережковскомъ.

Баршевскій, В. В. Мысли Гоголя о сценическомъ служеніи (СбНИ, VII, отд. II, 1—12).

Батюшковъ, Ѳ. Д. Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій (ИстЛит. XIX в., вып. 21—22).

Блокъ, Александръ. О современномъ состояніи русскаго символизма. (По поводу доклада В. И. Иванова). (Апол, 1910, май-іюнь, 21—30).

Бобровъ, Е. А. Отчетъ о занятіяхъ во время командировки съ ученою цѣлью лѣтомъ 1909 г. (ВУИ, № 1, 1—21).

I.—Архивныя данныя къ біографіи В. И. Даля. II.—Къ біографіи Н. И. Лажечникова. III.—Къ исторіи московск. кружковъ 50-хъ гг. прошлаго вѣка. IV—Двѣ книжки для народа въ 60-ые годы. V—Два иностранца - философа въ Россіи XVIII вѣка.

Бобровъ, Евг. Этюды по исторіи русской литературы и просвѣщенія. (СбЮУ, XV, 185—264).

I. Гоголь и Достоевскій. (185—200). 2. Изъ студенческой жизни шестидесятыхъ годовъ. (Д. В. Каракозовъ и такъ наз. «Больціановская» исторія въ Казанск. у—тѣ). (201—218). 3. Неизданное произведеніе Г. П. Каменева.—4. Полежаевіяна. (261—264).

Богучарскій, В. Къ біографіи П. Ф. Якубовича. (РБ, май, отд. II, 123—139).

***Борзаковскій, П.** Великій русскій ученый и писатель-поэтъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Съ портретами, образцами сочиненій, факсимиле и рисунками. Одесса. 64.

***Бороздинъ, А. К.** Русская литература въ XIX вѣкѣ. (Сто лѣтъ

литературнаго развитія). Изд. 2-е. Спб. 132.

Бороздинъ, А. К. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Т. I. Изд. 2-е, доп. Спб. VIII+375.

***Бугровъ, А. свящ.** Литература и религія. Повѣсть Л. Андреева (*выше XVI/$_1$, 278*). Харьковъ, 1910. 98.

Бузескулъ, В. Къ какому времени года относятся похожденія Черткова въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ»? (Къ характеристикѣ литературныхъ пріемовъ Гоголя). (Историч. этюды, 403—406).

Буланже, П. А. Толстой и Чертковъ. М. 19.

Булгаковъ, С. Н. Чеховъ, какъ мыслитель. М. 1910. 47. Реценз.: **Ч. В—скій** (ВЕ, апр. 333—335).

Быковъ, Н. Ив. Ив. Манжура, украинскій этнографъ и поэтъ. (1851—1893). (Лѣт. Екат. Арх. Ком, в. VI, 13—37).

— Вяземскій, П. А. Два письма къ А. Ѳ. Бычкову. Сообщ. **И. А. Бычковъ.** (СтарНов, XIII, 267—268).

Бѣлый, Андрей. Лугъ зеленый (*выше XVI/$_1$, 278*). М., 1910. 1 нен. л.+247+1. Реценз.: **Б. Грифцовъ** (РМ, май, кр. обл., 189—192).

Содержаніе: Лугъ зеленый. Символизмъ. Символизмъ и современное русское искусство. Настоящее и будущее русской литературы. Гоголь. Чеховъ. Мережковскій. Сологубъ. Брюсовъ. Бальмонтъ. Апокалипсисъ въ русской поэзіи.

В. Ю. Пушкиніана (*выше XV/$_2$, 359*). (Апол, № 2, 56).

«Пушк. и соврем.» IX—X, XIII выпуски; Н. Лернеръ. Эпиграмма на П. И. Шаликова (Рѣчь, 10 янв.—№ 9).

В., Ю. Изъ исторіи литературы (*выше XV/$_2$, 359*) III. Новые стихи Щербины. IV. Новыя изданія Кольцова и Лермонтова. (Апол, 1910, май—іюнь, 51—55).

Вейденбаумъ, В. Г. Нѣсколько словъ о Пушкинскихъ мѣстахъ. (ИВ, авг., 585—591).

Венгеровъ, С. Литературныя настроенія 1910 г. (Русск. Вѣд. № 1—1 янв.; № 14—19 янв.).

Венгеровъ, С. А. Собр. сочин. Т. I. Героическій характеръ русской литературы. Реценз.: **И. Игнатьевъ.** Новая книга по исторіи литературы. (Русск. Вѣд., № 45—25 февр.); (НЖВ, февр., 134) (Ап, май, 70—71); **А. С. Изгоевъ.** «Героическая симфонія» (Рѣчь, № 23—24 янв.); (ВЕ, февр., 393—395); **Львовъ-Рогачевскій** (СМ, май, 344—346).

— Верещагинъ, И. Стихи на обрученіе Петра II съ княжною М. А. Меншиковой. 1727. Сообщ. **И. П. Мордвиновъ.** (РА, II, 297—300).

Верховскій, Юр. «Томны эхи» (Апол, 1910, дек., хрон., 36—37).

О кн.: Сборникъ любовной лирики XVIII в.» (*выше XV/$_2$, 359*).

Весниħ, М. Викторъ Иго и Срби. (ЛМС, св. 9, 1—12).

***Вилинскій, С. Г.** Личность В. Г. Бѣлинскаго. (Рѣчь). Одесса, 15.

Власовскій, И. Основныя черты міровоззрѣнія Михаила Васильевича Ломоносова (ВР, № 19, 10—26; № 20, 179—187).

Войтоловскій Л. Н. В. Шелгуновъ. (Къ 20-лѣтію со дня смерти) (Кіевск. Мысль, № 103—15 апр.).

Войтоловскій, Л. Сумерки искусства. (Литер. Распадъ, кн. II, 39—66).

О декадентствѣ въ русск. литературѣ.

Войтоловскій, Л. Ѳ. М. Рѣшетниковъ (Къ 40-лѣтію со дня смерти) (Кіевск. Мысль, № 68—9 мартъ).

Воскресенскій, П. Г. Значеніе поэзіи Гоголя для русскаго самосознанія (КалужскСт, II, кн. 2, 18—25).

Высоцкій, Влад. Станиславъ Выспянскій. Критическій этюдъ. (Крит. Альманахъ, кн. I, 141—179).

Вѣтринскій, Ч. Молодость Глѣба Успенскаго. (Біографическія замѣтки). (РМ, іюнь, отд. II, 46—77; іюль, отд. II, 1—25).

Вѣтринскій, Ч. А. Н. Островскій.—2 іюня 1886—2 іюля 1911. (ВЕ, іюнь, 325—331).

Вѣтринскій, Ч. (Вас. Е. Чешихинъ) Николай Николаевичъ Златовратскій (ИстЛит. XIX в., вып. 19—20).

Вѣтринскій, Ч. (Вс. Е. Чешихинъ). Н. А. Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и несобранныхъ произведеніяхъ (= Истор.-литер. библ. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Вып. VI). М. XII+303.

Гальперинъ-Каминскій, И. Какъ я открылъ литературный кладъ. Неизданныя письма **Тургенева** («Синій Журналъ», № 25, 6—7).

Приведено три стихотворенія: 1) русское, 2) французское, 2) нѣмецкое — Das Vöglein, которое представляетъ собою переводъ пушкинской «Птички».

— Письма А. И. Герцена къ А. П. Туманской и стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго, ей посвященное. (СтарНов, XIV, 502—506).

Гладкій, Ал. Эстетическія воззрѣнія В. Г. Бѣлинскаго (ВР, № 10, 507—532).

Гладкій, И. К. Николай Васильевичъ Гоголь (Его душевно-творческій путь). Кіевъ. 20.

Глинскій, Б. Б. Памяти А. М. Скабичевскаго (ИВ, февр. 623—648).

Глібов, Л. Байки. Видання сьоме. З малюнками Ів. Бурачка. (Селянска библіотека. № 47). Київ, 1910. VI+I+168. Реценз.: **Н. Чечулинъ** (ЖМНП, мартъ, 178—199).

Гнѣвушевъ, А. М. Изображеніе крѣпостного права въ произведеніяхъ Т. Г. Шевченко. (ВелРеф, IV, 34—42).

Гнѣдичъ, П. П. Послѣдніе орлы (Силуэты конца XIX в.) (ИВ, янв, 41—73; февр, 458—488).

— Н. В. Гоголь. Неизданное письмо къ гр. М. Ю. Вьельгорскому. Съ примѣчаніемъ **В. Брюсова.** (РМ, апр. отд. II, 102—103).

— Н. В. Гоголь. Неизданное письмо. Сообщилъ **М. И. Сперанскій.** (РМ, февр. II. 176).

— Текстъ самаго ранняго Нѣжинскаго письма Гоголя 10 іюня 1821 г. (СбНИ, VII, отд. II, I).

— Памяти Н. В. Гоголя. Сборникъ рѣчей и статей. Кіевъ. Изд. Университета. IV+169.

Головина, В. З. (Воронина). Мое знакомство съ А. Н. Островскимъ. (Изъ воспоминаній) (ИВ, іюль, 125—130).

Горнфельдъ, А. Купринъ-романтикъ (РусскВѣд, № 38—17 февр.).

Гординський, Я. Невидоми писаня Маркіяна Шашкевича. Коломия, 5—23.

Горькій, М. О писателяхъ-самоучкахъ. (СМ, февр., 178—209).

Гофманъ, М. Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія.

СПБ., 412. Реценз.: **J. F[olprecht]**. (ČMF, I, 348—350).

Гриневичъ, П. Ф. (**П. Ф. Якубовичъ**). Очерки русской поэзіи (Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ. — Надсонъ. — Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи). Изд. 2-е, журн. «Русское Богатство». 403.

Гротъ, К. Я. Къ автобіографіи кн. П. А. Вяземскаго (Отзывы о ней Я. К. Грота и самого князя П. А.) (СтарНов, XIII, 27—36).

Грушевскій, А. С. Н. А. Маркевичъ. (Изъ прошлаго украинской литературы и исторіографіи. (ЖМНПр, янв., 59—141).

Гумилевъ, Н. Письма о русской поэзіи. (Ап, май, 76—78).

Игорь — Сѣверянинъ, Ѳеодоръ Кашинцевъ («Боли Сердца»), Ладо-Свѣтогорскій, Серг. Клычковъ(«Пѣсни»). Модестъ Гофманъ («Гимны и оды»), Василій Каменскій, В. Хлѣбниковъ, Эллисъ, Б. Лившицъ («Флейта Марсія»), Марина Цвѣтаева (книга «Вечерній Альбомъ»), И. Уренбургъ.

Гумилевъ, Н. Поэзія въ «Вѣсахъ» (Апол, 1910, іюль-авг., 42—44).

***Давыдовъ, Серг.** Жизнь одинокой души (о Станиславѣ Пшибышевскомъ). М. 43.

Даниловъ, В. В. Источникъ стихотворенія А. С. Пушкина «Гусаръ» (РФВ, 1910, LXIV, 243—252).

Державинъ, Н. А. Освобожденіе русскаго театра. (Къ 25-лѣтію со дня смерти А. Н. Островскаго). (ИВ, іюнь, 910—932).

Дивильковскій, А. Семенъ Яковлевичъ Надсонъ. (ИстЛит, XIX в., вып. 22, 362—371).

***Додоновъ, В. А.** Вербицкая и ея романы: «Ключи счастья» и «Духъ времени». Крит. очеркъ. М. 80.

Драницынъ, Н. И. Библіографическій указатель сочиненій П. И. Мельникова. (СбНижегАрхКом, IX, 307—313).

Дучиħ, J. Петар Кочиħ. (БосВила, XXVI, 97—101).

Дьяченко, М. Эволюція литературныхъ и общественныхъ взглядовъ Бѣлинскаго (РС, май, 291—328).

***Дюнькинъ, Н. И.** и **Новиковъ, А. И.** В. Г. Бѣлинскій. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній. Подъ ред. **Влад. Рябова**. Спб., 1910. 103.

Ћоровиħ, В. Лукиjан Мушицки студиjа изъ српске кньижевности. (ЛМС, LXXXVII, св. 4, св. 5, 25—49, св. 6, 18—43, св. 7, 22—48, св. 8, 30—57, св. 9, 33—57, св. 10., 28—53, св. 11.).

Евшан, М. Боротьба генерацій і українська література. (УкрХ, III, 30—43).

Евшан, М. Юрій Федькович в світлі нових матеріялів. (ЛНВ, LV, 279—290).

Евшан, М. Марія Конопніцка. (ЛНВ, LV, 40—51).

Евшан, М. Українська літературау 1910 році. (ЛНВ, LIII, 350—359).

— Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ. Подъ ред. **П. А. Ефремова**. (= Дешевая Библ. № 1) Изд. 19-е. Спб. 16°. 1 портр. + XVIII + 134.

Ефремовъ, С. Апостолъ правды (Къ 50-лѣтію смерти Т. Г. Шевченка) (РБ, февр., 192—215).

Ефремов, С. Історія українського письменства. СПБ. 466+XVI.

Ефремовъ, Сергій. Живе слово. Пам'яти правестника правди. («Рада», № 46—26 февр.).

Къ 50-лѣтію со дня смерти Т. Г. Шевченка.

Заболотскій, П. А. Вновь найденное самое раннее изъ нѣжинскихъ писемъ Гоголя. (ЖМНПр, мартъ, 124—131).

Заболотскій, П. А. Гоголевскія юбилейныя (1809—1909) празднества въ Нѣжинѣ. (СбНИ, VII, отд. II, отд. нум. 1—17).

Заболотскій, П. А. 1) Гоголь и славянство. Рѣчь, произнесенная на актѣ 14 апр. 1909 г. въ институтѣ кн. Безбородко. 2) Великому нѣжинцу! Рѣчь, произнесенная у памятника Гоголя въ Нѣжинѣ. Нѣжинъ. 29.

Загорскій, Евг. Казимиръ Тетмайеръ. (Литературная характеристика) (КритАльман, I, 113—121).

Зайдманъ, М. Ѳ. М. Достоевскій въ западной литературѣ. (Характеристика творчества и личности писателя въ западной критическ. и научн. литературѣ). Одесса. 127.

Заксъ, Д. Гоголь, его жизнь и поэзія. (КалужскСт, т. II, кн. 2, 5—17).

Замотинъ, И. И. Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30 годовъ XIX столѣтія. С.-Петербургъ. 1908. VI+430. Реценз.: **С. В. Соловьевъ** (Изв, XV/4, 300—317).

Замотинъ, И. И. Тенденціозная беллетристика 70-хъ годовъ. (ИстЛит. XIX в., вып. 19, 129—159).

Замотинъ, И. И. Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Варшава. IV+474. Реценз.: **А. М—нъ** (ИВ, **май**, 662—664).

***Зелинскій, В.** Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Ч. I. Изд. 4-е. М. XLIV+192+4 нен.

Ивановъ, Вяч. Достоевскій и романъ-трагедія. (РМ, май, отд. II, 46—61; іюнь, отд. II, 1—17).

Ивановъ, Вяч. О прозѣ М. Кузмина (Ап, 1910, апр., хрон. 46—51).

***Ивановъ, Ив.** Гоголь. I. Гоголь въ юности. II. Гоголь и его призваніе. III. Гоголь-человѣкъ и писатель. Нѣжинъ. Изд. 2-е. 124.

Ивановъ-Разумникъ. Великій искатель. В. Г. Бѣлинскій. 1811—1911. (РБ, май, отд. I, 145—175).

Игнатовъ, И. Н. Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. (ИстЛит. XIX в., вып. 20, 169—193).

Игнатовъ, И. Н. Крѣпостное право въ поэзіи Некрасова. (ВелРеф, IV, 43—51).

Игнатовъ, И. О Достоевскомъ. (РусскВѣд, № 22—28 янв.).

Игнатовъ, И. Н. Художественная литература и критика 70-хъ г. (ИстЛит. XIX в., вып. 18, 53—102).

Измайловъ, А. Вѣчное воспоминаніе (Къ 30-лѣтію смерти Достоевскаго) (ВсеобщЖ, № 3, 153—160).

Ильинскій, Л. К. Къ комментарію новой поэмы М. Ю. Лермонтова «Послѣдній сынъ вольности». (РФВ, 1910, LXIV, 367—387).

Истринъ, В. М. Къ біографіи Жуковскаго (По матеріаламъ ар-

хива братьевъ Тургеневыхъ). (ЖМНПр, апр., 205—237).

Іовановић, В. Алимпије Васильевић. (1832—1911). (СКГ, XXVI, 596—608, 698—711).

К., Н. Изъ воспоминаній о Якубовичѣ (КіевскМысль, № 84—25 марта; № 85—27 марта).

Кабановъ, А. К. П. Н. Мельниковъ, какъ преподаватель Нижегородской гимназіи. (СбНижегАрхКом, IX, 257—294).

Кадлубовскій, А. П. Гоголь въ его отношеніяхъ къ старинной малорусской литературѣ. Рѣчь. (СбНИ, VII, отд. II, отд. нум. 1—10).

Каллашъ, Вл. Первый сборникъ А. П. Чехова. («Русская Быль», серія III, II, 166—181).

Каменевъ, Ю. О робкомъ пламени г.г. Антоновъ Крайнихъ. (Литер. Распадъ, кн. II, 67—83).

Карасекъ, О. О. Исторія славянскихъ литературъ. СПБ., 1910. (Переводъ съ нѣмецк.). Реценз.: **D. Prohaska** (Savr, VI, 132—133).

***Карпека, Н.** Къ исторіи ложнаго классицизма въ Россіи. (По урокамъ преподавателя Д. Н. Ревуцкаго). Кіевъ. 54.

***Киричинскій, Е.** Забытый поэтъ-націоналистъ. (Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, род. 8 сент. 1809 г., умеръ 8 дек. 1868 г.). Харьковъ, 1910. 10.

— Кирѣевскій, И. В. Полное собраніе сочиненій *(выше XVI/1, 307)*. Реценз.: (Рѣчь, № 30—31 янв.); **П. Сакулинъ** (РусскВѣд, № 12—16 янв.); отвѣтъ на послѣднюю рецензію **М. Гершензона** (РусскВѣд, № 14—19 янв.); разъясненіе по поводу отвѣта П. Сакулина (ів, № 17—22 янв.); (ВЕ, мартъ, 354—355); **Г. Плехановъ** (СМ, апр., 347—353).

***Князевъ, Г.** О Чеховѣ. Литерат. очеркъ. СПБ., 48 съ портр.

Коганъ, П. Борисъ Зайцевъ. (Крит. Альман. 1910, II, 15—24).

Коганъ, П. С. Станиславъ Пшибышевскій (Крит. Альман., I, 29—36).

Коганъ, П. Бѣлинскій. М. 80.

***Коганъ, П.** Міросозерцаніе Бѣлинскаго. Хрестоматія изъ сочиненій Бѣлинскаго съ вступительными замѣтками. М. XIX+269.

Козловскій, Л. Владиміръ Короленко (Опытъ литерат. характеристики) (=Крит. библіотека № 7) Изд. «Заря». М. 1910. 16°. 48.

Козловскій, Л. О Добролюбовѣ и объ «отсутствіи критиковъ» (РусскВѣд, № 18—23 янв.).

Козловскій, Л. Идеалъ и дѣйствительность (Къ характеристикѣ философск. и обществ. воззрѣній Бѣлинскаго). (ЖВ, № 5, 518—529).

Колбасинъ, Е. Тѣни стараго «Современника». Изъ воспоминаній о Н. А. Некрасовѣ (Совр, авг., 221—240).

Колосовъ, Е. Н. К. Михайловскій, какъ критикъ органической теоріи общества. (Совр. февр., 301—328; мартъ, 280—310).

Колтоновская, Е. Е. Н. Чириковъ. (Къ 25-лѣтію его литературной дѣятельности). (ВЕ, мартъ, 348—353).

Колтоновская, Е. Памяти Ѳ. М. Рѣшетникова († 9-го марта 1871 г.) (ВЕ, мартъ, 367—371).

Колтоновская, Е. Пути и настроенія молодой литературы. (ВсеобщЖ, № 2, 1—26 столбц.).

Короленко, Вл. Г. Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ. (ИстЛит. XIX в., вып. 22, 335—361).

Костић, Д. Іован Ст. Поповић о патриjарху Іосифу Раjачићу. (СКГ, 1911, XXVII, 179—186).

Крайній, А. Литературный дневникъ. (РМ, іюнь, хрон, 15—20).

«Деревня» Бунина, «Прокрустово ложе» М. Сивачева, г-жа Н. Санжаръ и ея «Записки», «Гнѣвъ Діониса» г-жи Нагродской, «Узоръ чугунный» Бориса Садовскаго.

Кранихфельдъ, Вл. Бардъ русской интеллигенціи. (СМ, февр., 306—318).

О Евг. Чириковѣ.

Кранихфельдъ, Вл. Литературные отклики. Легенда о кольцѣ Пушкина. (СМ, янв., 291—305).

Кранихфельдъ, Вл. Литературные отклики. Преодолѣніе Достоевскаго. (СМ, май, 322—339). Внѣ жизни. (СМ, іюнь, 306—317).

Кранихфельдъ, Вл. П. Пореформенное крестьянство въ беллетристикѣ. (ВелРеф, VI, 303—343).

Кранихфельдъ, Вл. П. М. Е. Салтыковъ (Н. Щедринъ). (ИстЛит. XIX в., вып. 20, 230—240; вып. 21, 241—283).

Кревецький, І. М. Добролюбовъ й Україна. З нагоди 50-тих роковин смерти. (ЛНВ, LVI, 59—75).

Кричевський, В. Ілюстрований Кобзарь. (ЛНВ, LIV, 119—121).

Крживицкій, Л. Мемуары Элизы Ожешко (РусскВѣд. № 29—6 февр.).

Крюковъ, Ѳ. Памяти П. Ф. Якубовича. (РБ, апр., 117—124).

Куліш, П. Украйнофиламъ. Недрукована статя з передмовою **О. Левицького.** (ЗТ, VIII, 62—85).

Кульчинскій, В. Воспоминаніе объ А. Н. Майковѣ. (ИВ, май, 570—577).

Л. Дата рожденія Бѣлинскаго (РС, май, 254—257).

Лебедевъ, А. Поэтъ-христіанинъ Н. В. Гоголь въ русской литературѣ и искусствѣ (1829—1908). Библіографическая монографія. Вып. II. Саратовъ. 59—242.

— Письма Н. Г. Чернышевскаго къ Г. С. Саблукову. Сообщ. **Александръ Лебедевъ.** (ВЕ, май, 265—269).

Лепкий, Б. Начерк историjи українськоі літератури. Кн. І. Коломия. Реценз.: **В. К.** (SSł, 1910, І. 59—60).

— Лермонтовъ, М. Ю. Собр. соч. *(выше XV/₃, 363).* Т. II, III и IV. Спб. 409. Съ рис. Реценз.: **Ю. В.** (Апол, № 2, 57); **М. С.** (ВСб, мартъ, 200—201); **Ч. В — скій** (ВЕ, февр., 391); **В. Рудаковъ** (ИВ, февр., 736—738; іюнь, 1093—1094); (РБ, февр., отд. II, 141—147); (ЖМНПр, іюнь, 378—380); **А. Амфитеатровъ** (Совр, апр., 365—379).

Лернеръ, Н. О Неизданная статья И. С. Тургенева о крестьянскомъ вопросѣ. (РС, февр., 285—300).

—Французская Академія. Статья А. С. Пушкина съ послѣсловіемъ **Н. О. Лернера.** (РС, окт., 3—33).

Лернеръ, Н. О. Николай Семеновичъ Лѣсковъ. (ИстЛит. XIX в., вып. 20, 207—229).

Лернеръ, Н. О посланіи Пушкина къ А. Ѳ. Закревской (РА, № 4, 641—642).

Лернеръ, Н. О стихотвореніи Пушкина «Примѣты». Хронологич. замѣтка. (РА, III, 493—494).

Лернеръ, Н. По поводу замѣчаній г. Л. Ильинскаго о пушкин-

скомъ текстѣ (ЖМНПр, апр., 389—390).

Лобода, А. М. Грани жизни Ѳ. В. Гоголя. Кіевъ. 15.

Лобода, А. М. Къ исторіи классицизма въ Россіи въ первую половину XVIII-го столѣтія (Serta Borysth., 369—388).

Лобода, А. М. Лекціи по исторіи новой русской литературы (XVIII вѣкъ). Часть I. Кіевъ. 223+1.

— М. В. Ломоносовъ. (РС, ноябрь, 271—281).

Лотиħ, Л. О Оцу Бранкову Тобору Радичевиħу. (Прешт. из «Бранкова кола».) Сремски Карловци, 1909. Реценз.: **Ј. С.** (СКГ, XXVI, 238—240).

Львовъ-Рогачевскій, В. Поворотное время. (СМ, апр., 238—257).

Къ характеристикѣ послѣреволюціонной литературы. «Конь блѣдный» Ропшина, «Чортова кукла» З. Гиппіусъ, «Честность съ собой» Винниченко, «Мертвая зыбь» О. Миртова (РМ, 1909 г.), «Викторъ Стопницкій» Э. Шенталя (ВЕ, 1911, кн. 1 и 2).

Львовъ-Рогачевскій, В. Пѣвецъ «поколѣнья, проклятаго Богомъ». П. Я. (Якубовичъ). (СМ, апр., 288—291).

Мазонъ, А. А. Гончаровъ какъ цензоръ (РС, мартъ, 471—484).

Мазонъ, А. А. Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова (РС, окт., 34—62).

Малининъ, В. Н. Задачи художественнаго творчества Н. В. Гоголя. Кіевъ. 10.

***Масановъ, Ив. Филип.** Русскіе сатиро-юмористическіе журналы (Библіографическое описаніе). Выпускъ I. — I. Весельчакъ (1858—1859 г.). II. Искра (1859—1873 г.). Подъ ред. **А. В. Смирнова.** Владиміръ губ. 32+258+70 лл., портр. и рис.

Масловъ, В. И. Литературная дѣятельность К. Ѳ. Рылѣева (КУИ, № 1, 1—56; № 2, 57—91; № 6, 93—164; № 9, 165—252).

Масловъ, В. И. Библіографическія замѣтки (ЧтОНЛ, XXII/$_{1-2}$, 1—9).

I. Къ литературнымъ обработкамъ преданія о Вадимѣ Новгородскомъ. II. Французскій оригиналъ пѣсни В. А. Жуковскаго «Мой другъ, хранитель — ангелъ мой!»

Маціевичъ, Л. Іеромонахъ Веніаминъ Гонтаревскій, слагатель псалмовъ и духовныхъ стиховъ (1750—1828).

— *Ожешко, Элиза. Мемуары. Съ портр. Э. Ожешко и вступ. статьей, сообщившаго эти мемуары **Л. Мейэ.** Перев. съ польскаго **W. В. М.** 74.

— Списокъ (формулярный) о службѣ, состоящаго при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ д. ст. сов. Мельникова (СбНижегАрхКом, IX, 85—93).

— Письма родителей и родственниковъ къ П. И. Мельникову за періодъ его студенчества въ Казани (1834—1836 гг.) (СбНижег АрхКом, IX, 94—109).

Мельниковъ, А. П. Изъ воспоминаній о П. И. Мельниковѣ (СбНижег АрхКом, IX, 29—66).

Мельниковъ, А. П. «Къ біографіи П. И. Мельникова». Нижній-Новгородъ. 78. Реценз.: **Н. Лнд.** (ИВ, апр. 316—317).

Мельниковъ, А. П. Къ біографіи П. И. Мельникова (СбНижегАрх Ком, IX, 10—29).

Мельниковъ, А. П. Маленькое необходимое предисловіе (СбНижег АрКом, IX, 1—2). Нѣсколько

словъ, сказанныхъ на засѣданіи НижегорАрхКом, посвященныхъ памяти П. И. Мельникова 1 февраля 1908 г. (ib. 3—10).

Мельниковъ, П. И. Автобіографія (СбНижегАрхКом, IX, 67—85).

—Мельниковъ, П. И. Записка, поданная въ 1865 г. министру вн. д. П. А. Валуеву объ изданіи Сѣверной Почты, съ собственноручными замѣтками П. А. Валуева. Сообщ. **С. В. Лазаревскій** (СбНижегАрхКом, IX, 195—202).

—Мельниковъ, П. И. Отчетъ о современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи. Съ предисловіемъ **А. П. Мельникова** (Сб НижегАрхКом, IX, часть II, III—VII+1—328+I—VI).

Составленъ въ 1854 г. Рукопись хранится въ Виленской Публ. Б-кѣ подъ № 307 (265).

—Мельниковъ, П. И. Два письма къ предсѣдателю временнаго Статистическаго Комитета (СбНижегАрх Ком, IX, 174—179).

—Мельниковъ, П. И. Письма къ А. А. Краевскому (1839—1877) (СбНижегАрхКом, IX, 110—150).

—Мельниковъ, П. И. Письма къ А. С. Гацисскому (СбНижегАрх Ком, IX, 203—248).

—Мельниковъ, П. И. Письма къ В. М. Лазаревскому. Сообщ. **С. В. Лазаревскій** (СбНижегАрхКом, IX, 180—195).

—Мельниковъ, П. И. Письма къ князю М. А. Урусову (СбНижег АрхКом, IX, 167—171).

—Мельниковъ, П. И. Письма къ М. П. Погодину (СбНижегАрхКом, IX, 150—167).

Обнимаютъ періодъ 1841—1862 гг. Всего 17 писемъ. Часть изъ нихъ появилась ранѣе у Н. Барсукова: «Жизнь и труды Погодина».

—Мельниковъ, П. И. Письмо къ Архіепископу Іакову. Сообщила **Е. В. Рождественская** (СбНижегАрх Ком, IX, 171—172).

—Мельниковъ, П. И. Рапорты: во временный Статистическій Комитетъ (СбНижегАрхКом, IX, 172—173). Въ хозяйственный Департаментъ Мин. Вн. Дѣлъ (ib. 173—174).

— Три замѣтки, писанныя рукою П. И. Мельникова. Изъ архива А. С. Гацисскаго (СбНижегАрхКом, IX, 249—256).

— Стихотвореніе М. Н. Лонгинова князю С. Д. Абамелеку. Сообщ. кн. **С. Б. Мещерскій** (СтарНав, XIV, 507).

Модзалевскій, Б. Л. Альбомъ Юрія Никитича Бартенева (Изв, $XV/_4$, 200—221).

Модзалевскій, Б. Л. Списокъ рукописей и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, принадлежащихъ Пушкинскому Дому (ИзвАк, № 7, 509—538).

Морозовъ, М. Старосвѣтскій Мистикъ (Творчество Бориса Зайцева). (Литер. Распадъ, кн. II, 120—143).

***Мочульскій, В. Н.** Эволюція критико-литературныхъ взглядовъ В. Г. Бѣлинскаго. Одесса. 13.

Муйжель, В. Памяти П. Ф. Якубовича (РБ, май, 139—152).

Мускатблитъ, Ф. Біографія Антона Павловича Чехова (1860—1890) («Русск. Быль», серія III, II, 10—153).

Мякотинъ, В. Марія Конопницкая (РБ, янв. I, 145—165).

Надеждинъ, К. Ѳ. Семинаристъ въ своихъ стихотвореніяхъ. (Сбор-

никъ семинарскихъ пѣсенъ) (ТрВладАрхКом, X, отд. I, 1—60).

Назаревскій, А. А. Гоголь и искусство. Кіевъ, 1910. 42.

Назаревскій, Б. Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой. Его жизнь и произведенія. М. 109.

Налепинскій, Т. Польская литература. «Нетота» — повѣсть Тадеуша Мицинскаго (Апол, 1910, апр., хрон. 1—6).

Невѣдомскій, М. Наша художественная литература предреволюціонной эпохи (ОбщДвиж, XX в., I, 483—538).

Невѣдомскій, М. Къ столѣтней годовщинѣ Бѣлинскаго (НашЗ, № 5, 3—9).

Нелидовъ, Ѳ. Ѳ. Крѣпостная старина въ художественной сатирѣ Салтыкова (Щедрина) (ВелРеф, IV, 52—75).

— Никитинъ, И. С. Три неизданныхъ стихотворенія. (Сообщ. **А. Г. Фоминъ**). (РМ, май, 156—158).

— Неизданное стихотвореніе И. С. Никитина (РБ, окт. 204—205).

— Каптеміръ, А. Д., кн. Описаніе рѣки Волхова. Сообщ. **А. И. Никольскій** (СбНовгОбЛюбДр, III, 3 стр.).

Новикова, М. Антонъ Павловичъ Чеховъ («Русск. Быль», серія III, II, 154—165).

Новицький, О. Варіянти до Кобзаря 1860 р. (ЗШ, CII, 157—162).

***Овсянико-Куликовскій, Д. Н.** Гоголь въ его произведеніяхъ. Изд. 2-е. Спб. 125.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Къ столѣтію со дня его рожденія (ВЕ, май, 227—233).

Олсуфьевъ, М. В. Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ (ИВ, мартъ, 855—864).

Орловскій, П. Базаровъ и Санинъ. Дв. нигилизма (Литер. Распадъ, кн. II, 144—164).

Орловскій, П. Литературные наброски (Мысль, № 2, 55—62).

О творчествѣ М. Горькаго.

***Острогорскій, В.** Н. В. Гоголь. Литературно-біографическій очеркъ. Изд. 2-е Вятск. Т-ва. Спб. 41. Съ портр.

Пальмъ, Г. А. А. И. Пальмъ (ИВ, мартъ, 1054—1059).

***Парадіевъ, В.** Развитіе міросозерцанія В. Г. Бѣлинскаго. 1811—1911 гг. (Къ 100-лѣтнему юбилею великаго учителя). Казань. 70.

— Переписка по дѣлу о развращеніи отставнымъ шт. кап. Митьковымъ своихъ дворовыхъ людей въ понятіяхъ христіанской религіи чтеніемъ рукописнаго стихотворенія «Гавриліады», а также о допросѣ по этому дѣлу А. С. Пушкина и его письменныхъ отвѣтахъ на вопросномъ листѣ, имъ лично подписанномъ. Дѣло Архива Его Императорскаго Величества Канцеляріи 1828 г. № 52786. Печатается съ Высочайшаго разрѣшенія. (Съ фототип. снимк. показанія по этому дѣлу А. С. Пушкина). (СтарНов, XV, 184—213).

***Петровъ, Б.** Биографията на Георги Стойковъ Раковски. София, 1910. 202. Реценз.: **Н. Бобчевъ** (СлГ, 52—54).

Пирлингъ, П. В. С. Печеринъ въ перепискѣ съ И. С. Гагаринымъ (РС, янв., 59—67).

***Погодинъ, А. А.** Исторія Польской литературы. Харьковъ. 451.

Покровскій, В. И. И. А. Крыловъ, его жизнь и сочиненія. Изд. 3-е доп. М. 200.

Покровскій, В. И. С. Никитинъ, его жизнь и сочиненія. М. 1910. 167.

***Покровскій, В. И.** А. Н. Плещеевъ, его жизнь и сочиненія. М. 127.

Покровскій, В. А. П. Сумароковъ, его жизнь и сочиненія. Изд. 2-е. М. 150.

***Покровскій, В.** А. К. Толстой. Его жизнь и сочиненія. Изд. 3-е. М. 326. Ц. 60 к.

***Покровскій, В. И.** Г. Р. Державинъ. Его жизнь и сочиненія. Изд. 3-е. М. 126 + 2 нен.

***Покровскій, К.** Литературныя вліянія и отзвуки въ поэзіи Никитина. М. 31.

— Письма кн. П. А. Вяземскаго Н. М. Языкову и А. И. Тургеневу. Сообщ. **В. Н. Поливановъ** (СтарНов., XIV, 508—513).

Полонскій, Гр. О Вл. Короленко (НЖ, № 2 125—136).

Полянская, А. Г. Къ біографіи Л. А. Мея. Л. А. и С. Г. Мей, ихъ родные и знакомые. (Семейная хроника). (РС, мартъ, 657—675; апр., 87—97; май, 346—358; окт., 71—79).

***Порфирьевъ, И. Я.** Исторія русской словесности. Ч. II. Новый періодъ. Отд. 2. Литература въ царствованіе Екатерины II. Казань. 417+3 нен. стр. Отд. 3-й. Литература въ царствованіе Александра I. Казань, 1910. Изд. 4-е. 256.

***Прилуко-Прилуцкій, Н. Г.** Корифеи русскаго слова. Вып. I. Ломоносовъ. — Жизнь и творчество. Спб. 88.

***Прилуко-Прилуцкій, Н. Г.** Корифеи русскаго слова. Вып. XIV. Ал. Толстой. Жизнь и творчество. Спб. 94. Вып. XVI. Державинъ. Жизнь и творчество. 108.

— Программа составленія словаря поэтическаго языка Пушкина (=Пушкинскій семинарій при Спб. университетѣ, подъ руководствомъ **С. А. Венгерова**. Вып. I). Спб. Реценз.: **Н. Л.** (Рѣчь, № 37—7 февр.).

Пѣевъ, И. Георги Беневъ (Лѣт. на българ. книж. друж. 1909, 95—97).

Радловъ, Э. О поэзіи А. С. Хомякова (СбПлат, 522—531).

Радзикевич, В. Павлин Свєнціцкий. Публїцистична, наукова та лїтературна його дїяльність (ЗШ, 101, 109—129; 127—147).

Радонић, І. Гроф Ђорђе Бранковић и његово време. Београд. XI+776,

***Рождествинъ, А. С.** Бѣлинскій— критикъ-художникъ. Къ столѣтію дня рожденія 1 іюня 1811—1 іюня 1911. Казань. 20.

— Рабство и воля. Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ. Сборникъ. Составили **И. Розановъ** и **В. Сидоровъ** (Унив. библіот. № 508—9). Реценз.: (РБ, мартъ, 122—123).

Розановъ, М. Н. Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и начала XIX в. Т. I. М. 1910. 599 + VIII. Реценз.: **гр. Ф. де-Ла-Бартъ** (РМ, февр., кр. об., 45—46); **С. В. Соловьевъ** (ЖМНПр, апр. 327—346).

***Розовъ, В.** А. С. Хомяковъ, его личность и лирика. Кіевъ, 1910. 16.

— Стихотвореніе Висковатова. Сообщ. **В. Рудневъ** (РС, іюль, 60).

Русановъ, Н. С. Н. К. Михайловскій (1842—1904) (ИстЛит. XIX, вып. 19, 117—129).

Русановъ, Н. С. Петръ Лавровичъ Лавровъ (1823—1900) (Ист Лит. XIX в., вып. 19, 103—116).

Рѣдько, А. Е. Объ «Океанѣ» Л. Андреева (РБ, май, 152—163).

Рѣдько, А. Е. Предвидѣнія и наблюденія въ беллетристикѣ (РБ, февр., 92—113).

Саввинъ, Н. А. П. И. Мельниковъ въ оцѣнкѣ литерат. критики (СбНижгАрхКом, IX, 295—306).

***Саводникъ, В. Ѳ.** Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М. 204. Реценз.: **А. Искозъ** (РМ, іюнь, 231—232).

***Саводникъ, В.** Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка. Ч. I. Изд. 7-е. 406+II. Ч. II. (Съ приложеніемъ синхрон. таблицъ). Изд. 7-е. М. 340.

Садовскій, Б. Русская Камена. М. 1910. 63. Реценз.: **С. Городецкій** (Рѣчь, № 30—31 янв.); **Н. Л.** (ИВ, янв., 331); (ВЕ, апр., 330—331).

Характеристики Державина, Давыдова, Веневитинова, Полежаева, Бенедиктова, Мея, Полонскаго и Фета.

— Пушкинъ. Сочиненія. Переписка. Подъ ред. и съ прим. **В. И. Саитова.** Т. III (1833—1837). Изд. Академіи Наукъ. Спб. XV+473.

***Свенцицкій, В.** Жизнь Ѳ. М. Достоевскаго (=Свѣточи міра № 1). М. 77.

Семевскій, В. И. Крестьянскій вопросъ въ литературѣ Екатерининскаго времени (ВелРеф, I, 218—240).

***Сивковъ, К. В.** Крѣпостное право и русская изящная литература. М. 37.

Сидоровъ, Н. П. Крѣпостные крестьяне въ русской беллетристикѣ (ВелРеф, III, 235—266).

Сикорскій, И. А. Психологическое направленіе художественнаго творчества Гоголя. Кіевъ. 11.

***Сиповскій, В. В.** Исторія русской словесности. (Ист. новой русской литературы XIX ст.). Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій. Ч. III, вып. 1. Спб. 1910, XIII+255.

Скерлић, І. Историјски преглед српске штампе 1791—1911. Београд V+81. Реценз.: **І. Р.** (ЛМС, св. 10, 75—78).

Скерлић, І. Светозар Марковић. Његов живот, рад и идеје. Београд, Нова штампарија «Давидовић», 1910. VII+272. Реценз.: **Вл. Викторова** (РБ, мартъ, 43—44); **С. Јовановић** (СКГ, XXVII, 44—55, 121—133).

Скерлић, І. Српска књижевност у XVIII веку. 1909. XIII+481. Реценз.: **Ст. Станојевић** (ЛМС, 1910, LXXXVI, св. VIII, 61—69).

Скерлић, І. **Лажни модернизам у српској књижевности** (СКГ, XXVII, 348—363).

—Фонвизинъ, Д. И. Двѣ комедіи: 1. Бригадиръ. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. 2. Недоросль, комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Съ біографіей Д. И. Фонвизина, напис. **П. Смирновскимъ** и объяснительнымъ словаремъ къ его комедіямъ. Изд. 4-е А. С. Панафидиной. М. 16°. 220.

***Смоленскій, Ник.** Защитникамъ Леонида Андреева. Лекція. Изд. 2-е. М. 1910.

***Соколовъ, Л.** В. Г. Бѣлинскій въ роли педагога. Къ 100-лѣтію со дня рожденія великаго критика (1811 г. 30 мая 1911 г.). Кіевъ. 40.

— Сочиненія въ прозѣ и стихахъ на случай открытія Казанскаго намѣстничества въ публичномъ собраніи на разныхъ языкахъ говоренныя въ тамошней семинаріи декабря 26 дня 1781 г. (СбМатКазКр, отд. II, 123—158).

***Спасовичъ, В. Д.** Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова. Съ кратк. біографіей лорда Байрона, сост. Б. Степанцемъ. Вильна, VIII+88+1.

Срединъ, А. В. Пушкинъ и «Полотняный Заводъ» (ИзвКалАрхКом, XXI, 30—46).

Станиславскій, А. Почему мы любимъ Гоголя и что онъ далъ русской литературѣ? (КалужскСт, V, 43—61).

Стекловъ, Ю. М. О творчествѣ Ѳедора Сологуба (ЛитерРаспадъ, II, 165—216).

Стойковъ, В. Чертици изъ живота и дѣятелностьта на Л. Н. Толстой (БългСб, 1910, XVII, 681—685).

Стоиловъ, Н. Франция и славянитѣ. (Общественно-книжовенъ прѣгледъ). (СлГ, IX, 74—79).

Сумцовъ, Н. Ф. Харьковъ и Шевченко (ВХИФО, I, 3—11).

Сумцовъ, Н. Ф. Дубы Т. Г. Шевченко (ВХИФО, I, 17—20).

Сумцовъ, Н. Ф. Послѣднее стихотвореніе Т. Г. Шевченко (ВХИФО, I, 12—16).

С—ій, А. О пребываніи Н. В. Гоголя въ г. Калугѣ и Оптиной пустыни (КалужскСт, V, 75—83).

Танъ. «Океанъ» Леонида Андреева (НЖ, 1910, № 1 — дек., 140—159 столб.).

Тихомировъ, П. Памяти Л. Н. Толстого (СбНИ, VII, отд. II, 1—3).

Тростянскій, М. И. Русская литература XIX в. и вопросъ освобожденія крестьянъ. Кіевъ. 18 и 1 л.

Туберовскій, А. М. Религіозные мотивы въ жизни и творчествѣ Н. В. Гоголя (КалужскСт, V, 1—42).

— Тургеневъ, И. С. Письмо г-ну Arnando, автору итальянской книги о нигилизмѣ. (= Матер. по русск. лит. и культ. III). (РМ, февр. II, 175—176).

— Тютчевъ, Ѳ. И. Письмо къ кн. Е. Э. Трубецкой (РА, № 6—274).

***Фаминскій, В.** Личность В. А. Жуковскаго и христіанскіе мотивы въ его поэзіи (Отд. отт. изъ № 9, Епарх. Вѣд. за 1911 г.). Екатеринославъ. 32.

***Фаусекъ, В.** Великій гражданинъ А. И. Герценъ и его роль въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Историко-литературный очеркъ. Посвящается памяти 19 февраля. Харьковъ. 24. 3 портр.

***Федоровъ, Ив.** Опытъ хронологической канвы къ біографіи В. Г. Бѣлинскаго съ приложеніемъ библіографическаго указателя 1811—1911. Смоленскъ. 45.

Фельдманъ, Вильг. Станиславъ Пшибышевскій. Литературная характеристика. Перев. съ польскаго **Я. Мацкевича** (КритАльман, I, 65—79).

— «Первые литературные шаги». Автобіографіи современныхъ русскихъ писателей. Собралъ **Ф. Ф. Фидлеръ.** М. 268. Реценз.: **К. Ф. М.** (ИВ, мартъ, 1110—1112); (РБ, февр., 151—153).

Франко, І. Молитва за ворогів (ЗТ, VIII, 53—61).

Франко, І. Писання. IV Молода Україна. Часть І. Львів, 1910. Рец.: **М. Сріблянський** (УкрХ, III, 60).

***Хоцяновъ, К.** Рѣчь о Н. В. Гоголѣ по случаю столѣтія со дня его рожденія (произнес. 20 марта 1909 г. въ Псковск. Кадетскомъ Корпусѣ). Псковъ. 1910. 16°. 22.

— Бѣлинскій, В. Г. Собр. соч. подъ ред. **Б. К. Фукса.** Т. V. Кіевъ. 442+2 нен. Т. VI. 374+104.

Храниловић, І. Из савремене хрватске књижевности (ЛМС, LXXXVII, св. 6, 44—61).

***Ч., Е. М.** Изъ временъ крѣпостного права. Сборникъ изъ произведеній русск. писателей. Спб. 231.

Черновъ, В. Литературныя впечатлѣнія. (Зинаида Гиппіусъ. «Чортова кукла, жизнеописаніе въ тридцати трехъ главахъ», «Русская Мысль» №№ 1—3). (Совр, май, 304—343).

Чеховъ, Ал. Первый паспортъ А. П. Чехова (РБ, мартъ, отд. I, 195—202). Сравн. **Амфитеатровъ, А.** Загадочный документъ (Совр., апр., 268—279).

Чудовскій, В. «Пушкинъ» Валерія Брюсова (Апол, № 2, 62—68).

Чуковскій, К. Критическіе разсказы. Кн. I. Спб. 235. Реценз.: **П. Наумовъ** (Апол, № 2, 60—62).

Чуковскій, К. О. Леонидъ Андреевъ. Спб. 87.

Шамбинаго, С. Трилогія романтизма (Н. В. Гоголь). М. 158. Реценз.: **Б. Грифцовъ** (РМ, май, 192—193).

***Шведеръ, Е.** В. Г. Бѣлинскій. Біографическій очеркъ. (= Образцовая б-ка № 28. Біограф. очерки. Кн. I-я). Вильна. 16°. 77+2 и 1 портр.

Шевић, М. Дечја књижевност хрватска (БранкКоло, XVII, 438—441, 473—475).

Шевић, М. Дечја књижевност српска (Оглед историјскога прегледа) (ЛМС, св. 2, 1—32, св. 3, 1—38). Реценз.: **O. Dürr** (Napr, LII, 325—328).

— Шелгуновъ, Н. В. Письма къ А. Н. Попову. Съ предисловіемъ **Б. Веселовскаго** (СМ, май, 145—168).

Н. В. Шелгуновъ. Письма къ С. Н. Кривенко (ВЕ, апр., 224—242).

Шипилова, А. Нащокинскій домикъ (ИВ, іюль, 213—215).

Шпицеръ, С. Забытый классикъ (матеріалы для біографіи И. А. Гончарова) (ИВ, ноябрь, 679—691).

Штрайхъ, С. Я. Студенческіе годы Н. А. Добролюбова (по неизданнымъ матеріаламъ) (РБ, окт., 232—247).

Щегловъ, В. (сообщилъ). Новые документы о Гавриліадѣ. Изъ архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи (СтарНов, XIII, 1—2).

***Щегловъ, Б.** В. Г. Бѣлинскій, какъ націоналистъ. Рефератъ, прочитанный на собраніи студентовъ-націоналистовъ въ университетѣ Св. Владиміра. 26 марта 1911 г. Харьковъ. 26.

Щеголевъ, П. Е. Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина. Изд. Академіи Наукъ. Спб. 1910. 141. Реценз.: **А. Г. Фоминъ** (ИВ, сент., 1165—1167); **Н. Лернеръ** (Совр, апр., 356—361); (РБ, янв., II, 166—167).

Щепкина, Е. Марія Извозкова (РС, сент., 458—464).

Романистка начала XIX в. († 1830 г.).

Щепкина, Е. Женскіе типы Пушкина (ВЕ, іюнь, 243—252).

Щетининъ, Б. А., кн. Въ литературномъ муравейникѣ (Встрѣчи и знакомства) (ИВ, мартъ, 865—895).

Энгельгардтъ, Н. А. Давніе эпизоды. Н. А. Энгельгардтъ и М. Е. Салтыковъ-Щедринъ (ИВ, апр., 42—68). VIII. Воспитатель Пушкина (ИВ, авг., 449—468).

Ювачевъ, И. П. Г. Н. Потанинъ (ИВ, май, 515—526).

Къ его смерти († 17 дек. 1910 г.). Г. Н. Потанинъ—авторъ романа «Старое старится, молодое растетъ», печатавшагося въ «Современникѣ».

Ювачевъ, Ив. На родинѣ Ломоносова (ИВ, ноябрь, 739—762).

Юдинъ, М. Л. Два завѣщанія Г. Р. Державина (Крѣпостные ищутъ воли) (РА, № 6, 205—223).

Я., В. Памяти Бѣлинскаго (РС, май, 242—253).

Яковлевъ, И. Бѣлинскій, какъ литературный критикъ (ЖВ, № 6, 743—755).

Яковлевъ, И. Жизнь и личность. Бѣлинскаго (ЖВ, № 5, 639—652).

Янчукъ, П. А. П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій) (ИстЛит. XIX в., вып. 20, 194—207).

Ясинскій, І. І. Мои цензора (Изъ воспоминаній) (ИВ, февр. 533—557).

Ященко, А. Тайна любви въ современной -русской литературѣ. (С. Городецкій, гр. Ал. Н. Толстой, К. Бальмонтъ) (НЖ, № 7, 111—136).

— Artykule historyczne, literackie i artystyczne w pismach codziennych polskich. (PwAnt, 1910, I, 9).

Askenazy, S. Na pozdrożu. 1812—1813. (Bibl Warsz, II, 1—43).

Bazała, A. Češka pedagoška literatura. (Napr, 1910, LI, 124—126).

Bełza, W. Z epoki Mickiewicza, Lwów. 166.

***Bełza, St.** Niemcy u Mickiewicza, Warszawa. 32.

***Bernacki, L.** Przyczynki do gienezy i dziejów Myszejdy Krasickiego. Lwów, 1910, 14. (Отд. отт. изъ «Sprawozdania Zakładu nar. im. Ossolińskich» za r. 1909).

— *Bibljoteka Pisarzów Polskich. № 56—59. Kraków, 1910. Реценз.: **A. Brückner** (Książka, XI, 11—12).

Biegeleisen, L. Władysław Studnicki: «Sprawa polska». (Książka, XI, 233—236).

Botto, J. Typy slovenských žien v poesii Hviezdoslavovej. (Živ, I, 12—14, 40—42, 113—116, 129—131, 151—152, 182—186).

Bráf, A. Mé vzpomínky na Emanuela Bozděcha. (Máj, IX, 4—6, 24—27).

Brodzki, L. Poezia smutku. (Smutek, jako ton zasadniczy współczesnej poezji polskiej). Studjum literackie. Warszawa. 212.

Brzostowicz, K. J. O widzeniu ks. Piotra z III cząsci «Dziadów». Przyczynek do studjów nad «Dziadami». Krosno, 22.

Bučar, F. O nakladama nekih slovenskich protestantskih knjiga. (Carn, II, 286—289).

Bučar, F. Povijest Hrvata. (Savr, VI, 308—310).

Bučar, F. Povijest hrvatske protestantske književnosti. Zagreb, 1910. Реценз.: **J. Magiera** (SSł, VII, 454—455). **М. Московљевић** (СКГ, XXVI,

560—567, 640—643). **T. S. Grabowski** (SSł, VII, 455—458).

Budisavljević, B. Kurelac i Veber, (Savr, VI, 128).

***Bugiel, W.** Studja i szkice literackie. Poznań, 408.

Bysterský, Z rozpomienok na Hviezdoslava. (SlP, XXIX, 225—233).

***Čermáková — Sluková, A.** Vzpomínky na Karolinu Světlou. Praha, 1909. 320. Реценз.: **A. Novák** (LF, XXXVI, 390—394); **F. X. Š[alda]** (Novina, II, 349—350; **E. Krasnohorská** (Osvěta, 1909, 846—847); **Spectator** (ČR, II, 700—701); **P. Maternová** (ŽS, XIII, 238).

Černý, A. Kritické vydání spisů L. Krasińského. (Čas, 1909, XXII, č. 71).

Cezary, J. Druid J. Słowacki. Реценз.: **M. Kridl** (Książka, 372—373).

Chalupný, E. Litoměřice v české literatuře. (Přehled, 1909, VIII, 203).

Chlebowski, B. Stan dotychczasowej pracy nad historją, literatury polskiej wobec zadań jej naukowych i społecznych. (Książka, XI, 281—284, 325—329).

Chlebowski, B. Jak powstały «Dziadu» kowieńskie. (SprTNjez, IV, № 3, 37—54).

*Biernat z Lublina. Ezop. Wydal **Ign. Chrzanowski.** Kraków. 1910, XV+541, Реценз.: **A. Brückner** (Książka, 1910, X, 191—192).

Cwik, W. Pierwsza redakcja «Wallenroda. (Sprawozd. Gimn VIII we Lwowie za r. 1911). Lwów. 17. Реценз.: **S. Łempicki** (Książka, XI, 333—334).

Creczott, W. Eliza Orzeszkowa. (Ze wspomnień osobistych). Ченстоховъ. 1910. 50.

Czubek, J. Czy «Dolina Klöntal» i «Ermenouville» są utworami Krasińskiego? (PL, X, 103—105).

Deželić, B. Pisma pisana D-ru Ljudevitu Gaju i ńeki ńegovi sastevci (1828 — 1850). Zagreb, nákl. jugoslav. akademie, 1909, XLV+371. Реценз.: **J. Polívka** (ČČH, XV, 479—481), **W. R. Wegnerowicz** (SSł, 1910, II, 47—49).

***Dicksteinówna, I.** Trzy fazy w twórczości Narcyzy Zmichowskiej. Warszawa, 1909. 18. Реценз.: **Z. L. Zaleski** (Książka, 1910, X, 448).

Dir., K. K bilanci české literární tvorby za rok 1908. (NárListy, XLIX, 1909, č. 14).

Dobrzycki, S. Psałterz Kochanowskiego: jego powstanie, źródła, wzory. (RAk UmF, Ser. 3, III, 1—144).

Dobrzycki, St. Sebastyan Grabowiecki i jego Rymy duchowne (AKapl, 1910, III, 289—310, 398—420).

Drechsler, B. Antun Mihanović. Iz «preporodnih studija». (HrvK, VI, 1910, 3—25).

Drechsler, B. Historija književnosti Andre Gavrilovića. (Savr, VI, 244—247).

***Drechsler, B.** Stanko Vraz. Zagreb, 1909. 220. Реценз.: **H. Capponi** (Sl Př, XII, 425—426).

Drechsler, B. Vrazov ilirizam. (Savr, VI, 489—491).

Dresler, V. Karel Leger. (Zvon, IX, 782—786).

Dresler, V. K. V. Rais. (Zvon, IX, 210—213, 234—238, 245—248).

Dresler, V. J. V. Sládek. (Osvěta, 1909, 874—887, 965—976).

Duchesne, E. Lermontov (*выше XVI/$_1$, 287)*. Реценз.: **Дм. Абрамовичъ** (ЖМНПр. апр., 386—389).

Dvořák, M. Literatura česká, v souvislosti s historií. (Obecná knihovna učitelská, sv. 19). Praha, 1909. Реценз.: **J.** Hofman (LF, 1909, 308—309).

Работа совсѣмъ не систематичная и въ многихъ мѣстахъ переполненная важными ошибками.

Dvořák, V. Frant. Sušil. Studie literárně—historická (Výroční zpráva čes zem. vyš. reálky v Lipníku 1909/10). 38. Реценз.: **M. Hýsek** (ČMF, I, 166—167). **K. Rieger** (LF, XXXVIII, 391—392).

***Dziewuski,** S. Julian Krzycki. 1851—1910. Szkic biograficzny. Warszawa. 89.

Dziobkiewicz, A. List ukraiński. (z powodu «Antologii współczesnych paetów ukraińskich». См. Twerdochlib). (Krytyka, XIII, 2, marzec 184—190).

Estreicher, S. Wspomnienia Ambrożego grabowskiego. Tom 1, 47+344, tom 2, 417 Kraków, 1909. Реценз.: (PyP, 1910, luty, 254—255).

Feldman, W. Polská literatura r. 1910. (SlPř, 1911, XIII, 321—326).

Fischer, A. Ignazy Lubicz Czerwinski. (W stuletnią rocznicą pierwszej polskiej monografii etnograficznej.) (Ruś, I, 127—134).

Folkierski, W. Krasicki a La Fontaine. (Bibl Warsz, III, 255—322).

***Folprecht, J.** Michail Jurjevič Lermontov. (Отд. Отт. изъ ČerR). Praha, 1910. 103. Реценз.: **M. Hýsek** (ČMF, I, 1911, 55—58); **И. Замотинъ** (РФВ, 1910, LXIV, 395—396).

Francev, V. A. Iz epohe hrvatskog preporoda (*выше XVI/$_1$, 287)* III. Stanko Vraz i ruski njegovi književni prijatelji. (Savr, VI, 111—115, 169—173).

Galle, H. Drogi swórczości Elizy Orzeszkowej. (Bibl Warsz, 1911, T. 2, 432—470).

Gawełek, F. Kalendarze dla Mazurów w latach 1835—1880. (SSł, 1910, t. I, 27—36).

***Gawiński, A.** Maryan Wawrzeniecki. Studyum. Warszawa, 30.

***Gebauerová, M.** K životopisu Boženy Němcové (Novina, II, 673—678).

***Gerstmann, Z.** Świat nadzmysłowy i teorja ewolucji w początkach filozofji Krasińskiego. Stanisławow, 1911, 45.

Gostomski, W. Idea i artyzm w poezyi Konopnickiej (BiblWarsz, I, 472—517; II, 68—103).

Grabowski, T. Juliusza Słowackiego «Beniowski» (PwN, XXXIX, 1—15, 97—102).

Grabowski, T. Krytyka literacka. Na Emigracyi (1831—1848) (PwN, XXXVIII, 249—266, 350—367).

Grabowski, T. Krytyka literacka w Poznańskiem i Galicyi po r. 1830 (PwN, XXXIX, 531—538, 617—625).

Grabowski, T. D. Romantyzm polski wśród Słowian. Wpływy i pokrewieństwa. Lwów, 1910. 44. Реценз.: **J. Š.** (SlP, XXXI, 58—63); **П. Степановић** (СКГ, XXVI, 567—570); **L. S.** (Krytyka, II, 325—327).

Grabowski, T. S. Sprawa grobu i szczątków Władysława Warneń-

czyka (PgN, VII, 19—63, 137—185, 318—333).

***Grabowski, A.** Wspomnienia. Wydał St. Estreicher (BiblKrak, № 40 и 41). Kraków, 1909, T. 1, 344; T. 2, 377. Реценз.: **L. Dziama** (PamLit, 1910, IX, 362—367).

Grabowski, T. Mickiewicz w r. 1848 (BiblWarsz, CCLXXXIV, 1—21).

Grafenauer, I. Iz Kastelčeve zapuščine. Rokopisi Prešernovi, Kastelčevi in drugi. (Pomnožen in popravljen ponatisk iz «Časa» letnik IV, 1910) Ljubljana, 1911.

***Grafenauer, Iv.** Zgodovina novejšega slovenskega slovstva. I. del. Od Pohlina do Prešerna. Ljubljana, 1909. 150. Реценз.: **F. Kidrič** (Veda, I, 97—103).

***Grądzielski, K.** Dzieje literatury polskiej. Kraków, VIII+392+XLVI. Реценз.: **B. Chlebowski** (Książka, XI, 153—155).

Grotowski, Z. O Worcellu. (Dr. Boleslaw Limanowski: «Stanisław Worcell. Życiorys». Kraków, 1911). (PgN, VII, 625—636, 738—744).

Grotowski, Ż. Zapatrywania społeczne S. Worcella (PgN, VIII, 62—71).

***Grubiński, W.** O «Klątwie» Wyspiańskiego. Szkic analityczny. Warszawa. Реценз.: **A. Piskozub** (Krytyka, XIII, 2, lipiec—sierpień, 86—88).

Hahn, W. Tomasz Corneille i Franciszek Zabłocki (PL, X, 32—52).

Hanuš, J. Nová obrana rukopisů (Besedy Času, XVI, č. 19).

Hanuš, J. Rukopisové Zelenohorský a Kralodvorský. Památka z XIX věku. Praha. 225. 16°. Реценз.: **J. G.** (ČČH, XVII, 445—447).

Haškovec, P. M. Poznámky literární (ČMF, I, 41—46, 247—251, 334—340).

***Haškovec, P. M.** Václav a Bolestav v povídce francouzské (Progr. slátní reálky v Karlíně). 1909. 9.

***Hazulický, B.** Lidová poesie a novočeské básnictví lyrické (Program der Landesrealschule in Ung. Brod, 1909. 18. 4°).

Herbaczewski, J. A. Współczesna literatura litewska (SGł, VII, 273—288).

Historicus. Povijest Hrvata (Savr, II, 409—413).

Homolovič, L. Hanácká literatura (NárListy, 1909, XLIX, č. 29).

Hurban, J. M. Listy Andrejovi Sládkovičovi (SlP, XXIX, 57—58).

Hýsek, M. Modernistyczna literatura czeska (SSł, 1909, X). Реценз.: (Přehled, VII, str. 868).

Hýsek, M. Moravský stoupenec Máchův (Národni Listy, č. 75).
Касается поэта Винценца Фурха.

Hýsek, M. Láska Fr. Jar. Vacka Kamenického (ČMF, I, 208—213).

Jabłonowski, A. Pisma. III. Ukraina. T. IV. Wołyń, Podolé i Ruś Czerwona. Warszawa. 368+532.

Jakoubek, O. Působení kněží v Matici České (Vlast, 1910, XXVI, 934 и сл.).

***Jakubec, J.** Dějiny literatury české od nejstarších dob do probuzení politického. Praha.

Jarkowski, S. T. Literatura do tycząca prasy polskiej. Notatki krytyczno-bibliograficzne (PgN, VIII, 9—48, 169—214).

Jarkowski, S. T. Czasopiśmiennictwo polskie w Saksonii. Notatki bibliograficzno-historyczne (PgN, VII, 214—235).

Jefremov, S. Ševčenko. K padesátému výročí jeho smrti (SlPř, XIII, 312—321).

*__Jeluk, I.__ Odrodzenie ruskiej literatury w Galicji i Markian Szaszkiewycz. (Spraword. Dyr. c. k. gimn. w Brzeżanach za 1910—1911).

Jiráni, O. Antické ohlasy v Kollárově «Slávy dceři» (LF, 1911, XXXVIII, 220—226).

Jirásek, A. Z mých pamětí. Poslední kapitoly k nové kronice «U nás». Praha. 361. Реценз.: **Č. Zíbrt** (ČMKČ, LXXXV, 383—387).

Kabelík, J. O bratrstvu Klácelově (BesČ, 1909, XIV, č. 32—35).

Kabelík, J. Korespondence a zápisky Jana Helceleta. (Prameny dějin moravských. Vydává historická komise při Matici Moravské. I sv.). Brno, 1910—1911. LXXV+661. Реценз.: **Č.** (ČMysl, XII, 197—199); **M. Hýsek** (LF, XXXVIII, 298—302); **J. Kabelík** (ČMM, XXXV, 261—263); **Č. Zíbrt** (ČMKČ, LXXXV, 396—399); **V.** (H, XXVIII, 710—717).

Kaczmarczyk, K. List Tomasza Zana (PamLit, 1910, IX, 337—338).

Kallenbach, J. Pisma Adama Mickiewicza. Wydal, objaśnił, wstępami poprzedził J. K. Tom II. XII+230. Реценз.: **M. Kridl** (Książka, 404).

Kallenbach, J. Nieznane pisma Adama Mickiewicza (1817—1823) z Archiwum Filomatów. Kraków, 1910. Реценз.: **J. Ujejski** (PL, X, 138—158).

*__Kallista, E.__ Bohemica appelativa v Regestech Emlerových. (Progr. reál. gymn. v Kolíně za 1909/10).

Kamper, J. Sabina belletrista (Den, 1909, прилож. къ № 190, 197).

Karásek, J. Z korespondence K. J. Erbena. O zájezdu do Ruska r. 1867 (NL, 7/XI, № 308).

Kidrič, F. Iz prvih časov slovenske umetne pesmi. (Glose k publikaciji Iv. Grafenauerja) (Veda, I, 155—168).

Klaić, V. Novi koledar u Hrvatskoj i Slavoniji (VHA, 1910—1911, XI, 1—3).

Kołodziejczyk, E. Wincenty Pol a Kaszuby (Gryf, III, 149—151).

Körbler, D. Ignjat Dorđić prethodnik Wolfov u Homerovu pitanju (Rad, CLXXXVI, 1—34).

Körbler, D. Vićentije Petrović Dubrovčanin 1677—1754. (Rad, CLXXXVI, 185—304).

Korbut, G. Początki wpływu Boileaua w Polsce. Warszawa, 1910. Реценз.: **A. B. Balicki** (PgPol, CLXXXI, 111—113).

Korzeniowski, J. Zapiski z rękopisów Cesarskiej Biblioteki publicznej w Petersburgu i innych bibliotek petersburskich. (Arch. do dziej. literat. i oświaty w Polsce, t. XI). Kraków, 1910. XLII+408. Реценз.: **I. Крипякевич** (ЗШ, CI, 167—169).

Kossowski, S. Przyczynki i materyały do dziejów literatury polskiej. I. Listy romantyków. Listy K. Gaszyńskiego do L. Siemieńskiego (1851—1866). Lwów. 87.

*__Kot, S.__ Wpływ starożytności klasycznej na teorje polityczne Andrzeja Frycza z Modrzewa. Kraków. 95.

Krajičić, L. Ivan Kozarac (Savr, VI, 362—365, 424—429).

Král, J. C. Belletrie G. A. Lindnera. I. České znělky (ČMysl, XII, 187—192).

Král, J. B. Pnblicistická činnost G. A. Lindnera (ČMysl, X, 43—49, 187—190, 268—271).

Král, J. Sociální pedagogika G. A. Lindnera (PR, XXIV, 225—229, 337—343, 453—458).

Král, J. Prosodie básní Erbenových. Dodatek k článkům o české prosodii (LF, 103—116, 244—254).

Kraushar, A. Zarysy literacko-historyczne I: Krytyka literacka i jej dzieje w literaturze polskiej. II. Naukowość polska w trzydziestoleciu 1831—1861. Warszawa. V+118.

Krechowiecki, A. O Cypryanie Norwidzie. Lwów, 1909. T. 1, 244; T. 2, 324. Реценз.: **M. Gawalewicz** (PamLit, 1910, IX, 156—161).

Krechowiecki, A. Prawdy i bajki. Z portretem autora. Warszawa, 2+502+1. Реценз.: **St. Zdziarski** (Książka, XI, 105—106).

Krejčí, F. V. České literární vzdělání (PR, XXIV, 501—505, 613—616).

Křemen, F. Adolf Heyduk. Pokus o rozbor jeho díla. Písek, 1906, 1907, 1908, 43+24+22. Реценз.: **K. Rieger** (LF, XXXVII, 154—156).

Kronbauer, R. J. Tři episody ze života Karla Sabiny a nové zprávy o něm (Máj, IX, 105—107).

Kronbauer, J. R. Z rodokmenů K. H. Máchy a jeho milenky Eleonory Šomkové (Máj, XI, 77—80).

Kropatsch, A. Idea narodowa w dramatach Wyspiańskiego (PgN, VII, 492—503).

Kruszelnicki, A. Szkice z ukraińskiej literatury współczesnej. Реценз.: **J. Demiańczuk** (SSł, 1910, II, 173—177).

Krzysztofowicz, K. A. i Rosenfeld, F. Bibliografia historyi literatury i krytyki literackiej polskiej za rok 1907. Lwów.

Kucharzewski, J. Czasopiśmiennictwo polskie wieku XIX v królestwie, na Litwie i Rusi oraz na emigracyi. (Zarys bibliograficzno-historyczny) (PgN, VII, 411—478, 545—598).

Kukiel, M. Renesans literatury wojskowej w Polsce (Krytyka, XIII, 1, marzec, 145—149, kwiecień).

Kurpiel, A. M. Cztery listy Lukasza Górnickiego. (См.: Archiwum do dziejów. T. XII).

K...ski, F. Z literatury Hanackiej (SSł, 1910, I, 290—294).

Lagowski, F. Historja literatury polskiej w zarysie. Część VIII. Po roku 1863. Warszawa, 1909. 16° 150. Реценз.: **T. Turkowski** (Książka, XI, 13).

Lah, Iv. Češka moderna literatura (LjZv, XXXI, 259—262, 315—320, 380—386).

***Laudanowa, F.** O Marji Konopnickiej. Warszawa. 1910. 16.

***Lange, A.** Krótki zarys literatury powszechnej. Część IV. Literatura ludów słowiańskich. (Książki dla wszystkich, № 470). Warszawa, 1910. 222. Реценз.: **В. Францевъ** (РФВ, 1910, LXIV, 398—400).

Lempicki, S. Bibliografia historyi literatury i krytyki literackiej polskiej za r. 1906. Lwów, 1910. 153. Реценз.: **K. Hartleb** (PwN, XXXIX, 567—568).

Letošník, J. Dějepisný rozbor rukopisu Kralodvorského. Brno, 1910. 104. Реценз.: **J. Goll** (ČČH, XVII, 220—225).

Letošník, J. O poměru K. J. Erbena k lidovému básnictví po stránce

rytmické (LF, XXXVI, 40—43, 127—136, 256—261, 352—364).

*Lewicki, K. S. F. Klonowicza «Victoria Deorum». (Na tle literatury renesansowej). (Sprawozd. dyr. c. k. gimn. I. z pol. jęz. wykład. w Stanisławówie za 1910/11).

*Loewenthal, W. Gogol. Sein Werk und seine Persönlichkeit. Vortrag. Lissa, 26. (Veröffentl. der Abt. für Litt. der deut. Gesellsch. f. Kunst und Wissenschaft zu Bromberg, Heft IV).

Lončar, D. Dr. Janez Bleiweis in njegova doba. (= Zbornik Mat. Slov. XI). Ljubljana, 1910. Реценз.: B. V. (Veda, I, 78—82); J. Magiera (SSł, 1910, I, 268—269).

Łucki, A. Młodość Kazimierza Brodzińskiego, Kraków, 1910. 121. Реценз.: A. E. Balicki (PgPol, 1910, Paźdz., 89—92); A. Drogoszawski (BiblWarsz, 1910, paźdz., 181—189).

Łucki, A. Brodzińskiego Kazimierza nieznane poezje. Реценз.: W. Gostomski (Książka, XI, 248—249).

Magiera, J. Pamięci Emila Korytki (SSł, VII, 1, 192—207).

*Magiera, J. Rymika Zygmunta Krasińskiego. Kraków. 59 (изъ «Sprawozdanie dyrekcji c. k. gimnazjum V w Krakówie za 1910/11).

Majcen, D. Donesek k življenjepisu Janeza Trdine (LjZv, XXXI, 477—482, 542—547).

*Malý, J. Ke korrespodenci Karla Hynka Máchy (изъ «Pokroková Revue», II, č. 8). Praha, 1910. Рец.: A. Hartl (LF, 1910, XXXVII, 387—388).

Mann, M. Rozwój syntezy literackiej od jej początków do Gervinusa (RAkUmF, ser. 3, t. 3, 230—360).

Matoš, A. G. Svetozar Marković (Savr, VI, 302—308).

M[asaryk], T. G. Saninism (ND, 1909, XVII, 31—37).

Matuszewski, I. Weyssenhoff i «laury» Wyspiańskiego. Warszawa. 56. Реценз.: M. Kridl (Książka, XI, 199).

Maurer, J. Lilla Weneda. Wyjaśnienie zasadniczych problemów (Pw N, XXXIX, 71—84, 166—175).

Mikš, J. Herzen. II. Chlapecká leta (ČMysl, XII, 113—127).

Mazanowski, A. Nasza najnowsza powieść i jej wzory (BiblWarsz, CCLXXXIV, 55—78).

Mazon, A. Nevydaná první novella Ivana Alexandroviče Gončarova (ČMF, I, 106—111).

Mejsnar, F. Přehled dějin literatury české od počátku až na naše časy, Hradec Králové, 1909. Реценз.: A. Pražák (ND, XVIII, 710—711).

Miłkowski, Z. O Ignacym Prądzyńskim (BiblWarsz, 104—131).

Miłkowski, Z. Stanisław Worcell (BiblWarsz, 1910, Grudzień, 417—454).

Mochnacki, M. O literature polskiej w wieku XIX. Z przedmową A. Drogoszewskiego. Warszawa. XV + 203, 16°. Реценз.: M. Kridl (Książka, XI, 334—335).

*Mochnacki, M. Pisma po raz pierwszy edycyą książkową objęte. Wydał i przędmową poprzedził Artur Sliwiński. Lwów, 1910.

*Murko, M. Knjiga o Stanku Vrazu (LjZv, 1910, XXX, 35—44).

Nehajev, M. Vladimir Nazor (Savr, VI, 157—165).

Novák, A. Alois Mrštík und die čech. Heimatskunde (ČR, III, 30—35).

Novák, A. Jan Neruda. (Zlatoroh. Собраніе иллюстр. монографіи). Praha. Реценз.: **H. Siebenschein** (ČR, 1910, IV, 84—85).

Novák, A. Perspektivy naší staré literatury (ČR, 1910, IV, 6—17).

Novák, A. Máchova «Krkonošská pout» (LF, XXXVIII, 226—244, 353—360).

— Pamiętnik zjazdu historyczno-literackiego im. I. Słowackiego we Lwowie urządzonego na pamiątkę setnej rocznicy urodzin poety w dniach 29-go i 30-go października 1909 r. Zestawil Dr. **Wiktor Hahn.** Lwów, 1910. 205. Реценз.: **M. Kridl** (Książka, XI, 15—16).

Pátek, F. Nové dopisy V. Č. Bendla-Stránického (Lum, XXXIX, 266—272, 312—318).

***Paul, K.** Jan Kollár a Stanko Vraz. (Výroční zpráva c. k. české reálky pražské na Novém Městě za 1909/10 rok). Реценз.: **J. Menšík** (ČMF, I, 259—260).

Paul, K. K otázce o vlivu J. Kollára, F. L. Čelakovského a německého romantismu na Djulabije St. Vraze (ČMF, I, 18—20).

Pechan, A. Povjest hrvatske književnosti za učiteljske pripravnike. Zagreb, 1910. Реценз.: **B. Ћоровић** (СКГ, XXVI, 223—228).

Pešek, J. Z korrespondence Jos. Jaroslava Langra (ČMF, I, 147—150, 251—253, 340—343).

Pešek, J. České časopisy pedagogické v době obrozenské (PR, XXIV, 10—14, 121—126, 234—239, 348—352, 459—462, 571—574, 795—798, 901—910, 1015—1020).

Pogodin, A. Data napisania wiersza Mickiewicza «Do przyjaciół»? (PL, X, 97—98).

Pogodin, A. Sonety miłosne A. Mickiewicza a pani Kowalska (Bibl Warsz, III, 156—159).

Polívka, J. Nekrasov. Z universitních přednášek o ruské literatuře (SlPř, XIII, 6—12, 59—68, 108—113, 345—357 и т. д.).

Pražák, A. Korrespondence Sofie Podlipské a Josefiny Brdlíkové. Praha. (Výroční zpráva «Minervy» za 1909/10 r.). 3—31. Реценз.: **K. Rieger** (LF, XXXVIII, 308—310).

Prohaska, D. Das kroatischserbische Schrifttum in Bosnien und der Herzegowina. Von den Aufängen im XI. bis zur nationalen Wiedergeburt im XIX. Jahrb. Zagreb. VIII+202. Реценз.: **J. Máchal** (ČMF, I, 350—353); **B. Ћоровић** (БосВила, XXVI, 116—117).

Pułaski, F. Nowe szczegóły o Biernacie z Lublina (SprTNjęz, IV, № 2, 23—35).

P—a, D. Dubrovačka književnost (Savr, VI, 134—135).

Quis, L. Zapadlá píseň Koubkova (Zvon, IX, 465—467).

Radošević, M. Fran Hrčić (Savr, VI, 166—169).

Retinger. J. H. O literaturze polskiej (MLA, I, 53—54).

Rettinger, M. O trylogii Przybyszewskiego (Krytyka, XIII, 2, wrzesień, 102—108).

***Rojek, T.** Kilka uwag o zapomnianym krytyku i poecie Stanisławie Ropelewskim. Kraków. 15 (изъ «Sprawozd. gimn. w Podgórzu za 1910/11).

Rowiński, M. Uwagi nad niektóremi przekładami Telicyana Faleńskiego (SprTNjęz, IV, № 1, 4—22, № 3, 55—67).

Savitri. Leonidas Andrejew. (Studjum) (Sfinks, XV, 352—374).

***Schneider, S.** Badania nad źródłami twórczości Juljusza Słowackiego w ostatnim okresie zycia. Lwów. 118. Реценз.: **G. Korbut** (Książka, 405—406); **M. Kalityński** (Lud, XVII, 106—109).

Sezima. Z nové české belletrie. III (Łum, XXXIX, 219—227; IV, 272—280; V, 324—328, 375—378; VI, 443—453).

Šimák, J. V. Nový kronikář český (ČČH, 1910, XVI, 191—200).

Skałkowski, A. En marge de la correspondance de Napoléon I. Pièces inédites concernant la Pologne (1801—1815). Varsovie—Paris. 99. Реценз.: **H. M.** (BiblWarsz, III, 186—188).

Škavić, J. Pedagogija Lva N. Tolstoga (Napr, LII, 49—54, 97—102).

***Śliwiński, A.** Maurycy Mochnacki. Pisma po raz pierwszy edycyą książkową objęte. Lwów, 1910. XVI+514. Реценз.: **St. Wasylewski** (PL, 1910, X, 158—180); **R. Landwirtówna** (KwH, XXV, 107—117); **J. Rieliński** (Książka, 1910, X, 18—19).

— *Słowiane o poematach Lumira. Wydał jeden przyjacioł jego. Wyd. II. Kraków, 1910. 40.

Smolikowski, P. ks. Maciejowski a Semenenko (SSł, 1910, II, 35—45).

Smólski, G. Gwara tatrzańska i jej piśmiennictwo (BiblWarsz, I, 560—585; II, 354—375).

Souček, S. Nerudova «Ballada dětská». Vypravováno Vrátovi. (Umělecká výchova) (PR, XXIV, 726—736).

Stodor, A. Rzecz o «Róży» Józefa Katerli. Garść uwag. Tarnopol, 19.

***Šťastný, J.** Korrespondence Šebestiana Hněvkovského. Korrespondence Vojtěcha Nejedlého. (Výr. zpr. c. k. vyš. gymn. na Novém Městě v Praze v Truhl. ul. za 1908/9, 1909/10, 1910/11). Praha. Реценз.: **F. Šimek** (LF, XXXVIII, 393—395); **M. Hýsek** (ČMF, I, 353—354).

***Štern, E.** Názory T. G. Masaryka. Praha, 1910. Реценз.: **Kd.** (PR, XXIV, 127).

Straszewski, M. Filozofia społeczna Stanisława Staszica (PwN, XXXIX, 305—320, 403—416, 497—510).

Strejček, F. O Svatopluku Čechovi. Praha, 1908. Реценз.: **A. Novák** (LF, XXXVIII, 56—65, 140—147).

Strejček, F. Sebrané spisy Svatopluka Čecha. Pokračování posmrtné. Díl XXI—XXX. Praha, 1908—1910.

***Stříbrný, D.** Náměty knih M. A. Šimáčka. Úvod ku studiu jeho díla. (XI výroč. zpráva c. k. stát. reálky v Kladně 1909/10). Реценз.: **J. Menšík** (ČMF, I, 58—60).

Surmin, G. Književo-politička parodija Gajeva (Savr, VI, 347—350).

Szarota, I. Jan Moréas. (1856—1910) (BiblWarsz, 1910, LXX, T. 4, grudzień, 503—534).

Szpotański, J. Maurycy Mochnacki. Kraków, 1910. X+255.

***Szpotański, J.** Mochnacki. Profil historyczny. Kraków. 23.

***Szyjkowski, M.** Władysław Ludwik Anczyc. Zycie i pisma. Tom I. Monografia II—VI. Pisma. Kraków. Реценз.: **E. W.** (Krytyka, XIII, 2, lipiec—sierpień, 85—86).

Tarnowski, S. Julian Klaczko, I i II. Warszawa, 1909. Реценз.: **M. Rettinger** (BiblWarsz, III, 173—182).

Thon, J. Karel Sabina o Máchovi (Lum, XXXIX, 178—185). Реценз.: **O—o** (PřRev, VII, 16—17).

Thon, J. Karla Hynka Máchy cesta do Italie (LF, 1910, XXXVII, 349—369). Реценз.: **V. Zupan** (LjZv, XXXI, 163—164).

Tobolka, Z. O nakladatelích českých knih v době předbřeznové (ČR, 1910, III, 193—197).

Tretiak, J. Bohdan Zaleski do upadku powstania listopadowego 1802—1831. Zycie i poezja. Karta z dziejów romantyzmu polskiego. Z 6 rycinami. Kraków, VIII+500. Реценз.: **S. Turowski** (PgP, CXI, 388—397).

Tunkl, A. Češka pedagoška literatura (Napr, 1910, LI, 462—466).

Tunkl, A. Ruski pedagoški pisac Ivan Aleksejević Sikorskij (Napr, 1910, LI, 457—462).

Turowski, S. Marya Konopnicka (PgPol, CLXXIX, 143—160).

Urbánek, J. F. Biografický a bibliografický slovník českých spisovatelů. Díl I. Básníci a belletristé (1800—1910). Díl II. Spisovatelé vědečtí (1800—1910). Реценз.: **A. Pražák** (ND, XVIII, 711—712).

Váša, P. Katechismus dějin české literatury. Brno. 348+XII. Реценз.: **K. Rieger** (ČMM, XXXV, 252—257); **B. Haluzický** (ČMMZ, XI, 312—314); **K. Rieger** (ČMF, I, 161—163); **A. Pražák** (ND, XVIII, 629—631).

Vejvara, J. Trosky fasciklu pozůstalostních spisů Jos. Dobrovského (NL, 1910, č. 193).

Vladislavlev, J. Ruská literatura r. 1910 (SlPř, XIII, 326—339).

***Vlček, J., Ertl, V.** Stručné dějiny literatury české. Díl II. Praha. 156. Реценз.: **A. Prazák** (VČP, XVII, 258—260); **F. V. Vykoukal** (Osvěta, 1910, XL, 85—86).

***Vlček, J.** K dejinám literatúry slovenskej (SlP, XXXI, 99—102).

Vlček, J. Naši klassikové: Dobrovský, Kollár, Čelakovský (NL, 1910, č. 6).

Vojnović, L. K. Rukopisi Rugjera Boškovića (Savr, VI, 145—151).

Volf, J. Doplňky k Truhlářově Rukověti humanistické literatury (ČMKČ, LXXXV, 377—379).

Volf, J. Jafetův «druhý traktát» Hilaria z Litoměřic (ČMKČ, LXXXV, 305—317).

Votka, A. Katolická moderna česká (Osvěta, XL, 97—108, 189—198).

Vrzal, A. Z ruské literatury posledních let (H, XXVIII, 371—379, 451—456, 600—607).

***Wasilewski, Z.** Seweryn Goszczyński w Galicji, nieznane pamiętniki, listy, utwory, 1832—1842. Lwów, 1910. 160. Реценз.: **F. Rawita-Gawroński** (Sfinks, XIII, 153—159).

Wawrzeniecki, M. Dr. Włodzimierz Demetrykiewicz. (Zarys życia i prac). (Sfinks, 1910, XI, 297—305).

— Wiek XIX. Sto let mysli polskiej. Życiorysy, streszczenia, wyjątki. Pod redakcya Bron. Chlebow-

skiego, J. Chrzanowskiego, H. Gallego, G. Korbuta, S. Krzemińskiego. Tom VI. Реценз.: **J. Flach** (PgPol, CLXXXI, 362—364).

Wilusz, J. Maryan Sokołowski (1839—1911) (PwN, XXXIX, 539—552).

Wodzicka z Gotockich, T. Ze zwierzeń dziewczęcych. Pamiętnik Zofii z Matuszewiczów Kickiej 1796—1822 (PgPol, 1910, CLXXVIII, 316—345).

Wrzosek, A. Jędrzej Śniadecki, życiorys i rozbiór pism. Kraków, 1910. 333 + 1 портретъ, 406 + 1 портретъ. Реценз.: **J. Bieliński** (Książka, XI, 157—159); **A. Birkenmajer** (PgP, 246—253).

— Listy Stanisława Wyspiańskiego do Adama Chmiela (MLA, I, 121—135, 240—246).

Zaleski, Z. L. Felicjan Faleński (Książka, XI, 145—148, 189—192).

Zdziĕrhowski, M. Twórczość liryczna Włodzimierza Sołowjewa (Pg Pol, CLXXIX, 292—314).

Zíbrt, Č. Česká Akademie a Svatŏpluk Čech (ČMKČ, LXXXV, 226—236).

Zíbrt, Č. Filipa Friebecka dopisy o Hanácích r. 1778 Max. Šimkovi a jich zneužití v díle: Schlözer, Briefwechsel 1780 (ČL, XVIII, 238—242).

Zíbrt, C. Literární společnosti z let šedesátých: Čechoslovan, Bratří literární, Vltavan, Oreb, Slavoj, Ruch (ČMKČ, LXXXV, 91—159, 245—272, 368—375).

Zíbrt, Č. Paběrky k seznání života a činnosti P. J. Šafaříka (K upomínce 50. výročí Šafaříkovy smrti († 26. VI. 1861) (ČMKČ, LXXXV, 342—363).

Zíbrt, Č. Písničkář František Hais a jeho paměti (ČL, 1910, XIX, 451—469).

Zíbrt, C. Rozprávka o třech ženách z Frantových Práv v skladbě ovčáka Jiříka Volného († 1745) (ČL, 1910, XX, 35—39).

Zosel, W. Sielanki Karpińskiego. Studyum historyczno-literackie (Bibl Warsz, III, 17—73).

Zverina, L. N. Petr Bezruč (Osvěta, 1910, XL, 650—655).

Д. Драматическая литература.

Ассоновъ, В. И. Къ исторіи театра въ Калугѣ (ИзвКалАрхКом, XXI, 56—69). Съ 2 табл.

Батюшковъ, Ѳ. Побѣдителей не судятъ. (По поводу постановки «Братьевъ Карамазовыхъ» на сценѣ Моск. Худож. Театра) (ВсеобщЖ, № 3, 181—188 столбц.).

***Мочульскій, В. Н.** Комическія опереты XVIII в. Одесса. 40.

Орловскій, П. Miserere (СМ, мартъ, 255—265).

Перетцъ, В. Н. Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра. XV—XVII (Изв, XV/2, 151—190).

Перетцъ, В. Н. В. И. Рѣзановъ. 1) Къ исторіи русской драмы. Нѣжинъ, 1910; 2) Изъ исторіи русской драмы. М. 1910; 3) Памятники русской драматической литературы. Нѣжинъ. 1907 (ЖМНПр, янв., 177—216).

Петровъ, Н. И. Кіевск. искусств. литер. *(выше XV/3, 333)*. III. Третій

періодъ Кіевской школьной драмы (1762—1796 гг.) (ТКА, янв. 81—108).

Прозрителевъ, Г. Н. Къ исторіи Ставропольскаго и Тифлисскаго театра (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. I, 12, 1—4).

Розовъ, В. А. Традиціонные типы малорусскаго театра XVII — XVIII вв. и юношескія повѣсти Н. В. Гоголя. Кіевъ. 71.

Рѣзановъ, В. И. Замѣчанія на рецензію проф. В. Н. Перетца (ЖМНПр, іюль, 132—133).

Тіандеръ, К. Ѳ. Очеркъ исторіи театра въ Западной Европѣ и Россіи (=Вопросы теоріи и психологіи творчества, т. III). Харьковъ. VIII+255.

Фарфоровскій, С. В. Къ исторіи перваго театра въ Ставрополѣ (Архивная картинка) (ТрСтаврАх Ком, вып. II, отд. I, 10, 1—2).

Хахановъ, А. С. Къ матеріаламъ по драматической литературѣ XVIII в. (ЧтОИД, III, отд. III, 43—48).

Kamper, J. Máchovy dramatické pokusy (Lum, XXXIX, 72—77).

***Stříbrný, D** Historická dramata J. Vrchlického o látkách českých (Progr. st. reálky v Táboře, 1909).

Żeromski, S. Sułkowski. Tragiedja.. 255. Warszawa. Реценз.: **J. Kotarbiński** (Książka, XI, 253—254).

III. Археологія, этнографія, географія и исторія.

А. Археологія, этнографія, генеалогія и географія.

Абаза, Арк. М. Къ вопросу о пополненіи музыкальнаго отдѣла въ Курскомъ историко-археологическомъ музеѣ (ТрКурскАрхКом, I, 169—171).

***Адлеръ.** Карты первобытныхъ народовъ. 1910. Реценз.: **Хомяковъ** (ИКО, XXVII/$_1$, 110—111).

Аничковъ, И. В. Корельскіе жальники (СбНовгОбЛюбДр, III, 10 стр.).

Аншукова, Т. Черногорія. М. 1910. 72.

Арсеній, архіеп. Надгробный памятникъ 1525 г. надъ могилой Прокопія Псковитянина въ Буковинѣ (ТрПскЦерк-АрхКом, I, отд. I, 27—30).

Арсеньевъ, В. С. Родъ Шаблыкиныхъ (ИзвТамбАрхКом, вып. 53, ч. II, 23—28).

Арсеньевъ, В. Михельсоны (Тр ВитебскАрхКом, кн. I, 1—4+7 нен. стр.+2+3+2 нен. стр.).

Арсеньевъ, В. Къ родословію Витебскихъ дворянъ Комаровыхъ (ТрВитебскАрхКом, кн. I, 1—6).

Арсеньевъ, В. С. Дополнительныя свѣдѣнія къ родословіямъ гр. Кенсона, гр. Шамборанъ, гр. Санти и Волжиныхъ (ИзвТамбАрхКом, вып. 53, ч. II, 31—34).

Арсеньевъ, В. С. Дворянскіе роды Арсеньевыхъ, не принадлежащіе къ потомству Аслана-Мурзы-Челе-

бея (ИзвТамбАрхКом, вып. 53, ч. II, 7—22).

Арсеньевъ, В. С. Бюцовы (1836—1908) (ИзвТамбАрхКом, вып. 53, ч. II, 29—30).

Арсеньевъ, Ю. В. О геральдическихъ знаменахъ въ связи съ вопросомъ о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи (ЖМЮ, № 3, 129—169).

Арсеньевъ, Ю. В. Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній по вопросу о морскихъ національныхъ флагахъ (ЖМЮ, № 4, 238—247).

***Арсеньевъ, Ю. В.** и **Трутовскій, В. К.** Оружейная Палата *(выше XV/₂, 289).* Изд. 3-е. М. 16°. X+326+83 отд. рис.

— Архивъ Новоторжскаго Воскресенскаго женскаго монастыря. Старица, 1910. Изд. Тверск. Уч. Арх. Ком. 264+XXXIV.

Ассоновъ, В. Къ вопросу объ охранѣ памятниковъ старины (ИзвКалАрхКом, XXI, 1—8).

Калужскій Гостиный дворъ и его современное состояніе.

Б., А. Обзоръ иностранныхъ журналовъ (съ 17 рис.) (ИзвАрхКом, приб. къ вып. 37, 215—228).

Бератцъ, Г. Я. Сообщеніе объ археологическихъ находкахъ въ кол. Березовкѣ, Новоузенск. уѣзда, Самарской губ. (ТрСаратАрхКом, XXVI, отд. I, 117—121).

Бережковъ, М. А. Ф. Шафонскій и его трудъ. Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе. (Замѣтки изъ исторіи Черниговской губерніи и Малороссіи вообще. Нѣжинъ. 1910. 120. Реценз.: **В. Даниловъ** (ИВ, янв., 351).

— Плита въ Тобольской церкви. Сообщ. **С. А. Безръ** (РА, 1910, дек. 681—682).

Плита съ описаніемъ въ стихахъ высоты, до которой достигала вода въ 1784 г. въ Тобольскѣ.

Бобринскій, А. А., гр. Народныя русскія деревянныя издѣлія. Предметы домашняго, хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода. Вып. IV. 15 фототип. табл. М. 1910. F°. 5 и 15 табл. рис.

***Б‹оголѣповъ›, С. Г.** Этнографическіе этюды. Пять разсказовъ изъ путешествій по Россіи и двѣ сказки. М. 52.

***Борисовъ, В.** Карта Сарматіи (нынѣшней Россіи) во II вѣкѣ по Р. Х. Вып. II. Матеріалы по греческому географу Птоломею для составленія карты. (Изслѣдованіе на основаніи картографическаго матеріала). Ковна. VIII+203. Съ рис.+1 карта+6 схемъ.

***Бороздинъ, И.** Нѣкоторые итоги русскихъ археологическихъ изслѣдованій послѣднихъ лѣтъ. (Докладъ). М. 4°. 17.

Бугославскій, Гр. О результатахъ изысканій Гнѣздовскаго могильника, Смоленск. у., произведенныхъ 23 іюня—12 сент. 1899 года, и нѣсколько словъ о самомъ могильникѣ (СмолСт, ч. I, вып. I, 3—16).

Бушетић, Т. М. Народна медицина срба сељака у Левчу (СЕЗб, XVII, 531—595).

— Бытъ (сельско-хозяйственный и экономическій) старообрядцевъ. М. 1910. Реценз.: **В. В.** (ВЕ, апр., 345—347).

Бѣлокуровъ, С. А. Надгробныя плиты XVI вѣкѣ въ с. Образцовѣ Московской губерніи (ЧтОИД, III, отд. III, 20—42).

Василенко, В. И. Деревянный инвентарь въ 1900 г. въ Полтавской губ. (ТрПолтАрхКом, вып. VI, ч. I, 31—36).

Васильевъ, М. Къ вопросу о сохраненіи памятниковъ церковной старины (Прил. къ ТрВятАрхКом, 1910, II—III, стр. 21).

Перепечатано изъ «Вятск. Еп. Вѣд.», 1910, № 24.

Васильевъ, Ѳ. Т. Рѣдкая мѣдная монета 10 копѣекъ Императ. Александра Перваго 1809 года. (Съ 1 табл. рис.) (ИКО, XXVII/1, 49—50).

Васильевъ. Общая схема древнихъ укрѣпленій и путей вокругъ Кіева. Подъ ред. подполк. **Стеллецкаго** (Прил. къ ВИВ, № 7—8).

Васильевичъ, С. Титулованные роды россійской имперіи (*выше XV/3, 389*). Реценз.: **Рцы** (ИВ, 1910, окт. 344—346).

Васиħ, М. М. Градац преисторијско налазиште латенскога доба (Глас, II, кн. 51, 97—134).

Вершинскій, Ан. Надпись XVII в. на стѣнѣ Вознесенской церкви гор. Старица (ПЗСт, май, 3—6).

Веселовскій, Н. И. По поводу отвѣта В. А. Городдова (ИзвАрхКом, 37, 98—102).

См. статью Городцова «Бахмутская «миніатюрная» каменная баба» (ИзвАрхКом, 37, 89—97).

***Воскресенскій, А.** Городъ Елецъ въ его настоящемъ и прошломъ (Опытъ историческаго очерка). Елецъ. 186.

***Вульфсонъ, Э. С.** Чехія и Моравія. М. 109. Съ рис.

***Высоцкій, Н. Ѳ.** Народная медицина (отт. изъ т. IX Зап. Моск. Арх. Инст.). М. 1910, V + 168 + 2 табл.

— *Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, издаваемый Имп. Археол. Институтомъ. Вып. XX. Спб. XXXIII + 96 + 160.

Гамченко, С. Раскопки на побережьѣ Финскаго залива (ЗапРусскОтдИАО, VIII, в. 2, 1—43).

Гамченко, С. Изслѣдованіе Сестрорѣцкихъ кургановъ въ 1907 г. (ЗапРусскОтдИАО, VIII, в. 2, 44—134).

* —— въ 1908 году. (изъ ЗапРусскОтдИАО). Спб. 63—162. Съ рис.

Гартвельдъ, В. Н. Въ странѣ возмездія (РБ, янв., I, 84—114).

Содержитъ: I. Тобольская каторга. II. Пѣсни каторжанъ. III. Балалайка.

Гераклитовъ, А. Очерки изъ жизни и быта Эльтонскихъ соляныхъ ломщиковъ и возчиковъ второй половины XVIII в. (ТрСаратАрхКом, XXVI, отд. I, 59—82).

Гераклитовъ, А. Столбцы изъ Историческаго Архива Сарат. Уч. Арх. Ком. (ТрСарАрхКом, в. XXVI, отд. I, 9—31).

Гераклитовъ, А. А. По поводу находки въ Саратовѣ каменнаго креста въ надписью XVII вѣка. (Съ рис.) (ТрСарАрхКом, XXVII, 7, 1—8).

Гераклитовъ, А. А. Увекъ (древній городъ на Волгѣ) (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. III, 4, 1—7).

—*Географическій словарь Россіи. Подъ ред. **Д. И. Рихтера.** Вып. VI. Грязнушевскій — Егра — Ляга. Спб. 241—288.

Городцовъ, В. А. Бахмутская «миніатюрная каменная баба» (отвѣтъ проф. Н. И. Веселовскому) (ИзвАрхКом, 37, 89—97).

— Городъ Екатеринодаръ въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. (Рукопись «Плачъ Василія при рѣкѣ Кубани»). Съ предисловіемъ и примѣчаніями **Б. М. Городецкаго** (ИзвОбщЛюбИзучКубОбл, IV, 43—72).

Въ предисловіи данъ краткій біографическій очеркъ В. Ѳ. Золотаренка, предполагаемаго автора рукописи.

— Городъ Рыбинскъ и Рыбинская пристань сто лѣтъ тому назадъ (1811—1911). По рукописи 1811 г. Рыбинскъ, 1910, 45.

— Городъ Слободской (1595—1596 гг.) 35 (10982/4). Дозорныя книги хлыновскаго городоваго прикащика Федора Рѣзанцова Слободского уѣзда стану Вобловичамъ Трифонова монастыря 1595—1596 гг. (ТрВятскАрхКом, 1910, II—III, отд. III, 103—125).

— *Городъ Майкопъ въ прошломъ и настоящемъ. (Статьи, рисунки, портреты, карта). Майкопъ. 18+6 нен. Съ рис.+1 картою.

***Городцовъ, А.** Дневникъ археологическихъ изслѣдованій въ Зѣньковскомъ у., Полтавской губ., въ 1906 г. Результаты археологическихъ изслѣдованій на мѣстѣ развалинъ г. Маджаръ въ 1907 г. М. 4°. 116.

Грушевський, М. До питання про розселеннє Вятичів. Кілька заміток з приводу новійших праць (ЗШ, 1910, VI, 5—9).

Данилевичъ, В. Е. Матеріалы для археологич. карты Курскаго уѣзда (ТрКурскАрхКом, I, 131—133).

Данилевичъ, В. Е. Отчетъ о раскопкахъ Курской ученой Арх. Коммиссіи въ Курскомъ у., въ маѣ и іюнѣ 1907 г. (ТрКурскАрхКом, I, 127—130).

Данилевичъ, В. По поводу одной гипотезы (SertaBorysth, 329—334).

Доказываетъ, что найденное при раскопкахъ въ Кіевѣ 1909 г., въ усадьбѣ Петровскаго, сооруженіе не было и не могло быть капищемъ русскихъ славянъ, если даже оно было вообще какимъ-либо языческимъ капищемъ.

Данилевичъ, В. Е. Остатки неолитической культуры на территоріи Херсонеса. (Сборн. Харьк. ист.-филолог. общ. XIX).

***Данилевичъ, В. Е.** Этнографическій музей Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Харьковъ. 8.

Дероко, Д. J. Карта Краљевине Србије. Размера 1:1,000.000, Београд. Рец.: **П. В.** (ЛМС, LXXXVII, св. 7, 59—60).

Дитерихсъ, М. Острогъ и Острожское княжество. (Очерки областной старины) (ВИВ, №№ 7—8, 43—57).

Довгялло, Дм. Ив. Очерки бытовой жизни Смоленска въ Польскую эпоху (СмолСт, I, ч. 2, 137—150).

Довгялло, Дм. Ив. Цѣны 1651—1652 гг. въ Смоленской области на крестьянскій хлѣбъ, скотъ и одежду (СмолСт, I, ч. 2, 151).

Емельяновъ, Вл. О необходимости изученія Вятскаго края въ археологическомъ отношеніи (ТрВятскАрхКом, 1910, II—III, отд. III, 1—17).

Ердељановић, J. Постанак племена Пипера. Етнолошка расправа (СЕЗб, кн. 17, 241—528).

Еременко, П. М. Земляные валы и курганы при м. Варвѣ, Лихвицкаго у. и его окрестностяхъ (ТрПолтАрхКом, VI, ч. 1, 76—80).

Ермоленко, М. Н. О древнихъ могильникахъ Терской области, Нальчикскаго округа. (Съ одн. рис.) (ТрСтаврАрхКом, II, отд. III, 1, 1—2).

Ђорђевић, Т. Влашки цигани у Србији (СКГ, XXVII, 509—518, 604—614).

Жакмонъ, П. П. Уральцы и уралки. (Очеркъ) (ИВ, іюль, 163—174).

Желѣзновъ, І. И. Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ. (=Полное собр. соч.). Изд. 3-е подъ ред. **Н. А. Бородина.** Томъ I—III. Спб. 1910. Реценз.: (РС, мартъ, на обл.).

Жиркевичъ, А. В. Смоленскіе архивы въ 1812 г. (СмолСт, I, ч. 1, 345—371).

Жупанић, Н. Тројанци и Аријевци. Прилози преисторији и палеоетнологији Male Азије, Ечеје и Балканског полуострва (Глас, 1911, II, кн. 51, 167—290).

***Заболотскій, Серг.** Село Татищевъ погостъ и приходъ его Яросл. губ., Ростовск. уѣзда. Въ память 100-лѣтія приходск. Сергіевскаго храма. 1810, 25. IX. 1910. Спб. 16°. 64.

Загорская, В. Къ исторіи древнихъ греческихъ колоній на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. III, 2, 1—6).

Загорская, В. Архивъ генерала Попко (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. I, 18, 1—2).

Зайковскій, Б. Штемпель на Золотоордынскомъ сосудѣ (ТрСарат АрхКом, XXVI, отд. I, 97—98).

— Записки Вост. Отд. Импер. Русск. Арх. Общ. Т. XX. Вып. I. Спб. 109. Съ рис. и портр. Вып. II—III. Спб. 4°. 230.

Зинченко, Л. и Зайковскій, Б. Выписки изъ памятной книги О. М. Скрыни о старинныхъ находкахъ и кладахъ въ Новоузенскомъ у., Самарской губ. (ТрСаратАрхКом, XXVI, отд. I, 106—116).

Златоверховниковъ, Н. И. Курская губернія на XII археологическомъ съѣздѣ (ТрКурскАрхКом, I, 28—44).

Златоверховниковъ, Н. И. По поводу предполагаемаго преобразованія губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій (ТрКурскАрхКом, I, 50—68).

***Зубаревъ, И. И.** Прошлое и настоящее русскихъ архивовъ. (Краткій историческій очеркъ) (отд. отт. изъ «Сб. статей по архивовѣдѣнію». Т. I, ч. 1). Спб. 47.

— Идолопоклонство и причтъ. (Отъ нашего петровскаго корреспондента) (РусскСл, № 148 — 29 іюня).

Обычай ношенія истукана во время праздника «девятой пятницы» съ крестнымъ ходомъ. Сохраняется въ селѣ Елшанкѣ, Лопатинской волости.

— Изв. Имп. Археол. Комиссіи. Вып. 39. Спб.

— *Извѣстія Импер. Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Труды Этнографическаго отдѣла. Т. XVI. Труды Музыкально-Этнографической Комиссіи, состоящей при Этнографическомъ Отдѣлѣ Имп. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр. Т. II. 1. Матеріалы и изслѣдованія. 2. Критика и библіографія. 3. Протоколы засѣданія Комиссіи за 1906 — 1910 гг. съ приложеніями. Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и

музыки. Съ музыкальными приложеніями. М. IX+400+40 съ нотами и рис.

— Извѣстія калужской ученой архивной комиссіи. Вып. XXI. Изд. подъ ред. **В. И. Ассонова.** Калуга. 84+2 лл. черт. Реценз.: **Д. Богдановъ** (ИВ, іюль, 1082—1083).

— Изслѣдованія (археологическія) въ Кіевской губ. (Сводъ газетныхъ извѣстій) (ИзвАрхКом, приб. къ вып. 37, 206—211).

Ильинскій, Г. Рѣка Бугъ. (Изъ XIX т. СбХаркИст-ФилолОбщ., памяти Е. К. Рѣдина). Харьковъ, 6.

Ильинскій, П. В. Гробницы въ Переяславскомъ Преображенскомъ соборѣ. (Съ 2 рис. на отдѣл. листахъ) (ТрВладАрхКом, X, отд. I, 1—11).

Гробницы великихъ князей Дмитрія Александровича, сына Александра Невскаго, Іоанна Дмитріевича и дочери вел. князя Ярослава Всеволодовича, младенца Маріи († 1241).

Ильинскій, П. В. О реставраціи Золотыхъ воротъ въ г. Владимірѣ (съ 2 рис. на отдѣл. листахъ) (ТрВладАрхКом, X, отд. I, 1—13).

***Ильинъ, Александръ.** Исторія города Ростова-на-Дону. Ростовъ-на Дону. 1910. 146. Съ рис.

И—въ, М. Археологическая хроника. (Смоленскъ. Раскопки на Смядыни) (ТвСт, апр., 46—47).

— Къ исторіи старыхъ родовъ Новороссіи. I. Родъ Маламы (ЛатЕкатАрхКом, 226—232).

Каманинъ, И. Неотложная нужда (Serta Borysth, 322—328).

Необходимость составленія латино-русскаго историческаго словаря для работъ надъ западно-русскими документами.

Каншинъ, В. П. Археологическіе памятники въ области рѣки Большой-Курицы, впадающей въ Сеймъ (ТрКурскАрхКом, I, 117—119).

Каншинъ, В. П. Умрихинскій мамонтъ и слѣды человѣка палеолитической эпохи (ТрКурскАрхКом, I, 115—116).

Карасевъ, В. Матеріалы для археологической карты Казанской губерніи (отчетъ о поѣздкѣ въ Чистопольскій уѣздъ) (Съ 2-я картами и 2-я табл. плановъ) (ИКО, XXVII/$_1$, 37—48).

***Каретниковъ, С. М.** Волынская губернія. Географич.-историческій очеркъ губерніи и описаніе уѣздовъ съ приложеніемъ краткой исторіи Малороссіи и Западной Россіи во II-й половинѣ XVII вѣка и въ XVIII в., памятниковъ южно- и западно-русскаго письма разныхъ вѣковъ, 8 родословныхъ таблицъ Волынскихъ и Галицкихъ князей и Волынскихъ княжескихъ фамилій и статистическихъ свѣдѣній о народонаселеніи, промышленности и образованіи въ губерніи. Кременецъ. 1910. Изд. 2-е, испр. и доп. 3 нен.+112. Съ карт. Волынской губ. и плановъ г. Житомира и 1 табл.

Кастанье, I. А. Древности Киргизской степи и Оренбургскаго края. (=ТрОренбАрхКом, XXII). Оренбургъ. 1910. XVII—332. Реценз.: **Я. Бирюковъ** (ИВ, іюль, 297—298).

— *Каталогъ аукціона монетъ и медалей царствованія Имп. Александра I, принадлежащихъ фирмѣ Б. В. Копылова. Спб. 1910. 42.

— *Каталогъ «Шведскаго Архива» въ Ригѣ. Рига. 78.

Кашкинъ, Н. Н. Родъ Выndомскихъ (СтарНов, XIII, 152—256).

***Кипріановичъ, Н. Я.** Древнія русскія монеты времени Ивана Грознаго и Өеодора Ивановича. Юрьевъ. 4°. 1.

Клейнъ, Х. М., Довгялло, Д. И. и **Бѣлоцерковецъ, Н. Е.** Гор. Борисовъ, Минской губ. (ЗС-ЗОтдИГО, I, 59—96).

***Клеръ, М. О.** Замѣтка о Деревянномъ мостѣ каменнаго вѣка въ Горбуновскомъ болотѣ близъ Нижне-Тагильскаго завода. Екатеринбургъ, 1909, 13.

Клингеръ, В. Яйцо въ народномъ суевѣріи (Serta Borysth, 119—145).

***Клочковъ, М.** Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени. Т. I. Переписи дворовъ и населенія (1678—1721). Спб. IV+435.

Кобловъ, Я. Д. Миөологія казан скихъ татаръ (ИКО, 1910, вып. 5, 415—470).

Кобылинъ, А. Н. Зеленый Курганъ (ТрКурскАрхКом, I, 25—27).

Авторъ замѣтки относитъ курганъ къ разряду древнѣйшихъ русскихъ городищъ.

***Колесниковъ, И. Ф.** Устройство и веденіе архивовъ. Пособіе къ лекціямъ по архивовѣдѣнію. Курсъ спеціальный. М. 1910, 112.

— Конспекты лекцій по исторіи и древностямъ Великаго Новгорода. Вып. I. Вып. II по христіанской археологіи. Новгородъ. 1910. 100 + 2 плана.

Кордтъ, В. Матеріалы для исторіи русской картографіи *(выше XVI/$_1$, 293)*. Кіевъ. 1910. F°. 31 и 145 картъ. Реценз.: **А. М—нъ** (ИВ, апр., 314—315).

Содержитъ карты всей Россіи и западныхъ ея областей до конца XVII в.

***Коробка, Н.** Чудесное дерево и вѣщая птица (Изъ журн. «Живая Старина», вып. III—IV, 1910 г.). Спб. 49.

***Короленко, П. П.** Записки по исторіи Сѣверо-Восточнаго побережья Черваго моря Сочи. Одесса. 1910. 20.

Корольова, О. Податі українського народу на групи дорослости по перепису 1897 року (ЗТ, 1910, VII, 86—106).

***Краснянскій, М. Б.** Остатки древне-греческаго поселенія на территоріи г. Ростова н/Д. (Переп. изъ № 268 газ. «Пріазовскій Край» отъ 12 окт. 1910 г.). Ростовъ н/Д. 1910, 16.

Кротковъ, А. и **Шишкинъ, П.** Городище и курганы близъ с. Квасниковки (Самар. губ.) (ТрСаратАрхКом, XXVI, отд. I, 101—105). Съ 1 табл. плана.

Кротковъ, А. и **Шишкинъ, П.** Объ Усть-Курдюмскомъ городкѣ (ТрСаратАрхКом, XXVI, отд. I, 91—96).

Кротковъ, А. и **Шишкинъ, П.** Сообщеніе о поѣздкѣ въ село Чардымъ, Саратовскаго уѣзда (Тр СаратАрхКом, XXVI, 83—90). Съ 6-ю рис.

Крыловъ, Н. П. Раскопки кургановъ вблизи дер. Козлово, Иеровской волости, Старицкаго уѣзда на берегу р. Волги въ мѣстности подъ названіемъ «Городокъ» (14 окт. 1910 г.) (ТвСт, апр. 8—10).

Крыловъ, Ив. Раскопки кургановъ въ им. Тихменево, Старицк. у. (ТвСт, февр., 26—29).

Крыловъ, Ив. Раскопки кургановъ на пустоши Сенчаево-Иверовской волости, Старицкаго уѣзда (5 сент. 1910 г.) (ТвСт, мартъ, 11—13).

***Кузнецовъ, С. К.** Русская историческая географія. Курсъ лекцій, читан. въ Моск. Археол. Инстит. Вып. I (меря, мещера, мурома, весь). М. 1910, 197.

* **Луковскій, В. и Тройницкій, С.** Списки лицамъ, Высочайше пожалованнымъ дипломами съ гербами на дворянское достоинство Всероссійской Имперіи и Царства Польскаго. Спб. 79.

— Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1909 г. Вып. 1. 1910 г. Вып. 2 и 3 (22 и 33). Годъ шестой. Вильна, 1910. 105. Реценз.: **В. Р‹удако›въ** (ИВ, янв., 323).

Содержаніе 1-го, 2-го и 3-го выпусковъ «Лѣтописи» составляетъ «Мѣстническій справочникъ XVII вѣка», сообщенный **Ю. В. Татищевымъ**, по академической рукописи.

— * Лѣтопись занятій Императ. Археографической комиссіи за 1910 г. Вып. XXIII подъ ред. **В. Г. Дружинина.** Спб. 43+V+513.

***Лясказонскій, В. Г.** Городища, курганы, майданы и длинные (зміевые) валы въ области Днѣпровскаго лѣвобережья. М. 4°. 82.

Макаренко, Н. Е. Новленскій и Заколпскій могильники Владимірской губерніи и археологическая поѣздка по Владимірскому, Муромскому, Меленковскому и Судогодскому уѣздамъ (ТрВладАрхКом, X, отд. I, 1—63).

***Мальковскій, В.** Народное сказаніе объ исчезнувшемъ храмѣ Святаго Сергія, бывшемъ нѣкогда близъ деревни Тельцово, Рыбинской волости, Бѣжецкаго уѣзда, и объ иконѣ Святителя Николая, Мирликійскаго чудотворца, именуемой по народному преданію «Никола на Бреневѣ» или «Никола Лаптево». Опытъ историко-археологическаго изслѣдованія. Съ приложеніемъ рисунка иконы св. Николая. Тверь. 32+1 листъ рис.

Марковъ, Р. Л. Голубецъ на Красной-Полянѣ (съ прил. рисунка и карты мѣстности) (ТрКурскАрхКом, I, 138—162).

— Матеріалы по этнографіи Россіи. Подъ редакціей **Ѳ. К. Волкова.** Реценз.: **jра** (NárV, VI, 87—89).

— Матеріалы къ исторіи рода Олсуфьевыхъ. Линія Василія Дмитріевича (1796—1858) перваго графа Олсуфьева. М. 47.

М—нъ, В. П. По Подляпью (Пос. Ломазы и его окрестности) (РС, окт., 195—213).

Минхъ, Г. Н. О городищѣ близъ с. Неклюдовки, Наскафтымской вол., Кузнецк. у. (съ планами) (ТрСарАрхКом, XXVIII, 3, 21—23).

Минхъ, А. Н. Археологическія раскопки и находки въ Аткарскомъ уѣздѣ, Сарат. губ. (ТрСарАрхКом, XXVII, 6, 1—4).

Мироновъ, П. В. Территоріальный ростъ города Екатеринодара (1819—1907). Опытъ монографіи (ИзвОбщЛюбИзучКубОбл, IV, 73—88).

— Дворянство (Московское). Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ съ краткимъ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ родословныхъ дѣлахъ архива московскаго дворянскаго

депутатскаго собранія. М. 1910. 614. — Московское дворянство. Списки служащихъ по выборамъ. 1782—1910. М. 1910. 2 нен.+149+20. Реценз.: **В. Рудаковъ** (ИВ, май, 655—656).

— *Московская церковная старина. Труды комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи, изд. подъ ред. **А. И. Успенскаго.** Т. IV. М. 4°.

Муравьевъ, М. В. О современномъ состояніи Новгородскаго Дѣтинца (докладъ) (СбНовгОбщЛюбДр, III, 24 стр. и 1 планъ).

Муравьевъ, М. В. Родословецъ. Базанины (СбНовгОбщЛюбДр, II, 1—9).

Муравьевъ, М. В. Сѵнодикъ Череменецкако монастыря (СбНовг ОбщЛюбДр, II, 24—27).

Мясоѣдовъ, В. К. Васильевскія врата (СбНовгОбщЛюбДр, III).

Мясоѣдовъ, В. К. Къ исторіи Нередицкой церкви (СбНовгОбщ ЛюбДр, III, 5 стр. и 1 планъ).

Назарїв, О. Етнографiчна територія угорських Украïнцiв—Русинiв. (Етнографiчна карта Угорськоï Руси, С. Томашiевського) (ЗШ, CII, 165—191).

Новаковић, Ст. Манастир Убожац приложак к средњевековноj географиjи српских земаља (Глас, II, књ. 51, 141—150).

***Норцевъ, А. Н.** Архивъ графовъ Канкриныхъ-Ламбертъ-Сухтеленъ (Общій обзоръ документовъ). Тамбовъ. 54.

***Окуличъ-Казаринъ, Н. Ѳ.** Спутникъ по древнему Пскову (Любителямъ родной старины). Изданіе Псковской археол. об-ва. Псковъ. IV+316. Съ 58 рис. и 4 плана.

— Опись Смоленской древней крѣпостной стѣны съ башнями, означенными на генеральномъ планѣ подъ литерами: А—U. Сообщ. **В. Грачевъ** (СмолСт, I, ч. 2, 157—164).

— Опись Архива Саратовской Архивной Комиссіи. Серія I-я (Тр СарАрхКом, XXVII, 4, 1—56).

Орловскій, Ив. Борисоглѣбскій монастырь въ Смоленскѣ на Смядыни и раскопки его развалинъ (СмолСт, I, ч. 1, 195—312).

Орловскій, И. Краткое описаніе Смоленской стѣны. (Проэктъ надписей къ башнямъ и проломамъ Смоленской стѣны—отъ Днѣпровскихъ воротъ къ Казанской горѣ) (СмолСт, I, ч. 2, 165—168).

Орловъ, А. А. Истоки рѣкъ Оки, Свапы, Сновы и Снавки (ТрКурск АрхКом, I, 134—137).

Орловъ, Н. И. Дворецъ Петра Великаго въ Липецкѣ (ИзвТамб АрхКом, вып. 53, ч. II, 1—6).

Павловскій, И. Ф. Родословная рода Поповыхъ (бывшихъ владѣльцевъ м. Рѣшетиловки, Полтавск. уѣзда) (ТрПолтАрхКом, VII, 149—158).

Передольскій, В. С. Краткій очеркъ состоянія Велико-Новгородсксй старины въ 1889 г. (Сб НовгЛюбДр, III, 18 стр.).

— Перечень книгъ Н. В. Калачева, доставленныхъ въ комиссію и краткая опись «Калачевскаго» фонда Архива Комиссіи (ТрСарат АрхКом, XXVII, 2, 1—39).

Петровић, Б. О култури староседелаца Срба у Угарскоj (Бранк Коло, XVII, 155—158, 170—172,

247—249, 266—268, 282—283, 298—300).

I. Предговор. II. Манастир у Бачу. III. Прича у српском народу о бачком манастиру. Српска икона у монастиру. Етимологија речи Бач. Стара српска црква у Бачу, книге и иконостас те цркве. IV. Старине у манастиру Бођани. Шиклош Топографија Барање. Вилањ. Српски манастири у Барањи. Шокци у Барањи. V. Старине у манастиру Грабовцу. Римске рушевине крај Грабовца. VI. Писане српске књиге у Угарској. VII. Словени као први шајкаши Св. Стевана. Старине у Коморану. Ђур. Српска црква у Ђуру год 1320. IX. Старине у народним обичајима Срба у Угарској Словенске речи у мађарском језику. X. Свршетак.

***Петровъ, В. А.** Орудія, отбитыя у непріятеля въ 1812 г. М. 4°. 124+1 нен. стр. Съ рис.+8 лист. рис. Реценз.: (РА, № 6, на обл.); **В. Н.** (ВМ, апр., 172—173).

Петровъ, Н. И. Фасадъ Старо-Кіевской крѣпости и нижняго города (Иск, № 10, 429—435).

— Планъ Ставропольской крѣпости 1778 г. (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. I, 3, 1 листъ).

Погодинъ, А. Л. Лекціи по славянск. древностямъ. Харьковъ. 1910. 452.

Подобѣдовъ, В. А. Бронницкій могильникъ (СбНовгОбщЛюбДр, II, 28—30).

Покровскій, Н. В. Церк.-археол. музей *(выше XIV/₂, 390)*. Реценз.: **Н. Н. Петрова** (ЧтКА, X); **Н — мчъ** (ТрСаратАрхКом, XXVI, отд. I, 239—241).

Придикъ, Евг. Мельгуновскій кладъ 1763 г. (=Матерьялы по археологіи Россіи № 31). Спб. 4°. 23+5 табл.

Прозрителевъ, Г. Н. Таинственная жидкость, хранящаяся въ Донскомъ музеѣ въ г. Новочеркасскѣ (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. III, 7, 1—4).

Прозрителевъ, Г. Н. Археологическая находка (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. III, 6, 1—3).

Александровско-Аѳонскій Зеленчукскій монастырь.

Прозрителевъ, Г. Н. Раскопки, произведенныя на мѣстѣ развалинъ г. Мажары, близъ Св. Креста Ставроп. губ., Прасковейск. уѣзда (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. III, 4, 1—7).

Прозрителевъ, Г. Н. Развалины древняго хозарскаго г. Мажары, близъ с. Прасковеи, Ставроп. губ. на р. Кумѣ (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. III, 3, 1—24).

***Прозрителевъ, Г.** Необходимо сохранить памятники прошлаго. (ТрСтаврАрхКом).

Прозрителевъ, Г. Н. Къ исторіи нашего архива (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. I, 8, 5—10).

Архивныя комиссіи по разбору и уничтоженію старыхъ дѣлъ.

— Псковская губернія. Т. VI. Островскій уѣздъ. Выпускъ I. Территорія, населеніе, землевладѣніе. Псковъ. 116+59+84.

— *Путеводитель (иллюстрированный) по этнографическому музею Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музея. I. Отдѣлъ иностранной этнографіи. II. Дашковскій этнографическій музей. М. 1910. Изд. 2-е. 109.

Радевъ, Ж. Картометрически приноси за изучване на България (Годишникъ на Соф. Унив. 1908—1909). София, 1910. 62.

Радловъ, Н. Э. Два черепа с о. Березани (съ 2 табл.) (ИзвАрКом, 37, 81—86).

—«Разнесеніе сыра» (ИКО, 1910, вып. 5, 503).

Описаніе обряда, сохранившагося въ с. Пальчиковѣ, Мензелинск. у., Уфимск. губерніи.

Райскій, П. Свѣдѣнія по исторической географіи Оренбургскаго края (ТрОренбАрхКом, XXV, 213—219).

— Раскопки на казацкихъ могилахъ при м. Берестечкѣ (ИзвАрхКом, приб. къ вып. 37, 211—214).

Рклицкій, М. Казаки Золотоношскаго уѣзда по даннымъ Румянцевской Описи 1767 года (оттискъ изъ Статист. Ежегод. Полтавск. Губерн. Земства на 1909 г.) 126+10 табл. Реценз.: **М. Порш** (ЗШ, 1910, кн. VI, 182—193).

— Родословіе дворянъ Смольяниновыхъ (ТрРязАрхКом, XXII/$_2$, 159—166).

Розаліевъ, П., свящ. Письмо къ Б. В. Зайковскому, съ добавленіемъ послѣдняго, о памятникахъ древности и о находкахъ предметовъ близъ с. Узморья, Новоузенск. у., Самарской губ. (ТрСаратАрхКом, XXVI, отд. I, 122—123).

Романовъ, Е. Р. Къ археологіи Сѣверо-Западн. края Россіи. Археологическій очеркъ Гомельскаго у. (ЗС-ЗОтдИГО, I, 97—128). Съ иллюстр.

— *Россія. Изд. А. Ф. Девріена подъ ред. **В. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго.** Т. XIX. Новороссія и Крымъ. Реценз.: (СМ, февр., 371).

Рудаковъ, В. Е. Археологическая дѣятельность гр. А. А. Бобринскаго (ИВ, мартъ, 1060—1068).

Рудаковъ, В. Е. Пятнадцатый археологическій съѣздъ въ Новгородѣ (ИВ, сент., 1110—1142).

— Руководство для описанія памятниковъ церковной старины Волынской Епархіи (ВолЕпВѣд, № 2, 31—33).

Рѣзанова, Е. И. Матеріалы по этнографіи Курской губерніи (Дѣтскія игры, Сороки и др. обычаи. Игрища и гаданья. Суевѣрія. Праздники и др. дни. Сказки) (ТрКурскАрхКом, I, 172—249).

Рѣзанова, Е. И. О курганахъ близъ с. Гочева, Обоянскаго уѣзда (ТрКурскАрхКом, I, 49).

Савеловъ, Л. М. Савеловы въ Курскомъ краѣ (съ приложеніемъ родословной) (ТрКурскАрхКом, I, 59—77).

Савеловъ, Л. М. Лекціи по Русской Генеалогіи, читанныя въ Моск. Археол. Институтѣ. Изд. Моск. Археол. Института (на правахъ рукописи). Полугодіе 1-е и 2-е. Реценз.: **В. К. Өеоктистовъ** (ТрСарАрхКом, XXVI, отд. I, 231—238).

— Сборникъ музея по антропологіи и этнографіи при Имп. Академіи Наукъ. Вып. IX. Спб. 41.

— *Сборникъ Новгородскаго Общества любителей древностей. Вып. V. Подъ ред. **М. В. Муравьева.** Новгородъ. XI+120+II+9+5+4+10+45+10+16+3.

—*Сборникъ (Нумизматическій). Т. I. Подъ ред. **А. В. Орѣшникова.** М. VII+714. Съ рис.+1 карта+24 табл. Ц. 20 р.

Селивановъ, А. Историческій Архивъ Комиссіи. Бумаги Василія Ивановича Лашевскаго (ТрРязАрхКом, XXXIV/$_1$, 81—87).

Селивановъ, А. Матеріалы для исторіи рода Селивановыхъ (ТрРязАрхКом, XXIII/$_1$, прил. 1—34).

Симеонъ, П. Ф. Кое-что объ остаткахъ древностей, находимыхъ въ Старицѣ и ея окрестностяхъ (ТвСт, апр., 3—7).

Соболевскій, А. И. Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи (Сб, 88 № 3, VI, 1—287).

***Соболевскій, А.** Холмская Русь въ этнографическомъ отношеніи. Харьковъ. 1910. 13.

***Собріевскій, А. С.** Князь Воронцовъ и наши архивы. (Докладъ). Ставрополь. 14.

Соколовъ, І., свящ. Церковная и бытовая старина въ Рязанской губерніи. Село Григорьевское, Зарайскаго уѣзда (ТрРязАрхКом, XXIII/$_1$, 46—51).

***Солосинъ, И.** Матеріалы для этнографіи Астраханскаго края. Ахтубинская долина. Краткій этнографическій очеркъ селъ, лежащихъ на верхнемъ теченіи Ахтубы. Спб. 1910. 34.

Сосновскій, К. П. Бумаги старыхъ лѣтъ по Курскому уѣзду (ТрКурск АрхКом, 2‥3—295).

Сосновскій, К. П. Городища и курганы въ бассейнѣ верхняго теченія р. Псела въ предѣлахъ Обоянскаго у., Курской губ. (съ прилож. археологич. карты и шести таблицъ) (ТрКурскАрхКом, I, 299—320).

— Списокъ алфавитный Казанской провинціи дворянамъ и прочимъ владѣльцамъ (1771—1773). (СбМатКазКр, отд. I, 1—37).

— *Списокъ матеріаловъ для составленія историко-географическаго словаря. Кіевъ. 30.

—*Списокъ населенныхъ мѣстъ Новгородской губерніи. Вып. VII. Тихвинскій уѣздъ. Составл. подъ ред. **В. А. Подобѣдова.** Новгородъ. 146.

— *Списокъ оттискамъ съ древнѣйшихъ русскихъ печатей Рижскаго городского архива, поднесеннымъ XV Археологич. Съѣзду въ Новгородѣ отъ Общ. ист. и древн. Прибалтійскаго края. Рига. 2.

Спицынъ, А. Торговые пути Кіевской Руси (СбПлат, 235—253).

Спульскій, Б. А. Замѣтка о Волынскихъ третичныхъ отложеніяхъ (Тр. Общ. Изслѣдователей Волыни, т. IV, 140—148 и 2 л. табл.).

Стеллецкій, Бор. Замокъ въ Клевани. Справка. (Съ планомъ и иллюстраціями) (ВИВ, 1910, № 11—12, 27—36).

Очеркъ родословной князей Чарторійскихъ. Исторія Клеванскаго замка. Опись Клеванскаго замка 1609 г.

Стеллецкій, И. Я. О признакахъ новой христ. катакомбы въ Крыму (ТрЦ-АрхОЛДПр, I, 98—105).

Столпянскій, П. Н. Систематическая опись дѣлъ Архива Оренбурской ученой архивной комиссіи. Указатель дѣламъ, касающимся народнаго просвѣщенія и промышленности Оренбургскаго края. Оренбургъ—Уфа, 1909. XVI+232. (ТрОренбАрхКом, XX).

Сѣцинскій, Е., прот. Музей Подольскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества. 2. Опись предметовъ старины. Каменецъ-Подольскъ. 1909. 105.

***Тарапыгинъ, Ѳ. А.** Замѣчательныя историческія сооруженія. Храмы, дворцы, памятники въ Москвѣ и Петербургѣ. Редакція **Б. Б. Глинскаго.** Спб. 4°. 72+6 таб.

рис. и 3 рис. Реценз.: **В. Р<удако>въ** (ИВ, іюль, 312—313).

Титовъ, А. Константинополь въ описаніи русскаго путешественника въ половинѣ XVIII вѣка (ДЧт, мартъ, 379—393; апр., 476—486).

***Титовъ, А.** Святыня и древности Ростова-Великаго. М. 25.

***Титовъ, А. А.** Ростовъ Великій въ его церковно-археологическихъ памятникахъ. М. 153+II. Съ рис.

Толстой, И. И., гр. Монеты Великаго Князя Василія Дмитріевича (1389—1425 гг.) (Отд. отт. изъ Зап. Нум. Отд., т. II). 4°. 84+5 табл.

Трojановић, С. Главни српски жртвени обичаjи (СЕЗб, 1911, кн. 17, 1—221).

Трофимовъ, К. Д. Раскопки кургановъ при деревнѣ Залахтовье-Кувшиново, Гдовскаго уѣзда. Съ 12-ю фототип. табл. (ЗМАИ, т. VII, VIII, 1—18).

— *Труды XIV-го археологическаго съѣзда въ г. Черниговѣ 1909. Подъ ред. граф. **Уваровой.** Т. III. М. 4°. VI+469+136. Съ рис.+10 табл. рис.

— *Труды Московскаго Предварительнаго комитета по устройству XV археологическаго съѣзда. М. 4°. 1 нен.+258+7 табл. Съ рис.

— *Труды Саратовской ученой Археол. Ком. Вып. 27—28. 1911. Саратовъ.

***Трутовскій, В. К.** Гулистанъ, монетный дворъ Золотой орды. М. 16.

***Трутовскій, В. К.** Что такое ногата? М. 4°. 18.

***Трутовскій, В. К.** Къ вопросу о русскихъ національныхъ цвѣтахъ и о типѣ Государственнаго Знамени Россіи. М. 15.

Тураевъ, Б. Скиѳія въ іероглифической надписи (СбПлат, 356—360).

Надпись на эль-масхутской стелѣ, открытой В. С. Голенищевымъ въ 1889 г. на бывшемъ Суэцкомъ перешейкѣ, воздвигнутой Даріемъ I въ память прорытія канала.

***Туровскій, Н. Г.** Очерки по исторіи и географіи Царицынскаго уѣзда. Царицынъ. 78.

Ушаковъ, А. Крестьянская свадьба конца XIX в. въ Старицкомъ уѣздѣ, Тверской губ. (ТвСт, янв., февр., 15—25, мартъ, 14—21, апр., 11—19, май, 7—15).

Флоринскій, Т. Д. Этнографическая карта западнаго Славянства и Западной Руси. По новѣйшимъ даннымъ составлена. Исполнена техникомъ В. Л. Войцѣховскимъ. Изданіе Спб. Славянскаго Благотв. Общества. Масштабъ 40 верстъ въ дюймѣ. Кіевъ.

Флоринскій, Т. Д. Славянское племя *(выше XIV/₁, 351)*. Реценз.: **F. R. G.** (Łozina) (Ruś, I, 112—114); **W. Christiani** (ZOEG, I, 269—271).

***Фляхъ, С. У.** Руководство для археологическихъ раскопокъ и обработки добытаго раскопками матеріала. По лекціямъ В. А. Городцова въ Моск. Археол. Институтѣ. М. 64 и 18 лист. рис.

Францевъ, В. А. Карты русскаго и православнаго населенія Холмской Руси съ статистическими таблицами къ нимъ. Варшава, 1909. XVI+48. Реценз.: **В. Гнатюк** (ЗШ, 1910, кн. VI, 210—212).

Хилинскій, К. Изъ археологіи Кіевской земли (СбПлат, 56—61).

Хованскій, Н. Ср. Проектъ Николаевскаго дома инвалидовъ въ Саратовѣ. — Къ характеристикѣ положенія у насъ архивнаго дѣла (ТрСарАрхКом, XXVII, 8, 1—8).

Хомяковъ, М. М. Гдѣ была старая Казань? (ИКО, 1910, XXVI/6, 625—639).

Хомяковъ, М. М. Къ вопросу о краніологическомъ типѣ бессермянъ Вятской губ. Антропологическое изслѣдованіе (= Матер. къ изученію Вятскаго края. Т. I. Вып. I). Казань. 12.

Хомяковъ, М. М. Этнологическая исторія Поволжья по новѣйшимъ литературнымъ даннымъ (съ приложеніемъ. Мерянскіе черепа коллекціи Бекаревича изъ Казанск. Анатомическ. Института). Казань. 36.

Хомяковъ, М. М. Задачи антропологіи на востокѣ Россіи (ИКО, XXVII/2, 113—131).

Хомяковъ, М. М. Этнологическая исторія Поволжья по новѣйшимъ литературнымъ даннымъ (ИКО, XXVII/1, 1—36).

— Хроника археологическая (изъ газетъ за 1-ю половину 1910 г.) (ИзвАрхКом, приб. къ 37, 1—205).

I. Дѣятельность ученыхъ учрежденій и обществъ. II. Музеи и архивы. III. Свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, памятникахъ древности, кладахъ и находкахъ. IV. Библіографія. V. Разныя извѣстія.

Цар Марко. Наше приморје. Дубровния, 1910. Реценз.: **М. С — ћ** (ЛМС, св. III, 73—74).

— «Чертежъ» города Витебска 1664 г. (ТрВитебскАрхКом, кн. I, 1—31 и 1 карта).

Чижовъ, С. Деньги великаго князя Димитрія Юрьевича Галицкаго. М. 1910. 18 и 1 карта.

***Чижовъ, С.** Непріуроченная монета удѣльнаго періода («Нумизм. Сб.» т. I). М. 1910. 19.

***Чижовъ, С. И.** Двѣ медали Парижскаго монетнаго двора съ портретами Петра Великаго и Александра I. М. 16+2 табл. рис.

Чернопятовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губ. *(выше XV/2, 400)*. Т. IV (XIII). Алфавитный списокъ гг. дворянъ съ указаніемъ мѣстонахожденій ихъ помѣстій въ Тульской губерніи. 1903—1910 гг. М. 1910. 2 нен. + 141 + XII. — Т. V (XIV). Ополченіе 1812 года. М. 1910. X + 204 + X. Реценз.: **В. Рудаковъ** (ИВ, май, 655—656).

***Чернопятовъ, В. И.** Некрополь Крымскаго полуострова (ЗМАИ, XI). М. 1910. 313 + VII. Реценз.: **В. Р<удако>въ** (ИВ, авг., 720—721).

Шахматовъ, В. А. О замѣчательной святынѣ въ родѣ гг. Шахматовыхъ (съ рис.) (ТрСарАрхКом, XXVIII, 7, 71—74).

Животворящій Крестъ съ мощами (1698 г.).

Шеленговскій, А. Рѣчные пути сообщенія въ древней Руси (ЧтО НЛ, XXII/1—2, отд. I, 4—5).

Шишковъ, С. Н. Родопскитѣ помаци. Имената помакъ и ахрянинъ въ Родопитѣ (РодНапр, 1910, VIII, 65—73; 1911, VIII, 209—214, 257—265).

Шмитъ, Ѳ. И. Новыя вѣянія въ археологической наукѣ на Балканскомъ полуостровѣ (ЖМНПр, іюль, отд. IV, 1—29).

Щегловъ, С. А. и Кротковъ, А. А. Вторая поѣздка въ с. Чардым

Саратовск. у., 14—16 мая 1910 г. (ТрСарАрхКом, XXVIII, 5, 43—49).

Щегловъ, С. А. Ахматскій и Увекскій синодики и помянникъ Саратовской Троицкой церкви — съ приложеніемъ данныхъ по исторіи Ивановскаго Увека (ТрСарАрхКом, XXVIII, 4, 25—41).

Щегловъ, С. Докладъ объ Ахматскомъ городищѣ (ТрСарАрхКом, XXVI, отд. I, 99—100). Съ 1 картой.

Щегловъ, С. А. Судьба реликвій Императора Петра I, хранившихся до 1872 года въ соборной церкви г. Петровска (ТрСарАрхКом, XXVI, отд. I, 246—251).

Яхонтовъ, С. Архивъ свящ. У. В. Добролюбова (ТрРязАрхКом, XXXIV/$_1$, 115—118).

Яхонтовъ, С. Архивъ дворянъ Лызловыхъ (ТрРязАрКом, XXIII/$_1$, 22—29).

***Albrecht, F.** Zur Besiedlung Westböhmens durch die Slaven bis zum Einsetzen der deutschen Kolonisation. Pilsen (Progr. Gymn.).

Anonymus, Deutscher Adel in Russland. (DE, 1910, IX, № 3).

Antl, T. Pohřeb telete pro učarování neúrody a krup r. 1700. (ČL, XX, 189).

B., M. Starodávné tresty v Orave. (ČMSlovS, XIV, 71—72).

Baštýř, V. Proti pověřě o dešti krvavém, sírovém. (ČL, XX, 186—187).

Bárta, V. Boží muka a dub u rodiště Jana Žižky. (ČL, XX, 331).

Barwiński, B. Z dziejów archeologii ruskiej. (WNA, 75—77, 90—92).

Biankini, A. Zločin i pijanstvo Hrvata i Srba u Sjedinjenim Državama. (MPDZag, XXXVII, 60—66).

Bieńkowski, L. T. Przyczynki do szudjów nad wartością pieniędzy w II. połowie XV w. (Sprawozd. VII. dyr. c. k. II. gimn. w Rzeszowie).

Bílý, J. Trestání vojákův za starodávna. (ČL, 1910, XX, 53—54).

***v. Bodisko, Alex.** Biographische Nachrichteu über den aus Holland über Petersburg nach Estland eingewanderten Zweig der Familie von Bodisco. Bewel, 1910. 39.

Boháč, A. Volné kapitoly ze statistiky Slovanstva (SlPř, XIII, 341—344, XIV, 7—11).

Bogusławski, E. Dowody autochtonizmu Slowian na przestrzeni, zajmowanej przez nich w wiekach średnich. (SprTNhist, IV, № 3, 55—57).

Božićević, J. Običaji u Sušńevu selu i Čakovcu. (ZbNŽ, 1910, XV, 204—254).

Brückner, A. Neuere Arbeiten zur slavischen Volkskunde. 1) Polnisch und Böhmisch. (ZVV, 1910, XX, 215—225).

Brunšmid, J. Kameni spomenici hrvatskoga narodnoga muzeja u Zagrebu. (Nastavak iz Vjesnika VII. str. 209—240, VIII str. 37—106, IX str. 83—184 i X str. 151—222.) (VHA, 1910/11, XI, 61—144).

Brunšmid, J. Nekoliko našašća novaca na skupu u Hrvatskoj i Slavoniji. (VHA, 1910/11, XI, 241—277).

Brunšmid, J. Rimski vojnički diplom iz Siska. (VHA, 1910/11, XI, 23—39).

Brzega, W. Materyały do poznania górali tatrzańskich II—III. (Lud, XVI, 392—409). IV. Symcio, Tatar.

Uwagami i słowniczkiem opatrzył **Fr. Krček**. (VII, 97—100).

Buchenau, Dr. Polskie czy obce? Mała polemika numizmatyczna. (WNA, 126—127).

Buchtela, K. a Niederle, L. Rukovět české archaeologie. Съ приложеніемъ: **Matiegka, J.** O tělesném rázu praehistorického obyvatelstva zemí českých. Praha, 1910. 110+XXV таблицъ. Реценз.: **X.** (ČMM, XXXV, 257—259); **J. Píč** (PAM, XXIV, 395—396); **F. Černý** (CMMZ, XI, 319—321).

Bulanda, E. Katalog grčkih vaza u bos.-herceg. zemaljskom muzeju u Sarajevu. (ГлЗМ, XXIII, 253—296).

Cercha, S. Pomnik Wojciecha Gasztolda w Katedrze Wileńskiej. (KwLit, I, 34—40).

Čermák, K. Naleziště pravěkých bronzů a jich tvary na Čáslavsku. (PAM, XXIII, 439—446).

Čermák, K. Mince král. českého za panování rodu Habsburského od roku 1506. Obrazovou část red. B. Skrbek. Pardubice, 1889—1909.

Černý, F. Příspěvky k praehistorii Moravy. (Pravek, 32—35).

Černý, A. B. Křížek královny Dagmary. (ČSPSČ, XIX, 16—18).

Černý F. Neolithické hroby u Zábrdovic. (Pravěk, 48—52).

Červinka, J. L. Kultura popelnicových polí na Moravě. (ČMMZ, XI, 30—68, 167—193).

Červinka, J. L. Moravské starožitnosti podle stavu dosavádníhu bádání a vlastních výzkumů. Díl II. Brno. Реценз.: **Píč** (PAM, XXIV, 396—397).

Červinka J. L. O keramice severské (nordické). (Pravěk, 18—31).

Chrzanowski, B. Do sprawy chat podcieniowych na Kaszubach. (Gryf, 1910, II, 51—52).

Chrzanowski, B. Na Kaszubskim brzegu. Poznań, 1910. 111. 160.

***Chrząński, S.** Tablice odmian herbowych. Wydal Juljusz hr. Ostrowski. Warszawa, 1909. 66+XXV tabl.

Čoka, F. Příspěvky ku květeně moravské. IV. (VKPP, 1910, 113—131).

Cz....ski. Ludność kaszubska w ubiegłem stuleciu. (Szkic spoteczno-kulturalny.) (Gryf, 36—57, 104—117).

Dębicki, L. Ziemia (Książka, XI, 49—52).

Отзывъ о новомъ этнографическомъ журналѣ «Ziemia», выходящемъ въ Варшавѣ.

***Demel, B.** Liczmany mennice zwane podskarbiówkami. Kraków—Warszawa. Реценз.: **M. G.** (WNA, 94—95).

Dolenský, A. Pohřeb za hrůzy morové rány v Praze r. 1582. (ČL, XVIII, 1908, 248—250).

Dotřel, J. «Lidé boží» na Náchodsku. Doplněk k článku Dra. Václava **Řezníčka.** (ČL, XX, 276—277).

Dvořák, R. Příspěvek ku květeně moravských ras (VKPP, 1910, 131—135).

Dvořák, S. Velikonoční obrázky jihočeské z okolí Milevska. (ČL, XX, 305—311).

***Dvořák, Max a Matejka, B.** Zámek Roudnický. Soupis památek historických a uměleckých. Sv. XXVII. V Praze, 1907. 308. Нѣмецкое изданіе 1910 года. Реценз.: **K. Guth** (ČČH, 1910, XVI, 420—421).

***Dziewulski, S.** Statystyka ludności gubernii Lubelskiej i Siedleckiej wobec projektu utworzenia gubernii Chełmskiej, Wyd. staraniem Red. «Ekonomisty», Warszawa, 1909, 38+карта. Реценз.: **В. Гнатюк** (ЗШ, 1910, кн. VI, 212—215).

Eisner, J. Latène v jihočeských mohylách. (Pravěk, 5—15).

Fabian, V. Cínové křtitelnice v pražských chrámech. (PAM, 1910, XXIV, 20—34).

Fabian, V. O vzniku lapidaria musejního. (PAM, 1910, XXIV, 170—178).

Fabian, V. Dva kusy palné zbraně (изъ XV в.) (PAM, 1910, XXIV, 186—189).

Fähnrich, V. Farní chrám Páně Narození P. Marie v Milíčíně. (PAM, XXIV, 370—376).

Felcman, J. Hromadný nález v katastru Nová Ves u Velími. (PAM, XXIV, 376—382).

***Franic, D.** Plitvička jezera i njihova okolica sa 19 fotografija, sa 9 historičkih i geografskih karata pa sa 3 vlastoručne crtarije Njeg. Veličanstva Fridrika Augusta II, saskog kralja. Lagreb. 1910. 440. Реценз.: **І. Ж.** (ЛМС, св. L, 63—66).

Fried, J. Jak se píkávalo. (ČL, XX, 446—448).

Friedensburg, F. Medal na wprowadzenie chrześcijaństva do Polski. (WNA, 33—34, 51—54).

von Gabnay. Ungarische Kopf- und Haartrachten. (Globus, 1909, XCVI, 73—76, 89—93).

Касается также словацкихъ и сербскихъ причесокъ.

***Garfein-Garski, St.** Zagadmenie polskiej filozofji narodowej, Warszawa, 1910, 18. Реценз.: **A. Lieleńczyk** (Książka, XI, 103—104).

Gawełek, F. Palma, jajko i śmigus w praktykach wielkanocnych ludu polskiego. (Lud, XVII, 15—39).

Gozdawa, M. Kimbarówka. (KwLit, 1910, I, 4, 25—40).

Названіе мѣста на Литвѣ.

Grzebieniak, W. Chaty włościańskie okolic Dubiecka w pow. przemyskim. (Lud, XVI, 364—371).

Gumowski, M. Monety saskopolskie. (WNA, 56—57, 176—192).

Gumowski, M. Muzeum hr. Czapskich w 1910 r. (WNA, 133—136).

***Hadaczek, K.** Album przedmiotów wydobytych w grobach cmentarzyska ciałopalnego hało Przeworska. Lwów, 1909. Реценз. **L. N.** (Pravěk, 71—72).

Halaša, A. Príspevky k miesto a narodopisu východných slovenských stolíc. (Pokračovanie). IX. Zlate. (ČMSlovS, 12—15). X. Vel'ka Brežnica (39—41).

Halecki, O. Mościc ze Stęszewa, kasztelan poznański i jego ród. (MHer, IV, 15—21).

Heimfelsen, J. Die deütschen Kolonien in Bosnien. Wien.

— *Herbarz polski. T. XIII, zeszyt IX—X. Warsz. 4°. 321—400+IV. T. XIV. Zeszyt I—III Warsz. 4°. 1—120.

Hniłko, A. Mennica krakowska w rękach Szwedów w r. 1655—1657. (WNA, 117—119).

Holub, B. O bývalých plátýnkářích v Nové Kdýni. (ČL, XX, 442—446).

Holuby, I. L. Z prechádzky Pezinkom a jého najbližším okolím. (SlP, 1910, XXX, 350—366).

Homolka, F. Rozšíření písní umělých mezi lidem českým (ČL, 1910, XX, 31—35, 91—93, 172—176 1911, XX, 282—286, 412—415).

Horák, B. Příspěvky k středověké geografii na základě kroniky Kosmovy. Plzeň 14.

Horský, E. Studie prof. Karla Rozuma o lidovém pečivu na Rouduicku. (ČL, 1910, XIX, 448—451).

Horušická, J. Svatba na Slovensku. (ČL, XX, 287—289, 417—419).

Horvat, R. Franjevočki samostan u Koprivnici (VLA, XIII, 151—173).

Hrubý, F. M. Lidová výzdoba kovářská a kolářská na moravském Šternbersku. (ČL, XX, 168—171).

Jacobson, G. D. Popielnica twarzowa ozdobna z Grabowa (LTNT, 1910, 206—212).

—*Jahrbuch des Bukowiner Landes—Museums 16 Iahrg. Czernowitz, 1909. 4°. 63. Реценз.: **М. Кордуба** (ЗШ, 1910, VI, 166—168).

Janowicz. Muzeum Kaszubskie w Wdzydzach (Gryf, 1911, 207—210).

***Jaworski, Fr.** Lwów stary i wczorajszy. Lwów, 1910, 480, Реценз.: **І. Крипякевич** (ЗШ, 1910, кн. VI, 176—178).

Jaworski, F. Medaliony polskie zbiór rodziny Przybysławskich. Lwów, 1911, 150, XXI таб. Реценз.: **K. Hartleb** (PwN, XXXIX, 380—382).

Jelínek, J. V. Kroj Slováků Kopaničáru na panství Světlovském. (ČMMZ, XI, 1—10).

Jelínek-Bojkovský, J. Kulturní statistika ze Světlovska. (Z dob úřadů patrimoniálních.) (SA, VIII, 1—12).

Jenč z Kluče, J. A. K prašenju wo póhanskich kultnych městnach Hornjeje Łužicy (ČMS, LXIV, 1—21).

***Jura, A.** Przedhistoryczne dzieje Polski. Kraków. 1910. 110.

Kardossová, D. Lúdové vyšívanie v Orave. (ČMSlovS, XIV, 33—34).

Karge, P. Das russische Archivwesen. I. (ZOEG, I, 225—240).

Karlowicz, M. W Tatrach. Kraków, 1910, 82. Реценз.: **A. E. Balicki** (PgPol, CLXXIX, 370—371).

Kemura, S. S. Sarajevske džamije druge javne zgrade turske dobe. (ГзЗМ, XXIII, 175—207).

Klein, F. Kraków. Kraków, 1910. VIII+95. Реценз.: **K. Kaczmarczyk** (KwH, 1910, XXIV, 630—633).

Klimeš, J. Lid a škola v Istrii. (PR, XXIV, 261—264).

Klvaňa, J. Duležité vyobrazení kroju moravských z r. 1837. (NárV, 1910, V, 153—164).

Klvaňa, J. Mánesovy československé studie ethnografické. (ČMMZ, XI, 212—237).

Klvaňa, J. a Fintajsl, F. Popis okresního hejtmanství kyjovského. Kyjov, 1910. Реценз. **F. Šujan** (ČMML, XI, 311—312); **J. Ulehla** (PR, XXIV, 704—705).

Koczwara, J. Wierzenia ludowe w Małych Kończycach, koło Zebrzydowie na Sląsku. (Lud, XVII, 60—71).

Kopera, F. Słowo o medalu Padovana z popiersiem Izabelli Jagiellonki z r. 1532 w Modenie. (WNA, 65—66).

Kościesza, B. Wiadomość o wycofaniu z obiegu polskiej monety porozbiorowej w guberniach południowo-zachodnich. (WNA, 149—151).

Kosieradzki, S. Neopisane monety i medale. (WNA, 77—79).

Kosiński, W. Parodye i żarty w rzeczach religijnych. (MatAEK, 1910, XI, 107—115).

Kosiński, W. Widowiska świąteczne w Makowie, Kalwaryi i Zebrzydowicach. (Lud, tom XVI, 374—392).

Košťál, J. Pověry a zvyky při prádle. (ČL, XX, 273—274).

Kovář, F. Čtvrtý příspěvek ku květeně lišejníků moravských (VKPP, 1910, 17—57).

Kozłowski, L. Sprawozdanie tymczasowe z poszukiwań archeologiczno—przedhistorycznych w darzeczu Przemszy i Dłubni. (SprTNhist, IV. № 1, 42—47).

Kozłovski, S. A. Przyczynek do rodowodu Stanisława Augusta Paniatowskiego, króla polskiego. (MHer, IV, 48—50).

Kozubowski, W. Piotr i Pawel Seel, solnogrodzcy rytownicy i ich szkola. (WNA, 1—2, 20—22, 36—39).

Krmpotić, I. Iz osičke opčine u Lici. (ZbNŽ, XVI, 156—158).

Kuffner, J. O pamětech Fr. Haise, pražského kolovrátkáře a písničkáře. (ČL, XX, 353—357).

Kyzour, I. V ovzduší «Babičky» a Jiráskových «U nás» a «Na dvoře vévodském». (ČL, 1910, XX, 24—30).

Laszowski, E. Grbownica za Luku Gaudencija Dubrovčanina od godine 1488. (VZA, XIII, 188—189).

Laszowski, E. Ključ nekog tajnog pisma XV. vijéka. (VZA, XIII, 61).

Laszowski, E. Knezovi Subići Zrinski kao mletački plemiči. (VZA, XIII, 45—53).

Leśniewski, W. Jeziora w guberni Witebskiej, (powiat Newelski). (PamFiz, XXI, 1910, II, 5—22).

Lisertova, M. Proti ohňům svatojanským r. 1794. (ČL, XX, 421—427).

Łodyński. M. Pakosław Lasocic i Pakoslaw Wojciechowicz. (MHer, 1911, IV, 65—69).

Loth, E. Przyczynck do kramiologji polskiej. (MatAEK, 1910, XI, 1—64). Рец.: **K. Stołyhwo** (Książka, XI, 54—55).

Lubicz, L. A. Mitologja słowiańska, podług Naruszewicza, Leleweła, Boguslawskiego, Brücknera i Gruszewskiego. Warszawa. 182.

***Lužická-Srbová, V.** Z dějin vývoje ženských prací ručních v Praze. (Sborník Lady, IX, 393—400, 469—473, 495—502, 521—522).

M. Wystawa ludoznawsza keszubsko-pomorska w Kościerzynie. (Gryf, III, 153—156).

Majkowski. Chaty podcieniowe w Skorzewie. Przyczynek do historyi budownictwa ludowego na kaszubach. II. (Gryf, 198—203).

Mańkowski, H. Die Adrentskurrende und die Jutzuia in Masuren. (LVV, 1910, XX, 326—327).

Matiegka, J. Jak byla rozřešena otázka o nálezu pozůstatků Žižkových? (NL, č. 64).

Matoš, A. G. Naši ljudi i krajevi. (Portreti i pejzaži). Zagreb, 1910. Реценз.: **Марко Цар** (ЛМС, св. 9, 63—68).

***Mekicki, R.** Medale grunwaldzkie. Lwów. 36.

Melichar, I. Hádanky z Valašska. (ČL, XX, 23—24).

Miłkowski, L. (T. T. Jez) Z archiwów muzealnych polskich w Rapperswilu. (Sfinks, XV, 229—259).

Mišík, St. Bájočný vták noh čiže gryf. (ČMSlovS, 1—2).

— Mitteilungen des statistischen Landesamtes des Herzogtums Bukowina, Czernowitz, Heft XI—XIII. Реценз.: **M. Кордуба** (ЗШ, 1910, кн. VI, 169—172).

Murko, M. Rodoljubna knjiga brez rodoljubja. (Martin Žunkovič, Die Slaven...) (Veda, I. 266—273).

Nałkowski, W. Polska gieografja dozwolona. (NTory, 1910, V, 2, 436—442).

Niederle, L. O prvotním zemědělství u českých Slovanů. (Pravěk, 1—4).

baron Nopcsa, F. Aus Šala und Klementi..... (*выше XV/₃, 385*). Реценз.: **V. Corović** (AslPh, XXXII, 607—612).

Nosek, F. Odhad čili šacunk selských statků l. 1652. (SA, VIII, 105—111).

Novák, J. Přírodní podmínky pro lidská sídla v pravěku. (ObPr, II, 5—8).

Novák, A. Národní pohádky (NL, № 285—15 окт. н. ст.).

Obst, J. Nasze dwory wiejskie. (KwLit, 1910, III, 95—124).

Papáček, P. Nové archaeologické nálezy v Rusku. (ČSPSČ, XIX, 29—36).

Pessler, W. Die Grenzen des deutschen Volksbodens gegen die Slaven und Madjaren. (DE, 1909, VIII, 199—201).

Petrikovich, J. Postup rozmnožovania sa numizmatickej sbierky Muzeálnej slovenskej spoločnosti z roku 1910. (ČMSlovS, 15—16).

Picbauer, R. Příspěvek ku květeně moravských hub. (VKPP, 1910, 57—91).

***Pick, K. und Schmid, W.** Die römische Savebrücke bei Črnuče. (Laib. Ztg. 4 Мая 1911 г.). Реценз.: **M. Pajk** (Carn, II, 321—322).

Pick, K. O čolnih na Savi in na Ljubljanici. (Carn, II, 172—174).

Podpěra, J. Doplňky ku květeně moravské. (ČMMZ, XI, 238—253).

Polívka, G. Neuere Arbeiten zur slavischen Volkskunde. 2) Südslavisch. (ZVV, 1910, XX, 411—428).

Pospíšil, F. Mečový (zbrojný) tanec na slovanské půdě. (NárV, VI, 25—56).

***Prants, H.** Soomesugu rahwad Wenerügi rajamisel. Kalewipoia jubileumi austamiseks. Ревель. 80.

Прантсъ, Г. Финскія племена во время основанія Россіи.

Prasek, V. Chytil, M. Naše pluhy. (SA, VIII, 130—132).

***Procházka, K.** Lid český s hlediska prostonárodně náboženského. Praha, 1910. 224.

Prusík, B. Uřední otázky při zřizování katastru p. 1784. (ČL, XX, 335).

— Przewodnik po wysławie ludoznawczej kaszubsko—pomorskiej w Kścierzynie 1911 roku od 25 czerwca do 23 lipca. Nakladem Komitetus Wystawowego w Kościerzynie. Drukiem «Pracy» w Poznaniu стр. 39, 8°.

Przybysławski, K. Ozdoby srebrne znajdywane przy montsach średniowiecznych. (WNA, 39—40).

ks. Puzyna, J. O pochodzeniu kniazia Fedka Nieświzkiego. I. Tożsamość Fedka Nieświzkiego z Fedkiem Korybutowiczem (MHer, IV, 6—15, 43—47, 74—82).

Rechowicz K. Sztuka budowania z drzewa w okolicy Skolego. (Lud, XVII, 1—14).

Řezníček, V. O vzniku a zániku «jiřinkovych slavností» v České Skalici. (ČL, XXI, 5—17).

Ríznerová-Podjavorinská, L. Zdvorilost a pohostinnost u Slovákow. (ČL, XXI, 42—47).

Rypáček, F. J. Přispěvek k lékařství prostonárodnímu. (ČMMZ, XI, 193—202).

Sawicki, L. Nove muzeum etnograficzne na ziemiach polskich. (Lud, XVI, 419—425).

Seefried-Gulgowski, E. Kaschubische Hausindustrie. Auf Anregung des Deusschen Vereins für ländliche Wohlfahrts- und Heimathpflege. Реценз.: **ks. Kujot** (ZTNT, II, 61—63).

Seidla, J. Opis Kaszub p. t. «Das Land und Volk der Kassuben». (Gryf, 5—12).

Siblík, J. Hroby žárové a mohyly s rázem latěneským u Chlumu.—Bezdědovic na Blatensku. (PAM, 1910, XXIV, 141—150).

Šimek, J. Zajimavé náhrobníky v okolí Kutnohorském. (PAM, 1910, XXIV, 138—140).

Slaski, B. Z wierzeń i gwary ludu wodnego. (Lud, XVII, 74—76).

Slaski, B. Opis zachodniego pogranicza Polski według lustracyi z r. 1564/5. (ZTNT, II, 49—53).

Smólski, G. Ludność pierwotna czterech krajów «czysto—niemieckich». (SSł, 1910, I, 8—27).

***Šnajdr, L.** Hradiště Lhotické u Nasavrk. (Pravěk, 15—17).

Soukup, F. Dítě českého jihovýchodu a jeho výdělečná práce. 98. Реценз.: **A. Valenta** (PR, XXIV, 875—878).

Sokolnicki, M. Muzeum w Rapperswilu. (BiblWarsz, 514—530).

Soukup, J. Houpačka na den sv. Petra a Pavla. (ČL, XX, 401—403).

***Stephan, W.** Die Strassennamen Danzigs. Mit einem Stadsplan. Danzig, 1911. Реценз.: **ks. Kujot** (ZTNT, II, 60—61).

Stodola, E. Statistika Slovenska. Stav ludnatosti. (SlP, XXXI, 22—38, 65—82, 130—145, 193—210, 257—273, 321—335, 385—397).

Stołyhwo, K. Poszukiwania archeologiczne w Zameczku w Radomskiem (SprTNhist, IV, № 1, 16—21).

Štorch, E. Výklad nejstarších dob lidských dějin. Metodická rozprava o reformním dějepise. (PR, XXIV, 242—246, 358—363, 466—477).

Strnad, I. Nejstarší místopis Plzně do válek husitských. (Отд. отт. изъ «Sborník městského histor. musea v Plzni, 1909). Реценз.: **J. Volf** (PAM, 1910, XXIV, 61).

Šubrt, J. České menšiny, v severo-východních a východních Čechách. S dodatkem: Roztroušené německé menšiny. Praha, 1910, 410. Реценз.: **A. Boháč** (NárV, VI, 56—60).

Švehla, J. Nádoby s nápisy z Ústí Sezimova a Kozího Hrádku. (ČSPSČ, XIX, 9—14).

Švejkar, I. Psí daň na Bechyňsku do r. 1850. (ČL, 1910, XIX, 474).

***Sygański, I.** Z życia domowego szlachty sandeckiej w epoce dynastyi Wazów. Z 15 rycinami. Lwów, 1910. Реценз.: **I. B.** (BiblWarsz, 1910, sierpień, 381—383).

Szabo, D. Prilozi za povjesnu topografiju požeške županije. (VHA, 1910/11, XI, 40—60).

Szukiewicz, W. Wierzenia, przesądy i zabobony ludu naszego. (KwLit, 1910, I, 4, 111—124).

Szulc, S. Przeżytki w baśniach. (Lud, XVII, 40—59).

Š., J. Starožitnosti baňskobystrickej diecézy a nebohý biskup Ipołyi. (ČMSlovS, XIV, 55—56).

Teglás, G. Zur Frage nach der ersten Besatzung Daciens. (Hermes, 1909, XLIV, 618—621).

Teplý, F. O mocných modlitbách a požehnání proti bouřce. (ČL, 1910, XIX, 429—423).

Tomíček, A. O soukenictví a obchodu se sukny za století 15. v Litomyšli. (ČMKČ, 1910, LXXXIV, 17—19).

Traub, N. Zápověď dovozu cizí soli do zemí koruny České za Maximiliana II. z r. 1564. (ČMMZ, XI, 300—301).

Truhelka, C. Tursko—slovjenski spomenici dubrovačke arhive. (ГлЗМ, XXIII, 1—162, 303—350).

Tymieniecki, S. Zarysy do dziejów mennic koronnych Zygmunta III. w XVI wieku. (WNA, III, 22—23, 35—36, 49—51, 105—107).

Tvrdý, J. Vyškovské kručiřské cechovní artykuly z roku 1656.. (ČMMZ, XI, 254—265).

Tvrdý, J. Výškovská keramika a jeji vývoj. (NárV, VI, 73—87).

Václavek, M. Jména zvířat domácích na Valašsku. (ČL, XX, 292—294).

Válek, J. Poznámky k mapě morav. Valašska. (ČMMZ, IX, 109—130, 194—211; X, 133—146, 289—304; XI, 123—135, 282—288).

Vaněk, V. Loućeni Syna Božího s Matkou Marii na Zelený čtvrtek v lidovém obřadu naboženském. (ČL, XX, 314—316).

Vansová, T. Krstiny. Obrazek ze Slovenska. (ČL, XX, 39—41).

Veselý R. Táborské kancionály. (ČMKČ, 1910, LXXXIV, 8—16).

Vlačiha, K. Výsledky badání na Královském Vyšehradě od roku 1888 až do nynejší doby. (PAM, 1910, XXIV, 150—159).

Vyhlídal, J. Hanácké děti. Brno 1909. 165. Реценз.: **J. V. Vykoukal** (NárV, 1910, V, 70—71).

Vykoukal, A. Vánoční návštěva na Slovanech. (ČMKČ, LXXXV, 61—67).

Walter, O. Ein Denkmal des Mercultes in Sophia, Athen. (Mitteil, XXXV, 1910, 139—148).

Wawrzeniecki, M. Współczesne zewnętrzne strony życia ludu w Guberniach: Kieleckiej, Radomskiej, Piotrkowskiej, Warszawskiej, części Siedleckiej i Lubelskiej na podstawie 30-letnich wlasnych badań. Kraków, 20. Реценз.: **M. Treter** (Lud, XVI, 412—413).

Wierzbowski T. Vade mecum. Podręcznik do studyów archiwalnych. Реценз.: **I. Крипякевич** (ЗIII, 1910, кн. VI, 173—174).

Wirth. Rd. Pražské zahrady. (Knihovna Svazu českých spolku pro okrašlovàní a ochranu domoviny. Sv. 3.) Praha, 1910. Реценз.:—(VP, XV, 75).

Witowt, W. Bugaj. (Lud, XVII, 72—74).

Wrycza, X. I. Coś niecoś o przydomkach szlachty kaszubskiej (Gryf, III, 123—125).

Zachar, A. Die Bevölkerung des Herzogtums Bukovina nach dem Berufe veröffentlicht von A. Z. Teil I—II. Czernovitz 1908 — 1909, XVIII+225+XIX+326, Реценз.:

M. Кордуба (ЗШ, 1910, кн. VI, 169—172).

Zachar, A. Die Ergebnisse der Volks-und Viehzählung vom 31. Dezember 1900 im Herzogume Bukowina. Czernowitz, 1907, CCL+77+XLIV+26. (Mitteil. des statist. Landesamtes des Herzogt. Bukowina, Hert, XI). Реценз.: **M. Кордуба** (ЗШ, 1910, кн. VI, 169—172).

Zíbrt, Č. J. A. Komenský, znalec lidového podání českého (ČL, XX, 338—346, 366—376).

Zíbrt, Č. Kříž v bukovém poleně nalezený od Dr. M. Kottnera v Melevsku r. 1911. (ČL, XX, 440—441+6 фотогр. карточекъ).

Zíbrt, Č. Literatura kulturněhistorická a ethnografická 1910—1911. (ČL, XX, 383—400, 459—477, XXI, 57—64).

Zíbrt, Č. «Masopust držíme....» Praha 1910. Реценз.: **F. V Vykoukal** (NárV, VI, 20—21).

Zíbrt, Č. Na Moravském Slovácku. (ČL, XX. 4—17).

Zíbrt, Č. Na tom našem dvoře... Obřady a zábavy při slavnostní odpravě kohouta, housera, kačera, beránka, kozla a vepřka. Praha. 79. Реценз. **J. V.** (PAM, XXIV, 399—400).

Zíbrt, Č. Praktické využití studia lidového umění. (Nové hračky Hořickéko družstva). (ČL, XX, 132—137).

Zíbrt, Č. Promluvy na cechovní schůzi krejčovské za starých časů. (ČL, XX, 419—421).

Zíbrt, Č. Staročeský obyčej strojiti pečivo zahrada velikonocní. (ČL, XX, 311—314).

Zíbrt, Č, Studie Dra. Fr. Weinera o Výškovské keramice. (ČL, XX, 257—272).

Zíbrt, Č. Toč se a vrč kolovrátku... Obrázky z přástek bývalých. Praha 1909, 56. Реценз.: **F. V. V.** (NárV, 1910, V, 83).

Zíbrt, Č. V. Kozmánek skládal lístky na květnou neděli 1650—2. (ČL, XX, 332—335).

Zíbrt, Č. Staročeský rukohled a novočeský rukozpyt. (Svět. knihovna č. 819—821.) Praha, 223, 8°. Реценз.: **O. Hujer** (LF, XXXVIII, 381—384).

Zíbrt, Č. Veselé chvíle v životě lidu českého. VI svazek. Den se kráti, noc se dlouží. Praha, 1910.

Содержаніе этой книги и съ нѣсколькими иллюстр. въ ČL, 1910, XX, 119—128.

Zíbrt, Č. Výjevy z pražské velikonoční fidlovačky od umělce B. Knüpfera, ve vlnách mořských zahynulého (ČL, XX, 318—327).

Zíbrt, Č. Výzdoba východočeských psaných modliteb. (Se 46 vyobrazenimi). (ČL, XX, 71—88).

Zíbrt, Č Život lidu českého na divadle 1785. (ČL, XX, 99—105, 177—186).

Zíbrt, Č. Cedule komediantů a zvěřinců kočujících v zemích českých před sto lety. (ČL, XXI, 24—40).

Zubrzycki, I. Styl nadwiślański. 238 rysunków i karta tytułowa. Kraków, 1910.

Želízko, I. V. Příspěvky k předhistorii jižních Čech. (PAM, 1910, XXIV, 12—20).

Žic. I. Vrbnik (na otoku Krku). Narodni život i običaji. (ZbNŽ, 1910, XV, 161—203).

—Nález kostí lidských v kostele sv Petra a Pavla v Čáslavi, jež pokládány za pozůstatky Jana Žižky z Trocnova. (PAM, XXIV, 201—328, таб. XII—XVII).

Žunkovič, M. Die Slaven, ein Urvolk Europas. VI Ausgabe. Mit einer Karte als Beilage. Wien, VI+373+2.

Б. Русская исторія.

***Аваліани, С. Л.** Бумаги профессора А. Е. Назимова. Съ предисловіемъ проф. **И. А. Линниченко.** Одесса. VII+94.

Авіе, В. А. Памятные дни (Воспоминаніе очевидца) (ИВ, мартъ, 958—986).

1905—906 г.г. въ г. Владикавказѣ и его окрестностяхъ.

Адамовичъ, Б. Сб. военно-ист. матер. л.-гв. Кексгольмскаго... полка (*выше XVI/₁, 303*). Т. I, II, III. СПБ. 1910. XII+406, V+507, VI+528. Реценз.: **М. С.** (ИВ, апр. 304—305).

— Акты, документы и матерьялы 1812 г. *(выше XV/₃, 387).* Т. II. Балтійская окраина въ 1812 г. Спб. 4-е. LIII+573+IX и 10 табл. (=СбРИО. Т. 133). Реценз.: **Б. Глинскій** (ИВ, май, 638—646).

— Акты, издав. Виленскою коммиссіею (*выше XIV/₄, 345*) т. XXXV. (1671—1789).Инвентари староствъ, имѣній, фольварковъ и деревень за вторую половину XVIII вѣка. Вильна. 1910. 4⁰. XXXII+624.

— Самооправданіе имп. **Александра Павловича** въ письмѣ къ велик. кн. Екатеринѣ Павловнѣ. (РА, 303—309).

Перев. съ франц. изъ переписки имп. Александра Павловича, изд. Вел. Кн. Николая Михайловича.

— Матеріалы по Смутному времени на Руси XVII в., собр. проф. **В. Н. Александренко.** (СтарНов, XIV, 185—453). Приложеніе къ матеріаламъ (ib. 524—545).

Алексѣевъ, Н. И. Краткій историческій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска. Оренбургъ, 1910, 32.

Алексѣевъ, В. П. Секретные комитеты при Николаѣ I. (ВелРеф, II, 194—208).

Алексѣевъ, В. П. Яковъ Александровичъ Соловьевъ. (ВелРеф, V, 56—61).

Альбовскій, Е. Зимній походъ. (По архивнымъ источникамъ). (ВМ, мартъ, 54—72).

Обратный походъ 2-го пѣхотнаго корпуса зимою 1829 г.

Андерсонъ, В. Сказанія иностранцевъ о Казани (Ико, XXVII/₁, 86—100).

IV. P. Artamof et I.—E.—D. Armengaud. Продолженіе сказаній, начатаго Н. Ѳ. Катановымъ въ XIX т. ИКО (стр. 277—285).

Андреевъ, А. Исторія Россіи въ памятникахъ (862—1911 г.) М. 4-е. 18 стр. рис.+3 стр.

***Анисимовъ, Н. В. и Зиневичъ, А. К.** Исторія Русской Арміи. Эпоха Петра Великаго 1699—1762. Чугуевъ. 86 и 4 табл. Ц. 90 к.

Апухтинъ, В. Р. О формированіи Петромъ I-мъ новоприборныхъ солдатскихъ полковъ. (СбНовгОбщ ЛюбДр, вып. II, 15—16).

(Продолженіе слѣдуетъ).